ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCV.

1896.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.
1896.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія 3

В. И. Модестовъ. Образованіе римской расы и условія римскаго величія . 1

Д. Н. Кудрявскій. Пріемъ почетнаго гостя по древне-индійскимъ правиламъ домашняго ритуала 28

Н. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (*продолженіе*) 61

Критика и библіографія.

В. Н. Ренненкампфъ. *Н. М. Коркуновъ.* Пропорціональные выборы. С.-Пб. 1895. . . . 98

Н. Д. Чечулинъ. *Simon Askenazy.* Die letzte polnische Königswahl. Inaugural-Dissertation. Göttingen. 1894 111

Д. П. Никольскій. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. *Ф. Мортенсъ.* Томъ XI трактаты съ Англіею. 1811—1831. С.-Пб. 1895 117

Е. Ѳ. Карскій. Новые труды по бѣлорусской этнографіи (за 1895 г.) 153

Н. Я. Новое сочиненіе по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу . . 163

Ѳ. Ѳ. Зигель. *W. R. Morfill.* The story of Poland. New York G. P. Putnam's sons. London. T. Fisher Unwinn. 1893 . 195

— Книжныя новости. 216

— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздкѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (*продолженіе*) . 1

— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ) 39

Современная лѣтопись.

— Московскій Публичный и Румянцевскій музей въ 1892—1894 годахъ . . 1

А. К. Бороздинъ. А. И. Незеленовъ (*некрологъ*) 6

С. Л. Пташицкій. О. А. Бершадскій (*некрологъ*) . 9

В. Д. Смирновъ. И. Н. Березинъ (*некрологъ*) 29

— А. Н. Трубоpовъ (*некрологъ*) 35

Отдѣлъ классической филологіи.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій. О Софоклѣ-врачѣ. . 49

М. Н. Ростовцевъ. Двѣ метрическія надписи изъ Филиппополя 63

Ѳ. Г. Мищенко. Этнографія Россіи у Геродота 69

Р. Х. Леперъ. Тридцать тирановъ 90

Въ приложеніи.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики . 273

Объявленія.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го мая).

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCV

1896.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 97.
1896.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (10-го ноября 1895 года). *Объ учрежденіи двухъ стипендій имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Опочецкомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 10-й день ноября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе двухъ стипендій имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Опочецкомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти пятьдесятъ* руб., пожертвованнаго на сей предметъ Опочецкою городскою думою.

При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

2. (10-го ноября 1895 года). *Объ учрежденіи при Юрьевскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 10-й день ноября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Юрьевскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ стипендіи на проценты съ капитала въ 150 рублей, пожертвованнаго членами педагогическаго совѣта названнаго училища въ ознаменованіе дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

Библиотека "Руниверс"

3. (10-го ноября 1895 года). *О переводѣ въ Тульскую гимназію трехъ стипендій, учрежденныхъ при упраздненной нынѣ Бѣлевской прогимназіи.*

Бѣлевская городская дума, въ виду закрытія съ 1-го іюля 1895 года Бѣлевской прогимназіи, обратилась съ ходатайствомъ о переводѣ въ Тульскую гимназію трехъ учрежденныхъ при этой прогимназіи стипендій, одной—имени Василія и Сергѣя Сорокиныхъ и двухъ стипендій, учрежденныхъ въ память священнаго коронованія въ Бозѣ почивающаго императора Александра III и государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ тѣмъ, чтобы право пользованія этими стипендіями было предоставлено дѣтямъ бѣднѣйшихъ жителей города Бѣлева и Бѣлевскаго уѣзда, которыя будутъ обучаться въ Тульской гимназіи, и чтобы, въ случаѣ открытія въ гор. Бѣлевѣ, вмѣсто упраздненной прогимназіи, другаго соотвѣтствующаго оной учебнаго заведенія, стипендіи были переведены въ сіе послѣднее. Принимая во вниманіе, что означенныя стипендіи были учреждены съ Высочайшаго разрѣшенія, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на удовлетвореніе изъясненнаго ходатайства Бѣлевской городской думы.

Государь Императоръ, въ 10-й день ноября 1895 годъ, Высочайше на сіе соизволилъ.

4. (19-го декабря 1895 года). *Объ учрежденіи стипендіи Высочайшаго имени при общежитіи Братства св. Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день декабря 1895 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при общежитіи братства св. Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи стипендіи Высочайшаго имени на проценты съ капитала въ 4.250 руб., пожертвованнаго на этотъ предметъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Митрофаномъ Рукавишниковымъ.

При этомъ Его Величеству благоугодно было повелѣть благодарить.

Библиотека "Руниверс"

5. (29-го января 1896 года). *О преподаваніи ручнаго труда въ нѣкоторыхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преподаваніи ручнаго труда въ нѣкоторыхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, Высочайше утвердать соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преподаваніи ручнаго труда въ нѣкоторыхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить съ 1-го іюля 1896 г.: а) въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ учительскихъ институтахъ по одной должности преподавателя ручнаго труда, съ присвоеніемъ ей всѣхъ правъ и преимуществъ, кои предоставлены другимъ преподавателямъ сихъ институтовъ, и по одной должности помощника преподавателя ручнаго труда, съ присвоеніемъ ей IX класса по чинопроизводству, IX разряда по шитью на мундирѣ, оклада содержанія въ 1.050 руб. въ годъ и пенсіи по учебной части наравнѣ съ преподавателями спеціальныхъ предметовъ въ ремесленныхъ училищахъ (п. 17, ст. 362, уст. пенс., св. зак. т. III, по прод. 1893 г.) и б) въ Виленскомъ, Глуховскомъ, Казанскомъ и Тифлисскомъ учительскихъ институтахъ и въ Волчанской, Новобугской, Бѣльской и Благовѣщенской учительскихъ семинаріяхъ—по одной должности преподавателя ручнаго труда, съ присвоеніемъ ей служебныхъ правъ помощниковъ преподавателей въ столичныхъ учительскихъ институтахъ (п. а).

II. На расходы по организаціи и преподаванію ручнаго труда въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ ассигновать ежегодно, начиная съ 1897 г. по *четырнадцати тысячъ четыреста пятидесяти* рублей, со внесеніемъ сего расхода въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1896 г. отпустить по смѣтѣ сего года на указанный предметъ *семь тысячъ двѣсти двадцать пять*

Библиотека "Руниверс"

рублей на приспособленіе въ сихъ заведеніяхъ помѣщеній для обученія ручному труду.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (26-го февраля 1896 года). *Объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Императорскаго Варшавскаго университета.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ устава Императорскаго Варшавскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ дѣйствующаго устава Императорскаго Варшавскаго университета, объ упраздненіи одной должности помощника секретаря совѣта и правленія и объ учрежденіи при томъ же университетѣ должности секретаря правленія, мнѣніемъ положилъ:

I. Упразднить въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ одну должность младшаго помощника секретаря совѣта и правленія.

II. Учредить въ томъ же университетѣ должность секретаря правленія, съ переименованіемъ должности секретаря совѣта и правленія въ должность секретаря совѣта и отвѣтственнымъ переименованіемъ старшаго и младшаго его помощниковъ.

III. Учреждаемой должности секретаря правленія (отд. II), присвоить VIII классъ по чинопроизводству, VIII разрядъ по шитью на мундирѣ, 2-ю степень III разряда по пенсіи и окладъ содержанія въ девятьсотъ рублей ежегодно.

IV. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній постановить:

1) На Императорскій Варшавскій университетъ распространяется дѣйствіе части 3-й, статьи 423 и статьи 424 свода уставовъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній (т. XI, ч. 1-я, изд. 1893 г.).

Библиотека "Руниверс"

2) Избраніе секретаря совѣта и его помощниковъ, а равно секретаря правленія названнаго (ст. 1) университета предоставляется ректору университета, а утвержденіе сихъ лицъ въ должностяхъ— попечителю учебнаго округа.

V. На покрытіе расхода, вызываемаго мѣрою, означенною въ отдѣлѣ II, въ количествѣ всего *девятисотъ* рублей ежегодно, обратить *шестьсотъ* рублей, освобождающіеся вслѣдствіе упраздненія упомянутой въ отдѣлѣ I должности, а остальные *триста* рублей отнести на счетъ спеціальныхъ средствъ Императорскаго Варшавскаго университета.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (26-го февраля 1896 года). *Объ измѣненіяхъ въ устройствѣ Владивостокской мужской прогимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ измѣненіяхъ въ устройствѣ Владивостокской мужской прогимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Владивостокской мужской прогимназіи, мнѣніемъ положилъ.

I. Предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) съ начала $189^{6}/_{7}$ учебнаго года увеличить въ Владивостокской прогимназіи число уроковъ англійскаго языка на семь часовъ въ недѣлю, начавъ преподаваніе сего языка въ названной прогимназіи съ перваго класса, при пяти урокахъ въ недѣлю, и продолжая его во второмъ классѣ, при томъ же числѣ уроковъ въ недѣлю, и 2) приступить съ начала $189^{7}/_{8}$ учебнаго года къ постепенному введенію въ Владивостокской прогимназіи преподаванія французскаго языка, вмѣсто нѣмецкаго.

II. Расходъ, вызываемый мѣрою, означенною въ статьѣ 1 отдѣла I, въ количествѣ *четырехсотъ двадцати* рублей ежегодно, покрывать изъ остатковъ отъ средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе спеціальнаго класса китайскаго языка при Владивостокской прогимназіи.

Библиотека "Руниверс"

III. Расходъ по содержанію въ теченіе второй половины 1896 года седьмаго класса Владивостокской прогимназіи покрыть изъ суммы, назначенной на сей предметъ къ условному отпуску по статьямъ 1 и 4 § 6 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1896 г., а съ 1897 года вносить на означенную потребность въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты упомянутаго вѣдомства по *четыре тысячи семьдесятъ пяти* рублей ежегодно.

IV. Расходъ по подготовленію преподавателей китайскаго языка для Владивостокской прогимназіи въ 1896 году, въ размѣрѣ *трехъ тысячъ* рублей, покрыть изъ суммы назначенной на сей предметъ къ условному отпуску по ст. 1 § 14 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1896 г., а съ 1897 года вносить на означенную потребность въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты упомянутаго вѣдомства по *шести тысячъ* рублей ежегодно.

V Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства на постройку зданія Владивостокской прогимназіи, сверхъ *семидесяти тысячъ* рублей, назначенныхъ, согласно Высочайше утвержденному 17-го апрѣля 1895 года мнѣнію государственнаго совѣта, *семьдесятъ три тысячи* рублей, въ томъ числѣ въ 1896 г.—*двадцать пять тысячъ* рублей, назначенные на сей предметъ къ условному отпуску по по статьѣ 1 § 13 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1896 годъ, и по *двадцать четыре тысячи* рублей по той же смѣтѣ на 1897 и 1898 годы.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (26-го февраля 1896 года). *О переводѣ въ г. Пермь горнозаводскаго отдѣленія Красноуфимскаго промышленнаго училища и объ изданіи штатовъ сего училища и горнозаводскаго отдѣленія при Пермскомъ реальномъ училищѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, о переводѣ въ г. Пермь горнозаводскаго отдѣленія Красноуфимскаго промышленнаго училища и объ изданіи штатовъ сего училища и горнозаводскаго отдѣленія при Пермскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Михаилъ*.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о переводѣ въ г. Пермь горнозаводскаго отдѣленія Красноуфимскаго промышленнаго училища и объ изданіи штатовъ сего училища и горнозаводскаго отдѣленія при Пермскомъ реальномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

I. Перевести съ 1-го іюля 1896 года горнозаводское отдѣленіе Красноуфимскаго промышленнаго училища въ г. Пермь, присоединивъ его къ мѣстному реальному училищу.

II. Проекты штатовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища и горнозаводскаго отдѣленія при Пермскомъ реальномъ училищѣ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

III. Ассигновать на содержаніе Красноуфимскаго промышленнаго училища, вмѣсто нынѣ отпускаемыхъ ежегодно на этотъ предметъ 63.522 руб.: въ 1896 году—52.955 р. 50 к. и начиная съ 1897 года 42.389 р. въ годъ, со внесеніемъ сихъ суммъ въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія и съ показаніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ по симъ смѣтамъ пособіемъ казнѣ отъ Красноуфимскаго уѣзднаго земства: въ 1896 году—12.500 руб., а съ 1897 года по 10.000 руб. ежегодно.

IV. На содержаніе горнозаводскаго отдѣленія при Пермскомъ реальномъ училищѣ вносить въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1896 году—10.566 р. 50 к., а начиная съ 1897 года по 21.133 р. въ годъ, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ пособіемъ казнѣ отъ Пермскихъ губернскаго земства и городскаго общества: въ 1896 г.—2,500 р., а начиная съ 1897 г. по 5.000 р. ежегодно.

V. Отпустить единовременно изъ кредита, внесеннаго въ ст. 1 § 13 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1896 годъ, 15.000 р. на приспособленіе зданія Пермскаго реальнаго училища, для помѣщенія въ немъ горнозаводскаго отдѣленія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

Въ С.-Петербургѣ.
26-го февраля 1896 года.

„Быть по сему".

ШТАТЪ

Красноуфимскаго промышленнаго училища.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
		Р У Б Л И						
Директору	1	1.800	1.200	нат.	3.000	V	V	
Одному изъ преподавателей за исполненіе обязанностей инспектора въ общеобразовательныхъ классахъ.	—	—	—	—	750	VI	VI	По учебной службѣ.
Одному изъ преподавателей за исполненіе обязанности завѣдывающаго учебною частію въ техническихъ классахъ .	—	—	—	—	750	VI	VI	
Законоучителю . .	1	—	—	—	1.220			
Учителямъ за уроки . .	—	—	—	—	17.953	VIII	VIII	
Руководителямъ практическихъ работъ техническихъ классовъ .	—	—	—	—	3.996	VIII	VIII	
На приготовленіе опытовъ по физикѣ и естественной исторіи .	—	—	—	—	500			
Преподавателю чистописанія . . .	1	—	—	—	240	IX	IX	VII
За преподаваніе гимнастики и пѣнія .	—	—	—	—	500			
Класснымъ наставникамъ.	4	—	—	—	640			
Ихъ помощникамъ .	2	300	—	нат.	600	X	X	По учебной службѣ.
Надзирателю техническихъ классовъ .	1	480	240	нат.	720	VIII	VIII	
Секретарю совѣта и библіотекарю .	—	—	—	—	480			
Письмоводителю (онъ же бухгалтеръ)	1	—	—	—	900	IX	IX	VII
Врачу	1	—	—	—	500	VIII	VIII	По мед. службѣ.
На учебныя пособія — матеріалы и инструменты . .	—	—	—	—	1.240			
На наемъ машиниста, кузнеца, подмастерьевъ и лѣтнія занятія учениковъ .	—	—	—	—	1.050			
На канцелярскіе расходы.	—	—	—	—	1.600			
— наемъ прислуги и содержаніе дома		—	—	—	350			
					5.400			

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
Въ С.-Петербургѣ. „*Быть по сему*".
26-го февраля 1896 года.

ШТАТЪ

горнозаводскаго отдѣленія при Пермскомъ реальномъ училищѣ.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	Классы и разряды. По должности.	По штатью на мундиръ.	По пенсіи.
		РУБЛИ.						
Директору реальнаго училища за завѣдываніе горнозаводскимъ отдѣленіемъ	—	—	—	—	1.000			По учебной службѣ.
Преподавателю добавочныхъ за исполненіе обязанностей инспектора	—	—	—	—	750	VI	VI	
Законоучителю	—	—	—	—	320			
Учителямъ за уроки	—	—	—	—	7.465	VIII	VIII	
Руководителямъ практическихъ работъ	—	—	—	—	3.408	VIII	VIII	
Надзирателю	1	480	240	нат.	720	VIII	VIII	
На приготовленіе опытовъ	—	—	—	—	260			
Секретарю и библіотекарю	—	—	—	—	240			
Письмоводителю реальнаго училища добавочныхъ	—	—	—	—	320	IX	IX	VII
Врачу реальнаго училища добавочныхъ	—	—	—	—	100	VIII	VIII	По мед. службѣ.
На учебныя пособія	—	—	—	—	600			
— матеріалы и инструменты	—	—	—	—	1.050			
— наемъ машиниста, кузнеца, подмастерьевъ и на лѣтнія занятія учениковъ	—	—	—	—	1.600			
На канцелярскіе расходы	—	—	—	—	300			
На наемъ прислуги и содержаніе дома	—	—	—	—	3.000			
Итого	—	—	—	—	21.133			

Библиотека "Руниверс"

9. (17-го марта 1896 года). *О присвоеніи Клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны наименованія „Императорскаго“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ходатайству Попечителя Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, Его Великогерцогскаго Высочества Герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго, Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе названному институту наименованія „Императорскаго“.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи министръ народнаго просвѣщенія, 17 марта 1896 г., донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, 27-го февраля 1896 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за усердную и полезную ихъ дѣятельность по учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, *медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ: золотыми, на лентахъ: Владимірской:* старосты церкви при второй Харьковской гимназіи, харьковскаго 2-й гильдіи купца Андрея *Жмудскаго* и Рижскаго городскаго цеха каменныхъ дѣлъ мастера Рудольфа *Адама* и *Станиславской*: учредителей школы печатнаго дѣла Императорскаго русскаго техническаго общества, личныхъ почетныхъ гражданъ: Теодора *Гартмана* и Эрнеста *Арнольда* и купца 2-й гильдіи Павла *Шмидта* и купцовъ второй гильдіи: почетныхъ смотрителей училищъ: Уманскаго двухкласснаго начальнаго, Василія *Тютюнова*, Старорусскаго городскаго четырехкласснаго, Ивана *Мельникова* и Славяносербскаго двухкласснаго городскаго, Андрея *Грибенникова*, попечителя Екатеринодарскаго женскаго одноклассnаго начальнаго городскаго училища Александра *Ерохина*, и старосты церкви при С.-Петербургской второй гимназіи Ѳедора *Трифонова*, и *серебряными, на Станиславской лентѣ*: фельдшера Байрамчской учительской семинаріи, старшаго фельдшера Лаврентія *Гуниченко*, эконома Кутаисской (въ м. Хони) учительской семинаріи, запаснаго старшаго писаря Николая *Нархова*, учителя гимнастики Новопокровскаго одноклассnаго сельскаго училища, вахмистра Андрея *Гордышева*, вахтера домовъ типографіи и химической лабораторіи Императорской

Библиотека "Руниверс"

академіи наукъ, запаснаго фельдфебеля Ивана *Бѣляева*, служителя при химической лабораторіи Императорской академіи наукъ, отставнаго фельдфебеля Максима *Соловьева*, состоявшаго курьеромъ при канцеляріи коммиссіи по постройкѣ клиникъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, старшаго унтеръ-офицера Якова *Степанова*, старшаго служителя Бѣлогородскаго учительскаго института, отставнаго старшаго вахтера Александра *Морозова*, сторожа при I отдѣленіи библіотеки Императорской академіи наукъ, отставнаго вахтера Іосифа *Лукашука*, разсыльнаго при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, отставнаго каптенармуса Петра *Шлабовича* и сторожей: физическаго кабинета Императорской академіи наукъ, отставнаго ефрейтора Антона *Розе* и музея той же академіи по антропологіи и этнографіи, отставнаго матроса 1 статьи Прокопія *Самиова*, и *для ношенія на груди: золотыми, на лентахъ: Аннинской*: начальницы Одесской Маріинской женской гимназіи, вдовы коллежскаго ассессора Анна *Патлаевской* и попечительницы Спасъ-запрудненскаго, Костромской губерніи, двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія училища при фабрикѣ товарищества льнопрядильни братьевъ Зотовыхъ. жены потомственнаго почетнаго гражданина Наталіи *Зотовой*, и *Станиславской*: попечителя Бутурлиновскаго воскресенскаго начальнаго народнаго училища, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи, временнаго купца, изъ крестьянъ Ѳедора *Шевцева*, почетнаго смотрителя Таганрогскаго городскаго четырехкласснаго училища, Донской области, крестьянина Петра *Лялько* и служителя при книжномъ складѣ Императорской академіи наукъ, запаснаго матроса 1-й статьи Тимоѳея *Зарудняго*, и *серебряными на лентахъ: Аннинской*: почетнаго блюстителя Неберджаевскаго станичнаго училища, купца Христофора *Шашлыкова* и сторожа при II отдѣленіи библіотеки Императорской академіи наукъ запаснаго фейерверкера Василія *Бойко* и *Станиславской*: почетныхъ блюстителей училищъ: Шапсугскаго, станичнаго купца Бахвы *Григолія* и Ладовскаго двухкласснаго сельскаго, купца Михаила *Фролова*, попечителя Азовскаго 1-го начальнаго народнаго училища, Донской области, временнаго 2-й гильдіи купца Василія *Сивоконева*; учителей музыки: Закавказской учительской семинаріи, мѣщанина Аарона Моисея *Пеккера* и Ейскаго реальнаго училища, мѣщанина Якова *Колесникова*; отставныхъ урядниковъ: почетнаго блюстителя Новонижестеблювскаго одноклассснаго сельскаго училища Никифора *Бирюкова* и попечителя и казначея ремесленнаго отдѣленія Баталпашинскаго городскаго четырехкласснаго

Библиотека "Руниверс"

училища Егора *Синькова*, служителя при канцеляріи главной физической обсерваторіи, запаснаго унтеръ-офицера Арсенія *Бабаева*, члена и казначея попечительства при Батуринскомъ станичномъ училищѣ, казака Ѳедора *Темченко*, почетнаго блюстителя Гастагаевскаго женскаго станичнаго училища, отставнаго казака Ѳедора *Чернаю*, находившагося курьеромъ при конторѣ по постройкѣ клиникъ Императорскаго Московскаго университета, состоящаго въ запасѣ арміи нестроеваго 73-го резервнаго пѣхотнаго батальона Михаила *Іонова*, служителя ботанической лабораторіи Императорской академіи наукъ, запаснаго нестроеваго 4-го резервнаго пѣхотнаго кадроваго батальона Николая *Щепеткина*, старшаго сторожа правленія Императорской академіи наукъ, запаснаго рядоваго Степана *Субоча*, сторожей при канцеляріи конференціи той же академіи: отставнаго рядоваго Юрія *Аннуса* и запаснаго рядоваго Александра *Гулнева*, разсыльнаго при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, запаснаго рядоваго Александра *Дроздова*, почетнаго блюстителя Воронцово-Александровскаго сельскаго двухкласснаго училища, Ставропольской губерніи, крестьянина Ѳедора *Лазько*, попечителей училищъ: Казьминскаго сельскаго, крестьянина Ѳедора *Меньшовина*, Нижне-корочанскаго начальнаго народнаго, Новохоперскаго уѣзда, крестьянина Ивана *Пармузина*, учителя музыки въ Харьковскомъ реальномъ училищѣ, изъ крестьянъ, Василія *Катанскаю*, учителя столярнаго и токарнаго ремеслъ Ейскаго реальнаго училища, крестьянина Павла *Быкова*, казенныхъ десятниковъ при постройкѣ клиникъ Императорскаго Московскаго университета, крестьянъ: Ивана *Бѣлова*, Саввы *Кондратьева*, Ивана *Дербенева* и Ѳедора *Павлова*, сторожа правленія Императорской академіи наукъ, крестьянина Василія *Богданова*, служителей при отдѣленіяхъ библіотекъ Императорской академіи наукъ: перваго, крестьянина Доната *Стафецкаю* и втораго, крестьянъ: Николая *Стотика* и Іосифа *Петровскаю*, нижняго служителя Ѳеодоссійскаго учительскаго института, крестьянина Матѳея *Цурляниса* и волостнаго старшины Надушитской волости, Сорокскаго уѣзда, поселянина-царанина Ивана *Андріука*.

Государь Императоръ, согласно представленію министерства народнаго Просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 27-го февраля сего года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію *серебряною медалью, съ надписью „за усердіе“, на Александровской лентѣ, для ношенія на груди*: учителя Бурацкаго приходскаго училища, Донской области, коллежскаго секре-

Библиотека "Руниверс"

таря Ивана *Венсовича*; губернскихъ секретарей: учителей—завѣдывающихъ приходскими училищами: Семирѣчинской области: Вѣрненскимъ мужскимъ городскимъ, Михаила *Катышева* и Больше-алматинскимъ сельскимъ, Михаила *Костюка* и учителей приходскихъ училищъ: Дубовскаго 1-го двухкласснаго мужскаго, Царицынскаго уѣзда, Степана *Филатова*; Енисейской губерніи: Анциферовскаго сельскаго, Романа *Ермакова* и Таштыпскаго, Степана *Веселовскаго*; коллежскихъ регистраторовъ: Клѣтскаго двухкласснаго, Донской области, Петра *Захарова*; Енисейской губерніи: Шушинскаго, Василія *Абашмова* и Красноярскаго 3-го, Петра *Шафрыгина*, Лебедянскаго мужскаго городскаго, Тамбовской губерніи, Павла *Левитова*, завѣдывающаго Кущевскимъ двухклассным сельскимъ училищемъ, Михаила *Евтушенко* и учителя Кубанскаго станичнаго училища, Ивана *Соболя* и неимѣющихъ чиновъ: учителя—завѣдывающаго Софійскимъ сельскимъ приходскимъ училищемъ, Семирѣчинской области, Ефима *Полетаева*; учителей приходскихъ училищъ: Новочеркасскаго 3-го, Донской области, Дмитрія *Неволина*, Суджанскаго 1-го мужскаго, Курской губерніи, Василія *Аѳонина*, Битенскаго нѣмецкаго церковнаго, Перекопскаго уѣзда, Готфрида *Анера*, учителя завѣдывающаго Менжирскимъ двухклассным министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Измаильскаго уѣзда, Григорія *Рошки*, завѣдывающаго Старощербиновскимъ двухклассным сельскимъ училищемъ, Георгія *Перекотія*; смотрителей-учителей училищъ: двухклассныхъ: Еленендорфскаго, Якова *Керера*, Касапетскаго, сельскаго, Григорія *Израелова* и Хизнаузскаго, земскаго, Василія *Теръ-Ованесова*, Вандамскаго сельскаго однокласснаго, Гасанъ-бекъ-Мамеда *Багирова*, учителя—завѣдывающаго Екатеринодарскимъ 1-мъ одноклассным начальным городскимъ училищемъ, Петра *Станицкаго*; учителей двухклассныхъ училищъ: Ивановскаго, Льговскаго уѣзда, Ѳедора *Костенкова*, сельскихъ: Добрянскаго, Пермскаго уѣзда, Михаила *Попова*, Ефремово-Степановскаго, Донской области, Козьмы *Балашова* и Ивана *Марвина*, министерства народнаго просвѣщенія: Шовскаго, Лебедянскаго уѣзда, Алексѣя *Малышева*; С.-Петербургскаго уѣзда: Невскаго завода, Дмитрія *Оливѣтскаго* и Рыбацкаго, Якова *Егорова*, Леденгскаго, Тотемскаго уѣзда, Николая *Попова*, Таданскаго, Повѣнецкаго уѣзда, Иларіона *Андреевскаго*, Кяндскаго, Онежскаго уѣзда, Ѳедора *Шошина*, Атемарскаго, Саранскаго уѣзда, Николая *Ашмарина* и Усинскаго, Сызранскаго уѣзда, Ивана *Норжуса*, учителя Воронежской начальной двухклассной школы, Ивана *Нестерова*, учителей училищъ Ѳеодо-

Библиотека "Руниверс"

сійскаго татарскаго, Юсуфа *Шерфединова*, одноклассныхъ: Измаильскаго уѣзда: мужскихъ: Карагачскаго, Василія *Шутилова* и Бартовскаго, Александра *Лаурсона*, Этулійскаго для дѣтей обоего пола, Евстаѳія *Корина*; одноклассныхъ сельскихъ: Райволовскаго (въ Финляндіи) Ивана *Орнатскаго*, Опочецкаго уѣзда: Веснеболотскаго, Василія *Молодцова* и Петровскаго, Михаила *Назаровскаго*; Петрозаводскаго уѣзда: Сѣнногубскаго, Ивана *Заводовскаго* и Святозерскаго, Михаила *Георгіевскаго*, Усольскаго, Сызранскаго уѣзда, Михаила *Андронова*, учителя начальной школы при Иркутской учительской семинаріи, Александра *Долгорукова*; учителей училищъ: начальныхъ: Курскаго уѣзда, Стрѣлецкаго, Михаила *Берлизева* и Гремяченскаго, Василія *Воинова*; Суджанскаго уѣзда: Миропольскаго, Петра *Коноплина* и Запсельскаго, Григорія *Слюнина*; Путивльскаго уѣзда: Пригородно- Слободскаго, Александра *Кордашевскаго* и Пригородно-Маклаковскаго, Ивана *Ильина*; Старооскольскаго уѣзда: Толстодубравскаго, Ивана *Лащевскаго*, Никольскаго, Петра *Чехова* и Стуженскаго, Тимоѳея *Ѳедотова*, Волтовскаго, Новооскольскаго уѣзда, Захарія *Сушкова*, Кшеневскаго, Тимскаго уѣзда, Матвѣя *Сабынина*, Поныровскаго, Фатежскаго уѣзда, Андрея *Бумакова*, Верхо-пѣнскаго, Обоянскаго уѣзда, Александра *Яншина* и Дехтевскаго, Донской области, Ивана *Фесенко*; начальныхъ-народныхъ: Воронежской губерніи: Бобровскаго уѣзда: Боршево-Песковатскаго, Козьмы *Чудинова*, Бутурлиновскаго, Покровскаго уѣзда, Алексѣя *Дементьева*, Бутурлиновскаго, Воскресенскаго, Михаила *Курбатова*. Кужновскаго, Александра *Разумовскаго*, Верхне-Икорецкаго, Дмитрія *Шмыгалева*, Новопокровскаго, Матвѣя *Антонова*, Филиппенскаго, Якова *Вестфальскаго* и Хрѣновскаго, Петра *Свиткина*; Острогожскаго уѣзда: Лизиновскаго, Николая *Раевскаго*, Ровенскаго 1-го, Василія *Соснышева*, Рыбендорфскаго, Давида *Дедерера*, Лысянскаго, Александра *Краснорядова*, Семейскаго, Алексѣя *Яковлева*, Лушниковскаго, Александра *Ефремова*, Новосотенскаго 1-го, Василія *Абрамова*, Щучанскаго, Дмитрія *Говорова*, Марковскаго, Василія *Шапошникова*, Колыбельскаго, Василія *Шайстренко*, Верхне-Мамоновскаго 1-го, Павловскаго уѣзда, Ѳедора *Иларіонова*, Новомеловатскаго, Богучарскаго уѣзда, Митрофана *Текутьева* и Чертовицкаго, Воронежскаго уѣзда, Александра *Боголдина*; Тамбовской губерніи: Ильинскаго, Липецкаго уѣзда, Петра *Лебедева*, Богословскаго, Кирсановскаго уѣзда, Василія *Радугова*, Бродокалмакскаго, Шадринскаго уѣзда, Григорія *Буткина* и Чердынскаго уѣзда: Касинскаго, Владиміра *Бортновскаго*, Ныроб-

Библиотека "Руниверс"

скаго, Ивана *Попова* и Какусскаго, Василія *Серебренникова*; сельскихъ: Сергіевскаго, Томскаго округа, Дорофея *Шункова*, Барнаульскаго округа, Кытмановскаго, Варсанофія *Сорокина* и Крутихинскаго, Александра *Черепанова*, Саушкинскаго, Бійскаго округа, Николая *Лоскутова* и Вознесенскаго, Каинскаго округа, Владиміра *Козлова* сельскихъ начальныхъ: Чембарскаго уѣзда: Мачинскаго, Алексѣя *Самохвалова*, Ключевскаго, Діонисія *Куницына* и Полянскаго, Николая *Островидова*; сельскихъ начальныхъ народныхъ: Андреевскаго, Ѳеодосійскаго уѣзда, Георгія *Доброва*, Ефремовскаго, Холмогорскаго уѣзда, Николая *Кузнецова*; Вологодскаго уѣзда: Марьинскаго, Алексѣя *Соколова*, Березниковскаго, Павла *Чусова* и Воскресенскаго-Становскаго, Грязовецкаго уѣзда, Ѳедора *Гуджова*; земскихъ начальныхъ народныхъ: С.-Петербургской губерніи: Царскосельскаго уѣзда: Дудергофскаго. Гавріила *Сунни* и Подостьскаго, Абрама *Кайяне* и Новоладожскаго уѣзда: Хваловскаго, Сергѣя *Альбова*, Михайловскаго, Ивана *Семенова* и Лунгачскаго, Василія *Степанова* и земскихъ сельскихъ начальныхъ народныхъ: Повѣнецкаго уѣзда: Выгозерскаго, Михаила *Комаровскаго* и Масальскаго-Паданскаго, Михаила *Карпова*, Павловскаго станичнаго, Ивана *Мищенина* и учителя Екатеринославской талмудъ-торы, Моисея *Бекмана*; учительницы Одесской 2-й женской гимназіи, Лунзы *Бендеръ*; учительницъ женскихъ отдѣленій двухклассныхъ приходскихъ училищъ: Архангельской губерніи: Холмогорскаго, Поликсеніи *Черноруцкой* и Соломбальскаго, Анны *Чечуевой*; учительницъ приходскихъ училищъ: двухклассныхъ женскихъ: С.-Петербургскихъ: Никольскаго, Ольги *Куторги* и Введенскаго, Любови *Богдановой* и одноклассныхъ: Енисейскаго 2-го, Антонины *Тупосовой*, Шадринскаго 2-го мужскаго, Анны *Носовой*, женскихъ: Вологодскаго Успенскаго, Раисы *Колпнецкой* и Клавдіи *Колпнецкой* и Кемскаго, Архангельской губерніи, Евдокіи *Никитиной*; учительницъ: завѣдывающихъ одноклассными начальными женскими училищами: Екатеринодарскимъ городскимъ, Маріи *Жилинской* и содержимымъ купеческимъ обществомъ гор. Екатеринодара, Дарьи *Корсунъ*, учительницъ училищъ: Сергіевскаго станичнаго, Матрены *Удовицыной*, Уманскаго женскаго, содержимаго екатеринодарскимъ женскимъ женскимъ благотворительнымъ обществомъ, Евдокіи *Кочеровой*; начальныхъ: Харьковскаго 2-го, содержимаго обществомъ грамотности, Антонины *Гутниковой* и женскихъ: Верхне-Чусовскаго, Пермскаго уѣзда, Елизаветы *Пономаревой*, Покчинскаго, Чердынскаго уѣзда, Ан-

Библиотека "Руниверс"

фисы *Никитиной*, Григорьевскаго (на р. Конкѣ) народнаго, Александровскаго уѣзда, Анны *Чайкиной*; начальныхъ народныхъ: Осовинскаго керчь-еникольскаго градоначальства, Анастасіи *Гертопановой*, Ялтинскаго, Анны *Голіакъ*, Керченскаго, въ Босфорской части, Любови *Бернардъ-де-Граве*, Ново-Збурьевскаго, Днѣпровскаго уѣзда, Маріи *Паревеновой*, Еникольскаго женскаго, Маріи *Атманаки*, Харьковскаго женскаго, имени Ильина, Елизаветы *Максименко*, Харьковскаго уѣзда: Песочинскаго, Таисіи *Бутковской* и Русско-Лозовскаго, Маріи *Сѣрой*; Зміевскаго уѣзда: Каменно-Яругскаго, Александры *Забудской*, Ефремовскаго, Софіи *Урюпиной*, Зарожанскаго, Маріи *Василевской* и Преображенскаго, Софіи *Лукьяновой*, Валковскаго уѣзда: Валковскаго, Александры *Крамаренковой*, Сидоренковскаго, Елены *Черниговской*, Снѣжковскаго, Анны *Черниговской*; Богодуховскаго уѣзда: Мало-Писаревскаго, Александры *Лукьяновой* и Хрущево-Никитовскаго, Анны *Патакевичъ*; Изюмскаго уѣзда: Гусаровскаго, Ольги *Стефановой* и Песчанскаго: Маріи *Грековой* и Варвары *Чеколини*; Сумскаго уѣзда: Сумскаго женскаго, Маріи *Лукашевой* и Ястребенскаго, Олимпіады *Мильской*, Самотаевскаго, Ахтырскаго уѣзда, Наталіи *Кисуленко*, Тарасовскаго, Купянскаго уѣзда, Варвары *Свѣтъ*; Шадринскаго уѣзда: Точенскаго, Елисаветы *Тюшняковой*, Теренкульскаго, Евгеніи *Словцовой*, Верхъ-Теченскаго, Ирины *Боголюбовой* и Мѣхонскаго, Ольги *Красногорской*; Чердынскаго уѣзда: Бондюжанскаго, Александры *Михайловой* и Вильвенскаго, Парасковьи *Оболенской* и Кагульскаго городскаго однокласснаго женскаго начальнаго, Измаильскаго уѣзда, Вѣры *Фіалковской*; сельскихъ: Боготольскаго, Маріинскаго округа, Елисаветы *Куликовой* и Медвѣдчиковскаго, Томскаго округа, Маріи *Фебовой*, министерства народнаго просвѣщенія, Рыбацкаго женскаго, С.-Петербургскаго уѣзда, Елены *Егоровой*; одноклассныхъ: Пятовскаго, Тотемьскаго уѣзда, Анны *Чистотиной* и Лейзенскаго Шлиссельбургскаго уѣзда, Вѣры *Миролюбовой*; сельскихъ начальныхъ: Керамгурскаго, Ардатовскаго уѣзда, Варвары *Ждановой* и Святотроицкаго, Ананьевскаго уѣзда, Елены *Тихоновой*; сельскихъ начальныхъ народныхъ: Новоцарицынскаго, Симферопольскаго уѣзда, Варвары *Архангельской*; Вологодской губерніи: Ломтевскаго, Ираиды *Рукиной*, Николаевско-ламанскаго, Калисѳены *Бѣлянкиной*, Погорѣловскаго, Надежды *Соколовой* и Ватлановскаго, Юліи *Садоковой* и Грязовецкаго уѣзда: Роменскаго, Анны *Поповой*, Микляевской, Клавдіи *Коноплевой*, Спасопуромскаго, Александры *Богдановой*, Погиблов-

Библиотека "Руниверс"

скаго, Александры *Землисыки* и Черновскаго, Никольскаго уѣзда, Надежды *Барклай*; начальныхъ земскихъ сельскихъ: С.-Петербургскаго уѣзда: Парголовскаго 2-го, Маріи *Калитиной*, Ржевскаго, Софіи *Дубовской*, Смоленскаго 2-го, Зинаиды *Никитиной* и Ольги *Поморской*, Смоленскаго 3-го, Александры *Зебловой*, Шуваловскаго, Елисаветы *Широковой* и Усть-Ижорскаго женскаго, Маріи *Орловой*; земскихъ сельскихъ начальныхъ народныхъ: Космозерскаго, Петрозаводскаго уѣзда, Татьяны *Олыской*; Новоладожскаго уѣзда: Черновскаго, Анны *Михайловой*, Мысловскаго, Маріи *Ерофѣевой* и Царскосельскаго уѣзда: Степановскаго, Анны *Куликовой* и Кузьминскаго, Александры *Андреевой*; помощницъ учителей училищъ: Орановскаго начальнаго народнаго, Чердынскаго уѣзда, Мавры *Калининой* и Варениковскаго однокласснаго сельскаго, Варвары *Нестеренко* и бывшей учительницы Солецкаго женскаго приходскаго училища, Порховскаго уѣзда, Олимпіады *Вишняковой*.

Государь Императоръ, 2-го марта сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за отличное усердіе и особые труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія орденами: *св. Станислава второй степени*—старосты церкви при женскомъ училищѣ Принцессы Терезіи Ольденбургской, потомственнаго почетнаго гражданина *Пономарева* и *третьей степени*: учителя Гальбштадскаго центральнаго училища, Бердянскаго уѣзда, коллежскаго ассесора Владиміра *Кандаурова*, помощника строителя зданія клиникъ Императорскаго московскаго университета, классныхъ художниковъ архитектуры: Зиновія *Иванова* и Петра *Виноградова* и почетнаго попечителя томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, почетнаго блюстителя Ялуторовскаго уѣзднаго училища и попечителя Кодскаго Александровскаго сельскаго училища, томскаго 1-й гильдіи купца Игнатія *Колосова* и *св. Анны третьей степени*: учредителя школы печатнаго дѣла Императорскаго русскаго техническаго общества, отставнаго подпоручика Петра *Михайлова* и почетнаго попечителя Николаевскаго реальнаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Петра *Юрицына*.

Библиотека "Руниверс"

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(19-го марта 1896 года). *Произведены* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: учителя: гимназій: Владимірской: *Ильенковъ*—съ 1-го октября 1895 г. и *Рейхардтъ*—съ 26-го сентября 1895 г., Калужской, *Сосницкій*—съ 16-го августа 1895 г., реальныхъ училищъ: Орловскаго Александровскаго, *Ферховъ*—съ 3-го іюня 1895 г., частнаго, Мазинга, въ Москвѣ, *Барановъ*—съ 11-го октября 1893 г.; женскихъ гимназій: частной, Бессъ, въ Москвѣ: *Зыковъ*—съ 27-го іюля 1895 г. и *Казанскій*—съ 1-го февраля 1895 г., Орловской Николаевской, *Флоринскій*—съ 3-го сентября 1895 г.; бывшій учитель Московской 4-й гимназіи (нынѣ въ отставкѣ) *Каменскій*—съ 14-го іюня 1883 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: Златопольской, *Цыгановъ-Куриленковъ*—съ 24-го октября 1895 г., Кіевской 3-й, *Ляхницкій*, гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Миткевичъ*, оба—съ 8-го октября 1895 г., Полтавской, *Прокофьевъ*—съ 18-го ноября 1895 г., реальныхъ училищъ: Кіевскаго, *Врублевскій*—съ 8-го октября 1895 г., Ровенскаго, *Осташковъ*—съ 12-го сентября 1895 г. и Кіевской женской министерской, *Торскій*—съ 24-го сентября 1895 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: учителя: Императорскаго Московскаго техническаго училища, *Ронжинъ*—съ 3-го декабря 1894 г., гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, *Іоаннесовъ*—съ 15-го августа 1895 г., гимназій: Калужской, *Трейтеръ*—съ 4-го сентября 1895 г., Московской 5-й: *Аппельротъ*—съ 1-го августа 1895 г., *Смирновъ*—съ 22-го апрѣля 1895 г. и сверхштатный *Можанъ*—съ 25-го апрѣля 1895 г., Коммисаровскаго техническаго училища: *Чижевскій*, *Краснопѣвцевъ* и *Малышевъ*, всѣ трое—съ 1-го августа 1895 г. и *Келлатъ*—съ 20-го августа 1895 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Фохтъ*—съ 14-го августа 1894 г., Полтавской, *Гладкевичъ*—съ 4-го сентября 1895 г., Кіевской 2-й, *Миловидовъ*—съ 1-го іюля 1895 г., Новгородсѣверской, *Дирикъ*—съ 5-го ноября 1895 г., Лубенской, *Подковщиковъ*—съ 5-го сентября 1895 г., Новгородсѣверской: *Карповъ*—съ 20-го августа 1895 г., *Горловъ*—съ 18-го ноября

Библиотека "Руниверс"

1895 г., реальныхъ училищъ: Кіевскаго: *Таурке*—съ 3-го сентября 1895 г. и *Турчанинова*—съ 20-го августа 1894 г., Кременчугскаго Александровскаго, *Коцуа*—съ 4-го сентября 1895 г., женскихъ гимназій: Кременчугской, *Завадскій*—съ 10-го сентября 1893 г., Новгородсѣверской, *Евтушенко*—съ 20-го августа 1895 г., прогимназій: Острожской, *Еременко*—съ 24-го ноября 1895 г., Суражской, *Морозова*—съ 18-го ноября 1895 г., Глуховскаго учительскаго института *Шапорина*—съ 18-го ноября 1895 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Московскому учебному округу: учителя женскихъ гимназій: Орловской Николаевской, *Алпатова*—съ 26-го августа 1893 г., Тверской Маріинской, *Владиславлева*—съ 17-го августа 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Орловской гимназіи *Лаврентьева*—съ 13-го октября 1895 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Голышкина*—съ 1-го іюля 1892 г., Новгородсѣверской, *Капуревъ*—съ 20-го августа 1894 г., Глуховскаго учительскаго института *Тростникова*—съ 23-го марта 1894 г.; надзиратель гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Захарченко*—съ 1-го марта 1890 г.; штатные смотрители городскихъ двухклассныхъ училищъ: Гайсинскаго, *Камжина*—съ 12-го сентября 1894 г., Уманскаго, *Янкевича*—съ 1-го іюля 1894 г., Могилевскаго, *Гордзіевскій*—съ 1-го января 1891 г. и Липовецкаго, *Петровскій*—съ 1-го сентября 1892 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Златопольской гимназіи, *Назаревскій*—съ 1-го апрѣля 1895 г., Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища, *Рымаревъ*—съ 16-го сентября 1895 г., Роменскаго реальнаго училища, *Италинскій*—съ 8-го ноября 1895 г. и Суражской прогимназіи, *Пикъ*—съ 5-го сентября 1895 г.; учитель приготовительнаго класса Полтавскаго Александровскаго реальнаго училища *Кармазинъ*—съ 14-го сентября 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* по Московскому учебному округу: помощникъ воспитателя при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Терз-Сарксянцъ*—съ 1-го іюля 1895 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Нижегородской гимназіи *Кудрявцевъ*—съ 1-го октября 1895 г.; учителя Горбатовскаго городскаго четырехкласснаго училища: *Кононовъ*—съ 1-го августа 1895 г. и *Мараевъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; по Кіевскому учебному округу, штатные смотрители городскихъ двухклассныхъ училищъ: Кременецкаго, *Палій*—съ 1-го января 1895 г., Ковельскаго, *Кирьяновъ*—съ 15-го сентября 1892 г.

Библиотека "Руниверс"

и Сквирскаго, *Курындинъ*—съ 15-го декабря 1895 г.; врачъ Ровенскаго одноклассnаго начальнаго еврейскаго училища *Ауербахъ*—съ 25-го октября 1893 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Кіевской 2-й, *Ящуржинскій*—съ 15-го марта 1895 г., Черниговской, *Должниковъ*—съ 1-го іюля 1895 г., Ровенскаго реальнаго училища, *Стеткевичъ*—съ 16-го августа 1894 г.; бывшій учитель Гайсинскаго городскаго двухклассnаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Назаренко*—съ 20-го іюля 1888 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* по департаменту народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводитель VIII класса Дмитрій *Георгіевскій*—съ 17-го декабря 1895 г. и помощникъ дѣлопроизводителя *Бѣляевъ*—съ 13-го октября 1895 г.; по Московскому учебному округу: почетный смотритель Верейскаго городскаго училища *Шелонскій*—съ 1-го марта 1895 г.; учитель приготовительнаго класса Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища Константинъ *Нелидовъ*—съ 18-го августа 1895 г.; домашній учитель дирекціи народныхъ училищъ Московской губерніи Федоръ *Нелидовъ*—съ 15-го сентября 1888 г.; по Кіевскому учебному округу: штатный смотритель Ямпольскаго городскаго двухклассnаго училища *Финицкій*—съ 12-го декабря 1892 г., письмоводитель Глуховскаго учительскаго института *Солошенко*—съ 1-го іюля 1891 г.; учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Барскаго, *Лебедевъ*—съ 1-го октября 1894 г. и Луцкаго, *Глуздовскій*—съ 13-го февраля 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по департаменту народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводитель VIII класса *Дебольскій*—съ 20-го октября 1895 г.; по Московскому учебному округу, оставленный за штатомъ письмоводитель и бухгалтеръ упраздненной Ефремовской четырехклассной прогимназіи *Глаголевъ*—со 2-го декабря 1895 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: Черкасской прогимназіи, *Лаврентьевъ*—съ 1-го іюля 1888 г., Кременецкаго городскаго двухклассnаго училища, *Цесарцевъ*—съ 7-го іюля 1894 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Кіевскому учебному округу: почетные смотрители двухклассныхъ городскихъ училищъ: Могилевскаго, *Ляшкевичъ*—съ 5-го іюня 1894 г. и Борзенскаго, *Кочубей*—съ 6-го февраля 1890 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по департаменту народнаго просвѣщенія: канцелярскій служитель *Герасимовъ*—съ 21-го января 1896 г.; по Кіевскому учебному округу, учитель Старо-Олексинскаго приходскаго училища Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи *Тоцкій*—съ 28-го ноября 1895 года.

Утверждены въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣт-*

Библиотека "Руниверс"

ника: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго техническаго училища: главный инженеръ-механикъ, коллежскій ассесоръ *Пермяковъ* и инспекторъ учебныхъ мастерскихъ, титулярный совѣтникъ *Протопоповъ*, оба — съ 1-го января 1895 г.; *надворнаго совѣтника:* по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго техническаго училища: завѣдующій механическою и сборною мастерскою, коллежскій ассесоръ *Петровъ*, преподаватели: черченія: титулярный совѣтникъ *Румянцевъ* и коллежскій секретарь *Зубаревъ*, построенія грузо-подъемныхъ машинъ, коллежскій секретарь *Сидоровъ*, проектированія по строительному искусству, губернскій секретарь *Страховъ*, проектированія по построенію машинъ: губернскіе секретари: *Марковъ* и *Зворыкинъ*, прикладной механики, губернскій секретарь *Карельскихъ* и состоящіе въ VII классѣ, завѣдывающіе мастерскими: модельною: *Весселъ* и *Козловъ*, кузнечною, *Котельниковъ*, слесарною, *Гиллертъ*, механическою и сборною, *Поповъ*, литейною, *Ларіоновъ*, всѣ четырнадцать—съ 1-го января 1895 г.; *коллежскаго ассессора:* по Московскому учебному округу: сверхштатный ассистентъ при пропедевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета *Кишкинъ*—съ 21-го января 1887 г., по степени доктора медицины; Императорскаго Московскаго техническаго училища, лаборантъ лабораторіи: технической, коллежскій секретарь *Ланговой*, физической, коллежскій секретарь *Величковскій*, химической, губернскій секретарь *Новоселовъ*, всѣ трое — съ 1-го января 1895 г.; учителя: гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, *Кизеветтеръ* — съ 12-го сентября 1890 г., Московской 5-й гимназіи, *Тарасовъ* — съ 15-го іюня 1891 г., Тульской женской гимназіи, *Зеленецкій* — съ 15-го сентября 1891 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: Кіевской 2-й гимназіи, *Лихотинскій* — съ 9-го мая 1891 г., Кіевской женской министерской гимназіи, *Вольтнеръ* — съ 6-го сентября 1891 г.; *титулярнаго совѣтника:* по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные: лаборантъ при медицинской химической лабораторіи, *Гулевичъ* — съ 9-го февраля 1891 г., ассистенты при клиникахъ: гинекологической, *Поповъ*—съ 23-го января 1891 г., терапевтическомъ отдѣленіи въ Екатерининской больницѣ *Богдановъ*—съ 21-го декабря 1890 г., госпитальной терапевтической, *Анцеровъ*—съ 8-го ноября 1880 г., штатные: помощникъ прозектора при каѳедрѣ патологической анатоміи *Власовъ*—съ 8-го мая 1891 г., лаборантъ при гигіеническомъ институтѣ *Кувалдинъ* — съ 8 іюня 1891 г., сверхштатный лаборантъ при

Библиотека "Руниверс"

гигіеническомъ институтѣ *Орловъ* — съ 5-го іюля 1891 г., штатный ассистентъ при госпитальной хирургической клиникѣ *Березовскій*—съ 13-го марта 1891 г.; врачъ казенныхъ начальныхъ гор. Москвы училищъ *Діаконенко*—съ 4-го января 1891 г., всѣ девятеро по степени лѣкаря; сверхштатный лаборантъ при агрономической лабораторіи Императорскаго Московскаго университета *Жолцинскій*—съ 18-го декабря 1894 г., по степени магистра фармаціи; по Кіевскому учебному округу: врачи: Стародубской прогимназіи, *Якубенко*—съ 1-го января 1891 г., Новозыбковскаго реальнаго училища, *Клюковскій*—съ 23-го августа 1891 г., оба по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря:* по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводитель VIII класса особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами Михаилъ *Георгіевскій* — съ 8-го сентября 1895 г., по диплому первой степени Императорскаго С.-Петербургскаго университета; по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета, лаборанты: штатный при каѳедрѣ фармакогнозіи и фармаціи, *Кейзеръ*—съ 8-го августа 1877 г., по степени провизора; сверхштатные: при каѳедрѣ гистологіи и эмбріологіи, *Рудневъ* — съ 1-го ноября 1891 г., по степени кандидата Императорскаго Варшавскаго университета; ассистенты: при зоологическомъ музеѣ, *Богоявленскій* — съ 23-го сентября 1893 г., при каѳедрѣ геологіи, *Цебриковъ*—съ 12-го декабря 1894 г., при каѳедрѣ минералогіи, *Шкляревскій* — съ 28-го ноября 1894 г., лаборантъ при химической лабораторіи *Усовъ* — съ 28-го октября 1894 г., всѣ четверо по диплому первой степени Императорскаго Московскаго университета; младшій надзиратель Коммисаровскаго техническаго училища *Казинцевъ* — въ 1-го сентября 1891 г., учитель Богородскаго трехкласснаго городскаго училища *Смирновъ*—съ 1-го августа 1891 г.; по Кіевскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Ровенскаго, *Березовскій*—съ 5-го сентября 1891 г., Новозыбковскаго, *Петровъ*—съ 2-го октября 1895 г.; учителя двухклассныхъ городскихъ училищъ: Погарскаго, *Ивженко*—съ 20-го сентября 1891 г., Городнянскаго, *Стеценко*—съ 28-го февраля 1890 г.; *губернскаго секретаря:* по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводитель VIII класса особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами *Удовиченко*—съ 30-го мая 1894 г., по диплому второй степени Императорскаго С.-Петербургскаго университета; по Кіевскому учебному округу, учитель Луцкаго двухкласснаго городскаго училища *Костылевъ*—съ 25-го августа 1891 года.

Библиотека "Руниверс"

(22-го марта 1896 года). *Назначены:* экстраординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, магистръ славянской филологіи, статскій совѣтникъ *Качановскій*—ординарнымъ профессоромъ того-же института по русскому и славянскому языкамъ; преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, инженеръ-технологъ, надворный совѣтникъ *Русановъ* — адъюнктъ-профессоромъ того-же института по каѳедрѣ химической технологіи.

Утвержденъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тютчевъ* — почетнымъ попечителемъ Московской 7-й гимназіи, согласно избранію, на три года.

(2-го апрѣля 1896 года). *Назначены:* экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Марковъ*—ординарнымъ академикомъ той же академіи по чистой математикѣ, со 2-го марта; окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Исаенковъ*—помощникомъ попечителя того же округа; дѣлопроизводители особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами: VI класса, коллежскій ассесоръ *Игнерскій* и VII класса, титулярный совѣтникъ *Максинъ*—дѣлопроизводителями того же отдѣленія: первый—V класса, а второй — VI класса, оба—съ 1-го января.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію, помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Садоковъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

(9-го апрѣля 1896 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* по Харьковскому учебному округу: учителя: гимназій: Пензенской 1-й, *Потапьевъ*—съ 10-го іюня 1895 г., Пензенской 2-й, *Бутовъ*—съ 11-го октября 1893 г., Тамбовской, *Чаусовъ*—съ 7-го января 1894 г.; реальныхъ училищъ: Харьковскаго: *Лефевръ*—съ 1-го сентября 1893 г. и *Левитскій*—съ 1-го января 1895 г., Пензенскаго, *Альбокриновъ*—съ 9-го апрѣля 1895 г.; инспекторы народныхъ училищъ: Воронежской губерніи, *Воронецкій*—съ 1-го іюля 1894 г. и Харьковской губерніи, *Гоголюбовъ*—съ 1-го іюля 1895 г.; по Виленскому учебному округу: учителя Шавельской гимназіи, *Зееманъ-фонъ-Езерскій* — съ 1-го октября 1895 г., Гомельской мужской прогимназіи, *Окинашевичъ*—съ 1-го іюля 1895 г. и Бѣлостокскаго реальнаго училища, *Свидерскій*—съ 24-го октября 1895 г.; по Кавказскому учебному округу,

Библиотека "Руниверс"

инспекторъ кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Яцюкъ*—съ 5-го августа 1895 г., учитель, исполняющій обязанности инспектора Екатеринодарской городской мужской гимназіи *Виноградовъ*—съ 19-го сентября 1895 г.; учителя: гимназій: Екатеринодарской городской, *Штепенко*—съ 30-го сентября 1895 г., Елисаветпольской, *Самойленко*—съ 30-го сентября 1894 г., кутаисской, *Халасовъ*—съ 18-го ноября 1895 г., Пятигорской прогимназіи: *Самойловичъ*—съ 16-го сентября 1895 г., и сверхштатный *Принцъ*—съ 12-го іюля 1895 г., Темиръ-ханъ-шуринскаго реальнаго училища *Ясковскій*—съ 12-го мая 1895 г. и Закавказской учительской семинаріи, *Ломоури*—съ 1-го сентября 1895 г.; по Западно-сибирскому учебному округу, инспекторъ Томской гимназіи *Курочкинъ*—съ 10-го іюня 1895 г.; учителя: Тобольской гимназіи, *Вознесенскій*—съ 14-го іюня 1895 г., Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища: *Багаевъ*—съ 1-го іюля 1895 г. и *Кузминъ*—съ 11-го сентября 1895 г.; учитель, исполняющій обязанности инспектора Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, *Силецкій*—съ 1-го августа 1895 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: учителя: реальныхъ училищъ: воронежскаго: *Моревъ*—съ 15-го сентября 1892 г., *Поповъ*—съ 20-го октября 1894 г. и *Качеповскій*—съ 3-го ноября 1892 г., Новочеркасскаго, *Буханцевъ*—съ 18-го сентября 1893 г.; женскихъ гимназій: Воронежской Маріинской, *Прядкинъ*—съ 10-го сентября 1892 г., сумской, *Назаревскій*—съ 22-го августа 1895 г., Пензенской, *Казанскій*—съ 1-го марта 1895 г., Ахтырской прогимназіи, *Стдлецкій*—съ 9-го октября 1894 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи *Тулиновъ*—съ 11-го августа 1895 г., по Виленскомъ учебному округу: учителя: гимназій: Виленской 2-й, *Кляссъ*—съ 11-го ноября 1895 г., Витебской, *Сахаровъ*—съ 23-го ноября 1895 г., Могилевской, *Апагинянскій*—съ 1-го сентября 1894 г., Шавельской, *Шпаковскій*—съ 17-го сентября 1895 г., Гомельской мужской прогимназіи, *Садиковъ*—съ 17-го августа 1895 г.; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи *Еленевскій*—съ 1-го августа 1895 г.; завѣдывающій Новоалександровскимъ городскимъ училищемъ *Божко*—съ 1-го августа 1891 г.; по Кавказскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Терской области *Орелъ*—съ 29-го декабря 1886 г.; учителя: гимназій: Тифлисской 1-й мужской, *Фехнеръ*—съ 17-го іюля 1895 г. и Эриванской, *Тарасовъ*—съ 9-го августа 1895 г., Закавказской учительской семинаріи *Кадыръ-Эфенди-Заде*—съ 1-го февраля 1893 г., Бакинскаго реальнаго училища: *Шрам-*

Библиотека "Руниверс"

ченко—съ 26-го ноября 1895 г. и *Кабановъ*—съ 1-го августа 1895 г., учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Георгіевскаго, *Тумаровъ*—съ 19-го августа 1890 г., Кизлярскаго, *Тамазовъ*—съ 1-го іюля 1894 г., Моздокскаго, *Буровъ*—съ 27-го августа 1895 г., Дербентскаго, *Мевишетъ-Хуцесовъ*—съ 1-го іюля 1892 г., Екатеринодарскаго Александровскаго, *Измайловъ*—съ 28-го августа 1894 г. и Темрюкскаго, *Топурія*—съ 1-го іюля 1892 г.; смотритель Владикавказскаго ремесленнаго графа Лорисъ-Меликова училища *Фроловъ*—съ 21-го августа 1886 г.; по Западно-сибирскому учебному округу: первый учитель Семипалатинскаго пятикласнаго городскаго училища *Вяткинъ*—съ 1-го іюля 1892 г.; учителя: Омской гимназіи, *Ремезовъ*—съ 1-го сентября 1895 г. и Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, *Миллеръ*—съ 1-го августа 1895 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Корочанской Александровской, *Ширяевскій*—съ 29-го декабря 1893 г., Пензенской 2-й, *Бергъ*—съ 7-го января 1894 г., реальныхъ училищъ: Пензенскаго, *Дюбуръ*—съ 21-го августа 1882 г., Харьковскаго: *Флоровъ*—съ 17-го сентября 1889 г., *Запорожцевъ*—съ 1-го ноября 1890 г. и *Функенштейнъ*—съ 14-го іюня 1894 г., Воронежскаго, *Поль*—съ 1-го декабря 1893 г. и Новочеркасскаго, *Нефедовъ*—съ 15-го мая 1895 г.,, женскихъ гимназій: пензенской, *Берви*—съ 6-го марта 1876 г., Воронежской Маріинской, *Карташевъ*—съ 5-го ноября 1890 г. и Харьковской 2-й, *Веберъ*—съ 9-го сентября 1891 г., прогимназій: Ахтырской, *Подвысоцкій*—съ 28-го іюля 1887 г. и Воронежской, *Сребрянскій*—съ 7-го января 1894 г., городскихъ трехклассныхъ училищъ: Коротоякскаго, Воронежской губерніи, *Поповъ*—съ 7-го марта 1889 г., Моршанскаго, Тамбовской губерніи, *Гончаровъ*—съ 18-го ноября 1892 г., Новохоперскаго, Воронежской губерніи, *Скороходъ*—съ 10-го ноября 1893 г. и Керенскаго, Пензенской губерніи, *Пищенко*—съ 1-го августа 1894 г.; преподаватель Бѣлгородскаго учительскаго института *Шевелинъ*—съ 18-го ноября 1893 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Пензенской 2-й гимназіи *Безверховъ*—съ 1-го апрѣля 1891 г.; врачи: Пензенскаго реальнаго училища, *Станевичъ*—съ 7-го октября 1889 г. и Харьковскаго уѣзднаго училища, *Петровскій*—съ 15-го сентября 1895 г.; учитель-завѣдывающій Чугуевскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ Харьковской губерніи *Леонтьевъ*—съ 28-го августа 1895 г.; по Виленскому учебному округу учитель Мозырской прогимназіи *Созоновъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель Ставропольской

Библиотека "Руниверс"

гимназіи *Бѣлевичъ*—съ 19-го декабря 1894 г.; бывшій сверхштатный учитель Владикавказской гимназіи (нынѣ въ отставкѣ) *Джашитовъ*—съ 1-го іюля 1893 г., врачъ Кутаисской прогимназіи *Дзнеладзе*—съ 1-го января 1894 г.: завѣдывающій Анапскимъ мореходнымъ классомъ *Скарайнъ*—съ 1-го ноября 1895 г.; помощникъ воспитателя пансіона Владикавказскаго реальнаго училища *Балталонъ*—съ 1-го іюня 1895 г.; надзиратель Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища *Корецкій*—съ 7-го августа 1895 г.; учитель Мингрельскаго городскаго училища *Инасаридзе*—съ 21-го сентября 1895 г.; по Западно-сибирскому учебному округу: учитель Тобольской гимназіи *Шиллеръ*—съ 16-го августа 1894 г.; воспитатель пансіона Тобольской гимназіи *Гурскій*—съ 20-го августа 1894 г. и первый учитель Семипалатинскаго пятикласснаго городскаго училища *Масленниковъ*—съ 9-го сентября 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* по Харьковскому учебному округу: почетный смотритель Чембарскаго городскаго трехкласснаго училища Пензенской губерніи *Мачинскій*—съ 1-го іюля 1883 г.; учитель-инспекторъ Керенскаго городскаго трехкласснаго училища той же губерніи *Чернышевъ*—съ 24-го апрѣля 1892 г.; врачъ Спасскаго городскаго трехкласснаго училища Тамбовской губерніи *Позднякевъ*—съ 28-го февраля 1893 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Тамбовской гимназіи *Аладинскій*—съ 1-го августа 1893 г.; учителя: городскихъ трехклассныхъ училищъ: Моршанскаго, Тамбовской губерніи, *Филипповъ*—съ 4-го ноября 1894 г., Новохоперскаго, Воронежской губерніи, *Мерецкій*—съ 20-го января 1895 г. и двухкласснаго Зміевскаго городскаго училища, Харьковской губерніи, *Желдаковъ*—съ 1-го марта 1895 г., уѣздныхъ училищъ: Темниковскаго, Тамбовской губерніи, *Лихачевъ*—съ 31-го іюля 1893 г., Купянскаго, Харьковской губерніи, *Поповъ*—съ 28-го августа 1894 г., и Борисоглѣбскаго, Тамбовской губерніи, *Пашковъ*—съ 11-го октября 1894 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Гаркушенко*—съ 1-го августа 1895 г.; по виленскому учебному округу: учителя: Витебской гимназіи, *Сабинъ-Гусъ*—съ 26-го октября 1895 г., Поневѣжскаго реальнаго училища, *Августиновичъ*—съ 1-го сентября 1895 г. и Мирскаго городскаго училища, *Бѣляковъ*—съ 16-го сентября 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Могилевской, *Сапежко*—съ 17-го ноября 1895 г. и Шавельской, *Марковичъ*—съ 24-го декабря 1895 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Тифлисской 2-й мужской гимназіи *Местіевъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ

Библиотека "Руниверс"

гимназій: тифлисской 1-й мужской, *Малышковъ*—съ 1-го августа 1895 г., Владикавказской, *Юркевичъ*—съ 3-го сентября 1894 г., Тифлисской 3-й мужской, *Арюціанцъ*—съ 1-го сентября 1895 г., помощникъ воспитателя пансіона Владикавказскаго реальнаго училища *Сорокинъ*—съ 18-го августа 1895 г.; врачъ Тифлисскаго городскаго училища *Тархановъ*—съ 20-го февраля 1885 г.; учитель инспекторъ Ахалкалакскаго городскаго училища *Тарасовъ*—съ 1-го сентября 1892 г.; учителя городскихъ училищъ: Телавскаго, *Зубковъ* и Моздокскаго, *Герціевъ*, оба—съ 27-го августа 1894 г., Мингрельскаго, *Кочергинъ*—съ 24-го ноября 1894 г., Ахалкалакскаго, *Теръ-Крикоровъ* и Тифлисскаго, сверхштатный *Джапаридзе*, оба—съ 1-го іюля 1895 г., Баталпашинскаго, *Михайловъ*—съ 1-го сентября 1891 г.; учитель-надзиратель Майкопской горской школы *Поповъ*—съ 1-го сентября 1895 г.; учителя: Татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи: *Кочарлинскій*—съ 7-го ноября 1893 г. и *Гаракандзе*—съ 9-го іюля 1889 г., русскаго начальнаго училища при той же семинаріи, *Прихня*—съ 1-го іюля 1895 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ тифлисской 1-й мужской гимназіи (нынѣ въ отставкѣ) *Серпѣевъ*—съ 1-го сентября 1895 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: первый учитель Устькаменогорскаго трехкласснаго городскаго училища *Домаховскій*—съ 15-го августа 1891 г.; учитель Туринскаго уѣзднаго училища *Рубцовъ*—съ 12-го ноября 1894 г.; бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Вдовинъ*—съ 29-го сентября 1895 г., и второй учитель Павлодарскаго трехкласснаго городскаго училища *Поникаровскій*—съ 7-го октября 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Чембарскаго трехкласснаго Пензенской губерніи *Козьменковъ*—съ 1-го августа 1891 г., Славянскаго четырехкласснаго, Харьковской губерніи, *Тубольцевъ*—съ 6-го ноября 1892 г., Валковскаго трехкласснаго, Харьковской губерніи, *Мараховскій*—съ 30-го декабря 1892 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Острогожскаго, Воронежской губерніи, *Захаровъ*—съ 1-го августа 1890 г., Шацкаго, Тамбовской губерніи, *Грековъ*—съ 4-го ноября 1894 г. и Тамбовскаго, *Кузнецовъ*—со 2-го декабря 1894 г.; письмоводитель Тамбовскаго реальнаго училища *Боголѣпскій*—съ 4-го декабря 1894 г.; по Виленскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Минскаго, *Гуринъ*—съ 1-го іюля 1893 г. и Поневѣжскаго, *Селезневъ*—съ 17-го августа 1895 г.; учителя: Бѣлостокскаго реальнаго училища, *Морозъ*—съ 7-го

Библиотека "Руниверс"

іюля 1895 г. и Оршанскаго городскаго училища, *Меркуловъ*—съ 19-го іюля 1892 г.; по Кавказскому учебному округу: исправляющій должность дѣлопроизводителя VII класса канцеляріи попечителя *Стась*—съ 18-го сентября 1890 г.; учителя городскихъ училищъ: Ахалцихскаго, *Погорѣловъ*—съ 16-го іюля 1895 г., Горійскаго, *Лашаури*—съ 1-го іюля 1895 г., Телавскаго, сверхштатный *Цискаровъ*—съ 24-го августа 1890 г.; учителя: приготовительнаго класса Нальчикской горской школы, *Кармовъ*—съ 1-го сентября 1892 г., однокласснаго нормальнаго училища при Боржомской школѣ ремесленныхъ учениковъ, *Борисовъ*—съ 27-го ноября 1895 г.; смотритель-учитель Хонскаго двухкласснаго начальнаго училища *Гагуа*—съ 1-го сентября 1895 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Томской гимназіи *Оксеновъ*—съ 24-го ноября 1892 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* по Харьковскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ: Острогожскаго, Воронежской губерніи, *Кононенко*—съ 15-го августа 1888 г., Темниковскаго, Тамбовской губерніи, *Пушкаревъ*—съ 15-го января 1893 г. и Харьковскаго, *Попудренко*—съ 31-го августа 1893 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Сабо*—съ 14-го іюля 1895 г.; по Кавказскому учебному округу: помощникъ смотрителя Тифлисскаго Николаевскаго двухкласснаго начальнаго училища *Чишмаритовъ*—съ 1-го октября 1895 г.; смотритель-учитель Кулашскаго нормальнаго сельскаго училища *Мкурнали*—съ 1-го сентября 1894 г.; помощникъ смотрителя-учителя Хонскаго двухкласснаго начальнаго училища *Нуцубидзе*—съ 1-го сентября 1895 г.; учитель Манглисскаго сельскаго двухкласснаго нормальнаго училища *Хуціевъ*—съ 8-го іюля 1895 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ: Туринскаго, *Поповъ*—съ 20-го января 1892 г. и Омскаго, *Барановъ*—съ 25-го мая 1892 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Харьковскому учебному округу: учитель 2-го Харьковскаго городскаго приходскаго училища *Колесинскій*—съ 21-го августа 1889 г.; учителя приходскихъ училищъ, Донской области: Екатериненскаго, *Даниловъ*—съ 20-го сентября 1889 г., Терновaго, *Мисинъ*—съ 4-го сентября 1893 г., Пятизбянскаго, *Костинъ*—съ 3-го іюля 1894 г.; старшій учитель Славянскаго, Харьковской губерніи, двухкласснаго, городскаго приходскаго училища, *Гридинъ*—съ 24-го ноября 1894 г.; по Кавказскому учебному округу: канцелярскій чиновникъ X класса канцеляріи попечителя *Соколовскій*—съ 10-го декабря 1895 г.; письмоводитель дирекціи народныхъ учи-

Библиотека "Руниверс"

лищъ Терской области *Лихаревскій*—съ 29-го октября 1892 г.; помощникъ учителя Озургетскаго городскаго училища *Гомелауровъ*—съ 1-го сентября 1893 г.; учитель Артвинскаго двухкласснаго нормальнаго сельскаго училища *Ростевановъ*—съ 26-го сентября 1895 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Харьковскому учебному округу; учителя городскихъ училищъ, Воронежской губерніи: 1-го Задонскаго, *Воробьевскій*—съ 15-го октября 1891 г., 2-го Задонскаго приходскаго, *Альбинскій*—съ 1-го ноября 1893 г., Острогожскаго приходскаго, *Гончаровъ*—съ 1-го августа 1893 г.; учителя приходскихъ училищъ: 1-го Воронцовскаго, Воронежской губерніи, *Зиновьевъ*—съ 27-го августа 1879 г., Мечетинскаго, Донской области, *Монахинъ*—съ 3-го января 1893 г. Ново-Григорьевскаго, Донской области, *Людовъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; бывшій учитель Землянскаго, Воронежской губерніи, приходскаго училища (нынѣ учитель Касторенскаго сельскаго училища) *Карамановъ*—съ 27-го августа 1893 г.; учитель Ахтырскаго, Харьковской губерніи, уѣзднаго училища *Стеценко*—съ 16-го августа 1894 г.; учитель Кирсановскаго, Тамбовской губерніи, городскаго приходскаго училища *Казанскій*—съ 17-го января 1895 г.; по Виленскому учебному округу: почетный смотритель Ошмянскаго уѣзднаго училища, Виленской губерніи, *Александровъ*—съ 22-го сентября 1894 г.; письмоводитель Бѣлостокскаго реальнаго училища *Корсунскій*—съ 1-го іюля 1878 г.: учителя приходскихъ училищъ: 1-го Витебскаго, *Савинскій*—съ 1-го октября 1894 г. и Чаусскаго, Могилевской губерніи, *Атрашкевичъ*—съ 1-го февраля 1888 г.; по Кавказскому учебному округу: смотрителя-учителя сельскихъ училищъ: Даггкесаманскаго сельскаго нормальнаго двухкласснаго училища, *Гикаловъ*—съ 9-го октября 1895 г., Самагарскаго двухкласснаго земскаго, *Теръ-Ованесовъ*—съ 1-го августа 1895 г., Гюлаблинскаго одноклассnаго, бекъ *Аслановъ*—съ 1-го іюля 1887 г.; учителя училищъ: Моздокскаго Кирилло-Меѳодіевскаго приходскаго, *Афанасьевъ*—съ 14-го ноября 1893 г., Владикавказскаго городскаго приходскаго 2-го начальнаго общественнаго училища, *Бирюлькинъ*—съ 1-го сентября 1885 г., начальнаго при Елизаветпольскомъ Михайловскомъ ремесленномъ училищѣ, *Багдатьевъ*—съ 15-го января 1883 г.; учителя-завѣдывающіе сельскими училищами: Старо-Щербиновскимъ двухклассnымъ, *Перекотій*—съ 1-го августа 1889 г.; Старо-Мышатовскимъ двухклассnымъ, *Погулаевъ*—съ 1-го сентября 1895 г., Гіагинскимъ двухклассnымъ. *Лавровскій*—съ 1-го августа 1894 г., Родниковскимъ

Библиотека "Руниверс"

одноклассным, *Шапошниковъ*—съ 1-го декабря 1888 г.; учителя сельскихъ училищъ: Шкуринскаго однокласснаго, *Антроповъ*—съ 1-го августа 1895 г., Арзгирскаго, *Тихомировъ*—съ 1-го сентября 1893 г., Чернорынковскаго однокласнаго нормальнаго, *Моребисъ* (онъ же Морвисъ) съ 1-го сентября 1891 г., Суворовскаго Александровскаго двухкласснаго, *Борисенко*—съ 1-го августа 1894 г.; Воронцово-Александровскаго двухкласснаго, *Серебрянниковъ*—съ 27-го сентября 1893 г., Крымгиреевскаго однокласснаго, *Кузовкинъ*—съ 16-го августа 1888 г., Дагкесаманскаго нормальнаго двухкласснаго, *Саруханянцъ*—съ 12-го сентября 1895 г., Новодеревянковскаго однокласснаго, *Пѣневъ*—съ 1-го августа 1887 г., Касумкентскаго нормальнаго двухкласснаго, *Емазаровъ*—съ 7-го августа 1893 г., станичныхъ: Михайловскаго, *Кармазинъ*—съ 19-го августа 1887 г., государственнаго, *Лагинъ*—съ 1-го октября 1893 г.; бывшій учитель Моздокскаго Кирилло-Меѳодіевскаго приходскаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Кончухидзе*—съ 1-го августа 1891 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, по Харьковскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи *Воронцовъ-Вельяминовъ*—съ 11-го іюня 1891 г.; *коллежскаго ассесора*: по Харьковскому учебному округу: учителя: Воронежскаго реальнаго училища: *Буланже*—съ 7-го января 1888 г. и *Анощенко*—съ 9-го сентября 1891 г., Харьковской 2-й женской гимназіи, *Лезинъ*—съ 18-го октября 1890 г. и *Кузнецовъ*—съ 22-го февраля 1891 г., Пензенской женской прогимназіи *Дружининъ*—съ 6-го марта 1891 г. и Харьковской прогимназіи, *Крюковъ*—съ 18-го ноября 1891 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: гимназій: Ковенской, *Энгель*—съ 16-го іюля 1891 г. и Шавельской, *Шоппо*—съ 17-го сентября 1891 г., реальныхъ училищъ: Бѣлостокскаго, *Гюбнеръ*—съ 19-го сентября 1891 г. и Двинскаго, *Буйновъ*—съ 8-го октября 1891 г., Виленскаго еврейскаго учительскаго института, *Соколовъ*—съ 9-го ноября 1891 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя гимназій: Эриванской, *Тарданъ*—съ 28-го сентября 1889 г. и *Герцъ*—съ 17-го сентября 1891 г., Ставропольской, *Чейшвили*—съ 22-го августа 1891 г., Тифлисской 3-й мужской: *Шиляевъ*—съ 7-го іюня 1891 г. и *Шамшиновъ*—съ 18-го ноября 1891 г., Бакинской Маріинской женской, *Стржижовскій*—съ 1-го сентября 1890 г., учителя: Пятигорской прогимназіи, *Краснуха*—съ 18-го ноября 1891 г., Шушинскаго реальнаго училища: *Резлеръ*—

Библиотека "Руниверс"

съ 1-го іюля 1889 г. и сверхштатный *Калантаровъ*—съ 1-го сентября 1891 г.; воспитатель пансіона Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища *Роменскій*—съ 7-го декабря 1888 г.; бывшій сверхштатный учитель Тифлисской 1-й мужской гимназіи (нынѣ въ отставкѣ) *Ровняковъ*—съ 7-го іюня 1891 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя: Тобольской гимназіи, *Терновскій*—съ 7-го іюня 1891 г., реальныхъ училищъ: Тюменскаго Александровскаго, *Перешиваловъ*—съ 15-го ноября 1890 г. и *Кауфманъ*—съ 1-го іюля 1891 г. и Томскаго Алексѣевскаго, *Васильевъ*—съ 7-го сентября 1891 г.; *титулярнаго совѣтника:* по Виленскому учебному округу: штатный врачъ Могилевскаго начальнаго училища *Лифшицъ*—съ 13-го марта 1877 г., по степени лѣкаря; по Западно-Сибирскому учебному округу: первые учителя городскихъ училищъ: Каркаралинскаго трехкласснаго, *Соловьевъ*—съ 15-го ноября 1890 г. и Петропавловскаго пятикласснаго, *Шультовъ*—съ 1-го іюля 1891 г.; *коллежскаго секретаря:* по Харьковскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Таганрогской гимназіи *Хуціевъ*—съ 15-го августа 1891 г.; учителя городскихъ училищъ: Путивльскаго трехкласснаго, Курской губерніи; *Добрянскій* и *Пантелѣевъ*, оба—съ 7-го февраля 1891 г., Инсарскаго четырехкласснаго, Пензенской губерніи, *Краснослободскій*—съ 4-го мая 1891 г.; учитель Путивльскаго ремесленнаго училища „Маклаковыхъ" *Михеевъ*—съ 7-го февраля 1891 г.; учитель городскаго училища при Бѣлгородскомъ учительскомъ институтѣ *Черняковъ*—съ 1-го мая 1891 г.; по Виленскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Виленской 1-й, *Тыминскій*—съ 21-го октября 1891 г., Виленской 2-й: *Лосковичъ*—съ 20-го іюня 1891 г. и *Тарасевичъ*—съ 15-го августа 1891 г. и Витебской, *Обухъ*—съ 5-го октября 1891 г.; учителя городскихъ училищъ: Могилевскаго, *Крачина*—съ 13-го іюля 1891 г. и Оршанскаго, Могилевской губерніи, *Мамовичъ*—съ 7-го іюля 1889 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Александропольскаго, *Суховъ*—съ 20-го августа 1889 г., Телавскаго, *Мамаладзе*—съ 1-го сентября 1891 г., Екатериновскаго Александровскаго, *Вартапетовъ*—съ 20-го ноября 1891 г., Тюрюкскаго, *Беридзе*—съ 1-го августа 1891 г., Нахичеванскаго: *Мелкумовъ*—съ 13-го сентября 1891 г. и *Мамулайшвили*—съ 1-го октября 1891 г.; бывшій учитель, нынѣ помощникъ учителя, Баталпашинскаго городскаго училища *Минчалевъ*—съ 1-го августа 1891 г.; Тифлисскаго городскаго, содержимаго на средства

Библиотека "Руниверс"

Закавказской желѣзной дороги, училища *Нанобовъ*—съ 1-го сентября 1891 г.; учитель Владикавказскаго ремесленнаго графа Лорисъ-Меликова училища *Сорокинъ*—съ 1-го сентября 1891 г.; помощники воспитателей пансіоновъ: гимназій: Ставропольской, *Ларіоновъ*—съ 11-го сентября 1891 г., Эриванской, *Бибоевъ*—съ 1-го іюля 1890 г. и Бакинскаго реальнаго училища: *Дмитріевъ*—съ 10-го сентября 1891 г. и *Агафоновъ*—съ 10-го октября 1891 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Пятигорской прогимназіи *Васильченко* — съ 1-го августа 1891 г.; смотритель-учитель Уманскаго двухкласснаго начальнаго училища *Кочеровъ*—съ 1-го августа 1890 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: второй учитель Акмолинскаго трехкласснаго городскаго училища *Псаревъ*—съ 15-го августа 1888 г.; учитель Колыванскаго двухкласснаго городскаго училища *Булашевъ*—съ 1-го іюля 1890 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Вѣрненской гимназіи *Шнейдеръ*—съ 1-го сентября 1891 г.; хранитель физическаго кабинета Императорскаго Томскаго университета *Галанинъ*—съ 15-го мая 1893 г., по диплому первой степени Императорскаго С.-Петербургскаго университета; *губернскаго секретаря:* по Харьковскому учебному округу: исправляющій должность учителя Калмыцкаго окружнаго училища, Донской области, *Чупатиновъ*—съ 17-го сентября 1888 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Лебедянскаго, Тамбовской губерніи: *Мальцевъ*—съ 31-го августа 1890 г. и *Окороковъ* — съ 27-го мая 1891 г. Липетскаго, той же губерніи, *Баршевъ* и Тамбовскаго, *Григоровъ*, оба—съ 1-го августа 1891 г.; учитель Новочеркасскаго окружнаго училища, Донской области, *Шепкадовъ*—съ 22-го марта 1891 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Гомельской женской прогимназіи, *Ровачъ*—съ 26-го іюля 1891 г. и Витебскаго уѣзднаго училища, *Мулярчикъ*—съ 1-го января 1891 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель Назрановской горской школы *Ковалевскій*—съ 1-го января 1889 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: бывшій учитель Каинскаго уѣзднаго училища *Куминовъ*—съ 1-го мая 1889 г. и учитель Томскаго уѣзднаго училища *Быстржицкій*—съ 20-го сентября 1891 г.; *коллежскаго регистратора:* по Харьковскому учебному округу: сверхштатный учитель Харьковскаго уѣзднаго училища *Дашкевичъ* — съ 22-го марта 1891 г.; по Виленскому учебному округу: учитель Бѣльскаго уѣзднаго училища *Тюковъ* — съ 29-го августа 1891 г.; по Кавказскому учебному округу: помощникъ учителя Тифлисскаго городскаго, содержимаго на средства Закавказской желѣзной дороги, училища *Барсу-*

Библиотека "Руниверс"

ковъ — съ 1-го сентября 1891 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, помощники учителей двухклассныхъ городскихъ училищъ: Бійскаго, *Воронинъ*—съ 7-го августа 1885 г. и Колыванскаго, *Чирковъ*—съ 18-го апрѣля 1887 г.

(17-го апрѣля 1896 года). *Назначаются*: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея, докторъ государственнаго права, статскій совѣтникъ *Щегловъ*—ординарнымъ профессоромъ того же лицея, по энциклопедіи права; экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ государственнаго права, статскій совѣтникъ *Дьяконовъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ исторіи русскаго права.

Утверждаются: оберъ-камергеръ Высочайшаго двора *Нарышкинъ*, статскій совѣтникъ *Малама*, коллежскій ассессоръ *Швейцеръ*, коллежскій секретарь *Устимовичъ* и дворянинъ *Кочубей*—почетными попечителями: Нарышкинъ — вновь Тамбовскаго реальнаго училища, Малама—Екатеринославской гимназіи, Швейцеръ—Алатырской мужской прогимназіи и Порѣцкой учительской семинаріи, Устимовичъ—Кременчугскаго реальнаго училища и Кочубей—Ялтинской прогимназіи, изъ нихъ: первые четверо—согласно избранію, всѣ пятеро—на три года, а Нарышкинъ—съ оставленіемъ оберъ-камергеромъ.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ министерству финансовъ, магистръ политической экономіи и статистики *Миклашевскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по каѳедрѣ политической экономіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, статскій совѣтникъ *Барфуртъ*, съ 1-го апрѣля.

Умершіе исключаются изъ списковъ: директоръ археологическаго института, въ С.-Петербургѣ, членъ археографической комиссіи, тайный совѣтникъ *Трубровъ*, съ 30-го марта; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ *Богдановъ*, съ 16-го марта, и совѣтникъ правленія, по хозяйственной части, того же университета, статскій совѣтникъ *Бобольповъ*, съ 17-го марта.

Библиотека "Руниверс"

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (27-го февраля 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени Владиміра Антоновича Бачинскаго при Кіевской 1-ой гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, оставшагося послѣ смерти учителя Кіевской 1-ой гимназіи Владиміра Антоновича Бачинскаго, вымороч-нымъ въ пользу этой гимназіи и составляющаго нынѣ, съ нарослими по 1-е января 1896 г. процентами, *одну тысячу пятьдесятъ одинъ* рубль *девятнадцать* коп., учреждается при Кіевской 1-ой гимназіи стипендія имени Владиміра Антоновича Бачинскаго.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ на одну тысячу рублей и въ наличныхъ деньгахъ на пятьдесятъ одинъ рубль девятнадцать коп., хранится въ кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала обращаются на уплату денегъ за ученіе одного больнаго ученика Кіевской 1-ой гимназіи по выбору педагогическаго совѣта гимназіи въ каждомъ полугодіи.

§ 4. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ либо причинамъ остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (29-го февраля 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени Тимоѳея Петровича Куксы при Харьковскомъ технологическомъ институтѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 8.500 рублей, пожертвованнаго по духовному завѣщанію купцомъ Тимоѳеемъ Петровичемъ Куксою учреждается при Харьковскомъ технологическомъ институтѣ стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, причисляется къ спеціальнымъ средствамъ Харьковскаго технологическаго института и хранится въ Харьков-

Библиотека "Руниверс"

скомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентовъ съ этого капитала выдается ежегодно стипендіату 300 рублей помѣсячно равными частями. Сверхъ того, изъ тѣхъ же процентовъ ежегодно вносится въ институтъ 50 рублей въ плату за обученіе того же стипендіата, съ соблюденіемъ въ обоихъ случаяхъ закона 20-го мая 1885 года.

§ 4. Стипендія назначается Ростовскою на Дону городскою думою преимущественно тѣмъ молодымъ людямъ, которые окончили курсъ въ Ростовскомъ реальномъ училищѣ съ отличіемъ и пользовались въ этомъ заведеніи стипендіями имени Тимоѳея Петровича Куксы. Но въ случаѣ недостатка такихъ лицъ, стипендія можетъ быть, по постановленію Ростовской на Дону городской думы, назначаема и окончившимъ съ отличіемъ курсъ въ другихъ Ростовскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ изъ лицъ православнаго вѣроисповѣданія, хотя бы они и не пользовались стипендіями Т. П. Куксы.

При отсутствіи же лицъ, окончившихъ курсъ въ Ростовскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, стипендія можетъ быть назначена названною городскою думою и тѣмъ молодымъ людямъ изъ жителей города Ростова, которые окончили курсъ наукъ въ иногородныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 5. Въ случаѣ неуспѣшныхъ занятій въ институтѣ или неодобрительнаго поведенія стипендіата, онъ можетъ быть лишенъ стипендіи постановленіемъ учебнаго комитета института.

§ 6. Могущій образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатокъ причисляется къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (29-го февраля 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго директора Высочайше утвержденнаго товарищества мануфактуръ А. Каретниковой съ сыномъ—Степана Васильевича Каретникова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи сто* рублей, пожертвованнаго пайщиками Высочайше утвержденнаго товарищества мануфактуръ А. Каретниковой съ сыномъ, за удержаніемъ

Библиотека "Руниверс"

изъ $^0/_0$ государственнаго $5^0/_0$ сбора по закону 5-го мая 1885 года, учреждается при Владимірскомъ земскомъ ремесленномъ училищѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника И. С. Мальцова стипендія имени покойнаго директора означеннаго товарищества Степана Васильевича Каретникова.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной $4^0/_0$ непрерывно-доходной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Владимірскаго Мальцовскаго ремесленнаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ числѣ спеціальныхъ его средствъ въ мѣстномъ казначействѣ.

Примѣчаніе. Срочные купоны означенныхъ процентныхъ бумагъ отрѣзаются и выдаются по формальнымъ требованіямъ попечительнаго совѣта названнаго училища. Неизрасходованные проценты, въ случаѣ отсутствія стипендіата, причисляются сполна къ капиталу.

§ 3. Право избранія стипендіатовъ изъ учениковъ Мальцовскаго ремесленнаго училища, дѣтей лицъ, работавшихъ или работающихъ на фабрикахъ товарищества А. Каретниковой съ сыномъ, принадлежитъ правленію означеннаго товарищества.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія имъ курса въ училищѣ, при условіи хорошихъ успѣховъ и отличнаго поведенія; въ случаѣ малоуспѣшности, вызываемой лѣностью или дурнаго поведенія стипендіата, начальство училища извѣщаетъ объ этомъ правленіе товарищества мануфактуры А. Каретниковой съ сыномъ на предметъ избранія болѣе достойнаго стипендіата.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (15-го марта 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго подольскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Павловича Баумгартена при Каменецъ-Подольской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *семь тысячъ триста шесть* руб. *семьдесятъ шесть* коп., собраннаго добровольно сахаро-заводчиками Подольской губерніи, учреждается при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи одна стипендія имени бывшаго подольскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Павловича Баум-

Библиотека "Руниверс"

гартена, въ ознаменованіе его полезной дѣятельности по оздоровленію мѣстностей сахарныхъ заводовъ, во время его управленія Подольской губерніей.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты на сумму 7.300 руб. и въ книжкѣ сберегательной кассы каменецъ-подольскаго отдѣленія государственнаго банка за № 8949 на 6 руб. 76 коп., хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіей пользуется бѣднѣйшій ученикъ помянутой гимназіи, христіанскаго вѣроисповѣданія, лучшій по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время пребыванія его въ гимназіи и можетъ быть лишенъ ея только по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію, по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Право избранія стипендіата всецѣло принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, при которой учреждается означенная стипендія.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (20-го марта 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго Ѳ. Н. Плевако, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Московскому университету присяжнымъ повѣреннымъ Иваномъ Тимофеевичемъ Саксомъ и заключающагося въ трехъ облигаціяхъ московскаго городскаго кредитнаго общества на двѣ тысячи руб. номинальныхъ и въ трехстахъ шестидесяти пяти руб. наличными деньгами, учреждается при университетѣ для студентовъ юридическаго факультета одна стипендія имени присяжнаго повѣреннаго Ѳедора Никифоровича Плевако.

Библиотека "Руниверс"

§ 2. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала, за вычетомъ изъ оныхъ государственнаго налога.

§ 3. Стипендія должна быть назначаема студенту православнаго вѣроисповѣданія и русскаго происхожденія, исключительно изъ дѣтей или усыновленныхъ, родители или усыновители которыхъ состоятъ или состояли чинами магистратуры, прокуратуры или присяжными повѣренными.

§ 4. Если въ числѣ студентовъ, имѣющихъ по § 3 сихъ правилъ право на полученіе стипендіи, окажется носящій фамилію „Плевако", то таковому, при желаніи его получить сію стипендію и при наличности прочихъ условій, отдается преимущество предъ другими соискателями стипендіи.

§ 5. Какъ при назначеніи стипендіи, такъ и при производствѣ и прекращеніи выдачи ея стипендіату, соблюдаются общія существующія въ университетахъ правила назначенія стипендій и пособій студентамъ.

§ 6. Основной стипендіальный капиталъ можетъ быть увеличенъ дальнѣйшими на сей предметъ взносами другихъ лицъ и учрежденій, а равно могущими оказаться свободными остатками отъ процентныхъ денегъ съ самаго капитала.

§ 7. При достиженіи стипендіальнаго капитала 6.000 руб., дальнѣйшее его накопленіе должно быть обращаемо на учрежденіе второй и слѣдующихъ стипендій на условіяхъ настоящаго положенія.

6. (20-го марта 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Михаила Андреевича Саранчова при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* рублей (5.000 р.), пожертвованнаго университету Св. Владиміра Иваномъ Николаевичемъ Терещенко и его женою Елизаветой Михайловной, рожденной Саранчовой, учреждается при названномъ университетѣ одна стипендія имени генералъ-лейтенанта Михаила Андреевича Саранчова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти облигаціяхъ $4^1/_2\%$ внутренняго займа 1893 года за №№ 181822, 182742, 187048, 223317 и 223318, по тысячѣ руб. каждая, составляетъ неприкосновенную собственность университета и долженъ храниться въ

Библиотека "Руниверс"

кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ, ежегодно получаемыхъ съ стипендіальнаго капитала, по вычетѣ изъ нихъ государственнаго налога.

§ 4. Стипендіатами могутъ быть только студенты русскаго подданства и православнаго вѣроисповѣданія, безъ ограниченія факультета.

§ 5. Назначеніе стипендіи должно производиться правленіемъ университета, на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала должны быть присоединяемы къ самому капиталу для увеличенія размѣра стипендіи на счетъ процентовъ съ возросшаго капитала.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (21-го марта 1896 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Ростовскаго-на-Дону 1-й гильдіи купца потомственнаго почетнаго гражданина Петра Романовича Максимова при Ростовскомъ-на-Дону Петровскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго бывшимъ почетнымъ попечителемъ Ростовскаго-на-Дону Петровскаго реальнаго училища, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Петромъ Романовичемъ Максимовымъ капитала въ *семь тысячъ* руб., за вычетомъ изъ нихъ въ казну суммы по закону 20-го мая 1885 г., учреждается при семь училищѣ пять стипендій, по пятьдесятъ руб. каждая, имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ (на сумму 5 т. р. въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты и на 2 т. р. въ $4^1/_2$% свидѣтельствахъ крестьянскаго поземельнаго банка), составляетъ неотъемлемую собственность названнаго реальнаго училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Ростовской-на-Дону конторѣ государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища. Если же проценты, приносимые означенными билетами, уменьшатся, то соотвѣтственно этому уменьшается и размѣръ каждой стипендіи.

Библиотека "Руниверс"

§ 3. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала, за покрытіемъ расходовъ по храненію процентныхъ бумагъ, употребляются на нужды бѣднѣйшихъ учениковъ реальнаго училища, по опредѣленію педагогическаго совѣта.

§ 4. Документы на внесенныя въ Ростовскую-на-Дону контору государственнаго банка процентныя бумаги хранятся въ Ростовскомъ-на-Дону реальномъ училищѣ, которое, въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія означенныхъ бумагъ, должно озаботиться о замѣнѣ ихъ другими государственными процентными бумагами.

§ 5. Стипендіи имени Петра Романовича Максимова назначаются ученикамъ Ростовскаго-на-Дону Петровскаго реальнаго училища, недостаточнаго состоянія, русскимъ подданнымъ, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія званія, отличающимся хорошимъ поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами.

§ 6. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ училища, по соглашенію съ наслѣдникомъ завѣщателя, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Владиміромъ Романовичемъ Максимовымъ.

§ 7. Ученики пользуются стипендіями до окончанія курса или до выбытія изъ училища. Педагогическому совѣту предоставляется право за неуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе лишить стипендіата права на полученіе стипендіи; равно выдача стипендіи прекращается въ случаѣ улучшенія матеріальныхъ средствъ стипендіата.

§ 8. Деньги, причитающіяся стипендіатамъ, выдаются впередъ по полугодно на руки ихъ родителямъ или лицамъ, на попеченіи которыхъ они находятся.

§ 9. Пользованіе стипендіями Петра Романовича Максимова никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ не налагаетъ.

§ 10. Если Ростовское-на-Дону Петровское реальное училище по какимъ-либо причинамъ будетъ закрыто, то стипендіи передаются въ другое среднее учебное заведеніе города Ростова-на-Дону по опредѣленію педагогическаго совѣта реальнаго училища; если же это училище будетъ преобразовано въ учебное заведеніе другого типа, то стипендіи переходятъ въ сіе послѣднее.

8. (29-го марта 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Немировской гимназіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. В. Кизимовскаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *три тысячи* руб., отчислен-

Библиотека "Руниверс"

наго обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ учащимся Немировскихъ мужской гимназіи и женской прогимназіи, изъ основнаго капитала сего общества учреждается при Немировской мужской гимназіи одна стипендія имени бывшаго директора названной гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петра Васильевича Кизимовскаго.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты каждое въ 1.000 губ., хранится въ Брацлавскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую ея собственность. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія, онѣ обмѣниваются гимназіею на другія правительственныя или гарантированныя правительствомъ, процентныя бумаги.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., выдаются по полугодно стипендіату на обмундировку и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Немировской гимназіи.

§ 5. Стипендія назначается одному изъ недостаточныхъ учениковъ Немировской гимназіи, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

§ 6. Стипендіатъ лишается стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта, за неуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе.

§ 7. Вслѣдствіе неперевода въ высшій классъ, стипендіатъ не лишается права пользоваться стипендіею, если онъ останется въ томъ же классѣ по причинѣ, признанной уважительною педагогическимъ совѣтомъ.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (10-го апрѣля 1896 года). *Правила о единовременныхъ пособіяхъ имени Ѳедора Тихоновича Смирнова при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи пятьсотъ*

Библиотека "Руниверс"

шестьдесятъ четыре руб. *три* к., полученнаго Императорскимъ университетомъ Св. Владиміра, согласно съ утвержденнымъ Рязанскимъ окружнымъ судомъ 4 марта 1895 года духовнымъ завѣщаніемъ бывшаго студента Демидовскаго юридическаго лицея Михаила Ѳедоровича Смирнова, учреждаются при семъ университетѣ для недостаточныхъ студентовъ его единовременныя пособія имени покойнаго надворнаго совѣтника Ѳедора Тихоновича Смирнова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся нынѣ въ 4½% закладномъ листѣ государственнаго дворянскаго земельнаго банка за № 00065 въ 1,000 руб., въ билетѣ 1-го внутренняго съ выигрышами займа сер. 20, № 8594 и въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты — сер. 95, № 301 въ 1,000 р. и сер. 66, № 0077 въ 500 р., долженъ храниться неприкосновеннымъ въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета Св. Владиміра.

§ 3. Пособія должны быть назначаемы правленіемъ университета, по представленіямъ факультетовъ, бѣднѣйшимъ студентамъ православнаго вѣроисповѣданія, съ соблюденіемъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ, при чемъ пособія должны переходить поочередно съ одного факультета на другой.

§ 4. Пользованіе пособіями не налагаетъ на студентовъ никакихъ обязательствъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Составилъ *Е. Бѣлявскій*. Изданіе 4-е, вновь пересмотрѣнное. М. 1894. стр. XXII + 190. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. П. Флеровъ*, преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса. 1894. Стр. XI + 56 + XXXVI“ — рекомендовать въ качествѣ руко-

Библиотека "Руниверс"

водства для среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно для IV—VIII классовъ гимназій.

— Книгу: „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. П. Флеровъ*, преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса. 1894. Стр. VI + 47 + + XXXVI"—одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно для IV класса гимназій и прогимназій

— Книгу: „Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I (для низшихъ классовъ). Составилъ инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительствомъ Усачевско-Чернявскаго женскаго училища и преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и 5-ой гимназіи *В. Соколовъ*. Изданіе третье. Москва. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. 1896. Стр. XIII + 367. Цѣна 85 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины. (862—1362 г.г.). Томъ первый. *Н. М. Павловъ*. М. 1896. Стр. VIII + 405. Цѣна 1 руб. 50 коп."—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для народныхъ читаленъ.

— Брошюру: „Краткія историческія свѣдѣнія о Петербургскихъ типографіяхъ съ 1711 года и статистическія свѣдѣнія о заведеніяхъ печати за 1868—1895 гг. Въ пользу школы печатнаго дѣла. Составилъ *И. Карамышевъ*. С.-Пб. 1895. Стр. 29 + II"—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. G. E. Lessing. Minna von Barnhelm oder Das Soldatenglück. Ein Lustspiel in fünf Aufzügen. (Лессингъ. Минна фонъ-Барнгельмъ). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *К. Ѳ. Ганъ*, преподаватель 1-ой Тифлисской гимназіи. Изданіе *С. А. Манштейна* (второе, пересмотрѣнное и дополненное). С.-Петербургъ. 1896. Стр. 157 + 36. Цѣна со словаремъ 40 коп., въ папкѣ 50 коп."—рекомендовать какъ весьма полезное пособіе при изученіи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ.

Библиотека "Руниверс"

— Книжку: „*Б. Герцъ*. Сохраненіе и превратимость энергіи. Отдѣльный оттискъ изъ популярно-научнаго журнала „Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики". Одесса. 1895. Стр. 65. Цѣна не обозначена"—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*А. В. Вышеславцевъ*. Рафаэль. Посмертное изданіе съ 53 рисунками. С.-Петербургъ. 1894. Стр. XXXV+719. Цѣна не обозначена"—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для выдачи въ награду воспитанникамъ и воспитанницамъ старшихъ классовъ сихъ заведеній.

— Книгу: „*І. Ф. Гербартъ*. Психологія. Переводъ съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ *Александра Нечаева*. Съ предисловіемъ профессора С.-Петербургскаго университета *А. И. Введенскаго*. Изданіе редакціи журнала „Пантеонъ". С.-Петербургъ. 1895. Стр. 278. Цѣна 1 р. 25 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, учрежденными г. министромъ, постановлено:

— Брошюру: „Ко дню священнаго коронованія и муропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Чтеніе для народа съ 20 картинами. Составилъ поручикъ *Д. Н. Ломанъ*. С.-Пб. 1896. 28+20 стр. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи брошюры были исправлены отмѣченные ученымъ комитетомъ недосмотры и погрѣшности въ языкѣ и слогѣ.

— Книгу: „Леди Джэнъ. Повѣсть для юношества *С. В. Джемисонъ*. Перев. съ англ. *Е. А. Сысоевой*. С.-Пб. Изданіе *А. Ф. Девріена*.

Библиотека "Руниверс"

257 стр. въ 8-ку. Цѣна не обозначена"—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Изданія *В. А. Гатцука* („Иллюстрированная Библіотека Крестнаго Календаря): 1) Сказки, изложенные по сборнику бр. Гриммъ. Выпуски 1—13. Москва 1893—1895. 160+160+96 стр. въ 8-ку. Цѣна каждаго выпуска 20 коп. и 2) Повѣсти и сказки Ганса Андерсена. Новый полный переводъ съ датскаго подлинника. Выпуски 1—10. Москва, 1893—1894. 160+168 стр. въ 8-ку"—допустить въ ученическія, младшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Робинзонъ Крузо, его жизнь и приключенія, разсказанныя Даніелемъ де-Фо. Полный переводъ съ 120 рисунками *Вальтера Паже*. Изданіе книжнаго склада Крестнаго Календаря. Москва, 1895. VI+314+VI стр. въ 8-ку. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к."—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныя читальни.

— Изданные *В. А. Березовскимъ* военно-нравственные разсказы *К. Тхоржевскаго*: „1) Сонъ. — 2) Дикій человѣкъ. — 3) Пить до дна—не видать добра. — 4) Двумъ смертямъ не бывать, а одной—не миновать. — 5) На тигровъ. — 6) Чужое добро въ прокъ не пойдетъ. — 7) Медвѣдь. — 8) Персидская шаль. — 9) За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадетъ. — 10) Награда или какъ аукнется—такъ и откликнется.—11) Галей Хузинъ.—12) Какъ Кошкинъ получилъ георгіевскій крестъ. — 13) Береги лобъ. — 14) Прыжокъ по царскому повелѣнію. — 15) Ротная собака. — 16) Все отъ Бога. — 17) Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. — 18) Полоса. — 19) Двадцать пять рублей. — 20) Сиротка. — 21) Рождественская ночь. — 22) Богъ не безъ милости, солдатъ не безъ счастья. — 23) Бабушкина Арина. — 24) Красавецъ солдатъ. — 25) Историческій разказъ. — 26) Ночная атака. — 27) Царская награда. — 28) По-Суворовски. — 29) Два солдата. — 30) Надежные солдаты. — 31) Кто. — 32) Геройская смерть. — 33) Конвойный. — 34) Самозванный генералъ. — 35) Въ плѣну. — 36) Солдатъ. — 37) Солдатское горе. — 38) Хорошій деньщикъ. — 39) Лихая атака. — 40) Мазюрбайка и 41) Случай въ набѣгѣ"—одобрить какъ для ученическихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ школъ, такъ и для публичныхъ чтеній.

Библиотека "Руниверс"

— Изданные *В. А. Березовскимъ*: „I. Разказы *Д. Н. Логофета*: 1) Подшутили. — 2) Первый разъ въ секретѣ. — 3) Съ сердцемъ не совладалъ. — 4) Контрабанда задержана. — 5) Контрабанды нѣтъ.— II. Разказы: 1) *Евг. Маслова*. Часовня и 2) *Бамбука*. Василій Ивановичъ“—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ школъ.

— Брошюру: „Береженаго Богъ бережетъ (разказъ крестьянина). С.-Пб. 1895. 16 стр. in 18°“ — допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книжку: „*Т. Лубенецъ*. Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія, письма и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. (Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты). Годъ II. Изданіе 5-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1896. Изданіе *Ф. Павленкова*. Стр. 149+III — въ 8-ку. Цѣна 40 коп.“ — допустить для класснаго употребленія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

— Книгу: „*А. И. Гольденбергъ*. Собраніе ариѳметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ приготовительнаго класса. С.-Пб. и Москва. 1895. Стр. 80. въ 8-ку. Цѣна 25 коп.“— допустить до употребленія въ приготовительномъ классѣ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Брошюру: „Что такое обыкновенная соль, какъ добываютъ ее и какъ пользуются ею? Чтеніе для солдатъ и народа. Составилъ *Н. К. Шведовъ*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Издалъ *В. Березовскій*. С.-Пб. 1895. 45 стр. in 12°. Цѣна 12 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также и для народныхъ чтеній.

— Книгу: „*М. Герасимовъ*. Первое знакомство съ физикой посредствомъ общедоступныхъ приборовъ. Руководство для дѣтей средняго возраста. 2-е изданіе. С.-Пб. 1896. 89 стр. въ 8-ку. Цѣна 50 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Первые разказы изъ естественной исторіи *М. Быковой*. Для дѣтей только что научившихся читать. Часть I. Изд. 4-е. С.-Пб. 1894 г. 80 стр. Цѣна 30 коп. Часть II. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1894. 63 стр. in 12. Цѣна 25 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено преобразовать, съ 1-го іюля сего года, Сѣвское женское двухклассное училище въ четырехклассную женскую прогимназію.

— Начальствомъ Казанскаго учебнаго округа разрѣшено преобразовать съ 1-го минувшаго января Балашовское городское трехклассное училище въ четырехклассное.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОБРАЗОВАНІЕ РИМСКОЙ РАСЫ И УСЛОВІЯ РИМСКАГО ВЕЛИЧІЯ.

(Отрывокъ изъ публичныхъ лекцій о Римѣ древнемъ и новомъ).

Исторія возрастанія и могущества древняго Рима до того поразительна, что невольно рождается вопросъ: что́ это была за могучая раса, которая съумѣла изъ крохотной общины, основанной Ромуломъ на Палатинѣ, сдѣлать со временемъ главу чуть не всего обитаемаго міра, которая создала себѣ до того мудрыя учрежденія, что, опираясь на нихъ, Римъ могъ не только развить въ себѣ несокрушимую внутреннюю энергію, но и управлять, даже въ періодъ своего упадка, въ теченіе столѣтій, какъ одною семьей, родомъ человѣческимъ, начавшимъ уже называть Римъ общимъ отечествомъ [1])? Изъ какихъ элементовъ образовалась эта избранная раса, отмѣченная особымъ перстомъ исторіи?

Отвѣчать ясно и отчетливо на этотъ вопросъ не столь легко, какъ кажется. Вопросъ о расахъ, объ ихъ образованіи, объ ихъ происхожденіи принадлежитъ къ самымъ темнымъ для историка. На основаніи цвѣта кожи, на основаніи языка, всѣ народы земнаго шара болѣе или менѣе подведены подъ извѣстныя племенныя рубрики, но это опредѣленіе — внѣшнее, обыкновенно не дающее намъ надлежащаго понятія о томъ, какъ этнологически образовался тотъ или другой народъ, откуда въ немъ физическія и духовныя особенности, которыхъ нѣтъ у другого народа того-же племени. Наконецъ, есть

[1]) „Ты создалъ“,—говоритъ галльскій поэтъ V вѣка по Р. Хр., Рутилій Наматіанъ, обращаясь къ Риму, — „для разныхъ народовъ одно отечество“ (*De red. suo*, I, 63): Fecisti patriam diversis gentibus unam.

Библиотека "Руниверс"

историческіе народы, и очень важные, расовая принадлежность которыхъ остается для насъ тайною: таковы египтяне, первый государственный народъ въ исторіи; таковы этруски, игравшіе столь важную роль въ судьбахъ древней Италіи. Языкъ, принимаемый обыкновенно за главный признакъ племенной принадлежности, служитъ часто наиболѣе сомнительнымъ указателемъ этнографической сущности народа. Французы, на основаніи языка, которымъ они теперь говорятъ, относятся къ латинскому или романскому племени, между тѣмъ какъ они, заключая въ себѣ всего больше кельтскихъ элементовъ, значительную долю иберійскихъ, нѣкоторую долю лигурійскихъ, не мало германскихъ и очень мало романскихъ элементовъ, всего менѣе могутъ быть отнесены по своей физической организаціи или, если угодно, по своей крови къ латинскому племени, какъ и испанцы, истые представители иберійской расы, одной изъ самыхъ древнихъ, какія въ доисторическія времена населяли Европу. Скрещиваемость людскихъ породъ началась съ отдаленнѣйшихъ временъ и продолжалась во все время исторіи. Многія изъ древнихъ породъ давнымъ давно угасли, какъ продолжаютъ угасать разныя породы и въ наше время не только среди далекихъ отъ насъ племенъ Новаго и Стараго свѣта, но и въ самой Европѣ, какъ это на нашихъ глазахъ совершается, напримѣръ, съ басками на югѣ, съ самоѣдами на сѣверѣ, и потому указать роль этнографическихъ элементовъ, изъ которыхъ составился народъ, въ образованіи его характера, душевнаго склада и способностей очень трудно, и тѣмъ труднѣе, что сами эти элементы могутъ быть уже далеко не первичной формаціи. Все это я говорю для того, чтобы показать, какъ мало мы можемъ быть точны въ опредѣленіи расовой особенности римскаго народа, служившей, безъ сомнѣнія, однимъ изъ главныхъ факторовъ его историческаго величія.

Въ наносной почвѣ, покрывающей вулканическіе туфы долины Тибра и его притока Аніо, попадаются кости слоновъ, носороговъ, гиппопотамовъ, вмѣстѣ съ ними кости быковъ, лошадей, свиней, медвѣдей, оленей, ланей, рысей, и тутъ-же нерѣдко кремневые наконечники копій, грубые каменные ножи и тому подобные предметы, принадлежащіе къ такъ-называемой археолитической (древне-каменной) эпохѣ. Этимъ свидѣтельствуется существованіе въ означенныхъ мѣстахъ человѣка въ такую пору человѣческаго бытія, которую трудно опредѣлить съ точностью, но которая, по всей вѣроятности, восходитъ не къ одному десятку тысячелѣтій до нашего времени. Но нѣ-

Библиотека "Руниверс"

которые римскіе геологи находятъ слѣды существованія человѣка въ гравіѣ Яникула еще въ пліоценовую эпоху, что отодвигаетъ начало обитанія его въ возвышенныхъ мѣстахъ Лаціума въ гораздо болѣе отдаленную пору, которая, измѣряясь уже сотнями тысячелѣтій, при недостаткѣ твердо установленныхъ данныхъ, по неволѣ возбуждаетъ относительно существованія человѣка въ третичный періодъ сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ установлено [1]), что человѣкъ существовалъ на сосѣднихъ Апеннинахъ и на возвышенныхъ мѣстахъ Лаціума въ эпоху, которая предшествовала вулканическому поднятію долины Тибра, находившейся до тѣхъ поръ подъ водою, и сталъ спускаться въ нее, когда уже образовались рѣки съ ихъ близкимъ къ настоящему русломъ, хотя дѣятельность вулкановъ этихъ мѣстъ еще далеко не замерла къ тому времени. Этого, предполагаемаго по оставленнымъ имъ грубымъ орудіямъ, человѣка, однако, мы не знаемъ и считаться съ нимъ въ нашихъ комбинаціяхъ не можемъ.

Племя, которое уже застаетъ исторія обитающимъ въ этой долинѣ, не имѣло, по своему происхожденію, ничего общаго съ тѣми первобытными обитателями. Въ эпоху построенія Рима Лаціумъ населяло племя латинское, родственное другимъ племенамъ такъ-называемой индо-европейской семьи и прибывшее на Апеннинскій полуостровъ сравнительно въ позднее время. Однако въ половинѣ VIII столѣтія до Р. Хр. оно тамъ сидѣло прочно и имѣло города, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Пренесте, имѣли въ это время уже значительныя торговыя сношенія съ финикіянами. Когда появилось на берегахъ Тибра племя, извѣстное потомъ въ исторіи подъ именемъ латинскаго, мы съ точностью сказать не можемъ, но, принимая во вниманіе какъ прочную осѣдлость его въ половинѣ VIII столѣтія до нашей эры, такъ и другія обстоятельства, между прочимъ древность горныхъ поселеній по ту сторону Тибра у родственныхъ этому племени фалисковъ, жившихъ въ юго-восточномъ углу Этруріи [2]), а также и очень раннее распространеніе нѣкоторыхъ его вѣтвей на югѣ полуострова (сикулы), должны отнести начало появленія этого племени въ Средней Италіи во всякомъ случаѣ далеко за тысячу лѣтъ до

[1]) См. результаты изслѣдованій о геологическихъ формаціяхъ Лаціума и о слѣдахъ существованія въ древнѣйшую пору въ этихъ мѣстахъ человѣка въ „Condizioni topografiche e fisiche di Roma e di Campagna Romana“ инженера *Ф. Джордано* (Римъ, 1878). Приложена хорошая геологическая карта.

[2]) См. мою статью „Фалиски“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, мартъ, 1895, стр. 125 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

христіанскаго лѣтосчисленія. Прежде чѣмъ перевалить черезъ Апеннины и двинуться въ эти мѣста, они, какъ это все болѣе и болѣе раскрываютъ археологическія изслѣдованія[1]) въ Сѣверной Италіи, пребывало неизвѣстное намъ время въ такъ-называемыхъ терремарахъ долины По, связь съ которыми, повидимому, оставалась у него и долгое время впослѣдствіи[2]). Перевалившіе черезъ Апеннины и проникшіе въ долину Тибра обитатели долины По нашли въ этой странѣ туземное населеніе, которое у римскихъ историковъ называется Аборигенами. Къ какому племени принадлежали Аборигены, намъ неизвѣстно. Но и они, конечно, не были исконными обитателями этихъ мѣстъ, тѣмъ болѣе потомками пещерныхъ людей отдаленной эпохи, когда долина Тибра была еще подъ водою, а были, какъ и латиняне, пришлымъ племенемъ, только предварившимъ этихъ послѣднихъ. Они могли быть иллирійскаго племени, которое въ лицѣ япиговъ и мессаповъ занимало юго-восточный уголъ Италіи, а въ лицѣ венетовъ—сѣверо-восточный, и къ которому принадлежали, конечно, и древнѣйшіе обитатели Пиценской области[3]); но скорѣе всего это могли быть лигуры, съ незапамятныхъ временъ обитавшіе въ сѣверо-западной и сѣверной части Италіи, простираясь далеко на западъ (до Роны и далѣе), гдѣ они сталкивались съ иберами, составлявшими основное населеніе Пиринейскаго полуострова и юго-западной Франціи, а на востокѣ входя въ долину По, откуда они были вытѣснены окончательно лишь кельтами. Еще въ древности нѣкоторые ученые[4]) аборигенами Лаціума считали лигуровъ и въ концѣ концовъ это, дѣйствительно, одна изъ наиболѣе вѣроятныхъ комбинацій, съ какими приходится считаться въ данномъ случаѣ. Нибуръ,

---

[1]) Во главѣ ихъ стоятъ работы *Пигорини*, печатающіяся теперь главнымъ образомъ въ его журналѣ: *Bullettino di paletnologia italiana*. Результаты болѣе раннихъ его трудовъ, равно какъ и его предшественника Кьеричи и другихъ археологовъ изложены въ книгѣ *Гельбига* „Die Italiker in der Poebene" Leipzig., 1879.

[2]) См. мою статью „Древнѣйшій періодъ Рима" въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, іюнь, 1895, стр. .

[3]) Плиній Старшій говоритъ (N. H., III, 12, 110) о жившихъ тутъ либурнахъ, переселенцахъ съ противоположнаго иллирійскаго берега. Археологическія данныя, заимствуемыя изъ древнѣйшихъ могильниковъ, напримѣръ, недавно опубликованныя данныя изъ некрополя Новилары въ V томѣ Monumenti Antichi Академіи Линчеевъ, много подтверждаютъ предположеніе объ иллирійскомъ поселеніи въ Пиценѣ.

[4]) См. Dion. Hal., I, 10; ср. Fest. *Sacrani*.

Библиотека "Руниверс"

а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе были увѣрены, что первоначальное населеніе Лаціума, какъ и всей Италіи составляли пелазги, но эту гипотезу мы должны совсѣмъ устранить изъ нашихъ соображеній, такъ какъ сказать *пелазги* значитъ не сказать ничего, по крайней мѣрѣ ничего опредѣленнаго. Пелазги, которыхъ древніе писатели заставляютъ блуждать по всѣмъ мѣстамъ, не представляются опредѣленнымъ народомъ, а какимъ-то собирательнымъ племенемъ, прилагаемымъ къ разнымъ народамъ до-исторической эпохи. Во всякомъ случаѣ, никакихъ италійскихъ пелазговъ исторія не знаетъ, не знаетъ потому, что никакой слѣдъ не наводитъ на нихъ существованіе. Эти аборигены (кто бы они ни были), которыхъ новымъ поселенцамъ пришлось покорить, и которые, лишенные поземельной собственности и образовавшіе собой классъ первоначальныхъ кліентовъ, въ нѣкоторомъ родѣ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на своихъ господъ, впослѣдствіи слились съ ними въ одинъ народъ, не могли не оставить извѣстнаго слѣда въ крови, а отсюда и въ характерѣ своихъ побѣдителей. Опредѣлить эту долю физіологическаго и психическаго вліянія мы, разумѣется, не можемъ, — не можемъ уже потому, что намъ неизвѣстно, какая именно раса предшествовала въ долинѣ Тибра италійскому племени, получившему тамъ названіе латинянъ. Можно утверждать только одно, что были ли это иллирійцы, что̀ менѣе вѣроятно, были ли лигуры, что̀ очень вѣроятно, латинская раса ничего не проиграла отъ смѣшенія съ ними, а скорѣе выиграла, такъ какъ и то и другое племя отличалось духомъ отваги, особенно сказавшимся въ смѣломъ мореплаваніи: иллирійскіе либурны были самыми отважными мореплавателями (по ихъ имени назывались особыя быстроходныя суда) на Адріатическомъ морѣ, котораго не любили греки, лигуры—на Средиземномъ морѣ между Италіей и Испаніей, такъ что и самое это море къ югу отъ береговъ Галліи въ древнѣйшее время называлось Лигурійскимъ (Λιγυστικὸν πέλαγος у греческихъ географовъ, Ligusticum mare у Колумеллы и Плинія) — названіе, которое впослѣдствіи осталось только для залива (Ligusticus sinus), нынѣшняго Генуэзскаго. Представителями иллирійскаго племени служатъ въ наше время албанцы, выдающееся по красотѣ, мужеству, національной гордости и любви къ независимости европейское племя. Представителями древнихъ лигуровъ являются по преимуществу генуэзцы, наиболѣе предпріимчивый, богатый, свободолюбивый и оборотливый народъ Италіи. Смѣлые пираты въ глубокой древности, неукротимые въ продолженіе столѣтій противники Римлянъ въ приморскихъ Аль-

Библиотека "Руниверс"

пахъ, лигуры отличались въ глазахъ римлянъ также лукавствомъ и обманомъ, какъ это было отмѣчено еще Виргиліемъ [1]),—черта, которая явно приписывается и генуэзцамъ Дантомъ, когда онъ въ концѣ 33 пѣсни своего „Ада“ съ негодованіемъ восклицаетъ о нихъ: „Perchè non siete voi del mondo spersi“ (Зачѣмъ вы не стерты съ лица земли?), и за которую они заклеймены въ тосканской поговоркѣ, какъ uomini senza fede e donne senza vergogna (мущины безъ вѣры и женщины безъ стыда). Подобныхъ отзывовъ, конечно, нельзя сдѣлать о римскомъ характерѣ. Но тотъ практическій духъ, который обнаружили римляне въ исторіи, политику положительнаго интереса, чуждую всякой мечтательности, сентиментальности и идеальныхъ стремленій, жестокость принесенія въ жертву выгодамъ своего государства независимости, богатствъ и національныхъ потребностей множества народовъ не получили ли римляне отчасти съ влившеюся въ жилы латинянъ кровью аборигеновъ Лаціума? Само собою разумѣется, что подобное предположеніе можно дѣлать только въ формѣ вопроса, отвѣчать на который, по недостатку прочныхъ данныхъ для рѣшенія его, не обязательно.

Латинское племя, которое, покоривъ аборигеновъ, заняло въ доисторическую эпоху Лаціумъ, есть только вѣтвь того обширнаго племени, которое принято называть *италійскимъ*, хотя на Апеннинскомъ полуостровѣ жили и раньше прибытія этого племени въ Италію и послѣ его прибытія разныя другія племена, каковы: лигуры, иллирійцы разныхъ наименованій, этруски, греки и кельты (галлы). Оно названо италійскимъ потому, что составляло главную часть населенія Италіи и мало по малу переработало впослѣдствіи въ свою расу всѣ другіе элементы занятаго имъ полуострова. Кромѣ поселившихся въ западномъ центрѣ полуострова латинянъ, вѣтвь которыхъ составляли фалиски и къ которымъ также, по всей вѣроятности, принадлежали удалившіеся на югъ сикулы, къ нему принадлежали еще двѣ главныхъ отрасли: на сѣверо-востокѣ умбры, на востокѣ и югѣ многочисленные народы сабелльскаго племени. Латины, умбры и народы сабелльскаго племени составляли такую-же родственную семью между собою, какую составляли по отношенію другъ къ другу эллинскія племена—эолянъ, іонянъ и дорянъ, или какую составляютъ славянскія племена — русскихъ, поляковъ, чеховъ, словинцевъ, сербовъ и т. д., и говорили близкими другъ къ другу нарѣчіями; но близость эта, на

[1]) Aen., XI, 701 и 715.

Библиотека "Руниверс"

сколько намъ позволяютъ судить ихъ письменные остатки, была такова, что нарѣчія умбровъ и сабелльскихъ народовъ были ближе одно къ другому, чѣмъ къ латинскому, какъ нарѣчія западныхъ славянъ ближе одно къ другому, чѣмъ къ русскому. Таковы новѣйшіе результаты филологической науки[1]), которыхъ нельзя оставлять и исторической наукѣ безъ вниманія. Изъ этихъ народовъ римляне съ древнѣйшихъ временъ вступили въ близкую, кровную связь съ своими сѣверо-восточными сосѣдями, сабинянами, отъ которыхъ, по преданію, были похищены и первыя жены для собранной Ромуломъ вольницы, и которые, безспорно, играли очень важную роль въ исторіи римскаго государства. Къ этому племени, отдѣльныя поселенія котораго доходили до самой колыбели будущей территоріи Рима, принадлежалъ, по преданію, второй римскій царь, Нума Помпилій, которому преданіе приписываетъ религіозное законодательство и организацію римскаго культа, сохранившуюся въ главныхъ чертахъ до позднѣйшихъ временъ римской исторіи; сабинянамъ принадлежала, по мнѣнію почти всѣхъ новыхъ историковъ, одна изъ трехъ трибъ, Tities, на которыя дѣлилось первоначальное римское населеніе; изъ сабинской земли, горы которой видны со всѣхъ холмовъ Рима, какъ на ладони, и въ послѣдующее время выходили въ Римъ роды, игравшіе первостепенную роль въ жизни великаго города, каковы Клавдіи, постоянно выставлявшіе изъ своей среды крупныхъ дѣятелей съ древнѣйшихъ временъ республики до первыхъ временъ имперіи; къ сабинскимъ родамъ принадлежали и такіе громкіе въ римской исторіи роды, какъ Фабіи и Валеріи, имена которыхъ, какъ и имена Клавдіевъ, связаны съ важнѣйшими событіями римской исторіи.

Сабиняне, древнѣйшія поселенія которыхъ на Квириналѣ предшествуютъ основанію Ромуломъ города на Палатинѣ, были, прежде всего, народъ богобоязненный и благочестивый. Затѣмъ, какъ и всѣ горные жители, они вели у себя на родинѣ и въ своихъ многочисленныхъ колоніяхъ жизнь простую, умѣренную, нравственную. Въ ихъ странѣ не было настоящихъ городовъ, не было большихъ центровъ поселеній, гдѣ люди легче всего теряютъ строгость нравовъ и пріучаются къ неумѣренному удовлетворенію потребностей. Они жили въ деревняхъ или поселкахъ строго семейною и родовою жизнію, съ патріархальнымъ общественнымъ устройствомъ, входя лишь въ федеративную связь съ другими общинами и избѣгая всякой централи-

[1]) См. Planta, Grammatik der oskisch-Umbrischen Dialekte. Strassburg, 1893.

Библиотека "Руниверс"

зація. Культура ихъ, чисто сельская, была очень проста, образъ мыслей консервативный. Вступивъ въ столкновеніе, а потомъ въ союзъ съ римлянами еще при самомъ основаніи римской городской общины и затѣмъ мало по малу слившись съ латинскимъ населеніемъ, сабинскіе роды внесли въ новое государство на берегахъ Тибра и ту строгую и, если угодно, мелочную религіозность, которою были потомъ проникнуты всѣ общественныя отправленія римской жизни, и тотъ упорно консервативный духъ, который не одного историка заставлялъ сравнивать ихъ съ спартанцами и былъ вѣроятно поводомъ къ лишенному всякой исторической основы древнему сказанію о происхожденіи сабинянъ изъ Лакедемона. Вліяніе этого сабинскаго духа, поддерживаемое сильными родами, постоянно сказывалось, въ качествѣ задерживающаго фактора, въ политическомъ и соціальномъ движеніи Рима, увлекаемаго ходомъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ на путь преобразованій въ пользу расширенія гражданскихъ правъ и улучшенія экономическаго положенія всей массы свободнаго населенія. Если о вліяніи другихъ этнографическихъ элементовъ на образованіе духа и характера римскаго народа мы можемъ говорить болѣе или менѣе гадательно, то сабинское вліяніе есть фактъ ясный и положительный и притомъ до того существенный, что, вдумываясь въ него, нельзя себѣ представить, чтобы ходъ римской исторіи былъ, хотя бы только въ главныхъ чертахъ, тотъ-же самый, еслибы сабинскій элементъ съ его типическими духовными свойствами не вошелъ такими глубокими корнями въ римскую національность.

Значеніе, какое въ составѣ и духѣ римскаго населенія имѣли этруски, затибрскіе сосѣди латинянъ, не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, какое имѣли сабиняне, но все-таки его никакъ нельзя уменьшать до тѣхъ границъ, до какихъ спускаетъ его Моммзенъ. Этруски или туски, давшіе названіе нынѣшней Тосканѣ, у грековъ—Тиррены, не были народъ, родственный римлянамъ, какъ сабиняне. Они были совсѣмъ другого племени: какого именно, это составляетъ еще не разрѣшенную и до послѣдняго времени казавшуюся почти не разрѣшимою загадку, на которой однако стóитъ намъ нѣсколько остановиться. Въ богатыхъ некрополяхъ этого народа найдено множество остатковъ его жизни въ предметахъ домашняго употребленія и роскоши, много произведеній искусства, не менѣе 7.000 надписей и даже нѣсколько алфавитовъ. Всѣ эти памятники свидѣтельствуютъ, что этруски были народъ очень культурный, любили образованіе, стремились обставить свою жизнь пріятнымъ образомъ, имѣли обшир-

Библиотека "Руниверс"

ныя сношенія съ другими народами, испытывали на себѣ большое вліяніе греческой образованности; но о происхожденіи народа эти памятники говорятъ всего менѣе. Семь тысячъ надписей, которые были бы въ состояніи разрѣшить въ этомъ отношеніи всякое недоумѣніе, въ данномъ случаѣ остаются для насъ почти совсѣмъ нѣмыми свидѣтелями. До сихъ поръ этихъ надписей читать, то-есть, понимать никто не умѣетъ, хотя исписаны новѣйшими учеными цѣлые томы, въ которыхъ они старались открыть ключъ къ этрусскому языку и проникнуть въ смыслъ написаннаго. Давно уже открыты тайны письма гіероглифовъ египетскихъ пирамидъ и затѣмъ клинообразныхъ надписей глиняныхъ цилиндровъ Ассиріи и Вавилона, но языкъ этрусскаго письма, алфавитъ котораго состоитъ изъ греческихъ буквъ, остается неизвѣстнымъ. Дальше собственныхъ именъ, мужскихъ и женскихъ, именъ италійскихъ божествъ, въ родѣ Минервы, Нептуна, Сильвана, да нѣсколькихъ условныхъ формулъ, означающихъ отношенія родства или зависимости, искусство пониманія этрусскихъ надписей не пошло. Къ какой семьѣ языковъ принадлежитъ языкъ этого загадочнаго народа и, слѣдовательно, къ какому племени, по крайней мѣрѣ по языку, принадлежитъ самый народъ, объ этомъ мы также мало можемъ сказать теперь, какъ это было сто слишкомъ лѣтъ назадъ, когда аббатъ Луиджи Ланци издалъ въ трехъ томахъ свою знаменитую книгу: „Saggio di lingua etrusca“ (Roma, 1789). Къ довершенію нашихъ затрудненій прибавляется еще то, что происхожденіе этрусковъ было предметомъ спора и въ самой древности. Древнѣйшее преданіе отмѣченное еще Геродотомъ (I, 28), выводитъ ихъ изъ Малой Азіи, изъ Лидіи. Этого преданія держались, по видимому, какъ въ Римѣ, такъ и на родинѣ самихъ этрусковъ, которые во всякомъ случаѣ, не считали себя туземцами въ Италіи. Философъ Сенека [1]), прямо говоритъ, что „Тусковъ [2]) присвоиваетъ себѣ Азія“ (то-есть, Малая Азія). Тацитъ [3]) сообщаетъ о томъ, что жители Сардъ, древней столицы Лидіи, оспаривая у одиннадцати малоазійскихъ городовъ право на честь построить у себя храмъ Тиберію, думали придать особую силу своему ходатайству заявленіемъ о своемъ родствѣ съ этрусками. Но съ другой стороны Діонисій Галикарнасскій, писавшій о римскихъ древно-

---

[1]) Consol. ad Helviam, 6.

[2]) Обычное названіе этрусковъ въ Римѣ Tusci вм. Etrusci.

[3]) Ann. IV, 55.

Библиотека "Руниверс"

стяхъ въ вѣкъ Августа, утверждалъ (I, 29), что этруски скорѣе туземцы въ Италіи, приводя мало, впрочемъ, говорящее въ его пользу доказательство, что они народъ очень древній, и что они не имѣютъ общаго ни въ языкѣ, ни въ образѣ жизни, ни съ какимъ другимъ народомъ. Было еще мнѣніе, принадлежащее, современному Геродоту, греческому историку Гелланику и оспариваемое тѣмъ же Діонисіемъ, будто этруски не что иное, какъ пелазги, которыхъ, какъ мы уже замѣчали, древніе находили всюду— въ Малой Азіи, на островахъ Эгейскаго моря, въ Греціи, въ Италіи, но о которыхъ мы никакъ не можемъ составить себѣ конкретнаго понятія. Новые ученые, въ виду отсутствія твердыхъ историческихъ и филологическихъ основаній, высказывали самыя разнообразныя мнѣнія о происхожденіи этрусковъ, и нѣтъ такого народа, съ которымъ бы ихъ не роднили. Но въ сущности, и здѣсь, какъ и въ древности, стоятъ лицомъ къ лицу два главныхъ лагеря: одни стоятъ за Геродотовское преданіе о происхожденіи этрусковъ изъ Малой Азіи, другіе считаютъ ихъ европейскимъ народомъ и выводятъ ихъ въ Италію съ сѣвера, изъ Ретійскихъ Альпъ (Тироль и Граубюнденскій кантонъ Швейцаріи), гдѣ дѣйствительно было найдено не мало памятниковъ съ этрусскими надписями. Это послѣднее мнѣніе высказалъ Нибуръ, за которымъ въ той или другой степени послѣдовали Отфридъ Мюллеръ и Швеглеръ, съ нимъ-же, хотя менѣе опредѣленно, выступилъ и Моммзенъ въ своей Римской исторіи, въ которой безспорно много ума и остроумія, но не мало также и слишкомъ своеобразныхъ, не удобопріемлемыхъ мнѣній и выводовъ. Вслѣдъ за этими крупнѣйшими историками пошли и многіе другіе ученые Германіи и, между прочимъ, извѣстный археологъ бывшій секретарь германскаго археологическаго института въ Римѣ, Гельбигъ, оживившій совершенно неизвѣстную древнимъ ретійскую теорію новыми данными и соображеніями. Французскіе ученые, напротивъ, большею частью стоятъ за Геродотовское преданіе о малоазійскомъ происхожденіи этрусковъ (Ноэльде-Верже, Шаба, де-Ружé); за него-же стоятъ и англичане Деннисъ и Эллисъ. Что касается итальянскихъ ученыхъ-историковъ и филологовъ, то у нихъ встрѣчается не мало наклонности не отдѣлять этрусковъ отъ другихъ италійскихъ народностей (Микали, Учелли, Эліа Латтэсъ), хотя между ними есть много защитниковъ и малоазійскаго происхожденія этого народа (Конестабиле, Ваннуччи, Гоццадини, Фабретти, Скьяпарелли, Милани, особенно Бриціо). Въ настоящее время вопросъ объ этрускахъ стоитъ такъ, что нибуров-

Библиотека "Руниверс"

ская теорія ретійскаго ихъ происхожденія все болѣе и болѣе отходитъ на задній планъ какъ на основаніи археологическихъ, такъ и на основаніи лингвистическихъ данныхъ. Главною осью, около которой вертится археологическій споръ, является вопросъ о способѣ погребенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что собственно италійскимъ народамъ искони принадлежалъ существенно европейскій обрядъ сожженія труповъ; на что ясно указываютъ и остатки могилъ терремаръ долины По, и древнѣйшіе могилы Эмиліи, Умбріи, Этрурія и даже Лаціума. Этрускамъ же былъ кореннымъ образомъ свойственъ обрядъ ингумаціи (погребенія) труповъ, обрядъ азіатскихъ народовъ, рано перешедшій впрочемъ и къ европейскимъ, особенно въ Грецію. Этотъ тезисъ въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ защищалъ болоньскій профессоръ Брицію противъ Гельбига, старавшагося доказать, что тотъ и другой обрядъ были одинаково свойственны всѣмъ народамъ. Къ теоріи Брацію присоединился крупный нѣмецкій археологъ римской школы фонъ-Дунъ, и европейское происхожденіе этрусковъ стало находить въ послѣднее время все меньше и меньше защитниковъ. Сильный ударъ былъ ему нанесенъ особенно тѣмъ, что въ 1885 году были найдены на о. Лемносѣ молодыми французскими археологами Кузеномъ и Дюрбакомъ двѣ этрусскихъ надписи, которыя, подтверждая несомнѣннымъ образомъ пребываніе этрусковъ на этомъ островѣ Эгейскаго моря, обитавшемся до конца VI столѣтія до Р. Хр., и по указаніямъ древнихъ [1]), тирренами-пелазгами, свидѣтельствуютъ, что родина этрусковъ была на Востокѣ, а не въ Альпахъ, куда простиралось впослѣдствіи ихъ вліяніе. Съ другой стороны филологи и лингвисты, даже склонные видѣть въ этрусскомъ языкѣ италійскую стихію, принуждены сознаться, что рядомъ съ этой стихіей (которая видимо является результатомъ вліянія покореннаго этрусскими италійскаго населенія) есть другая, совершенно неизвѣстная. Такъ теперь разсуждаетъ и Деккe, одинъ изъ наиболѣе видныхъ спеціалистовъ по изученію этрусскихъ надписей, перешедшій было совсѣмъ на сторону общности этрусскаго языка съ другими италійскими нарѣчіями, противъ чего всегда непоколебимо стоялъ его ученикъ, въ настоящее время первостепенный авторитетъ въ этрускологіи, К. Паули. Теперь многіе ждутъ разгадки происхожденія этрусскаго народа отъ открытой въ 1891 и обнародованной въ 1892 году хорватскимъ ученымъ профессоромъ Кралемъ длинной этрусской надписи на голов-

[1]) Thucid. IV, 109; Strab. V, 2, 4, p. 184 ed. Didot.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ повязкахъ египетской муміи, находящейся въ Загребскомъ музеѣ; но до сихъ поръ всѣ попытки разбора этой надписи, какъ и раньше извѣстныхъ, остаются напрасными. Итакъ, этрусская загадка все еще остается неразгаданною.

Какъ бы то ни было, судьбы римскаго народа были тѣсно связаны съ сосѣдствомъ этрусковъ, могущество которыхъ, простиравшееся одно время на большую часть Италіи, чтобъ не сказать, какъ Сервій, „почти на всю“, совпадаетъ именно съ періодомъ возникновенія новой латинской общины на берегахъ Тибра. Римскія преданія относятъ начало связи этрусковъ съ римлянами еще ко временамъ Ромула, когда будто бы одинъ изъ вождей этого народа Целесъ Вибенна явился на помощь Ромулу противъ сабинскаго царя Татія. Но это преданіе, хотя его воспроизводитъ и ученѣйшій изъ римлянъ, Варронъ, очень шатко, такъ какъ того же Целеса Вибенну относятъ и ко времени Тарквинія Древняго. Оно показываетъ только, какъ рано по сознанію римлянъ классическаго времени начались связи ихъ народа съ этрусками. тѣмъ болѣе, что имени этого этрусскаго вождя приписывается названіе одного изъ семи римскихъ холмовъ. Целія, на которомъ въ раннюю пору поселились этрусскіе роды. Гораздо болѣе важнымъ фактомъ въ судьбахъ Рима является то, что три его послѣднихъ царя являются лицами, образовавшими въ Римѣ этрусскую династію. Это какъ бы говоритъ о томъ, что, полтораста лѣтъ спустя послѣ своего основанія, Римъ былъ подчиненъ не только этрускому вліянію, но и господству. Эти сто лѣтъ, на которыя по традиціонной исторіи, приходится время правленія двухъ Тарквиніевъ, раздѣленное временемъ правленія Сервія Туллія (который, по словамъ дошедшей до насъ въ отрывкахъ и переданной въ перифразѣ Тацитомъ [1]) рѣчи императора Клавдія считался въ этрусскомъ преданіи за одно съ товарищемъ Целеса Вибенны, Мастарной) имѣли въ исторіи Рима огромное значеніе. Въ теченіе ихъ римляне — чего не было, по крайней мѣрѣ въ такой степени, съ другими латинскими общинами—были непосредственно подвергнуты дѣйствію этрусской культуры, которая сама въ это время находилась подъ сильнымъ вліяніемъ греческой торговли, промышленности и искусства. Эти грандіозныя сооруженія, каковы cloaca maxima, дѣйствующая болѣе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ, какъ главная водосточная труба въ Римѣ, далѣе, большая стѣна, охватившая Римъ почти со всѣхъ

[1]) Ann. XV, 24.

Библиотека "Руниверс"

концовъ и усиленная валомъ въ мѣстахъ, гдѣ, какъ именно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, городъ былъ болѣе открытъ для непріятеля, и, наконецъ, храмъ Юпитера Капитолійскаго, бывшій съ самаго начала, какъ и во все послѣдующее время, главнымъ по значенію и великолѣпію храмомъ Рима и построенный при участіи не только этрусскихъ, но и греческихъ мастеровъ, эти капитальныя сооруженія уже сами по себѣ показываютъ, что Римъ, благодаря этрусской династіи, сдѣлался уже въ царскій періодъ большимъ городомъ, въ которомъ въ теченіе цѣлаго столѣтія кипѣла строительная и художественная дѣятельность. Эта послѣдняя требовала присутствія, въ Римѣ иностранныхъ мастеровъ, именно греческихъ, которые находили большое примѣненіе своихъ способностей въ богатыхъ городахъ Этруріи и появленіемъ своимъ въ Римѣ содѣйствовали ознакомленію населенія какъ съ усовершенствованными пріемами постройки, въ которой римляне стали потомъ сами такими высокими мастерами, такъ и съ греческимъ ваятельнымъ искусствомъ. Греческимъ мастерамъ этой эпохи безспорно принадлежитъ сохранившаяся до сихъ поръ бронзовая волчица съ сосущими ее младенцами, Ромуломъ и Ремомъ, замѣчательный памятникъ греческаго искусства VI столѣтія до Р. Хр., какъ это теперь окончательно разъяснено тонкими археологическими изслѣдованіями Оливье Райэ и Петерсена. Когда, по низверженіи Тарквинія Гордаго и по удаленіи защищавшаго его Порсены, этрусское политическое владычество или преобладаніе было совсѣмъ устранено изъ Рима, то въ этомъ городѣ оставался еще такой контингентъ выходцевъ изъ Этруріи, что, независимо отъ древнѣйшаго поселенія ихъ на Целіѣ, они многочисленностью своихъ жилищъ дали названіе цѣлому кварталу между Капитоліемъ и Палатиномъ, *Этрусскому*, vicus Tuscus. Несомнѣнно, что этрусское вліяніе въ Римѣ было не только вліяніе внѣшней культуры, сводящееся къ заимствованію 12 ликторовъ для царей (и затѣмъ для консуловъ), курульнаго кресла, окаймленной пурпуромъ и расшитой золотомъ тоги, туники съ пальмовыми вышивками, золотой діадемы и тому подобныхъ знаковъ царской и правительственной власти, къ ознакомленію римлянъ путемъ торговли съ предметами роскоши и къ украшенію города дорогими постройками, равно какъ къ его укрѣпленію и оздоровленію, но и вліяніе внутреннее, соединенное съ реформой государственнаго быта и съ введеніемъ новыхъ обрядовъ въ религію. Законодательство Сервія Туллія, раздѣлившаго все римское населеніе на классы и центуріи, если бы даже оно преслѣдовало

Библиотека "Руниверс"

лишь цѣли военной организаціи, все-таки остается очень крупнымъ фактомъ римской исторіи, фактомъ, которымъ въ первый разъ вмѣсто родоваго и сословнаго принципа, такъ рѣзко отдѣлявшаго патриціевъ и плебеевъ, введенъ былъ въ гражданское устройство Рима принципъ государственный, по которому всѣ граждане участвуютъ въ общегосударственномъ дѣлѣ въ мѣру ихъ имущества. Введеніе въ организацію религіознаго культа Рима особой коллегіи гаруспиковъ, гадателей по внутренностямъ животныхъ, толкователей знаменій, совершителей очищеній по поводу молній и знатоковъ погребать молніи, которые всегда оставались въ Римѣ людьми этрусскаго происхожденія, знавшими всѣ тонкости правилъ своей строгой дисциплины, имѣло не малое значеніе въ образованіи римскаго культа, значительно усиливъ его формалистическій характеръ, которымъ онъ и безъ того отличался. Если мы прибавимъ къ этому, что этруски-же служили для римлянъ съ древнѣйшихъ временъ увеселителями на общественныхъ зрѣлищахъ, бились на кулачкахъ и были наѣздниками въ циркѣ, давали сценическія представленія религіознаго характера, а впослѣдствіи ввели въ употребленіе и такъ любимые римлянами гладіаторскіе бои, то мы къ политическому, религіозному, промышленному и художественному вліянію этого этнографическаго элемента въ Римѣ прибавимъ новое—бытовое, которое вторгалось въ общественную римскую жизнь, быть можетъ, еще болѣе близкимъ образомъ, чѣмъ другія вліянія, и потому также не можетъ быть оставлено безъ вниманія. Изъ всего этого выходитъ, что если не было этнографическаго элемента, который бы такъ близко былъ связанъ съ латинскимъ и имѣлъ на образованіе римскаго характера такое вліяніе, какъ сабиняне, то нѣ подлежитъ сомнѣнію, что ближайшій къ этому элементу по вліянію былъ этрусскій, который въ первыя столѣтія города, когда греческое вліяніе непосредственно проникало въ Римъ еще очень слабо, былъ среди латинянъ вообще и среди римлянъ въ особенности агентомъ высшей культуры, дѣйствовавшимъ на религіозную практику, политико-соціальныя воззрѣнія и устройство, на пробужденіе вкуса къ изящному и болѣе сложныхъ потребностей въ домашней обстановкѣ, на общественную жизнь и т. п. Слѣды этого культурнаго вліянія, доказывающіе близость и непосредственность сношеній этрусковъ съ римлянами царскаго періода, какъ въ литературныхъ преданіяхъ, такъ и въ вещественныхъ памятникахъ, доставляемыхъ намъ главнымъ образомъ римскими могилами древнѣйшаго времени, мы находимъ въ такомъ

Библиотека "Руниверс"

изобилія, что говорить о слабости этрусскаго вліянія на Римъ въ періодъ его начальной государственной формаціи, или даже почти совсѣмъ отрицать его, какъ это дѣлаетъ Моммзенъ, неумѣстно. Нѣтъ надобности утверждать, что Римъ былъ этрусскій городъ, какъ это утверждаетъ нѣмецкій историкъ Куно [1]), равно какъ и приписывать этрускамъ многое такое, что было вѣроятнѣе обще-италійскимъ достояніемъ (календарь, раздѣленіе населенія на трибы, устройство дома съ атріемъ, даже, пожалуй, церемоніи при основаніи городовъ, раздѣлѣ полей и многое другое), чтобы на исторіи римскаго развитія видѣть, какъ Римъ былъ тѣсно связанъ съ Этруріей и какъ много значилъ этрусскій элементъ въ формаціи города Рима и римскаго характера.

Но главный элементъ римской національности, по отношенію къ которому всѣ другіе составляли только примѣсь, были латиняне. Они построили квадратный Римъ на Палатинѣ; они были тотъ могучій центръ, который притягивалъ къ себѣ элементы другихъ народностей, претворяя ихъ въ римскихъ гражданъ. Еще далеко до возникновенія Рима, латинское племя жило благоустроенными гражданскими общинами и умѣло организоваться въ союзъ латинскихъ городовъ съ общимъ храмомъ Юпитера на самой вершинѣ Албанскихъ горъ, имѣя своимъ предводителемъ Альбу Лонгу, ихъ общую метрополію. Въ числѣ тридцати, по преданію, городовъ, входившихъ въ этотъ союзъ, были такіе, которые, какъ Габіи и Пренесте, могли называться, относительно богатыми и могущественными. Основатели Рима, выводя новую латинскую колонію на берегахъ Тибра, знали, какъ строются города и какъ управляются. Именно у нихъ, у латинянъ, былъ инстинктъ политической организаціи, какого не было ни у сабинянъ, народа съ чисто патріархальными сельскими вкусами и привычками, ни у какого бы то ни было другого народа Италіи, не исключая этрусковъ и грековъ. Всего яснѣе политическій смыслъ латинскаго племени видѣнъ на римскихъ плебеяхъ съ ихъ постояннымъ стремленіемъ къ лучшей организаціи государственнаго быта, съ ихъ стойкостью въ своихъ стремленіяхъ, съ ихъ умѣньемъ вести дѣло при помощи искусныхъ и энергическихъ вождей, съ ихъ чувствомъ солидарности интересовъ всѣхъ членовъ своего сословія, съ ихъ созна-

[1]) Vorgeschichte Roms, I, p. 14. Замѣчательно, что мнѣніе объ этрусскомъ происхожденіи Рима было распространено и въ древности, какъ объ этомъ заявляетъ Діонисій Галикарнасскій (I, 29).

Библиотека "Руниверс"

ніемъ важности законныхъ путей къ достиженію цѣли, съ ихъ патріотизмомъ и самоотверженіемъ, когда того требовали интересы независимости и чести отечества. Если у сабинянъ преобладало начало религіозное, то у латинянъ политическое. Если первые съ своей богобоязненностью и крѣпкимъ родовымъ аристократическимъ устройствомъ естественно представляли собой элементъ консервативный, то вторые съ своими наклонностями къ политической организаціи и съ предпочтеніемъ государственной идеи родовымъ и сословнымъ интересамъ, съ практическимъ смысломъ во всѣхъ дѣлахъ, не исключая и религіозныхъ, являются элементомъ подвижнымъ, настойчивымъ въ достиженіи цѣли, и главнымъ двигателемъ поступательнаго движенія въ римской исторіи. Сочетаніе такихъ элементовъ, какъ латинскій и сабинскій, которые не безъ основанія сравниваютъ съ іонійскимъ и дорійскимъ элементами эллинскаго племени, должно было дать въ результатѣ, безспорно, сильную историческую народность, которая, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, должна была создать могущественную политическую общину. Однимъ изъ такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для Рима было раннее присовокупленіе къ образовавшемуся на латинскомъ Палатинѣ и на сабинскомъ Квириналѣ съ общимъ для обѣихъ народностей Капитоліемъ городу новаго, чуждаго обоимъ племенамъ, элемента, этрусскаго, который, будучи слабѣе числомъ, но сильнѣе культурой и обладая развитымъ политическимъ міросозерцаніемъ, далъ важный толчекъ государственному развитію устроившейся на религіозно-родовомъ началѣ сабино-латинской общинѣ. Толчекъ этотъ болѣе всего состоялъ, какъ мы уже говорили, въ введеніи въ гражданское устройство Рима новаго, возникшаго на греческой почвѣ, принципа имущественнаго ценза, на основаніи котораго какъ патриціи, такъ и плебеи стали составлять одно гражданское общество, раздѣленное на классы и центуріи, гдѣ права и обязанности опредѣлялись не происхожденіемъ, не сословіемъ, а имуществомъ каждаго. Хотя такое дѣленіе первоначально имѣло въ виду, какъ кажется, лишь военную организацію населенія, но оно стало основнымъ фактомъ римскаго государственнаго устройства на многія столѣтія. Этою реформой, которая нанесла первый ударъ сословному началу и органически вводила въ составъ римской общины многочисленный плебейскій элементъ, составившійся изъ переселенныхъ въ Римъ латинянъ побѣжденныхъ городовъ, новая община была обязана именно царямъ этрусской династіи,—основателя которой преданіе дѣлаетъ выходцемъ въ Этрурію изъ Коринѳа,—несомнѣнно искавшей

Библиотека "Руниверс"

для себя опоры въ плебейскомъ населеніи. Но это былъ толчекъ, безъ котораго сабино-латинская или латино-сабинская колонія на берегахъ Тибра навѣрное не получила бы своего быстраго и безпримѣрно блестящаго государственнаго развитія.

Да, милостивые государи, развитіе Рима было не только быстро и блестяще, но и, дѣйствительно, безпримѣрно въ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, городъ, едва зародившійся изъ пастушескихъ хижинъ въ половинѣ VIII столѣтія до Р. Хр., былъ въ половинѣ VI (при Сервіѣ Тулліѣ) уже главнымъ членомъ латинскаго союза, и памятникомъ этого главенства былъ построенъ на общія деньги латинскихъ городовъ храмъ Діаны на Авентинѣ, однимъ изъ мѣстъ поселенія переселенныхъ въ Римъ изъ покоренныхъ городовъ латинянъ. Раньше, чѣмъ въ половинѣ III, то-есть, меньше, чѣмъ черезъ 500 лѣтъ отъ своего основанія, Римъ былъ уже главою всей Италіи. Къ половинѣ II, то-есть, черезъ 600 лѣтъ по основаніи, онъ былъ уже полнымъ хозяиномъ на островахъ Средиземнаго моря, въ Малой Азіи и Сѣверной Африкѣ, сталъ твердою ногою въ Испаніи, стеръ съ лица земли Карѳагенъ и заставилъ грековъ забыть о своихъ вольностяхъ разрушеніемъ Коринѳа и обращеніемъ Ахаіи, вмѣстѣ съ Македоніей въ римскую провинцію. Можно сказать, что черезъ 600 лѣтъ послѣ заселенія Палатина латинскими выходцами весь историческій того времени міръ уже лежалъ покоренный у ногъ Рима, такъ что и тогда уже нужно было бы бѣжать въ Закаспійскія степи, въ Аравійскую пустыню, къ скиѳамъ и сарматамъ или по крайней мѣрѣ за Альпы, за Рейнъ и Дунай, чтобъ не чувствовать на себѣ тяжелой или властной руки римскаго владычества. Еще за полвѣка до разрушенія Карѳагена и Коринѳа Аннибалъ нигдѣ не могъ найдти убѣжища отъ мести римлянъ. Напрасно онъ бѣжалъ въ Сирію, напрасно онъ бѣжалъ въ Виѳинію: и тамъ ему оставалось только покончить жизнь самоубійствомъ, чтобъ не попасться живымъ въ римскія руки. Дѣло покоренія еще варварской Европы къ сѣверу отъ Альпъ и Балканъ было предоставлено позднѣйшему времени и продолжалось въ имперіи, которая приняла на себя грандіозную задачу ассимиляціи варварскаго міра съ греко-римскимъ, но покончила свое существованіе на Западѣ, не успѣвъ довести эту задачу до конца, какъ оказавшуюся ей не по плечу, да и вообще недостижимую въ своей цѣлости.

Библиотека "Руниверс"

Ясно, что народъ, которому выпало на долю играть такую колоссальную роль въ исторіи, былъ народъ особенный, представлявшій собой какую-то избранную расу въ родѣ человѣческомъ. Если же взять во вниманіе, что народъ этотъ въ началѣ своего историческаго бытія былъ лишь небольшою латинскою колоніей на Палатинѣ, соединившеюся съ сабинскою колоніей на Квириналѣ, и, окруженный почти у самыхъ воротъ своихъ болѣе могущественными сосѣдями, принужденъ былъ съ первыхъ дней своего существованія вести борьбу за право этого существованія, то становится просто изумительнымъ, какъ онъ могъ дойти до положенія главнаго города на земномъ шарѣ, до всемірнаго владычества. Для этого должны были быть особенныя причины и условія.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ это безпримѣрное въ исторіи государственное развитіе было обусловлено? Какъ оно стало возможнымъ? Что ему содѣйствовало?.

Вопросы подобнаго рода занимали политическіе умы еще въ древности, продолжали занимать ихъ и въ новое время. Еще выдающійся греческій историкъ и политическій дѣятель ахейскаго союза Поливій, жившій при началѣ достиженія римлянами всемірнаго господства и имѣвшій возможность превосходно ознакомиться съ ихъ исторіей, политическимъ устройствомъ и общественнымъ бытомъ (онъ прожилъ въ Римѣ 17 лѣтъ въ качествѣ заложника), Поливій, современникъ разрушенія Карѳагена и Коринѳа, старается дать на эти вопросы посильный отвѣтъ своимъ изумленнымъ соотечественникамъ, которымъ волей-неволей пришлось признать надъ собой римское владычество. Онъ знакомитъ ихъ съ исторіей, нравами, характеромъ и государственными учрежденіями римлянъ, выставляетъ на видъ нравственное превосходство этихъ послѣднихъ предъ другими народами, не только передъ карѳагенянами, но и передъ греками, и указываетъ, какъ на особо важный фактъ, на существованіе у этого народа такой формы правленія, которая, состоя изъ гармоническаго сочетанія и равновѣсія власти монархической, аристократической и демократической, представляется ему наиболѣе совершенною, каковою раньше такая форма представлялась уже многимъ греческимъ мыслителямъ, особенно стоикамъ. Таково было сужденіе грека, видѣвшаго своими глазами высшій расцвѣтъ внутренней и внѣшней силы римскаго государства. Полтора вѣка спустя, Титъ Ливій, Карамзинъ римской историографической литературы, обозрѣвая исторію своего народа въ тотъ ея важный моментъ, когда римское государство, достигнувъ точки зе-

Библиотека "Руниверс"

нита въ своемъ развитіи, достигнувъ высшаго блеска не только въ политическомъ, но и въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ, какого только ему суждено было достигнуть, стояло уже на на поворотѣ къ нисходящему шествію, Титъ Ливій, говорю я, даетъ себѣ задачу показать какими нравами, какими людьми и какими средствами, мирными и военными, римскій народъ пріобрѣлъ свое страшное могущество, до того страшное, что его государство начинаетъ страдать уже отъ своей чрезмѣрности, ut jam magnitudine laboret sua. Какъ Поливій видитъ главный рычагъ неимовѣрно блестящаго поступательнаго хода Рима въ учрежденіяхъ [1]), такъ Ливій видитъ его прежде всего въ нравахъ и характерахъ. Но, милостивые государи, задача, которая теперь стоитъ передъ нами, во всей цѣлости и ясности могла подлежать гораздо больше рѣшенію новыхъ историковъ и политическихъ мыслителей — уже по тому одному, что для нихъ римская исторія есть дѣло законченное, и они могутъ разбирать ее съ такою же свободою и съ такимъ же спокойствіемъ, съ какими профессоръ анатоміи обращается съ человѣческимъ скелетомъ, объясняя слушателямъ устройство механизма человѣческаго тѣла и цѣлесообразность отдѣльныхъ его частей и органовъ. Передавать здѣсь, какъ и кто объяснялъ причины быстраго роста и грандіознаго государственнаго величія древняго Рима, въ краткой бесѣдѣ, нѣтъ надобности. Но никакъ нельзя обойти классическаго труда Монтескьё „Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence“ (Paris, 1734), труда, который такъ любили въ Западной Европѣ и у насъ читать и перечитывать ради политическаго образованія въ прошломъ столѣтіи, и который до сихъ поръ остается образцовымъ и незамѣнимымъ произведеніемъ. Все, что могли дать сообщенія древнихъ писателей объ исторіи Рима, великимъ французскимъ политическимъ философомъ изучено ближайшимъ образомъ, и все, что могли дать для заключенія факты традиціонной римской исторіи, высказано имъ съ удивительнымъ знаніемъ, пониманіемъ и ясностью. Но само собою разумѣется, что, такъ какъ въ разработкѣ фактической стороны римской исторіи произошли со времени Монтескьё большія перемѣны, то естественно, что французскій политическій мыслитель о нѣкоторыхъ предметахъ судитъ такъ, какъ мы

[1]) По мнѣнію Поливія, вообще главною причиною успѣха или неудачи въ дѣлахъ государственныхъ слѣдуетъ считать государственное устройство (изъ VI кн.).

Библиотека "Руниверс"

теперь судить не можемъ. Такъ, онъ, какъ и раньше его Макіавелли, относится къ исторіи римскихъ царей, какъ къ совершенно положительной исторіи, и потому въ числѣ римскихъ успѣховъ начальнаго періода указываетъ на то, будто цари римскіе были всѣ „великими личностями", прибавляя, что никакая исторія не представляетъ „непрерывнаго ряда такихъ государственныхъ людей и такихъ полководцевъ". Историческая критика нашего времени не позволяетъ намъ говорить столь положительнымъ языкомъ о лицахъ, фигуры которыхъ окутаны въ большинствѣ случаевъ легендарнымъ туманомъ, хотя сквозь него и довольно явственно прорываются дѣйствительные факты культурной и политической исторіи этого времени. Не правъ Монтескьё и тогда, когда онъ называетъ Римъ этого времени городомъ безъ торговли. Археологическія данныя, которыми открытъ для насъ теперь очень важный источникъ для знакомства съ древнѣйшею римскою исторіей, ясно указываютъ на участіе древнѣйшаго Рима не только въ торговлѣ съ этрусскими, но и съ южно-италійскими греками, о непосредственности раннихъ сношеній съ которыми громко говоритъ и тотъ фактъ, что римляне заимствовали свой алфавитъ отъ грековъ южной Италіи (изъ Кумъ), а не отъ этрусковъ, какъ это должно было бы случиться, если бы они были отрѣзаны отъ непосредственныхъ сношеній съ халкидскими колоніями южной Италіи. У Монтескьё это мнимое отсутствіе торговли древнѣйшаго Рима стояло въ связи съ его представленіемъ о томъ, что воинственность, обнаруженная римлянами съ самаго начала ихъ исторіи, вызывалась будто бы необходимостью заниматься грабежемъ, какъ единственнымъ средствомъ къ обогащенію. Заключенный римлянами еще въ первый годъ республики торговый договоръ съ карѳагенянами, договоръ, съ текстомъ котораго мы дословно знакомимся у Полибія (III, 22), ясно указываетъ на то, что римская торговля въ царскій періодъ достигла даже значительнаго международнаго значенія. Если дѣйствительно желаніе добычи было нерѣдко побудительной причиной нападеній на сосѣдей у римлянъ, какъ и у другихъ народовъ Лаціума, то главная пружина воинственности римлянъ лежала глубже и заключалась въ томъ, что война для римлянъ была прежде всего борьбою за существованіе и затѣмъ борьбою за преобладаніе. Несомнѣнно однако, что воинственный духъ римскаго народа есть одинъ изъ важныхъ факторовъ достигнутаго этимъ народомъ могущества, хотя далеко не единственный. Воинственныхъ народовъ всегда было много на свѣтѣ, особенно въ пору ихъ юности, было ихъ не мало и

Библиотека "Руниверс"

между римскими сосѣдями (сабиняне, эквы, вольски, фалиски — можно ли быть ихъ воинственнѣе?); но эти сосѣди до значенія Рима не дошли, не дошли даже до прочнаго политическаго существованія.

Было бы странно, однако, если бы мы ограничились только возраженіями на знаменитый историко-политическій трактатъ одного изъ величайшихъ умовъ Франціи. Соображенія Монтескьё, вѣрныя или невѣрныя, должны быть здѣсь переданы въ краткихъ словахъ одно за другимъ, прежде чѣмъ мы выскажемъ на данную тему наши собственныя соображенія. Какія же причины, по мнѣнію этого глубокаго политическаго мыслителя, знаменитаго автора „Духа законовъ", содѣйствовали римскому величію?

Вотъ какія: Цари въ Римѣ всѣ до одного представляли собой крупныхъ политическихъ людей и хорошихъ полководцевъ. Воинственный духъ, который проявился при царяхъ, получилъ еще большее развитіе по низверженіи ихъ, такъ какъ замѣнившіе ихъ консулы, смѣняясь ежегодно, постоянно, изъ честолюбивыхъ соображеній, подстрекали сенатъ къ воинственной политикѣ. Война служила обогащеніемъ не только для тѣхъ, которые участвовали въ ней, но и для тѣхъ, которые оставались въ городѣ, такъ какъ отнятая у непріятеля земля частію продавалась, частью отдавалась бѣднымъ гражданамъ въ аренду. Въ войнѣ римляне съ своимъ легіономъ, съ своимъ тяжелымъ, по преимуществу, вооруженіемъ, съ своей военной дисциплиной, которая поддерживалась усиленными упражненіями передъ сраженіемъ, имѣли большею частію преимущество надъ непріятелями; если же находили у него военныя средства лучше своихъ, то старались пріобрѣсти и усвоить себѣ такія же средства или такъ приспособить къ отраженію ихъ свои, чтобы преимущества непріятеля, на сколько возможно, были парализованы. Много значило то, что, будучи всѣ надѣлены землей, римляне, борясь съ непріятелемъ, защищали каждый собственное достояніе. Иное бываетъ дѣло, когда въ народѣ, какъ потомъ сталось и съ римлянами, мелкіе собственники исчезаютъ и образуется съ одной стороны классъ людей богатыхъ, съ другой бѣдныхъ: тутъ уже нѣтъ для массы интереса защищать свои очаги, и потому у нея нѣтъ ни такого мужества, ни такой стойкости. Обращаясь къ народамъ, съ которыми Риму приходилось выдерживать наиболѣе опасныя столкновенія, Монтескьё разсуждаетъ такъ: галлы не могли побѣдить римлянъ потому, что римское оружіе было лучше (у галловъ былъ щитъ малъ, мечъ плохъ), да къ тому же, галльскія племена никогда не могли соединиться противъ римлянъ, и потому были разбиваемы одно за

Библиотека "Руниверс"

другимъ. Пирръ, другой страшный противникъ, явился въ Италію въ такое время, когда римляне уже были сильны. Тарентъ, сильный и богатый греческій городъ, въ это время уже потерялъ доблесть своихъ предковъ—спартанцевъ. Карѳагенъ, могущественнѣйшій изъ противниковъ римскаго могущества, былъ богаче Рима, но тамъ все было продажно и дезорганизовано: въ Римѣ война соединяла интересы, въ Карѳагенѣ раздѣляла еще больше; въ Римѣ, гдѣ управляли законы, народъ уважалъ авторитетъ сената и дозволялъ ему руководить дѣлами, въ Карѳагенѣ, гдѣ управляли злоупотребленія, народъ хотѣлъ, чтобы все дѣлалось имъ самимъ. Римъ былъ бѣденъ, Карѳагенъ былъ богатъ: но золото и серебро истощаются, а доблесть, твердость, сила и бѣдность неистощимы. Много и другихъ политическихъ и нравственныхъ преимуществъ было на сторонѣ Рима, а тѣ преимущества, какія были на сторонѣ Карѳагена, какъ, напримѣръ, лучшая конница, знакомство съ моремъ, были римлянами быстро пріобрѣтены. Въ три мѣсяца римляне, не знакомые съ моремъ, создали себѣ флотъ по образцу сѣвшаго на мель у ихъ береговъ карѳагенскаго корабля, обучили матросовъ и снарядили суда: пустившись въ море, этотъ флотъ встрѣтилъ карѳагенскій и разбилъ его. Такова въ первую пуническую войну побѣда Дуиллія. Но всего болѣе разница въ духѣ, нравахъ и учрежденіяхъ сказалась во вторую пуническую войну, въ борьбѣ съ Аннибаломъ. Римляне были разбиты этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ при рѣкахъ Тичинѣ и Требіи, при Тразименскомъ озерѣ, наконецъ при Каннахъ, послѣ чего отъ нихъ отступились почти всѣ народы Италіи. Но при всемъ томъ, они не просили мира, слѣдуя своему всегдашнему правилу не входить съ врагомъ ни въ какое соглашеніе, пока онъ находится на ихъ землѣ (такъ было поступлено съ Пирромъ, такъ было отчасти поступлено раньше и съ Коріоланомъ). Римскимъ женщинамъ (по поводу страшнаго пораженія при Каннахъ) запрещено было плакать, сенатъ отказался выкупать плѣнныхъ и отправилъ жалкіе остатки разбитой (при Каннахъ) арміи въ Сицилію, не давая этой арміи ни вознагражденія, ни какихъ либо военныхъ почестей, пока Аннибалъ не былъ прогнанъ изъ Италіи. Rome fut sauvée par la force de son institution, говоритъ Монтескьё по этому случаю. Послѣ побѣды надъ Аннибаломъ, когда Риму приходилось вести „лишь малыя войны и одерживать большія побѣды“, развертывается во всю ширь новая страшная его сила, политика сената. Искусно пользуясь какъ враждебными, такъ и дружественными отношеніями иностранныхъ государствъ, возстановляя одни государ-

Библиотека "Руниверс"

ства противъ другихъ, беря подъ свое покровительство недруговъ того государства, противъ котораго направлены римскія интриги, слѣдуя правилу „раздѣлять, чтобъ повелѣвать“, доводя государство, которое намѣчено, какъ добыча, постепенными требованіями до невозможности оказать какое бы то ни было сопротивленіе, вездѣ выступая съ корыстными и властолюбивыми цѣлями, политика римскаго сената стала важнѣйшимъ двигателемъ того всемірнаго завоеванія или захвата, которымъ отличается римская исторія со времени сокрушенія, послѣ 2-й пунической войны, могущества Карѳагена. Рядомъ съ ходомъ римскихъ завоеваній шла въ стѣнахъ Рима внутренняя борьба, борьба плебеевъ съ патриціями, за равенство политическихъ правъ, за участіе въ государственныхъ должностяхъ, борьба упорная, въ высокой степени поучительная. Уходъ плебеевъ на священную гору далъ имъ законныхъ защитниковъ въ лицѣ трибуновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность болѣе успѣшнаго сопротивленія несправедливостямъ и притѣсненіямъ со стороны патриціевъ. Въ этой борьбѣ, ведшейся въ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ упорствомъ, но безъ революціонныхъ потрясеній, плебеи исторгали у патриціевъ уступку за уступкой, пока не достигли всѣхъ общественныхъ должностей, полнаго уравненія въ правахъ съ патриціями. Затѣмъ уже пошла борьба демократіи съ аристократіей за преобладаніе, борьба, которая велась другими средствами и которая служила уже не къ возвышенію Рима, а къ паденію. Но прежде чѣмъ начать говорить о причинахъ послѣдняго, Монтескьё считаетъ нужнымъ указать на ту особенность римской государственной конституціи, что она въ самой себѣ носила коррективъ, безъ котораго не могутъ долго существовать свободныя учрежденія. Коррективъ этотъ заключался въ цензурѣ, въ особомъ органѣ власти, имѣвшемъ право наказывать за злоупотребленія, которыхъ законъ не предвидѣлъ, или за которыя обыкновенная власть не имѣла права наказывать. Цензоръ могъ удалить лицо, нарушившее правила чести или требованія добропорядочности и нравственности, изъ сената и даже изъ трибы, что лишало гражданина права даже подачи голоса. На этомъ останавливаются „соображенія“ Монтескьё о причинахъ величія римлянъ и начинается разсмотрѣніе причинъ упадка.

Соображенія Монтескьё, объясняютъ многое въ ходѣ поступательнаго движенія Рима, въ достиженіи имъ необыкновеннаго государственнаго величія, но не все. Онъ приписываетъ большую важность римскому вооруженію. Но вѣдь римскій легіонъ и его вооруженіе, это страшное тяжеловѣсное метательное копье (pilum), этотъ страшный

Библиотека "Руниверс"

римскій мечъ (gladius), который пускался въ ходъ, когда бой былъ подготовленъ метательнымъ оружіемъ, равно какъ и все ихъ легкое оружіе, метательныя копья и стрѣлы, все это не было спеціально римскимъ, а было италійскимъ. Поэтому, если римляне въ теченіи 500 лѣтъ своей исторіи, когда они не выходили изъ предѣловъ Италіи, одерживали верхъ не только надъ другими латинскими городами и надъ сабинянами, равно какъ надъ вольсками, эквами, герниками, самнитами, но и надъ этрусками и даже надъ греками южной Италіи, то тутъ должна была дѣйствовать съ самаго начала другая и притомъ важная причина. Очевидно, римляне были созданы изъ нѣсколько особаго тѣста, чѣмъ другія италійскіе народы. Мы видѣли, изъ какихъ элементовъ составилась ихъ первоначальная раса, и какъ сочетаніе этихъ элементовъ было удачно. Затѣмъ, если Римъ, младшій изъ городовъ въ древнемъ Лаціумѣ, такъ быстро выдвинулся среди нихъ и еще въ царскій періодъ взялъ надъ ними гегемонію, то этимъ онъ былъ обязанъ несомнѣнно въ очень большой степени своему счастливому положенію при большой рѣкѣ, которая, служа для него удобнымъ средствомъ торговыхъ сообщеній, въ то же время была его защитой съ сѣвера. Рѣка эта выходила въ море, черезъ которое доставлялись въ Кампанію, въ Лаціумъ, въ Этрурію и въ Лигурію товары близкихъ и отдаленныхъ странъ Востока, Юга и Запада. Что эти товары приходили въ устья Тибра въ значительномъ количествѣ, на это ясно указываетъ построенная тамъ еще царемъ Анкомъ Марціемъ гавань Остія, рано достигшая, какъ городъ, большого процвѣтанія. Ясно, что мѣсто, на которомъ возникъ Римъ и мимо котораго проходило все торговое движеніе по Тибру, давало Риму преимущество передъ другими городами Лаціума. Преимущество это состояло не только въ томъ, что дѣлало его важнымъ городомъ для Лаціума, но и въ томъ, что, какъ стоявшій, такъ сказать, на большой дорогѣ городъ и служившій для Лаціума какъ бы окномъ въ большой свѣтъ, онъ естественно долженъ былъ расти быстрѣе другихъ городовъ страны, какъ расположенныхъ въ альбанскихъ горахъ, такъ и въ долинахъ Тибра и Аніо, и обнаруживать больше движенія въ идеяхъ и вообще въ умственномъ развитіи. Какъ растутъ и какъ выигрываютъ передъ другими въ развитіи связанныя съ моремъ города, мы знаемъ это не изъ американской только исторіи (Нью-Іоркъ, Чикаго, Филадельфія), но и изъ нашей отечественной. Не говоря о Новгородѣ, который, именно благодаря своей связи съ моремъ, сдѣлался большимъ торговымъ городомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ умственнаго движенія въ

Библиотека "Руниверс"

отдаленнѣйшій періодъ русской жизни, не говоря объ Одессѣ, развившейся въ крупнѣйшій центръ городской жизни на нашихъ глазахъ, вспомнимъ, какъ быстро пошелъ государственный ростъ Россіи со времени основанія Петербурга, который, вмѣстѣ съ своимъ руководящимъ значеніемъ въ международной торговлѣ Россіи, не замедлилъ пріобрѣсти и умственное главенство въ государствѣ. Тамъ, гдѣ большая дорога или большая станція, происходитъ столкновеніе разнообразныхъ элементовъ, обмѣнъ идей. Чѣмъ этотъ обмѣнъ разнообразнѣе, тѣмъ развитіе идетъ быстрѣе. Это вирочемъ вещи, всякому извѣстныя, и я останавливаться на нихъ не буду. Первоначальная исторія Рима для насъ темна, но ранняя выдающаяся его роль въ Лаціумѣ объясняется и самымъ его географическимъ положеніемъ—мысль, высказанная въ первый разъ еще сорокъ слишкомъ лѣтъ назадъ Моммзеномъ, но до сихъ поръ не нашедшая себѣ надлежащаго признанія.

Что такой городъ, который какъ бы отъ колыбели былъ предназначенъ играть выдающуюся роль среди другихъ, не только рано долженъ былъ прибрать къ рукамъ какія-нибудь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него лежавшія Антемны, Ценину, Коллатію, Фидены, но и нашелъ себя вынужденнымъ разрушить Альбу-Лонгу, главный городъ латинскаго союза и общую метрополію латинскихъ городовъ, это выясняется тѣмъ-же географическимъ положеніемъ. Съ одной стороны для него требовалась территорія, которая была кругомъ его занята раньше сабинскими или латинскими, а отчасти и этрусскими (Фидены) поселеніями, съ другой—расположенная въ какихъ-нибудь двадцати съ небольшимъ верстахъ отъ него въ горахъ Альба-Лонга, глава всѣхъ другихъ городовъ страны, такъ ясно своимъ существованіемъ угрожала передовой роли Рима, что послѣднему оставалось или отказаться отъ этой роли, или разрушить соперничествующій городъ. Римъ рѣшился на послѣднее, какъ онъ впослѣдствіи рѣшился разрушить Карѳагенъ, который, пока существовалъ, былъ угрозой развитію его міроваго значенія. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось съ высоты Альбанскихъ горъ, именно съ мѣстности, окружающей Альбанское озеро, смотрѣть внизъ на семихолмный городъ на Тибрѣ, или изъ Рима смотрѣть на господствующее въ этихъ мѣстахъ положеніе особо отъ горной цѣли Апеннинов стоящаго конусообразнаго массива Альбанскихъ горъ, я неизбѣжно приходилъ къ мысли, что если Римъ разрушилъ Альбу-Лонгу, то былъ вызванъ на этотъ жестокій поступокъ больше всего чувствомъ политическаго самосохраненія. Этимъ-же

Библиотека "Руниверс"

чувствомъ, а не охотою жить грабежемъ, объясняется и его завоевательная политика во всемъ Лаціумѣ. Латинскіе города не могли равнодушно смотрѣть на возникающее величіе новаго города. Отсюда—ихъ вражда къ нему, изъ вражды—войны, а изъ войнъ—римское завоеваніе, сопровождаемое выселеніями и разрушеніями. Особенно безпокойны были для Рима постоянныя войны въ южномъ Лаціумѣ—съ Вольсками, которымъ упорно помогали съ Востока ихъ сабелльскіе союзники Эквы; но эти войны, какъ и войны на сѣверныхъ границахъ, въ Этруріи, и на югѣ, въ землѣ Самнитовъ, были школой, въ которой и выработалось военное искусство Рима, оказавшееся затѣмъ побѣдоноснымъ не только въ остальной Италіи, но и въ цѣломъ мірѣ.

Итакъ, съ одной стороны, удачно скомбинированная раса, съ другой исключительное въ странѣ географическое положеніе: вотъ, по моему, двѣ основныхъ причины, обусловившія въ зародышѣ будущее величіе Рима. Далѣе, необходимость съ первыхъ дней вести борьбу за существованіе закалила Римлянъ въ военныхъ доблестяхъ и приготовила къ побѣдоноснымъ войнамъ съ иностранными народами. Рядомъ съ этимъ выступаютъ на первый планъ сообразныя съ свойствами и потребностями народа религіозныя и политическія учрежденія, среди которыхъ воспитался тотъ, полный серьезности, гражданской и военной дисциплины, римскій духъ, который высказывался въ твердости, самоотверженіи, въ готовности на всякіе подвиги для блага и славы отечества, и которому потомъ уже ничто противостоять было не въ состояніи,—духъ гражданской общины, сознавшей въ себѣ призваніе стать во главѣ всѣхъ народовъ, regere imperio populos, какъ это призваніе было впослѣдствіи формулировано въ знаменитыхъ стихахъ шестой книги Энеиды Виргилія [1]). Эти религіозныя и политическія учрежденія, начало которымъ было положено еще въ царскій періодъ, но которыя никогда не переставали развиваться и были тѣмъ, что̀ дѣлало римлянина римляниномъ, были главною связью, главнымъ цементомъ государственной крѣпости. Безъ религіознаго акта не начиналось у Римлянъ никакое государственное дѣло; уваженіе къ законамъ, уваженіе къ избраннымъ властямъ поддерживало правильность въ отправленіи государственныхъ дѣлъ и обязанностей. Но, почитая достодолжнымъ образомъ, по строго опредѣленнымъ формуламъ, боговъ, покровителей его государства, и воздавая должное властямъ, которыя вели дѣла этого государства, римлянинъ твердо зналъ свои права,

[1]) Aen. VI, 847—853.

Библиотека "Руниверс"

носилъ въ себѣ высокую идею свободнаго гражданина, которому не можетъ быть причинено никакое насиліе, котораго. какъ несокрушимая твердыня, защищаетъ законъ, который, наконецъ, въ случаѣ слишкомъ строгаго примѣненія закона. можетъ обратиться къ защитѣ народа, и которому, хотя бы онъ находился въ отдаленнѣйшемъ углу подвластнаго Риму міра, достаточно было сказать „я римскій гражданинъ", чтобъ внушить къ своей персонѣ извѣстное уваженіе и своего рода неприкосновенность. Если посламъ Пирра римскій сенатъ показался собраніемъ царей, то и каждый римскій гражданинъ, выросшій не только въ сознаніи великой государственной мощи своего отечества, но и полной политической свободы, которая опиралась на выработанныя путемъ долгой борьбы государственныя учрежденія, и носившій въ себѣ, понятно, чувство особаго достоинства, могъ казаться выше, чѣмъ граждане другихъ государствъ или гражданскихъ общинъ, какъ подчиненныхъ Риму, такъ и независимыхъ, пока таковые еще оставались на земномъ шарѣ. Учрежденія, способствовавшія выработкѣ доблестныхъ гражданъ, и граждане, опиравшіеся въ своей общественной дѣятельности на дорогія имъ учрежденія, были естественными и самыми могучими двигателями римскаго величія.

Такимъ образомъ, въ созданіи римскаго величія участвовали: сильная раса, счастливое географическое положеніе, хорошая военная школа, пріобрѣтенная необходимостью вести съ первыхъ дней тяжелую борьбу съ сосѣдями за существованіе, мудрыя государственныя учрежденія, воспитывавшія въ гражданахъ чувства законности и свободы, гражданскаго достоинства и національной гордости, и, наконецъ, добрые нравы, внушавшіе каждому стремленіе къ исполненію долга въ дѣлахъ общественныхъ и предпочтеніе интересовъ государства всякимъ другимъ интересамъ, равно какъ личнымъ, семейнымъ или партійнымъ соображеніемъ. Утрата или даже только ослабленіе силы одного или нѣсколькихъ изъ этихъ условій неизбѣжно влекли за собою колебаніе и затѣмъ упадокъ государства, упадокъ сначала внутренній, а потомъ и внѣшній.

В. Модестовъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРІЕМЪ ПОЧЕТНАГО ГОСТЯ ПО ДРЕВНЕ-ИНДІЙСКИМЪ ПРАВИЛАМЪ ДОМАШНЯГО РИТУАЛА.

Цѣль этого изслѣдованія—разъяснить, насколько возможно, исторію развитія индійскаго обряда пріема почетнаго гостя. Составляя наслѣдіе эпохи, лежащей за предѣлами исторіи, обрядъ этотъ пережилъ на индійской почвѣ, очевидно, цѣлый рядъ измѣненій. Но такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ историческихъ указаній, то намъ приходится добывать историческія точки опоры при помощи критическаго разбора того, что даетъ намъ индійская литература, и въ зависимости отъ этого мѣняется нѣсколько и самое понятіе исторіи. Намъ приходится разбирать отдѣльныя подробности обряда и устанавливать ихъ историческую послѣдовательность. Мы можемъ иногда съ увѣренностью сказать, что одна черта обряда позднѣе другой, что данная подробность пережила такія-то измѣненія, но мы не можемъ возстановить полнаго обряда во всѣхъ подробностяхъ и со всѣми послѣдовательными его измѣненіями. Намъ приходится изслѣдовать исторію развитія отдѣльныхъ подробностей, а разобрать взаимное расположеніе частей бываетъ возможно только тогда, когда эти части стоятъ между собою въ тѣсной связи. Если эта связь ослабляется, то теряется и наша историческая перспектива, и мы соединяемъ то, что, быть можетъ, принадлежитъ различнымъ періодамъ развитія обряда. Такимъ образомъ изслѣдователю обычаевъ всегда нужно помнить, что онъ не можетъ возстановить съ полною точностью первоначальную картину обряда, а долженъ довольствоваться только плохимъ ея суррогатомъ. Это станетъ еще яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что и засвидѣтельствованный исторически обычай всегда содержитъ въ себѣ и новыя, и древнія черты. Все это необходимо

Библиотека "Руниверс"

помнить, чтобы не придавать результатамъ изслѣдованія той степени точности, которой они не могутъ имѣть.

Несмотря, однако, на такую низкую степень точности, изслѣдованія эти необходимы. Во-первыхъ, все-таки это наивысшая степень точности для данной области; а, во-вторыхъ, изслѣдованія эти необходимы для дальнѣйшихъ сравненій обычаевъ народовъ индоевропейской группы. Только разобравши исторію отдѣльныхъ обычаевъ у каждаго изъ индоевропейскихъ народовъ, мы можемъ приступить къ сравненію ихъ и возстановленію картины жизни индоевропейцевъ. Не сдѣлавши этого, мы рискуемъ впасть въ грубую ошибку, какую сдѣлалъ бы, напримѣръ, филологъ, сопоставляя прямо русское tot съ санскритскимъ tad. Только исторія слова tot можетъ научить насъ тому, что tot относится къ tad, какъ 2 : 1, что отождествлять этихъ словъ нельзя, несмотря на ихъ родство и звуковую близость.

Наше изслѣдованіе основывается только на томъ матеріалѣ, который даютъ намъ грихья-сутры, то-есть, правила домашняго ритуала. Несмотря на такое ограниченіе матеріала, мы можемъ, я думаю, принять, что картина, которую даютъ намъ сутры, довольно полная. Во-первыхъ, грихья-сутры служили руководствомъ при совершеніи обрядовъ. Слѣдовательно, онѣ даютъ намъ дѣйствовавшую въ свое время норму обряда. Во-вторыхъ, онѣ, очевидно, представляютъ сборники обычаевъ и такимъ образомъ даютъ намъ уже сгруппированный брахманами матеріалъ. Наконецъ, мы имѣемъ не одну сутру, а нѣсколько сутръ, принадлежащихъ различнымъ школамъ, и потому матеріалъ еще болѣе пополняется. Это же обстоятельство значительно облегчаетъ намъ и пониманіе самаго текста.

Односторонность нашего изслѣдованія заключается въ томъ, что мы имѣемъ дѣло какъ бы только съ индійскою теоріей этого обряда. Но теорія эта основана, конечно, на всеобщей практикѣ, да и самый предметъ—почетный пріемъ гостя, давалъ брахманамъ слишкомъ мало матеріала для теоретическихъ разсужденій. Въ виду всего этого мы можемъ принять, что матеріалъ, представляемый сутрами, довольно полонъ, и что мы не дѣлаемъ большой ошибки, если не принимаемъ во вниманіе разбросанныя свѣдѣнія, которыя даетъ намъ остальная индійская литература.[1]

Пользовался я слѣдующими сутрами: Gobhilagṛhyasūtra herausgegeben und übersetzt v. F. Knauer. (Gobh.) Dorpat. 1884—1886. Indische Hausregeln. Sanskrit und deutsch herausgegeben v. A. F. Stenzler. I. Āçvalāyana. Leipzig. 1864 (Āçv.) II. Pāraskara (Pār.).

Библиотека "Руниверс"

Leipzig. 1876. (Abhandlungen f. d. Kunde d. Morgenlandes. Bdd. III. IV, VI). Çānkhāyanagṛhyam, изданною Ольденбергомъ въ Indische Studien XV (Çānkh.) Āzastambīyaṃ gṛhyasūtram edited by Dr. M. Winternitz. Vienna. 1887. (Āp.). Hiraṇyakeçigṛhyasūtram edited by Dr. J. Kirste. Vienna. 1889. (Hir.). и наконецъ, переводомъ сутръ: Çānkhāyana, Āçvalāyana, Pāraskara, Khādira (тамъ же и текстъ данъ. Khād.), Gobhila, Hiraṇyakeçin, Āpastamba, изданнымъ Ольденбергомъ въ XXIX и XXX томахъ Sacred Books of the East. Кромѣ того я пользовался сборникомъ формулъ, произносимыхъ при совершеніи обрядовъ, относящимся къ Gobh. и носящимъ названіе Mantra brāhmaṇa (Calcutta, 1872).

Чтобы не испещрять текста цитатами, я не приводилъ точныхъ указаній, гдѣ нужно искать данное правило или данную формулу, а указывалъ только грихья-сутру. Здѣсь я даю перечень мѣстъ, которыя ближайшимъ образомъ составляли матеріалъ работы; по этому перечню легко отыскать и каждое отдѣльное мѣсто: Āçv. I, 24; Pār. I, 3; Gobh. IV, 10; Çānkh. II, 15 — 17; Hir. I, $12_{,7}$ — $13_{,18}$; Āp. $13_{,2}$ — 20; Khād. IV, $4_{,5}$ — 23.

Кромѣ того, нужно прибавить, что сборникомъ формулъ къ Āpast., называемымъ Mantrapāṭha, я не могъ пользоваться, такъ какъ онъ до сихъ поръ не изданъ. Текстъ его приготовляется къ изданію въ Anecdota Oxoniensia г. Винтерницемъ.

§ 1. Лица, удостоивавшіяся почетнаго пріема. Почетнаго пріема удостоивались слѣдующія лица: 1) ācārya—учитель; брахманъ, обучающій священному писанію, 2) ṛtvij—жрецъ, 3) snātaka—совершившій омовеніе, которымъ заканчивается ученіе, 4) rājan—царь, 5) vivāhya (=vāivāhya)—родной по браку, 6) priya (Gobh. priyō 'tithiḥ)—другъ. Кромѣ этихъ, упоминаются: çvaçura — тесть (Āçv. Āp.), pitṛvya—братъ отца (Āçv.) и mātula—братъ матери (Āçv.).

Кто разумѣлся подъ этими именами, совершенно ясно, кромѣ развѣ vivāhya или vāivāhya. И то и другое слово представляютъ прилагательное отъ vivāha, собственно увозъ (разумѣется: невѣсты), свадьба, бракъ. Теперь является вопросъ, имѣло ли это слово какое нибудь частное значеніе, употребляясь въ качествѣ имени родства. Помочь намъ могутъ здѣсь комментаріи самихъ же индусовъ и сравненіе различныхъ сутръ. Комментаторы даютъ два толкованія: либо çvaçura, либо jāmātar, при чемъ, очевидно, çvaçura нужно понимать въ смыслѣ тестя, а не свекра (см. *Delbrück*, Die indogerman. Verwandtschaftsnamen, стр. 137 сл.); jāmātar можно понимать въ смыслѣ русскаго

Библиотека "Руниверс"

„зятя“ съ тѣмъ же двойнымъ значеніемъ мужа дочери или мужа сестры (см. *Delbrück*, стр. 139, и *Bradke*, Indogerman. Forschungen. IV, 87 слл.). Нѣкоторые комментаріи прибавляютъ vivāhayitavyō jāmātā, то-есть, зять, который долженъ вступить въ бракъ, слѣдовательно будущій зять [1]). Nārāyaṇa (къ соотвѣтствующему мѣсту Gobh.) говоритъ просто: vivāhayitā, то-есть, собирающійся жениться. Штенцлеръ въ своемъ переводѣ Pār. принимаетъ значеніе Schwiegersohn, то-есть, точнѣе мужъ дочери. Онъ опирается на комментаріи и на то толкованіе, что vāivāhya долженъ быть принятъ съ почетомъ только въ случаѣ свадьбы. Здѣсь, по мнѣнію Штенцлера, слово можетъ значить только „мужъ дочери“. Но, во-первыхъ, приходящій въ домъ своего будущаго тестя еще не зять, а только будущій зять; въ такомъ случаѣ слово имѣло бы значеніе жениха, сватающагося, а не Schwiegersohn. Во-вторыхъ, это значеніе не подходило бы для тѣхъ случаевъ, когда не отецъ, а братъ выдаетъ свою сестру замужъ.

Ольденбергъ всюду переводитъ это слово черезъ father-in-law, то-есть, тесть; онъ имѣетъ въ виду то обстоятельство, что въ Çrāuta-sūtra (Çānkh.) вмѣсто vivāhya упомянутъ çvaçura (тесть). „Трудно не вѣрить тому,—прибавляетъ онъ,—что оба слова употреблялись въ одномъ и томъ же смыслѣ, и сообразно съ этимъ Nārāyaṇa говоритъ vivāhyaḥ çvaçuraḥ“ (Sacred Books, XXIX, 87). Но, во-первыхъ, какъ мы видѣли, тотъ же Nārāyaṇa въ другомъ мѣстѣ держится другаго мнѣнія; а, во-вторыхъ, въ виду несогласія комментаторовъ такому употребленію слова въ смыслѣ çvaçura довольно трудно повѣрить.

Такимъ образомъ, приходится скорѣе признать, что слово это вовсе не имѣло частнаго значенія, а означало вообще родственника по браку, свойственника. Такъ переводятъ слово Кнауеръ и Ольденбергъ въ своемъ прежнемъ нѣмецкомъ переводѣ Çānkh. Что комментаторы даютъ намъ такія частныя значенія, это вовсе не должно казаться страннымъ: они далеко не всегда объясняютъ слова въ ихъ собственномъ значеніи, а всегда примѣняются только къ данному случаю и толкуютъ такимъ образомъ не текстъ, а тотъ случай, который они имѣютъ въ виду. Отсюда понятно ихъ разногласіе: и

[1]) Иначе, кажется, нельзя понять это странное выраженіе: vivāhayati—жениться употребляется только съ винительнымъ падежомъ невѣсты, и потому выраженіе представляетъ contradictio in adjecto.

Библиотека "Руниверс"

тесть, и зять—такіе свойственники, которые взаимно стоятъ въ отношеніяхъ гостепріимства. Сутра имѣетъ въ виду общее правило, а комментаторы забываютъ, что, если тесть можетъ придти къ зятю, то возможенъ и обратный случай. Еще больше приводило ихъ къ такому одностороннему толкованію то обстоятельство, что грихья-сутры излагаютъ дѣло съ точки зрѣнія домохозяина и при томъ преимущественно молодаго, основывающаго свое собственное хозяйство [1]).

Можетъ явиться даже подозрѣніе, нужно ли вообще принимать для vivāhya (vāivahya) значеніе „свойственникъ". Возможно теоретически пониманіе этого слова въ смыслѣ будущаго зятя, жениха, какъ толкуетъ въ одномъ случаѣ Nār. [2]). Въ пользу такого толкованія говорятъ, однако, только комментаріи, да и то, какъ мы видѣли, далеко не всегда. При томъ употребленіе этихъ словъ не говоритъ въ пользу такого пониманія: они скорѣе способны были бы означать невѣсту, а не жениха (см. выше примѣч. къ vivāhayitavyō jāmātā).

Açv. сильно отличается въ перечисленіи лицъ, которыя удостоиваются почетнаго пріема, при чемъ упоминаются три родственника: тесть (çvaçura), братъ отца (pitṛvya) и братъ матери (mātula). Это упоминаніе, стоя совершенно одиноко въ грихья-сутрахъ, находитъ поддержку, напримѣръ, въ Gāutama-dharmaçāstra и отчасти въ Ману. Дельбрюкъ думаетъ, что таково древнѣйшее преданіе (стр. 190). Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ пока положительно разрѣшенъ быть не можетъ. Повидимому, и то, и другое основывалось на существовавшихъ обычаяхъ, и очень возможно, что здѣсь сказывается только мѣстная разница. Замѣтимъ между прочимъ, что толкованіе Дельбрюка не совсѣмъ справедливо. Онъ говоритъ: „Почему же между

---

[1]) Многіе и европейскіе ученые склонны подъ вліяніемъ туземныхъ толкованій придавать такія частныя значенія общимъ выраженіямъ сутръ. Конечно, это неправильно, и точность пониманія текста страдаетъ отъ такого слишкомъ частнаго толкованія словъ. Одинъ примѣръ: Gobh. I, 1,11: prētē vā gṛhapatāu pragamēṣṭhikaraṇam, то-есть, въ случаѣ смерти домохозяина (это, то-есть, разведеніе домашняго огня)—дѣло старшаго. Haas (Ind. Stud., V, 286) толкуетъ это мѣсто такъ, что pragamēṣṭhin здѣсь должно значить „старшій братъ". Это же толкованіе принимаетъ и Кнауеръ въ своемъ переводѣ (ср. также его примѣчаніе къ данной сутрѣ). Между тѣмъ это — излишняя точность, которой въ сутрѣ нѣтъ. Да къ тому же выраженіе „старшій братъ", мнѣ думается, уже потому неудачно, что, вѣроятно, чаще приходилось бы выполнять предписаніе этой сутры старшему сыну, а не брату домохозяина.

[2]) Повидимому, это слово имѣетъ въ виду Дельбрюкъ, упоминая на стр. 190 „der Freier der Tochter". Въ такомъ случаѣ и онъ держится этого толкованія.

Библиотека "Руниверс"

почетными гостями не упомянутъ отецъ хозяина дома? Пропускъ его я могу понять только при томъ предположеніи, что здѣсь имѣется въ виду жизнь общимъ хозяйствомъ отца съ сыновьями (предположеніе, къ которому приводитъ и многое другое). При такомъ предположеніи посѣщеніе отцемъ сына было бы равносильно посѣщенію самого себя". Предположеніе это, однако, не объясняетъ всего нашего мѣста. Если не удивительно, что не упомянутъ отецъ, то съ другой стороны странно, что упомянутъ братъ отца, такъ какъ Gaut. говоритъ, что подъ гостемъ разумѣется человѣкъ, не принадлежащій къ той же деревнѣ (asamānagrāmō 'tithiḥ). Въ виду этого возможно было бы допустить, что древнѣе формула Manu (III, 119), гдѣ братъ отца пропущенъ, а упомянутъ только братъ матери, который, конечно, долженъ принадлежать къ другой деревнѣ.

Такимъ образомъ мы снова возвратились къ тестю и брату матери, которыхъ, быть можетъ, возможно подвести подъ установленное выше значеніе слова vivāhya (vāivāhya)—свойственникъ. Этимъ мы не хотимъ, однако, сказать, что формулы большинства грихья-сутръ древнѣе. Очень возможно, что наиболѣе общая формулировка, обнимающая наибольшее количество случаевъ, выработалась значительно позднѣе частныхъ, неточныхъ формулировокъ.

Нужно замѣтить еще, что, повидимому, на всѣхъ грихья-сутрахъ сказывается вліяніе одного шаблона. Всѣ онѣ принимаютъ шесть лицъ, достойныхъ почетнаго пріема, хотя эти лица не всегда одни и тѣ же. Только въ Āçv. ихъ оказывается семь, при чемъ все-таки шаблонъ оказывается соблюденъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что раньше идетъ рѣчь о выборѣ жрецовъ, и къ этой главѣ естественно примыкаетъ глава о пріемѣ почетнаго гостя, начинающаяся словами: „Выбравъ жрецовъ (ṛtvijaḥ), онъ приноситъ (разумѣется, имъ) madhuparka" то-есть, оказываетъ имъ почетный пріемъ. Это первый случай такого почетнаго пріема въ жизни самостоятельнаго gṛhastha, живущаго своимъ домомъ. Такимъ образомъ не оказывается надобности въ перечисленіи лицъ, достойныхъ почетнаго пріема упоминать о жрецахъ. И далѣе упомянуто все-таки 6 лицъ: snātaka, rājan, ācārya, çvaçura, pitṛvya и mātula.

Теперь мы постараемся опредѣлить кругъ лицъ, удостаивавшихся такого пріема. Во-первыхъ, мы находимъ здѣсь лицъ, которыя для каждаго самостоятельнаго хозяина совершенно точно опредѣлены: учитель и царь. Къ нимъ примыкаетъ жрецъ, ихъ могло быть и нѣсколько. Далѣе слѣдуютъ родственники по браку, свойственники; по

Библиотека "Руниверс"

другимъ сутрамъ: тесть, братъ отца и братъ матери. Далѣе идетъ довольно широкое понятіе „другъ", подъ которое могло подойдти большое количество людей. И, наконецъ,—snātaka. Подъ этимъ именемъ разумѣется лицо, совершившее обрядъ купанія или омовенія, которымъ заканчивалось время обученія. Вслѣдъ за этимъ молодой человѣкъ вступалъ обыкновенно въ бракъ и основывалъ свое собственное хозяйство. Слѣдовательно, snātaka долженъ быть всякій, достигшій зрѣлаго возраста и принадлежащій къ тремъ высшимъ кастамъ. Это можно вывести еще и изъ того, что пропустившій срокъ поступленія въ ученіе къ какому нибудь брахману совершенно исключался изъ общенія съ другими людьми, отлучался отъ общества; такого человѣка запрещалось принимать въ число учениковъ, обучать ведамъ, запрещалось совершать для него жертвоприношенія и вступать съ нимъ въ бракъ (см. Gobh. II, 10,6). Отсюда, мнѣ кажется, нужно заключить, что каждый долженъ былъ сдѣлаться snātaka, если только онъ достигалъ извѣстнаго возраста, такъ какъ по всему видно, что ученіе всегда заканчивалось такимъ купаньемъ. Сутры говорятъ еще и о томъ, что время ученія могло продолжаться и очень короткій срокъ, такъ что требованія, очевидно, сообразовались со способностями ученика и его наклонностями. Принимая все это во вниманіе, нужно, мнѣ кажется, признать, что snātaka опредѣляетъ лицо только по возрасту. Ему предписывается поэтому степенное поведеніе: ему не пристало бѣгать, онъ долженъ идти тою же спокойною походкой даже во время дождя; ему неприлично лазать на деревья и т. под.

Какой же результатъ получается изъ этого для нашего вопроса? Кругъ лицъ, достойныхъ почетнаго пріема, оказывается очень широкъ. Понятіе snātaka обнимаетъ собою всѣ другія и выходитъ далеко за предѣлы болѣе частныхъ ограниченій. Изъ этого, мнѣ кажется, можно сдѣлать только тотъ выводъ, что кругъ этихъ лицъ еще не выяснился. Очень вѣроятно, что въ сутрахъ отразились многія послѣдовательныя попытки ограниченія числа лицъ, могущихъ претендовать на почетный пріемъ. Наиболѣе древнее толкованіе, повидимому, то, которое признавало гостемъ всякаго, не принадлежащаго къ той же деревнѣ; потомъ уже появляется различіе простого гостя отъ почетнаго. Да и почетному гостю только разъ въ годъ полагается получать почетный пріемъ. Вообще во всемъ замѣтно стремленіе по возможности ограничить притязанія гостей. Трудно, конечно, точно опредѣлить, какія ограниченія явились сначала, какія потомъ. Мнѣ кажется во всякомъ случаѣ наиболѣе вѣроятнымъ, что стре-

Библиотека "Руниверс"

мленіе ограничиться одними родственниками—болѣе поздняго происхожденія.

§ 2. Повидимому, пріемъ почетнаго гостя составлялъ дѣло не одного главы дома, а въ немъ принимали участіе, если не всѣ, то многіе члены семьи. Заключить это можно изъ того, что въ сутрахъ въ этомъ случаѣ употребляется множественное число, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ употребляется всегда съ точки зрѣнія главы дома единственное число, и, даже если участниковъ какого нибудь дѣйствія много, то руководящее значеніе главы выражается acausativ'омъ: онъ заставляетъ ихъ дѣлать или говорить то или другое. Здѣсь же мы постоянно встрѣчаемъ множественное число: *они* оказываютъ (собираются оказать) ему почетъ (arhayēyuḥ. Pār. Gobh. arhayiṣyantaḥ syuḥ. Gobh.). *они* ему докладываютъ [о приносимыхъ предметахъ, относящихся къ пріему гостя] (vēdayantē. Āçv. Khād. vēdayēran. Gobh.), *они* подходятъ [къ коровѣ, приготовленной для пріема гостя] (upatiṣṭhēran. Gobh.), *они* приносятъ [предметы для почетнаго пріема]. а *другой* трижды называетъ каждый [изъ этихъ предметовъ] (āharanti... anyas tris triḥ prāha... Pār.), *они* оказываютъ почетный пріемъ (apacitiṃ kurvanti Ār.), *они* приготовляютъ ему медовую похлебку (kurvanti, то-есть, madhuparkam. Hir.). Совершенно одиноко стоятъ два единственныхъ числа āharēt (Āçv.) и arhayēt (Khād.), но мы видѣли, что и эти сутры употребляютъ въ другихъ случаяхъ и множественное число. Въ виду этого, мнѣ кажется, что и слова хозяина, съ которыми онъ обращается къ гостю: „Пусть сядетъ ваша милость; *мы* окажемъ почетъ" (arcayiṣyāmaḥ. Pār.), нужно понимать такъ же въ смыслѣ множественнаго числа. Это не изысканность рѣчи, а выраженіе дѣйствительнаго положенія вещей.

Въ числѣ лицъ, принимающихъ участіе въ почетномъ пріемѣ, въ Gobh. упомянутъ цирульникъ (nāpita), при чемъ видно, что онъ долженъ имѣть дѣло съ коровой, приготовленной для гостя; повидимому, онъ приглашался для того, чтобы въ случаѣ надобности убить корову. Во всякомъ случаѣ это указаніе стоитъ настолько одиноко, что выводить изъ него что нибудь довольно трудно. Конечно, возможно, что цирульникъ былъ въ то же время и деревенскимъ мясникомъ, какъ это предполагаетъ Кнауеръ, но нельзя видѣть въ этомъ пока ничего, кромѣ единичнаго явленія.

§ 3. Теперь намъ нужно разсмотрѣть самый пріемъ почетнаго гостя. Въ главныхъ чертахъ онъ описывается во всѣхъ сутрахъ совершенно одинаково, и даже наиболѣе многословныя описанія не при-

Библиотека "Руниверс"

бавляютъ ничего новаго, кромѣ совершенно пустыхъ фразъ, переполненныхъ пышными словами. Часто эти многословныя описанія забываютъ ту или другую подробность, которая въ другихъ сутрахъ не забыта. Мы будемъ разбирать пріемъ гостя по частямъ, стараясь опредѣлить значеніе и назначеніе въ отдѣльности каждаго предмета, входящаго въ обстановку почетнаго пріема. Предметы эти во всѣхъ сутрахъ называются почти одними и тѣми же именами и даже въ томъ же порядкѣ (отклоненія незначительны). Эти предметы: 1) постилка (viṣṭara, kūrca Hir. Āp.), состоящая изъ травы, 2) вода для омовенія ногъ (pādya, padya, āpaḥ pādyāḥ. Āp.), 3) почетная вода (arghya, arhaṇīyā āpaḥ. Āp.), 4) вода для прихлебыванія (ācamanīya) и 5) похлебка изъ меду и другихъ веществъ (madhuparka). Первыя изъ приведенныхъ мною названій можно считать техническими терминами. Здѣсь мнѣ кажется необходимымъ разъяснить слѣдующее недоразумѣніе. Въ Pār. I, 3, 6 говорится: āharanti viṣṭaram padyam pādārtham udakam arghyam ācamanīyam madhuparkam dadhi madhu ghṛtam... Штенцлеръ и Ольденбергъ понимаютъ это мѣсто такъ, что padya означаетъ другой пучекъ травы—подъ ноги, въ такомъ случаѣ вода для омовенія ногъ названа здѣсь pādārtham udakam. Но толкованіе это мнѣ кажется невѣрнымъ. Если съ одной стороны вода для омовенія ногъ оказывается названною даже съ излишнею точностью, къ которой сутры вовсе не склонны, то съ другой стороны невозможно доказать, чтобы padya самостоятельно означало: пучекъ травы для ногъ. По моему гораздо проще принять, что padya въ данномъ случаѣ=pādya и означаетъ воду для омовенія ногъ, а pādārtham udakam есть не что иное, какъ комментарій, толкованіе слова, внесенное въ текстъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что далѣе такое же толкованіе внесено и къ слову madhuparka: dadhi madhu ghṛtam apihitam kaṁsyēna kaṁsyēna. Въ пользу такого толкованія говоритъ и выраженіе pādārtham udakam: комментаторы очень часто пользуются словомъ artha для передачи значенія какого нибудь суффикса, и мнѣ кажется, что такое выраженіе возможно развѣ только въ комментаріи. Очень возможно, что здѣсь въ рукописи padya стоитъ вмѣсто pādya, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что padya, вообще равнозначущее съ pādya, имѣло и въ этомъ случаѣ одинаковое значеніе. При моемъ толкованіи устраняется еще одно неудобство: далѣе въ текстѣ есть сутра гласящая: pādayōr anyam, то-есть, другую (постилку они даютъ) для ногъ. Но смыслу видно, что разумѣется anyam viṣṭaram. Еслибы въ нашемъ мѣстѣ подразумѣвалось viṣṭara, то тоже

Библиотека "Руниверс"

нужно было бы употребить хоть слово anyam, что и дѣлаютъ Штенцлеръ и Ольденбергъ въ текстѣ своихъ переводовъ. Но если даже допустить, что padya имѣло такое значеніе, только что приведенная сутра тогда теряетъ свой смыслъ: говорить, что padyam предназначалось для ногъ, значило бы объяснять только слово, чего сутры не дѣлаютъ; да и тогда нужно было бы ожидать не pādayōr anyam, а pādayōr padyam, что врядъ ли можетъ кому понравиться. Но больше всего говоритъ за мое толкованіе согласіе всѣхъ прочихъ сутръ. Въ Gobh. упоминается, напримѣръ, что вторая постилка для ногъ не была обязательна, и дословно приводится та же сутра: pādayōr anyam; это показываетъ, что не было необходимости въ перечисленіи предметовъ упоминать и о второй постилкѣ.

Теперь намъ нужно будетъ разобрать частности почетнаго пріема. Я буду ихъ группировать вокругъ вышеприведенныхъ предметовъ, такъ какъ такой порядокъ изслѣдованія естественно вытекаетъ изъ порядка пріема гостя.

§ 4. vistara (kūrca Hir. Āp.)—постилка. Она состояла, какъ уже упомянуто, изъ длинныхъ стеблей травы. Гость принималъ эту траву, разстилалъ ее и садился. Могло быть и два пучка травы; въ такомъ случаѣ второй предназначался подъ ноги. Такова канва; въ нее вплелись нѣкоторыя подробности. По нѣкоторымъ сутрамъ (Gobh. Āçv. Khād.) концы стеблей разостланной травы должны быть обращены къ сѣверу. Трудно разгадать значеніе этихъ различныхъ направленій. Въ очень немногихъ случаяхъ можемъ мы указать на смыслъ даннаго направленія. Съ теченіемъ времени, повидимому, страны свѣта служили отчасти отличительными чертами многочисленныхъ школъ, и врядъ ли въ основѣ ихъ лежало что нибудь, кромѣ желанія отличить одну школу отъ другой. Самъ гость долженъ былъ садиться лицомъ къ востоку (Hir.). Кромѣ того, онъ долженъ былъ произносить при этомъ различныя формулы. Āçv и Pār. даютъ одну и ту же формулу (въ Pār. она нѣсколько измѣнена): „Я великъ среди моихъ сверстниковъ, какъ солнце среди звѣздъ (собств. среди блестящихъ или молній); здѣсь попираю я всякаго, кто противъ меня“. (aham varṣma sajātānām vidyutām iva sūryaḥ | idam tam adhitiṣṭhāmi yō mā kaç cābhidāsati). Pār. даетъ, повидимому, нѣсколько подновленную формулу. Подновленія замѣтны, во-первыхъ, по размѣру, а во-вторыхъ, по измѣненію словъ. Pār.: varṣmāsmi samānānām udyatām iva sūryaḥ | imam tam abhitiṣṭhāmi и т. д. Главнымъ образомъ видно приспособленіе формулы къ данному случаю въ исправленіи

Библиотека "Руниверс"

idam на imam разумѣется vistaram. Слѣдовательно: „какъ эту (постилку), попираю я всякаго, кто противъ меня". Мнѣ кажется, что эта формула первоначально принадлежитъ не сюда. Уже съ перваго взгляда бросается въ глаза несоотвѣтствіе произносимыхъ словъ съ дѣйствіемъ гостя: онъ говоритъ „попираю" (раз. ногами) и при этомъ *садится*. Что это несоотвѣтствіе чувствовалось, можно видѣть изъ того, что Āçv., приведя эту сутру, прибавляетъ: ākramya vā. Штенцлеръ переводитъ: „или (онъ произноситъ эти слова), наступая (на постилку)"; Ольденбергъ: „или (онъ садится) наступивъ, сначала (на постилку)". И тотъ и другой переводъ видитъ въ этой сутрѣ приспособленіе дѣйствія къ словамъ. Эту же цѣль, повидимому, имѣло и выше приведенное измѣненіе произносимой формулы. Всякій согласится съ тѣмъ, что эта формула звучитъ далеко не дружелюбно, и невольно является вопросъ, какъ и откуда она попала въ обрядъ пріема почетнаго гостя. Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ, если привлечь одну нѣсколько похожую формулу изъ Gobh.; эта формула стоитъ тоже въ описаніи почетнаго пріема, но на другомъ, какъ мнѣ кажется, первоначальномъ мѣстѣ. Она тоже достаточно искажена и подновлена, но родство ея съ нашей формулой, на мой взглядъ, неоспоримо. Gobh. IV, 10, 2: *idam aham imāṃ* padyāṃ virājam annādyāyā'*dhi tiṣṭhāmī*'ti pratitiṣṭhamānō japēt [1]). „Здѣсь наступаю я на эту padyā virāj для принятія пищи"—эти слова (гость) бормочетъ, подходя. Приведенная сутра довольно темна. Она стоитъ въ самомъ началѣ описанія пріема почетнаго гостя. Повидимому гость подходитъ къ жилищу хозяина или къ тому мѣсту, гдѣ его собираются чтить. Мнѣ кажется, что эта темная формула съ двусмысленнымъ padyā virāj (о чемъ еще рѣчь впереди) замѣнила недружелюбно звучащую формулу, сохранившуюся въ Āçv. и Pār. Но мѣсто формулы Gobh. сохраняетъ первоначальное. Гость, подходя къ дому, говоритъ эти слова. Получаетъ ли, однако, эта формула при такомъ помѣщеніи удовлетворительный смыслъ? Мнѣ кажется, что да. Гость приближается къ дому, еще не зная хорошенько, каково-то его примутъ, и считаетъ не лишнимъ напомнить, что онъ не послѣдній между своими сверстниками и можетъ за себя постоять. Конечно, такое толкованіе основывается на томъ предположеніи, что и индійское гостепріимство первоначально не имѣло въ

[1]) Въ Khād. та же сутра: madhuparkaṃ pratigrahīṣyann idam aham imāṃ iti pratitiṣṭhan japēt.

Библиотека "Руниверс"

виду людей знакомыхъ, а даже преимущественно незнакомыхъ, чужихъ. Но противъ этого, мнѣ кажется, нельзя ничего возразить (ср. выше выраженіе Gāut· asamānagrāmō 'tithiḥ). Въ такомъ сочетаніи, по-моему, эта формула вполнѣ умѣстна. Такія дружественныя привѣтствія, повидимому, часто носятъ на себѣ слѣдъ первоначальной враждебности, какъ, напримѣръ, наше сниманіе шапки и перчатокъ, если справедливо то, что первоначально оно означало сниманіе военныхъ доспѣховъ въ знакъ мирныхъ отношеній, что̀ весьма вѣроятно. Послѣ всего этого является вопросъ, нельзя ли сутру Āçv.: ākramya vā понимать нѣсколько иначе, чѣмъ Ольденбергъ и Штенцлеръ? ā-kram- можетъ значить не только наступать, а и подходить, приближаться; въ такомъ случаѣ ее можно было бы перевести согласно съ нашимъ толкованіемъ такъ: „или (онъ говоритъ эту формулу) подходя (или приблизившись)“, то-есть, разумѣется, къ дому хозяина. Конечно, рѣшеніе этого вопроса вполнѣ зависитъ отъ того, справедливо ли мое толкованіе формулы; но, если оно справедливо, то, мнѣ кажется, необходимо признать болѣе вѣроятнымъ и мой переводъ этой сутры. По-моему, въ ней можно видѣть указаніе на первоначальное употребленіе нашей формулы.

Gobh. приводитъ формулу, которая по Mantrabrāhmaṇa (II, 8. 3, см. введеніе) имѣетъ слѣдующее значеніе: „Вы, многочисленныя, сто видовъ имѣющія, травы, находящіяся подъ властью царя-сомы, вы нетронутыя дайте мнѣ защиту на этомъ сѣдалищѣ!“ [1]). Обращенная къ травамъ просьба о защитѣ, повидимому, представляетъ отголосокъ того времени, когда гость былъ непремѣнно чужакомъ, и въ связи съ нѣкоторыми другими указаніями говоритъ въ пользу моего толкованія вышеупомянутой формулы (Gobh. Āçv. Pār.). На случай, если имѣется два пучка травы (второй подъ ноги гостю — см. выше), Gobh. приводитъ другую формулу, нѣсколько измѣненную и очевидно приспособленную къ данному случаю, о чемъ краснорѣчиво говоритъ небольшое искаженіе текста. Вмѣсто слова āsanē „на сѣдалищѣ“ поставлено заимствованное изъ сутры слово padayōr — родит. падежъ двойственнаго числа „для ногъ“, которому приданъ смыслъ мѣстнаго падежа ед. ч. въ сочетаніи съ asmin. Я перевожу эту формулу [2]) такъ: „Вы, рас-

---

[1]) yā ōṣadhīḥ sōmarājñīr bahvīḥ çatavicakṣaṇāḥ tā mahyam asminn āsanē achidrāḥ çarma yachata.

[2]) yā ōṣadhīḥ sōmarājñīr viṣṭhitāḥ pṛthivīm anu tā mahyam asmin padayor achidrāḥ çarma yachata.

Библиотека "Руниверс"

пространенныя по землѣ травы, находящіяся подъ властью царя-сомы, вы, нетронутыя, дайте мнѣ защиту на этой (постилкѣ) для ногъ!" Это искаженіе формулы говоритъ о томъ, что обычай давать два пучка (далеко не повсемѣстный)—позднѣйшаго происхожденія.

Hir. даетъ другую формулу. Гость долженъ говорить: „Ты, подательница царской мощи, сидѣнье учителя! да не буду я лишенъ тебя". Слова обращены, очевидно, къ постилкѣ. Формула говоритъ очень немного и представляетъ, очевидно, позднѣйшее украшеніе обряда. Упоминаніе учителя, повидимому, указываетъ и на ея возникновеніе: быть можетъ она первоначально употреблялась только при почетномъ пріемѣ учителя, а потомъ уже распространилась и на другихъ лицъ.

§ 5. pādya (padya § 3)— вода для омовенія ногъ. Въ процедурѣ омовенія ногъ мы встрѣчаемъ слѣдующія подробности, имѣющія, повидимому, историческое значеніе. По Pār. омовеніе совершаетъ самъ хозяинъ, по Āçv и Āpast. либо самъ хозяинъ. либо лицо изъ касты шудръ, по Hir. мужчина или женщина изъ касты шудръ и наконецъ по Gobh. и Khād. гость самъ умываетъ себѣ ноги. Относительно послѣдней подробности я не могу сказать ничего, такъ какъ не нахожу никакихъ намековъ на то, какое историческое мѣсто занимала она среди другихъ способовъ омовенія ногъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что шудры, упоминаемые въ сутрахъ въ этомъ мѣстѣ, означаютъ слугъ или рабовъ. Грамматическое значеніе сутръ иногда допускаетъ возможность подъ такимъ лицомъ понимать и хозяина изъ касты шудръ; но для шудръ такихъ правилъ не полагалось: правила эти имѣютъ въ виду только три высшія касты. Поэтому нужно признать, что шудры здѣсь играли роль слугъ. Несомнѣнно, что первоначально ноги умывалъ хозяинъ, а потомъ уже это дѣло поручалось слугамъ или служанкамъ.

Далѣе сюда же присоединился вопросъ, которую ногу умывать сначала. Конечно, и это должно было получить значеніе, особенно тогда, когда ноги могъ мыть или хозяинъ, или слуга. Pār. предписываетъ сначала мыть лѣвую ногу, а потомъ правую. Тотъ же порядокъ и въ Gobh. и Khād. Мнѣ кажется, что это—древнѣйшее преданіе. Стоитъ ли оно въ связи съ древнѣйшимъ значеніемъ лѣвой стороны, какъ стороны счастливой (ср. *Brugmann*, Grundriss, II, 179), и было ли у индусовъ такое представленіе о лѣвой сторонѣ, этого невозможно рѣшить при помощи сутръ. Pār. прибавляетъ далѣе: „если же (хозяинъ) — брахманъ, то сначала правую". Эта прибавка, вѣроятно,

Библиотека "Руниверс"

исходитъ изъ брахманской касты, не упускавшей ни малѣйшаго случая поставить себя выше другихъ кастъ или вообще какъ нибудь выдѣлить себя. Вѣроятно, и эта прибавка сдѣлана была уже довольно давно, мнѣ кажется, раньше, нежели сложились правила другихъ сутръ. По крайней мѣрѣ только при такомъ предположеніи, мнѣ кажется, возможно понять не совсѣмъ ясныя сутры Āçv. и Āpast. Онѣ говорятъ, что гость протягиваетъ сначала правую ногу брахману, сначала лѣвую—шудрѣ. Подъ брахманомъ разумѣется хозяинъ, а шудра, какъ мы видѣли, такого значенія имѣть не можетъ, а означаетъ слугу. Невольно является вопросъ, а какъ же другія двѣ касты? Странно, что онѣ забыты. Комментаторы чувствовали этотъ недохватъ, и Nār., напримѣръ, говоритъ, что въ другихъ случаяхъ безразлично, правую или лѣвую сначала. Но, еслибы даже мы и положились на правильность замѣчанія Nār., во всякомъ случаѣ фактъ отсутствія двухъ другихъ кастъ въ сутрахъ остается необъясненнымъ. Мнѣ кажется поэтому, что поводъ къ такой редакціи сутръ дала упомянутая выше прибавка, находящаяся въ Pār. Стоило только это предписаніе, что брахманъ моетъ сначала правую ногу, поставить впереди (это и естественнно, потому что брахманы первая, высшая каста), и тогда складывалась наша новая редакція. О другихъ кастахъ преданіе молчало, такъ какъ оно вообще въ данномъ случаѣ не отличало, повидимому, кастъ; а практика поставила еще только одинъ вопросъ: что, если шудра мылъ ноги? Конечно, онъ долженъ былъ мыть иначе, чѣмъ брахманъ, очевидно, сначала лѣвую ногу. Такъ, мнѣ кажется, возможно объяснить возникновеніе странныхъ редакцій Āçv. и Ār.. Грихья-сутра Hir., представляющая очевидно позднѣйшее произведеніе и отличающаяся необыкновеннымъ многословіемъ, предусматриваетъ всѣ случаи, но, понятно, выворачиваетъ дѣло на другую сторону, потому что умывать ноги по ея предписанію — дѣло мужчины или женщины изъ касты шудръ. Поэтому получается слѣдующее правило: шудра сначала моетъ лѣвую ногу, если гость брахманъ (совершенное соотвѣтствіе съ предписаніемъ Āçv.: savyaṃ çūdrāya), и сначала правую, если это лицо одной изъ двухъ другихъ кастъ (это уже простое противоположеніе предыдущему правилу, добытое умозрительнымъ путемъ).

Далѣе мы имѣемъ нѣсколько изреченій, привязанныхъ къ этому обряду. Āçv. не даетъ никакой формулы: дѣло исполняется молча. Всѣ другія сутры даютъ различныя формулы, отчасти тождественныя. Pār. даетъ слѣдующую формулу: „Ты молоко величія! (или:

Библиотека "Руниверс"

virāj какъ собственное имя). Да получу я молоко величія! Во мнѣ молоко величія ногъ! (или: размѣра virāj, состоящаго изъ стопъ)" [1]). Какъ нужно понимать эти величественныя слова, для меня не ясно. Āçv. приводитъ эту формулу въ другомъ мѣстѣ: гость, произнося ее, ѣстъ медовую похлебку. Судя по тому, что здѣсь упоминается молоко, которое потомъ оказывается внутри гостя („во мнѣ молоко..."), можно думать, что первоначально формула должна была сопровождать ѣду, а не омовеніе ногъ. Какъ попала она сюда, объ этомъ я не рѣшаюсь высказывать ничего, такъ какъ, во-первыхъ, формула слишкомъ мало говоритъ, а, во-вторыхъ, пути недоразумѣнія многоразличны, и трудно сказать, какая мысль руководила тѣми, кто по недомыслію поставилъ эту формулу сюда.

Hir., приведя ту же формулу въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, прибавляетъ: (гость) касается рукъ лица, моющаго ему ноги, и потомъ касается самого себя, говоря: „Да будетъ во мнѣ блескъ, энергія, сила, жизнь, извѣстность, сіяніе, слава, мощь!". Безсодержательное многословіе. Что означаетъ прикосновеніе къ моющему и потомъ къ самому себѣ (такъ же и Ār.), я не рѣшаюсь догадываться.

Gobh. и Khād приводятъ цѣлыхъ четыре формулы, сопровождающихъ обрядъ омовенія ногъ (Mantrabr. II, 8,5–8). Гость смотритъ на принесенную воду со словами: „Такъ какъ я смотрю на божественныя воды, то пусть придетъ ко мнѣ счастье!" [2]). При омовеніи лѣвой ноги произносится: „Лѣвую ногу я мою: въ этомъ царствѣ счастье получаю" [3]). При омовеніи правой: „Правую ногу я мою: въ этомъ царствѣ въ счастье вступаю" [4]). Наконецъ, оставшейся водою онъ моетъ обѣ ноги, говоря: „Сначала одну, потомъ другую — обѣ ноги мою я для блага царства, для достиженія безопасности" [5]). Формулы выражаютъ благія пожеланія гостя самому себѣ. Стоитъ обратить вниманіе только на одну подробность. Царство, о которомъ упоминаетъ гость, повидимому, есть то царство, въ которое онъ пришелъ, и въ которомъ ему оказываютъ гостепріимство. Слова „для блага царства, для достиженія безопасности"—темны; повидимому, разумѣется здѣсь безопасность гостя (см. выше § 4), но какое царство

[1]) virājō dōhō 'si virājō dōham açīya mayi padyāyāi virājō dōha iti.

[2]) yatō dēvīḥ pratipaçyāmy āpas tatō mā rāddhir āgachatu.

[3]) savyaṃ pādam avanēnijē 'smin rāṣṭrē çriyam dadhē.

[4]) dakṣiṇaṃ pādam avanēnijē 'smin rāṣṭrē çriyam āvēçayāmi.

[5]) pūrvam anyam aparam anyam ūbhāu pādāv avanēnijē rāṣṭrasya rddhyā abhayasyā 'varuddhyāi.

Библиотека "Руниверс"

имѣется въ виду? Если то же, что и выше, то въ чемъ заключается его благо, и какъ это благо связывается съ омовеніемъ ногъ? Объ отвѣтахъ на эти вопросы я не рѣшаюсь догадываться.

§ 6. Arghya—почетная вода. Несмотря на то, что эта почетная вода составляетъ необходимую часть пріема гостя, много вопросовъ, касающихся этой стороны, остаются безъ отвѣта. Arghya есть прилагательное отъ argha (цѣна, значеніе; почетный даръ) и значитъ цѣнный, въ нашемъ случаѣ: относящійся къ почетному дару или составляющій почетный даръ. Если допустить, что при arghyam подразумѣвается udakam (какъ обыкновенно и принимается, хотя B. R. даетъ: eine Ehrengabe an Wasser), то получается значеніе: вода, составляющая почетный даръ (возможно и „цѣнная вода"). Но какое назначеніе имѣла эта вода первоначально, этотъ вопросъ остается невыясненнымъ.

Одни комментаторы говорятъ, что arghya называется вода съ благовоніями и вѣнками, другіе говорятъ: вода съ благовоніями, ячменными зернами, цвѣтами и плодами. Но какъ соединить эти данныя съ тѣмъ, что даютъ намъ сутры? Онѣ даютъ, правда, очень немного: Gobh. и Khād. говорятъ только, что гость принимаетъ эту воду; Āçv. прибавляетъ, что онъ принимаетъ ее обѣими руками (вѣроятно,—соединенными въ горсть); Pār. говоритъ, что онъ принимаетъ воду и потомъ выливаетъ ее съ формулами, о которыхъ рѣчь впереди. Hir. представляетъ только то измѣненіе, что вода выливается, повидимому, не гостемъ; наконецъ Āp. говоритъ, что часть воды выливается на руки гостя, соединенныя въ горсть, а оставшееся выливается на востокъ. Такъ какъ и Hir. упоминаетъ объ *оставшейся* водѣ, то, повидимому, и эта сутра имѣетъ въ виду выливаніе воды на руки гостя, хотя выражено это во всякомъ случаѣ неясно. Что дѣлаетъ гость съ этою водою, которая вылита въ его горсть, объ этомъ сутры не говорятъ ни слова, видно только, что вслѣдъ за тѣмъ горсти у гостя опять свободны. Было ли это омовеніе рукъ? Но тогда почему эта вода называется почетною? Наконецъ, къ чему тогда цвѣты, ячменныя зерна, плоды? Вообще трудно даже высказывать какое нибудь опредѣленное предположеніе.

Теперь обратимся къ произносимымъ при этомъ словамъ. Къ сожалѣнію, и они даютъ намъ немного. Āçv. не даетъ никакой формулы. „Ты, владычица пищи", говорятъ Gobh. и Khād. „Вы—воды! Черезъ васъ да достигну я (исполненія) всѣхъ желаній!"—съ этими словами гость принимаетъ воду по Pār. Замѣтимъ тутъ же, что весь

Библиотека "Руниверс"

смыслъ этихъ словъ заключается, повидимому, въ непереводимой этимологіи слова āpaḥ — воды отъ корня āp-(avāpnavāni)—достигать. Выливаетъ онъ воду со словами: „Я посылаю васъ въ море! Идите въ ваше лоно! Невредимы наши мужи! Да не изсякнетъ моя сила (собственно да не прольется мой сокъ)!“. Эти слова говорятъ какъ будто о возліяніи, которому приписывается сила сохранять жизнь людей. Но какъ соединить это съ другими подробностями? Наконецъ, что̀ важнѣе всего, можно подозрѣвать, не попала ли эта формула сюда изъ другаго мѣста. И это мнѣ кажется очень вѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Почти та же формула приводится въ Çankh. (3,4) при жертвоприношеніи генію (вновь построеннаго) жилища (vāstōṣpati): „Поставивъ на свѣжихъ обращенныхъ къ востоку стебляхъ травы куша новый сосудъ съ водою, (онъ говоритъ): „Невредимы наши мужи! Да не изсякнетъ наше имущество!“. Pār. (III, 5) описываетъ, какъ въ новомъ жилищѣ устанавливается большой сосудъ для воды. Хозяинъ вырываетъ яму, ставитъ въ нее сосудъ, говоря: „Ты—море!“; потомъ онъ вливаетъ туда воду между прочимъ со словами: „Вѣдь вы—воды“ и т. д. Все это сопровождается, конечно, благими желаніями, совершенно умѣстными при постройкѣ новаго жилища. Теперь обратимъ вниманіе на то, что наша формула получаетъ совершенно ясный смыслъ, если мы отнесемъ ее къ описанной процедурѣ установки сосуда для воды: совершенно понятно тогда, почему хозяинъ говоритъ: „невредимы наши мужи“, то-есть, конечно, принадлежащіе къ его семейству; между тѣмъ какъ въ устахъ гостя слова эти звучатъ довольно странно. Далѣе упоминаніе о морѣ, выливаніе воды и слова „вы—воды“ принадлежатъ и тому, и другому обряду. Въ виду этого мнѣ кажется вѣроятнымъ, что формула попала въ наше мѣсто именно отсюда. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, что она возникла въ связи съ пріемомъ гостя. Наконецъ, Hir. даетъ по обыкновенію наиболѣе многословную формулу, но по обыкновенію же ничего новаго не прибавляющую: „Ты приходишь ко мнѣ со славою. Соедини меня съ блескомъ, сіяніемъ и молокомъ. Сдѣлай меня любезнымъ всѣмъ людямъ и хозяиномъ большихъ стадъ“ [1]). Съ этими словами онъ принимаетъ воду, а выливаетъ съ формулой, представляющей незначительное отклоненіе отъ формулы Pār.

Изъ всего этого, мнѣ кажется, можно вывести только то, что

[1]) Ср. § 7, формулу Pār.

Библиотека "Руниверс"

формулы наши всѣ поздняго происхожденія, по крайней мѣрѣ въ сочетаніи съ приношеніемъ гостю этой почетной воды. Значеніе этого приношенія остается слѣдовательно темнымъ. Одно только предположеніе рѣшаюсь я высказать. Не представляетъ ли эта вода позднѣйшее замѣщеніе почетнаго дара, приносимаго гостю [1])? Предположеніе это не противорѣчитъ и общему характеру описанія пріема гостя—стремленію ограничить его притязанія и оказать почетный пріемъ по возможности подешевле. Съ этою чертою мы встрѣтимся еще не разъ.

§ 7. Ācamanīya — вода для прихлебыванія. Штенцлеръ и B. R. даютъ значеніе: „вода для выполаскиванія рта". Мнѣ кажется, что это значеніе не подходитъ къ нашему слову по крайней мѣрѣ въ обрядѣ пріема гостя. Если въ другихъ случаяхъ это значеніе основывается на комментаріяхъ и имѣетъ большую долю вѣроятія, по крайней мѣрѣ для позднѣйшаго употребленія слова, въ нашемъ мѣстѣ мы во всякомъ случаѣ должны принять значеніе, прямо производимое отъ глагола ā-cam — прихлебывать. B. R. только для одного мѣста (Manu, II, 61) даетъ значеніе „выполаскивать ротъ" и то, повидимому, потому, что слово употреблено съ instrumentalis'омъ adbhiḥ. Ольденбергъ всюду послѣдовательно переводитъ слово англійскимъ sip—хлебать, прихлебывать. И это значеніе, по-моему, необходимо признать и за словомъ ācamanīya (Ольденбергъ: the water for sipping). Видно это изъ того, что гость принимаетъ эту воду передъ ѣдою и послѣ нея и при томъ произноситъ слѣдующія формулы: передъ ѣдою „ты подстилка амбросіи!", послѣ ѣды „ты покрышка амбросіи!" (Āçv. Hir.). Эти формулы совершенно ясно говорятъ, что ācamanīya—это попросту вода для питья, которую гость пьетъ передъ сладкой медовой похлебкой (madhuparka) и которою онъ запиваетъ эту ѣду; такимъ образомъ эта вода и составляетъ, по представленію гостя, фундаментъ, а потомъ и покрышку сладкаго блюда [2]).

---

[1]) Повидимому, въ пользу такого толкованія говоритъ и комментарій Mātṛdatta къ Hir., гдѣ сказано, что почетная вода есть вода съ благовоніями, вѣнками, *одеждою* и *украшеніями* (gandha-mālya-vastrālaṃkāra-yuktam udakam). Въ пользу его говоритъ и совершенно ясная этимологія слова arghya.

[2]) Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе, какимъ образомъ, по-моему, изъ значенія „прихлебывать" могло получиться значеніе „выполаскивать", если принять, что въ позднѣйшей формѣ обряда пріема гостя дѣйствительно ācamanīya имѣло значеніе воды для полосканія рта. Мнѣ кажется, что это можно объяснить не лингвистически, а въ зависимости отъ характера индійскихъ обрядовъ. Облекая все, даже самыя обыденныя событія въ строго опредѣленныя

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ упомянутыхъ выше формулъ, сутры даютъ и другія, очень мало говорящія. Такъ Gobh. и Khād. приводятъ формулу: „Ты—слава“! Pār.: „Приди ко мнѣ со славою! Соедини меня съ блескомъ! Сдѣлай меня пріятнымъ для людей, хозяиномъ стадъ и (дай мнѣ) невредимое тѣло“. Формула эта въ концѣ либо испорчена, либо наново сдѣлана неумѣлыми руками: ariṣṭim tanūnām не вяжется съ предыдущимъ и представляетъ, повидимому, реминисценцію изъ Ригведы (см. B. R. áriṣṭi) [1]).

Послѣ ѣды при запиваніи [2]) водою тоже произносятся формулы (кромѣ уже упомянутой). По Āçv. гость пьетъ послѣ ѣды два раза и во второй разъ со словами: „Истина, слава, счастье! Да будетъ счастье во мнѣ!“ Но тутъ трудно сказать, къ чему относятся эти слова: къ водѣ ли, которую онъ пьетъ, или къ медовой похлебкѣ, которую онъ только что съѣлъ (ср. формулы, произносимыя при madhuparka § 8). Во всякомъ случаѣ это и не важно, такъ какъ слова ничего особеннаго не выражаютъ.

Pār. прибавляетъ слѣдующее: „Запивши, онъ касается своихъ органовъ чувствъ со словами: „Рѣчь въ моихъ устахъ, въ ноздряхъ

формы, индусы, повидимому, сами иногда тяготились этимъ шаблономъ и допускали нѣкоторыя отклоненія, послабленія. Эта черта очень замѣтна во всемъ. Такъ и здѣсь: возможно, что выполаскиваніе рта символически замѣнило троекратное питье, когда гость при всемъ своемъ желаніи не могъ сдѣлать того, что предписывали строгія правила. Это касается только пріема гостя, въ другихъ случаяхъ дѣло могло быть и иначе.

[1]) Мой переводъ отклоняется отъ перевода Штенцлера и Ольденберга: 1) ā mā gan по-моему, лучше понимать въ смыслѣ conjunctiv'a (aor. безъ приращенія) въ виду слѣдующаго повелительнаго завяза, 2) ariṣṭim tanūnam они переводятъ: „сдѣлай меня безвреднымъ для людей“, очевидно, въ виду множ. ч. tanūnām. Но ariṣṭi значитъ нетронутость, цѣлость, невредимость; и съ другой стороны странно звучитъ такая просьба. По-моему, здѣсь нужно взять смыслъ того выраженія, которое стоитъ въ Ригведѣ: тамъ, очевидно, просящій желаетъ богатства и здоровья тѣхъ людей, которые принадлежатъ къ его семьѣ. Сравни, напримѣръ, просьбу: „невредимы наши мужи“ (§ 6) и т. п. Я перевелъ, конечно, неточно, ибо точный переводъ даетъ нелѣпость, но взялъ смыслъ мѣста Ригведы и примѣнилъ его къ данному случаю. Такъ, по-моему, поступилъ безсознательно и редакторъ этой формулы.

[2]) Āçv. прямо говоритъ: ānvācamati. Я перевожу: запиваетъ. B. R. даетъ во всякомъ случаѣ неправильное значеніе: nach *Jemand* den Mund ausspülen. Здѣсь во всякомъ случаѣ разумѣется *ѣда*, послѣ которой происходитъ это дѣйствіе. Въ маленькомъ словарѣ Бётлингкъ даетъ значеніе: wieder den Mund ausspülen, по-моему, тоже неправильное.

Библиотека "Руниверс"

дыханіе. въ глазахъ зрѣніе. въ ушахъ слухъ, въ рукахъ сила, въ ногахъ крѣпость! Невредимы мои члены и мое тѣло съ моимъ существомъ"! Эта опять совершенно одиноко стоящая подробность, мнѣ кажется, попала сюда изъ другаго мѣста. Gobh. I, 1, 1 и 2 говоритъ: „Теперь мы изложимъ домашніе обряды. (Домашній обрядъ) долженъ исполняться (человѣкомъ), имѣющимъ жертвенную повязку и послѣ того какъ онъ хлебнетъ воды (или выполощетъ ротъ?)" (yajñōpavītina "cantōdakēna kṛtyam). Это хлебаніе воды, слѣдовательно, предшествовало всякому домашнему обряду. Далѣе (I, 2) Gobh. подробнѣе описываетъ, что значитъ эта повязка и прихлебываніе воды. Насъ интересуетъ только второе. Тутъ говорится, что хозяинъ, трижды глотнувъ воды, дважды вытираетъ себѣ ротъ и потомъ окропляетъ водою свои ноги и голову и *водою прикасается къ органамъ чувствъ* (разумѣется—мокрою рукою). Здѣсь идетъ слѣдовательно рѣчь о томъ, какъ нужно приготовляться къ домашнему обряду, и описанная церемонія есть очищеніе человѣка передъ совершеніемъ обряда. Въ нашемъ мѣстѣ послѣдовательность дѣйствій совершенно та же, но въ пріемѣ гостя такое очищеніе послѣ того, какъ онъ съѣлъ пищу безсмертія, амбросію, совершенно неумѣстно; и мнѣ думается, что попала эта формула сюда только потому, что слово ācamya по ассоціаціи притянуло за собою и описаніе обряда очищенія.

§ 8. madhuparka—медовая похлебка. Слово состоитъ изъ madhu медъ и *parka отъ parc—смѣшивать, слѣдовательно собственно смѣсь съ медомъ, медовая смѣсь. Замѣтимъ между прочимъ, что слово это употреблялось не только для обозначенія самаго кушанья, а и всего вообще пріема гостя, такъ какъ это блюдо составляло одну изъ важныхъ частей почетнаго пріема.

Что это за смѣсь была, на это сутры даютъ слѣдующій отвѣтъ. Есть три способа приготовленія этого блюда: 1) въ кислое молоко вливается медъ или, за неимѣніемъ меда, растопленное масло (dadhi+madhu или sarpis)—Āçv. 2) Второй способъ отличается отъ перваго тѣмъ, что топленое масло (ghṛtam) является тамъ не замѣстителемъ меда, а третьею составною частью. Мнѣ кажется, что ghṛtam совершенно = sarpis въ данномъ случаѣ, такъ какъ смѣсь была жидкая, и примѣшать къ ней масло можно было, только растопивши его. По B. R. различія между sarpis и ghṛtam часто не существуетъ, хотя иногда видно, что sarpis обозначаетъ масло въ жидкомъ состояніи, а ghṛtam въ твердомъ. 3) Третій способъ прибавляетъ еще два вещества, но они не вездѣ одинаковы: по Āp. зерна и мука, по Hir. вода

Библиотека "Руниверс"

и размолотыя зерна. Замѣтимъ еще, что эти сутры даютъ этотъ способъ приготовленія наряду со вторымъ, а Ā́p. перечисляетъ даже всѣ три способа. Довольно трудно рѣшить, какой способъ древнѣе всѣхъ. Приходится руководиться распространенностью способа, что вовсе еще не доказываетъ его древности. Во всякомъ случаѣ медъ, кислое молоко, и масло—вещества, засвидѣтельствованныя всѣми сутрами, остальныя вещества упомянуты по разу. Мнѣ кажется, что можно съ большимъ вѣроятіемъ принять, что два вещества: медъ и кислое молоко составляли первоначальную основу; масло превратилось въ постоянную составную часть блюда, быть можетъ, только позднѣе, а прежде служило замѣстителемъ меда (см. Āçv.). Однако съ полною увѣренностью этого утверждать нельзя, такъ какъ мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ.

Такъ какъ медовая похлебка представляла почетное и, судя по восторженнымъ выраженіямъ гостя, довольно лакомое блюдо, то совершенно понятно, что больше всего подробностей и формулъ примкнуло именно къ этому акту почетнаго пріема. Gobh. и Khād. описываютъ его такъ: гость принимаетъ медовую похлебку со словами: „Ты слава славы!“ Потомъ онъ трижды пьетъ, каждый разъ говоря по формулѣ: „Ты пища славы“! „Ты пища величія“! „Ты пища счастья! Дай мнѣ счастье!“ Въ четвертый разъ онъ пьетъ молча и, выпивши большую часть, остальное отдаетъ брахману. Ā́p. предписываетъ отдавать оставшееся тому, къ кому гость особенно расположенъ, а Hir.—тому, кто къ гостю расположенъ (?). Вообще всѣ сутры предполагаютъ, что послѣ гостя что нибудь еще остается, а Āçv. прямо предписываетъ гостю ѣсть не все, не досыта; но видимо предписанія эти плохо сдерживали аппетитъ гостя, и въ концѣ все-таки прибавляется разрѣшеніе съѣсть все. (Āçv. Hir. Pār.) Остатокъ отдавался обыкновенно брахману (Gobh. Khād. Āçv.). Не совсѣмъ ясно, почему эти сутры предполагаютъ непремѣнно присутствіе брахмана. Pār. предписываетъ отдавать сыну или ученику, которые сидятъ въ сѣверной сторонѣ. Невольно является вопросъ: чьему сыну или чьему ученику? Вѣрнѣе всего предположить, что здѣсь разумѣется сынъ или ученикъ хозяина. Въ послѣднемъ случаѣ хозяинъ самъ долженъ быть, очевидно, брахманомъ. Какъ брахманъ, такъ и сынъ, и ученикъ сидятъ въ сѣверной сторонѣ, чего я объяснить не умѣю.

Самое богатое подробностями описаніе даетъ Âçv., и, такъ какъ дѣйствія, совершаемыя гостемъ, тѣсно связаны съ произносимыми

Библиотека "Руниверс"

формулами, то я приведу это описаніе сполна. Это будетъ почти переводъ, дополненный только необходимыми для ясности смысла словами, которыхъ не хватаетъ въ черезчуръ краткихъ сутрахъ: „Когда приносятъ медовую похлебку, гость смотритъ на неё со словами: „глазами Митры смотрю я на тебя". Со словами: „По побужденію бога Савитара принимаю я тебя мышцами Ашвиновъ, руками Пушана", онъ принимаетъ похлебку обѣими руками. Поставивши ее въ лѣвую руку и смотря на нее, онъ трижды мѣшаетъ ее слѣва направо большимъ и безымяннымъ пальцемъ, произнося три стиха Ригведы (I, 90, 6—8): „Сладость приносятъ благочестивому вѣтра, сладость изливаютъ рѣки. Да будутъ сладки для насъ травы! Ночь сладка и сладки зори, сладокъ воздухъ земной, сладко небо, отецъ нашъ! Да будетъ сладости полонъ владыка лѣсовъ (дерево), да будетъ сладко солнце, да будутъ сладости полны наши коровы"! [1]). Затѣмъ онъ со словами: „Пусть вкушаютъ тебя Васу съ размѣромъ gâyatrî", обтираетъ пальцы на востокъ; со словами: „Пусть вкушаютъ тебя Рудры съ размѣромъ triṣṭubh"—на югъ; со словами: „Пусть вкушаютъ тебя Адитьи съ размѣромъ jagatî"—на западъ; со словами: „Пусть вкушаютъ тебя всѣ боги съ размѣромъ anuṣṭubh"—на сѣверъ; со словами: „Существамъ (приношу я) тебя", онъ трижды беретъ изъ середины. Со словами: „Ты молоко величія!" онъ ѣстъ первый разъ, во второй разъ со словами: „Да получу я молоко величія!" и въ третій—„Во мнѣ молоко величія ногъ!" (ср. § 5). Объяснить всѣ подробности этого обряда мнѣ представляется пока невозможнымъ. Ясно только то, что, размѣшавши это сладкое кушанье съ соотвѣтствующими случаю дѣйствительно сладкими словами, гость приноситъ въ жертву скромную часть своей пищи различнымъ божествамъ: подъ именами Васу, Рудры, Адитьи разумѣются боги (какъ Индра, Агни, Ашвины и проч.); подъ viçvê dêvâḥ, которымъ приносится жертва на сѣверѣ, повидимому, нужно разумѣть обоготворенныхъ предковъ (см. *Caland*, Altindischer Ahnencult, Leiden, 1893, стр. 181 слл.) и наконецъ подъ существами (bhûtâḥ) нужно разумѣть низшихъ божествъ, которымъ приносились не жертвы, а bali—приношенія. Какимъ образомъ присоединились къ различнымъ группамъ божествъ еще и различные стихотворные размѣры, этого я не берусь объяснить. Вѣроятно, какая нибудь игра словъ подала этому поводъ. Возможно, что выраженіе

[1]) Эти стихи носятъ названіе сладкихъ, медовыхъ (madhumatyas) или содержащихъ слово madhu, которое повторяется въ нихъ девять разъ.

Библиотека "Руниверс"

padyā virāj (ср. выше § 5), означающее или „величіе ногъ“, или „размѣръ virāj, состоящій изъ стопъ“, дало этому первый толчекъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что это позднѣйшее добавленіе.

Вопросъ, составляло ли описанное жертвоприношеніе необходимую часть въ обрядѣ пріема гостя или нѣтъ, не можетъ быть разрѣшенъ вполнѣ. Очень возможно, конечно, что всякому принятію пищи предшествовало такое краткое жертвоприношеніе (въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ это даже точно извѣстно), но во всякомъ случаѣ форма этого жертвоприношенія не первоначальная, а новая, или по крайней мѣрѣ подновленная; и въ виду того, что всѣ прочія сутры о жертвоприношеніи молчатъ, позволительно сомнѣваться и въ томъ, чтобы въ первоначальномъ обрядѣ было вообще какое нибудь жертвоприношеніе. хотя бы даже и въ другой недошедшей до насъ формѣ.

Размѣшиваніе пальцами и стряхиваніе того, что къ нимъ пристало, упоминаетъ и Pār., но толкованіе этой процедуры тамъ другое. Помѣшавши трижды, гость говоритъ: „Поклоненіе смуглолицему! Что въ твоей пищѣ повреждено, то я выбрасываю“. По комментаріямъ слова эти обращены къ находящемуся въ человѣкѣ огню пищеваренія. Во всякомъ случаѣ не жертва имѣется здѣсь въ виду, а очищеніе пищи. Такъ какъ и такое толкованіе стоитъ одиноко, мнѣ кажется, что и на немъ трудно что нибудь строить. Проще всего допустить, что всѣ эти толкованія и формулы позднѣе прибавлены къ совершенно понятному дѣйствію размѣшиванія похлебки, которая, какъ мы видѣли, состояла дѣйствительно изъ веществъ, не особенно легко смѣшивающихся.

Далѣе Pār. даетъ формулу, съ которою гость ѣлъ трижды, и которая здѣсь является равносильною вышеприведеннымъ стихамъ Ригведы. Формула не представляетъ никакого интереса и въ довольно неизящной формѣ старается изобразить дѣйствіе медовой похлебки на пьющаго ее. „Что въ меду составляетъ сладость, лучшую часть, его пищу, та сладость меда, лучшая его часть, его пища пусть сдѣлаетъ меня лучшимъ, медоподобнымъ, ѣдокомъ пищи“. Мой переводъ нѣсколько неточенъ, такъ какъ въ немъ больше смысла, чѣмъ въ самой формулѣ. Hir. даетъ ту же формулу, только нѣсколько измѣненную. Не обходится дѣло здѣсь. конечно, безъ блеска, славы и т. под., но этихъ формулъ я не буду приводить, такъ какъ мы видѣли уже достаточно образцовъ такого краснорѣчія.

§ 9. Теперь мы переходимъ ко второй части почетнаго пріема. Для угощенія гостя приготовлялась корова, о которой ему и докла-

Библиотека "Руниверс"

дывали. Такъ какъ корова составляла, конечно, очень важную часть хозяйства, то здѣсь болѣе всего сказывается со стороны хозяина стремленіе исполнить этотъ обычай такъ, чтобы ему не было слишкомъ накладно. Поэтому и гостю предписывается нѣкоторая деликатность: отъ него ожидаютъ, что онъ не будетъ слишкомъ требователенъ и удовольствуется и другою пищей. Такимъ образомъ закалываніе коровы постепенно становится необходимою частью только особенно торжественныхъ случаевъ посѣщенія, а для обыкновеннаго пріема гостя употреблялась другая пища попроще. Разсмотримъ подробнѣе эту часть почетнаго пріема.

Гостю предоставлялся выборъ „принять“ или „отпустить“ корову. Конечно, какъ всегда, къ этому присоединились формулы, соотвѣтствующія тому или другому выбору гостя, и эти формулы довольно многочисленны. Онѣ пережили очевидно довольно длинную исторію, прежде чѣмъ закрѣпились въ сутрахъ. Мнѣ кажется, что въ нихъ ясно можно видѣть два слоя: древнія краткія формулы, выражавшія только то или другое рѣшеніе гостя, и новыя болѣе обстоятельныя, дающія то или другое объясненіе выбору гостя. Конечно, возможно, что и эти новыя формулы принадлежатъ различнымъ періодамъ, которые переживалъ этотъ обрядъ; но у насъ нѣтъ достаточно твердыхъ точекъ опоры, чтобы судить объ этомъ.

Большинство сутръ прямо говоритъ, что гость могъ выбрать то или другое: убить корову или отпустить ее. По крайней мѣрѣ онѣ не даютъ никакихъ особенныхъ предписаній. Но, повидимому, уже существовала тенденція къ тому, чтобы убивать корову только въ торжественныхъ случаяхъ, а въ другихъ случаяхъ предполагалось, что гость удовольствуется угощеніемъ попроще. Такихъ торжественныхъ случаевъ сутры обыкновенно предусматриваютъ два: свадьба и жертвоприношеніе. Мнѣ кажется, это нужно понимать въ связи съ вышеразобранными правилами относительно лицъ, достойныхъ почетнаго пріема. Свадьба представляетъ тоже одинъ изъ случаевъ почетнаго пріема: snātaka приходитъ въ домъ хозяина свататься; такъ, какъ мы видѣли, толкуютъ комментаріи слово vivāhya (vāivāhya). Случай жертвоприношенія, мнѣ кажется, нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что гость случайно пришелъ къ жертвоприношенію или былъ приглашенъ на него; я вижу здѣсь тотъ случай, когда гостями или гостемъ являлись приглашенные для жертвоприношенія брахманы-жрецы. Такъ Pār., напримѣръ, прямо говоритъ, что такой пріемъ оказывается „жрецамъ, которые будутъ совершать жертвоприношеніе“

Библиотека "Руниверс"

(yakṣyamānās tv ṛtvijaḥ). Какое жертвоприношеніе имѣется здѣсь въ виду, сказать трудно. Pār. и Çāṅkh. упоминаютъ о жертвоприношеніи сомою, но другія сутры точнѣе не говорятъ ничего. Вѣроятно, здѣсь разумѣется всякое торжественное жертвоприношеніе, для котораго хозяинъ долженъ былъ пригласить жрецовъ. Итакъ, въ этихъ двухъ случаяхъ — при свадьбѣ и жертвоприношеніи, гость не выбираетъ: животное должно быть принесено въ жертву [1]). Казалось бы, что такой торжественный случай представляетъ прекрасную тему для примѣненія различныхъ торжественныхъ формулъ. Оказывается совершенно наоборотъ: съ необыкновеннымъ единодушіемъ многія сутры (Pār., Çāṅkh., Gobh., Khād.) почти одними и тѣми же словами говорятъ, что въ такомъ случаѣ гость произноситъ одно только слово: „дѣлайте!“ (kuruta). Мнѣ кажется, что здѣсь именно и сохранился болѣе древній простой обычай. Другія формулы во всѣхъ сутрахъ являются рядомъ съ подобными краткими рѣшеніями. Гость ихъ обыкновенно бормочетъ (japati), произноситъ не громкимъ голосомъ. По содержанію онѣ представляютъ мотивировку того или другаго рѣшенія гостя. Мотивы эти носятъ на себѣ признаки позднѣйшей выдумки, довольно темны по содержанію и потому часто мѣняются мѣстами, такъ что въ двухъ различныхъ сутрахъ одна и та же формула примѣняется въ діаметрально противоположномъ смыслѣ. Мы постараемся помѣстить ихъ на ихъ первоначальномъ мѣстѣ, указывая отклоненія отдѣльныхъ сутръ. Мысль главнаго мотива этихъ формулъ, насколько можно судить, такая: гость желаетъ искупить свой грѣхъ и грѣхъ хозяина принесеніемъ въ жертву животнаго. Вмѣстѣ съ животнымъ убивается и грѣхъ. Наоборотъ, желая отпустить корову, гость говоритъ, что грѣхъ уже убитъ, и слѣдовательно нѣтъ надобности убивать животное. Но надо сказать, что эти мотивы иногда мѣняются мѣстами, а иногда сливаются въ одну формулу. Яснѣе всего мысль выражена въ Pār. Рѣшая принять предлагаемую ему жертву коровы, гость говоритъ: „Я убиваю свой грѣхъ и грѣхъ такого-то (разумѣется имя хозяина)“. Āçv. даетъ формулу: „Убитъ мой грѣхъ! Мой грѣхъ убитъ!“ Гость какъ бы уже совер-

[1]) Что и этотъ актъ считался жертвою, видно изъ того, во-первыхъ, что Ār. вставляетъ въ текстъ краткое описаніе принесенія въ жертву животнаго; во-вторыхъ, изъ того, что Çāṅkh. перечисляетъ божества, которымъ посвящается животное въ различныхъ случаяхъ почетнаго пріема. Наконецъ Nār. въ комментаріи къ Āçv. I, 11, 1, даетъ именно такое толкованіе.

Библиотека "Руниверс"

шенно ясно ощущаетъ результатъ предстоящей жертвы. Pār. даетъ ту же формулу для противоположнаго случая, но за то и выражена формула нѣсколько иначе. Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, болѣе спокойнымъ тономъ заявляется: „Мой грѣхъ и грѣхъ такого-то убитъ! Отпустите корову!“ Для примѣра нагроможденія формулъ приведу формулу, которую даетъ Hir.: „Ты корова! Грѣхъ прогнанъ отъ тебя. Прогони прочь мой грѣхъ и грѣхъ такого-то! Убейте всякаго, кто ненавидитъ меня! Убитъ всякій, кто ненавидитъ меня! Дѣлайте!“ [1]). Формула очевидно собрала отовсюду различныя хорошія слова и всѣ ихъ соединила въ себѣ.

Если гость отпускаетъ корову на свободу, то онъ обыкновенно произноситъ слѣдующій стихъ Ригведы (VIII, 101, 15): „Она—мать Рудровъ, дочь Васу, сестра Адитьевъ, родня (источникъ) амброзіи [2]). Я говорю теперь разумнымъ людямъ: не убивайте безгрѣшную корову: она — Адити“. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, достаточно было сослаться на авторитетъ Ригведы, запрещающей убивать корову. Эта формула распространилась широко и въ большинствѣ сутръ выставляется, какъ мотивъ отпусканія коровы (Āçv., Gobh., Hir.). Только Pār. страннымъ образомъ предписываетъ произносить ее въ томъ случаѣ, если корова убивается. Конечно, такъ или иначе мы можемъ придать и этому странному предписанію нѣкоторый смыслъ, какъ это дѣлаетъ Штенцлеръ. Гость, по его мнѣнію, указываетъ на то, что не корову онъ убиваетъ, — ее нельзя убивать, — а убиваетъ онъ свой грѣхъ и грѣхъ хозяина. Но такое толкованіе мнѣ кажется слишкомъ искусственнымъ: нигдѣ не видно того, чтобы составители сутръ задавались цѣлью оправдать какой нибудь обрядъ, устранить или сгладить противорѣчія. Гораздо проще, по-моему, объяснять это ошибкой составителя, и мы видѣли уже довольно много даже такихъ примѣровъ, гдѣ произносимая формула совсѣмъ не имѣетъ никакого отношенія къ совершаемому дѣйствію. Въ нашемъ случаѣ въ пользу такого мнѣнія говоритъ особенно то обстоятельство, что большинство сутръ удержало эту формулу на ея настоящемъ мѣстѣ.

---

[1]) Относительно послѣдней части формулы сравни ниже формулу Gobh.

[2]) Штенцлеръ и Ольденбергъ переводятъ amṛtasya nābhiḥ—путь безсмертія. Мнѣ кажется, что въ виду предшествующихъ mātā, duhitā, svasā и это слово нужно понимать въ смыслѣ: родня, родственница. Amṛtasya по-моему слѣдуетъ толковать, какъ напитокъ безсмертія (разум. молоко: Śāyaṇa: amṛtasya payasas Ср. также B. R. aditi).

Библиотека "Руниверс"

Gobh. предписываетъ передъ произнесеніемъ приведеннаго стиха Ригведы прочесть слѣдующую формулу: „Освободи, Варуна, корову отъ путъ, врага моего ими опутай! Убей и врага такого-то! Нашихъ враговъ убей, а корову отпусти, пусть щиплетъ траву и пьетъ воду". Послѣ этого въ то время, когда ее отвязываютъ, онъ произноситъ стихъ Ригведы.

Hir. даетъ тотъ же стихъ Ригведы и прибавляетъ только еще одинъ мотивъ, очевидно, собственнаго изобрѣтенія: „Корова будетъ съ молокомъ!".

Теперь является вопросъ: какимъ образомъ объяснить развитіе этого обряда? Какимъ образомъ сложилась та картина, которую представляютъ намъ сутры? Мнѣ представляется дѣло слѣдующимъ образомъ. Первоначально, конечно, гостя не спрашивали о томъ, желаетъ ли онъ, чтобы корова была принесена въ жертву, и чтобы изъ нея было приготовлено для него кушанье. Гостя нужно было почтить во всякомъ случаѣ. Когда потомъ по тѣмъ или инымъ причинамъ притязанія гостя стали ограничиваться, то отъ него ожидалось то или другое рѣшеніе, которое онъ и выражалъ вышеприведенными краткими формулами. Это первая стадія. Далѣе начали входить въ употребленіе вышеразобранныя формулы, дающія мотивы, которыми руководится гость при выборѣ. Мнѣ думается, что прежде всего вошелъ въ употребленіе упомянутый стихъ Ригведы: во-первыхъ, его не нужно было изобрѣтать, оставалось только примѣнить его къ данному случаю, что, конечно, было не трудно; во-вторыхъ, отступленіе отъ стараго обычая состояло именно въ томъ, что корова могла быть отпускаема на волю, и потому совершенно естественно предположить, что нужно было мотивировать именно это отклоненіе. Мотивъ былъ тотъ, что корова—священное животное, котораго убивать нельзя. Когда уже достаточно укоренился обычай отказываться отъ такого почета, то, конечно, у гостя должно было явиться желаніе мотивировать свою безцеремонность, если онъ не отказывался отъ предлагаемаго почета. Здѣсь было ближе всего напасть на мысль объ искупленіи грѣха при помощи жертвы. Что именно такое теченіе мысли вызвало эту формулу, мнѣ кажется, можно заключить изъ того, что гость, какъ бы желая извинить свою безцеремонность, валитъ съ больной головы на здоровую и хочетъ искупить не только свой грѣхъ, но и грѣхъ хозяина. Когда такимъ образомъ установилась эта мотивировка, то въ противовѣсъ ей появилась и новая мотивировка того

Библиотека "Руниверс"

случая, если гость отказывался отъ коровы. Если для искупленія грѣха приносится въ жертву корова, то нѣтъ надобности въ этой жертвѣ въ томъ случаѣ, если грѣхъ уже искупленъ. Отсюда формула Pār.: „Мой грѣхъ и грѣхъ такого-то убитъ! Отпустите корову!“. Таково, мнѣ кажется, развитіе этого обряда въ главныхъ чертахъ. Невозможно, конечно, объяснить всѣхъ тѣхъ формулъ, гдѣ оказываются соединенными обрывки различныхъ мыслей, какъ, напримѣръ, въ формулахъ Nir. Онѣ возникли, по-моему, или изъ неумѣлой спайки различныхъ мотивовъ, или представляютъ столь же неумѣлыя варіаціи на уже извѣстныя темы.

§ 10. Въ связи съ только что разобраннымъ обрядомъ стоитъ предписаніе сутръ, чтобы пріемъ гостя непремѣнно былъ соединенъ съ угощеніемъ *мясною* пищею. Очевидно, это постановленіе появилось тогда, когда уже вошло въ обычай, чтобы гость отказывался отъ предлагаемаго жертвоприношенія коровы. Важно это правило для насъ особенно потому, что оно ясно свидѣтельствуетъ о первоначальной обязательности принесенія въ жертву животнаго при пріемѣ гостя.

Āçv. говоритъ: „Почетный пріемъ (madhuparkaḥ) не бываетъ безъ мяса“ Par.: „Но почетный пріемъ (arghaḥ) не можетъ быть безъ мяса“ То же правило даетъ и Çāṅkh., но въ связи съ другими подробностями. Я приведу это мѣсто сполна: „Если придетъ одно изъ шести лицъ, достойныхъ почетнаго пріема, то (хозяинъ) приготовляетъ корову или козу, или кушанье, которое онъ считаетъ наиболѣе похожимъ (на это) [1]). Но безъ мяса почетный пріемъ быть не можетъ“. Эти слова яснѣе всего указываютъ на то, что мясо, упоминаемое въ этихъ сутрахъ, является замѣстителемъ первоначальнаго принесенія въ жертву какого нибудь животнаго. Далѣе Çāṅkh. приводитъ еще одну оправдательную цитату, которую приводитъ и Ману (V, 41): при жертвоприношеніи сомою (Ману: „При почетномъ пріемѣ, при жертвоприношеніи—yajñē) и при принесеніи жертвы въ честь предковъ—въ этихъ случаяхъ убиваютъ домашнихъ животныхъ, а

---

[1]) Къ слову sāmānyatamam Ольденбергъ приводитъ слѣдующія слова Nār.: sāmānyatamaṃ sadṛçatamam māṣādikam (mākhādikam Ms.) annam. Не знаю, на какомъ основаніи Ольденбергъ принимаетъ здѣсь чтеніе māṣādikam; мнѣ кажется гораздо лучше предположить māṅsādikam. Рѣчь идетъ о мясѣ, и Nār. вполнѣ естественно поясняетъ, какая должна быть эта пища. Она непремѣнно должна состоять „изъ мяса и другихъ“ какихъ угодно вещей, лишь бы было мясо.

Библиотека "Руниверс"

въ другихъ случаяхъ—нѣтъ; такъ сказалъ Ману [1])". Nir. прямо говоритъ, что, если корова отпускалась на свободу, то пища приготовлялась изъ другого мяса. Косвенное указаніе на тотъ же обычай, мнѣ кажется, можно видѣть и въ томъ, что Ār. примѣняетъ формулу „дѣлайте (kuruta)" къ тому случаю, когда вмѣсто коровы гостю предлагаютъ другую пищу. Формула, произносимая обыкновенно въ томъ случаѣ, если корова приносилась въ жертву, перенесена здѣсь на пищу, которая собою замѣнила жертву.

Остальныя сутры (Gobh. и Khād.) не даютъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Возможно, конечно, что съ теченіемъ времени и это правило обязательности мясного угощенія соблюдалось съ меньшею строгостью. Возможно, что и всякая другая пища считалась замѣстительницею мяса. Мнѣ кажется, что въ этомъ смыслѣ нужно толковать и вышеприведенныя слова Çaṅkh. Выраженіе: „кушанье, которое (хозяинъ) считаетъ наиболѣе похожимъ (на мясное угощеніе)", даетъ полную свободу выбора. Не слѣдуетъ, по-моему, придавать особеннаго значенія тому обстоятельству, что эта сутра стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи со слѣдующею, предписывающею непремѣнно мясную пищу. Такія противорѣчія встрѣчаются сплошь и рядомъ: они легко объясняются либо соединеніемъ въ одно различныхъ ступеней или обычаевъ различныхъ мѣстностей, либо уступками, которыя необходимо было дѣлать, сообразуясь со средствами исполнителя обряда, его способностями и другими естественными условіями. Богатый приносилъ въ жертву для гостя корову, менѣе состоятельный—козу, а другой ограничивался и еще болѣе простымъ угощеніемъ.

§ 11. Остается разсмотрѣть еще предписанія сутръ о томъ, какъ часто слѣдовало совершать почетное угощеніе. Gobh. Pār. Khād. даютъ одно и то же правило: разъ въ годъ нужно оказывать почетный пріемъ лицамъ, которыя его были достойны. Ār. знаетъ то же самое предписаніе, но выражаетъ его очень странно: почетный пріемъ долженъ совершаться всякій разъ, какъ посѣтитъ хозяина одно изъ 6 лицъ, если по крайней мѣрѣ одинъ годъ прошелъ послѣ послѣдняго посѣщенія. Правило это очевидно то же, а форма его носитъ на

[1]) Ольденбергъ страннымъ образомъ переводитъ pitṛdaivatakarmaṇi—„при священнодѣйствіяхъ въ честь отцовъ и боговъ". Онъ, повидимому, упустилъ изъ виду, что вторая составная часть слова происходитъ не отъ dēva—богъ, а отъ dēvatā божество (см. B. R. pitṛdaivatā).

Библиотека "Руниверс"

себѣ слѣдъ позднѣйшей обработки. Çānkh. не приводитъ прямо этого правила, но, повидимому, и эта сутра знаетъ его. Это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ: „Если и *не одинъ разъ въ теченіе года* онъ (то-есть хозяинъ) совершаетъ жертвоприношеніе сомою, то пусть они (то-есть, жрецы) совершаютъ для него это жертвоприношеніе, послѣ того какъ имъ оказанъ почетный пріемъ, а не безъ почетнаго пріема". Это правило, очевидно, составляетъ отклоненіе отъ общаго правила, котораго Çānkh. не даетъ. По этому можно судить, что и общее правило было извѣстно. Послѣднее правило относительно жертвоприношенія сомою даетъ и Pār. совершенно тѣми же словами. Притомъ здѣсь это правило является совершенно лишнимъ, такъ какъ послѣ правила о ежегодномъ почетномъ пріемѣ идетъ сутра, гласящая, что этотъ пріемъ долженъ быть оказанъ „жрецамъ, которые будутъ совершать жертвоприношеніе" (yakṣyamānās to ṛtvijaḥ). Упоминаніе объ особомъ видѣ жертвоприношенія является поэтому совершенно лишнимъ. Я думаю, что въ Pār. эта сутра заимствована откуда-нибудь и, быть можетъ, даже изъ Çānkh. По крайней мѣрѣ въ Çānkh. упоминаніе о жертвоприношеніи сомою вполнѣ соотвѣтствуетъ выше (§ 10) приведенной сутрѣ, гдѣ говорилось о томъ, въ какихъ случаяхъ бываютъ приносимы въ жертву животныя: тамъ упомянута тоже жертва сомою, между тѣмъ какъ въ Ману названа вообще жертва.

Другія сутры (Gobh. и Khād.) говорятъ, что снова нужно было оказывать почетный пріемъ въ случаяхъ жертвоприношенія и свадьбы. Ограниченіе совершенно понятное (ср. выше § 9).

Āçv. не даетъ никакихъ правилъ по этому поводу.

Разсматривая эти ограниченія, приходишь къ тому заключенію, что они вызваны экономическими соображеніями хозяина. Старый обычай очевидно уже не соотвѣтствовалъ новымъ условіямъ жизни и долженъ былъ измѣниться. Мы, конечно, не можемъ сомнѣваться въ томъ, что *ежегодный* почетный пріемъ есть позднѣйшее и даже совершенно чуждое гостепріимству измѣненіе обычая. Почетъ, который оказывается разъ въ годъ, самъ по себѣ уже звучитъ какъ contradictio in adjecto. Что именно экономическими соображеніями вызвано это ограниченіе, видно яснѣе всего изъ того, что оно не дѣйствуетъ тамъ, гдѣ эти экономическія соображенія отступаютъ на задній планъ: свадьба и жертвоприношеніе представляютъ случаи, когда хозяинъ долженъ былъ быть наиболѣе щедрымъ.

Библиотека "Руниверс"

И такъ изъ разбора подробностей почетнаго пріема и касающихся его правилъ, какъ они даны въ сутрахъ, видно, что древнѣйшею и постоянною частью обряда оказываются предметы, входящіе въ обстановку пріема, и дѣйствія, которыя совершаютъ гость и хозяева. Въ этихъ частяхъ всѣ сутры совершенно сходятся, и если въ обрядѣ появляются какія нибудь нововведенія, то въ сутрахъ это отражается ихъ разногласіемъ. Это мы видѣли на примѣрѣ подробностей омовенія ногъ (§ 5). Далѣе выяснилось, какой ненадежный матеріалъ даютъ намъ изреченія, произносимыя при совершеніи обряда. Въ лучшемъ случаѣ они нѣсколько поясняютъ совершаемыя дѣйствія, но зачастую они представляютъ простыя риторическія украшенія обряда и нерѣдко перемѣщаются съ одного мѣста на другое, отчего получается даже противорѣчіе между дѣйствіемъ и формулой. Кромѣ того, здѣсь царствуетъ большое разногласіе между сутрами. и большинство формулъ носитъ на себѣ ясный признакъ позднѣйшаго изобрѣтенія. Таковы, напримѣръ, формулы, перечисляющія различные стихотворные размѣры, заключающія игру въ себѣ словъ, и т. п.

Что касается исторіи развитія самаго обряда, то мы видимъ ясное стремленіе ограничить его со всѣхъ сторонъ. Число лицъ, удостаивавшихся этого почета, ограничивается (§ 1), жертвоприношеніе животнаго исполняется только въ торжественныхъ случаяхъ (§ 9), мясная пища замѣняется болѣе простою (§ 10) и, наконецъ, почетный пріемъ совершается для каждаго даннаго лица только разъ въ годъ. Однимъ словомъ мы застаемъ этотъ обычай въ періодѣ разрушенія. Въ него врываются элементы, совершенно противорѣчащіе его первоначальной основѣ. Первоначально гостемъ былъ чужой человѣкъ, котораго нужно принять и накормить, теперь гостемъ называется другъ и родственникъ. Конечно, это измѣненіе обряда обусловлено измѣненіемъ условій индійской жизни; но разбирать этотъ вопросъ лежитъ за предѣлами нашей задачи: мы желали только установить, насколько возможно, историческую послѣдовательность въ развитіи этого обычая.

Въ заключеніе для цѣльности представленія я приведу описаніе обряда по Pār. (I, 3).

1) Шесть лицъ должны быть чтимы: учитель, жрецъ, свойственникъ, царь, другъ и совершившій омовеніе. 2) Ихъ чтутъ разъ въ годъ, 3) а жрецовъ—передъ совершеніемъ ими жертвоприношенія. 4) Принеся стулъ (хозяинъ), говоритъ: „Добро (пожаловать)! Пусть сядетъ ваша милость. Мы почтимъ вашу милость". 5) Они приносятъ:

Библиотека "Руниверс"

постилку, ножную воду, то-есть, воду для омовенія ногъ, почетную воду, воду для прихлебыванія и медовую похлебку, то-есть, кислое молоко, медъ и масло въ мѣдномъ сосудѣ, покрытомъ другимъ мѣднымъ сосудомъ. 6) А другой трижды называетъ каждый предметъ: „постилка!“ и т. д. 7) (Гость) принимаетъ постилку 8) и со словами: „Я великъ среди моихъ сверстниковъ, какъ солнце среди звѣздъ; такъ попираю я всякаго, кто противъ меня“, садится на неё. 9) Другую—для ногъ. 10) Когда онъ сидитъ на постилкѣ, то (хозяинъ) вымывши его лѣвую ногу, моетъ правую, 11) а если онъ брахманъ, то сначала правую. 12) „Ты молоко величія! Да получу я молоко величія! Во мнѣ молоко величія ногъ!“—эти слова (произноситъ гость при этомъ). 13) Почетную воду принимаетъ онъ со словами: „Вы воды! Черезъ васъ да достигну я (исполненія) всѣхъ желаній!“ 14) Выливая её, онъ произноситъ слѣдующій стихъ: „Я посылаю васъ въ море, идите въ ваше лоно! Невредимы наши мужи, да не изсякнетъ моя сила!“ 15) Прихлебываетъ онъ воду со словами: „Приди ко мнѣ со славою, соедини меня съ блескомъ! Сдѣлай меня пріятнымъ для людей, хозяиномъ стадъ и (дай мнѣ) невредимое тѣло“. 16) Со словами: „Глазами Митры и т. д.“, онъ смотритъ на медовую похлебку. 17) Со словамв: „По побужденію бога Савитара и т. д.“, онъ принимаетъ её. 18) Поставивши въ лѣвую руку, онъ трижды мѣшаетъ её безыменнымъ пальцемъ правой руки со словами: „Поклоненіе смуглолицему! Что въ твоей пищѣ повреждено, то я выбрасываю“. 19) Онъ также трижды стряхиваетъ безыменнымъ и большимъ пальцемъ. 20) Онъ трижды вкушаетъ отъ нея со словами: „Что въ меду составляетъ сладость, лучшую часть, его пищу, та сладость меда, лучшая часть, его пища пусть сдѣлаетъ меня лучшимъ медоподобнымъ, ѣдокомъ пищи“. 21) Или съ медовыми стихами (§ 8), каждый разъ (произнося) по стиху. 22) Оставшееся онъ отдаетъ сыну или ученику, сидящему въ сѣверной сторонѣ. 23) Или онъ ѣстъ все. 24) Или же выливаетъ (остатокъ) на востокъ на мѣстѣ, гдѣ никто не ходитъ. 25) Выпивши воды, онъ касается своихъ органовъ чувствъ со словами: „Рѣчь въ моихъ устахъ, въ ноздряхъ дыханіе, въ глазахъ зрѣніе, въ ушахъ слухъ, въ рукахъ сила, въ ногахъ крѣпость! Невредимы мои члены и мое тѣло съ моимъ существомъ!“ 26) Когда онъ напьется воды, то (хозяинъ) съ ножемъ въ рукѣ трижды говоритъ: „корова“ 27) Тотъ отвѣчаетъ: „Она—мать Рудровъ, дочь Васу, сестра Адитьевъ, источникъ амброзіи. Я

Библиотека "Руниверс"

говорю теперь разумнымъ людямъ: не убивайте безгрѣшную корову: она—Адити! Я убиваю свой грѣхъ и грѣхѣ такого-то"—такъ (говоритъ онъ), если принимаетъ (корову); 28) а если онъ хочетъ отпустить (её), то говоритъ: „Мой грѣхъ и грѣхъ такого-то убитъ. О! отпустите! Пусть ѣстъ траву!" 29) Но безъ мяса почетный пріемъ не бываетъ. 30) При жертвоприношеніи или свадьбѣ онъ говоритъ: „дѣлайте!" 31) Если и не одинъ разъ въ теченіе года (хозяинъ) совершаетъ жертвоприношеніе сомою, то пусть (жрецы) совершаютъ для него это жертвоприношеніе, послѣ того какъ имъ оказанъ почетный пріемъ, а не безъ почетнаго пріема,—такъ говоритъ священное писаніе.

Д. Кудрявскій.

Библиотека "Руниверс"

ЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ ОБЪ ИНДУКЦІИ ВЪ ГЛАВНѢЙШІЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ МОМЕНТЫ ЕГО РАЗРАБОТКИ [1]).

3. Джонъ Стюартъ Милль.

Въ большомъ трудѣ, посвященномъ логикѣ, Джонъ Стюартъ Милль ставитъ себѣ цѣлью привести въ систему лучшія мысли, какія въ области этой науки были высказаны представителями философіи, или которыми руководились ученые при изслѣдованіяхъ. Правда, онъ пишетъ „*A System* of Logic *ratiocinative and* inductive". Но именно въ исторіи ученія объ индукціи и принадлежитъ ему прежде всего та заслуга, что онъ объединяетъ все до него высказанное въ одно стройное цѣлое. Милль замѣчаетъ, что по отношенію къ операціи наведенія задача его заключается въ томъ, чтобы обобщить способы отысканія истины и оцѣнки доказательствъ. Если ему удалось, говоритъ онъ, достигнуть чего либо въ этомъ отдѣлѣ логики, онъ многимъ обязанъ вышедшимъ незадолго передъ напечатаніемъ его обширнаго труда сочиненіямъ Гершеля, Юэлля, съ которымъ ему постоянно приходится полемизировать, Конта и друг. [2]). Работа Джона

---

[1]) *Продолженіе.* См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1895 годъ.

[2]) Pref. to the first ed. Book. III, chapt. IX, § 3, Autobiogr., chapt. VI, p. 207 seqq. Chapt. VII, p. 223.—Autobiogr., chapt. VI, p. 209–210: „My theory of Induction was substantially completed before I knew Comte's book... Comte is always precise and profound on the method of investigation, buthe does not even attempt any exact definition of the conditions of proof: and his writings show

Библиотека "Руниверс"

Стюарта Милля, однако, далеко не сводилась къ простому связыванію идей и положеній, какія онъ находилъ у предшественниковъ. Онъ умѣетъ взвѣсить взгляды другихъ мыслителей и оцѣнить ихъ, умѣетъ сдѣлать между ними выборъ, очистить ихъ отъ всего, что̀ въ нихъ содержится ошибочнаго, развить усвоенныя идеи и восполнить въ той цѣпи, которую онѣ должны образовать, недостающія звенья.

Въ противоположность своимъ непосредственнымъ предшественникамъ, Гершелю и особенно Юэллю, Джонъ Стюартъ Милль хочетъ разсмотрѣть процессъ доказыванія опытныхъ истинъ, а не ихъ открытія [1]). Онъ ставитъ Юэллю въ вину, что тотъ вообще обходитъ вопросъ о доказательствѣ [2]). Возражая, впрочемъ, противъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ „On the Philosophy of Discovery" касательно четырехъ методовъ изслѣдованія, Милль говоритъ, что если наблюденіе и экспериментъ привели въ наукѣ къ какимъ бы то ни было обобщеніямъ, послѣднія были сдѣланы благодаря процессамъ, которые могутъ быть сведены на тотъ или другой изъ этихъ методовъ [3]). Такимъ образомъ у Джона Стюарта Милля все-же выходитъ, что, описывая методы доказательства, онъ предлагаетъ и указанія относительно того, каковы пути, по которымъ направляется мысль наша, когда мы открываемъ истину [4]).

Онъ держится той мысли, что заключеніе должно представлять нѣчто новое по сравненію съ посылками. Процесса вывода нельзя

---

that he never attained a just conception of them. This, however, was specifically the problem which, in treating of Induction, I had proposed to myself". Милль заявляетъ далѣе, что онъ обязанъ Конту лишь понятіемъ объ „обратномъ дедуктивномъ методѣ" (the Inverse Deductive Method).

[1]) Cp. Syst. of Log. Introduction. Autobiogr., chapt. VI, p. 209—210. Ср. также *Bain*. II, 413. *Liard*, Les log. angl. contemp., p. 13—14 seqq. *М. Н. Владиславлевъ*, Логика, Приложеніе, стр. 229—231.

[2]) Book III, chapt. II, § 5. Ср. chapt. IX, § 6.

[3]) Chapt. IX, § 6. Ср. Pref. to the first ed. Introd.

[4]) Милль какъ бы утверждаетъ, будто внѣ тѣхъ схемъ, которыя онъ выставляетъ для индуктивнаго доказательства, нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, и процессовъ открытія; онъ думаетъ, что всякій методъ открытія долженъ совпадать съ какимъ либо изъ четырехъ методовъ доказательства или, по крайней мѣрѣ, сводиться къ какому либо изъ нихъ. Джонъ Стюартъ Милль прямо и опредѣляетъ (book III, chapt I, § 2) наведеніе, какъ, „the operation of *discovering* and proving general propositions". Ср. *Fr. Bowen*, A treatise on Logic. Boston, 1882, p. 404. Ср. впрочемъ также *W. Minto*, Logic Ind. and Ded., Lond., 1893, p. 269 seqq. *Noah K. Davis*, Elements of inductive Logic. New York, 1895, p. 105, note.

Библиотека "Руниверс"

признать, когда положеніе, которое мы въ результатѣ выдвигаемъ уже напередъ утверждается въ посылкахъ. Иначе говоря, по Джону Стюарту Миллю выводъ разнится отъ посылокъ объективно, а не логически или даже психологически только; дѣло идетъ въ немъ каждый разъ исключительно [1]) или, по крайней мѣрѣ, частью и [2]) о такихъ инстанціяхъ, относительно которыхъ въ посылкахъ не было рѣчи [3]).

Согласно общепринятымъ у представителей науки логики предписаніямъ, заключеніе въ силлогизмѣ можетъ содержать въ себѣ лишь то, что уже дано въ посылкахъ. Указывая на это обстоятельство, Милль приходитъ къ крайнему взгляду, будто силлогизмъ не есть вовсе выводъ. Разсматриваемое, какъ процессъ доказыванія, силлогистическое умозаключеніе допускаетъ, говоритъ онъ, логическую ошибку—petitio principii. Возьмемъ примѣръ [4]):

Всѣ люди смертны.
Сократъ—человѣкъ

Слѣдовательно, онъ смертенъ. Посылкою „Всѣ люди смертны“ предполагается, что и Сократъ смертенъ; мы не можемъ быть увѣрены въ ея истинности, не будучи убѣждены, что каждый изъ людей смертенъ; если требуется строить силлогизмъ и подтверждать положеніе „Сократъ смертенъ“ особыми доводами (посылками силлогизма), то въ той же мѣрѣ сомнительнымъ должно быть и исходное утвержденіе—„Всѣ люди смертны“. Оба положенія (и большая посылка, и выводъ) одинаково доказываются, на самомъ дѣлѣ, ссылкою на единичныя наблюденія. Вотъ истинное основаніе, опираясь на которое мы дѣлаемъ нашъ выводъ—„Сократъ смертенъ“. Мы сплошь и рядомъ заключаемъ не отъ общаго къ частному (по первой фигурѣ силлогизма) и не отъ частнаго къ

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду выводъ отъ частнаго къ частному же (будетъ ли это послѣднее „частное“ единичный фактъ, или же комплексъ фактовъ).

[2]) Въ заключеніе отъ частнаго къ общему.

[3]) Syst. of Log., book II, chapt. I, § 2. Ср. ibid., § 3. Chapt. III, § 1 seqq. Book III, chapt. I, § 2. Chapt. II, §§ 1—2 seqq. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy. 6 ed. Lond. 1889, chapt. XXIII, p. 537—538.

[4]) Въ глазахъ Джона Стюарта Милля подобное умозаключеніе является типомъ утвердительнаго силлогизма, а за типъ отрицательнаго онъ также принимаетъ случай, когда мы заключаемъ отъ общаго къ частному. См. Syst. Log., book II. chapt. II, §§ 1—2.

Библиотека "Руниверс"

общему (обыкновенное понятіе объ индукціи), а непосредственно отъ частнаго къ частному. Если ребенокъ, разъ обжегши пальцы, остерегается протянуть руку къ огню, надо предположить у него процессъ вывода; между тѣмъ дитя еще не выработало себѣ общаго положенія: „Огонь жжетъ". Подобныя же заключенія дѣлаютъ животныя. Совѣтуя лѣкарство, которое на нашихъ глазахъ какому либо больному помогло, мы, очевидно, переходимъ мыслью отъ одного частнаго факта къ другому. Такова истинная природа нашего вывода и въ случаяхъ, когда мы строимъ силлогизмъ. Отъ единичныхъ фактовъ, благодаря которымъ установлено общее положеніе, являющееся въ силлогизмѣ большой посылкой, мы заключаемъ къ новому единичному факту; большая же посылка играетъ при этомъ лишь роль весьма. правда, полезной общей замѣтки. которую мы себѣ при нашихъ наблюденіяхъ какъ бы напередъ составили, и которая дозволяетъ намъ дѣлать заключенія, не пересматривая каждый разъ фактическаго матеріала, служащаго имъ опорою; обращаясь къ готовымъ уже у насъ записямъ, мы замѣняемъ операцію вывода процессомъ ихъ истолкованія и, держась при этомъ опредѣленныхъ схемъ, строимъ такъ называемыя силлогистическія умозаключенія [1]).

---

[1]) Book II, chapt. III, §§ 1—8. Ср. Pref. to the firsted. Book II, chapt. I, § 3. Chapt. III, § 9. Chapt. IV. Exam. of Ham. Philos., chapt. XXIII, p. 537—538.— *Карпинскій*, 49: „Можно утверждать, что выводное сужденіе содержитъ мысль не новую, но такую, которая высказана уже въ большей посылкѣ. Эта мысль была бы вполнѣ ясна, но за то она была бы и слишкомъ очевидно ошибочна. Неудивительно поэтому, что Милль не рѣшается ее высказать и, наоборотъ, открыто признаетъ, что выводныя сужденія, для доказательства которыхъ мы ссылаемся на общія положенія, могутъ быть для насъ *новыми истинами*." Заключеніе въ силлогизмѣ можно разсматривать, какъ нѣчто психологически для насъ новое (Syst. of Log., book II, chapt. III, § 2:.... „the conclusion may, to the person to whom the syllogism is presented, be actually and *bona fide* a new truth"), а также и объективно новое—сравнительно съ фактами, на которые выводъ въ концѣ концовъ опирается; но оно не можетъ—на этомъ настаиваетъ Милль—оказаться объективно отличнымъ отъ большей посылки (не входящимъ въ составъ ея). Заключая отъ частнаго къ частному, мы переходимъ мыслью отъ однихъ объектовъ къ другимъ, съ ними *сходнымъ*. Это-то сходство и утверждаетъ обыкновенно меньшая посылка силлогизма, замѣчаетъ Милль. Таково въ его глазахъ значеніе меньшей посылки.—Пусть данъ силлогизмъ $\frac{M-P}{\frac{S-M}{S-P}}$ Мы, положимъ, не сомнѣваемся въ истинности большей посылки $M-P$. Отсюда не слѣдуетъ, будто мы убѣждены также, что и S есть P. Для того, чтобы быть увѣреннымъ и въ

Библиотека "Руниверс"

Отрицая въ силлогизмѣ выводной процессъ и не соглашаясь разсматривать большую посылку, какъ непосредственный доводъ въ пользу заключенія, Джонъ Стюартъ Милль обращается къ тому выводу, чрезъ который устанавливаютъ эту посылку и отъ котораго ее ipso зависитъ и истинность силлогистическаго заключенія, и объявляетъ два связанныхъ между собою вывода за одинъ [1]).

этомъ, надо знать еще, что S есть M или—какъ долженъ былъ бы сказать Милль самъ—что S въ своихъ основныхъ свойствахъ сходно съ тѣми единичными объектами, на основаніи знакомства съ которыми мы рѣшаемся утверждать $M—P$.

Совершаемые съ цѣлью причинить кому либо зло поступки (M)—заслуживаютъ порицанія, съ нравственной точки зрѣнія (P).

Поступокъ такого-то лица (S) совершенъ съ подобною цѣлью (M).

Слѣдовательно, поступокъ этого лица (S) нравственно нехорошъ (P). При полной достовѣрности большей посылки этого силлогизма мы можемъ и очень сомнѣваться, принадлежитъ ли поступокъ даннаго лица къ числу нехорошихъ или нѣтъ. Нельзя усматривать въ силлогизмѣ petitio principii въ смыслѣ доказыванія вывода изъ положеній столь же сомнительныхъ, какъ и самый выводъ. Нельзя думать, будто большая посылка и выводъ требуютъ для своего подтвержденія одинаковой опоры или одинаковыхъ доказательствъ. Вполнѣ установивъ истинность посылки, мы еще не имѣли бы права утверждать истинность заключенія: нужно было бы для этого удостовѣриться въ истинности того, что обыкновенно выражается меньшей посылкой. Ср. *O. Seiffert*, Beiträge zu d. Theor. d. Syllog. und d. Induction, Breslau, 1888, p. 5—16. *Veitch*, 384—386 (ср. *Hamilton*, IV, 406—411). *J. M'Cosh*, An Examination of Mr. J. S. Mill's Philosophy. Lond. 1866, p. 308—314 seqq. *V. Brochard*, La logique de J. Stuart Mill (Revue philos. de la France et de l'étranger. T. XII, 1881, p. 449—478, 592—614), p. 605—611. *P. Janet*, De la valeur du syllogisme (ibid., p. 105—118), p. 105—109, 118. *Rabier*, 81—82. *Каринскій*, 46—55. *Brochard*, La log. de J. Stuart Mill, p. 604: Seulement on peut reprocher à Mill d'avoir confondu, deux choses fort distinctes et d'avoir introduit dans la logique de la conséquence, ainsi qu'il l'appelle, des considérations qui ne sont légitimes que dans la logique de la vérité.—Подробно о томъ, въ какихъ случаяхъ силлогизмъ можно разсматривать, какъ circulus in demonstrando, см. *B. Erdmann*, 552—561. Ср. *Herm. Lotze*, Logik. 2-te Aufl. Leipz. 1880, p. 122—129. *Ueberweg*, 316—317. *Sigwart*, Log., I, 466—469. Заключенія непосредственныя Джонъ Стюартъ Милль также несогласенъ признавать выводами. См. Syst. of Log., book II, chapt. I, 52.

[1]) Еслибы Милль остановился, напримѣръ:

Всѣ животныя—существа смертныя.
Всѣ люди—животныя.

Слѣдовательно, всѣ люди смертны, онъ долженъ былъ бы утверждать, что мы, строя силлогизмъ, выполняемъ послѣднюю часть операціи вывода отъ част-

Библиотека "Руниверс"

Крайніе приверженцы формальной логики склонны останавливаться на силлогизмѣ, какъ на единственной формѣ заключенія; Джонъ Стюартъ Милль въ противоположность имъ не видитъ вовсе процесса вывода въ силлогизмѣ и признаетъ его только въ наведеніи. Терминъ „индукція" употребляютъ впрочемъ иногда неправильно. То, что Юэлль обозначаетъ этимъ именемъ, часто сводится, говоритъ Милль, къ простому процессу описанія. Таково приводимое авторомъ N. O. R. въ примѣръ заключеніе Кеплера касательно орбиты Марса [1]). Затѣмъ при такъ называемой полной индукціи мы лишь признаемъ относительно совокупности частныхъ случаевъ то, что въ посылкахъ говорили о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Въ виду этого Милль и тутъ рѣшается отрицать выводъ, а слѣдовательно и наведеніе [2])

Какъ для случаевъ, когда наша мысль направляется отъ общаго къ частному (силлогистическое умозаключеніе), такъ равно и для тѣхъ, гдѣ мы переходимъ отъ частнаго къ общему (наведеніе, въ обычномъ смыслѣ слова), основнымъ (the foundation) является собственно процессъ вывода отъ частнаго къ частному [3]). Но когда наблюденныя инстанціи даютъ намъ право заключить къ имѣющемуся предъ нами единичному, сходному съ ними случаю, мы съ совершенно одинаковымъ правомъ можемъ перейдти къ любому изъ такихъ случаевъ,— иначе говоря, утверждать общее положеніе. Между тѣмъ представляется рядъ очевидныхъ удобствъ выставить сразу въ видѣ вывода

наго къ общему, но что „общее" представляетъ при этомъ величину, сравнительно небольшую, и нѣкоторые изъ обосновывающихъ его частныхъ фактовъ, быть можетъ, лежатъ внѣ его предѣловъ. Вообще относительно миллевскаго ученія о силлогизмѣ ср. *B. Erdmann*, 552—563. *Seiffert*, 5—16. *Ueberweg*, 316—317. *M'Cosh*, 308—316. *Ch. Douglas*, John Stuart Mill. Edinb. and Lond., 1895, p. 14—37. *Minto*, p. 262—266 seqq. *Bradley*, The Principles of Logic. Lond., 1883, p. 322—328. *Brochard*, La log. de J. Stuart Mill, p. 470—478, 605—611. *P. Janet*, De la valeur du syllogisme. *Ch. Renouvier*, Essais de critique générale et de logique générale et de logique formelle. T. I—III. 2 éd. Par., 1875, t. II, p. 126—133. *Rabier*, 76—84 (Тэнъ въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ, очевидно, допускаетъ логическую ошибку—ignoratio elenchi. См. *H. Taine*, Le positivisme anglais. Étude sur Stuart Mill. 2 èd. Par., 1878, p. 129—131). *Карпинскій*, 46—63.

[1]) Syst. of Log., book III, chapt. II, §§ 3—5. Ср. book IV, chapt. II, § 2.

[2]) Book III, chapt. II, §§ 1—2.

[3]) Мысли этой Милль ничѣмъ не обосновываетъ. Скорѣе можно было бы сказать, что выводъ отъ частнаго къ частному представляетъ болѣе примитивный процессъ, чѣмъ заключеніе отъ частнаго къ общему.

Библиотека "Руниверс"

положеніе не единичное, а общее. Логика и можетъ трактовать о наведеніи, все-же какъ о выводѣ отъ частнаго къ общему,—когда отъ ограниченнаго количества фактовъ мы заключаемъ ко всему данному разряду, классу [1]).

Джонъ Стюартъ Миллъ только соглашается въ концѣ концовъ разсматривать наведеніе, какъ выводъ отъ частнаго къ общему, коренным же считаетъ при этомъ заключеніе отъ частнаго къ частному. Между тѣмъ выводы этого послѣдняго порядка, за исключеніемъ случаевъ, когда они представляютъ процессъ логически несовершенный, разрастаются, на самомъ дѣлѣ, въ операцію болѣе сложную, чѣмъ простое заключеніе. Отдѣльныя инстанціи могутъ (когда мы притомъ опираемся на принципъ мірового порядка) обосновывать выводъ, лишь въ *общей* формѣ выраженный и распространяющійся на единичные случаи только благодаря общему своему характеру; отъ фактовъ нельзя заключать непосредственно къ новому частному же случаю. Петръ, Иванъ и Павелъ умерли; мы отсюда увѣрены, что всѣ люди смертны; но изъ данныхъ этихъ не слѣдуетъ, будто и N постигнетъ такая же участь; чтобы прійдти къ подобному выводу, надо, кромѣ того, знать, что N—человѣкъ. Какъ намъ пришлось удостовѣриться, инстанція M, положимъ, $=m$ (совокупность признаковъ, отличающихъ ее отъ другихъ инстанцій даннаго разряда) $+aq$, $P=p+aq$, $R=r+aq$; ergo a связано съ q, объявляемъ мы; относительно же новаго предмета S мы не можемъ сказать ничего, пока не станетъ извѣстнымъ, что $S=s+a$ (q?). Когда это обнаружилось, мы къ построенному

---

[1]) Book II, chapt. 1, § 3. Chapt. III, § 5. Book III, chapt. I, § 2. Chapt. II, § 1. Chapt. III, § 1. Ср. Book II, chapt. III, §§ 1—4, 6—8. Book III, chapt. II, §§ 2—5.—Book III, chapt. I, § 2: *For the purposes of the present inquiry*, Induction may be defined, the operation of discovering and proving general propositions.—Chapt. II, §1: Induction is the process by which we conclude that what is true of certain individuals of a class is true of the whole class. Къ этимъ словамъ Миллъ прибавляетъ: „or that what is true at certain times will be true in similar circumstances at all times".—Ватсонъ замѣчаетъ (*John Watson*, Comte, Mill and Spencer. Glasgow, 1895, p. 92—93) относительно миллевскаго понятія о наведеніи, что мы при индуктивномъ процессѣ каждый разъ открываемъ одинаковость—identity, а не (нѣкоторое) сходство только—resemblance, иначе говоря, что выводъ мы распространяемъ на случаи одинакіе, а не сходные только. Терминъ *identity* можетъ, однако, въ свою очередь давать поводъ къ недоразумѣніямъ, ибо очевидно въ данномъ случаѣ нельзя говорить о „тождествѣ".

Библиотека "Руниверс"

уже выводу добавляемъ еще одинъ, который и можетъ быть сведенъ къ силлогизму:

a связано съ q,
s содержитъ a,

---

a, въ s заключенное, связано съ q [1]).

Въ своемъ ученіи объ индукціи Д. С. Милль стремится совершенно отбросить формальную точку зрѣнія и неуклонно руководствуется мыслью, что при этомъ процессѣ мы опираемся на принципъ единообразія въ природѣ и частнѣе—на всеобщій законъ причинности. Въ мірѣ окружающихъ насъ явленій мы всюду предполагаемъ неизмѣнныя и необходимыя соотношенія, и наши выводы обрѣтаютъ свою доказательность изъ сказаннаго основоположенія. Милль приписываетъ принципу единообразія въ природѣ такую роль при наведеніи, какую только вообще можетъ, согласно его ученію о силлогизмѣ, играть при подтвержденіи истины общее положеніе. Если наведеніе должно дополнить и поименовать его основную общую посылку, оно принимаетъ форму силлогизма. Впрочемъ обыкновенно индуктивное доказательство обращается, говоритъ Д. С. Милль, не въ простой силлогизмъ, а въ цѣпь умозаключеній. Принципъ порядка въ природѣ и служитъ намъ при этомъ исходной большей посылкой. Напримѣръ, въ индуктивномъ выводѣ „Иванъ, Петръ и др. смертны; слѣдовательно всѣ люди смертны“, нужно было бы добавить посылку: „то, что истинно объ Иванѣ, Петрѣ и др., истинно обо всѣхъ людяхъ“, а она, въ свою очередь, выводилась бы силлогистически изъ всеобщаго принципа единообразнаго порядка въ природѣ [2]). Но большая посылка не можетъ непосредственно подтверждать заключеніе. Выводъ

---

[1]) Ср. *W. Stanley Jevons*, The Principles of Science. Lond., 1892, p. 227—228. John Stuart Mill's Philos. tested. (The Contempor. Rev. Dec. 1877; Jan., April 1878; Nov. 1879). Dec., 1877, p. 170. *Bradley*, 322—327. *P. Janet*, De la valeur du syllogisme, p. 109—113. *Brochard*, La logique de J. Stuart Mill, p. 470 — 478, 605—611. *Rabier*, 82 — 84. *Карпинскій*, 53 — 63. — Какъ мы видѣли, Д. С. Милль самъ обращаетъ вниманіе на то, что въ случаяхъ, гдѣ факты представляютъ достаточную опору для вывода отъ частнаго къ частному, они въ то же время обезпечиваютъ достовѣрность заключенія отъ частнаго къ общему. Юзъ (Hughes) упрекаетъ Милля въ томъ, что онъ, недостаточно анализируя самый процессъ индукціи, допускаетъ неточности и даже непослѣдовательности въ общихъ своихъ разсужденіяхъ о немъ. См. The Theory of Inference. Lond., 1894, p. 88—102.

[2]) См. особ. Syst. of Log., book III, chapt. III, § 1. Chapt. V, § 2. Chapt. XXI, § 1.

Библиотека "Руниверс"

въ силлогизмѣ вытекаетъ, на дѣлѣ, изъ единичныхъ наблюденій, которыми обосновывается самая посылка. Выходитъ такимъ образомъ, что при индукціи мы опираемся собственно не на всеобщій принципъ, а на факты, изъ которыхъ онъ — (Д. С. Милль эту послѣднюю мысль потомъ подробно развиваетъ)—подобно всѣмъ отвлеченнымъ положеніямъ, доказывается.

Итакъ, дѣлая обобщенія, мы предполагаемъ въ природѣ параллельные случаи [1]) и исходимъ изъ мысли, что явленія необходимо повторяются всякій разъ, какъ только (существенныя) условія сложатся соотвѣтствующимъ образомъ, — словомъ, что въ мірѣ царитъ единообразіе [2]). Но міровой порядокъ есть не что иное, какъ совокупность единообразій менѣе общаго характера. Если въ окружающихъ насъ явленіяхъ замѣчается регулярность, это значитъ, что феномены подчинены опредѣленному комплексу сравнительно частныхъ правилъ. На обыденномъ языкѣ мы и называемъ каждое изъ подобныхъ единообразій „закономъ природы“. Въ научной терминологіи придаютъ, однако, этому послѣднему термину нѣсколько иное значеніе. Пусть A неизмѣнно сопровождается явленіемъ D, B неразрывно соединено съ E, C—съ F; въ такомъ случаѣ AB должно оказаться связаннымъ съ DE, AC—съ DF, BC—съ EF и, наконецъ, ABC—съ DEF. Мы склонны были бы разсматривать всѣ перечисленныя схемы, какъ законы природы; но на языкѣ науки этимъ именемъ означаютъ лишь единообразія, сведенныя къ наиболѣе простой формѣ. Необходимость четырехъ сложныхъ соотношеній уже предполагается въ нашемъ примѣрѣ тремя основными. А потому слѣдуетъ назвать „законами природы“ (laws of nature), въ отличіе отъ „законовъ“ вообще (laws), только $A—D$, $B—E$ и $C—F$ [3]).

---

[1]) Шестой главой третьей книги „Системы логики“ заканчиваются у Джона Стюарта Милля „the general remarks on causation, which seemed necessary as an introduction to the theory of the inductive process“ (см. § 3). Излагая ученіе нашего мыслителя о причинности, мы, однако, не ограничиваемся этими предварительными замѣчаніями, а пользуемся также и другими мѣстами его сочиненій.

[2]) Book III. chapt. III, § 1. Д. С. Милль справедливо замѣчаетъ, что индуктивный выводъ можно считать доказательнымъ уже и въ томъ случаѣ, если онъ опирается на предположеніе относительно единообразія въ соотвѣтствующей, ограниченной сферѣ явленій, а не порядка въ мірѣ вообще (§ 1, примѣчаніе). Милль предостерегаетъ читателя, чтобы онъ не истолковывалъ вмѣстѣ съ Ридомъ и Догальдомъ Стюартомъ принципъ единообразія въ смыслѣ „our intuitive conviction that *the future will resemble the past*“.

[3]) Chapt. IV, § 1. Ср. chapt. V, § 6. Такимъ образомъ Гершель разумѣетъ подъ „законами природы“ наши первоначальныя обобщенія, сравнительно недо-

Библиотека "Руниверс"

Можно различать единообразныя соотношенія одновременныхъ явленій, съ одной стороны, и, съ другой,—единообразія послѣдовательности. Изъ обобщеній, относящихся къ первой группѣ, наибольшее значеніе имѣютъ законы чиселъ. Какъ извѣстно, Джонъ Стюартъ Милль (въ этомъ пунктѣ онъ полемизируетъ съ Юэллемъ и сходится съ Гершелемъ) утверждаетъ, будто и высшимъ положеніямъ математики принадлежитъ опытное происхожденіе, и они доказываются индуктивно [1]). Числовыя истины распространяются впрочемъ и на явленія

статочныя, въ которыхъ мы, правда, устанавливаемъ нѣкотораго рода связи между явленіями, но характера наблюденныхъ соотношеній точнѣе не опредѣляемъ; Юэлль прилагаетъ интересующій насъ терминъ къ обобщеніямъ, гдѣ дѣло идетъ не о самыхъ причинахъ, а относительно результатовъ дѣятельности причинъ (объ этомъ см. Д. С. Милля, chapt. V, § 6); Милль же называетъ именемъ laws of nature коренныя единообразія въ природѣ, разумѣя впрочемъ подъ „ненаучнымъ“ терминомъ law всякое единообразіе.—Сложныя единообразія можно, замѣчаетъ Д. С. Милль, именовать „законами“ (laws), но нельзя называть „законами природы“ (laws of nature).

[1]) Book II, chapt. V, §§ 3—6. Chapt. VI, §§ 1—3. Book III, chapt. XXIV, §§ 2 seqq. Ср. book II, chapt. VII. Что касается характера „необходимости“, присущаго основнымъ истинамъ математики, то это—обусловливаемая предшествующею психологическою опытностью, привычкою, ассоціаціею невозможность мыслить отрицаніе аксіомы; исторія наукъ содержитъ, говоритъ Милль, рядъ примѣровъ, когда немыслимыми оказывались даже положенія, на самомъ дѣлѣ, справедливыя (напримѣръ, что тѣло не можетъ вліять тамъ, гдѣ его нѣтъ,—чрезъ промежутокъ пространства). Chapt. V, § 6. Ср. chapt. VII, §§ 1—4 (полемика съ Гербертомъ Спенсеромъ). Въ глазахъ Милля (см. book I, chapt. VI, §§ 2—3. Chapt. VIII, §§ 1 seqq. Book II, chapt. II, § 3), опредѣленіе есть предложеніе, въ которомъ мы выясняемъ смыслъ слова (какой ему обыкновенно приписываютъ или какой мы ему хотимъ придать). Опираясь на такое общее понятіе объ этомъ логическомъ пріемѣ, Д. С. Милль возражаетъ (см. book I, chapt. VIII, §§ 5 — 6. Book II, chapt. III, § 3. Ср. chapt. V, §§ 1 — 2) противъ мысли, будто опредѣленія играютъ въ геометріи роль основныхъ посылокъ. Сами по себѣ (независимо отъ предположеній, какія мы, выставляя опредѣленія, обыкновенно дѣлаемъ), опредѣленія вообще не могутъ служить опорою для заключеній (кромѣ случаевъ когда въ выводѣ дѣло идетъ о значеніи слова). Это и видно изъ того, что, исходя изъ опредѣленій, можно получить явно несправедливые выводы, стоитъ только брать опредѣленія предметовъ не существующихъ. „Драконъ есть змѣя, изрыгающая пламя“. Если разложить это предложеніе на двѣ посылки, получаемъ силлогизмъ:

Драконъ есть существо, изрыгающее пламя.
Драконъ есть змѣя.

Нѣкоторыя змѣи (можетъ быть, и одна только) изрыгаютъ пламя. За выставляемыми въ геометріи опредѣленіями скрываются особые постуляты: мы молча

Библиотека "Руниверс"

послѣдовательныя, замѣчаетъ онъ: что дважды два четыре, это одинаково вѣрно, будемъ ли мы имѣть въ виду, напримѣръ, футы и дюймы, или же такія величины, какъ дни и годы. Далѣе, весьма важны положенія геометріи, которыми опредѣляются уже исключительно отношенія одновременнаго существованія. За общими законами математики мы согласны признавать безусловную достовѣрность. Но, къ сожалѣнію, изъ нихъ нельзя вывести ничего, кромѣ утвержденій относительно пространственныхъ и числовыхъ величинъ. И нужно сказать, что, если числовымъ законамъ подлежатъ и послѣдовательныя явленія, то въ математикѣ дѣло не идетъ о самыхъ связяхъ послѣдовательности. Между тѣмъ наибольшій интересъ у человѣка, естественно, сосредоточивается на единообразіяхъ послѣдовательности. Знаніе ихъ даетъ намъ возможность предсказывать явленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліять на природу и направлять ея феномены по своему желанію. Даже теоремы геометріи важны для насъ главнымъ образомъ потому, что могутъ,—не иначе впрочемъ, какъ вмѣстѣ съ другими обобщеніями,—играть роль посылокъ, когда мы выводимъ порядокъ слѣдованія явленій. Обращаясь, однако, къ соотношеніямъ послѣдовательности, мы видимъ, что есть законъ, истинность котораго не подлежитъ сомнѣнію, который обнимаетъ всѣ прочія единообразія и который такимъ образомъ можетъ служить опорою для индуктивныхъ выводовъ: это — законъ причины и слѣдствія. Все, что имѣетъ начало, имѣетъ свою причину; всякое явленіе зависитъ отъ какого либо закона; для всего долженъ быть свой законъ, — такъ гласитъ принципъ причинности [1]). Утверждаемый основоположеніемъ порядокъ слѣдованія явленій, подобно міровому порядку вообще, представляетъ собственно совокупность единообразій и состоитъ въ томъ, что природа придерживается при смѣнѣ явленій схемъ спеціальнаго характера.

рѣшаемся признавать дѣйствительное существованіе опредѣляемыхъ фигуръ. Пусть мы ссылаемся на опредѣленіе круга: мы принимаемъ при этомъ, что такая фигура существуетъ. Указанными постулятами предполагаются фигуры, какихъ, на самомъ дѣлѣ, не бываетъ и къ которымъ дѣйствительныя фигуры по свойствамъ своимъ лишь приближаются. Отсюда Миль, вопреки вэллевскому взгляду, утверждаетъ гипотетическій характеръ положеній геометріи (поскольку они выводятся изъ опредѣленій съ подразумѣваемыми постулятами, а не изъ аксіомъ,—истинъ вполнѣ реальныхъ). См. Book I, chapt. VIII, §§ 5—6. Book II, chapt. III, § 3. Chapt. V, §§ 1—2. Ср. chapt. VII, §§ 3—5.

[1]) Book III, chapt. V, § 1.

Библиотека "Руниверс"

Что касается самаго понятія о причинѣ, то Милль считаетъ лишнимъ вносить въ логику метафизическій элементъ. Въ ученіи объ индукціи дѣло должно идти не о послѣднихъ причинахъ онтологическихъ, дѣятельныхъ (efficient), а о физическихъ (physical), о фактахъ только. Причина и слѣдствіе. въ глазахъ представителя логики, не что иное, какъ неразрывно между собою связанныя явленія: причина факта *a* есть явленіе. неизмѣнно этому *a* предшествующее; слѣдствіемъ явленія *a* называютъ фактъ, который регулярно послѣ *a* наступаетъ. Впрочемъ нельзя еще признавать причинную связь. если одно явленіе *слѣдовало неизмѣнно* за другимъ: день не есть причина ночи, и ночь не есть причина дня. Надо. чтобы мы были увѣрены въ *постоянствѣ* соотношенія, въ томъ, что явленія будутъ всегда возникать одно вслѣдъ за другимъ, что однимъ изъ нихъ *безусловно* (то-есть, при наличности какихъ угодно прочихъ условій) вызывается наступленіе другого [1]).

Причиною явленія рѣдко впрочемъ служитъ *одинъ* какой нибудь фактъ; въ большинствѣ случаевъ (если не всегда) она бываетъ сложной и представляетъ *совокупность* предшествующихъ. Пусть кто либо поѣлъ извѣстнаго кушанья и умеръ. Говорятъ, что принятіе пищи было причиною его смерти. Но вредное кушанье, быть можетъ, не привело бы къ печальному слѣдствію. если бы взять иной организмъ, при другомъ состояніи здоровья и проч. Причиною смерти является такимъ образомъ пища въ непосредственной связи съ данной совокупностью обстоятельствъ. Изъ группы предшествую-

---

[1]) Chapt. V, §§ 2, 6. Ср. § 11. Note supplementary to the preceding (V) chapter. Chapt. VII, § 4. Book. VI, chapt. II. An Exam. of sir W. Hamilton's Philol., chapt. XVI, p. 359—379. Chapt. XXVI, p. 564—606. Auguste Comte and Positivism. Lond., 1865, p. 56—59. Ср. Dissertations and discussions. Vol. I. Lond. 1859. Prof. Sedgwick's Disc. on the studies of the Univ. of Cambridge, p. 100 — 101. Д. С. Милль настаиваетъ на томъ, что и всякій волевой процессъ (volition) надо считать „физической“ причиной и что, слѣдовательно, и на эту область распространяется законъ причинности.—Теорія сохраненія силъ (Бенъ сводитъ къ принципу сохраненія силъ законъ причинности см. part I. p. 20 seqq.) не можетъ, замѣчаетъ Милль (book III, chapt. V, § 10), разрушить выработанное ученіе о причинности. Явленія, разсматриваемыя какъ модификаціи движенія, остаются отдѣльными, отличными одно отъ другого (distinct and separate). Будемъ ли мы видѣть въ нихъ преобразованіе (transformation), или же нарожденіе (generation) силъ, ими предполагаются факты предшествующіе, съ которыми они неразрывно связаны и по наступленіи которыхъ они необходимо возникаютъ.

Библиотека "Руниверс"

щихъ мы обыкновенно выбираемъ одно и признаемъ его причиной, всѣ же остальные факты называемъ условіями событія. Но для подобнаго различенія нѣтъ основаній. Присутствіе каждаго изъ явленій, сумма которыхъ составляетъ причину, одинаково необходимо, чтобы наступило слѣдствіе. Часто останавливаемся мы именно на томъ изъ предшествующихъ, которое дополняетъ собою необходимый комплексъ и съ возникновеніемъ котораго появляется слѣдствіе, ранѣе отсутствовавшее. Подобная мысль кроется у насъ, повидимому, и въ случаѣ, если мы утверждаемъ будто вредное кушанье причинило смерть. Иногда впрочемъ выборъ нашъ предполагаетъ иную подкладку. Итакъ, причина есть совокупность условій. Въ составъ ея входятъ не только условія положительныя, но и отрицательныя, — отсутствіе причинъ, предупреждающихъ данное слѣдствіе или вообще противодѣйствующихъ. Въ виду удобствъ можно, однако, согласиться говорить каждый разъ только объ условіяхъ положительныхъ, подразумѣвая отсутствіе противодѣйствующихъ причинъ, какъ единое, общее всякаго рода случаямъ причиненія отрицательное условіе [1]).

Слѣдствіе иногда представляетъ какъ бы явленіе мгновенное, и для его продленія необходимо, чтобы и самая причина продолжала свое дѣйствіе. Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя изъ нашихъ тѣлесныхъ ощущеній. Если туго стянуть перевязку, она причиняетъ боль, которая

[1]) Book III, chapt. V, § 3. Ср. §§ 2, 6.—Многія изъ условій, составляющихъ причину явленія, обыкновенно только подразумѣваются, и мы о нихъ не говоримъ; не называемъ мы между прочимъ обстоятельствъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ цѣли, которую разсужденіе почему либо преслѣдуетъ. Указывая, напримѣръ, какъ на причину смерти человѣка, на то, что онъ поскользнулся и упалъ, мы опускаемъ необходимое условіе—тяжесть его тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многія другія. Пусть постановленіе законодательнаго собранія опредѣлилось рѣшающимъ голосомъ предсѣдателя, говоритъ Милль. Если мы хотимъ обратить особое вниманіе на отвѣтственность предсѣдателя за постановленіе, мы игнорируемъ участіе прочихъ членовъ собранія и говоримъ, что предсѣдатель одинъ является причиною послѣдствій, къ которымъ законодательный актъ приведетъ.—Можно указать случаи, гдѣ изъ комплекса необходимыхъ для наступленія явленія условій обращаютъ особое вниманіе на одно, и въ немъ усматриваютъ причину, и гдѣ выборъ въ то же время не объясняется никакими научными соображеніями. Такъ, если камень брошенъ въ воду, за причину его паденія на дно можно объявить притяженіе земли, относительно большой удѣльный его вѣсъ и проч.; вообще можно взять любое изъ условій, наличностью которыхъ паденіе вызывается. Иногда выдвигаютъ даже условія отрицательныя. Напримѣръ, говорятъ, будто причиною того, что армія была застигнута врасплохъ, явилась отлучка часоваго.—Милль считаетъ несущественнымъ (см. § 4) и различіе между дѣйствующимъ (an agent) и страдательнымъ (a patient).—Ср. также § 5.

Библиотека "Руниверс"

по снятіи бинта часто немедленно исчезаетъ. Съ заходомъ солнца прекращается освѣщеніе земной поверхности, и наступаетъ ночь. Но въ большинствѣ случаевъ разъ возникшее слѣдствіе продолжается и при отсутствіи причины, пока не будутъ нарушены необходимыя отрицательныя условія, то-есть, пока не явится причина противодѣйствующая. Вода, разъ образовавшаяся, не распадается сама собою на кислородъ и водородъ, Такъ называемый солнечный ударъ вызываетъ воспаленіе мозга, и выздоровленіе не наступаетъ еще съ перемѣщеніемъ больнаго въ тѣнь [1]).

Чрезвычайно важно для ученія о методическихъ пріемахъ при индукціи то обстоятельство, что одно и то же слѣдствіе можетъ имѣть въ разныхъ случаяхъ различныя причины. Слѣдствіе *a* иногда обусловливается совокупностью фактовъ *A*, иногда же—комплексомъ явленій *B*. Причиною тепла оказываются лучи солнца, треніе, ударъ, электричество, химическое воздѣйствіе; причины, благодаря которымъ образуются характеры какого либо опредѣленнаго типа, въ высшей степени разнообразны. Быть можетъ, дальнѣйшія научныя изслѣдованія покажутъ по отношенію къ подобнымъ случаямъ, что неодинаковыя причины одного и того же явленія содержатъ въ себѣ все же нѣкоторый общій элементъ. Какимъ бы способомъ тепло ни добывалось, мы признаемъ единый конечный его источникъ (ultimate source). Но гдѣ подобный шагъ еще не сдѣланъ, приходится пока утверждать множественность причинъ (the plurality of causes) [2]).

---

[1]) § 7. Chapt. XV, § 1.—Причина не должна непремѣнно уничтожаться съ возникновеніемъ слѣдствія; а такъ какъ, съ другой стороны, слѣдствіе, разъ начавшееся, во многихъ случаяхъ продолжается, лишь бы не было причинъ противодѣйствующихъ, то выходитъ, что иногда причина и существуютъ одновременно. — Что касается вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли вообще утверждать между причиной и слѣдствіемъ отношеніе одновременности, и отграничено ли, на самомъ дѣлѣ, слѣдствіе отъ своей причины нѣкоторымъ промежуткомъ времени,—иначе говоря, не наступаетъ ли слѣдствіе вмѣстѣ съ тѣмъ изъ составляющихъ причину явленія условій, которое послѣднимъ появляется на лицо, то Миллъ съ похвалою отзывается о разсужденіяхъ Гершеля на этотъ счетъ, но признаетъ названное различіе во взглядахъ на причинность несущественнымъ для ученія объ индукціи. Во всякомъ случаѣ слѣдствіе не предшествуетъ причинѣ, и, если мы не знаемъ, которое изъ двухъ неразрывно связанныхъ между собою (co-existent) явленій признать за причину, мы справедливо считаемъ вопросъ рѣшеннымъ, разъ представляется возможность сказать, что одно возникаетъ прежде другаго.

[2]) Chapt. X, §§ 1—3. Book V, chapt. III, § 7.—Джевонсъ говоритъ (Mill's Philos. tested. (The Contemp. Rev., Dec. 1877, p. 170), будто Д. С. Миллъ

Библиотека "Руниверс"

Всѣ явленія окружающаго насъ міра объясняются въ концѣ концовъ изъ существованія въ природѣ первоначальныхъ постоянныхъ дѣятелей (permanent causes or original natural agents). *a* обусловливается, предполагаемъ мы, совокупностью фактовъ *b*; *b*, въ свою очередь, вытекаетъ изъ *c*, *c* изъ *d*, *d* изъ *e* и т. д., пока не дойдемъ до послѣдней достижимой для насъ ступени. Причинами основными являются солнце, земля, прочія планеты — съ принадлежащими имъ (their constituents) водою, воздухомъ и другими простыми и сложными тѣлами, которыя составляютъ природу. Къ числу первичныхъ дѣятелей относятся также нѣкоторыя явленія или—точнѣе—правильно повторяющіеся циклы явленій; напримѣръ, не только самая земля, но и ея движеніе признается за начальную причину. Происхожденія постоянныхъ дѣятелей наука не можетъ объяснить. Она не даетъ отвѣта на вопросъ, почему существуютъ такія, а не иныя первичныя силы [1]), почему онѣ распредѣлены въ такихъ-то и такихъ-то пропорціяхъ и размѣщены такимъ-то и такимъ-то образомъ въ пространствѣ. Мало того. Въ распредѣленіи дѣятелей она вообще не усматриваетъ регулярности, единообразія, нормы, закона. Не представляется возможности, зная силы природы въ одномъ мѣстѣ пространства, догадаться, должны ли мы и въ другомъ натолкнуться на такое же сочетаніе ихъ. И нужно сказать, что полный безпорядокъ въ комбинированіи дѣятелей можетъ совмѣщаться съ регулярностью самыхъ дѣйствій. Какимъ бы причудливымъ образомъ ни были соединены между собой силы природы, если каждая изъ нихъ дѣйствуетъ по опредѣленному закону, онѣ все же породятъ нѣкоторый порядокъ въ явленіяхъ [2]).

утверждаетъ, а въ то же время и отрицаетъ множественность причинъ. Къ сожалѣнію, это обвиненіе не подтверждено въ его статьѣ ссылками.—Если научные изслѣдователи такъ мало воспользовались, замѣчаетъ Миллъ, бекоповской системой индуктивной логики, это прежде всего объясняется ея исходнымъ ошибочнымъ предположеніемъ, будто всякое слѣдствіе можетъ имѣть лишь одну причину.

[1]) Въ русской рѣчи трудно избѣжать въ данномъ случаѣ (и въ случаяхъ ему подобныхъ) слова „сила“: нельзя говорить о пропорціи, въ какой распредѣлены дѣятели или причины. Употребляемъ данное слово лишь въ значеніи „физическая причина“, и не придавая ему смысла метафизическаго (ср. у Милля въ 8-омъ параграфѣ 5-ой главы 3-ей книги относительно терминовъ *Property* и *Power*).

[2]) Book III, chapt. V, § 8. Chapt. XVI, § 3. — Если бы знанія человѣка относительно распредѣленія первоначальныхъ силъ въ природѣ и законовъ, по которымъ причины дѣйствуютъ, отличались безусловною полнотой, и онъ могъ бы обладать достаточными интеллектуальными способностями, онъ à priori предска-

Библиотека "Руниверс"

Наука стремится установить коренныя единообразія. — иначе говоря, представить наименѣе обширный списокъ наиболѣе простыхъ положеній (assumptions), изъ совокупности которыхъ дедуктивно выводился бы весь нашъ міровой порядокъ [1]). Но рядомъ съ законами природы въ тѣсномъ смыслѣ (основными — ultimate laws of nature) она изучаетъ единообразія производныя (derivative). Мало того. Мы обыкновенно начинаемъ съ законовъ болѣе элементарныхъ и лишь впослѣдствіи подымаемся выше. Указать для производнаго соотношенія между явленіями его коренной законъ или коренные законы и значитъ „объяснить“ его. Законъ производный представляетъ, по сравненію со своимъ основнымъ, правило менѣе общее; это случай, въ которомъ коренной законъ находитъ себѣ приложеніе; дѣло идетъ въ низшемъ обобщеніи объ особомъ разрядѣ инстанцій того класса, на который распространяется высшее; производное единообразіе возможно поэтому вывести или доказать изъ коренныхъ. Напримѣръ, законы магнитныхъ явленій недавно сведены, говоритъ Милль, къ законамъ электричества. Эти послѣдніе, очевидно, болѣе общи, чѣмъ первые, ибо распространяются и на случаи, гдѣ явленій магнитныхъ нѣтъ. Объясненные законы признаны такимъ образомъ за примѣненіе основныхъ, и изъ нихъ могутъ быть получены чрезъ дедуктивныя заключенія [2]).

Можно различить, говоритъ Д. С. Милль, трехъ родовъ условія, при которыхъ наука даетъ объясненіе производнымъ законамъ причинной связи. Первый случай заключается въ томъ, что законъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ причинъ разлагаютъ на законы этихъ причинъ.

Когда слѣдствіе обусловливается совмѣстнымъ вліяніемъ нѣскользалъ бы всѣ явленія, какія вообще имѣютъ наступить, и перечислилъ бы всѣ, относящіяся къ прошлымъ временамъ. Такимъ же образомъ, возможно было бы познать во всѣхъ подробностяхъ и со всею точностью вселенную, какъ она существуетъ въ данное мгновеніе, описать всѣ послѣдующіе моменты (предполагая, что сила, могущая вліять на нашъ міръ и измѣнять его, не окажетъ новаго своего воздѣйствія). — Основные дѣятели постоянны; а потому, еслибы могъ повториться какой либо моментъ въ жизни вселенной, то вновь наступили бы и всѣ прочіе за нимъ слѣдовавшіе обширные комплексы явленій; цѣпь событій періодически повторялась бы.

[1]) Chapt. IV, § 1.

[2]) Chapt. IV, § 1. Chapt. XII. Chapt. XIV, §§ 1 seqq. Chapt. XVI, § 1. Ср. chapt. V, § 6. Chapt. XIII, XV.

Библиотека "Руниверс"

ихъ причинъ, то большею частью каждой изъ нихъ принадлежитъ такое же дѣйствіе, какое она производила бы, если бы ее пришлось наблюдать одну; сложное дѣйствіе обыкновенно равняется простой суммѣ дѣйствій, производимыхъ отдѣльными причинами. Если, напримѣръ, приложить къ тѣлу двѣ механическія силы, изъ которыхъ одна заставляла бы его двигаться на Сѣверъ, а другая на Востокъ, оно совершитъ какъ бы двойное движеніе и чрезъ опредѣленный промежутокъ времени очутится въ томъ мѣстѣ пространства, куда должно было бы прійдти, еслибы подверглось сначала воздѣйствію одной силы, а потомъ вліянію другой. Происходитъ въ такихъ случаяхъ „составленіе“ причинъ (the composition of causes), и его можно усматривать и тамъ, гдѣ сталкиваются причины, противодѣйствующія одна другой; когда одна умаляетъ или даже уничтожаетъ слѣдствіе другой, мы все-же имѣемъ право считать законы обѣихъ выполненными. Равновѣсіе тѣла не нарушается, если двѣ одинаковыя силы дѣйствуютъ на него въ противоположныхъ направленіяхъ. Пусть силы эти оказали бы свое вліяніе разновременно; результатъ получился бы тотъ же самый, ибо, двинувшись сначала на нѣкоторое разстояніе, тѣло вернулось бы потомъ на прежнее свое мѣсто. Quasi—контрадикторныя инстанціи можетъ встрѣтить всякій законъ причинной зависимости. Это надо было бы имѣть въ виду и, формулируя законъ, говорить о слѣдствіяхъ данной причины, не какъ о явленіяхъ дѣйствительно каждый разъ возникающихъ, а только какъ о стремленіяхъ (tendencies), которыя осуществляются при отсутствіи препятствій къ тому. Привычка выражать законы, не отмѣчая этой черты, породила, говоритъ Милль, предразсудокъ, будто нѣтъ правила безъ исключенія [1]).

Составленіе причинъ надо признать и въ инстанціяхъ, гдѣ при продолжающемся воздѣйствіи *одной* причины слѣдствіе постепенно разрастается. Какъ сказано, разъ возникшее слѣдствіе большею частью не перестаетъ существовать, пока не встрѣтятся причины, его уничтожающія. Земля, притягивая тѣла, заставляетъ ихъ падать; еслибы сила притяженія вліяла на данное тѣло лишь въ одинъ опредѣленный моментъ времени, обусловленное ею движеніе все-же не прекраща-

---

[1]) Chapt. VI, §§ 1, 3. Chapt. X, § 5. Chapt. XII, § 2. Chapt. XV, §§ 1 seqq. Ср. Chapt. V, §§ 5—6, 9. Chapt. VI, § 2. Chapt. XII, §§ 4, 6. Chapt. XIII, § 1. Chapt. XVI, § 1. Ср. также ниже о второмъ случаѣ объясненія производныхъ законовъ причинной зависимости.

Библиотека "Руниверс"

лось бы, лишь бы не представились какія нибудь препятствія [1]). Но, вызвавъ движеніе тѣла, земля продолжаетъ существовать и притягиваетъ его съ прежней силой. Во второй моментъ какъ бы соединяются двѣ одинаковыя причины, и слѣдствіе должно представлять итогъ, который слагается изъ результатовъ воздѣйствія земли въ первый моментъ и—новаго вліянія ея во второй; получается движеніе болѣе быстрое. Въ третій моментъ скорость становится еще большей и т. д. Если въ подобныхъ случаяхъ и самая непрерывно дѣйствующая причина мало по малу увеличивается, нарастаніе дѣйствія должно идти соотвѣтственно большими шагами [2]).

Но на ряду съ составленіемъ причинъ наблюдаются и болѣе рѣдкіе случаи, когда совокупностью наличныхъ факторовъ вызывается слѣдствіе своеобразное, когда получаемый результатъ сложнаго вліянія нельзя разсматривать, какъ простую сумму, разложимую на слагаемыя, и когда дѣйствіе подчинено закону sui generis, гетеропатическому (heteropathic). Такъ всякій организмъ состоитъ изъ составныхъ частей, которыя одинаковы съ элементами, образующими міръ неорганическій, и которыя ранѣе и существовали въ видѣ неорганическихъ тѣлъ. Между тѣмъ законы жизни отличаются отъ законовъ явленій неорганическихъ. Гетеропатическій законъ можетъ, замѣняя нѣсколько законовъ [3]), оставлять другіе въ ихъ силѣ и даже вмѣстѣ съ ними проявляться въ сложномъ дѣйствіи, которое, въ свою очередь, служитъ результатомъ составленія причинъ. Напримѣръ, составныя части организма продолжаютъ подчиняться и законамъ физическимъ [4]).

Нѣкоторые изъ писателей, замѣчаетъ между прочимъ Джонъ Стюартъ Милль, думаютъ, будто дѣйствіе всегда пропорціонально своей причинѣ. Положеніе это справедливо лишь относительно случаевъ, гдѣ возможно утверждать составленіе причинъ. Сила въ сто

[1]) Если впрочемъ взять движеніе въ любой изъ послѣдующихъ его моментовъ, то можно было бы, замѣчаетъ Милль, разсматривать его, какъ непосредственное слѣдствіе движенія въ ближайшій изъ предшествующихъ моментовъ; притяженіе же земли (или какая бы то ни было первоначально воздѣйствовавшая на тѣло сила) являлось бы такимъ образомъ по отношенію къ нему только причиной отдаленной (remote).

[2]) Chapt. XV, §§ 1—2. Ср. § 3.

[3]) Милль говоритъ впрочемъ относительно случаевъ приложенія законовъ гетеропатическихъ, что „an entirely new set of effects are either added to, or take the place of, those which arise from the separate agency of the same causes".

[4]) Chapt. VI, §§ 1—2. Ср. § 3.

Библиотека "Руниверс"

единицъ подымаетъ данное тѣло по наклонной плоскости; сила въ двѣсти единицъ, представляя какъ бы соединеніе двухъ такихъ силъ, должна подымать по той же плоскости тѣло вдвое большее. Но иногда при воздѣйствіи нѣсколькихъ однородныхъ причинъ вступаетъ въ свои права законъ гетеропатическій, напримѣръ, еслибы тѣло при нагрѣваніи, смотря по высотѣ температуры, увеличивалось бы въ объемѣ, плавилось бы, и, наконецъ, разлагалось бы.

Описывая первый случай объясненія законовъ, Джонъ Стюартъ Милль имѣетъ въ виду лишь составленіе причинъ [1]). По ученію его, было бы неправильно разложить законъ сложнаго дѣйствія только на коренныя единообразія: необходимо каждый разъ, кромѣ, того выставить утвержденіе, что простѣйшія причины, дѣйствительно, сосуществуютъ; для того, чтобы установить, напримѣръ, законы движенія небесныхъ тѣлъ, должны быть извѣстны не только законы силы инерціи и силы тяготѣнія, но и самый фактъ существованія, а равно и относительная величина этихъ силъ въ небесныхъ сферахъ. Производное единообразіе представляетъ такимъ образомъ результатъ, который вытекаетъ изъ законовъ природы лишь при соотвѣтствующемъ распредѣленіи первичныхъ дѣятелей [2]); это—истина условная [3]).

Объясненіе закона принадлежитъ ко второй группѣ случаевъ, когда изслѣдованіе открываетъ намъ посредствующее звено между явленіемъ (или группою явленій), которое (или совокупность которыхъ) мы принимали за причину, и—слѣдствіемъ. Пусть мы устано-

---

[1]) Chapt. XII, § 2.

[2]) Если сложное дѣйствіе вызывается причинами, которыя не принадлежатъ къ числу коренныхъ, то существованіе этихъ причинъ объясняется изъ причинъ высшихъ, существованіе высшихъ изъ еще высшихъ и т. д., пока не дойдемъ до основныхъ.

[3]) §§ 2, 6. Chapt. XVI, § 2. Ср. chapt. V, § 6. Ср., впрочемъ, chapt. XVI, § 7. Возможно предположить особые законы возникновенія гетеропатическихъ законовъ изъ элементарныхъ, замѣчаетъ Милль (chapt. VI, § 2; ср. chapt. XXII, § 2). Изслѣдованія въ области химіи достигли въ этомъ направленіи нѣкоторыхъ результатовъ. Исходя изъ соображеній, которыя заставляютъ Д. С. Милля говорить объ условномъ характерѣ производныхъ единообразій (при первомъ случаѣ объясненія законовъ), можно было бы съ такимъ же правомъ утверждать условность единообразій коренныхъ. Если будутъ на лицо причины A, B, C, D, E, необходимо наступитъ слѣдствіе *abcde*. Производный законъ, оставаясь, какъ отвлеченное гипотетическое сужденіе, истиннымъ всегда и вездѣ, находитъ себѣ дѣйствительное приложеніе лишь при внѣшнемъ условіи существованія A, B, C, D, E. Такимъ же образомъ простой законъ $A—a$ можно разсматривать, какъ сужденіе гипотетическое, и проявляется онъ только при наличности A.

Библиотека "Руниверс"

вили законъ AC; потомъ мы убѣждаемся, что A служитъ причиною B и только фактомъ B вызывается C; мы разлагаемъ AC на два закона: AB и BC. Человѣчеству было извѣстно, что прикосновеніе ко внѣшнему предмету порождаетъ ощущеніе; но дальнѣйшія наблюденія показали, что внѣшнее воздѣйствіе сопровождается измѣненіемъ въ нервной ткани, и что ощущеніе обусловливается лишь этимъ явленіемъ. Во второмъ случаѣ такъ же, какъ и въ первомъ, единообразія объясняющія болѣе общи, чѣмъ объясняемое (то-есть, распространяются на бóльшее количество инстанцій). Законъ AB оказываетъ свое вліяніе и тамъ, гдѣ противодѣйствующія причины мѣшаютъ наступленію C послѣ B и гдѣ AC—говоря это, Милль забываетъ свои замѣчанія о кажущихся исключеніяхъ — остается невыполненнымъ; при сильномъ душевномъ возбужденіи, напримѣръ, ощущеніе можетъ и не воспослѣдовать за нервными явленіями. Съ другой стороны, возможно предположить, что B иногда представляетъ слѣдствіе не явленія A, а какой нибудь другой причины; законъ BC найдетъ себѣ приложеніе, тогда какъ этого нельзя будетъ утверждать относительно AB и AC. Потерявъ какой либо членъ своего тѣла, человѣкъ можетъ испытать состояніе, которое онъ ранѣе привыкъ называть болью въ этомъ членѣ; сопровождающееся ощущеніемъ нервное явленіе наступаетъ тогда безъ воздѣйствія извнѣ. Въ виду сказаннаго Милль равнымъ образомъ утверждаетъ, что законъ AC скорѣе можетъ встрѣтить исключенія[1]), чѣмъ AB или BC; еслибы противодѣйствующія причины помѣшали осуществленію лишь одного изъ законовъ — AB или же BC, этого было бы достаточно, чтобы соотношеніе AC было нарушено; коренныя единообразія не только болѣе общи, но и болѣе достовѣрны, чѣмъ производныя; AC собственно не законъ природы, а только разультатъ законовъ[2]). Разсуждая нѣсколькими главами ниже[3]) о распространеніи производныхъ законовъ на случаи смежные, Милль впрочемъ вновь возвращается къ вопросу и говоритъ, что до-

[1]) Въ шестомъ параграфѣ двѣнадцатой главы Милль прямо говоритъ объ „exceptions“.

[2]) Chapt. XII, §§ 3—4, 6. Такія единообразія, какъ AC, „may be only true conditionally, and for the most part“, утверждаетъ Милль (§ 6—въ этомъ мѣстѣ говорится о *первыхъ двухъ* случаяхъ объясненія законовъ). Очевидно, онъ разсуждаетъ при этомъ объ условномъ характерѣ обобщенія, въ которомъ дѣло идетъ о *дѣйствительномъ возникновеніи* C послѣ A, а не о *стремленіи* (tendency) причины A вызвать (чрезъ посредство B) слѣдствіе C.

[3]) Chapt. XIX, § 1.

Библиотека "Руниверс"

стовѣрность коренныхъ, а равно и производныхъ законовъ причинной зависимости (въ отличіе отъ производныхъ единообразій между дѣйствіями) вообще не можетъ быть подорвана quasi-контрадикторными инстанціями, — когда противодѣйствующія причины препятствуютъ наступленію тѣхъ слѣдствій, которыхъ обобщенія заставляютъ ожидать.

Наконецъ, третій случай объясненія законовъ состоитъ въ томъ, что единообразіе или рядъ единообразій подводятъ подъ болѣе общій законъ, ихъ обнимающій. Самымъ блестящимъ примѣромъ такой операціи является объясненіе притяженія земли и центральной силы солнечной системы (the central force of the solar system) единымъ закономъ тяготѣнія. Въ случаяхъ этого порядка производный законъ уже не отличается отъ кореннаго меньшей достовѣрностью: отношеніе между объясняющимъ единообразіемъ и объясняемымъ таково, что исключеніе изъ низшаго правила было бы въ то же время исключеніемъ изъ высшаго [1]).

Самое понятіе о коренныхъ законахъ причиненія относительно. Мы до тѣхъ поръ считаемъ единообразіе непроизводнымъ, пока не удастся разложить его на высшія, и при постепенномъ развитіи науки законы сплошь и рядомъ какъ бы перемѣщаются изъ одного разряда въ другой. Подымаясь по лѣстницѣ обобщеній и установивъ новый законъ, мы не можемъ быть увѣрены, что его уже нельзя объяснить; мы лишь убѣждены, что истинно коренныя единообразія вообще должны существовать. При такомъ положеніи дѣла у представителей науки нерѣдко чрезмѣрно разрастается стремленіе идти въ объясненіи законовъ все дальше и дальше, и они надѣются свести всѣ неизмѣнныя связи между явленіями къ единому міровому принципу. Но коренныхъ единообразій причинной зависимости не можетъ быть менѣе числа различимыхъ по качеству (а не интенсивности только) воспріятій или вообще ощущеній [2]). Цвѣтъ, напримѣръ, пред-

[1]) Chapt. XII, §§ 5—6. Ср. chapt. XIII. Chapt. XII, § 6: „.... in the third case, since here the partial laws are, in fact, the very same law as the general one“.... Подобнымъ взглядомъ, быть можетъ, и объясняется то обстоятельство, что Миллъ, говоря во второмъ параграфѣ шестнадцатой главы о разныхъ видахъ производныхъ законовъ, не принимаетъ въ расчетъ третьяго случая подведенія ихъ подъ коренные.

[2]) У Милля (chapt. XIV, § 2)—„the distinguishable sensations or other feelings of our nature“, и ниже—„each distinguishable variety of our sensations, or other states of consciousness“.

Библиотека "Руниверс"

ставляетъ явленіе sui generis; а потому должны существовать его коренные законы. Какова бы ни была его причина, и какимъ бы количествомъ звеньевъ явленіе это отъ начальной своей причины ни отдѣлялось, послѣднимъ звеномъ цѣпи долженъ быть законъ возникновенія цвѣта, а не движенія, или тепла (которое воспринимается нами, какъ явленіе, отъ цвѣта по качеству отличное); необходимо существуетъ нѣкоторое постоянное соотношеніе, въ составѣ котораго въ качествѣ одного изъ неразрывно связанныхъ членовъ входитъ явленіе цвѣта, и которое тѣмъ самымъ отличается отъ законовъ наступленія всякаго рода другихъ явленій. И этого мало. Для каждаго отдѣльнаго цвѣта долженъ быть свой законъ, ибо одними тѣми законами, по которымъ образуется, напримѣръ, красный цвѣтъ, нельзя объяснить бѣлаго цвѣта [1]).

Къ числу производныхъ законовъ принадлежатъ далѣе единообразія послѣдовательности между такими явленіями (или группами явленій), которыя не стоятъ одно къ другому въ отношеніи причины и слѣдствія. Это могутъ быть дѣйствія одной и той же причины (такова смѣна явленій при нарастаніи дѣйствій) или же причинъ разныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ производное единообразіе обусловливается (подобно законамъ сложнаго дѣйствія) не только коренными законами, но и фактомъ сосуществованія причинъ, иначе говоря, распредѣленіемъ первичныхъ дѣятелей въ природѣ [2]).

Наконецъ, въ разсматриваемый разрядъ надо включить единообразія сосуществованія между явленіями и именно между одновременными дѣйствіями одной или нѣсколькихъ причинъ. Приливъ наблюдается въ двухъ діаметрально противоположныхъ точкахъ земной поверхности въ одно и то же время; правильно сосуществующія явленія обусловливаются въ этомъ случаѣ направленіемъ, въ которомъ дѣйствуетъ сила притяженія солнца и притяженія луны на воды океана; отношеніе между слѣдствіями одной и той же причины можно прямо объяснять изъ закона, которому послѣдняя подчинена. Что же касается единообразій сосуществованій между слѣдствіями разныхъ причинъ, то ихъ (подобно законамъ сложнаго дѣйствія, а

[1]) Chapt. XIV, §§ 1—2. Ср. § 3. Напрасно ожидали бы мы встрѣтить у Милля утвержденіе, будто въ коренныхъ единообразіяхъ причинной зависимости дѣло идетъ о силахъ или причинахъ первичныхъ. Подобный взглядъ ему, очевидно, чуждъ.

[2]) Chapt. V, §§ 6, 9. Chapt. VI, § 3. Chapt. XIII, § 1. Chapt. XVI, § 2. Chapt. XXII, § 6. Auguste Comte, 56—59.

Библиотека "Руниверс"

равно и связямъ послѣдовательности между дѣйствіями) нельзя дедуктивно вывести, если принимать за посылки только законы причиненія. Постоянныя связи между слѣдствіями существуютъ лишь при наличности причинъ. Онѣ зависятъ и отъ распредѣленія основныхъ силъ въ природѣ [1]).

Отъ производныхъ единообразій сосуществованія слѣдуетъ, однако, отличать такія, которыя не могутъ вытекать изъ законовъ причинной зависимости. Это—правильныя соотношенія между принадлежащими вещамъ коренными свойствами (the ultimate properties of things); послѣдними обусловливаются всѣ явленія окружающаго насъ міра, тогда какъ указать ихъ причины значило бы познать начало всѣхъ вещей. Пусть мы встрѣтили въ природѣ какое либо тѣло. Признавъ его въ виду тѣхъ свойствъ, которыя мы въ немъ замѣтили, положимъ, за воду, мы приписываемъ ему и многія другія качества, хотя и не удостовѣрились непосредственно въ ихъ присутствіи; рѣшаемся мы на это потому, что знаемъ вообще свойства воды, то-есть, убѣждены въ постоянномъ сосуществованіи ненаблюденныхъ качествъ съ наблюденными. Къ непроизводнымъ единообразіямъ принадлежатъ сосуществованія между свойствами [2]), характеризующими различные классы объектовъ въ природѣ (the kinds of objects) [3]). Но качества химически сложныхъ тѣлъ, можно предполагать, обусловливаются свойствами ингредіэнтовъ, и еще меньшее право имѣемъ мы отрицать существованіе причинъ, изъ которыхъ могли бы выводиться свойства объектовъ, не относящихся къ числу первоначальныхъ дѣятелей въ природѣ, какъ, напримѣръ, существъ органическихъ. Только основныя качества химическихъ элементовъ и простѣйшихъ дѣятелей въ природѣ можно съ увѣренностью признавать за коренныя [4]).

---

[1]) Chapt. V, §§ 6, 8—9. Chapt. VI, § 3. Chapt. XVI, § 2. Chapt. XXII, §§ 1—3, 6.

[2]) Дѣло идетъ у Джона Стюарта Милля при этомъ лишь о свойствахъ коренныхъ (см. chapt. XXII, § 2).

[3]) Миль ссылается на установленное въ седьмой главѣ первой книги понятіе о классѣ (kind) и прибавляетъ— „those classes which differ from one another not by a limited and definite, but by an indefinite and unknown number of distinctions".

[4]) Chapt. V, §§ 8—9. Chapt. XXII, §§ 1—3, 6. Chapt. V, § 9: „The only independent and unconditional co-existences which are sufficiently invariable to have any claim to the character of laws, are between different and mutually independent effects of the same cause; in other words, between different properties of the same natural agent". „This portion of the Laws of Nature, добавляетъ

Библиотека "Руниверс"

Наблюденное единообразіе, относительно котораго предполагаютъ, что оно принадлежитъ къ числу производныхъ, но которое еще не разложено на коренныя, называется эмпирическимъ закономъ. Напримѣръ, то, что̀ утверждали астрономы древняго Востока о періодическихъ затмѣніяхъ, было лишь эмпирическимъ выводомъ. Иногда мы, не умѣя объяснить замѣченнаго единообразія, все же знаемъ, что это—законъ причинной зависимости; обобщенія такого характера уже существенно отличаются отъ прочихъ эмпирическихъ законовъ [1]).

Каковы бы ни были достоинства и недостатки миллевской теоріи причинности и связаннаго съ нею понятія о законахъ или единообразіяхъ въ природѣ, сдѣланныя въ „Системѣ логики“ методологическія указанія находятъ себѣ въ этомъ ученіи опору и выводятся изъ него. Сравнительно обширному комплексу правилъ, которыми нерѣдко предусматриваются и разнаго рода частности, соотвѣтствуетъ у Джона Стюарта Милля сравнительно полная и подробная разработка ученія о причинныхъ соотношеніяхъ. Отдѣльные пункты теоріи причинности часто разсматриваются у него ad hoc, по поводу вновь встрѣтившихся спеціальныхъ вопросовъ относительно способа изслѣдованія или доказательства, такъ что читателю приходится собирать разбросанныя замѣчанія, чтобы соединить ихъ въ одно цѣлое.

При такомъ общемъ характерѣ предписаній, предлагаемые Миллемъ методическіе пріемы сводятся (такъ же, какъ и гершелевскіе) къ „исключенію“, на которомъ столь счастливо остановился Бекон̀ъ, и которымъ послѣдній въ ученіи объ индуктивномъ процессѣ такъ неудачно воспользовался. Джонъ Стюартъ Милль ставитъ своему предшественнику въ особую заслугу, что тотъ „первый ввелъ во всеобщее употребленіе это великое логическое орудіе“ [2]).

При самомъ процессѣ исключенія Милль обращается къ тремъ характернымъ для всякаго причиннаго соотношенія особенностямъ, которыми (въ ихъ спеціальномъ приложеніи къ формамъ) уже Бекон̀ъ предложилъ руководствоваться, вычеркивая различныя рубрики изъ общаго перечня свойствъ предметовъ. Но, подобно Гершелю, Джонъ

Милль, will be treated of in the latter part of the present Book, under the name of the Specific Properties of Kinds“. Мѣсто это нѣсколько затемнено тѣмъ, что Милль отождествляетъ тутъ (ср. § 8; иначе въ §§ 1 и слѣд. XXII главы) *свойства* первоначальныхъ дѣятелей въ природѣ съ самими *дѣйствіями* (effects) ихъ или — точнѣе — соотвѣтствующими разрядами однородныхъ дѣйствій.

[1]) Chapt. XVI, §§ 1 seqq. Ср. chapt. XI, § 1.

[2]) Chapt. XXII, § 4. Ср. chapt. VIII, § 3.

Библиотека "Руниверс"

Стюартъ Милль каждый разъ выдѣляетъ случайные факты не изъ комплекса возможныхъ вообще условій, а лишь изъ совокупности обстоятельствъ, которыя замѣчены въ какомъ либо одномъ наблюденномъ случаѣ. И нужно сказать, что даже сравнительно съ правилами, которыя мы находимъ въ гершелевскомъ Discourse, ученіе о способахъ опытнаго изслѣдованія сдѣлало въ лицѣ Милля значительные успѣхи: нашъ мыслитель придаетъ ему систематичность, а равно и бо́льшую точность и опредѣленность [1]).

Въ немногихъ замѣчаніяхъ, посвященныхъ вопросу объ исключеніи (elimination, exclusion), Джонъ Стюартъ Милль ведетъ, однако, рѣчь о фактическомъ удаленіи сопровождающихъ изслѣдуемое явленіе обстоятельствъ (будемъ ли мы дѣлать для этого эксперименты, или же природа будетъ дѣйствовать за насъ, и мы встрѣтимъ готовыя сочетанія явленій, которыя необходимы для обобщенія), а не о логическомъ процессѣ выдѣленія вообще. Послѣдній находитъ себѣ оправданіе въ (трехъ) *различныхъ* пунктахъ нашего ученія о причинѣ и eo ipso при *разномъ характерѣ* фактическаго матеріала; обозрѣваемые случаи не должны непремѣнно отличаться одинъ отъ другаго тѣмъ, что въ одномъ отсутствуютъ условія, присущія другому [2]). Мы пробуемъ, говоритъ Милль, устранить одно за другимъ наблюденныя обстоятельства, съ цѣлью удостовѣриться, какія изъ нихъ могутъ исчезнуть, несмотря на присутствіе даннаго явленія. Но логическое исключеніе выполняется и при иныхъ условіяхъ. Разсужденія Милля не обнимаютъ случаевъ дѣйствительнаго приложенія этой операціи въ его методахъ опытнаго изслѣдованія. При описаніи методовъ онъ идетъ до нѣкоторой степени ощупью [3]) и не выясняетъ своеобразнаго характера процесса исключенія въ различныхъ случаяхъ; проводя границу между разными способами изслѣдованія, онъ скорѣе склоненъ принимать за основной признакъ природу инстанцій, которыя правилами методовъ предполагаются.

Изучая причинныя связи между явленіями, мы иногда задаемся цѣлью опредѣлить причину даннаго слѣдствія, иногда же—слѣдствія

---

[1]) Ср. *М. И. Владиславлевъ*, Прилож., стр. 232.

[2]) Ср. *Minto*, 318 (примѣч.). Впрочемъ въ своемъ замѣчаніи Минто противопоставляетъ процессу логическаго исключенія не фактическое выдѣленіе вообще, а частнѣе—устраненіе несущественныхъ условій при изслѣдованіи по методу разницы (какъ его Милль анализируетъ).

[3]) Ср. *Bradley*, 337—338.

Библиотека "Руниверс"

данной причины. Предписанія Милля относительно методическихъ пріемовъ при наведеніи имѣютъ въ виду случаи обоихъ порядковъ [1]).

Когда наступаетъ слѣдствіе, должно быть на лицо его причина. Этой истиной можно руководиться при исключеніи. Сообщая ей нѣсколько иную формулировку, Милль говоритъ: если какое либо обстоятельство Q отсутствуетъ тамъ, гдѣ данное слѣдствіе a имѣетъ мѣсто, между Q и a причинной связи нѣтъ. Таково основоположеніе, на которое опирается первый изъ способовъ опытнаго изслѣдованія, методъ совпаденія [2]), когда, съ цѣлью сдѣлать обобщеніе, сравниваютъ случаи, гдѣ наблюдается данное явленіе a.

Пусть мы встрѣтили два случая abc и ade, одинаковыхъ лишь въ томъ отношеніи, что въ обоихъ присутствуетъ a; группѣ явленій abc предшествуетъ, положимъ, ABC, а сочетанію фактовъ ade—ADE. Причиною a, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, не можетъ быть ни B, ни C, такъ какъ ни того, ни другаго изъ этихъ условій нѣтъ во второмъ случаѣ наступленія слѣдствія a. Комментируя „Систему логики", мы замѣтили бы далѣе, что B и C слѣдуетъ вычеркнуть изъ комплекса ABC и признать единственное не исключенное предшествующее A „связаннымъ съ a закономъ причиненія". Милль, однако, считаетъ нужнымъ добавить, что, съ другой стороны, невозможно, чтобы D или E служило причиною явленія a, ибо этими обстоятельствами не сопровождается возникновеніе a въ abc [3]). Изучая, напримѣръ, причину кристаллизаціи, мы сопоставляетъ случаи, во всемъ, кромѣ факта образованія кристалловъ, отличные одинъ отъ другаго, и намѣчаемъ общее имъ предшествующее—осажденіе твердаго вещества изъ жидкости (будетъ ли это расплавленная масса или же растворъ). Все сказанное можно—mutatis mutandis—приложить и къ изслѣдованіямъ, которыя имѣютъ цѣлью опредѣлить дѣйствія данной причины.

Такимъ образомъ, если два или нѣсколько случаевъ наступленія разсматриваемаго явленія сходны лишь въ одномъ обстоятельствѣ, послѣднее представляетъ его причину (или слѣдствіе).

---

[1]) У Бекона дѣло идетъ въ N. O. о томъ, какъ отыскать форму или причину даннаго слѣдствія—внѣшняго свойства вещи. Такимъ же образомъ и Гершель сосредоточиваетъ свой интересъ на вопросѣ объ изученіи причинъ.

[2]) См. chapt. VIII, §§ 1, 3. Ср. chapt. VII, § 4. Chapt. IX. Chapt. X, § 1. Chapt. XXI, § 1.

[3]) Такое же добавленіе дѣлаетъ Милль, когда разсуждаетъ о случаѣ, гдѣ по методу совпаденія опредѣляютъ слѣдствія явленія A.

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ выводъ относительно причинной зависимости нужно при примѣненіи метода согласія считать вообще шаткимъ. Если даже *ABC* (съ послѣдующими фактами *abc*) и *ADE* (съ *ade*)—эксперименты и получены искусственнымъ путемъ, мы все же не можемъ быть увѣрены, что остановились на всѣхъ предшествующихъ изучаемому *a* обстоятельствахъ, что, кромѣ *A*, постоянныхъ предшествующихъ нѣтъ, и оно такимъ образомъ должно быть причиною *a*. Быть можетъ, *a*, дѣйствительно, неизмѣнно (а не безусловно) слѣдуетъ за *A*, но стоитъ къ нему лишь въ такомъ отношеніи, какое существуетъ, напримѣръ, между явленіями дня и ночи (можетъ быть, это—неизмѣнная послѣдовательность между слѣдствіями одной или нѣсколькихъ причинъ, а не причиною и ея слѣдствіемъ). Слѣдовало бы прибѣгать къ этому методу только въ случаяхъ, гдѣ нельзя приводить другихъ, болѣе совершенныхъ, или съ цѣлью намѣтить вопросы для дальнѣйшихъ изслѣдованій [1]).

Краткія замѣчанія Милля касательно результатовъ, какіе даетъ методъ совпаденія, легко было бы комментировать и развить. Этотъ способъ опытнаго изслѣдованія требуетъ, чтобы мы взяли два случая, отличные одинъ отъ другаго во всемъ, кромѣ присутствія изучаемаго явленія *a*: *ABC — abc* и *ADE — ade*. Но предметы и явленія наблюдаются вообще въ сопряженіи со множествомъ другихъ предметовъ и явленій [2]). Формулируя представившійся случай наступленія *a*, какъ *ABC—abc* или *ADE—ade*, мы—сознательно или безсознательно—игнорируемъ прочія обстоятельства, которыми онъ сопровождается. Обыкновенно мы всего болѣе склонны отбрасывать условія, которыя остаются неизмѣнными въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Да они и легче ускользаютъ отъ вниманія наблюдателя. Такимъ образомъ мы, на дѣлѣ, получаемъ схемы, удовлетворяющія правилу метода согласія, *ABC—abc*. *ADE—ade*, лишь въ замѣнъ соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ явленіямъ формулъ *ABCMNP.... —abc....*, *ADEMNP....—ade....* Между тѣмъ возможно, что какое либо изъ обстоятельствъ, на которыя мы не обращаемъ должнаго вниманія, и служитъ причиною *a*. Отсюда несовершенство выводовъ по методу совпаденія [3]). И нужно сказать, что подобный недоста-

[1]) Ср. гершелевское понятіе о не строго причинномъ наведеніи.

[2]) Ср. *H. Laurie*, Methods of Inductive Inquiry, Mind. New Series. Vol. II. 1893. № 7, p. 320 seqq.

[3]) Иначе говоря, въ этомъ случаѣ трудно обставить „исключеніе“ такъ, чтобы его можно было считать полнымъ. Ср. *Rabier*, 135—137.

Библиотека "Руниверс"

токъ чуждъ другимъ методамъ, или по крайней мѣрѣ присущъ имъ въ несравненно меньшей степени, ибо они требуютъ инстанцій, *сходныхъ* во всемъ, кромѣ изслѣдуемаго явленія, а не во всемъ *отличныхъ* одна отъ другой [1]), такъ что, упуская изъ виду факты, *общіе* встрѣтившимся случаямъ, мы не рискуемъ нарушить предписаній этихъ методовъ [2]).

Далѣе, естественно сравнивать случаи, гдѣ изслѣдуемое явленіе встрѣчается, съ тѣми, въ которыхъ его нѣтъ. Такъ поступаемъ мы, когда обращаемся къ методу разницы [3]). Причина даннаго явленія должна отсутствовать, если не возникаетъ ея слѣдствія. Обстоятельства, которыя подобному условію не удовлетворяютъ, подлежатъ при индукціи исключенію. Имѣя это въ виду, беремъ два случая, отличающіеся одинъ отъ другаго только тѣмъ, что въ первомъ есть на лицо a, во второмъ же оно исчезаетъ. Пусть это будетъ abc съ предшествующими фактами ABC и bc съ предшествующими BC. B и C наблюдаются и во второй инстанціи, которой a не принадлежитъ, ихъ надо выключить изъ группы обстоятельствъ ABC, при чемъ и обнаружится, что A служитъ причиною a (или по крайней мѣрѣ представляетъ нѣкоторую ея часть). Подобный методическій путь приводитъ насъ, напримѣръ, къ убѣжденію, что если человѣку прострѣлили сердце, причиною смерти его былъ выстрѣлъ, ибо ко всѣмъ обстоятельствамъ, которыя имѣлись въ предшествующій моментъ, когда человѣкъ этотъ еще былъ полонъ жизни, прибавилось лишь одно—полученная имъ рана.

Пусть мы, разсматривая случаи $ABC—abc$ и $BC—bc$, опредѣляемъ слѣдствія причины A. Дѣйствіе должно отсутствовать тамъ, гдѣ нѣтъ причины; между тѣмъ bc встрѣчается и во второй инстанціи; можно изъ аггрегата слѣдствій abc вычеркнуть bc и признать a дѣйствіемъ причины A.

Правильный и достаточно полный анализъ мыслительнаго процесса при методѣ разницы былъ для Милля невозможенъ, разъ онъ вообще съуживалъ понятіе объ исключеніи. Если условія, сопровождающія въ

---

[1]) Благодаря этому обстоятельству, упрощается при изслѣдованіи по методу разницы, а равно и—сопутствующихъ измѣненій процессъ исключенія, и мы, сопоставляя двѣ инстанціи, сразу отбрасываемъ всѣ несущественныя для изучаемаго явленія условія.

[2]) Ср. напротивъ *Ch. Renouvier*, t. II, p. 222—227, 283.

[3]) См. chapt. VIII, §§ 2—3. Ср. chapt. VII, § 3. Chapt. IX. Chapt. X, § 1. Chapt. XXI, § 1.

Библиотека "Руниверс"

данномъ наблюденномъ случаѣ изслѣдуемое явленіе, одно за другимъ фактически устраняются, и мы признаемъ ихъ несущественными, мы основываемся лишь на томъ, что при наличности дѣйствія M должны присутствовать и связанныя съ нимъ причинною зависимостью обстоятельства. Между тѣмъ, обращаясь при методѣ разницы къ процессу выдѣленія, мы принимаемъ въ соображеніе не этотъ признакъ понятія о причинѣ. Вмѣсто того, чтобы подробно разсмотрѣть вопросъ, Джонъ Стюартъ Милль говоритъ: методъ разницы основывается на томъ, что обстоятельство Q, котораго нельзя удалить (иначе, какъ вмѣстѣ съ M), связано съ изучаемымъ фактомъ M опредѣленнымъ закономъ [1]). Слова его какъ бы предполагаютъ, будто исключеніе протекаетъ при методѣ разницы такъ же, какъ при методѣ совпаденія, когда мы вычеркиваемъ обстоятельства, которыхъ нѣтъ въ какомъ либо изъ случаевъ, гдѣ сохраняется изслѣдуемое явленіе. Говоря о методѣ согласія Джонъ Стюартъ Милль указываетъ, какимъ образомъ выдѣлить случайныя явленія, и при этомъ подразумѣваетъ, что невсключенный фактъ надо признать существеннымъ; а при методѣ разницы онъ предлагаетъ остановиться на обстоятельствѣ, отъ котораго намъ не удалось освободиться, и умалчиваетъ о прочихъ окружающихъ разсматриваемое явленіе условіяхъ. Милль называетъ двѣ аксіомы, которыя, какъ онъ говоритъ, предполагаются методомъ разницы (implied in this method). Въ одной изъ нихъ дѣло идетъ о случаяхъ, когда отыскиваютъ причину даннаго дѣйствія. На самомъ дѣлѣ это лишь иначе (не въ общей формѣ, а примѣнительно къ случаямъ изслѣдованія причинъ) и подъ другимъ именемъ высказанное предписаніе метода: предшествующее A, котораго нельзя устранить (очевидно, надо, чтобы всѣ прочія предшествующія оставались при этомъ неизмѣнными) иначе, какъ вмѣстѣ съ послѣдующимъ a, представляетъ его (a) причину или одно изъ его условій. Другая аксіома распространяется на случаи, гдѣ изслѣдователь задается цѣлью опредѣлить дѣйствіе данной причины. Она гласитъ: если для того, чтобы предотвратить наступленіе послѣдующаго a, достаточно удалить одно изъ предшествующихъ A, оставляя всѣ прочія обстоятельства неизмѣнными, то a есть слѣдствіе факта A. Относительно этого положенія также едва ли возможно утверждать, будто оно извлечено непосредственно изъ ученія о причинности и должно служить опорою при процессѣ выдѣленія; подъ именемъ аксіомы Милль и тутъ пред-

[1]) Chapt. VIII § 3.

Библиотека "Руниверс"

лагаетъ правило изслѣдованія, выраженное примѣнительно къ отдѣльному разряду случаевъ приложенія метода разницы. Соединяя оба предписанія въ одно, Джонъ Стюартъ Милль продолжаетъ: если случай наступленія изслѣдуемаго явленія M и случай, гдѣ оно отсутствуетъ, сходны во всемъ за исключеніемъ одного обстоятельства N, присущаго лишь первому изъ нихъ, то N—слѣдствіе [1]) или причина или, наконецъ, необходимая часть причины нашего M.

Въ природѣ весьма рѣдко встрѣчаются, говоритъ Милль, такія сочетанія явленій, какія необходимы для того, чтобы можно было воспользоваться методомъ разницы. За то экспериментъ почти всегда ихъ намъ доставляетъ. Въ данный комплексъ феноменовъ BC—bc мы искусственно вводимъ A и получаемъ ABC—abc. Можетъ только случиться, что между наступленіемъ BC и—A незамѣтно для насъ (особенно если опытъ длится долго) возникнетъ Q. которое, на самомъ дѣлѣ, и служитъ причиною a. или что a будетъ вызвано не обстоятельствомъ A, а тѣми средствами, къ которымъ мы, дѣлая опытъ, прибѣгаемъ, и благодаря употребленію которыхъ образуется самое A [2]).

Въ этомъ отношеніи методъ разницы, замѣчаетъ Милль, существенно отличается отъ метода согласія. Послѣдній нельзя считать методомъ эксперимента. Формула, которой должны соотвѣтствовать комбинаціи явленій, чтобы мы имѣли право сдѣлать индуктивный выводъ, не отличается при методѣ согласія такою опредѣленностью, какъ при методѣ разницы. ABC, ADE, AFK могутъ быть сходны и не только въ обстоятельствѣ A. Если мы отказываемся отъ опредѣленія причинъ, разные пункты совпаденія лишь заставляютъ насъ признать большее количество неизмѣнно связанныхъ между собою явленій.

Методомъ разницы, въ отличіе отъ метода согласія, можно пользоваться, чтобы установить законъ причинной зависимости [3]).

---

[1]) Минто (стр. 310, примѣч.) оправдываетъ принятую у Бена (II. 57) формулировку правила для метода разницы и находитъ, что прибавленное Джономъ Стюартомъ Миллемъ слово „слѣдствіе“ надлежало бы выпустить. Но тогда правило распространялось бы только на случаи изслѣдованія причинъ, а это противорѣчило бы миллевской постановкѣ дѣла.

[2]) Chapt. VIII, § 3. Ср. chapt. VII, § 3.

[3]) Зигвартъ (Logik, II, 474—475) утверждаетъ, что когда дѣло идетъ объ отысканіи причины даннаго явленія, методъ разницы не можетъ привести къ заключенію, выраженному въ общей формѣ. Нельзя сказать, будто вообще причиною смерти человѣка является выстрѣлъ въ сердце. Указаніемъ на этотъ при-

Библиотека "Руниверс"

Пусть при изученіи явленій *a* почему бы то ни было нельзя произвести экспериментовъ, и мы не можемъ получить необходимыхъ для метода разницы случаевъ *ABC—abc* и *BC—bc*. Индуктивный выводъ былъ бы столь же доказателенъ, еслибы вмѣсто того, чтобы фактически имѣть предъ собой соотвѣтствующій нашему *ABC—abc* случай *BC—bc*, мы какимъ либо инымъ образомъ съ достовѣрностью опредѣлили измѣненія, при которыхъ въ *ABC—abc* устраняется обстоятельство *a*. Такой путь изслѣдованія можно назвать соединеннымъ методомъ совпаденія и разницы или непрямымъ методомъ различія [1]). Останавливаясь на случанхъ присутствія *a*, мы убѣждаемся, что имъ (насколько мы можемъ судить) обще лишь обстоятельство *A*. Методъ согласія приводитъ насъ къ заключенію, что между *A* и *a* существуетъ неизмѣнное соотношеніе. Переходимъ къ случаямъ отсутствія *a*. Пусть они сходны между собою лишь въ томъ, что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ *A*. Мы прибѣгаемъ и тутъ къ методу совпаденія и утверждаемъ связь между отсутствіемъ *a*, съ одной стороны, и — *A*, съ другой. Первый выводъ замѣняетъ инстанцію *ABC—abc*, второй—*BC—bc* [2]). Наше заключеніе относительно причинной зависимости между *A* и *a* было бы, однако, вполнѣ убѣдительнымъ, только еслибы мы могли быть увѣрены или въ томъ, что *A* представляетъ единственный пунктъ сходства между случаями, гдѣ встрѣчается *a*, или же что случаи исчезновенія *a* различны во всемъ, кромѣ отсутствія *A*. Но еслибы это было возможно, мы имѣли бы

мѣръ, приводимый Миллемъ безъ дальнѣйшаго анализа и въ такой формѣ, которая, дѣйствительно, можетъ давать поводъ къ возраженіямъ, Зигвартъ и ограничивается. Юзъ замѣчаетъ (*Hughes*, p. 251; ср. 249—254): „Thus he (sc. Mill) apparently holds that the proof of a phenomenon, towards or to which we have been led by the method of agreement, being the real cause of an effect is this—that by experiment we can actually perceive that it produces the effect. If this is so, it must be objected, that the test of proof is not provided by logic. Surely it does not need logic to authorise us to accept the evidence of our senses". Трудно согласиться также и съ тѣмъ, что онъ говоритъ относительно метода разницы (стр. 254; ср. 249—254): „Hence it appears that Mill's method of difference, with its two cases and its sure conclusion from them, is not really a method of inference at all. What it professes to do is, in fact, accomplished directly through the instrumentality of sensation".

[1]) См. chapt. VIII, § 4. Ср. chapt. VII, § 3. Chapt. IX. Chapt. X, § 1. Chapt. XXI, § 1.

[2]) Относительно того, насколько въ этомъ случаѣ неудобно прибѣгать къ формуламъ (*ABC—abc*, *BC—bc*), см. *Hughes*, 73—74.

Библиотека "Руниверс"

въ строгомъ смыслѣ совершенное примѣненіе метода совпаденія, и намъ незачѣмъ было бы прибѣгать къ соединенному методу согласія и разницы. *ABC—abc*, а равно и *BC—bc* остается не вполнѣ удостовѣреннымъ. Описанный методъ такимъ образомъ существенно отличается отъ метода разницы, и въ немъ скорѣе можно усматривать расширеніе и усовершенствованіе метода совпаденія [1]).

Въ девятомъ предписаніи Гершель указываетъ, какъ упрощать встрѣчающіеся при изслѣдованіи сложные комплексы явленій и облегчать наведеніе; онъ совѣтуетъ отбрасывать въ наблюденныхъ инстанціяхъ все, что можно дедуктивно объяснить изъ добытыхъ ранѣе выводовъ, чтобы имѣть право сосредоточиваться послѣ этого лишь на разсмотрѣніи остаточныхъ фактовъ. Къ такой операціи мы постоянно прибѣгаемъ: производя научныя наблюденія, мы игнорируемъ обстоятельства, не стоящія въ связи съ изслѣдуемыми явленіями, и въ громадномъ количествѣ случаевъ дѣлаемъ это, опираясь на запасъ имѣющихся у насъ опытныхъ знаній [2]). Но при сознательномъ примѣненіи процессъ вычета можетъ иногда приводить къ новымъ обобщеніямъ. Сосредоточивая свое вниманіе на случаяхъ

---

[1]) Въ правилѣ метода слова „the circumstance in which *alone* the two sets of instances differ" не оправдываются предположеніемъ: „If two or more etc." (см. всю первую половину правила). Юзъ хочетъ свести (*Hughes*, 71—74) описанный способъ изслѣдованія къ методу различія. Но едва ли въ милевскомъ соединенномъ методѣ согласія и разницы „the principle is employed, that a cause cannot be present in the absence of the effect" (p. 73). Положительную посылку мы тутъ выводимъ по обыкновенному методу совпаденія, въ которомъ принятъ иной принципъ исключенія. Что же касается отрицательныхъ случаевъ, то мы пользуемся ими не для того, чтобы вычеркивать изъ числа сопровождающихъ положительные случаи (лучше положительный случай, который мы при процессѣ исключенія принимаемъ за уменьшаемое) обстоятельствъ тѣ, которыя не исчезаютъ вмѣстѣ съ изслѣдуемымъ явленіемъ (правило соединеннаго метода согласія и различія не требуетъ, чтобы въ отрицательныхъ случаяхъ, какъ при методѣ разницы, повторялись всѣ условія, встрѣчающіяся въ положительныхъ, кромѣ изучаемаго явленія). Процессъ выдѣленія въ положительныхъ инстанціяхъ (или избранной положительной инстанціи) несущественныхъ условій уже предполагается во всей его полнотѣ положительною же посылкой. Обозначивъ отсутствіе предшествующаго факта *A* чрезъ *M*, отсутствіе же послѣдуемаго дѣйствія *a* чрезъ *m*, можно было бы сказать, что въ отрицательнымъ случаямъ мы опять прилагаемъ методъ совпаденія, выполняемъ, согласно принципу, положенному въ основу его, операцію исключенія и устанавливаемъ такимъ путемъ необходимую связь между *M* и *m*. Сопоставляя послѣ этого два вывода, мы убѣждаемся, что они подкрѣпляютъ другъ друга.

[2]) Ср. *Rabier*, 134—135.

Библиотека "Руниверс"

этого послѣдняго порядка, Милль хочетъ обратить описанный пріемъ въ методъ опытнаго изслѣдованія [1]).

Истиннымъ видоизмѣненіемъ метода различія является (въ отличіе отъ соединеннаго метода совпаденія и разницы) методъ остатковъ. Правило его, говоритъ Милль, гласитъ: если вычесть изъ явленія ту часть его, относительно которой, благодаря прежнимъ индуктивнымъ заключеніямъ, извѣстно, что она объясняется изъ такихъ-то и такихъ-то причинъ, остатокъ долженъ быть слѣдствіемъ прочихъ условій. Пусть дано *ABC—abc*, и мы знаемъ, что *b* вызывается причиною *B*, а *c* вытекаетъ изъ *C*. Два закона, *B—b* и *C—c*, замѣняютъ отрицательный случай *BC—bc*, который мы при методѣ разницы ставимъ въ параллель съ положительнымъ *ABC—abc*. Но Милль замѣчаетъ, что выводъ, полученный при помощи метода остатковъ, только въ томъ случаѣ подлежалъ бы сомнѣніямъ столь же мало, какъ и обобщенія, построенныя по методу разницы, еслибы намъ удалось удостовѣриться, что *A* за устраненіемъ *BC* представляетъ *единственное* предшествующее, въ которомъ можно видѣть причину *a*. На самомъ же дѣлѣ, мы въ этомъ убѣдились бы развѣ посредствомъ эксперимента, испытавъ *A* отдѣльно (то-есть, обратившись къ методу разницы, какъ его обыкновенно примѣняютъ), или же еслибы мы дедуктивно опредѣлили его дѣйствіе [2]).

Недостаточный анализъ процесса исключенія приводитъ Милля къ неестественному сопоставленію. Трудно видѣть въ методѣ остатковъ модификацію метода различія. Придерживаясь метода разницы, мы вычеркиваемъ условія, которыя встрѣчаются тамъ, гдѣ нѣтъ изслѣдуемаго явленія. Между тѣмъ методъ остатковъ предполагаетъ иной характеръ операціи выдѣленія: мы должны исключить рядъ обстоятельствъ, дѣлая дедуктивные выводы изъ ранѣе построенныхъ обобщеній [3]). Правилами названныхъ двухъ методовъ, утверждаетъ Милль,

---

[1]) Относительно метода остатковъ см. chapt. VIII, § 5. Ср. chapt. IX, §§ 5—6. Chapt. X, § 1. Chapt. XXI, § 1. Ср. также chapt. XIV, § 4.

[2]) Методъ остатковъ, замѣчаетъ Милль, принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ орудій открытія. Онъ нерѣдко приводитъ къ неожиданнымъ результатамъ и къ установленію единообразныхъ связей между такими явленіями, на которыя мы иначе, можетъ быть, и не обратили бы должнаго вниманія. Ср. *Laurie*, 335—336.

[3]) Рабье не обращаетъ вниманія на это различіе и хочетъ свести методъ разницы, а равно и методы согласія и сопутствующихъ измѣненій къ методу остатковъ. Въ послѣднемъ онъ какъ бы усматриваетъ процессъ исключенія въ его чистомъ видѣ. См. стр. 184—185. Ср. *Fonsegrive*, p. 191, 204 seqq.

Библиотека "Руниверс"

инстанціи одинаковаго типа $ABC—abc$ и $BC—bc$. Но и это внѣшнее сходство получается лишь тогда, если искусственно обозначить дедуктивное объясненіе явленій, возникающихъ вмѣстѣ съ изслѣдуемымъ, какъ отрицательный случай $BC—bc$ [1]).

Наконецъ, для метода сопутствующихъ измѣненій [2]) Милль предлагаетъ слѣдующее правило: явленіе, которое какимъ либо образомъ измѣняется, когда въ другомъ явленіи происходятъ перемѣны [3]), представляетъ причину или слѣдствіе послѣдняго или вообще связано съ нимъ какимъ либо фактомъ причиненія. Пусть дано $ABC — abc$ и $A'BC—a'bc$ [4]), при чемъ A' есть не что иное, какъ явленіе A послѣ происшедшаго въ немъ измѣненія и a'—измѣненное a, во всемъ же прочемъ случаи эти сходны между собой. Положимъ, требуется отыскать причину факта a. Измѣненіе дѣйствія наступаетъ не иначе,

---

[1]) Брадлей полагаетъ (340), будто выводъ, полученный по методу остатковъ, былъ бы доказателенъ, только еслибы было извѣстно, что A, B и C въ $ABC—abc$ не могутъ вступить во взаимодѣйствіе. Этотъ методъ (такъ же какъ и остальные три) дѣйствительно не приводитъ къ желанному результату въ случаѣ, когда a вмѣстѣ съ bc представляетъ дѣйствіе, сложившееся по гетеропатическому закону. Нельзя было бы тогда (это предполагается уже самою природою гетеропатическаго закона) опредѣлить причину явленія a, отдѣльно взятаго. Необходимо было бы разсматривать abc, какъ одинъ фактъ, и отыскивать его сложную причину. Но случаемъ составленія причинъ, гдѣ abc—точная сумма слѣдствій, обусловленныхъ A, B и C, возможно при изслѣдованіи по методу остатковъ воспользоваться, вычитая изъ abc одно за другимъ слѣдствія явленій B и C. Что же касается самаго различія между составленіемъ причинъ и гетеропатическимъ закономъ, то Милль, повидимому, думаетъ, что опредѣлить характеръ каждаго отдѣльнаго случая совмѣстнаго дѣйствія не представляется затрудненій. Лори (335—336) говоритъ относительно метода остатковъ: „In the illustrative formula, we are invited to begin with the antecedents ABC, *known to be causally connected* with the consequents abc". А потому у него и выходитъ, будто „the induction here lies wholly in the inferences which are presupposed".

[2]) Относительно этого метода см. chapt. VIII, §§ 6—7. Ср. chapt. VI, § 3. Chapt. IX. Chapt. X, § 1. Chapt. XXI, § 1.

[3]) Милль имѣетъ въ виду не только измѣненія чисто количественныя, но и перемѣны „in some of its (sc. of a thing) variable relations to other things, of which variable relations the principal is its position in space" (§ 6). Онъ приводитъ въ примѣръ выводъ относительно вліянія луны на морскіе приливы, а также заключеніе касательно земной планеты, какъ причины колебаній маятника.

[4]) Для метода сопутствующихъ измѣненій Милль не даетъ формулъ. Факты, на которые при изслѣдованіяхъ по этому методу опирается нашъ выводъ, нерѣдко вливаются въ схемы: $ABC—aBC$ и $A'BC—a'BC$.

Библиотека "Руниверс"

какъ при измѣненіи причины. А потому можно считать случайнымъ всякое обстоятельство, которое остается неизмѣннымъ, когда мѣняется данное сходство *a*. Выдѣляя на этомъ основаніи *BC* изъ *ABC*, мы приходимъ къ заключенію, что *A* служитъ причиною *a*. Такимъ же образомъ, протекаетъ изслѣдованіе, если дѣло идетъ о слѣдствіи обстоятельства *A*. Въ случаяхъ, гдѣ измѣненіе причины *A* вообще сопровождается измѣненіемъ послѣдующихъ фактовъ, оно обусловливаетъ измѣненія дѣйствія. Изъ *abc* исключаемъ *bc*, ибо ни *b*, ни *c* не измѣняется при перемѣнахъ въ *A*; выдѣленіе приводитъ насъ къ выводу, что *a* есть слѣдствіе разсматриваемаго явленія *A*.

Описаннаго процесса Милль не анализируетъ. Онъ только замѣчаетъ, что обстоятельства (*BC* и *bc*), сопровождающія изслѣдуемое явленіе, должны оставаться неизмѣнными при его измѣненіяхъ; самый параллелизмъ измѣненій мы доказываемъ, говоритъ онъ по методу различія. Милль при этомъ настаиваетъ, что методъ сопутствующихъ измѣненій не предполагаетъ новой аксіомы, будто измѣненіе причины сопровождается измѣненіемъ дѣйствія; мысль эта, утверждаетъ онъ, оправдывается лишь въ большинствѣ случаевъ причиненія. Въ замѣнъ того Милль выдвигаетъ общее положеніе которое, на самомъ дѣлѣ, есть не что иное, какъ правило метода, выраженное (недостаточно подробно и недостаточно ясно) примѣнительно къ случаямъ, когда изслѣдуютъ причину даннаго дѣйствія: обстоятельство, за измѣненіями котораго наступаютъ измѣненія другаго обстоятельства (подразумѣвается, что всѣ прочія предшествующія и послѣдующія явленія остаются при этомъ неизмѣнными), должно быть причиною послѣдняго (или стоять въ связи съ причиною его). Справедливость такого основоположенія, добавляетъ нашъ мыслитель, очевидна, ибо, если вещь не оказываетъ вліянія на данное слѣдствіе, то и перемѣны въ ней не могутъ его видоизмѣнять. Рѣзкой границы между разсмотрѣніемъ причинъ и опредѣленіемъ дѣйствій Милль при разсужденіяхъ о методѣ сопутствующихъ измѣненій, вопреки своему обыкновенію, не проводитъ. Выставленное правило метода предполагаетъ между прочимъ и случаи, когда явленіе, измѣняющееся вмѣстѣ съ другимъ, *связано съ нимъ лишь нѣкоторымъ фактомъ причиненія*. Наблюдая параллельныя измѣненія, мы, поясняетъ онъ, заключаемъ, что *A* есть причина *a* или же его дѣйствіе или, наконецъ, оба явленія *A* и *a* представляютъ слѣдствія общей причины. При помощи метода сопутствующихъ измѣненій нельзя рѣшить, которое изъ этихъ предположеній слѣдуетъ избрать. Надо попробовать,

Библиотека "Руниверс"

измѣняя A, вызвать перемѣны въ a и, наоборотъ, вліяя на a, видоизмѣнять A. Эксперименты можно, впрочемъ, при этомъ, какъ и всегда, замѣнить отысканіемъ готовыхъ комплексовъ явленій [1]).

Разсматриваемый методъ (указываетъ Милль) употребляется преимущественно въ случаяхъ, когда изслѣдуютъ явленіе, которое всюду возникаетъ въ связи съ какимъ либо другимъ явленіемъ или окруженное опредѣленными условіями, такъ что методовъ согласія и различія примѣнить нельзя. Тепло, напримѣръ, всегда принадлежитъ какому либо тѣлу, и, съ другой стороны, никакое тѣло нельзя лишить всего заключеннаго въ немъ тепла. Единственный примѣнимый въ подобныхъ случаяхъ способъ изслѣдованія,—методъ сопутствующихъ измѣненій, и приводитъ насъ къ выводу, что однимъ изъ слѣдствій тепла является расширеніе тѣла. При помощи этого метода мы придаемъ открываемымъ законамъ количественную опредѣленность и вообще получаемъ квантитативные выводы. Случаи $ABC — abc$, $A_1BC — a_1bc$, $A_2BC — a_2bc$ и пр. даютъ намъ нерѣдко возможность установить общее правило относительно того, какъ измѣняется a количественно вмѣстѣ съ A [2]).

---

[1]) Первыя два опредѣленія возможно выставить одно рядомъ съ другимъ, только если измѣненія въ A не отдѣляются сколько нибудь замѣтнымъ промежуткомъ времени отъ перемѣнъ въ a (большей частью факты укладываются тогда въ схемы: $ABC—aBC$, $A'BC—a'BC$). Указываемое Миллемъ испытаніе посредствомъ эксперимента имѣетъ значеніе лишь въ случаяхъ этого порядка, весьма, правда, частыхъ (экспериментъ даетъ намъ инстанціи $ABC—abc$, $A'BC—a'bc$).

[2]) Когда наведеніе основано просто на сходствѣ двухъ или нѣсколькихъ случаевъ, и описанные методы опытнаго изслѣдованія почему либо не приложены, его можно назвать заключеніемъ по аналогіи. См. chapt. XX. Законъ причинности едва ли можетъ служить опорою для вывода часто количественнаго характера. Утверждая, что A связано съ a, мы ссылаемся на этотъ принципъ; но онъ не поможетъ намъ доказать частнѣе, что a, положимъ, пропорціонально квадрату A. Въ виду этого a priori понятно замѣчаніе Милля, что количественный выводъ нельзя распространить на случаи, лежащіе внѣ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ производятся наблюденія. Однако, квантитативныя заключенія все же предполагаютъ единообразіе и порядокъ въ явленіяхъ. Они опираются на нѣкоторый отвлеченный принципъ (который и надлежало бы точнѣе опредѣлить). Отсюда, съ другой стороны, a priori объясняется указанный Миллемъ фактъ, что количественныя обобщенія обыкновенно оправдываются, пока дѣло идетъ о случаяхъ, лежащихъ въ серединѣ между крайними изъ инстанцій, которыя послужили основаніемъ для вывода. Геймансъ хочетъ свести методъ сопутствующихъ измѣненій въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ методу разницы, въ другихъ же къ соединенному методу совпаденія и различія. *G. Heymans*, Die Gesetze und Elemente d. wissensch. Denkens. 1890—1894, Bd. II, p. 319—323. Противъ метода сопутствующихъ измѣне-

Библиотека "Руниверс"

Опытныя изслѣдованія въ значительной мѣрѣ осложняются, говоритъ Милль, фактомъ множественности причинъ, а равно и смѣшеніемъ дѣйствій. Ученіе о методахъ какъ бы предполагаетъ, будто каждое слѣдствіе *a* можетъ имѣть своею причиной лишь одно какое либо явленіе (или одну совокупность явленій) *A* и, будто, съ другой стороны, всякое дѣйствіе наступаетъ незатѣненнымъ, внѣ связи съ другими слѣдствіями, которыя нерѣдко его видоизмѣняютъ, умаляютъ и даже совершенно уничтожаютъ или, будучи съ нимъ однородны, сливаются въ большее цѣлое [1]).

П. Лейкфельдъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ній Брадлей приводитъ (стр. 340) такія же возраженія, какъ и противъ метода остатковъ. О затрудненіяхъ, какія каждый разъ представляются при процессѣ исключенія, по какому бы то методу изслѣдованіе ни протекало, см. *Rabier*, 135—137. Зигвартъ указываетъ (Logik, II, 469 seqq.) затрудненія, къ которымъ приводитъ миллевское ученіе о методахъ (особенно о методѣ совпаденія), главнымъ образомъ вслѣдствіе неопредѣленности лежащаго въ основѣ его понятія о причинѣ. Брадлей стремится показать (стр. 332—337), будто мы, примѣняя миллевскіе методы, оперируемъ не надъ отдѣльными фактами, а надъ инстанціями въ беконовскомъ смыслѣ, надъ видами случаевъ или даже, какъ онъ выражается, надъ общими положеніями, извлеченными изъ матеріала. Но каковы бы ни были приводимые Миллемъ примѣры опытнаго изслѣдованія (на нихъ-то Брадлей и сосредоточиваетъ свое вниманіе), и какъ бы ни протекало *обыкновенно* индуктивное доказательство, по правиламъ „Системы логики“ построенное, оно едва ли можетъ потерять силу, если ссылаться на соотвѣтствующіе формуламъ единичные факты, а не „инстанціи“. Описывая „исключеніе“, Брадлей говоритъ далѣе: „By removing one part of an ideal construction you establish the remainder. And hence the result will be more abstract than the whole originadatum, but it need not be more abstract than some of the premises; on the contrary it may be less so“ (p. 337). И вотъ онъ приходитъ къ крайнему заключенію, что процессъ, охарактеризованный у Милля въ его ученіи о методахъ, вовсе не есть индукція. Стр. 332, 337—338. Ср. стр. 338—342, 383.

[1]) Chap. X, § 1.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. М. Коркуновъ. Пропорціональные выборы. С.-Пб. 1896 г.

Передъ нами новая работа профессора Петербургскаго университета Н. М. Коркунова: „Пропорціональные выборы" (С.-Пб., 1896 г.). Нельзя не отдать полной справедливости неутомимому трудолюбію и энергіи почтеннаго профессора; онъ внимательно слѣдитъ за движеніемъ политической жизни и науки публичнаго права и каждый разъ умѣетъ выбрать для изслѣдованія предметъ жизненный и важный. Еще недавно онъ основательно разработалъ (1894 г.) вопросъ объ отношеніи указа и закона, то-есть, о предѣлахъ и образѣ дѣйствій власти административной и законодательной,—вопросъ, возбуждавшій столько сомнѣній и столкновеній въ политической жизни Западной Европы и привлекающій до настоящаго времени умы лучшихъ публицистовъ и политиковъ. Общее свойство всѣхъ трудовъ г. Коркунова—близкое знакомство съ иностранною научною литературою и стремленіе къ самостоятельной обработкѣ предмета; даже въ свой курсъ русскаго государственнаго права, который, по условіямъ преподаванія, долженъ подчиняться установившимся основаніямъ и систематикѣ, онъ успѣлъ внести самобытность въ группировку предмета и объясненіе многихъ вопросовъ, напримѣръ, о самодержавіи (значеніи выраженій неограниченный и самодержавный). порядкѣ русскаго престолонаслѣдія, способахъ установленія подданства. группировкѣ сословій, правѣ ходатайствъ дворянскихъ собраній, правѣ законодательнаго почина, обнародованіи и формѣ законовъ и многіе др. Правда, не всегда построенія и комментаріи г. Коркунова удачны и вѣрны, но заслуга автора въ томъ, что онъ критически относится

Библиотека "Руниверс"

къ признаннымъ доктринамъ, освѣщаетъ предметъ разносторонне и будитъ духъ научнаго изслѣдованія.

Въ своей новой монографіи „Пропорціональные выборы“ г. Коркуновъ изслѣдуетъ вопросъ важный и, можно сказать, наболѣвшій въ современной политической жизни государствъ, пользующихся представительною системою. Еще Милль замѣтилъ, что „хотя могутъ быть народы и случаи, гдѣ другія формы правленія предпочтительнѣе, но что коль скоро въ народѣ закончился воспитательный политическій процессъ, утвердилось сознаніе политическаго единства и общихъ цѣлей, сгладилась сословная рознь и борьба интересовъ различныхъ частей населенія, то представительная система является лучшею и наиболѣе обезпечивающею порядокъ управленія и развитіе общества“ (Gouvern. représ., ch. IV).

Но истинное представительство должно выражать общество въ его жизненномъ видѣ, заключать въ себѣ все разнообразіе національныхъ силъ и интересовъ, обозначать „какъ горы, такъ и долины общественнаго строенія“, словомъ воспроизводить въ миніатюрѣ дѣйствительныя и полныя мнѣнія и желанія страны. Какъ достигнуть этого? на какихъ основахъ и какимъ способомъ найдти такой составъ представителей, который далъ бы равномѣрное мѣсто всѣмъ обнаружившимся соціальнымъ силамъ и заключалъ бы лучшихъ людей страны? Цензъ имущественный оказался неполнымъ и несправедливымъ, такъ какъ имущество само по себѣ не обезпечиваетъ индивидуальныхъ качествъ, не даетъ мѣры духовныхъ интересовъ общества; къ тому же имущество, капиталъ представляютъ лишь приложеніе и накопленіе человѣческаго труда, а потому люди труда, хотя бы и неимущіе, заслуживаютъ также участія въ представительствѣ; въ исторіи даже богатой Англіи было не мало примѣровъ высоко-даровитыхъ государственныхъ людей, не имѣвшихъ собственныхъ независимыхъ средствъ (Питтъ). Распредѣленіе представительства по размѣру налоговъ, хотя по виду казалось болѣе справедливымъ, ибо выражало собою исполненіе бремени обязанностей по отношенію къ государству, оказалось въ существѣ также несостоятельнымъ, такъ какъ къ недостаткамъ вообще имущественнаго ценза присоединило произвольное и случайное раздѣленіе избирателей на платежные разряды, прилагая къ разнымъ округамъ и общинамъ различную мѣрку, такъ что лица, находившіяся въ одной общинѣ въ 1-мъ разрядѣ, оказывались въ сосѣдней въ 3-иъ или 2-мъ.

Столь же шаткимъ и слабымъ оказалось представительство по

Библиотека "Руниверс"

образованію и способностямъ: слишкомъ высокій образовательный цензъ лишаетъ массу населенія избирательныхъ правъ; слишкомъ низкій—призываетъ къ урнѣ массу неразвитую и неспособную. Но наиболѣе крупными недостатками страдаетъ система территоріальная, раздѣляющая избирателей по округамъ, и недостатки эти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ уже участки. Населеніе округа всегда исполнено мѣстныхъ и кружковыхъ интересовъ, не въ состояніи возвыситься до пониманія общихъ государственныхъ задачъ; территоріальная группировка насильственно и ложно соединяетъ въ общія группы людей, различныхъ по направленію, интересамъ, не знающихъ другъ друга, и увеличиваетъ число избирателей, остающихся безъ представителей. Особенно неудовлетворительна участковая система по отношенію къ городамъ, и при томъ большимъ, гдѣ развитъ профессіональный трудъ, и гдѣ люди, живущіе на одной улицѣ и даже въ одномъ домѣ, не знаютъ другъ друга и не могутъ судить о годности избираемыхъ представителей. Опытъ показалъ, что участковая система открываетъ просторъ для мѣстныхъ интригъ, успѣха кружковыхъ политикановъ и понижаетъ уровень представителей.

Въ виду недостатковъ указанныхъ избирательныхъ основъ въ послѣднее время обратили вниманіе на распредѣленіе избирателей по соціальнымъ группамъ, по естественнымъ развѣтвленіямъ людей, соединенныхъ единствомъ положенія, профессій, цѣлей; только группы, одушевленныя общею жизнью и разумѣніемъ, въ состояніи оцѣнивать своихъ кандидатовъ, бороться съ политиканами и не допускать интригъ и подкупа.

Соціальный прогрессъ всегда сопровождается группировкою населенія; чѣмъ развитѣе и здоровѣе общество, тѣмъ болѣе въ немъ общественныхъ союзовъ, сосредоточивающихъ силу знанія, труда и охраняющихъ отдѣльныхъ лицъ отъ слабости, бремени и бѣдъ изолированой жизни. Въ современной Западной Европѣ и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ каждая разумная и живая сила общества стремится организоваться въ особыя ассоціаціи, для большаго успѣха своей дѣятельности и огражденія себя отъ вліянія противоположныхъ элементовъ. Было бы въ высшей степени важно воспользоваться такою естественною и свободною группировкою населенія и основать на ней политическое представительство; это замѣчено было еще въ 40-хъ годахъ Сисмонди, и съ тѣхъ поръ все больше является сторонниковъ организаціи выборовъ по соціальнымъ группамъ и союзамъ (Моль, Блунчли, въ особенности Принцъ и др.). Какъ, однако, ни

Библиотека "Руниверс"

привлекательно такое основаніе представительства, осуществленіе его представляетъ едва ли одолимыя затрудненія. Прежнія историческія и юридическія группы разрушились, на мѣстѣ ихъ возникли другія, и постоянно образуются новыя; при свободѣ профессій, при быстротѣ современнаго движенія жизни и интересовъ, непрерывно мѣняется группировка населенія; деревенскіе жители стремятся въ городъ, городскіе промыслы разсѣиваются по окрестнымъ деревнямъ; одни и тѣ же лица часто мѣняютъ свои занятія или одновременно принадлежатъ къ различнымъ сферамъ и трудятся на различныхъ поприщахъ. При такихъ условіяхъ крайне трудно и даже невозможно слѣдить за непрерывными общественными образованіями и своевременно измѣнять избирательную группировку населенія.

Къ недостаткамъ всѣхъ испытанныхъ избирательныхъ системъ присоединяются еще болѣе серьезные недостатки способовъ избранія представителей. При всѣхъ системахъ единственно возможный способъ представляется въ избраніи посредствомъ большинства голосовъ. Но что такое большинство каждаго собранія? Перевѣсъ половины голосовъ плюсъ одинъ, два и т. д., удостовѣряющій численное преобладаніе извѣстной партіи или кружка и не дающій гарантій качествъ избранныхъ. Но извѣстно, что число лицъ, взятое само по себѣ, не выражаетъ всѣхъ реальныхъ силъ общества: имущества, промысловъ, капитала, труда, образованія, права, науки, политики; извѣстно также, что умственное развитіе составляетъ удѣлъ немногихъ, массы же отличаются посредственностью способностей, отсутствіемъ разумѣнія высшихъ задачъ культуры и, угнетенныя нуждою, легко дѣлаются жертвами обмановъ и подстрекательствъ.

Недостатки эти обнаруживаются тѣмъ сильнѣе и полнѣе, чѣмъ болѣе понижаются избирательные цензы, и расширяются круги избирателей. Въ настоящее время, когда почти по всей Западной Европѣ и Америкѣ утвердилось suffrage universel, и массы призываются къ избирательной урнѣ, уровень избирателей и ихъ представителей видимо понизился; образовался классъ профессіональныхъ политикановъ, спеціальность которыхъ заключается въ умѣніи подстрекать толпу, въ искусствѣ собиранія голосовъ. Выборная агитація приняла такой характеръ, что лучшіе и достойнѣйшіе люди сами устраняются отъ участія въ выборахъ, и предлагаютъ себя въ депутаты худшіе элементы, готовые подчиняться всякимъ условіямъ и программамъ. Депутаты, избранные подобнымъ образомъ, забываютъ свое назначеніе—охранять и развивать общественные интересы. Въ 80-хъ годахъ

Библиотека "Руниверс"

бывшій министръ финансовъ Франціи Л. Сэ высказалъ: „какое странное зрѣлище представляетъ страна, посылающая такихъ депутатовъ, которые выполняютъ роль агентовъ, подстрекающихъ къ увеличенію расходовъ. Какъ бы измѣнилось общественное мнѣніе, еслибы только оно поняло, что эти подстрекательства увеличиваютъ налоговое бремя, возрастающее съ непомѣрною быстротою, единственно подъ вліяніемъ партійныхъ цѣлей, безъ всякаго соображенія съ потребностями и силами страны"!

Сверхъ указаннаго, выборы по простому большинству имѣютъ и другіе существенные недостатки: во-первыхъ, они лишаютъ малочисленныя партіи всякаго представительства; такія партіи, зная напередъ недостаточное число своихъ голосовъ и не желая терпѣть вѣрной неудачи, сами устраняются отъ выборовъ; бывали нерѣдко примѣры, особенно во Франціи, Италіи, когда къ избирательнымъ урнамъ являлось не болѣе 40, 45% общаго числа избирателей; во-вторыхъ, при раздробленіи въ округахъ населенія на нѣсколько партій (а это бываетъ постоянно), нерѣдко случается, что побѣдившее большинство составляетъ въ сущности меньшинство избирателей; въ то же время, малочисленныя партіи, разсѣянныя по разнымъ округамъ, при соединеніи ихъ въ одну группу, обладаютъ числомъ голосовъ, превосходящимъ число побѣдившей партіи. Такимъ образомъ, обнаружилось, что избранное представительство не только устраняетъ и подавляетъ разсѣянное меньшинство, но и само по себѣ не выражаетъ мнѣній и желаній страны. Зло это было замѣчено довольно скоро, и противъ него предлагали различныя мѣры; такова система ограниченнаго (vote limité) и собирательнаго (vote cumulatif) голосованія; первая состояла въ томъ, что при назначеніи для округа извѣстнаго числа представителей (4, 5 и т. п.) каждому избирателю представляется право участвовать въ избраніи не всѣхъ, а только части депутатовъ (напримѣръ, 2, 3-хъ); вторая—предоставляла каждому избирателю столько голосовъ, сколько требовалось избрать въ округѣ депутатовъ, но давала ему право раздѣлить свои голоса между нѣсколькими кандидатами или подать всѣ за одного и того же. Эти мѣры испытаны были въ Англіи, Италіи, Испаніи, Португаліи и дѣйствительно оградили нѣсколько партіи меньшинства, но сопровождались трудностями въ исполненіи, не устраняли интригъ и обмановъ и главное не обезпечивали каждой партіи соотвѣтственнаго представительства; вслѣдствіе этого было предложено избраніе на основаніи пропорціональной силы партіи. Начало пропорціональности заключается въ томъ, что пред-

Библиотека "Руниверс"

ставителей получаетъ не одна только группа избирателей, располагающая большинствомъ, но всѣ группы, достигающія извѣстной численности. Для этого опредѣляется впередъ число голосовъ, требуемое для избранія представителя, и каждая партія набираетъ депутатовъ, сообразно своему численному составу.

Идея пропорціональности выборовъ въ послѣднюю половину XIX вѣка пріобрѣтаетъ все болѣе сторонниковъ; разработкѣ ея посвящаютъ свои усилія публицисты и политики; въ большинствѣ законодательныхъ собраній были сдѣланы предложенія о принятіи этой системы, а въ нѣкоторыхъ странахъ она даже введена въ дѣйствіе, такъ въ Даніи, Сербіи, Буэносъ-Айресѣ, въ Швейцарскихъ кантонахъ: Женевѣ, Невшателѣ, Золотурнѣ, Тессинѣ; оказывается, что въ 60-хъ годахъ, когда обсуждался у насъ вопросъ о порядкѣ избранія губернскихъ гласныхъ, она была предложена гр. М. Корфомъ, но не нашла себѣ поддержки, хотя мотивы, въ силу которыхъ онъ желалъ введенія ея, оправдались впослѣдствіи.

Вопросу о системѣ пропорціональныхъ выборовъ посвящаетъ свой интересный трудъ и Н. М. Коркуновъ; при чемъ авторъ замѣчаетъ, что „въ русской литературѣ предметъ этотъ остается почти вовсе не замѣченнымъ; Градовскій говорилъ о немъ на лекціяхъ, но зналъ только систему Гэра и Андрэ и высказался противъ замѣны начала большинства началомъ пропорціональности“ (стр. 53). Замѣчаніе это едва ли справедливо; русскіе читатели давно ознакомились съ этою системою по переводу извѣстной монографіи Дж. Ст. Милля „Размышленія о представительномъ правленіи“, получившей у насъ широкое распространеніе; затѣмъ объ избирательныхъ системахъ вообще и въ частности о пропорціональной системѣ изложено въ трудѣ Б. Н. Чичерина „О народномъ представительствѣ“ [1]). Г. Коркуновъ высказывается рѣшительно въ пользу пропорціональныхъ выборовъ, находя, что только они способны осуществить идею представительства всего народа, а не одной преобладающей партіи. Пропорціональная система не соединяетъ въ принудительныя группы людей противоположныхъ положеній и интересовъ, не заставляетъ ихъ участвовать въ такихъ собраніяхъ, гдѣ они впередъ обречены на пораженіе, она открываетъ из-

[1]) Позволимъ себѣ замѣтить, что и въ нашей монографіи „Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка“ (1890) вся IX глава посвящена вопросу о всеобщемъ голосованіи и охраненіи правъ меньшинства посредствомъ различныхъ избирательныхъ системъ, въ томъ числѣ и пропорціональной.

Библиотека "Руниверс"

бирателямъ путь къ свободной и сознательной группировкѣ по общности воззрѣній и солидарности цѣлей; она устраняетъ деспотизмъ большинства, господство темныхъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціональная система не лишаетъ большинства должнаго преимущества, ибо даетъ ему соотвѣтственно большее число представителей. Но въ самой палатѣ преобладаніе будетъ имѣть не большинство одной партіи, а тѣхъ представителей, которые сойдутся между собою въ направленіи и разумѣніи государственнаго управленія. Правда, и пропорціональные выборы имѣютъ свои недостатки: они даютъ мѣсто только тѣмъ партіямъ, которыя достаточно распространены, достигли числа, требуемаго для права представительства; кружки немногочисленные, индивидуальные оттѣнки мнѣній и интересовъ не найдутъ себѣ доступа въ представительныя собранія. Подобный недостатокъ неизбѣженъ при каждой избирательной системѣ; устранить его возможно только при замѣнѣ представительной палаты общимъ собраніемъ народа; но въ нынѣшнихъ обширныхъ и сложныхъ государствахъ это неисполнимо, да едва ли и принесло бы пользу, такъ какъ массы всегда отличаются слабостью умственнаго развитія, неспособностью къ критикѣ и прогрессивнымъ реформамъ.

Противники пропорціональной системы выборовъ указываютъ, будто бы она противорѣчитъ началу единства народнаго представительства, будто бы депутаты, избранные по пропорціональной системѣ, являются представителями не всего народа, а только избравшей ихъ партіи, и такимъ образомъ пропорціональное представительство знаменовало бы собою возвратъ къ сословнымъ собраніямъ среднихъ вѣковъ. Г. Коркуновъ совершенно основательно возражаетъ, что пропорціональная система нисколько не колеблетъ общенароднаго характера представительства, не даетъ права партіямъ и кружкамъ снабжать своихъ депутатовъ инструкціями, наказами, отзывать ихъ до истеченія срока полномочій, въ случаѣ недовольства ихъ дѣятельностью въ палатахъ. Пропорціональная система измѣняетъ только порядокъ выборовъ, а не значеніе депутата; при томъ же при выборахъ по большинству избиратели группируются также по партіямъ, округамъ, но это не нарушаетъ основного характера представительства. Все различіе между выборами по простому большинству одной партіи и по пропорціональному отношенію всѣхъ партій заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ является однородный составъ собранія, мало способный къ всестороннему, безпристрастному обсужденію вопросовъ, еще менѣе склонный къ контролю надъ своимъ министер-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ, а иногда и противорѣчащій настроенію страны; во второмъ же — каждая жизненная и достаточно развившаяся народная сила даетъ соотвѣтственное число представителей, которые, при обмѣнѣ мыслей и взаимномъ контролѣ, выражаютъ истинные интересы и направленіе большинства населенія. Противники пропорціональной системы утверждаютъ еще, что выборы по большинству ведутъ скорѣе и вѣрнѣе къ избранію достойнѣйшихъ, такъ какъ достигнуть избранія въ обширномъ и разнообразномъ кругѣ избирателей могутъ только выдающіеся дѣятели, стоящіе выше розни массъ; напротивъ пропорціональные выборы въ мелкихъ солидарныхъ кружкахъ дадутъ не лучшихъ и даровитыхъ, а болѣе вѣрныхъ сторонниковъ группы, и чѣмъ малочисленнѣе кружокъ, тѣмъ болѣе будутъ сильны въ немъ партійныя, личныя соображенія. Опытъ показалъ, однако, что это невѣрно, говоритъ г. Коркуновъ. И дѣйствительно сильное и хорошо сплоченное большинство, увлекаемое своимъ могуществомъ и вѣрною побѣдою, руководится только партійными цѣлями и стремится избрать своего, хотя бы и ничтожнаго кандидата; чѣмъ достойнѣе и даровитѣе враждебный соперникъ, тѣмъ онъ непріятнѣе и опаснѣе большинству. Между тѣмъ какъ группы избирателей, соединенныхъ солидарностью интересовъ и воззрѣній, сознающія свои цѣли и положеніе, близко знакомыя съ личнымъ своимъ составомъ, въ состояніи вѣрнѣе оцѣнить способность кандидатовъ и для своего собственнаго успѣха пожелаютъ избрать наиболѣе достойнаго и надежнаго представителя. Самая раздробленность и мелочность пропорціональныхъ выборовъ вовсе не обусловливаютъ раздробленности парламентскаго представительства. Во Франціи, гдѣ до сихъ поръ господствуютъ выборы по большинству, раздробленность парламентскихъ партій, вызывающая неустойчивость министерствъ и управленія, достигла крайнихъ предѣловъ. Дѣло въ томъ, что при выборахъ по большинству сплоченность и численность партій обнаруживаются только во время выборовъ; затѣмъ избранные депутаты, освободившись отъ своихъ политиковъ и не связанные реальными интересами съ своими избирателями, дробятся на партіи, смотря по своимъ личнымъ цѣлямъ и соображеніямъ. Напротивъ, при пропорціональныхъ выборахъ замѣчается раздробленность только во время выборовъ, а затѣмъ избранные представители, слабые сами по себѣ, но сильные въ единеніи, для успѣха своего призванія должны группироваться въ прочныя партіи, руководимыя сродствомъ направленія и общими интересами всего государства.

Библиотека "Руниверс"

Какъ видно изъ изложеннаго, идея пропорціональныхъ выборовъ имѣетъ рѣшительныя преимущества, и, безъ сомнѣнія, ей принадлежитъ будущность въ послѣдующемъ развитіи представительнаго порядка. Гораздо менѣе разработанъ вопросъ о наилучшемъ способѣ примѣненія этой идеи на дѣлѣ. Съ 40-хъ годовъ публицисты предлагаютъ разные способы и планы для ея осуществленія, но ни одинъ изъ нихъ не достигъ достаточной провѣрки и признанія; г. Коркуновъ обратилъ особенное вниманіе на эти планы и весьма основательно и остроумно изслѣдуетъ достоинства и недостатки каждаго.

Наиболѣе отчетливые и полные проекты были выработаны и предложены въ 1846 г. швейцарцомъ В. Консидераномъ (Exposition de l'élection véridique) и въ 1850 г. бразильскимъ публицистомъ Н. Кавальканти. Оба они основали свои планы на предварительномъ опредѣленіи общаго числа депутатовъ, на дѣленіи числа голосующихъ на число подлежащихъ избранію представителей и на признаніи избранными тѣхъ, кто получилъ большинство по списку кандидатовъ данной партіи (Консидеранъ) или по порядку подсчета избирательныхъ бюллетеней (Кавальканти). Затѣмъ въ 1850 же году была предложена датчаниномъ Андра система, довольно сходная съ планомъ Кавальканти и важная въ томъ отношеніи, что она была введена въ Даніи декретомъ 2-го октября 1855 г. и дѣйствуетъ по настоящее время, хотя и обнаружила нѣкоторые недостатки. Наиболѣе обширное и научное изслѣдованіе основаній, способовъ и порядка производства пропорціональныхъ выборовъ принадлежитъ извѣстному Гэру (1857 г. и 1859 г.), идеи котораго сложились самостоятельно, хотя система его сходна съ планомъ Андрэ; трудъ Гэра, по мнѣнію проф. Коркунова, „есть самое обстоятельное, полное глубокихъ объясненій и доказательствъ изслѣдованіе, посвященное этому вопросу".

Книга Гэра, несмотря на свои достоинства, получила, однако, распространеніе и вліяніе только съ тѣхъ поръ, когда С. Милль, горячій защитникъ индивидуальной свободы и правъ меньшинства, принялъ ее подъ свое авторитетное покровительство и сталъ убѣждать и настаивать на введеніи его системы въ дѣйствіе; въ 1867 г. онъ предложилъ ее англійскому парламенту, а затѣмъ такія же предложенія были повторены Морриссономъ (1872 г.) и Бленнергассетомъ (1878 г.); одновременно подобныя предложенія были сдѣланы во Франціи, Бельгіи, Италіи, Швеціи и др. странахъ, но пока не имѣли успѣха, такъ какъ встрѣчали нерасположеніе со стороны большинства, опасавшагося за свое преобладаніе.

Библиотека "Руниверс"

Новѣйшіе планы пропорціональныхъ выборовъ предложены бельгійцемъ д'Ондтомъ (1882 г.), Гагенбахомъ (1886) и Керномъ (1893 г.); планъ Гагенбаха г. Коркуновъ признаетъ „удобнымъ и доступнымъ каждому, умѣющему считать". Всѣ, однако, предложенные планы страдаютъ тѣмъ, что не вполнѣ устраняютъ преобладаніе большинства и усиливаютъ представительство крупныхъ группъ за счетъ мелкихъ, численность которыхъ меньше избирательнаго знаменателя. Происходитъ это оттого, что число избираемыхъ депутатовъ опредѣляется напередъ, независимо отъ степени партійной раздробленности избирателей. Для устраненія этого недостатка германскій юристъ О. Беръ предложилъ (1892 г.) отказаться вовсе отъ опредѣленія напередъ числа депутатовъ, такъ чтобы оно измѣнялось, смотря по возрастанію или умаленію партійной раздробленности; для ослабленія же господства темныхъ массъ Беръ рекомендуетъ дать избирателямъ, обладающимъ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ. по нѣсколько голосовъ, какъ это принято въ Белгіи; свой планъ Беръ предложилъ для организаціи выборовъ въ германскій рейхстагъ. Г. Коркуновъ полагаетъ, что упраздненіе назначенія постояннаго числа депутатовъ и колебаніе численности представительнаго собранія нисколько не нарушаетъ начала пропорціональности и вполнѣ соотвѣтствуетъ настроенію и задачамъ общества. Когда понижается уровень общественной жизни, когда обществомъ овладѣваютъ мелкіе вопросы и интересы,—является раздробленность партій, и уменьшается число представителей,—которое, однако, достаточно для разрѣшенія второстепенныхъ дѣлъ; когда же происходитъ подъемъ общественной жизни, выдвигаются крупные вопросы, привлекающіе къ себѣ вниманіе населенія, раздробленность партій уменьшается, число представителей возрастаетъ,—и это необходимо для основательнаго обсужденія важныхъ вопросовъ. Едва ли, однако, объясненіе проф. Коркунова справедливо; мы опасаемся именно обратныхъ результатовъ: при упадкѣ общественной жизни, раздробленности партій и малочисленности представителей,—послѣдніе будутъ неспособны сойдтись и вести даже мелкое дѣло; напротивъ, при подъемѣ общественнаго духа, возрожденіи крупныхъ вопросовъ, затрогивающихъ основные интересы населенія, народные представители, побуждаемые настроеніемъ всего общества, поймутъ необходимость соглашенія и найдутъ силы даже въ своемъ маломъ составѣ разрѣшить назрѣвшіе важные вопросы.

Признавая пропорціональную систему выборовъ лучшею и наиболѣе соотвѣтственною для политическаго представительства, г. Кор-

Библиотека "Руниверс"

куновъ находитъ ее рѣшительно необходимою и безупречною для выборовъ въ подготовительныя комиссіи, призываемыя къ всестороннему обсужденію отдѣльныхъ вопросовъ, и особенно для мѣстнаго самоуправленія, гдѣ требуется не столько единство, сколько полнота представительства. Автономная жизнь мѣстныхъ единицъ основана на разнообразіи мѣстныхъ интересовъ и особенностей; государственная власть не можетъ допустить, чтобы въ мѣстной жизни были подавлены какіе либо интересы въ пользу одного, возобладавшаго случайно. Весь механизмъ мѣстнаго самоуправленія созидается на постоянномъ взаимодѣйствіи общихъ государственныхъ задачъ и мѣстныхъ особенностей, а не на оппозиціи и контролѣ чередующихся въ управленіи партій. Мѣстное представительство, говоритъ г. Коркуновъ, не служитъ, подобно политическому, самостоятельною опорою государственной власти; органы мѣстнаго союза дѣйствуютъ по уполномочію государственной власти, опираясь въ своей дѣятельности на ея авторитетъ, черпая свою силу и единство у правительства.

Вполнѣ признавая, что въ мѣстномъ представительствѣ самое главное заключается въ охраненіи и развитіи всѣхъ разнообразныхъ мѣстныхъ интересовъ, и что лучшее средство для достиженія этой цѣли представляютъ пропорціональные выборы, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы мѣстное самоуправленіе исполняло одну служебную роль, чтобы оно опиралось только на авторитетъ государственной власти, заимствуя у нея свое единство и силу. Безъ сомнѣнія, мѣстное самоуправленіе есть организація подчиненная; авторитетъ его долженъ быть точно опредѣленъ законодательнымъ актомъ, какъ и авторитетъ всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденій, не исключая и самого парламента. Но законодательный актъ долженъ предоставить ему достаточную самобытность и независимость для исполненія своего назначенія, для охраненія и развитія своихъ мѣстныхъ силъ и интересовъ; обреченное же на одну служебную и подчиненную роль въ общемъ государственномъ устойствѣ, оно не только не исполнитъ своего призванія, но будетъ слабою и плохою поддержкою авторитету государственной власти. Мы позволимъ себѣ замѣтить по этому случаю, что нѣкоторыя новѣйшія измѣненія, внесенныя въ русское земское и городовое положеніе, поставили наши городскія и земскія учрежденія въ слишкомъ сильную зависимость отъ мѣстной административной власти и едва ли послужатъ къ преуспѣянію мѣстныхъ обществъ и принесутъ предположенную пользу общегосударственному развитію.—

Правда, новыя положенія земское (1890 года, іюня 12-го) и городовое

Библиотека "Руниверс"

(11-го іюня 1892 г.) оставили предметы вѣдомства и задачи дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій почти въ прежнемъ видѣ и объемѣ, но существенно измѣнили ихъ самостоятельность и характеръ. Во-первыхъ, эти положенія увеличили число дѣлъ, для разрѣшенія которыхъ требуется утвержденіе губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ (земское полож., ст. 82, 83, 85; городовое пол., ст. 78, 79); во-вторыхъ, на губернаторовъ возложенъ надзоръ не только *за законностью*, но и за *правильностью* дѣйствій земскихъ и городскихъ учрежденій (зем. п., ст. 5; город. пол., ст. 11). Въ силу такого надзора губернаторъ имѣетъ право останавливать постановленіе земскихъ собраній и городскихъ думъ, когда „онъ усмотритъ, что оно 1) несогласно съ закономъ или состоялось съ нарушеніемъ круга вѣдомства, предѣловъ власти и порядка дѣйствій общественнаго управленія, или 2) не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо *„явно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія“* (земское пол., ст. 87; городовое пол., ст. 83). Въ-третьихъ, губернаторамъ предоставлено право не только производить ревизію всѣхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, но и давать имъ непосредственно предложенія о возстановленіи нарушеннаго порядка, *если онъ усмотритъ* неправильность дѣйствій при ревизіи, „либо инымъ *способомъ*“ (земское пол., ст. 103; городовое пол., ст. 101); въ-четвертыхъ, губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено не простое утвержденіе предсѣдателя и членовъ земскихъ управъ, городскихъ головъ и членовъ городскихъ управъ, получившихъ высшее число избирательныхъ голосовъ, но, въ случаѣ избранія на эти должности двухъ или нѣсколькихъ лицъ, утвержденіе одного изъ нихъ (земское пол., ст. 118; городовое пол., ст. 115, 118). Сверхъ того, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, городскіе головы и члены городскихъ управъ считаются состоящими на государственной службѣ, должности ихъ расписаны по классамъ, по чинопроизводству и по мундирамъ, и губернаторамъ предоставлено представлять къ производству въ 1-ый классный чинъ тѣхъ членовъ земскихъ управъ, которые прослужили 3 трехлѣтія и не имѣютъ общаго права вступленія на государственную службу (земское пол., ст. 117, 118, 119, 124; городовое пол., ст. 115, 118, 119, 121, 122). Изъ всѣхъ указанныхъ ограниченій, внесенныхъ новыми земскимъ и городовымъ положеніями, наиболѣе важное и наименѣе соотвѣтственное для самоуправляющихся обществъ заключается въ правѣ губернатора пріостанавливать не только тѣ постановленія земскихъ собраній и городскихъ думъ, въ которыхъ онъ усмотритъ нарушеніе закона,

Библиотека "Руниверс"

общихъ государственныхъ пользъ и нуждъ (земское пол., ст. 87; городовое пол., ст. 83), но и всѣ тѣ, въ коихъ онъ замѣтитъ неправильность или „явное нарушеніе интересовъ мѣстнаго населенія." Это открываетъ путь для постояннаго вмѣшательства административной власти во всѣ разнообразные и даже мелкіе дѣла и вопросы, которые могутъ быть понятны и близки только мѣстнымъ обществамъ и учрежденіямъ.

Выраженіе „явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія" мало можетъ помочь въ настоящемъ случаѣ, потому что взгляды на пользу, нужды и интересы зависятъ отъ точки зрѣнія и личнаго настроенія: то, что одна сторона можетъ находить явно полезнымъ, другой сторонѣ можетъ казаться явно вреднымъ. Самъ законодатель понималъ шаткость такого положенія и потому обусловилъ, чтобы подобные протесты губернаторовъ были передаваемы имъ въ губернскія присутствія и съ ихъ заключеніями представляемы министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ или признать постановленіе земскаго собранія и городской думы правильнымъ, или представить вопросъ, смотря по предмету, въ комитетъ министровъ или въ государственный совѣтъ (земское пол., ст. 91, 93, 94; городовое пол., ст. 86, 87, 88). Но въ составѣ губернскихъ присутствій по земскимъ и городскимъ дѣламъ преобладаетъ элементъ бюрократическій (въ немъ участвуютъ, кромѣ губернатора, вице-губернаторы, управляющіе казенными палатами, прокуроры окружныхъ судовъ), состоящій въ прямомъ или косвенномъ соотношеніи къ губернатору и знакомый съ мѣстными условіями и интересами менѣе самого губернатора; даже тѣ члены отъ земскихъ собраній и отъ городскихъ думъ, которые по закону должны участвовать въ составѣ губернскихъ присутствій, при разрѣшеніи земскихъ и городскихъ дѣлъ, хотя избираются особо для сего земскими собраніями и городскими думами (земское пол., ст. 8; городовое пол., ст. 14), но утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ по преставленіямъ губернаторовъ. Кромѣ того, весь установленный порядокъ протестовъ губернатора, обсужденіе въ губернскихъ присутствіяхъ и дальнѣйшее разрѣшеніе ихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ страдаетъ очевидною медленностью и зависимостью отъ разныхъ случайностей.

Въ виду указаннаго, мы думаемъ, что вообще достаточно было оставить губернаторовъ при прежней роли наблюдателей и охранителей законности дѣйствій земскихъ и городскихъ учрежденій, и затѣмъ, если законодательство признавало, что нѣкоторыя изъ прежъ-

Библиотека "Руниверс"

нихъ постановленій и мѣропріятій земскихъ собраній и городскихъ думъ были мало обдуманы и удачны, то было гораздо соотвѣтственнѣе и вѣрнѣе расширить еще болѣе кругъ тѣхъ дѣлъ (болѣе важныхъ), по которымъ требуется утвержденіе высшей власти, но въ остальныхъ предоставить земствамъ и думамъ прежнее самостоятельное значеніе. Наблюденіе администраціи не только за законностью, но и за правильностью веденія дѣлъ, опасность непрерывнаго вмѣшательства во всѣ разнообразные и мелкіе интересы земскихъ собраній и городскихъ думъ не могутъ служить къ развитію самосознанія и самодѣятельности общества и къ привлеченію на земскую и общественную службу лучшихъ мѣстныхъ силъ. Это необходимо имѣть въ виду тѣмъ болѣе, что административная власть при обширности своихъ полномочій, неизбѣжной отчужденности отъ мѣстной жизни и частой смѣнѣ лицъ не въ состояніи гарантировать правильность и соотвѣтствіе въ теченіи земскихъ и городскихъ дѣлъ. Это было достаточно испытано до совершенія въ 1864 и 1870 гг. коренной реформы въ земскомъ и городскомъ управленіи, когда административная власть, облеченная обязанностью не только охраненія закона, но и всеобъемлющаго надзора и руководства, несла на себѣ отвѣтственность за непосильное для нея бремя.

Вл. Решенкампфъ.

Simon Askenazy. Die letzte polnische Königswahl. Inaugural-Dissertation. Göttingen. 1894. 185 S.

Изслѣдованіе Ашкенази посвящено эпизоду, который уже неоднократно былъ разсмотрѣнъ въ ученой литературѣ, и въ русской, и въ иностранной; но Ашкенази выдѣлилъ его какъ спеціальный предметъ изслѣдованія и привлекъ къ своему изученію не только всю литературу вопроса, но и новые матеріалы: онъ воспользовался документами архивовъ Дрездена, Берлина, Вѣны, фамильными бумагами князей Чарторижскихъ и графовъ Браницкихъ, наконецъ онъ впервые утилизировалъ для исторіи избраннаго имъ вопроса драгоцѣнныя свѣдѣнія, заключающіяся въ Сборникѣ Императорскаго русскаго историческаго общества, о которомъ онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что для изучаемаго имъ вопроса, Сборникъ этотъ представляетъ матеріалы, гораздо болѣе важные, чѣмъ все, что было извѣстно до его изданія (140). Пользуясь всѣми этими источни-

Библиотека "Руниверс"

ками весьма умѣло и относясь къ разсматриваемымъ событіямъ вполнѣ безпристрастно, Ашкенази далъ изслѣдованіе чрезвычайно любопытное и по обстоятельному и точному изложенію фактовъ и по нѣкоторымъ новымъ указаніямъ и, наконецъ, по взглядамъ автора на нѣкоторые спорные вопросы въ исторіи разсмотрѣнныхъ имъ событій и отношеній. Не вдаваясь въ подробное изложеніе книги Ашкенази, мы отмѣтимъ въ ней наиболѣе любопытное, а также и тѣ заключенія и выводы автора, которые представляются намъ недоказанными или неправильными.

Съ большею подробностью, чѣмъ писавшіе о томъ же ранѣе, излагаетъ Ашкенази дѣйствія въ Польшѣ каждаго изъ трехъ сыновей Августа III, стремившихся каждый для себя получить польскую корону (20—25, 42, 48); очень подробно разсмотрѣны имъ интриги, какія велись въ Константинополѣ, чтобы побудить Турцію къ вмѣшательству въ польскія дѣла; нѣкоторыя указанія на то, какое вліяніе оказывали на ходъ дѣлъ въ Польшѣ рѣшенія, принимаемыя Портою, очень любопытны (56—64, 84—85). Но едва ли не слишкомъ большое значеніе приписываетъ Ашкенази дѣйствіямъ въ Константинополѣ прусскаго представителя Рексина (118—120 и др.); какъ извѣстно, въ 1766 г. Фридрихъ принужденъ былъ отозвать его, вслѣдствіе настоянія гр. Панина, недовольнаго поведеніемъ Рексина; въ теченіе же предшествующихъ двухъ лѣтъ, кажется, не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ ни въ отношеніяхъ Россіи и Пруссіи, ни въ роли и значеніи представителей разныхъ державъ при Портѣ; потому можно думать, что и за два года передъ тѣмъ Рексинъ не игралъ тамъ какой-то исключительной роли; повидимому Ашкенази введенъ былъ въ заблужденіе тономъ и содержаніемъ донесеній этого же самаго Рексина, изъ которыхъ онъ преимущественно и черпаетъ свои свѣдѣнія о его дѣйствіяхъ; для вполнѣ правильнаго заключенія, чѣмъ и какъ удержана была Турція въ ея пассивномъ отношеніи къ польскимъ королевскимъ выборамъ, необходимо изучить и дѣйствія другаго дипломатическаго представителя, дѣйствовавшаго въ томъ же направленіи, какъ Рексинъ — Обрѣзкова. Новостью въ изслѣдованіи Ашкенази являются данныя объ отношеніи къ событіямъ польскимъ со стороны куріи. Ашкенази объясняетъ индифферентность папскаго двора тѣмъ, что въ это самое время все вниманіе его поглощено было событіями во Франціи, гдѣ совершалось изгнаніе іезуитовъ (41); но онъ сообщаетъ и слѣдующій, очень любопытный фактъ: когда въ Ватиканѣ получено было извѣстіе, что Россія официально выставила

Библиотека "Руниверс"

кандидатуру Ст. Понятовскаго, возникъ въ коллегіи кардиналовъ вопросъ: какъ отнестись къ этому объявленію. Восторжествовало мнѣніе, что въ виду твердо заявленной въ постановленіяхъ конвокаціоннаго сейма ревности къ охранѣ господствующаго положенія католицизма, нѣтъ основанія противодѣйствовать этой кандидатурѣ (125). Такимъ образомъ, Россія и Пруссія извлекли выгоду изъ того, что допустили сеймъ принять нѣсколько рѣшеній, которыя, повидимому, шли въ разрѣзъ съ тѣми цѣлями, какія Россія и Пруссія преслѣдовали въ Польшѣ. Ашкенази совершенно правильно оцѣниваетъ этотъ, на первый взглядъ странный, фактъ: онъ рѣшительно отвергаетъ прежнее мнѣніе, будто Екатерина покровительствовала диссидентамъ для того, чтобы привлечь сердца русскихъ этою защитою православныхъ—въ это самое время происходило въ Россіи отобраніе церковныхъ имуществъ (107): Екатерина и Фридрихъ занимались диссидентскимъ вопросомъ лишь для того, чтобы имѣть возможность вмѣшиваться когда угодно во внутреннія дѣла Польши; въ этомъ, дѣйствительно, не трудно убѣдиться, изучая дипломатическую переписку петербургскаго кабинета; особенно опредѣленно и ясно высказался гр. Панинъ въ инструкціи кн. Репнину отъ 14-го августа 1767 г. (Сборникъ, LXVII, 409 и слѣд.; у Ашкенази—108, пр.—конечно, по опечаткѣ—LVII. 409 и слѣд.). Ашкенази и полагаетъ, что допустили конвокаціонный сеймъ торжественно подтвердить постановленія противъ диссидентовъ главнымъ образомъ потому, что въ тотъ моментъ для Россіи было главнымъ — провести своего кандидата и осложнять положеніе было прямо невыгодно. Но какъ только былъ избранъ русскій кандидатъ — немедленно выдвинуто было диссидентское дѣло. Ашкенази даже утверждаетъ, будто декларація въ защиту диссидентовъ *была лишь помѣчена 11-го іюля*, чтобы придать видъ, будто бы она составлена была еще во время междуцарствія, тогда какъ въ дѣйствительности она составлена была въ октябрѣ (109). Но это утвержденіе, кажется, не основательно. Текстъ декларація напечатанъ въ Сборникѣ, т. XXII; 302—304; въ изданіи дипломатической переписки Екатерины — Сборникъ, LI, 417, сдѣлана только ссылка на XXII т. Сборника, но замѣчено, что декларація эта апробована императрицею 9-го іюля, подписана же 11-го іюля. Едва ли можно допустить, чтобы на бумагахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ были невѣрно выставлены помѣтки о высочайшей апробаціи. Ашкенази основывается на словахъ Сольмса, въ депешѣ отъ 6-го (17-го августа), что „Панинъ назначилъ было уже день для подписанія вмѣстѣ со

Библиотека "Руниверс"

мною министерской конвенціи относительно диссидентовъ, но болѣзнь его помѣшала это исполнить" (Сборникъ, XXII. 294); но мы не имѣемъ еще права утверждать, чтобы здѣсь дѣло шло именно объ этой самой декларації, а не о какомъ либо другомъ общемъ рѣшеніи Россіи и Пруссіи. Изъ депешъ Сольмса же видно, что еще въ концѣ іюня (1764 г.) Фридрихъ выражалъ свое удовольствіе по поводу сообщеній Сольмса о намѣреніи императрицы оказать серьезную поддержку диссидентамъ и свою готовность принять въ этомъ дѣлѣ участіе (Сборникъ, XXII, 261) — слѣдовательно, нѣчто относительно диссидентовъ было уже рѣшено въ Петербургѣ въ концѣ іюня. Такимъ образомъ, относительно настоящаго случая недоказана датировка декларації заднимъ числомъ; но вообще по понятіямъ времени, такой пріемъ считался позволительнымъ, и въ дѣлахъ польскихъ же онъ былъ, по крайней мѣрѣ однажды, нѣсколько позже, несомнѣнно примѣненъ. Удачнѣе наблюденіе, сдѣланное Ашкенази надъ другимъ документомъ, относящимся къ изучаемому имъ вопросу: онъ сравнилъ подлинникъ письма Маріи-Антоніи саксонской, напечатанный въ Oeuvres de Frédéric le Grand, XXIV, 47 и „копію" съ него, отправленную Фридрихомъ къ императрицѣ Екатеринѣ и напечатанную въ XX т. Сборника, 175—176. Оказалось, что первая фраза подлиннаго письма Маріи-Антоніи существенно измѣнена въ этой „копіи". Въ подлинникѣ стоитъ: „Sire, V. M. m'a donné tant d'assurances de ses bontés et de son amitié que *je viens l'informer de sa promesse. Elle nous a assuré de plus, qu'elle contribuerait avec plaisir à nous procurer la Pologne. Voici le moment d'accomplir sa promesse.* Le Roi et mort" и т. д.; въ „копіи" же подчеркнутое нами замѣнено словами „voici le moment m'en temoigner"....

Въ изложеніи эпизода, избраннаго Ашкенази, было, конечно, невозможно обойдти вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Пруссіи, а также объ отношеніяхъ между Екатериною и Панинымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ Ашкенази смотритъ на дѣло, вообще говоря, совершенно правильно. Онъ находитъ, что вѣрнѣе всего охарактеризовалъ отношенія Фридриха къ Россіи, по польскимъ дѣламъ особенно, Домъ,—вообще такъ склонный возвеличивать Фридриха,—говоря, что роль Фридриха была вполнѣ подчиненная, при чемъ Домъ старается сгладить впечатлѣніе этого отзыва. прибавляя: „это было въ первый разъ, что король такую роль игралъ" (2). Такимъ образомъ теперь, послѣ обнародованія множества документовъ самаго разнообразнаго происхожденія, начинается возвращеніе къ тѣмъ взглядамъ, какіе выносили

Библиотека "Руниверс"

наблюдательные современники, и которые затѣмъ надолго уступили мѣсто другимъ взглядамъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ документовъ преимущественно прусскаго происхожденія. Ашкенази не находитъ ни въ чемъ руководящаго вліянія Фридриха; нѣсколько разъ онъ замѣчаетъ по поводу тѣхъ или другихъ энергическихъ мѣропріятій, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія видѣть вліяніе Фридриха (16—18), отмѣчаетъ, что Бенуа въ Варшавѣ шелъ вслѣдъ за русскими послами, указываетъ, что Фридрихъ иногда не совсѣмъ даже ясно понималъ дѣйствія Панина (72—73), не скрываетъ при этомъ и неискренности Фридриха по отношенію къ Россіи (56, 59, пр.).

Что касается взаимныхъ отношеній Екатерины и Панина, то Ашкенази даже и не упоминаетъ о пресловутомъ взаимномъ ихъ нерасположеніи и недовѣріи. — и совершенно понятно почему: онъ изучалъ, вмѣстѣ съ другими матеріалами, и подлинные русскіе документы, документы самые важные для того времени и того вопроса, и въ нихъ не нашелъ, такъ какъ тамъ и дѣйствительно нѣтъ, рѣшительно ничего, что давало бы хотя малѣйшее основаніе повторять старыя басни о взаимной ненависти императрицы и министра, двадцать лѣтъ работавшихъ совмѣстно; и Ашкенази совершенно основательно прямо отказался отъ этихъ пикантныхъ, но невѣрныхъ соображеній. Онъ не нашелъ возможнымъ повторять и того мнѣнія, согласно которому императрица Екатерина все дѣлала сама и рѣшала важнѣйшіе вопросы иностранной политики не только безъ совѣта, но даже безъ вѣдома своихъ министровъ. Изучая документы, Ашкенази находилъ слишкомъ много несомнѣнныхъ доказательствъ близкаго участія Панина въ этихъ дѣлахъ, чтобы повторить старое, невѣрное мнѣніе. Онъ даже впадаетъ, кажется, въ противуположную крайность— и пожалуй даже слишкомъ много приписываетъ Панину (см. особ., 1, 12, 13, 50, 52). Намъ кажется что императрица и министръ работали совмѣстно и вполнѣ единодушно; Панинъ приносилъ въ эту работу свой тонкій умъ, свою рѣдкую способность не только отражать, повидимому, самыя сильныя возраженія, но ихъ же обращать противъ своихъ противниковъ, свою неутомимую изобрѣтательность, и со стороны императрицы видѣлъ полное довѣріе, твердую нравственную поддержку, готовность поддержать его мѣропріятія всѣми силами своей имперіи. Но во всякомъ случаѣ взгляды Ашкенази въ указанныхъ вопросахъ неизмѣримо вѣрнѣе прежде господствовавшихъ, и частью еще и до сихъ поръ держащихся. Едва ли мы ошибемся если скажемъ, что переходъ къ болѣе правильному

Библиотека "Руниверс"

пониманію этихъ отношеній сдѣлался возможенъ главнымъ образомъ благодаря изданіямъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, которое дало намъ документальныя свѣдѣнія о тѣхъ отношеніяхъ, которыя прежде были извѣстны лишь по разказамъ современниковъ, преимущественно иностранцевъ, рѣдко хорошо знавшихъ то, о чемъ они говорили, и обыкновенно нерасположенныхъ къ Россіи.

Работа Ашкенази представляется намъ, такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ очень любопытною. Остановимся еще на нѣсколькихъ ея частностяхъ, а также на нѣкоторыхъ неточностяхъ изложенія. Очень любопытны замѣчанія Ашкенази о примасѣ Лубенскомъ, который по своему положенію занималъ первое мѣсто во время междуцарствія; Ашкенази ознакомился съ его неизданнымъ дневникомъ и вынесъ впечатлѣніе, что это былъ мелкій, суетный человѣкъ, котораго, правда, нельзя было подкупить деньгами, но котораго легко можно было склонить на свою сторону, напримѣръ, придавъ ему какой-нибудь пышный титулъ (37—38, 76 и др.). Ашкенази въ одномъ случаѣ называетъ Олсуфьева человѣкомъ, продавшимся Австріи, и думаетъ, что по его пересказу Мерси сообщалъ въ Вѣну объ одномъ засѣданіи совѣта при императрицѣ (45—46). Но въ передачѣ Мерси встрѣчаемъ упоминаніе о нѣкоторыхъ такихъ подробностяхъ, которыхъ, несомнѣнно, не могло произойдти; поэтому естественнѣе думать, что разказъ исходитъ не отъ очевидца; а кромѣ того, есть большія основанія полагать, что подъ именемъ „добраго друга“, о которомъ говоритъ Мерси, надо подразумѣвать не Олсуфьева, а Теплова (Ашкенази указываетъ Сборникъ, XIC, 118 и XLVI, 611; но важнѣе Сборникъ, XII, 53, 229 и XLVI, 653, 683, 684), Тепловъ же на этомъ засѣданіи не былъ. Правильно понимая, что Панинъ твердо и энергично приводилъ свою политику въ польскихъ дѣлахъ, Ашкенази совершенно неудачно говоритъ о его какихъ то „старорусскихъ тенденціяхъ“, приписываетъ ему мнѣніе, что Россіи надо удаляться отъ всякихъ сношеній съ Западной Европой (5—6); конечно, это есть крайнее мнѣніе, въ которое авторъ впалъ, вѣроятно, потому, что не нашелъ въ дѣйствительно важныхъ документахъ никакихъ доказательствъ, чтобы Панинъ увлекался шведскимъ государственнымъ устройствомъ и былъ такимъ поклонникомъ прусскаго союза, что прежде считалось почему то, безъ всякихъ доказательствъ, несомнѣннымъ. Совершенно напрасно также Ашкенази какъ будто колеблется, бралъ Панинъ деньги отъ иностранныхъ государствъ, или нѣтъ; для насъ безкорыстіе и честность Панина внѣ всякихъ

Библиотека "Руниверс"

сомнѣній. Безъ справокъ съ подлинными документами, въ исторіи Соловьева можно найдти множество указаній на то, что брали нѣкоторые „русскіе министры, и русскаго, хотя чаще иностраннаго, происхожденія; но нѣтъ и въ документахъ ни одного свидѣтельства, сколько нибудь похожаго на достовѣрное, которое бы говорило о томъ, что Панинъ бралъ деньги отъ чужихъ государствъ; однажды Фридрихъ уполномочивалъ своего представителя въ Петербургѣ истратить довольно значительную сумму на подкупъ кого будетъ нужно; Сольмсъ отвѣтилъ, что убѣждалъ Панина, но неуспѣшно, но что считаетъ неблагоразумнымъ пробовать какія либо другія средства, кромѣ убѣжденій. Наконецъ, намъ кажется, что не совсѣмъ вѣрно понялъ Ашкенази рескриптъ Кейзерлингу и Репнину отъ 31-го іюля 1763 года (Сборникъ, LI, 437 — 438): изъ него вовсе нельзя выводить, какъ дѣлаетъ авторъ, будто одно время Екатерина готова даже была отказаться отъ избранія Понятовскаго (123); равнымъ образомъ, намъ кажется, что Ашкенази недовольно удѣлилъ вниманія инструкціи Кейзерлингу и Репнину, данной немедленно послѣ смерти Августа III, инструкціи высокозамѣчательной и еще давно по достоинству оцѣненной Беромъ; странно, что онъ пропустилъ ясно выраженную въ ней рѣшимость—удовольствоваться лишь территоріальными пріобрѣтеніями отъ Польши, если изъ-за нея Россіи придется воевать (53—54; Сборникъ, LI, 92—101).....

Въ заключенія замѣтокъ нашихъ о книгѣ Ашкенази, мы еще разъ привѣтствуемъ въ ней многіе болѣе правильные взгляды и съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркиваемъ, что опубликованіе подлинныхъ документовъ относительно царствованія Екатерины II уже начинаетъ оказывать свое благотворное вліяніе, выясняя въ новомъ, болѣе правильномъ свѣтѣ и характеръ русской политики и самыхъ личностей, ею руководившихъ.

И. Чечулинъ.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ *Ф. Мартенсъ*. Томъ XI трактаты съ Англіею. 1811—1831. С.-Пб. 1895. Стр. XVII+492.

Въ составъ XI тома издаваемаго нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, подъ редакціей проф. Ф. Ф. Мартенса, драгоцѣннаго собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностран-

Библиотека "Руниверс"

ными державами, вошли трактаты съ Англіей и объясненія къ нимъ съ 1801 по 1831 годъ. Проф. Ф. Ф. Мартенсъ, какъ видно изъ предисловія его къ этому изданію, сначала предполагалъ ограничиться двумя томами (X и XI) для трактатовъ Россіи съ Англіей, но, вслѣдствіе обилія и богатства архивныхъ матеріаловъ, вынужденъ былъ прибавить къ этимъ двумъ томамъ третій (XII), въ который войдутъ трактаты заключенные послѣ 1831 года. Благодаря этому распредѣленію матеріала, г. Мартенсъ имѣлъ возможность ввести въ XI томъ столь же богатыя и подробныя историческія объясненія, какими отличался и X томъ.

Въ отчетахъ о прежнихъ томахъ этого изданія мы всегда указывали на то, что главное его значеніе заключается не столько въ самыхъ трактатахъ, сколько въ объясненіяхъ къ нимъ. Многочисленныя извлеченія изъ разныхъ дипломатическихъ документовъ, доселѣ никому не извѣстныхъ, придаютъ разбираемому изданію особенную цѣну. Г. Мартенсъ съ большимъ искусствомъ располагаетъ эти документы, а отъ себя говоритъ лишь на столько, чтобы сохранить связь и послѣдовательность въ описываемыхъ событіяхъ. Такимъ образомъ приводимые архивные документы даютъ самое вѣрное и точное понятіе объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи, а вполнѣ объективная обработка ихъ сообщаетъ изданію научный характеръ и ставитъ его выше лучшихъ подобныхъ же трудовъ, появляющихся въ западно-европейской литературѣ.

Въ настоящей статьѣ мы постараемся обратить вниманіе на наиболѣе выдающіеся эпизоды изъ исторіи англо-русскихъ отношеній за эти тридцать лѣтъ (1801—1831).

I.

Въ октябрѣ 1799 года императоръ Павелъ нашелъ, что война Англіи съ Франціей слишкомъ затянулась, что Англіи нѣтъ надобности „безконечно“ воевать съ Франціей. Павелъ I въ то-же время предлагалъ созвать въ Петербургѣ мирный конгрессъ и набросалъ проектъ мирныхъ условій. Предложенія русскаго государя были приняты въ Лондонѣ далеко не сочувственно. Англійское правительство продолжало требовать отъ Россіи свѣжихъ войскъ противъ Франціи, но Павелъ I въ ноябрѣ того же 1799 года отвѣтилъ на это требованіе категорическимъ отказомъ. Русскія войска, участвовавшія въ голландской экспедиціи, были отозваны въ Россію, что и привело къ окон-

Библиотека "Руниверс"

чательному разрыву между Англіей и Россіей. Одною изъ причинъ разрыва было также желаніе Англіи захватить островъ Мальту, хотя англійскій король формально заявлялъ въ 1799 году, что отрекается за себя отъ всякой мысли о захватѣ этого острова. Но въ сентябрѣ 1800 года Англія все-таки захватила этотъ островъ, къ великой досадѣ русскаго императора.

Въ февралѣ 1800 года императоръ Павелъ, раздраженный образомъ дѣйствій Англіи, потребовалъ отозванія изъ Петербурга англійскаго посла Витворта и запретилъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ выдавать паспорты курьерамъ, посылаемымъ имъ въ Англію. Оставшійся послѣ Витворта англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ іюнѣ 1800 года былъ высланъ въ Англію по приказанію императора. Въ этомъ мѣсяцѣ русскій посолъ въ Лондонѣ графъ Воронцовъ, подвергшійся опалѣ за неумѣстную защиту дѣйствій англійскаго правительства, вышелъ въ отставку и поселился въ Англіи.

Гнѣвъ императора на „вѣроломную“ Англію дошелъ до высшихъ предѣловъ, когда англичане захватили островъ Мальту. Высочайшимъ указомъ отъ 22-го ноября 1800 года было повелѣно наложить секвестръ на всѣ англійскіе товары въ лавкахъ и магазинахъ, былъ пріостановленъ платежъ англичанамъ всѣхъ долговъ и учреждена ликвидаціонная комиссія для долговыхъ расчетовъ между русскими и англійскими купцами.

Восшествіе на престолъ императора Александра I измѣнило положеніе дѣлъ. Графу Воронцову поручено было возстановить прежнія отношенія къ Англіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она признала начала морской конвенціи, недавно заключенной между сѣверными державами въ обезпеченіе интересовъ нейтральныхъ державъ. Между тѣмъ англійскій флотъ, повинуясь предписаніямъ, изданнымъ раньше этого момента, вошелъ въ Балтійское море подъ командою адмирала Нельсона и подвергъ Копенгагенъ бомбардированію, а затѣмъ явился къ Ревелю съ намѣреніемъ начать вскорѣ бомбардированіе Кронштадта. Императоръ Александръ былъ глубоко возмущенъ этими дѣйствіями и поручилъ 2-го мая графу Воронцову протестовать противъ нихъ и потребовать немедленнаго удаленія англійскихъ кораблей изъ русскихъ водъ. Это требованіе было исполнено Англіей не сразу. Новый вице-канцлеръ графъ Никита Петровичъ Панинъ принялъ мѣры къ дальнѣйшему улучшенію отношеній къ Англіи. Въ инструкціи 6-го апрѣля 1801 г. графу Воронцову Панинъ говорилъ, что миновали недоразумѣнія съ Англіей изъ за Мальты. Что же касается

Библиотека "Руниверс"

актовъ о правахъ нейтральныхъ, то они сдѣлались для Россіи „общими обязательствами". Всѣ мѣры, принятыя по повелѣнію Павла I, были отмѣнены, кромѣ эмбарго.

Графъ Воронцовъ, снова назначенный посломъ въ Лондонѣ, терпѣть не могъ вооруженнаго нейтралитета и не хотѣлъ исполнять инструкцій, направленныхъ къ тому, чтобы склонить Англію принять начала этого нейтралитета. Онъ возражалъ противъ всѣхъ положеній апрѣльскаго рескрипта и депеши.

Отвѣтъ Воронцова Панину до такой степени проникнутъ желаніемъ оправдать во что бы то ни стало всѣ дѣйствія англійскаго правительства, что, читая его, какъ-то не вѣрится, чтобы русскій посолъ могъ писать подобныя вещи. Онъ не стѣсняясь говорилъ, что политика Павла I была хуже персидскаго и марокскаго произвола! Въ апрѣлѣ 1801 года графъ Воронцовъ послалъ графу Панину подробную записку подъ заглавіемъ: „Записка о вооруженномъ нейтралитетѣ покойной императрицы и о морской конвенціи ея сына императора Павла I". Г. Мартенсъ справедливо замѣчаетъ: „Если бы эта записка не была написана собственноручно графомъ Воронцовымъ, можно было бы подумать, что она вышла изъ подъ пера какого-нибудь англійскаго дипломата". Въ ней русскій посолъ съ большою развязностью утверждалъ, что императрица Екатерина *не понимала* значенія декларацiи 28-го февраля 1780 года, что истиннымъ вдохновителемъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Верженнь, что вооруженный нейтралитетъ былъ заключенъ лишь въ выгодахъ Швеціи, злѣйшаго врага Россіи. Вспоминая о переговорахъ, окончившихся въ 1793 году подписаніемъ временнаго торговаго трактата Россіи съ Англіей, графъ Воронцовъ увѣряетъ, что въ то время Екатерина уже убѣдилась въ безполезности для Россіи началъ вооруженнаго нейтралитета (?!). Ослѣпленный своимъ англофильствомъ, графъ Воронцовъ даже доказывалъ, что Англія всегда будетъ вѣрною союзницею Россіи противъ Швеціи и Турціи (?!). Русскій посолъ кромѣ того утверждалъ, что „русскій народъ ненавидитъ море", и что „Россія никогда не будетъ имѣть торговаго флота". На основаніи такихъ болѣе чѣмъ странныхъ сужденій, графъ Воронцовъ рекомендовалъ уничтожить всякій слѣдъ вооруженнаго нейтралитета и основанныхъ на немъ международныхъ актовъ.

Воронцова не даромъ прозвали въ Россіи „англичаниномъ". Онъ, дѣйствительно, „былъ болѣе англичанинъ чѣмъ русскій" Его вліянію

Библиотека "Руниверс"

слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать то обстоятельство, что императоръ Александръ I въ конвенціи 1801 года отказался отъ положительныхъ началъ вооруженнаго нейтралитета. Именно въ инструкціи императора Александра I графу Панину для переговоровъ съ англійскимъ посломъ лордомъ Сентъ Эленсомъ, отъ 21-го мая 1801 года было сказано: „Англійское правительство достаточно просвѣщенно, чтобы не понять, *что Россія не имѣетъ никакого непосредственнаго и существеннаго интереса въ сохраненіи принциповъ вооруженнаго нейтралитета*". Министру только вмѣнялось въ обязанность не признаваться въ этомъ предъ англійскимъ посломъ. Но слово отреченія отъ великой идеи вооруженнаго нейтралитета было произнесено, вопреки обѣщанію Александра I во всемъ слѣдовать по стопамъ его бабки.

Результатомъ переговоровъ графа Панина съ англійскимъ посломъ было заключеніе морской конвенціи 1801 года. Любопытно, что англійскій посолъ во время переговоровъ съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ ссылался на заявленія графа Воронцова противъ вооруженнаго нейтралитета.

Во время этихъ переговоровъ знаменитое опредѣленіе блокады, данное въ актѣ вооруженнаго нейтралитета 1780 года, было искажено въ пользу Англіи простою замѣною соединительнаго союза „и" раздѣлительнымъ „или". Измѣненная такимъ образомъ статья давала отнынѣ Англіи полное право возстановить бумажную или фиктивную блокаду.

Вслѣдъ за подписаніемъ конвенціи 5 (17), іюня были подписаны въ Москвѣ дополнительныя къ ней статьи и декларація, въ силу которыхъ купцы, потерпѣвшіе отъ секвестра, получали право на вознагражденіе, и устранялось недоразумѣніе на счетъ запретнаго характера торговли нейтральныхъ державъ съ колоніями воюющихъ державъ.

Къ іюньской конвенціи вскорѣ приступили Швеція и Данія.

Конвенція встрѣчена была въ Англіи съ неописуемымъ восторгомъ, что̀ однако не раскрыло графу Воронцову ея истиннаго значенія. Но императоръ Александръ I скоро понялъ, что сдѣлана крупная политическая ошибка, и вслѣдствіе этого быстро охладѣлъ къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Панину. Паденію этого министра болѣе всѣхъ содѣйствовалъ тотъ же графъ Воронцовъ, хотя въ угоду ему Панинъ допустилъ искаженіе началъ вооруженнаго нейтралитета. Графъ Панинъ, чувствуя, что его положеніе шатко, представилъ въ

Библиотека "Руниверс"

іюлѣ 1801 года объяснительную записку государю, но записка была составлена слабо и указывала на недостаточное пониманіе имъ началъ вооруженнаго нейтралитета. Недовѣріе государя къ графу Панину все болѣе и болѣе усиливалось, такъ какъ онъ не утвердилъ предложенія этого министра о совмѣстной съ Англіей гарантіи неприкосновенности турецкихъ владѣній, а также отклонилъ предложеніе о содержаніи на Мальтѣ русскаго гарнизона. Графъ Панинъ думалъ, что ему поможетъ Воронцовъ, и съ этой цѣлію писалъ ему весьма откровенныя письма, въ которыхъ самымъ рѣшительнымъ образомъ выставлялъ себя противникомъ вооруженнаго нейтралитета. Но Воронцовъ не только не помогъ ему, а воспользовался его письмами, чтобы еще болѣе навредить министру. Въ донесеніяхъ на Высочайшее имя графъ Воронцовъ, не стѣсняясь, обвинялъ своего начальника и „друга“ въ невѣжествѣ, злонамѣренности и даже чуть ли не въ государственной измѣнѣ. Въ письмѣ къ государю отъ 27-го сентября 1801 года графъ Воронцовъ такъ аттестовалъ своего начальника по поводу трактата съ Швеціей, въ которомъ Россія подтверждала начала вооруженнаго нейтралитета: „Можетъ быть слишкомъ большое бремя дѣлъ столько же выше его физическихъ силъ, сколько оно превышаетъ его нравственныя силы, его познанія, его умственныя соображенія и его малый опытъ, и что у него нѣтъ ни средствъ, ни времени дѣлать все самому“. Въ томъ же письмѣ графъ Воронцовъ протестовалъ противъ довѣрія государя къ Панину и рекомендовалъ коллегіальную систему для обсужденія вопросовъ внѣшней политики. По словамъ письма, „нѣтъ ничего на свѣтѣ опаснѣе, какъ веденіе дѣлъ глазъ-на-глазъ съ начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ“. Къ письму приложена критическая записка о рескриптѣ 5-го іюля, въ которой Воронцовъ доходитъ до неприличныхъ придирокъ, свидѣтельствующихъ о его озлобленіи. Въ письмахъ къ своимъ друзьямъ въ Петербургѣ графъ Воронцовъ, даже послѣ отставки Панина, не переставалъ называть его „государственнымъ измѣнникомъ, которому во всякой другой странѣ отрубили бы голову“.

Донесенія Воронцова были получены въ Петербургѣ въ концѣ октября, а уже 30-го сентября Панинъ вышелъ въ отставку. Его мѣсто занялъ другъ Воронцова графъ Кочубей. Александръ I благодарилъ Воронцова за его совѣты, пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго и обѣщалъ отнынѣ выслушивать государственныя дѣла въ совѣтѣ министровъ.

Воронцовъ добился своей цѣли. Ненавистный ему министръ былъ

Библиотека "Руниверс"

уволенъ. Но политика Россіи по прежнему возбуждала его негодованіе. Онъ находилъ, что русское правительство слишкомъ потворствуетъ Франціи въ сношеніяхъ ея съ Турціей, что русскіе агенты въ Константинополѣ сдѣлались „агентами Наполеона“ и систематически противодѣйствуютъ Англіи. Но въ мартѣ 1802 года сама Англія заключила съ Франціей Аміенскій мирный трактатъ, которымъ Воронцовъ остался очень недоволенъ. Про англійскихъ министровъ онъ сказалъ: „Нѣтъ подлости, коей они бы не сдѣлали для угожденія Франціи“. Кромѣ того англійскіе министры, обязанные договоромъ посредничеству Россіи, совсѣмъ забыли о послѣдней. Эта неблагодарность пронырливыхъ англичанъ озадачила и оскорбила даже Воронцова. Онъ взялъ продолжительный отпускъ и вернулся въ Россію. Его мѣсто занялъ повѣренный въ дѣлахъ Николаи. Но Аміенскій договоръ не надолго уладилъ англо-французскія отношенія, и въ маѣ 1803 года снова произошелъ разрывъ между Англіей и Франціей. Императоръ Александръ I старался всѣми мѣрами предупредить войну. Онъ отклонилъ посредничество, предложенное Наполеономъ, но согласился занять Мальту русскими войсками. Новый русскій канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ (братъ посла въ Лондонѣ) находилъ, что въ войнѣ съ Франціей Англія была юридически не права, но въ то же время косвенно поддерживалъ попытку Англіи захватить Мальту и слѣлать ее навсегда англійскимъ достояніемъ. Курьезно, что русскій посолъ въ Лондонѣ графъ С. Р. Воронцовъ, радѣя объ англійскихъ интересахъ, предложилъ англійскому министерству остроумный пріемъ для сохраненія за собою Мальты. По его совѣту, Мальта должна была оставаться подъ фиктивной властью сицилійскаго короля, а англичане должны были занимать своими войсками портъ и городъ Лавалетту. Эта система фиктивнаго владѣнія подъ чужимъ именемъ очень понравилась политикамъ, и, какъ извѣстно, усердно практикуется въ наше время (Боснія и Герцеговина, Египетъ). Послѣ разрыва съ Франціей англійское правительство отклонило предложеженіе Россіи занять Мальту русскими войсками. Значитъ, совѣты русскаго посла пошли въ прокъ, а самъ императоръ Александръ въ концѣ концовъ примирился съ желаніемъ Англіи оставить за собой островъ Мальту, хотя и воздержался отъ сообщенія англійскому правительству своего одобренія. Онъ предложилъ-было Англіи свое посредничество, но неудачно: отвѣтъ англійскаго правительства былъ на столько неприличенъ, что графъ Воронцовъ отказался его принять. Война началась съ большимъ ожесточеніемъ. Англія, уже не обузды-

Библиотека "Руниверс"

ваемая началами вооруженнаго нейтралитета, творила на моряхъ невѣроятныя насилія. Россіи пришлось протестовать противъ англійскаго произвола. Такъ, въ депешѣ канцлера Воронцова отъ 11-го августа 1803 года проводился взглядъ, что Черное море должно считаться закрытымъ для англійскихъ военныхъ судовъ, такъ какъ берега его принадлежатъ Россіи и Турціи, которыя въ войнѣ не участвуютъ, поэтому англійскіе крейсера, вошедшіе въ Черное море, будутъ признаваться за морскихъ разбойниковъ. Неизвѣстно, какъ отнеслось англійское правительство къ этому заявленію, но оно отказалось исполнить другое требованіе Россіи — о снятіи блокады съ устьевъ Эльбы.

Въ февралѣ 1804 г. во главѣ русской коллегіи иностранныхъ дѣлъ сталъ князь Адамъ Чарторыжскій. Положеніе русской политики было весьма странное. Съ одной стороны приходилось сближаться съ Англіей съ цѣлью общихъ дѣйствій противъ честолюбиваго Наполеона, съ другой стороны приходилось бороться съ антирусскими интригами англійскихъ агентовъ въ Турціи, которые самымъ усердным образомъ поддерживали притѣсненія, чинимыя турками надъ христіанскимъ населеніемъ Турціи. Графу Воронцову предписано было обратить вниманіе англійскаго правительства на дѣйствія его агентовъ. Онъ исполнилъ порученіе, хотя самъ былъ отъявленнымъ противникомъ плана объ освобожденіи Греціи отъ турецкаго ига. Порученные графу Воронцову переговоры о заключеніи мирнаго договора съ Англіей подвигались впередъ такъ медленно, что князь Чарторыжскій сталъ наконецъ сомнѣваться въ способности графа Воронцова довести дѣло до конца. Англійское правительство въ октябрѣ 1804 года также прислало новаго посланника лорда Гоуэра.

Въ сентябрѣ 1804 г. въ Лондонъ рѣшено было послать Новосильцова съ чрезвычайнымъ порученіемъ. Инструкціею 11-го сентября ему было поручено устроить такой союзъ съ Англіей, который былъ бы „на самомъ дѣлѣ полезенъ и благодѣтеленъ“. Для этого Англія и Россія должны были стараться объ уничтоженіи „всеобщаго мнѣнія“ о французахъ, какъ поборникахъ свободы и благосостоянія народа. Ближайшая задача обоихъ союзныхъ правительствъ состоитъ въ обезпеченіи за народами свободы. На этомъ основаніи Александръ требовалъ возстановленія Сардиніи въ прежнихъ границахъ, но съ обязательствомъ, чтобы король далъ народу „либеральную и мудрую“ конституцію.

Французскому народу слѣдовало предоставить право самому выбрать династію, но не слѣдовало навязывать ее силой. Вообще Рос-

Библиотека "Руниверс"

сія и Англія, по словамъ инструкціи, не должны были никому навязывать форму правленія, а лишь настаивать на общности основныхъ принциповъ государственныхъ порядковъ. „Вездѣ эти принципы должны быть основаны на священныхъ правахъ человѣчества; вездѣ тотъ же духъ мудрости и благоволенія долженъ управлять учрежденіями".

Затѣмъ въ той же инструкціи говорилось: „Не можетъ быть рѣчи объ осуществленіи идеала вѣчнаго мира. Однако, въ окончательномъ мирномъ трактатѣ можно будетъ опредѣлять въ ясныхъ и точныхъ началахъ законы международнаго права".

Кромѣ того въ сентябрьской инструкціи говорилось о необходимости выдѣленія Австріи и Пруссіи изъ Германской имперіи и о раздѣлѣ разлагающейся Турціи.

Наконецъ, затронутъ былъ и весьма щекотливый и непріятный для англичанъ вопросъ о морскомъ правѣ. Новосильцеву поручалось склонять Англію къ „нѣкоторымъ измѣненіямъ ея морскаго кодекса". Англія выводитъ изъ терпѣнія нейтральныя государства нарушеніемъ ихъ интересовъ. Нѣкоторая уступчивость съ ея стороны въ этомъ отношеніи была бы полезна для нея самой.

Новосильцовъ прибылъ въ Лондонъ 4-го (16-го) ноября 1804 года. Парламентъ въ это время былъ распущенъ, и Новосильцовъ не могъ видѣть „никого изъ тѣхъ знаменитыхъ своимъ законо-искусствомъ мужей, коихъ разсужденія могутъ быть полезны". Онъ остался доволенъ англійскими министрами. Русскій посолъ въ Лондонѣ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ былъ недоволенъ присылкою Новосильцева и открыто выражалъ свое неудовольствіе.

Новосильцевъ исполнялъ данное имъ порученіе съ пріемами самоувѣреннаго и легкомысленнаго дипломата. Забавнѣе всего, что по вопросу о морскомъ правѣ онъ обращался за совѣтами къ англійскому призовому судьѣ Скотту, отъявленному врагу правъ нейтральныхъ. Понятно, что Питтъ безъ труда согласился съ „правилами", составленными по совѣту такого дѣятеля, какъ Скоттъ. Изъ переписки Новосильцова не видно, въ чемъ, собственно, состояли эти „правила".

Въ Петербургѣ на миссію Новосильцова возлагались особыя надежды. Князь Чарторыжскій писалъ ему, что Государь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ отъ него добрыхъ извѣстій, которыя могли бы прогнать его мрачное настроеніе. „Государь постоянно повторяетъ: „*Посмотримъ, что Новосильцовъ намъ скажетъ; надо ждать отъ него извѣстій*". Эти желанныя извѣстія должны были „поднять духъ" въ Петербургѣ.

Не смотря на свое хвастовство, Новосильцовъ все-таки довелъ

Библиотека "Руниверс"

свою миссію до конца, такъ какъ англійское правительство настоятельно нуждалось въ союзѣ съ Россіей. Союзная конвенція между Россіей и Англіей была подписана 30-го марта (11-го апрѣля) 1805 года.

Тѣмъ не менѣе императоръ Александръ, хотя и признавалъ эту конвенцію „краеугольнымъ камнемъ", но не желалъ ратификовать ее, пока не будетъ измѣнена включенная въ нее статья объ островѣ Мальтѣ. Англія упорно отказывалась согласиться на очищеніе Мальты. Россія предлагала занять Мальту своимъ гарнизономъ и содержать его тамъ по соглашенію съ сицилійскимъ королемъ и орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

Англійскій посолъ лордъ Гоузъ предлагалъ свою редакцію и прямо объявилъ, что скорѣе рѣшится прекратить всякіе переговоры о союзномъ трактатѣ, чѣмъ согласится подписать условіе о выведеніи съ острова Мальты англійскихъ войскъ. 5-го іюня министерство Питта объявило графу Воронцову, что англійское правительство не можетъ отказаться отъ Мальты и потому считаетъ союзный договоръ съ Россіей не состоявшимся.

Но, если англійскіе министры и слышать не хотѣли объ очищеніи Мальты, то требованіе объ усвоеніи Англіею началъ вооруженнаго нейтралитета окончательно вывело ихъ изъ себя. Англійскіе министры, писалъ Воронцовъ въ Петербургъ, были „возмущены" такимъ требованіемъ. Питтъ прямо сказалъ, что отреченіе Англіи отъ усвоенныхъ ею началъ морскаго права давно привело бы ее къ гибели.

Въ Петербургѣ донесенія Воронцова вызвали удивленіе и раздраженіе. Императоръ Александръ и Чарторыжскій воображали, что Англія уже на все согласилась. Императоръ Александръ до такой былъ степени разгнѣванъ, что Чарторыжскій опасался, какъ бы онъ не принялъ какого-нибудь необдуманнаго рѣшенія. Императоръ рѣшилъ не обнаруживать предъ Европой своихъ разногласій съ Англіей и все-таки отправить Новосильцова въ Парижъ. Новосильцовъ до Парижа не доѣхалъ, такъ какъ внезапный захватъ Наполеономъ Генуэзской республики раздражилъ русскаго государя. Новосильцова вернули съ дороги. Послѣ этого Россіи оставалось только начать войну съ Наполеономъ, и мартовская конвенція съ Англіей была ратифицирована.

Но коалиція Россіи, Австріи и Англіи имѣла плачевный результатъ. Послѣ аустерлицкой битвы русское правительство обвиняло Англію въ неисполненіи принятыхъ ею на себя обязательствъ, такъ какъ англійскія и ганноверскія войска не сдѣлали необходимой да-

Библиотека "Руниверс"

версіи противъ французовъ. Англія въ свою очередь была недовольна эгоистическою политикой Австріи и тѣмъ, что Россія предлагала англійскому правительству согласиться на присоединеніе Ганновера къ Пруссіи.

Въ январѣ 1806 года умеръ Питтъ, и графъ Воронцовъ, бывшій съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, былъ глубоко опечаленъ этимъ событіемъ. Не задолго до смерти Питтъ имѣлъ съ нимъ бесѣду о политическомъ состояніи Европы. По словамъ Питта, въ Европѣ остались только двѣ державы, которыя не боятся Наполеона, Англія и Россія, и русскіе и англичане могутъ гордиться своей самостоятельностью. Питтъ умеръ бѣднымъ, не нашлось даже денегъ на его похороны. Преемникъ Питта, Фоксъ, также умершій въ 1806 году (въ сентябрѣ) не сходился съ графомъ Воронцовымъ во взглядахъ. Въ самыхъ дѣйствіяхъ Фокса не было ничего такого, что могло бы снискать ему расположеніе петербургскаго кабинета. Онъ вопреки волѣ русскаго правительства, представилъ парламенту текстъ тайнаго договора съ Россіей, отказался снять блокаду Любека въ ущербъ русской торговлѣ, вошелъ въ секретную переписку съ министромъ Наполеона Талейраномъ. Воронцовъ рѣшился выйдти въ отставку, получилъ ее въ февралѣ и въ апрѣлѣ имѣлъ у короля Георга III прощальную аудіенцію.

Король во время аудіенціи доказывалъ, что сама природа сдѣлала изъ Россіи и Англіи естественныхъ союзниковъ, что Россія и Англія останутся въ союзѣ, а Наполеонъ погибнетъ. Графъ Воронцовъ, выйдя въ отставку, оставался въ Англіи до своей кончины, которая послѣдовала въ 1832 году.

Графа Воронцова временно смѣнилъ графъ Строгановъ, пользовавшійся, подобно Новосильцову, особеннымъ довѣріемъ императора Александра. Строганову поручено было узнать, какъ смотритъ англійское правительство на созданіе на Балканскомъ полуостровѣ славянскаго и греческаго государствъ подъ протекторатомъ Россіи. Фоксъ ничего не сказалъ объ этомъ планѣ, но обѣщалъ, что Англія приметъ участіе въ раздѣлѣ Турціи съ Россіей и Австріей и себѣ возьметъ Кандію и Александрію. Хотя князь Чарторыжскій постоянно увѣрялъ англичанъ, что Россія не вступитъ въ отдѣльные переговоры съ Наполеономъ, однако, 8-го (20-го) іюля 1806 г. Убри заключилъ съ нимъ отдѣльный договоръ, составленный почти подъ диктовку Талейрана. Въ Лондонѣ были изумлены и раздражены. Самъ Строгановъ, въ письмѣ къ новому министру иностранныхъ дѣлъ, ба-

Библиотека "Руниверс"

рону Будбергу, говорилъ, что этотъ договоръ противенъ чести и достоинству Россіи. Императоръ Александръ отказался утвердить его, и извѣстіе о таковомъ его рѣшеніи очень обрадовало англійское правительство. Въ прокламаціи къ народу 21-го октября 1806 года англійскій король объявлялъ, что честный образъ дѣйствій Россіи „наложилъ на него еще болѣе твердое обязательство не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ столь вѣрнаго союзника".

Новый русскій посолъ Алопеусъ прибылъ въ Лондонъ въ февралѣ 1807 года послѣ почти мѣсячнаго плаванія по Нѣмецкому морю. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Говикъ съ самаго начала объявилъ ему, что Англія можетъ принести нѣкоторыя жертвы на общее дѣло борьбы съ Наполеономъ, но что они не могутъ быть значительны, о высадкѣ же англійскихъ войскъ на европейскомъ материкѣ не можетъ быть и рѣчи. Говикъ кромѣ того выражалъ неудовольствіе по поводу отмѣны русско-англійскаго торговаго трактата 1797 года и даже угрожалъ Россіи гнѣвомъ англійскаго народа вообще и купцовъ въ особенности. Въ мартѣ этого нахальнаго министра смѣнилъ молодой и даровитый Каннингъ.

Каннингъ, котораго Алопеусъ въ своихъ донесеніяхъ называлъ „умнымъ человѣкомъ", на словахъ очень много распространялся о дружбѣ Англіи къ Россіи, но своими дѣйствіями не подтверждалъ этихъ словъ. Англійское правительство не платило обѣщанныхъ субсидій, отказалось гарантировать на лондонской биржѣ русскій заемъ, отказалось произвести высадку своихъ войскъ на материкѣ, не оказывало никакого содѣйствія русскому флоту противъ Турціи, отказалось присоединиться къ русско-прусской Бартенштейнской конвенціи. Поэтому вполнѣ понятно, что Александръ I сдѣлалъ англійскому послу лорду Гоузру весьма суровый пріемъ и не согласился возобновить торговый трактатъ 1797 года. Нападеніе англійскаго флота на Копенгагенъ еще болѣе раздражило русскаго государя. Тильзитскій миръ былъ естественнымъ послѣдствіемъ такой своеобразной политики Англіи. Въ депешѣ отъ 28-го іюня (10-го іюля) 1807 г. измѣненіе политики Александра I было мотивировано странными дѣйствіями Англіи. Впрочемъ, самъ Каннингъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ парламентѣ 19-го (31-го іюля), оправдывалъ поступокъ Россіи и во всемъ обвинялъ Англію. „Мы, сказалъ онъ, измѣнили континенту".

27-го октября (8-го ноября) Алопеусъ вручилъ Каннингу ноту, написанную въ весьма энергичномъ тонѣ. Въ ней перечислялись разныя обвиненія противъ Англіи и объявлялось, что уничтожаются на-

Библиотека "Руниверс"

всегда всѣ прежніе трактаты Россіи съ Англіей, что Россія снова провозглашаетъ начала вооруженнаго нейтралитета.

На основаніи этихъ нотъ, была составлена декларація 26-го октября 1807 (№ 410), въ которой, послѣ перечисленія вышеуказанныхъ доводовъ, было сказано, что „Его Императорское Величество прерываетъ всякое сообщеніе съ Англіею, отзываетъ свое посольство, тамъ бывшее, и не желаетъ имѣть здѣсь (въ Петербургѣ) англійскаго". Возстановленіе нормальныхъ сношеній между Англіей и Россіей было поставлено въ зависимость отъ удовлетворенія Даніи.

Объ этихъ важныхъ рѣшеніяхъ русскаго правительства Каннингъ узналъ раньше Алопеуса и поспѣшилъ принять свои мѣры. На всѣ русскія суда было наложено запрещеніе, а въ Портсмутѣ захваченъ русскій фрегатъ, на которомъ находилось 3 милліона рублей. Англійскій король обратился къ народу съ манифестомъ, которымъ разрывались дипломатическія сношенія съ Россіей. Обо всемъ этомъ русскій посолъ узналъ отъ самаго Каннинга. Депеша 26-го октября была получена имъ лишь 23-го ноября. Съ большимъ трудомъ Алопеусу удалось уѣхать во Францію. Въ теченіе послѣднихъ 5 мѣсяцевъ онъ не получалъ отъ русскаго правительства никакихъ инструкцій и не имѣлъ никакихъ извѣстій. О рѣшеніяхъ русскаго правительства онъ узнавалъ лишь отъ англійскихъ министровъ!

Передъ отъѣздомъ изъ Лондона Алопеусъ имѣлъ съ Каннингомъ интересную бесѣду о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи. Каннингъ осуждалъ политическую систему, принятую русскимъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ. Такая система, говорилъ онъ, противна преданіямъ европейской политики Петра Великаго. Россія не можетъ равнодушно относиться къ положенію европейскихъ державъ. До сихъ поръ Англія содѣйствовала (?) величію Россіи. Отнынѣ она будетъ мѣшать усиленію ея могущества. „Мы, грозилъ Каннингъ, заключимъ съ Бонапартомъ миръ и предоставимъ въ его распоряженіе весь континентъ, тогда онъ перестанетъ оспаривать у насъ владычество надъ морями". Напрасно русскій канцлеръ расчитываетъ на Наполеона. Бонапартъ лжецъ. Развѣ не обѣщалъ онъ принять начала вооруженнаго нейтралитета и развѣ не отказался отъ нихъ въ „Moniteur"? Англія могла бы согласиться на мирные переговоры съ Франціей только подъ условіемъ принятія ею принципа „uti possidetis", и при условіи полнаго равенства.

Въ первыхъ числахъ марта 1808 года Алопеусъ прибылъ въ Парижъ, имѣлъ аудіенцію у Наполеона и сказалъ ему объ условіяхъ

Библиотека "Руниверс"

мира, выставленныхъ Каннингомъ, Наполеонъ соглашался на такой миръ, но вскорѣ перемѣнилъ свое мнѣніе, и посредничество Алопеуса такъ и осталось однимъ предположеніемъ.

Война 1808 года между Россіей и Англіей отличалась тѣмъ, что не вызвала никакихъ военныхъ дѣйствій. Правда, русская военная эскадра адмирала Сенявина была взята въ плѣнъ англійскимъ флотомъ, но англійское правительство, вопреки обычаю, не конфисковало ее, а обязалось возвратить Россіи. Пострадали лишь немногія торговыя суда. Во всякомъ случаѣ за эти 4 года войны съ Англіей русскіе торговые интересы сильно пострадали вслѣдствіе присоединенія Россіи къ континентальной системѣ Наполеона.

Между тѣмъ Наполеонъ не исполнялъ обязательствъ Тильзитскаго мира и въ 1811 году началъ угрожать Россіи войной. Оставившій русскую службу дипломатъ Поццо ди Борго ѣздилъ въ Лондонъ въ 1811 году. Принцъ-регентъ, принимая его, говорилъ объ естественности англо-русскаго союза противъ общаго врага. Поццо ди Борго написалъ изъ Лондона къ императору Александру нѣсколько писемъ.

Въ началѣ марта 1812 года императоръ Александръ послалъ въ Стокгольмъ генерала Сутелена для заключенія союза со Швеціей. Шведскій наслѣдникъ, бывшій наполеоновскій маршалъ Бернадотъ, готовъ былъ заключить союзъ съ Россіей, но прежде считалъ необходимымъ помирить Англію съ Россіей. Онъ самъ вызвался принять на себя посредничество. Одновременно съ Сутеленомъ въ Стокгольмъ прибылъ англійскій дипломатъ Торнтонъ также для заключенія союза со Швеціей и также въ качествѣ „простаго туриста“. Испанскій посланникъ Марено познакомилъ этихъ двухъ „туристовъ“, англійскаго и русскаго у себя на дому и далъ имъ возможность побесѣдовать другъ съ другомъ. Бесѣда велась въ общихъ выраженіяхъ, но 12-го апрѣля императоръ Александръ прислалъ Сутелену депешу съ порученіемъ начать переговоры о союзѣ съ Англіей. Проектъ русскаго государя состоялъ въ устройствѣ при помощи Англіи диверсіи изъ славянъ противъ Австріи и французскихъ провинцій на Адріатическомъ побережьи (Иллиріи). Въ 9-мъ пунктѣ депеши было сказано, что предстоящая война есть „война народовъ“. Поэтому англійскій народъ, подобно другимъ, заинтересованъ въ поддержаніи этой войны всѣми силами. Императоръ требовалъ, чтобы Англія точно обозначала принимаемыя на себя въ отношеніи къ союзникамъ обязательства. Переговоры о союзѣ между Россіей и Швеціей привели къ желанному результату: 28-го марта (9-го апрѣля) 1812 г. была

Библиотека "Руниверс"

подписана русско-шведская конвенція, а въ началѣ іюня изъ Лондона было получено извѣстіе, что Англія присоединилась къ этому союзу и назначила своимъ посломъ въ Петербургѣ лорда Каткарта. Мирный договоръ Россіи съ Англіей былъ подписанъ въ Эребро 6-го (18-го) іюля и ратификованъ императоромъ Алелксандромъ 1-го августа того же 1812 года. Впрочемъ, помощь со стороны Англіи была чисто платоническая. Отъ платежа субсидій Россіи англійское правительство отказывалось самымъ настойчивымъ образомъ, подъ предлогомъ разоренія страны продолжительными войнами. Точно также англійское правительство отклонило посредничество, предложенное Россіею для прекращеніе войны, возникшей между Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Въ декабрѣ въ Лондонъ прибылъ новый русскій посолъ графъ Ливенъ, проѣхавшій черезъ Швецію. Въ Стокгольмѣ онъ встрѣтилъ прекрасный пріемъ со стороны шведскаго наслѣднаго принца Бернадота, который уже успѣлъ заручиться согласіемъ императора Александра на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи. Но Бернадоту мало было одной Норвегіи. Онъ еще требовалъ города Копенгагена съ окрестностями, предлагая взамѣнъ Померанію и Мекленбургъ. Бернадотъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался предъ гр. Ливеномъ объ императорѣ Александрѣ, обѣщалъ навсегда остаться вѣрнымъ ему и Россіи, но на самомъ дѣлѣ поступалъ вѣроломно и двоедушно. Такъ напримѣръ изъ депеши Нессельроде къ Ливену отъ 18-го мая 1813 года видно, что Бернадотъ, не смотря на союзъ съ Россіей и Англіей, самымъ возмутительнымъ образомъ поступалъ относительно Гамбурга.

Графу Ливену пришлось вести съ англійскимъ министерствомъ продолжительные переговоры объ уплатѣ субсидій Россіи, пока Англія согласилась на заключеніе конвенціи по этому предмету. Эта конвенція была подписана, „чтобы положить предѣлъ разрушительнымъ планамъ врага Европы“, въ Рейхенбахѣ 3-го (15-го) іюня 1813 г. Въ силу ея, Россія обязалась содержать для войны съ Наполеономъ 160-ти тысячную армію. Англійскія субсидіи, вмѣсто потребованныхъ 5 милліоновъ фунтовъ въ годъ, исчислены были въ размѣрѣ немногимъ болѣе 1.833.000 фунтовъ.

Императоръ Александръ не былъ доволенъ Рейхенбахскою конвенціею 1813 года. Когда съ Наполеономъ было заключено перемиріе, лондонскій кабинетъ объявилъ, что пока оно длится, Англія не будетъ платить субсидій. Въ іюлѣ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Каткартъ объявилъ, что Англія готова отказаться отъ

Библиотека "Руниверс"

своихъ завоеваній, но никогда не сдѣлаетъ уступокъ въ вопросѣ о ея морскихъ правахъ. Императоръ Александръ обѣщалъ, что вопросы международнаго морскаго права не будутъ затронуты, и тогда только англійскій министръ подписалъ условія о субсидіяхъ и выпускѣ временныхъ кредитныхъ билетовъ на 15,000.000 талеровъ.

Въ ноябрѣ 1813 года англійское правительство сдѣлало предложенія объ „общемъ союзномъ трактатѣ“ всѣхъ европейскихъ государствъ противъ Франціи. Русское правительство отклонило это предложеніе, находя вполнѣ достаточными существовавшіе уже союзные договоры. Въ томъ же ноябрѣ русское правительство отправило въ Лондонъ генералъ-маіора Поццо ди Борго съ порученіемъ убѣдить англійское министерство въ необходимости приносить болѣе жертвъ на дѣло общей борьбы съ Наполеономъ. Поццо ди Борго вмѣстѣ съ русскимъ посломъ графомъ Ливеномъ долженъ былъ требовать отъ Англіи не менѣе 5 милліоновъ фунтовъ субсидій на 1814 годъ. Еще до пріѣзда Поццо ди Борго въ Лондонъ, графъ Ливенъ спрашивалъ лорда Кестльри: какія земли Англія намѣрена возвратить Франціи по окончаніи войны. Англійскій министръ былъ разсерженъ этимъ вопросомъ и нашелъ его во всѣхъ отношеніяхъ неумѣстнымъ. Онъ увидѣлъ въ предложеніи подобнаго вопроса русскимъ посломъ недостатокъ довѣрія къ Англіи со стороны Россіи. „Кое-что“ Англія готова была возвратить, но отлагала разсужденіе объ этомъ до момента заключенія мира. Но англійское правительство на отрѣзъ отказывалось согласиться на обсужденіе вопросовъ морскаго международнаго права на будущемъ конгрессѣ. И Поццо ди Борго съ графомъ Ливеномъ вынуждены были вручить англійскимъ министрамъ ноту, въ которой отъ имени русскаго правительства обѣщали, что эти вопросы не будутъ затронуты.

Въ январѣ 1814 г. союзныя войска вторглись во Францію, и слѣдовало рѣшить, оставить ли Наполеона царствовать во Франціи или замѣнить его кѣмъ-либо другимъ. Императоръ Александръ былъ того мнѣнія, что союзникамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ этотъ внутренній династическій вопросъ и предоставить его рѣшеніе самому французскому народу. Въ этомъ смыслѣ былъ написанъ въ январѣ докладъ графа Нессельроде. Согласіе между союзниками вновь было подтверждено Шомонскимъ трактатомъ, но этотъ трактатъ не обезпечивалъ его вполнѣ, такъ какъ Австрія продолжала придерживаться двойственной политики, а въ Англіи образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна съ принцемъ регентомъ и слышать не хотѣла о мирѣ

Библиотека "Руниверс"

съ Наполеономъ, а другая находила такой миръ возможнымъ. На Шатильонскомъ конгрессѣ въ февралѣ 1814 г. лордъ Кестльри настаивалъ на немедленномъ заключеніи мира съ Наполеономъ. Послѣ занятія Парижа союзными войсками, Наполеонъ отрекся отъ престола, а Россія и Англія заключили новый трактатъ о размѣрѣ военныхъ силъ, которыя должны были имѣть для обезпеченія своихъ интересовъ на вѣнскомъ конгрессѣ.

Въ апрѣлѣ того-же года въ Лондонъ пріѣхала сестра императора Александра великая княгиня Екатерина Павловна. Братъ регента, герцогъ Кларанскій, влюбился въ нее и просилъ ея руки. Но великая княгиня, которой онъ не нравился, объявила, что не намѣрена вторично выходить замужъ, и просила гр. Ливена освободить ее отъ ухаживанія герцога. Ливенъ сказалъ объ этомъ регенту, и пылкаго герцога послали въ Парижъ вмѣстѣ съ королемъ Людовикомъ XVIII. Въ то же время за другую сестру императора, Анну Павловну, сватался герцогъ Беррійскій, будущій наслѣдникъ французскаго престола. Дочь англійскаго принца регента, Шарлотта, основываясь на словахъ, будто бы сказанныхъ ей русскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, Татищевымъ, вообразила, что за нее посватается великій князь Николай Павловичъ, и отказала своему жениху принцу Оранскому. Графу Ливену пришлось и по этому поводу объясняться съ принцемъ регентомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что принцъ Оранскій женился на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, а принцесса Шарлотта вышла за принца Саксенъ-Кобургскаго Леопольда.

Въ іюнѣ 1814 года императоръ Александръ пріѣхалъ въ Англію и встрѣтилъ тамъ блестящій пріемъ, получилъ множество адресовъ отъ городовъ и корпорацій и званіе доктора правъ отъ Оксфордскаго университета, которому впослѣдствіи (въ 1817 году) прислалъ свой портретъ, писанный Жераромъ.

На вѣнскомъ конгрессѣ британскій уполномоченный лордъ Кестльри совершенно подпалъ подъ вліяніе дипломатическаго интригана Меттерниха, и тайно и явно противился осуществленію плановъ Россіи относительно Варшавскаго герцогства. 15-го декабря 1814 г. графу Ливену Высочайшимъ рескриптомъ было поручено представить англійскому правительству формальную жалобу на образъ дѣйствій лорда Кестльри на вѣнскомъ конгрессѣ. Въ рескриптѣ доказывалось, что французская революція все перемѣнила и что назадъ идти нельзя, что Россія относительно Польши не можетъ придерживаться отжившей политики Австріи, что Кестльри распространяетъ сказку о томъ,

Библиотека "Руниверс"

будто бы императоръ Александръ „какъ завоеватель опаснѣе самого Наполеона". Государь желалъ бы дать полякамъ „хорошее національное управленіе", въ надеждѣ этимъ путемъ привязать ихъ къ Россіи. Въ такой политикѣ нѣтъ ничего анти-европейскаго, и представителю свободной Англіи прямо неприлично протестовать противъ подобной политики Россіи. Въ Лондонѣ между тѣмъ отношенія принца-регента къ русскому послу графу Ливену измѣнились радикальнымъ образомъ. Принцъ-регентъ подчинился вліянію австрійскаго посла, который открыто говорилъ, что лучше начать новую войну, чѣмъ согласиться на требованія Россіи относительно Польши. Въ январѣ 1815 г. дѣло дошло до заключенія пресловутаго четвернаго союза противъ Россіи. Графу Ливену тѣмъ труднѣе было добиться въ Англіи какихъ-либо результатовъ, что принцъ-регентъ не терпѣлъ министерства Ливерпуля и, проживая въ Брайтонѣ со своею любовницей маркизой Гертфордъ, не допускалъ къ себѣ ни одного министра. Не извѣстно, къ какому результату привело-бы столкновеніе между Россіей и Англіей, если бы внезапное возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы не заставило разсорившихся союзниковъ снова помириться другъ съ другомъ. Послѣ мартовскаго договора, заключеннаго въ Вѣнѣ между всѣми союзниками, отношенія Англіи къ Россіи опять сдѣлались удовлетворительными, и самъ лордъ Кестльри защищалъ русскую политику въ британскомъ парламентѣ. Но эта перемѣна была временная и вынужденная. Англія нуждалась въ помощи Россіи и потому заискивала ея расположенія. Она обязалась уплатить союзникамъ 5 милліоновъ фунтовъ и приняла на себя часть русскаго займа, заключеннаго въ Голландіи. Взамѣнъ этой послѣдней уступки Россія обязалась не противиться соединенію Бельгіи съ Голландіей въ одно Голландское государство. Часть долга брала на себя Голландія. Но въ договорѣ было предусмотрѣно, что, если Голландія лишится со временемъ Бельгіи, то освобождается отъ этого обязательства относительно Россіи.

Стодневное владычество Наполеона окончилось. Онъ добровольно отдался подъ покравительство Англіи. Англійскій корабль „Bellerophon" привезъ плѣнника въ Плимутъ подъ желтымъ флагомъ, какой выкидывается лишь на корабляхъ съ зачумленными. Англійское министерство не совсѣмъ было довольно выпавшей на его долю ролью тюремщика Наполеона, и лордъ Ливерпуль высказывалъ графу Ливену, что лучше было бы, если бы самъ Людовикъ XVIII судилъ и казнилъ Наполеона, какъ государственнаго преступника. Наполеона насильно

Библиотека "Руниверс"

перевезли на другой фрегатъ и отправили на островъ св. Елены. Всѣмъ иностраннымъ судамъ было запрещено приближаться къ этому острову. 21 іюля (2 августа) между Англіей и Россіей заключена была особая конвенція о содержаніи Наполеона подъ стражей.

За этою конвенціею послѣдовали другія—о субсидіяхъ, которыя Англія должна была выплачивать на содержаніе русской арміи за предѣлами Россіи, о протекторатѣ Англіи надъ Іоническими островами. Кромѣ того принцъ-регентъ въ формѣ особаго письма присоединился за себя лично (но не за Англію) къ акту священнаго союза 1815 г. Но общественное мнѣніе Англіи отнеслось къ акту священнаго союза 26 сентября 1815 г. съ явною враждой. Въ засѣданіи 9 февраля 1816 г. вождь оппозиціи, Брумъ, въ рѣзкой рѣчи нападалъ на этотъ союзъ и въ заключеніе спросилъ: почему-же англійское правительство не присоединилось къ нему? Лордъ Кестльри отвѣчалъ довольно безсвязною рѣчью, въ которой восхвалялъ благородный характеръ императора Александра и оправдывалъ англійское правительство за его коалицію съ Франціею и Австріею противъ Россіи (конвенція 3 января 1815 г.).

Послѣ вѣнскаго конгресса усилія Россіи были направлены къ предупрежденію новыхъ переворотовъ во Франціи. Съ этою цѣлію принимались рѣшенія, иногда совершенно неосуществимыя. Такъ въ 1816 г. императоръ Александръ чрезъ графа Ливена хотѣлъ добиться отъ англійскаго правительства, чтобы оно учредило бдительный надзоръ за британскими подданными въ Парижѣ и удерживало ихъ отъ сношеній съ оппозиціей. Въ мартѣ 1816 г. императоръ Александръ поднялъ вопросъ о разоруженіи. Мысли русскаго государя объ этомъ вопросѣ были изложены въ письмѣ къ лорду Кестльри отъ 21 марта 1816 и впослѣдствіи подробно развиты въ инструкціяхъ графа Нессельроде къ русскимъ дипломатическимъ представителямъ за границей. Возможность разоруженія выводилась изъ „европейской системы", основанной на тѣсномъ союзѣ между четырьмя великими державами Англіей, Россіей, Австріей и Пруссіей. Эти предложенія Россіи въ Англіи не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Отношенія англійскаго правительства къ Россіи были проникнуты недовѣріемъ, которое иногда вело къ личнымъ непріятностямъ (напримѣръ во время пріѣзда въ Англію великаго князя Николая Павловича въ ноябрѣ 1816 года). Англійское правительство въ принципѣ одобряло разоруженіе, но находило, что трудно его осуществить, и предлагало Россіи показать примѣръ другимъ державамъ. Отвѣтъ Англіи не могъ понравиться императору Александру, и вопросъ о разоруженіи былъ отложенъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ томъ же 1816 году русское правительство приглашало Англію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ варварійскихъ морскихъ пиратовъ. Англія согласилась на это предложеніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вопросъ о пиратахъ былъ связанъ съ вопросомъ о воспрещеніи торговли невольниками. Императоръ Александръ не соглашался на соединеніе этихъ двухъ вопросовъ и требовалъ, чтобы мѣры противъ торговли неграми были приняты на Лондонской конференціи не иначе, какъ при участіи Испаніи и Португаліи. Лондонская конференція состоялась, но безъ участія испанскаго и португальскаго представителей. Тѣмъ не менѣе графъ Ливенъ подписалъ ея протоколъ, чѣмъ вызвалъ сильное неудовольствіе императора Александра. Кромѣ того Англія рѣшилась дѣйствовать противъ пиратовъ по собственному усмотрѣнію, и англійскій флотъ подвергъ Алжиръ бомбардированію.

Императоръ Александръ также былъ недоволенъ постоянными попытками Англіи вмѣшиваться въ отношенія Россіи къ Турціи и Персіи. Русское правительство твердо держалось слѣдующаго принципа въ отношеніи къ азіятскимъ народомъ: „никогда не допускать въ отношеніи подобныхъ столкновеній ни посредничества, ни вмѣшательства, ни даже добрыхъ услугъ иностранной державы и разсматривать эти отношенія скорѣе какъ домашнія дѣла“. Англія, по словамъ одной изъ депешъ графа Нессельроде, должна была лучше чѣмъ кто-либо понимать эту аксіому, такъ какъ ея собственныя отношенія къ азіятскимъ народамъ представляютъ много сходства съ отношеніями къ нимъ Россіи.

Англія была несогласна съ этою „аксіомой“ русской политики и всячески противодѣйствовала Россіи на востокѣ. Англійскіе офицеры, находившіеся на персидской службѣ, открыто дѣйствовали противъ кавказскаго главнокомандующаго генерала Ермолова.

Въ 1817 году императоръ Александръ, желая помочь испанскому правительству въ борьбѣ его съ возставшими южно-американскими колоніями, согласился продать Испаніи 5 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ. Эта покупка Испаніей цѣлой русской эскадры не могла не произвести самаго дурнаго впечатлѣнія въ Лондонѣ. Лордъ Кестльри усмотрѣлъ въ этой небывалой операціи вмѣшательство Россіи въ борьбу Испаніи съ ея колоніями. Дѣйствительно, русское правительство хлопотало о европейскомъ вмѣшательствѣ въ пользу Испаніи, но британскій кабинетъ категорически высказался противъ такого вмѣшательства.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ Ахенскаго конгресса 1818 г. [1]), на которомъ разногласіе между Англіей и Россіей обнаружилось въ полной мѣрѣ (Англія своимъ противодѣйствіемъ не допустила исполненія грандіознаго русскаго проекта объ учрежденіи „Institution africaine“ для скорѣйшаго уничтоженія торга неграми на африканскомъ берегу), недовѣріе Англіи къ русской политикѣ обратилось въ систему. Англія стала жаловаться на поведеніе русскаго посла въ Парижѣ графа Поццо-ди Борго, котораго лордъ Кестльри находилъ болѣе французомъ, чѣмъ русскимъ. Въ свою очередь русское правительство жаловалось на франкофобскія дѣйствія англійскаго посла въ Парижѣ Стюарта. Эти взаимныя жалобы объясняются внутреннимъ критическимъ положеніемъ Франціи. Меттернихъ предлагалъ учредить въ Парижѣ постоянную конференцію изъ представителей 4 великихъ державъ для наблюденія за положеніемъ дѣлъ во Франціи. Но ни Россія, ни Англія не соглашались на это предложеніе. Въ инструкціяхъ, данныхъ графу Ливену, императоръ Александръ выражалъ желаніе дѣйствовать въ отношеніи къ Франціи и къ Германіи по соглашенію съ Англіей. Особенно важно было такое совмѣстное дѣйствіе въ вопросѣ о Германіи, гдѣ Карлсбадскія постановленія вызвали бурю негодованія.

Между тѣмъ въ 1820 году вспыхнула неаполитанская революція, приведшая къ созванію конгрессовъ въ Троппау и Лайбахѣ. Результатомъ совѣщаній этихъ конгрессовъ была австрійская военная экзекуція, водворившая ненавистнаго неаполитанцамъ короля на его престолъ [2]). Англія отказалась участвовать въ троппаускомъ конгрессѣ. Лордъ Кестльри въ бесѣдѣ съ графомъ Ливеномъ признался, что „система императора Александра стремится къ такому совершенству, которое англійское правительство не считаетъ примѣнимымъ ни къ нашему вѣку, ни къ людямъ“. Эта система „прекрасный призракъ“, которымъ Англія увлекаться не можетъ, такъ какъ неспособна къ спекулятивной политикѣ. Англія смотритъ на перевороты въ Италіи и въ Испаніи, какъ на внутреннія преобразованія, до которыхъ ей нѣтъ дѣла. Графъ Каподистрія, по порученію императора Александра, писалъ къ графу Ливену, чтобы онъ попытался подѣйствовать на

---

[1]) Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. т. VII. №№ 288—296.

[2]) Bianchi, Storia documentata della diplomazia europea in Italia, t. I, p. 443 и сл.

Библиотека "Руниверс"

англійское правительство чрезъ посредство короля, но король въ это время былъ поглощенъ страстью къ лэди Кэннингэмъ и процессомъ своего развода съ королевой.

На троппаускомъ конгрессѣ три союзныя державы двумя протоколами [1]) провозгласили право вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ. Англійское правительство самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалось подписать эти протоколы.

Система вмѣшательства получила дальнѣйшее развитіе на Лайбахскомъ конгрессѣ, рѣшенія котораго вызвали въ Англіи глубокое негодованіе. Англійское правительство въ январѣ 1821 года протестовало противъ рѣшеній конгресса. Въ парламентѣ дѣло дошло до явно неприличныхъ нападеній на императора Александра, такъ что графъ Ливенъ одно время собирался покинуть Англію. Самъ король Георгъ IV выразилъ свое негодованіе по поводу одной рѣчи лорда Голланда въ палатѣ лордовъ.

Въ іюлѣ 1821 года было получено извѣстіе о кончинѣ Наполеона. Наполеонъ жилъ на островѣ св. Елены подъ присмотромъ нахальнаго и злаго англійскаго тюремщика—губернатора Гудсона Ловъ, котораго г. Мартенсъ справедливо называетъ извергомъ. Онъ значительно способствовалъ преждевременной кончинѣ императора и отравилъ ему послѣдніе годы жизни. Лордъ Лондондерри (прежде Кестльри) по поводу смерти Наполеона. сказалъ русскому послу загадочно-циническую фразу: „онъ. лордъ, льститъ себя надеждою, что Европа отдастъ Англіи справедливость за то, какъ она исполнила возложенное на нее Европою порученіе“ (!).

Въ 1816 году русское правительство отправило въ Англію четырехъ воспитанниковъ Педагогическаго института для изученія Ланкастерскихъ школъ, которыя очень понравились императору Александру во время его пребыванія въ Англіи въ 1814 году. Русскому послу, графу Ливену, приходилось наблюдать за занятіями этихъ молодыхъ людей, и онъ былъ очень доволенъ ихъ успѣхами и прилежаніемъ.

Въ донесеніяхъ графа Ливена г. Мартенсъ нашелъ также много интересныхъ подробностей о скандальной жизни непопулярнаго въ Англіи принца-регента, впослѣдствіи короля Георга IV. Этотъ король, по словамъ донесенія графа Ливена 6-го (18) сентября 1820 года, „сдѣлался предметомъ всевозможныхъ сатиръ, карикатуръ и про-

[1]) Ф. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ, т. IV, часть I, № 122.

Библиотека "Руниверс"

клятій". Графъ Ливенъ былъ также свидѣтелемъ знаменитаго процесса о разводѣ этого короля съ королевой Каролиной, жизнь которой также не отличалась безупречностью.

Въ 1823 году императоръ Александръ особымъ указомъ уничтожилъ въ отношеніи къ британскимъ подданнымъ право вычета (droit de détraction). То же сдѣлало и англійское правительство относительно русскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Англіи.

На Веронскомъ конгрессѣ Англія должна была принимать лишь косвенное участіе. Министерство Ливерпуля, по настоянію короля, рѣшило отправить на этотъ конгрессъ лорда Лондондерри (Кестльри), но онъ въ августѣ 1822 года покончилъ жизнь самоубійствомъ въ припадкѣ сумасшествія. Преемникомъ Лондондерри былъ назначенъ, вопреки желанію короля, Джорджъ Каннингъ, котораго русскій посолъ упрекалъ въ „измѣнчивости". На конгрессъ былъ посланъ герцогъ Веллингтонъ, и императоръ Александръ остался доволенъ его поведеніемъ. Герцогъ Веллингтонъ между прочимъ выработалъ и военный планъ для экспедиціи французской арміи въ Испанію „отъ имени Европы". Ливерпуль и Каннингъ враждебно относились къ этой экспедиціи. Ихъ рѣчи въ парламентѣ сильно раздражали императора Александра, усматривавшаго въ нихъ „призывъ народовъ къ возмущенію" и „искаженіе понятій о добрѣ и злѣ". Въ свою очередь англійскіе министры называли рѣшенія Веронскаго конгресса „произвольными", „несправедливыми" и „неполитичными". Этого мало, лордъ Ливерпуль объявилъ, что циркуляръ петербургскаго, вѣнскаго и берлинскаго дворовъ отъ 14-го декабря 1822 года обнаруживаетъ „желаніе вызвать торжество деспотизма".

Въ отвѣтъ на такія заявленія графъ Нессельроде жаловался, что англійскіе министры позволяютъ себѣ неприличныя выходки противъ союзныхъ монарховъ и даже грозятъ „серьезными неудобствами". Англійскіе министры, имѣвшіе по данному поводу объясненія съ графомъ Ливенымъ, увѣряли, что въ своихъ рѣчахъ и не думали отзываться оскорбительно о союзныхъ монархахъ.

Впрочемъ, Англія не помѣшала Франціи исполнить порученіе, данное ей Веронскимъ конгрессомъ.

Новое разногласіе между Россіей и Англіей возникло изъ за войны между Испаніей и ея американскими колоніями. Александръ I стоялъ за мадридское правительство. Англія-же защищала возставшія испанскія колоніи. Англія, независимо отъ соображеній торговой политики, дѣйствовала въ пользу этихъ колоній изъ опасенія вмѣшательства

Библиотека "Руниверс"

вашингтонскаго кабинета. которое явно обнаружилось въ знаменитомъ посланіи президента Монроэ. Тонъ этого посланія графъ Ливенъ назвалъ „дерзкимъ и высокомѣрнымъ“. Каннингъ сказалъ графу Ливену, что посланіе Монроэ вызвано русскимъ указомъ отъ 4-го сентября 1821 года, которымъ разграничивались русскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ и все Берингово море объявлялось русскимъ. Англійское правительство объявило этотъ указъ противнымъ началамъ международнаго права. Вслѣдствіе протеста лондонскаго и вашингтонскаго кабинетовъ противъ сентябрскаго указа. начались переговоры, которые привели къ упраздненію сентябрскаго указа въ существенныхъ его частяхъ конвенціею между Англіею и Россіей, заключенною 16-го февраля 1825 года.

5-го декабря 1823 года сѣверо-американскій посланникъ въ Петербургѣ Мидльтонъ предложилъ русскому правительству отмѣнить каперство и признать принципъ неприкосновенности частной собственности на морѣ во время морской войны. Въ подтвержденіе своего предложенія, американское правительство ссылалось на актъ священнаго союза, провозглашавшій начала христіанской религіи руководящими правилами въ политикѣ.

Русское правительство отвѣчало. что не можетъ согласиться на подобныя предложенія безъ согласія другихъ морскихъ державъ.

Восточный вопросъ особенно содѣйствовалъ недоразумѣніямъ между Англіей и Россіей. Англія открыто вмѣшалась въ споръ Россіи съ Турціей съ цѣлью предупредить паденіе этой послѣдней. Греческое возстаніе поэтому произвело ошеломляющее впечатлѣніе на англійское министерство, которое явно опасалось, какъ бы Россія своими силами не произвела разрушенія и раздѣленія Турціи. Англійскіе министры даже боялись завести рѣчь о греческомъ возстаніи съ русскимъ посломъ, и графъ Ливенъ замѣтилъ въ лордѣ Кестльри „большія колебанія“. Этотъ англійскій министръ вообразилъ, что Россія хочетъ создать на мѣстѣ Турціи „греческую имперію“. Перспектива раздѣленія Турціи приводила его въ ужасъ. Графъ Нессельроде въ декабрѣ 1821 года оправдывался противъ подобныхъ подозрѣній. Но англійское правительство не хотѣло вѣрить въ безкорыстность русской политики и въ началѣ 1822 года отказалось подписать „конфиденціальный протоколъ“ о совокупномъ англо-русскомъ вмѣшательствѣ въ греческія дѣла.

Джорджъ Каннингъ, смѣнившій лорда Кестльри, сначала дѣйствовалъ въ духѣ политики своего предшественника и въ концѣ

Библиотека "Руниверс"

1823 года не позволилъ британскому посланнику при русскомъ дворѣ участвовать въ международной конференціи по греческому вопросу, созванной въ Петербургѣ. Отказъ былъ мотивированъ тѣмъ соображеніемъ, что Россія приписываетъ себѣ право на привиллегированное положеніе въ турецкихъ дѣлахъ. Но въ апрѣлѣ 1824 года тотъ же Каннингъ объявилъ, что Англія признаетъ „положительное право Россіи на вмѣшательство Россіи въ греческія дѣла“ и что онъ согласенъ предоставить англійскому посланнику участвовать въ конференціи. Такое настроеніе однако просуществовало до осени 1824 года, когда Каннингъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ созванія петербургской конференціи. Этотъ отказъ сильно раздражилъ императора Александра, и графъ Нессельроде, по его приказанію писалъ графу Ливену 18-го (30) декабря 1824 года: „его императорское величество считаетъ окончательно прекращеннымъ всякій дальнѣйшій обмѣнъ мыслей между Россіей и Англіей объ отношеніяхъ ихъ къ Турціи и объ умиротвореніи Греціи“. Графу Ливену предписано было объявить въ Лондонѣ, что по греческому вопросу онъ не получилъ отъ своего правительства никакихъ инструкцій и не знаетъ намѣреній русскаго двора. Въ Лондонѣ были очень озадачены декабрскою нотой, и король и Веллингтонъ открыто высказывали свое недовольство политикой Каннинга. Каннингъ обидѣлся на намеки, сдѣланные королемъ и просилъ объ отставкѣ. Дѣло уладилось, когда онъ извинился предъ королемъ.

Въ сентябрѣ 1825 года Каннингъ сообщилъ графу Ливену, что британское правительство отказалось взять грековъ подъ свое особое покровительство. Кромѣ того Каннингъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подвергнуть суровой критикѣ политику Австріи, враждебную Россіи. „Меттернихъ, говорилъ онъ, все еще смотритъ на грековъ какъ на бунтовщиковъ, тогда какъ мы признаемъ ихъ воюющею стороной“. На эти откровенности англійскаго министра графъ Ливенъ ничего не отвѣтилъ.

Лѣтомъ 1825 года въ Петербургъ пріѣхалъ новый англійскій посланникъ сэръ Стратфордъ Каннингъ, но, не заставъ тамъ государя, отправился въ Варшаву, гдѣ просилъ свиданія съ графомъ Нессельроде для сообщенія ему важныхъ извѣстій по греческому вопросу. Нессельроде принялъ его, но началъ съ прочтенія русской депеши 16-го декабря 1824 года, а затѣмъ объявилъ, что готовъ говорить съ нимъ о чемъ угодно, только не о греческихъ дѣлахъ. Объ этихъ дѣлахъ онъ можетъ говорить не иначе какъ съ особаго

Библиотека "Руниверс"

высочайшаго разрѣшенія. Когда это разрѣшеніе было получено и графъ Нессельроде снова принялъ посланника, Каннингъ сталъ доказывать, что миръ на востокѣ долженъ быть возстановленъ вмѣшательствомъ великихъ державъ, но не прибѣгая къ принудительнымъ мѣрамъ противъ Порты. Графъ Нессельроде остановилъ его на этихъ словахъ, замѣтивъ, что на этой почвѣ они никогда не придутъ къ соглашенію, что, такъ какъ принципъ вмѣшательства принятъ, то надо доводить дѣло до конца. Но ледъ уже былъ сломанъ и между Англіей и Россіей могло состояться соглашеніе по восточному вопросу, „двери—по выраженію Каннинга—были открыты". Однако это соглашеніе произошло уже при преемникѣ Александра I, императорѣ Николаѣ I. Каннингъ съ рѣшительностью истинно государственнаго человѣка пошелъ на встрѣчу событіямъ и въ концѣ декабря прямо предложилъ графу Ливену смѣлый планъ—рѣшить греческій вопросъ безъ участія прочихъ европейскихъ державъ.

Въ январѣ 1826 года въ Петербургъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ герцогъ Веллингтонъ съ официальнымъ порученіемъ поздравить императора Николая съ восшествіемъ на престолъ. Но, посылая Веллингтона въ Петербургъ, Каннингъ хотѣлъ избавиться отъ неудобнаго совѣтника, въ чемъ откровенно признался графу Ливену.

Герцогу Веллингтону даны были точныя и подробныя инструкціи по восточному вопросу. Въ февралѣ онъ выѣхалъ въ Петербургъ, а въ мартѣ туда же прибылъ и графъ Ливенъ, принявшій дѣятельное участіе въ заключеніи мартовскаго протокола. Герцогу оказанъ былъ въ русской столицѣ самый радушный и почетный пріемъ, и результатомъ его переговоровъ съ графомъ Нессельроде и Ливеномъ былъ знаменитый петербургскій протоколъ 23-го марта (4-го апрѣля) 1826 года. Герцогъ Веллингтонъ еще засталъ въ Петербургѣ курьера, который отправлялся въ Константинополь съ русскимъ ультиматумомъ. Поэтому британскій уполномоченный поспѣшилъ заключить упомянутый протоколъ, въ которомъ для Греціи выговаривалась политическая автономія, подъ условіемъ платежа дани Портѣ. Но исполненіе постановленій этого протокола вызвало разныя препятствія. Каннингъ былъ недоволенъ, что содержаніе его было сообщено русскимъ правительствомъ вѣнскому, берлинскому и парижскому кабинетамъ.

Первая мысль о мирной блокадѣ, приведшей къ Наваринскому сраженію, принадлежала тому же Джорджу Каннингу. Въ концѣ 1826 года Франція присоединилась къ Англіи и Россіи и предложила

Библиотека "Руниверс"

превратить петербургскій протоколъ въ международный трактатъ. Графъ Нессельроде согласился на это, но требовалъ принятія мѣръ, которыя обезпечили бы исполненіе этого трактата.

Но, когда Каннингъ попробовалъ навязать Россіи посредничество Англіи въ столкновеніи съ Персіей, русское правительство не только категорически отказалось отъ этого предложенія, но и объявило, что никогда не допускало и не допуститъ вмѣшательства иностранной державы въ свою азіятскую политику, считая это невмѣшательство основнымъ правиломъ своего образа дѣйствій.

6-го іюля 1827 года была подписана извѣстная лондонская конвенція по греческому вопросу. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежала первому министру Каннингу, такъ какъ герцогъ Веллингтонъ, другіе министры и самъ король противились принятію этой конвенціи. На донесеніи Ливена о подписаніи этой конвенціи императоръ Николай собственноручно написалъ: „Да будетъ благословенъ Богъ тысячу разъ, и будемъ надѣяться, что все пойдетъ къ лучшему!“

Во исполненіе лондонской конвенціи, союзныя державы представили Портѣ ноту, въ которой требовали, чтобы она признала право грековъ на политическую автономію. Внезапная смерть Каннинга (въ началѣ августа 1827 года) помѣшала успѣшному ходу греческаго вопроса. Порта не хотѣла исполнять требованій великихъ державъ. Сынъ египетскаго паши Ибрагимъ уже началъ опустошать Морею. Русское правительство, въ виду такихъ обстоятельствъ, рѣшилось дѣйствовать энергично. Князю Ливену было предписано объявить въ Лондонѣ, что если Англія уклонится отъ общихъ мѣропріятій, то Россія будетъ поступать по собственному усмотрѣнію.

Князю Ливену однако не удалось уговорить англійскихъ министровъ къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. Англійское министерство воспротивилось установленію блокады на томъ основаніи, что держава-посредница не имѣетъ права принимать военныхъ мѣръ. Но Англія и Франція согласились дать адмираламъ союзной эскадры въ Средиземномъ морѣ особыя инструкціи, въ силу которыхъ союзная эскадра была облечена правомъ полицейскаго надзора за турецкими судами. Видя, что большихъ уступокъ отъ союзниковъ не добиться, князь Ливенъ объявилъ одному изъ англійскихъ министровъ, Гэскинсону, что русское правительство намѣрено занять своими войсками Дунайскія княжества. Гэскинсонъ призналъ справедливость и основательность такого намѣренія, но выразилъ

Библиотека "Руниверс"

опасеніе, какъ бы извѣстіе о немъ не произвело въ Англіи дурнаго впечатлѣнія. Поэтому онъ просилъ русскаго посла пока не объявлять объ этомъ другимъ министрамъ.

Извѣстіе о Наваринской битвѣ произвело въ Лондонѣ огромное впечатлѣніе, хотя англійское министерство было почти испугано этимъ успѣхомъ союзныхъ эскадръ. Императоръ Николай поспѣшилъ воспользоваться этимъ событіемъ, чтобы занять Дунайскія княжества. Чтобы не испугать этимъ англійскаго правительства, князь Ливенъ долженъ былъ объявить англійскимъ министрамъ, что русское правительство готово дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что Россія не питаетъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ относительно Турціи. Англійское правительство съ восторгомъ ухватилось за такое предложеніе, и князь Ливенъ согласился подписать отъ имени русскаго правительства „протоколъ о безкорыстіи". Послѣ долгихъ оживленныхъ споровъ, князь Ливенъ вынужденъ былъ принять англійскій проектъ протокола, за подписаніе котораго (30-го ноября 1827 года) извинялся предъ русскимъ правительствомъ. На основаніи этого протокола, союзныя державы обязывались, въ случаѣ неизбѣжной войны съ Портой, вести ее и заключить миръ не иначе, какъ на основаніи іюльскаго лондонскаго трактата. Въ протоколѣ было сказано, что „совершенное отреченіе отъ всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ... остается въ полной силѣ".

„Протоколъ о безкорыстіи", конечно, не могъ содѣйствовать ускоренію совмѣстныхъ мѣропріятій союзниковъ. Напротивъ англійское правительство воспользовалось имъ, чтобы отказаться отъ декабрскихъ предложеній Россіи и Франціи.

15-го марта 1828 года императоръ Николай рѣшилъ двинуть войска въ Дунайскія княжества, „во исполненіе постановленій лондонскаго трактата", какъ было сказано въ депешѣ графа Нессельроде къ князю Ливену.

Объявляя объ этомъ рѣшеніи русскаго государя, князь Ливенъ долженъ былъ сообщить лондонскому кабинету, что Россія не стремится къ гибели Турціи, но считаетъ необходимымъ пріобрѣсти отъ нея двѣ крѣпости, Анапу и Поти, уступленныя ей по бухарестскому миру 1812 года.

Англійское правительство долго медлило отвѣтомъ на сообщенія русскаго посла и только въ концѣ февраля категорически высказалось противъ занятія русскими войсками Дунайскихъ княжествъ на томъ основаніи, что эта принудительная мѣра не предусмотрѣна въ

Библиотека "Руниверс"

лондонской конвенціи и можетъ вызвать общее возстаніе всѣхъ турецкихъ христіанъ противъ Порты.

Русское правительство отвѣтило на англійскую ноту объявленіемъ войны Портѣ. При этомъ начальникамъ русскихъ военныхъ кораблей предписывалось въ отношеніи нейтральныхъ соблюдать постановленія англо-русской конвенціи 1801 года, хотя эта конвенція въ 1807 году была отмѣнена, какъ нарушавшая принципы вооруженнаго нейтралитета. Одновременно съ объявленіемъ войны Турціи русское правительство сообщило великимъ державамъ и объ условіяхъ будущаго мира. Вотъ каковы были эти условія: присоединеніе крѣпости Анапы и Поти, регулированіе русской границы на Дунаѣ, автономія Молдавіи и Валахіи, утвержденіе вольностей сербскаго народа, упроченіе русской торговли съ правомъ свободнаго прохода русскихъ военныхъ судовъ чрезъ Босфоръ, военная контрибуція и умиротвореніе Греціи. Россія, не смотря на начатую съ Турціей войну, желала, чтобы всѣ мѣры къ умиротворенію Греціи принимались сообща съ Франціей и Англіей, съ цѣлію предупрежденія англо-французской коалиціи. Франція и Англія, по мнѣнію русскаго правительства, должны были оказать денежную помощь греческому правительству, во главѣ котораго стоялъ графъ Каподистрія.

На войну съ Турціей въ Петербургѣ смотрѣли какъ на „военную прогулку". На дѣлѣ оказалось не то. Русскія войска встрѣтили упорное сопротивленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Англія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стала высказывать недоброжелательство къ Россіи. 30-го ноября (12-го декабря) уполномоченные Россіи, Англіи и Франціи подписали въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ протоколъ, въ которомъ заявили, что въ случаѣ неизбѣжности войны съ Портой, цѣль этой войны будетъ та самая, которую великія державы преслѣдовали путемъ мирныхъ переговоровъ. Цѣль эта—умиротвореніе Леванта на условіяхъ, поставленныхъ въ лондонскомъ трактатѣ. Дѣйствія всѣхъ державъ объявлялись совершенно безкорыстнымъ.

19-го іюля 1828 года французскій уполномоченный представилъ лондонской конференціи, что Ибрагиму-пашѣ удалось удержаться въ Морѣ, не смотря на блокаду соединенныхъ эскадръ, и что занятіе Морея войсками Ибрагима помѣшало перемирію Порты съ греками. Поэтому французскій уполномоченный предлагалъ отъ имени своего двора послать въ Морею корпусъ союзныхъ войскъ. Франція готова была принять на себя одну военную экзекуцію по порученію союзныхъ державъ. Англійскій уполномоченный высказался въ пользу

Библиотека "Руниверс"

этого предложенія, такъ какъ самъ президентъ Греціи, графъ Каподистрія проситъ о помощи. Русскій уполномоченный также согласился на предложеніе Франціи, и конференція постановила отправить въ Морею корпусъ союзныхъ войскъ для установленія полной блокады надъ арміей Ибрагима-паши и поручить это дѣло одной Франціи.

Между тѣмъ ошибки русскихъ войскъ въ 1828 году были скоро заглажены блестящими побѣдами графа Дибича въ 1829 году. Они были вполнѣ кстати, такъ какъ въ началѣ 1829 года между Англіей и Франціей образовался формальный союзъ противъ Россіи. Въ январѣ 1829 года въ Лондонъ прибылъ графъ Матушевичъ, облеченный званіемъ чрезвычайнаго русскаго посланника и пользовавшійся особымъ довѣріемъ графа Нессельроде. Этотъ выдающійся дипломатъ оставался въ Лондонѣ до ноября 1829 года и принималъ участіе во всѣхъ важныхъ переговорахъ этого времени. Графу Матушевичу русское правительство въ значительной степени обязано было сохраненіемъ мира съ Англіей. Графъ Матушевичъ и князь Ливенъ скоро убѣдились, что австрійскіе происки не удались, и что Россія можетъ продолжать войну съ Портой, не опасаясь вмѣшательства Англіи. Графъ Матушевичъ настаивалъ на продолженіи войны съ Портой безъ всякаго послабленія.

Переговоры съ англійскими министрами были весьма тягостны. Хотя графъ Матушевичъ очень понравился герцогу Веллингтону, однако дѣло доходило до того, что русское правительство поручило князю Ливену жаловаться королю на дѣйствія его министровъ. Князь Ливенъ, впрочемъ, благоразумно воздержался отъ исполненія этого порученія. Въ мартѣ 1829 года на обсужденіе лондонской конференціи былъ поставленъ вопросъ о будущемъ устройствѣ Греціи. 10-го (22-го) марта былъ подписанъ протоколъ, опредѣлявшій границы Греціи. Къ сожалѣнію, въ этомъ протоколѣ не указаны были мѣры, посредствомъ которыхъ можно было бы заставить Порту согласиться на новое устройство Греціи.

Въ іюлѣ 1829 года въ Лондонѣ получено было извѣстіе о блестящей побѣдѣ русской арміи надъ турками въ Кулевчѣ. Оно произвело ошеломляющее дѣйствіе на англійское правительство. Графъ Матушевичъ спѣшилъ воспользоваться этими событіями и умолялъ русское правительство заставить графа Дибича „спѣшить къ Константинополю, взять его и утвердиться тамъ, нисколько не опасаясь за нарушеніе европейскаго мира“. Даже спокойный князь Ливенъ, подъ впечатлѣніемъ русскихъ побѣдъ, совѣтовалъ русскому прави-

Библиотека "Руниверс"

тельству поскорѣе покончить съ существованіемъ Турціи, не опасаясь Англіи, положеніе которой „плачевно и отчаянно".

Поэтому условія проектированнаго мира съ Турціей сильно возмутили князя Ливена. „Наши побѣды, писалъ онъ къ Нессельроде, даютъ намъ право требовать всего". Князь Ливенъ предлагалъ объявить Константинополь „вольнымъ городомъ", создать изъ турецкой имперіи нѣсколько государствъ, срыть укрѣпленія Дарданелъ и Босфора. Но графу Нессельроде такіе „патріотическіе" совѣты русскаго посла не понравились. Онъ писалъ въ отвѣтъ на донесеніе Ливена: „Народно только то, что соотвѣтствуетъ дѣйствительной и постоянной пользѣ государства. Если приложить эту аксіому къ нашимъ отношеніямъ съ Востокомъ, то сейчасъ же возникаетъ вопросъ: полезно или вредно для Россіи сохраненіе оттоманскаго правительства?" Въ особой запискѣ графъ Нессельроде далъ подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Между прочимъ онъ говорилъ: „Мысль объ изгнаніи турокъ изъ Европы и о возстановленіи въ храмѣ св. Софіи поклоненія истинному Богу, безспорно, весьма хороша, и осуществленіе ея на дѣлѣ обезсмертило бы всѣхъ насъ въ исторіи. Но что выиграетъ отъ этого Россія? Славу, конечно, она пріобрѣтетъ, но въ то же время утратитъ всѣ дѣйствительныя выгоды, которыя обезпечиваются за нею сосѣдствомъ съ государствомъ, обезсиленнымъ рядомъ войнъ и неизбѣжныхъ столкновеній съ главными европейскими державами"

Графу Нессельроде завоеваніе Константинополя казалось „истиннымъ несчастіемъ" для Россіи. Въ случаѣ же распаденія Турціи, онъ никакъ не хотѣлъ допустить провозглашенія Константинополя „вольнымъ городомъ" и былъ противъ срытія босфорскихъ и дарданельскихъ укрѣпленій.

Объясненія графа Нессельрода показались князю Ливену вполнѣ убѣдительными, и онъ призналъ Адріанопольскій миръ „славнѣйшимъ изъ всѣхъ, какіе когда-либо заключала имперія".

Русскія побѣды производили особенно сильное впечатлѣніе на англійское правительство, которое съ каждою новою побѣдой становилось все болѣе мягкимъ и уступчивымъ. Но мысль о паденіи Турціи приводила въ отчаяніе лорда Эбердина, и князю Ливену приходилось его успокаивать обѣщаніемъ, что раздѣлъ Турціи не можетъ произойдти безъ согласія Англіи. Даже самъ герцогъ Веллингтонъ присмирѣлъ и сталъ выдавать себя за „искреннѣйшаго друга" Россіи.

На требованіе Англіи сообщить ей условія мирнаго трактата съ Турціей графъ Нессельроде отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, подъ

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ основаніемъ, что Россія не можетъ допустить посторонняго вмѣшательства въ свои отношенія къ Портѣ.

Въ сентябрѣ 1829 года англійское правительство узнало объ условіяхъ адріанопольскаго мира, и лордъ Эбердинъ сталъ говорить, что Турціи нанесенъ „смертельный ударъ", что послѣ такого мира Турція не въ состояніи будетъ долго „прозябать" и непремѣнно развалится.

7 октября, по полученіи текста адріанопольскаго трактата, немедленно созванъ былъ совѣтъ англійскихъ министровъ, и лордъ Эбердинъ снова подтвердилъ князю Ливену, что теперь оттоманская имперія „болѣе не существуетъ", что она „у ногъ Россіи", что „если бы онъ былъ врагомъ Россіи", то скорѣе предпочелъ бы занятіе Константинополя заключенію мира, къ которому принудилъ Порту генералъ Дибичъ. Въ концѣ концовъ Англія формально протестовала противъ главнѣйшихъ пунктовъ адріанопольскаго мира.

Ливенъ и Матушевичъ со дня на день ожидали полнаго разрыва съ Англіей.

Англійское правительство особенно возмущалось тѣмъ, что Порта въ X статьѣ обязалась исполнить постановленія лондонскаго трактата и мартовскаго протокола по греческому вопросу. До заключенія адріанопольскаго мира Англія ничего не имѣла противъ такого обязательства со стороны Турціи, теперь-же она стала находить „срамъ" для себя въ X статьѣ. Герцогъ Веллингтонъ сталъ хлопотать, чтобы генералъ Дибичъ исключилъ изъ текста договора съ Турціей постановленія о Греціи, но Дибичъ наотрѣзъ отказался исполнить это желаніе. Императоръ Николай непремѣнно хотѣлъ разъ навсегда покончить съ греческимъ вопросомъ. Чтобы пощадить самолюбіе Англіи, князь Ливенъ и графъ Матушевичъ предложили отъ имени трехъ державъ объявить полную независимость Греціи, но дать ей территорію нѣсколько меньше той, которая указана была въ 10 статьѣ адріанопольскаго трактата. Эту комбинацію одобрилъ и императоръ Николай.

На протестъ-же Англіи противъ адріанопольскаго трактата графъ Нессельроде далъ весьма энергическій отвѣтъ.

Послѣ этого лондонской конференціи 1830 года не трудно было установить основанія новаго греческаго государства. Протоколомъ 3 февраля 1830 года Греція объявлена была наслѣдственнымъ монархическимъ государствомъ, пользующимся правами полной независимости.

Библиотека "Руниверс"

Но вскорѣ возникли пререканія изъ за вопроса о томъ, кому изъ европейскихъ принцевъ занять греческій престолъ. Наиболѣе серьезною оказалась кандидатура принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Г. Мартенсъ однако находитъ невозможнымъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ объяснить происхожденіе этой кандидатуры. Леопольдъ поставилъ условія, на которыя Англія не хотѣла согласиться, и князю Ливену пришлось уговаривать англійскихъ министровъ принять предложенія Леопольда. Въ донесеніи къ графу Нессельроде Ливенъ называетъ періодъ этихъ переговоровъ самымъ печальнымъ въ своей жизни. Переговоры были благополучно окончены, но въ маѣ принцъ Леопольдъ отказался отъ своей кандидатуры, къ отчаянію Ливена. Императоръ Николай не могъ простить принцу Леопольду его „трусости".

Событія во Франціи (революція 1830 годъ) отодвинули греческій вопросъ на второй планъ, и онъ остался нерѣшеннымъ до 1832 года. Греціей управляло временное правительство, во главѣ котораго стоялъ президентъ графъ Каподистрія.

Весной 1830 года князь Ливенъ уѣхалъ въ Петербургъ. Его мѣсто занялъ одинъ изъ способнѣйшихъ русскихъ дипломатовъ того времени, графъ Матушевичъ. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до іюльской революціи онъ предсказалъ, что министерство бездарнаго Полиньяка доведетъ Францію до переворота. Когда это предсказаніе исполнилось, и въ Лондонѣ было получено извѣстіе о революціи, Матушевичъ отправился къ лорду Эбердину съ цѣлью узнать, какъ смотритъ англійское правительство на событія во Франціи. Благородный лордъ сказалъ ему, что въ силу шомонскаго трактата великія державы должны оказать помощь правительству Карла X. „Ученикъ князя Меттерниха, писалъ Матушевичъ въ Петербургъ, обнаружился тутъ безъ прикрасъ".

Матушевичъ протестовалъ противъ такого воззрѣнія на дѣло. Онъ доказывалъ, что если уже ссылаться на дипломатическіе акты, то слѣдуетъ вспомнить объ актахъ Ахенскаго конгресса, который далъ Франціи Бурбоновъ, но *съ хартіей*. Поэтому ордонансы Полиньяка противны обязательствамъ, принятымъ на себя Бурбонами. Англійское правительство высказалось за невмѣшательство во французскія дѣла, и Матушевичъ въ этомъ отношеніи согласился съ герцогомъ Веллингтономъ.

Но русскій посолъ опасался, какъ бы императоръ Николай не вздумалъ прибѣгнуть къ активному вмѣшательству въ пользу Карла X. Графъ Матушевичъ доказывалъ въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ

Библиотека "Руниверс"

что вмѣшательство Россіи во Французскія дѣла можетъ разрушить традиціонный русско-французскій союзъ, созданный Александромъ I противъ Англіи. Матушевичъ доказывалъ, что интересы Россіи требуютъ, чтобы Франція была „сильною, спокойною и монархическою и чтобы не лишалась своего мѣста въ европейской системѣ". Императоръ Николай одобрилъ составленное въ этомъ духѣ донесеніе Матушевича отъ 23 іюля (4 августа), надписавъ на немъ по французски: „Répondez au comte Matuszewic qu' il a parfaitement pressenti mon opinion et répondu à ma confiance".

За французскою революціей послѣдовала бельгійская. Императоръ Николай былъ глубоко возмущенъ тѣмъ, что Бельгія отпала отъ Голландіи, съ которой составляла одно государство съ 1815 года. На докладѣ вице-канцлера отъ 8 октября 1830 года о бельгійскихъ дѣлахъ императоръ собственноручно надписалъ: „Не Бельгію желаю я тамъ побороть, но всеобщую революцію, которая постепенно, и скорѣе чѣмъ думаютъ, угрожаетъ намъ самимъ, если увидятъ, что мы трепещемъ предъ нею".

На другомъ докладѣ по тому же вопросу отъ 30 октября Николай I написалъ: „Нѣтъ больше возможности идти назадъ: наше достоинство предписываетъ намъ взять на себя инціативу; поэтому намъ нужно приготовить ноту къ тремъ правительствамъ, въ которой укажется на необходимость положить военною силою предѣлъ революціи, всѣмъ угрожающей". Поэтому императоръ требовалъ, чтобы графъ Матушевичъ и князь Ливенъ поддерживали наилучшія отношенія къ Англіи. Онъ надѣялся, что достаточно будетъ появленія 20.000 „красныхъ мундировъ" на французской границѣ для усмиренія французовъ и бельгійцевъ. Самъ императоръ готовъ былъ выставить армію въ 60.000 человѣкъ для поддержанія, вмѣстѣ съ союзными державами, „соединенія Бельгіи съ Голландіей". (Депеша графа Нессельроде отъ 1 (13) октября 1830 года).

Но обстоятельства сложились такъ, что эта политическая программа Россіи оказалась совершенно невыполнимою. Императоръ Николай вынужденъ былъ согласиться на открытіе въ Лондонѣ конференціи по бельгійскимъ дѣламъ и на участіе въ ней знаменитаго князя Талейрана. „Событія насъ превозмогли", писалъ графъ Матушевичъ графу Нессельроде 8 октября 1830 года. Въ виду шаткаго положенія англійскаго кабинета Веллингтона, графъ Матушевичъ совѣтовалъ русскому правительству не спѣшить съ мобилизаціей арміи. Эта предосторожность оказалась весьма не лишнею, такъ какъ 4 ноября

Библиотека "Руниверс"

1830 министерство Веллингтона вышло въ отставку, лордъ Грей былъ назначенъ первымъ министромъ, а лордъ Пальмерстонъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Графъ Матушевичъ въ письмѣ къ графу Нессельроде 3-го (15) ноября 1830 года представилъ особый планъ для рѣшенія бельгійскаго вопроса. Россія не должна вмѣшиваться въ бельгійскія дѣла, тѣмъ болѣе что сами голландцы не хотятъ болѣе слышать о возстановленіи соединенія Голландіи съ Бельгіей. Россія должна содѣйствовать избранію принца Оранскаго на бельгійскій престолъ и объявленію вѣчнаго нейтралитета Бельгіи. Этотъ планъ въ общихъ чертахъ былъ приведенъ въ исполненіе, но послѣ продолжительной и упорной борьбы. Принцу Оранскому не пришлось вступить на бельгійскій престолъ, который занялъ принцъ Саксенъ-Кобургскій Леопольдъ.

Графъ Нессельроде считалъ войну изъ за Бельгіи неизбѣжною. Но войнѣ помѣшало неожиданное возстаніе въ Польшѣ, отвлекшее вниманіе императора Николая отъ бельгійскихъ дѣлъ.

Въ декабрѣ 1830 года польское возстаніе было въ полномъ разгарѣ, и русское правительство въ инструкціяхъ къ Ливену и Матушевичу уже соглашалось на отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, только требовало предоставленія бельгійскаго престола принцу изъ Оранскаго дома.

Князь Ливенъ, по возвращеніи въ Лондонъ въ ноябрѣ 1830 года, характеризовалъ новыхъ англійскихъ министровъ слѣдующимъ образомъ: онъ хвалилъ характеръ и добросовѣстность лорда Грея, но находилъ его неопытнымъ въ веденіи дѣлъ; лорда Пальмерстона онъ считалъ достойнымъ, честнымъ, искреннимъ и строгимъ исполнителемъ своихъ обязанностей, человѣкомъ съ сильнымъ умомъ, здравымъ разсудкомъ и съ быстрымъ соображеніемъ, опытнымъ въ веденіи политическихъ дѣлъ.

Оцѣнку общаго положенія дѣлъ въ Англіи и отношенія къ ней Россіи князь Ливенъ представилъ въ замѣчательной депешѣ отъ 12-го (24) декабря 1830 года, которая, по мнѣнію г. Мартенса, сохранила свое значеніе до настоящаго времени. „*Всѣ средства Англіи*, писалъ Ливенъ, *зависятъ отъ направленія ея общественнаго мнѣнія*. Между тѣмъ это направленіе въ настоящее время ложно и враждебно великимъ интересамъ, для защиты которыхъ мы готовы взяться за оружіе“.

Поэтому Ливенъ предостерегалъ русское правительство противъ

Библиотека "Руниверс"

увлеченія воинственными замыслами. Оба русскіе уполномоченные подписали 8-го (20) декабря протоколъ лондонской конференціи, которымъ признавалась независимость Бельгіи отъ Голландіи.

Императоръ Николай утвердилъ протоколъ, но при этомъ протестовалъ противъ „права невмѣшательства", которымъ французское правительство оправдывало бельгійскую революцію. На этотъ своеобразный протестъ Англія отвѣтила открытымъ вмѣшательствомъ въ польскія дѣла. Вмѣстѣ съ Франціей она требовала въ 1831 году, чтобы въ Польшѣ былъ возстановленъ порядокъ вещей, установленный послѣ вѣнскаго конгресса. Впрочемъ, Пальмерстонъ, въ виду рѣшительнаго отказа со стороны императора Николая допустить англо-французское вмѣшательство въ польскія дѣла, отказался отъ этого плана.

Между тѣмъ бельгійскій вопросъ привелъ въ 1831 году къ новымъ осложненіямъ вслѣдствіе упорства голландскаго короля. Англія, наконецъ, рѣшилась силою водворить принца Саксенъ-Кобургскаго въ Бельгіи. Поэтому положеніе русскихъ уполномоченныхъ въ Лондонѣ сдѣлалось очень затруднительнымъ. Наконецъ, въ октябрѣ 1831 года лондонская конференція приняла окончательныя рѣшенія относительно бельгійскаго вопроса, при чемъ русскимъ уполномоченнымъ удалось ограничить претензіи Бельгіи на нѣкоторыя территоріи и, главное, „вырвать" у англійскаго правительства согласіе на гарантію нейтралитета Бельгіи. Но голландскій король прислалъ въ Петербургъ формальную жалобу на октябрскій протоколъ лондонской конференціи. Король обвинялъ русскихъ уполномоченныхъ въ томъ, что они „не возстановили его во владѣніи Бельгіею". Въ отвѣтъ на эту жалобу графъ Матушевичъ доказывалъ, что Бельгія въ сущности никогда не принадлежала королю нидерландскому ни на основаніи наслѣдованія, ни на основаніи завоеванія, а была присоединена къ Голландіи по волѣ Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, завоевавшими ее у Франціи. Поэтому тѣ же державы вправѣ и отобрать Бельгію у Голландіи.

Въ ноябрѣ русскіе уполномоченные подписали еще два акта по бельгійскому вопросу, но императоръ Николай, вслѣдствіе новой жалобы голландскаго короля, объявилъ, что не утвердитъ этихъ актовъ, пока не получитъ согласія на нихъ отъ короля.

Графъ Матушевичъ немедленно просилъ объ отставкѣ. По повелѣнію императора Николая, графъ Нессельроде послалъ князю Ливену и графу Матушевичу депешу отъ 17-го ноября, содержавшую въ себѣ строгій выговоръ обоимъ дипломатамъ.

Библиотека "Руниверс"

Ливенъ и Матушевичъ энергически защищались. Матушевичъ между прочимъ писалъ графу Нессельроде: „въ политикѣ нѣтъ абсолютныхъ принциповъ по той простой причинѣ, что государственныя дѣла не могутъ всегда представляться въ томъ же самомъ видѣ и слѣдовательно не могутъ рѣшаться по однимъ и тѣмъ же правиламъ. По моему крайнему разумѣнію, искусство управленія и дипломатія заключаются въ соглашеніи принциповъ съ необходимостью, но не въ желаніи, чтобы абстрактное всегда торжествовало надъ положительнымъ и чтобы интересы всегда уступали правиламъ".

Въ концѣ концовъ императоръ Николай въ 1832 году подписалъ ноябрскіе акты, но съ нѣкоторыми оговорками.

Актами по бельгійскому вопросу и заканчивается этотъ чрезвычайно богатый и интересный томъ „трактатовъ и конвенцій". Въ слѣдующемъ томѣ профессоръ Мартенсъ представитъ не менѣе богатый матеріалъ по восточному вопросу, разрѣшившемуся Крымской войной.

Дмитрій Никольскій.

Новые труды по бѣлорусской этнографіи (за 1895 годъ).

Бѣлорусская этнографія, и безъ того уже достаточно разработанная, обогатилась въ 1895 году нѣкоторыми новыми трудами, заставляющими остановить на нихъ вниманіе. Имѣю въ виду 1) работу Н. Я. Никифоровскаго, Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ. 1895. 8°. VIII + 552 + CLIV. Авторъ настоящаго труда въ бѣлорусской этнографіи уже извѣстенъ давно, но больше какъ сотрудникъ извѣстнаго собирателя народныхъ произведеній П. В. Шейна. Уже въ первомъ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ, помѣщенномъ въ „Запискахъ Императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи" за 1873 г., томъ V, — Шейнъ, говоря о своихъ сотрудникахъ, такъ отзывается о г. Никифоровскомъ (стр. 829): „Онъ своимъ зрѣлымъ воззрѣніемъ на окружающую среду и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ этнографическимъ разысканіямъ рѣзко выдается изъ цѣлаго сонма сельскихъ и другихъ учителей разныхъ наименованій. Я твердо увѣренъ, что такихъ честныхъ дѣльныхъ людей немало на Бѣлой Руси". Дѣйствительно, если внимательно присмотрѣться ко всѣмъ бѣлорусскимъ

Библиотека "Руниверс"

сборникамъ Шейна, то значительная доля записей въ нихъ окажется принадлежащими перу г. Никифоровскаго. Всѣ такія сообщенія отличаются обстоятельностью и интересомъ. Затѣмъ г. Никифоровскаго встрѣчаемъ въ качествѣ автора нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи". Наконецъ передъ нами отмѣченная объемистая книга почтеннаго автора, печатавшаяся сначала въ фельетонномъ отдѣлѣ „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" 1894 и 1895 годовъ.

Авторъ задается цѣлью представить пищу, одежду и жилище витебскаго бѣлорусса съ относящимися къ нимъ посторонними предметами, при чемъ имѣетъ въ виду не теперешнюю жизнь, мало чѣмъ отличающуюся отъ жизни сосѣдей не бѣлоруссовъ, а жизнь прежнюю дореформенную. „Свѣжій обозрѣватель настоящей жизни . . . да вспомнитъ со мною, что за 33 приблизительно года передъ симъ текущая обиходность далеко не была такою: тщедушный землячокъ продовольствовался мякиннымъ хлѣбомъ, или половинникомъ, запивалъ первою подручною водой, изрѣдка острымъ квасомъ, одѣвался въ разную домотканку, нашивалъ почти безсмѣнные лозовики на ногахъ, грузный треухъ и колпакъ на головѣ, рѣдкія радости и сплошное горе переживалъ въ мрачной, курной хаткѣ, гдѣ въ то же время ютилъ подростающее поколѣніе житейскихъ пособниковъ, начиная отъ собственныхъ дѣтей и кончая будущимъ сальникомъ (кабаномъ), подателемъ шубки, молочка, или тутъ же выращивалъ того малорослаго „бычанка", на которомъ впослѣдствіи то вспахивалъ и убиралъ поле, то подъ дуговою и шлейною запряжкою галопировалъ въ ближайшій городъ или мѣстечко... Эту именно обиходность, повидимому, круто ушедшую въ даль, я желалъ бы возстановить (пишетъ въ предисловіи авторъ, стр. I—II) передъ современнымъ обозрѣвателемъ быта простолюдина, того быта, про который не то иронически, не то страдальчески онъ частенько повторялъ слѣдующее излюбленное сказаніе: Прышёвъ Богъ до тэй до пёклы, ды й пытàитца у дъябла: якъ тутыцька мàисея, чёрцюхно? — Няшто Госпыди, якъ-ни-якъ мадзѣишь (перебиваешься съ горемъ пополамъ)... такъ сàмо й наша жиццё: якъ-ни-якъ мадзѣишь!" Такое изображеніе для насъ особенно интересно. По предметамъ обиходности такъ же, какъ и по языку, мы безошибочно можемъ судить о разныхъ историческихъ наслоеніяхъ въ жизни бѣлорусса; выдѣливъ послѣднія, мы можемъ опредѣлить и настоящій его типъ. Авторъ, какъ постоянно вращавшійся въ бѣлорусской деревнѣ, прекрасно знаетъ народную

Библиотека "Руниверс"

жизнь и языкъ; все это обнаруживается и въ изложеніи его книги: вездѣ обстоятельность, доходящая до эпическихъ подробностей; живость изображенія; любовь къ описываемымъ предметамъ и явленіямъ, не доходящая однако до тенденціозной преувеличенности: хорошія и дурныя стороны изображаемой жизни выставляются безпристрастно. Разные описываемые предметы называются своими бѣлорусскими именами, съ сохраненіемъ мѣстнаго произношенія, что очень важно для составленія словаря бѣлорусскаго нарѣчія, не говоря уже о фонетикѣ и морфологіи, хотя и для послѣднихъ также есть не мало матеріала, особенно въ примѣчаніяхъ (ср. напримѣръ стр. I, XII, XX, XXVIII и др.). Мы бы хотѣли еще встрѣтить побольше рисунковъ въ текстѣ, но помѣщеніе ихъ, по словамъ автора, „превышаетъ наличную возможность“ (предисловіе, III).

Чтобы хоть нѣсколько познакомиться съ содержаніемъ этой интересной книги, приведемъ вкратцѣ ея оглавленіе: А) *Пища*. Хлѣбныя изготовленія, стра́вы и ва́ривы, скырмя́цина, дыба́вы и дыкла́ды, ласо́ники и пыласу́нки, хлѣбъ въ печеньѣ и употребленіи; существенныя требованія стряпни, стряпуха; сроки ѣды; образъ ѣды; питье и питейные предметы; столовая посуда; варе́вная посуда и прира́ды; консервная посуда, молочная посуда, питейная посуда; „на заѣ́дки и запивки“. Б) *Одежда*. Мужская одежда, женская одежда; мужская и женская обувь, мужскіе и женскіе прибо́ры (уборы); дорожные и случайные приборы; складища и схо́вы; столовое и спальное бѣлье; прядильные матеріалы передъ прядивомъ; нитка; сно́ва (основа) навивка на ставъ (станъ), тканье, обработка ткани; рабочіе предметы при ткани, одеждѣ, обуви и украшеніяхъ; творцы одѣ́ція, обу́ція и приборывъ; кро́вчики, ше́вчики; „на наки́дки“. В) *Жилище*. Передъ хаткой, хатка снаружи, хатка снутри; сѣнки и исцѣпка, или при́зба, прійзба; хлявы́ (скотникъ, обора, дянникъ); клѣць и повклѣць, токъ, рига, ре́я; пуня и клуня; ла́зня (баня); загорожи; „звышь то́го“. Г) *Окружающіе предметы*. Въ хаткѣ, сѣнкахъ и исцѣпкѣ; предметы освѣщенія; подручные рабочіе инструменты; въ хлѣву; въ возовнѣ; сбруя и упряжь; въ остальныхъ усадебныхъ строеніяхъ; въ саду и огородѣ; у пчалинцу; на пашнѣ, на покосѣ; въ лѣсу: лѣсные дары; при водѣ; на рыболовлѣ; на охотѣ; тамъ же нынѣ.

Вслѣдствіе ясности и привлекательности изложенія книга читается легко, иногда не уступая подходящимъ по темѣ беллетристическимъ произведеніямъ.

2) М. Довнаръ-Запольскій. Бѣлорусское Полѣсье. Пѣсни пинчу-

Библиотека "Руниверс"

ковъ. Кіевъ. 1895 г. (Оттискъ изъ Университетскихъ извѣстій). 8°. XXVIII + 205. Хотя отмѣченная книга касается собственно пинчуковъ, но мы отнесли ее къ бѣлорусской этнографіи, какъ вслѣдствіе нѣкоторой близости полѣсскихъ говоровъ къ бѣлорусскимъ, такъ и потому, что въ книгѣ Г. М. Довнара-Запольскаго есть и чисто бѣлорусскія пѣсни.

Полѣсскіе говоры принадлежатъ къ переходнымъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ; при чемъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ различной степени сказывается близость къ тѣмъ или другимъ. На счетъ нѣкоторыхъ мѣстностей нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ эти мѣстности еще совершенно не изучены въ лингвистическомъ отношеніи. Собственно говоря, мы имѣемъ лишь слѣдующія собранья, касающіяся Полѣсья: *Zienkiewicz*—Piosnki gminne ludu Pinskiego. Kowno. 1851; *Bykowshi*: Piesni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pinska (II т. Zbioru wiadomośéi do antrop. krajowej); Зинаида Радченко: Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія) С.-Петербургъ 1888 г. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества т. XIII); Д. Булгаковскаго: Пянчуки. Этнографическій сборникъ. С.-Петербургъ 1890 г. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XIII). О польскихъ собраніяхъ рѣчь отложимъ до другаго раза. Что же касается русскихъ, то изъ нихъ сборникъ Радченко относится лишь отчасти къ Полѣсью, да кромѣ того онъ обладаетъ и массой недостатковъ (Сошлемся, напримѣръ, на разборъ его Е. Романова въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ 1890 г., кн. 2). Прямое отношеніе къ разсматриваемому предмету имѣетъ сборникъ Булгаковскаго, но и онъ крайно неудовлетворительный, особенно въ отношеніи языка. Въ 1892 году мы имѣли случай быть въ Полѣсьѣ (въ Городней, за Припятью) и сравнивали записи Булгаковскаго съ мѣстнымъ произношеніемъ, и разница оказалась громадная; такъ что разсматриваемый сборникъ для лингвистическихъ цѣлей оказался совершенно непригоднымъ.—По говору пинчуковъ мы имѣемъ и спеціальную статью М. Карпинскаго, помѣщенную въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ за 1888 г. (т .XIX), но она составлена главнымъ образомъ по Зенкевичу и по этому не имѣетъ достаточной полноты. Въ виду всего сказаннаго сборникъ М. Довнара-Запольскаго оказывается желательнымъ въ этнографической литературѣ явленіемъ.

Авторъ сборника уже заявилъ себя разными работами по бѣлорусской этнографіи. Настоящая работа является очень интересною новинкой. Состоитъ она изъ введенія, статьи о говорѣ пинчуковъ (VIII—XXVIII).

Библиотека "Руниверс"

разныхъ записей пѣсенъ (1—155 стр.), примѣчаній, словаря и указателя. Всѣ части сборника составлены съ достаточнымъ знаніемъ дѣла, съ умѣньемъ примѣнять подходящіе научные пріемы. Насъ особенно интересуетъ статья о говорѣ пинчуковъ хотя нѣкоторыя подробности ея вызываютъ на замѣчанія [1]). Такъ прежде всего намъ кажется очень неудобнымъ мѣнять обычный научный пріемъ обозначенія въ малорусскомъ нарѣчіи, а въ подражаніе ему и въ полѣсскихъ говорахъ, звука *е* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ посредствомъ є и съ предыдущимъ твердымъ сгласнымъ (или лучше среднимъ) посредствомъ *е*. Каждый, пользующійся сборникомъ Г. М. Довнара-Запольскаго, если только не прочтетъ заранѣе его замѣчаніе на страницѣ VII о томъ, что „особое твердое *е* обозначено є„, начало пѣсни, помѣщенной на первой страницѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Расплєлы косу молодей дѣвоньцы,
Да подайте уплёты да ее матыньцы;
А матынька озьме, къ сєрцу прыгорне...,

прочтетъ не иначе, какъ:

Расплєлы косу молодєй дєвцоны,
Да подайте уплоты да ее (=ес) матынцы;
А матынка озьме, кєрду прыгорне...,

что какъ разъ будетъ противорѣчить дѣйствительности.

На стр. XII идетъ рѣчь о звукѣ *о* съ предыдущею мягкостью согласнаго или j: „Намъ остается еще сказать о *о* йотированномъ, *jo*. Это *о* въ общемъ соотвѣтствуетъ великорусскому ё: *робjонакъ, яблонjова, слjозка*“... Какъ прочесть эти слова: съ j или безъ него? Вѣроятнѣе всего, что *рабjонакъ* надо читать съ j, а остальныя лишь съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ. Такая же орѳографическая неточность допущена и въ концѣ этого отдѣла; тутъ есть еще одинъ недосмотръ: въ „лjоду“ (чит. лёду) звукъ „jo“ не на мѣстѣ др.-слов. ь, а на мѣстѣ *е*. Впрочемъ подобная же ошибка уже допущена И. И. Срезневскимъ, который въ извѣстной надписи на Тмуторокапскомъ камнѣ: полѣдь видѣлъ „не сохраненіи ь“ (ср. Славянорусская палеографія XI—XIV вѣковъ. С.-Петербургъ 1885 г., стр. 133).

---

[1]) Сборникъ *М. Довнара-Запольскаго* уже получилъ нѣкоторую оцѣнку въ разборахъ *Евгенія Ляцкаго* (Этнографическое обозрѣніе 1895 г., № 3) и *А. Крымскаго* (*Кіевская Старина*, 1896 г., январь); вслѣдствіе этого мы даемъ лишь краткій разборъ этого труда.

Библиотека "Руниверс"

Стр. XIII. Не будетъ *е* изъ *и* въ корнѣ такихъ словъ, какъ *седя*, такъ какъ здѣсь коренное *е* = ѣ: церковнославянское сѣдѣти, польское. siedzieć.

Стр. XIV. Причиной утраты способности *е* къ умягченію предшествующаго ему согласнаго выставлено удареніе: „Отвердѣніе въ данномъ случаѣ зависитъ отъ ударенія, лежащаго на е". Не думаю, чтобы это было такъ. Факты не только не подтверждаютъ выставленнаго положенія, но даже прямо противорѣчатъ ему: ср. напримѣръ на стр. XV замѣчаніе о томъ, что рядомъ съ *е* безударнымъ существуетъ и є безударное.

Стр. XVI. *О* не на мѣстѣ *е* въ словахъ: собѣ, тобѣ; здѣсь *о* было уже въ нѣкоторыхъ діалектахъ праславянскаго языка; оно же исключительно свойственно и древне-русскому, а также многимъ говорамъ и теперешняго русскаго языка.

Ib. Не на мѣстѣ *а* звукъ *е* въ „одъ себе, мене, тебе": здѣсь *е* старинное, и литературное *а* (*я*) вторичнаго происхожденія.

Ib. Неправильно также утвержденіе, что *а* = *о* въ частицахъ *раз* и *за*: розумны, зопье, зосталы, зобье". *Роз* – свойственно древне-русскому языку, можетъ быть, вмѣстѣ съ *раз-*, но въ старыхъ юго-западно-русскихъ памятникахъ *роз-* почти исключительно господствуетъ; *зо* = зъ, ставшему на мѣсто съ и изъ.

Стр. XVII. *Гиджій*, извѣстное теперешнему бѣлорусскому нарѣчію (ср. напримѣръ раньше разсмотрѣнную книгу Никифоровскаго, стр. XXVIII, примѣч. 309) и малорусскому (ср. Словарь Желеховскаго, I, 140), встрѣчается и въ старинныхъ памятникахъ: въ одномъ западно-русскомъ сборникѣ XVI вѣка Виленской Публичной Библіотеки (№ 262 по Описанію Добрянскаго) читаемъ: не гидѹи 94. Оно предполагаетъ основной корень *гыд*, такъ что перехода *а* въ *и* здѣсь не будетъ.

Ib. *Глибока* не на мѣстѣ основного глѣбока, а глъбока и слѣдовательно смѣшенія *у* и *и* здѣсь нѣтъ, а только постановка *лы-ли* на мѣстѣ лъ.

Стр. XVIII. Въ надтыше, надсильнѣйшы не *д* на мѣстѣ *j*, а приставка *над-*.

Ib. Мъякое не на мѣстѣ мъяκое: основная форма мѣкъкоѥ.

Стр. XXII. „Двѣ письмочки" множественное число, такъ какъ въ двойственномъ на концѣ былъ бы звукъ *е* (= ѣ), передъ которымъ произошло бы смягченіе *к* въ *ц*.

Библиотека "Руниверс"

Можно бы привести и еще нѣсколько неточностей въ объясненіяхъ [1]), но всѣ они не лишаютъ цѣнности самихъ фактовъ.

Записи пѣсенъ могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными. Случаи непослѣдовательности встрѣчаются очень рѣдко (напримѣръ, на 2 стр. ѣде № 12 и ѣдэ № 19). Одно намъ кажется нѣсколько страннымъ: къ чему было въ пѣсняхъ пинчуковъ помѣщать записи изъ Лашанской волости (возлѣ губернскаго города Гродны), гдѣ чистые бѣлоруссы. На это указываетъ и языкъ записей.

Примѣчанія (стр. 157—184) даютъ много очень интересныхъ указаній какъ относительро варіантовъ, такъ и другихъ свѣдѣній этнографическаго и литературнаго характера.

Далѣе, кромѣ небольшого словарика, еще данъ указатель, въ коромъ отмѣчены общія мѣста, образы, эпитеты и др., а также и нѣкоторыя наиболѣе интересныя культурно бытовыя темы.

Наконецъ, къ сборнику приложена карта той части Полѣсья, откуда даны записи, что также имѣетъ свое значеніе.

Вообще слѣдуетъ сказать, что сборникъ г. Довнара-Запольскаго составленъ очень толково; матеріалъ дается въ разныхъ отношеніяхъ интересный. Слѣдуетъ пожелать, чтобы поскорѣе вышли и остальныя части этого собранія.

3. Piesni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego gubernii Wileńskiej. Zapisał Adolf Černý (помѣщено въ „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. XVIII, 1895 г.). Бѣлорусскія пѣсни, въ количествѣ 56, записанныя польскою орѳографіей съ прибавкой только ц для ў, приводятся вмѣстѣ съ пѣсенными мотивами; въ этомъ послѣднемъ ихъ особенная цѣнность. Что же касается значенія ихъ для изученія русской діалектологіи, то въ этомъ отношеніи онѣ особой цѣны не имѣютъ. Пѣсни записаны очень часто неудовлетворительно, вѣроятно потому, что г. Черный недостаточно познакомился съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ даже той мѣстности, въ которой ему приходилось быть, кромѣ того, онъ совершенно незнакомъ съ русскими изданіями бѣлорусскихъ пѣсенъ, напримѣръ П. В. Шейна, хотя указанныя изданія несомнѣнно есть въ библіотекѣ Краковской академіи, при которой издается „Zbiór wiadomości“. Во многомъ еще выручаетъ г. Чернаго проф. Бодуэнъ де Куртенэ, который неоднократно высказываетъ въ примѣчаніяхъ свои соображенія о чтеніи и пониманіи

[1]) Въ большинствѣ случаевъ они и отмѣчены въ указанныхъ выше разборахъ *Ляцкаго* и особенно *Крымскаго*.

Библиотека "Руниверс"

тѣхъ или другихъ мѣстъ. Сказанное постараемся подтвердить примѣрами:

№№ 1, 2 и др. извѣстное бѣлорусское имя Ганýлька вездѣ передается посредствомъ Hanuszka; еще возможно бы допустить Гáнnушка—передѣлку на великорусскій ладъ, но Ганýшка совершенно невозможная вещь.

№ 2. Слово чарнúсенькій замѣнено посредствомъ czarniûszeńkij.

№ 6. Свяцёлцѣ (тоже святлицы) передано посредствомъ switolce. что и вызвало нѣкоторое недоумѣніе Бодуэна де Куртенэ.

№ 12. Два раза вм. цечи или цекùи написано ciecy (съ твердымъ *ц* на польскій ладъ).

№ 15. Пярúнами передано посредствомъ piarỳn*iami*. Не дѣлая оговорки въ выноскѣ, слѣдовало просто поправить это слово.

№ 16. Żòneczki вм. жоначки будетъ полонизмъ.

№ 17 совершенно спутанъ; въ теперешнемъ своемъ видѣ первые стихи не имѣютъ смысла:

Ciarežka, ciarèżuchna,
bitaja, taptànaja,
ja u mamki kuchànaja".
Ciarežka wałéczytsa,
żanitsa nia chòczetsa и т. д.

Но если сравнимъ ихъ съ соотвѣтсвующею пѣснью у Шейна („Матеріалы, I, 1, стр. 105), тогда все станетъ ясно (не говоря уже о томъ, что придется выпустить всѣ ненужныя замѣчанія о значеніи этой пѣсни, такъ какъ обрядъ „женидьбы Церешки" очень обстоятельно изложенъ у Шейна).

Цярешка, цярешечка,
Черезъ боръ дорожичка
Битая топтáная,
Я у мамки коха́ная.
Цярешка волочицца:
Яму жаницца хочецца,
Волочицца, выглядаицъ,
Кого-то ёнъ поймайицъ...

Вообще весь этотъ номеръ спутанъ. Отмѣтимъ еще здѣсь l*a*bièdzieczka вмѣсто лябедзечка, какъ и отмѣчено въ выноскѣ 8-ой Бодуэна де Куртенэ.

№ 29 также представляетъ много неясностей. Всѣ онѣ легко устраняются при сравненіи съ соотвѣтствующей записью даже изъ

Библиотека "Руниверс"

того же Дисненскаго уѣзда у Шейна (Записки, V, стр. 370—376 и др.). Примѣры:

Kalì śpisz, Boh s taboju;
a nia śpisz, Boh że z nami...

У Шейна:

Да коли спишь—Богъ съ тобою,
Кали ня спишь—моўсо мною...

Рѣчь послѣдняго чтенія, несомнѣнно, говоритъ въ пользу его. Или другое мѣсто:

Swiatỳ Illià boża żnija.
Haspadyńka i kniahińka
u czystym poly zażynata
solju—chlebam, matỳm synam...

Неясныя мѣста (признанныя таковыми Бодуэномъ де-К. и Чернымъ, выноска 1 на стр. 209) у Шейна вполнѣ понятны:

Святой Илля жита зажинаець
Съ бѣлымъ сырымъ, съ Божьимъ Сынымъ (стр. 382)...
.....Съ бѣлымъ сыромъ,
Съ бѣлымъ сыромъ, съ трещимъ сыномъ (стр. 374).

№ 35. Вмѣсто употребленнаго по домышленію Чернаго uzsak въ стихахъ:

tamù i siamè pradawata,
a swajamù miłama uszak darawata...

должно быть *такъ* (= безплатно), какъ у Шейна (Записки, V, 454):

Тому сяму продавала,
А милому такъ даровала...

№ 43. Особенно характернымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о маломъ знакомствѣ записчика съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, является слѣдующая запись:

Hanuszka, dubzà majà,
pyràj mi kamià majhò!
pyràj mi siwoha!
—„Radab ja pyraniaci...

Къ послѣднему слову сдѣлана выноска: Wedtug Imper. „pyràj“ oczekiwalibyśmy „pyraci“; tymczasem w zapiskach mam „pyraniaci“. Мало-мальски знакомый съ бѣлорусскою рѣчью сообразилъ бы, что „pyràj mi“ слѣдуетъ читать „pyrajmi“ (то-есть перейми), а къ нему

Библиотека "Руниверс"

совершенно правиленъ infinitivus „ругапіас“ (вмѣсто пираняць съ отвердѣніемъ губною *п*).

№ 47. Довольно длинныя и ненужныя соображенія и разсужденія вызвало также непонятное слѣдующее мѣсто:

dy pahubita zarà kluczỳ,
kalà pò stacz (? pò staci) iduczy...

Стоило справиться у Шейна (Записки, V, 474—475), и мѣсто было бы совершенно ясно:

Згубила зара ключи,
Коло постаци идучи...

Можно бы указать еще нѣсколько мѣстъ въ этомъ родѣ (напримѣръ, хоть № 50 и у Шейна, Записки, V, 475), изъ которыхъ можно бы убѣдиться, какъ полезно было бы для дѣла заглядывать и въ русскія изданія.

Отмѣтимъ еще нѣсколько мелочей: прилагательное dziewié (№ 1) не передаетъ бѣлорусскаго дзѣвичъ. При *sia*hodnia (№ 1) ожидали бы *nia*chàj ib. Слова k *bie*ražkù (№ 1) и *czy*raz sàd одинаковаго фонетическаго образованія, и поэтому должны имѣть сходную огласовку. Не знаю, насколько вѣрно переданы бѣлорусскіе звуки въ такихъ сочетаніяхъ, какъ *mahy*lce (№ 4), *schy*lilasia (№ 13) и под.: не польская ли это особенность? Непослѣдовательность въ написаніяхъ *sia*dzieta (№ 6) и razé*wie*tajié ib. При фонетическомъ письмѣ слѣдовало бы строго обозначать голосовыхъ согласныхъ въ безголосные и обратно; особенно это слѣдуетъ сказать о предлогахъ *одъ* (= отъ) и *зъ* (= изъ и съ); между тѣмъ въ разсматриваемомъ сборникѣ находимъ: at jabò (№ 6), atdaci (№ 10), s žanoju, s dzièłkami (№ 29) и т. д. Впрочемъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобное написаніе и обозначаетъ мѣстную фонетическую особенность. Не одно и то же astajetsa (№ 16) и astajecca (выноска ib); послѣднее правильнѣе Staryˇ dzied (№ 17) не „omyłka zam. »stáry dzièd«“. Вмѣсто podùszaccce д. б, p—szacce. Вмѣсто na waryˇłˇo pastáwiłˇa д. б. nawaryła, pastawiłˇa (№ 41). Вмѣсто da ślubu д. б. da szlubu (№ 44). Вмѣсто białˇowyja д. б. białowyja (№ 56). Можно бы указать и еще нѣсколько подобныхъ неточностей.

Интересно замѣчаніе (въ выноскѣ 2) на стр. 219 относительно того, что пѣвицы всегда произносили *трбўка—мурбўка*. Очевидно, здѣсь то же явленіе, что отмѣчено нами въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ за 1895 г. № 3, стр. 158.

Библиотека "Руниверс"

4. Въ той же XVIII книжкѣ „Zbior wiadomości“ помѣщенъ еще „Dodatek do pieśni białorusko-polskish z powiatu Sokólskiego guberni, Grodzieńskiej, zapisanych przez Prof. Dr. I. Baudouin de Courtenay“. Пѣсни, записанныя проф. Бодуэномъ де-Куртенэ, напечатаны въ XVI т. „Zbiór wiadomości“. Записи, въ обоихъ томахъ фонетически правильные; полонизмы вездѣ отмѣчены особымъ наборомъ. Къ записямъ приложены мелодіи. Въ записяхъ настоящаго XVIII тома интересно обозначеніе дифтонговъ на мѣстѣ простыхъ гласныхъ: ziuoĺka, isiwieńki, czòrnuom, źièleńko (№ 21), b'ièlaho, cieṕièr, druobny (№ 22) и т. п.

Е. Карскій.

Новое сочиненіе по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу.

Въ минувшемъ 1895 году іезуитъ A. Lapôtre издалъ свое сочиненіе: L'Europe et le Saint-Siège à l'époque carolingienne. Première partie. Le pape Jean VIII (872—882). Первыя три главы этой книги: I) Histoire du Registre, II) Les Bulgares и III) Les Moraves — всего 170 стр., по своему содержанію, возбуждаютъ интересъ у всякаго историка славянства, особенно, если онъ занимается исторіей водворенія христіанства въ славянскихъ земляхъ и отношеній стараго славянства къ двумъ средневѣковымъ европейскимъ центрамъ — Риму и Византіи.

Сочиненіе Лапотра, по своему духу, находится въ тѣснѣйшемъ отношеніи къ новому направленію папской политики въ славянскомъ вопросѣ: книга хочетъ доказать, что папство — естественный союзникъ славянства, что только подъ его покровомъ и благословеніемъ славянство можетъ утвердить и развить свою этнографическую и культурную самостоятельность; дѣятельность славянскихъ первоучителей — Кирилла и Меѳодія, въ изображеніи нашего автора, служитъ первымъ и самымъ важнымъ доказательствомъ этого тезиса; ближайшая задача ученаго іезуита состоитъ въ томъ, чтобы опровергнуть возраженія, которыя можетъ выставить противъ этого тезиса некатолическій ученый. Эта ближайшая задача предстала предъ папистской исторіографіей еще въ 1879 году, когда англійскій ученый Бишопъ открылъ въ Британскомъ музеѣ „Сборникъ папскихъ писемъ“, изданныхъ Эвальдомъ въ *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche*

Библиотека "Руниверс"

Geschichtskunde и доказавшихъ, между прочимъ, подлинность знаменитаго посланія Стефана VI къ Святополку Моравскому, въ которомъ осуждаются и св. Меѳодій, и славянское богослуженіе.

Послѣдующее наше изложеніе имѣетъ своею цѣлію показать, какъ справляется Лапортъ со своимъ дѣломъ; подробный пересказъ содержанія интересующихъ насъ главъ самой книги представляется наиболѣе соотвѣтствующимъ этой цѣли.

Первая глава „Исторія регистра" трактуетъ о Монте-кассинской копіи оригинальнаго папскаго регистра, о самомъ оригинальномъ регистрѣ, его искаженіи и виновникахъ этого искаженія—формозіанахъ (партія Формоза). Корреспонденція папы Іоанна VIII дошла до нашего времени, главнымъ образомъ, въ извѣстномъ Ватиканскомъ манускриптѣ, содержащемъ, въ формѣ регистра, письма папы, написанныя имъ въ теченіе 6-ти послѣднихъ индиктовъ его первосвященничества, и имѣющемъ неоспоримую связь съ оффиціальнымъ регистромъ папской канцеляріи. Затѣмъ, въ различныхъ каноническихъ компиляціяхъ есть многочисленныя выдержки изъ писемъ папы, ведущія свое начало, болѣе или менѣе прямо, также изъ древняго первосвященническаго регистра. Наконецъ, есть нѣсколько подлинныхъ посланій, отправленныхъ нѣкогда ихъ адресатамъ.

Ватиканскій манускриптъ описанъ въ настоящее время (Guido Levi, кардиналъ Pitra и P. Denifle) съ такой тщательностью, которая не оставляетъ желать въ этомъ отношеніи ничего лучшаго. Къ сожалѣнію, изслѣдователями совершенно не затронутъ вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится этотъ манускриптъ къ оригинальному регистру; если же объ этомъ и говорятъ, то совершенно ошибочно, утверждая обыкновенно, что это позднѣйшая компиляція, при чемъ время ея происхожденія въ точности не опредѣляется. А такъ какъ этотъ вопросъ для историка очень не безразличенъ, будучи связанъ съ вопросомъ о подлинности заключающихся въ регистрѣ документовъ, то попытка разрѣшить его будетъ не только не безполезна, но можетъ привести къ нѣкоторымъ неожиданнымъ результатамъ, освящая новымъ свѣтомъ очень любопытный эпизодъ той мрачной эпохи (стр. 1—3).

Первый внимательный взглядъ на манускриптъ приводитъ къ убѣжденію, что это не автографъ, исполненный въ папской канцеляріи, что онъ писанъ не въ залѣ Латерана, но въ кельѣ Монте-Кассино, не въ IX, а въ XI вѣкѣ. Къ этому заключенію приводятъ и характеръ буквъ, и исторія манускрипта, написанная на первомъ

Библиотека "Руниверс"

его листѣ, вѣроятно, въ XIV или въ концѣ XV столѣтія. Она говоритъ, что рукопись принадлежала нѣкогда братіи монастыря Монте-Кассино и отдана папѣ каноникомъ базилики св. Петра Berard'омъ, вѣроятно, въ концѣ XIII вѣка при Климентѣ IV (1265—1268), потому что послѣ катастрофы, постигшей папскую библіотеку, первое описаніе этого манускрипта находится въ каталогѣ Перуджіанскомъ 1311 года. Въ настоящее время состояніе рукописи почти такое же, какъ и въ томъ описаніи (стр. 3—6).

Обыкновенно въ списываніи рукописей участвовали трое сотрудниковъ: собственно писецъ, киноварщикъ и справщикъ (контролеръ). Писецъ, какъ бы онъ ни былъ внимателенъ, обыкновенно не въ состояніи былъ удержаться отъ ошибокъ, особенно въ собственныхъ именахъ, а иногда измѣнялъ ихъ самымъ фантастическимъ образомъ, а иногда не разбиралъ нѣкоторыхъ буквъ и, пропуская ихъ, оставлялъ въ замѣнъ ихъ пустое мѣсто, надѣясь, что справщикъ восполнитъ недостающее (напримѣръ, вмѣсто Swatopluk напишетъ Swentapu). Но въ нашемъ манускриптѣ пустыя мѣста принимаютъ иногда столь большіе размѣры, что ихъ можно объяснить лишь ветхостью оригинала: такъ, напримѣръ, текстъ прерывается въ концѣ письма къ герцогу Салернскому и возобновляется только въ срединѣ другого письма, писаннаго, вѣроятно, императрицѣ Richild'ѣ. Справщикъ долженъ былъ встрѣтиться съ этими же непреодолимыми препятствіями, и потому, не смотря на то, что эта должность поручалась обыкновенно самымъ ученымъ людямъ, онъ могъ произвести только незначительныя исправленія, такъ что, можно сказать, древній регистръ Іоанна VIII устоялъ противъ всей палеографіи Монте-Кассино XI вѣка (6—8). Былъ ли это регистръ, вышедшій два вѣка тому назадъ изъ-подъ пера оффиціальнаго редактора папскаго двора—изъ библіотеки Латерана, или же составлялъ его точную копію? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ то обстоятельство, что регистръ Монте-Кассино представляетъ письма папы не въ законченномъ ихъ видѣ, а въ формѣ канцелярскихъ черновиковъ. А до XIII вѣка обычай употребленія въ регистрахъ черновыхъ бумагъ былъ общимъ правиломъ, мало-по-малу отъ него стали отступать въ слѣдствіе того, что частныя лица сами требовали—и платили за это деньги—внесенія въ регистръ различныхъ привилегій, которыя они получали, и, конечно, были заинтересованы въ томъ, чтобы копіи регистра самою формою оправдывали ихъ подлинность. Но все-таки до XIII вѣка болѣе обычнымъ было употребленіе черновыхъ бумагъ, такъ какъ оно позволяло

Библиотека "Руниверс"

менѣе утруждать папскихъ писцовъ и даже дозволяло дѣлать выборку документовъ, съ цѣлію составленія сборника, болѣе удобнаго къ пользованію (стр. 9).

Регистръ Іоанна VIII носитъ на себѣ всѣ слѣды черновиковъ папской канцеляріи: такъ, здѣсь есть замѣтки о томъ, что извѣстное, напримѣръ, письмо должно быть написано въ двойномъ, тройномъ и даже болѣе количествѣ экземпляровъ для отправленія различнымъ лицамъ; одинъ разъ къ такому письму сдѣлана прибавка съ еще болѣе значительною надписью: „это нужно прибавить такому-то“ (Hoc addendum est in epistola ad Pulcarem). Часто въ самомъ текстѣ находятся разные варіанты какой нибудь части одного и того же письма, которые въ черновикѣ читались на полѣ и, будучи при переписываніи внесены въ текстъ, производили смѣшенія. Напримѣръ, до сихъ поръ спорятъ объ одномъ письмѣ, написано ли оно къ королю французскому Людовику Косноязычному или же къ германскому Людовику III. На самомъ же дѣлѣ письмо было составлено, имѣя въ виду короля французскаго, а для короля германскаго редакторъ удовольствовался постановкою въ заголовкѣ „item Hludowico Hludowici regis Bajoariorum filio“; затѣмъ, когда въ текстѣ стояли слова: „te Ludowico, filio Caroli“, на полѣ было поставлено: „Ludowico, filio Ludowici regis“. А писецъ помѣстилъ оба варіанта рядомъ. Такимъ же образомъ, слово „excommunicati“ въ письмѣ къ аббату Гугону, долженствовавшее относиться къ одному только Формозу, послужило для новѣйшихъ историковъ причиною ложнаго утвержденія, будто Іоаннъ VIII отлучилъ отъ церкви трехъ архіепископовъ французскихъ — Іоанна Руанскаго, Адаларда Турскаго и Фротарія Буржскаго. Если нужно было назвать лицо, которому поручалось передать посланіе папы, то его рекомендація иногда заключаетъ въ себѣ только титулъ, чаще же ограничиваются однимъ только указаніемъ имени и т. п.

Всѣ эти и подобные примѣры доказываютъ, что сборникъ, послужившій оригиналомъ для Монте-Кассино, состоялъ изъ элементовъ, заимствованныхъ изъ папской канцеляріи, при чемъ ихъ общее расположеніе и классифицированіе также выдаютъ собою примѣты папскаго регистратора. Изъ другихъ (помимо употребленія черновыхъ бумагъ) особенностей и правилъ при составленіи папскихъ регистровъ до XI вѣка извѣстны теперь: бумага, а не пергаментъ, какъ матеріалъ письма, и хронологическое размѣщеніе документовъ по индиктамъ, безъ строгаго, однако, разграниченія ихъ по мѣсяцамъ и днямъ. Дурное состояніе оригинала Монте-Кассинской копіи дѣлаетъ

Библиотека "Руниверс"

вѣроятной гипотезу о томъ, что и его матеріаломъ была также бумага, а распредѣленіе документовъ по индиктамъ, при хронологическомъ ихъ смѣшеніи въ каждомъ индиктѣ въ отдѣльности, доставляетъ намъ и другой признакъ сходства Монте-Кассино съ оффиціальнымъ регистромъ. Формула: „data ut supra", кончающая большое число документовъ, до сихъ поръ еще не объяснена правильно: Jaffè видѣлъ здѣсь ошибку копіиста, которому нужно было бы написать: „data et cetera", а Ewald считалъ это указаніемъ на письма предшествующія. Во всякомъ случаѣ, это—формула, употреблявшаяся нѣкогда въ папской регистратурѣ. Такимъ образомъ, изъ всего предшествующаго слѣдуетъ, что, если оригиналъ Монте-Кассино не былъ регистромъ, вышедшимъ непосредственно изъ Латерана, ни даже его полною и адекватною копіею, то, во всякомъ случаѣ, это былъ сборникъ, составленный въ эпоху, очень близкую къ Іоанну VIII (стр. 9—14).

По существующему теперь мнѣнію, регистръ Іоанна VIII представляетъ собою извлеченіе изъ регистра оффиціальнаго, составленное съ особою цѣлью—утвердить верховенство папы, такъ какъ въ немъ, будто бы, нѣтъ ни одного акта свѣтской его власти, ни одной привиллегіи, ни одной донаціи церкви или монастырю. Но, вопервыхъ, въ четырехъ письмахъ въ аббатство Pothières папа утверждаетъ свои права на имущество монастыря и представляетъ такимъ образомъ актъ мірскаго характера, и затѣмъ онъ былъ по преимуществу папа-политикъ, и сборникъ Монте-Кассино дѣйствительно является общею картиною, рисующею его дѣятельность именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи. При томъ же совершенно невозможно себѣ представить въ то бурное время, которое послѣдовало за смертью Іоанна VIII, когда, казалось, остановилась около Латерана великая интеллектуальная жизнь, и даже Liber pontificalis временно прекратился, мирной работы компиляторовъ, занятыхъ разработкою права церковнаго и понтификальнаго. Поэтому вышеуказанная гипотеза о характерѣ Монте-Кассино могла бы имѣть вѣроятность только въ томъ случаѣ, еслибы было извѣстно число документовъ, которые должны бы войдти въ оффиціальный регистръ (стр. 14—16).

По принятому теперь мнѣнію (Kaltenbrunner и P. Denifle), большіе регистры XIII вѣка суть воспроизведенія болѣе значительныхъ регистровъ, въ настоящее время исчезнувшихъ. Они вызваны были потребностью имѣть въ рукахъ болѣе удобные сборники документовъ. Но можно предположить, что и въ IX вѣкѣ такая потребность уже

Библиотека "Руниверс"

была сознана и удовлетворялась, то-есть, папскія черновыя бумаги уже подвергались выборкѣ при составленіи оффиціальнаго регистра, при чемъ то, что не входило въ послѣдній, составляло особые tomi, хранившіеся въ архивахъ до тѣхъ поръ, пока небрежность извѣстныхъ эпохъ не подвергла ихъ уничтоженію. Въ этомъ способѣ составленія регистровъ и лежитъ объясненіе того обстоятельства, что средневѣковые старинные историки поставляютъ эти труды въ особую литературную заслугу, которая не имѣла бы никакой цѣны, еслибы дѣло шло о простомъ, — по порядку, — составленіи сборниковъ. Поэтому, напримѣръ, дошедшій до насъ регистръ Григорія VII, несмотря на относительную незначительность его объема, есть регистръ оффиціальный: его, именно, видѣлъ въ библіотекахъ и имъ пользовался, почти тотчасъ по смерти Григорія, кардиналъ Deusdedit. Это выходитъ изъ слѣдующаго: въ трудѣ Deusdedit'a нужно признать главы 149 и 150 книги III принадлежащими не ему лично, а кому либо изъ лицъ, служившихъ въ библіотекѣ, который работалъ подъ руководствомъ кардинала и пользовался не только регистрами, но и всѣми другими извѣстными ему источниками, какъ въ Латеранѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, ибо, тогда какъ указанная часть сборника отличается особеннымъ уваженіемъ автора къ тексту памятниковъ и обстоятельностью описанія ихъ, въ остальной части составитель довольствуется обыкновенно простымъ указаніемъ заглавія документа и не стѣсняется давать тексты, произвольно скомбинированные, иногда самымъ страннымъ образомъ. Поэтому, можно согласиться съ утвержденіемъ Loewenfeld'a, что Deusdedit или его неизвѣстный сотрудникъ пользовался, при составленіи своего каноническаго сборника, регистромъ Григорія VII, по крайней мѣрѣ, въ той части своего труда, гдѣ онъ непосредственно эксплуатировалъ архивы св. престола, такъ какъ сходство между регистромъ Григорія VII и этою частью сборника Deusdedit'a — неоспоримо. Труднѣе доказать это сходство между второю частью и регистромъ Григорія, но если въ этой части Deusdedit пользовался и другимъ сборникомъ, то все-таки остается доказаннымъ (первою частью), что въ эту эпоху фигурировалъ въ римскихъ архивахъ, въ качествѣ оффиціальнаго документа, регистръ Григорія VII, тожественный съ тѣмъ, который мы имѣемъ теперь, и который составленъ по принципу различенія и выбора документовъ. Но такъ какъ регистръ Іоанна VIII имѣетъ очень существенное сходство съ регистромъ Григорія VII, то нѣтъ основаній не признавать оригинала Монте-Кассинской копіи оффиціальнымъ документомъ

Библиотека "Руниверс"

только потому, что въ него вошли не всѣ акты Іоанна VIII (стр. 16—21).

Но оригиналъ Монте-Кассинскаго регистра былъ не копіей оффиціальнаго регистра, а самымъ оригинальнымъ манускриптомъ Латеранскимъ, похищеннымъ изъ папскихъ архивовъ, разодраннымъ и обезображеннымъ въ очень интересныхъ цѣляхъ, на которыя указываетъ отсутствіе въ немъ первыхъ индиктовъ первосвященничества Іоанна VIII (онъ начинается съ 1-го сентября 876 г., тогда какъ Іоаннъ вступилъ на престолъ 14-го декабря 872 г.). Очевидно, въ Ватиканскомъ архивѣ въ XI вѣкѣ не было никакихъ документовъ за то время, которое вошло въ Монте-Кассинскій сборникъ, потому что и у Deusdedit'a, и въ Британской коллекціи, и въ Туринской, и у всѣхъ другихъ авторовъ находятся акты только до десятаго индикта. Такимъ образомъ въ XI вѣкѣ регистръ Іоанна VIII былъ раздѣленъ на двѣ части: одна оставалась въ Ватиканской библіотекѣ, другая въ монастырѣ Монте-Кассино. Нельзя думать при этомъ, что сами монахи монте-кассинскіе похитили свою часть, или что она была скрыта въ монастырь, какъ въ надежное убѣжище въ какое либо смутное время, ибо въ томъ и другомъ случаѣ въ монастырѣ долженъ бы оказаться весь сборникъ, а не одна его часть. А такъ какъ ни въ той, ни въ другой части сборника совсѣмъ нѣтъ документовъ девятаго индикта, то, очевидно, виновниками ихъ похищенія были люди, наиболѣе заинтересованные именно въ нихъ и ими компрометированные. Такими людьми были: Формозъ, епископъ Порто, позднѣе папа, Григорій, номенклаторъ св. престола, Георгій Авентинскій, начальникъ милиціи, и другія лица изъ высшаго духовенства, которыя въ теченіе девятаго индикта, весною 876 года, были отлучены Іоанномъ отъ церкви и осуждены на изгнаніе. Естественно, что документы этого индикта рисовали такую сильную картину ихъ преступленій, что имъ невозможно было, при возвращеніи къ власти, удержаться отъ соблазна уничтожить этихъ свидѣтелей ихъ позора. Поэтому, когда папа Мариній I возвратилъ Формоза и его сообщниковъ изъ изгнанія и отдалъ имъ ихъ прежнія должности, они легко могли привести свой замыселъ въ исполненіе и, дѣйствительно, уничтожили документы девятаго индикта, скрыли, затѣмъ, другіе, начиная съ десятаго, и оставили акты первыхъ индиктовъ, которые могли только льстить имъ, ибо относились къ тому времени, когда Іоаннъ VIII благоволилъ этимъ лицамъ. А то, что вмѣстѣ съ документами девятаго индикта формозіане похитили акты и остальныхъ индиктовъ, лично до нихъ не касавшіеся, объясняется

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ обстоятельствомъ, что они желали отнять возможность пользоваться этими документами у послѣдователей примирительной политики Іоанна VIII по отношенію къ Фотію и византійской церкви, такъ какъ самъ Формозъ всегда былъ ярымъ противникомъ этой политики. Самое же похищеніе документовъ произошло, вѣроятно, тотчасъ послѣ возвращенія къ власти формозіанъ, а не 9 лѣтъ спустя, когда Формозъ самъ сталъ уже папой. Гипотеза эта помогаетъ разрѣшить тотъ запутанный съ давняго времени вопросъ: какимъ образомъ папа Стефанъ VI, запрещая славянскую литургію, могъ основать это запрещеніе на письмѣ папы Іоанна VIII къ Меѳодію, когда оно на самомъ дѣлѣ содержитъ не запрещеніе, а позволеніе (стр. 21—9)? Въ послѣдующемъ изложеніи Лапотръ доказываетъ, что Стефанъ VI былъ только первою жертвою смѣлой фальсификаціи этого письма, а не дѣйствующимъ лицомъ этой позорной исторіи.

Во второй главѣ своего труда—„Болгары"—Лапотръ занимается фактомъ возникновенія и утвержденія христіанства въ Болгаріи и римско-византійскими отношеніями, связанными съ этимъ фактомъ. Прежде всего, идетъ рѣчь о папѣ Іоаннѣ VIII. Іоаннъ VIII вступилъ на престолъ въ декабрѣ 872 года, весьма долгое время исполняя до того должность архидіакона. Судя по его письмамъ, это былъ человѣкъ больной; но на самомъ дѣлѣ ему суждено было не разъ приводить своихъ медиковъ въ удивленіе и обманывать надежды, возлагавшіяся на его болѣзнь. По характеру своему Іоаннъ былъ человѣкомъ римскаго практическаго склада ума, стяжавшій глубокую опытность во время 20-ти-лѣтняго архидіаконства, обладавшій несокрушимой энергіей въ исполненіи своихъ обязанностей, готовый тратить слишкомъ много денегъ на свои политическія предпріятія, но за то умѣвшій искусно ихъ собирать. Это былъ папа, совершенно подходящій къ характеру времени, когда нужно было въ одно и то же время обуздывать грубые нравы запада и бороться съ тонкою восточною дипломатіею. Папа, вопреки ожиданіямъ современниковъ, оставилъ на своихъ мѣстахъ высшихъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ еще Адріаномъ II и Николаемъ I: такъ, дипломатія была въ рукахъ апокрисіарія и номенклатора Григорія, войско повиновалось Сергію и Георгію Авентинскому, лицамъ во всѣхъ отношеніяхъ недостойнымъ, изъ которыхъ послѣдній почти среди бѣлаго дня убилъ свою жену, племянницу Бенедикта III, и разграбилъ находившіяся на его храненіи сокровища св. Петра. Среди этихъ лицъ находился и знаменитый Анастасій библіотекарь, три раза подвергавшійся анаѳемѣ св. Престола и тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

не менѣе за свою замѣчательную ученость сдѣланный Николаемъ I папскимъ секретаремъ. Начальное воспитаніе онъ получилъ у своего отца, епископа Арсенія, страшная смерть котораго была первымъ событіемъ, скомпрометировавшимъ Анастасія, когда онъ былъ библіотекаремъ римской церкви. Затѣмъ, его братъ Елевѳерій, получившій отказъ въ рукѣ дочери Адріана II, убилъ ее и тѣмъ навелъ подозрѣніе въ соучастіи и на Анастасія. Послѣ временнаго удаленія послѣдній, однако же, снова явился въ Латеранъ, еще при Адріанѣ II, и сдѣлался знаменитымъ сотрудникомъ Іоанна въ политикѣ. Формозъ, представлявшій по своему цѣломудренному и строго-монашескому образу жизни рѣзкую противоположность окружающей средѣ, человѣкъ, рожденный для великихъ дѣлъ, которыя онъ бы и совершилъ, еслибы его не испортило чрезмѣрное честолюбіе, не только не былъ удаленъ отъ дѣлъ, но имѣлъ возможность стать Іоанну на дорогѣ въ той области, которая была любезна папѣ въ особенности (стр. 29—44).

Это было обращеніе въ христіанство славянскихъ народовъ, которые въ IX вѣкѣ начали обнаруживать стремленіе къ образованію двухъ сплоченныхъ государствъ, будучи безсильны, какъ и нынѣ, составить между собою общее единеніе, такъ какъ для этого имъ было бы нужно перейти пространство между правымъ берегомъ Дуная и Дравою. Впрочемъ, въ началѣ столѣтія, послѣ паденія имперіи аваровъ, славяне, сосѣдніе съ Дравой, постепенно начали было подвигаться къ своимъ сѣвернымъ братьямъ—моравананамъ и успѣли бы соединиться съ ними, еслибы нѣмцы не создали своей Восточной марки (Ostmark), прочной стѣны, преграждавшей это движеніе, и еслибы, впослѣдствіи, мадъяры не взяли на себя неблагодарной задачи раздѣлять славянъ. Іоаннъ VIII выступилъ на сцену въ моментъ самаго остраго періода германо-славянской борьбы и занялъ въ ней совершенно особое положеніе. Такую же оригинальную форму приняла его политика и на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ въ это время, среди разрозненныхъ славянскихъ племенъ, молодой болгарскій народъ начиналъ особенно энергичную жизнь и долгое время былъ господиномъ всей древней Мёзіи, простирался въ Македоніи до озера Охридскаго и встрѣтилъ сопротивленіе только у сербовъ. Чтобы достичь Адріатики и открыть, такимъ образомъ, торговлю на двухъ моряхъ, Болгаріи нужно было ассимилировать славянъ Каринтіи, и, несмотря на сопротивленіе послѣднихъ, имѣвшихъ на своей сторонѣ выгодное географическое положеніе — отсутствіе непосредственнаго

Библиотека "Руниверс"

сосѣдства съ Болгаріей,—эта цѣль въ IX вѣкѣ была уже недалека отъ осуществленія: Болгары достигали этого сосѣдства обходнымъ путемъ, подвигаясь по лѣвому берегу Дуная, а съ 827 года постепенно становились господами нынѣшней Румыніи, Трансильваніи и средняго Дуная, такъ что царю Борису осталось сдѣлать уже послѣдній шагъ къ объединенію южнаго славянства. Къ несчастію, Борисъ отступился отъ этой естественной задачи и увлекся, вмѣстѣ со своимъ народомъ, другою, болѣе смѣлою цѣлью—борьбою съ Византіей, которая, вопреки установившемуся теперь мнѣнію, содержала подъ своей изнѣженной и разслабленной внѣшностью глубокую жизненную силу и, обольщая полудикихъ болгаръ блескомъ своей цивилизаціи, должна была вызвать въ нихъ зависть и желаніе занять мѣсто Византійской имперіи (стр. 44—49).

Окончательный толчекъ на этотъ опасный путь дало Болгаріи обращеніе въ христіанство ея князя Бориса, въ концѣ 864 года. Нѣтъ основаній подвергать сомнѣнію искренность этого обращенія, хотя у Бориса несомнѣнно были и нѣкоторые политическіе расчеты, и хотя Борисъ, несмотря на свое обращеніе, остался человѣкомъ, лучше понимавшимъ нравы своей степи, чѣмъ евангеліе. Однако, это былъ очень религіозный и богомольный князь: онъ удалился, къ концу своей жизни, въ монастырь и оставилъ престолъ старшему сыну Владиміру. Когда же послѣдній началъ уничтожать дѣло отца, Борисъ вышелъ изъ своего уединенія, низложилъ Владиміра и, выколовъ ему глаза, опять удалился въ монастырь. Принявъ церковное устройство отъ Византіи, Борисъ тѣмъ самымъ уклонилъ отъ естественнаго теченія и лучшаго будущаго свою страну и вмѣстѣ съ этимъ расторгнулъ ея связь съ другими южными славянами, которые, за исключеніемъ нѣкоторой части Сербіи, тяготѣли уже тогда или должны были тяготѣть въ недалекомъ будущемъ къ Риму. Такимъ образомъ онъ создалъ въ религіозномъ сепаратизмѣ славянъ одно изъ главныхъ препятствій къ ихъ политическому объединенію, остающееся такимъ и до настоящаго времени. Однако, прежде окончательнаго обращенія къ Византіи, Борисъ адресовался и въ Римъ, и въ Германію, и былъ даже день, когда онъ поклялся быть во всю свою жизнь слугою св. Петра. Если же дѣло все-таки кончилось въ Византіи, значитъ, тамъ сумѣли предложить ему то, что ему было больше свего надобно,—именно, церковную іерархію, какъ можно болѣе независимую и высокую по степени. Случилось это такимъ образомъ: Фотій, на котораго обыкновенно сваливаютъ всѣ несчастія римской церкви, на

Библиотека "Руниверс"

самомъ дѣлѣ не только не былъ виноватъ въ удаленіи болгарской церкви отъ Рима, но, можно сказать, самъ бросалъ ее въ объятія папы, потому что, вмѣсто епископа, котораго Борису хотѣлось, присылалъ ему простыхъ миссіонеровъ и письма, проникнутыя глубокою богословскою ученостью, которыя не производили никакого впечатлѣнія на полуварвара. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ Борисъ, два года спустя, послалъ торжественныя посольства къ папѣ и германскому королю съ предложеніемъ церковнаго устройства Болгаріи, желая, очевидно, стать на сторону того, кто больше предложитъ. Папа Николай I, болѣе Фотія освѣдомленный съ положеніемъ дѣла, послалъ Борису двухъ епископовъ и знаменитыя Responsa, которыя, уступая въ литературномъ отношеніи письму Фотія, имѣли предъ нимъ то преимущество, что, по своему практическому характеру, были понятнѣе Борису и даже могли льстить его затаенной мечтѣ имѣть когда нибудь своего патріарха, чтобы послѣдній могъ, какъ въ Византіи, быть и въ Болгаріи источникомъ и раздаятелемъ императорскаго достоинства, стремленіе къ которому и было вѣчною и главною пружиною политики болгарскихъ царей. Хотя Николай I и обѣщалъ только архіепископа съ обязательствомъ римской инвеституры, однако и это былъ большой прогрессъ сравнительно съ существовавшимъ положеніемъ, и потому Борисъ вѣжливо отклонилъ присланнаго Людовикомъ Германскимъ епископа Германриха, на посольство котораго императоръ возлагалъ, очевидно, большія надежды, ибо это былъ епископъ, хорошо знакомый со славянами и непримиримый врагъ всего греческаго (стр. 49—55).

Формозъ, прибывшій въ Болгарію во главѣ миссіи, усердно изгонялъ изъ страны греческое духовенство и вліяніе, не смотря на страстныя обличенія Фотія. Но, къ несчастію для римскаго дѣла, Борисъ усвоилъ себѣ мысль сдѣлать болгарскимъ архіепископомъ Формоза, который казался ему человѣкомъ, способнымъ не только противодѣйствовать византійскому патріарху, но и затмить его блескъ, а Формозъ не потрудился разувѣрить царя въ возможности исполненія такого намѣренія, хотя и зналъ, разумѣется, что папѣ пришлось бы для этого нарушить утвержденный нѣсколькими соборами церковный законъ. Отозванный изъ Болгаріи Николаемъ I, Формозъ, напротивъ, взялъ съ Бориса клятву не принимать другаго, кромѣ него, архіепископа, и царь исполнилъ это обѣщаніе при Адріанѣ II, который въ свою очередь не отпускалъ Формоза въ Болгарію. А въ это время произошли въ Византіи дворцовая и церковная революціи. Возстано-

Библиотека "Руниверс"

вленный патріархъ Игнатій ничего уже не имѣлъ противъ отправленія въ Болгарію архіепископа и епископовъ, и Борисъ, уже отчаявшійся получить изъ Рима Формоза, согласился получить предложенную ему императоромъ Василіемъ византійскую іерархію. Такимъ образомъ, въ 870 году римское духовенство должно было уступить свое мѣсто грекамъ, и въ этой перемѣнѣ виноватъ былъ, слѣдовательно, не Фотій, а два его врага въ Римѣ и Византіи—Формозъ и Игнатій. Іоаннъ VIII былъ папою, которому нужно было исправить это невыгодное для Рима положеніе: онъ пишетъ Борису умоляющія и угрожающія письма, посылаетъ Игнатію приказъ явиться въ Римъ для отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и отвѣчаетъ отказомъ на просьбу Формоза послать его снова въ Болгарію. Письма, однако же, не дѣйствовали на Бориса. Но когда Формозъ, бѣжавшій изъ Рима наканунѣ суда надъ его друзьями—Григоріемъ и Георгіемъ Авентинскимъ, окончательно упалъ въ мнѣніи папы, былъ отлученъ и низложенъ, Іоаннъ VIII не терялъ надежды на возстановленіе въ Болгаріи римскаго вліянія и, устранивъ съ дороги Формоза, рѣшилъ дѣйствовать въ Византіи, чтобы удалить тамъ другое препятствіе къ цѣли—Игнатія. Папскіе легаты, отправленные въ апрѣлѣ 878 года, получаютъ приказаніе низложить Игнатія, который избѣжалъ только смертью такого позора. Теперь возстановленъ былъ въ патріаршествѣ Фотій, и папа, зная, что новый патріархъ былъ способенъ пожертвовать Болгаріей для своего примиренія съ Римомъ, долженъ былъ относиться благосклонно къ его возстановленію, тѣмъ болѣе, что за такую услугу Византійской церкви онъ по формальному договору съ византійскимъ императоромъ получалъ помощь греческаго флота въ затруднительныхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ тогда находился. Но письма Іоанна VIII доказываютъ, что главною пружиной его примирительной политики по отношенію къ Фотію была надежда возстановить въ Болгаріи вліяніе Рима, такъ что совершенно напрасно историки видятъ здѣсь актъ легкомыслія или слабости папы (стр. 55—63).

Но, повидимому, возстановленіемъ Фотія Іоаннъ VIII, думая устранить Болгарію изъ-подъ вліянія византійской схизмы, приготовилъ самую эту схизму, такъ какъ было невозможно, будто бы, не предвидѣть того, что съ возвращеніемъ Фотія къ власти восточные христіане должны были болѣе и болѣе враждебно настраиваться по отношенію къ Западу. Начиная съ Климента IV, дѣйствительно, всѣ видятъ главную причину раздѣленія церквей въ возстановленіи Фотія Іоанномъ; но это совершенно невѣрно, ибо никто изъ папъ, пред-

Библиотека "Руниверс"

шественниковъ Іоанна VIII, не понималъ лучше его души Фотія и не шелъ вѣрнѣе его къ цѣли примиренія церквей. Въ самомъ дѣлѣ, главною чертою характера Фотія было вовсе не то чрезмѣрное честолюбіе, которое донынѣ ему приписывается, но глубокое и непобѣдимое убѣжденіе въ неизмѣримомъ превосходствѣ его личныхъ качествъ, умственныхъ и нравственныхъ, за которыя только, а не за внѣшнее свое положеніе, онъ и домогался поклоненія и почитанія. Можно вполнѣ вѣрить утвержденію Фотія о его некорыстолюбіи и нелюбви къ блеску, о его смиреніи, которое признавалось даже самимъ Іоанномъ VIII; и если онъ такъ настойчиво домогался отнятаго у него патріаршескаго достоинства, то не потому, чтобы возвратить только власть, но затѣмъ, главнымъ образомъ, чтобы торжественно доказать свое право и свою невиновность, которую онъ сравнивалъ даже съ невинностью Іисуса Христа. Іоаннъ VIII сумѣлъ прекрасно воспользоваться этимъ состояніемъ духа Фотія и понималъ, что болгарскій вопросъ нисколько не затрагивалъ его самолюбія, такъ какъ іерархія болгарская была дѣломъ не Фотія, а его противника Игнатія. Но, повидимому, противъ пониманія Іоанномъ Фотія говоритъ то обстоятельство, что папа ожидалъ невозможнаго со стороны Фотія, публичнаго сознанія его въ ошибкахъ. Можно, однако, думать, что Іоаннъ не совсѣмъ былъ увѣренъ въ неповиновеніи его и потому хотѣлъ испытать силу своего требованія, оставляя себѣ свободу сказать рѣшительное слово. Поэтому онъ, не удовлетворившись соборомъ византійскимъ 879 г., послалъ сначала дружеское письмо патріарху, а потомъ, побуждаемый уже притязаніями оппозиціонной партіи, возвысилъ свои требованія и отправилъ въ Византію епископа Марина съ порученіемъ привести патріарха къ болѣе ясному удовлетворенію. Но и послѣ того Іоаннъ не считалъ необходимымъ отказаться отъ дѣла примиренія, такъ что Фотій всегда сохранялъ при его жизни почтеніе къ папству и, еслибы Маринъ и Формозъ не воздвигли на него проклятій и отлученій, онъ, вѣроятно, не поднялъ бы никогда своего пера противъ западной церкви. И какъ бы ни казалось невѣроятнымъ, но Римъ, дѣйствительно, обязанъ Фотію оставленіемъ византійскихъ претензій на болгарскую церковь, такъ какъ соборъ 879 года обѣщалъ войти въ соглашеніе по этому вопросу съ императоромъ, и папа имѣлъ возможность въ слѣдующемъ же году благодарить Василія за его любезное и справедливое позволеніе „овладѣть діоцезомъ болгарскимъ“. Разумѣется, эта жертва была достигнута не безъ усилій со стороны Фотія, такъ какъ въ Византіи не вѣрили, чтобы болгарская

Библиотека "Руниверс"

территорія во всѣхъ своихъ частяхъ входила нѣкогда въ предѣлы римскаго патріархата. Но, съ другой стороны, въ Константинополѣ надѣялись, что императоръ Василій отвоюетъ въ скоромъ времени всю древнюю территорію имперіи и т. д. Тогда будетъ можно снова пересмотрѣть предѣлы юрисдикцій той и другой церкви, не исключая и правъ на болгарскую территорію. Императоръ же и Фотій, конечно, не обольщали себя такими иллюзіями и если легко уступили Риму Болгарію, то потому, что въ главахъ самодержца византійскаго церковная власть безъ гражданской не имѣла никакой цѣны, а, по мнѣнію Фотія, изъятіе Болгаріи изъ византійскаго вліянія не могло нанести серьезнаго ущерба значительному тогда по размѣрамъ патріархату (стр. 63—70).

И, однако, Іоаннъ VIII не достигъ своей цѣли, — по винѣ уже болгаръ, которые къ тому времени успѣли усвоить себѣ то, что Лапотръ называетъ „византійскимъ зломъ", прибавляя, что не соединяетъ съ этимъ словомъ обиднаго значенія, — это стремленіе къ церковной автономіи и политической автократіи. Съ этого именно времени (какъ. позднѣе, — русскіе) болгары поставили себѣ религіознымъ идеаломъ церковную независимость отъ всякаго иностраннаго вмѣшательства, а политическимъ — византійское самодержавіе. Зная уже по опыту съ Формозомъ, чего можно было ожидать отъ Рима для этой независимости, Борисъ отказался перемѣнить греческое духовенство и, не разрывая открыто съ Римомъ, велъ себя такъ, какъ еслибы его и не существовало, вводя, напримѣръ, славянскую литургію тогда, когда св. престолъ ее осудилъ. И преемники Бориса настолько проникались его стремленіями усвоить себѣ достоинства византійскаго βασιλεύς'а, переведеннаго на славянскій языкъ словомъ „царь", что иногда обращались за этимъ титуломъ и въ Римъ, что̀ давало поводъ явиться мнѣнію, будто въ X вѣкѣ болгарская церковь была въ полной зависимости отъ св. престола: совершенно неправильно видятъ здѣсь оставленіе византійскаго идеала, когда на самомъ дѣлѣ это былъ только ходъ для полнаго его достиженія. Такимъ образомъ, всѣ усилія римской церкви искоренить въ Болгаріи византійскую организацію остались тщетными, и эта организація, переживъ вѣка, служитъ еще и понынѣ незамѣтнымъ, но дѣйствительнымъ двигателемъ болгарской политики.

Борисъ не былъ все-таки самодержавнымъ императоромъ по греческому образцу, не имѣлъ, вопреки распространенному мнѣнію, ни титула, ни аттрибутовъ императорской власти: его сынъ Симеонъ

Библиотека "Руниверс"

является первымъ княземъ, который былъ или считалъ себя βασιλεύς'омъ.

Симеонъ получилъ воспитаніе въ Византіи и настолько усвоилъ себѣ греческую образованность, что его называли полугрекомъ „hemiargos", хотя въ душѣ онъ оставался такимъ же кровожаднымъ и дикимъ болгариномъ, какъ и его предки. Подъ своей монашеской внѣшностью этотъ „созерцатель божественныхъ вещей" таилъ громадное честолюбіе, которому служилъ всю свою жизнь и въ жертву которому пролилъ столько крови, разрушилъ столько церквей и городовъ, какъ никто изъ его предшественниковъ. Въ Византіи его прельщали главнымъ образомъ не ученыя и литературныя богатства, не созданія искусства, а тѣ блестящія и пышныя церемоніи, въ которыхъ величіе императорской власти открывалось съ поражающей полуварвара роскошью и великолѣпіемъ, когда императоръ казался ему какимъ-то божествомъ, сидящимъ на своемъ золотомъ тронѣ, окруженномъ блестящею и раболѣпною свитою, или когда отправлялся въ св. Софію при громкихъ народныхъ привѣтствіяхъ,—такой красивый и статный, какимъ былъ Василій Македонянинъ. Можно сказать, что Симеонъ, носившій во всю свою жизнь черную одежду, покрылъ себя кровью и славой главнымъ образомъ изъ любви къ принадлежностямъ императорскаго костюма. Византійскія впечатлѣнія должны были сложить въ его душѣ идеалъ царской власти, тожественной съ тѣмъ, какой онъ видѣлъ въ Константинополѣ; а этотъ идеалъ существеннымъ образомъ не отличался отъ западнаго, потому что и въ Римѣ, и въ Византіи смотрѣли на имперію, какъ на монархію универсальную, а на императора, какъ на свѣтскаго намѣстника Іисуса Христа, который сообщаетъ ему власть черезъ представителя власти церковной,—папы на Западѣ и патріарха—на Востокѣ. И въ то время, какъ каролинги пытались иногда освободиться отъ обязанности принимать первосвященническое посвященіе, на востокѣ не только не было этихъ попытокъ, но и самыя царскія одежды хранились тамъ въ храмѣ и возлагались на императора только патріаршими руками. Но, будучи сходны по существу, восточное и западное понятіе царской власти различались случайнымъ признакомъ, имѣвшимъ, однако, большое практическое значеніе,—тѣмъ, что въ то время, какъ римляне считали себя дѣйствительными наслѣдниками древняго міра и своего избранника императора, при условіи папскаго посвященія, полномочнымъ, греки думали, что это право принадлежало однимъ только имъ, такъ какъ у нихъ сохранялась чудесно спадшая съ неба

Библиотека "Руниверс"

на перваго христіанскаго императора хламида. Не замѣчая, что ихъ нравы давно уже приняли восточный характеръ, и что они перестали понимать даже латинскій языкъ, греки провозгласили, что они—единственные римляне, а италіанцы—только латиняне и ломбардцы, а императоръ западный—не больше, какъ ῥήξ. Эту теорію усвоилъ себѣ Симеонъ и всю свою жизнь мечталъ получить императорское достоинство по византійскому ритуалу (стр. 70—83).

При вступленіи Симеона на престолъ (893 г.) прошло уже то время, когда Болгарія могла вступить ногою на западную почву, ибо славяне Сербіи и Кроатіи силою принудили ее замедлить свой ходъ къ западу и сѣверу, и въ то же самое время позади рѣки Серета явилась новая грозная сила мадъяръ, довершившая заключеніе Болгаріи на Балканскомъ полуостровѣ лицемъ къ лицу съ Византіей. Военный шумъ и громъ этой встрѣчи мѣшаютъ видѣть ея истинный характеръ: на самомъ же дѣлѣ Византія была для болгаръ не заклятымъ врагомъ, а слишкомъ любимой любовницей, милости которой они домогались всѣми возможными средствами. И, можетъ быть, для имперіи было бы лучше, еслибы она поступилась своею гордостью и сдѣлала равнымъ своему автократору Симеона, царя того народа, который, по выраженію патріарха Николая, былъ нѣкогда слугою аваровъ. Симеонъ же со своей стороны не щадилъ ничего, чтобы достичь этой чести: онъ вводилъ въ Болгаріи византійскую цивилизацію, отвоевывалъ греческія провинціи, чтбы имѣть „римскую расу“ въ числѣ своихъ подданныхъ, мечталъ о женитьбѣ своихъ сыновей на византійскихъ принцессахъ, но встрѣчалъ въ Византіи лишь насмѣшки надъ своими притязаніями. И только разъ ему улыбнулась тѣнь счастья, когда въ 913 году патріархъ осажденной имъ Византіи благословилъ его и прочелъ надъ его головой молитву. Что это было не простое благословеніе и недостойное желаніе дать Симеону иллюзію императорскаго коронованія, видно изъ того, что патріархъ надѣлъ на него послѣ молитвы свой головной уборъ вмѣсто короны. Отсюда же видна ошибочность мнѣнія, будто болгарскій царь тогда имѣлъ императорское достоинство отъ римскаго папы, ибо онъ въ такомъ случаѣ не имѣлъ бы необходимости нищенски выпрашивать его отъ греческаго патріарха.

Послѣ этого Симеонъ употребилъ новыя усилія къ достиженію своей цѣли, опустошилъ всю Ѳракію и Македонію и вновь подступилъ къ Византіи; но тутъ, при свиданіи съ императоромъ Лакапиномъ, явившимся во всемъ царскомъ великолѣпіи, съ маѳоріемъ св. Дѣвы на

Библиотека "Руниверс"

груди, Симеонъ почувствовалъ, что такое сверхчеловѣческое достоинство не можетъ быть раздѣлено ни съ кѣмъ, и понялъ, что ему нужно искать императорскаго титула гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но было уже поздно: политическія обстоятельства сдѣлались настолько затруднительными, пока Симеонъ безплодно воевалъ съ Византіей, что въ 927 году онъ потерпѣлъ жестокое пораженіе въ битвѣ съ хорватами и немного уже пережилъ разрушеніе своихъ гордыхъ надеждъ. Можно, однако, думать, что передъ смертью онъ успѣлъ заключить съ Римомъ договоръ о полученіи изъ рукъ папы короны и благословенія, которыя достались уже, вѣроятно, его сыну Петру. Но соединеніе болгарской церкви съ Римомъ не выиграло отъ этого ничего, потому что въ Византіи скоро поняли пользу удовлетворенія болгарскаго тщеславія: за Петра выдали замужъ внучку Романа, а императорская канцелярія признала его истиннымъ и законнымъ—βασιλεὺς ὅμ. Можно предполагать, что въ это же время и архіепископу болгарскому пожалованъ титулъ патріарха. Соединеніе Болгаріи съ Византіей, обусловленное такимъ пожалованіемъ было столь значительно, что уже въ X столѣтіи болгарскій князь сдѣлался простымъ византійскимъ магистромъ; честолюбіе болгарскихъ царей и внѣшнее усвоеніе высшимъ классомъ византійской цивилизаціи, не соотвѣтствовавшее внутренней грубости, привели Болгарію въ преждевременной смерти. Къ концу XII вѣка она освободилась было отъ византійскаго ига и получила отъ папы Иннокентія III, насколько было возможно, независимую іерархію, но опять уклонилась къ схизму, пока, наконецъ, не пала вмѣстѣ съ Византіей подъ мусульманскимъ мечемъ. Отсюда видно, по мнѣнію Лапотра, что Болгаріи лучше было послѣдовать политикѣ Іоанна VIII, принять римское исповѣданіе и западную цивилизацію (стр. 83—90).

Предметомъ третьей главы книги Лапотра—„Моравяне“—служитъ дѣятельность св. братьевъ Кирилла и Меѳодія по утвержденію христіанства въ Велико-Моравскомъ государствѣ. Благодаря новымъ, открытымъ въ послѣднее время документамъ и лучшей классификаціи старыхъ, авторъ надѣется точнѣе, чѣмъ прежде, представить исторію папской политики по отношенію къ моравянамъ, хотя внутренняя сторона этой исторіи, думаетъ авторъ, оставляетъ еще много темныхъ и непонятныхъ обстоятельствъ. Въ срединѣ IX вѣка моравяне были неизвѣстнымъ и незначительнымъ славянскимъ племенемъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ нѣмцами и принужденнымъ принять нѣмецкій сюзеренитетъ, повиноваться нѣмецкому слову, ибо на сторонѣ послѣднихъ было и численное превосходство, и лучшія орудія борьбы.

Библиотека "Руниверс"

Къ счастію моравянъ, нѣмцы наказали возмущеніе короля Моймира тѣмъ, что передали престолъ его племяннику Растицу, который и сталъ освободителемъ своей страны и основателемъ въ ней христіанства. Онъ крестился сначала самъ и царствовалъ надъ язычниками, потому что послѣдніе не хотѣли принимать христіанство отъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, приносившихъ вѣру на остріѣ меча; вооруженныя неоднократныя попытки нѣмецкихъ епископовъ распространить въ Моравіи христіанство оканчивались неудачей. Нужно полагать все-таки, что христіанство понемногу проникало въ Моравію и раньше, ибо туда являлись иногда болѣе пріятные миссіонеры изъ Италіи и Византіи, а, съ другой стороны, ихъ сосѣди-славяне балатонскіе, въ большей части христіане, должны были оказать въ этомъ отношеніи извѣстное вліяніе на моравянъ. Вотъ почему въ концѣ 17-го года своего царствованія (863 г.), Растицъ счелъ возможнымъ обратить въ христіанство весь свой народъ. Естественно, что, опасаясь нѣмецкаго владычества, онъ избѣгалъ обращаться въ Германію за миссіонерами, а также, въ виду связи римскихъ папъ, съ императорами, имѣлъ предубѣжденіе и противъ Рима. Если же принять во вниманіе, что въ томъ же 863 году онъ совершилъ экспедицію противъ германцевъ вмѣстѣ съ Борисомъ, тоже замышлявшимъ обращеніе Болгаріи, и не могъ имѣть предубѣжденія противъ Византіи въ силу ея отдаленности, то понятно, что онъ обратился въ Византію и получилъ миссію, которая перемѣнила бы всю религіозную исторію славянъ, еслибы была отправлена въ Болгарію (стр. 90—94).

Тогда жилъ въ Византіи молодой священникъ Константинъ, родомъ изъ Салоникъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ славинами, получившій образованіе вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ III и слушавшій философію у легендарнаго Льва и діалектику у знаменитаго Фотія. Не смотря на дворцовые соблазны и обольщенія гинекея, онъ сохранилъ цѣломудріе и нравственную чистоту, въ противоположность своему царственному товарищу, перешедшему въ исторію съ именемъ пьяницы. Уклонившись отъ предназначавшейся ему государственной дѣятельности, онъ сдѣлался священникомъ, исчезалъ въ одномъ глухомъ монастырѣ, принялъ каѳедру философіи и 24-хъ лѣтъ устремился на подвиги миссіонерства, которое въ то время было такъ сильно распространено въ Византіи, что даже сами императоры принимали въ немъ дѣятельное, непосредственное (Левъ VI Мудрый) или косвенное участіе. У послѣдователей Магомета Кириллъ не имѣлъ успѣха, ибо культура ислама не уступала тогда византійской; отдох-

Библиотека "Руниверс"

нувши въ Олимпѣ Виѳинскомъ, онъ пошелъ къ хозарамъ, желая исторгнуть ихъ изъ-подъ вліянія пропаганды евреевъ, увлеченныхъ общимъ миссіонерскимъ движеніемъ, и возвратился съ мощами св. Климента, когда въ Византіи явилось посольство моравскаго князя съ просьбой о миссіи. Пораженный уже болѣзнью, которая свела его послѣ въ могилу, Кириллъ не счелъ возможнымъ отказаться отъ предложенія принять на себя новые апостольскіе труды и только поставилъ условіемъ взять съ собою брата, Меѳодія, сопровождавшаго его и къ хозарамъ. Послѣдній былъ по природѣ практическій человѣкъ и, состоя ранѣе на службѣ въ славянской провинціи, имѣлъ возможность узнать славянскіе нравы и языкъ, а потомъ, постригшись въ монахи и управляя монастыремъ, долженъ былъ въ особенности развить въ своемъ характерѣ практическую мудрость и энергію при столкновеніи съ непокорнымъ и грубымъ византійскимъ монашествомъ (стр. 90—100).

Предъ своимъ отправленіемъ въ Моравію братья изобрѣли славянскую азбуку и тѣмъ самымъ дали славянамъ вѣчное средство для ихъ интеллектуальной культуры и превосходную охрану національной самобытности. Караванъ, отправившійся въ славянскую землю, заключалъ уже въ себѣ начало евангелія Іоанна, написанное славянскими буквами.

Мнѣніе о томъ, что, проходя чрезъ Болгарію, братья присоединили ее къ христіанству, не можетъ быть признано правильнымъ, потому что Кириллъ и Меѳодій покинули Болгарію прежде, чѣмъ тамъ произошло великое религіозное движеніе: они пришли въ Моравію до средины 864 года, а Борисъ принялъ крещеніе, послужившее сигналомъ къ паденію язычества, скорѣе въ концѣ, чѣмъ въ началѣ этого-же года, и эта послѣдняя дата установлена съ несомнѣнною твердостью. Можно, конечно, думать, что святые братья, проходя Болгарію, не упустили случая бросить тамъ сѣмена христіанства, но, безъ сомнѣнія, въ очень незначительныхъ размѣрахъ, потому что, напримѣръ, „житіе Константина“, слѣдующее, шагъ за шагомъ, по слѣдамъ своего героя, не говоритъ объ этомъ положительно ничего, почти такъ же, какъ и другіе источники, пользующіеся репутаціей достовѣрности,—„легенда Паннонская“ и „легенда Итальянская“. „легендѣ же Моравской“ и „житію Климента“ невозможно довѣрять, тѣмъ болѣе, что Анастасій Библіотекарь, въ семействѣ котораго Кириллъ проживалъ, будучи въ Римѣ, изъ разговоровъ съ нимъ могъ быть хорошо освѣдомленнымъ относительно жизни и тру-

Библиотека "Руниверс"

довъ славянскаго миссіонера и однако, же, разказывая о различныхъ религіозныхъ вліяніяхъ, дѣйствовавшихъ въ Болгаріи, не только не упоминаетъ о святыхъ братьяхъ, но приписываетъ честь перваго наученія христіанству Бориса римскому священнику Павлу. (Меѳодій же, показавшій Борису картину страшнаго суда, если и не легендарный, то во всякомъ случаѣ не братъ святаго Кирилла). Но, не принимая непосредственнаго участія въ христіанизаціи болгаръ, братья оказали, однако же, имъ неоцѣненную услугу изобрѣтеніемъ славянской азбуки и славянскою литургіею, перешедшею въ Болгарію изъ Моравіи и, безъ сомнѣнія, понятною всѣмъ славянамъ, хотя она и была составлена на языкѣ какого нибудь частнаго племени.

Необычайный успѣхъ Моравской миссіи долженъ былъ утѣшить утомленныхъ путешествіемъ братьевъ, такъ какъ славяне охотно принимали участіе, принесенное имъ въ мирной формѣ, на родномъ языкѣ. Никакихъ препятствій проповѣди не производилось, осада нѣмцами крѣпости Дѣвина окончилась тѣмъ, что Растицъ принялъ номинальное вассальство по отношенію къ нѣмцамъ, и послѣдніе не тревожили больше Моравію. Употребленіе родного моравскаго языка дало возможность братьямъ изъ среды уже новообращенныхъ славянъ приготовить будущихъ священниковъ и помощниковъ имъ: явилась необходимость, такимъ образомъ, отправиться куда нибудь за посвященіемъ епископскимъ, такъ какъ Кириллъ былъ только священникомъ, а Меѳодій и совсѣмъ не имѣлъ священнаго сана. Нѣтъ основаній настаивать на томъ, что братья намѣрены были обратиться за посвященіемъ въ Римъ, а тѣмъ болѣе къ нѣмцамъ: естественнѣе всего, что они пошли въ Византію, и если мы ихъ видимъ въ Венеціи, то это объясняется тѣмъ, что, боясь трудности балканскаго перехода, Кириллъ и Меѳодій намѣрены были прибыть въ Византію морскимъ путемъ чрезъ Венецію, которая содержала тогда правильное сообщеніе съ Византіей.

Здѣсь явилось къ братьямъ приглашеніе папы Николая I, вѣроятно, желавшаго напомнить имъ о принадлежности Моравіи къ западному патріархату. Такъ какъ братья принадлежали къ тѣмъ грекамъ, которые были убѣждены въ необходимости сохранить почтительное подчиненіе римскому престолу, то въ концѣ декабря 867 года или въ началѣ января 868 года они послушно отправились въ Римъ, можетъ быть, съ нѣкоторымъ опасеніемъ встрѣтить препятствіе ихъ дѣлу со стороны „треязычниковъ“, но и съ надеждою на чистоту своихъ намѣреній и на впечатлѣніе, которое должно было произвести въ Римѣ присоединеніе къ апостольскому престолу цѣлой обширной страны.

Библиотека "Руниверс"

Хотя, при ихъ прибытіи въ Римъ, на этомъ престолѣ сидѣлъ уже новый папа Адріанъ II, однако благопріятныя обстоятельства ихъ дѣлу не измѣнились: помимо широты и благородства взглядовъ Адріана II, ущербъ нѣмецкому вліянію на славянъ, произведенный миссіонерами-греками, долженъ былъ придать въ глазахъ римлянъ особо-благопріятное значеніе этому дѣлу, потому что, вслѣдствіе скупости германскихъ императоровъ, въ Римѣ относились къ нимъ довольно непріязненно и, сравнивая съ королями французскими, съ удовольствіемъ ожидали перехода къ послѣднимъ императорской власти. А среди лицъ, окружавшихъ папу, славянское дѣло должно было встрѣтить могущественную поддержку апокрисіарія Арсенія, ненавидѣвшаго нѣмцевъ за то, что нѣкогда епископъ баварскій Аннонъ Фрейзингенскій обличилъ его передъ папою Николаемъ I въ утайкѣ въ свою пользу апостольскихъ доходовъ. Насколько благожелательно былъ настроенъ Арсеній къ дѣлу, наносившему нѣмцамъ смертельный ударъ въ ихъ онѣмеченіи славянъ, видно изъ того, что онъ, вмѣстѣ съ Анастасіемъ Библіотекаремъ, неизмѣнно присутствовалъ на всѣхъ богослуженіяхъ, совершавшихся Кирилломъ и его спутниками. Эти обстоятельства имѣли своимъ результатомъ то, что Адріанъ II лично возложилъ священныя славянскія книги на престолъ церкви св. Маріи и съ удовольствіемъ присутствовалъ при совершеніи литургіи на славянскомъ языкѣ. Меѳодій вмѣстѣ съ нѣкоторыми спутниками получилъ санъ священства, а остальные посвящены были во діаконы. Торжество славянскаго дѣла было настолько полное, что даже заклятый врагъ Фотія, Формозъ, возвратившійся тогда изъ Болгаріи, былъ принужденъ принять участіе въ богослуженіи при посвященіи Меѳодія. И еслибы не смерть Кирилла въ февралѣ 869 года, славяне получили бы въ лицѣ его независимаго отъ нѣмецкой іерархіи епископа и тѣмъ самымъ навсегда освободилась бы отъ германскаго вліянія на свою религіозную жизнь (стр. 100—113).

Стремленіе къ религіозной независимости славянъ принимало теперь такіе громадные размѣры, что угрожало серьезною опасностью нѣмцамъ и могло окончиться общимъ славянскимъ единеніемъ на этой почвѣ. Такъ, когда еще святые братья были на пути въ Венецію, Коцелъ, князь славянъ балатонскихъ, просилъ ихъ дать его подданнымъ новый славянскій ритуалъ и получилъ нѣсколько учениковъ Кирилла и Меѳодія. Теперь, узнавъ объ успѣхѣ братьевъ у папы, онъ возобновилъ свои просьбы, и Адріанъ II поручилъ Меѳодію войдти съ нимъ въ переговоры. Казалось, объединеніе славянъ подъ архіе-

Библиотека "Руниверс"

пископствомъ Меѳодія было уже недалеко, но тутъ слишкомъ сильно должны были пострадать интересы зальцбургскаго епископа,—и интересы до нѣкоторой степени справедливые, ибо среди славянъ балатонскихъ христіанство уже было насаждено нѣмцами баварскими, которые построили тамъ много церквей и приходовъ и собирали себѣ богатые доходы: это была уже не языческая Моравія, и христіанство принесено было туда не Меѳодіемъ. Возникла борьба нѣмцевъ съ грекомъ, показавшимъ, что изъ еллинской цивилизаціи не исчезла энергія, и что въ этомъ отношеніи греческій чиновникъ могъ поспорить съ недавними баварскими и швабскими варварами. Пока Меѳодій былъ еще въ Римѣ, нѣмцы разбили моравскаго полководца Германа Гундекара и въ 869 году взяли Велеградъ; а когда Меѳодій прибылъ въ Моравію, онъ нашелъ Растица заключеннымъ въ цѣпи племянникомъ Святополкомъ и, вмѣстѣ со старымъ княземъ, былъ выданъ швабамъ и самъ. Къ концу 870 года въ Баваріи былъ созванъ соборъ, въ присутствіи Людовика Нѣмецкаго, изъ епископовъ, враговъ византійскаго миссіонера. Германридъ, епископъ пассавскій, на этомъ соборѣ едва не нанесъ Меѳодію оскорбленія. Старый архіепископъ былъ заключенъ въ темницу, и все его дѣло казалось погибшимъ, потому что въ Римѣ не знали о его судьбѣ: епископъ фрейзингенскій имѣлъ даже безстыдство отвѣтить тамъ, что онъ не знаетъ, о какомъ Меѳодіи идетъ рѣчь, когда въ началѣ первосвященничества Іоанна VIII онъ былъ въ Римѣ и спрошенъ о дѣлѣ Меѳодія. Только въ началѣ мая 873 года одинъ изъ славянскихъ плѣнниковъ успѣлъ убѣжать и, добравшись до папы, сообщилъ ему положеніе дѣла (стр. 113—120).

Хотя Іоаннъ VIII и былъ по своимъ убѣжденіямъ „треязычникъ" и даже запретилъ было впослѣдствіи Меѳодію употреблять славянское богослуженіе (кромѣ проповѣди), однако онъ увидѣлъ въ этомъ дѣлѣ противозаконное посягательство нѣмцевъ на область римскаго патріархата, потому что, по справкѣ въ Латеранскомъ архивѣ, оказалось, что права на Моравію были предоставлены св. престолу еще Карломъ Великимъ. Апостольскій легатъ, Павелъ Анконскій, повезъ, поэтому, къ нѣмецкимъ епископамъ грозныя письма Іоанна VIII съ приказаніемъ освободить Меѳодія, который долженъ былъ возвратиться съ легатомъ къ Святополку, ибо рѣшительно уже было невозможно идти къ Коцелу, надъ которымъ тяготѣло германское владычество. А около Святополка появились такіе недостойные лица, какъ венеціанскій священникъ Іоаннъ и нѣмецъ Вихингъ, которые,

Библиотека "Руниверс"

не имѣя пока возможности открыто вредить Меѳодію во мнѣніи моравскаго князя, думали очернить архіепископа въ глазахъ папы и донесли ему, что Меѳодій не исполняетъ его приказаній и продолжаетъ служить литургію на славянскомъ языкѣ. Точно также въ глазахъ нѣмцевъ было большимъ преступленіемъ и то, что онъ отказался включить въ символъ вѣры Filioque, хотя, какъ это знали и въ Римѣ, содержалъ вмѣстѣ съ греками вообще ученіе объ исхожденіи Св. Духа, не отличавшееся отъ римскаго. Меѳодій былъ вызванъ въ Римъ и тамъ личнымъ объясненіемъ съ папой достигъ того, что не только православіе его было торжественно признано, но еще папа въ письмѣ къ моравскому князю, вопреки своему прежнему мнѣнію, писалъ, что Создатель славянскаго языка, какъ греческаго и латинскаго—Богъ, и что, слѣдовательно, въ ученіи вѣры нѣтъ ничего, что̀ бы запрещало употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи. Къ несчастію, въ этотъ же разъ Іоаннъ VIII, уступая просьбѣ Святополка, посвятилъ въ епископа-суффрагана Меѳодію его врага, Вихинга, и тѣмъ создалъ орудіе, разрушившее все его дѣло. Исторія славянства приняла бы совершенно другой, чѣмъ теперь, видъ, еслибы учрежденія, введенныя въ Моравіи братьями, остались въ ней цѣлыми: тогда не было бы между славянами той розни, которая служитъ главной причиной всѣхъ ихъ несчастій, тогда давно бы уже совершилось то соединеніе ихъ, которое доселѣ составляетъ мечту ихъ. И папа Іоаннъ VIII рѣшительно шелъ къ этой цѣли: въ регистрѣ его, подъ № 257, и доселѣ находится знаменитое его письмо, переданное Меѳодію при его выходѣ изъ Рима въ 880 году и позволяющее совершенно ясно употреблять славянскій языкъ во всѣхъ, даже самыхъ основныхъ частяхъ богослуженія. То, что онъ не принуждалъ Меѳодія внести въ символъ Filioque и принять, вмѣсто византійской, римскую дисциплинарную практику, вполнѣ ясно говоритъ о его мирной и дальновидной политикѣ. И однако, менѣе чѣмъ черезъ 6 лѣтъ послѣ этого, папа Стефанъ разрушилъ все дѣло своего предшественника и ввелъ въ моравскую церковь самый строгій латинизмъ (стр. 120—127).

Конечно, Стефанъ VI могъ въ это время имѣть предъ собой очень уважительныя причины подобнаго распоряженія, какія при Іоаннѣ отсутствовали: напримѣръ, тогда могла уже обнаруживаться опасность отторженія моравскаго незнакомаго съ латынью духовенства отъ Рима къ Византіи; могли также быть узнанными истинныя намѣренія Святополка при обѣщаніи его Іоанну VIII принять вассальство св. престолу,—такъ что распоряженіе Стефана не возбуждало бы никакого

Библиотека "Руниверс"

недоумѣнія. Но, къ несчастію, этотъ послѣдній въ своемъ письмѣ къ Святополку и инструкціи своимъ легатамъ—Commonitorium'ѣ (автентичность письма, послѣ открытія въ Британскомъ музеѣ инструкціи, принадлежащей оффиціальному регистру Стефана, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію), руководился совершенно другими побужденіями. Именно, какъ въ письмѣ, такъ и въ Commonitorium'ѣ, папа, запрещая славянскую литургію, говоритъ, что его распоряженіе—не нововведеніе, а повтореніе того, что̀ уже было сдѣлано Іоанномъ, запретившимъ, будто бы, Меѳодію употребленіе славянской литургіи не только въ своемъ прежнемъ письмѣ къ нему, но и потомъ—въ письмѣ къ Святополку, отправленномъ въ 880 году съ Меѳодіемъ, при его возвращеніи изъ Рима.

Папа называетъ моравскаго архіепископа даже клятвопреступникомъ, потому что имъ, будто бы, было дано въ Римѣ, надъ гробомъ св. Петра, торжественное обѣщаніе не употреблять въ богослуженіи славянскаго языка. Мы, имѣя теперь въ рукахъ регистръ Іоанна VIII, видимъ, что утвержденіе Стефана V было совершенно ложно, а, если въ письмѣ къ Святополку папа Іоаннъ говорилъ о торжественной клятвѣ Меѳодія, то лишь для того, чтобы назвать слухи о ней чистою выдумкою и противопоставить ей рѣшительное опроверженіе. Ложное утвержденіе Стефана кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что это былъ папа—далеко не провинціалъ, но жилъ въ Римѣ, занималъ должность иподіакона и, слѣдовательно, долженъ былъ знать дѣла римской церкви. Является, такимъ образомъ, тяжелый вопросъ: папа ли Стефанъ VI былъ виновникомъ смѣлой фальсификаціи письма Іоанна VIII къ Святополку? А что тутъ была фальсификація, видѣть легко, если сравнить это письмо съ письмомъ къ Святополку же Стефана VI: въ послѣднемъ приписаны всѣ похвалы, назначавшіяся у Іоанна VIII Меѳодію, смертельному врагу послѣдняго, Вихингу, а мѣста, прославляющія славизмъ, превращены въ его осужденіе. При этомъ у Стефана есть нѣкоторыя легкія измѣненія фразы посредствомъ синонимической замѣны нѣкоторыхъ словъ, распространенія фразы и т. п., но все это приложено къ первоначальному тексту Іоанна VIII, который весьма легко и узнается. Въ другомъ же мѣстѣ произведенъ совершенно неискусный пріемъ для того, чтобы скрыть слѣды поддѣлки: именно, Іоаннъ VIII, тронутый вѣрностью моравскаго народа св. престолу, говоритъ, что такая любовь и на него, папу, налагаетъ нѣкоторыя обязанности, которыя онъ даже и перечисляетъ: („*Pro qua scilicet tanta fide ac devotione tua et populi tui* apostolatus *nostri ulnis*

Библиотека "Руниверс"

extensi, te quasi unicum filium amore ingenti amplectimur; et cum omnibus fidelibus tuis. paternitatis nostrae gremio, veluti oves Domini nobis commissas, recipimus, vitaeque pabulo clementer nutrire optamus, atque *nostris assiduis precibus omnipotenti te Domino commendare studemus*"); въ письмѣ же Стефана VI взяты эти обязанности, но только въ обратномъ порядкѣ („Continuis precibus Deum bonorum omnium largitorem exoramus ut ipsius muniaris suffragio. Nos etiam qui ejus vicaricione fungimur, debitam solicitudinem pro te gerentes, in quoquunque indigneris negocio, in his quae ad salutem tuam pertinent, Deo auxiliante, protectorem invenies in omnibus. Quem ob fidei dignitatem cum omnibus fidelibus tuis, nulla terrarum obsistente intercapedine, spiritualibus alnis quasi presentem amplectimur amore". Ginzel, p. 64). Совершившій такую перестановку и замѣнившій начальную фразу (pro qua tanta fide = ob fidei dignitatem) нѣсколько инымъ выраженіемъ нарушилъ логическій порядокъ, который былъ въ рѣчи Іоанна и опредѣлялся начальными словами, и тѣмъ самымъ выдалъ свою преступную руку. Но несмотря на очевидность фальсификаціи письма Іоанна, ее нельзя приписывать папѣ Стефану, ибо это былъ человѣкъ, котораго Liber pontificalis аттестуетъ похвалами, не имѣющими обычнаго стереотипнаго вида. Настоящій виновникъ поддѣлки откроется, если вернемся къ исторіи и обстоятельствамъ передачи письма Іоанна моравскому князю (стр. 127—135).

Это было въ іюнѣ 880 года. Меѳодій возвращался изъ Рима съ письмомъ Іоанна, которое должно было заставить замолчать всѣхъ его противниковъ и навсегда утвердить славянскій языкъ въ моравскомъ богослуженіи; только оно было адресовано не народу, а князю. Но, по мысли Іоанна, письмо должно было быть прочитано предъ Меѳодіемъ (онъ называетъ его *hunc* Méthodium и въ другомъ мѣстѣ: capitulorum quae illi dedimus, vobis direximus) и предъ народными представителями, которые бы послужили свидѣтелями всего, что̀ даровано было папою моравамъ. Трудно, однако, было найдти въ это время воинственнаго Святополка, который, воспользовавшись лѣтнимъ удобнымъ для войны временемъ, воевалъ гдѣ-то на сѣверной оконечности Моравской долины. А Меѳодій, утомленный длинной дорогой и лѣтней порой, не былъ, разумѣется, въ состояніи отыскивать князя,—письмо нужно было довѣрить надежному посланцу, который во всякомъ случаѣ не могъ замѣнить собою архіепископа. Въ письмѣ этомъ, собственно говоря, не было ничего, что могло бы быть непріятно моравскому князю: если онъ, со своей стороны, считалъ болѣе „хоро-

Библиотека "Руниверс"

шимъ тономъ" слушать латинское богослуженіе, то это ему не только не запрещалось письмомъ, но утверждалось; если не требовалось включить въ символъ вѣры Filioque, то для Святополка, чуждаго богословскихъ тонкостей, это не имѣло никакого значенія, особенно, если это позволялось авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры папой. Но это же самое равнодушіе и безразличіе князя къ содержанію папскаго посланія благопріятствовало и тому, кто хотѣлъ, чтобы содержаніе было противоположнаго смысла. Пока Меѳодій, избѣгая враждебной ему Каринтіи съ сидѣвшимъ тамъ нѣмцемъ Арнульфомъ, шелъ въ Моравію обходнымъ, далекимъ путемъ—по Дунаю, его вновь посвященный суффраганъ, Вихингъ, спѣшилъ къ Святополку кратчайшей дорогой: онъ не только не имѣлъ основаній бояться Арнульфа, но, напротивъ, былъ его другомъ и нѣмецкимъ шпіономъ при князѣ моравскомъ. Вихингъ несъ свое, сфабрикованное имъ еще въ Римѣ поддѣльное письмо папы Святополку, въ которомъ онъ, хорошо зная характеръ Святополка, выдумалъ клятву Меѳодія предъ гробницей св. Петра, увѣренный, что эта ложь принесетъ его дѣлу наибольшую пользу. Святополкъ имѣлъ вполнѣ суевѣрное понятіе о клятвѣ: онъ такъ часто клялся, какъ рѣдко кто другой, хотя тотчасъ же преступалъ свои обѣщанія. По разказу „Житія Климента", эта страсть князя была даже причиной изгнанія изъ Моравіи учениковъ Меѳодія. Выдумавъ ложную клятву Меѳодія, Вихингъ достигъ своей цѣли, и хотя истина была потомъ обнаружена, однако басня нѣмецкаго шпіона сослужила ему службу и ввела потомъ въ заблужденіе даже папу Стефана. Относительно послѣдняго является, однако, пока непонятнымъ, какъ онъ повѣрилъ тому, что Меѳодіемъ была принесена торжественная клятва,—онъ, который во время пребыванія Меѳодія въ Римѣ былъ тамъ же и долженъ былъ знать, напротивъ, что Іоаннъ VIII не осудилъ славянской литургіи, а открыто и торжественно призналъ? (стр. 135—143).

Для объясненія этого обстоятельства нужно имѣть въ виду, что дѣло Меѳодія въ Римѣ имѣло двѣ стороны: одну открытую, публичную и другую—секретную, между Меѳодіемъ и самимъ папой, съ глазу на глазъ. Это—совершенно въ характерѣ политичнаго Іоанна и въ духѣ вообще положенія римскаго первосвященника, который не долженъ прежде времени обнаруживать своихъ намѣреній. Папа долженъ былъ понять, что Меѳодій — самый драгоцѣнный человѣкъ для сохраненія религіозной и политической независимости Моравіи подъ протекторатомъ св. престола. Однако папа тогда не могъ высказывать этого убѣжденія слишкомъ открыто: его и безъ того уже

Библиотека "Руниверс"

обвиняли въ византинизмѣ, ибо онъ только что возстановилъ Фотія, этого „презрителя“ римской церкви, заключилъ союзъ съ греческимъ императоромъ, а теперь былъ готовъ довѣрить Моравію такому византійцу, котораго публично обвиняли въ неправильномъ греческомъ ученіи о св. Троицѣ. И такъ какъ въ то время германскимъ императоромъ былъ Карлъ III нѣмецкій, довольно непріязненно относившійся къ св. престолу, папа не могъ не обращать вниманія на вышеозначенныя обвиненія и долженъ былъ дѣйствовать осторожно. Относительно обвиненія Меѳодія въ ереси онъ, правда, могъ дать архіепископу торжественное оправданіе, такъ какъ римляне того времени, въ противоположность нѣмцамъ, обращали вниманіе не на слово Filioque, а на сущность исповѣдуемаго словами ученія а потому должны были удовлетвориться исповѣданіемъ Меѳодія. За то вопросы дисциплинарные и литургическіе производили большія несогласія и раздоры, почему папа соблюдалъ въ нихъ такую осторожность, что не сообщилъ о своемъ рѣшеніи даже и Вихингу: „я не сказалъ ему,—писалъ папа послѣ Меѳодію,—ни одного слова объ этомъ дѣлѣ“. Даже самъ Меѳодій не зналъ въ точности содержанія порученнаго ему письма, потому что папа впослѣдствіи считалъ нужнымъ увѣрить его, что въ немъ было писано только то, что онъ сказалъ ему лично: nostrisque apostolicis litteris glorioso principi Sphentopulcho, quas ei asseris fuisse delatas, hoc ipsum significavimus. Обладавшій хитростью дикаря, состоящею болѣе въ томъ, напримѣръ, чтобы безошибочно найдти дорогу въ лѣсу, угадать по крику птицъ и т. п., Святополкъ не могъ проникнуть въ замыслы Вихинга, и, когда тотъ принесъ ему поддѣлку подъ письмо Іоанна, повѣрилъ ему. Начались въ Моравіи преслѣдованія Меѳодія и его приверженцевъ, перемѣна славянскаго богослуженія на латинское, дисциплинарной греческой практики на практику римскую. Положеніе Меѳодія было тѣмъ тяжелѣе, что онъ, вѣроятно, не былъ и самъ увѣренъ въ инструкціяхъ папы, посланныхъ Святополку. Въ концѣ зимы 881 года онъ пишетъ Іоанну письмо, а 23-го марта папа ему отвѣчаетъ однимъ изъ тѣхъ своихъ писемъ, въ которыхъ его природная впечатлительность и глубокое чувство страннымъ образомъ встрѣчаются съ требованіями осторожности, налагаемыми цѣлями и выгодами политическаго положенія. А это положеніе было весьма непріятное: папа долженъ былъ только что вынести тяжелое униженіе своему достоинству и пораженіе своей византійской политики. Поэтому отвѣтъ его моравскому архіепископу, будучи совершенно понятенъ Меѳодію и всѣмъ вообще дѣйствовав-

Библиотека "Руниверс"

шимъ лицамъ въ этой исторіи, былъ непонятенъ лицу постороннему: папа говорилъ, напримѣръ, что онъ не посылалъ въ Моравію другихъ инструкцій, кромѣ доставленной уже архіепископомъ, но самой инструкціи онъ не излагаетъ; литургія славянская вновь одобрялась, но это одобреніе могло быть понято изъ снесенія съ прежнимъ письмомъ Святополку и т. п. Однимъ словомъ, отвѣтъ папы могъ быть понятенъ только моравянамъ, а не римлянамъ; еслибы послѣдніе черезъ подкупъ писцовъ и узнали его, они увидѣли бы только увѣщаніе оставаться вѣрнымъ св. престолу и его прежнимъ инструкціямъ. Если же Іоаннъ VIII въ концѣ письма и обѣщалъ кончить дѣло Меѳодія съ Вихингомъ личнымъ состязательнымъ разбирательствомъ въ Римѣ, то онъ надѣялся уклониться отъ этого разбирательства до болѣе благопріятнаго времени, что̀, дѣйствительно, и случилось, такъ какъ Меѳодій на короткое время долженъ былъ явиться въ Византію къ императору Василію, который желалъ его видѣть. Отправленное изъ Рима 23-го марта письмо папы должно было явиться въ Моравію въ концѣ апрѣля, когда моравскіе воины собирались въ какую нибудь укрѣпленную окружность для разсужденія о политическихъ и религіозныхъ дѣлахъ страны. По разказу Паннонскаго житія Меѳодій воспользовался именно такимъ собраніемъ для изобличеніе Вихинга; въ житіи подробно изложено и самое обличеніе, и торжество стараго моравскаго архіепископа надъ врагомъ (стр. 143—159).

Совершая свой безстыдный поступокъ, Вихингъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду ввести въ заблужденіе папскій престолъ,—его цѣли были скромнѣе и уже, но дѣйствительность сдѣлала больше, чѣмъ онъ замышлялъ. Впродолженіе 4-хъ лѣтъ послѣ его изгнанія изъ Моравіи, послѣдняя совершенно освободилась отъ нѣмецкой зависимости: Святополкъ съ огромной арміей перешелъ черезъ Дунай и превратилъ всю страну между Раабомъ, Дравой и Дунаемъ въ кладбище. Но такъ какъ по своей натурѣ это былъ человѣкъ, желавшій только войны и не имѣвшій силъ основать обширную имперію, то, удовлетворивъ свои воинственные инстинкты, онъ добровольно предложилъ Карлу Толстому вассальство, обѣщанное нѣкогда св. престолу, а этимъ опять открылъ свободный доступъ въ страну нѣмецкому вліянію. Вихингъ могъ возвратиться (изъ Каринтіи) снова въ Моравію, тѣмъ болѣе, что въ Римѣ постепенно исчезали со сцены тѣ, кто могли обличить его въ гнусной продѣлкѣ. 15-го декабря 882 г., отравленный, умеръ Іоаннъ VIII, и съ его преемникомъ Маріномъ I (882—884) подняла голову реакція съ возвращеннымъ изъ изгнанія Формозомъ.

Библиотека "Руниверс"

Адріанъ III (884—885) пытался было сохранять равновѣсіе по отношенію къ партіямъ, но неудачно, и потому къ концу 885 г., вмѣстѣ со Стефаномъ VI, реакціонная партія поучила окончательное торжество. Новый папа, подъ предлогомъ внесенія во дворъ болѣе знанія и добродѣтели, удалилъ со службы почти всѣхъ старыхъ чиновниковъ и, замѣстивъ ихъ новыми и незнакомыми съ прежними дѣлами людьми, лишился такимъ образомъ, живыхъ свидѣтелей того, что происходило при его предшественникахъ и въ частности при Іоаннѣ VIII. Къ тому времени формозіане уже похитили вторую часть регистра Іоанна и, уничтоживъ документы девятаго индикта, лично до нихъ касавшіеся, не захотѣли возвратить остальное въ архивъ, такъ какъ не сочувствовали политикѣ Іоанна по отношенію къ моравской церкви; такимъ образомъ, подлинныя письма этого папы съ одобреніемъ славянской литургіи не могли теперь сдѣлаться извѣстными Стефану VI. Напротивъ, въ оставшейся части регистра, которая относилась къ первымъ годамъ первосвященничества Іоанна, новый папа могъ найдти только такіе документы, которые были согласны съ его собственными взглядами на славянскій вопросъ: здѣсь была, напримѣръ, инструкція Іоанна легату Павлу Анконскому съ запрещеніемъ, какъ мы уже видѣли раньше, славянской литургіи. Вихингъ, однимъ словомъ, могъ теперь смѣло явиться съ своимъ поддѣльнымъ письмомъ въ Римъ, хотя въ коллегіи папскихъ нотаріевъ и оставались еще три лица отъ времени Іоанна VIII,—Григорій, Анастасій и Бенедиктъ,—которые должны были знать истинное содержаніе папскаго письма. Но въ то время, какъ и всегда, чиновники не были неподкупными, и ихъ молчаніе можно было пріобрѣсти очень легко: по крайней мѣрѣ, мы и впослѣдствіи видимъ Григорія всякій разъ, когда нужно было составить какой нибудь актъ въ пользу интереса германскаго. Тѣмъ болѣе изъ лицъ, вновь назначенныхъ въ должности, нельзя было ожидать препятствій подкупу: это былъ, напримѣръ, Стефанъ, о которомъ еще Іоаннъ VIII засвидѣтельствовалъ, какъ о жадномъ къ золоту человѣкѣ. Захарія же, начальникъ архива и библіотеки, извѣстный приверженецъ Фотія, не отказавшійся отъ своихъ взглядовъ по отношенію къ Византіи (благопріятныхъ), разумѣется, не допустилъ бы обмануть Стефана VI, своего родственника и воспитанника; но, къ сожалѣнію, его тогда или не было уже въ живыхъ, или онъ оканчивалъ свои дни въ Ананьи, куда удалился съ восшествіемъ на престолъ Марина. Оставался только Меѳодій, но и онъ умеръ 6-го апрѣля 885 года и своею смертію окончательно развязалъ руки Ви-

Библиотека "Руниверс"

хингу, который, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти врага, явился въ Моравію, потомъ отправился въ Римъ и, представивъ Стефану VI ложное письмо Іоанна VIII, заставилъ его дать санкцію всему тому, во лжи чего онъ былъ нѣкогда изобличенъ моравскимъ архіепископомъ (стр. 159—168).

До тѣхъ поръ, пока не сталъ извѣстнымъ украденный регистръ Іоанна VIII, папы продолжали по отношенію къ славянамъ ту же политику, которая утверждалась его поддѣльнымъ письмомъ. Только когда Монте-Кассинская копія изъ библіотеки каноника
сдѣлалась извѣстною папамъ и перешла потомъ въ библіотеку папъ, происходитъ поворотъ въ отношеніяхъ папъ къ славянамъ,—въ опредѣленіяхъ Иннокентія IV—1248 г., Климента VI—1346 г. и, наконецъ, Урбана VIII и Иннокентія X. Но было уже поздно: два года спустя послѣ посланія Стефана VI, послѣдніе ученики Меѳодія были изгнаны изъ Моравіи и, удалившись въ Болгарію, принесли ей славянскую литургію, а когда Іоаннъ IX пытался было возстановить политику Іоанна VIII,—если не по отношенію къ славянской литургіи, то по отношенію къ національной іерархіи, Моравія уже умирала подъ копытами венгерскихъ лошадей (стр. 169—170).

Мы довольно подробно изложили содержаніе интересующей насъ части книги Лапотра, общее заглавіе которой не даетъ достаточнаго представленія о ея выдающемся значеніи въ литературѣ исторіи ранняго славянства. Читатель нашей статьи видитъ, что Лапотръ не имѣлъ въ виду написать полную біографію славянскихъ первоучителей на основаніи изученія источниковъ и литературы предмета. Онъ имѣлъ въ виду лишь одну сторону въ исторіи принятія христіанства славянскими народами: роль папства въ этомъ великомъ дѣлѣ и, въ частности, роль Іоанна VIII. Но эту сравнительно небольшую историческую тему авторъ съумѣлъ поставить и разработать съ большимъ талантомъ и мастерствомъ. Автору доступны широкіе историческіе горизонты. Дѣятельность папы Іоанна VIII изображена на фонѣ общей папской политики, а эта послѣдняя поставлена въ связь со всѣми разнообразными отношеніями народовъ и государствъ тогдашней Европы, разлагавшейся уже на два культурно-историческіе типа—романо-германскій Западъ и греко-славянскій Востокъ. Лапотръ, занимаясь своею главною темою, попутно разказываетъ намъ исторію Рима и папства, нѣмецкаго королевства, судьбы Велико-Моравскаго государства, исторію Болгаріи при Борисѣ, Симеонѣ и Петрѣ, Византіи—при Михаилѣ III и Василіи Македонянинѣ, всю жизнь и дѣя-

Библиотека "Руниверс"

тельность св. первоучителей; и нужно сознаться, что изложеніе его почти повсюду обнаруживаетъ близкое знакомство съ источниками, обстоятельно и сжато, сильно и красиво. Мастерство построенія и языка особенно даетъ себя чувствовать въ трактованіи такихъ, напримѣръ, сухихъ, повидимому, вопросовъ, какъ вопросъ о Монтекассинской рукописи. Характеристика царя Симеона болгарскаго дѣлаетъ честь психологическому таланту Лапотра; взгляды его на государственное развитіе болгаръ, на значеніе Византіи и войнъ съ нею въ судьбахъ Болгаріи довольно согласны съ новѣйшими результатами славянской науки въ этихъ вопросахъ. Можно было-бы значительно увеличить количество примѣровъ эрудиціи и таланта автора. Конечно, изложеніе Лапотра не свободно отъ частныхъ промаховъ, слишкомъ смѣлыхъ утвержденій, намѣренно обойденныхъ пунктовъ и малодоказательныхъ красивыхъ фразъ. Эти недостатки его труда объясняются отчасти скудостью имѣвшейся у него подъ руками литературы: напримѣръ, для біографіи св. первоучителей Лапортъ пользуется почти исключительно „Geschichte der Slawenapostel“ Гинцеля, отчасти Ваттенбахомъ и французскими статьями о. Мартынова; изъ литературы по исторіи славянскихъ народовъ упоминается у него только „Geschichte der Bolgaren“ Иречка. Наконецъ, не въ этихъ обще-историческихъ элементахъ заключается тяжесть труда Лапотра.

Обратимся къ спеціальной темѣ изслѣдованій Лапотра, къ той области, въ которой онъ хотѣлъ сказать „новое слово“. Эта область, какъ мы уже знаемъ,—роль папства въ христіанизаціи славянскихъ народовъ. Здѣсь Лапотръ пытается совершить радикальную перестройку установившихся представленій. Какъ обстояло дѣло до сихъ поръ? Что касается Моравіи, то мы имѣемъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о противорѣчивой политикѣ папъ въ дѣлѣ христіанизаціи славянъ: папа Адріанъ II одобрилъ дѣло св. первоучителей (славянскія книги), Іоаннъ VIII сначала высказался противъ славянскаго богослуженія, потомъ знаменитою буллой 880 года защитилъ славянскую церковь и, наконецъ, Стефанъ VI совершенно осудилъ дѣло св. Меѳодія своею исполненною лжи буллой 885 года. Эти противорѣчія папъ объяснялись общимъ духомъ папской политики, которая руководилась не высокими принципами и благородными побужденіями, а разсчетомъ и выгодой.

Въ Болгаріи мы видимъ ту же эгоистичную политику папства—„пожинать тамъ, гдѣ не сѣяли“. Папы, пользуясь политическими расчетами Бориса, его боязнью зависимости отъ Византіи, предлагаютъ

Библиотека "Руниверс"

Болгаріи свои услуги; только мудрость и энергія патр. Фотія спасаютъ Болгарію отъ духовной власти Рима. Лапотръ хочетъ представить намъ папъ въ роли убѣжденныхъ и постоянныхъ защитниковъ славянства, его религіозной и политической самобытности, даже въ роли объединителей всего славянства; папа Іоаннъ VIII является лучшимъ и типичнѣйшимъ изъ папъ въ этомъ отношеніи. Но такъ какъ существуютъ факты, худо мирящіеся съ этимъ утвержденіемъ, то Лапотру и необходимо ихъ ослабить. Для этого онъ употребляетъ такой пріемъ: факты положительные онъ приписываетъ собственно папамъ, а отрицательные—иным дѣйствовавшимъ въ ту пору агентамъ, враждебнымъ славянству. Эти враждебныя славянству агенты: нѣмцы—въ Моравіи, византійцы—въ Болгаріи, и „формозіане"—въ Римѣ, при папскомъ дворѣ.

Нѣмецъ-Вихингъ, съ помощью „формозіанъ", фабрикуетъ знаменитую, осуждающую Меѳодія и славянское богослуженіе буллу Стефана VI и отдаетъ тѣмъ самымъ Моравію во власть нѣмцевъ. Формозъ ведетъ себя дерзко и нетактично въ Болгаріи и Константинополѣ, отталкиваетъ отъ папы болгарскаго князя и благосклоннаго къ Риму Фотія: Болгарія попадаетъ во власть „византійскаго зла", и совершается разрывъ Восточной и Западной церквей. Такова новая историческая концепція Лапотра; славизмъ папства, разрывъ католичества съ германизмомъ, борьба папъ со своею куріей, смиреніе и преданность Фотія Риму — таковы—неслыханныя доселѣ у католика мысли... Въ своемъ новаторскомъ усердіи авторъ-іезуитъ передаетъ намъ яркія черты того зла, ненависти, подкупа, поддѣлокъ и иныхъ ужасныхъ вещей, которыя окружали римскаго первосвященника и мѣшали ему благодѣтельствовать славянству. Но при всей своей рѣшимости жертвовать излюбленными для правовѣрнаго католика мыслями и убѣжденіями, при всемъ мастерствѣ автора-іезуита проникать въ самыя тонкія интриги, при всемъ потраченномъ остроуміи и учености, авторъ не доказалъ того, что хотѣлъ доказать. И послѣ книги Лапотра остается болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы папы были вѣрными друзьями и покровителями славянъ. Ни удивительное примиреніе съ памятью Фотія, превращеніе его въ друга Рима по вопросу болгарскому, ни отказъ отъ личности и поведеніе Формоза не измѣняютъ общаго характера папской политики въ Болгаріи, отмѣчаемой чертами выгоды и властолюбія: припомнимъ, что, напримѣръ, и Лапотръ не одобряетъ стремленія болгаръ къ церковной автономіи и введеніе славянской литургіи, при запрещеніи ея папой.

Библиотека "Руниверс"

Наши представленія о характерѣ папской политики въ Моравіи точно также не мѣняются столь радикально, какъ желалъ-бы того Лапортъ. Только въ одномъ пунктѣ сравнительно лучше удалось Лапорту его дѣло, именно въ вопросѣ о буллѣ Стефана VI. Текстуальное сравненіе буллы Стефана VI съ буллою Іоанна VIII приводитъ Лапорта къ убѣжденію, что первая составлена при знакомствѣ съ второю и составляетъ злостное ея извращеніе.

Возможность этого извращенія допускается лишь отсутствіемъ оригинала буллы Іоанна VIII и существованіемъ ея поддѣлки. Мастерской анализъ Монтекассинской рукописи регистра Іоанна VIII, начинающейся лишь съ X индикта, побуждаетъ Лапотра признать, что эта рукопись есть копія съ оригинала, похищеннаго „формозіанами“ изъ папскаго архива, послѣ возвращенія ихъ къ власти. По гипотезѣ Лапотра выходитъ, что во время Стефана VI булла Іоанна VIII находилась въ Монтекассино вмѣстѣ со всею похищенною частью регистра; если же собственная булла Стефана обнаруживаетъ слѣды знакомства съ нею, то очевидно, что кто-то, именно Вихингъ представилъ Стефану испорченный текстъ ея и сдѣлалъ такимъ образомъ Стефана участникомъ и жертвою своей фальсификаціи. Вся эта гипотеза (вѣрнѣе, рядъ гипотезъ), можетъ быть, болѣе, чѣмъ вѣроятна, хотя необходимо еще болѣе точное рѣшеніе вопросовъ дипломатическаго характера, связанныхъ съ Монтекассинскою рукописью. Но не въ томъ дѣло. Лапотръ хочетъ лишь спасти Стефана VI отъ того обвиненія во лжи на Іоанна VIII и Меѳодія, которое лежитъ на немъ; права же запретить славянское богослуженіе онъ не отрицаетъ за папой. А если такъ, если папы по произволу то одобряли, то защищали славянскую литургію и имѣли на то право, то какіе же они друзья славянства? Вотъ вопросъ.

Н. Я.

W. R. Morfill. The story of Poland. New York G. P. Putnam's sons. London. T. Fisher Unwinn. 1893.

Нелегко подыскать во всемірной исторіи страну, о которой было бы столько написано тенденціознаго, какъ о Польшѣ; да и положеніе читающей публики иное. Относительно Россіи встрѣчаешься въ Западной Европѣ только съ предубѣжденіями; наоборотъ, на Польшу значительная часть европейскаго общества смотритъ, какъ на передовой постъ западной, настоящей культуры по отношенію къ азіат-

Библиотека "Руниверс"

скому варварству Россіи. Польша была долгое время enfant chéri немалой части европейской интеллигенціи. Поэтому раскрывать ея слабыя стороны считалось не только неполитичнымъ, но даже нѣкоторою измѣною настоящей образованности. Посмотримъ, какъ справился авторъ вышеназваннаго сочиненія съ этими затрудненіями.

Сочиненіе Морфилля изложено въ слѣдующей системѣ: описаніе страны и народа (1—19), народныя сказанія о древнѣйшей польской исторіи (20—24), исторія государства (25—252), исторія польскаго общества въ присоединенныхъ къ Россіи, Австріи и Пруссіи земляхъ до конца послѣдняго польскаго возстанія (253 — 268), историческій очеркъ польской литературы (269 — 326), общественныя условія Польши вмѣстѣ съ причинами паденія ея (327 — 358), перечисленіе важнѣйшихъ фактовъ польской исторіи вмѣстѣ съ обзоромъ ея литературы и источниковъ (359—375); ко всему этому приложены одна географическая карта, генеалогическія таблицы Ягеллоновъ и Собѣскихъ и значительное количество удачно выполненныхъ рисунковъ и портретовъ польскихъ и иностранныхъ выдающихся дѣятелей. Въ предисловіи авторъ ставитъ себѣ тѣ же задачи, что и въ исторіи Россіи, то-есть, обѣщаетъ представить возможно безпристрастное изображеніе развитія польскаго общественнаго быта, далекое отъ безцѣльной его защиты, сѣтованій надъ нимъ и предсказаній будущаго. Изложеніе и здѣсь отличается большею картинностью и живостью, чему немало способствуютъ большія извлеченія изъ иностранныхъ путешественниковъ по Польшѣ, изъ писемъ Собѣскаго къ женѣ, а также переводы стихами образцовъ польской поэзіи.

Согласно своему обычаю, Морфилль въ заключительной главѣ представляетъ сжато общій ходъ польской исторіи въ слѣдующихъ словахъ: „Въ очень раннее время начинается вражда Польши къ Германіи. Она въ началѣ была въ большей или меньшей степени зависима отъ Германской имперіи, а сила ея тевтонскихъ сосѣдей значительно увеличена числомъ германцевъ, которые составляютъ массу населенія городовъ и безумiемъ Конрада мазовецкаго, пригласившаго тевтонскихъ рыцарей, изъ малой территоріи которыхъ впослѣдствіи образовалось большое прусское королевство. Очевидное соперничество Россіи съ Польшей началось не ранѣе правленія Ивана IV. Стефанъ Баторій, какъ будто предвидя отношенія, въ которыхъ обѣимъ странамъ было предопредѣлено стоять одна къ другой, безпрерывно мыслилъ о расчлененіи Россіи. Какъ уже было сказано, въ своихъ переговорахъ съ папою, онъ дѣйствительно преслѣдуетъ эту

Библиотека "Руниверс"

цѣль, хотя и скрываетъ ее подъ предлогомъ склонить ухо къ папскому предложенію похода для изгнанія турокъ изъ Европы. Дѣйствительно, онъ высказывалъ притязанія на московскія земли, какъ на удѣлы Литвы, соединенной съ Польшею. Нашъ историческій очеркъ говорилъ о приключеніяхъ Лжедимитрія и какъ Владиславъ, сынъ Сигизмунда III, былъ коронованъ московскимъ царемъ. Но приливъ скоро превращается въ отливъ, поляки отказываются отъ своихъ притязаній; они утрачиваютъ Кіевъ и нѣкоторыя свои восточныя области и въ концѣ XVII столѣтія даже терпятъ временное уменьшеніе своей территоріи отъ турокъ. Мы видимъ, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ русскіе цари предлагаютъ себя кандидатами на престолъ. Между обѣими странами всегда была неясная граница; такъ Польша обладала большимъ населеніемъ Бѣло- и Малоруссовъ, говорящихъ языками близко сродственными съ русскимъ и равно принадлежащими къ восточной части славянской семьѣ, а также исповѣдующихъ греческую вѣру. Поэтому многое въ іезуитской пропагандѣ было не только религіознаго, но и политическаго характера; они имѣли успѣхъ въ значительныхъ частяхъ Бѣлоруссіи, которыя принадлежали къ прежнему литовскому княжеству, но были отброшены малоруссами. Австрія не наступала на польскую территорію въ независимые дни польскаго государства; она довольствовалась возможно большимъ количествомъ браковъ ея великихъ княженъ съ польскими королями... Изъ гросмейстера тевтонскаго ордена, который въ 1237 г. соединилъ со своими владѣніями владѣнія меченосцевъ, развился бранденбургскій электоръ, который, освободившись изъ подъ феодальной зависимости, въ которой онъ нѣкогда находился отъ польской короны по отношенію части своихъ земель, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе страшныхъ враговъ страны. Съ того момента, какъ прусская вѣра въ XVI столѣтіи превратилась въ лютеранскую, многіе сѣверные города Польши со своимъ большимъ нѣмецкимъ населеніемъ начали обращать на него свои взоры. Мы знаемъ, что Альбертъ, гросмейстеръ рыцарей, въ первой половинѣ XVI столѣтія надѣялся возсѣсть на польскомъ престолѣ. Продолжительныя правленія двухъ саксонскихъ королей съ послѣдующимъ слабымъ правленіемъ Станислава Понятовскаго покончили разрушеніе несчастной страны. Раздѣлъ наступилъ и Польша была вычеркнута, какъ самостоятельная страна, съ карты Европы“ [1]).

При сравненіи этого изложенія съ такимъ же описаніемъ хода

[1]) Стр. 363—365.

Библиотека "Руниверс"

русской исторіи безусловно, думается мнѣ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе изображенію Россіи. Между тѣмъ какъ въ послѣднемъ г. Морфилль дѣйствительно очертилъ ростъ русской общественности, отмѣтивъ переходъ перваго „геройскаго“ періода въ московскій и вскользь упомянувъ о времени удѣловъ, въ Польшѣ онъ собственно слѣдитъ исторически за отношеніемъ Польши къ раздѣлившимъ ее державамъ и совершенно упускаетъ изъ вида Болеславовъ, удѣлы, соединеніе съ Литвою, характеристику послѣдней политической формаціи Польши. Я объясняю это тѣмъ, что для иностранца развитіе Россіи болѣе понятно, ибо оно болѣе цѣльно; между тѣмъ какъ у западныхъ славянъ перекрещивалось такое обиліе различныхъ вліяній, что уловить среди нихъ общее теченіе жизни было очень трудно. Къ этому присоединился характеръ литературы. Въ ученой разработкѣ русской исторіи замѣчается большое единство; Карамзинъ и его послѣдователи смотрѣли на Россію, какъ на сызначала установившуюся самодержавную монархію; Сергѣевичъ и новые ученые выяснили слабый характеръ княжеской власти и заподозрили существованіе сословій въ кіевскомъ періодѣ. Но вслѣдствіе этого общее теченіе русской жизни получило только болѣе правильности, ибо найдена была связь съ общеславянскимъ бытомъ и устранено было представленіе о неестественномъ однообразіи государственныхъ формъ въ теченіе тысячелѣтія. И такъ фактическій ходъ уже опредѣленъ; различіе взглядовъ существуетъ только по отношенію къ объясненію фактовъ и раскрытію причинъ послѣдовавшихъ измѣненій. Не то мы видимъ въ польской исторіи; съ какого момента начинается упадокъ княжеской власти, до какого времени продолжается подавляющее преобладаніе аристократіи, кто и когда вызываетъ къ политической дѣятельности рыцарство, была ли Польша во времена избирательныхъ королей монархіей или республикой, все это вопросы еще не установившіеся, не говоря уже о спорахъ, какъ объяснить происхожденіе данныхъ фактовъ и какъ опредѣлить значеніе ихъ для блага государства.

Но если г. Морфилль въ заключеніи не выяснилъ общей нити въ развитіи Польши, тѣмъ не менѣе онъ коснулся всѣхъ намѣченныхъ нами вопросовъ въ своемъ изложеніи. Описывая правленія отдѣльныхъ князей и королей, онъ затрагиваетъ ни чуть не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ исторіи Россіи, и внутреннія дѣла. Относясь, какъ и слѣдовало, съ сомнѣніемъ къ польскимъ преданіямъ о языческой Польшѣ, онъ начинаетъ дѣйствительную исторію съ Мечислава и уже при Болеславѣ Храбромъ, начертываетъ общественный бытъ Польши, со-

Библиотека "Руниверс"

гласно Бобржинскому, какъ чисто военное управленіе, въ которомъ голосъ общества молчитъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, слѣдуя Шиману [1]), онъ обращаетъ вниманіе на факты, свидѣтельствующіе о силѣ аристократіи, на удѣлы, монгольское нашествіе и связанное съ этимъ появленіе нѣмцевъ. Отмѣчая коронацію Пржемыслава Великопольскаго въ 1295 г., онъ не забываетъ, и притомъ совершенно правильно, передать по Губе [2]) составъ польскаго общества въ XIII вѣкѣ. При Казимірѣ III онъ говоритъ объ основаніи Краковскаго университета, о присоединеніи Галича, учрежденіи въ Краковѣ верховнаго суда по нѣмецкому праву и матеріальныхъ успѣхахъ Польши. Менѣе удачно изображено законодательство Казиміра Великаго. О немъ существуютъ двѣ классическія работы, Гельцеля [3]) и Губе [4]), которыя приходятъ къ несогласнымъ между собою результатамъ; кромѣ того недавно появилась большая статья Пѣкосиньскаго [5]), не приведшая ни къ какимъ положительнымъ выводамъ, но выяснившая цѣлый рядъ фактовъ, противорѣчащихъ теоріямъ, какъ Гельцеля, такъ и Губе. При такомъ состояніи вопроса, автору ничего не оставалось, какъ вкратцѣ изобразить или гипотезу Гельцеля, или Губе. Г. Морфилль склоняется въ пользу Гельцеля, но передаетъ ее невѣрно. Гельцель не говоритъ, что въ 1368 г. висличкій (малопольскій) и петрковскій (великопольскій) статуты были соединены во едино, а что въ этомъ году былъ изданъ новый статутъ, обязательный для цѣлой Польши; объединеніе законодательства Казиміра Великаго и превращеніе его въ одно единое цѣлое было, по Гельцелю, дѣломъ польской юриспруденціи и закончилось въ концѣ XV вѣка. Точно также г. Морфилль, согласно ходячему мнѣнію, приписываетъ Казиміру III особый уставъ евреямъ; это мнѣніе, повидимому, документально опровергнуто Губе и не должно было быть воскрешено [6]). Говоря о Людовикѣ венгерскомъ, авторъ отмѣчаетъ и важное значе-

[1]) *Dr. Th. Schiemann.* Russland, Polen und Livland bis ins 17 Jahrh.

[2]) *Rom. Hube.* Prawo polskie w wieku trzynastym. Warsz. 1874.

[3]) *Helcel.* Starodawne prawa polskiego pomniki poprzedzone wywodem historyczno krytycznym tak zwanego prawodawstwa wislickiego Kazimiérza Wielkiego, t. I, 1856.

[4]) *Rom. Hube.* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. Warsz. 1881.

[5]) Rozprawy akad. umiejętności wydz. hist.-filoz. Serya, II, t. III. Kraków. 1892, стр. 209—299. Uwagi nad ustawodawstwem wiślicko-piozrkowskiem króla Kazimierza Wielkiego.

[6]) *Rom. Hube.* Przywilej żydowski Bolesława i jego potwierdzenia. Bibl. Warsz. t. I. Marzec. 1880.

Библиотека "Руниверс"

ніе Кошицкой привилегіи, хотя было бы желательно не много болѣе остановиться на этомъ государственномъ актѣ и не ограничиться только словами о дарованіи большихъ привилегій дворянству и освобожденія ихъ отъ значительной части налоговъ и повинностей. Дѣло въ томъ, что содержаніе привилегіи было вызвано не стремленіемъ облагодѣтельствовать сильное дворянство, а самимъ фактомъ прекращенія старой туземной династіи и естественнымъ недовѣріемъ къ опытному правителю сосѣдней, тогда чрезвычайно сильной державы. Къ этому также времени естественнѣе всего отнести, какъ это дѣлаетъ Губе, первое появленіе рыцарства на политическомъ поприщѣ, вызванное аристократами, желавшими втянуть это военное сословіе въ свои политическіе расчеты [1]).

Въ двухъ главахъ изображаетъ авторъ быстрый ростъ и самое блестящее время польской исторіи, періодъ Ягеллоновъ и Стефана Баторія (1386 — 1586). Живой разказъ еще болѣе разнообразится картинными описаніями иностранцевъ XVI вѣка объ обѣдѣ у Радзивилла, о пребываніи польскихъ пословъ въ Парижѣ по поводу избранія Генриха Валуа, о жизни Анны Ягеллонки. Исключая одного промаха, гдѣ Польша начала XVI столѣтія при сопоставленіи съ Россіей названа олигархіей (стр. 70), нѣтъ неправильностей въ изложеніи. На общественный бытъ, представленный по извѣстной исторіи Бобржинскаго, тоже обращено должное вниманіе. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Жаль очень, что авторъ, послѣ сдѣланнаго имъ перечисленія пунктовъ pacta conventa, представленныхъ Генриху, не обратилъ большаго вниманія на 1572 г. Съ этого года въ Польшѣ окончательно установилась, вслѣдствіе классическихъ воспоминаній, теорія о народномъ верховенствѣ. Это видоизмѣняетъ самое существо государственной власти. При Ягеллонахъ верховная власть покоилась въ рукахъ короля, а народъ принималъ въ ней только участіе; съ прекращенія этой династіи верховная власть переходитъ къ народу, который условно и при томъ только въ извѣстномъ объемѣ передаетъ ее королю. Отсюда происхо-

---

[1]) На стр. 348 авторъ касается вопроса о значеніи прекращенія династіи Пястовъ, но не вполнѣ точно. Не Людовикъ венгерскій и Ягелло „предполагали устранить пановъ отъ исключительнаго обладанія королевскихъ должностей“, а сами паны считали это возможнымъ и потому добровольно, безъ участія королей, стремились втянуть шляхту, какъ вооруженную силу, въ политическую жизнь.

Библиотека "Руниверс"

дитъ, что король превращается изъ носителя верховной власти въ перваго сановника государства, а государственное верховенство переходитъ къ сейму, который состоитъ изъ трехъ чиновъ (status), короля, сената и посольской избы. Такая юридическая конструкція верховной власти, выведенная изъ историческихъ фактовъ, чрезвычайно облегчаетъ, думается мнѣ, пониманіе дальнѣйшей польской исторіи и окончательно рѣшаетъ споръ, была ли Польша съ 70-хъ годовъ XVI столѣтія республикой или монархіей. Далѣе авторъ, слѣдуя польскимъ историкамъ, склоненъ приписать Стефану Баторію черезъ чуръ большое значеніе; проживи онъ лѣтъ 10. Польша была бы спасена. Но внимательное изученіе прекраснаго сочиненія проф. Павинскаго о финансахъ при Баторіи [1]) ясно показываетъ, что геній Баторія не могъ предоставить катастрофы. Не смотря на полное пониманіе вреда широкихъ привилегій шляхты, онъ долженъ былъ отказаться въ 1576 г. отъ правъ на металлы, находимые внутри частныхъ земель, чѣмъ закончился длинный процессъ уничтоженій ограниченій частной собственности правами казны, а особенно важно было прекращеніе въ 1578 году прерогативы короля на верховную судебную власть. Съ учрежденіемъ трибунала, состоящаго изъ выборныхъ на одинъ годъ сеймиками судей, король фактически пересталъ оказывать вліяніе на осуществленіе правосудія по земскимъ дѣламъ.

Время отъ смерти Баторія до смерти Яна Собѣскаго (1586—1698) авторъ разсматриваетъ, какъ постепенное паденіе Польши, задержанное только нѣсколько Собѣскимъ. Кромѣ передачи историческихъ событій, излагаются правильно и внутреннія дѣла (религіозныя, казацкія), а въ концѣ (стр. 179 — 192) Морфилль, пользуясь сказаніями иностранныхъ путешественниковъ, даетъ даже общую картину управленія, сословныхъ отношеній, нравовъ и обычаевъ, состоянія селъ и городовъ Польши. Имѣя въ виду англійскихъ читателей, авторъ здѣсь особенно останавливается на сношеніяхъ съ Англіей; думается мнѣ, не такъ печальны вышли бы описанія польскихъ нравовъ, если бы авторъ съ большею критикой относился къ сказаніямъ иностранцевъ, которые склонны хулить все, что не соотвѣтствуетъ ихъ собственнымъ привычкамъ. Наконецъ, исправимъ мнѣніе Морфилля о возникновеніи liberum veto изъ требованія единства при постановленіи рѣшеній въ древне-славянскихъ народныхъ

[1]) Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego przedstawił Ad. Pawiński. Warsz. 1881.

Библиотека "Руниверс"

собраніяхъ; теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что liberum veto произошло изъ конгрессивнаго характера польскаго сейма, ибо послы воеводствъ и земель представляли не сословія, какъ сплошь и рядомъ бывало въ средніе вѣка, и не цѣлый народъ, какъ въ нынѣшнихъ законодательныхъ собраніяхъ, а только отдѣльную область, которая ихъ избрала на сеймикѣ.

Послѣднее столѣтіе, представляющее непрерывное паденіе государства, изображено яркими красками съ нѣкоторыми можетъ быть черезъ чуръ большими отступленіями (посягательство на Станислава Понятовскаго, жизнь Костюшки и т. д.), дабы сдѣлать разказъ болѣе занимательнымъ. Внутреннимъ дѣламъ Польши, напримѣръ, вопросу о диссидентахъ, работамъ четырехлѣтняго сейма, отведено достаточно мѣста, а конституція 3-го мая 1791 г. передана даже очень подробно, при чемъ обращено вниманіе на то, какъ она была принята сосѣдними державами и консервативною частію народа, противодѣйствующею съ оружіемъ въ рукахъ ея обязательной силѣ.

Желая довести исторію польскаго общества до конца, авторъ посвящаетъ особую главу судьбамъ поляковъ въ Россіи, Австріи и Пруссіи. „Обхожденіе съ полякими въ Австріи и Пруссіи", говоритъ онъ, „было менѣе великодушно, чѣмъ въ Россіи; всѣ возможныя попытки были сдѣланы дабы ихъ онѣмечить, и дѣйствительно Пруссія все еще продолжаетъ эту политику. Россія еще позволяла употребленіе національнаго языка, и Александръ въ 1803 г. даровалъ большія привилегіи университету въ Вильнѣ" (стр. 253). Въ этой главѣ обращено вниманіе на возникновеніе и судьбы Царства Польскаго, на причины и ходъ возстанія 1830 г., на возсоединеніе уніятовъ съ православіемъ, на попытки Александра II примириться съ поляками (время Велепольскаго) и на послѣдній польскій мятежъ. О полякахъ въ Австріи г. Морфиль совсѣмъ не упоминаетъ [1]), а о судьбахъ въ Пруссіи онъ замѣчаетъ только слѣдующее: „Ея методъ постоянно былъ болѣе энергическій; она медленно извлекала или ослабляла польскій элементъ, старательно избѣгая тѣхъ репрессій, которыя произвели бы европейскій скандалъ. Русскій попеременно ласкалъ и наказывалъ своего польскаго брата; однако онъ чувствуетъ симпатію крови. Онъ гордится произведеніями польской литературы, какъ происходящей отъ члена великой славянской семьи, и никогда

[1]) Только вскользь говоритъ онъ объ участіи поляковъ въ венгерскомъ возстаніи и о возмущеніи крестьянъ противъ помѣщиковъ въ Галиціи въ 1846 г.

Библиотека "Руниверс"

не раздѣляетъ дѣйствительнаго или аффектированнаго презрѣнія германца" (267, 268). Изъ этихъ замѣчательныхъ словъ видно, какъ мѣтко г. Морфилль уловилъ различіе отношеній русскихъ и нѣмцевъ къ полякамъ.

Довольно обширная глава о польской литературѣ кажется мнѣ одною изъ наиболѣе удавшихся; она весьма интересна и, не смотря на сжатость изложенія, передаетъ все существенное до новѣйшихъ временъ, а переводы стихами нѣсколькихъ образцевъ польской поэзіи очень оживляютъ повѣствованіе. Польскую словесность во время существованія государства авторъ характеризуетъ слѣдующими словами: „Итакъ, мы видимъ польскую поэзію въ родѣ чего-то чужестраннаго: это оранжерейный цвѣтокъ, выращенный для полурыцарскаго, полуазіятскаго общества дворянъ, когда они нисходятъ до того, чтобы интересоваться литературой. Для нихъ однихъ она была написана; крестьянство было погружено въ невѣжество и бѣдность. Горожане были большею частію нѣмцы или евреи и для нихъ польская литература имѣла мало значенія или никакого. Былъ здѣсь извѣстный запасъ церковнаго краснорѣчія, но болѣе искуственнаго, риторическаго характера" (стр. 284—285). Настоящій расцвѣтъ польской поэзіи начинается со времени паденія государства и на Мицкѣвичѣ, его современникахъ и послѣдователяхъ, авторъ и останавливается съ достодолжнымъ вниманіемъ.

Въ предпослѣдней небольшой главѣ г. Морфилль ведетъ рѣчь о государственномъ бытѣ Польши послѣднихъ вѣковъ и о причинахъ ея паденія. Онъ придерживается здѣсь системы, общепринятой въ правовѣдѣніи, а именно передаетъ общее содержаніе pacta conventa для опредѣленія положенія короля среди общества, излагаетъ довольно подробно составъ народонаселенія, при чемъ особенно подчеркиваетъ безправное и бѣдственное положеніе крестьянъ, говоритъ объ управленіи, объ отправленіи правосудія, законодательствѣ, нравахъ и одеждѣ населенія; изображеніе причинъ паденія заканчиваетъ главу.

Описаніе государственнаго быта можетъ назваться весьма удачнымъ, а передача наочныхъ впечатлѣній иноземныхъ путешественниковъ еще болѣе рельефно представляетъ житье-бытье населенія. При всемъ томъ приходится сдѣлать, ради важности предмета, нѣсколько поправокъ. О *кметахъ*, то-есть, свободныхъ крестьянахъ, авторъ говоритъ, что первоначально они владѣли двоякаго рода землею, наслѣдственною собственностію, называемою „влока или ланъ", кото-

Библиотека "Руниверс"

рую панъ не могъ отнять, и „воля“, то-есть, землею по волѣ хозяина на основаніи имущественнаго найма (стр. 337). Это неточно. Крестьяне несомнѣнно имѣли наслѣдственныя недвижимости, но онѣ назывались не влокой или ланомъ, что обозначало только извѣстную мѣру земли, а hereditas, heredium, дѣдиной; подъ „волей“ же понимался тотъ клочекъ земли, который крестьянинъ получалъ безъ всякихъ налоговъ и повинностей на извѣстное время за то, что онъ превращалъ этотъ участокъ изъ-подъ непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ въ пахатныя поля. Отсюда понятно, что „волю“ имѣли далеко не всѣ крестьяне; она была чистою случайностію. Управленіе, какъ показываетъ стр. 346, представляется г. Морфиллю недостаточно ясно; слѣдуя иноземнымъ путешественникамъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ, онъ изображаетъ его, хотя и безъ грубыхъ ошибокъ, но довольно запутанно. Оно въ дѣйствительности былое такое. При Болеславахъ всѣ княжескіе чиновники были только помощниками князя; со времени распаденія Польши на удѣлы, съ 1138 г., усиливается чиновная аристократія, которая, получивъ себѣ средоточіе въ сенатѣ, оказываетъ все бо́льшее и бо́льшее вліяніе на назначеніе должностныхъ лицъ. Съ другой стороны, вѣча, вначалѣ мало по своему составу отличныя отъ сената, вслѣдствіе все мéньшаго и мéньшаго объема княжествъ, становятся все болѣе и болѣе многочисленными: при маломъ объемѣ княжествъ и судящіе и подсудимые были общеизвѣстны, а потому и интересовали бо́льшее число лицъ, между тѣмъ какъ пространство, отдѣлявшее мѣстожительство интересующагося лица отъ суда, было невелико. Такимъ образомъ въ концѣ XIII вѣка Польша представляла множество маленькихъ самоуправляющихся организмовъ, въ которыхъ хозяйничала аристократія—въ сенатѣ непосредственно, на вѣчахъ—благодаря своему значенію. При Вячеславѣ чешскомъ и Локеткѣ объединеніе было собственно только личною уніею многихъ княжествъ, которыя получили названіе воеводствъ по имени важнѣйшаго и притомъ только единаго по числу княжескаго сановника; прежніе княжескіе чиновники превратились въ органы мѣстнаго управленія, фактически назначаемые сенатомъ и только юридически королемъ, а вѣча—въ conventiones baronum, въ собранія трехъ общественныхъ слоевъ, земскихъ сановниковъ (domini dignitarii), пановъ (domini terrae) и рыцарства (comunitas militum). Самый фактъ объединенія и занятія Польши чехами вызвалъ, вѣроятно по образцу „чешскихъ поправцевъ“, учрежденіе должности старостъ, начальниковъ военныхъ отрядовъ въ важнѣйшихъ городахъ, долженствовавшихъ охранять миръ

Библиотека "Руниверс"

и спокойствіе въ округѣ города, а потому и творить уголовный судъ. Итакъ градовые старосты не имѣютъ ничего общаго со старостами—арендаторами королевскихъ имѣній, какъ думаетъ Морфилль. При Казимірѣ Великомъ было положено основаніе центральнаго управленія (маршалъ, подскарбій, подкоморій и т. д.), но окончательно оно было организовано въ 1505 г.; что же касается мѣстнаго управленія, то воевода и каштелляны играли въ немъ не особенно видную роль. Воевода былъ почетный представитель воеводства, судья евреевъ и начальникъ ополченія шляхты цѣлаго воеводства; кромѣ того онъ въ городахъ назначалъ цѣны промышленныхъ произведеній и слѣдилъ за вѣрностью вѣсовъ и мѣръ; среди каштелляновъ только самая малая часть имѣла уголовную юстицію, которая отошла къ старостамъ, такъ что они были только начальниками земской рати, каштеллянін. Итакъ съ момента прекращенія земскихъ ополченій фактическая дѣятельность воеводъ и каштелляновъ прекратилась, а дѣйствительною всемогущею административною единицею, мало того даже верховнымъ владыкою воеводства былъ сеймикъ, на который и слѣдовало автору обратить особенное вниманіе. Точно также страницы (347 и слѣд.), объ отправленіи правосудія требуютъ нѣкоторыхъ разъясненій, хотя собственно въ нихъ нѣтъ прямыхъ погрѣшностей. Авторъ предполагаетъ только, что такъ какъ законодательство Казиміра Великаго сохранило свою обязательную силу до самаго паденія Польши, то и учрежденное имъ судоустройство просуществовало до конца, между тѣмъ какъ въ немъ произошли въ теченіе вѣковъ существенныя перемѣны. И здѣсь мы можемъ вкратцѣ пополнить автора. По польскимъ понятіямъ, судебная власть принадлежитъ князю, который судитъ уголовныя дѣла самолично или черезъ своего замѣстителя (княжескаго судьи), какъ отвѣтственный передъ Богомъ охранитель мірнаго сожительства людей, а гражданскія—съ участіемъ общества, впрочемъ еще не организованнымъ. Съ момента превращенія княжескихъ чиновниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и княжескаго судьи, въ земскихъ, образуется земскій судъ изъ земскаго судьи, его помощника и писаря для дѣлъ съ гражданскимъ характеромъ. Уголовная юстиція, поскольку она не остается при королѣ лично, отчасти сохраняется у каштелляновъ, какъ охранителей міра и спокойствія въ своихъ каштеллянiяхъ, но въ значительной степени переходитъ къ гродскимъ старостамъ, что ведетъ къ образованію гродскаго суда. Такъ какъ дѣла о недвижимой собственности должны были, по общеславянскимъ понятіямъ, рѣшаться въ присутствіи короля, то они разбирались на

Библиотека "Руниверс"

вѣчахъ, то-есть съѣздахъ всѣхъ должностныхъ лицъ воеводства или земли, по моему мнѣнію сенатахъ отдѣльныхъ княжествъ до ихъ объединенія, на которыхъ обыкновенно присутствовалъ или самъ король, или его повѣренный. Наконецъ когда въ концѣ XIV и въ XV вѣкахъ все болѣе и болѣе развивались conventionis baronum, по моему мнѣнію вѣча княжескаго періода, тогда особенно важныя дѣла откладывались до нихъ. Такъ какъ понятіе объ аппеляціи еще не выработалось, то дѣла, кажущіяся особенно сложными или важными, просто пересылались изъ земскихъ и гродскихъ судовъ въ вѣчевые, а изъ сихъ послѣднихъ въ conventiones baronum. Итакъ образовались какъ бы три инстанціи: 1) земскіе и гродскіе суды, 2) суды вѣчевые и 3) conventionis baronum. Такъ какъ эти времена не имѣли понятія о раздѣленіи властей, то всѣ эти собранія пользовались и законодательною, и административною властію. Наконецъ, на основаніи издревле существующихъ понятій, каждый свободный человѣкъ могъ обратиться къ королю, который и судилъ до образованія сейма на вѣчахъ и conventionis baronum, а послѣ его образованія, то-есть со второй половины XV вѣка, на сеймѣ съ сенаторами. На эту-то послѣднюю чрезвычайно важную прерогативу короля и посягнула шляхта при Стефанѣ Баторіѣ посредствомъ образованія трибунала, состоящаго изъ выборныхъ на одинъ годъ на сеймикахъ депутатовъ отъ шляхты. Такъ какъ conventiones baronum скоро слились съ сеймиками, то и въ XVII и XVIII вѣкахъ опять существовали только три инстанціи, къ которымъ присоединялся, какъ особый чрезвычайный судъ, для особыхъ точно опредѣленныхъ дѣлъ, сеймовый судъ. Подлѣ этой организаціи судовъ для поляковъ, а съ XVI столѣтія для однихъ дворянъ, были особыя судоустройства для горожанъ, для духовенства и для крестьянъ, которые на помѣщичьихъ земляхъ подлежали съ XVI вѣка исключительно суду своихъ пановъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ.

Описаніе государственныхъ и общественныхъ условій Польши начиная съ XVI вѣка приводитъ нашего автора къ одному изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ всемірной исторіи—къ причинамъ паденія польскаго государства. Г. Морфиллю онѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1. „Отсутствіе патріотизма среди дворянства. Большинство предпочитало свои семейные и мѣстные интересы интересамъ цѣлаго народа“. Здѣсь отмѣчается недостатокъ сплоченности въ шляхтѣ, что было особенно опасно вслѣдствіе обычая аристократовъ содержать

Библиотека "Руниверс"

вооруженныя дружины; какъ извѣстно, это не разъ приводило къ кровопролитіямъ [1]).

2. „Нетерпимость духовенства; преслѣдованія православныхъ привели къ отложенію казаковъ и къ вмѣшательству Россіи, а гоненія диссидентовъ прокладывали путь прусскому вліянію на внутреннія дѣла Польши". Отсутствіе вѣротерпимости Морфиль связываетъ, по общепринятому обычаю, съ дѣятельностью іезуитовъ.

3. „Недостатокъ какого бы то ни было средняго класса въ настоящемъ смыслѣ этого слова и невозможность его возникновенія благодаря государственному устройству". Жители городовъ имѣли чуждые Польшѣ интересы и не могли составить посредствующаго звѣна между дворянствомъ и крѣпостными [2]).

4. „Невозможностію было возникновеніе настоящаго патріотизма или любви къ странѣ среди класса, находящагося въ такомъ крайне бѣдственномъ положеніи, какъ польскіе крѣпостные. Они были черезъ чуръ несвѣдущи, чтобы понять политику и чувство патріотизма не могло быть къ нимъ привито. Они не имѣли абсолютно никакихъ правъ по отношенію къ своимъ господамъ: никто не заботился работать болѣе того, къ чему онъ дѣйствительно былъ обязанъ, такъ какъ никто не могъ ничего пріобрѣсти. Единственнымъ удовольствіемъ крестьянъ было пить въ корчмѣ по воскресеньямъ, гдѣ они забывали въ пискѣ и пьянствѣ о своихъ бѣдствіяхъ. Обязательная работа или барщина своимъ господамъ тяготѣла надъ ними почти цѣлую недѣлю. Многіе дворяне, какъ и теперь въ Польшѣ, пользовались монополіей продажи спиртныхъ напитковъ и поэтому были заинтересованы въ возможно бо́льшомъ ихъ употребленіе" [3]).

5. Г. Морфиль, слѣдуя, проф. Бобржинскому, причисляетъ къ несчастіямъ Польши отсутствіе людей съ талантомъ и энергіей среди ея правителей.

Къ этимъ внутреннимъ причинамъ слабости нашъ авторъ присоединяетъ еще недостатокъ естественныхъ границъ и присутствіе могучихъ сосѣдей на границахъ (стр. 355—358).

Нельзя не признать, что авторъ вѣрно и притомъ съ большею

---

[1]) Авторъ вообще относится чрезвычайно несочувственно къ польскому дворянству; онъ его характеризуетъ такъ: „Это была аристократія, опьяненная сама собою и не сознающая новыхъ силъ, которыя постоянно возникали кругомъ ея; анахронизмъ въ исторіи народовъ" (стр. 350).

[2]) На положеніи горожанъ Морфиль останавливается на стр. 335—337.

[3]) О крестьянахъ авторъ говоритъ во многихъ мѣстахъ, стр. 337, 344, 350, 351.

Библиотека "Руниверс"

силою указалъ на нѣкоторыя причины паденія Польши, причемъ онъ не повторялъ только уже давно высказанное, а присоединилъ и отъ себя кое-что новое. Странно только, что онъ не упомянулъ о двухъ явленіяхъ, приведенныхъ Бобржинскимъ, именно о постепенномъ паденіи государственной власти и объ обѣдненіи польскихъ городовъ вслѣдствіе открытія Америки и перемѣны путей всемірной торговли. Что эти два фактора, особенно первый, крайне вредно отразились на развитіи польской государственности, это внѣ всякаго сомнѣнія. Кромѣ того трудно не согласиться, что соединеніе Польши съ Литвою, обладавшею значительнымъ православнымъ населеніемъ, должно было естественно усилить права и привилегіи дворянства, а также католическую пропаганду. При невозможности быстро развить единство національнаго сознанія между поляками и цѣлымъ литовскимъ народомъ, очевидно, польскія вліятельныя сферы должны были стремиться включить въ себя по крайней мѣрѣ высшій слой населенія, литовское боярство, предоставляя ему свои громадныя, идущія въ разрѣзъ съ интересами государства, привилегіи и распространяя всѣми правдами и неправдами католицизмъ.

Всѣ приведенныя только что причины паденія, думается мнѣ, не исчерпываютъ вопроса съ точки зрѣнія историко-философской. Безспорно, большинство изъ нихъ смертоносно для государства, но указаніе на нихъ порождаетъ новый вопросъ, почему онѣ находились въ Польшѣ; еще бо́льшею загадкою становится то явленіе, что многія изъ причинъ, какъ это знаетъ и Морфилль (напримѣръ, печальное положеніе крестьянъ, отсутствіе вѣротерпимости), существовали и въ другихъ государствахъ, которыхъ, однако, не привели къ упадку. Дабы понять разложеніе Польши всецѣло, нужно выяснить причины паденія изъ самаго ея географическаго положенія и изъ качествъ окружающихъ ея духовныхъ вліяній, другими словами изъ обстановки, вытекающей съ безусловною необходимостію, то-есть, изъ матеріальныхъ и духовныхъ условій жизни славяно-польскихъ племенъ. Въ этомъ отношеніи общеизвѣстна связь Польши съ западною цивилизаціей[1]), обусловленная, какъ замѣчаетъ Бобржинскій, теченіемъ Вислы и Одера въ Балтійское море. Теперь, если мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ цѣлое славянство, мы замѣтимъ, что часть славянъ

[1]) О противоположностяхъ между Польшею и Россіей и о связи этихъ противоположностей съ вліяніемъ на Польшу западноевропейскихъ идей, а на Россію восточныхъ, см. у Морфилля, стр. 70, 72, 257.

Библиотека "Руниверс"

не доразвилась до полнаго политическаго самосознанія или подъ вліяніемъ частыхъ иноземныхъ нашествій (прибалтійское славянство), или подъ вліяніемъ особенныхъ условій мѣстности (у сербовъ, болгаръ, хорватовъ, мы не видимъ надлежащей сплоченности вслѣдствіе нарѣзанности ихъ территоріи горными хребтами и пестроты населенія, какъ результата положенія странъ на великомъ пути народовъ изъ Азіи въ Европу). Если же мы обратимся къ сложившимся уже въ средніе вѣка національностямъ, мы легко подмѣтимъ, что государства, подчинившіяся вліянію Запада, пали и притомъ пали почти отъ тѣхъ же самыхъ причинъ. Проф. Калоусекъ въ новомъ изданіи своего чешскаго государственнаго права указываетъ на слабость государственной власти, на широкія права и привилегіи дворянства и на отсутствіе сплоченности въ народѣ вслѣдствіе разновѣрія его, какъ на главнѣйшія причины паденія Чехіи [1]). То же самое приложимо и къ Польшѣ; общность причинъ паденія очевидна. Все это наводитъ на мысль, что причины, приведшія западно-славянскія государства къ разложенію, лежали въ западно-европейскихъ культурныхъ вліяніяхъ. Я согласенъ съ польскими историками, что Польша несла западную культуру на востокъ; я могу подписаться подъ словами проф. Смольки, что бракъ Ядвиги съ Ягелло и городѣльская унія подвинули Западную Европу на сотни миль впередъ [2]), но при этомъ долженъ прибавить, чего польскіе историки не понимаютъ и понять не хотятъ, а западно-европейскіе понять не могутъ, а именно, что въ этомъ вліяніи было нѣчто зловѣщее, тлѣтворное. Постараемся разъяснить нашу мысль.

Первое неизмѣримо важное событіе — принятіе Польшею католицизма. Эта разновидность христіанства должна была, по моему мнѣнію, повліять на государственную власть въ двоякомъ отношеніи. Какъ извѣстно, при Діоклетіанѣ, принципатъ, основанный еще на идеѣ народовластія, превратился въ монархію съ восточнымъ религіознымъ характеромъ; императоръ сталъ земнымъ богомъ. Послѣ принятія христіанства Константиномъ Великимъ, понятно, эта послѣдняя идея должна была замѣниться мыслію, болѣе согласною съ христіанскимъ вѣроученіемъ, о томъ, что императоръ есть первый сынъ церкви, предназначенный самимъ промысломъ Божіимъ для водворенія и сохраненія мирнаго порядка сожительства людей между собою, порядка, опредѣленнаго Новымъ и Старымъ Завѣтами, ученіями св.

[1]) *Ios. Kalousek.* České státní právo. Praha. 1892, стр. 389, 390.

[2]) *St. Smolka.* Rok 1386. Kraków. 1886, стр. 115—120.

Библиотека "Руниверс"

апостоловъ и отцевъ церкви, а также постановленіями семи вселенскихъ соборовъ. Вся полнота власти, по прежнему, осталась у императора неизмѣнною, а за нарушеніе установленныхъ Всевышнимъ началъ онъ отвѣчалъ только передъ Богомъ. Народы, прошедшіе черезъ школу римскихъ понятій, ясно чувствовали, что верховная власть, какъ верховная, должна быть безотвѣтственною, ибо иначе она перестала бы быть верховною. Но воспитанное на римскомъ міросозерцаніи духовенство, въ началѣ среднихъ вѣковъ въ громадномъ большинствѣ римское даже по крови, прониклось римскимъ, реально-практическимъ взглядомъ на вещи. Для такихъ людей новый, отвлеченный порядокъ общежитія, стоящій надъ отдѣльными народами и ихъ владыками, долженъ былъ имѣть свои чисто реальныя, осязательныя гарантіи, долженъ быть воплощенъ въ извѣстное юридическое начало. А что если императоръ, короли, герцоги и т. д. не только будутъ нарушать правила христіанства, но даже тотъ или другой впадетъ въ язычество, магометанство? что дѣлать тогда? какъ отнестись къ такой власти, неисполнившей свое предназначеніе? На такіе вопросы западъ, воспитанный на римскомъ правѣ, римскихъ писателяхъ, римской логикѣ, отвѣтилъ троякимъ образомъ: 1) еще у Ѳомы Аквинскаго высказывается мысль о законности политическихъ убійствъ, мысль, подхваченная нѣкоторыми теоретическими и практическими политиками періода renaissance, а также раздѣляемая нѣкоторыми іезуитами [1]); 2) въ связи съ древне-германскими идеями о личной безграничной свободѣ и съ рыцарскими понятіями родилась мысль о законности возстанія, встрѣчаемая уже въ magna charta libertatum Іоанна Безземельнаго и въ bulla aurea Андрея Венгерскаго и нашедшая себѣ мѣсто во множествѣ конституцій, не только средневѣковыхъ, но и новыхъ; и наконецъ—3) тѣсно связанная со вторымъ положеніемъ идея о томъ, что императорская или королевская власть дается условно и вслѣдствіе нарушенія условій теряется сама собою у ея обладателя. Эта мысль выросла на религіозномъ средневѣковомъ міросозерцаніи, какъ обезпеченіе приводимыхъ въ дѣйствіе императоромъ и королями христіанскихъ началъ, но затѣмъ нашла себѣ примѣненіе и въ чисто свѣтскихъ отношеніяхъ короля къ обществу посредствомъ того, что

[1]) *Влад. Ламанскій.* Secrets d'état de Venise, documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle. Saint-Pétersbourg. 1884. стр. 810—813, 828, 829. Высокоуважаемый ученый объясняетъ появленіе этой мысли политикою папъ; намъ кажется, что она возникла подъ вліяніемъ греческихъ и римскихъ преданій.

Библиотека "Руниверс"

короли подтверждали давае ыя своимъ народамъ обѣщанія присягою и такимъ образомъ въ слу аѣ ихъ нарушенія становились клятвопреступниками. Предположеніе о возможности условнаго обладанія верховною властію, думается мнѣ, имѣло чрезвычайно важное значеніе при возникновеніи и укрѣпленіи народнаго участія въ дѣятельности королевской власти. Средневѣковая теорія о договорномъ характерѣ отношеній между королемъ и народомъ опиралась не столько, по моему мнѣнію, на древнегерманскихъ преданіяхъ, сколько на только что указанныхъ мною соображеніяхъ средневѣковья. Если же мы обратимся теперь къ тому, какъ отнесся востокъ къ поставленнымъ нами вопросамъ о нарушеніи правителемъ своихъ обязанностей, то замѣтимъ, что византійцы, какъ философы съ значительною примѣсью мистицизма и метафизичности (потомки древнихъ грековъ), поняли глубже христіанство и поэтому отвѣтили болѣе правильно. Они изъ евангельскихъ словъ, что и волосъ съ головы не упадетъ безъ воли Божіей, вывели то заключеніе, что даже вѣроотступничество императора было бы только наказаніемъ за грѣхи народовъ и потому должно быть снесено спокойно, безъ посягательствъ на жизнь или возстаній. Самъ же нравственный порядокъ, какъ нѣчто чисто идеальное, идейное. не нуждается въ реальныхъ гарантіяхъ, тѣмъ менѣе въ юридическихъ опредѣленіяхъ; на его стражѣ стоитъ самъ Богъ, который обладаетъ достаточнымъ могуществомъ, дабы отстоять начертанный имъ для людей строй жизни. Къ этому византійцы, какъ болѣе цивилизованные и менѣе грубые, приводили и практическія соображенія, что возбуждать волненія въ государствѣ путемъ цареубійствъ и возстаній неразумно потому, что вызванныя этимъ смуты стоятъ народамъ болѣе крови, слезъ и матеріальныхъ жертвъ, чѣмъ сравнительно непродолжительное правленіе вѣроотступника-монарха. И такъ. если католичество пріучило народы къ условности верховной власти. а затѣмъ къ участію въ ней сначала духовенства, а затѣмъ и воспитанныхъ духовными аристократовъ и бо́льшаго количества народныхъ массъ, то наоборотъ православіе было совершенно чуждо мыслямъ объ условности императорскаго верховенства и нисколько не измѣнило полноту его.

Другое, чѣмъ католицизмъ поколебалъ государственную власть, состояло въ чрезвычайно сильномъ антагонизмѣ между свѣтскою и духовною властями. Корни этого явленія кроются, думается мнѣ, еще въ образованіи германскихъ государствъ на развалинахъ западно-римской имперіи. Съ этого момента зародились противорѣчія

Библиотека "Руниверс"

между духовенствомъ, по крови почти исключительно римскимъ, и свѣтскимъ обществомъ, германскимъ или сильно огерманеннымъ, а также по культурѣ между сравнительно высокообразованными духовными и полудикими, неграмотными германцами. У епископа Турскаго чрезвычайно рельефно изображенъ варварскій, полуязыческій бытъ меровингскихъ королей и глубоко отличная отъ этого жизнь епископовъ. Изъ этихъ противоположностей, а также изъ очевидной высоты духовенства, даже независимо отъ того, что оно было представителемъ христіанства, возникло у него желаніе выдѣлиться, составить изъ себя какъ-бы государство въ государствѣ, а затѣмъ и притязаніе на главнѣйшую, руководящую роль въ обществѣ. И такъ появленіе мысли о сравнительной высотѣ власти папской надъ императорскою у Григорія VII было историческою необходимостію на западѣ. И преданія о міродержавномъ положеніи Рима, о смерти и погребеніи верховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ, и значеніе духовенства, какъ служителей алтаря, просвѣтителей народа и хранителей религіи, все это должно было приводить къ мысли о верховенствѣ папъ надъ императорами. Именно тогда, когда христіанство все болѣе и болѣе утверждалось у западныхъ славянъ, разладъ между свѣтскою и духовною властями дошелъ до высшей степени и потрясъ всю западную Европу кровавыми событіями. Вотъ, думается мнѣ, естественное объясненіе того недовѣрія, той неблагосклонности, которыя питало западнославянское духовенство къ свѣтской власти и которыя выразились и въ словахъ лѣтописцевъ (Козьмы Пражскаго, Кадлубка), и въ дѣйствіяхъ епископовъ (стремленіе раздробить чешское государство въ восьмидесятыхъ годахъ XII столѣтія, поддержка гнѣзденскаго архіепископа и польскихъ епископовъ, оказанная младшимъ сыновьямъ Болеслава Кривоустаго противъ старшаго-представителя самодержавной монархіи и т. д.).

Почти несомнѣнно, христіанство было принято Польшею изъ Фульды [1]), вслѣдствіе чего и прибывшее духовенство было большею частію нѣмецкимъ; какъ извѣстно, даже до XVI вѣка, въ Польшѣ существовали монастыри, въ которые поляковъ не принимали [2]). Не-

[1]) *Wł. Abraham.* Organizacya kościoła w Polsce de połowy wieku XII, Lwow. 1893 стр. 1—28.

[2]) *H. Zeissberg.* Dziejopisarstwo polskie wieków średnich. t. I. Warsz. 1877. стр. 63. Цейссбергъ допускаетъ, что наполненіе польскихъ монастырей иностранцами имѣло своимъ послѣдствіемъ почти полное отсутствіе лѣтописей въ монастыряхъ: иностранцы—монахи польскими дѣлами не интересовались. Тамъ же стр. 64 и 65.

Библиотека "Руниверс"

удивительно поэтому, что монастыри стремились своими единородцами, нѣмцами, заселить пустопорожнія земли, пожалованныя имъ князьями. Дѣйствительно, историческіе памятники свидѣтельствуютъ намъ, что начало нѣмецкой колонизаціи въ Польшѣ было положено духовными орденами [1]). Татарскій погромъ усилилъ наплывъ иностранцевъ, но не породилъ его. Между тѣмъ нѣмецкая колонизація, въ началѣ повліявшая чрезвычайно благотворно, и произвела то отчужденіе горожанъ отъ польско-славянскихъ интересовъ. которое было, по общепринятому мнѣнію, такъ пагубно для страны.

Гибельное для Польши расширеніе на востокъ, ибо оно здѣсь вызвало къ борьбѣ съ нею силы, съ которыми она справиться не могла, какъ показываетъ исторія, было слѣдствіемъ политики папскаго престола. Хотя это теперь и не можетъ быть признано еще доказаннымъ, тѣмъ не менѣе отношеніе папъ къ занятію Галича Казимиромъ Великимъ, побужденіе одновременно съ этимъ Людовика венгерскаго противъ Стефана Душана сербскаго и тогдашнее состояніе восточной Европы всецѣло подтверждаютъ такое предположеніе.

Права и привилегіи польскаго рыцарства, впервые исторически засвидѣтельствованныя во второй половинѣ XIII вѣка, указываютъ на связь привилегій съ дружинами, учрежденіемъ общеславянскимъ и притомъ языческимъ. Но въ дальнѣйшей исторіи слѣды западноевропейскихъ рыцарскихъ идеаловъ у польскаго рыцарства не могутъ быть отвергаемы. Эти идеалы (равенство и братство, возникшее на поляхъ Палестины, рыцарская честь, защита католицизма и слабыхъ, безпомощныхъ существъ и т. д., культъ женщины) дѣлали польское рыцарство составною частію громаднаго общества, цѣлаго западноевропейскаго рыцарства. По мѣрѣ того, какъ польское рыцарство своимъ образованіемъ, языкомъ (латинскимъ), нравами и обычаями, всѣмъ своимъ житьемъ-бытьемъ. сливалось съ западнымъ рыцарствомъ. оно отдѣлялось отъ своего простаго народа. Цѣлыя народныя массы не могли идти рука объ руку съ людьми вполнѣ обезпеченными, употребляющими свой досугъ на просвѣщеніе себя. Здѣсь было нѣчто глубоко трагическое: при отсутствіи горожанъ-поляковъ, этого неизбѣжно необходимаго посредствующаго звена между дворянствомъ и крестьянствомъ, при все слабѣющей королевской власти, чѣмъ болѣе умственно возвышалось рыцарство, чѣмъ утонченнѣе оно становилось, чѣмъ болѣе оно всесторонне развивалось, тѣмъ глубже раскрывалась

[1]) *R. Roepell.* Geschichte Polens. Gotha. 1840. стр. 570 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

пропасть между нимъ и простымъ народомъ, тѣмъ болѣе считалъ себя шляхтичъ въ правѣ смотрѣть на крестьянина, какъ на пьяное и лѣнивое животное.

Въ XV и XVI вѣкѣ, въ Польшу проникаетъ возрожденіе искусствъ и наукъ, появляется литература на народномъ языкѣ, возникаютъ выдающіяся произведенія политической мысли, реформація кладетъ начало народнымъ школамъ, изданію слова Божія по польски и литовски и распространенію въ народныхъ массахъ. Но эти оживляющія западноевропейскія вѣянія принесли Польшѣ и горкіе плоды. Польша ознакомилась въ польскомъ переводѣ съ политикою Аристотеля; греческіе и латинскіе писатели становились чуть не настольными книгами [1]) и понятно читатели восхищались именно тѣмъ, что какъ разъ подходило подъ вкусы тогдашняго общества. У классиковъ поляки нашли блестящія страницы противъ деспотіи, глубоко продуманную защиту рабства, образецъ того, что государственная власть вѣряется народомъ пожизненно одному избранному лицу. Тѣ реальныя условія, которыя выработала сама жизнь, сама исторія, во многомъ нашли оправданіе и внутренній смыслъ. Средневѣковой рыцарь могъ призадуматься надъ слабостью королевской власти, ибо онъ по опыту зналъ, какъ полезна дисциплина на полѣ битвы, средневѣковой рыцарь могъ усумниться въ справедливости облагать крестьянина непосильными тягостями, ибо вѣдь и онъ христіанинъ и притомъ еще существо слабое, которое долгъ рыцаря защищать, а не давить, но въ глазахъ шляхтича, воспитаннаго на сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей, absolutum dominium было невыносимымъ деспотизмомъ, а крестьянинъ былъ не кто иной, какъ древній рабъ, предназначенный для постояннаго труда.

Если мы теперь, послѣ всего сказаннаго, перенесемся къ концу XVI вѣка, то и дѣятельность Стефана Баторія на пользу католицизма, такъ ненравящаяся г. Морфиллю, получитъ другое освѣщеніе. Сомнѣваюсь я, чтобы Стефанъ Баторій былъ искреннимъ католикомъ; одна ночь съ проповѣдникомъ католицизма не измѣнитъ убѣжденій, сложившихся десятками лѣтъ, да притомъ у такого умнаго лица, какъ Баторій. Очевидно, призывая іезуитовъ, онъ дѣйствовалъ, какъ политикъ. Спайки въ народѣ не было никакой: въ городахъ и мѣстеч-

[1]) Изъ сочиненія Тарновскаго (Pisarze polityczni XVI do wieku, Kraków, 1886) легко усмотрѣть подавляющее вліяніе особенно Аристотеля на польскую политическую мысль.

Библиотека "Руниверс"

кахъ—нѣмцы и евреи. въ селахъ — крестьяне, почти совершенно язычники, чуждые всему тому, что происходило въ Польшѣ со временъ Мечислава I, на сѣверѣ и востокѣ—многочисленное нѣмецкое, литовское и русское населеніе, въ религіозномъ отношеніи тоже полнѣйшій разладъ—православные, уніяты, лютеране, кальвинисты, социніане и т. д. и т. д. Тутъ оставалось одно радикальное средство—обратить всѣхъ въ католицизмъ—и тѣмъ создать хотя нѣкоторое единство. Если крестьяне ненавидятъ пана, презираютъ еврея, чуждаются нѣмца, то по крайней мѣрѣ послушаютъ ксенза; притомъ на католическое духовенство Польша могла до нѣкоторой степени положиться, ибо оно равно было враждебно, какъ лютеранской части Германіи, такъ и православной Россіи. И вотъ Баторій обращается къ іезуитамъ, этому новому ордену, который въ то время стоялъ во всемъ своемъ юношескомъ могуществѣ. Итакъ отсутствіе вѣротерпимости и, какъ слѣдствія этого, казацкіе бунты и диссидентскій вопросъ, были для Польши XVII и XVIII вѣкахъ историческою необходимостью.

Все изложенное, надѣюсь, оправдываетъ мое предположеніе, что подчиненіе Польши западно-европейской цивилизаціи было для нея гибельно. Весь объемъ западно-европейскихъ представленій былъ чрезчуръ сложенъ для народовъ, дѣлающихъ только первые шаги на историческомъ поприщѣ. Если даже западно-римская имперія, сама порожденіе западной культуры, не выдержала борьбы съ папствомъ и распалась, то подавно не могли сложиться въ одно твердое политическое цѣлое и проникнуться сознаніемъ національнаго единства племена, даже не имѣющія еще понятія о сильной государственной власти. Только могучая центральная власть могла сплотить разрозненныя славянскія племена въ одно цѣлое, только небольшой запасъ несложныхъ идей, притомъ проповѣдуемыхъ своимъ роднымъ духовенствомъ на родномъ языкѣ, могъ быть усвоенъ цѣлымъ народомъ и лечь въ основу психическаго единства понятій и вкусовъ. Ничего этого Западная Европа дать не могла. Поэтому то даже болѣе сильныя качественно, но не количественно, чешскія племена не выдержали не благопріятныхъ условій, и чешское государство пало, хотя чешское общество и сумѣло посѣять сѣмена реформаціи (Гуссъ, моравскіе братья), нанести сильный ударъ всему средневѣковому феодальному строю Европы и даже мечемъ и огнемъ превратить въ чеховъ нѣмецкое населеніе своихъ городовъ.

Бросая послѣдній прощальный взглядъ на сочиненіе Морфилля,

Библиотека "Руниверс"

мы должны отмѣтить еще одно чрезвычайно рѣдкое въ иностранцѣ качество, а именно пониманіе самаго существа славянскаго быта. До нѣкоторой степени патріархальный, довольно не установившійся строй жизни, безъ рѣзко проявившагося различія общественныхъ слоевъ, безъ строго проведеннаго начала раздѣленія труда, при маломъ количествѣ большихъ капиталистическихъ предпріятій, но съ довольно развитою кустарною промышленностію, съ духовенствомъ, не глубоко образованнымъ, но за то близко стоящимъ къ народу—понятенъ и симпатиченъ Морфиллю [1]). На многихъ страницахъ онъ проявляетъ глубокое пониманіе того, что такой бытъ, столкнувшись лицемъ къ лицу съ капиталистическимъ, богатымъ и образованнымъ западомъ, долженъ ему всецѣло подчиниться и превратиться въ какихъ-то паріевъ западной культуры. Нашъ авторъ увѣренъ, что „народы должны расти, какъ человѣческія тѣла [2]), и онъ искренно желаетъ, чтобы этотъ до нѣкоторой степени первобытный міръ развивался самостоятельно, изнутри себя, и окрѣпнувъ и затѣмъ уже воспріявъ въ себя всѣ лучшія пріобрѣтенія человѣческаго ума, всѣ результаты тысячелѣтнихъ усилій множества различныхъ народовъ, сталъ наконецъ достойнымъ братомъ своему старшему и болѣе опытному западному сосѣду.

Ф. Зигель.

Книжныя новости.

Памятная книжка Владимірской губерніи. Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Подъ редакціей *Н. П. Шипина*. 828 стр. Владиміръ. 1895.—Изданія Владимірскаго статистическаго комитета, благодаря трудамъ его прежнихъ дѣятелей: Артлебена и Тихонравова, пріобрѣли почетную извѣстность. Научнымъ же характеромъ отличается и настоящая „Памятная книжка“, сообщающая массу свѣдѣній историческихъ, географическихъ и статистическихъ, особенно послѣднихъ, со включеніемъ, конечно, обязательнаго справочнаго отдѣла и списка служащихъ во Владимірской губерніи. Начинается книжка съ краткаго „Географическаго очерка Владимірской губерніи“, въ которомъ

---

[1]) Поэтому г. Морфилль, какъ мнѣ кажется, съ большимъ сочувствіемъ относится къ Россіи, чѣмъ къ Польшѣ, и ясно указываетъ на причину, почему поляки, какъ ультрамонтаны и аристократы по своему убѣжденію, не могутъ принять участіе въ возрожденіи православныхъ восточныхъ славянъ. Poland. стр. 308.

[2]) Poland. стр. 350.

Библиотека "Руниверс"

имѣются свѣдѣнія о „мануфактурной дѣятельности", которая особенно возросла за послѣдніе годы: стоимость произведеній, вырабатывающихся на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, въ 1881 г. была 87.861.597 р., а теперь—135.123.532 р. За нимъ идутъ „Краткіе историческіе очерки городовъ Владимірской губерніи", начиная съ губернскаго города, которые, при всей своей краткости, пополняютъ и поправляютъ историческія свѣдѣнія въ извѣстномъ словарѣ П. П. Семенова. Болѣе подробна исторія города Владиміра, къ которой еще приложенъ „хронологическій списокъ событій", совершившихся во Владимірѣ и Владимірскомъ княжествѣ, вплоть до 1895 г. Далѣе помѣщены списки архіереевъ Владиміро-Суздальской епархіи, съ краткими біографическими данными, намѣстниковъ, губернаторовъ, предводителей дворянства и вице-губернаторовъ. Изъ другихъ статей историко-географическаго отдѣла наиболѣе интересны: описаніе священной картины „Плоды страданій Христовыхъ", случайно найденной въ Ново-Козмодеміанскомъ храмѣ, въ городѣ Муромѣ, и относящейся ко второй половинѣ XVII вѣка, когда онѣ только что стали появляться на Руси, и „Пятидесятилѣтіе книжнаго и картиннаго производства фирмы И. А. Голышева". съ біографіей его и довольно полною библіографіей до 1894 г. Въ приложеніи къ этому отдѣлу помѣщены „древніе акты", изъ которыхъ древнѣйшій—„духовная" отъ времени княженія великаго князя Василія II, и позднѣйшій—„благословенная храмозданная грамота о перестройкѣ Вязниковской Введенской церкви", отъ 1764 г. Болѣе всего грамотъ относящихся къ XVII вѣку—17; нѣкоторыя изъ нихъ перепечатаны изъ „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" (за старые годы), другія напечатаны впервые и небольшое число ихъ сопровождается примѣчаніями сообщившихъ гг. Стромилова и Добрынкина. Всего документовъ—25; среди нихъ есть челобитныя, данныя, храмозданныя, разъѣзжія, жалованныя и др. Статистическій отдѣлъ (стр. 127—828), куда входятъ свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ по губерніи, о населеніи, о разныхъ видахъ промышленности, о врачебномъ дѣлѣ, объ учебныхъ заведеніяхъ и т. п., представляетъ хорошій матеріалъ для изученія современнаго состоянія Владимірской губерніи.

Ал. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. II. Кіевъ. 1895.—Года четыре тому назадъ появился первый выпускъ этихъ „Очерковъ" Ал. Лазаревскаго, составленный изъ статей и замѣтокъ, печатавшихся въ „Кіевской Старинѣ" за 1891 г. Содержаніемъ ихъ служила исторія Малороссіи преимущественно XVII и XVIII вѣковъ во всѣхъ ея проявленіяхъ; тутъ были и описанія селъ и селянъ, біографіи малороссійскихъ дѣятелей, письма и т. п. Подобнымъ же разнороднымъ характеромъ отличается и второй выпускъ „Очерковъ", составленный изъ статей, печатавшихся также въ „Кіевской Старинѣ" за 1893—1895 гг. Содержаніемъ его служатъ: 1) „Генеалогическій самообманъ", гдѣ отрицается генеалогическое производство извѣстнаго А. А. Гатцука отъ малороссійской фамиліи Гацуковъ. 2) „Современное письмо (1819) о смерти А. М. Будлянскаго", роднаго племянника гетмана Разумовскаго, извѣстнаго своими богатствами. 3) „Троцины", свѣдѣнія о четырехъ представителяхъ этого рода: Василіѣ, Трофимѣ, Степанѣ и Антонѣ. 4) „Записка о послѣднихъ годахъ жизни графа А. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ" (1818—1822). 5) „Генеральный обозный Василій Каспаро-

Библиотека "Руниверс"

вичъ Борховскій", краткая его біографія съ родословіемъ. 6) „Антонъ Танскій, полковникъ Кіевскій" (1712—1734). 7) „Изъ отношеній Печерской Лавры къ Кіевской митрополіи въ XVIII вѣкѣ",—письмо Кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго къ гетманшѣ Скоропадской о томъ, что Печерскій архимандритъ Романъ Копа будто бы старается въ Москвѣ отторгнуть Гамалѣевскій монастырь отъ Кіевской митрополіи и подчинить Печерской Лаврѣ. Извѣстно, что Лавра постоянно стремилась стать независимою отъ митрополіи. 8) „Опущенная въ печати страница изъ лѣтописи Грабянки", къ стр. 195—196, изд. 1854 г., по приведеніи которой Ал. Лазаревскій поднимаетъ вопросъ о дѣйствительной принадлежности этой лѣтописи Грабянкѣ, не рѣшая его однако. 9) „Дневникъ гетманича Петра Апостола",—нѣсколько небольшихъ отрывковъ, приведенныхъ для образца изъ обширнаго подлинника, обнимающаго время отъ 1725 по 1727 г. и написаннаго на французскомъ языкѣ. 10) „Прежніе изыскатели малороссійской старины", самая большая изъ всѣхъ статей (62 стр.), сообщающая о Яковѣ Мих. Марковичѣ (1776 — 1804) и Ал. Ив. Мартосѣ (1790 — 1842), съ приложеніемъ небольшаго отрывка изъ „Исторіи" послѣдняго (отъ битвы при Батовѣ до подтвержденія Зборовскаго трактата, т III, гл. V, 1652—1653 гг.). 11) „Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 г." и 12) „Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ". Здѣсь нами указаны только болѣе крупныя и интересныя статьи и замѣтки; всѣхъ же ихъ въ выпускѣ—26, изъ нихъ около 7—8 мелкихъ рецензій на книги о Малороссіи.

А. И. Маркевичъ. Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Одесса. 1895.—Давно всѣмъ, занимающимся русскою исторіей, извѣстно, что названный трудъ Котошихина представляетъ собою важнѣйшій памятникъ для изученія бытовой исторіи Россіи, и въ то же время до сихъ поръ нѣтъ въ нашей литературѣ ни полнаго біографическаго очерка автора, ни историко-критическаго изслѣдованія объ его сочиненіи. Встрѣчаются обыкновенно о послѣднемъ только небольшія замѣтки въ общихъ трудахъ, и большею частью наши изслѣдователи пользовались „Сочиненіемъ" безъ всякой критики.—А. И. Маркевичъ взялъ на себя задачу составить, на сколько возможно, полную біографію Котошихина, сводя всѣ имѣющіяся о немъ свѣдѣнія и пополняя ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ своими догадками, напримѣръ, что служба Григорія Карповича въ посольскомъ приказѣ до 1656 г. „считалась хорошею" (стр. 9), что онъ не могъ продать себя шведамъ еще въ 1655—1658 гг. (стр. 10), не былъ пристрастенъ къ шведскимъ порядкамъ (стр. 15), перешелъ въ 1663 г. къ шведамъ исключительно изъ-за денегъ (стр. 17), бѣжалъ въ концѣ лѣта 1664 г., и др. Разказавъ внѣшнюю исторію жизни Котошихина, А. И. Маркевичъ пытается нарисовать и его нравственный образъ и въ заключеніе выясняетъ внѣшнюю исторію „Сочиненія", сопровождая ее указаніемъ обширныхъ библіографическихъ матеріаловъ. Все это составляетъ какъ бы первую часть труда г. Маркевича; во второй дается историко-критическое изслѣдованіе „Сочиненія". Выписавъ содержаніе его по главамъ, упрекнувъ автора въ отсутствіи систематичности и охарактеризовавъ самый слогъ, онъ

Библиотека "Руниверс"

переходитъ къ анализу труда Котошихина, какъ историческаго источника. Хотя г. Маркевичъ останавливался преимущественно на свѣдѣніяхъ Котошихина о мѣстничествѣ, приказахъ, и нѣкоторыхъ другихъ, тѣмъ не менѣе его окончательное сужденіе о трудѣ Григорія Карповича можетъ считаться вполнѣ справедливымъ. Вотъ оно: „Какъ мемуаристъ, Котошихинъ вообще даетъ правильныя свѣдѣнія, но кое-гдѣ у него есть и неточности, и ошибки. Какъ тѣ такъ и другія явились слѣдствіемъ во-первыхъ, того, что онъ писалъ для иностранцевъ..., во-вторыхъ, у него ясно видно стремленіе къ обобщенію немногихъ, иногда даже единичныхъ фактовъ, въ-третьихъ, кое-что, о чемъ писалъ, онъ могъ и не знать, и брать свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, и наконецъ, въ-четвертыхъ, ему могла просто измѣнить память. Однако, эти неточности и ошибки таковы, что ихъ не трудно увидѣть и исправить“ (стр. 180—181). Авторъ высказываетъ надежду, что его трудъ послужитъ „началомъ серьезныхъ штудій“ надъ этимъ источникомъ.

І. Д. Преображенскій и *Н. А. Альбицкій*. Подробная опись 962 рукописямъ начала XVII до начала XIX столѣтія, „Далматовскаго архива“ (Головцынскаго и Куломзинскаго родовъ) съ примѣчаніями. С.-Пб. 1895.—Всѣ документы этого архива подраздѣлены по своему содержанію на 16 отдѣловъ: 1) документы, касающіеся государственной службы (№ 1—17), 2) 18 частныхъ писемъ отъ половины XVIII до начала XIX вѣка (№ 18—35), 3) сговорныя записи и росписи приданому (№ 36—46), 4) выводныя и отпускныя, записи, памяти (№ 47—127), 5) заемныя кабалы, отписи, памяти и векселя (№ 128—147), 6) служилыя кабалы (№ 148—160), 7) поступныя и купчія крѣпости на крѣпостныхъ людей безъ земли (№ 161—175), 8) акты на передачу правъ на недвижимыя имѣнія, населенныя и ненаселенныя (№ 176—209), 9) грамоты: отказныя, послушныя, ввозныя и др. (№ 210—236), 10) выписи изъ писцовыхъ: переписныхъ и межевыхъ книгъ (№ 237—261), 11) квитанціи къ уплатѣ подушныхъ и другихъ государственныхъ сборовъ (№ 262—681), 12) ревизскія сказки (682—688), 13) квитанціи въ пріемѣ по наборамъ рекрутъ, работниковъ и драгунскихъ лошадей (№ 689—741), 14) поколѣнныя росписи (№ 742—746), 15) челобитныя, мировыя и др. (№ 746—868), и 16) по разнымъ предметамъ (№ 869—953). Наибольшее значеніе эти документы имѣютъ, конечно, для мѣстной исторіи: въ нихъ упоминается о 3.000 лицахъ и о 2.000 географическихъ названіяхъ почти за 300-лѣтній періодъ, въ предѣлахъ двухъ уѣздовъ: Костромскаго и Кинешемскаго. Затѣмъ они не лишены нѣкотораго и обще-историческаго значенія; изъ нихъ мы узнаемъ, напримѣръ, въ какихъ годахъ и въ какихъ приказахъ дѣйствовали 62 дьяка; какими приказами и когда именно завѣдывали 14 бояръ и окольничихъ, о времени воеводствованія 72 воеводъ, о способѣ взиманія до 40 разныхъ видовъ государственныхъ сборовъ и повинностей (изъ 422 квитанцій), и наконецъ, почти изъ каждаго документа можно извлечь данныя о старинномъ бытѣ помѣщиковъ и крестьянъ, о системѣ сельскаго хозяйства, порядкѣ отправленія правительственными органами своихъ обязанностей, о судебныхъ порядкахъ и т. п. Въ приложеніи помѣщены: 1) азбучный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ описанныхъ рукописяхъ, 2) такой же указатель географическій, 3) списокъ дьякамъ Помѣстнаго и другихъ приказовъ, упоминаемымъ въ актахъ, 4) та-

Библиотека "Руниверс"

кой же списокъ боярамъ, вѣдавшимъ приказами, 5) такой же списокъ костромскимъ губнымъ старостамъ, 6) такой же списокъ воеводамъ въ Костромѣ и въ другихъ городахъ, 7) родословная роспись князей Мещерскихъ и 8) родословная костромскихъ дворянъ Куломзиныхъ. Послѣднія двѣ появляются въ столь полномъ видѣ впервые въ печати; составлены онѣ вмѣстѣ съ введеніемъ Н. Н. Селифонтовымъ, предсѣдателемъ Костромской губернской ученой архивной коммиссіи, которой принадлежитъ и самое изданіе „Подробной описи".

А. М. Мироновъ. Картины загробной жизни въ греческой живописи на вазахъ. Москва. 1895. (Изъ „Ученыхъ Записокъ" Московскаго университета) — Разсмотрѣніемъ содержанія картинъ загробной жизни на вазахъ западноевропейскіе ученые занимаются уже давно, но всѣ ихъ работы, даже самая обширная изъ нихъ A. Winkler'a—„Die Darstellungen der Unterwelt auf unteritalischen Vasen" (1888 г.), весьма не полны по объему содержанія, захватывая только нѣсколько вазъ. Кромѣ того, они совершенно игнорировали изслѣдованіе сказаній о загробной жизни въ письменныхъ памятникахъ, что существенно необходимо для разъясненія истиннаго содержанія картинъ. Г. Мироновъ, желая пополнить этотъ пробѣлъ, рѣшился въ своемъ изслѣдованіи, во-первыхъ, разсмотрѣть представленія греческаго народа о загробной жизни въ цѣломъ рядѣ эпохъ и въ самыхъ разнообразныхъ письменныхъ памятникахъ, исключая философскихъ разсужденій, и затѣмъ изслѣдовать „всѣ извѣстныя въ настоящее время картины на вазахъ". Поэтому и все содержаніе книги распадается на двѣ части; въ первой, состоящей изъ двухъ главъ, говорится о представленіяхъ греческаго народа о загробной жизни, которыя встрѣчаются у Гомера, Гезіода, въ мистеріяхъ, у Пиндара, Эсхила, Софокла, Еврипида, Платона, Аристофана и Лукіана, а во второй разсматриваются самыя картины. Авторъ разсматриваетъ группы картинъ: 1) гдѣ главнымъ сюжетомъ является *посѣщеніе преисподней Одиссеемъ*; 2) гдѣ преисподняя воспроизводится въ связи съ событіями *посѣщенія ея Орфеемъ и Гераклом*ъ, 3) однимъ *Орфеемъ*, 4) *Тезеемъ и Пейрифоемъ*, 5) однимъ *Гераклом*ъ, 6) гдѣ преисподняя изображается въ связи съ *истребованіемъ Персефоны отъ Аида*, 7) изображаетъ *наказаніе Данаидъ*, 8) Сизифа, 9) сцены загробнаго суда надъ душею умершаго и 10) сцены прибытія душъ умершихъ къ подземному озеру въ сопровожденіи Гермеса Психопомпа или безъ него, для переправы ихъ въ лодкѣ Харона. Въ „Заключеніи" авторъ приходитъ между прочимъ къ слѣдующимъ выводамъ: „греческій художникъ не создаетъ ни одной картины загробной жизни въ ея безличномъ, общемъ содержаніи"... „Онъ примыкаетъ непосредственно къ тѣмъ миѳамъ, которые извѣстны всему народу; пишетъ свои картины согласно тѣмъ, хорошо извѣстнымъ каждому изъ народа представленіямъ, которыя составляютъ въ то же время и его собственныя воззрѣнія на данный предметъ". У него „каждое изъ дѣйствующихъ лицъ имѣетъ ясно установленное миѳологическое содержаніе, играетъ въ цѣломъ свою строго опредѣленную роль, а съ внѣшней стороны получаетъ въ воображеніи народа, а затѣмъ и въ искусствѣ, свои болѣе или менѣе точно обозначенныя формы, по которымъ всякій имѣетъ возможность легко узнать это лицо среди всей массы другихъ" (211 стр.). „Изображенія загробной жизни на вазахъ имѣютъ

Библиотека "Руниверс"

характеръ, чуждый какихъ бы то ни было устрашающихъ цѣлей" (214 стр.), и „не выходящій изъ принципа красоты выраженія" (216 стр.). Это обстоятельное археологическое изслѣдованіе, свидѣтельствующее о большой начитанности автора въ западно-европейской литературѣ, въ области его предмета съ интересомъ можетъ быть прочтено и не спеціалистомъ, благодаря легкому и живому языку.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, поступили слѣдующія книги:

— Русскій біографическій словарь. — Томъ I. — Ааронъ — Императоръ Александръ II.—Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго историческаго общества *А. А. Половцова*.—С.-Пб. 1896.

— *Сергѣевичъ, В.* — Русскія юридическія древности. — Томъ второй. Власти.—Выпускъ второй. Совѣтники князя.—С.-Пб. 1896.

— *Филевичъ, И.*—Исторія древней Руси.—Томъ 1.—Территорія и населеніе.—Варшава. 1896.

— *Зѣлинъ, Л. Ѳ.*—Русскіе врачевники.—Изслѣдованіе въ области нашей древней врачебной письменности. (Памятники древней письменности. CXII). С.-Пб. 1896.

— Сказаніе о самозванцѣ по списку Московскаго Публичнаго музея № 3141.—Сообщеніе *С. Ѳ. Платонова* (Памятники древней письменности. CIX). С.-Пб. 1895.

— Поступки и забавы Императора Петра Великаго. (Запись современника).—Сообщеніе *В. В. Майкова*. (Памятники древней письменности. CX). С.-Пб. 1895.

— *Покровскій, Н. В.*—Сійскій иконописный подлинникъ. Выпускъ. II.—(Памятники древней письменности. CXIII). С.-Пб. 1896.

— *Александренко, В. Н.*—Къ біографіи князя А. Д. Кантемира.—Варшава. 1896.

— *Бороздинъ, А. К.*—Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія.—Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ.—С.-Пб. 1896.

— Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе.—Чтеніе *В. Оствальда*, профессора Лейпцигскаго университета, на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Любекѣ въ сентябрѣ 1895 г. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. С. Дрентельна*. С.-Пб. 1896.

— *Вундтъ, В.*—Индивидуумъ и общество. Рѣчь, произнесенная 23-го апрѣля 1891 г. въ Лейпцигскомъ университетѣ.—С.-Пб. 1896.

— Астрономія въ общепонятномъ изложеніи *С. Ньюкомба* и *Р. Энгельмана*, дополненная *Г. Фогелемъ*, директоромъ астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ.—Переводъ то 2-го изданія *Н. С. Дрентельна*.—Выпускъ IV.—Цѣна 1 р. 40, цѣна полнаго сочиненія 6 р.—С.-Пб. 1896 Изданіе *К. Л. Рикера*.

Библиотека "Руниверс"

— Великорусскія народныя пѣсни.—Изданы профессомъ *А. И. Соболевскимъ*.—Томъ II.—С.-Пб. 1896.

— Каталогъ русской исторической и археологической библіотеки *Н. Бокачева*. Томъ II. Выпускъ I.—Географическія карты Россіи XV—XIX столѣтія. — С.-Пб. 1896.

— То же, вып. II. Исторія русскихъ земель и городовъ.—С.-Пб. 1896.

— *Шумаковъ, Сергѣй*.—Тверскіе акты. Выпускъ I. Акты 1506—1647 гг. (Изданіе Тверской ученой архивной коммиссіи). Тверь. 1896. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Рычковъ, П. И.*—Исторія Оренбургская (1730—1750).—Изданіе Оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета.—Подъ редакціей и съ примѣчаніями *И. М. Гутьяра*, секретаря комитета.—Оренбургъ. 1896. Цѣна 75 к.

— *Бокъ. В. Г.*—О коптскомъ искусствѣ. Бронзовый коптскій сосудъ.—С.-Пб. 1895.

— *Медвѣдевъ, Ѳ.*—Комнатное цвѣтоводство.—Руководство для любителей.—(Полезная библіотека).—С.-Пб. 1895.

— Βυζαντίνα χρονικά.—Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей *В. Г. Васильевскаго* и *В. Э. Регеля*. Томъ III. Вып. 1. С.-Пб. 1896. Содержаніе: Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI вѣка, *Ю. Кулаковскаго*.—Подложная дарственная грамота Константина В. папѣ Сильвестру, *А. Павлова*.—Авары, а не русскіе, Ѳеодоръ, а не Григорій, *В. Васильевскаго*. — О тайной Исторіи Прокопія, *Б. Панченко*.—Къ исторіи Охридской и Ипекской патріархіи, *А. Пападопуло-Керамевса*.—Хрисовулъ императора Алексѣя Комнина, *В. Васильевскаго*.—Критика—рецензіи *П. Безобразова, А. Дмитревскаго, А. Щукарева*.—Библіографія.—Мелкія замѣтки и извѣстія.

— Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 97-й.—Политическая переписка Императрицы Екатерины II.—Часть шестая.—1769—1771.—С.-Пб. 1896.

— Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1894—1895 года, съ приложеніями, прибавленіемъ денежнаго отчета и бюджета (Памятники древней письменности. CXI). С.-Пб. 1895.

— Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1894—1895 г., XVII годъ.—С.-Пб. 1896.

— X Археологическій съѣздъ въ городѣ Ригѣ съ 1-го по 2-е августа 1896 года.—Составъ предварительнаго комитета, правила съѣзда и запросы, заявленные къ съѣзду.—Москва. 1895.

— Собраніе сочиненій Генрика Ибсена. Томъ I.—Изданіе *Юровскаго*. С.-Пб. 1896.

— *Успенскій, Д. М.*, д-ръ медицины.—Органотерапія.—Цѣлебныя свойства органовъ животныхъ. Новые способы леченія болѣзней по методу *Brown-Séquard'a*.—С.-Пб. 1896.

Библиотека "Руниверс"

ОТЧЕТЪ ГРАФА П. А. КАПНИСТА О ПОѢЗДКѢ, СОВМѢСТНО СЪ ПРОФЕССОРОМЪ ШВАРЦЕМЪ, ЛѢТОМЪ 1894 ГОДА ВЪ ГЕРМАНІЮ И ФРАНЦІЮ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ НѢКОТОРЫМИ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНІЯМИ ЭТИХЪ СТРАНЪ [1]).

Для ознакомленія съ успѣхами учениковъ по родному языку и съ общимъ ихъ развитіемъ, мною прочитаны были сочиненія, писанныя на Zwischenexamen, о которыхъ я уже упоминалъ, говоря о гимназіи Принца Генриха, и сочиненія, писанныя на экзаменѣ зрѣлости въ оба срока, весенній и осенній, 1894 года.

На экзаменѣ зрѣлости сочиненія были писаны на темы: „Ist es berechtigt dass Schakespear seine Tragödie „Julius Caesar" genannt hat" и „Wodurch ist Schiller der Lieblingsdichter des deutschen Volkes geworden".

На первую тему было написано 10 сочиненій; изъ нихъ два получили высшую отмѣтку (sehr gut), 7 среднюю (genügend) и одно неудовлетворительную отмѣтку. Отмѣтки выставлены чрезвычайно строго. Двѣ работы первой категоріи можно считать дѣйствительно образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ, какъ по планамъ (совершенно различнымъ), по которымъ они написаны, такъ равно и по содержанію и по формѣ, которая отличается простотою и изяществомъ. Оба эти сочиненія доказываютъ весьма высокое умственное развитіе авторовъ, вкусъ и познанія. Въ сжатую форму они сумѣли вложить большое содержаніе и, путемъ весьма удачныхъ сравненій трагедій Шекспира съ другими извѣстными литературными произведеніями, выказать значительную начитанность и тонкое пониманіе сочиненій, на которыя они ссылались. Изъ семи сочиненій, получившихъ только

[1]) *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

удовлетворительныя отмѣтки, три сочиненія, по моему крайнему разумѣнію, заслуживали бы высшей отмѣтки, какъ по обдуманности плана, такъ и по содержанію. Изъ рецензій видно, что по отношенію къ одному сочиненію отмѣтка была понижена за то, что одна фраза оказалась въ немъ неудачною; учитель не нашелъ, однако, возможнымъ счесть ее неправильною и назвалъ ее только неуклюжею (unbeholfen). Въ другомъ изъ этихъ сочиненій встрѣтилась одна стилистическая ошибка, а въ третьемъ одинъ періодъ длиненъ и запутанъ. Я увѣренъ, что въ лучшихъ изъ нашихъ заведеній подобныя сочиненія были бы отмѣчены балломъ 5, да и во многихъ нѣмецкихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ реальныхъ гимназіяхъ, они, несомнѣнно, получили бы высшую отмѣтку. Остальныя сочиненія этой категоріи слабѣе первыхъ, но тѣмъ не менѣе заслуживали бы большаго одобренія (по нашимъ оцѣнкамъ между 4 и 5). Наконецъ неудовлетворительное сочиненіе грѣшитъ бѣдностью мысли и напыщенностью изложенія, хотя, впрочемъ, оно написано правильнымъ языкомъ и не заключаетъ въ себѣ никакихъ грубыхъ ошибокъ по отношенію къ существу темы. Думаю, что и оно въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ заслужило бы удовлетворительную отмѣтку.

На вторую тему написано 16 сочиненій, которыя исполнены столь же удачно, какъ и сочиненія на первую тему. Оцѣнка столь же строга, и тѣмъ не менѣе 4 сочиненія получили отмѣтку „sehr gut“ и только одно отмѣчено „ungenügend“. На меня произвело особенно хорошее впечатлѣніе то, что авторы всѣхъ сочиненій сумѣли избѣгнуть напыщенности мысли и высокопарности изложенія, не смотря на то, что тема легко могла подать къ этому поводъ. Вообще простота изложенія и ясность и трезвость, если можно такъ выразиться, мысли составляютъ отличительную черту сочиненій абитуріентовъ гимназіи „Zum Grauen Kloster“.

Относительно французскаго языка гимназія „Zum Grauen Kloster“ ставитъ себѣ главною задачею—довести учениковъ до того, чтобы они могли свободно читать и понимать по-французски, претензій же научить писать по-французски гимназія не имѣетъ, въ виду чего письменныя упражненія заключаются преимущественно въ переводахъ съ французскаго языка на нѣмецкій, при чемъ въ старшихъ классахъ (начиная съ Unter Secunda) ученики переводятъ хорошо, т. е. точно и правильнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Письменныя же работы на французскомъ языкѣ имѣютъ чисто дидактическую цѣль: укрѣпить въ ученикахъ самыя элементарныя правила грамматики. Что касается до устныхъ упражненій, то они практикуются

Библиотека "Руниверс"

для того, чтобы ученики при чтеніи пріобрѣли сносное произношеніе. Чтеніе ведется чисто практически: стараются прочесть какъ можно больше, ограничиваясь по отношенію къ грамматикѣ только крайне необходимымъ.

Оба учителя французскаго языка, на урокахъ у которыхъ я присутствовалъ, прекрасно владѣли языкомъ. Въ Unter Prima (по нашему счету 8 кл.) ученики читали и прекрасно переводили Виктора Гюго, а затѣмъ имъ былъ заданъ переводъ Мольера. Наконецъ преподаватель разрѣшилъ мнѣ, по моей просьбѣ, взять въ библіотекѣ, помѣщавшейся рядомъ съ классомъ, любую французскую книгу и предложить ученикамъ прочесть что либо изъ нея. Я взялъ первыя попавшіяся мнѣ двѣ книги, а именно Токвиль L'ancien régime et la révolution и физику Пулье, и предложилъ нѣсколькимъ ученикамъ прочесть и перевести указанныя мною мѣста. Семь или восемь учениковъ, вызванныхъ мною по собственному моему, слѣдовательно совершенно случайному, выбору, читали съ весьма недурнымъ произношеніемъ и съ полнымъ пониманіемъ прочитаннаго. Всѣ они были въ состояніи точно передать содержаніе бѣгло прочитаннаго отрывка, а равно перевести его.

Письменныя работы по французскому языку, исполненныя на экзаменѣ зрѣлости, заключавшіяся въ переводѣ съ французскаго на нѣмецкій языкъ, оказались вообще удовлетворительными.

Опытъ этотъ подтвердилъ уже сложившееся у меня ранѣе убѣжденіе, что при умѣломъ преподаваніи, даже при томъ числѣ уроковъ, которое положено въ нѣмецкихъ гимназіяхъ на преподаваніе французскаго языка (число уроковъ по французскому языку въ прусскихъ гимназіяхъ то же, какъ и у насъ, т. е. 19 въ теченіе всего курса), вполнѣ возможно довести учениковъ до умѣнья читать и понимать любую книгу, писанную на французскомъ языкѣ.

Относительно преподаванія математики я прежде всего долженъ повторить общее замѣчаніе, что, очевидно, математика вообще дается нѣмецкимъ ученикамъ (во всякомъ случаѣ въ сѣверной Германіи) довольно туго, а потому преподаваніе этого предмета подвигается медленно, и рѣдко встрѣчается живость отвѣтовъ, быстрота соображенія и бойкое рѣшеніе задачъ.

Въ гимназіи „Zum Grauen Kloster“ преподаваніе математики носитъ, какъ и въ другихъ прусскихъ гимназіяхъ, отпечатокъ медлительности и кропотливости, тѣмъ не менѣе результаты въ общемъ нельзя не признать удовлетворительными. На урокахъ, на которыхъ

Библиотека "Руниверс"

я присутствовалъ (въ Ober Tertia, по нашему счету 5-й классъ) и въ Unter Prima (8-ой классъ) дѣло велось серьезно, учителя внимательно относились къ своимъ обязанностямъ, а ученики работали усердно и аккуратно.

Учебниковъ по математикѣ въ гимназіи „Zum Grauen Kloster“ подобно тому, какъ въ большей части нѣмецкихъ гимназій, почти не употребляется. Теоремы и общія положенія устно излагаются учителями и объясняются у доски, а ученики записываютъ за учителемъ, и записки эти замѣняютъ имъ учебники, которые затѣмъ примѣняются, и то не всегда, лишь при прохожденіи тригонометріи. Для упражненія же учениковъ въ пройденномъ имѣются задачники, являющіеся такимъ образомъ почти единственнымъ учебнымъ пособіемъ. Въ младшихъ классахъ учителя почти всегда диктуютъ то, что ученики должны записать, но уже въ Unter Tertia (по нашему счету 4-й классъ) диктованіе прекращается, и учитель ограничивается тѣмъ, что произноситъ съ удареніемъ и нѣсколько медленнѣе то, на что ученики должны обратить вниманіе. Записываютъ ученики большею частью очень чисто и аккуратно, при чемъ записки ихъ не представляютъ собою буквальнаго воспроизведенія сказаннаго учителемъ, а скорѣе являются обстоятельнымъ конспектомъ, который въ случаѣ надобности дополняется дома.

Въ гимназіи Zum Grauen Kloster записки ведутся хорошо. Учителя отъ времени до времени останавливаются въ объясненіяхъ и заставляютъ учениковъ прочесть, что записано. Встрѣчаемыя неточности или ошибки исправляются или классомъ, или учителемъ, такъ что надъ веденіемъ записокъ существуетъ достаточный контроль, обезпечивающій вѣрность содержанія. Учителя равнымъ образомъ обращаютъ большое вниманіе на то, чтобы записки были ведены на правильномъ нѣмецкомъ языкѣ, и при мнѣ нѣкоторые ученики получили строгія внушенія за записки, вѣрныя по отношенію къ математикѣ, но неудовлетворительныя по нѣмецкому изложенію.

Вообще веденіе учениками записокъ весьма распространено въ Германіи по всѣмъ почти предметамъ и признается не только полезнымъ, но и необходимымъ упражненіемъ. На урокахъ древнихъ языковъ при толкованіи авторовъ, при исправленіи письменныхъ работъ и т. п. ученики всегда дѣлаютъ замѣтки, которыя тщательно хранятъ, какъ важное дополненіе къ руководствамъ и учебникамъ. По математикѣ же веденіе записокъ прямо обязательно, и онѣ ведутся рѣшительно всѣми учениками.

Библиотека "Руниверс"

Въ гимназіи Zum Grauen Kloster я разсматривалъ записки нѣкоторыхъ учениковъ старшихъ классовъ и нашелъ, что всѣ онѣ ведутся удовлетворительно, а нѣкоторыя записки составляютъ прекрасные конспекты по курсу математики.

Уровень требованій, предъявляемыхъ къ учащимся при окончаніи курса, можно лучше всего уяснить себѣ изъ прилагаемыхъ задачъ, рѣшавшихся на экзаменѣ зрѣлости въ 1893 году, но при этомъ нельзя не замѣтить, что оцѣнка экзаменаціонныхъ работъ по математикѣ вообще снисходительна, и общій удовлетворительный баллъ выводится, напримѣръ, нерѣдко и въ такихъ случаяхъ, когда часть работъ (по тому или другому отдѣлу) исполнена совершенно неудовлетворительно или даже вовсе не исполнена [1]).

Преподаваніе физики въ гимназіи Zum Grauen Kloster самое заурядное. Физическій кабинетъ довольно бѣденъ; преподаватель вялъ, но, тѣмъ не менѣе, ученики знаютъ курсъ довольно твердо и даютъ отчетливые отвѣты на массу летучихъ вопросовъ, которые имъ предлагаются. Вообще курсъ проходится довольно кратко и, какъ мнѣ показалось, кратче, чѣмъ то требуется программою, такъ что ученики выносятъ изъ гимназіи, повидимому, лишь самыя элементарныя свѣдѣнія, хотя правда довольно твердыя, насколько я могъ судить по двумъ урокамъ, изъ которыхъ, впрочемъ, одинъ учителемъ былъ обращенъ, вѣроятно ради меня, почти что въ экзаменъ.

Преподаваніе *естествовѣдѣнія* въ младшихъ классахъ ведется живо, имѣя главною цѣлью развитіе наблюдательности и не гоняясь за обширностью пріобрѣтаемыхъ учениками свѣдѣній. Въ теченіе урока ботаники, напримѣръ, разбиралось при мнѣ и обыкновенно разбирается, какъ мнѣ говорилъ учитель, одно, много два растенія, такъ что общее число растеній, видовъ и семей, съ которыми знакомятся ученики, очень не большое, но растеніе, которое составляетъ предметъ урока, разсматривается подробно, при чемъ главное вниманіе обращено на то, чтобы ученики умѣли вѣрно и ясно описать то, что видятъ, найдти указанныя имъ учителемъ характерныя особенности растенія и т. п. Учитель въ гимназіи Zum Grauen Kloster очень хорошій, любитъ свой предметъ, прекрасно и понятно излагаетъ его, дополняя свои объясненія рисунками, которые онъ мастерски чертилъ на доскѣ, и указаніями на живыя растенія, которыя здѣсь,

[1]) См. приложеніе II, лит. б.

Библиотека "Руниверс"

какъ и во всѣхъ прусскихъ школахъ, всегда доставляются къ уроку по мѣрѣ надобности и по числу учениковъ.

Урокъ исторіи, на которомъ я присутствовалъ въ гимназіи Zum Grauen Kloster въ Ober Tertia, былъ скорѣе экзаменомъ, устроеннымъ въ мою честь, чѣмъ урокомъ. Ученики выказали весьма твердыя знанія по пройденному курсу (исторія Германіи отъ реформаціи до восшествія на престолъ Фридриха Великаго).

Вообще въ нѣмецкихъ гимназіяхъ болѣе подробно изучается исторія Греціи и Рима и новѣйшее время, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на отечественную исторію, остальные же отдѣлы исторіи проходятся весьма кратко.

Употребляются, какъ учебныя пособія, очень краткіе учебники, содержаніе коихъ почти что сводится къ хронологіи. Эти учебники (Leitfaden, а не Lehrbuch) выучиваются почти что наизусть. Но помимо этого центръ тяжести преподаванія лежитъ не въ учебникѣ, а въ устномъ преподаваніи въ классѣ, при чемъ ученики (даже въ Tertia) обязаны, слушая учителя,—вкратцѣ, отнюдь не дословно и не стенографируя,—записывать урокъ, каковыя записки и пополняютъ учебникъ. Учитель, спрашивая учениковъ, предлагаетъ вопросы не только въ предѣлахъ учебника, но и изъ того, что должно было быть записано у учениковъ.

Ученики гимназіи Zum Grauen Kloster, какъ впрочемъ и въ другихъ гимназіяхъ, справляются съ записываніемъ вполнѣ удовлетворительно, хотя не доходятъ въ этой работѣ до виртуозности, которая, какъ я буду имѣть случай указать впослѣдствіи, достигается во французскихъ лицеяхъ.

Другая гимназія, того же характера, какъ и Zum Grauen Kloster, посѣщенная нами, была гимназія Фридриха-Вильгельма въ Кёльнѣ.

Гимназія эта уже много лѣтъ находится подъ управленіемъ извѣстнаго директора Іегера, открытаго противника всѣхъ новшествъ, введенныхъ послѣднею реформою. Директоръ Іегеръ не скрываетъ своихъ взглядовъ и горько жалуется на установленіе Abschlussprüfung въ Unter Secunda (6-ой классъ) и на сокращеніе числа уроковъ по древнимъ языкамъ и, въ видахъ поддержанія грамматическаго преподаванія на прежнемъ уровнѣ, допускаетъ во ввѣренной ему гимназіи значительно большее число письменныхъ упражненій, чѣмъ то предписано новыми учебными планами, а именно требуетъ, чтобы письменные переводы дѣлались еженедѣльно, а не разъ въ двѣ недѣли, какъ то положено правилами, а затѣмъ и при чтеніи авторовъ,

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ, въ среднихъ классахъ при чтеніи Цезаря, учителя охотно останавливаютъ вниманіе учениковъ на грамматическихъ явленіяхъ. Особенностью, однако, этой гимназіи является преимущественное обращеніе вниманія на синонимику. Какъ извѣстно изъ сочиненій Іегера, самъ онъ придаетъ изученію ея особенное значеніе, учителя же Кёльнской гимназіи въ этомъ отношеніи вполнѣ находятся подъ его вліяніемъ.

Замѣтить это можно было уже въ Unter Secunda (6-ой классъ), гдѣ преподаваніе находилось въ рукахъ одного изъ лучшихъ учителей школы, доктора Корницера. На урокѣ, на которомъ присутствовалъ профессоръ Шварцъ, учитель дѣлалъ переводъ на латинскій языкъ, пользуясь книгой Зюпфле [1]). Порядокъ урока былъ такой. Сначала учитель роздалъ ученикамъ тетради со сдѣланною ими дома работой, при чемъ вкратцѣ указалъ на выраженія и обороты, которые невѣрно ими были переведены, и которые требовалось исправить, а затѣмъ задалъ урокъ къ слѣдующему дню (начиная съ послѣдней фразы 119 № почти до конца № 120). Задавая урокъ, онъ, однако, перечелъ каждую фразу по-нѣмецки и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ ожидалъ ошибокъ со стороны учениковъ или при подысканіи слова въ словарѣ, или при справкахъ въ грамматикѣ, онъ или прямо указывалъ на слово или на оборотъ, требуемый въ данномъ мѣстѣ, или же выспрашивалъ у учениковъ извѣстное имъ уже правило, указывая, какъ его должно примѣнить въ извѣстномъ случаѣ. Урокъ закончился переводомъ, безъ чтенія нѣмецкаго текста прямо по-латыни разобраннаго ранѣе отрывка, при чемъ опять таки синонимикѣ было отведено главное мѣсто.

На урокѣ въ 01 у самого директора было то же самое. Разбирая поданный учениками переводъ на латинскій языкъ составленнаго имъ самимъ отрывка, онъ прежде всего старался обратить ихъ вниманіе на правильное пользованіе отдѣльными извѣстными словами и только очень рѣдко останавливался на какомъ либо грамматическомъ объясненіи, по большей части въ этомъ случаѣ обращая ихъ къ учебнику. При переводѣ ex tempore по Зюпфле (о лошади Сея, № 158), съ которымъ ученики, впрочемъ, справлялись очень недурно, опять таки значеніе отдѣльныхъ выраженій было главною темой разъясненій Іегера и на такія разъясненія онъ былъ, пожалуй, черезчуръ щедръ.

[1]) Aufgaben zu lateinischen Stilübungen, zweiter Theil.

Библиотека "Руниверс"

Очевидно. что въ Кёльнской гимназіи уроки подобнаго характера процвѣтаютъ; уроки же по экзегезѣ писателей не представляли особаго интереса.

Профессоръ Шварцъ былъ на урокѣ Цезаря въ Unter Tertia и на урокѣ Гомера въ Unter Secunda. И тотъ, и другой прошли довольно вяло. По Цезарю сначала былъ сдѣланъ грамматическій разборъ приготовленнаго учениками отрывка (1 кн. г. 5 de bello gall.). затѣмъ далѣе при помощи учителя разобраны были трудности еще одной главы (6-ой), а послѣ этого сначала обѣ главы по частямъ были переведены отдѣльными учениками и подъ конецъ однимъ ученикомъ данъ былъ связный переводъ обѣихъ главъ прямо по-нѣмецки. безъ чтенія латинскаго текста. При этомъ заключительномъ переводѣ учитель присоединилъ нѣсколько замѣчаній по реаліямъ и довольно поверхностно заставилъ пересказать содержаніе обѣихъ главъ. Такъ мало-по-малу онъ прочитываетъ назначенный на семестръ pensum, но профессоръ Шварцъ не думаетъ, чтобы ученикамъ это довольно сухое чтеніе доставляло особое удовольствіе. Урокъ по Гомеру велся очень опытнымъ преподавателемъ проф. Штейномъ, но или потому, что классъ былъ случайно изъ плохихъ, или потому, что, по обычаю нѣмецкаго преподаванія, учитель плохо довѣрялъ сообразительности нѣмецкихъ мальчиковъ (это замѣтно въ Германіи повсюду), только цѣлый часъ былъ посвященъ разъясненію правилъ о цезурахъ въ стихахъ. Преподаватель не только обстоятельно разказывалъ эти несложныя правила, не только заставлялъ отдѣльныхъ учениковъ повторять ихъ; но послѣ того, какъ. повидимому, весь классъ уже успѣлъ заучить эти правила наизусть, онъ еще заставилъ записать ихъ въ тетрадки, диктуя по книжкѣ Бамберга, которую, казалось бы, нетрудно было бы, въ виду ея дешевизны, предложить ученикамъ купить. Подъ конецъ были прочитаны 10 стиховъ изъ VI пѣсни Одиссеи сначала второгодниками, а потомъ всѣмъ классомъ хоромъ, и на этомъ окончился урокъ.

Неохота, съ которою гимназія Фридриха-Вильгельма отнеслась къ послѣднимъ преобразованіямъ, не могла не отозваться на экзаменаціонныхъ работахъ абитуріентовъ.

Іегеръ всегда былъ противникомъ замѣны латинскихъ сочиненій переводами съ роднаго языка на латинскій, а потому, вѣроятно, ученики его до введенія реформы мало упражнялись въ этихъ переводахъ; вслѣдствіе этого работы, исполненныя на испытаніяхъ зрѣлости въ 1893 году, оказались далеко неудачными, въ чемъ легко убѣ-

Библиотека "Руниверс"

даться изъ прилагаемыхъ при семъ нѣсколькихъ переводовъ учениковъ гимназіи Фридриха-Вильгельма [1]).

Соглашаясь вообще съ мнѣніемъ Іегера, которое раздѣляютъ и лучшіе директора прусскихъ гимназій, что грамматическія упражненія и переводы съ роднаго языка на древніе необходимо продолжать въ теченіе всего курса (что, впрочемъ, въ ограниченныхъ размѣрахъ требуется и новыми прусскими учебными планами), и полагая, что подобныя упражненія, если они поставлены въ должныя границы, совершенно необходимы для успѣшнаго и плодотворнаго чтенія авторовъ, я думаю, однако, что директоръ Іегеръ, увлекаясь своею борьбою за старые порядки, заходитъ слишкомъ далеко, и что рекомендуемыя имъ односторонніе грамматическія занятія не должны имѣть того преобладающаго значенія, которое онъ имъ придаетъ, а должны занимать хотя важное, но служебное положеніе.

Въ этомъ отношеніи мои симпатіи склоняются въ пользу гимназіи Zum Grauen Kloster, въ которой установлено большее равновѣсіе между различными родами упражненій по древнимъ языкамъ.

По нѣмецкому языку мною разсмотрѣны были 32 сочиненія абитуріентовъ 1893 г., писанныя на тему: Lobst du Athen? Ganz recht! Doch halt auch Sparta in Ehren. Изъ нихъ одно отмѣчено балломъ: отлично (sehr gut); 10 хорошо (gut); 19 удовлетворительно и 2 неудовлетворительно.

По качеству сочиненія не уступаютъ работамъ абитуріентовъ гимназіи Zum Grauen Kloster. Отмѣтки выставлены чрезвычайно строго. Изъ 10 сочиненій, по-моему, 2 заслуживали бы высшей отмѣтки, и изъ рецензій мнѣ осталось не яснымъ, почему они не получили таковой. Изъ 19 сочиненій, получившихъ отмѣтку genügend, 9 положительно заслуживали бы баллъ gut. Отмѣтки, какъ видно изъ рецензій, понижены за ничтожныя стилистическія погрѣшности. Всѣ сочиненія, кромѣ двухъ неудовлетворительныхъ, доказываютъ, кромѣ полнаго владѣнія роднымъ языкомъ, самостоятельность мысли авторовъ, такъ какъ они написаны по весьма разнообразнымъ, но хорошо обдуманнымъ планамъ (о планахъ говорится въ рецензіяхъ, но не всѣ были приложены къ сочиненіямъ, присланнымъ мнѣ), доказываютъ начитанность относительно всего, что касается Греціи, и способность абитуріентовъ правильно оцѣнить и сопоставить факты и сдѣлать изъ нихъ логическій выводъ. Оба неудовлетворительныя

[1]) См. приложеніе I, рубрика 4.

Библиотека "Руниверс"

сочиненія дѣйствительно плохи. Одно изъ нихъ писано ученикомъ, который перебывалъ во многихъ гимназіяхъ и попалъ въ Кёльнъ только въ Ober II (по нашему счету 7-й классъ); неудовлетворительность другаго сочиненія объясняется въ рецензіи робостью ученика и крайнимъ его смущеніемъ на экзаменѣ, при чемъ преподаватель удостовѣрилъ, что въ году онъ писалъ сочиненія гораздо лучше и даже получалъ отмѣтки „gut". Этому ученику выданъ аттестатъ.

Преподаваніе французскаго языка стоитъ въ Кёльнской гимназіи Фридриха-Вильгельма почти на томъ же уровнѣ, какъ и въ гимназіи Zum Grauen Kloster, съ тою только разницею, что при чтеніи слышится болѣе сильный акцентъ, чѣмъ у берлинскихъ учениковъ, что, вѣроятно, происходитъ отъ того, что внѣ школы они вовсе не слышатъ французскаго языка, въ то время какъ въ Берлинѣ встрѣчаются семьи, въ которыхъ есть французы или француженки, гувернеры или гувернантки.

Преподаваніе математики идетъ въ гимназіи Фридриха-Вильгельма успѣшнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ гимназіяхъ, что̀ объясняется, повидимому, тѣмъ, что она преподается двумя превосходными преподавателями.

Общія требованія, которыя должны выполнить абитуріенты гимназіи, лучше всего видны изъ прилагаемыхъ при семъ задачъ, предложенныхъ для рѣшенія на испытаніяхъ зрѣлости 1893 года.

Общее впечатлѣніе, выносимое изъ гимназіи Фридриха-Вильгельма, значительно портится тѣмъ, что въ ней рѣзко выступаютъ послѣдствія переходнаго положенія, вызваннаго недавнею реформою. Школа, очевидно, не приноровилась къ новымъ порядкамъ, не довольна ими и находится въ состояніи неопредѣленнаго колебанія.

Перейду теперь къ третьему изъ указанныхъ мною въ началѣ настоящаго отчета типу гимназій, а именно вновь учреждаемой директоромъ Рейнгартомъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ городской гимназіи das Städtische Gymnasium zu Frankfurt am Main.

Гимназія эта находится пока еще въ стадіи формаціи. Она постепенно выдѣляется изъ состава старой гимназіи, продолжающей руководствоваться обыкновенными нормальными планами прусскихъ гимназій, и пока составляетъ какъ бы отдѣленіе сей послѣдней, въ составѣ еще только трехъ младшихъ классовъ, въ которыхъ примѣняются новые, такъ называемые, франкфуртскіе учебные планы. Осенью нынѣшняго года долженъ открыться четвертый классъ, а въ

Библиотека "Руниверс"

будущемъ году юная гимназія перейдетъ въ особое новое зданіе и начнетъ свою самостоятельную отдѣльную жизнь.

Директоромъ въ этой гимназіи состоитъ Рейнгартъ, котораго цѣнятъ, какъ отличнаго филолога и опытнаго педагога, такіе выдающіеся сторонники классическаго образованія, какъ проф. Дильсъ (въ Берлинѣ) и директоръ Улихъ (въ Гейдельбергѣ). Профессоръ Шварцъ, обстоятельно бесѣдовавшій съ нимъ по поводу приготовляемаго имъ къ изданію учебника, вполнѣ убѣдился въ правильности подобной оцѣнки. Подобное же впечатлѣніе вынесъ и я изъ наблюденій за учениками старшихъ классовъ, проходящими нынѣ курсъ подъ руководствомъ Рейнгарта еще по старымъ программамъ, каковые ученики оказались, особенно по латинскому языку, отлично подготовленными. Въ настоящее время директоръ Рейнгартъ всецѣло поглощенъ создаваемою имъ новою гимназіею по задуманному имъ своеобразному типу; для открытыхъ уже 3 классовъ этой новой гимназіи преподаватели назначены по его выбору и работаютъ подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, а для предстоящаго постепеннаго открытія старшихъ классовъ Рейнгартъ неутомимо трудится при помощи нѣсколькихъ опытныхъ педагоговъ надъ составленіемъ новыхъ подробныхъ программъ, объяснительныхъ записокъ къ нимъ, а равно учебниковъ. Основнымъ же отдѣленіемъ (имѣющимъ полный составъ классовъ), продолжающимъ дѣйствовать по нормальнымъ планамъ, завѣдуетъ почти самостоятельно помощникъ Рейнгарта, его шуринъ, директоръ Байеръ, съ которымъ онъ состоитъ въ ближайшей дружбѣ, не смотря на то, что они въ педагогическихъ вопросахъ держатся совершенно противоположныхъ взглядовъ и являются какъ бы врагами. Директоръ Байеръ убѣжденъ, что замыселъ Рейнгарта есть только пустая затѣя, и что его новая гимназія никогда не дастъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидаютъ, директоръ же Рейнгартъ утверждаетъ, что онъ не только сравняетъ свою новую гимназію со старыми по отношенію къ знанію древнихъ языковъ, но превзойдетъ ихъ въ успѣшности. Такимъ образомъ Франкфуртская городская гимназія представляетъ собою въ настоящее время интересное и рѣдкое явленіе существованія рядомъ, подъ однимъ кровомъ, двухъ школъ разныхъ направленій, руководимыхъ двумя людьми, близкими другъ другу по родству и дружбѣ, но искренно стремящимися на дѣлѣ доказать преимущество своихъ совершенно различныхъ педагогическихъ направленій.

Директоръ Рейнгартъ вполнѣ признаетъ достоинство и необходи-

Библиотека "Руниверс"

мость классическаго образованія, какъ основы гимназическаго курса, и на словахъ, по крайней мѣрѣ, вовсе не желаетъ пониженія уровня этого образованія; напротивъ въ сочиненіяхъ своихъ и при личныхъ объясненіяхъ онъ указываетъ на него, какъ на вѣрнѣйшій залогъ истиннаго успѣха просвѣщенія. Въ виду сего, создавая свой проектъ новаго типа гимназіи, директоръ Рейнгартъ преслѣдовалъ мысль сохранить въ гимназіи серьезное изученіе древнихъ языковъ, но сдѣлать въ то же время уступки, вызываемыя, по его мнѣнію, соціальными и общественными требованіями нашихъ дней, во-первыхъ, обращеніемъ младшихъ классовъ гимназіи въ приготовительную школу, могущую служить общею основою не только для продолженія классическаго образованія, но и для другихъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній, во-вторыхъ, усиленіемъ преподаванія новыхъ языковъ и нѣкоторыхъ реальныхъ предметовъ, и въ-третьихъ, облегченіемъ ученія, какъ путемъ примѣненія усовершенствованныхъ методовъ, такъ и измѣненнаго распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ.

Характерными основами новыхъ франкфуртскихъ учебныхъ плановъ служатъ слѣдующія положенія:

1. По мнѣнію Рейнгарта, первоначальное преподаваніе любаго новаго языка, если только ему будетъ приданъ тотъ систематическій характеръ, который доселѣ господствовалъ при изученіи древнихъ языковъ, можетъ дѣйствовать на развитіе логическихъ способностей учениковъ столь же плодотворно, какъ и изученіе латинскаго языка. Между тѣмъ изученіе новаго языка (по мнѣнію Рейнгарта,—французскаго) представляется для учащихся болѣе легкимъ, чѣмъ изученіе латинскаго языка, а потому желательно начинать изученіе чужихъ языковъ не съ латинскаго, а съ французскаго языка, тѣмъ болѣе, что этою мѣрою достигается другая цѣль, которую имѣетъ въ виду Рейнгартъ, а именно, обращеніе младшихъ классовъ гимназіи въ общую подготовительную школу, какъ для дальнѣйшаго классическаго, такъ и для реальнаго образованія.

На основаніи сихъ соображеній Рейнгартъ вводитъ въ три младшіе класса своей гимназіи (VI, V и IV) усиленное преподаваніе французскаго языка, а латинскій языкъ начинаетъ въ Unter Tertia (по нашему счету 4-й классъ).

2. Начиная такимъ образомъ латинскій языкъ позднѣе, чѣмъ то положено по нормальнымъ планамъ прусскихъ гимназій, но признавая необходимость серьезнаго систематическаго прохожденія этого предмета, то-есть, основательнаго грамматическаго обученія, Рейнгартъ

Библиотека "Руниверс"

назначаетъ на латинскій языкъ въ 2-хъ классахъ (Unter и Ober Tertia) по десяти уроковъ и въ Unter Secunda (по нашему счету 6-ой классъ) по восьми уроковъ въ недѣлю, въ надеждѣ, что, при такомъ усиленномъ количествѣ часовъ, можно будетъ усилить интенсивность преподаванія и, проходя грамматику столь же основательно, какъ то дѣлается въ другихъ гимназіяхъ, овладѣть ею въ болѣе короткое время, и въ трехъ же старшихъ классахъ (Ober II, Unter и Ober I) достигать достаточной начитанности, располагая для сего восьмью уроками въ недѣлю. (Всего въ теченіе курса число латинскихъ уроковъ доводится такимъ образомъ до 52).

По отношенію къ греческому языку Рейнгартъ вполнѣ признаетъ его высокообразовательное значеніе и считаетъ его изученіе необходимою и едва ли не самою существенною частью классическаго образованія, но начало изученія этого предмета онъ по необходимости отодвигаетъ въ Ober III.

3. Расчитывая на то, что воспитанники новой гимназіи успѣютъ достаточно укрѣпиться въ знаніи французскаго языка въ младшихъ классахъ, онъ сокращаетъ число уроковъ по этому предмету въ старшихъ классахъ.

4. Относительно методовъ преподаванія Рейнгартъ не является въ принципѣ сторонникомъ крайняго примѣненія къ языкамъ индуктивнаго способа, называемаго почему-то „натуральнымъ“. Онъ признаетъ необходимость систематическаго изученія грамматики, а потому хотя и стоитъ за возможно скорый переходъ къ чтенію связныхъ текстовъ, но начинаетъ преподаваніе латинскаго языка съ систематическаго прохожденія грамматики и съ переводовъ отдѣльныхъ фразъ, приноровленныхъ къ курсу грамматики, значительно отступая въ этомъ отъ порядка преподаванія, принятаго въ гимназіи Принца Генриха, съ директоромъ коей Рейнгартъ состоитъ, однако, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, обращаясь къ нему по многимъ вопросамъ за совѣтами и указаніями.

Таковы главнѣйшіе педагогическіе принципы директора Рейнгарта, положенные въ основу создаваемой имъ гимназіи, въ которой онъ, во-первыхъ, съ одной стороны осуществляетъ принципъ о первенствѣ новаго языка (Priorität der französischen Sprache), выставленный Остендорфомъ въ 60-хъ годахъ и хотя примѣнявшійся уже въ нѣкоторыхъ реальныхъ гимназіяхъ (напримѣръ, въ Альтонѣ), но впервые перенесенный въ классическую школу, а во-вторыхъ, съ другой стороны производитъ первый опытъ созданія въ Германіи гимназій, сход-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ, хотя и не тождественныхъ, съ таковыми же учебными заведеніями въ Швеціи и другихъ Скандинавскихъ государствахъ, въ которыхъ уже давно существуетъ такъ называемая partielle Einheitsschul mit allgemeinem Unterbau.

Вышеприведенные взгляды свои Рейнгартъ уже неоднократно высказывалъ за послѣднее время въ нѣсколькихъ брошюрахъ и рѣчахъ, въ которыхъ онъ съ большимъ талантомъ и умѣньемъ группируетъ и теоретическія соображенія, подтверждающія ихъ. Но при личныхъ объясненіяхъ онъ какъ-то очень неохотно касается принципіальной стороны дѣла и, уклоняясь по возможности отъ прямыхъ отвѣтовъ на дѣлаемыя ему возраженія, предпочитаетъ ссылаться преимущественно на соціальныя явленія и требованія общества, убѣждающія его въ необходимости предпринятаго имъ опыта преобразованія гимназіи.

Такъ, бесѣдуя о преподаваніи латинскаго языка въ младшихъ классахъ, которое онъ самъ велъ довольно продолжительное время, директоръ Рейнгартъ, хотя и началъ съ нѣсколькихъ фразъ о непосильномъ трудѣ, который будто бы несутъ мальчики (Bübleln) въ двухъ младшихъ классахъ при изученіи латинскаго языка, но потомъ согласился съ тѣмъ, что въ сущности именно въ этихъ классахъ дѣти менѣе всего тяготятся грамматическимъ преподаваніемъ и безъ особаго усилія усвояютъ себѣ элементы всякаго языка, не исключая и древняго. Такимъ образомъ какъ я, такъ и профессоръ Шварцъ, вынесли впечатлѣніе, что въ сущности директоръ Рейнгартъ ввелъ въ своей гимназіи принципъ der Priorität der modernen Sprachen не столько изъ убѣжденія въ вѣрности этого принципа, сколько въ видѣ уступки распространеннымъ нынѣ вѣяніямъ и въ видѣ компромисса со взглядами лицъ и учрежденій, пожелавшихъ основать гимназію новаго типа.

Далѣе на замѣчаніе, что прохожденіе въ сравнительно старшемъ возрастѣ элементарной грамматики древнихъ языковъ, безъ серьезнаго преподаванія коей и самъ Рейнгартъ не находитъ возможнымъ обойдтись, будетъ болѣе тягостно ученикамъ среднихъ классовъ, чѣмъ воспитанникамъ младшаго возраста, и что такимъ образомъ вмѣсто ожидаемаго имъ оживленія преподаванія, вѣроятно, достигнется обратный результатъ, директоръ Рейнгартъ въ сущности ничего не возражалъ, а опять таки ссылался на то, что значительная часть общества настойчиво желаетъ сокращенія преподаванія древнихъ языковъ и готова даже скорѣе вовсе отказаться отъ греческаго языка, чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

поступиться своими желаніями, и что необходимо сдѣлать уступки этимъ требованіямъ общественнаго мнѣнія.

Главный же доводъ въ пользу новаго типа гимназіи составляетъ, по мнѣнію директора Рейнгарта, то соображеніе, что этотъ типъ болѣе удобенъ для маленькихъ городовъ, которые не въ состояніи имѣть двѣ школы—классическую и реальную, для которыхъ превращеніе младшихъ классовъ гимназіи въ общую подготовительную школу для всѣхъ видовъ дальнѣйшаго средняго образованія представитъ большія выгоды.

Нельзя, сверхъ того, не замѣтить, что директоръ Рейнгартъ слишкомъ оптимистически смотритъ на возможность для мальчиковъ старшаго возраста быстро, охотно и успѣшно заниматься изученіемъ элементовъ древнихъ языковъ и едва ли поступаетъ правильно, перенося подобную работу въ тѣ классы, въ которыхъ при обыкновенныхъ гимназическихъ порядкахъ уже приступаютъ къ чтенію авторовъ. Такимъ образомъ въ основаніе опыта, производимаго нынѣ въ Франкфуртѣ, положено, повидимому, не столько удовлетвореніе образовательныхъ потребностей, сколько стремленіе угодить нѣкоторымъ соціально-экономическимъ желаніямъ, нынѣ сильно распространеннымъ въ нѣкоторой части общества. Опытъ этотъ несомнѣнно представляетъ большой интересъ, но, чтобы окончательно судить о его результатахъ, необходимо выждать еще довольно продолжительное время, теперь же можно высказывать лишь нѣкоторыя предположенія на основаніи внимательнаго изученія принциповъ, на которыхъ зиждется опытъ Рейнгарта, и на основаніи ограниченныхъ, само собою разумѣется, наблюденій надъ открытою уже частью новой франкфуртской гимназіи. Что касается до принципіальной стороны вопроса, то, признаюсь, теоретическіе доводы Рейнгарта въ пользу его предпріятія, уже извѣстные изъ его сочиненій, никогда не казались мнѣ убѣдительными. Личныя же объясненія съ нимъ еще болѣе поколебали мое довѣріе къ этимъ принципамъ. Думаю, что Рейнгартъ, подъ вліяніемъ той атмосферы исканій, которая нынѣ господствуетъ въ Германіи по школьному вопросу, и увлекаясь модными теченіями общественнаго мнѣнія, не достаточно обосновалъ свой планъ серьезными и положительными данными и, уступая давленію окружающей его среды, пошелъ на компромиссъ, отъ котораго трудно ожидать плодотворныхъ результатовъ.

По отношенію же къ открытымъ тремъ классамъ новой франкфуртской гимназіи, наибольшій, само собою разумѣется, интересъ

Библиотека "Руниверс"

представляетъ ознакомленіе съ постановкою преподаванія французскаго языка и повѣрка того, насколько послѣдовательно осуществлялся принципъ систематическаго его изученія, на который Рейнгартъ и сторонники его системы такъ настойчиво ссылаются, проповѣдуя замѣну въ младшихъ классахъ латинскаго языка французскимъ.

Тутъ профессоръ Шварцъ и я, посѣтивъ всѣ три класса, нашли уже на дѣлѣ такія же противорѣчія и непослѣдовательности, какія мы замѣчали въ объясненіяхъ директора Рейнгарта при обсужденіи принципіальной постановки дѣла во ввѣренномъ ему учебномъ заведеніи. Утвержденіе, что французскій языкъ преподается тѣмъ же систематическимъ способомъ, который обыкновенно примѣняется къ древнимъ языкамъ, не оправдалось. Въ VI и V (по нашему счету 1 и 2 классы) естественное стремленіе поскорѣй овладѣть разговорнымъ языкомъ, то-есть, механическою его стороною, рѣшительно брало верхъ, и обученіе было чисто практическое, такъ сказать, подражательное, съ голоса учителя; о систематическомъ же курсѣ грамматики, повидимому, учителя забыли и думать, такъ что пресловутаго тождества преподаванія по новымъ и древнимъ языкамъ, на которомъ основана замѣна латинскаго языка французскимъ, на дѣлѣ не оказалось. Только уже въ Quarta (3-й классъ) замѣтно было стараніе ознакомить учениковъ съ грамматикою, и они давали удовлетворительные отвѣты.

Сравнивая успѣшность по французскому языку учениковъ младшихъ классовъ франкфуртской гимназіи съ другими описанными мною выше гимназіями, я рѣшаюсь высказать мнѣніе, что хотя ученики франкфуртской Quarta и стоятъ выше учениковъ того же класса гимназіи Фридриха-Вильгельма и Zum Grauen Kloster, такъ какъ первые обучаются французскому языку три, а послѣдніе только одинъ годъ, но за то ученики обыкновенныхъ гимназій къ концу перваго года ученія (Quarta) отнюдь не слабѣе франкфуртской гимназіи къ концу втораго года обученія (то-есть, Quinta); въ Unter Tertia же, то-есть, послѣ 2-хъ лѣтъ ученія, стоятъ несравненно выше учениковъ франкфуртской Quarta, такъ что, по всему вѣроятію, въ Ober Tertia успѣшность тѣхъ и другихъ сравнивается, хотя одни будутъ имѣть уже 5, а другіе только 3 года обученія. Затѣмъ, принимая во вниманіе, что въ старшихъ классахъ число уроковъ по французскому языку въ франкфуртской гимназіи равно числу уроковъ по сему предмету въ обыкновенныхъ гимназіяхъ, нѣтъ никакого основанія ожидать, чтобы франкфуртскіе ученики по окончаніи курса оказались

Библиотека "Руниверс"

лучшими знатоками французскаго языка, чѣмъ воспитанники старыхъ гимназій.

Такимъ образомъ и другое преимущество франкфуртской гимназіи, а именно усиленіе преподаванія новыхъ языковъ, въ дѣйствительности, болѣе чѣмъ вѣроятно, окажется лишь мнимымъ.

Наконецъ нельзя не обратить вниманія на то, что при положеніи учебнаго дѣла, какъ оно складывается во Франкфуртѣ, ученики до Unter Tertia (по нашему счету 4-й классъ) не получаютъ почти никакой грамматической подготовки, а потому прохожденіе латинской грамматики въ возрастѣ отъ 12—15, а греческой въ возрастѣ отъ 14—15 лѣтъ будетъ для нихъ въ высшей степени скучно, томительно и, быть можетъ, трудно, во всякомъ случаѣ скучнѣе и тягостнѣе, чѣмъ для учениковъ младшаго возраста,

Само собою разумѣется, однако, что, какъ я уже сказалъ выше, въ настоящее время еще рано произносить какой либо рѣшительный приговоръ по поводу вновь организуемой во Франкфуртѣ гимназіи и нельзя не признать, что опытъ, производимый директоромъ Рейнгартомъ, представляетъ величайшій интересъ, хотя едва ли можно радоваться за тѣхъ, надъ кѣмъ и на чей счетъ онъ производится [1]).

Осмотромъ франкфуртской гимназіи я закончилъ посѣщеніе прусскихъ классическихъ заведеній и отправился въ Баденъ, гдѣ ознакомился съ гимназіею въ Гейдельбергѣ.

Гейдельбергская гимназія, какъ при первомъ посѣщеніи ея, такъ и при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ нею, произвела на меня впечатлѣніе во многихъ отношеніяхъ иное, чѣмъ прусскія учебныя заведенія.

Въ Пруссіи—и при томъ въ заведеніяхъ всѣхъ типовъ—бросается въ глаза то состояніе колебанія и исканія, въ которомъ въ настоящее время находится школа. Преобразованіе 1891 г., хотя его и нельзя назвать кореннымъ, въ значительной степени разстроило ходъ учебнаго дѣла. Реформа программъ и измѣненіе числа уроковъ по отдѣльнымъ предметамъ, очевидно, недостаточно согласованы, въ виду чего между ними нѣтъ должнаго соотвѣтствія. Весьма важныя мѣропріятія, какъ

[1]) Для характеристики Франкфуртской гимназіи въ нынѣшнемъ ея положеніи, когда въ старшихъ классахъ преподаваніе идетъ еще по общимъ учебнымъ планамъ, и для поясненія отношенія д-ра Рейнгарта къ письменнымъ работамъ учениковъ по древнимъ языкамъ, прилагаю при семъ нѣсколько латинскихъ работъ, писанныхъ на испытаніи зрѣлости и на Abschlussprüfung. См. приложеніе I, рубрика 5.

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ установленіе Abschlussprüfung въ Unter Secunda, впадаютъ въ прямое противорѣчіе съ интересами преподаванія, и вообще распоряженія нерѣдко носятъ характеръ случайности и необдуманности. Все это вмѣстѣ взятое вноситъ въ школу замѣшательство и неудовольствіе. Преподаватели и начальство учебныхъ заведеній находятся въ какомъ-то нервномъ состояніи смутнаго блужданія и исканія исхода изъ переходнаго положенія, въ которомъ они находятся, но исходъ этотъ еще не найденъ, а тѣмъ временемъ общее теченіе учебнаго дѣла, очевидно, страдаетъ отъ этого.

Гейдельбергская же гимназія, которую можно считать типичною представительницею баденской классической школы, представляетъ собою совершенно иную картину.

Въ Баденѣ гимназіи не подвергались преобразованію съ 1869 года [1]); все въ нихъ прочно установилось, вошло въ нормальную колею и нормально развивается безъ ломки, но путемъ постоянной заботливости объ улучшеніи постановки преподаванія, объ усовершенствованіи подготовки учителей и о матеріальномъ благоустройствѣ школы.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, по отзыву компетентныхъ лицъ, въ герцогствѣ баденскомъ сдѣлано особенно много. Что касается до Гейдельбергской гимназіи, то она помѣщается въ превосходномъ—даже роскошномъ—новомъ зданіи, располагаетъ прекрасными учебными пособіями и вообще принадлежитъ къ числу самыхъ благоустроенныхъ заведеній Германіи.

Директоромъ состоитъ профессоръ Улихъ, извѣстный своими педагогическими трудами, человѣкъ энергичный, дѣятельный и искренно преданный дѣлу классическаго образованія. Его вліяніе замѣтно во всѣхъ отрасляхъ жизни гимназіи, о преуспѣяніи коей онъ неусыпно заботится.

Чувство спокойствія и довольства охватываетъ васъ при посѣщеніи Гейдельбергской гимназіи. Въ учителяхъ видна увѣренность въ пользѣ и правильности ихъ работы, ученики обращаютъ на себя вниманіе бодрымъ и веселымъ видомъ, при чемъ, какъ я замѣтилъ, отношенія ихъ къ преподавателямъ болѣе сердечныя и откровенныя, чѣмъ въ Пруссіи.

Что касается до успѣшности, то я вынесъ впечатлѣніе, что въ Гейдельбергѣ всѣ классы хорошо выровнены и не замѣчается рѣзкихъ колебаній въ познаніяхъ отдѣльныхъ группъ учениковъ.

---

[1]) Въ Пруссіи реформы въ послѣднее время были въ 1882 и 1891 гг.

Библиотека "Руниверс"

Относительно преподаванія латинскаго языка Гейдельбергская гимназія произвела на меня вобще благопріятное впечатлѣніе. Въ Sexta и Quinta (I и II классъ) способъ преподаванія весьма схожъ съ тѣмъ, которой уже описанъ мною въ гимназіи Zum Grauen Kloster, но въ Гейдельбергѣ проведено строгое разграниченіе изученія правильныхъ и неправильныхъ формъ. Въ младшемъ классѣ проходятся исключительно правильныя формы, а всѣ исключенія и неправильности разучиваются на второмъ году ученія.—Учителя очень хороши, познаніе учащихся твердое.

Въ Unter Tertia хотя при мнѣ читался Цезарь, но урокъ былъ преимущественно грамматическій. Преподаватель объяснилъ мнѣ, что онъ черезъ урокъ мѣняетъ характеръ преподаванія. Одинъ урокъ онъ посвящаетъ болѣе бѣглому чтенію, почти не останавливаясь на грамматическихъ объясненіяхъ, а другой урокъ онъ посвящаетъ грамматикѣ, выспрашиваетъ у учениковъ пройденныя формы или объясняетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ онѣ встрѣчаются при чтеніи. Такой способъ веденія чтенія (примѣняемый впрочемъ только въ Unter Tertia, гдѣ чтеніе авторовъ лишь начинается) не прерываетъ однако нити читаемаго, въ виду общепринятаго въ Германіи обычая начинать занятія въ классѣ съ бѣглаго прочтенія предшествовавшаго урока, благодаря чему и тотъ отрывокъ автора, который разбирался грамматически, прочитывается въ связи съ послѣдующимъ. Равнымъ образомъ вышеописанный пріемъ не замедляетъ чрезмѣрно чтенія и ученики Unter Tertia успѣваютъ достаточно прочитать въ теченіе года, (напримѣръ, въ 1893 г. въ Unter III были прочитаны часть I-й и полностью II и III кн. Цезаря).

Въ Unter I (по нашему счету 8 классъ) при мнѣ читали оды Горація. Здѣсь принятъ пріемъ обратный тому, который практикуется въ Unter Tertia. Ода читается сперва курсорно, при чемъ учитель старается какъ можно менѣе прерывать ученика; въ случаѣ неточности или ошибки преподаватель предлагаетъ самому читающему или другому ученику поправить ошибку, если же онъ видитъ, что ученики встрѣтили серьезное затрудненіе, онъ даетъ свой переводъ даннаго мѣста, сопровождая его самыми краткими объясненіями, а иногда однимъ лишь указаніемъ § грамматики. Затѣмъ, когда ода прочитана, учитель переходитъ къ подробному ея разбору, требуетъ объясненія грамматическихъ правилъ, реалій и т. д.

Въ Ober I при чтеніи Тацита учитель велъ урокъ образцово, привлекая къ переводу почти всѣхъ учениковъ, заставляя ихъ правильно

Библиотека "Руниверс"

вырабатывать его совмѣстными усиліями и въ заключеніе далъ свой переводъ, который въ данномъ случаѣ былъ блестящій.

Во время разбора прочитаннаго отрывка учитель предлагалъ рядъ вопросовъ историческаго характера и по реаліямъ, при чемъ ученики обнаруживали знаніе и находчивость.

Въ другомъ отдѣленіи Ober I я присутствовалъ при письменныхъ стилистическихъ упражненіяхъ. Учитель диктовалъ по-нѣмецки (довольно медленно) отрывокъ, взятый имъ изъ Тацита, и, какъ онъ объяснилъ мнѣ, нѣсколько передѣланный. Ученики писали въ своихъ тетрадяхъ переводъ прямо по-латыни. Когда написано строкъ 6-7, преподаватель заставляетъ двухъ или трехъ учениковъ прочесть, что они написали и спрашиваетъ другихъ учениковъ, нѣтъ ли еще у кого нибудь варіанта. Ученики, написавшіе переводъ разно, должны каждый оправдать свою редакцію или объяснить встрѣтившуюся ошибку или неточность. Затѣмъ учитель объясняетъ, какой переводъ онъ считаетъ лучшимъ или даетъ свой переводъ.—Такимъ образомъ въ теченіе урока ученики успѣваютъ написать строкъ 35—40.

Въ работѣ, сдѣланной при мнѣ (36 стркъ), у лучшаго ученика оказалось 2 ошибки, у другого 3, у остальныхъ число ошибокъ колебалось между 4 и 7, только у одного ученика оказалось 8 ошибокъ.

Работы эти затѣмъ еще провѣряются учителемъ дома, и онъ выставляетъ отмѣтки. Для поясненія характера этихъ работъ я списалъ на выдержку работу, исполненную на одномъ урокѣ и получившую отмѣтку ziemlich gut (т. е. между 3 и 4). Работу эту при семъ прилагаю [1]).

По греческому языку ни я, ни профессоръ Шварцъ не разсматривали работъ, исполненныхъ въ минувшемъ году на экзаменѣ зрѣлости, такъ какъ директоръ Улихъ напечаталъ въ издаваемомъ имъ журналѣ „Das humanistische Gymnasium“ цѣлое собраніе этихъ работъ и затѣмъ передалъ мнѣ нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго на греческій языкъ, исполненныхъ учениками въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ, изъ каковыхъ работъ лучше всего можно видѣтъ уровень, достигаемый Гейдельбергскою гимназіею по греческому языку. Уровень этотъ, я полагаю, нельзя не назвать достаточно высокимъ [2]).

Начитанность учениковъ Гейдельбергской гимназіи довольно значительная. Въ теченіе 1893 года во всѣхъ классахъ прочитано на латин-

---

[1]) См. приложеніе I, рубрика 8, лит. а.

[2]) См. приложеніе I, рубрика 8, лит. в.

Библиотека "Руниверс"

скомъ языкѣ *Корнелія Непота* 5 жизнеописаній, *Цезаря* кн. I, IV. VI, и VII, при чемъ части IV и VI кн., имѣющія отношеніе къ Германіи, прочитаны въ старшемъ классѣ въ связи съ повтореніемъ Римской исторіи, *Ливія* II и XXI, *Цицерона* pro Archia, pro Roscio, pro lege Manilia, pro rege Dejotaro, de Oratore, I и избранныя мѣста изъ II и III, *Тацита* Annal. I, 1-13 и избранныя мѣста II. III. IV и XV, Hist. I, IV и V, Germania 1-26.

Изъ поэтовъ прочитаны *Овидій* Metamor. I, 150—415, II. 1—366. *Виргилій* Энеида I и VII, *Горацій* оды I, 1—4. 6—11, 13, 14, 16, 18, 21—24, 27 33, 34 II, 1, 3, 6, 7, 10, 12—14, I., 20; III, 1—6, 9, 12, 13, 21, 30; IV, 3, 4, 7, 9, 12; *Горацій* сатиры 1, I, 3—6, II, 6; Epist. 1, 2, 10 и наконецъ изъ Eclogae poet. lat. Брандта избранныя мѣста.

На греческомъ языкѣ прочитано: Анабазисъ I, II, III, IV,—Hellenika II (избранныя мѣста), Одиссея I, 1—360, V, VI, VII, IX—XXIV, *Лисія* XII, *Геродота* VII и избранныя мѣста изъ I и II. *Демосѳена*, 3-я олинѳійская рѣчь, рѣчи о дѣлахъ въ Херсонесѣ, за свободу жителей Родоса, за Мегалополитянъ. Иліада I—IX, XI, XII, XVI—XIX, отрывки изъ элегиковъ, Электра *Софокла*, *Платона* Критонъ, Апологія, Phaedon и Protagoras. *Демосѳена*, первая олинѳійская рѣчь и рѣчь о дѣлахъ въ Херсонесѣ. *Софокла* Антигона, Филоктетъ и Медея *Эврипида*.

Рядомъ съ довольно обширнымъ чтеніемъ въ Гейдельбергской гимназіи до самаго конца курса продолжаются грамматическія упражненія и связанныя съ ними письменныя работы. Въ 8-мъ и 9-мъ классахъ (Unter и Ober I) полагается по латинскому языку еженедѣльно одна классная письменная работа и домашняя работа разъ въ двѣ недѣли, при чемъ переводы съ древняго языка и съ роднаго на древній чередуются. По греческому языку ограничиваются классными еженедѣльными письменными работами до Unter I включительно.

По учебнымъ планамъ баденскихъ гимназій на латинскій языкъ посвящается значительно болѣе часовъ, чѣмъ въ Пруссіи, а именно 72 часа; по греческому же языку число уроковъ то-же, какъ и въ Пруссіи, то-есть 36.

На преподаваніе нѣмецкаго языка въ баденскихъ гимназіяхъ полагается на 5 уроковъ меньше, чымъ въ Пруссіи, но тѣмъ не менѣе ученики прекрасно владѣютъ языкомъ.—Уроки этого предмета впрочемъ не представляютъ особаго интереса, такъ какъ здѣсь, какъ и всюду въ Германіи, родному языку научаются гораздо болѣе благо-

Библиотека "Руниверс"

даря общимъ дружнымъ усиліямъ всей школы, чѣмъ собственно на урокахъ этого языка. Литературный урокъ, посѣщенный мною въ старшемъ классѣ, самъ по себѣ представлялъ мало интереса, былъ сухъ и, по моему мнѣнію, скученъ, но на немъ я имѣлъ возможность убѣдиться, что ученики много читали, въ значительной степени по собственному побужденію и охотѣ, и хорошо знаютъ всѣ важнѣйшія произведенія отечественной литературы.

Сочиненія, исполненныя на испытаніи зрѣлости, очень хороши и поспорятъ въ достоинствѣ съ сочиненіями гимназіи Zum Grauen Kloster и Фридриха Вильгельма.

Темой сочиненія было: Vergleichung von Göthes Hermann und Dorothea mit Vossen's Luise. Всѣхъ сочиненій у меня было 28, изъ нихъ одно получило отмѣтку „sehr gut, 8 gut, 16 genügend и 3 ungenügend.

Отмѣтки очень строги и по моему мнѣнію 7 сочиненій 3-й категоріи справедливо было бы перенести во вторую, а два сочиненія, получившія неудовлетворительныя отмѣтки, къ числу удовотворительныхъ работъ. Только одна работа по всей справедливости должна быть признана плохою.

Всѣ ученики писали по планамъ и на тему, и большинство ихъ отлично справлялось съ нею, при чемъ многія сочиненія выдаются оригинальностью мысли и разнообразіемъ взглядовъ на заданную тему, чѣмъ лучше всего доказывается самостоятельность работъ.

Преподаваніе *математики* идетъ повидимому удовлетворительно и во всякомъ случаѣ успѣшнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Мнѣ показалось, что вообще математика дается южнымъ нѣмцамъ легче, чѣмъ сѣвернымъ. Составъ учителей математики очень хорошъ, и между ними находится докторъ Генрици, пользующійся большою извѣстностью.

Программа математики въ баденскихъ гимназіяхъ не много выше, чѣмъ въ Пруссіи; это, какъ мнѣ кажется, видно и изъ экзаменаціонныхъ требованій, для поясненія коихъ прилагаю при семъ копіи съ задачъ, предложенныхъ на испытаніи зрѣлости въ 1893 года. [1]).

Преподаваніе физики и естественныхъ наукъ въ баденскихъ гимназіяхъ нѣсколько усилено сравнительно съ прусскими гимназіями и нѣкоторые отдѣлы естествовѣдѣнія, напримѣръ минералогія и краткія свѣдѣнія по химіи, проходятся въ старшихъ классахъ. Въ младшихъ классахъ постановка та-же. какъ въ Пруссіи, въ старшемъ же

[1]) См. прилож. II, лит. г.

Библиотека "Руниверс"

классѣ я вынесъ впечатлѣніе то-же, какъ изъ реальныхъ школъ, что средняя школа не располагаетъ ни средствами, ни возможностью поставить преподаваніе естественныхъ наукъ на сколько нибудь научную почву, а потому преподаваніе ихъ носитъ черезчуръ элементарный, можно сказать, дѣтскій характеръ и не соотвѣтствуетъ возрасту учащихся, или же обращается въ сухое заучиваніе номенклатуры и формулъ.

Постановка французскаго языка въ Гейдельбергской гимназіи та же, какъ въ лучшихъ прусскихъ гимназіяхъ, успѣшность же учащихся отчасти даже выше, такъ какъ въ гимназіи есть, чего въ прежнее время не бывало, очень много учениковъ изъ семей, въ которыхъ упражняются во французскомъ языкѣ дома, имѣя гувернеровъ или гувернантокъ, нѣкоторые же родители посылаютъ дѣтей на время ваканта въ Швейцарію или въ Эльзасъ практиковаться во французскомъ разговорѣ. Многіе изъ этихъ учениковъ порядочно пишутъ по французски.

Въ Ober II на урокѣ исторіи, мастерски веденномъ отличнымъ преподавателемъ, я еще разъ убѣдился въ умѣньи нѣмецкихъ гимназистовъ записывать за учителемъ и, слушая его, набѣло составлять замѣтки, веденіе коихъ обязательно въ Гейдельбергской гимназіи.

Наконецъ укажу на особенность баденскихъ гимназій, заключающуюся въ томъ, что въ курсъ ея входитъ пропедевтическая философія, не преподаваемая въ Пруссіи. Директоръ Улихъ самъ ведетъ этотъ предметъ и придаетъ ему большое значеніе, какъ средству ознакомить учащихся съ основными философскими понятіями и со связанною съ ними терминологіею, чѣмъ, по его мнѣнію, впослѣдствіи значительно облегчаются университетскія занятія. Урокъ, на которомъ я присутствовалъ, былъ очень интересенъ, директоръ Улихъ велъ его съ талантомъ и увлеченіемъ, ученики, слушавшіе очень внимательно и усердно, составляли конспекты. О результатахъ преподаванія этого предмета по одному уроку, очевидно, судить невозможно, какихъ же либо другихъ данныхъ для сужденія я не имѣлъ, а потому и не могу высказать какое либо мнѣніе.

Послѣ Гейдельберга мы съ профессоромъ Шварцемъ направились въ Штутгартъ съ цѣлью ознакомиться съ вюртембергскимъ школьнымъ устройствомъ, во многомъ отличнымъ отъ организаціи школъ въ остальной Германіи. Но здѣсь насъ особенно интересовала своеобразная штутгартская реальная гимназія профессора Дильмана, а потому мы ограничились лишь бѣглымъ посѣщеніемъ классической

Библиотека "Руниверс"

гимназіи, тѣмъ болѣе, что директоръ ея, извѣстный докторъ Планкъ, серьезно заболѣлъ передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, а замѣститель его, только что вступившій въ должность, не могъ дать намъ необходимыхъ свѣдѣній и объясненій и даже не имѣлъ возможности дать намъ для просмотра работы, исполненныя на испытаніяхъ зрѣлости, находившіяся или въ министерствѣ, или у отсутствовавшаго директора. Къ болѣе подробному ознакомленію съ гимназіею представлялось еще то затрудненіе, что, во время нашего пребыванія въ Штутгартѣ, уже начались испытанія зрѣлости, отвлекавшія значительную часть учительскаго персонала.

Относительно общаго характера вюртембергскихъ гимназій въ дополненіе къ уже сказанному мною въ началѣ настоящаго отчета, укажу только на то, что онѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ заведеній, которыя наиболѣе носятъ на себѣ отпечатокъ давнишняго и во многомъ отжившаго прошлаго. Гимназіи эти, какъ было уже сказано выше, имѣютъ 10 классовъ (счетъ ихъ ведется какъ у насъ снизу вверхъ, то-есть, 1-й младшій, 2-й, 3-й, и т. д. классъ). До самаго послѣдняго времени (до 1891 года) преподаваніе латинскаго языка, при двѣнадцати урокахъ въ недѣлю, продолжалось 10 лѣтъ, начиная съ 8 лѣтняго возраста, каковой порядокъ удержался еще съ тѣхъ временъ, когда латинскій языкъ имѣлъ значеніе живаго и какъ бы втораго роднаго языка, и когда было необходимо съ ранняго возраста прежде всего практически, хотя бы только механически, овладѣть имъ. При томъ преподаваніе древнихъ языковъ вообще и латинскаго въ особенности, носило характеръ почти исключительно узко-грамматическій. Изучить до тонкости не столько содержаніе, какъ стиль и вообще языкъ классическихъ авторовъ, и заставить учениковъ усвоить себѣ этотъ языкъ путемъ огромнаго количества переводовъ съ роднаго языка на древній, составляло главную задачу вюртембергскихъ гимназій. Эти переводы, называемые „Composition“, поглощали большую часть времени и трудовъ, какъ учащихъ, такъ и учащихся. Чтеніе же авторовъ и переводы, какъ устные, такъ и письменные, на родной языкъ (mündliche und schriftliche *exposition*) отступали на второй планъ не только въ 6-ти низшихъ и среднихъ классахъ (носящихъ [1]) и теперь названіе Lateins-

[1]) Въ Вюртембергѣ существуютъ кромѣ гимназій: 1) отдѣльныя латинскія школы, соотвѣтствующія гимназическимъ классамъ отъ 2-го до 6-го (курсъ I класса, то-есть, нынѣшняго приготовительнаго, замѣняется здѣсь прохожденіемъ

Библиотека "Руниверс"

classen и соотвѣтствующихъ старымъ, отчасти еще существующимъ Lateinschulen), но и въ 4-хъ старшихъ классахъ, носящихъ спеціальное наименованіе Gymnasialklassen и составляющихъ собственно „гимназію".

Результатомъ такого порядка вещей является то, что въ младшихъ классахъ ученики пріобрѣтаютъ дѣйствительно полное и твердое знаніе древнихъ языковъ, особенно латинскаго, и достигаютъ значительнаго развитія логическихъ способностей, затѣмъ не пользуются въ достаточной степени этими преимуществами въ старшихъ классахъ, въ коихъ они, продѣлывая вновь, въ измѣненномъ только видѣ, то же, что дѣлалось въ младшихъ классахъ, какъ бы замерзаютъ на извѣстной точкѣ и не доходятъ до окончательныхъ результатовъ.

Эта печальная особенность вюртембергскихъ гимназій, имѣющая свой корень частью въ устарѣлой ихъ организаціи, въ неправильномъ взглядѣ на чтеніе древнихъ авторовъ, а частью, можетъ быть, въ характерѣ швабскаго племени, была подмѣчена еще почти 60 лѣтъ тому назадъ, извѣстнымъ баварскимъ педагогомъ Тиршемъ при посѣщеніи имъ вюртембергскихъ школъ [1]). Къ сожалѣнію вюртембергскія гимназіи повидимому и по нынѣ не вполнѣ отдѣлались отъ присущихъ имъ въ то время недостатковъ.

Правда реформа 1891 года сохранила за младшимъ классомъ гимназіи только одно названіе I гимназическаго класса, благоразумнымъ образомъ фактически превративъ его въ приготовительный классъ безъ латинскаго языка, или, вѣрнѣе сказать словами новаго школьнаго положенія, въ высшее отдѣленіе элементарной школы; равнымъ образомъ новые учебные планы настойчиво рекомендуютъ обращать въ старшихъ классахъ главное вниманіе на чтеніе авто-

---

народной элементарной школы) и 2) лицеи, соотвѣтствующіе I—VIII классамъ гимназіи. Курсъ пятиклассныхъ латинскихъ школъ и лицеевъ въ настоящее время совершенно отождествленъ съ курсомъ соотвѣтствующихъ классовъ гимназіи, такъ какъ эти заведенія правильнѣе было бы назвать 5-ти и 8-ми классными прогимназіями.

[1]) Тиршъ въ книгѣ своей Ueber gegenwärtigen Zustand des öffentlichen Unterricht's, появившейся въ 1838 года, говоря о неудовлетворительной организаціи вюртембергскихъ гимназій (не латинскихъ школъ, которыя Тиршъ цѣнитъ очень высоко), пишетъ на стр. 224 „Im Lehrorganismus des Gymnasium's ist blos die Basis vortreflich, fast alles übrige aber im mehr oder minder argem Pedantismus befangen". Далѣе онъ рѣзко осуждаетъ безпорядочность чтенія авторовъ въ вюртембергскихъ гимназіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

ровъ и ставятъ какъ бы на одну доску Composition и Exposition, но, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, это на дѣлѣ далеко происходитъ не такъ, и Composition продолжаетъ быть центромъ, около котораго вращается весь учебный строй вюртембергскихъ гимназій. Этимъ упражненіямъ и по нынѣ преимущественно посвящены труды и заботливость преподавателей, и имъ придается на дѣлѣ наибольшее значеніе. Веденіе этихъ упражненій поручается обыкновенно наиболѣе опытнымъ и свѣдущимъ преподавателямъ въ то время, какъ Exposition находится въ рукахъ молодыхъ, часто только начинающихъ свою дѣятельность учителей. Наконецъ, что касается до чтенія авторовъ, то оно плохо приведено въ систему и часто не соображено съ возрастомъ учащихся. Такъ напримѣръ уже на 15-мъ году читаютъ Ливія въ VIII классѣ (то-есть, собственно въ 7-мъ гимназическомъ), а въ возрастѣ 16-ти лѣтъ рѣчь Цицерона pro Milone, которая непосильна ученикамъ по недостатку у нихъ юридическихъ понятій и по незнанію юридическихъ терминовъ и т. п.

Благодаря этому результатъ реформы тотъ, что достоинство Composition съ уменьшеніемъ числа уроковъ нѣсколько понизилось, а количество Exposition и чтеніе авторовъ не повысилось.

Что касается до уроковъ, на которыхъ профессоръ Шварцъ и я присутствовали, то уроки въ младшихъ классахъ произвели на насъ наилучшее впечатлѣніе.

Во II классѣ (первый годъ ученія по-латыни), урокъ велъ учитель младшихъ классовъ, или такъ называемый на вюртембергскомъ школьномъ языкѣ praeceptor, (то-есть, неимѣющій ученой степени и не преподающій поэтому въ старшихъ классахъ). Я рѣдко видѣлъ болѣе образцовый урокъ, и болѣе блестящіе результаты преподаванія. Прецепторъ этотъ соединяетъ въ своихъ рукахъ какъ латинскій, такъ и нѣмецкій языкъ и преподаваніе обоихъ языковъ ведется параллельно. Успѣхи дѣтей (9—10 лѣтъ) просто поразительны. Пишутъ они понѣмецки, какъ я убѣдился изъ просмотра тетрадей (диктанты и простенькія изложенія или вѣрнѣе письменныя пересказы), безусловно правильно. Курсъ латинскаго языка, пройденный въ классѣ, они знаютъ не только на зубокъ, но умѣютъ толково и сознательно примѣнить его при переводахъ и письменныхъ упражненіяхъ, при чемъ особенно обращаетъ на себя вниманіе умѣніе сопоставлять и находить соотвѣтствіе между формами роднаго и древняго языка. Устные отвѣты учениковъ отличались ясностью, опредѣленностью и полнотою, рѣдко встрѣчаемою въ ихъ возрастѣ.

Библиотека "Руниверс"

Подъ конецъ урока учитель заставилъ учениковъ сдѣлать письменную работу, которую онъ считаетъ особенно полезною, какъ для развитія сообразительности учениковъ, такъ и для укрѣпленія ихъ въ пройденномъ курсѣ древняго языка и для практическаго упражненія въ нѣмецкомъ письмѣ. Онъ продиктовалъ по-латыни, правда очень медленно и нѣсколько разъ повторяя диктуемое, — нѣсколько фразъ (въ общемъ строкъ 15—20 ученическаго письма), составленныхъ изъ разученныхъ уже въ теченіе года словъ, ученики же писали прямо по-нѣмецки, и работа ихъ разсматривалась, независимо отъ вѣрности содержанія съ диктованнымъ латинскимъ текстомъ, какъ нѣмецкій диктантъ. Во время этого упражненія только 4 ученика (изъ 41) одинъ раза 3, а другіе по одному или по два раза, затруднялись относительно латинскихъ словъ или формъ и спросили учителя, какъ имъ перевести ихъ по-нѣмецки. Въ нѣмецкомъ текстѣ, который учитель разсматривалъ при мнѣ, оставшись для этого со мной примѣрно на $^3/_4$ часа въ классѣ, не оказалось ни одной ошибки противъ роднаго языка.

Столь же благопріятное впечатлѣніе произвелъ на меня урокъ латинскаго языка въ IV (собственно 3-мъ гимназическомъ) классѣ, на которомъ присутствовалъ профессоръ Шварцъ. Классъ былъ занятъ экстемпоральнымъ переводомъ, и дѣйствительно можно было, какъ говоритъ проф. Шварцъ, только любоваться той твердости грамматическихъ знаній и той ловкости, съ которою справлялись ученики съ предложенною задачей. Пріемъ учителя былъ слѣдующій: сначала, по прочтеніи фразы по-нѣмецки, онъ обсуждалъ совмѣстно съ учениками тѣ выраженія, которыя могли, по его мнѣнію, затруднить ихъ и тѣ обороты, для переводовъ которыхъ слѣдовало припомнить какой нибудь параграфъ грамматики. Затѣмъ одинъ ученикъ дѣлалъ переводъ по-латыни, другой повторялъ поправленный переводъ, и въ концѣ урока, послѣ перевода отрывка по отдѣльнымъ предложеніямъ въ указанномъ порядкѣ, одинъ ученикъ повторилъ поправленный переводъ по-латыни. Пріемъ тотъ же, которымъ пользовался и преподаватель въ Кёльнѣ, но увѣренность мальчиковъ и умѣнье ихъ справляться съ нѣмецкимъ текстомъ несравненно в[illegible] Штутгартѣ, нежели въ Кёльнѣ. Къ сожалѣнію профессору [illegible]я не представилось возможности быть на урокахъ [illegible]ской [illegible]іи, ибо, судя по употребляющимся въ [illegible]зюрте[illegible]къ [illegible] учебникамъ, можно ожидать и въ этомъ [illegible]отно[illegible]ши хотя впрочемъ по отзыву компетентныхъ [illegible]лицъ [illegible]по греческая композиція не требуется на [illegible]экза[illegible] по греческому языку сильно понизились.

Библиотека "Руниверс"

что подтверждается и присланными профессору Шварцу исправляющимъ должность директора греческими работами 6-го класса, которыя оказались очень невысокаго достоинства.

Что касается до старшихъ классовъ и въ особенности до уроковъ экспозиціи, то всѣ они производятъ далеко не столь благопріятное впечатлѣніе. На урокѣ греческаго языка въ VII классѣ (4-й годъ ученія по-гречески и собственно 6-й гимназическій классъ), отрывокъ изъ Анабазиса, переведенный изъ хрестоматіи Sorof'a, разбирался исключительно съ грамматической стороны. Вся забота учителя направлена была на то, чтобы указать ученикамъ на обороты и выраженія, которые могутъ пригодиться имъ при переводахъ нѣмецкаго текста на греческій. О ходѣ мысли въ разказѣ не было и помина. Учитель велъ урокъ вяло, занимаясь исключительно съ однимъ ученикомъ (явленіе, часто наблюдавшееся въ Вюртембергѣ), и ученики, которые и здѣсь, какъ вообще въ Германіи, дѣлаютъ замѣтки въ книгѣ, видимо, отмѣчали только то, что казалось имъ важнымъ для будущихъ переводовъ на древній языкъ.

Нѣсколько лучше прошелъ урокъ по-латыни въ VIII классѣ (собственно 7-й гимназическій классъ), но здѣсь именно замѣтно было, какъ плохо мальчикамъ дается пониманіе рѣчи Цицерона pro Milone. Не смотря на то, что преподаватель цѣлые ½ часа проговорилъ съ учениками объ обстоятельствахъ дѣла, составляющаго предметъ рѣчи и перевелъ часть введенія Асконія,—изъ отвѣтовъ мальчиковъ видно было, что они понимали преподавателя очень плохо. Увѣренность, однако, съ которою они переводили предложенныя мѣста изъ Асконія и которая видна была и при переводѣ первыхъ §§ рѣчи, показываетъ, что затрудненія возникали не отъ незнанія латинскаго языка, а заключались въ трудности пониманія самого предмета рѣчи. При этомъ впрочемъ нельзя не признать, что и самъ преподаватель съ гораздо большею ясностью толковалъ явленія латинскаго синтаксиса, нежели содержаніе рѣчи.

На урокахъ математики и физики намъ съ профессоромъ Шварцемъ не удалось присутствовать, такъ какъ почти всѣ учителя этихъ предметовъ были заняты экзаменомъ зрѣлости и ученики на урокахъ, предназначенныхъ на математику, занимались только рѣшеніемъ заданныхъ задачъ.

Уровень преподаванія французскаго языка въ Штутгартской гимназіи оказался гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ видѣнныхъ мною заведеніяхъ, что объясняется, мнѣ кажется, меньшею заботливостью о

Библиотека "Руниверс"

приготовленіи учителей этого предмета. Впрочемъ въ IX классѣ (предпослѣдній, собственно VIII гимназическій классъ) ученики сносно по пониманію, но съ довольно дурнымъ произношеніемъ читали и переводили разказъ Эркмана-Шатріана. Думаю впрочемъ, что опытъ перевода совершенно неизвѣстной ученикамъ книги, произведенный мною въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ, едва ли удался бы въ Штутгартѣ.

За невозможностію по болѣзни директора получить сочиненія и другія работы абитуріентовъ, я ограничиваюсь ссылкою на впечатлѣніе профессора Шварца, читавшаго нѣкоторыя классныя ученическія работы и нашедшаго ихъ недурными [1]).

Изъ Штутгарта мы съ профессоромъ Шварцемъ прибыли въ Мюнхенъ къ сожалѣнію уже предъ самымъ началомъ экзаменовъ зрѣлости, въ виду чего, располагая лишь весьма ограниченнымъ временемъ, должны были раздѣлить наши занятія, при чемъ я взялъ осмотръ реальной, а профессоръ Шварцъ классической гимназіи.

Баварскія гимназіи, какъ впрочемъ я уже указалъ во введеніи къ настоящему отчету, довольно значительно отличаются отъ другихъ гимназій, составляя какъ бы среднее между прусскою и вюртембергскою школою. Съ одной стороны гимназіи подверглись въ Баваріи болѣе значительнымъ измѣненіямъ, чѣмъ въ Вюртембергѣ, но съ другой стороны меньшимъ, чѣмъ въ Пруссіи, при чемъ реформа осуществлена осторожно, безъ крайняго увлеченія новшествами, почему она не вызвала той лихорадочной погони за новыми методами преподаванія, которая бросается въ глаза на сѣверѣ Германіи.

Въ Баваріи, какъ впрочемъ и вообще на югѣ Германіи, школа пользуется большимъ спокойствіемъ, чѣмъ въ Пруссіи; споръ по школьному вопросу не обострился здѣсь, какъ на сѣверѣ, и злобная полемика между сторонниками различныхъ системъ образованія, причинившая столько вреда на сѣверѣ Германіи, почти не существуетъ на югѣ, въ Баваріи же она даетъ себя чувствовать менѣе, чѣмъ гдѣ либо. Баварцы дорожатъ особенностями своихъ гимназій, и крайніе взгляды, направленные противъ нихъ, не встрѣчаютъ сочувствія въ обществѣ, благодаря чему газеты и журналы относятся къ школѣ съ большею осторожностью и уваженіемъ.

Это сравнительное спокойствіе въ спорѣ о школьной реформѣ невольно поражаетъ при переѣздѣ изъ Сѣверной Германіи въ Южную. Въ то время, когда въ Пруссіи и въ подчиненныхъ непосредствен-

[1]) См. приложеніе I, рубрика 6.

Библиотека "Руниверс"

ному ея вліянію частяхъ въ Германіи, при ознакомленіи съ разными типами школъ, бросается въ глаза антагонизмъ между ними, а равно обращаетъ на себя вниманіе нервно возбужденное настроеніе учебнаго персонала, нерѣдко ведущее къ недоброжелательному отношенію преподавателей одной школы къ другой; въ то время, когда въ любой книжной лавкѣ на сѣверѣ Германіи на первомъ мѣстѣ выставлены десятки брошюръ, страстно порицающихъ ту или другую школьную систему, на югѣ Германіи эти явленія отсутствуютъ или замѣчаются въ сравнительно очень слабой степени. Уже въ Баденѣ чувствуется эта разница юга и сѣвера, а въ Вюртембергѣ и Баваріи она выступаетъ наружу еще ярче.

Объясняется это, мнѣ кажется, главнымъ образомъ тѣмъ, что правительства южно-германскихъ государствъ дѣйствуютъ не такъ жестоко и прямолинейно, какъ прусское правительство; они осторожнѣе въ предпринимаемыхъ ими реформахъ и не приносятъ школу въ жертву другимъ постороннимъ просвѣщенію цѣлямъ, какъ напримѣръ то сдѣлано въ Пруссіи введеніемъ Abschlussprüfung послѣ 6-го класса (Unter II). Въ Баваріи однако очень опасаются, что правительство, уступая давленію Пруссіи, введетъ этотъ экзаменъ и въ баварскія гимназіи, не смотря на то, что и оно само, и общественное мнѣніе признаютъ его вреднымъ.

Вообще на югѣ Германіи менѣе замѣтно стремленіе новыхъ типовъ школъ вытѣснить старую систему и поглотить ее. Здѣсь не менѣе, чѣмъ на сѣверѣ, дѣлается для удовлетворенія вновь возникающихъ потребностей общества, но учреждаемыя на этой почвѣ новыя школы развиваются болѣе спокойно, чѣмъ въ Пруссіи, рядомъ со старыми гимназіями, не стремясь замѣнить ихъ и не мѣшая ихъ усовершенствованію и процвѣтанію.

Относительно баварскихъ гимназій можно сказать, что онѣ, не смотря на недавнее преобразованіе, остались болѣе вѣрными принципу концентраціи гимназическаго курса на древнихъ языкахъ, чѣмъ прусскія гимназіи, такъ какъ не смотря на то, что въ баварскихъ гимназіяхъ общее число уроковъ въ теченіе всего курса (228) значительно меньше, чѣмъ въ Пруссіи (252), общее число уроковъ по *обоимъ* древнимъ языкамъ въ первыхъ (102) все-таки больше, чѣмъ въ послѣднихъ (98).

Баварцы всегда дорожили тѣмъ, что въ ихъ гимназіяхъ общее число уроковъ меньше, чѣмъ гдѣ либо въ Германіи, и эта особенность сохранилась и въ настоящее время, при чемъ она достигнута

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ, что въ баварскихъ гимназіяхъ на французскій языкъ и на физику положено очень мало и пожалуй слишкомъ мало уроковъ (10 и 5). и тѣмъ, что естествовѣдѣніе преподается лишь въ младшихъ классахъ (по одному уроку въ 5-ти классахъ) и имѣетъ исключительно значеніе какъ Anschauungsunterricht, то-есть, какъ наглядное обученіе, имѣющее цѣлью не столько сообщеніе дѣтямъ знанія по естественнымъ наукамъ, какъ развитіе въ нихъ наблюдательности и вниманія.

Школьное положеніе (Schulordnung) баварскихъ гимназій выработано очень внимательно и отличается ясностью и опредѣленностью требованій и поэтому принадлежитъ къ числу выдающихся законодательныхъ актовъ по школьному дѣлу въ Германіи.

Баварскія гимназіи распадаются, подобно тому какъ и въ Вюртембергѣ, на двѣ части: первые пять классовъ образуютъ такъ называемую латинскую школу (Lateinschule), къ которой примыкаютъ собственно гимназическіе классы въ числѣ четырехъ. Младшіе 3 класса латинской школы (съ 8 недѣльными уроками по-латыни) составляютъ въ то же время и первые три класса реальной гимназіи.

Полныхъ гимназій (то-есть, гимназическихъ классовъ, соединенныхъ съ латинскими школами) въ Баваріи 37, самостоятельныхъ же латинскихъ школъ 36. Эти послѣднія частью приготовляютъ учениковъ для старшихъ гимназическихъ классовъ, частью служатъ самостоятельными школами, удовлетворяющими общеобразовательнымъ потребностямъ населенія.

Въ Мюнхенѣ, въ то время какъ я занялся изученіемъ реальной гимназіи, профессоръ Шварцъ ознакомился съ Maximiliansgymnasium, находящейся подъ управленіемъ члена баварской академіи наукъ, извѣстнаго знатока греческихъ трагиковъ, Веклейна. Но по краткости времени, которымъ мы располагали, профессоръ Шварцъ успѣлъ посѣтить только уроки древнихъ языковъ.

Урокъ по латинской грамматикѣ въ III классѣ у преподавателя Мельбера прошелъ очень живо. Мельберъ отличный педагогъ и держитъ классъ совершенно въ рукахъ. Но даже при его отличномъ владѣніи предметомъ видно было, какъ трудно даются ученикамъ этого класса сколько нибудь обстоятельныя разъясненія синтаксиса падежей. Какъ ни старался напримѣръ Мельберъ разъяснить имъ случаи, когда слѣдуетъ выбирать имъ простой ablat. causae и когда описаніе его посредствомъ adductus, commotus и т. п., но пояснить это ученикамъ ему не удавалось и при переводахъ ошибки были по-

Библиотека "Руниверс"

стоянныя. Конечно, Мельберъ, при его энергіи, добьется своего, но его ученикамъ будетъ не легко. Онъ самъ впрочемъ вполнѣ согласился съ этимъ, но объяснилъ это главнымъ образомъ переполненіемъ классовъ Maximiliansgymnasium (въ 3 классѣ 54 ученика, на урокѣ Веклейна въ старшемъ классѣ Шварцъ насчиталъ 51 ученика) и жаловался на малое количество въ посѣщенномъ профессоромъ Шварцемъ классѣ способныхъ учениковъ. Какихъ же результатовъ достигаютъ ученики баварскихъ гимназій въ искусствѣ переводить полатыни, профессоръ Шварцъ имѣлъ случай видѣть на урокѣ въ 8-мъ классѣ у преподавателя Шмидта. Хотя по постановленію баварскихъ учебныхъ плановъ систематическое прохожденіе грамматики кончается 5 классомъ, а въ классахъ 6—9 на первый планъ выступаетъ чтеніе авторовъ, однако, какъ говорится тамъ, sind auch die Uebersetzungen in das Lateinische unter steter Wiederholung und Bezugnahme auf die Grammatik fortzusetzen und die Aufgaben in stilistischer Beziehung stufenweise zu steigern (10, 7). На такомъ урокѣ и удалось присутствовать профессору Шварцу, который нашелъ, что, не смотря на то, что урокъ былъ не приготовленный, и не смотря на то, что преподаватель былъ не изъ особенно строгихъ, ловкость, съ которою ученики побѣждали трудности темы, выбранной изъ 30 лѣтней войны Шиллера [1]), заслуживала полной похвалы, и окончательный переводъ, данный преподавателемъ, былъ превосходенъ. И со стороны учениковъ и со стороны преподавателя чувствовалась спокойная увѣренность и полное владѣніе предметомъ.

Учителя однако не разъ жаловались на то, что успѣшность учениковъ начинаетъ слабѣть, благодаря тому, что министерство народнаго просвѣщенія черезчуръ прониклось мыслію всѣми средствами сокращать трудъ учениковъ, вслѣдствіе чего задачи на экзаменѣ зрѣлости, такъ называемыя въ Баваріи Absolutorialaufgaben, становятся все легче и легче и требованія постепенно все сокращаются [2]).

На урокѣ греческаго языка въ 5 классѣ (2-й годъ ученья по гречески) читался Анабазисъ. Чтеніе греческаго прозаика здѣсь только что начинается. Ученики прочли еще только двѣ главы (учитель впрочемъ надѣялся до конца полугодія прочесть съ пропусками всю

---

[1]) Въ Aufgaben zu lateinischen Stilübungen v. Bauer und Engelmann (höherer Cursus, Prima).

[2]) Въ Баваріи темы для испытаній зрѣлости задаются министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

1-ю книгу), и при профессорѣ Шварцѣ производилось повтореніе прочитаннаго. Переводъ, конечно, не былъ особенно хорошъ, ибо и ранѣе главы эти были прочтены довольно быстро, но по грамматикѣ ученики уже пріобрѣли твердыя познанія и, насколько профессоръ Шварцъ могъ замѣтить, чтеніе писателя было дѣйствительно серьезное. Ученики въ большинствѣ (было только два или три неудачныхъ отвѣта) ознакомлены были съ историческою обстановкой (особенно хорошо ученики характеризовали греческихъ вождей); на стѣнѣ висѣла карта, на которой постоянно отмѣчалось движеніе Кира младшаго въ Азію, и содержаніе прочитанныхъ главъ было очень твердо усвоено. Видно, что на эту сторону было обращено достаточно вниманія и ученики читали Ксенофонта съ большимъ интересомъ.

На урокѣ Софокла у самого директора, который является болѣе ученымъ, чѣмъ педагогомъ, дѣло шло нѣсколько хуже. Хотя въ началѣ урока преподаватель предложилъ рядъ вопросовъ по содержанію піесы и по строенію греческой трагедіи, но отвѣчали ученики очень неувѣренно и, очевидно, совершенно недоумѣвали, когда преподаватель сталъ говорить о такихъ понятіяхъ, какъ ἀχμή, περιπέτεια и т. п. Переводъ разобраннаго на предыдущемъ урокѣ Стазимона (Антиг. 931) ἔτλα καὶ Δανάας οὐράνιον φῶς и т. д. повторенъ былъ довольно твердо. При этомъ строфу читалъ всякій разъ одинъ ученикъ, антистрофу хоромъ читалъ весь классъ, но хоръ читали не вполнѣ удачно, и приготовленный вновь ἐπεισόδιον 5-й (отъ стиха 974 до 1005) представилъ ученикамъ не мало трудностей, съ которыми они справлялись неособенно умѣло. Объясненія директора касались довольно разнообразныхъ вопросовъ (какъ грамматики, такъ и по реаліямъ), но не шли далѣе того, что дано въ его примѣчаніяхъ къ этой трагедіи, и такъ какъ это изданіе находилось въ рукахъ всѣхъ учениковъ, то въ сущности цѣль этихъ повтореній со стороны учителя не совершенно ясна. Впрочемъ самъ онъ послѣ урока замѣтилъ, что его цѣль заключается въ возможно скоромъ чтеніи авторовъ, что онъ по возможности совсѣмъ избѣгаетъ примѣчаній, и что только такимъ образомъ ему удается прочитывать довольно много: съ нынѣшнимъ классомъ, напримѣръ, онъ прочелъ Платонова Протагора и двѣ трагедіи (Аякса и Антигону).

Осмотромъ Мюнхенской Maximiliansgymnasium мы съ профессоромъ Шварцемъ закончили обозрѣніе нѣмецкихъ классическихъ гимназій, при чемъ общее впечатлѣніе, вынесенное нами, сводится къ слѣдующему:

Библиотека "Руниверс"

1. Во всей Германіи, не смотря на мѣстныя особенности, которыми отличаются гимназіи различныхъ государствъ, и несмотря на болѣе или менѣе значительныя перемѣны, повсемѣстно внесенныя въ гимназическіе учебные планы, за преподаваніемъ классическихъ языковъ твердо удерживается господствующее положеніе, и число уроковъ, особенно по латыни, значительно (а именно въ полтора и даже въ два раза) больше, чѣмъ у насъ, при чемъ первымъ условіемъ успѣха, даже въ гимназіяхъ, склонныхъ къ радикальному измѣненію гимназическаго строя (какъ напримѣръ во Франкфуктѣ), поставляется необходимость начинать изученіе древняго языка (особенно латинскаго) при значительномъ числѣ уроковъ, которое, смотря по мѣстностямъ, колеблется въ младшихъ классахъ между 10 и 8 уроками въ недѣлю. Цѣль этого первоначальнаго интенсивнаго преподаванія заключается въ томъ, чтобы пользуясь возрастомъ, когда начальныя основы языка легче всего усвоиваются, достичь твердаго знанія необходимыхъ элементовъ языка и быть въ состояніи приступить къ основательному чтенію и уразумѣть авторовъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ.— Эта цѣль достигается въ достаточной мѣрѣ въ тѣхъ особенно германскихъ гимназіяхъ, которыя, не чуждаясь усовершенствованій, не увлекаются однако новшествами настолько, чтобы въ погонѣ за наиновѣйшими усовершенствованіями терять то хорошее, что уже пріобрѣтено опытомъ вѣковъ.

2. Въ большей части германскихъ гимназій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ прусскихъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, погоня за усовершенствованными методами и уступчивость передъ модными требованіями нѣкоторой части общества, поставили преподаваніе на ошибочный, или, во всякомъ случаѣ, на сомнительный путь, признается необходимость поддерживать въ ученикахъ и расширять систематическое изученіе языка въ теченіе всего курса. Для этого во всѣхъ классахъ, не исключая и старшихъ, установлены письменныя упражненія по древнимъ языкамъ, цѣль каковыхъ упражненій заключается не въ томъ, чтобы научить всѣхъ учащихся свободно писать по латыни и по гречески, что въ настоящее время трудно достижимо, да едва ли и необходимо, а въ томъ, чтобы при посредствѣ scripta на древнихъ языкахъ поддерживать въ ученикахъ грамматическія знанія, безъ которыхъ невозможно правильное и развивающее умъ чтеніе авторовъ. Для достиженія этой цѣли не требуется значительнаго количества уроковъ, и во всѣхъ почти германскихъ гимназіяхъ, за исключеніемъ

Библиотека "Руниверс"

вюртембергскихъ, гдѣ scripta на древнихъ языкахъ, особенно на латинскомъ (такъ называемыя экспозиціи), занимаютъ безъ пользы для существа дѣла неподобающее имъ господствующее положеніе, на грамматическія упражненія въ старшихъ классахъ выдѣляется по одному или полтора урока, при чемъ упражненія эти несомнѣнно содѣйствуютъ успѣшности и плодотворности чтенія, благодаря чему ученики, не теряя при чтеніи авторовъ времени на приноминаніе или отыскиваніе формъ и оборотовъ, успѣваютъ прочесть въ теченіе курса довольно много и при томъ прочесть связно, безъ запинокъ и безполезнаго замедленія, и усвоивая себѣ всестороннее содержаніе автора.—Въ тѣхъ же, впрочемъ немногихъ, гимназіяхъ, гдѣ пренебрегаютъ грамматикой, въ старшихъ классахъ отъ этого страдаетъ прежде всего чтеніе авторовъ, нить котораго постоянно прерывается тѣми затрудненіями, которыя представляетъ для учениковъ всякое сколько нибудь не легкое мѣсто, благодаря чему чтеніе представляетъ собою или безплодное отгадываніе или же поверхностное схватываніе, такъ сказать на лету, общаго смысла даннаго отрывка, что можетъ дать читающему лишь смутное понятіе о прочитанномъ и не даетъ никакого серьезнаго представленія объ авторѣ.

3. Хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, особенно въ Пруссіи, погоня за новыми методами преподаванія получила широкое развитіе, но опытъ и наблюденіе уже теперь доказываютъ, что погоня эта приноситъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Мечта о томъ, чтобы усовершенствованіемъ методы можно было бы замѣнить недостатокъ времени или дать ученикамъ возможность усвоить себѣ знанія и достичь развитія безъ всякаго напряженія и труда, не только не осуществляется на дѣлѣ, но напротивъ разслабляетъ учащихся, ведетъ къ тому, что они привыкаютъ, чтобы за нихъ работали учителя, и развиваетъ одну лишь поверхностность и нетвердость знаній. Невольно убѣждаешься въ томъ, что многіе старые способы преподаванія, хотя выработанные не рѣдко ощупью и не вполнѣ сознательно, но основанные на опытѣ и наблюденіяхъ въ теченіе многихъ десятилѣтій, вовсе не заслуживаютъ того презрѣнія, съ которымъ часто къ нимъ относятся въ наше время, а напротивъ заключаютъ въ себѣ значительную долю истины, требуютъ не отверженія и ломки, а только усовершенствованія и очищенія отъ рутины.—Относительно изученія языковъ, для меня по крайней мѣрѣ, совершенно ясно, что правильно поставленная старая грамматическая метода, имѣющая задачею, хотя

Библиотека "Руниверс"

медленное, но систематическое изученіе языковъ, даетъ въ концѣ концовъ наилучшіе результаты, ведетъ къ твердому знанію, развиваетъ мыслительныя способности, благодаря чему юноши, воспитанные по этой методѣ, достигаютъ большей начитанности, лучшаго пониманія прочитаннаго и не только оказываютъ большіе успѣхи по древнимъ языкамъ, но и лучше, и зрѣлѣе излагаютъ свои мысли на родномъ языкѣ, чѣмъ ученики, которые. обучаясь по новымъ, такъ называемымъ. натуральнымъ методамъ, быстро перескакиваютъ черезъ первоначальныя трудности языка. въ началѣ ученія поражаютъ кажущеюся быстротою успѣховъ, но при дальнѣйшемъ ученіи оказываются лишенными способности къ самостоятельному труду и кончаютъ курсъ ученія безъ твердыхъ знаній.

4. Что касается до столь модныхъ у насъ теперь вопросовъ о краткихъ грамматикахъ и объ изданіяхъ съ комментаріями, то большинство преподавателей вышеназванныхъ учебныхъ заведеній относятся къ нимъ довольно скептически. За исключеніемъ доктора Энгельмана въ Штутгартѣ, употребляющаго при чтеніи Анабазиса изданіе Sorof'a, и Веклейна, ученики котораго пользовались его изданіемъ Софокла, всѣ они въ классѣ требуютъ отъ учениковъ простыхъ текстовъ и пользованіе комментированными изданіями рекомендуютъ на дому. Противъ чрезмѣрныхъ сокращеній въ учебникахъ по грамматикѣ начинается желательная реакція. Употребляются въ школахъ, по разнымъ причинамъ, весьма разнообразные учебники, но высказываются почти всѣ преподаватели, съ которыми мы имѣли случай говорить объ этомъ вопросѣ, изъ латинской грамматики за учебники, подобные Гарре, изъ греческой за учебники, подобные Франке, Бамберга и Коха.

Отрывки для переводовъ на латинскій и греческій составляются преподавателями по большей части самими, примѣнительно къ знаніямъ учениковъ и пройденному изъ грамматики, но наряду съ такими отрывками охотно употребляются 2-я часть Зюпфле и въ Баваріи учебникъ Бауэра и Энгельмана для латинскаго языка и учебники Бамберга, а въ Вюртембергѣ Гауппа и Гольцера—по греческому.

Пособія для наглядпаго ознакомленія съ подробностями древняго быта вездѣ въ большомъ ходу. Бюсты, рельефы, картины изъ древней исторіи (не разъ, напримѣръ, встрѣчались мнѣ и картины Цыбульскаго, охотно пріобрѣтаемыя нѣмцами) развѣшаны почти во всѣхъ классахъ; историки вездѣ читаются съ картами, иллюстрирующими

Библиотека "Руниверс"

мѣстность, гдѣ происходили событія; для ознакомленія съ миѳологическими сюжетами ученикамъ, гдѣ можно, рекомендуютъ ознакомленіе съ произведеніями античнаго искусства и т. п.

5. Одна изъ отрадныхъ сторонъ германскихъ гимназій заключается въ качествѣ учительскаго персонала. Само собою разумѣется, что личныя достоинства преподавателей и въ Германіи очень разнообразны, и что рядомъ съ превосходными учителями встрѣчаются и болѣе слабые, но общій образовательный уровень ихъ весьма высокъ. За рѣдкими исключеніями, учителя гимназій обладаютъ очень солиднымъ общимъ образованіемъ. и являются знатоками не только спеціально по одному предмету, но въ состояніи прекрасно преподавать нѣсколько предметовъ, благодаря чему представляется возможность сосредоточивать въ однѣхъ рукахъ преподаваніе цѣлой группы наукъ, отъ чего несомнѣнно выигрываетъ цѣльность и гармонія въ преподаваніи.—Независимо отъ сего нельзя упускать изъ вида, что среди учителей германскихъ гимназій вкусъ и наклонность къ чисто научнымъ занятіямъ весьма распространены, и многіе изъ преподавателей, не покидая гимназической карьеры, пріобрѣтаютъ извѣстность и составляютъ себѣ имя своими учеными трудами.

6. Что касается до учениковъ гимназій, то они хорошо дисциплинированы, вѣжливы и предупредительны, хотя пользуются значительною свободою и самостоятельностью внѣ классовъ. Въ учебномъ отношеніи они отличаются аккуратностью и исполнительностью и въ общемъ достигаютъ хорошихъ результатовъ, но они только въ рѣдкихъ случаяхъ обращаютъ на себя вниманіе быстротою соображенія и воспріимчивости, и въ этомъ отношеніи ученики французскихъ лицеевъ и пожалуй нашихъ гимназій стоятъ выше ихъ. Я увѣренъ, что если бы у насъ для подготовки преподавателей дѣлалось столько, какъ въ Германіи, и если бы, напримѣръ, по древнимъ языкамъ наши гимназіи располагали числомъ уроковъ, хотя бы приблизительно равнымъ наименьшему числу уроковъ, назначаемому въ какой либо гимназіи въ Германіи, то результаты достигались бы у насъ легче и пожалуй лучшаго качества.

Въ заключеніе рѣшаюсь сказать, что хотя настоящее время очень неблагопріятно для наблюденій надъ гимназіями въ Германіи, такъ какъ реформы послѣднихъ лѣтъ въ значительной степени выбили изъ колеи весь строй школы, и учебное дѣло, не успѣвъ установиться, находится въ переходномъ положеніи, но тѣмъ не менѣе гимназіи

Библиотека "Руниверс"

продолжаютъ стоять на высокомъ уровнѣ и даютъ своимъ воспитанникамъ солидное образованіе и развитіе, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ во 1-хъ. умѣнье учениковъ во время самаго урока схватывать сущность преподаваемаго и достаточно точно и ясно изложить эту сущность въ классныхъ своихъ запискахъ, и во 2-хъ, качество сочиненій на родномъ языкѣ, доказывающее, что ученики хорошо владѣютъ этимъ языкомъ, обладаютъ значительною начитанностью и умѣньемъ ясно и зрѣло изложить свои мысли.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Учебникъ Географіи Россійской Имперіи. Составилъ *А. Чаплинъ*. Вильна. 1895 г. Стр. 268+III. Ц. 80 коп.

По объему учебникъ г. Чаплина принадлежитъ къ разряду подробныхъ. Въ составѣ матеріала заключается особенность, встрѣчающаяся только въ одномъ учебникѣ, вышедшемъ ранѣе Чаплина, именно у Ряднова. Подобно послѣднему, имѣющему, впрочемъ, въ виду программы военныхъ училищъ, г. Чаплинъ внесъ статьи: Государственное и общественное устройство, Вооруженныя силы Россіи, Организація войскъ, Комплектованіе арміи унтеръ-офицерами и офицерами и т. д. Обозрѣвается европейская Россія, какъ и въ большей части нашихъ учебниковъ по пространствамъ, а азіатская — въ общихъ очеркахъ. Но вопреки всѣмъ вышедшимъ учебникамъ, Кавказскій край разсматривается послѣ Сибири и Среднеазіатскихъ владѣній. Подобно учебникамъ Бѣлохи, Линберга, г. Чаплинъ выдѣлилъ промышленность въ особый отдѣлъ. Никакого введенія къ учебнику нѣтъ и потому нельзя сказать, какъ смотритъ авторъ на предложенныя имъ статьи, не требуемыя учебною программою, то-есть, считаетъ ли онъ ихъ обязательными для учениковъ или же предназначаетъ ихъ только для чтенія и для справокъ. Но во всякомъ случаѣ и главная часть книги трудно преодолима для учениковъ какъ гимназій, такъ и реальныхъ училищъ.

Прежде всего составитель излагаетъ въ каждой главѣ матеріалъ въ такомъ видѣ, что существенныя свѣдѣнія перемѣшиваются со второстепенными, подлежащее частому повторенію разсѣивается

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

по такому матеріалу, который можетъ быть предложенъ только для чтенія. Вслѣдствіе этого при употребленіи упомянутаго учебника сосредоточить вниманіе учениковъ на географическомъ матеріалѣ будетъ весьма трудно, и тѣмъ болѣе, что весь текстъ учебника напечатанъ однимъ шрифтомъ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ страницъ въ послѣднемъ отдѣлѣ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ.

Также часто наблюдается отсутствіе чувства мѣры, какъ въ количествѣ, такъ и въ свойствѣ самаго матеріала. Такъ, составитель нерѣдко вноситъ въ текстъ то, что могло быть объяснено на урокѣ или выведено самими учениками уже изъ предшествующихъ свѣдѣній. Представляемъ примѣры:

Стр. 20. „Разсматривая рѣки Европейской Россіи относительно выгодъ, доставляемыхъ ими, мы увидимъ, что сѣть этихъ естественныхъ путей сообщенія, при неравномѣрномъ распредѣленіи ея на территоріи, достаточно развита, хотя, сравнительно, значительно менѣе, чѣмъ въ государствахъ западной Европы",

Въ другихъ мѣстахъ авторъ много распространяется о томъ, что могло быть сообщено только вскользь, въ общихъ чертахъ. Напримѣръ, при общемъ описаніи морей, которое предшествуетъ частному обозрѣнію Россіи, авторъ останавливается на главнѣйшихъ предметахъ привоза и вывоза изъ портовъ, лежащихъ на этихъ моряхъ, а по поводу Чернаго моря распространяется вообще о рыболовствѣ въ Россіи и объ уменьшеніи его въ настоящее время. Или, другой примѣръ: при описаніи Мурманскаго берега (стр. 11) и Уссурійскаго края (стр 12) говорится о ихъ значеніи въ будущемъ. Или: при описаніи рѣкъ авторъ распространяется о важности водныхъ путей сообщенія (стр. 20), о территоріальномъ и политическомъ значеніи рѣкъ (стр. 21) и т. п.

Особенно же будутъ удручать учениковъ статистическія данныя. Напримѣръ, приросценію населенія составитель посвящаетъ двѣ страницы (44—45) и тутъ говорится о первой ревизіи при Петрѣ В., о причинахъ увеличенія населенія, о приростѣ населенія сравнительно съ другими государствами Европы, показываются губерніи и области, въ которыхъ наибольшій приростъ, наименьшій приростъ, средній приростъ; отмѣчается, гдѣ существуетъ перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами и мужчинъ надъ женщинами, и въ общемъ выводѣ указывается, что въ Россіи мужчинъ нѣсколько больше, чѣмъ женщинъ. Такія свѣдѣнія, не вызываемыя нуждами общеобразовательнаго курса, встрѣчаются при частномъ обозрѣніи Россіи тамъ, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

дѣло идетъ о составѣ народонаселенія и о различіи вѣроисповѣданія, Менѣе, чѣмъ статистическія данныя, но все-таки будутъ затруднять учениковъ и сообщенія по исторіи, которыми начинается обозрѣніе каждой группы губерній или областей; кое-что изъ этого можно удержать, но оно должно быть изложено въ другомъ родѣ и мелкимъ шрифтомъ. Напримѣръ: мѣста въ родѣ слѣдующихъ вовсе не идутъ къ географіи. „Губерніи, (то-есть, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская и т. д.) составляютъ центръ, около котораго собралась Русская земля. Роль собирателя выпала на долю Московскаго княжества, которое встрѣтило значительный отпоръ со стороны Твери, Владимира и др.; но борьба оканчивается торжествомъ Москвы и всѣ княжества постепенно ей подчиняются въ XV и въ началѣ XVI вѣка.—Москва, какъ политическая самостоятельная единица, выступаетъ на сцену въ XIV вѣкѣ“ (стр. 124). Или ниже: „Владимирская губернія—остатокъ великаго княжества Суздальскаго. Городъ Владиміръ былъ стольнымъ городомъ русской земли, пока не уступилъ своего первенства Москвѣ въ XIV вѣкѣ“ (стр. 125).

Изъ представленныхъ извлеченій отчасти можно также судить о томъ, что языкъ учебника не обработанъ какъ слѣдуетъ. Къ чему, напримѣръ, слова „роль собирателя“, „выступаетъ на сцену“ и т. п.?

Но въ отношеніи вѣрности фактовъ учебникъ нужно признать удовлетворительнымъ и вообще составленнымъ въ хорошемъ духѣ.

Прямыя неточности, а равно зависящія отъ изложенія, встрѣчаются мѣстами, но ихъ вообще немного и онѣ легко могутъ быть исправлены. Для примѣра отмѣтимъ слѣдующія:

Стр. 5. „Мы содержимъ на Балтійскомъ морѣ флотъ, который по количеству судовъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду флотовъ западно-европейскихъ державъ“. Слѣдовало бы или точнѣе указать на это предполагаемое мѣсто, или же вовсе не упоминать объ этомъ, и тѣмъ болѣе, что въ концѣ книги, въ статьѣ о морскихъ силахъ сказано, что „по числу броненосцевъ Россія занимаетъ третье мѣсто послѣ Англіи и Франціи“ (стр. 268).

Стр. 9. „На обширномъ пространствѣ, занимаемомъ Чернымъ моремъ, нѣтъ ни одного острова“. И выражено не особенно хорошо, и невѣрно утвержденіе, что на Черномъ морѣ нѣтъ ни одного острова.

Стр. 10. Мысъ Челюскинъ попрежнему называется Телушкинъ.

Стр. 17. Средне-русская и Приволжская возвышенность тянутся по меридіану, перпендикулярно же къ нимъ, съ запада на востокъ, протягивается узкою полосой такъ называемая Урало-Валдайская

Библиотека "Руниверс"

гряда, или Сѣверные Увалы". Все это мѣсто могло бы быть выражено проще и безъ употребленія словъ „узкою полосой". Вообще о возвышенностяхъ Европейской Россіи слѣдуетъ переработать и сократить.

Стр. 32. „Западные и юго-западные вѣтры, кромѣ согрѣвающаго ихъ значенія, увеличивающаго сумму годоваго ихъ тепла, способствуютъ уменьшенію суровости зимы и лѣтняго зноя на западѣ Европейской Россіи". Это мѣсто также должно бы быть выражено проще и, сверхъ того, при дальнѣйшемъ изложеніи нужно было бы показать, что западные и юго-западные вѣтры приносятъ дождь, а этого въ книгѣ нѣтъ, хотя въ одномъ мѣстѣ и указано число дождливыхъ и снѣжныхъ дней въ западной части Европейской Россіи.

Стр. 36. „Разнообразіе климата и почвы Европейской Россіи имѣетъ вліяніе на разнообразіе растительнаго царства". Опять неудобное выраженіе, да и къ тому же о почвѣ идетъ рѣчь позднѣе на стр. 40.

Стр. 47. Евреи, греки, армяне и цыгане поставлены подъ рубрику семитическихъ и другихъ племенъ. Евреевъ ученикъ отнесетъ къ семитамъ, но къ какимъ же другимъ племенамъ надо отнести грековъ, армянъ и цыганъ, это остается вопросомъ.

Стр. 62. „Губерніи Улеаборгская, Вазасская, Або-Бьернеборгская, Нюландская и Выборгская прилегаютъ къ берегамъ Финскаго залива", Слѣдовало бы сказать: Ботническаго и Финскаго.

Тамъ же: „На Соловецкихъ островахъ, лежащихъ на Бѣломъ морѣ, находится Соловецкій монастырь, замѣчательный богатствомъ и древностью (болѣе 400 лѣтъ)". Сказано мало и не ярко. Кстати замѣтимъ, что Валаамскій монастырь не упомянутъ, хотя имѣетъ историческое значеніе.

Стр. 63. „Поверхность Финляндіи представляетъ страну, лежащую на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря". „Нѣсколько" не даетъ никакого представленія, такъ какъ почти всѣ страны у моря лежатъ выше его.

Стр. 65. „Образованіе весьма сильно развито въ Финляндіи". Но вѣдь оно развилось со времени подчиненія Финляндіи Россіи въ XIX вѣкѣ. Это слѣдуетъ всегда отмѣчать въ русскихъ учебникахъ.

Стр. 73. Замѣтка, что Морской каналъ въ Петербургѣ тянется на 30 верстъ—невѣрна.

Стр. 74. Въ Старой Руссѣ упоминаются соляныя варницы, которыхъ уже теперь нѣтъ (стр. 75).

Стр. 88. Указывается, какъ на особенность, существованіе въ Прибалтійскомъ краѣ большаго числа безземельныхъ крестьянъ, но

Библиотека "Руниверс"

слѣдовало бы точнѣе опредѣлить, когда это случилось. И вообще это не ясно изложено.

Тамъ же: Въ Прибалтійскомъ краѣ „издавна существуетъ многопольная система". Слово „издавна" не даетъ никакого знанія.

Стр. 91. „Императоръ Александръ I даровалъ присоединенной землѣ особое политическое устройство. Поляки сохранили свой сеймъ, свои законы, таможни и свое войско". Вмѣсто „сохранили" слѣдовало бы сказать „получили".

Стр. 97. „Астраханская губ. и область Войска Донскаго были подвластны Золотой Ордѣ". Но и другія губерніи Степнаго края также были подвластны Ордѣ.

Тамъ же говорится, что Ясскій миръ былъ заключенъ въ 1797 году, на самомъ дѣлѣ въ 1791 году.

Стр. 101. Въ числѣ инородцевъ Степнаго края упомянуты нагайцы. Но вѣдь почти всѣ они переселились въ Турцію, такъ что едва ли есть нужда упоминать объ остаткахъ ихъ.

Стр. 145. „Пермякъ при весьма ограниченныхъ умственныхъ способностяхъ отличается упрямствомъ, злостью и лѣностью",—слишкомъ суровой приговоръ.

Стр 153. Упоминаются Амурскія горы. Но такихъ горъ нѣтъ, а есть горы Амурскаго края.

Стр. 154. „Байкальское озеро (въ переводѣ съ татарскаго—богатое озеро)". Вообще принято думать, что Байкалъ есть слово монгольское, а у монголовъ или точнѣе у китайцевъ оно называется Сѣвернымъ моремъ.

Стр. 160. „Между бурятами встрѣчается много хорошихъ наѣздниковъ". На какихъ же это коняхъ они ѣздятъ?

Стр. 164. Въ числѣ предметовъ вывоза изъ Китая въ Россію упоминается кофе. Вѣрно ли это?

1. *Парсиваль. Parcival.* Пособіе для класснаго и домашняго чтенія. Примѣчаніями и словарями, построчнымъ и алфавитнымъ, снабдилъ *Максъ Фишеръ*. Изданіе второе. Москва. 1895. Стр. X+62. Цѣна 40 коп.

2. *Гудрунъ. Gudrun.* Пособіе для класснаго и домашняго чтенія, и т. д. Москва. 1895. Стр. IV+90. Цѣна 40 коп.

3. *Зигфридъ.* (Нибелунги). *Siegfried.* (Das Nibelungenlied) Пособіе для класснаго и домашняго чтенія, и т. д. Изданіе второе. Москва. 1894. Стр. IV+105. Цѣна 40 коп.

Вышепоименованныя книжки принадлежатъ къ коллекціи нѣмецкихъ классиковъ, издаваемыхъ уже нѣсколько лѣтъ преподавателемъ

Библиотека "Руниверс"

нѣмецкаго языка при Московской практической академіи М. Фишеромъ, и составляютъ три отдѣльныхъ выпуска этой коллекціи подъ общимъ заглавіемъ: „Германскія героическія сказанія". Какъ всѣ изданія г. Фишера, нынѣ предлагаемые три выпуска отличаются не только большими внутренними достоинствами, но и изданы весьма изящно.

Текстъ, какъ мы читаемъ въ предисловіи къ этимъ изданіямъ, подвергнутъ строгой критикѣ и составленъ согласно требованіямъ школы. При этомъ г. Фишеръ воспользовался сочиненіями Vilmar'a Waegner'a и Khull'a, то-есть, такихъ нѣмецкихъ авторовъ, языкъ которыхъ по справедливости можно считать вполнѣ классическимъ.

Объяснительныя примѣчанія, помѣщенныя подъ текстомъ, составлены весьма умѣло; для лучшаго пониманія текста и правильнаго перевода его на русскій языкъ весьма часто даются нѣмецкіе синонимы и нерѣдко перефразировка цѣлыхъ предложеній и фразъ, безъ которой хорошій переводъ на литературный русскій языкъ нѣмецкаго текста, представляющаго мѣстами не мало трудностей, едва ли бы оказался по силамъ ученикамъ нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Сверхъ того каждый выпускъ снабженъ двумя словарями: построчнымъ, заключающимъ въ себѣ всѣ слова, которыя могутъ быть неизвѣстны среднему ученику, и довольно полнымъ и хорошо составленнымъ алфавитнымъ словаремъ.

Въ концѣ двухъ изъ названныхъ выпусковъ, а именно: „Гудруны" и „Парсиваля" дается, въ видѣ приложенія, еще списокъ сильныхъ глаголовъ, встрѣчающихся въ нѣмецкомъ текстѣ.

Что же касается содержанія разбираемыхъ книжекъ, заимствованнаго, какъ уже видно по вышеприведенному общему ихъ заглавію, изъ германскихъ героическихъ сказаній,—то, конечно, нельзя ожидать, чтобы оно возбудило особенно живой интересъ въ учащихся нашихъ русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, но тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что предлагаемые въ нихъ разказы всетаки будутъ читаться нашими учениками не безъ охоты, такъ какъ разказы эти написаны прекраснымъ, живымъ языкомъ и благодаря богатымъ и хорошо составленнымъ къ нимъ комментаріямъ вполнѣ доступны пониманію учащихся.

Въ заключеніе повторяемъ: книжки изданы весьма изящно; типографская ихъ сторона во всѣхъ отношеніяхъ безукоризнена.

Библиотека "Руниверс"

Deutsches Lesebuch für die mittleren Unterrichtsanstalten Russlands von *Ernst Westermann*. Oberlehrer der deutschen Sprache. Erstes Jahr. Riga. 1896. Стр. VI+88. Цѣна 60 коп.

Книга г. Вестермана состоитъ изъ пяти отдѣловъ, а именно:

1) Lese-und Schreibübungen. Fragen und Antworten. Schilderungen, Erzählungen und Gedichte.

2) Uebungsstücke zum Uebersetzen aus dem Russischen ins Deutsche.

3) Wörterverzeichniss zu den einzelnen Lesestücken.

4) Sachlich geordnetes Wörterverzeichniss.

5) Das grammatische Material für das erste Lehrjahr.

Какъ видно изъ самыхъ названій перечисленныхъ пяти отдѣловъ, книга подъ заглавіемъ: „Deutsches Lesebuch", предназначена авторомъ для учениковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, начинающихъ изучать нѣмецкій языкъ, при чемъ она имъ должна замѣнить не только первую книгу для чтенія, но также и первоначальную систематическую грамматику нѣмецкаго языка. Сверхъ того она даетъ довольно богатый матеріалъ для упражненія въ письмѣ. Такимъ образомъ, разбираемая книга заключаетъ въ себѣ все, что необходимо ученикамъ для изученія нѣмецкаго языка въ теченіе перваго года ихъ занятій этимъ предметомъ. А въ этомъ именно и состоитъ немаловажное преимущество книги г. Вестермана предъ многими другими учебниками нѣмецкаго языка, которые, представляя собою или только книгу для чтенія, или же только систематическую грамматику, вызываютъ необходимость какъ для учителя, такъ и для учениковъ съ самаго начала изученія чужаго языка пользоваться въ классѣ и дома нѣсколькими учебниками, что, конечно, вовсе не желательно.

Нужно еще указать и на то, что существенную часть перваго и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго главнаго отдѣла книги, который занимаетъ 50 страницъ, составляютъ предшествующіе каждой статьѣ для чтенія и перевода „*вопросы* и *отвѣты*" (Fragen und Antworten); они должны служить для упражненія учениковъ въ разговорной рѣчи. Полнаго одобренія заслуживаетъ и другая хорошая сторона книги, заключающаяся въ томъ, что авторъ въ исполненіе весьма благоразумнаго требованія объяснительной записки къ учебнымъ планамъ и примѣрнымъ программамъ по нѣмецкому языку, чтобы „чтеніе не было механическимъ, но съ самаго начала сопровождалось сообщеніемъ значенія словъ и смысла фразъ", забо-

Библиотека "Руниверс"

тился о томъ, чтобы съ первой же страницы книги ученикамъ было сообщаемо русское значеніе нѣмецкихъ словъ и выраженій. Съ этою же цѣлью и словари, какъ постатейный, такъ и предметный, составлены весьма тщательно и едва ли представляютъ какіе либо пробѣлы.

Что же касается типографской стороны книги, то—бумага хороша, опечатокъ почти вовсе нѣтъ, но печать какъ словарей, такъ и грамматической части книги, то-есть, всего пятаго отдѣла, слишкомъ мелка.

Элементарный курсъ нѣмецкой грамматики. Составили *В. Доннеръ* и *К. Грубе*. Elementar-Kursus der deutschen Grammatik von *W. Donner* und *K. Grube*. I и II Stufe. Dritte, umgearbeitete Auflage. Riga. 1896. Стр. VIII+120. Цѣна въ переплетѣ 50 коп.

Учебникъ гг. Доннера и Грубе распадается на двѣ части, а именно: на практическую и теоретическую. Въ практической части помѣщены: матеріалъ, служащій для выводовъ грамматическихъ правилъ; потомъ, упражненія, назначающіяся для затвержденія пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, и нѣсколько статей, подобранныхъ для разбора. Число послѣднихъ не значительно. Въ теоретической части сообщаются, въ сжатой формѣ, грамматическія свѣдѣнія, которыя должны быть усвоены учащимися; во главѣ каждаго параграфа этой части поставлено по нѣскольку образцовъ, чтобы предупредить, какъ говорится въ предисловіи къ книгѣ, безсмысленное заучиваніе при повторительномъ домашнемъ занятіи. Первая, практическая часть, подъ заглавіемъ: „A. Zur Entwickelung und Einübung des grammatischen Lernstoffes“, занимаетъ 74 страницы; вторая, теоретическая часть: „B. Grammatischer Lernstoff“.—остальныя 45 страницъ.

Такое распредѣленіе предлагаемаго въ учебникѣ матеріала обусловливается тѣмъ методомъ, который авторами признается наиболѣе цѣлесообразнымъ для изученія въ низшей и средней школѣ нѣмецкой грамматики съ цѣлью развитія способности къ сознательно-правильному употребленію нѣмецкаго языка, какъ въ устной рѣчи, такъ и на письмѣ.

Въ чемъ заключается этотъ методъ, котораго держались авторы при составленіи своего учебника, мы усматриваемъ изъ слѣдующаго мѣста предисловія, гдѣ сказано:

1) „Пріобрѣтаемыя учащимися грамматическія познанія выводятся ими же, при помощи преподавателя, изъ образцовъ, представляющихъ собою опредѣленную совокупность рѣчи. Слѣдовательно, исходомъ

Библиотека "Руниверс"

для всѣхъ грамматическихъ занятій служитъ предложеніе; сперва учащіеся ознакамливаются съ предложеніемъ и его членами, а потомъ съ частями рѣчи, посредствомъ которыхъ выражаются отдѣльные члены предложенія.

2) Грамматическія познанія, разумно пріобрѣтенныя учащимися, затѣмъ затверживаются устными и письменными упражненіями.

3) Въ заключеніе слѣдуетъ переходить къ грамматическому разбору подходящихъ статей, чтобы учащіеся, узнавая въ связной рѣчи пріобрѣтенныя ими грамматическія свѣдѣнія, дошли до сознанія органическаго строя языка".

Согласно съ такими требованіями указаннаго метода, весь грамматическій матеріалъ предлагаемаго учебника распредѣленъ на двѣ ступени. На первой излагается простое нераспространенное предложеніе. Чрезъ подлежащее учащіеся ознакамливаются съ именемъ существительнымъ и личнымъ мѣстоименіемъ — относительно рода и числа; черезъ сказуемое—съ глаголомъ, относительно времени, числа и лицъ рѣчи, а также съ прилагательнымъ-сказуемымъ. На второй ступени разсматривается простое, распространенное и слитное предложенія.

Здѣсь, при прохожденіи *дополненія*, объясняется склоненіе имени существительнаго и мѣстоименія; при *опредѣленіи* — учащіеся ознакамливаются съ именемъ прилагательнымъ въ опредѣленной формѣ, именемъ числительнымъ и разнаго рода мѣстоименіями; *обстоятельства* даютъ поводъ къ разсмотрѣнію предлоговъ и нарѣчій; *слитное* предложеніе ведетъ къ пониманію союзовъ. При этомъ въ удовлетвореніе принципа „перехода отъ легкаго къ трудному", какъ говорится въ предисловіи, вторая ступень раздѣлена на два круга, изъ которыхъ первый сообщаетъ самое важное относительно членовъ предложенія и частей рѣчи, а второй — дополнительныя къ нимъ свѣдѣнія и начало словопроизводства.

Съ такимъ методомъ нельзя не согласиться: и мы считаемъ его самымъ естественнымъ и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразнымъ, въ особенности же при примѣненіи его къ изученію новыхъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Вся книжка вообще составлена весьма дѣльно: вездѣ замѣчается стройная система, правила изложены коротко, ясно и точно; выборъ примѣровъ и практическихъ упражненій весьма тщательный и вполнѣ удачный; если число такихъ упражненій, по первому взгляду, можетъ показаться очень незначительнымъ, то не слѣдуетъ забывать,

Библиотека "Руниверс"

что разбираемый учебникъ предлагаетъ матеріалъ только для начальныхъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Нѣмецкій языкъ, на которомъ изложена вся книжка, вполнѣ безукоризненный. Вообще книга производитъ весьма пріятное впечатлѣніе и принесетъ несомнѣнно большую пользу тѣмъ ученикамъ, которые по ней будутъ изучать нѣмецкій языкъ. И типографская сторона книги не оставляетъ желать ничего лучшаго: бумага и печать хороши, опечатокъ нѣтъ.

Нѣмецкая грамматика. Составилъ *Ф. Крейсберг*ъ, инспекторъ Тифлисской 3-й гимназіи. Тифлисъ, 1895. Стр. 73. Цѣна 40 коп.

Нѣмецкая грамматика г. Крейсберга служитъ, какъ мы читаемъ въ краткомъ предисловіи къ книжкѣ,—дополненіемъ къ учебникамъ нѣмецкаго языка того же автора, изданнымъ: часть I—вторымъ изданіемъ (Тифлисъ, 1893 г.) и часть II, также вторымъ изданіемъ (Тифлисъ, 1895 г.).

Разбираемый трудъ г. Крейсберга, представляющій собою краткую грамматику нѣмецкаго языка, предлагаетъ только дѣйствительно существенное и самое необходимое какъ изъ нѣмецкой этимологіи, такъ и изъ синтаксиса того же языка, оставляя въ сторонѣ даже такія важныя статьи, какъ, напримѣръ, изъ этимологіи все ученіе о звукахъ, о правописаніи, а изъ синтаксиса статью о простомъ предложеніи, его членахъ, о согласованіи и подобное, то-есть, такія статьи, которыя обязательно должны войдти въ составъ каждой систематической грамматики, какъ бы она ни была коротка. Но это обстоятельство легко объясняется уже выше указаннымъ назначеніемъ предлагаемой книги, а именно: служить лишь дополненіемъ къ прежде изданнымъ учебникамъ нѣмецкаго языка того же автора.

Грамматическія правила, предлагаемыя въ разбираемой книжкѣ, изложены большею частію коротко и ясно; примѣры, объясняющіе данныя правила, подобраны очень хорошо и дѣйствительно значительно облегчаютъ ученикамъ пониманіе правилъ. Вообще можно сказать, что книжка составлена очень дѣльно и безъ всякаго сомнѣнія можетъ служить хорошимъ пособіемъ при изученіи нѣмецкаго языка.

Только типографская ея сторона не совсѣмъ удовлетворительна: печать не особенно хороша; при томъ, вслѣдствіе отсутствія разнаго шрифта, сильно страдаетъ наглядность и безъ всякой нужды затруд-

Библиотека "Руниверс"

няется усвоеніе учениками предлагаемаго матеріала, такъ, напримѣръ, на стр. 3, гдѣ говорится о *множественномъ числѣ*, — стр. 6, гдѣ въ § 8 рѣчь идетъ *о родѣ именъ существительныхъ*,—на стр. 9, гдѣ въ § 10 излагается статья о степеняхъ сравненія и перечисляются прилагательныя съ неправильнымъ образованіемъ степеней сравненія и въ другихъ мѣстахъ. Не свободна книжка и отъ опечатокъ, не указанныхъ авторомъ. Такъ мы нашли на стр. 56—превосхонною; стр. 58—помнть (вм. помнить); тамъ же—вашей вм. нашей; стр. 67—Indicativus вм. Infinitivus и подобное.

Русская Хрестоматія. *А. Галахова*. Изданіе 23-е. Въ 2-хъ томахъ. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. Москва. 1896. Томъ I. IV+409 стр. Томъ II. X+607 стр. Цѣна за оба тома 1 р. 90 к.

Новое, 23-е изданіе, извѣстной хрестоматіи покойнаго А. Д. Галахова обращаетъ на себя вниманіе потому, что въ немъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія противъ прежнихъ изданій.

Издатели, очевидно, руководствовались при этихъ измѣненіяхъ, съ одной стороны, выраженнымъ самимъ покойнымъ составителемъ хрестоматіи желаніемъ, чтобы трудъ его пополненъ былъ образцами произведеній новѣйшаго времени; съ другой—стремленіемъ удовлетворить требованіямъ учебныхъ плановъ министерства народнаго просвѣщенія 1890 года, приспособивъ хрестоматію къ потребностямъ всѣхъ классовъ гимназіи отъ III-го до VIII-го включительно. Купивъ хрестоматію Галахова, новаго изданія, ученикъ, по плану составителей, уже не долженъ нуждаться въ другихъ хрестоматіяхъ, расположенныхъ по родамъ и видамъ словесныхъ произведеній [1]).

Задачи, основы хрестоматіи А. Д. Галахова отъ этого не пострадали, но практическая годность книги возросла.

Болѣе измѣненъ I томъ. Въ немъ:

1) Въ виду программы занятій въ классахъ III и IV, помѣщено въ отдѣлахъ „Описанія“ и „Разказы“ значительное число легкихъ стихотвореній и легкихъ статей описательнаго и повѣствовательнаго характера, при чемъ очень многое только перенесено изъ II-го тома прежнихъ изданій той же хрестоматіи. Такимъ образомъ, въ I томѣ найдутся въ достаточномъ количествѣ статьи и стихотворенія, пригодныя для заучиванія наизусть, для пересказа, для разъясненія

[1]) Хрестоматіи по исторіи словесности древней и новой, конечно, ею замѣнены быть не могутъ.

Библиотека "Руниверс"

плана, расположенія сочиненія, для самостоятельныхъ ученическихъ работъ въ означенныхъ классахъ.

2) Отдѣлъ „Разсужденія" пополненъ нѣкоторыми статьями, важными при изученіи теоріи и исторіи словесности по планамъ 1890 года.

3) Наиболѣе переработанъ и усиленъ отдѣлъ „Духовной ораторской рѣчи", повидимому, съ цѣлью—сдѣлать хрестоматію пригодною и для учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства. Если въ увеличеніи этого отдѣла гимназіи и не нуждались, вреда оно, конечно, и гимназіямъ принести не можетъ. Незамѣтно даже, чтобы оно повліяло и на цѣну изданія. 1 р. 90 коп. за 1016 страницъ цѣна очень не высокая.

II томъ, который нѣсколько десятилѣтій служилъ лучшимъ пособіемъ при изученіи образцовъ поэзіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, только нѣсколько пополненъ и обновленъ:

Взамѣнъ статей, перенесенныхъ въ I-й томъ, въ него (отчасти по мыслямъ и указаніямъ покойнаго составителя хрестоматіи) внесены:

1) Образцы произведеній нѣсколькихъ писателей новѣйшаго періода нашей литературы;

2) Нѣсколько отрывковъ изъ произведеній иностранныхъ авторовъ, что даетъ возможность сообщить большую полноту указаніямъ на историческое развитіе различныхъ формъ и видовъ словесности. Это особенно важно въ виду перенесенія преподаванія теоріи словесности изъ V класса въ VIII классъ гимназіи.

Учебникъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *С. Ковалевскій*, преподаватель физики въ С.-Петербургскомъ реальномъ училищѣ. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное. С.-Пб. 1895. VIII+524 стр. Цѣна 2 р. 20 к.

Новое изданіе физики г. Ковалевскаго отличается отъ предыдущихъ немаловажными измѣненіями, которыя нельзя не признать вполнѣ удачными. Сюда относятся нѣкоторыя дополненія въ статьяхъ о сложеніи движеній, о волнообразномъ движеніи и о частичныхъ силахъ въ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ. Съ особымъ удовольствіемъ должно привѣтствовать значительное сокращеніе всего, относящагося до ученія о потенціалѣ.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ желательны слѣдующія дальнѣйшія исправленія.

На стр. 9 сказано, что образецъ метра, хранящійся въ Парижѣ, приготовленъ изъ иридистой платины. Основной эталонъ (1799 г.) приготовленъ изъ платины безъ примѣси иридія.

Библиотека "Руниверс"

На стр. 116, въ объясненіи дѣйствія сифона, говорится о давленіи „на какой-либо слой n жидкости“. Между тѣмъ изъ послѣдующаго ясно, что n не можетъ быть „какимъ-либо“ слоемъ; это слой, расположенный въ высшей точкѣ сифона.

На стр. 124 говорится о числѣ ударовъ газовыхъ частицъ, между тѣмъ какъ понятіе о кинетической теоріи газовъ дается только въ слѣдующемъ параграфѣ.

Стр. 142. Курсивомъ напечатано: „*при нагрѣваніи плотность тѣла измѣняется обратно пропорціонально объему его*“. Такая зависимость плотности отъ объема имѣетъ мѣсто всегда, а не только при нагрѣваніи.

На стр. 159 читаемъ, что „произведеніе равняется постоянному числу, въ среднемъ около 6,4“. Очевидно, число *не* постоянное, если можно говорить объ его среднемъ значеніи.

Стр. 174. „Упругость насыщающаго пара есть наибо́льшая, которую ненасыщающій паръ можетъ имѣть при данной температурѣ“. Редакція неудачная, ибо ненасыщающій паръ этой упругости именно имѣть *не* можетъ, не сдѣлавшись насыщающимъ.

На стр. 191 неясно, что̀ авторъ называетъ фазой: время или отношеніе двухъ временъ.

На стр. 194 въ словахъ „колебательное движеніе частицы A достигаетъ до частицы a_1“ излишни и могутъ привести къ недоразумѣнію слова „частицы A“.

На стр. 320 хорда дуги въ 10° принята равною половинѣ хорды дуги въ 20°, что̀ неточно.

Стр. 259. Вмѣсто 106 см. слѣдовало бы нынѣ давать величину 106,3 см.

На стр. 307 дано невѣрное опредѣленіе поверхности, вездѣ нормальной къ линіямъ силъ; это не есть поверхность равныхъ напряженій или силъ.

На стр. 388 и 389 говорится о числѣ линій силъ, каковое весьма сложное понятіе вовсе не разъяснено.

На фиг. 2, стр. 477 буква S должна находится противъ нижняго числа 10.

На стр. 75 находится весьма крупная опечатка, которая оговорена на особомъ листочкѣ. Далѣе стр. 461 и 462 авторомъ перепечатаны. Необходимо, чтобъ листочекъ и перепечатанный листъ находились во всѣхъ экземплярахъ учебника.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ ВЪ 1892—1894 ГОДАХЪ.

Управленіе Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ только что издало въ свѣтъ отчетъ о состояніи этихъ учрежденій въ 1892—1894 годахъ. Извлекаемъ изъ этой книги важнѣйшія сообщенныя въ ней данныя.

Соединенные музеи, какъ извѣстно, состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) собраніе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ; 2) библіотека; 3) отдѣленіе изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей; 4) отдѣленіе доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей; 5) Дашковскій этнографическій музей, и 6) отдѣленіе иностранной этнографіи. По всѣмъ этимъ отдѣламъ сдѣланы были въ теченіе періода 1892—1894 годовъ болѣе или менѣе значительныя пріобрѣтенія.

По отдѣленію рукописей и старопечатныхъ книгъ пріобрѣтены: въ видѣ цѣлыхъ коллекцій: 1) собраніе изъ 14 рукописей XIII—XVI вѣковъ, купленное у румынскихъ книгопродавцевъ братьевъ Шарага; въ составѣ этой коллекціи находятся между прочимъ: Евангеліе, писанное въ 1283 году поповичемъ Евсевіемъ на пергаменѣ и представляющее въ своемъ правописаніи яркія особенности древняго галицко-волынскаго нарѣчія; Номоканонъ Зонары, средне-болгарскаго письма XV вѣка, на пергаменѣ и бомбицинѣ; двѣ Минеи четьи и пять Миней служебныхъ, молдавскаго письма XV—XVI вѣковъ; и 2) собраніе бумагъ и рукописей академика и профессора Ѳ. И. Буслаева, въ которомъ содер-

Библиотека "Руниверс"

жатся какъ его фамильные документы, письма къ нему разныхъ лицъ, такъ и нѣкоторые читанные имъ курсы. Кромѣ этихъ цѣнныхъ коллекцій, по тому же отдѣленію пріобрѣтены, частію въ даръ, частію покупкою, нѣсколько замѣчательныхъ рукописей древне-русскихъ, въ томъ числѣ: Уставъ церковный (Типиконъ), XVI вѣка; два сборника житій святыхъ и похвальныхъ словъ имъ, XVII вѣка; Александрія и Мамаево побоище въ лицевыхъ спискахъ XVIII вѣка; собраніе документовъ и бумагъ графовъ Н. П. и С. П Румянцовыхъ и дневникъ послѣдняго за 1800—1805 годы; воспоминанія профессора Н. П. Боголюбова (1821—1891 гг.), пожертвованныя авторомъ съ тѣмъ, чтобы нынѣ не выдавать ихъ въ чтеніе, а по прошествіи двадцати лѣтъ со смерти жертвователя напечатать, на что имъ завѣщана музеямъ особая сумма; автографы Гоголя, Сѣрова, Лермонтова. Фета и пр. Изъ вновь пріобрѣтенныхъ книгъ церковной печати слѣдуетъ назвать: „Руно орошенное“ (Черниговъ, 1697) и „Цвѣтникъ“ (Вильно. 1800), изданія, не извѣстныя по библіографическимъ указателямъ. Въ общемъ итогѣ приращенія отдѣленія за истекшее трехлѣтіе выражаются слѣдующими цифрами: рукописей поступило 50, книгъ церковной печати 12, актовъ и автографовъ 102. Новыя поступленія постоянно вносились въ каталогъ служащими при отдѣленіи лицами, которыя сверхъ того занимались, при содѣйствіи нѣкоторыхъ посторонних ученыхъ, каталогизаціей библіотеки покойнаго Н. С. Тихонравова, сданной въ музей на храненіе. Пользованіе отдѣленіемъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1892 году было 80 посѣтителей, въ 1893—60, въ 1894—62. Этими лицами сдѣлано было 2.214 посѣщеній, а вытребованы для занятій 1.391 рукопись. 320 книгъ церковной печати и большое количество актовъ и автографовъ. Кромѣ того, 57 рукописей были отсылаемы съ Высочайшаго разрѣшенія для пользованія въ 13 другихъ учрежденій, въ Москвѣ и Петербургѣ.

Библіотека печатныхъ книгъ также обогатилась въ отчетное трехлѣтіе значительными пріобрѣтеніями. Помимо книгъ, поступавшихъ въ нее въ силу закона чрезъ цензурное вѣдомство, и число коихъ ежегодно простиралось отъ 7.000 до 8.000, было пріобрѣтено покупкой иностранныхъ книгъ на 4.500 руб., при чемъ главнымъ образомъ пріобрѣтались изданія капитальныя по своей научной важности и матеріальной цѣнности, какъ, напримѣръ, словари энциклопедическіе или по отдѣльнымъ отраслямъ знаній, „Corpus inscriptionum latinarum“, „Histoire de l'art dans l'antiquité“ Перро и Шипье и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Въ ряду пожертвованій, какъ самое значительное, слѣдуетъ назвать часть библіотеки покойнаго писателя и земскаго дѣятеля Н. П. Колюпанова, въ количествѣ 1.758 сочиненій большею частью экономическаго или философскаго содержанія. Кромѣ того, отъ 103 лицъ и учрежденій въ Россіи и за границей получено въ даръ 946 томовъ. Пользованіе библіотекой расширяется съ каждымъ годомъ. Занятія въ читальномъ залѣ велись съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Въ 1892 году число посѣщеній доходило до 37.000, въ 1893 году оно возросло до 40.000 и если въ 1894 году опять упало до 37.000, то лишь по причинѣ закрытія зала съ 16-го августа по 15-е сентября, когда въ немъ производился ремонтъ. Наибольшее число посѣщеній приходилось на октябрь, ноябрь и декабрь. Въ числѣ посѣтителей преобладаютъ учащіеся; такъ, въ 1894 году изъ 3.320 посѣтителей къ числу учащихся принадлежало болѣе 54%, тогда какъ на другіе профессіи приходилось 10% и менѣе.

Для отдѣленія изящныхъ искусствъ и классическихъ древностей трехлѣтіе съ 1892 по 1894 годъ было особенно счастливо: отдѣленіе обогатилось двумя собраніями картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, принесенныхъ въ даръ музею Н. П. Колюпановымъ и Я. С. Корниловымъ, и сверхъ того, отдѣльными пожертвованіями Н. С. Мосолова (произведенія Сальватора Розы и Каведони). Д. А. Ровинскаго (гравюры) и другихъ лицъ. Въ коллекціи Колюпанова преобладаютъ произведенія художниковъ голландскихъ и фламандскихъ (Снейдерса, Ванъ-деръ-Неера, Бергема, Д. Теньера, Ванъ-Остада, К. Ванъ-Лоо), а въ коллекціи Корнилова—картины русскихъ мастеровъ (Айвазовскаго, Басина, К. Маковскаго, Риццони, Харламова и др.). Въ числѣ отдѣльныхъ пріобрѣтеній, кромѣ упомянутаго выше дара Н. С. Мосолова, слѣдуетъ назвать работу Перова — портретъ А. Ѳ. Писемскаго, подаренный вдовою послѣдняго, нынѣ также скончавшеюся. Отъ Д. А Ровинскаго получены его изданіе—полное воспроизведеніе гравюръ Рембрандта и его учениковъ. Кромѣ того, отъ Я. С. Корнилова поступило нѣсколько бронзовыхъ изваяній русскихъ и иностранныхъ скульпторовъ, а такъ-называемый Долгоруковскій залъ обогатился пожертвованіями отъ опекуновъ надъ имуществомъ покойнаго генералъ-адъютанта князя В. А. Долгорукова, въ томъ числѣ нѣсколькими портретами иностранныхъ государей, расписными фарфоровыми вазами и проч. Картинная галлерея музея посѣщается многочисленными обозрѣвателями, и кромѣ того, собранныя въ ней художественныя произведенія постоянно служатъ для

Библиотека "Руниверс"

копированія, которымъ усердно занимаются ученики Московскаго училища живописи, ваянія и зодчества; вслѣдствіе наплыва желающихъ копировать въ зимніе мѣсяцы приходится устанавливать между ними очередь для пользованія наиболѣе извѣстными изъ оригиналовъ, хранящихся въ галлереѣ.

Не останавливаясь на отдѣленіи доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей, а также на отдѣленіи иностранной этнографіи, такъ какъ по тому и другому новыя пріобрѣтенія въ 1892—1894 годахъ были немногочисленны и несущественны, обращаемся къ Дашковскому этнографическому музею. въ которомъ сосредоточены предметы, относящіяся къ быту народовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи. Пожертвованія въ этотъ отдѣлъ поступали въ 1892—1894 годахъ въ томъ же обиліи, какъ и въ предшествующіе годы. Главнымъ вкладчикомъ является состоящее при Московскомъ университетѣ Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Члены его, собирая бытовые предметы въ своихъ поѣздкахъ, предпринятыхъ съ этнографическою цѣлью, передаютъ свои коллекціи въ Дашковскій музей. Въ общей сложности число предметовъ, поступившихъ сюда въ 1892—1893 годахъ, достигаетъ цифры 685. Изъ русскихъ бытовыхъ предметовъ наибольшее число приходится на Бѣлоруссію (губерніи Витебскую, Минскую и Смоленскую), а также на губерніи Нижегородскую и Вологодскую; изъ предметовъ относящихся къ быту инородцевъ, всего болѣе поступило вещей эстонскихъ, вотятскихъ и дунганскихъ. Многочисленныя непрерывныя поступленія уже давно наполнили все помѣщеніе Дашковскаго музея, и хотя съ 1886 года онъ временно пользуется еще одною залой внѣ своего помѣщенія, однако и эта послѣдняя почти совершенно заполнена. Такимъ образомъ крайне затрудняется размѣщеніе предметовъ этого отдѣла въ такомъ видѣ, чтобъ они имѣли научно-образовательное значеніе. Тѣмъ не менѣе, систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго музея производится безостановочно, и въ 1892 году вышелъ въ свѣтъ третій выпускъ изданія, посвященнаго этому предмету. Онъ содержитъ въ себѣ описаніе манекеновъ, моделей жилищъ и бытовыхъ предметовъ великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ.

Тѣснота помѣщенія становится все болѣе и болѣе ощутительною и въ другихъ отдѣленіяхъ Московскаго музея. Рукописное отдѣленіе также переполнено и нуждается въ расширеніи, тѣмъ болѣе что обильныя пожертвованія, сюда направляемыя, не

Библиотека "Руниверс"

прекращаются. Но они могутъ прекратиться, если жертвователи увидятъ, что музей лишенъ возможности хранить ихъ приношенія въ приличномъ видѣ и порядкѣ. Равнымъ образомъ и помѣщеніе библіотеки весьма нуждается въ расширеніи и улучшеніи. Періодическія изданія хранятся нынѣ въ сыромъ и полутемномъ складѣ. На тѣсноту читальнаго зала уже давно слышатся справедливыя жалобы: въ немъ всего 80 мѣстъ, тогда какъ въ осенніе мѣсяцы его посѣщаютъ среднимъ числомъ до 200 человѣкъ въ день.

Въ теченіе отчетнаго трехлѣтія расширеніе и улучшеніе помѣщеній музея встрѣчало препятствіе въ крайней ограниченности его бюджета. Тотъ же недостатокъ средствъ неблагопріятно отзывается на состояніи музея и въ другомъ отношеніи: правильное обогащеніе его составныхъ частей, и въ особенности библіотеки, почти немыслимо при настоящихъ средствахъ музея. Кромѣ того, по той же причинѣ книги остаются безъ переплета, и такимъ образомъ сохранность ихъ еще болѣе затрудняется.

Управленіе музеевъ откровенно изложило въ своемъ отчетѣ тѣ вопіющія нужды, которыми стѣсняется положеніе этого учрежденія, столь полезнаго и необходимаго для Москвы. Самые законные интересы отечественнаго просвѣщенія указываютъ на необходимость удовлетворить этимъ потребностямъ въ ближайшемъ будущемъ.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГЪ.

I.

А. И. Незеленовъ.

Въ ночь на 31-е января нынѣшняго года скончался въ Гурзуфѣ исправляющій должность экстраординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ русской словесности, Александръ Ильичъ Незеленовъ. Сынъ бѣднаго чиновника, служившаго въ правленіи Императорскихъ театровъ, А. И. Незеленовъ родился въ Петербургѣ 21-го августа 1845 г., первоначальное воспитаніе получилъ въ пансіонѣ Ларіонова, а затѣмъ въ третьей Петербургской гимназіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Еще будучи студентомъ, Незеленовъ началъ свою педагогическую дѣятельность, преподавая русскій языкъ въ школѣ дѣтей служащихъ во дворцѣ великой княгини Елены Павловны, а по окончаніи университетскаго курса, утвержденный 8-го февраля 1869 г. въ степени кандидата, онъ получилъ мѣсто преподавателя русскаго языка въ Екатерининскомъ институтѣ.

Въ 1875 г. онъ напечаталъ обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“, и за этотъ трудъ былъ удостоенъ степени магистра русской словесности. Цѣлью этого сочиненія было разсмотрѣть въ послѣдовательной хронологической связи журналы, издававшіеся Новиковымъ, при чемъ необходимымъ представлялось разрѣшить слѣдующіе вопросы: „былъ ли самъ Новиковъ писателемъ или нѣтъ? какія идеи проводилъ онъ въ своихъ журналахъ? какъ послѣдовательно развивались эти идеи въ его сознаніи въ связи съ событіями его жизни? и, наконецъ, можетъ ли Новиковъ считаться представителемъ

Библиотека "Руниверс"

нашего масонства прошедшаго столѣтія?". Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, впервые опредѣленно поставленныхъ въ его изслѣдованіи, также, какъ и положительное установленіе факта авторства Новикова, составляетъ несомнѣнную заслугу Незеленова. Конечно, задача не могла бы быть рѣшена сколько-нибудь удовлетворительно, если бы авторъ поставилъ Новикова изолированно, а поэтому для выясненія значенія идей Новикова въ нашей жизни, Незеленову пришлось сдѣлать очерки нравовъ русскаго общества екатерининской эпохи и представить картину нашего тогдашняго масонства. Благодаря всему этому, книга Незеленова явилась весьма существеннымъ дополненіемъ къ трудамъ предшествовавшихъ изслѣдователей: Аѳанасьева, Тихонравова, Галахова, Лонгинова, Ешевскаго, А. Н. Пыпина и др.

Посвятивъ свою магистерскую диссертацію времени Екатерины II, Незеленовъ и въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ не разъ возвращался къ этой эпохѣ и эти лекціи онъ напечаталъ сперва въ „Историческомъ Вѣстникѣ", а потомъ въ 1889 г. отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху". Отмѣчая сильное западное вліяніе въ направленіяхъ скептико-матеріалистическомъ и мистическомъ, Незеленовъ указывалъ и нарожденіе въ нашей литературѣ направленія непосредственно народнаго. Рѣзкаго разграниченія между всѣми этими направленіями дѣлать нельзя, такъ какъ весьма часто идеи ихъ объединялись въ произведеніяхъ одного и того же писателя въ разные періоды его дѣятельности. Таково было мнѣніе Незеленова, хотя тутъ нельзя не замѣтить, что Незеленовъ не указалъ того факта, что смѣшеніе направленій обнаруживалось иногда даже и въ одинъ и тотъ же періодъ дѣятельности даннаго писателя, такъ какъ сущность литературныхъ направленій не вполнѣ ясна была сознанію самихъ дѣятелей.

Занимаясь преимущественно новымъ періодомъ нашей литературы. Незеленовъ отъ екатерининской эпохи обратился къ изученію Пушкина, и результатомъ его работъ въ этой области явилось изслѣдованіе: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи" (С.-Пб., 1882), и нѣсколько небольшихъ статей, печатавшихся въ „Историческомъ Вѣстникѣ" и соединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Шесть статей о Пушкинѣ". Въ своемъ большомъ изслѣдованіи авторъ поставилъ себѣ цѣлью, „прослѣдить внутреннюю жизнь великаго поэта и развитіе его характера по его произведеніямъ, освѣщая ихъ событіями его внѣшняго бытія". Жизнь и поэтическую дѣятельность Пушкина онъ дѣлитъ на три періода: 1) время съ дѣтства поэта до 1824 г.,

Библиотека "Руниверс"

могущее быть названнымъ эпохой западно-европейскихъ вліяній, 2) періодъ пребыванія Пушкина въ селѣ Михайловскомъ, представляющій собой эпоху сближенія великаго поэта съ народомъ, и 3) послѣдній періодъ, въ который происходитъ въ душѣ и дѣятельности поэта соединеніе тревожныхъ, энергическихъ и страстныхъ началъ западно-европейскихъ съ простыми, смиренными и добрыми началами русской жизни. Въ построеніи этой схемы исторической характеристики Пушкина Незеленовъ является послѣдователемъ Аполлона Григорьева, многіе взгляды котораго на отдѣльные факты дѣятельности нашего поэта онъ повторяетъ и развиваетъ въ своей книгѣ: таковы напримѣръ сужденія о нашемъ романтизмѣ и о вліяніи на Пушкина западныхъ поэтовъ. Отношеніе Пушкина къ западнымъ оригиналамъ характеризуется на основаніи обстоятельныхъ сравненій, хотя слабою стороной этихъ параллелей слѣдуетъ признать стремленіе доказать, что Пушкинъ постоянно „переросталъ“ свои образцы. Однако, несмотря на нѣкоторые частные недостатки, изслѣдованіе Незеленова имѣетъ несомнѣнно большую научную цѣнность, какъ по примѣненію сравнительнаго метода, такъ и по разработкѣ сочиненій поэта въ рукописяхъ. Изученіе рукописей дало возможность Незеленову возстановить правильный текстъ многихъ сочиненій Пушкина, издававшихся не совсѣмъ точно. Къ сожалѣнію трудъ не былъ доведенъ авторомъ до конца, хотя еще очень незадолго до своей смерти Незеленовъ работалъ надъ изученіемъ третьяго періода дѣятельности Пушкина и между прочимъ занимался вопросомъ о вліяніи на нашего поэта романовъ Вальтеръ-Скотта.

Помимо отдѣльныхъ изслѣдованій, Незеленовъ посвящалъ преимущественно новому періоду нашей литературы и свои курсы въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ онъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ 1877 г. въ качествѣ приватъ-доцента: онъ читалъ курсы о екатерининской эпохѣ, о произведеніяхъ Пушкина и о нашихъ новѣйшихъ писателяхъ отъ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Въ одно время съ университетскими чтеніями Незеленовъ продолжалъ преподаваніе въ нѣсколькихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, читалъ лекціи въ училищѣ Правовѣдѣнія и на Педагогическихъ женскихъ курсахъ, а также былъ приглашенъ для преподаванія русской словесности Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Константину Константиновичу и Димитрію Константиновичу. Послѣ выхода изъ университета О. Ѳ. Миллера Незеленову поручено было чтеніе общаго курса русской сло-

Библиотека "Руниверс"

вестности, и въ 1888 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Въ этой должности онъ оставался до послѣдняго времени и не задолго до смерти, по выслугѣ 25 лѣтъ, 11-го января былъ утвержденъ еще на пятилѣтіе.

Кромѣ чисто научныхъ трудовъ Незеленовъ оставилъ нѣсколько сочиненій популярнаго характера; таковы его книги: „Тургеневъ въ его произведеніяхъ. С.-Пб. 1885“ и „Островскій въ его произведеніяхъ С.-Пб. 1888“. Эти два сочиненія представляютъ собою публичныя лекціи, читанныя Незеленовымъ въ Соляномъ Городкѣ. Такимъ же популярнымъ характеромъ отличались его лекціи о Грибоѣдовѣ и Лермонтовѣ, изъ которыхъ послѣднія не были напечатаны. Какъ и въ изслѣдованіи о Пушкинѣ, Незеленовъ и въ этихъ своихъ трудахъ являлся послѣдователемъ критическихъ взглядовъ Аполлона Григорьева; а вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣру О. Ѳ. Миллера, старался примѣнять къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній нравственный масштабъ.

Наконецъ надо упомянуть о педагогическихъ трудахъ Незеленова, о его статьѣ: „О преподаваніи русской словесности“, въ которой онъ, вооружаясь противъ исключительнаго эстетико-стилистическаго разбора литературныхъ произведеній, указывалъ на необходимость внести въ гимназическое преподаваніе словесности элементъ историческій, и о его учебникѣ: „Исторіи русской словесности“, представляющемъ выдающіяся достоинства, одобренномъ учеными комитетами при министерствѣ народнаго просвѣщенія и вѣдомства учрежденій императрицы Маріи и выдержавшемъ уже три изданія.

Какъ человѣкъ, покойный Незеленовъ оставилъ о себѣ самую лучшую память во всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ личныя отношенія, своею добротой, рѣдкою отзывчивостью на чужое горе, снисходительностью къ недостаткамъ ближняго, высокою гуманностью.

А. Бороздинъ.

II.

С. А. Бершадскій.

21-го февраля скончался въ С.-Петербургѣ, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права Сергѣй Александровичъ Бершадскій. С. А. Бершадскій родился въ Бердянскѣ

Библиотека "Руниверс"

Таврической губерніи 18-го марта 1850 г. По своему происхожденію С. А. Бершадскій малороссъ, прадѣдъ по отцу былъ православнымъ священникомъ въ мѣстечкѣ Бершади, Подольской губерніи, откуда въ концѣ XVIII вѣка переселился въ лѣвобережную Украйну. Прадѣдъ по матери, Ковалевскій, былъ куренным запорожскимъ атаманомъ. Въ 1868 г. С. А. Бершадскій кончилъ курсъ въ Керчинской гимназіи и поступилъ въ Новороссійскій университетъ. Тамъ онъ работалъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Ѳ. И. Леонтовича и А. П. Пригары. Въ 1873 г. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ государственнаго права, затѣмъ командированъ въ Петербургъ, гдѣ и продолжалъ заниматься подъ руководствомъ А. Д. Градовскаго. Въ 1876 г. выдержалъ магистерскій экзаменъ, въ маѣ 1883 г. защитилъ диссертацію на степень магистра и утвержденъ былъ штатнымъ доцентомъ по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права. Въ 1885 г. съ введеніемъ новаго университетскаго устава назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Одновременно С. А. Бершадскій читалъ лекціи въ Александровскомъ лицеѣ и Военно-Юридической академіи. При образованіи при С.-Петербургскомъ университетѣ Историческаго общества (въ 1889 г.) С. А. Бершадскій состоялъ первымъ товарищемъ предсѣдателя; въ 1893 г. былъ избранъ въ почетные члены Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

Дѣтство, проведенное Бершадскимъ частью въ Елисаветградѣ, частью же въ Керчи, то-есть, въ тѣхъ городахъ Новороссійскаго края, которые обладали значительнымъ еврейскимъ населеніемъ, университетское образованіе, полученное въ Одессѣ въ періодъ еврейскихъ погромовъ,—все это въ совокупности направляло мысли С. А. Бершадскаго на существованіе еврейскаго вопроса, причины его возникновенія и способы его разрѣшенія. Когда же въ 1876 г., по выдержаніи магистерскаго экзамена, пришлось ему избрать тему для диссертаціи, то онъ и остановился на евреяхъ. Къ этому его склоняло то обстоятельство, что труды другихъ ученыхъ не давали отвѣта на занимавшій его вопросъ: откуда произошла обособленность евреевъ въ Литвѣ, на чемъ обосновывалась ихъ изумительная солидарность, чѣмъ опредѣлялись различныя стадіи жизни этихъ западныхъ инородцевъ [1]).

---

[1]) *Венгеровъ*, Крит.-библ. слов. стр. 136, автобіогр. записка.

Библиотека "Руниверс"

С. А. Бершадскій самъ часто говорилъ и повторилъ это на своемъ магистерскомъ диспутѣ, что вопросъ, которымъ онъ занимался—судьба евреевъ въ Россіи—выросъ вмѣстѣ съ нимъ. Зародился онъ еще въ Керчинской гимназіи и сталъ развиваться въ Новороссійскомъ университетѣ.

Сто лѣтъ, говоритъ С. А. Бершадскій, назадъ литовскіе евреи перешли въ русское подданство—и сто лѣтъ существуетъ въ Россіи еврейскій вопросъ. Но въ чемъ же его сущность? почему евреи до сихъ поръ инородцы, а не русскіе граждане? Въ чемъ причины натянутыхъ отношеній между евреями и неевреями? Въ чемъ силы еврейства? На все это имѣются избитые отвѣты, но они не рѣшаютъ вопроса и въ дѣйствительности не отвѣты. Изученіе русскаго законодательства и русской литературы о евреяхъ привело С. А. Бершадскаго къ убѣжденію, что для разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ необходимо захватить ихъ въ самый моментъ зарожденія. Этотъ моментъ наступилъ еще во время польско-литовскаго владычества, а потому необходимо прежде всего уяснить отношеніе евреевъ къ литовской государственной власти и обществу.

Для осуществленія этой задачи оказались недостаточными собранные и изданные до того времени матеріалы и С. А. Бершадскій принялся за самостоятельное разысканіе ихъ въ архивахъ.

До того времени—евреи и еврейскій вопросъ неудостоились вниманія собирателей историческаго матеріала. Между тысячами напечатанныхъ уже документовъ (по исторіи Литвы) едва ли найдется сотни двѣ—три документовъ, относящихся къ евреямъ. Къ тому же эти документы разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, и древнѣйшій актовый источникъ по еврейскому вопросу и по исторіи государственной жизни Литвы, Литовская Метрика—почти вовсе нетронута. Въ виду этого С. А. Бершадскій обратилъ особенное вниманіе на Литовскую Метрику и 10-го іюля 1878 г. по ходатайству управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ допущенъ къ ученымъ занятіямъ въ Литовской Метрикѣ. Попутно, въ вакаціонное время, С. А. Бершадскій работалъ въ Виленскомъ и Кіевскомъ архивахъ. Результатомъ этихъ работъ, въ четыре года, оказалась коллекція болѣе двухъ тысячъ документовъ, относящихся къ исторіи юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Литвѣ и Юго-Западной Россіи, отъ временъ Витовта до паденія Польско-Литовскаго государства. Тогда С. А. Бершадскій приступилъ къ печатанію собраннаго матеріала и въ 1882 г. выпустилъ въ свѣтъ два тома — документовъ и

Библиотека "Руниверс"

регестовъ къ исторіи литовскихъ евреевъ до 1569 г., въ которые вошло 662 нумера. Вошедшіе въ эти томы матеріалы напечатаны частью въ видѣ точныхъ копій съ подлинниковъ, частью въ видѣ краткихъ извлеченій изъ документовъ, слишкомъ объемистыхъ или же тѣхъ, которые были раньше напечатаны.

На основаніи собранныхъ и обслѣдованныхъ документовъ С. А. Бершадскій приступилъ къ составленію исторіи евреевъ Литвы, и до окончанія ея печаталъ въ „Восходѣ“ и „Еврейской библіотекѣ“ отдѣльныя статьи, которыя потомъ вошли въ его книгу. Въ исторіи евреевъ въ Литвѣ авторъ видитъ слѣдующіе моменты развитія.

Въ XIV вѣкѣ мы не встрѣчаемъ въ Литвѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ консолидаціи евреевъ; въ XV—присутствуемъ при ея зарожденіи; въ XVI вѣкѣ видимъ, какъ крѣпнетъ еврейское единство подъ сѣнью быстро водворяющагося Талмуда; въ XVII—отдѣльный еврей растаиваетъ въ еврейскомъ единствѣ; XVIII вѣкъ наполненъ борьбою между просыпающимся индивидомъ — евреемъ и вѣковою кагальною властью.

Въ первомъ томѣ, вышедшемъ въ 1883 г., С. А. Бершадскій разсматриваетъ исторію евреевъ отъ 1388 г. до 1569, и здѣсь онъ поставилъ себѣ задачею открытіе первыхъ зачатковъ еврейской консолидаціи въ Литвѣ и уясненіе причинъ, вліявшихъ на ея укрѣпленіе и развитіе.

Еще въ своей статьѣ „Михель изъ Бреста“, напечатанной въ 1880 г. въ „Еврейской Библіотекѣ“, С. А. Бершадскій старается опровергнуть мнѣніе польскихъ историковъ о существованіи общей еврейской организаціи въ Литвѣ, и доказываетъ, что таковой не было еще и въ XVI вѣкѣ. Болѣе подробно разсматривается этотъ вопросъ въ III главѣ Исторіи Евреевъ, составляющей повтореніе такой же статьи, напечатанной ранѣе въ „Восходѣ“. Глава эта посвящена привилегіямъ Витовта, даннымъ въ 1388 г. евреямъ въ Литвѣ. Этимъ годомъ Бершадскій начинаетъ исторію евреевъ въ Литвѣ, и изъ его книги мы ничего не знаемъ о судьбѣ ихъ тамъ до 1388 г. Въ литературѣ установилось мнѣніе, что Витовтъ въ 1388 г. 1-го іюля даровалъ привилегію общую для всѣхъ литовскихъ евреевъ. С. А. Бершадскій считаетъ это мнѣніе не имѣющимъ достаточныхъ основаній, и говоритъ: „если Витовтомъ дана была грамота всѣмъ литовскимъ евреямъ, то, конечно, не иначе, какъ по ходатайству представителей отъ лица всѣхъ евреевъ Литвы. Допустивъ такой фактъ, мы естественно должны предположить, что литовскіе евреи уже во время Витовта находились

Библиотека "Руниверс"

въ дѣятельныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, сознавали свои общіе интересы. Слѣдовательно уже въ XIV вѣкѣ литовскіе евреи представляли извѣстное, солидарное, сплоченное единство. Наоборотъ, если будетъ доказано, что литовскіе евреи не получали отъ Витовта привилегіи, общей для всего литовскаго еврейства, то естественно, что *ни еврейской солидарности, ни сознанія евреями своей общности, ни обособленности евреевъ отъ остальнаго населенія въ XIV вѣкѣ предполагать нельзя*". Такимъ образомъ ясно, что весь вопросъ о еврейской отчужденности отъ кореннаго населенія и консолидаціи ставится историкомъ въ зависимость отъ существованія общей привилегіи.

Сохранились, однако, двѣ жалованныя грамоты Витовта, въ позднѣйшемъ подтвержденіи короля Сигизмунда Августа, и въ одной изъ нихъ, дошедшей въ русскомъ и латинскомъ текстахъ, говорится отъ имени Витовта: „если дали права и вольности всей жидовѣ *вышеимененой*, мешкаючимъ въ томъ панствѣ нашомъ"; тоже по латыни:— concessimus omnibus Iudaeis, manentibus in dominio nostro.

С. А. Бершадскій, разсмотрѣвъ всѣ извѣстные тексты этихъ привилегій, дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

Привилегіи Витовта дошли до насъ въ различныхъ текстахъ: изъ нихъ польскій текстъ Балинскаго и русскій Дзялынскаго два различные текста. Польскій текстъ Перльштейна грубая поддѣлка русскаго—Дзялынскаго, русскій—Вилен. Арх. Комиссій—варіантъ Дзялынскаго. Латинскій—переводъ съ русскаго оригинала съ незначительными измѣненіями. Польскій текстъ Балинскаго не представляетъ никакихъ сомнѣній — это грамота трокскимъ евреямъ; совершенно иное мы замѣчаемъ въ русскомъ текстѣ. Въ ней вслѣдъ за титуломъ сказано: мы даровали права всѣмъ евреямъ вышеупомянутымъ. Но кто эти вышеупомянутые евреи, изъ текста не видно. Что же значатъ тогда слова „жидовѣ вышеймененой". На это С. А. Бершадскій даетъ такой отвѣтъ: въ 1389 г. Витовтъ даетъ привилегію гродненскимъ евреямъ и въ ней присовокупляетъ: и иные права и вольности въ привилияхъ отъ насъ *жидамъ Берестейскимъ* въ року тисеча триста осмдесятъ осиомъ наданые—зоставуемъ. Такой, однако, привилегіи до сихъ поръ мы не знаемъ. Дѣло разъяснится, если мы предположимъ, что привилегія 1388 г. (текстъ Дзялынскаго) дана не всѣмъ евреямъ, а однимъ брестскимъ. Происхожденіе въ русскомъ текстѣ выраженія жидовѣ вышеймененой—объясняется, по мнѣнію С. А. Бершадскаго, слѣдующимъ образомъ: въ подлинныхъ литовскихъ грамотахъ XIV, XV, XVI вѣковъ употребленіе прописныхъ

Библиотека "Руниверс"

буквъ окончательно не установилось; при уставномъ и полууставномъ письмѣ многія буквы легко смѣшиваются съ близкими къ нимъ по начертанію, поэтому при незначительномъ искусствѣ легко было передѣлать слова жидовѣ берестейской въ жидовѣ вышейменеиой. Какъ „берестейской", такъ и „вышейменеиой" содержатъ по 12 буквъ—*славянскія полууставныя буквы легко переходятъ одна въ другую, и вся привилегія изъ привилегіи брестскимъ евреямъ обращается въ привилегію всѣмъ евреямъ Литвы.* Впрочемъ слово это могло сдѣлаться невозможнымъ для чтенія, напримѣръ, отъ того, что приходилось на изгибѣ, а потому истерлось, или же буквы выланяли отъ сырости, или же, наконецъ, были попорчены насѣкомыми. *Во всякомъ случаѣ, произошло ли это измѣненіе* случайно, или предумышленно, *оно несомнѣнно.* На основаніи такого палеографическаго анализа, авторъ дѣлаетъ окончательное заключеніе—что грамота 1388 г. дана не всѣмъ жидамъ, а только брестскимъ, слѣдовательно къ концу XIV столѣтія не было еврейской консолидаціи. Какъ не остроумна догадка превращенія «берестейскій" въ „вышейменеиый", но она не выдерживаетъ критики. Довольно бѣглаго только взгляда на это. Вѣрно, что въ обоихъ словахъ *12 буквъ* но буквы-то разныя, по занимаемому ими мѣсту *ы* и *м* потребуютъ для „вышейменеиой" больше мѣста, чѣмъ даетъ имъ „берестейской", да при томъ въ послѣднемъ словѣ *р* выйдетъ внизъ строки. Конечно, могла быть поддѣлка и порча, но нѣтъ положительно никакихъ данныхъ, убѣждающихъ насъ въ томъ, что на этомъ мѣстѣ стояло слово берестейской, а много можно привести данныхъ въ пользу того, что этого именно слова тамъ не могло быть. Итакъ, по моему мнѣнію, единственное основаніе, на которомъ опирается доказательство С. А. Бершадскаго объ отсутствіи консолидаціи евреевъ, не надежно и не можетъ быть принято во вниманіе. Такимъ образомъ, несмотря на доказательства С. А. Бершадскаго, мнѣніе о сплоченности, консолидаціи евреевъ въ XIV вѣкѣ остается по настоящее время неопровергнутымъ. Впрочемъ доказательство солидарности еврейской, ихъ сознанія своей общности и обособленности отъ остальнаго населенія не нуждается въ подтвержденіи особою привилегіей для всѣхъ жидовъ. Все это видно изъ тѣхъ привилегій, которыя себѣ выпрашиваютъ въ XIV столѣтіи евреи трокскіе и гродненскіе. Здѣсь видна уже обособленность и солидарность евреевъ—это не общіе литовскіе граждане, а нѣчто обособленное. Нельзя согласиться, такимъ образомъ, и съ положеніемъ, что гоненіе на евреевъ, начатое ихъ изгнаніемъ въ 1495 г., положило первые зачатки

Библиотека "Руниверс"

еврейской солидарности. Наоборотъ изгнаніе могло быть вызвано тѣмъ, что начавшееся сплоченіе евреевъ грозило опасностью для государства.

Гоненія, притѣсненія способствовали сплоченію евреевъ. *„Какъ у христіанъ, говоритъ С. А. Бершадскій, возникаютъ братства, цехи, корпораціи, такъ и евреи открываютъ связь въ единствѣ вѣры.* Подымается, растетъ, расширяется совокупность разнообразныхъ общинныхъ учрежденій у евреевъ. Безъ опоры общины каждый еврей чувствовалъ себя безсильнымъ. Община могла опереться на религіозныя начала, религіознымъ же авторитетомъ былъ талмудъ; подъ его сѣнію община быстро обращалась въ безусловно-послушное, крѣпко стоящее за каждаго изъ своихъ членовъ единство. И надъ смущеннымъ еврействомъ Литвы богомольный талмудъ распахнулъ свои крѣпкія крылья,—заключаетъ такими словами С. А. Бершадскій свою книгу о литовскихъ евреяхъ.

Если даже и согласится съ С. А. Бершадскимъ. что въ 1388 г. не было выдано общей привилегіи всѣмъ литовскимъ евреямъ, то и тогда увидимъ, что къ 1389 г. уже три еврейскія общины, получившія такія привилегіи, которыми сплачиваются еврейскія индивидуумы въ обособленныя группы. До того времени не было на нихъ гоненій, жилось имъ привольно, и это приволье позволило создать себѣ особенно выгодное положеніе. Литовскіе евреи, по привилегіямъ Витовта, подчиняются непосредственно великому князю; они люди вольные, свободные, а потому по всѣмъ менѣе важнымъ дѣламъ подчиняются присуду мѣстнаго велико-княжескаго чиновника. Находясь подъ покровительстомъ и присудомъ великаго князя еврейскія общины обладали значительною автономіей. Судъ по гражданскимъ дѣламъ евреевъ между собою находился въ рукахъ евреевъ и существовалъ даже особый жидовскій судья. Судъ этотъ могъ даже производиться въ синагогѣ. Личность еврея признавалась неприкосновенною и за убійство еврея полагалось наказаніе одинаковое, какъ за убійство шляхтича. За побои, нанесенныя еврею христіаниномъ, потерпѣвшему уплачивалось вознагражденіе какъ шляхтичу. Евреямъ разрѣшалось безъ всякихъ ограниченій производить операціи по выдачѣ ссудъ даже подъ залогъ недвижимой собственности, и великій князь гарантировалъ такимъ заимодавцамъ вводъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ и свою особую защиту. Нормы процентамъ не полагалось и даже предусматривалась возможность процентовъ на проценты. Дозволялась евреямъ торговля всѣми предметами; они занимаются выдѣлкой и продажей вина. Итакъ, къ концу XIV столѣ-

Библиотека "Руниверс"

тія евреи пользуются неприкосновенностью личности и собственности, свободою вѣры, правомъ передвиженія, торговли, и вотъ они свободно занимаются ростовщичествомъ, торговлею, промыслами и даже земледѣліемъ.

Все это мы находимъ у С. А. Бершадскаго и въ этомъ всемъ нельзя не видѣть еврейской обособленности. Сто лѣтъ, до изгнанія евреевъ изъ Литвы 1495 г., дали возможность не только расцвѣсти этой свободѣ, но и дать плоды.

Въ общемъ, книга Бершадскаго о литовскихъ евреяхъ представляетъ массу цѣннаго матеріала впервые обнародованнаго, критически изслѣдованнаго и надлежаще сгруппированнаго. Съ выводами же автора не всегда возможно согласиться, не разъ они поспѣшны, иногда очень смѣлы, а иногда отзываются нѣкоторымъ сантиментализмомъ.

Съ такимъ взглядомъ С. А. Бершадскаго на исторію возникновенія еврейской солидарности не соглашается и такой знатокъ западной Россіи какъ пр. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [1]). Уже въ XIV столѣтіи, по мнѣнію пр. Владимірскаго-Буданова—„евреи составляли обособленное общество, въ качествѣ націи-сословія сосредоточили въ своихъ рукахъ откупа и торговлю и рѣдко обращались къ другимъ занятіямъ (197). Сознавая себя группою обособленною отъ прочаго населенія, евреи уже потому самому должны были установить общую солидарность между собою въ цѣломъ государствѣ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ выступаютъ не отдѣльныя лица, даже не отдѣльныя еврейскія общины, а всѣ евреи всего великаго княжества, какъ одна корпорація (184).

„Первымъ важнѣйшимъ условіемъ благопріятнаго положенія евреевъ въ Литвѣ, по мнѣнію пр. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, была немногочисленность еврейскаго населенія (171). Всѣ факты изъ старинной исторіи евреевъ въ Литвѣ производятъ импонирующее впечатлѣніе сильнаго покровительства со стороны верховной власти одной небольшой части населенія (172). Вѣротерпимость доходила до того, что иногда великій князь для лучшей охраны какого либо еврея поручаетъ его въ опеку и оборону католическому епископу“ (179).

Мнѣніе Бершадскаго, что люблинская унія произвела переворотъ въ положеніи евреевъ, пр. Владимірскій-Будановъ считаетъ проблематическимъ. Рѣшеніе еврейскаго вопроса С. А. Бершадскій видитъ

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, I, 162—206—критическая статья о книгѣ С. А. Бершадскаго „Литовскіе евреи“.

Библиотека "Руниверс"

въ измѣненіи всѣхъ сословныхъ различій и розни—или, какъ выражается пр. Владимірскій-Будановъ — въ снятіи всякихъ сословныхъ перегородокъ, но почтенный профессоръ „крѣпко сомнѣвается въ томъ, чтобы въ снятіи этихъ ограничительныхъ условій заключалось все разрѣшеніе вопроса“ (206).

На этой книгѣ необходимо было остановиться подробно въ виду занимаемаго ею важнаго мѣста въ русской исторической наукѣ, какъ по собранному матеріалу, такъ и по общему взгляду, проводимому въ ней авторомъ на современный намъ еврейскій вопросъ. Эта общая идея проходитъ во всѣхъ остальныхъ работахъ С. А. Бершадскаго по исторіи евреевъ.

Послѣ изданія книги „Литовскіе евреи“ С. А. Бершадскій продолжалъ заниматься въ Литовской Метрикѣ, а съ 1885 г., до перевода Метрики въ Москву (1887 г.) въ качествѣ моего помощника по обязанностямъ начальника (метриканта) Литовской Метрики. Съ этого времени С. А. Бершадскій работалъ главнымъ образомъ надъ собраніемъ документовъ, относящихся къ исторіи внутреннихъ отношеній великаго княжества литовскаго съ древнѣйшаго времени до перваго статута (1529 г.). У С. А. Бершадскаго по этимъ вопросамъ накопился громадный матеріалъ, онъ приводилъ уже его въ порядокъ, систематизировалъ и готовилъ обширный трудъ по исторіи внутренняго устройства Литвы. Судьба, однако, рѣшила иначе — и трудъ многолѣтній остался не оконченнымъ.

Работая надъ общею темой, С. А. Бершадскій пользовался собраннымъ уже матеріаломъ для дальнѣйшей разработки исторіи евреевъ, и постоянно печаталъ отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ еврейской исторіи.

Въ тѣсной связи съ книгой „Литовскіе евреи“, и болѣе близкимъ къ нимъ хронологически, былъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ Восходѣ (1886—1887), подъ заглавіемъ „Исторія Виленской еврейской общины въ 1593 по 1649 г.“. Въ этомъ очеркѣ авторъ проводитъ мнѣніе, что причины постепеннаго завоеванія виленской торговли евреями заключались не столько въ еврейской ловкости, предпріимчивости, состоятельности и т. д., сколько въ полномъ равнодушіи государственной власти къ интересамъ мѣщанъ и энергической поддержкѣ евреямъ со стороны шляхты. Статьи эти полны весьма интересныхъ фактовъ, впервые увидавшихъ свѣтъ и дающихъ обильный матеріалъ не только для исторіи евреевъ, но и вообще для характеристики внутренней жизни Вильны.

Библиотека "Руниверс"

Дополненіемъ къ „Литовскимъ евреямъ“ является очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV столѣтія подъ заглавіемъ „Въ изгнаніи“ (Восходъ, 1892, 1, 2, 4, 6—8), въ которомъ авторъ останавливается снова на фактѣ изгнанія евреевъ изъ Литвы Александромъ въ 1495 г. Здѣсь С. А. Бершадскій имѣлъ въ виду: 1) дополнить свѣдѣнія объ изгнаніи на основаніи еврейскихъ источниковъ, 2) опредѣлить положеніе ихъ въ тѣхъ странахъ, куда они удалились.

До сихъ поръ существовало мнѣніе, что литовскіе евреи удалились въ Польшу, но въ настоящее время время, отмѣчаетъ С. А. Бершадскій, благодаря труду А. Я. Гаркави и одной привилегіи, найденной С. А. Бершадскимъ въ коронномъ архивѣ, можно съ довольно значительною вѣроятностью утверждать, что удалились они частью въ Польшу, *частью же въ Крымъ*.

Въ этомъ очеркѣ С. А. Бершадскій главнымъ образомъ останавливается на общественномъ и юридическомъ бытѣ евреевъ въ Польшѣ въ XV столѣтіи. Для изображенія этого положенія авторъ пользуется польскими привилегіями XV вѣка и пополняетъ ихъ другими документами. Но дѣло вотъ въ чемъ. Спеціалистъ по исторіи польскаго права XV вѣка, глубокій его знатокъ Р. Губе — считаетъ единственною, неподлежащею сомнѣнію только привилегію Болеслава Благочестиваго, другія же привилегіи признаетъ или повтореніемъ этой, или же просто поддѣлкою; подложною Губе считаетъ и привилегію Казиміра Великаго познанскимъ евреямъ, дошедшую до насъ въ подтвержденіи 1453 г. Поэтому Губе думаетъ, что положеніе польскихъ евреевъ XV вѣка опредѣлялось ничуть не грамотою Казиміра Великаго, сколько обычаемъ и практикою судовъ. С. А. Бершадскій не согласенъ съ мнѣніемъ Губе и склоняется на сторону „другаго почтеннаго изслѣдователя, равв. Перлеса“, который полагаетъ, что положеніе евреевъ опредѣлялось жалованною грамотою Казиміра Великаго, подтвержденною 1453 г. въ качествѣ общей привилегіи великопольскимъ евреямъ.

Разсмотрѣвъ юридическое и общественное положеніе евреевъ въ Польшѣ въ XV вѣкѣ (въ изгнаніи), С. А. Бершадскій приходитъ къ заключенію, что „пребываніе литовскихъ евреевъ въ Польшѣ дало имъ крѣпкое начало той организаціи, съ которою мы встрѣчаемся уже въ Литвѣ въ концѣ XVI вѣка. Пятилѣтнее пребываніе бокъ о бокъ съ принципами строгой общественности, созерцаніе выгодъ, отъ того проистекающихъ, воскрешеніе ветхозавѣтныхъ принци-

Библиотека "Руниверс"

повъ, должны были непремѣнно найдти себѣ мѣсто въ душѣ изгнанниковъ. Однимъ изъ результатовъ этихъ новыхъ началъ было полученіе ими отъ великаго князя, изгнавшаго ихъ, грамоты не только на возвращеніе въ Литву, но и на возмѣщеніе отнятаго у нихъ имущества. „Наглядно, практически, на глазахъ все болѣе и болѣе подымающагося отрицанія общественности *литовскіе евреи могли видѣть, что значитъ дѣйствовать viribus unitis*".

Какъ бы продолженіемъ этого очерка, является статья „Переселеніе" (Восходъ, 1893, 9), въ которой авторъ доказываетъ, что въ Польшу переселились въ XV вѣкѣ не только евреи, изгнанные изъ Литвы, но и значительная часть евреевъ, изгнанныхъ изъ Чехіи и сопредѣльныхъ съ Польшею странъ. Польскіе короли долгое время покровительствуютъ этому движенію, не только дозволяя поселяться, но и предоставляя имъ различныя льготы. Въ концѣ, однако, XV и началѣ XVI вѣка происходитъ рѣзко бросающееся въ глаза пониженіе юридическаго и общественнаго положенія польскихъ евреевъ: короли, враждебно настроенные, безразличные, и даже благосклонные къ евреямъ, или отказываются подтвердить привилегіи евреевъ, или измѣняютъ эти привилегіи въ ограничительномъ смыслѣ, или даже издаютъ рядъ новыхъ законовъ, направленныхъ противъ евреевъ. Мотивами для такихъ ограниченій слѣдуетъ (по конституціи 1532 г.) принимать то, что „противно божественному праву и неприлично, чтобы подобнаго рода люди пользовались почестями или занимали должности на равнѣ съ христіанами". Въ 1572 г. король издаетъ указъ, по которому опредѣляетъ, чтобы на будущія времена евреи болѣе не входили въ предѣлы польскаго государства и чтобы количество ихъ не увеличивалось противъ тѣхъ, которые уже переселились и пріобрѣли осѣдлость.

Все это даетъ возможность С. А. Бершадскому сдѣлать такой выводъ:

„Евреи, умножившись въ числѣ, потеряли свое прежнее положеніе въ польскомъ обществѣ, но въ замѣнъ того они положили прочное основаніе своего собственнаго общества, отдѣленнаго отъ остальныхъ сословій Польши образомъ жизни, нравами и занятіями. На этой то почвѣ складываются, при помощи королей и шляхты, и всѣ особенности замкнутой жизни польскаго еврейства XVII и XVIII вѣковъ".

Продолженіемъ очерковъ по исторіи евреевъ въ Польшѣ являются двѣ статьи, напечатанныя въ сентябрѣ и октябрѣ 1895 г. въ „Вос-

Библиотека "Руниверс"

ходѣ",—о львовской и люблинской еврейскихъ общинахъ. Въ первой изъ нихъ С. А. Бершадскій мимоходомъ затрогиваетъ вопросъ о состояніи архивовъ и говоритъ, что „доселѣ ни одинъ архивъ (конечно бывшій польскій), за исключеніемъ Главн. Архива Царства Польскаго, не имѣетъ, не говоримъ уже предметныхъ, но даже личныхъ и географическихъ указателей". Здѣсь вышла небольшая неточность; именно львовскіе архивы, какъ земскій, такъ и городской, имѣютъ прекрасные указатели, занимающіе три большія комнаты. Къ написанію этихъ статей послужили найденныя авторомъ копіи королевскихъ привилегій евреямъ этихъ городовъ. Объ эти статьи любопытны, но онѣ даютъ намъ только небольшую картинку еврейскихъ отношеній, и не могутъ считаться вполнѣ законченнымъ очеркомъ.

Эпизодическій характеръ имѣютъ статьи С. А. Бершадскаго „Авремъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій" (*Кіевская Старина*, 1888), „Еврей Король Польскій" (Восходъ, 1890) и „Старинное средство—обвиненіе евреевъ въ убіеніи младенцевъ" (Восходъ, 1894, 10, 12).

Первая изъ этихъ статей имѣетъ полемическое начало — вызвана небольшой статейкой І. Вольфа (извѣстнаго автора капитальныхъ сочиненій по исторіи Литвы: Сенаторы и Сановники въ Литвѣ; Родъ Гедимина Пацы; Западно-Русскіе Князья)—подъ заглавіемъ „Жидъ-министръ". С. А. Бершадскій сильно возмутился этою брошюрой, и она дала поводъ написать ему прекрасную монографію. Отбросивъ небольшую полемическую часть, мы получимъ прекрасную монографію рисующую намъ картинно финансовую и экономическую сторону Литвы за много лѣтъ. Это одна изъ блестящихъ статей С. А. Бершадскаго. Подъ скромнымъ видомъ біографіи передъ нами раскрывается полная бытовая картина конца XV и начала XVI вѣковъ. Первая глава полемическая. Со второй начинается отдѣлъ конструктивный. Начинается вторая глава родословной Аврама, далѣе авторъ устанавливаетъ фактъ перехода Аврама изъ еврейства въ православіе и тутъ же отмѣчаетъ, что подъ конецъ жизни Авремъ переходитъ въ католичество, „но не изъ какихъ либо корыстныхъ видовъ, при томъ при королѣ чуждомъ религіознаго фанатизма, и въ то время когда православная вѣра ни въ какомъ случаѣ не могла служить помѣхой для служебнаго положенія". На примѣрѣ Аврама авторъ доказываетъ, какимъ образомъ энергическій и талантливый человѣкъ могъ достигнуть въ Литвѣ въ началѣ XVI столѣтія высшихъ мѣстъ въ государствѣ, не смотря на то, что не только не имѣлъ

Библиотека "Руниверс"

за собою длиннаго ряда предковъ, да и самъ былъ въ полномъ смыслѣ слова homo novus, еврей, принявшій христіанство. Разсматривая разнообразную дѣятельность Аврама по упорядоченію и приведенію въ порядокъ финансоваго управленія въ Литвѣ, С. А. Бершадскій представляетъ при этомъ картину финансоваго положенія, источниковъ и количества велико-княжескихъ доходовъ въ началѣ XVI вѣка. Въ заключеніи авторъ допускаетъ чрезмѣрную идеализацію героя своей монографіи — „руководящимъ принципомъ служебной дѣятельности Аврама было то исконное уваженіе и преданность великому князю, которыя составляютъ основныя черты литовско-рускаго населенія XVI вѣка".

Вторая изъ сейчасъ названныхъ монографій посвящена изслѣдованію легенды о Шаулѣ Юдичѣ Валѣ, какъ преемникѣ Стефана Баторія. На основаніи актовъ литовской метрики С. А. Бершадскій даетъ образъ реальнаго Шауля Валя, одного изъ старшинъ брестскаго кагала, выхлопотавшаго у Стефана Баторія право на свободное занятіе евреевъ торговлею и ремеслами наравнѣ съ христіанами не только въ Брестѣ, но и во всей Литвѣ; за услуги, оказанныя Сигизмунду III, онъ получаетъ званіе королевскаго слуги и право носить золотую цѣпь. Причину появленія легенды С. А. Бершадскій видитъ въ идеализаціи евреями XVII и XVIII вѣковъ стариннаго положенія евреевъ въ Литвѣ: Шауль даруетъ евреямъ права, которыя даютъ имъ возможность жить въ Литвѣ счастливо.

Въ очеркѣ подъ заглавіемъ „Старинное средство", оставшемся неоконченнымъ (Всходъ 1894 г. 9, 11, 12), С. А. Бершадскій старается объяснить причины возникновенія въ Польшѣ легендъ объ избіеніе младенцевъ съ ритуальною цѣлью, и въ числѣ причинъ безучастнаго отношенія королевской власти къ своимъ подданнымъ видитъ происки іезуитовъ, вліявшихъ на исходъ обвиненія евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ. С. А. Бершадскій обвиняетъ короля Сигизмунда III не столько въ хладнокровномъ отношеніи къ своимъ непосредственнымъ подданнымъ, сколько въ томъ, что король вмѣстѣ съ обвинителями ничуть несомнѣваются въ возможности и реальности тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвиняются евреи.

И такъ евреи, оставленные королями и шляхтою, въ борьбѣ съ духовенствомъ, наканунѣ казацкихъ войнъ являются безпомощными противъ обвиненій въ ритуальномъ убійствѣ. Наступаетъ 1648 г. занимается кровавая заря казацкаго возстанія, наступаетъ періодъ, названный въ исторіи „Руиной". На ряду съ другими подданными

Библиотека "Руниверс"

польскаго государства послѣ погрома и евреямъ приходится вновь устраиваться. Янъ Собѣскій настроенъ сочувственно къ евреямъ, онъ возстановляетъ имъ многія старыя права, и *въ виду лучшихъ условій для евреевъ мы*, по словамъ С. А. Бершадскаго, *въ теченіе шестидесяти лѣтъ не встрѣчаемся съ обвиненіями евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ*. Событія измѣняются; въ правленіе „гнусныхъ саксонцевъ" Августовъ II и III развивается узкій эгоизмъ, ханжеское благочестіе и нетерпимость; начинается преслѣдованіе схизматиковъ и глубочайшее презрѣніе къ нехристіанамъ. Опять возникаютъ процессы противъ евреевъ, и уже не только при дѣятельномъ участіи духовенства, а даже по его почину. Такимъ было сандомірское дѣло 1690 г., на изложеніи котораго прерывается очеркъ С. А. Бершадскаго.

Въ очеркѣ этомъ собрано много любопытныхъ данныхъ, но несмотря на желаніе автора оправдать евреевъ, читатель не приходитъ по прочтеніи, къ одному съ авторомъ выводу.

Къ числу неоконченныхъ работъ С. А. Бершадскаго по исторіи евреевъ принадлежитъ его изслѣдованіе о „Положеніи о евреяхъ 1804 года" (Восходъ 1895, 1, 3, 4, 6.). Положеніе 1804 г. о евреяхъ является первымъ памятникомъ законодательной дѣятельности русской государственной власти, опредѣляющимъ юридическое положеніе евреевъ среди другихъ сословій россійскаго государства. Авторъ полагаетъ, что многія основныя начала этого „Положенія" не потеряли вполнѣ своего значенія и по настоящее время, не смотря, однако, на это, до сихъ поръ мы не имѣемъ свѣдѣній о внутренней его исторіи и о воззрѣніяхъ авторовъ на существо самаго дѣла. Въ этой статьѣ С. А. Бершадскій намѣренъ былъ дать исторію основаній и мотивовъ этого памятника. Авторъ подробно останавливается на мнѣніи виленскаго гражданскаго губернатора Фризеля отъ 5 апрѣля 1800 года; С. А. Бершадскій полагаетъ, что мнѣніе Фризеля, хотя оно и написано почти сто лѣтъ назадъ, тѣмъ неменѣе, по своей основательности, практической подкладкѣ и надлежащему пониманію государственныхъ интересовъ, представляется безконечно превосходящимъ всѣ циркулировавшіе въ то время польскіе проекты. Мѣры, предлагаемыя Фризелемъ—результатъ близкаго знакомства съ отношеніями различныхъ классовъ литовскаго общества. „Онъ предлагаетъ проектъ еврейской реформы, основанной на просвѣщеніи евреевъ, имѣющей своею окончательною цѣлью уравненіе евреевъ въ правахъ и обязанностяхъ съ тѣми классами населенія христіанскаго, къ которымъ они будутъ принадлежать по своему роду занятій". Это

Библиотека "Руниверс"

изслѣдованіе не окончено, но общій взглядъ автора уже вполнѣ зарисованъ, и онъ виденъ изъ приведенныхъ строкъ. По представляемому здѣсь матеріалу и эта работа С. А. Бершадскаго очень цѣнна, но со взглядами его едва-ли можно всегда согласиться.

Послѣднимъ печатнымъ трудомъ С. А. Бершадскаго по исторіи евреевъ, была его статья, помѣщенная въ январьской книжкѣ Восхода за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: „Первые ешиботы въ Польшѣ, устроенные съ разрѣшенія государственной власти". Подъ ешиботами С. А. Бершадскій подразумѣваетъ еврейскія училища, устраиваемыя евреями. Въ этой статьѣ С. А. Бершадскій, по обыкновенію, даетъ картину современной данному факту эпохи, и тутъ замѣчаетъ, что „давно сказано (и прибавимъ отъ себя Спасителемъ (Матѳея 4. 4), котораго евреи не признаютъ)—„не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ", а школа въ Польшѣ очень рано получила конфессіональный характеръ. Каждая школа принимаетъ въ обученіе лицъ своего вѣроисповѣданія. Принятый въ іезуитскую школу долженъ неминуемо обратиться въ католичество. Напрасно бы искала для себя еврейская молодежь, говоритъ С. А. Бершадскій, возможности изучать медицину или гуманитарныя науки, какъ то было возможно въ Италіи или Голландіи. Возможность такого изученія была для нея безусловно закрыта. Впервые 23 августа 1567 г. Сигизмундъ Августъ разрѣшаетъ люблинскимъ евреямъ на общій счетъ устроить гимназію для обученія въ ней лицъ еврейской религіи. Гимназіи даны были широкія права, ими же пользовался и ректоръ гимназіи, но ему не дозволялось ни перенести ея на новое мѣсто, ни заниматься обученіемъ внѣ указанныхъ ему границъ. Скоро евреямъ въ Польшѣ удалось у того же короля получить разрѣшеніе на открытіе странствующей школы. 10 мая 1571 г. король предоставляетъ червонно-русскому раввину право повсюду имѣть въ Польшѣ училище и держать при себѣ учениковъ и просвѣщать въ наукахъ. Онъ не связанъ ни съ мѣстомъ, ни съ личностью, стоящею во главѣ учрежденія. Гдѣ вздумаетъ этотъ глава, заключаетъ С. А. Бершадскій, основать свое мѣстопребываніе, тамъ тотчасъ же, безъ всякаго разрѣшенія, выростаетъ высшее (?) учебное заведеніе".

Очеркъ этотъ также не конченъ, изъ него мы узнаемъ только объ условіяхъ, при какихъ это училище возникло, и объ основаніяхъ, на которыхъ оно было открыто. Не знаемъ дальнѣйшей его судьбы, ни плана преподаванія въ немъ, объ этомъ вѣроятно авторъ намѣренъ былъ говорить далѣе. „Недѣльная хроника Восхода" (№ 8), называя

Библиотека "Руниверс"

эту статью начатою, ничего не говоритъ, имѣется ли въ редакціи ея продолженіе.

Мы уже кончили обзоръ историческихъ трудовъ С. А. Бершадпо еврейскому вопросу; „Недѣльная хроника Восхода“ (1896 г. № 8, стр. 198) говоритъ, что С. А. Бершадскій помѣстилъ на ея страницахъ рядъ неподписанныхъ руководящихъ статей въ отвѣтъ на статьи Новаго Времени по поводу еврейскаго погрома 1891 г. О принадлежности этихъ статей С. А. Бершадскому мы только теперь впервые узнали и съ ними не знакомы.

Вторымъ вопросомъ, сильно занимавшимъ С. А. Бершадскаго, была исторія литовскаго права и исторія внутренняго строя литовскаго государства. С. А. Бершадскій прекрасно овладѣлъ всею литературою предмета, самъ собралъ громадный матеріалъ первостепенной важности, умѣя имъ прекрасно распоряжаться, но, погрузившись въ исторію евреевъ, не успѣлъ дать что нибудь крупное въ этомъ отношеніи. Его крѣпкое здоровье, казалось, сулило ему долголѣтнюю жизнь, и всѣ спокойно ждали капитальнаго труда, который, созрѣвъ въ его головѣ и вылежавшись въ портфелѣ автора, обогатитъ надолго историческую науку. — Но вышло совсѣмъ иначе, и въ этой области мы имѣемъ только нѣсколько статей.

Отдѣлъ этотъ открывается первымъ печатнымъ трудомъ С. А. Бершадскаго—рецензія на книгу Кистяковскаго „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ“ (*Журналъ Уголовнаго Права 1879, 3*). Къ этой же области принадлежитъ рецензія на сочиненіе Н. В. Стороженка „О западно-русскихъ сеймикахъ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г.*). Здѣсь С. А. Бершадскій опровергаетъ проводимую авторомъ мысль о всесловности южно-русскихъ сеймовъ до Люблинской уніи и указываетъ, каковъ былъ составъ вальныхъ и провинціальныхъ сеймовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

Въ рецензіи на книгу М. Любавскаго—„Областное дѣленіе въ Литовскомъ государствѣ“—въ отчетѣ о XXXVI присужденіи Уваровскихъ премій (1895 г.), С. А. Бершадскій высказалъ нѣсколько общихъ руководящихъ мыслей. Главный матеріалъ для надлежащаго выясненія коренныхъ принциповъ государственной жизни и общественнаго строя Литвы покоится еще и по настоящее время въ актовыхъ книгахъ Литовской Метрики. Между тѣмъ, безъ выясненія этихъ принциповъ, совершенно невозможно точное представленіе о дальнѣйшей исторіи этого княжества, такъ какъ реформы 1566 и 1569 гг. представляются заимствованными изъ чуждыхъ литовской жизни источниковъ,

Библиотека "Руниверс"

и борьба противоположныхъ началъ въ литовской жизни проходитъ невидимою, безслѣдною, скрытою отъ глазъ наблюдателя.

Разсматривая отдѣльныя стороны литовскаго строя, С. А. Бершадскій даетъ здѣсь свое объясненіе нѣкоторымъ изъ нихъ. Такъ онъ утверждаетъ, что началами, лежащими въ основѣ территоріальнаго дѣленія великаго княжества—была реализація насущныхъ потребностей государства, т. е. защиты населенія отъ внѣшнихъ враговъ, расширеніе вооруженною рукой границъ, содержаніе военной силы при помощи повинностей и податей, охраненіе мира и отправленіе правосудія, въ связи съ самостоятельнымъ экономическимъ положеніемъ великаго князя, какъ вотчинника земель, отчасти пріобрѣтенныхъ мечомъ, отчасти имъ самимъ колонизованныхъ, отчасти поступившихъ подъ его власть по наслѣдству или договору отъ прежнихъ государей.

Самостоятельными работами по исторіи литовскаго права явились два изслѣдованія, изданныя особыми книгами: „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву". С.-Пб. 1892 г., стр. 94 и „Литовскій статутъ и польскія конституціи". С.-Пб. 1893 г., стр. 114. По поводу перваго изслѣдованія я имѣлъ уже случай говорить отдѣльно и на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* [1]); второе—составляетъ, по преимуществу, отвѣтъ на мои положенія и выводы. Я, за неимѣніемъ свободнаго времени, будучи отвлеченъ срочными работами, до сихъ поръ не отвѣтилъ С. А. Бершадскому, но я и по настоящее время остаюсь при мнѣніи и взглядахъ, высказанныхъ въ моихъ замѣткахъ. Оба изслѣдованія С. А. Бершадскаго находятся въ тѣсной между собою связи.

Въ нихъ, кромѣ разныхъ второстепенныхъ положеній, авторъ защищаетъ слѣдующія коренныя:

1. Послѣ Люблинской уніи 1569 г. обязательны были для Литвы только тѣ сеймовыя конституціи, въ которыхъ прямо было сказано, что онѣ касаются Литвы; а потому невѣрно мнѣніе (отстаиваемое мною), что всѣ сеймовыя конституціи (послѣ 1569 г.) имѣли обязательную силу для Литвы, если въ нихъ не было оговорки, что онѣ дѣйствительны только для Польши или какой нибудь другой мѣстности Рѣчи Посполитой. Послѣднее положеніе, говоритъ С. А. Бер-

[1]) Къ вопросу объ изданіяхъ Литовскаго статута. Спб. 1893 г., стр. 78; Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго статута. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893. X и отдѣльно.

Библиотека "Руниверс"

шадскій, противорѣчитъ общепринятой теоріи о дѣйствіи законовъ во времени и пространствѣ.

2. По вопросу о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ въ Литвѣ могли руководствоваться только третьимъ статутомъ, и не могли пользоваться конституціей 1588 г. о выморочныхъ имуществахъ, какъ это я доказываю.

3. Наслѣдованіе въ Литвѣ неограничивалось никакою степенью, тогда какъ я доказываю, что выморочность наступала при отсутствіи наслѣдниковъ въ 8-й степени.

4. Счетъ степеней въ Литвѣ былъ католическій канонической, а не гражданскій или канонической православный.

Вопроса о значеніи латинскаго слова gradus, переводимаго въ польскихъ актахъ словомъ stopień, pokolenie, я не затрогивалъ, такъ какъ значеніе этого слова было для меня вполнѣ ясно, а юридическое его толкованіе старинныхъ польскихъ юристовъ вполнѣ опредѣленно: въ февральской книжкѣ „Журнала Юридическаго Общества“ пр. А. Х. Гольмстенъ посвятилъ этому вопросу нѣсколько страницъ и дѣлаетъ выводъ что *gradus* понималось въ Польшѣ въ смыслѣ *колѣна*, а что исчисленіе родства было поколѣнное (39). На это считаю нужнымъ пояснить, что въ польскомъ языкѣ слово stopień (степень) и pokolenie (колѣно) были синонимами слова gradus. Въ этомъ, конечно, легко убѣдиться, познакомившись со старинною польскою литературой. Вотъ, хотя одинъ примѣръ: Скарга въ сочиненіи Roczne Dzieje (Краковъ 1607) говоритъ: Jedni pokolenie pierwsze kładli w oycu y matce, a wtore miedzy rodzoną bracią: iako to Iuristowie dla wstępowania na dziedzictwo czynili: Kościoł s stopnie te ciesniey postawił, y oyca z matką nie licząc, ale, iako za korzeń krewnosci kładąc, pierwszy stopień i pokolenie miedzy rodzonemi braty y sieztry postawił. (стр. 1044).

То-есть: „Одни первое *колѣно* считаютъ въ отцѣ и матери и второе между родными братьями, какъ это дѣлаютъ юристы при опредѣленіи правъ наслѣдованія. Св. церковь эти степени сдѣлала болѣе тѣсными и не считая отца и матери, принимая изъ за корень родства, опредѣлила первую степень и колѣно между родными братьями и сестрами“. Дѣйствительно, старинные польскіе юристы въ гражданскихъ дѣлахъ признавали счетъ гражданскій. Такъ извѣстный ученый юристъ и профессоръ XVII вѣка Ѳ. Дрезнеръ говоритъ: Quod ad computationem civilem attinet... In collaterali seu ex transverso linea tot erunt gradus quot personae, numeratis intermediis, una quoque dempta. (Just R. Pal.

Библиотека "Руниверс"

Libri III. 1613). Онъ же, при томъ для образца прилагаетъ генеалогическое дерево, которое прилагалось впослѣдствіи и при литовскомъ статутѣ. Тотъ же взглядъ проводится во всѣхъ старинныхъ университетскихъ курсахъ, которыхъ сохранилось много въ библіотекѣ Краковскаго университета. Что же касается Литвы, то едва ли возможно допустить въ православно-русской Литвѣ третьяго статута (1588 г.) католическій счетъ, а не православный Кормчей книги. Принявъ же мнѣніе С. А. Бершадскаго и проф. Гольмстена, мы должны признать окатоличеніе Литвы до брестской уніи.

5. Выморочность не наступала при наличности наслѣдниковъ изъ той или другой линіи (то-есть, материнской или отцовской), то-есть при отсутствіи наслѣдниковъ изъ рода отца имущество переходило въ родъ матери и обратно—въ чемъ мы оба согласны.

Въ защиту положеній С. А. Бершадскаго выступилъ ветеранъ исторіи литовскаго права проф. Леонтовичъ. Вопросы, поднятые С. А. Бершадскимъ, очень сложны, требуютъ разрѣшенія многихъ побочныхъ вопросовъ, а для этого собрано очень мало матеріала. Такъ до сихъ поръ неизданъ еще дневникъ сейма, во время котораго былъ королемъ утвержденъ третій статутъ и на которомъ была обнародована конституція о выморочныхъ имуществахъ. Мнѣ только на дняхъ удалось достать рукопись дневника этого сейма, и на основаніи его окончательно рѣшается вопросъ о томъ, что третій статутъ не былъ утвержденъ сеймомъ, а слѣдовательно только королемъ. Опровергается, на основаніи дневника, и мнѣніе С. А. Бершадскаго, что литовскіе чины до принесенія присяги (то-есть, до 27 января 1588 г.) не могли принимать участія въ засѣданіяхъ сейма. Они, по дневнику, принимали участіе въ дѣлахъ сейма уже 13-го января 1588 г.,—а 27-го января принесли только присягу Сигизмунду III, какъ вновь избранному королю.

Вообще всѣ вопросы, затронутые здѣсь С. А. Бершадскимъ, требуютъ еще серьезной разработки, и я надѣюсь вернуться къ нимъ вскорѣ снова, воспользовавшись набравшимися у меня для этого новыми матеріалами.

По своему офиціальному положенію С. А. Бершадскій былъ извѣстенъ, какъ профессоръ энциклопедіи и исторіи философіи права, какъ непосредственный преемникъ профессора Рѣдкина. По этой спеціальности С. А. Бершадскій напечаталъ—Очеркъ исторіи философіи философіи права. Вып. I, стр. 266, сначала (въ 1889 г.) исключительно для студентовъ, а потомъ (въ 1892 г.), вторымъ изданіемъ,

Библиотека "Руниверс"

и для публики. Въ этой области я совсѣмъ не компетентенъ, и долженъ только указать на рецензію, помѣщенную на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1893 г., I) Э. Л. Радловымъ. По отзыву рецензента — книгу Бершадскаго можно назвать первымъ русскимъ курсомъ по исторіи философіи права и какъ первая новинка она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Горячо преданный преподавательской дѣятельности и своимъ спеціальнымъ ученымъ работамъ, С. А. Бершадскій живо интересовался всѣмъ выдающимся и въ областяхъ, далеко стоящихъ отъ излюбленнаго имъ предмета. Его живой и воспріимчивый умъ не могъ ограничиться сухою буквою тѣхъ старыхъ актовъ, среди которыхъ онъ проводилъ свое, свободное отъ служебныхъ обязанностей, время. Его художественно воспитанная и творческая натура изъ мертвыхъ актовъ создавала живыхъ людей, дѣйствительную обыденную жизнь, подъ его перомъ воскресали старыя времена и въ его малѣйшей замѣткѣ мы чувствуемъ себя въ обществѣ тѣхъ людей, которые жили иногда за 400 лѣтъ до насъ. Образность изложенія, живость слога составляютъ весьма характерную черту въ ученыхъ произведеніяхъ С. А. Бершадскаго. Этому много способствовала его любовь къ искусству вообще, а главнымъ образомъ къ живописи, и къ фотографіи: онъ былъ прекраснымъ любителемъ-фотографомъ, а при его умѣніи владѣть кистью—его фотографіи выходили художественными произведеніями. Такое соединеніе художника и фотографа видно и во всѣхъ его историческихъ работахъ. Фотографическая точность фактовъ съ художественною отдѣлкой давали цѣльную картину, иногда можетъ быть немножко украшенную—съ одной стороны слишкомъ свѣтлую, съ другой можетъ быть немного затемненную. Но историкъ имѣя вѣрную копію, съумѣетъ легко устранить тѣни, а яркій свѣтъ надлежаще отстранить, оставивъ навсегда вѣрное основаніе.

С. А. Бершадскій скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи физическихъ и умственныхъ силъ, обогащенный громадными свѣдѣніями и большою эрудиціей. Всѣмъ ближе его знавшимъ казалось, что ему суждено было долго, долго работать на пользу науки, но недугъ подтачивалъ его мощныя силы, и его друзья уже съ нѣкотораго времени сильно побаивались за исходъ его болѣзни. И вотъ неумолимая смерть вырвала у насъ преждевременнаго прекраснаго, гуманнаго человѣка и серьезнаго ученаго, который несомнѣнно далъ бы наукѣ очень много цѣннаго и важнаго.

С. Штошицкій.

Библиотека "Руниверс"

III.

И. Н. Березинъ.

Въ великую пятницу на страстной недѣлѣ, 22-го прошлаго марта мѣсяца скончался заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Илья Николаевичъ Березинъ, не доживши четырехъ мѣсяцевъ до исполненія 78 лѣтъ отъ роду.

Не всестороннюю и рѣшительную оцѣнку личности, жизни и дѣятельности покойнаго И. Н. Березина мы намѣреваемся сдѣлать надъ свѣжею могилой его, а только хотимъ отдать дань уваженія учениковъ къ учителю и исполнить долгъ товарищей товарищу по общему нашему ученому поприщу, краткимъ напоминаніемъ о главнѣйшихъ событіяхъ въ лѣтописи его жизни и такимъ же указаніемъ на итоги его ученой дѣятельности, дающіе ему право на занятіе подобающаго мѣста въ исторіи русской науки, вчастности науки востоковѣденія.

Илья Николаевичъ Березинъ былъ родомъ изъ Пермской губерніи [1]), населеніе которой едва ли не наполовину состоитъ изъ инородцевъ финскаго и тюркскаго племени. Невольное соприкосновеніе съ инородцами нашихъ отдаленныхъ окраинъ, какъ извѣстно, всегда какъ-то само собою располагаетъ коренныхъ русскихъ людей, съ дѣтства живущихъ въ этихъ окраинахъ, къ пытливости относительно языковъ и быта ихъ иноплеменныхъ соотечественниковъ. Въ такомъ свойствѣ русскаго характера почти безошибочно можно видѣть причину, почему и Илья Николаевичъ Березинъ, пройдя курсъ ученія въ Казанской гимназіи и поступивши затѣмъ въ Казанскій университетъ, направилъ свою ученую любознательность именно въ область иноязычія. Это случилось въ ту пору, когда все русское востоковѣденіе ограничивалось исключительно элементарнымъ преподаваніемъ татарскаго и калмыцкаго языковъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, да еще въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ окраинныхъ епархій, въ родѣ Тобольской и Астраханской, съ очень неясными тогда и малонадежными миссіонерскими цѣлями безъ мало-мальски подготовленныхъ руководителей и безъ всякихъ сколько-нибудь годныхъ учебниковъ и пособій. О научномъ же востоковѣденіи тогда не могло быть и рѣчи.

Ступать при описанныхъ обстоятельствахъ на такой непочатой путь,

---

[1]) А не „родился въ *Персіи*“, какъ это сказано въ некрологѣ *Прав. Вѣстн.*, № 69.

Библиотека "Руниверс"

съ одной стороны, было, пожалуй, и заманчиво, если была увѣренность въ своихъ силахъ и способностяхъ, но, съ другой стороны, оно могло казаться и нѣсколько страшновато въ виду новости дѣла и, такъ сказать, потемокъ, царившихъ въ этой области русской науки. Если и было что пригоднаго и полезнаго въ руководительномъ смыслѣ по части оріентализма, то все это было на иностранныхъ европейскихъ языкахъ, изученіе которыхъ поэтому являлось необходимымъ предварительнымъ средствомъ для того, чтобы воспользоваться трудами европейскихъ ученыхъ, не исключая и нашихъ выѣзжихъ изъ-заграницы академиковъ въ родѣ Френа и Шмидта, и др., которые не знали русскаго языка и писали свои сочиненія по-латыни да по-нѣмецки. И вотъ И. Н. Березинъ, проявившій своего рода мужество на поприщѣ языковѣденія, при скудости учебной литературы во времена его школьнаго возраста, не остановился предъ этими очень сложными трудностями, и въ совершенствѣ овладѣлъ знаніемъ европейскихъ языковъ въ такой же мѣрѣ, въ какой достигъ онъ знанія и языковъ восточныхъ, такъ что потомъ въ состояніи былъ на одномъ изъ нихъ, именно на французскомъ, писать собственныя ученыя сочиненія.

Къ числу дальнѣйшихъ его подвиговъ на избранномъ имъ ученомъ пути принадлежитъ его трехъ-лѣтнія путешествія по далекимъ странамъ Востока—Персіи, Месопотаміи, Аравіи, Египту и Турціи. Такія экскурсіи молодыхъ, да не однихъ только молодыхъ, оріенталистовъ служили и служатъ большимъ подспорьемъ въ дѣлѣ провѣрки знаній, добытыхъ путемъ теоретическаго изученія языковъ и нравовъ восточныхъ народовъ, и пополненія ихъ непосредственными наблюденіями на мѣстѣ; въ особенности это необходимо для лингвистическихъ цѣлей, ибо живой устной рѣчи того или другаго народа не можетъ замѣнить никакая книга, какъ бы она полно, наукообразно и добросовѣстно ни была написана. Но если въ наши времена, когда всюду и вездѣ почти путешественники могутъ разсчитывать и на болѣе или менѣе удобные и безопасные пути сообщенія, и на доступность въ извѣстной мѣрѣ чужихъ странъ и населяющихъ ихъ обитателей, все же нерѣдко встрѣчаются немаловажныя препятствія и затрудненія къ проникновенію въ предѣлы некультурныхъ жителей Востока, то что же, можно думать, было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда совершалъ свое ученое путешествіе покойный И. Н. Березинъ, оставленный по окончаніи имъ университетскаго курса при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію?!

Библиотека "Руниверс"

Къ этому надо присоединить еще и то обстоятельство, что при зарожденіи русскаго ученаго востоковѣденія оно усложнялось своею, такъ сказать, всеобъемлемостью, энциклопедичностью. Изученіе восточныхъ языковъ въ тѣ поры не такъ спеціализовалось, какъ въ настоящее время, ибо и самый запасъ ученыхъ сочиненій въ этой области не такъ еще былъ обширенъ, чтобы научная любознательность оріенталиста могла быть всецѣло поглощена лишь извѣстною отраслью такъ-называемыхъ восточныхъ языковъ и литературъ ихъ. Поэтому-то И. Н. Березинъ, отправившись въ ученое путешествіе, долженъ былъ одинаково изучать тамъ всѣ три главнѣйшихъ языка мусульманскаго Востока—арабскій, персидскій и турецкій, какъ это явствуетъ изъ „плана ученаго путешествія по Востоку магистровъ Дattеля и Березина, составленнаго Мирзою Казембекомъ“ (Казань, 1841 г.). Не удивительно поэтому, что у И. Н. Березина мы находимъ ученые труды по всѣмъ тремъ названнымъ отраслямъ востоковѣденія, изъ которыхъ мы здѣсь упомянемъ лишь наиболѣе выдающіеся или наиболѣе характерные.

Ставъ по возвращеніи изъ путешествія въ 1846 году исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ турецкаго языка, И. Н. Березинъ не замедлилъ начать дѣлать достодолжное примѣненіе пріобрѣтенныхъ имъ знаній въ восточныхъ языкахъ и литературахъ и научное употребленіе изъ запасенныхъ имъ во время путешествія разнообразныхъ матеріаловъ по части знакомства съ бытомъ, нравами, языками и историко-археологическими достопримѣчательностями посѣщенныхъ имъ странъ мусульманскаго Востока. Такъ, въ 1846—1849 годахъ имъ составлено „Описаніе турецко-татарскихъ рукописей, хранящихся въ петербургскихъ библіотекахъ“—первый у насъ опытъ восточной библіографіи. Затѣмъ послѣдовалъ выходъ цѣлаго ряда работъ И. Н. Березина въ разныхъ направленіяхъ. Изъ собственно филологическихъ онъ, въ 1849 г., напечаталъ на французскомъ языкѣ сочиненіе „Système des dialectes turcs“, часть задуманной имъ тогда классификаціи языковъ подъ общимъ именемъ „Recherches sur les dialectes musulmans“, которая имѣла свое продолженіе въ изслѣдованіи „Recherches sur les dialectes persans“, вышедшемъ 1853 году. Къ этой же категоріи относится его „Дополненіе по тюркской грамматикѣ“ Казембека, напечатанное въ 1849 году и „Грамматика персидскаго языка“, изд. 1853 года.

Непосредственное знакомство И. Н. Березина съ странами Востока нашло свое выраженіе въ двухъ томахъ его „Путешествій по

Библиотека "Руниверс"

Востоку", изданныхъ въ 1850 и 1852 годахъ и подавшихъ поводъ къ какому-то не совсѣмъ ясному для насъ недоразумѣнію со стороны покойнаго Казембека, относительно матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ означеннаго „Путешествія", (Derbend-Nâmeh. St. Petersburg. 1857, 150), — недоразумѣніе, которое такъ и не было разрѣшено И. Н. Березинымъ, не любившимъ печатной полемики. Вѣроятно, въ силу этой же нелюбви къ полемикѣ онъ оставилъ безъ возраженія и отзывъ академика Бётлингка о его Recherches sur les dialectes musulmans (Über die Sprache der Jakuten. Sprb. 1857, S. XXXIV. Bem. 77), который былъ недоволенъ выраженіемъ *dialectes musulmans*, а еще болѣе отсутствіемъ въ изслѣдованіи И. Н. Березина транскрипціи тюркскихъ словъ, которая бы давала точное понятіе о тюркской фонетикѣ, хотя, правду сказать, и доселѣ, несмотря на всѣ усилія оріенталистовъ, не удалось выработать такой единообразной и безукоризненной транскрипціи. Самое же изслѣдованіе И. Н. Березина не лишено своихъ достоинствъ, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ наукообразныхъ лингвистическихъ изысканій въ области тюркской фонетики.

Наиболѣе видное мѣсто въ ряду его трудовъ составляетъ, безъ сомнѣнія, цѣлая серія изданныхъ имъ восточныхъ текстовъ съ переводомъ и примѣчаніями. Издавши въ началѣ тарханные ярлыки хановъ Золотой Орды и Крыма (Казань, 1851 г.), И. Н. Березинъ перешелъ потомъ къ „Библіотекѣ Восточныхъ Историковъ", два тома которой составили „Шейбани-Номе" на джагатайскомъ нарѣчіи и „Джами-эт-Теварихъ" на казанскомъ нарѣчіи (Казань, 1849 — 1851 гг.) — памятники, касавшіеся исторіи монголовъ и турковъ. Самымъ же капитальнымъ въ этомъ родѣ изданіемъ является шесть томовъ знаменитаго произведенія азіатской исторіографіи. Джами-эт-Теварихъ, сочиненіе Рашидъ-эд-Дина, персидскій текстъ котораго съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями составляетъ украшеніе Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, (С.-Петербургъ, 1858—1867 гг.). Этотъ трудъ, какъ и многіе другіе, былъ предпринятъ и исполненъ И. Н. Березинымъ по переходѣ его изъ Казани въ Петербургъ, когда и Восточный факультетъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскій университетъ.

Дальнѣйшимъ результатомъ углубленія И. Н. Березина въ памятники азіатской исторической письменности было нѣсколько его историческихъ монографій по исторіи монголовъ, какъ-то: „Первое нашествіе монголовъ на Россію" (1852), „Второе нашествіе монголовъ на

Библиотека "Руниверс"

Россію" (1854), „Булгаръ на Волгѣ" (1853) и, наконецъ, „Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева" (1865 г.), представляющихъ собою плодъ изученія минувшихъ судебъ азіатскихъ владыкъ древней Руси, насколько отъ нихъ сохранились слѣды въ старинныхъ татарскихъ грамотахъ, историческихъ повѣствованіяхъ и монетахъ. Описаніе послѣднихъ составило особую работу И. Н. Березина „Catalogue des monnaies et des médailles du cabinet numismatique de l'Université de Casan" (1855 г.). Монографія же „Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева" была его докторскою диссертаціей, которую ему обязательно было представить по требованію университетскаго устава 1863 года для полученія права на званіе ординарнаго профессора.

Малое знакомство русскихъ съ сосѣднею Россіи частью Азіей, и съ бытомъ и нравами ея обитателей всегда налагало и налагаетъ на оріенталистовъ нравственную обязанность восполнять этотъ пробѣлъ истолкованіемъ тѣхъ или другихъ явленій въ прошломъ и настоящемъ азіатскихъ государствъ и народовъ, особенно въ такіе моменты текущей жизни, когда встрѣчается настоятельная надобность въ подобныхъ истолкованіяхъ, какъ, напримѣръ, при возникновеніи какихъ-нибудь вопросовъ международной политики, затрогивающихъ отношенія нашего отечества къ азіатскимъ иноплеменникамъ, ибо нерѣдко случается, что русская публицистика, — да и все общество, оказывается въ безпомощномъ положеніи, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ основательныхъ, опирающихся на науку, данныхъ, чтобы строить какія-либо соображенія или судить о томъ, что творится въ сопредѣльныхъ намъ азіатскихъ странахъ, или среди нашихъ собственныхъ азіатскихъ иноплеменниковъ.

Въ этомъ отношеніи и И. Н. Березинъ также понималъ свой долгъ и призваніе, напечатавъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ очерковъ вышеозначеннаго направленія примѣнительно къ вопросамъ, занимавшимъ или даже волновавшимъ тогда его современниковъ, какъ напримѣръ, „Христіане въ Месопотаміи", „Христіане въ Сиріи", „Православная и другія христіанскія церкви въ Турціи", „Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности", „Современная Турція", „Дипломатическія сношенія Турецкой имперіи съ Европой", „О торговлѣ съ Азіей" и др. Выдающуюся особенность этихъ очерковъ, какъ и вообще всего, что выходило изъ-подъ пера И. Н. Березина, составляетъ счастливое соединеніе въ нихъ дѣльности и серьезности содержанія съ прекраснымъ изложеніемъ, И. Н. Березинъ положительно обладалъ литературнымъ талантомъ. Какъ на образецъ его превосходнаго слога можно

Библиотека "Руниверс"

по всей справедливости указать на четыре его очерка подъ заглавіемъ „Сцены въ пустынѣ“, которые только вслѣдствіе ограниченнаго знакомства нашихъ профессіональныхъ словесниковъ съ этими очерками, не вошли въ учебныя хрестоматіи. Мало того: И. Н. Березинъ писалъ стихи и очень недурные, какъ объ этомъ можно судить по его прекрасному стихотворенію „Къ ученому“, по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета.

Наконецъ, надлежитъ указать еще на одинъ родъ научно-литературной дѣятельности И. Н. Березина, составившей очень крупное въ свое время явленіе, давшее толчекъ другимъ пойдти по стопамъ его.

Такъ онъ сперва началъ съ небольшаго собранія восточныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, которое вошло въ составъ подобныхъ же матеріаловъ, собранныхъ другими оріенталистами и издававшихся одно время Академіею Наукъ, а потомъ, увлекшись лексикологическою работою, дошелъ до мысли издать цѣлый „Русскій Энциклопедическій Словарь“, напечатанный имъ въ 1872—1879 годахъ въ XVI томахъ.

Опыты подобнаго крупнаго предпріятія дѣлались и прежде, но только ни разу не были доводимы до конца въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Можно, конечно, находить недостатки, и даже, пожалуй, промахи въ энциклопедіи И. Н. Березина, но если мы примемъ во вниманіе то, что теперешнее изданіе другаго энциклопедическаго словаря ведется цѣлымъ сонмомъ признанныхъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ и ихъ многочисленныхъ безъименныхъ подручныхъ, да и при этомъ дѣло не обходится безъ явныхъ ошибокъ и пробѣловъ, неизбѣжныхъ въ такомъ огромномъ предпріятіи, то нельзя все-таки не удивляться необыкновенному мужеству, терпѣнію и энергіи покойнаго И. Н. Березина, вынесшаго на своихъ плечахъ всю тяжесть единоличнаго редакторства такого обширнаго труда, который вподъемъ лишь совокупнымъ силамъ многихъ работниковъ.

Покойный И. Н. Березинъ былъ многосторонне-образованный человѣкъ, начитанный въ иностранныхъ европейскихъ литературахъ, острый на слова собесѣдникъ. Какъ человѣкъ, онъ былъ чуждъ всякой завистливости и тщеславія, откровененъ во взглядахъ и прямодушенъ въ сужденіяхъ. Смолоду онъ, говорятъ, былъ очень общителенъ и имѣлъ широкія связи въ литературныхъ кружкахъ: напримѣръ былъ своимъ человѣкомъ въ кружкѣ профессора Кавелина. Въ послѣднее же время онъ какъ-то уединился въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу, можетъ быть находя не по времени свойственную его

Библиотека "Руниверс"

сангвиническому темпераменту искренность, или тяготясь значительною разницею въ возрастѣ съ своими бывшими учениками, ставшими впослѣдствіи его коллегами. Зато онъ до гроба оставался вѣренъ дружбѣ съ своими товарищами-сверстниками, пережившими его.

Конечно, жизнь всѣмъ дорога, и никто охотно не разстается съ съ нею, развѣ при какихъ-нибудь исключительныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Но если намъ неизбѣжно суждено рано или поздно покинуть этотъ свѣтъ, то ужъ лучше покидать его въ такихъ лѣтахъ и при такихъ безобидныхъ отношеніяхъ къ покидаемымъ на землѣ присным и знаемымъ, когда бы можно было, отдавая Богу душу, сказать при этомъ: „Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!“ Мы, кажется, не будемъ неправы, если признаемъ, что оно такъ и произошло съ покойнымъ И. Н. Березинымъ.

В. Смирновъ.

IV.

А. Н. Труворовъ.

30 марта сего года послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни скончался директоръ Археологическаго Института, Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ. Покойный принадлежалъ къ видным дѣятелямъ въ области разработки и изслѣдованія письменныхъ памятниковъ русской старины; подъ его редакціей издано немало цѣлнаго историческаго матеріала и имъ былъ написанъ цѣлый рядъ историческихъ и археологическихъ статей въ повременныхъ изданіяхъ.

Уроженецъ Саратовской губерніи, воспитанникъ московскихъ художественныхъ классовъ (нынѣ училище живописи и ваянія) и московскаго Строгановскаго училища техническаго рисованія, Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ 24 лѣтъ отъ роду (род. въ 1819 г.) началъ служебную дѣятельность учителемъ рисованія и черченія въ Кузнецкомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ, по выдержаніи экзамена въ 1847 г. при Казанскомъ университетѣ, преподавалъ русскій языкъ въ Сердобскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ Сердобскѣ же въ теченіи трехъ лѣтъ, съ 1855 по 1858 г., отправлялъ обязанности уѣзднаго судьи по выборамъ отъ дворянъ. На этой новой должности онъ сблизился съ Н. В. Калачовымъ, который поощрялъ молодаго учителя и судью къ

Библиотека "Руниверс"

юридическимъ и литературнымъ занятіямъ и даже уговорилъ его переѣхать въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ съ 1858 г., и начинается литературная дѣятельность А. Н. Труворова, писавшаго сначала въ газетахъ: „Сѣверная Пчела", „Биржевыя Вѣдомости", „Акціонеръ", „Голосъ" и др. публицистическія и этнографическія замѣтки; въ 1861 г. онъ выступилъ съ большою статьею: „О свадебныхъ обрядахъ крестьянъ Сердобскаго уѣзда", напечатанною въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи" Н. В. Калачова.

Въ 1865 г. гр. Д. А. Толстой пригласилъ А. Н. Труворова въ только что образованную при Святѣйшемъ Синодѣ Комиссію для разбора дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ, и послѣдній былъ дѣятельнымъ ея членомъ; подъ его редакціей изданы IV, V и VII томы „Полнаго собранія постановленій и и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи", и имъ составленъ азбучный указатель къ I тому этого „Собранія".

Около этого-же времени онъ былъ избранъ въ члены-сотрудники Археографической Комиссіи, а въ 1870 г. и дѣйствительнымъ членомъ. Дѣятельность его по отношенію къ Комиссіи выразилась, во-первыхъ, въ составленіи указателей: одного къ лѣтописи по Ипатскому списку, а другаго къ 10-ти первымъ томамъ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ", и во-вторыхъ. въ редактированіи V тома „Русской исторической библіотеки", содержащаго акты и исторію Валдайскаго Иверскаго монастыря, и четырехъ томовъ „Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ". Послѣдній трудъ особенно цѣнный и важный въ русской исторической литературѣ. Этотъ богатѣйшій матеріалъ для нашей исторіи XVII в. и первый уцѣлѣвшій въ старинной письменности политическій процессъ хранился въ Археографической Комиссіи съ 1830-хъ гг. и только отпугивалъ отъ себя даже такихъ неутомимыхъ работниковъ, какъ М. П. Погодинъ и Н. В. Калачовъ. Въ 1883 г. наконецъ взялся за него А. Н. Труворовъ и черезъ семь лѣтъ появился въ печати названный трудъ. Покойному приходилось не только редактировать, но собирать и приводить въ порядокъ разрозненные, перепутанные и изорванные столбцы и свитки этого громаднаго дѣло, что особенно и устрашало другихъ. Участіе въ трудахъ комиссіи и особенно изданіе „Розыскныхъ дѣлъ", дало А. Н. Труворову богатый матеріалъ для разнаго рода статей. Такъ, въ 1879 г. онъ напечаталъ въ „Русской Старинѣ"—„Разказы изъ жизни арх. Иринея"; въ „Историческомъ

Библиотека "Руниверс"

Вѣстникѣ" за 1887 г.—„О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ" и за 1889 г.—„Волхвы и ворожеи на Руси въ концѣ XVII в."; въ „Русскомъ Архивѣ"—„Письма къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Блюментроста, графовъ Румянцевыхъ, графа Головкина, князя Долгорукова и княгини Голицыной" (1889 г., т. I), „Археологія и исторія въ произведеніяхъ новѣйшихъ русскихъ писателей" (1890 г., т. I), и въ „Русской Старинѣ"—„Аламъ" 1887 г., т. XIV), „О саняхъ, употреблявшихся при погребеніи русскихъ великихъ князей, царей и царицъ" (1887 г., т. XVI), и мн. др.

Въ 1891 г., по смерти И. Е. Андреевскаго, А. Н. Труворова совѣтъ Археологическаго Института избиралъ своимъ директоромъ. Стараясь быть только продолжателемъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ—Н. В. Калачова и И. Е. Андреевскаго, онъ много заботился о поддержаніи и расширеніи научной дѣятельности Института, а также и о пріисканіи матеріальныхъ средствъ. Занимая должность директора Института, А. Н. Труворовъ составлялъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, ежегодные отчеты о дѣйствіяхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и редактировалъ вышедшіе при немъ выпуски IX и X—„Вѣстника археологіи и исторіи", издаваемаго Институтомъ.

Три года тому назадъ (1893 г.) онъ праздновалъ 50-лѣтіе своей дѣятельности; вскорѣ послѣ этого захворалъ, вынесъ очень сложную операцію, но послѣ нея, прежде сильный и бодрый, онъ постоянно недомогалъ до самой смерти.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

этотъ расплавленный металлъ появляется на ея головѣ? И что это за мазь, подъ вліяніемъ которой плоть Главки таетъ, точно смола? Наивенъ былъ бы тотъ, кто сталъ бы требовать серьезныхъ отвѣтовъ на подобные вопросы. Весь интересъ поэта былъ сосредоточенъ на развитіи характера Медеи; тутъ, въ психологической мотивировкѣ дѣйствія, онъ дѣйствительно реалистиченъ. Но физіологическій и патологическій реализмъ не входилъ въ его разсчетъ. Мало того: онъ не былъ знакомъ со значеніемъ даже тѣхъ патологическихъ явленій, которыя онъ, ради наглядности, изображаетъ. Когда старая прислужница видитъ Главку въ обморокѣ, она начинаетъ причитывать, „полагая, говоритъ поэтъ, что это гнѣвъ Пана или какого-нибудь другого бога обрушился на Главку", то-есть, говоря технически, что она страдаетъ такъ называемой ἱερὰ νόσος; но когда она замѣтила пѣну у ея рта и ея закатившіеся глаза, она прекратила свои причитанія и заголосила, точно надъ покойникомъ. А между тѣмъ именно эти два явленія, пѣна у рта и закатившіеся глаза, и являются симптомами ἱερὰ νόσος, какъ мы узнаемъ изъ Гиппократа (περὶ ἱερῆς νούσου X 480 Chart.): καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ διαστρέφονται τῶν φλεβίων ἀποχλαιομένων τοῦ ἠέρος καὶ σφύζονται, ἀφρὸς δὲ ἐκ τοῦ στόματος προέρχεται. Тутъ-то, стало быть, причитанія и были бы умѣстны.

Все это, разумѣется, не упрекъ по адресу поэта, отъ котораго мы не имѣемъ права требовать реализма въ этой области. Можно быть вполнѣ убѣжденнымъ, что всякій другой древній поэтъ поступилъ бы въ данномъ случаѣ такъ же, какъ поступилъ Еврипидъ, то-есть заботился бы не о медицинскомъ, а о поэтическомъ правдоподобіи. Но тѣмъ болѣе характерно то, что Софоклъ поступилъ не такъ.

О дѣйствіи ядовитаго плаща на тѣло Геракла Деянира узнаетъ отъ собственнаго сына, Гилла, который былъ очевидцемъ того, что случилось. Итакъ, мы имѣемъ и здѣсь, и тамъ, вмѣсто драматической сцены, эпическій разсказъ. Но вотъ въ чемъ замѣчается существенная разница. Раскащикъ въ „Медеѣ" дѣйствительно разсказываетъ только то, что онъ самъ могъ видѣть; здѣсь, напротивъ, Гиллъ разсказываетъ не только то, что дѣлалъ, но и то, что чувствовалъ Геракл, и чего, конечно, никто кромѣ Геракла знать не могъ. Итакъ, Еврипидъ соблюдаетъ то, что древніе называли πιθανόν, Софоклъ нарушаетъ его; обыкновенно бываетъ наоборотъ. Софоклъ этотъ разъ уклонился отъ своего правила неукоснительно соблюдать драматическое правдоподобіе въ разсказахъ, и уклонился спеціально для того, чтобы

Библиотека "Руниверс"

дать возможно полную симптоматологію мучившей Геракла болѣзни; уже это одно—довольно характерный признакъ.

Лихасъ приноситъ Гераклу платье какъ разъ въ то время, когда онъ намѣревался приступить къ жертвоприношенію (756); надѣвая его, онъ въ точности соблюдалъ наставленія Деяниры (759). Въ началѣ все шло хорошо, самъ Гераклъ былъ въ веселомъ настроеніи духа, онъ радовался подарку жены. Почему же ядъ дѣйствовалъ такъ медленно? Поэтъ сообщаетъ намъ причину въ 765 ст.: пламя разгоралось медленно, такъ какъ ему приходилось бороться съ двойною влагой [1]), и съ кровью жертвенныхъ животныхъ,и съ сыростью свѣжихъ дровъ. Слѣдующее воспроизвожу въ переводѣ: „Но вотъ, когда разгорѣлось пламя священнаго жертвоприношенія, побѣждая кровь и сокъ дубовыхъ дровъ, у него выступилъ на тѣлѣ потъ, и хитонъ прилипъ къ его бокамъ на всей ихъ поверхности, точно приклеенный столяромъ. Тутъ *жгучая боль проняла его до мозга костей, а затѣмъ стала грызть кругомъ себя, точно гибельный ядъ ненавистной гадюки.* И вотъ онъ съ крикомъ призвалъ несчастнаго Лихаса, ничуть неповиннаго въ твоемъ злодѣйствѣ, и спросилъ его, съ какимъ коварнымъ замысломъ принесъ онъ этотъ плащъ. Тотъ, бѣдный, ничего не зная, отвѣчалъ ему, что онъ принесъ этотъ плащъ исключительно какъ твой подарокъ, какъ ему было приказано. Когда Гераклъ услышалъ эти слова, *и въ то же время мучительная судорога стала ему щемить легкія*, онъ схватилъ его за ногу, тамъ гдѣ вращается ея

---

[1]) Обыкновенно это мѣсто—ὅπως δὲ σεμνῶν ὀρτίων ἐδαίετο φλὸξ αἱματηρὰ κἀπὸ πιείρας δρυός — понимается иначе: толкователи соединяютъ αἱματηρὰ φλὸξ σεμνῶν ὀρτίων καὶ ἀπὸ πιείρας δρυός, представляя себѣ, такимъ образомъ, горящими не только дрова, но и ὄρτια; этого я не понимаю. Не понимаю также, къ чему здѣсь πίειρα δρῦς, если эти слова переводить, какъ это дѣлаютъ толкователи, черезъ „смолистая сосна"; они поучаютъ насъ при этомъ, что именно смолистыя дрова должны дать яркое пламя, каковое считалось хорошимъ предзнаменованіемъ. Вѣрю: но умѣстно ли здѣсь хорошее предзнаменованіе? Мнѣ кажется, что здѣсь требуется предзнаменованіе совершенно противоположнаго характера; а его мы получимъ, соединяя, какъ этого требуетъ и смыслъ, σεμνῶν ὀρτίων φλὸξ αἱματηρὰ καὶ ἀπὸ πιείρας δρυός = ἅτε αἱματηρὰ καὶ ἀπὸ π. δρ. οὖσα. Именно вслѣдствіе того, что крови было много и дрова были сырыя, пламя разгоралось медленно. Подъ словомъ πίων въ примѣненіи къ дереву разумѣется его обиліе древесными соками; такъ Ѳеофрастъ употребляетъ это слово въ отношеніи всѣхъ вообще деревьевъ caus. pl. V 9, 2 ὑγρότης ἡ οἰκεία πιοτέρα (у старыхъ деревьевъ) τῶν νέων. Правда, что πίονα δένδρα преимущественно—хвойныя деревья (ibid. VI 11, 6), но мнѣ не извѣстно ни одно мѣсто, гдѣ бы δρῦς означало дерево не лиственное.

Библиотека "Руниверс"

суставъ, и бросилъ его объ омываемую моремъ скалу; его черепъ разбился, и бѣлый мозгъ, смѣшанный съ кровью, потекъ вдоль его волосъ. Тутъ весь народъ завопилъ въ горѣ о безуміи одного и гибели другаго; и никто не осмѣливался приблизиться къ этому мужу. *Его то опрокидывало на землю, то подбрасывало вверхъ*, онъ кричалъ, стоналъ; и вторили его крику скалы, горные отроги Локриды и Евбейскіе мысы. *И долю онъ, несчастный, метался на землѣ*, долго жалобно кричалъ, проклиная злополучный бракъ съ тобою и отпразднованную въ домѣ Энея свадьбу, отравившую его жизнь: *когда же онъ, наконецъ, утомился, тогда поволока спала съ его блуждающихъ глазъ* [1]), и онъ увидѣлъ меня, плакавшаго среди толпы воиновъ".

Прошу обратить вниманіе на натурализмъ въ изложеніи условій, при которыхъ ядъ сталъ дѣйствовать: огонь жертвенника разгорѣлся, Гераклу, стоявшему къ нему ближе всѣхъ, стало жарко; подъ вліяніемъ этой жары у него выступилъ потъ—очень неэстетическая, но за то очень реалистическая подробность; благодаря этому поту хитонъ прилипаетъ къ его тѣлу такъ плотно, какъ будто его приклеили столярнымъ клеемъ—таково, по видимому, значеніе словъ προσπτύσσετο πλευραῖσιν ἀρτίχολλος ὥστε τέκτονος [2]), при чемъ, по вѣрному замѣчанію Джебба, мы подъ этимъ послѣднимъ должны понимать обыкновеннаго столяра, а не художника-ваятеля. Такимъ-то образомъ ядъ, которымъ смазанъ плащъ, вступаетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣломъ. Теперь Гераклъ зараженъ; дѣйствіе отравы описывается намъ въ трехъ послѣдовательныхъ симптомахъ.

Первый симптомъ—жгучая боль, проникающая до мозга костей:

---

[1]) И здѣсь я не могу согласиться съ общепринятымъ толкованіемъ τότ' ἐκ προσέδρου λιγύος διάστροφον ὀφθαλμὸν ἄρας εἶδέ με. Ихъ понимаютъ о настоящемъ дымѣ, дымѣ горящаго костра, при чемъ получается нѣчто совершенно непонятное. Какимъ образомъ дымъ этотъ былъ πρόσεδρος Ἡρακλεῖ, если только онъ не стоялъ противъ вѣтра, чего не дѣлаетъ ни одинъ разумный человѣкъ? И какъ могъ онъ ἐκ λιγύος ὀφθαλμὸν αἴρειν, когда онъ лежалъ на землѣ? Правда, съ другой стороны мнѣ неизвѣстно мѣсто, гдѣ бы λιγύς употреблялось о поволокѣ глазъ, застилающей отъ насъ окружающую насъ обстановку; но слово ἀχλύς ἀχλυῶδες въ этомъ смыслѣ встрѣчается нерѣдко, особенно у Гиппократа, а при родственности понятій λιγύς и ἀχλύς и употребительности у трагическихъ поэтовъ фигуры металепсиса можно, я думаю, допустить требуемое значеніе и для нашего слова.

[2]) Скорѣе всего ὡς πρὸς τέκτονος; не понимаю только, на какомъ основаніи всѣ издатели принимаютъ конъектуру Мусгрева προσπτύσσεται вм. рукописнаго προσπτύσσετο. Разсказъ ведется въ praeteritis: κατηύχετο, ἐδαίνυτο, ἀνῆει, ἦλθε; а что въ ἀγγελικαὶ ῥήσεις приращеніе можетъ быть пропущено, извѣстно всѣмъ.

Библиотека "Руниверс"

ἦλθε δ' ὀστέων ἀδαγμὸς ἀντίσπαστος (при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что самое слово ἀδαγμός и родственныя, ἀδαξῆσαι = ὀδαξῆσαι, ἀδάξασθαι = ὀδάξασθαι — слова чисто медицинскія). О какого рода отравленіи думалъ Софоклъ? Онъ говоритъ это самъ въ слѣдующихъ словахъ: εἶτα φοινίας (читай φοίνιος) ἐχθρᾶς ἐχίδνης ἰὸς ὡς ἐδαίνετο. Итакъ, аналогіей служило для поэта отравленіе змѣинымъ ядомъ; остается провѣрить, соотвѣтствуютъ ли описанныя Софокломъ патологическія явленія тѣмъ, которыя наблюдаются нынѣ при отравленіи змѣинымъ ядомъ. Софоклъ говоритъ: „жгучая боль (ἀδαγμός) проняла его до мозга костей и затѣмъ стала грызть дальше, точно ядъ лютой гадюки". Бремъ въ „Жизни животныхъ" (т. VII, стр. 408, посл. изд.) слѣдующимъ образомъ описываетъ страданія человѣка, укушеннаго гадюкой: „кого укусила гадюка, тотъ испытываетъ по всему тѣлу чувство, точно отъ электрическаго удара; равнымъ образомъ въ моментъ укушенія онъ ощущаетъ совершенно ясно быстрое распространеніе боли". Затѣмъ идутъ обмороки, чередующіеся съ возвращеніемъ сознанія—какъ мы увидимъ это и у Софокла. Аналогія змѣинаго яда была вполнѣ естественна, коль скоро ядъ, которымъ былъ отравленъ Гераклъ, велъ свое происхожденіе отъ лернейской гидры; но, разумѣется, гидра представлялась гораздо страшнѣе и ядовитѣе гадюки. Немудрено поэтому, что Софоклъ значительно сгустилъ краски. Но, дѣлая это, онъ все-таки остается на реальной почвѣ: его симптомы тѣ же, что и при отравленіи змѣинымъ ядомъ, только они гораздо сильнѣе.

Второй симптомъ совпадаетъ съ допросомъ Лихаса; имъ поэтъ очень удачно мотивируетъ жестокій поступокъ героя съ ни въ чемъ неповиннымъ глашатаемъ. „Мучительныя судороги сжимаютъ ему легкія", διώδυνος σπαραγμὸς αὐτοῦ πλευμόνων ἀνθήψατο. Слово σπαραγμός въ значеніи „судороги", по видимому, тоже медицинское; навѣрное утверждать это нельзя, такъ какъ оно встрѣчалось уже въ „Ксантріяхъ" Эсхила. Очень вѣроятно, что оно означало спеціально „судороги (дыхательныхъ) мускуловъ"; ср. разграниченіе обоихъ понятій въ ст. 1253 σπαραγμὸν ἢ τιν' οἶστρον и въ особенности справку у Гиппократа ἐπιδ. ζ', IX 562 Ch.: съ заболѣвшей ангиной женщиной (συναγχική) на четвертый день дѣлается σπαραγμός, вслѣдствіе котораго она теряетъ голосъ. Во всякомъ случаѣ второй симптомъ представляетъ прогрессъ въ сравненіи съ первымъ, какъ этого и слѣдовало ожидать. Тамъ зараженнымъ мѣстомъ были πλευραί, то-есть внѣшніе, такъ сказать, покровы отъ кожи до реберъ, здѣсь болѣзнь проникаетъ уже за ребра,

Библиотека "Руниверс"

въ легкія. Остаются самыя внутреннія части, главнымъ образомъ хребетный мозгъ: о его пораженіи свидѣтельствуетъ третій симптомъ.

Этотъ третій симптомъ сводится къ припадку падучей болѣзни—что и естественно, такъ какъ именно такіе припадки бываютъ послѣдствіемъ аффекціи нервныхъ центровъ въ хребетномъ мозгу. Дѣйствительно, описаніе Софокла совершенно ясно и недвусмысленно: Геракла то бросаетъ на землю, то вскидываетъ вверхъ—ἐσπᾶτο γὰρ πάδονδε καὶ μετάρσιος, причемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на самое слово σπᾶσθαι: это слово медицинское, отъ него происходитъ σπασμός, техническій терминъ для обозначенія судорогъ. При этомъ онъ кричитъ (что также совпадаетъ) и проклинаетъ Деяниру и Энея—это послѣднее также вѣрно: эпилептики во время припадковъ своей болѣзни иногда громко бранятъ другихъ лицъ, угрожаютъ имъ. Итакъ, можетъ, кажется, считаться доказаннымъ, что третій изъ описанныхъ Софокломъ симптомовъ сводится къ припадку падучей болѣзни.

Этотъ результатъ получаетъ особый интересъ въ связи со слѣдующими справками. Гиппократъ такъ описываетъ симптомы одной женской болѣзни; εἰσὶ δὲ καὶ αἳ πελιδναὶ γίνονται, ἡ δὲ καὶ τοὺς ὀδόντας βρύχει, καὶ σίαλα ἐπὶ στόμα ῥέει, καὶ ἐοίκασιν τοῖσιν ὑπὸ τῆς Ἡρακλείας νόσου συνεχομένοισιν (γυναικ. α′ VII 735 Ch.); эту глоссу—Ἡρακλείας νοσου—Эротіанъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: τῆς ἐπιληψίας. Объясненіе, почему ἐπιληψία была названа такъ, онъ даетъ двойное: 1) διὰ τὸ ἰσχυρὸν τοῦ νοσήματος καὶ δυσκαταμάχητον, ὡς μαρτυρεῖ καὶ Ἀριστοτέλης ἐν τοῖς κωμικοῖς (послѣднее, разумѣется, испорчено; Мейнеке, въ виду того, что κωμικοί и καμίκιοι въ рукописяхъ иногда смѣшиваются, предлагаетъ: Σοφοκλῆς ἐν τοῖς Καμικίοις [Hist. crit. 6 сл.], что было бы намъ на руку). Въ этомъ объясненіи съ нимъ сходится Галенъ IX 550, который тоже называетъ Геракловой болѣзнью эпилепсію и полемизируетъ противъ того объясненія, которое у Эротіана стоитъ вторымъ, говоря, что эпилепсія не потому названа Ἡρ. ν., что Геракълъ ею страдалъ, а потому, что и т. д.—2) ἔνιοι δὲ φασὶν τὴν μανίαν εἰρῆσθαι, ἐπειδὴ τούτῳ τῷ πάθει μόνῳ ὁ ἥρως ἑάλω.—Мы врядъ ли ошибемся, допуская слѣдующее развитіе традиціи: 1) ἐπιληψία была названа Ἡρακλεία νόσος по той же причинѣ, по которой и Αἰάντειος γέλως, и Χειρώνειον ἕλκος получили свои наименованія—именно потому, что ею страдалъ Геракълъ (ἔνιοι у Галена); 2) такъ какъ, однако, въ миѳахъ мы не находили указанія на то, чтобы Геракълъ страдалъ именно падучею болѣзнью, а мѣсто изъ „Трахинянокъ“ было позабыто, то нѣкоторые врачи предложили другое объясненіе, именно, что въ Ἡρ. ν.

Библиотека "Руниверс"

есть μανία и названа такъ потому, что Геракл дѣйствительно впалъ въ безуміе, въ которомъ и убилъ своихъ дѣтей (ἔνιοι у Эротіана); 3) такъ какъ другіе врачи не были согласны растворять спеціальное понятіе ἐπιληψία въ общемъ понятіи μανία, а ходячіе мнѣнія объ эпилепсіи Геракла ничего не знали, то было предложено новое объясненіе—то, которое у Эротіана стоитъ на первомъ мѣстѣ и которое защищаетъ Галенъ. Если это объясненіе справедливо, то тѣсная связь Софокла съ медициной подтверждена новымъ доказательствомъ: выходитъ, что болѣзнь получила названіе „Геракловой" на основаніи не миѳовъ о Геракл, а одного мѣста въ „Трахинянкахъ" Софокла. Спѣшу прибавить, что эта Ἡρακλεία νόσος стоитъ не одиноко: мы видѣли выше, что оба другихъ патологическихъ термина съ миѳологическими наименованіями: Αἰάντειος γέλως и Χειρώνειον ἕλκος, тоже относились къ мѣстамъ изъ трагедій Софокла, первый—изъ „Эанта", второй—изъ „Трахинянокъ". А такъ какъ другихъ аналогичныхъ терминовъ—насколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно,—не встрѣчается, то мы были правы, утверждая, что эти три—Ἡρακλεία νόσος, Αἰάντειος γέλως и Χειρώνειον ἕλκος—взаимно поддерживаютъ другъ друга. По видимому, всѣ три были введены въ медицинскую терминологію, если не самимъ Софокломъ, то его послѣдователями и почитателями.

При всемъ томъ неоспоримо то, что болѣзнь, которою страдалъ Геракл по Софоклу, то-есть ἐπιληψία, была разновидностью общаго понятія μανία; самъ Софоклъ называетъ ее такъ ст. 1000 μανίας ἄνθος, и такъ его понялъ Филодемъ de relig. 36 (см. Wilamowitz, Herakles I 138). При такомъ положеніи дѣла пріобрѣтаетъ особый интересъ одно мѣсто изъ Ѳеофраста. Въ своей Hist. plant. IX 10 этотъ ученый говоритъ о чемерицѣ, ἑλλέβορος, этомъ знаменитомъ средствѣ противъ μανία. Прекрасная чемерица растетъ на горѣ Этѣ: μοναχοῦ δὲ φύεται τῆς Οἴτης περὶ τὴν Ποράν. Такъ какъ Πορά называлась именно та вершина Эты, гдѣ былъ сооруженъ костеръ для Геракла, то совпаденіе съ этимъ обстоятельствомъ того, что именно здѣсь и только здѣсь растетъ наилучшая чемерица, не можетъ быть случайнымъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь этіологическій миѳъ: „сама Земля, сжалившись надъ μανία славнаго Зевсова сына, произвела лѣкарство, желая помочь ему" — совершенно въ родѣ того миѳа, который разсказываетъ Геродотъ о происхожденіи рѣки Δόρας, τὸν βοηθέοντα τῷ Ἡρακλέι καιομένῳ λόγος ἐστὶ ἀναφανῆναι (VII 198).

Но вернемся къ симптомамъ болѣзни Геракла. Первый, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ о пораженіи внѣшнихъ мясныхъ покрововъ,

Библиотека "Руниверс"

между кожей и ребрами, второй о пораженіи легкихъ, третій о пораженіи хребетнаго мозга. Пока длился этотъ послѣдній, то-есть припадокъ падучей болѣзни, Геракл метался на землѣ, съ дикимъ крикомъ, съ блуждающимъ взоромъ (διάστροφον ὀφθαλμόν ст. 794), никого кругомъ себя не узнавая. Но вотъ наступило изнеможеніе (ἄπειπε 789); блуждающій взоръ больнаго случайно встрѣтился со взоромъ плачущаго сына; при его видѣ сознаніе вернулось къ нему. Не знаю, насколько именно эта черта соотвѣтствуетъ дѣйствительности: но она прекрасна. По его просьбѣ, его на лодкѣ переправляютъ въ Трахинъ; во время переправы съ нимъ приключился второй припадокъ—собственно продолженіе перваго,—главные симптомы котораго, судороги и крикъ (βροχώμενον σπασμοῖσι ст. 805), вкратцѣ отмѣчаются поэтомъ; за этимъ припадкомъ слѣдуетъ глубокій *сонъ*, обычное послѣдствіе припадковъ падучей болѣзни.

Все это мы узнаемъ изъ разсказа Гилла. Разсказъ этотъ въ экономіи трагедіи имѣетъ троякую цѣль: во-первыхъ, мы узнаемъ изъ него о томъ, что случилось на Кенейскомъ мысѣ, — обычная цѣль всѣхъ ῥήσεις ἀγγελικαί; во-вторыхъ, онъ лишаетъ Деяниру всякой надежды на благополучный исходъ ея замысла, такъ что она рѣшаетъ покончить съ собою—благодаря этому своему послѣдствію, самый разсказъ представляется намъ не эпической, а драматической ῥῆσις;—наконецъ, въ-третьихъ, онъ является медицинскимъ комментаріемъ къ страданіямъ Геракла на сценѣ, передъ нашими глазами, въ ст. 971—1113, которыя безъ него были бы для насъ непонятны.

Дѣйствительно, тѣ же припадки, что и на Кенейскомъ мысѣ, повторяются и передъ нашими глазами. Медленно приближается дружина Геракла, неся на своихъ рукахъ[1]) обреченнаго на смерть ге-

[1]) Это не сказано поэтомъ прямо, но можетъ быть установлено вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Какъ сказано было раньше, Гиллъ пришелъ въ Трахинъ для того, чтобы приготовить носилки для отца и съ ними вернуться къ побережью (ст. 901 Деянира παῖδ' ἐν αὐλαῖς εἶδε κοῖλα δέμνια στορνύνθ' ὅπως ἄψορρον ἀντῴη πατρί); очевидно, предполагалось переложить спящаго Геракла съ лодки на носилки и затѣмъ перенести въ Трахинъ. Деянира дѣлаетъ приготовленія къ самоубійству, старушка-няня бѣжитъ сказать объ этомъ Гиллу—стало быть онъ еще не успѣлъ уйти, а такъ какъ носилки собирался отнести онъ самъ, то необходимо допустить, что и онѣ отправлены не были. Гиллъ бѣжитъ къ Деянирѣ, находитъ ее мертвою, плачетъ у ея тѣла—ему, стало быть, не до носилокъ. Вотъ являются ратники Геракла (ст. 960) и объявляютъ, что Геракла несутъ — значитъ, его несутъ безъ носилокъ, то-есть, на рукахъ. Отсюда видно, что конъектура Веклейна къ ст. 965 παιδὸς φορεῖον ὡς φίλου вмѣсто πᾷ δ' αὖ φέρει νιν; ὡς φίλου, помимо прочаго, невозможна также по реальнымъ соображеніямъ

Библиотека "Руниверс"

роя; тихо выступаютъ вѣрные товарищи своею „тяжелою поступью“— тяжелою, такъ какъ они отягчены своей могучею ношей — „зачѣмъ такъ тихо“? спрашиваютъ трахиняцки. Вотъ онѣ замѣчаютъ самого Геракла: „о горе, онъ безмолвенъ! Что намъ думать о немъ? Умеръ онъ или только спитъ“? Гиллъ. находившійся до того времени у трупа матери, тоже считаетъ отца умершимъ и съ жалобнымъ крикомъ бросается къ нему. „Тише, сынъ мой“, говоритъ ему какой-то „старикъ“, „не буди дикой мучительной боли своего отца, онъ живъ, хотя и при смерти“.

Скажу сначала объ этихъ послѣднихъ словахъ; въ текстѣ они имѣютъ слѣдующій видъ: ζῇ γὰρ προπετής, и схоліасты даютъ къ нимъ два объясненія, изъ которыхъ первое, ἐπὶ πρόσωπον κειμένους, перешло во всѣ наши комментированныя изданія. Итакъ, выходитъ, что товарищи Геракла, принесши его въ Трахинъ, положили его лицомъ на землю; какой тутъ смыслъ? Ἐπὶ γαστέρα κεῖσθαι, говоритъ Гиппократъ въ Prognosticon (VIII 591 Ch.) παραφροσύνην τινὰ σημαίνει ἢ ὀδύνην τῶν ἀμφὶ τὴν κοιλίην τόπων; возможно ли допустить, чтобы разумные люди отъ себя дали больному такое положеніе? Тѣмъ болѣе послѣ припадка падучей болѣзни, когда полагается класть человѣка на спину, чтобы онъ могъ свободно дышать! Но кромѣ того объясненіе невозможно уже потому, что въ текстѣ сказано не κεῖται γὰρ προπετής, а ζῇ γὰρ πρ. Возможно ли извлечь изъ фразы „онъ живетъ ничкомъ“ хотя бы даже грамматическій смыслъ? Правда, намъ говорятъ, что προπετής имѣетъ здѣсь уступительный смыслъ: „онъ живетъ, хотя онъ и лежитъ ничкомъ“, но отъ этого нелѣпость только усиливается; развѣ лежаніе ничкомъ служитъ признакомъ наступившей смерти?—Второе (счетомъ первое) объясненіе схоліастовъ εἰς τὸν θάνατον προνενευκώς не встрѣтило сочувствія со стороны современныхъ ученыхъ; тѣмъ не менѣе оно должно быть признано справедливымъ; мы видѣли выше (стр. 46), что техническое значеніе слова προπετής, у медиковъ, къ которымъ мы должны причислить и Софокла—subinde delabens, ῥέμα καταῤῥέων; изъ этого значенія требуемое здѣсь можетъ быть произведено безъ всякой трудности. Фраза ζῇ γὰρ ῥέμα καταῤῥέων понятна для всѣхъ: каждый дополнитъ ἀπὸ τῆς ζωῆς, точно также какъ въ фразѣ OR. 1188 сл. τίς ἀνὴρ πλέον τῆς εὐδαιμονίας φέρει ἢ τοσοῦτον, ὅσον δοκεῖν καὶ δόξαντ' ἀποκλίναι каждый къ ἀποκλίναι дополнитъ τῆς εὐδαιμονίας. Смѣлое переносное употребленіе слова понравилось Еврипиду, и онъ, въ подражаніе Софоклу, допустилъ въ „Алкестидѣ“, поношеніе ἤδη προνωπής ἐστι καὶ ψυχορραγεῖ; доказатель-

Библиотека "Руниверс"

ность этой параллели станетъ еще очевиднѣе, если сопоставить съ общеупотребительнымъ оборотомъ προπετὴς εἴς τι оборотъ того же Еврипида въ „Андромахѣ“ 729 προνωπὴς εἰς τὸ λοιδορεῖν.

А затѣмъ рождается вопросъ: что это за старикъ? Отвѣтить на него тѣмъ болѣе умѣстно, что эта роль послужила Дитериху (Rhein. Mus. 46, 20 сл.) исходной точкой для смѣлой гипотезы, о которой я здѣсь говорить не намѣренъ, такъ какъ собираюсь заняться ею въ другомъ мѣстѣ. Нашъ „старикъ“ пришелъ въ Трахинъ вмѣстѣ съ Геракломъ; все же нельзя допустить, чтобы онъ принадлежалъ къ его ратникамъ—для этого онъ слишкомъ старъ и слабъ. Тѣмъ не менѣе онъ—ближайшее къ Гераклу лицо, онъ ухаживаетъ за нимъ, и только въ ст. 1018 сл., видя, что ему съ буйнымъ паціентомъ не справиться, передаетъ свою роль молодому Гиллу. Все это, думается мнѣ, ясно указываетъ на то, что въ данномъ старикѣ мы имѣемъ *врача*; зрителямъ не было надобности догадываться объ этомъ, они могли легко (самъ поэтъ этого желалъ) узнать его по особому головному убору, напоминающему турецкую чалму—тому самому, въ которомъ изображаются знаменитые врачи древности: Гиппократъ, Архитъ, Муза и др. Если мы правы, то и слова, съ которыми нетерпѣливый Геракл къ нему обращается послѣ своего пробужденія, получаютъ особую колоритность: „есть ли такой знахарь“, говоритъ онъ съ укоризной, „есть ли такой врачъ, который могъ бы противъ воли Зевса успокоить эти мои мученія? Если бы такой нашелся, мнѣ показалось бы, что я вижу волшебную сказку далекой старины“:

τίς γὰρ ἀοιδός, τίς ὁ χειροτέχνης
ἰατορίας, ὃς τήνδ' ἄτην
χωρὶς Ζηνὸς καταχηλήσει;
θαῦμ' ἂν πόρρωθεν ἴδοιμι[1]).

Итакъ, старикъ—врачъ; позволительно ли думать, что Софоклъ, изображая его, думалъ о своемъ собственномъ героѣ, Алконѣ, который не даромъ называется „спутникомъ Геракла“ (см. выше, стр. 28)?

---

[1]) Принятое объясненіе этого стиха предлагается здѣсь впервые. Въ необходимости соединять θαῦμα πόρρωθεν убѣдились уже другіе (см. комментарій Джебба къ нашему мѣсту); а затѣмъ оставалось только напомнить, что πόρρωθεν имѣетъ кромѣ мѣстнаго и временное значеніе. Въ доказательство сошлюсь на Eur. Hipp. 831 πρόσωθεν δέ ποθεν ἀνακομίζομαι τύχαν δαιμόνων ἀμπλ ἱαισι πάροιθέν τινος и Andr. 249 ἦ καὶ πρόσω γὰρ τῶν ἐμῶν ψαύσεις κακῶν.

Библиотека "Руниверс"

Не рѣшаюсь отвѣчать на этотъ вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ; но въ умѣстности вообще роли врача врядъ ли возможно сомнѣваться. Какъ выше Софоклъ воспроизвелъ сцену изъ лабораторіи, описывая дѣйствіе яда на шерсть и на почву, такъ здѣсь онъ воспроизводитъ сцену изъ клиники; а для таковой присутствіе врача было желательно.

Третій припадокъ (съ четвертымъ) — повтореніе перваго (со вторымъ); послѣ разказа Гилла его симптомы намъ понятны. Геракл просыпается; тотчасъ *первый* симптомъ, „жгучая боль“ (ἀδαγμός), заставляетъ его болѣзненно вскрикнуть ὦ Ζεῦ—ср. слѣдующія за этимъ ἀδαγμός въ разказѣ Гилла слова εἶτα φοίνιος ἐχθρᾶς ἐχίδνης ἰὸς ὣς ἐδαίνυτο со словами Геракла въ нашемъ мѣстѣ ἦ δ' αὖ μιαρὰ βρύκει, φεῦ. Старикъ хочетъ помочь Гераклу, уложить его (ст. 1056)—но вотъ наступаетъ *второй* симптомъ: (1009 ἦ δ' αὖθ' ἕρπει), тотъ σπαραγμός, о которомъ рѣчь была выше. И здѣсь поэтъ подборомъ словъ даже намъ, читателямъ, облегчилъ нашу задачу: словамъ δώδυνος σπαραγμὸς αὐτοῦ πλευμόνων ἀνθήψατο соотвѣтствуютъ у насъ слова ἥπταί μου, тототοῖ, ктѐ. *Третій* симптомъ состоялъ въ эпилептическихъ явленіяхъ, въ томъ что Геракл ἐσπᾶτο πέδονδε καὶ μετάρσιος; то же самое имѣемъ мы, очевидно, и теперь, такъ какъ старику уже не въ моготу удерживать паціента: ὦ παῖ τοῦδ' ἀνδρός, говоритъ онъ Гиллу ст. 1018 сл.

τοὔργον τόδε μεῖζον ἄρ' ἤχει
ἢ κατ' ἐμὰν ῥώμαν· οὐ δὲ σύλλαβε· σοὶ γὰρ ἔτ' ὄμμα
ἔμπεδον ἠδὲ βία σφίζειν [1]).

Гиллъ беретъ на себя трудъ ходить за отцомъ; отнынѣ онъ замѣняетъ врача [2]). И опять, какъ на Кенейскомъ мысѣ, близость сына

---

[1]) Такъ исправляю я несомнѣнно испорченныя слова рукописей μεῖζον ἀνήκει σοί τε γὰρ ὄμμα ἔμπλεον ἢ δι' ἐμοῦ σφίζειν. Въ первомъ случаѣ моя поправка проще, чѣмъ поправка Наука ἂν εἴη; частица ἄρα мнѣ кажется очень умѣстной: старикъ тщетно старался удерживать Геракла и теперь говоритъ: „нѣтъ, *видно*, моихъ силъ тутъ не хватитъ“. Во второмъ случаѣ ἔμπεδον вмѣсто ἔμπλεον, то-есть, лучшая часть конъектуры, уже предложена Векленомъ; остальное представляетъ изъ себя лишь догадку, на которую меня навело гомеровское βίη τε μοι ἔμπεδος εἴη.

[2]) Отсюда видно, что Джеббъ не правъ, полагая, что Геракл уже въ ст. 1006 обращается къ Гиллу; еще менѣе правъ, разумѣется, Векленъ, предлагая вмѣсто рукописнаго πᾷ μου ψαύεις конъектуру πᾷ, παῖ, μου ψαύεις. Весь коммосъ распадается вполнѣ симметрично на строфу (Геракл у врача), месодъ (врачъ передаетъ Геракла Гиллу) и антистрофу (Геракл у Гилла). Строфическое соотвѣтствіе мѣстами нарушено, но можетъ быть возстановлено путемъ самыхъ незначительныхъ поправокъ.

Библиотека "Руниверс"

приводитъ Геракла въ сознаніе. Онъ чувствуетъ эту близость, хотя и не различаетъ еще вполнѣ ясно дорогихъ ему чертъ — поволока, λιγνὺς πρόσεδρος, еще не спала съ его глазъ. „Сынъ мой, гдѣ ты?“, говоритъ онъ — мы видимъ, какъ онъ простираетъ руку, ощупью ища руки сына—„здѣсь, вотъ здѣсь поддерживай меня“—мы видимъ, какъ онъ, схвативъ руку сына, прикладываетъ ее къ тому мѣсту своего тѣла, гдѣ ему не такъ больно. Но облегченіе боли было минутнымъ; опять начинаются боли, опять мечется Геракл ὸ δοσπάρευτον λέκτρον ἐνδατούμενος, какъ сказалъ выше Гиллъ — ср. съ этими словами слова Геракла ст. 1035 ... ᾧ μ' ἐχόλωσεν σὰ μάτηρ ἄθεος, τὰν ὧδ' ἐπίδοιμι πεσοῦσαν κτλ.; εὔνασον, εὔνασον кричитъ онъ—можно допустить, что послѣ этого *четвертаю* припадка наступаетъ новый сонъ, или по крайней мѣрѣ забытіе. Паузу въ страданіяхъ Геракла хоръ подчеркиваетъ краткимъ interloquium ст. 1044 сл.

Въ слѣдующей рѣчи—апологіи Геракла—насъ больше всего интересуетъ даваемое имъ объясненіе своихъ страданій, подтверждающее дѣленіе хода болѣзни на три симптома, которые мы допустили выше: ст. 1053 сл. (τὸ ἀμφίβληστρον):

1) πλευραῖσι γὰρ προσμαχθὲν ἐκ μὲν ἐσχάτας
βέβρωκε σάρκας, 2) πλεύμονος δ' ἀρτηρίας
ῥοφεῖ ξυνοικοῦν, 3) ἐκ δὲ χλωρὸν αἷμά μου
πέπωκεν ἤδη.

Первая ступень зла соотвѣтствуетъ вполнѣ точно первому симптому въ разказѣ Гилла: προσπτύσσετο πλευραῖσιν... χιτὼν ἅπαν κατ' ἄρθρον, ἦλθε δ' ὀστέων ἀδαγμὸς ἀντίσπαστος; въ обоихъ случаяхъ говорится о пораженіи внѣшнихъ мясныхъ покрововъ, ἐσχάτων σαρκῶν; нечего и говорить, что толкователи, начиная съ Цицерона, ошибаются, разумѣя подъ этими ἔσχαται σάρκες не внѣшнія, а внутреннія части плоти, и что болѣе всѣхъ ошибается Веклейнъ, принимая въ текстъ свою конъектуру ἐκ μὲν ἔγκατα βέβρωκε σαρκῶν. *Вторая* ступень еще болѣе соотвѣтствуетъ второму симптому: тамъ διώδονος σπαραγμὸς πλευμόνων ἀνθήψατο, здѣсь πλευμόνων ἀρτηρίας ῥοφεῖ—какъ извѣстно, наши „артеріи“ у древнихъ назывались φλέβες, наравнѣ съ венами, а подъ ἀρτηρία они разумѣли исключительно дыхательные протоки. *Третья* ступень совпадаетъ съ третьимъ симптомомъ лишь постольку, поскольку и здѣсь, и тамъ говорится о пораженіи еще болѣе внутреннихъ, чѣмъ легкія, органовъ; но здѣсь этимъ органомъ является сердце (на это указываетъ χλωρὸν αἷμα), тамъ — хребетный мозгъ,

Библиотека "Руниверс"

пораженіе рефлексовыхъ центровъ котораго вызываетъ эпилептическія явленія.

Апологія на словахъ не удовлетворяетъ Геракла; онъ хочетъ, чтобы всѣ присутствующіе убѣдились въ безпримѣрности его страданій. Наступаетъ катастрофа въ физической трагедіи Геракла: онъ приподнимается и собственными руками сдираетъ плащъ со своего измученнаго, покрытаго сплошною язвою тѣла. „Смотрьте всѣ!“ говоритъ онъ окружающимъ — но онъ ошибся въ своихъ силахъ. Наступаетъ новый припадокъ, пятый и послѣдній; мученія повторяются; таково наказаніе героя за его безумное желаніе быть сильнѣе терзающей его болѣзни. Но, будучи самой эффектной частью всей физической трагедіи Геракла, этотъ пятый пароксизмъ въ медицинскомъ отношеніи ничего новаго къ прежнимъ не прибавляетъ; а такъ какъ онъ въ то же время и послѣдній, то мы можемъ имъ заключить нашъ разборъ интересныхъ съ медицинской точки зрѣнія частей „Трахинянокъ“.

Послѣ всего сказаннаго о происхожденіи, приготовленіи, свойствахъ и дѣйствіи нашего яда будетъ, кажется, излишнимъ особенно настаивать на помѣщенномъ въ заголовкѣ этой статьи положеніи: ясно, что поэтъ не медикъ не имѣлъ бы ни охоты, ни умѣнія такъ послѣдовательно развивать медицинскій элементъ въ своей поэмѣ. А между тѣмъ это—только эсотерическія доказательства: выше мы видѣли, что и свидѣтельства о жизни Софокла, подтвержденныя недавно эпиграфическими находками, наводятъ насъ на ту же мысль,—именно, что Софоклъ, будучи жрецомъ бога-цѣлебника и героя-цѣлебника, былъ врачемъ. Оба доказательства, будучи взяты отдѣльно, достаточно прочны; вмѣстѣ же взятыя они даютъ намъ, полагаю я, такую степень достовѣрности, какой мы далеко не часто можемъ достигнуть въ филологическихъ вопросахъ.

Какъ врачъ, Софоклъ стоитъ особнякомъ въ поэтической литературѣ—для насъ по крайней мѣрѣ, лишенныхъ возможности читать Эпихарма. А такъ какъ мы по „Трахинянкамъ“ можемъ заключить, что онъ и въ поэзіи оставался врачомъ, то открытый нами фактъ можетъ сдѣлаться исходной точкой для другихъ, довольно интересныхъ выводовъ. Долгое время индивидуальный характеръ поэзіи Софокла не признавали вовсе; въ немъ видѣли идеальнѣйшаго представителя греческой поэзіи вообще. Таковъ былъ взглядъ Лессинга; въ своемъ „Лаокоонтѣ“ онъ въ параллель къ знаменитой группѣ анализируетъ изображенія физической боли въ „Филоктетѣ“ Софокла и путемъ этой

Библиотека "Руниверс"

параллелизаціи доказываетъ, что крайній натурализмъ въ изображеніи боли былъ характерной чертой древне-эллинскаго искусства. Нынѣ это обобщеніе уже не будетъ дозволительно: вполнѣ признавая натурализмъ Софокла, мы будемъ, однако, видѣть въ немъ не общеэллинскую, а индивидуальную черту, результатъ врачебной дѣятельности поэта. Кто, подобно врачу, видитъ физическую боль ежедневно въ ея наиболѣе сильныхъ проявленіяхъ—не забудемъ, что καίειν καὶ τέμνειν были обычными пріемами древней медицины,—тотъ съ теченіемъ времени долженъ потерять свойственную обыкновеннымъ смертнымъ чувствительность по отношенію къ ней [1]), а слѣдовательно и потребность идеализировать ее. Дѣйствительно, стоитъ обратить вниманіе на то, что эстетика боли и смерти, которая проходитъ черезъ всю древнюю культуру, начиная трогательнымъ обращеніемъ Пріама къ своему сыну въ 22 пѣснѣ Иліады (ст. 71 сл.) и кончая послѣднимъ гладіаторомъ, не нашла любителя въ Софоклѣ. Гомеръ не допускаетъ мысли объ обезображенномъ и тлѣющемъ тѣлѣ Гектора, у него Афродита и Аполлонъ пекутся объ убитомъ богатырѣ, для того, чтобы онъ могъ быть свѣжимъ и прекраснымъ на своей тризнѣ, подъ заботливыми руками Гекубы, Андромахи и Елены; Софокла ничуть не смущаетъ представленіе о гніющемъ и зловонномъ трупѣ Полиника,—въ потрясающей рѣчи Тиресія оно является самымъ сильнымъ средствомъ для воздѣйствія на увлекшагося, упрямаго царя. У Еврипида убитая жрецами Поликсена послѣдними мгновеніями улетающей жизни пользуется для того, чтобы εὐσχήμως πεσεῖν (Hec. 569); ничего подобнаго этому мѣсту, равно какъ и эстетическимъ разсужденіямъ Елены о различныхъ формахъ самоубійства (Hel. 299 сл.), у Софокла нѣтъ. У Софокла и Деянира, и Евридика убиваютъ себя мечемъ, поражая себя въ печень, πρὸς ἧπαρ; для Еврипида это представленіе было слишкомъ неэстетическимъ, у него только мужчины ударяютъ себя въ печень; что же касается женщинъ, то тѣ изъ нихъ, которыя мечтаютъ о самоубійствѣ съ помощью меча (Электра, Елена), собираются отсѣчь себѣ голову [2]), ни мало не смущаясь неисполнимостью этой мечты.

---

[1]) На отсутствіе чувствительности у врачей по отношенію ко всякой, даже самой насущной эстетикѣ намекаетъ, хотя и въ карикатурной формѣ Аристофанъ Plut. 704 сл.

[2]) Hel. 302 σμικρὸς δ' ὁ καιρὸς κρᾶτ' ἀπαλλάξαι βίου. Значеніе этого стиха опредѣляется стихомъ изъ „Трахинянокъ", которому подражалъ Еврипидъ 1015 οὐδ' ἀπαράξαι κρᾶτα βίου θέλει. El. 688 παίσω κάρα γὰρ τοὐμὸν ἀμφήκει ξίφει.

Библиотека "Руниверс"

Но открытіе, что Софоклъ былъ врачемъ, имѣетъ помимо своей важности съ точки зрѣнія эстетики для насъ еще другаго рода интересъ. Мы знали про него до сихъ поръ, что онъ былъ сыномъ ножевщика, изъ чего мы въ правѣ заключить, что онъ, если и не продолжалъ ремесло своего отца, то во всякомъ случаѣ успѣлъ присмотрѣться къ нему въ дни своего отрочества; мы знали, что онъ былъ стратегомъ въ самосскую войну, если не выдающимся, то все же ὡς ἂν εἷς τῶν χρηστῶν Ἀθηναίων; мы знали, что онъ и въ администраціи занималъ довольно высокія должности; затѣмъ,—если даже оставить въ сторонѣ болѣе мелкія дарованія, о которыхъ повѣствуетъ традиція, его умѣніе играть на китарѣ и въ мячъ, мы знали прежде всего, что онъ былъ поэтомъ и притомъ поэтомъ драматическимъ, то-есть поэтомъ, композиторомъ, хореографомъ и режиссеромъ въ одномъ лицѣ. Къ этой разносторонней дѣятельности теперь прибавляется еще одна: онъ былъ врачемъ, и притомъ, по видимому, не заурядным, если потомки приняли его даже въ число героевъ-цѣлебниковъ. Эта новая черта не измѣняетъ, а только дополняетъ его портретъ, который теперь еще лучше прежняго иллюстрируетъ замѣчательныя слова Перикла объ Аеинахъ: „У насъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, каждому человѣку дана возможность развивать свою личность до высшей степени ея проявленія, изощряя свои способности въ самыхъ различныхъ областяхъ дѣятельности и пріобрѣтая во всѣхъ кромѣ навыка еще и художественное чутье“ [1]).

Ѳ. Зѣлинскій.

---

[1]) Thuc. II 41 .. καὶ καθ' ἕκαστον ὁρᾶσθαι ἂν μοι τὸν αὐτὸν ἄνδρα παρ' ἡμῶν ἐπὶ πλεῖστ' ἂν εἴδη καὶ μετὰ χαρίτων μάλιστ' ἂν εὐτραπέλως τὸ σῶμα αὐταρκες παρέχεσθαι.

Библиотека "Руниверс"

ДВѢ МЕТРИЧЕСКІЯ НАДПИСИ ИЗЪ ФИЛИППОПОЛЯ.

Проф. Добрускій, проѣзжая въ прошломъ году черезъ Вѣну, оставилъ проф. Борману нѣсколько эстампажей съ надписей. Двѣ изъ нихъ оказались метрическими и происходятъ, согласно весьма вѣроятному предположенію проф. Бормана, изъ одного и того же святилища Аполлона въ Филиппополѣ, извѣстіе о которомъ мы имѣемъ и въ надписи, изданной въ Arch.-epigr. Mittheilungen aus Oesterreich [1]). Обѣ надписи содержатъ посвященія Аполлону. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ проф. Бормана, я позволяю себѣ познакомить нашихъ читателей съ этими представляющими высокій интересъ надписями. Начинаю съ латинской, которая дошла до насъ цѣликомъ [2]).

Въ транскрипціи (прилагаю и копію съ обѣихъ надписей) латинская эпиграмма гласитъ слѣдующимъ образомъ:

Accipe, Phoebe, precor, | Tirynthia munera | pro me.
Haec tibi quae | potui fortia dona dedi. |

---

[1]) Именно въ одной Гераклейской надписи мы имѣемъ упоминаніе о τὰ Πύθια ἐν Φιλιππουπόλει. Объ нихъ же, кажется, говоритъ и надпись изъ Филиппополя Dumont. Mélanges d'arch. et d'epigr., Paris. 1892, p. 336, № 43. Эти Πύθια стоятъ въ связи съ святилищемъ Аполлона, и дѣйствительно мы встрѣчаемъ таковое въ близкой Bessapara, и притомъ святилище очень древнее. См. Dumont. Mélanges archéol. et epigraphiques p. 322 (Inscr. et monum. fig. de la Thrace); къ нему относятся и многочисленныя ex voto изъ Bessapara: ibid. p. 323, 324, 328. Сюда же относятся, вѣроятно, и ex voto Аполлону изъ Филиппополя ibid. p. 335 n. 40 лат. p. 348 и сл. Вѣроятно, и наша эпиграмма происходитъ изъ того же святилища.

[2]) Предположеніе, высказанное проф. Борманомъ въ засѣданіи вѣнскаго Erlanos Vindobonensis, будто неясность надписи объясняется тѣмъ, что она продолжалась на другой сторонѣ базы, не кажется намъ вѣроятнымъ. Надпись, какъ увидимъ ниже, находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе и такъ.

Библиотека "Руниверс"

Hic orbem domuit, tu pacem, | Phoebe, dedisti;
Utraque | res votis annuat ista | meis!

то-есть въ русскомъ переводѣ:

Прими, Фэбъ, молю, Тиринескіе [1]) дары въ мое спасеніе [2]). Я принесъ тебѣ тотъ крѣпкій даръ, который былъ въ силахъ. Геракл ъ [3]) покорилъ земной шаръ, ты, Фэбъ, далъ ему миръ. Пусть же оба эти обстоятельства (то-есть, что Геракл ъ, чьи дары я посвящаю, есть mundi domitor, Фэбъ же pacis auctor, какъ богъ поэзіи и музыки—pacis artium) принесутъ побѣду и миръ и мнѣ, какъ исполненіе моей мольбы [4]).

Прежде чѣмъ задаваться вопросомъ о томъ, каковъ смыслъ надписи, гдѣ ея pointe, спросимъ себя, какимъ образомъ попало это латинское посвященіе въ чисто греческую мѣстность (до сихъ поръ изъ Филиппополя извѣстно было только очень немного латинскихъ надписей) [5]). Объяснить это себѣ можно только тѣмъ, что посвященіе Фэбу Tirynthia munera было актомъ оффиціальнымъ, актомъ исходившимъ, если не изъ Рима, то несомнѣнно отъ лица легата, оффиціальнаго представителя Рима во Оракіи. Установивши это положеніе, перейдемъ къ объясненію содержанія нашей эпиграммы. Accipe, Phoebe, precor, Tirynthia munera pro me; прежде всего, что такое Tirynthia munera? Это, несомнѣнно, munera herois Tirynthii, то-есть Геракла. Что естественнѣе всего было назвать munera (обратимъ вниманіе на множественное число) Геракла? Несомнѣнно, аттрибуты его, то-есть ῥόπαλον, λεοντῆ, лукъ и колчанъ. Новый вопросъ: кто могъ назвать свой даръ, даръ за свое спасеніе—даромъ Тиринескаго героя? Конечно только самъ Тиринескій герой или его воплощеніе на землѣ. Вспомнимъ, что происхожденіе нашей эпиграммы надо искать въ Римѣ;

---

[1]) Tirynthia munera, какъ Tirynthius heros Ovid. Met. VII 410, Tirynthia tela ibid. XIII 401 (sagittas). Геракл ъ самъ постоянно зовется у римскихъ поэтовъ Tirynthius: Verg. Aen. VII 661, VIII 228, Ov. ars am. I 187 и др.

[2]) pro me = pro mea salute—обычное выраженіе въ надписяхъ (напр. pro se et suis = pro sua et suorum salute).

[3]) Hic ни къ чему другому, какъ къ Tirynthia munera или вѣрнѣе къ genet. Tirynthii herois (munera) то-есть Herculis относить нельзя.

[4]) Почему именно Геракл ъ (какъ совершитель своихъ 12 подвиговъ) является олицетвореніемъ побѣды надъ врагами, міроваго владычества, Фэбъ же носителемъ мира—увидимъ ниже.

[5]) См. Dumont l. c. Надо отмѣтить, что всѣ латинскія надписи Оракіи суть или надгробія солдатъ, или имѣютъ чисто оффиціальный характеръ (diplomata mil. и под.), см. Dumont l. c. p. 215 (Rappot sur un voyage arch. en Thrace).

Библиотека "Руниверс"

что можетъ быть естественнѣе, какъ искать въ Римѣ же новаго Геракла? Такимъ новымъ Гераклемъ былъ *императоръ Коммодъ*, Hercules Commodianus. При этомъ предположеніи смыслъ всей эпиграммы, до сихъ поръ темный, становится яснымъ. „Молю, тебя, Фэбъ, прими мои дары, дары Тиринескаго героя, въ мое спасеніе; я приношу тебѣ то, что могу, свой мужественный даръ". Коммодъ, гладіаторъ на тронѣ, приноситъ Фэбу дары, символизующіе его высокую физическую силу, которой онъ такъ гордился, для которой онъ только и жилъ. Эти символы суть вмѣстѣ съ тѣмъ аттрибуты Геракла; не даромъ же Коммодъ—его олицетвореніе на землѣ. Какова же цѣль посвященія, какъ объяснить себѣ соединеніе аттрибутовъ Геракла съ мирнымъ богомъ Фэбомъ? Отвѣтъ даетъ сама эпиграмма. Геракъ покорилъ міръ—изъ за Геракла такъ и выглядываетъ Коммодъ, считавшій себя великимъ военнымъ героемъ [1]),—ты, Фэбъ, далъ ему спокойствіе, и вы оба божества, ты, Фэбъ, которому я приношу мое высокое и вмѣстѣ съ тѣмъ скромное приношеніе, и ты, Геракъ, покоритель міра [2]), даруйте мнѣ побѣду, а *главное — миръ*. Смыслъ всей эпиграммы тотъ, что Коммодъ молитъ о мирѣ, но о мирѣ, связанномъ съ побѣдой, мирѣ почетномъ.

Чтобы яснѣе былъ смыслъ нашего посвященія, выяснимъ себѣ характеръ Коммода, посмотримъ, подходитъ ли онъ и историческія событія къ vota нашего стихотворенія.

Неоцѣнимый источникъ для характеристики Коммода представляютъ его монеты. Изъ нихъ мы узнаемъ прежде всего, что Коммодъ былъ искренне религіознымъ человѣкомъ. На монетахъ его часто является титулъ auctor pietatis (Cohen Médailles стр. III, Commodus, n. 31—34); составная часть его титула есть pius (съ 183 г.); наконецъ, по свидѣтельству Элія Лампридія, онъ часто [inter convivia et balneas] habitu victimarii victimas immolavit, подобно нашему Ивану Грозному [3]). Среди другихъ боговъ большимъ почетомъ пользовался у него Аполлонъ, и притомъ Аполлонъ, какъ богъ музыки, особенно Апол-

---

[1]) Ср. напр. Dio LXXII, 20, 2: πρὸς γὰρ τοῖς ἄλλοις καὶ ἐπαθροῦμεν (въ амфитеатрѣ) τά τε ἄλλα ὅσα ἐκελεύσθημεν καὶ αὐτὸ τοῦτο συνεχῶς. „καὶ κύριος εἶ καὶ πρῶτος εἶ καὶ πάντων εὐτυχέστατος. νικᾷς, νικήσεις· ἀπ' αἰῶνος, Ἀμαζόνιε, νικᾷς.

[2]) Надо замѣтить, что Геркулесъ, какъ богъ побѣды, является и богомъ особенно почитаемымъ въ римскомъ войскѣ; см. Domaszewski Die Religion d. römischen Heeres. p. 48 Westdeutsche Zeitschrift XIV 1 (1895 г.).

[3]) Scr. Hist. Aug. Vita Commodi 5, 4. Ср. монеты Cohen l. c. 977—1008 съ надписями vota susceptа, vota soluta, vota publica, vota felicia, votis felicibus.

Библиотека "Руниверс"

лонъ Палатинскій (см. Cohen l. c. n. 23—30, гдѣ на реверсѣ изображенъ Аполлонъ съ лирой и въ женской одеждѣ, около него Побѣда съ вѣнкомъ; надпись Apollini Palatino). Идея этихъ монетъ, несомнѣнно, та же, что нашей эпиграммы: Аполлонъ есть олицетвореніе мира, когда цвѣтутъ всѣ искусства. Ника свидѣтельствуетъ своимъ подношеніемъ вѣнка, что миръ является результатомъ побѣды [1]). Вообще миръ и связанная съ нимъ Securitas, Felicitas, Laetitia и под. суть излюбленныя персонификаціи Коммодовскихъ монетъ (напримѣръ, securitas orbis, securitas publica Coh. l. c. 695—702 и др.). Особенно интересна одна монета (Coh. l. c. 858), гдѣ на реверсѣ находится слѣдующее изображеніе. Направо сидитъ Roma съ копьемъ и побѣдой, противъ нея Pax или Felicitas съ оливковой вѣтвью и рогомъ изобилія. Между ними треножникъ, за которомъ приноситъ жертву Коммодъ. На второмъ планѣ флейтистъ и Camillus [2]). То же стремленіе къ миру ясно видно и въ пышномъ титулѣ Коммодовскихъ посланій къ сенату, приведенному Діономъ (LXXII, 15, 5), гдѣ почетное мѣсто занимаетъ титулъ εἰρηνοποιὸς τῆς οἰκουμένης. Результатъ, котораго добивался Коммодъ, есть saeculum aureum Commodianum [3]), мирное время, когда не тревожили бы его докучныя войны, когда спокойно онъ могъ бы бить дикихъ звѣрей дома и въ амфитеатрѣ, сражаться на смерть съ гладіаторами по призванію у себя дома и только игрушечнымъ оружіемъ въ публикѣ [4]). Но наряду съ этимъ Коммодъ считалъ себя великимъ военнымъ героемъ: съ тріумфомъ возвратился онъ въ Римъ послѣ смерти отца (см. Coh. l. c. 738), послѣдовательно присоединялъ къ своему титулу пышныя имена Sarmaticus, Germanicus maximus, Britannicus, invictus [5]) въ награду себѣ за побѣды своихъ генераловъ; рядъ монетъ символизуетъ или изображаетъ его тріумфы (Coh. l. c. 176—179; 507—510; 557—560).

---

[1]) Къ датѣ этихъ монетъ (199 г.) мы вернемся ниже.

[2]) Ср. № 562 съ аналогичнымъ изображеніемъ. Ср. также монеты, посвященныя paci aeternae: Cohen 388—396. Идея мира послѣ побѣды лежитъ и въ основѣ изображенія на монетѣ Cohen n. 363 [Min(ervae) Aug].

[3]) Ael. Lampridius V. Commodi 14, 3; ср. Dio LXXII, 15, 5: καὶ τὸν αἰῶνα τὸν ἐπ' αὐτοῦ χρυσοῦν τε ὀνομάζεσθαι καὶ ἐς τὰ γράμματα πάντα ὁμοίως ἐσγράφεσθαι ἐψηφίσθη.

[4]) Dio LXXII, 17, 1 οἴκοι = на Палатинѣ, то-есть конечно въ Палатинскомъ стадіѣ.

[5]) См. Dio LXXII, 15, 5, а кромѣ того монеты и надписи. Замѣтимъ, что invictus есть эпитетъ Геркулеса.

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, Коммодъ, какъ показываютъ тексты и монеты, былъ человѣкомъ религіознымъ, питалъ особое уваженіе къ Аполлону, считалъ себя великимъ военнымъ героемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко желалъ мира и спокойствія. Все это мы видѣли уже въ нашей эпиграммѣ. Остается найти объясненіе или, если возможно, аналогію для страннаго на первый взглядъ посвященія аттрибутовъ одного бога другому. И здѣсь на помощь намъ являются монеты.

Мы уже установили выше, что Tirynthia munera суть, несомнѣнно, аттрибуты Геракла. Изъ писателей знаемъ мы, что въ распоряженіи Коммода находилось огромное количество этихъ macerae Herculaneae, какъ ихъ называетъ Юлій Капитолинъ (vita Pertinacis 8, 4), что онъ придавалъ имъ огромное значеніе и не разставался съ ними [1]). Цѣлый рядъ монетъ изображаетъ намъ эти аттрибуты: на нихъ на аверсѣ голова Геркулеса-Коммода въ львиной шкурѣ, на реверсѣ лукъ, колчанъ и ῥόπαλον съ надписью Herculi Romano (Cohen 187—200). На двухъ монетахъ (187 и 188) булава окружена лавровымъ вѣнкомъ, вѣнкомъ растенія, посвященнаго Аполлону. Что могло быть естественнѣе для Коммода, какъ эти свои insignia посвятить божеству? На такое посвященіе, и именно Аполлону, указываютъ уже и вышеприведенныя монеты (191 г.?); самый актъ посвященія изображенъ на монетахъ Cohen 176—180 (191 г.). На аверсѣ бюстъ Коммода въ лавровомъ вѣнкѣ, панцырѣ и paludamentum съ надписью M. Commodus Antoninus pius felix Aug. Brit., на реверсѣ надпись Herc. Commodiano p. m. tr. p. XVI imp. VIII p. p. и изображеніе слѣдующаго содержанія: въ центрѣ, увѣшанный вѣнками алтарь, на которомъ возженъ огонь; справа отъ алтаря Коммодъ-Гераклъ, полуобнаженный съ рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ, либируетъ изъ патеры въ огонь; налѣво отъ алтаря дерево (лавръ?), на которомъ привѣшена λεοντῆ, къ дереву же прислоненъ лукъ, къ алтарю ῥόπαλον [2]). Ясно, что эти предметы суть ἀναθήματα Геракла-Коммода, но какому божеству? Если правильно наше опредѣленіе дерева, какъ лавра, то божество будетъ Аполлонъ; возможно однако, что рогъ изобилія въ рукахъ либирующаго указываетъ на Pax или Felicitas. Если теперь мы сопоставимъ наши монеты съ помянутыми, посвященными Аполлону Палатинскому, примемъ во вниманіе, что обѣ монеты чеканены

[1]) Dio LXXII, 17, 4: ἡ γὰρ λεοντῆ καὶ τὸ ῥόπαλον ἐν τε ταῖς ὁδοῖς προεφέρετο αὐτοῦ καὶ ἐν τοῖς θεάτροις ἐπὶ δίφρου ἐπιχρύσου εἴτε παρεῖη εἴτε καὶ ἀπεῖη ἐτίθετο.

[2]) Ср. такое же изображеніе медали Cohen 475.

Библиотека "Руниверс"

въ 191 году, чуть ли не самомъ тяжеломъ году правленія Коммода [1]), то мы далѣе не будемъ сомнѣваться въ значеніи нашей эпиграммы. Монетами же опредѣляется и годъ ея возникновенія какъ 191, годъ, въ который, какъ показываютъ монеты, Аполлонъ былъ въ особенной милости у Коммода. Возможно, что наша эпиграмма не есть оригиналъ, а только копія съ эпиграммы подъ посвященіемъ въ палатинскомъ храмѣ Аполлона.

Греческой надписи я комментировать не берусь; къ тому же она дошла до насъ въ фрагментованномъ видѣ и требуетъ прежде всего дополненія. Видно, что времени она позднаго и вся состоитъ изъ неискусно связанныхъ реминисценцій изъ Гомера.

— ⏑ ⏑ — Ф]οίβῳ μαν — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — ⏑
καὶ] γὰρ μοι δῶρον ἐχαρείσατο [μαντοσυνάων,
ὥσπερ Θεστορίδῃ Κάλχᾳ πόρε Φοῖβο[ς Ἀπόλλων
ὄρνειθας καθορᾶν καὶ ἀτρεκέα μαν[τεύσασθαι.
καὶ γὰρ Πουλοδάμας Φρύγιος, καὶ μάντις ἀ[μόμων
αἰετὸν εἰςορόων ὀφεως σπείραισι δεθέντ[α
μνηστῆρσιν ὄλεθρον Ἀλιθέρσης εἶπε παρό[ντα.
τοῦ]νεκα σ[οί], Παιάν, χαριέστατα δῶρ' ἀνέθηκα,
ὄφρα τις ὀψιγόνων[τὰ θεοπρο]πίης ἐσαθρήσα[ς
γνώσητ[αί μ', ὅ τ' ἔφυν οἰωνοπ]όλων ὄχ' ἄριστο[ς.

ταῦτα [δὲ — ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — σ]οὶ δῶρ' ἀνέθηκα
σὸς πρόπ[ολος ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — Φοί]βοιο προφήτ[ης
— εὐς, [ὃς μετὰ πᾶσι κέκασμ'] οἰ[ω]νοπόλοι[σιν.

М. Ростовцевъ.

---

[1]) См. Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, т. I, p. 666.

Библиотека "Руниверс"

ЭТНОГРАФІЯ РОССІИ У ГЕРОДОТА [1]).

Уже первыя главы Геродотовыхъ исторій даютъ читателю вѣрное понятіе о тѣхъ чертахъ древне-эллинскаго историка, которыя красной нитью проходятъ черезъ все его сочиненіе и дѣлаютъ его отцомъ не исторіи только, но и этнографіи.

Геродотъ пишетъ свою исторію главнымъ образомъ для того, чтобы сохранить отъ забвенія въ потомствѣ причины греко-персидскихъ войнъ V вѣка до Р. Хр., закончившихся торжествомъ эллиновъ надъ мидянами и тѣмъ самымъ побѣдою Европы надъ Азіей.

Какъ же историкъ приступаетъ къ выполненію своей задачи? Со словъ персидскихъ начетчиковъ (Περσέων οἱ λόγιοι) онъ сообщаетъ нѣсколько преданій о первыхъ похищеніяхъ женщинъ азіатами изъ Эллады и, обратно, эллинами изъ Азіи, какъ о первыхъ обидахъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ ожесточенную вражду между персами и эллинами. Дѣло въ томъ, что Азію съ населяющими ее народами персы издавна присваивали себѣ, эллинамъ предоставляя владѣть Европою и въ ней хозяйничать. Поэтому, когда финикійскіе купцы изъ Азіи съ товарами ассирійскими и египетскими зашли въ Аргосъ и оттуда похитили царскую дочь Іо, то по мнѣнію персидскихъ книжниковъ, это была первая обида; исходила она отъ персовъ. Но вина азіатовъ была вскорѣ искуплена тѣмъ, что нѣсколько эллиновъ, „вѣроятнѣе всего критянъ“, подошли на кораблѣ къ финикійскому Тиру и тамъ похитили царскую дочь Европу. Обѣ стороны были повидимому удовлетворены; Азіи и Европѣ оставалось жить въ мирѣ и согласіи. Но эллины на сей разъ первые совершили новую обиду:

[1]) Читано въ общемъ годичномъ собраніи Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи въ Казани, 17-го марта 1896 года.

Библиотека "Руниверс"

они похитили въ Колхидѣ, также принадлежавшей къ Азіи, Медею, дочь тамошняго царя, и на требованіе колхидскаго владыки возвратить ему дочь и дать удовлетвореніе за обиду, отвѣчали отказомъ. Тогда Александръ, онъ же Парисъ, сынъ троянскаго царя, узнавши о такомъ происшествіи, рѣшилъ похитить Елену изъ Лакедемона въ разсчетѣ на безнаказанность похищенія, ибо никакой кары не понесли и тѣ эллины, что раньше увезли Медею изъ Колхиды. Именно такого рода отвѣтъ и данъ былъ эллинскимъ посламъ въ Азіи, когда они требовали обратно Елену и еще денежную пеню за учиненное насиліе. Разобиженные отказомъ эллины подняли тогда противъ Азіи Троянскую войну и тѣмъ совершили тяжкое преступленіе передъ владѣтелями Азіи, персами: изъ за одной женщины они разгромили царство Пріама, тогда какъ персы не считаютъ похищенія женщины такимъ дѣломъ, въ которое стоило бы вмѣшиваться людямъ посторонниимъ и разсудительнымъ; женщины не похитишь, разъ только сама она этого не желаетъ,—такъ разсуждаютъ персы. Къ тому же финикіяне разсказываютъ, что Іо вовсе не была похищена, но что она по своей воли вступила въ связь съ хозяиномъ финикійскаго судна, и потомъ, желая скрыть грѣхъ отъ родителей, бѣжала съ финикійскими торговцами. Записавши эти разказы, историкъ съ своей стороны не желаетъ входить въ разсмотрѣніе ихъ достовѣрности и, минуя нѣсколько вѣковъ доисторической, темной старины, переходитъ сразу къ исторической личности VI вѣка до Р. Хр., къ лидійскому царю Крезу, такъ какъ первымъ обидчикомъ и, значитъ, первымъ виновникомъ греко-персидскихъ войнъ историкъ считаетъ его, а не кого либо иного (I, 1—5).

Какъ видно, Геродотъ относится съ недовѣріемъ къ содержанію сообщенныхъ разказовъ и къ тому толкованію ихъ, которое онъ нашелъ готовымъ у персовъ и финикіянъ, свѣдущихъ въ эллинской старинѣ. Однако скептицизмъ историка не идетъ настолько далеко, чтобы вычитанные или услышанные разказы совсѣмъ отвергнуть и въ свое повѣствованіе не заносить. Онъ только вслѣдъ за своими свидѣтелями обращаетъ миѳическія имена полубогинь въ историческія личности, освобождая вымыслы отъ всего, что могло бы показаться неправдоподобнымъ. Двѣ изъ поименованныхъ женщинъ—возлюбленныя самого Зевса: это Іо и Европа; Медея—миѳическая волшебница; Елена—дочь Зевса и Леды. Всѣмъ этимъ образамъ приданы въ Геродотовскомъ изложеніи такія черты, какъ если бы они принадлежали средѣ, близкой къ автору. На протяженіи девяти книгъ

Библиотека "Руниверс"

Геродота сохранено множество цѣнныхъ для исторіи и этнографіи народныхъ преданій о старинѣ и разказовъ о далекихъ земляхъ Европы, Азіи, Африки, благодаря этой самой готовности автора пополнять личное сравнительно ограниченное знакомство съ окружающимъ сообщеніями очевидцевъ и иныхъ свидѣтелей о прошлыхъ судьбахъ странъ и народовъ, о чудесахъ и богатствахъ невѣдомыхъ земель, о бытовыхъ особенностяхъ ихъ обитателей и т. п. Очень многое изъ того, что казалось басней или выдумкой и позднѣйшимъ читателямъ Геродота, и самому Геродоту, нашло себѣ объясненіе или же полнѣйшее подтвержденіе у путешественниковъ новаго времени или у изслѣдователей древняго Египта, Персіи, Ассиріи, Вавилоніи. Такъ, со словъ египтянъ, историкъ передаетъ невѣроятную для него, но достовѣрную на самомъ дѣлѣ подробность, что люди, плывшіе вокругъ Ливіи, имѣли солнце по правую руку отъ себя (IV, 42). Точно также не вѣрилъ Геродотъ и тому, что разказывали живущіе у нашихъ Уральскихъ горъ „плѣшивые", будто далеко за ними — на сѣверъ или сѣверо-востокъ,—живетъ народъ, который спитъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, сообщая подъ видомъ басни смутныя свѣдѣнія о полярныхъ странахъ и о длинной зимней ночи тѣхъ странъ (IV, 25). Тоже историку нашему разсказывали, будто индійцы добываютъ золото изъ лежащей къ сѣверу отъ нихъ песчаной пустыни, что въ пустынѣ живутъ огромныхъ размѣровъ муравьи, величиною немного меньше собаки и больше лисицы; муравьи эти роютъ для себя жилища въ землѣ, и песокъ, который они выбрасываютъ на поверхность,—золотой (III, 102). Вильсонъ доказалъ, что древніе индусы называли однимъ и тѣмъ же именемъ *pipilika* получаемое съ сѣвера золото и обыкновенныхъ большихъ муравьевъ; потомъ это самое имя перенесено было индусами на сурковъ Тибета, живущихъ въ норахъ и какъ-бы охраняющихъ золотой песокъ; все золото индійцы получали изъ тибетской песчаной равнины; отъ этихъ же сурковъ получилъ свое имя и горный хребетъ въ Тибетѣ, Таргабатай, тянущійся къ югу отъ Алтая. Интересу Геродота къ разказамъ чужеземцевъ и эллиновъ о томъ, что представляло какія-либо особенности по сравненію съ образомъ жизни эллиновъ, мы обязаны свѣдѣніями, въ изобиліи содержащимися въ его Музахъ, объ архаическихъ общественныхъ отношеніяхъ ликіянъ, вавилонянъ, массагетовъ, энетовъ, авсеевъ, насамоновъ, маковъ, индійцевъ и другихъ народовъ, извѣстіями о свайныхъ постройкахъ эракійцевъ (V, 16) и т. п.

Доля подлинной исторіи и этнографіи содержится и въ тѣхъ пре-

Библиотека "Руниверс"

даніяхъ, которыми историкъ начинаетъ свое повѣствованіе. Такъ, подлинно-историческое въ этихъ преданіяхъ—торговыя сношенія финикіянъ съ эллинами, начало которыхъ восходитъ къ до-троянскимъ временамъ; названія аргивянъ и критянъ, какъ тѣхъ эллинскихъ народовъ, сношенія которыхъ съ финикіянами были особенно дѣятельны и которые больше другихъ эллиновъ испытали на себѣ культурное вліяніе семитическаго народа. Этнографическими данными въ этихъ преданіяхъ должно считать похищенія женщинъ однимъ народомъ у другого, равно какъ и вызываемыя похищеніями распри и жестокія войны между народами, наконецъ, отмѣченное историкомъ различное отношеніе къ женщинѣ у персовъ и эллиновъ.

Хотя историкъ въ поискахъ за первой причиной греко-персидскихъ войнъ и обратился къ миѳамъ и легендамъ, истолкованнымъ по своему книжными людьми, но онъ спѣшитъ перейдти ко временамъ близкимъ, дѣйствительно историческимъ, къ такимъ лицамъ и происшествіямъ, относительно которыхъ гораздо легче можно бы добыть ему положительныя свѣдѣнія, нежели о временахъ Зевса и Іо, Медеи и Язона, Елены и Агамемнона, и извѣстія о которыхъ ему легче провѣрить. Предпочтительнымъ интересомъ къ сюжетамъ, близкимъ во времени, объясняется выборъ главнѣйшей задачи Геродотовой исторіи, греко-персидскихъ войнъ, отдѣленныхъ отъ времени составленія исторіи всего лишь четырьмя—пятью десятками лѣтъ. Чуть не пять книгъ изъ девяти посвящены у Геродота непрерывному, яркому, въ общемъ и во многихъ подробностяхъ достовѣрному описанію походовъ Дарія Гистаспа и Ксеркса въ земли Эллады; собственно только эта часть сочиненія обладаетъ необходимыми качествами историческаго повѣствованія.

Точно также живой интересъ автора и къ предметамъ, близкимъ въ пространствѣ, доступнымъ непосредственному наблюденію, далъ такое богатство и разнообразіе содержанія въ Геродотовыхъ Музахъ, что онѣ по справедливости могутъ считаться греческой энциклопедіей V вѣка до Р. Хр.: астрономическія и географическія свѣдѣнія въ широкомъ смыслѣ слова, описанія достопримѣчательностей въ мѣстностяхъ, посѣщенныхъ авторомъ, или извѣстныхъ со словъ другихъ, будутъ ли это памятники искусства или достойныя вниманія сооруженія техники, одѣяніе, вооруженіе, пища и нравы жителей, предметы животнаго и растительнаго царства и т. д. и т. д.

Богатый запасъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ изъ литературныхъ источниковъ, а также путемъ собственныхъ разспросовъ, самолично

Библиотека "Руниверс"

произведенныхъ осмотровъ, измѣреній и вычисленій далъ возможность автору сравнивать между собою бытовыя черты различныхъ народовъ, физическія особенности отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностей, научилъ его недовѣрчиво относиться къ неправдоподобнымъ слухамъ и преданіямъ, а съ другой стороны предостерегалъ его и отъ слишкомъ поспѣшнаго скептицизма, ибо дѣйствительность нерѣдко превосходила по своей необычайности самые смѣлые вымыслы. Мало этого: у Геродота мы встрѣчаемся съ цѣлесообразными пріемами истинно этнографическихъ изысканій. Такъ, Геродота интересовалъ вопросъ о происхожденіи колхидянъ, жившихъ въ бассейнѣ нынѣшняго Ріона на Кавказѣ, отъ египтянъ. Сначала о родствѣ двухъ народовъ онъ заключилъ изъ того, что оба они имѣютъ кожу темнаго цвѣта и волнистые волосы; но эти признаки родства показались ему недостаточными, такъ какъ ими обладали и другіе ему извѣстные народы, вовсе не состоявшіе въ родствѣ ни съ египтянами, ни съ колхидянами. „Съ бо́льшимъ основаніемъ“, продолжаетъ историкъ, „я сдѣлалъ такое заключеніе изъ того, что изъ всѣхъ народовъ совершаютъ искони обрѣзаніе только колхидяне, египтяне и эѳіопы“. У прочихъ народовъ обычай этотъ кажется ему позаимствованнымъ отъ египтянъ и эѳіоповъ. Но авторъ и этимъ не удовольствовался. Онъ замѣтилъ еще, что „одни египтяне и колхидяне изготовляютъ полотно одинаковымъ способомъ; наконецъ, весь образъ жизни и языки обоихъ народовъ одинаковы“ (II, 104—105). Только на основаніи всей совокупности сходныхъ признаковъ Геродотъ пришелъ къ убѣжденію, что колхидяне и египтяне составляли нѣкогда одинъ народъ. Такимъ образомъ мѣсто нашего автора въ исторіи общей этнографіи, какъ науки, должно быть опредѣляемо не только количествомъ и характеромъ собраннаго имъ сыраго матеріала, но и тѣми пріемами, съ соблюденіемъ которыхъ производилъ онъ первоначальные опыты этнографическихъ изысканій.

Въ тѣхъ же первыхъ главахъ исторій содержится свидѣтельство пытливости автора, побуждающей его искать объясненія историческихъ событій въ условіяхъ прошлаго.

Конечно, наивна увѣренность Геродота въ томъ, что дѣйствительная причина нашествія мидянъ на Элладу въ V вѣкѣ до Р. Х. будетъ открыта, если удастся разыскать, кто изъ противниковъ, въ какое бы то ни было далекое время, первый нанесъ обиду другому, и въ чемъ эта обида состояла: τῶν ἀδικημάτων πρῶτον I, 2 (нач.), τὴν ἀρχὴν τῆς ἔχθρης I, 5 (нач.), πρῶτον ὑπάρξαντα ἀδίκων ἔργων I, 5, 12 (Stein). Пер-

Библиотека "Руниверс"

вымъ обидчикомъ, по убѣжденію историка, былъ Крезъ и никто другой. Это убѣжденіе однако не мѣшаетъ автору обращаться къ людямъ свѣдущимъ за показаніями объ отношеніяхъ предшествовавшихъ. Поиски на сей разъ были неудачны. Не больше историческаго значенія имѣетъ и другой опытъ Геродота объяснить грандіозное военное предпріятіе Дарія противъ скиѳовъ въ концѣ VI вѣка до Р. Х. желаніемъ персидскаго самодержца отмстить скиѳамъ за первую обиду, нанесенную скиѳами персамъ нѣсколькими поколѣніями раньше (IV, 1. 26; I, 106). Для насъ важны эти случаи, какъ примѣры той любознательности автора, благодаря которой онъ обошелъ многіе города и страны, не взирая на трудности дальнихъ путешествій въ то время, выискивалъ свидѣтелей и разскащиковъ, знакомился съ сочиненіями предшественниковъ. Такъ, въ египетскія Ѳивы и Геліополь Геродотъ отправился изъ Мемфиса съ цѣлью сличить тамошніе варіанты съ мемфисскими о томъ, какъ царь Псамметихъ велѣлъ вскормить двухъ младенцевъ вдали отъ людей, чтобы этимъ способомъ узнать, на какомъ языкѣ говорили первые люди (II, 13); по пути въ Елефантину онъ собиралъ свѣдѣнія объ истокахъ Нила и вообще объ Египтѣ (II, 19); всѣ старанія прилагалъ онъ къ тому, чтобы возможно удовлетворительнѣе выяснить себѣ причины періодическихъ разливовъ Нила (II, 28—29); для полученія точнѣйшихъ свѣдѣній объ египетскомъ Гераклѣ онъ посѣтилъ финикійскій Тиръ, а въ Аравіи побывалъ для того, чтобы летающихъ змѣй поглядѣть на мѣстѣ (II, 44; 75); онъ разыскивалъ очевидцевъ, которые могли бы удостовѣрить, есть ли море къ сѣверу отъ Европы (III, 115) и т. п. и т. п.

Та же самая любознательность обращала взоръ историка къ далекому прошлому занимавшихъ его странъ и народовъ, хотя изысканія въ этомъ направленіи были тогда еще труднѣе, нежели путешествія въ чужія земли. Въ результатѣ этого рода изысканій получилось въ Геродотовомъ сочиненіи множество народныхъ преданій, объяснительныхъ миѳовъ, фактическихъ извѣстій о прошломъ; научная разборка этого матеріала и оцѣнка по достоинству сдѣлались возможны только въ новѣйшее время при участіи археологіи, этнографіи, фольклора. Въ частности о происхожденіи скиѳовъ въ Европѣ историкъ сообщаетъ нѣсколько легендъ или преданій, скрывающихъ въ себѣ воспоминаніе о дѣйствительныхъ взаимныхъ отношеніяхъ нѣсколькихъ народовъ (IV, 5—12). Неудержимо увлекаемый желаніемъ подѣлиться пріобрѣтенными знаніями съ современниками и потомствомъ, Геродотъ обогатилъ исторію греко-персидскихъ войнъ много-

Библиотека "Руниверс"

численными эпизодами, въ общей сложности составляющими больше $^1/_3$ всего сочиненія, именно: первыя четыре книги и часть пятой, съ внутренней и азіатской исторіей персидской державы, съ экскурсами въ политическую исторію отдѣльныхъ греческихъ республикъ, съ описаніемъ чудесъ Вавилона, Египта, съ исторіей египетскихъ фараоновъ, съ пространными извѣстіями объ африканскихъ народахъ, въ томъ числѣ и о пигмеяхъ,—все это только или подготовляло читателя къ главному предмету разказа, или составляло эпизоды разнообразнаго содержанія.

Къ числу эпизодовъ принадлежитъ и повѣсть Геродота о скиѳахъ и нѣсколькихъ другихъ народахъ, въ то время и раньше еще занимавшихъ значительную часть территоріи нынѣшней европейской и азіатской Россіи, начиная отъ Бессарабіи и кончая не только Поволжьемъ, Пріуральемъ, но и землями Сибири, и Закаспійскимъ краемъ. Относящіяся сюда извѣстія вошли въ IV-ую книгу сочиненія, наполняя собою около полутораста главъ ея (1—144), и по своему содержанію касаются топографіи, гидрографіи, исторіи, этнографіи Скиѳіи и прилегающихъ къ ней земель съ запада, сѣвера и востока, и всѣ они пріурочены къ военной исторіи Дарієва похода.

Задолго до Геродота греческія республики находились въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ нашимъ черноморскимъ побережьемъ, на которомъ съ начала VII вѣка до Р. Х. основаны были многочисленныя факторіи и колоніи. И въ то время хлѣбъ составлялъ для нашего юга главный предметъ вывозной торговли съ Элладой. Достаточно напомнить, что въ IV вѣкѣ аѳиняне получали ежегодно отъ боспорскаго владыки съ Керченскаго полуострова, не менѣе 1.000.000 пудовъ хлѣба, милліона на три и болѣе драхмъ (Demosth, ad Leptin. 31); что изъ Ѳеодосіи было однажды доставлено аѳинянамъ 2.100.000 четвериковъ пшеницы. Но отъ русскаго юга шелъ въ греческіе города не одинъ хлѣбъ: соль, рыба, скотъ, медъ и воскъ, пенька, ленъ, строевой, особенно мачтовый лѣсъ, смола, кожи, мѣха, желѣзо, янтарь, золото были обычными предметами торговли нашего юга съ эллинами. Въ обмѣнъ на сырые продукты получались въ черноморскихъ городахъ изъ Аѳинъ и другихъ городовъ оливковое масло, вино, ткани, всевозможныя поделки, посуда, различные предметы роскоши и домашней утвари; изъ приморскихъ городовъ Понта греческія деньги и товары шли черезъ Скиѳію на сѣверъ, востокъ и западъ, что доказывается, напримѣръ, находками многочисленныхъ аѳинскихъ монетъ на Балтійскомъ побережьѣ. О

Библиотека "Руниверс"

торговомъ пути на далекій востокъ мы знаемъ изъ Геродота: „страна до плѣшивыхъ", говоритъ онъ, „и народы, живущіе по сю сторону ея, хорошо извѣстны. Туда ходятъ многіе скиѳы, и отъ нихъ можно легко добывать свѣдѣнія, равно какъ и отъ эллиновъ изъ торжища Борисѳена и прочихъ торжищъ на Понтѣ. Кто изъ скиѳовъ посѣщалъ эти далекія страны, тотъ пользовался для своихъ сношеній семью переводчиками и семью языками" (IV, 24). Есть возможность возстановить по Геродоту даже имена народовъ, лежавшихъ между эллинскими городами и крайнимъ востокомъ: скиѳы, меланхлены, сарматы, ѳиссагеты, іирки, аргиппеи, исседоны. Золото и мѣдь изъ Алтайскихъ и Уральскихъ горъ, камни и мѣха больше всего искушали скиѳскихъ и греческихъ купцовъ. Изъ Скиѳіи ходили торговые люди и на западъ, въ землю агаѳирсовъ, тоже изобиловавшую золотомъ, въ нынѣшнюю Трансильванію.

Принимая во вниманіе вышесказанное о Геродотѣ, и его любознательности и словоохотливости въ передачѣ свѣдѣній, мы легко поймемъ, почему IV книга его исторій была истиннымъ откровеніемъ для эллиновъ: на столько многочисленны, обстоятельны и разнородны были его извѣстія о Скиѳіи и скиѳахъ по сравненію съ случайными, отрывочными замѣчаніями объ этой странѣ въ предшествовавшей литературѣ. Единственный писатель, раньше Геродота посвятившій Скиѳіи особое сочиненіе, Аристея изъ Проконнеса, изложилъ собственныя свѣдѣнія объ этихъ странахъ и полученныя отъ другихъ извѣстія въ фантастической поэмѣ объ Аримаспахъ (IV, 13—16).

Что отецъ исторіи былъ на югѣ Россіи, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Между Бугомъ и Днѣпромъ онъ видѣлъ громадную мѣдную чашу, измѣренную имъ и сличаемую съ тѣмъ сосудомъ, который Павсанія поставилъ у входа во Ѳракійскій Боспоръ (IV, 81); описаніе Гилей, „лѣсной области" на нижнемъ теченіи Днѣпра, происходитъ вѣроятнѣе всего отъ очевидца (IV, 18; 76); послѣдующіе писатели Мела, Плиній, ораторъ Діонъ подтверждаютъ извѣстія Геродота о лѣсныхъ пространствахъ въ низовьяхъ Днѣпра. Важнѣйшія рѣки Скиѳіи отъ Дуная до Днѣпра обозначены въ нижнемъ теченіи съ значительною, говоря вообще, точностью (сравни нашу статью: „Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи?"—К. Старина. 1886). „Торжище борисѳенитовъ", то-есть Ольвію, онъ называетъ наиболѣе срединнымъ пунктомъ Скиѳіи и отъ него ведетъ топографію скиѳскаго населенія Черноморскаго побережья (VI, 17). Любопытно при этомъ, что собственное названіе города не встрѣчается у Геродота вовсе:

Библиотека "Руниверс"

Ольвію слѣдуетъ разумѣть подъ „торжищемъ борисѳенитовъ“ (Βορυσθενειτέων ἐμπόριον), подъ „городомъ борисѳенитовъ“ (Βορυσθενειτέων ἄστυ) или подъ „Борисѳеномъ“ (IV, 78); жители его называли самихъ себя ольвіополитами, такъ что имя борисѳенитовъ прилагалось къ нимъ иноземцами. Городъ лежалъ близъ устья Буга, на правой сторонѣ его, въ одной верстѣ къ ю. отъ села Парутина, Ильинское тожь, въ Николаевскомъ уѣздѣ (В. В. Латышевъ, „Изслѣдованіи объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи“. С.-Пб. 1887, стр. 29). По обстоятельности извѣстій о Россіи Геродотъ не имѣлъ предшественниковъ, а потому показанія его о Скиѳіи и прилегающихъ земляхъ необходимо разсматривать, какъ результатъ его собственныхъ наблюденій и въ большей еще мѣрѣ разспросовъ ольвіополитовъ и иныхъ эллиновъ, а также эллинизованныхъ скиѳовъ. На далекое разстояніе отъ Ольвіи Геродотъ не отходилъ.

Въ Геродотовыхъ извѣстіяхъ о Россіи главное мѣсто занимаетъ Скиѳія, но его представленію равносторонній четыреугольникъ, обнимающій собою приблизительно нынѣшнія губерніи: Бессарабскую, Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую, Подольскую, Полтавскую, почти всю Кіевскую, нѣкоторыя части Черниговской, Курской и Воронежской, причемъ каждую сторону квадрата историкъ опредѣляетъ въ 20 дней пути, т. е. верстъ въ 700 длины. Поверхность Скиѳіи ровная, безлѣсная, черноземная, хорошо орошена и покрыта обильной травой. Изъ восьми главныхъ рѣкъ, упоминаемыхъ Геродотомъ, установлено тождество относительно четырехъ: Истра, Тиры, Борисѳена и Танаиса; имена прочихъ рѣкъ, главныхъ и особенно притоковъ, трудно переводимы на нынѣшнюю карту или вовсе не имѣютъ себѣ соотвѣтствующихъ въ нынѣшней дѣйствительности; многія изъ Геродотовскихъ рѣкъ не оставили, по видимому, даже никакихъ слѣдовъ въ устройствѣ поверхности тамошней территоріи (IV, 47—58). Изъ растеній историкъ называетъ хлѣбъ, разумѣется, пшеницу и рожь, а также лукъ, чеснокъ, чечевицу, просо, ленъ, коноплю. Лошади и рогатый скотъ, именно безрогая порода быковъ, составляли важную статью хозяйства скиѳовъ; свиней скиѳы не держали совсѣмъ. Климатъ Скиѳіи Геродотъ находилъ слишкомъ суровымъ, хотя онъ говоритъ преимущественно о южной ея части; историкъ удивляется, что зима стоитъ здѣсь восемь мѣсяцевъ; что море и рѣки замерзаютъ; что въ зимнюю пору толпы людей могутъ переходить по льду черезъ Керченскій проливъ безопасно (IV, 28—31). Извѣстно, что Овидій сильно страдалъ отъ скиѳскихъ холодовъ, когда

Библиотека "Руниверс"

жилъ ссыльнымъ въ Томи, нынѣшнемъ Кюстендже въ Добруджѣ. Суровость скиѳскаго климата римскій поэтъ преувеличивалъ еще больше: нетающій снѣгъ, жестокая стужа, безпомощность человѣка противъ холода, несмотря на то, что онъ кутается въ шубу, оставляя открытымъ только лицо, носитъ шаровары. „Отъ висящаго на нихъ льда волосы звенятъ, когда ихъ часто встряхивать... Вино стоитъ безъ бочки, въ такомъ видѣ, какой приданъ ему сосудомъ; не пьютъ его, не зачерпываютъ, но передаютъ кусками“ (Trist. III 10, 14 сл.).

Для насъ всего интереснѣе показанія Геродота объ обитателяхъ Скиѳіи. Это—скиѳы, какъ зовутъ ихъ эллины, или сколоты на ихъ собственномъ языкѣ, саки на языкѣ персовъ. Скиѳы раздѣляются на нѣсколько народовъ: между Бугомъ и Днѣстромъ, ближе къ Бугу, сидятъ скиѳы-пахари, подъ собою имѣя ализоновъ и еще ниже каллипидовъ, или эллино-скиѳовъ. Къ сѣверу отъ нихъ въ бассейнѣ Припети сидѣли невры. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, къ сѣверу отъ нынѣшнихъ плавней, историкъ помѣщаетъ скиѳовъ-земледѣльцевъ на пространствѣ 13.475 кв. верстъ, а къ Сѣверу отъ нихъ, отдѣленные пустыней, живутъ андрофаги. Восточнѣе скиѳовъ-земледѣльцевъ находится мѣстожительство кочевыхъ скиѳовъ, „которые ничего не сѣютъ и земли не пашутъ“, на протяженіи 490 верстъ. Восточную границу ихъ составляетъ р. Герръ, скорѣе всего верховья Донца; за этой границей жилъ главный скиѳскій народъ, царскіе скиѳы: „храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе, почитающіе остальныхъ скиѳовъ своими рабами“ (IV, 20). Далеко на с. отъ этихъ скиѳовъ, отдѣленные нѣсколькими не скиѳскими народами, каковы: савроматы, будины, ѳиссагеты, іирки, жили еще скиѳы, „отдѣлившіеся отъ царскихъ“ (IV, 22), примѣрно у западныхъ склоновъ Алтая или въ пріуральскихъ киргизскихъ степяхъ. Была-ли это дѣйствительно колонія европейскихъ скиѳовъ, основанная съ торговыми цѣлями, или „мѣста, занимаемыя пріуральской частью скиѳовъ“, были древнѣйшимъ пребываніемъ всей орды царскихъ скиѳовъ, и *отдѣлившимися* были тѣ царскіе скиѳы, которые жили по сю сторону Танаиса, а не на оборотъ“ (Вс. Ѳ. Миллеръ, *Осетинскіе этюды*. III, 122), что гораздо вѣроятнѣе,—во всякомъ случаѣ эти азіатскіе скиѳы составляли раньше одно цѣлое съ царскими скиѳами, а не съ какими-либо иными.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы старались разобраться по мѣрѣ возможности въ вопросѣ не столько о народности скиѳовъ вообще или отдѣльныхъ скиѳскихъ народовъ, сколько о наличности этническихъ особенностей въ средѣ народовъ, обозначаемыхъ у Геродота

Библиотека "Руниверс"

именемъ скиѳовъ (Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ. *Кіевская Старина*. 1884. Легенды о царскихъ скиѳахъ у Геродота. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1886, январь). Тогда мы приходили къ слѣдующимъ заключеніямъ: имя скиѳовъ у Геродота имѣетъ значеніе не географическое, какъ у его предшественниковъ, и не этнографическое, какъ у многихъ новыхъ ученыхъ, разумѣющихъ подъ Геродотовскими скиѳами или монголовъ, или туранцевъ, или иранцевъ, или славянъ, или германцевъ и т. п., но политическое: именемъ скиѳовъ обозначенъ смѣшанный составъ населенія нашего юга, при чемъ скиѳы-кочевники, изъ нихъ прежде всего царскіе скиѳы, могли принадлежать къ группѣ урало-алтайской, а каллипиды, ализоны, скиѳы-пахари и скиѳы-земледѣльцы могутъ быть причислены къ арійцамъ, или индоевропейцамъ; эти послѣдніе народы, равно какъ и тѣ не скиѳскія племена, которыя облегали скиѳское населеніе съ западной, сѣверной, восточной и частью южной стороны принадлежали къ различнымъ типамъ. Въ своихъ заключеніяхъ мы основывались больше всего на поражающей всякаго читателя разницѣ въ вѣрованіяхъ и бытѣ въ средѣ скиѳскихъ народовъ и на замѣчаніи такого точнаго наблюдателя, какъ врачъ Гиппократъ, современникъ нашего историка. „Скиѳы похожи только на самихъ себя", говоритъ онъ, „и ни на кого больше"; цвѣтъ кожи ихъ желтый; тѣла тучны и мясисты; отсутствіе бороды уподобляетъ мущинъ ихъ женщинамъ. Вошедши въ Европу, царскіе скиѳы частью потѣснили на западъ, загнали далеко на югъ и на сѣверъ прежнихъ насельниковъ нашего юга, частью покорили ихъ своей власти, понизили ихъ культуру, утвердили деспотическое правленіе, охраняя себя въ то же время отъ разлагающихъ иноземныхъ вліяній, прежде всего, разумѣется, отъ вліянія эллинства съ его свободолюбіемъ и высшими культурными привычками (IV, 76). Подтвержденіе своимъ заключеніямъ мы находили и въ скиѳскихъ преданіяхъ, въ томъ по крайней мѣрѣ видѣ, какъ они сохранены намъ Геродотомъ. Данныя лингвистическія настолько скудны и разнорѣчивы, что оказываются непригодными для положительныхъ выводовъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Съ того времени по настоящее появилось въ русской литературѣ нѣсколько цѣнныхъ трудовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ нашей задачѣ: В. В. Латышева, *Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи* (С.-Пб. 1887), Вс. Ѳ. Миллера, *Осетинскіе этюды*. Ч. III (М. 1887), А. Лаппо-Данилевскаго, *Скиѳскія древности* (С.-Пб. 1887), графа И. Толстого и Н. Кондакова, *Древности скиѳо-сарматскія* (С.-Пб. 1889), составляющія II-й выпускъ

Библиотека "Руниверс"

обширнаго изданія; „Русскія древности въ памятникахъ искусства". Изъ иностранныхъ сочиненій имѣютъ важность для насъ три послѣдовательныхъ статьи Майра о Скиѳіи и Даріевомъ походѣ въ Скиѳію (G. Mair, *das Land d. Skythen bei Herodot*. Saaz, 1884. *Das Land d. Skythen bei Herodot u. d. Feldzug d. Dareios in demselben*. Ibid. 1885. *Der Feldzug d. Dareios gegen die Skythen*. Ibid. 1886) и изслѣдованіе Томашека объ Аримасповой поэмѣ Аристеи (W. Tomaschek, *Kritik d. ältesten Nachrichten über d. Skythischen Norden. I, Ueber d. Arimaspische Gedicht des Aristeas*. Wien. 1888).

Въ своихъ выводахъ мы наближе подошли къ проф. Вс. Ѳ. Миллеру. „Не считая доказательными", говоритъ нашъ уважаемый иранистъ, „всѣ тѣ выводы, которые до сихъ поръ были приводимы въ пользу монгольства или урало-алтайства скиѳовъ, мы этимъ еще нисколько не отрицаемъ возможности того, что царскіе и кочевые скиѳы принадлежали къ не арійскому племени, какъ и полагаетъ Ѳ. Г. Мищенко. Скажемъ болѣе: это предположеніе кажется и намъ вѣроятнымъ, хотя и мы не можемъ прибавить никакого новаго довода къ числу существующихъ, въ доказательности которыхъ мы сомнѣваемся" (*о. с.* 121).

Въ настоящее время, по ознакомленіи съ поименованными трудами, мы склонны еще рѣшительнѣе поддерживать нашъ тезисъ о расовомъ различіи народовъ Геродотовской Скиѳіи на основаніи больше всего самого Геродота, и о непринадлежности царскихъ скиѳовъ къ семьѣ народовъ индоевропейскихъ. Необходимо тутъ-же установить, что древній историкъ непослѣдователенъ въ употребленіи имени скиѳовъ: подъ этимъ именемъ скрываются у него или всѣ скиѳскіе народы, нами выше перечисленные, или только царскіе, какъ скиѳы по преимуществу, свободные или собственные скиѳы. „Численности скиѳовъ", говоритъ историкъ, „я не могъ узнать достовѣрно, но слышалъ объ этомъ два разныхъ мнѣнія: одно—что ихъ очень много, и другое—что собственно скиѳовъ (ὡς Σκύθας εἶναι) мало" (IV, 81 нач.); слѣдовательно, многіе народы носили имя скиѳскихъ условно, скорѣе всего потому, что они находились подъ властью скиѳовъ, входили, такъ сказать, въ составъ скиѳской державы. У Геродота имѣются выраженія, въ которыхъ скиѳы-земледѣльцы и подобные имъ народы еще рѣзче выдѣляются изъ скиѳовъ, какъ народы не скиѳскіе. Замѣтивши, что у Чернаго моря живутъ грубѣйшіе народы въ мірѣ, за исключеніемъ скиѳскаго, онъ немного ниже объясняетъ, что и скиѳы-то мудры собственно въ одномъ,—„все прочее не заслуживаетъ

Библиотека "Руниверс"

у нихъ похвалы",—въ томъ именно, что при ихъ образѣ жизни никакой врагъ не можетъ спастись бѣгствомъ, разъ только онъ вторгнулся въ Скиѳію, не можетъ и настигнуть скиѳовъ въ погонѣ, „ибо скиѳы не имѣютъ ни городовъ, ни укрѣпленій, но передвигаютъ свои жилища за собою, и всѣ они—конные стрѣлки изъ лука; пропитаніе добываютъ себѣ не земледѣліемъ, а скотоводствомъ, и жилища свои устраиваютъ на повозкахъ" (IV, 46). Понятно, что характеристика „неодолимыхъ и недостижимыхъ" скиѳовъ не приложима ни къ эллинамъ-скиѳамъ, ближайшимъ сосѣдямъ ольвійцевъ, ни къ скиѳамъ-пахарямъ или земледѣльцамъ: какой бы народъ изъ этихъ послѣднихъ ни понимать подъ Геродотовскими именами, во всякомъ случаѣ историкъ не могъ называть отъ себя ни пахарями, ни земледѣльцами (ἀροτῆρες, γεωργοί) кочевниковъ, о каковыхъ только и могла идти рѣчь выше. Съ другой стороны, когда Геродотъ, не подраздѣляя скиѳовъ на народы, рисуетъ ихъ чертами приличествующими кочевникамъ — каковы бѣдность, бездомность, жизнь съ семействами на повозкахъ и т. п. (I, 15. 73. II, 167. IV, 2. 11. 46. 47. 83. 97. 114. 120. 121. 127. 134. VII, 10),—то едва-ли въ такихъ случаяхъ позволительно въ понятіе скиѳовъ включать тѣ скиѳскіе народы, которые обрабатывали землю, сами питались плодами рукъ своихъ и вели торговлю хлѣбомъ (IV, 17). Насколько тѣсно въ пониманіи Геродота соединялось съ именемъ скиѳовъ представленіе о народѣ кочевомъ, видно, напримѣръ, изъ 17-ой гл. IV-й книги, гдѣ каллипидамъ и ализонамъ усваивается образъ жизни скиѳскій, съ тою разницею, что они сѣютъ хлѣбъ и употребляютъ его въ пищу (τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταὐτὰ Σκύθῃσι ἐπασκέουσι, σῖτον δὲ καὶ σπείρουσι καὶ σιτέονται). И тотъ же самый Геродотъ парою строкъ ниже находитъ возможнымъ говорить о скиѳскихъ народахъ, наименованіе которыхъ пахарями, земледѣльцами должно бы быть несовмѣстимо съ именемъ скиѳовъ, какъ народа кочеваго. Такимъ образомъ, если Геродотъ въ значительной степени разсѣялъ мракъ, окутывавшій для эллиновъ страны къ сѣверу отъ Чернаго моря, если онъ расчленилъ собирательное, географическое имя скиѳовъ на составныя части и выдѣлилъ ихъ изъ множества народовъ, населявшихъ европейскую и азіатскую Россію, то не менѣе вѣрно также, что въ извѣстіяхъ Геродота о Скиѳіи и скиѳахъ этнографическое начало не проведено послѣдовательно, и подъ скиѳами приходится разумѣть и у Геродота то нѣсколько народовъ различнаго этнографическаго типа и разныхъ видовъ культуры, соединенныхъ въ одну державу подъ владычествомъ скиѳовъ, то одинъ народъ,

Библиотека "Руниверс"

бѣдный, кочевой, живущій войною и поборами съ народовъ покоренныхъ.

Въ виду сказаннаго трудно рѣшить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ слѣдуетъ понимать подъ словомъ „скиѳскій“ въ примѣненіи къ языку какого-либо народа, къ образу жизни и т. п. Каллипиды и ализоны живутъ во всемъ такъ же, какъ и скиѳы (IV, 17); аргиппаи, андрофаги одѣваются по-скиѳски (IV, 23. 106); скиѳскіе нравы у невровъ (IV, 105); скиѳскій образъ жизни у меланхленовъ, у массагетовъ (IV, 107. I, 215); въ то же время андрофаги (IV, 18), меланхлены (IV, 20), массагеты называются народами не скиѳскими.

Немыслимо, чтобы словомъ „скиѳскіе“ обозначались черты жизни или физическое строеніе всей смѣси „скиѳскихъ“ народовъ, жившихъ различно; гораздо вѣроятнѣе, что въ этихъ случаяхъ нужно разумѣть одинъ скиѳскій народъ. Какой же именно? Какъ о скиѳахъ собственныхъ, такъ и о народахъ, далѣе скиѳовъ сидѣвшихъ, Геродотъ говоритъ со словъ другихъ, въ большинствѣ случаевъ тоже не непосредственныхъ свидѣтелей; каждый свидѣтель сравнивалъ народъ, о которомъ его спрашивали, или со своимъ собственнымъ, или съ ближайшимъ, ему наиболѣе извѣстнымъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что массагеты, меланхлены, андрофаги сравнивались не съ тѣми скиѳами, къ какимъ стояли близко каллипиды, алазоны или невры. „Скиѳскій“ языкъ, „скиѳская“ одежда, „скиѳское“ вооруженіе, „скиѳскіе“ нравы были не одинаковы у скиѳовъ кочевыхъ и скиѳовъ-пахарей, или у скиѳовъ царскихъ, ревниво оберегавшихъ себя отъ всего иноземнаго, или у эллиновъ-скиѳовъ, представлявшихъ собою народъ смѣшанный по крови и по всему складу жизни. Въ извѣстіяхъ Геродота и другихъ эллинскихъ писателей скиѳы изображаются то народомъ мирнымъ, безобиднымъ, справедливымъ, то воинственнымъ и хищническимъ; весьма правдоподобно, что столь несходныя свойства принадлежали различнымъ народамъ, хотя и обозначаемымъ общимъ именемъ скиѳовъ.

По словамъ Артабана, Дарій ходилъ войною на скиѳовъ-кочевниковъ (VII, 10), и отомстить Дарію за вторженіе въ ихъ страну вознамѣрились тоже кочевники (IV, 120); описаніе Дарієва похода внутрь Россіи и обратно къ Дунаю преисполнено указаніями на кочевой образъ жизни воюющихъ скиѳовъ, а войну съ Даріємъ ведутъ собственно царскіе скиѳы (IV, 120. Ср. нашу статью „О царскихъ скиѳахъ“, уже упомянутую); слѣдовательно, эти послѣдніе скиѳы были кочевниками.

Библиотека "Руниверс"

Давно уже замѣчено, что Геродотъ при описаніи скиѳовъ имѣетъ въ виду преимущественно царскихъ или господствующихъ скиѳовъ. Только въ примѣненіи къ нимъ понятны многія черты Геродотовскаго описанія. Военное божество они чествовали животными и человѣческими жертвами, а въ жертву приносились плѣнники, одинъ отъ каждой сотни. Людей рѣзали надъ сосудами, въ которые собирали кровь, и ею совершали возліяніе на фетишъ, каковымъ служилъ мечъ; трупамъ жертвъ отрѣзали правыя плечи и руки, и бросали ихъ высоко по сторонамъ (IV, 62). Въ пищу божеству давали очевидно ту же самую снѣдь, какою лакомились и сами. Дѣйствительно, по словамъ историка, „скиѳъ пьетъ кровь перваго убитаго врага, а головы всѣхъ враговъ, убитыхъ на войнѣ, сколько бы ни было ихъ, относитъ къ царю, ибо тогда только скиѳъ участвуетъ въ дѣлежѣ добычи, когда доставитъ голову непріятеля“ (IV, 64). За симъ слѣдуетъ довольно обстоятельное описаніе того, какъ скиѳы сдираютъ кожу съ головы убитаго врага или со всего тѣла до самыхъ ногтей, какъ они выдѣлываютъ себѣ изъ человѣчьей кожи утиральники, привѣшиваемые къ верховымъ лошадямъ, плащи, въ которые и одѣваются, футляры для колчановъ, а иногда чучела, которыя укрѣпляютъ на лошадяхъ и такъ возятъ съ собою. Въ жертву богамъ приносились преимущественно лошади; въ обычаѣ были и обильныя человѣческія жертвоприношенія. Особенною пышностью по количеству жертвъ отличались поминки въ первую годовщину смерти царя. Память его чествовалась умерщвленіемъ 50-ти наилучшихъ его слугъ и въ такомъ же количествѣ лошадей; удавленныхъ юношей усаживали особымъ способомъ на трупы лошадей, устраивая такимъ образомъ подобіе цѣлой конницы, приносимой въ жертву умершему царю (IV, 72),— жертвоприношеніе, которое едва ли даже мыслимо въ средѣ земледѣльцевъ; а проф. Л. Ф. Воеводскій сопоставляетъ съ этими человѣческими гекатомбами почти тождественные обычаи дикихъ патагонцевъ (*Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа*. Од. 1877). Когда погребали скиѳскаго царя, то вмѣстѣ съ покойникомъ клали въ могилу одну изъ его наложницъ, виночерпія, повара, конюха, любимѣйшаго слугу, вѣстовщика, лошадей, первенцовъ всякаго другаго скота и золотыя чаши (IV, 71). Для народовъ, царямъ подвластныхъ, обязательно было выражать свою скорбь по умершемъ тѣмъ, что всюду, гдѣ проѣзжала погребальная колесница съ муміей царя, каждый вѣрноподданный рѣзалъ себѣ часть уха, обнажалъ голову отъ волосъ, дѣлалъ себѣ порѣзы на ру-

Библиотека "Руниверс"

кахъ, расцарапывалъ лобъ и носъ, а лѣвую руку прокалывалъ стрѣлами (IV, 71). Геродотъ же сохранилъ разказъ о жестокой расправѣ, какую по повелѣнію царей учиняли скиѳы надъ лживыми или неискусными кудесниками: ихъ, скованныхъ по рукамъ и по ногамъ, укладывали въ кучи хворосту на телѣги, запряженныя быками, потомъ хворостъ зажигали, и телѣги въ пламени носились по степи, пока несчастные кудесники не сгорали, часто вмѣстѣ съ телѣгой и быками (IV, 68). При заключеніи договоровъ скиѳы прибавляютъ къ вину, которое договаривающіеся пьютъ изъ одной чаши, собственную кровь, а въ чашу погружаютъ при этомъ мечъ, стрѣлы, боевую сѣкиру и копье.

Не отрицая того, что осѣдлые и земледѣльческія иранцы, — или какая нибудь иная вѣтвь индоевропейской семьи,—могли перемѣнить земледѣльческій образъ жизни на кочевой, могли усвоить себѣ многія привычки кочевниковъ и соотвѣтствующіе имъ нравы, когда попали въ условія, неблагопріятныя для культурной жизни, мы отказываемся понять, какимъ образомъ иранцы или какіе-нибудь индоевропейцы могли явиться въ южную Россію, утративши окончательно первоначальный обликъ, или пріобрѣсти здѣсь въ сравнительно недолгій періодъ времени черты примитивной грубости и жестокости, тѣмъ болѣе, что здѣсь же, на нашемъ югѣ, жили другіе народы, занимавшіеся земледѣліемъ и доступные вліяніямъ эллинства. Достойно вниманія, что скиѳовъ земледѣльцевъ, сидѣвшихъ по лѣвому берегу Днѣпра выше Гилеи, живущіе на Гипанисѣ эллины называли борисѳенитами (IV, 18), то-есть, тѣмъ самымъ именемъ, подъ которымъ извѣстны были и настоящіе эллины, обитатели Ольвіи. Чтобы такое сближеніе скиѳовъ съ эллинами стало возможнымъ въ сознаніи эллиновъ и на языкѣ ихъ, требовалось гораздо больше сходства въ привычкахъ и въ самомъ типѣ, чѣмъ можно себѣ представить между эллинами и чуть не людоѣдами скиѳами царскими.

Вотъ почему и въ настоящее время, по ознакомленіи съ поименованными выше трудами, мы не можемъ примкнуть къ иранистамъ въ вопросѣ о народности скиѳовъ, не раздѣляемъ и желанія другихъ ученыхъ причислить царскихъ скиѳовъ къ древнимъ германцамъ или къ славянамъ, не можемъ наконецъ разсматривать урало-алтайскій элементъ въ Геродотовыхъ скиѳахъ какъ бы только вкрапленнымъ въ плотную массу арійскаго населенія нашего юга въ V вѣкѣ до Р. Х., какъ смотритъ, напримѣръ, Томашекъ. „Родство сколотовъ съ иранскими племенами“, говоритъ онъ, „не подлежитъ больше никакому со-

Библиотека "Руниверс"

мнѣнію. Всѣ тѣ извѣстія, которыя касаются физическаго строенія этого степнаго народа, равно какъ изображенія скиѳскихъ типовъ на греческихъ памятникахъ, свидѣтельствуютъ о близости скиѳовъ къ сакамъ съ длинными волосами и къ мидо-персамъ. Остатки языка носятъ на себѣ печать самаго чистаго иранства, при чемъ удивляетъ только склонность вставлять l вмѣсто r. Весьма грубые несомнѣнно обычаи представляютъ картину первобытнаго состоянія индогерманцевъ, приложимую также ко всѣмъ степнымъ народамъ, ибо одинаковая природа степей производитъ и одинаковыя явленія; впрочемъ и мы съ своей стороны не отрицаемъ исконныхъ соприкосновеній названныхъ народовъ съ тюркскими элементами" (о. с., стр. 6).

Однако съ большею еще рѣшительностью высказывается Майръ за монгольство скиѳовъ. „Вообще совершенно невѣроятно", говоритъ онъ, „противно всякой исторіи и этнографіи, чтобы этотъ народъ, выселившійся въ Европу изъ восточныхъ частей Киргизской степи черезъ ворота кочевниковъ между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, принадлежалъ къ индогерманскому корню. Весьма вѣроятно, что народъ, мало-по-малу передвинувшійся въ Европу изъ степей, простирающихся къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи, происхожденія тюркскаго, ибо главный слой тюркскихъ народовъ находится на Алтаѣ и въ равнинахъ, тянущихся отъ Алтая на западъ; тогда родину финновъ должно искать по обѣимъ сторонамъ Урала. Финнами не могутъ быть сколоты уже на томъ простомъ основаніи, что Геродотъ, извѣстія котораго только отголосокъ показаній его свидѣтелей, ясно отличаетъ отъ сколотовъ, какъ народы не скиѳскіе, финскія племена меланхленовъ (мордва), ѳиссагетовъ (чуваши), іирковъ и андрофаговъ (самоѣдовъ). Не принадлежали сколоты и къ тюркскому корню, ибо есть, вѣскія, можно сказать рѣшающія основанія въ пользу того, что они должны быть причислены къ монголамъ" (о. с. 1886, стр. 26 сл.). Не говоря о наличности данныхъ въ текстѣ Геродота, не позволяющихъ сводить все разнообразіе скиѳскихъ народовъ къ одному этническому типу, самая непримиримость заключеній ученыхъ по вопросу о народности скиѳовъ обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ разнородностью этническихъ особенностей въ средѣ скиѳскихъ народовъ Геродота. „Въ противоположность тѣмъ", замѣчаетъ В. Ѳ. Миллеръ, „которые видятъ въ Геродотовыхъ скиѳахъ урало-алтайцевъ, и тѣмъ, которые считаютъ ихъ иранцами, мы, вмѣстѣ съ Ѳ. Г. Мищенко, предполагаемъ этническое различіе между скиѳами восточными,—кочевниками и царскими,—и скиѳами западными—земледѣльцами" (о. с., стр. 135). Арійцевъ, или

Библиотека "Руниверс"

индоевропейцевъ слѣдуетъ по нашему мнѣнію искать не въ господствующей части скиѳскаго населенія русскаго юга, но въ тѣхъ порабощенныхъ или подчиненныхъ пахаряхъ и земледѣльцахъ, которые позднѣйшими завоевателями были оттѣснены на западъ, придвинуты къ эллинскимъ колоніямъ и впервые стали усваивать себѣ начала европейской гражданственности; могли они быть и въ тѣхъ агаѳирсахъ, которые отличались мягкостью нравовъ и въ образѣ жизни походили на ѳракіянъ, а также въ неврахъ, жившихъ по Нареву и Нурцу и вѣрившихъ въ оборотней-волковъ („вовкулакъ", Werwolf).

Говоря о народности скиѳовъ, нельзя обойти молчаніемъ записанныя Геродотомъ легенды объ ихъ происхожденіи (IV, 5—12). Скиѳскій варіантъ съ именами Таргитая, Липоксаиса, Арпоксаиса, Колаксаиса возводитъ начало скиѳовъ къ Зевсу и Борисѳену; въ греческомъ варіантѣ Геракъ вступаетъ въ связь съ туземнымъ существомъ, ехидной, въ Гилеѣ; такимъ образомъ, оба варіанта пріурочиваютъ начало скиѳовъ къ Днѣпру, къ мѣстожительству земледѣльческихъ скиѳовъ и близкихъ къ нимъ по образу жизни народовъ. Объ исконномъ занятіи народа земледѣліемъ говорятъ упоминаемые въ скиѳской легендѣ священные предметы изъ золота: плугъ и ярмо; къ нимъ прибавлены боевая сѣкира и чаша для питья. Впослѣдствіи святыни перешли въ обладаніе царскихъ скиѳовъ и хранились въ землѣ ихъ; вмѣстѣ со святынями перешла къ царскимъ скиѳамъ и легенда, приспособившись нѣсколько къ новымъ отношеніямъ. Однако и въ этомъ обновленномъ видѣ западное происхожденіе легенды обличаютъ встрѣчающіяся въ ней имена: они легко объясняются изъ иранскаго, какъ Таргитай, Липоксаисъ и др. (Tomaschek, о. с., стр. 7 сл., Вс. Ѳ. Миллеръ, о. с. III, стр. 131 сл.). По греческому варіанту съ именемъ Геракла и съ упоминаніемъ его странствованій, сведены къ одному корню скиѳы, гелоны и агаѳирсы. Западное происхожденіе этого варіанта еще яснѣе: скиѳы, земледѣльческіе конечно, сближены со своими сосѣдями агаѳирсами и родственниками гелонами; эти послѣдніе тоже были помѣщаемы на западѣ (post Neuros Budini sunt et Geloni.—Amm. Marcell. XXXI, 2, 14). Едва-ли легенда поставила бы въ родственную связь съ эллинами тѣхъ скиѳовъ царскихъ, которые должны были поражать и Геродота грубостью нравовъ и кровожадностью. Въ обѣихъ легендахъ царскіе скиѳы или цари скиѳовъ производятся отъ наимладшаго изъ трехъ братьевъ: юнѣйшимъ изъ скиѳскихъ народовъ на русскомъ югѣ были кочевые царскіе скиѳы.

Въ какомъ отношеніи къ Геродотовымъ извѣстіямъ о скиѳахъ стоятъ

Библиотека "Руниверс"

такъ называемые скиѳскіе курганы, въ большомъ числѣ находящіеся въ губерніяхъ екатеринославской, кіевской, полтавской и др., и извлекаемые изъ кургановъ предметы вещественной археологіи? Въ какой мѣрѣ этого рода предметы могутъ служить иллюстраціями къ тексту древне-греческаго историка и бытописателя? Проф. Д. Я. Самоквасовъ въ своей *Исторіи Русскаго права* (Варш. 1884. Вып. II) пользуется результатами курганныхъ раскопокъ, какъ дополненіемъ къ древнѣйшимъ литературнымъ извѣстіямъ о южной Россіи. Еще дальше проф. Самоквасова идетъ въ этомъ направленіи А. С. Лаппо-Данилевскій, въ своихъ *Скиѳскихъ древностяхъ* дѣлающій смѣлую попытку всесторонняго возстановленія подлинно-скиѳской старины.

Къ сожалѣнію, необходимо сознаться, что до настоящаго времени не удалось раскопать *ни одного* кургана въ южной Россіи, который можно было бы, хотя съ нѣкоторою вѣроятностью, отнести ко времени Геродота, и содержимое котораго можно было бы принимать за принадлежности Геродотовскихъ скиѳовъ. „Ни обычаи погребенія и сожженія праха", замѣчаютъ графъ И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, „ни устройство склеповъ въ мѣстахъ, гдѣ склоны скалистыхъ холмовъ доставляли обильный камень, или земляныхъ могилъ, прикрытыхъ дубовыми брусьями и лубкомъ, не могутъ руководить въ опредѣленіи эпохъ, представляемыхъ этими курганами. Самое содержаніе могилъ, коль скоро могила не выходитъ изъ общаго ряда варварскихъ и въ частности кочевыхъ, даетъ лишь самые общіе признаки быта" (*Древности скиѳо-сарматскія*, стр. 84). Важнѣйшія изъ такъ-называемыхъ царскихъ могилъ, какъ напримѣръ Чертомлыцкая или Кульобская, не восходятъ глубже III—II вѣковъ до Р. Х. Терминъ „скиѳскій" въ примѣненіи къ южно-русскимъ курганамъ имѣетъ пока только условное значеніе, и если позволительно соединять эти могилы съ какимъ-либо изъ народовъ, упоминаемыхъ Геродотомъ, то скорѣе всего съ сарматами, смѣнившими собою скиѳовъ въ припонтійскихъ степяхъ и принадлежавшими навѣрное къ индоевропейцамъ вмѣстѣ съ западными скиѳами, а не съ Геродотовскими скиѳами. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ не открыто въ „скиѳскихъ" могилахъ остатковъ тѣхъ конскихъ и человѣчьихъ гекатомбъ, о которыхъ говоритъ древній историкъ, не найдено чашъ, которыя скиѳы носили у пояса. Въ русской археологіи скиѳскія могилы характеризуются высѣченными въ камнѣ гробницами или склепами; содержимое такихъ могилъ состоитъ изъ желѣзнаго оружія, рядомъ съ которымъ попадается и оружіе изъ бронзы; за то въ большомъ числѣ содержатся въ нихъ бронзовыя

Библиотека "Руниверс"

украшенія, бусы каменныя, янтарныя, стеклянныя, круглыя зеркала, золотыя издѣлія, предметы житейскаго обихода и роскоши, изготовленные въ греческихъ мастерскихъ или греческими и отчасти римскими художниками, или туземнаго производства, но исполненные подъ греческимъ вліяніемъ; попадаются въ этихъ курганахъ и предметы урало-алтайскаго образца. „Скиѳская" археологія пока еще только въ зародышѣ, и для ея успѣховъ всего выгоднѣе, если содержимое скиѳскихъ кургановъ будетъ классифицироваться и изучаться по наличнымъ мотивамъ и точкамъ соприкосновенія съ археологическимъ матеріаломъ другихъ странъ. Геродотъ — не этнографъ въ нашемъ смыслѣ слова, и его представленія о русскомъ югѣ весьма несовершенны: черноморское побережье представляется ему въ видѣ прямой линіи, идущей съ запада на востокъ; Черное и Азовское моря увеличены больше, чѣмъ вдвое; Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Донъ имѣютъ въ нижнемъ теченіи направленіе съ сѣвера на югъ; 700.000-ная армія Дарія проходитъ по Скиѳіи самыми трудными путями, переправляясь безъ всякихъ задержекъ черезъ большія, быстрыя рѣки отъ Дуная до Волги и потомъ обратно черезъ сѣверную и западную окраины Скиѳіи, и на всѣ эти блужданія арміи, сопровождавшіяся стычками съ непріятелемъ, потребовалось немного больше 60 дней и т. д. и т. д. Соотвѣтственно тому недостаточны были свѣдѣнія нашего автора о народахъ Скиѳіи и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. На нашей обязанности лежитъ воспользоваться хотя бы слабыми намеками древняго писателя на этнографическую раздѣльность въ средѣ населенія южной Россіи въ половинѣ V вѣка до Р. Х. и по мѣрѣ возможности расчленить массу народовъ, которые въ понятіяхъ предшественниковъ Геродота сливались въ однородное цѣлое. Понятно, свѣдѣнія менѣе обстоятельныя и точныя могъ имѣть отецъ исторіи о странахъ и народахъ, лежавшихъ за предѣлами скиѳскаго четыреугольника.

Откладывая до другого раза разсмотрѣніе Геродотовыхъ извѣстій о внѣ-скиѳскихъ земляхъ Россіи, мы замѣтимъ пока, что расположеніе этихъ извѣстій у историка, большая или меньшая обстоятельность ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ находятся по всей вѣроятности въ тѣснѣйшей связи съ тѣми торговыми путями въ различныя страны, которые шли изъ Ольвіи, „срединнѣйшаго пункта" всего Черноморскаго побережья, и которыми самыя эти извѣстія главнымъ образомъ и доходили до свидѣтелей Геродота. Сѣверо-восточный путь отъ устьевъ Буга и Днѣпра примѣрно черезъ нынѣшнія губерніи херсонскую, екатеринославскую, харьковскую, воронежскую, тамбовскую, пензен-

Библиотека "Руниверс"

скую, саратовскую, самарскую, оренбургскую служилъ торговымъ цѣлямъ Геродотовскихъ скиѳовъ и эллиновъ едва-ли не больше, нежели путь вдоль Днѣпра и Буга; по крайней мѣрѣ въ сѣверовосточномъ направленіи отецъ исторіи называетъ наибольшее число народовъ и мѣстностей. Есть основаніе предполагать даже, что отъ какихъ-нибудь „плѣшивыхъ", жившихъ по отрогамъ Урала и въ киргизскихъ степяхъ торговыя сношенія велись съ сибирскими землями съ одной стороны и съ сѣвероиъ Индіи съ другой.

Ѳ. Вищенко.

Библиотека "Руниверс"

ТРИДЦАТЬ ТИРАНОВЪ.

Встрѣчая въ Аѳинахъ цѣлый рядъ коллегій изъ 10-ти должностныхъ лицъ, мы знаемъ, что число 10 здѣсь не случайное, а находится въ связи съ дѣленіемъ аѳинскаго народа на 10 филъ. Въ каждую такую коллегію избиралось или назначалось по жребію по одному члену изъ каждой филы, и только съ теченіемъ времени для замѣщенія нѣкоторыхъ коллегій стали менѣе строго придерживаться этого правила: такъ для стратеговъ уже въ V вѣкѣ, для архонтовъ (съ ихъ секретаремъ) во II вѣкѣ. Рѣже, но все же далеко не единичны въ Аѳинахъ коллегіи изъ 30-ти членовъ или вообще 30-ть ежегодныхъ одинаковыхъ должностныхъ лицъ. Не говоря о триттіархахъ, τριττύαρχοι, о роли и значеніи которыхъ намъ почти ничего неизвѣстно, мы можемъ назвать 30 συλλογεῖς τοῦ δήμου, 30 λογισταὶ V вѣка и 10 εὔθυνοι съ ихъ 20-ю паредрами времени Аристотеля, 30 δικασταὶ τοὺς δήμους περιιόντες, число которыхъ послѣ Евклида архонта увеличено было до 40, οἱ τριάκοντα, собирающихъ въ V вѣкѣ подати съ союзниковъ, наконецъ, 30 ἐπιμεληταὶ τῶν φυλῶν по 3 на каждую филу. Можно-ли считать случайнымъ это число 30, и какъ объяснить, что оно являлось въ Аѳинахъ такимъ излюбленнымъ тамъ, гдѣ 10 считалось недостаточнымъ?

Мнѣ кажется, едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что число это стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ числомъ третей филъ, триттій, этихъ территоріальныхъ подраздѣленій Аттики, настоящихъ реальныхъ основъ Клисѳеновскихъ филъ. Очевидно, что при введеніи этихъ должностей имѣлось въ виду назначать по одному члену для каждой триттіи, для веденія дѣлъ каждаго отдѣльнаго территоріальнаго округа Аттики или же для соединенія въ дѣлахъ общегосудар-

Библиотека "Руниверс"

ственыхъ представителей всѣхъ округовъ. Правда, въ единственномъ случаѣ, гдѣ намъ извѣстны изъ надписей имена епимелетовъ одной филы (C. I. A. II 1209), оказывается по ихъ δημοτικά, что всѣ трое принадлежатъ къ одному дему; но случай этотъ относится ко 2-ой половинѣ IV вѣка (340 или 313 г.) когда. установленная при возникновеніи этихъ должностей прочная связь съ триттіями могла уже пошатнуться, когда самое значеніе триттій, судя по всѣмъ признакамъ, мало по малу уменьшилось, и въ двухъ изъ вышеназванныхъ коллегій даже число членовъ было измѣнено: число сельскихъ судей увеличено до 40, число же логистовъ уменьшено до 20-ти (10 λογισταὶ и 10 συνήγοροι αὐτοῖς—Ἀθ. πολ. 54, 1, 2). Во всякомъ случаѣ для всѣхъ перечисленныхъ должностей осмысленность отношенія ихъ къ триттіямъ явствуетъ даже при поверхностномъ взглядѣ на сферу ихъ дѣятельности. Подробнѣе поговорить о нихъ, какъ и вообще о значеніи триттій, мы предполагаемъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же мы указали на нихъ лишь для того, чтобы имѣть въ нихъ опору для аналогичнаго сужденія о другой, уже экстраординарной коллегіи изъ 30-ти членовъ, именно коллегіи 404-го г., носившей скромное названіе οἱ τριάκοντα, но получившей у потомства позорный титулъ 30-ти тирановъ. Такъ какъ дѣло идетъ объ олигархическомъ правительствѣ, враждебномъ демократической конституціи, то на поверхностный взглядъ можетъ показаться безсмысленнымъ желаніе и эту коллегію выводить изъ коренныхъ основъ Клисѳеновской конституціи. А такъ какъ къ тому же у древнихъ авторовъ мы не только не находимъ никакого намека на связь тридцати тирановъ съ триттіями, но еще свидѣтельство одного изъ современниковъ, оратора Лисія, относительно состава тридцати какъ будто исключаетъ возможность предположенія, что они выбраны по триттіямъ,—въ виду этого мы поспѣшимъ сейчасъ же дать всѣ доказательства, какія только могли собрать, въ пользу предположенія связи между 30-ю тиранами и 30-ю триттіями, а затѣмъ уже выскажемся по поводу того, какой смыслъ и значеніе могла имѣть эта связь и какъ можно согласовать наше мнѣніе съ имѣющимися извѣстіями древнихъ.

Итакъ мы предполагаемъ, что какъ при назначеніи демократическихъ коллегій изъ 30-ти членовъ обращалось вниманіе на то, чтобы въ этихъ коллегіяхъ были представлены всѣ триттіи, такъ и олигархическое правленіе 404 г. было составлено изъ лицъ, принадлежащихъ всѣмъ 30-ти округамъ Аттики. Это предположеніе было бы очевидно, если-бы намъ было извѣстно къ какому дему принадлежалъ

Библиотека "Руниверс"

каждый изъ 30-ти. Между тѣмъ Ксенофонтъ сообщаетъ намъ лишь одни имена 30-ти [1]) и только для весьма немногихъ изъ нихъ намъ извѣстны, или съ большей или меньшей долей вѣроятности могутъ быть возстановлены ихъ δημοτικά.

Такъ Ѳераменъ, какъ мы знаемъ, происходилъ изъ дима Стиріи (Στειριεύς), принадлежавшаго къ береговой триттіи III-ей филы, Пандіониды.

Драконтидъ — безъ сомнѣнія тождественъ съ авторомъ законопроэкта, установлявшаго правленіе олигарховъ, котораго Аристотель ('Αθ. πολ. c. 34) называетъ 'Αφιδναῖος, Афиднейцемъ, то-есть, происходящимъ изъ дима срединной триттіи IX-ой филы, Эантиды.

Анэтія уже Бёкъ отождествлялъ [2]) съ одноименнымъ эллинотаміемъ 410 г. изъ дима Сфитта (Σφήττιος—C. I. A. I, 188, 2) срединной триттіи V-ой филы, Акамантиды.

Аристотеля мы, съ одинаковымъ правомъ, можемъ считать тождественнымъ съ еллинотаміемъ 421 г., который въ надписи (C. I. A. I, 260) названъ безъ димотика, но на 10-мъ мѣстѣ, то-есть, какъ представитель X-ой филы, Антіохиды.

На первыхъ порахъ мы не можемъ больше сдѣлать ни шагу на пути обнаруженія димовъ, къ которымъ принадлежали тотъ или другой изъ 30-ти. Даже δημοτικὰ главарей олигарховъ, Критія и Харикла, и другихъ болѣе извѣстныхъ между ними, какъ Фейдона и Ератосѳена, Пейсона и Ѳеогнида, намъ не извѣстны. Но уже и извѣстныхъ намъ димовъ трехъ изъ 30-ти и филы 4-го достаточно для того, чтобы сдѣлать выводы, благопріятные нашему предположенію. Именно, если справедливо предположеніе, что 30 тирановъ были назначены по одному изъ 30-ти триттій, то въ офиціальномъ спискѣ ихъ они должны были быть расположены, какъ располагались всегда лица въ коллегіяхъ, избранныхъ по филамъ, въ порядкѣ филъ, которой каждый изъ нихъ принадлежалъ, а члены одной филы въ опредѣленномъ порядкѣ триттій. Можно съ увѣренностью предположить, что у Ксенофонта мы имѣемъ именно такой офиціальный

---

[1]) Hell. II, 3, 1; вотъ они: Πολυχάρης, Κριτίας, Μηλόβιος, Ἱππόλοχος, Εὐκλείδης, Τέρων, Μνησίλοχος, Χρέμων, Θηραμένης, Ἀρεσίας, Διοκλῆς, Φαιδρίας, Χαιρέλεως, Ἀνυτίος, Πείσων, Σοφοκλῆς, Ἐρατοσθένης, Χαρικλῆς, Ὀνομακλῆς, Θέογνις, Αἰσχίνης, Θεογένης, Κλεομήδης, Ἐρασίστρατος, Φείδων, Δρακοντίδης, Εὐμάθης Ἀριστοτέλης, Ἱππόμαχος, Μνησιθείδης.

[2]) Böckh въ примѣч. къ надп. Staatshaush. II, p. 171. Scheibe. Die Oligarchische Umwälzung zu Athen. 1841.

Библиотека "Руниверс"

списокъ, по крайней мѣрѣ нельзя усмотрѣть, чтобы въ основаніе его было положено какое-либо другое соображеніе: такъ, напримѣръ, наиболѣе вліятельные члены коллегіи Критій, Хариклъ, Ѳерменъ, Драконтидъ, авторъ законопроэкта, размѣщены въ перемѣшку въ разныхъ частяхъ списка, и не одинъ изъ нихъ не значится на первомъ мѣстѣ. Если мы раздѣлимъ 30 именъ Ксенофонтовскаго списка по числу филъ на 10 группъ, по 3 въ каждой, то получимъ Ѳерамена Стиpійца 3-мъ въ III-ей группѣ, Анэтія Сфиттійца 2-мъ въ V-ой, Драконтида Афиднейца 2-мъ въ IX-ой, Аристотеля 1-мъ въ X-ой. Цифра группы у всѣхъ нихъ соотвѣтствуетъ положенію, занимаемому филой каждаго изъ нихъ, Пандіонидой, Акамантидой, Эантидой, Антіохидой въ постоянномъ спискѣ филъ. Такимъ образомъ становится дѣйствительно правдоподобнымъ, что мы имѣемъ по 3 члена изъ каждой филы; а если такъ, то самое естественное—число 3 привести въ связь съ составомъ филы изъ 3-хъ триттій.

Но этого мало: двое изъ тѣхъ трехъ, имена, а съ ними и триттіи которыхъ намъ извѣстны, происходящіе изъ срединныхъ триттій, Анэтій и Драконтидъ, занимаютъ въ группахъ, соотвѣтствующихъ ихъ филѣ, 2-е мѣсто, третій же, происходящій изъ береговой триттіи,—названъ на 3-мъ мѣстѣ. Это даетъ намъ право вывести предположеніе что такое соотвѣтствіе въ расположеніи лицъ, происходящихъ изъ извѣстныхъ намъ триттій трехъ разныхъ филъ, — не случайно, и что во всемъ спискѣ, во всѣхъ 10 группахъ, соотвѣтствующихъ по нашему предположенію десяти филамъ, 2-мъ былъ названъ представитель срединной триттіи, 3-мъ береговой, а 1-мъ слѣдовательно—городской.

Естественно, что, если мы имѣемъ дѣло, такъ сказать, съ представителями триттій, то въ расположеніи триттій, также какъ и филъ, во всемъ спискѣ была соблюдена одна опредѣленная система, и изъ сопоставленія нашей группы Пандіониды съ группами Акамантиды и Антіохиды, мы можемъ установить такой порядокъ слѣдованія триттій:

1—городская триттія
2—срединная
3—береговая.

Не знаемъ, былъ ли это постоянный официальный порядокъ слѣдованія триттій; во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что встрѣчается и другая послѣдовательность. Такъ, судя по надписямъ изъ неоси-

Библиотека "Руниверс"

ковъ Пирея, опредѣлявшимъ границы между стоянками кораблей отдѣльныхъ триттій, за Елевсинской, то-есть, береговой триттіей VIII-й филы, тамъ слѣдовала Пирейская, то-есть, городская той же филы (C. I. A. I, 517); за Пэанійской, срединной III-й филы,—Мирринусійская, береговая ея же (C. I. A. IV, 2, 517 a), что и заставляетъ предполагать такой порядокъ триттій: срединная, береговая, городская [1]). Въ спискахъ притановъ разныхъ годовъ, въ которыхъ мы усматривали распредѣленіе по триттіямъ, встрѣчается большое разнообразіе въ чередованіи триттій, что впрочемъ могло объясняться всякій разъ случайными причинами, какъ назначаемымъ, можетъ быть, жребіемъ порядкомъ дежурства триттій, или триттіей, которой принадлежатъ наиболѣе выдающіеся изъ притановъ (какъ и порядокъ димовъ), дежурствомъ той или другой триттіи во время составленія списка ихъ. Наконецъ, въ одномъ спискѣ, въ которомъ мы можемъ наблюдать раздѣленіе филъ на триттіи за разъ въ нѣсколькихъ филахъ, именно въ спискѣ димовъ (C. I. A. II, 991), мы видимъ опять однообразный порядокъ послѣдовательности между триттіями, но отличный отъ порядка пограничныхъ столбовъ неосиковъ и предполагаемаго нами въ спискѣ 30-ти, именно здѣсь за городской триттіей слѣдуетъ береговая, затѣмъ срединная. Мы бы склонны были этотъ порядокъ скорѣе всего принять за офиціальный, такъ какъ онъ соотвѣтствуетъ тому, въ которомъ перечисляетъ округи Аттики Ἀθ. πολ. c. 21, но весьма возможно что Аристотелевскій порядокъ перечисленія ихъ находится въ связи съ порядкомъ, въ которомъ всегда перечисляются до-Писистратовскія партіи: педіаковъ, параліевъ и діакріевъ, областямъ которыхъ соотвѣтствуютъ эти округи. А партіи эти распредѣляются по степени враждебности существовавшему въ то время государственному строю. Офиціальнаго же, постояннаго порядка въ перечисленіи триттій, повидимому не было вовсе установлено; но все же, какъ видно на примѣрѣ надписей изъ неосиковъ и списка димовъ C. I. A. II, 991, и какъ мы имѣемъ основаніе предполагать и для списка 30-ти, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ триттіи всѣхъ филъ слѣдовали одна за другой одинаковымъ образомъ. Чѣмъ опредѣлялся выборъ порядка, въ которомъ слѣдовали одна за другой 3 триттіи каждой филы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, угадать

[1]) Въ C. I. A. IV, 2, 517 b. названіе первой изъ 2-хъ триттій не вполнѣ сохранилось, я предложилъ возстановить Πα[ρα]λ[ίων какъ названіе срединной триттіи VI-й филы (обыкновенно Ἐπα[κρ]ε[ῶν), вторая —Θριασійская, береговая той же филы.

Библиотека "Руниверс"

трудно. Можетъ быть, какъ мы предположили для списковъ притановъ, на каждый годъ жребіемъ опредѣлялся порядокъ чередованія триттій во всѣхъ государственныхъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ предположеніе наше, что при составленіи Ксенофонтовскаго списка 30-ти имѣлось въ виду опредѣленное, однообразное расположеніе триттій всѣхъ филъ, получаетъ значительную долю правдоподобности, если намъ благодаря ему удастся подыскать еще хоть для нѣсколькихъ лицъ димы, изъ которыхъ они происходили, и которые по своей принадлежности къ опредѣленой триттіи совпали бы съ мѣстомъ, занимаемымъ именемъ даннаго лица въ спискѣ.

Матеріалъ для нашихъ поисковъ мы заимствуемъ главнымъ образомъ изъ надписей I и II тома и дополненій къ нимъ, 1-й и 2-й частей IV тома Corporis Inscr. Att., V и IV вѣка. При этомъ мы не ограничимся лицами, которыя могли бы быть отождествлены съ самими тиранами, но будемъ разыскивать и такихъ, которыя могли бы быть признаны сыновьями, внуками или вообще кровными родственниками, основываясь на общеизвѣстномъ фактѣ, что со времени реформы Клисѳена принадлежность къ дему въ Аѳинахъ оставалась неизмѣнной изъ поколѣнія въ поколѣніе, и одни и тѣ же имена очень часто повторялись въ одномъ и томъ же родѣ, и, напротивъ, многія рѣдко встрѣчались внѣ предѣловъ одного рода.

Итакъ, прежде всего обращаемся къ Аристотелю, фила котораго нами уже установлена, и относительно котораго весьма желательно было бы найти подтвержденіе касательно триттіи. Онъ значится первымъ въ 10-й группѣ, то-есть по нашему предположенію долженъ происходить изъ городской триттіи Антіохиды. Эта триттія по нашему мнѣнію [1]) состояла изъ одного дима Алопеки; слѣдовательно Аристотель, если предположенія наши, на основаніи которыхъ мы оперируемъ, не должны рушиться, происходилъ изъ дима Алопеки. Въ виду этого для насъ представляетъ интересъ надгробный рельефъ изъ Аттики съ именами погребенныхъ вѣроятно отца и сына: Ἀριστοτέλης Γλαύκωνος и Σωγέννη[ς] Ἀριστοτέ[λους] C. I. A. II, 3502 въ связи съ посвятительною надписью 1-ой половины IV вѣка (О вм. ου, и ΟΥ) Γλαύκιππος Γλαύκωνος Ἀλωπεκῆθεν, гдѣ мы имѣемъ имя, можетъ быть, брата Аристотеля, сына Главкона, и такимъ образомъ узнаемъ димъ его. Аристотель, сынъ Главкона, можетъ быть тогда

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1891, декабрь, стр. 109 и 1893, октябрь,, стр. 188 и противъ Milchh. Ath. Mitth. XVII, p. 422.

Библиотека "Руниверс"

прямымъ внукомъ нашего или же другимъ сродичемъ его по мужской линіи, то-есть гражданиномъ того же дима. Сынъ Главкиппа, слѣдовательно правнукъ Аристотеля, Πυθογένης Γλαυκίππου является пританомъ въ надписи C. I. A. II, 308, 29⁹/₈ года (ср. примѣч. къ надписи C. I. A. II, 307). Съ другой стороны нашъ Аристотель, весьма вѣроятно, тождественъ съ отцомъ Харинда, двоюроднаго брата Андокида, обвинявшагося вмѣстѣ съ нимъ и цѣлымъ рядомъ его родственниковъ въ процессѣ о мистеріяхъ (Andoc. I, 47). Изъ Андокида же (ibid.) мы знаемъ, что Аристотель былъ женатъ на сестрѣ Леогора, отца Андокидова, и племянницѣ (по матери) матери Критія. Интересно, что дядя Критія по отцу тоже носитъ имя Главкона, какъ и предполагаемый сынъ Аристотеля, а сынъ его, впослѣдствіи врагъ 30-ти, дядя Платона носитъ имя Харинда (Plat. Charm. III). Необходимо предположить, что между семействами Аристотеля съ одной стороны и съ другой Главкона и Каллэсхра, отца Критіева, изстари существовали родственныя связи, хотя они со времени реформы Клисѳена принадлежали къ разнымъ димамъ.

Что касается до опредѣленія дима Критія, то въ литературѣ, какъ мы сказали, мы не имѣемъ для этого никакихъ данныхъ. Для оправданія положенія его имени въ спискѣ 30-ти мы должны искать его въ срединной триттіи I-й филы. И дѣйствительно, въ числѣ семи лицъ съ именемъ отца Критіева Каллэсхра, I и II тома и 2-й части IV тома C. I. A., димы которыхъ извѣстны, мы встрѣчаемъ одного изъ дима Φηγοῦς, относеннаго мною къ одной триттіи съ димомъ Кефисія, именно къ срединной триттіи Ерехѳеиды,—это Καλλαισχρος Φηγούσιος, дізтетъ 325 г. (C. I. A. II, 943), прямой потомокъ, можетъ быть, не самого Критія, а его отца.

Разбирая далѣе по порядку имена списка 30-ти, мы можемъ остановиться лишь у 5-го имени Εὐκλείδης. Это имя, правда, довольно распространенное, и изъ того обстоятельства, что оно встрѣчается у лица, которое по своему диму подходило бы для нашихъ цѣлей, труднѣе, чѣмъ при болѣе рѣдкихъ именахъ, дѣлать заключенія. Все же для полноты укажемъ, что изъ 13 лицъ извѣстныхъ димовъ I и II т. Corporis I. A. мы имѣемъ на выборъ двухъ изъ подходящей для насъ срединной триттіи Эгеиды: отца притана 34¹/₀ г. Ἀριστοφάνης Εὐκλείδου Ἰκαριεύς C. I. A. II, 872 и, можетъ быть, [Εὐ]κλείδης Γαργήττιος—ταμίας τ. θεοῦ 367 г. C. I. A. II, 677, I. 2, женою котораго могла быть Φανοστράτη—Εὐκλείδου Γαργηττίου γ[υνή] надгробной надписи C. I. A. II, 2532. Кромѣ того какой-то Εὐκλείδης, можетъ быть,

Библиотека "Руниверс"

нѣйшіе образы со строжайшею точностію, соблазняютъ насъ къ тому, чтобы видѣть въ немъ величайшаго, единственнаго и самаго краснорѣчиваго изъ философовъ. Рожденный въ нѣдрахъ глубочайшей ночи, Бекон'ъ сознал'ъ, что философіи еще нѣтъ, хотя не мало было людей тщеславившихся тѣмъ, что они въ ней блистаютъ: чѣмъ грубѣе вѣкъ, тѣмъ болѣе мнитъ онъ себя знающимъ все, что можно знать. Онъ началъ съ общаго обозрѣнія разнообразныхъ предметовъ естествознанія, раздѣлилъ науки на разныя вѣтви, перечисляя ихъ съ точностію, какая только была ему возможна; разбиралъ то, что было уже извѣстно о каждомъ изъ предметовъ и сдѣлалъ громадный каталогъ того, что предстояло открыть. Въ этомъ цѣль его удивительнаго сочиненія „О достоинствѣ и умноженіи человѣческихъ знаній". Въ своемъ „Новомъ орудіи наукъ" онъ усовершенствовалъ воззрѣнія, данныя первымъ сочиненіемъ, повелъ ихъ далѣе и указалъ необходимость экспериментальной физики, о какой еще не думали. Врагъ системъ, онъ видѣлъ въ философіи ту часть нашего знанія, которая должна содѣйствовать тому, чтобы сдѣлать насъ лучшими и болѣе счастливыми. Онъ кажется ограничивающимъ науку полезными вещами и рекомендуетъ повсюду изученіе природы... Онъ приглашаетъ ученыхъ изучать и усовершенствовать искусства, на которыя онъ смотритъ, какъ на высшую и существенную часть человѣческаго знанія. Съ благородною простотой излагаетъ онъ свои предположенія и мысли о различныхъ предметахъ достойныхъ того, чтобы интересовать людей. Онъ могъ бы сказать какъ старикъ Теренція, что ничто человѣческое мнѣ не чуждо... Его сочиненія лучше всего можно сравнить съ сочиненіями Гиппократа о медицинѣ. Они не менѣе Гиппократовыхъ внушали бы удивленіе и читались, если бы образованіе ума было также дорого людямъ, какъ сохраненіе здоровья".

Такой отзывъ энциклопедистовъ, желавшихъ подъ знамя Бекона поставить свою философію, не признававшую никакого другаго источника знанія кромѣ чувственныхъ данныхъ и которая изъ двухъ книгъ, — книги природы и книги откровенія, какія Бекон'ъ признавалъ вмѣстѣ съ Галилеемъ, Паскалемъ и другими великими умами

Библиотека "Руниверс"

XVII вѣка, — принимала лишь первую. Изъ словъ Даламберта можно заключить, что, по мнѣнію энциклопедистовъ, и Бекон, и другіе указывали на два источника изъ осторожнаго опасенія разомъ снять повязку съ глазъ человѣчества. Благочестивый Делюкъ горячо взялъ подъ защиту искренность религіозности Бекона.

Религіозность Бекона не подлежитъ сомнѣнію. Первая книга его, въ 1597 году, заключаетъ въ себѣ двѣнадцать „Религіозныхъ размышленій". Въ послѣдній годъ жизни онъ печатаетъ англійскій переводъ семи псалмовъ. „Богъ создалъ, говоритъ Бекон въ „A confession of faith" (W. I, 337) небо и землю со всѣми ея произрожденіями и далъ имъ постоянные и вѣчные законы, которые мы называемъ природою и которые суть не иное что, какъ законы созданія. (W. I, 338) Когда Богъ... отступаетъ отъ законовъ природы въ чудесахъ — на нихъ можно смотрѣть какъ на новые акты творчества (as new creations).—Онъ производитъ это не иначе какъ по отношенію къ дѣлу искупленія, которое выше чѣмъ дѣло творенія. Къ нему относятся всѣ знаменія и чудеса". „Душа человѣка,—говоритъ Бекон нѣсколько выше,—не произведена отъ неба или земли, но непосредственно вдунута Богомъ, такъ что пути и дѣйствія Божіи по отношенію къ духовному (ways and proceedings of god with spirits) не включены въ природу, то-есть въ законы неба и земли, а предоставлены законамъ Его тайной воли и благодати (reserved to the laws of his secret will and grace)".

„Философія, говоритъ онъ въ первой книгѣ „De Augmentis" (W. II, 303), даетъ намъ противъ заблужденій и недостатка вѣры самое дѣйствительное средство и противоядіе. Самъ Спаситель сказалъ: „заблуждаетесь, не зная писанія, ни силы Божіей",—слова, коими Онъ приглашаетъ насъ листовать двѣ книги, дабы не впасть въ заблужденіе. Одна—книга Писанія, открывающая волю Божію, другая—книга природы, объявляющая Его могущество. Двѣ книги, изъ коихъ послѣдняя есть ключъ къ первой. Она не только освѣщаетъ разумѣніе наше, дѣлая его способнымъ условить истинный смыслъ Писанія, согласно общимъ правиламъ разума и законамъ рѣчи, но и раз-

Библиотека "Руниверс"

виваетъ нашу вѣру, вводя насъ въ глубочайшія размышленія о могуществѣ Божіимъ, черты коего глубоко врѣзаны въ Его твореніяхъ". „Ничего нѣтъ болѣе достовѣрнаго и болѣе оправданнаго опытомъ, какъ то, что легкіе глотки философіи могутъ вести къ атеизму, но полная чаша возвращаетъ къ религіи" (leves gustus in philosophia movere fortasse ad atheismum, sed pleniores haustus ad religionem reducent". W. II, 292).

Но преслѣдованіе, изъ религіозной ревности, свободы научнаго размышленія, имѣло въ Бековѣ рѣшительнаго противника. „Истинная религія, говоритъ онъ въ „Meditationes sacrae" (W. II, 750) одинаково далека отъ суевѣрія съ его суевѣрными ересями съ одной стороны, и отъ атеизма съ его нечестивыми ересями съ другой. „Itaque religio vera est in mediocritate inter supersitionem cum haeresibus superstitiosis ex una parte et atheismum cum haeresibus profanis ex altera".

„Не слѣдуетъ забывать, говоритъ Беконъ въ LXXXIX афоризмѣ первой книги Novum Organum, что натуральная философія во всѣ времена имѣла тяжелаго и труднаго противника. Противникъ этотъ — суевѣріе и слѣпая, неумѣренная религіозная ревность. Уже у Грековъ тѣ, кои предложили непривычному уху людей естественныя причины молніи и грома, были осуждены въ нечестіи по отношенію къ богамъ. Немного лучше отнеслись нѣкоторые изъ древнихъ отцевъ христіанской религіи къ тѣмъ, кто на основаніи вѣрнѣйшихъ доказательствъ, противорѣчить коимъ нынѣ не будетъ ни одинъ человѣкъ въ здравомъ разсудкѣ, утверждали, что земля кругла и что слѣдовательно должны быть антиподы.

„А нынѣ условія разсужденія о природѣ стали еще жестче и опаснѣе по причинѣ руководствъ и методъ теологовъ-схоластиковъ (propter theologorum scholasticorum summas et methodos), кои редактировали, на сколько было то въ ихъ власти, теологію и привели ее въ форму искусства (theologiam satis pro potestate redegerunt et in artis formam effinxerint), а вмѣстѣ съ тѣмъ произвели то, что воинственная и тернистая (pugnax et spinosa) философія Аристотеля примѣшалась болѣе чѣмъ слѣдовало къ составу религіи (corpori religionis).

Библиотека "Руниверс"

„Туда же направлены, хотя и инымъ образомъ, разсужденія (commentationes) тѣхъ которые истину христіанской религіи не сумняся хотятъ вывести и подтвердить изъ началъ и авторитетовъ философовъ; съ помпой и торжествомъ празднуютъ союзъ, якобы законный, вѣры и чувствъ (fidei et sensus conjugium tamquam legitimum), прельщаютъ души пріятнымъ разнообразіемъ вещей, но смѣшиваютъ божественное съ человѣческимъ на несоотвѣтственныхъ условіяхъ. И въ такое смѣшеніе теологіи съ философіей включаютъ лишь то, что нынѣ въ философіи принято, все же новое, хотя бы представляющее улучшеніе, исключается и истребляется.

„Усматриваемъ далѣе, что по неразумію (imperitia) доступъ для философіи, хотя бы съ исправленіемъ, совсѣмъ пресѣкается. Одни наивно опасаются, не перешло бы болѣе глубокое изслѣдованіе природы за предѣлы предписываемой воздержности (ne ultra concessum sobrietatis terminum penetret). Переводя и извращая, они прилагаютъ то, что сказано въ священномъ Писаніи о божественныхъ тайнахъ противъ роющихся въ секретахъ божества,—къ тайнамъ природы, изслѣдованіе которыхъ не возбранено. Другіе съ хитростію вращаютъ въ умѣ мысль, что при невѣдѣніи легче можно все привести подъ руку и феруду божественную, а это по мнѣнію ихъ существенно для религіи. Но это не иное что, какъ желать ложью угождать Богу (Deo per mendaciam gratificari). Другіе боятся примѣра: не вторглись бы движенія и измѣненія, по образцу философіи, и въ религію. Другіе, наконецъ, опасаются не открыло бы изслѣдованіе природы чего-либо могущаго, особенно у несвѣдущихъ, ниспровергнуть или хотя расшатать религію. Два послѣднихъ опасенія кажутся намъ напоминающими разумѣніе животныхъ. Можно подумать, что люди эти въ тайникахъ своей мысли сомнѣваются въ крѣпости религіи и господствѣ вѣры надъ чувствами и потому исканіе истины въ области явленій природы кажется имъ опаснымъ. Но для каждаго право судящаго натуральная философія, послѣ божественнаго слова, есть важнѣйшее средство противъ суевѣрія (certissima superstitionis medicina est) и испытаннѣйшая пища вѣры. Она по истинѣ есть вѣрнѣйшая слу-

Библиотека "Руниверс"

жанка, данная религіи: религія возвѣщаетъ волю Божію, натуральная философія Его могущество. Не заблуждался Самъ сказавшій: заблуждаетесь не зная Писанія и силы Божіей, соединяя такимъ образомъ познаніе волей Божіей съ размышленіемъ о Его могуществѣ. Неудивительно, впрочемъ, если задерживаются успѣхи натуральной философіи, когда и религія, столь могущественная въ душахъ людей, чрезъ неразуміе и ревность не по разуму нѣкоторыхъ, переводится въ противоположную сторону и похищается (in partem contrariam transierit et abrepta fuerit)".

Тѣ же мысли и многое тѣми же словами находимъ въ „Cogitata et visa de interpretatione naturae". (W. I, 638).

Въ послѣдней главѣ „De Augmentis", приходя къ концу своей классификаціи наукъ и упоминая о священной теологіи — theologia sacra inspirata, Беконъ замѣчаетъ: „Если бы мы хотѣли говорить о ней, то должны были бы съ малой ладьи человѣческаго разума перейдти на корабль церкви, которая одна владѣетъ божественнымъ компасомъ указывающимъ путь... Весь человѣкъ во владѣніи Божіемъ (prerogativa Dei totum hominem complectitur), и разумъ и воля: да отвержется всего и приступитъ къ Богу. Закону божественному надлежитъ повиноваться, хотя бы воля человѣческая тому сопротивлялась; должно вѣровать слову Божію, хотя бы разумъ тому противился... Вмѣненная въ заслугу Аврааму вѣра относилась къ обѣщанію, возбудившему насмѣшку Сары. Сара представляла собою въ этомъ случаѣ образъ естественнаго разума—imago quaedam rationis naturalis".

Роль разума по отношенію къ Писанію не та, какъ по отношенію къ природѣ. Сказано: небеса повѣдаютъ славу Божію, а не сказано: небеса повѣдаютъ волю Божію. „Тѣмъ не менѣе роль разума и въ теологіи значительна. Не безъ причины апостолъ назвалъ религію раціональнымъ культомъ Божества—rationalem cultum Dei". (Посланіе къ Римлянамъ; XII,—собственно rationabile obsequium vestrum: для разумнаго служенія вашего). Роль разума двоякая: изъясняющая тайны и выводящая заключенія: („Humanae rationis usus, in rebus ad religionem spectantibus duplex est: alter in explicatione mysterii, alter in illationibus, quae inde deducantur").

Библиотека "Руниверс"

IX. *Самостоятельные труды Бекона въ области естествознанія.* Приглашая философовъ къ опытному изученію природы, дѣлалъ-ли Беконъ самъ опыты? При своихъ многочисленныхъ государственныхъ, судебныхъ, литературныхъ занятіяхъ знаменитый канцлеръ, понятно, немного имѣлъ времени, какое могъ отдать производству опытовъ, такъ поѣдающему время. Труды Бекона по части естествознанія имѣютъ по преимуществу описательный характеръ и представляютъ собою обыкновенно собраніе фактическихъ свѣдѣній по многоразличнымъ вопросамъ, заимствованныхъ безъ строгой критики. Его „Natural History“ или „Sylva Sylvarum“ состоитъ изъ десяти центурій разнообразнѣйшихъ опытовъ. Вопросамъ естествознанія посвящены далѣе „Historia densi et rari“, „Historia ventorum“, „Historia vitae et mortis“, „Historia soni et auditus, „De flexu et reflexu maris“.

Замѣчательно что относительно строенія міра Беконъ принималъ неподвижность земли [1]) и не раздѣлялъ системы Коперника, выставляя, какъ опроверженіе, обстоятельства, дѣйствительно составлявшія слабую сторону системы и разъясненныя уже впослѣдствіи. Въ „Descriptio globi intellectualis (W., II, 654) онъ выражается такъ: „Однако же система Коперника представляетъ много большихъ затрудненій. Она обременяетъ землю движеніемъ тройкаго рода, что представляетъ не мало неудобствъ. Солнце она выдѣляетъ изъ сонма планетъ, съ которыми у него столько общихъ явленій: что тоже трудно допустимо. Далѣе, она вводитъ въ природу такое множество неподвижнаго, такъ какъ полагаетъ неподвижными солнце и звѣзды, тѣла по преимуществу свѣтлыя и лучистыя. Хочетъ, чтобы луна держалась около земли какъ бы на эпициклѣ и многое другое позволяетъ себѣ воображать въ природѣ, только бы хорошо поддавалось вычисленію. Если принять движеніе земли, то сообразнѣе оставить всякую систему и разсыпать шары, согласно съ тѣми, кого мы выше

[1]) „Terra itaque stante—id enim nunc nobis videtur verius—manifestum est coelum motu diurno circumferri“, („Thema coeli“; W. II, 664).

Библиотека "Руниверс"

наименовали [1]), чѣмъ установить такую систему, въ которой солнце есть центръ. Это не одобрено и отвертнуто согласіемъ вѣковъ и древности. Ибо мнѣніе о движеніи земли не ново, но повторяется изъ древности, какъ мы ужъ говорили. Но мнѣніе, что солнце есть центръ міра и недвижно совершенно ново (исключая одного стиха дурно переведеннаго) и впервые введено Коперникомъ".

Въ числѣ изслѣдованій въ тѣсномъ смыслѣ экспериментальныхъ,— кромѣ опытовъ, о которыхъ скажемъ ниже, надъ опредѣленіемъ плотности пара спирта и надъ взвѣшиваніемъ пузырей, наполненныхъ воздухомъ и затѣмъ опорожненныхъ отъ него сжатіемъ—слѣдуетъ упомянуть объ опытахъ надъ сжатіемъ воды, заключенной въ свинцовомъ шарѣ, сжимаемомъ ударами молота или давленіемъ пресса. При сильномъ сжатіи вода выступала какъ роса на поверхности свинца.

Изъ физическихъ вопросовъ два въ особенности были предметомъ внимательнаго разсмотрѣнія Бекона: вопросъ о количествѣ матеріи и сравнительной плотности тѣлъ и вопросъ о взаимномъ дѣйствіи тѣлъ, находящихся на разстояніи одно отъ другаго. Ознакомимся съ идеями Бекона.

Извѣстно, что въ курсахъ химіи, особенно у насъ, принято говорить о законѣ постоянства или „вѣчности" матеріи, служащемъ, какъ принято выражаться, научнымъ основаніемъ всей химіи. Законъ чествуется, какъ великое открытіе Лавуазье, съ конца прошлаго вѣка завѣщанное имъ его преемниками нынѣшняго вѣка. Лавуазье иногда приписываютъ, даже выраженіе: „dans la nature rien ne se crée, rien ne se perd". Все это совершенно не точно. Лавуазье такой формулы не выражалъ и закона вѣчности матеріи не открывалъ. Формула была извѣстна съ древности, по отношенію къ естественному порядку вещей всегда считалось очевидностію, а „законъ" высказанъ былъ въ XVII вѣкѣ Бекономъ и не есть слѣдовательно пріобрѣтеніе новаго

[1]) ..."Ut tollatur omnimo systema et sparguntur globi, secundum eos quos jam nominavimus". Рѣчь идетъ о школѣ Демокрита и Эпикура.

Библиотека "Руниверс"

времени. Демокритъ, слагая міръ изъ отдѣльныхъ неизмѣняемыхъ атомовъ, говорилъ: ничто не происходитъ изъ ничего, ничто не исчезаетъ. Ничто изъ ничего не создается, ничто не разрушается, но формы вещей измѣняются постоянно,—писалъ чрезъ нѣсколько вѣковъ Филонъ Александрійскій, обращая это положеніе противъ ученія о твореніи міра, которому онъ приписывалъ вѣчность.

Къ вопросу о количествѣ матеріи Бекономъ обращался неоднократно. „Ничего нѣтъ, говорилъ онъ (N. Org. II, aph. XL; W. II, 485) истиннѣе въ природѣ, какъ двойное положеніе: ничто изъ ничего не дѣлается, ничто не уничтожается. Истинное количество матеріи или полная ея сумма остается постоянною, не увеличиваясь и не уменьшаясь [1]). Столь же справедливо и слѣдующее: изъ этого количества въ разныхъ тѣлахъ, при томъ же объемѣ, содержится матеріи болѣе или менѣе. Такъ вода содержитъ ея болѣе, чѣмъ воздухъ. И если бы кто сказалъ, что данное содержаніе воды можно обратить въ такое же содержаніе воздуха, тотъ сказалъ бы, что можно нѣкоторое количество матеріи обратить въ ничто; или наоборотъ, если бы кто сталъ утверждать, что данное содержаніе воздуха можно обратить въ такое же содержаніе воды, тотъ сказалъ бы, что изъ ничего можно произвести что либо [2]). Именно отъ обилія и бѣдности матеріи отвлечены понятія плотнаго и рѣдкаго (densi et rari), которыя такъ разно и сбивчиво понимаются. Третье положеніе столь же вѣрное—то, что больше или меньше матеріи въ данномъ тѣлѣ можетъ быть по сравненію

---

[1]) „Etenim nil verius in natura quam propositio illa gemella: ex nihilo nihil fieri neque quisquam in nihilum redigi. Verum quantum ipsum materiae sive summam totalem constare nec augeri aut minui".

[2]) „Adeo ut si quis asserat, aliquid *contentum* aquae in par contentum aeris verti posse idem sit ac si dicat, aliquid posse redigi in nihilum" и т. д. Мы перевели слово *contentum*—содержаніе, чтобы придать неопредѣленность выраженію. Представленіе Бекона неясно и если подъ contentum разумѣть объемъ—какъ, повидимому, разумѣлъ Беконъ,—ошибочно; при извѣстныхъ условіяхъ температуры и давленія данный объемъ жидкости можетъ быть обращенъ въ такой же объемъ парообразнаго состоянія того же матеріала (въ воздухъ по терминологіи эпохи Бекона).

Библиотека "Руниверс"

измѣрено съ точностію или по крайней мѣрѣ съ значительнымъ приближеніемъ. Такъ, много не ошибемся, если скажемъ, что въ данномъ объемѣ золота столько матеріи, что спиртъ долженъ бы былъ занимать объемъ въ двадцать одинъ разъ большій, дабы представить такое-же количество матеріи... Содержаніе и пропорція матеріи ощутимо обозначается чрезъ вѣсъ. Ибо вѣсъ соотвѣтствуетъ количеству матеріи, по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ осязаемымъ частямъ тѣлъ: тонкое вещество—spiritus и его матеріальное количество не обозначается вѣсомъ; оно скорѣе облегчаетъ, чѣмъ отягчаетъ тѣло“. Бекономъ упоминаетъ далѣе о составленной имъ таблицѣ плотностей различныхъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ (таблица находится въ особомъ сочиненіи Бекона „Historia densi et rari“) и описываетъ опытъ, помощію котораго онъ стремился опредѣлить плотность пара виннаго спирта сравнительно съ жидкимъ его состояніемъ. Беконъ бралъ стеклянную банку съ довольно узкимъ горлышкомъ, наполнялъ ее всю спиртомъ; затѣмъ бралъ довольно объемистый пузырь, сжималъ его такъ, чтобы выгнать изъ него по возможности воздухъ: вводилъ горлышко внутрь пузыря и крѣпко обязывалъ мѣсто прикосновенія пузыря съ горлышкомъ. На вѣсахъ опредѣлялся точный вѣсъ всего снаряда. Затѣмъ сосудъ нагрѣвался; отдѣлявшійся паръ спирта входилъ чрезъ горлышко въ пузырь и раздувалъ его. Тогда сосудъ снимался съ очага и ставился на коверъ, чтобы не треснулъ отъ быстраго охлажденія. Раздутый пузырь прокалывался; паръ выходилъ и стѣнки пузыря вновь спадались. Снарядъ опять взвѣшивался. Потеря вѣса обозначала количество жидкости, обратившееся въ паръ. Зная плотность жидкаго спирта, то-есть вѣсъ при опредѣленномъ объемѣ, и объемъ пузыря, можно было разсчитать, во сколько разъ объемъ спирта увеличивается при обращеніи въ паръ. Беконъ нашелъ, что увеличеніе происходитъ во сто приблизительно разъ (N. Org. II. aph. XL).

Въ „Historia densi et rari“ Беконъ свое ученіе о вѣсомой и невѣсомой матеріи излагаетъ такъ. Вѣсомая матерія—это ощутимыя части тѣла, partes rei tangibiles, corpora tangibilia. Таковы твердыя и жидкія тѣла. Другой классъ матеріи—пневматическій, classis pne-

Библиотека "Руниверс"

umaticorum („Hist. dens". W. II, 541). Пневматическія тѣла не имѣютъ вѣса, по которому можно было бы заключить о количествѣ содержащейся въ нихъ матеріи. Пневматическія тѣла трехъ родовъ; несовершенныя (inchoata), связанныя (devincta) и чистыя (pura). Несовершенныя суть разные дымы (fumi) и истеченія изъ тѣлъ; связанныя—spiritus, тонкое вещество, заключенное въ тѣлахъ и притомъ двоякой натуры: spiritus crudi во всѣхъ ощутимыхъ тѣлахъ, spiritus vivi въ растеніяхъ и въ животныхъ. Наконецъ чистыя пневматическія тѣла суть воздухъ (газы) и пламя.

„Заключенное въ каждомъ ощутимомъ неодушевленномъ тѣлѣ тонкое вещество, spiritus, говоритъ Беконъ (N. Org. II, aph. XL) во-первыхъ множится и какъ бы поѣдаетъ ощутимыя части, къ тому наиболѣе готовыя, ихъ какъ бы перевариваетъ, преобразуетъ, обращаетъ въ spiritus, и вмѣстѣ потомъ улетаютъ. И это новообразованіе тонкаго вещества обнаруживается уменьшеніемъ вѣса" [1]). Интересное мѣсто, свидѣтельствующее, что Беконъ допускалъ преобразованіе вѣсомой матеріи въ невѣсомую. И воздухъ, относящійся, къ pneumatica pura, по Бекону, не имѣетъ вѣса. Беконъ основалъ заключеніе на томъ, что пузырь сжатый вѣситъ столько же сколько раздутый, наполненный воздухомъ. Vesica inflata non est vacua et compressa levior cum sit tamen repleta aere (W. II, 542; „Hist. densi"). О примѣненіи закона Архимеда къ воздуху Беконъ представленія не имѣлъ.

Таково ученіе Бекона о количествѣ матеріи и его измѣреніи, представляющее смѣсь здравыхъ сужденій съ научными заблужденіями эпохи.

Въ другомъ своемъ сочиненіи „Мудрость древнихъ" („De Sapientia Veterum", 1609 г.) Беконъ, истолковывая басни древней миѳологіи, какъ облеченіе въ аллегорическую форму различныхъ положеній

---

[1]) „Etenim in omni corpore tanglibi inanimato, spiritus inclusus primo multiplicat se, et tanquam depascet partes tangibiles eas, quae sunt maxime ad hoc faciles et praeparatae; eas que digerit et conficit et vertit in spiritum, et deinde una evolant. Atque haec confectio et multiplicatio spiritus deducitur ad sensum per diminutionem ponderis".

Библиотека "Руниверс"

изъ области философіи природы и нравственности, возвращается къ вопросу о вѣчности матеріи, и не только съ научной, но и съ богословской точки зрѣнія (попытка, вызвавшая негодованіе Жозефа де Местра). „Небо,—говоритъ Бекон,—по словамъ поэтовъ, древнѣйшій изъ боговъ, Сатурнъ, его сынъ, косой отрѣзалъ его органы плодородія. Сынъ этотъ имѣлъ затѣмъ много дѣтей, но пожиралъ ихъ тотчасъ послѣ рожденія. Наконецъ, Юпитеръ первый ускользнулъ отъ его жадности. Придя въ возрастъ, Юпитеръ свергъ Сатурна въ тартаръ и занялъ его тронъ". Затѣмъ слѣдовали столкновенія Юпитера съ Титанами, которыхъ онъ побѣдилъ при помощи солнца, и съ Исполинами, разсѣянными молніей. „Эта басня,—поясняетъ Бекон,—есть родъ загадки, облекающей ученіе, принятое потомъ Демокритомъ, который первый осмѣлился утверждать вѣчность матеріи и отрицать вѣчность міра. Въ этомъ онъ болѣе другихъ приблизился къ истинѣ, открытой намъ божественнымъ словомъ, ибо мы читаемъ въ Писаніи, что прежде шести дней творенія матерія была, но безформенная и смутная. Вотъ какой смыслъ этой басни. Небо есть громадная вогнутость, облекающая всю совокупность матеріи. Сатурнъ есть эта матерія, полное количество которой всегда одно и то же и не подлежитъ увеличенію или уменьшенію. Неправильныя движенія и волненія матеріи производили въ началѣ несовершенныя, несвязныя, смутныя скопленія. Это были только первыя попытки мірообразованія, но съ теченіемъ времени образовалось правильное и устойчивое цѣлое. Первый періодъ означенъ царствомъ Сатурна; и когда поэтъ говоритъ, что онъ пожиралъ своихъ дѣтей—это означаетъ разложеніе первыхъ скопленій и ихъ малую продолжительность. Второй представляетъ царство Юпитера, который всѣ эти измѣнчивыя формы и скопленія отправилъ въ тартаръ, имя котораго означаетъ волненіе и смуту. Мѣсто это занимаетъ, повидимому, пространство между нижней областью небесъ и внутренностью земли и занято всѣмъ, что измѣнчиво, преходяще, подвержено разрушенію. Сатурнъ, хотя и лишенный трона, не умеръ и, по мнѣнію Демокрита, міръ можетъ еще впасть въ древній хаосъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть родъ междуцарствія".

Библиотека "Руниверс"

Съ своей стороны Бекон̀ъ принималъ, что въ книгѣ Бытія говорится о созданіи міра, а не матеріи или хаоса, „но христіанская догма,—прибавляетъ онъ,—дополнила, что и матерія есть твореніе Бога, создателя всего сущаго, а не устроителя только міра. Древнимъ недоступна была идея о созданіи чего либо изъ ничего“.

Большаго вниманія заслуживаютъ соображенія Бекона о тяжести, характеризующія понятія эпохи, предшествовавшей Ньютону. „Пусть, говоритъ онъ (N. Org. II, aph. XXXV; W. II, 479), изслѣдуемая природа есть тяжесть. Общепринято раздѣленіе, что тѣла плотныя и твердыя несутся къ центру земли, рѣдкія и тонкія въ окружности неба—какъ къ мѣстамъ имъ принадлежащимъ. Что касается такого мнѣнія о мѣстахъ какую бы цѣну ни придавали ему въ школахъ, то оно нелѣпое и ребяческое: какъ будто мѣсто имѣетъ какую-нибудь мощь (locum aliquod posse). Шутятъ философы, когда говорятъ, что будь земля насквозь прорыта, то тяжелое тѣло, придя въ центръ, тамъ бы осталось. Это значитъ приписывать силу и дѣйствіе нѣкоторому ничто, математическому пункту, а тѣло можетъ испытывать дѣйствіе лишь отъ другаго тѣла. Стремленія къ восхожденію и нисхожденію могутъ заключаться или въ строеніи движущагося тѣла (in schematismo corporis quod movetur) или въ симпатіи и согласіи съ другимъ тѣломъ. И если найдено будетъ тѣло плотное и твердое, которое тѣмъ не менѣе не несется къ землѣ, упомянутое дѣленіе разрушится само собою. Но если принять мысль Гильберта, что магнитная сила земли, обнаруживающаяся притяженіемъ къ ней тяжелыхъ тѣлъ, простирается, какъ всѣ такого рода дѣйствія, лишь до извѣстнаго предѣла и не далѣе, и это оправдалось бы какими либо фактами, то мы имѣли бы случай „instantiae foederis“, по отношенію къ этому предмету. Мнѣ, впрочемъ, не представляется какого либо яснаго и достовѣрнаго случая, подтверждающаго это. Ближе всего случай тромбъ, наблюдаемыхъ мореплавателями на Антлантическомъ океанѣ близъ Западной Индіи (per oceanum Atlanticum versus Indias). Сила и масса водъ вдругъ изливаемыхъ такимъ катарактомъ такъ велика, что приходитъ на мысль—не образовалось ли такое скопленіе водъ прежде и не пребывало

Библиотека "Руниверс"

ли на высотѣ, будучи потомъ насильственно двинуто и брошено внизъ какою либо причиною, а не падая по своей тяжести. Можно думать, что большая плотная масса, помѣщенная на значительномъ разстояніи отъ земли, должна такъ и оставаться висящею, какъ сама земля, не падая, пока не брошена насильно. Впрочемъ утверждать этого не рѣшаемся. И въ этомъ и въ другихъ случаяхъ ясно обнаруживается, какъ еще не совершенна наша естественная исторія, ибо вмѣсто достовѣрныхъ фактовъ можетъ предлагать лишь предположенія...

„Два могутъ быть предположенія, говоритъ далѣе Бекон (aph. XXXVI; W., II, 481). Или тяжелыя тѣла по природѣ своей, вслѣдствіе внутренняго строенія (ex natura sua, perproprium schematismum) своего стремятся къ центру земли, или притягиваются тѣлесною массой земли, какъ соединеніемъ тѣлъ одной природы, и несутся къ ней по сродству. Если справедливо послѣднее, то чѣмъ болѣе приближается тяжелое тѣло къ землѣ, тѣмъ сильнѣе и съ большимъ стремленіемъ несется. А чемъ дальше отстоитъ, тѣмъ слабѣе и медленнѣе, подобно какъ въ случаѣ магнитныхъ притяженій. Но это до извѣстнаго разстоянія, а если удалено будетъ за это разстояніе, то останется повѣшеннымъ, какъ сама земля, и падать не будетъ. По отношенію къ плотному предмету можетъ быть сдѣлано такое испытаніе. Возьмемъ двое часовъ, одни изъ числа движимыхъ свинцовою гирей, другіе изъ тѣхъ, кои движутся сжатіемъ (per compressionem) желѣзной пружины. Свѣримъ ихъ такъ, чтобы одни отъ другихъ не отставали и не уходили впередъ. Помѣстимъ часы, движимые гирей, на верху какого нибудь высокаго зданія (alicujus templi altissimi), а другіе оставимъ внизу. Станемъ наблюдать, не будутъ ли верхніе отставать вслѣдствіе уменьшенія силы вѣса (per deminutam virtutem ponderum). Потомъ сдѣлаемъ опытъ въ глубинѣ рудника, далеко подъ землей. Не будутъ ли часы идти скорѣе чѣмъ обыкновенно, вслѣдствіе увеличенія силы вѣса. Если дѣйствительно найдемъ, что сила вѣса уменьшается на высотѣ и увеличивается въ подземныхъ мѣстахъ, то должны будемъ принять за причину вѣса притяженіе тѣлесною массой земли (recipiatur pro causa ponderis attractio a massa corporea terrae)".

Библиотека "Руниверс"

Въ „De augmentis“ (Lib. III, cap. 4; W. II, 334), говоря о разныхъ задачахъ физики, Бекон̀ъ упоминаетъ о „силѣ удерживающей нѣкоторыя планеты на опредѣленномъ разстояніи отъ солнца“,—„de alligatione quarundam planetarum ad distantiam certam a sole“.

Вообще о притяженіяхъ на разстояніи Бекон̀ъ говоритъ такъ (N. Org. II, aph. XLV; W., 488): „Многія силы (virtutes) дѣйствуютъ при непосредственномъ прикосновеніи. Такъ, въ случаѣ удара одно тѣло подвигаетъ другое, лишь когда ударяющее касается ударяемаго. Но есть другія силы, которыя дѣйствуютъ на разстояніи (aliae virtutes quae operantur ad distantiam). Изъ нихъ извѣстны пока немногія, хотя ихъ больше чѣмъ полагаютъ. Такъ—беремъ изъ числа самыхъ извѣстныхъ—янтарь и агатъ (gagates) притягиваютъ соломенки; пузыри жидкости, приближенныя одинъ къ другому, разрѣшаются взаимно (bullae approximatae solvent bullas); нѣкоторыя чистительныя притягиваютъ соки сверху (eliciunt humores ex alto) и т. п. Далѣе, магнитная сила чрезъ которую магнитъ и желѣзо или два магнита притягиваются взаимно. Здѣсь дѣйствіе происходитъ въ предѣлахъ опредѣленнаго, малаго круга. Но магнитная сила, выходящая изъ самой земли и дѣйствующая на желѣзную стрѣлку, дѣйствуетъ,—по крайней мѣрѣ относительно направленія—на большомъ разстояніи. Наконецъ, если есть нѣкоторая магнитная сила, дѣйствующая по сродству (per consensum) между земнымъ шаромъ и тяжелыми тѣлами, также между шаромъ луны и водами моря — что чрезвычайно вѣроятно въ приливахъ и отливахъ,—также между звѣзднымъ небомъ и планетами, привлекаемыми каждая къ своему апогею (inter coelum stellatum et planetas, per quam evocentur et attolantur ad sua apogaea), то все это происходитъ на большихъ разстояніяхъ“.

Въ афоризмѣ XLVIII (L. II; W. II, 494), какъ на примѣръ дѣйствія на разстояніи (coitio in distans), Бекон̀ъ указываетъ на взаимное стремленіе золота и ртути и утверждаетъ, что работники, имѣющіе дѣло со ртутью и ея парами, берутъ для предохраненія себя, въ ротъ кусочекъ золота, которое скоро оказывается побѣлѣвшимъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ сочиненіи „De principiis atque originibus“ (W. II, 689) любопытно упоминаніе объ объясненіи—Бекономъ приписываетъ объясненіе Демокриту—движенія вверхъ легкаго тѣла, погруженнаго въ болѣе тяжелую среду, вслѣдствіе давленія или выпиранія со стороны этой послѣдней. „Демокритъ два рода движенія—нисхожденіе тяжелыхъ и восхожденіе легкихъ тѣлъ (которое онъ объяснялъ чрезъ толчки и удареніе болѣе тяжелыхъ, гонящихъ менѣе тяжелыя кверху—per plagam sive percussionem magis gravium pellendo minus gravia in superius) приписалъ, заимствовавъ ихъ отъ большихъ тѣлъ, атомамъ, какъ примитивныя“.

X. *Послѣднее, неоконченное сочиненіе Бекона, „Новая Атлантида“.* Сочиненіе это, въ англійскомъ и латинскомъ текстѣ, увидѣло свѣтъ уже по смерти автора. Оно относится къ тому же разряду какъ „Утопія“ Моруса, „Республика“ Платона. Въ немъ изображаются, какъ бы осуществленныя, мечтательныя предположенія автора о наилучшемъ устройствѣ нѣкотораго союза людей, помѣщеннаго на несуществующемъ блаженномъ островѣ Бензалемѣ. Въ томъ что Беконъ успѣлъ написать и что издано послѣ его смерти, интересъ сосредоточенъ на Соломоновомъ Домѣ, научномъ учрежденіи, играющемъ громадную роль въ жизни Бензалема. Подробностей общественнаго быта и политическаго устройства страны Беконъ коснуться не успѣлъ. Повидимому, имѣлось въ виду изобразить общественный союзъ, построенный на основѣ научныхъ знаній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то центральное положеніе какое придано Соломонову Дому. Не претендуя на такую роль, какая придана этой воображаемой академіи живою фантазіею философа, ученыя общества, возникшія въ XVII вѣкѣ, охотно усматривали, особенно въ Англіи, въ Соломоновомъ Домѣ свой идеальный прототипъ. А въ нынѣшнемъ столѣтіи Оуэнъ (Owen) въ президентской рѣчи на съѣздѣ Британской Ассоціаціи въ 1858 году, сближалъ это учрежденіе съ завѣтами Соломонова Дома, высказанными въ „Новой Атлантидѣ“ Ознакомимся съ содержаніемъ любопытнаго произведенія. „Мы плыли“,—начинаетъ Беконъ свой разсказъ, прямо входя въ матерію,—„изъ Перу, гдѣ прожили

Библиотека "Руниверс"

въ теченіе цѣлаго года и направлялись по Тихому океану въ Китай и Японію. Пять мѣсяцевъ вѣтеръ, хотя и довольно слабый, дулъ по пути съ востока, но потомъ повернулъ и надолго сталъ западнымъ. Мы подвигались крайне медленно, не разъ хотѣли даже вернуться въ Перу, но наконецъ поднялся вѣтеръ съ юга и юго-востока и погналъ насъ на сѣверъ. Припасы, какъ ни берегли мы ихъ, совсѣмъ истощились. Мы сочли себя погибшими и готовились къ смерти. Однажды весь экипажъ сталъ на молитву, вознося сердца къ Всевышнему, нашему единственному и послѣднему прибѣжищу. На другой день вечеромъ увидѣли мы на нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу, у самаго горизонта, темное пятно въ родѣ густаго неподвижнаго облака. Полагая, что это можетъ-быть земля, мы пріободрились. На этомъ обширномъ, еще почти невѣдомомъ, морѣ могли быть не только острова, но и цѣлые материки, еще не открытые. Мы всю ночь держали путь на ту точку гдѣ, повидимому, показалась земля. На разсвѣтѣ ясно увидѣли землю, отлогую, покрытую лѣсомъ: это и было причиной темнаго пятна, усмотрѣннаго нами вчера. Поднявъ паруса мы часа чрезъ полтора вошли въ портъ, показавшійся намъ весьма надежнымъ. Онъ примыкалъ къ городу довольно обширному, красивой наружности, особенно со стороны моря."

Прибывшіе хотѣли уже съѣхать на берегъ, но показавшіеся на берегу нѣсколько жителей, махая палками, впрочемъ безъ угрозы, дѣлали знаки, чтобы не съѣзжали съ корабля. Скоро отъ берега отдѣлилась лодка съ восемью гребцами и пассажиромъ, который держалъ въ рукѣ свитокъ съ какимъ-то надписаніемъ. Лодка пристала къ кораблю, державшій свитокъ поднялся на бортъ. На свиткѣ былъ написанъ приказъ на древнемъ еврейскомъ, на греческомъ, на латинскомъ и испанскомъ языкахъ. Приказъ гласилъ, что никто съ корабля не долженъ сходить на берегъ и что кораблю дозволяется остаться въ бухтѣ шестнадцать дней, буде не послѣдуетъ особаго разрѣшенія. Если, однако, прибывшіе имѣютъ нужду въ прѣсной водѣ, въ припасахъ, лѣкарствахъ и какой-либо помощи, то пусть заявятъ: все будетъ удовлетворено. Прибывшіе отвѣчали по-испански, что

Библиотека "Руниверс"

нуждаются болѣе всего въ помощи больнымъ, которыхъ просятъ позволенія свезти на берегъ. Со своей стороны заявили, что готовы предложить жителямъ товары, привезенные на кораблѣ. Посланный отплылъ за отвѣтомъ на берегъ. Часа черезъ три прибыло на корабль новое лицо, повидимому чиновное, въ голубой мантіи съ широкими рукавами, съ изящнымъ тюрбаномъ, въ родѣ турецкаго, на головѣ. чиновникъ этотъ громко спросилъ по-испански: христіане ли прибывшіе, и клянутся ли, что они не пираты. Послѣ удовлетворительнаго отвѣта онъ сообщилъ о дозволеніи свезти на берегъ больныхъ, которые будутъ приняты въ госпиталь. Прибывшіе поспѣшили воспользоваться дозволеніемъ. Госпиталь оказался превосходно устроеннымъ. Директоръ госпиталя былъ крайне внимателенъ и охотно вступалъ въ разговоръ. Отъ него узнали, что островъ, куда попали, именуется Бензалемъ; что жители его чрезъ чудное явленіе были вскорѣ послѣ вознесенія Спасителя обращены въ христіанство апостоломъ Варѳоломеемъ. Обезпечивъ такою принадлежностью къ христіанству единеніе понятій воображаемаго Бензалема съ европейскимъ міромъ, авторъ *Новой Атлантиды* (W. I, 206; II, 729) влагаетъ въ уста директора госпиталя повѣствованіе объ исторіи Бензалема съ древнѣйшихъ временъ. „Три тысячи лѣтъ тому назадъ“, говорилъ директоръ госпиталя, „мореплаваніе, особенно по отношенію къ отдаленнымъ путешествіямъ было много болѣе распространено, чѣмъ нынѣ. Не думайте, что я не знаю сколько совершено у васъ плаваній въ въ послѣдніе сто двадцать лѣтъ и однако, повторяю, тогда ихъ было много болѣе. Можетъ быть, увѣренность съ какою предпринимались плаванія придало людямъ сохраненіе отъ всемірнаго потопа остатковъ человѣческаго рода въ ковчегѣ, или были другія тому причины, но было такъ какъ говорю. Финикіяне и въ особенности жители Тира имѣли большой флотъ, какъ и Карѳагенцы, самая западная ихъ колонія. А на востокѣ Египетъ и Палестина владѣли громаднымъ количествомъ судовъ. Процвѣтало мореплаваніе въ Китаѣ и въ Великой Атлантидѣ, именуемой нынѣ Америкой. Бензалемъ, въ свою очередь, имѣлъ болѣе полутора тысячи судовъ, плававшихъ по всему міру, входившихъ

Библиотека "Руниверс"

чрезъ Геркулесовы Столбы въ Средиземное море, достигавшихъ на одномъ концѣ Балтики, на другомъ—Восточной Татаріи". Но на Великой Атлантидѣ произошла страшная катастрофа. Громадное наводненіе, продолжавшееся очень долгое время, покрыло страну водой, уничтожило людей и животныхъ. Только нѣсколько дикихъ племенъ спаслось на горахъ Атлантиды, тогда страны малонаселенной. Это роковое наводненіе произошло, гласило повѣствованіе, около тысячи лѣтъ спустя послѣ всеобщаго потопа.

Въ эпоху, когда совершилась катастрофа на Атлантидѣ, на Бензалемѣ правилъ монархъ, оставившій по себѣ неизгладимую память. Имя его было Соломона [1]). Онъ далъ мудрые законы и основалъ учрежденіе, составляющее главную особенность Бензалема. Учрежденіе это „Домъ Соломона" или „Коллегія шести дней творенія". Кромѣ этого учрежденія, о которомъ повѣствователь не счелъ еще себя въ правѣ распространяться, Соломона далъ странѣ тотъ характеръ, какой она сохранила чрезъ вѣка. Основное начало—незнаніе иноземцевъ, но иного рода чѣмъ китайское. Жители Бензалема не допускаютъ къ себѣ иностранцевъ, хотя и готовы оказать помощь судамъ, случайно приплывающимъ къ его берегамъ. Если же допустятъ, то уговариваютъ остаться и даютъ обезпеченіе. По уединенности острова къ нему приходитъ немного судовъ и почти всѣ приставшіе, плѣняясь мѣстностью и порядкомъ страны, остаются навсегда на островѣ. Немногіе уѣхавшіе не могли разнести по свѣту свѣдѣній о Бензалемѣ и островъ оставался невѣдомымъ остальному міру. Со своей стороны Бензалемцы каждыя двѣнадцать лѣтъ снаряжаютъ экспедиціи изъ членовъ Соломонова Дома, которыя ѣздятъ по свѣту, не обнаруживая своего званія и своего отечества, и привозятъ свѣдѣнія о всѣхъ успѣхахъ знанія, достигнутыхъ въ образованномъ мірѣ, не остающихся такимъ образомъ чуждыми обитателямъ блаженнаго острова.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды въ городѣ былъ замѣчательный праздникъ. Онъ назывался *праздникомъ семейства*. Человѣкъ, проживший достаточно, чтобъ имѣть тридцать потомковъ: дѣтей, внуковъ, правнуковъ, находящихся въ живыхъ и каждый свыше трех-

[1]) Salomona по латинскому, Solomona по англійскому тексту.

Библиотека "Руниверс"

лѣтняго возраста, имѣетъ по законамъ Бензалема право на такое торжество. За два дня до праздника такой глава семьи, именуемый на языкѣ страны Тирзанъ, приглашаетъ трехъ друзей и собираетъ всю свою семью. Всѣ члены ея обязаны присутствовать на торжествѣ. Въ эти два дня улаживаются по возможности всѣ семейныя дѣла. На собраніи присутствуетъ губернаторъ города и поддерживаетъ своимъ вліяніемъ рѣшенія Тирзана. Въ день праздника, послѣ богослуженія, Тирзанъ садится среди площади, на возвышеніи. Вся семья окружаетъ его стоя. Народъ толпится вокругъ. Появляется герольдъ, сопровождаемый двумя пажами и несущій грамоту отъ имени главы государства, заключающую въ себѣ почетное привѣтствіе виновнику торжества и назначеніе пенсіи и разныхъ привилегій. На грамотѣ значится: „нашему любезному кредитору", ибо глава государства „считаетъ себя по истинѣ должникомъ тѣхъ, кто содѣйствуетъ умноженію и распространенію его подданныхъ". За торжествомъ поднесенія грамоты слѣдуетъ обѣдъ. Тирзанъ садится за отдѣльнымъ столомъ. Никто изъ семьи не имѣетъ права раздѣлять съ нимъ трапезу. Исключеніе допускается лишь для члена Соломонова Дома. Праздникъ заключается музыкой и танцами.

Вскорѣ послѣ этого праздника, прибывшіе были свидѣтелями новаго, небывалаго торжества. Въ городъ прибылъ и имѣлъ торжественный въѣздъ одинъ изъ членовъ Соломонова Дома. Двѣнадцать лѣтъ ни одинъ изъ членовъ этого учрежденія не посѣщалъ города. Почетный гость былъ въ бѣлой рясѣ, покрытой сверху черною мантіей съ широкими рукавами; на пальцахъ кольца съ драгоцѣнными камнями, обувь изъ фіолетоваго бархата. Онъ былъ среднихъ лѣтъ; выраженіе лица нѣсколько меланхолическое, исполненное нѣжнаго состраданія. Авторъ разказа имѣлъ счастіе бесѣдовать съ прибывшимъ, который охотно сообщилъ подробности объ устройствѣ и богатствахъ Соломонова Дома. „Цѣль нашего учрежденія, сказалъ онъ,—есть познаніе причинъ и внутреннихъ движеній вещей, а также распространеніе власти человѣка надъ природой до предѣловъ возможнаго". Число членовъ болѣе тридцати. На двѣнадцати лежитъ обязанность путешествовать по иностраннымъ землямъ (скрывая свое

Библиотека "Руниверс"

званіе и происхожденіе) и привозить машины, инструменты, модели, коллекціи, свѣдѣнія объ опытахъ и наблюденіяхъ. Это — „торговцы свѣтомъ". Трое выбираютъ изъ книгъ опыты, которые тамъ описаны; трое другихъ собираютъ наблюденія и опыты въ области ремеслъ и искусствъ; еще трое указываютъ недостающіе опыты, которые полезно было бы произвести; трое составляютъ сводныя таблицы собранныхъ и предполагаемыхъ опытовъ; трое обсуждаютъ смыслъ опытовъ и соображаютъ ихъ возможныя приложенія къ практическимъ цѣлямъ; трое изобрѣтаютъ новые опыты, помощію которыхъ можно было бы глубже проникнуть въ тайны природы; трое изучаютъ эти опыты и дѣлаютъ о нихъ докладъ. Наконецъ есть члены, „истолкователи природы", которые, основываясь на совокупности произведенныхъ наблюденій и опытовъ, дѣлаютъ обобщенія и выводятъ общія начала.

Всѣ члены сносятся между собою, помогаютъ другъ другу взаимно совѣтами и имѣютъ собранія для совокупнаго сужденія возникшихъ научныхъ вопросовъ. Кромѣ членовъ, при учрежденіи находятся ученики и послушники и значительное количество прислуги обоего пола.

Ученыя богатства Соломонова Дома его членъ описывалъ такимъ образомъ (приводимъ повѣствованіе въ главныхъ чертахъ).

„Есть у насъ, говорилъ онъ,—глубокія и обширныя пещеры на разной глубинѣ; глубочайшія до шести сотъ сажень (fathom; orgyas) нѣкоторыя подъ высокими горами. Мы зовемъ ихъ подземнымъ царствомъ и производимъ тамъ опыты надъ свертываніемъ, отвердѣніемъ, охлажденіемъ, сохраненіемъ тѣлъ. Пользуемся ими также, чтобы подражать минераламъ и естественнымъ ископаемымъ, а также, чтобы производить искусственно новые металлы помощію составовъ для того приготовленныхъ и лежавшихъ въ этихъ подземеліяхъ многое число лѣтъ. Наконецъ, подземелья эти служатъ, — что можетъ показаться удивительнымъ, — чтобъ исцѣлять нѣкоторыя болѣзни и чтобы продлить жизнь людей, родъ пустынниковъ, рѣшившихся обитать въ въ этихъ мѣстахъ. Будучи снабжены всѣмъ необходимымъ, эти лица отличаются живучестію, и мы много узнаемъ отъ нихъ, чего не могли

Библиотека "Руниверс"

бы узнать инымъ способомъ. Есть высокія башни—высочайшія до полумили высотой (half a mile in height; usque at altitudinem semimilliaris). (Выше башни Эйфеля). Нѣкоторыя нарочно выстроены на высокихъ горахъ. Мы пользуемся ими для нагрѣванія подъ прямымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, для охлажденія, сохраненія и для наблюденія метеоровъ, какъ вѣтры, дождь, снѣгъ, градъ и прочіе, а также для наблюденія нѣкоторыхъ огненныхъ метеоровъ. На нѣкоторыхъ башняхъ также живутъ пустынники, которыхъ мы посѣщаемъ отъ времени до времени. Мы даемъ имъ наставленіе, что должны они преимущественно наблюдать. Есть озера, какъ съ соленою такъ и съ прѣсною водой, для разведенія рыбъ и водяныхъ птицъ всякаго рода. Въ глубинѣ нѣкоторыхъ помѣщаемъ естественныя тѣла, которыя, оставаясь тамъ много лѣтъ, доказываютъ, что погруженныя въ глубинѣ тѣла претерпѣваютъ иныя измѣненія, чѣмъ тѣла, зарытыя въ землю и помѣщенныя въ подземномъ воздухѣ. Есть потоки и водопады, служащіе сильными двигателями, а также машины, приводимыя въ движеніе вѣтромъ или служащія къ тому, чтобъ увеличивать его дѣйствіе. Онѣ служатъ къ произведенію движеній разнаго рода. Есть колодцы и искусственные фонтаны, подражающіе источникамъ минеральныхъ водъ. Наши воды также насыщены разными минеральными веществами, какъ сѣра, купоросъ, желѣзо, сталь, мѣдь, свинецъ, селитра и т. д. Есть другіе колодцы и малые резервуары для разнаго рода настоевъ. Въ нихъ вода быстрѣе и сильнѣе насыщается разными веществами, принимая ихъ свойства, чѣмъ въ малыхъ сосудахъ обыкновенно употребляемыхъ для настоевъ. Этимъ путемъ мы получаемъ жидкость, называемую нами „райскою водицею“, чрезвычайно полезную для сохраненія здоровья и продленія жизни. Въ весьма обширныхъ и возвышенныхъ помѣщеніяхъ мы подражаемъ разнаго рода метеорамъ, какъ снѣгъ, градъ, дожди искусственные изъ разныхъ тѣлъ, громъ, молнія, а также рожденіе насѣкомыхъ и разныхъ мелкихъ животныхъ въ воздухѣ, а именно, лягушекъ, жабъ, мухъ, саранчи и проч. Есть у насъ госпитали, больницы, называемыя „комнатами здоровья“, гдѣ мы можемъ по произволу измѣнять воздухъ, придавая ему качества,

Библиотека "Руниверс"

способствующія исцѣленію или просто поддержанію здоровья. Имѣемъ обширныя бани и ванны съ водой, насыщенною разными веществами или для исцѣленія болѣзней, или для умягченія тѣла, для приданія силы нервамъ, кишкамъ и вообще твердымъ и жидкимъ частямъ тѣла. Есть у насъ обширные грунты и сады для разведенія и улучшенія растеній. Есть парки и звѣринцы для всякаго рода звѣрей и птицъ. Воспитываемъ ихъ не для одной рѣдкости, но чтобъ имѣть экземпляры для сравнительной анатоміи. Мы не рѣшаемся ни на одну операцію съ человѣкомъ, не сдѣлавъ ее предварительно и многосторонне надъ животными. Искусствомъ достигаемъ того, чтобы развить ростъ животныхъ или чтобъ остановить его. Производимъ многочисленныя разновидности.

„Не хочу, продолжалъ членъ Соломонова Дома, — задержать тебя разказомъ, какія у насъ пивоварни, погреба, пекарни и кухни, гдѣ готовятся разныя питія, хлѣба, кушанья, рѣдкія и особыхъ свойствъ. Есть у насъ виноградныя вина, есть вина изъ разныхъ соковъ, есть плодовки, зерновки, корневки; разныя пива съ медомъ, сахаромъ, плодами; настойки изъ древесныхъ слезокъ, и камышевой сердцевины. И все это разныхъ лѣтъ, есть такія, что лѣтъ за сорокъ. Имѣются разныя механическія производства и способы, вамъ неизвѣстные, для приготовленія бумаги, полотна, шелковыхъ и другихъ тканей и даже тканей изъ перьевъ поразительнаго блеска. Имѣемъ печи для теплоты возвышенной и быстрой, сильной и постоянной, медленной и умѣренной, поддуваемой, влажной, сухой и т. д. Есть кабинеты перспективы для опытовъ со свѣтомъ и цвѣтами. Собирая лучи, придаемъ силу свѣту и отбрасываемъ его на большое разстояніе. Знаемъ средство, съ помощью котораго можно видѣть предметы, какъ на небѣ, такъ и вообще въ отдаленныхъ мѣстахъ... Имѣемъ стекла, позволяющія видѣть ясно и отчетливо малые члены мушекъ, зернышки и трещинки въ каменьяхъ, невидимыя простому глазу. Здѣсь показываемъ искусственныя радуги, колебанія и мерцанія свѣта. Есть собраніе камней, стеколъ и кристалловъ. Есть кабинетъ звуковъ, гдѣ производятся и показываются всякіе опыты надъ звукомъ и его происхожденіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Есть кабинетъ осязанія и обонянія для опытовъ надъ разными запахами. Есть кабинетъ машинъ, гдѣ собраны машины и приводы разнаго рода; военныя машины, новаго рода порохъ, огни греческіе, на водѣ горящіе. Мы подражаемъ полету птицъ и имѣемъ способы летать по воздуху. Корабли имѣемъ, которые могутъ плавать подъ водой; часы разные, нѣсколько вѣчныхъ движеній. Имѣемъ также математическіе кабинеты съ геометрическими и астрономическими инструментами разной формы и величины, сдѣланные со всевозможною точностію. Имѣемъ особыя зданія для опытовъ съ обманами чувствъ, гдѣ производимъ разные фокусы и игры; показываемъ явленія фантомовъ, производимъ голоса, неизвѣстно откуда идущіе, и тому подобное. Обладая умѣньемъ производить естественными средствами столько удивительныхъ дѣйствій, мы, конечно, могли бы обманывать людей и выдавать дѣйствія эти за чудесныя; но у насъ воспрещены всякаго рода ложь и обманъ"...

Окончивъ рѣчь, членъ Соломонова Дома поднялся со своего мѣста. „Я сталъ на колѣна, говоритъ повѣствователь,—какъ меня предупредили сдѣлать. Возложивъ руку на мою голову, членъ Соломонова Дома сказалъ мнѣ торжественнымъ и вмѣстѣ сердечнымъ тономъ: „да благословитъ Податель всякой мудрости и тебя, и то, что ты слышалъ. Позволяю тебѣ обнародовать это на благо другихъ націй. Что же насъ касается, мы здѣсь на лонѣ Божіемъ и на землѣ, никому неизвѣстной". Мы разстались. Потомъ я узналъ, что собесѣдникомъ моимъ приказано было выдать мнѣ и моимъ спутникамъ двѣ тысячи дукатовъ. Члены Соломонова Дома крайне щедры во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ, и во всѣхъ случаяхъ, когда то требуется"...

Этими словами заключается „Nova Atlantis". Сочиненіе, какъ выше сказано, осталось неоконченнымъ.

Глава II. Основаніе Лондонскаго королевскаго общества и первые его члены.

I. *Основаніе Королевскаго Общества въ Лондонѣ.* Королевское Общество основано въ 1660 году. Но еще прежде того, съ 1645 года

Библиотека "Руниверс"

былъ въ Лондонѣ кружокъ естествоиспытателей, еженедѣльно сходившихся для обсужденія научныхъ вопросовъ и новыхъ открытій. Объ этихъ собраніяхъ вспоминаетъ докторъ Валлисъ (Wallis), знаменитый математикъ, впослѣдствіи членъ Королевскаго Общества, въ автобіографической запискѣ, составленной въ 1696 году. „Около 1645 года, пишетъ Валлисъ [1]),—когда я жилъ въ Лондонѣ, въ эпоху, когда наши государственныя междуусобія прервали ученіе въ обоихъ нашихъ университетахъ, я, кромѣ бесѣдъ съ выдающимися духовными особами о богословскихъ предметахъ, имѣлъ удачу находиться въ сношеніи съ различными достойными лицами, любознательными по части натуральной философіи и другихъ частей человѣческаго знанія, въ особенности же по философіи. Мы условились еженедѣльно, въ опредѣленный день сходиться въ Лондонѣ, чтобы трактовать объ этихъ предметахъ. Въ числѣ насъ были: Dr. Джонъ Вилькинсъ (Wilkins), впослѣдствіи епископъ честерскій, Dr. Іонаванъ Годдардъ (Goddard), Dr. Джонъ Энтъ (Ent), Dr. Глиссонъ (Glisson), Dr. Мерретъ, Mr. Самуилъ Форстеръ (Forster), тогда профессоръ астрономіи въ Коллегіи Грэма (at Gresham College), Mr. Теодоръ Гаакъ (Haak)—германецъ изъ Палатината, жившій тогда въ Лондонѣ, первый подавшій мысль о собраніяхъ, и нѣкоторые другіе. Собранія были иногда въ помѣщеніи Dr. Годдарда въ Woodstreet или по близости, по тому случаю, что въ домѣ жилъ мастеръ, полировавшій стекла для телескоповъ и микроскоповъ; иногда въ подходящемъ мѣстѣ въ Cheapside (въ Bull-Head Tavern); иногда въ Gresham College или по близости отъ нея... Наши занятія—изъ которыхъ предметы богословскіе и политическіе были исключены—состояли въ обсужденіи и разсмотрѣніи философскихъ изслѣдованій и вопросовъ относящихся къ физикѣ, анатоміи, геометріи, астрономіи, навигаціи, статикѣ, магнетизму, химіи, механикѣ и въ производствѣ естественно-историческихъ опытовъ. Мы знакомились съ состояніемъ этихъ знаній у насъ и за границей.

„Предметами нашего обсужденія были: кровообращеніе, заслонки

[1]) Weld: „A History of the Royal Society" 1848, I, 30.

Библиотека "Руниверс"

вены, млечныя вены, лимфатическіе сосуды, гипотеза Коперника, природа кометъ и новыхъ звѣздъ, спутники Юпитера, овальныя прибавки,—какъ они кажутся—Сатурна (oval shape, as it then appeared. of Saturn); солнечныя пятна и обращеніе солнца около оси, неравенства и селенографія луны, фазы Венеры и Меркурія, изобрѣтеніе телескопа и шлифовка стеколъ для него, вѣсъ воздуха, возможность или невозможность пустоты и боязнь пустоты въ природѣ, опытъ Торричелли со ртутью, паденіе тяжелыхъ тѣлъ, ускореніе паденія и другіе вопросы касательно природы. Многіе изъ этихъ предметовъ были тогда новыми открытіями, другіе были мало извѣстны и не такъ распространены какъ нынѣ, какъ и вся область называемая новою философіей, которая, начиная съ Галилея во Флоренціи и сэра Франциска Бекона (лордъ Веруламъ) въ Англіи, разрабатывается, кромѣ Англіи, въ Италіи, Франціи, Германіи и другихъ мѣстахъ.... Около 1648 и 1649 года часть нашего кружка удалилась въ Оксфордъ; прежде всего Dr. Вилькинсъ, затѣмъ Dr. Годдардъ. Кружекъ раздѣлился. Оставшіеся въ Лондонѣ собирались по прежнему; и мы при случаѣ участвовали, а постоянно наша часть собиралась въ Оксфордѣ".

Дѣятельное участіе въ оксфордскихъ собраніяхъ принималъ Робертъ Бойль. Оксфордское общество сохранилось и послѣ того, какъ образовалось Королевское въ Лондонѣ.

Одинъ изъ первыхъ документовъ въ архивѣ Королевскаго Общества есть „Memorandun" (Weld, I, 65) отъ 28 ноября 1660 года объ основаніи этого учрежденія. „Нижеслѣдующія лица, сказано тамъ, были, согласно обыкновенію большей части изъ нихъ, въ Gresham College на лекціи Mr. Врена (Wren—впослѣдствіи строитель храма св. Павла въ Лондонѣ), а именно лордъ Броункеръ (Brouncker), Mr. Бойль, Mr. Брюсъ (Bruce), сэръ Робертъ Морей, Mr. Нейль (Neile), Mr. Уилькинсъ (Wilkins), Dr. Годдардъ, Dr. Петти (Petty), Mr. Боль (Ball), Mr. Рукъ (Rooke), Mr. Вренъ, Mr. Гилль (Hill). По окончаніи чтенія происходила обычная бесѣда. Между прочими предметами поднятъ былъ вопросъ объ основаніи коллегіи для преуспѣянія физико-математическаго экспериментальнаго ученія (for the promoting of

Библиотека "Руниверс"

physico-mathematical experimental learning). И такъ какъ они уже часто сходятся между собою, то было предложено сдѣлать собранія эти болѣе правильными, согласно тому, какъ въ другихъ странахъ бываютъ свободныя ассоціаціи ученыхъ людей или академіи, имѣющія цѣлью содѣйствовать преуспѣянію различныхъ отраслей знанія. Такъ можно было бы и здѣсь образовать общество для преуспѣянія экспериментальной философіи.

„Согласно такому предложенію принято было, что участники собранія будутъ продолжать сходиться по средамъ въ три часа пополудни въ квартирѣ Mr. Рука въ Gresham College, а во время вакацій въ квартирѣ Mr. Боля (Ball) въ Темплѣ. На предстоящія издержки каждый вступающій въ общество долженъ внести единовременно десять шиллинговъ и потомъ еженедѣльно платить по шиллингу, присутствуетъ ли онъ въ засѣданіяхъ или нѣтъ. Dr. Вилькинсъ выбранъ былъ предсѣдателемъ, Mr. Боль казначеемъ, и мистеръ Кронъ (Croone), тогда отсутствовавшій, регистраторомъ".

Затѣмъ составленъ былъ списокъ лицъ, которыхъ желательно было бы привлечь въ общество. Имъ посланы были приглашенія. Въ слѣдующую же среду сэръ Робертъ Морей сообщилъ, что объ образованіи общества доведено до свѣдѣнія короля. Онъ одобрилъ учрежденіе и готовъ оказать ему покровительство.

Въ 1661 году король даровалъ обществу королевскую хартію, закономъ утверждавшую его существованіе. Чрезъ два года 22-го апрѣля 1663 года хартія былъ замѣнена новою, болѣе широкою, которая и донынѣ составляетъ основной статутъ Общества. Согласно хартіи Общество, получившее наименованіе Королевскаго, состоитъ изъ президента, совѣта и членовъ: praesis, consilium et sadales Regalii Societatis Londini pro scientia naturali promovenda. Король объявилъ себя основателемъ и покровителемъ общества. Девизомъ своимъ общество выбрало щитъ съ подписью Nullius in verba. По поводу девиза дѣлалось много предложеній, выбрали простѣйшій. Нѣкоторые предлагали изобразить судно съ подписью: et augebitur scientia; другіе—два телескопа, землю, планеты и подпись—quantum nescimus; предлагали—на

Библиотека "Руниверс"

щитѣ солнце ad majorem lumen и стихъ Quis dicere falsum audeat; на гербовомъ щитѣ надпись изъ посланія „omnia probate“. Поэтъ Cowley привѣтствовалъ основаніе Общества одою, гдѣ упоминаетъ о Бекон̀ѣ.

Bacon at last, a mighty man, arose
(Whom a wise King and nature chose
Lord chancellor of both theier lawes)
And boldly understook the injurd' pupil's cause.

Общество съ перваго года существованія пожелало вступить въ сношеніе съ французскими учеными. Въ „Исторіи Королевскаго Общества“ Бирча (Birch: History of Royal Society, 1756, I, 26) подъ 5 іюня 1661 отмѣченъ разказъ одного изъ членовъ Общества, Mr. Тьюкъ (Col. Tuke) о его посѣщеніи въ Парижѣ общества ученыхъ, собиравшагося у Монмора. Тьюкъ называетъ общество академіей (королевская Академія Наукъ не была еще учреждена). Около двадцати человѣкъ сидѣло вкругъ стола. Предсѣдатель Монморъ привѣтствовалъ гостя. „Упомянулъ Гильберта, Бекона, Гарвея, Гоббса, Дигби, Глиссона, Гарлтона и другихъ. Далѣе оплакивалъ печальное положеніе знатнаго и помѣстнаго дворянства (nobility and gentry) въ ихъ странѣ, гдѣ люди этихъ классовъ, не будучи въ состояніи удовлетворить своей расточительности доходами съ имѣній, принуждены, какъ скоро способны къ дѣлу, искать фортуны при дворѣ или въ арміи, или въ провинціальномъ управленіи (gouvernements of provinces), такъ что не имѣютъ времени развивать умъ наукою и литературою. Это порождаетъ большое невѣжество въ средѣ лицъ лучшаго общества и ведетъ къ пренебреженію наукъ. Я сказалъ на это, что знать и джентельмены (the noblemen and gentlemen) нашей страны, получая большіе доходы съ имѣній, имѣютъ время и средства пріобрѣтать знанія“.

Послѣ доклада Тьюка, Королевское Общество препроводило посланіе, на имя Монмора, къ французскому собранію. Семейныя обстоятельства удалили въ это время Монмора отъ собраній. Отвѣтъ былъ подписанъ секретаремъ собранія Сорбіеромъ. Французское отвѣтное посланіе было на латинскомъ языкѣ. Въ немъ говорилось между

Библиотека "Руниверс"

прочимъ: „Nec desunt nobis viri praestantissimi ad strenue agendum parati, sed ut rem ingenue eloquar desunt nobis, quod ad primum invidendum venit Angliae fortunatissimae, magnates et principes qui regem in amorem studiorum istorum pertrahant, vel qui ipsi talibus studiis comparantur..... O vos felices!"

Первый номеръ знаменитаго изданія общества „Philosophical Transactions" выданъ былъ 6 марта 1665 года секретаремъ Общества Ольденбургомъ послѣ просмотра совѣтомъ. Номера 7 и 8 печатались въ Оксфордѣ, такъ какъ въ Лондонѣ по случаю моровой язвы не было работъ въ типографіяхъ. Занятія въ Обществѣ прерваны были до марта 1666. Изданіе Phil. Transact. въ 1679 году прекратилось было. Взамѣнъ Гукъ (Hook) началъ издавать Philosophical Collections. Издано было семь номеровъ въ 1680—1682 году. Въ 1683 г. Ph. Transact. возобновились.

Въ первое время въ составѣ общества было много медиковъ и вопросы медицины и біологіи возбуждали значительный интересъ. Въ іюнѣ 1666 г. Валлисъ (Wallis) сообщилъ объ опытахъ съ переливаніемъ крови, сдѣланныхъ въ Оксфордѣ. Въ ноябрѣ King и Cox произвели опыты надъ собакою, а 29 ноября 1667 опытъ былъ сдѣланъ надъ человѣкомъ. Бѣдный студентъ Arthur Coga согласился за гинею пустить въ себя крови овцы. Опытъ былъ повторенъ въ общемъ собраніи. Выпустивъ 8 унцій крови у Coga, впустили взамѣнъ ихъ 14 унцій крови овцы. Вскорѣ впрочемъ пришли извѣстія о несчастныхъ опытахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Парижѣ, и переливаніе крови было оставлено.

1663 году исторіографъ Людовика XIV, несшій обязанности секретаря въ обществѣ ученыхъ, собиравшемся у Монмора, посѣтилъ, въ бытность въ Лондонѣ, Королевское Общество. Въ отчетѣ о путешествіи своемъ („Rélation d'un voyage en Angleterre où sont touchés plusieurs choses qui regardent l'estat des sciences et de la religion et autres matières curieuses") такъ описываетъ залу собранія и порядокъ засѣданій Королевскаго Общества. „Длинный столъ помѣщенъ передъ каминомъ; вокругъ стола семь или восемь стульевъ обитыхъ сѣрымъ сукномъ и

Библиотека "Руниверс"

два ряда деревянныхъ голыхъ скамеекъ со спинками, возвышающихся одна надъ другой въ формѣ амфитеатра. Предсѣдатель и члены совѣта выборные; размѣщаются не по рангу. Предсѣдатель сидитъ въ срединѣ стола въ креслѣ спиною къ камину. Секретарь съ краю стола влѣво отъ предсѣдателя. Предъ тѣмъ и другимъ чернильница и бумага. На стульяхъ при мнѣ не сидѣло никого. Полагаю, они назначены для знатныхъ особъ или для тѣхъ, кому требуется въ извѣстныхъ случаяхъ быть близко отъ предсѣдателя. Всѣ другіе академики размѣщаются безразлично и безъ церемоніи. Если кто придетъ, когда засѣданіе началось, никто не пошевельнется; предсѣдатель ему, сидя, кивнетъ, и онъ садится гдѣ случится, заботясь, чтобы не прервать говорящаго. Предсѣдатель держитъ въ рукѣ небольшую деревянную булаву (une petite masse de bois) которой ударяетъ по столу, когда призываетъ къ молчанію. Къ нему обращаются, обнаживъ голову, пока не дастъ знакъ накрыться. Въ краткихъ словахъ высказываютъ, что имѣютъ замѣтить относительно опыта, предлагаемаго секретаремъ. Никто не спѣшитъ говорить и не претендуетъ говорить долго и высказать все что знаетъ. Говорящаго никогда не перебиваютъ; споры не затягиваются и никогда не принимаютъ сколько нибудь непріятнаго тона".

II. *Страница изъ Маколея объ успѣхахъ новой философіи въ духѣ Бекона. Путешественникъ Монкони о Королевскомъ Обществѣ.* Заимствуемъ яркую страницу изъ Маколея, характеризующую настроеніе умовъ, какому Королевское Общество было обязано, своимъ быстрымъ успѣхомъ.

1660 годъ, эпоха возстановленія старой англійской конституціи, видѣлъ тріумфъ новой философіи. Тогда было основано Королевское Общество. Въ нѣсколько мѣсяцевъ опытныя науки вошли въ моду. Переливаніе крови, тяжесть воздуха, новые опыты заняли вниманіе публики. Вмѣсто того, чтобы мечтать о совершеннѣйшемъ правленіи, стали мечтать о людяхъ, которые бы летали отъ Лондонской башни до Вестминстерскаго аббатства, о судахъ съ двойнымъ днемъ, которыя не могли бы потонуть въ сильнѣйшую бурю. Всѣ классы общества раздѣляли эти чувства; въ первый разъ кавалеры, круглоголовые,

Библиотека "Руниверс"

англикане и пуритане были согласны между собою. Теологи и юрисконсульты, государственные люди, аристократы, принцы, всѣ способствовали успѣху бекоповской философіи. Поэты пѣли приближеніе золотаго вѣка: Коулей (Cowley) въ стихахъ возбуждалъ избранный народъ овладѣть обѣтованною землей, текущею медомъ и млекомъ, которую онъ, подобно Моисею, видитъ, но куда не имѣетъ дозволенія войдти; Драйденъ (Dryden) присоединялъ свой голосъ, возвѣщая вещи, которыхъ ни онъ и никто не могъ понять. Онъ предсказывалъ Королевскому Обществу, что скоро оно приведетъ насъ къ крайнимъ предѣламъ земли, откуда бы мы могли ближе разсматривать луну. Лордъ хранитель печатей Гильфордъ (Guilford) удѣлялъ отъ своихъ юридическихъ занятій нѣсколько часовъ, чтобы писать о гидростатикѣ; первые барометры, проданные въ Лондонѣ, были сдѣланы подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Вмѣстѣ съ виномъ, любовью, театромъ, игрой, придворными интригами, и химія овладѣвала на минуту вниманіемъ легкомысленнаго Бокингама. Карлъ II самъ имѣлъ лабораторію и посѣщалъ ее прилежнѣе чѣмъ совѣтъ; чтобы быть модпымъ человѣкомъ, надо было умѣть говорить о воздушномъ насосѣ, о телескопахъ. Дамы иногда также желали заявить свой вкусъ въ наукѣ, въ коляскахъ шестерикомъ отправлялись смотрѣть собранія ученыхъ рѣдкостей и восхищались, видя, что дѣйствительно магнитъ притягиваетъ иголку и микроскопъ показываетъ муху величиной съ воробья. Безъ сомнѣнія, въ этомъ движеніи была своя комическая сторона, которая и была выставлена сатирическими поэтами, какъ Бутлеръ.

Но безспорно англичане семнадцатаго вѣка, болѣе чѣмъ когда-либо и чѣмъ какая-либо нація, работали надъ великимъ дѣломъ истолкованія природы. Духъ Бекона, дивная смѣсь смѣлости и благоразумія, одушевлялъ міръ. Было признано, что природа наполнена тайнами, необходимыми для счастія человѣка; что человѣкъ получилъ отъ Создателя ключъ, который, если умѣть имъ воспользоваться, приведетъ къ полному знанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ существовало убѣжденіе, что нельзя достигнуть познанія общихъ физическихъ законовъ иначе, какъ наблюдая частные факты. Уже начались улучшенія въ земле-

Библиотека "Руниверс"

дѣліи; стали разводить новыя растенія, употреблять новыя орудія, новые роды удобренія. Эвелинъ (Evelyn) подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Королевскаго Общества читалъ уроки сельскаго хозяйства; Темпль (Temple) въ часы досуга занимался садоводствомъ и доказывалъ, что многіе нѣжные плоды, обыкновенно произрастающіе въ теплыхъ климатахъ, могутъ, при помощи искусства, быть разведены въ Англіи. Во Франціи медицина была въ младенчествѣ и доставляла Мольеру неистощимый запасъ для насмѣшекъ; въ Англіи она была уже наукой совершенствующеюся и опытною. Эпидемія 1665 г. заставила обратить вниманіе на дурную, вредную для здоровья, постройку города. Послѣ пожара 1666 года столица возникла въ новомъ, улучшенномъ видѣ, также отчасти благодаря стараніямъ Королевскаго Общества. Алхимія и астрологія подпали насмѣшкамъ, не было уже графства, гдѣ бы судья не засмѣялся, когда приводили женщину-колдунью, испортившую скотъ или напустившую изъ-подъ рукава язву въ воздухъ. Члены Королевскаго Общества производили свои славные труды....

Есть любопытная книга, которая переноситъ насъ въ эпоху возникновенія ученыхъ обществъ въ Европѣ, имѣвшихъ цѣлью помощію наблюденій и опытовъ увеличить капиталъ нашего знанія о природѣ. Книга эта — „*Путешествія г. Монкони*“ (*Les voyages de monsieur de Monconys*), изданная его сыномъ. Авторъ происходилъ изъ стараго дворянскаго семейства въ Бургони, учился въ іезуитской коллегіи въ Ліонѣ. Во время моровой язвы 1628 года отправился, съ согласія отца, въ Испанію, слушалъ лекціи и получилъ ученую степень въ богатомъ Саламанскомъ университетѣ, привлекавшемъ до пяти тысячъ студентовъ, имѣвшемъ шестнадцать аудиторій, изъ которыхъ каждая могла вмѣстить болѣе тысячи слушателей. Подвижной, до страсти любознательный, неутомимый собиратель всяческихъ секретовъ и научныхъ новинокъ, Монкони въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ заносилъ въ журналъ, что видѣлъ примѣчательнаго, и особенно, что успѣвалъ узнать черезъ сношенія съ людьми, выдавшимися своими открытіями и научною дѣятельностью.

Библиотека "Руниверс"

Италію, страну Галилея, Монкони посѣтилъ первый разъ въ 1628 году, когда еще не возникла во Флоренціи знаменитая Академія Опытовъ, основанная въ 1657 году, а въ слѣдующія двѣ поѣздки миновалъ Флоренцію. Потому въ запискахъ его, хотя въ нихъ и находятся упоминанія о сношеніяхъ съ Торичелли и другими учениками Галилея, ничего не говорится о славномъ обществѣ, сдѣлавшемся въ краткій десятилѣтній срокъ своего существованія, первою школой опыта въ Европѣ. За то описаніе поѣздки въ Англію, въ 1663 году, вмѣстѣ съ знатнымъ герцогомъ де-Шеврёзъ, обильно чертами, характеризующими замѣчательную эпоху въ исторіи изученія природы, породившую Ньютона.

Монкони со своимъ знатнымъ спутникомъ прибылъ въ Лондонъ 14 мая 1663 г., выѣхавъ изъ Парижа 5 мая, употребивъ на переѣздъ девять дней безъ какихъ-либо особыхъ остановокъ. Переѣздъ изъ Кале въ Дувръ потребовалъ шесть часовъ. Сообщеніе происходило на пакетботѣ, два раза въ недѣлю совершавшемъ путь изъ Кале въ Дувръ и обратно, перевозившемъ письма и бравшемъ пассажировъ, по шести шиллинговъ съ лица за переѣздъ.

„18 мая (1663 г.), записано въ журналѣ Монкони,—былъ у г. Ольденбурга. Онъ сказывалъ, что король наканунѣ дважды, утромъ и вечеромъ, присутствовалъ на трупоразсѣченіи мужчины и женщины. Г. Ольденбургъ обѣщалъ познакомить меня съ Бойлемъ и другими доблестными членами ихъ академіи".

24 мая Монкони былъ въ засѣданіи Лондонскаго Общества. „Собираются, пишетъ онъ,—по середамъ, чтобы производить безчисленное множество опытовъ. Ихъ не обсуждаютъ (отмѣтка Монкони весьма любопытная: такъ дѣлалось, очевидно, во избѣжаніе диспутовъ, составлявшихъ жизнь школьной науки того времени). Новое общество избрало девизомъ nullius in verba, и каждый сообщаетъ только что знаетъ, а секретарь записываетъ. Президентъ помѣщается за большимъ квадратнымъ столомъ, а секретарь по другую сторону. Академики на лавкахъ вокругъ залы. Президентомъ былъ лордъ Броункеръ, секретаремъ г. Ольденбургъ. У президента въ рукахъ небольшой дере-

Библиотека "Руниверс"

винный молотокъ; онъ ударяетъ имъ по столу, когда кто-нибудь начинаетъ разговаривать во время сообщенія". Были курьезныя сообщенія. Одинъ членъ сообщалъ, что если положить на жабу, ехидну или иное ядовитое животное виннокаменной кислоты, то животныя эти умираютъ. Другой прибавилъ, что тоже производитъ ртуть. Увѣрялъ также, что животныя эти не могутъ жить въ Ирландіи, не перенося ея земли. Пробовали, будто бы, привозить землю для этихъ животныхъ изъ Англіи; какъ только они по англійской землѣ приползали къ ирландской, на которой англійская была разложена, не могли перейдти границу и возвращались назадъ. Послѣ многихъ попытокъ умирали. Другой членъ разказывалъ объ озерѣ въ Ирландіи, замѣчательномъ тѣмъ, что если воткнуть въ его дно палку, то палка въ части, погруженной въ воду каменѣетъ, а въ части воткнутой въ почву два пріобрѣтаетъ металлическую природу. На ряду съ курьезами были и сообщенія дѣйствительнаго научнаго интереса. Указывалось, что зарожденіе червей въ гніющемъ мясѣ не есть результатъ гніенія, ибо червей не появлялось, когда сверхъ мяса, вложеннаго въ стеклянный сосудъ, помѣщался слой ваты, пропускавшій воздухъ, но пресѣкавшій доступъ мухамъ, или инымъ малымъ животнымъ. Послѣ сообщеній перешли въ галлерею, гдѣ были произведены многіе опыты съ воздушнымъ насосомъ. Ставили подъ колоколъ сосудъ съ водой, въ которомъ плавала рыбка. Когда воздухъ вытягивался, рыбка подымалась къ поверхности и умирала; при вскрытіи плавательный пузырь оказался лопнувшимъ, сердце долгое время еще билось. Во время вытягиванія воздуха наблюдали что происходило съ водой въ сосудѣ: какъ поднимались въ ней пузыри воздуха, какъ она приходила въ кипѣніе.

Послѣ этого перваго посѣщенія, Монкони нѣсколько разъ былъ въ засѣданіяхъ Общества, видѣлъ опыты съ лягушками, которыхъ обмазывали дегтемъ, поливали ртутью, присутствовалъ при разнообразныхъ опытахъ со сжатымъ воздухомъ, осматривалъ новые инструменты, слушалъ сообщенія, между прочимъ о томъ, какъ одинъ англійскій врачъ, находясь въ морѣ семнадцать дней, питался только сухарями и водкой, и какъ сойдя на берегъ и почувствовавъ разстройство же-

Библиотека "Руниверс"

лудда, послѣ клистира, выдѣлилъ изъ себя множество всякаго рода ракушекъ. Изъ замѣтокъ Монкони видно, что научный интересъ во время его пребыванія сосредоточивался главнымъ образомъ: на опытахъ съ расширеніемъ и сжатіемъ воздуха, на снарядахъ, увеличивающихъ силу нашего зрѣнія — микроскопахъ и телескопахъ, на снарядахъ для измѣренія тепла, холода, воздушнаго давленія, влажности; на вопросѣ объ обновленіи воздуха въ водолазномъ колоколѣ, на вопросѣ—измѣняется ли тяжесть, смотря по тому, внизу или вверху находится тѣло. Между англійскими учеными, съ какими входилъ въ сношеніе Монкони, выдѣлялся Бойль. Монкони посѣтилъ его въ его жилищѣ за городомъ, въ двухъ миляхъ отъ Лондона. Бойль развилъ ему свои идеи объ упругости воздуха, (частицы котораго, по ученью Бойля, дѣйствуютъ, какъ сжимаемыя и расширяющіяся пружинки). Бойль указывалъ, между прочимъ, что, по опытамъ его, частицы воздуха труднѣе проходятъ черезъ узкія отверстія, чѣмъ частицы воды, ибо труднѣе гнутся, чѣмъ эти послѣднія (представленіе вполнѣ въ духѣ Декарта). Бойль совѣтовалъ изучать строеніе органа зрѣнія, заморозивъ глазъ бычачій или отъ свѣжаго человѣческаго трупа и дѣлая разрѣзы.

„15 іюня, послѣ обѣда—пишетъ Монкони, я былъ у г. Морея, куда пришелъ и лордъ Броункеръ. Когда мы бесѣдовали, прибыли король, герцогъ Іоркскій, принцъ Робертъ (оба оставались съ покрытою головой въ присутствіи короля) и нѣкоторые вельможи. Король поинтересовался узнать, что̀ говорилъ я о движеніи приближенія и удаленія соломинки на водѣ, когда прикасаемся къ водѣ другою соломинкой (очевидно, рѣчь шла о капиллярныхъ притяженіяхъ и отталкиваніяхъ), и чтобы видѣть опытъ, повелъ насъ къ лорду Броункеру. Но когда мы туда пришли, король занялся наблюденіями этого лорда и ушелъ, не вспомнивъ о моихъ опытахъ.“ Броункеръ занимался въ то время изслѣдованіемъ сопротивленія, какое оказываютъ при движеніи на водѣ тѣла разной фигуры. У него былъ обширный чанъ съ водой, широкій, но не глубокій, поставленный на колоннахъ и представлявшій собою родъ билліарда. На поверхность его онъ

Библиотека "Руниверс"

пускалъ подобіе судовъ разной формы, изыскивая наивыгоднѣйшую относительно скорости движенія.

Въ первый разъ Монкони представлялся королю Карлу II 19 мая, вмѣстѣ со своимъ знатнымъ спутникомъ, во дворцѣ въ Уайтгалѣ (Whitehal). „Король проходилъ по галлереѣ, отправляясь на молитву, а мы пошли представиться королевѣ. Она была въ залѣ аудіенцій и сидѣла на высокомъ креслѣ, вышитомъ золотомъ. Мы видѣли только легкое движеніе губъ, ибо не понимали по-англійски, а она не знала по французски, или, по крайней мѣрѣ, показывала видъ, что не знаетъ: насъ увѣряли, что французскій языкъ ей знакомъ... Пока мы были на представленіи у королевы, король прикасался къ больнымъ золотухой, и такихъ много въ Англіи. Каждому даютъ золотую монету, называемую angelot, которую надо постоянно носить при себѣ. Кавалеръ Дигби (Digby) увѣрялъ меня, что когда одинъ исцѣленный потерялъ монету, болѣзнь возвратилась. Мнѣ разказывали много примѣровъ этого чуда, такъ какъ я обнаружилъ большое сомнѣніе. Одинъ изъ присутствовавшихъ вельможъ и одна изъ дамъ говорили мнѣ, что когда солдаты уводили плѣнникомъ покойнаго короля, одинъ больной умолялъ короля къ нему прикоснуться. Солдаты не дозволили. Король воскликнулъ, что онъ молитъ Бога, чтобы желаніе, какое онъ имѣетъ прикоснуться, возымѣло ту же силу, какъ самое прикосновеніе. Больной исцѣлился".

IV. *Дѣятели первой эпохи Королевскаго Общества. Робертъ Бойль.* Седьмой сынъ богатаго ирландскаго графа Ричарда Бойля, Робертъ Бойль (Boyle) родился въ 1626 году. Онъ получилъ домашнее воспитаніе. Его слабое сложеніе побудило отца отправить его въ 1638 году съ наставникомъ на югъ. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Женевѣ; посѣтилъ затѣмъ Италію, гдѣ былъ во Флоренціи въ годъ смерти Галилея, и Южную Францію. По смерти въ 1664 году отца, Бойль получилъ значительное состояніе. Съ этого времени онъ посвятилъ свою одинокую жизнь исключительно наукѣ, предавался опытному изслѣдованію природы, въ особенности въ области химіи. „Химики, говоритъ онъ въ „Preliminary Discourse", — руководятся узкими

Библиотека "Руниверс"

началами безъ всякаго возвышеннаго стремленія. Приготовленіе лекарствъ, извлеченіе и превращеніе металловъ—вотъ ихъ область. Что касается меня, я стремлюсь исходить отъ другой совсѣмъ точки зрѣнія: я разсматриваю химію не какъ медикъ или алхимикъ, но какъ философъ долженъ ее разсматривать. Я начерталъ себѣ планъ химической философіи и былъ бы счастливъ если бы могъ исполнить его помощью моихъ опытовъ и наблюденій. Если бы люди болѣе принимали къ сердцу успѣхи истинной науки, чѣмъ заботы о своей репутаціи, они легко уразумѣли бы, что величайшая услуга, какую могутъ они оказать міру—направить всѣ свои старанія на производство опытовъ, собираніе наблюденій, не усиливаясь установлять теорію, прежде чѣмъ получено рѣшеніе для всѣхъ могущихъ представиться явленій"... Экспериментальная метода „единственная, отъ которой можно ждать великаго успѣха полезныхъ знаній (from which alone the greatest advancement of useful knowledge is to be expected)". Эту задачу, не жалѣя средствъ, Бойль преслѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни. Онъ умеръ на шестьдесятъ пятомъ году жизни въ 1691 году. Похороненъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ.

Строго воспитанный въ духѣ англиканской церкви—его первоначально предназначали къ духовному званію—Бойль всю жизнь отличался религіозною ревностію. Чтобы читать Библію въ оригиналѣ, онъ изучилъ еврейскій языкъ; издалъ не мало сочиненій богословскаго содержанія; далъ средства для перевода Библіи на малайскій, турецкій и другіе языки (нѣкоторое время Бойль былъ однимъ изъ директоровъ Остъ-индской компаніи), оказалъ помощь миссіонерамъ въ Америкѣ; по завѣщанію оставилъ сумму, процентъ съ которой долженъ выдаваться за восемь проповѣдей въ годъ объ истинахъ христіанства.

Декартъ, какъ извѣстно, устранилъ изъ своей философіи природы разсмотрѣніе конечныхъ причинъ, основывая объясненія исключительно на механическихъ началахъ. Бойль издалъ въ 1688 году сочиненіе „A disquisition about the Final Causes in natural things", въ которомъ возражалъ Декарту. Въ чудесахъ человѣческаго зрѣнія, инстинктѣ животныхъ и вообще въ строеніи органическаго міра Бойль усматри-

Библиотека "Руниверс"

валъ свидѣтельство приспособленности къ явственно намѣченнымъ цѣлямъ, упускать которыя изъ виду не долженъ естествоиспытатель.

Собраніе сочиненій Бойля въ пяти томахъ, на англійскомъ языкѣ, издано въ 1744 году. Ему предшествовало изданіе, въ трехъ томахъ. 1738 года: „The philosophical Works of the honorable R. Boyle". abridged, methodized and disposed by P. Shaw. Химическія идеи Бойля особенно объ элементахъ и ихъ значеніи, выражены главнѣйше въ трактатѣ: „The sceptical chymist". Oxford. 1661. Въ области физики главное значеніе имѣютъ изслѣдованія Бойля надъ упругостію воздуха и многочисленные опыты съ воздушнымъ насосомъ. Опыты описаны въ трактатѣ; „New experiments physico-mechanical touching the spring of the air". 1659. Робертъ Гукъ (Hooke) былъ помощникомъ Бойля въ производствѣ опытовъ и устройствѣ снарядовъ. Приступая къ опытамъ, Бойль зналъ объ изобрѣтеніи и устройствѣ воздушнаго насоса знаменитымъ бургомистромъ города Магдебурга Отто де Герике и самъ именуетъ Герике изобрѣтателемъ снаряда. Сочиненіе Герике „Experimenta nova Magdeburgica de vacuo spatio" появилось лишь въ 1672 году, но приборъ описанъ іезуитомъ Каспаромъ Шоттъ (Caspar Shott, въ Вюрцбургѣ) въ сочиненіи „Mechanica hydraulico-pneumatica, изданномъ въ 1657 году. Самые опыты Герике начаты были еще въ тридцатыхъ годахъ вѣка. Бойлю принадлежали нѣкоторыя усовершенствованія снаряда и блистательная серія опытовъ. Паскаль, приводя, въ дополненіе къ своимъ трактатамъ о равновѣсіи жидкостей и о тяжести воздуха, подробное изложеніе опытовъ Бойля говоритъ: Бойль, „пользуясь машиной, первое изобрѣтеніе которой сдѣлано въ Магдебургѣ, но которую онъ потомъ значительно усовершенствовалъ, нашелъ средство производить пустоту въ большомъ стеклянномъ сосудѣ, имѣющемъ вверху большое отверстіе, чрезъ которое можно помѣщать туда что угодно и сквозь стекло видѣть что происходитъ въ пустотѣ". (Oeuvres de B. Pascal, ed. Lahure, 1858 II, 323).

Бойлю принадлежитъ открытіе закона, называемаго Бойль-Маріоттовымъ или просто Маріоттовымъ: объемъ данной массы газа обратно

Библиотека "Руниверс"

пропорціоналенъ его давленію. Законъ былъ открытъ и оправданъ одинаковыми опытами Бойлемъ и Маріоттомъ независимо одинъ отъ другаго. Первенство принадлежитъ Бойлю. Бойль опубликовалъ свои результаты въ 1661 году въ сочиненіи: „Defensio de elatere et gravitate aeris adversus Francisci Lini". (Іезуитъ Линусъ (Linus) не могъ убѣдиться въ существованіи давленія воздуха и давалъ самое невѣроятное объясненіе опыту Торричелли, приписывая его нѣкоторымъ невидимымъ нитямъ удерживающимъ ртуть въ барометрической трубкѣ). Свои изслѣдованія, произведенныя тѣмъ же пріемомъ, какъ изслѣдованія Бойля, Маріоттъ опубликовалъ въ 1676 году въ своемъ „Essai sur la nature de l'air", не зная объ опытахъ Бойля. Перечень сочиненій Бойля, какъ отдѣльныхъ такъ и помѣщенныхъ въ „Philosoph. Transactions" чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ. Кромѣ уже упомянутыхъ выше, приведемъ еще нѣкоторые:

„Experiments and observations upon colours with a letter containing observations on a diamond that shines in the dark". 1663.

„The usefulness of experimental philosophy" 1663, 1671.

„The mechanical origin of heat and cold". 1665.

„Hydrostatical paradoxes". 1666, 1676.

„The nature, properties and effects of effluvia". 1673.

„Experiments and observations upon the saltness of the sea". 1674.

„The excellences and grounds of the mechanical philosophy". 1674.

V. *Дѣятели первой эпохи Королевскаго Общества. Робертъ Гукъ. Вренъ. Галлей.* Гукъ (Hooke) родился въ 1635 году на островѣ Wight и былъ семью годами старше Ньютона. Сынъ проповѣдника. Учился въ Оксфордѣ и съ 1653 года былъ ассистентомъ химика Виллиса (Willis) и затѣмъ Бойля. Членъ Королевскаго Общества съ эпохи основанія, онъ получалъ вознагражденіе въ качествѣ экспериментатора Общества (Curator of experiments to the Royal Society). На его обязаности лежало приготовленіе и исполненіе опытовъ, предлагавшихся и обсуждавшихся въ собраніяхъ, и храненіе аппаратовъ. Съ 1678 года Гукъ былъ секретаремъ Общества. Былъ профессоромъ геометріи въ Gresham College въ Лондонѣ. Читалъ также

Библиотека "Руниверс"

курсъ механики, учрежденный сэръ Джономъ Кутлеръ (sir John Cutler) съ ежегоднымъ вознагражденіемъ въ 50 фунтовъ. Курсъ изданъ въ 1679 г. подъ заглавіемъ „Lectiones Cutlerianae". Умеръ Гукъ въ 1703 году.

Гукъ обладалъ умомъ чрезвычайно изобрѣтательнымъ, способнымъ къ геніальнымъ соображеніямъ. Но самое разнообразіе идей не дозволяло ему доводить ихъ до конца и создать что-либо полное и законченное. У него можно встрѣтить намеки, отзывы на всѣ замѣчательнѣйшія изобрѣтенія эпохи, но трудно указать изобрѣтеніе, которое было бы соединено единственно съ его именемъ. Онъ совпадалъ въ изобрѣтеніяхъ съ другими, и это давало ему поводъ оспаривать первенство и выставлять себя иниціаторомъ въ главнѣйшихъ научныхъ побѣдахъ эпохи.

Гуку принадлежитъ примѣненіе пружины, какъ регулятора, въ карманныхъ часахъ. Онъ напалъ на эту мысль въ 1658 году, предполагалъ взять привилегію, но дѣло не состоялось. Гюгенсъ возымѣлъ ту же идею около 1675 года, осуществилъ ее и описалъ въ „Journal des Savants" этого года. Спиртовой уровень, ноніусъ (Гукъ не зналъ что способъ уже приложенъ), примѣненіе зрительныхъ трубъ къ измѣренію угловъ, перекрестныя нити въ окулярѣ трубъ, микрометрическій винтъ,—вотъ различные инструменты и пріемы, придуманные и указанные Гукомъ. Онъ осуществилъ идею телескопа Грегори и представилъ сдѣланный снарядъ—весьма несовершенный—въ Королевское Общество въ 1674 году (чрезъ два года послѣ того какъ Ньютонъ представилъ свой). Гукъ изобрѣлъ также батометръ для измѣренія глубинъ, омброметръ для опредѣленія количества дождя, ртутный барометръ съ показателемъ въ формѣ стрѣлки, движущейся по циферблату.

Одно изъ главныхъ сочиненій Гука: „Micrographia or some physiological descriptions of minute bodies, made by magnifying glasses with observations and inquiries thereupon", by R. Hooke, Fellow of the Royal society; London. 1667. Одобреніе Совѣта Общества, за подписью предсѣдателя Броункера (Brouncker) помѣчено 22-го ноября 1664 года.

Библиотека "Руниверс"

Въ предисловіи, указавъ недостатки нашихъ чувствъ, памяти и сужденія, препятствующіе достиженію истины, Гукъ говоритъ: „Таковы опасности, противостоящія движенію человѣческаго разума впередъ. Средство къ ихъ устраненію одно: реальная, механическая, экспериментальная философія. Она имѣетъ то преимущество предъ философіей разсужденій и диспутовъ, что въ то время какъ послѣдняя главнымъ образомъ стремится къ тонкостямъ выводовъ и заключеній, мало обращая вниманія на главное дѣло, обусловленное чувствами и памятью, первая стремится привести все это въ порядокъ и заставить одно служить другому (so this intends the right ordering them all and the making them serviceable to each other). Первое, на что надлежитъ обратить вниманіе въ такомъ важномъ дѣлѣ— бдительность въ умственномъ плаваніи и расширеніе владычества чувствъ...

„Наука о природѣ была слишкомъ долго дѣломъ мозга и фантазіи. Настало время повернуть къ ясности и основательности наблюденія матеріальныхъ и очевидныхъ вещей. (The science of nature has been already too long made a work of the brain and fancy. It is high time that it should return to the plainness and soundness of observation on material and obvious things).

Микроскопъ, служившій для описанныхъ наблюденій, былъ сложный. Предметы освѣщались или лампою, лучи которой сосредоточивались на предметѣ стекляннымъ шаромъ наполняемымъ водою съ присоединеніемъ еще собирающаго стекла (какъ видно на приложенномъ рисункѣ), или солнечнымъ свѣтомъ. Наблюдались: остріе булавки, лезвіе бритвы, полотно, тафта, шелковыя ткани; стекло въ формѣ нитей, пленокъ, шариковъ; слюда, песокъ, снѣжинки, наконецъ множество малыхъ предметовъ растительнаго и животнаго царства. Тридцать восемь таблицъ рисунковъ иллюстрируютъ текстъ. Микроскопическія наблюденія подали Гуку поводъ касаться разнообразныхъ физическихъ вопросовъ. По поводу тонкихъ стеклянныхъ трубочекъ онъ говоритъ о капиллярныхъ явленіяхъ, о прилипаніи и входитъ въ разсужденіе о причинѣ жидкаго состоянія тѣлъ—what is the cause of

Библиотека "Руниверс"

fluidness. „Причина эта, полагаю, есть не что другое, какъ удары и сотрясенія теплоты. Теплота есть не иное что, какъ быстрое и сильное колебаніе и движеніе частей тѣла (a very brisk and vehement agitation of the parts of a body). Части эти настолько раздѣляются между собою, что легко движутся по всѣмъ направленіямъ, и тѣло становится жидкимъ. Это можно пояснить слѣдующимъ подобіемъ. Представьте себѣ блюдо съ пескомъ, поставленное на тѣлѣ, находящемся въ сильномъ колебаніи и сотрясеніи, какъ мельничный камень, быстро движимый надъ другимъ камнемъ (a millstone turn'd round upon the understone vary violenty whilst it is empty); или какъ тугонатянутый барабанъ (drumhead), сильно и часто ударяемый барабанными палочками (with the drum-sticks). Чрезъ это песокъ на блюдѣ, прежде представлявшій изъ себя спокойное и косное тѣло, становится совершенно жидкимъ (become a perfect fluid). Въ немъ нельзя уже сдѣлать ямку пальцемъ: песокъ немедленно ее наполнитъ и уровняетъ поверхность. Въ него нельзя будетъ погрузить легкое тѣло, какъ кусокъ пробки. Оно вынырнетъ и будетъ плавать сверху (emerges and swims on the top). А тяжелое тѣло, какъ кусокъ свинца, не останется на поверхности, а погрузится на дно".

Цвѣта тонкихъ пластинокъ были внимательно наблюдаемы Гукомъ, и онъ былъ предшественникомъ Ньютона въ области этихъ явленій. Физическія объясненія Гука были вообще въ духѣ физики Декарта.

Остановимся на долѣ участія, какая принадлежитъ Гуку въ созданіи ученія о всеобщемъ тяготѣніи. Въ эпоху, когда въ умѣ Ньютона сложилась первая идея о томъ, что земная тяжесть простираетъ свое дѣйствіе и на луну и есть причина, удерживающая луну на ея орбитѣ, Гукъ въ маѣ 1666 года сдѣлалъ важный опытъ съ коническимъ маятникомъ, наглядно изображающимъ, какъ криволинейное движеніе можетъ произойдти отъ соединеннаго дѣйствія первоначальнаго толчка и стремленія направленнаго къ нѣкоторому центру. Гукъ привѣсилъ къ потолку залы маятникъ. состоявшій изъ тонкой нити, на концѣ которой былъ привязанъ деревянный шаръ (Biot, „Mélang. Scient." I. 163; Birsh, II, 90), долженствовавшій представлять собою тѣло

Библиотека "Руниверс"

планеты. Уклонивъ маятникъ отъ вертикала, ему давали боковой толчекъ перпендикулярно къ плоскости уклоненія. На него дѣйствовали двѣ силы: одна, самый толчекъ, другая — тяжесть, дѣйствіе которой, разложенное по направленію перпендикулярному нити, стремилось возвращать маятникъ къ вертикальному положенію. Когда боковой толчекъ равнялся нулю, описываемая маятникомъ траекторія, очевидно, оставалась въ одной плоскости, какъ въ случаѣ свободнаго качанья. Если толчекъ, не будучи равнымъ нулю, былъ очень слабъ, траекторія становилась сжатымъ эллипсомъ, имѣя главную ось въ плоскости уклоненія. Когда энергія толчка была значительнѣе, эллипсисъ получался болѣе и болѣе открытый и при извѣстной силѣ толчка становился точнымъ кругомъ. При еще болѣе энергическомъ ударѣ опять получался эллипсисъ, но большая ось его была уже не параллельна, а перпендикулярна плоскости свободнаго качанія. Такимъ образомъ кривыя смѣнялись одна другой въ зависимости отъ сравнительной энергіи двухъ силъ: толчка и центральнаго стремленія, дѣйствовавшихъ на тѣло. Но, прибавляетъ Біо, между кривыми этими и планетными эллипсисами была та разница, что центральная сила, происходящая отъ разложенной тяжести, направлена постоянно къ центру эллипсиса и прямо пропорціональна разстоянію тѣла отъ центра, тогда какъ въ планетныхъ орбитахъ сила направлена къ одному изъ фокусовъ эллипсиса и обратно пропорціональна квадрату разстоянія отъ этой точки. Не смотря на это капитальное различіе, опытъ Гука важенъ и полезенъ, какъ наглядный примѣръ разложенія движеній.

Изданное Гукомъ въ 1674 году сочиненіе: „A attempt to prove the motion of the earth from observations made by R. Hooke“ свидѣтельствуетъ, что въ это время Гукъ имѣлъ уже весьма ясное представленіе о всеобщемъ тяготѣніи. „Изложу, говоритъ онъ, систему міра, во многихъ отношеніяхъ отличную отъ всѣхъ извѣстныхъ, но отвѣчающую во всемъ общимъ законамъ механическихъ движеній. Она зависитъ отъ трехъ предположеній. Во-первыхъ, что всѣ небесныя тѣла имѣютъ притяженіе или силу тяготѣнія (gravitating

Библиотека "Руниверс"

power) къ своему центру, вслѣдствіе чего они не только притягиваютъ собственныя части и препятствуютъ имъ разлетѣться (keep them from flying from them), какъ наблюдаемъ на землѣ, но притягиваютъ также всѣ другія небесныя тѣла, находящіяся въ сферѣ ихъ дѣйствія. Потому не только солнце и луна имѣютъ вліяніе на тѣло и движеніе земли, но и Меркурій, и Венера, и Марсъ, и Юпитеръ и Сатурнъ также своимъ притяженіемъ имѣютъ значительныя вліянія на ея движеніе. Подобнымъ образомъ и земля соотвѣтственнымъ притяженіемъ вліяетъ на движеніе каждаго изъ этихъ тѣлъ. Второе предположеніе то, что всѣ тѣла, разъ приведенныя въ прямолинейное и простое движеніе, будутъ продолжать двигаться по прямой линіи, если не будетъ какой либо другой дѣйствующей силы, отклоняющей ихъ и принуждающей двигаться по кругу, эллипсису или другимъ болѣе сложнымъ кривымъ линіямъ. Третье предположеніе то, что притягательныя силы тѣмъ значительнѣе обнаруживаютъ себя, чѣмъ ближе тѣло, на которое онѣ дѣйствуютъ, находится отъ центра дѣйствія. Въ какой степени это увеличеніе зависитъ отъ разстоянія? Этого я еще не опредѣлилъ опытомъ (now what these several degrees are, in have not yet experimentally verified). Если преслѣдовать эту идею, какъ она того заслуживаетъ, то она несомнѣнно окажется очень полезною астрономамъ, дабы привести всѣ небесныя движенія къ опредѣленному правилу; чего, полагаю, иначе достичь нельзя".

Вообще въ эпоху, когда въ портфелѣ Ньютона лежало уже почти готовымъ его великое твореніе, вопросы о тяготѣніи и его законѣ носились въ воздухѣ и привлекали вниманіе способнѣйшихъ умовъ. Что притяженіе должно быть обратно квадрату разстоянія, это допускалъ Ньютонъ еще въ 1665 году, когда дѣлалъ свое первое вычисленіе дѣйствія земной тяжести на луну. Когда, благодаря Гюгенсу, разъяснились законы центробѣжной силы, Вренъ, Галлей занимались вопросомъ о зависимости тяготѣнія отъ разстоянія и принимали законъ квадрата разстояній, Гукъ заявлялъ свои притязанія.

Письмо Галлея отъ 29 іюня 1686 года, писанное къ Ньютону, по его желанію, разъясняетъ, кому принадлежала какая доля участія

Библиотека "Руниверс"

въ разрѣшеніи великаго вопроса. „Согласно желанію вашему, писалъ Галлей, я былъ у кавалера Врена, чтобы спросить, отъ Гука ли получилъ онъ первыя свѣдѣнія о законѣ квадрата разстояній. Онъ отвѣтилъ, что онъ много уже лѣтъ тому назадъ имѣлъ идею представить движеніе планетъ, какъ слѣдствіе сложенія двухъ силъ, одной направленной къ солнцу, другой—первоначально даннаго толчка, но оставилъ намѣреніе, не найдя средствъ къ его исполненію; что затѣмъ Гукъ часто увѣрялъ его, что онъ достигъ цѣли и даже часто вступалъ въ объясненіе своихъ изслѣдованій, но онъ, Вренъ, никогда не находилъ доказательствъ его убѣдительными... Въ январѣ 1684 г., прибавляетъ Галлей, я самъ изъ закона Кеплера о большихъ осяхъ вывелъ существованіе силы, направленной къ солнцу и обратно пропорціональной квадрату разстоянія. Въ одну изъ пятницъ встрѣтилъ въ Лондонѣ Врена и Гука. Разговоръ коснулся этого предмета; Гукъ утверждалъ, что, выходя изъ этого принципа, можно вывести всѣ законы небесныхъ движеній, и что онъ самъ это сдѣлалъ. Я передалъ о маломъ успѣхѣ моихъ попытокъ. Вренъ, желая возбудить къ этимъ изслѣдованіямъ, сказалъ, что даетъ два мѣсяца, чтобы мы принесли доказательства; что кромѣ чести, какую это принесетъ разрѣшившему, онъ предлагаетъ подарокъ—фунтъ въ 40 шиллинговъ. Тогда Гукъ отвѣтилъ, что онъ сдѣлалъ все это, но желаетъ скрывать до времени, чтобы другіе пытались достичь того-же и, не имѣя удачи, лучше оцѣнили его открытіе, когда онъ его опубликуетъ. Припоминаю однако, что Вренъ нѣсколько сомнѣвался, чтобы Гукъ могъ осуществить то, чѣмъ хвалился. И дѣйствительно, не смотря на обѣщаніе показать результаты Врену, онъ, сколько мнѣ извѣстно, обѣщанія этого не исполнилъ. Вслѣдствіе описаннаго разговора, я позволилъ себѣ въ слѣдующемъ августѣ отправиться къ вамъ въ Кембриджъ и узналъ такъ желанную новость, что вамъ удалось получить доказательство, котораго мы искали... Что касается Гука съ его ревнивымъ въ дѣлѣ науки характеромъ, не сомнѣваюсь, что если бы онъ былъ въ обладаніи подобнаго доказательства, онъ бы не держалъ дѣла въ секретѣ".

Библиотека "Руниверс"

Письмо Галлея было отвѣтомъ на длинное посланіе Ньютона, отправленное 26 іюня 1686 году. Въ этомъ посланіи, между прочимъ, отвергая претензіи Гука, Ньютонъ съ похвалою отзывается о трудѣ итальянскаго ученаго Борелли. „Theoria Medicearum planetarum ex causis physicis deducta“ (Флоренція, 1666). „Борелли сдѣлалъ нѣчто и писалъ скромно, говоритъ Ньютонъ, Гукъ ничего не сдѣлалъ, но выражался такъ, какъ будто все зналъ и изучалъ—за исключеніемъ того, что требуетъ скучныхъ хлопотъ наблюденія и вычисленія, ссылаясь на другія важныя занятія. Пріемъ удивительный! Бѣдные математики, открывающіе, развивающіе, устанавливающіе истины, должны довольствоваться, чтобы считаться сухими калькуляторами и ремесленниками; а нѣкто, ничѣмъ себя не заявляющій кромѣ претензій, цѣпляющійся за все, что дѣлается, будетъ приписывать исключительно себѣ всѣ изобрѣтенія, какъ предшествовавшія, такъ и тѣ, кои имѣютъ послѣдовать“.

Слѣдуетъ отмѣтить удивительную скромность Борелли: онъ былъ душою Академіи del Cimento, а заключить объ этомъ нельзя изъ изданія Академіи, опубликованнаго какъ плодъ коллективнаго труда членовъ, и только по сохранившимся протоколамъ засѣданій можно судить о львиной долѣ, ему принадлежащей. Эта скромность была причиною того, что имя его не звучитъ въ потомствѣ съ такою силою, какъ имена другихъ его великихъ современниковъ. Въ упомянутомъ сочиненіи о спутникахъ Юпитера, Борелли учитъ, что спутники около планеты, планеты около солнца удерживаются притягательнымъ дѣйствіемъ, уравновѣшивающимъ центробѣжное стремленіе, и нѣтъ надобности прибѣгать ни къ твердымъ небесамъ послѣдователей Аристотеля, ни къ вихрямъ Декарта. О Борелли какъ членѣ Флорентинской Академіи было упомянуто выше на стр. 199.

Вренъ (Wren; произносится, если не ошибаюсь, Ринъ) родился въ 1632 году, сынъ капелана Карла I. Подобно Галилею и Ньютону, въ годы дѣтства имѣлъ склонность къ устройству машинъ, и приборовъ; сдѣлалъ астрономическія инструменты и даже пневматическую машину. Въ 1657 году, 25-ти лѣтъ былъ уже преподавателемъ астро-

Библиотека "Руниверс"

номіи въ Gresham College въ Лондонѣ, а чрезъ три года получилъ каѳедру въ Оксфордскомъ университетѣ. Знаменитость Вренъ пріобрѣлъ какъ архитекторъ. Онъ былъ главнымъ строителемъ церкви Св. Павла въ Лондонѣ, первый камень который былъ заложенъ въ 1675 году, а послѣдній на верху купола въ 1711 году. Вренъ, скончавшійся въ 1723 году на 91 г. жизни, былъ погребенъ въ церкви св. Павла. „Si monumentum quaeris, circumspice“ (если ищешь памятника, оглянись вокругъ) значится надъ его могилою. Вренъ (Heller, Gesch. d. Ph., II, 207) первый указалъ равенство дѣйствія и противодѣйствія, выраженное потомъ Ньютономъ какъ третій законъ движенія. (Біографія Врена издана въ 1852 г.: Elmes, „Sir Chr. Wren and his times“).

Галлей (Edmund Halley) шестью годами моложе Ньютона; родился въ 1656 году, сынъ весьма достаточнаго мыловара. Учился въ Оксфордѣ. Первый трудъ объ опредѣленіи афелія и эксцентриситета планетъ помѣстилъ въ Philos. Transactions въ 1676 г., имѣя двадцать лѣтъ отъ роду. Путешествіе на островъ Св. Елены, предпринятое на казенный счетъ съ цѣлью составленія карты звѣзднаго неба, дало Галлею возможность въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изучать созвѣздія южнаго полушарія. Составленный имъ каталогъ „Catalogus stellarum australium“ былъ изданъ въ 1679 году. Въ это же путешествіе Галлею удалось наблюдать прохожденіе Меркурія по диску солнца. Въ 1698—1700, при Вильгельмѣ I, Галлей дѣлалъ еще два обширныя путешествія, много обогатившія свѣдѣнія о земномъ магнетизмѣ. Изслѣдуя пути кометъ по методѣ Ньютона, Галлей доказалъ тождество кометъ 1531, 1607 и 1682 и предсказалъ возвращеніе кометы въ 1759 году. Скончался Галлей въ началѣ 1724 года.

VI. *Исаакъ Ньютонъ.* Великія изслѣдованія Ньютона въ области механики природы и оптики будутъ предметомъ внимательнаго изложенія во второмъ отдѣлѣ настоящей части, гдѣ будетъ говорится о пріобрѣтеніяхъ физическихъ знаній въ XVII вѣкѣ и о ихъ состояніи къ концу этого вѣка. Здѣсь ограничимся краткою характеристикою его жизни и трудовъ. Когда спрашивали Ньютона, какимъ путемъ достигъ

Библиотека "Руниверс"

онъ великихъ открытій, которыя кажутся превышающими силы ума человѣческаго, то онъ отвѣчалъ, „я все думалъ объ этомъ“, и потомъ прибавилъ подробнѣе: „я носилъ изслѣдуемый предметъ постоянно въ умѣ, обращалъ его съ различныхъ сторонъ, пока наконецъ удавалось найдти нить, которая приводила меня къ ясному представленію“. Отвлеченная работа мысли поглощала все существо Ньютона. Его жизнь была послѣдовательною смѣною ученыхъ размышленій, его развлеченія состояли въ переходѣ отъ занятій трудныхъ къ другимъ болѣе легкимъ. Предаваясь работѣ мысли, онъ забывалъ и сонъ и пищу; часто утромъ заставали его сидящимъ предъ рабочимъ столомъ въ томъ же положеніи, въ какомъ оставили вечеромъ; погруженный въ занятія, онъ и не замѣчалъ, какъ летѣли часы. Разказываютъ, что однажды одинъ изъ пріятелей Ньютона пришелъ къ нему обѣдать. Не въ силахъ будучи оторваться отъ занятій, Ньютонъ заставилъ долго ждать голоднаго гостя. Послѣдній наконецъ не вытерпѣлъ и одинъ сѣлъ за столъ; потомъ, желая посмѣяться, оставилъ кости на тарелкѣ, прикрывъ ее салфеткой. Наконецъ вышелъ Ньютонъ и, найдя одни остатки обѣда, сказалъ: „Какой я разсѣянный! я и забылъ, что уже пообѣдалъ“. Являясь изрѣдка въ обществѣ, Ньютонъ забывалъ свѣтскія приличія: часто приходилъ въ публичныя собранія, имѣя одежду въ безпорядкѣ, съ нерасчесанными волосами, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ спустившихся чулкахъ. Никакая забава, никакое легкое удовольствіе не отвлекали Ньютона отъ занятій. Онъ всю жизнь не игралъ ни въ какую игру. Самая любовь не имѣла надъ нимъ силы: онъ никогда не зналъ ни ея радостей, ни ея тревогъ. Впрочемъ въ юности онъ былъ неравнодушенъ къ одной молодой дѣвушкѣ, но увы! эта первая и единственная любовь была такъ холодна, молодой ученый разсуждалъ такъ благоразумно о трудности жить вдвоемъ при недостаточныхъ средствахъ, что алгебра могла оставаться спокойною за своего поклонника.

Ньютонъ родился 5-го декабря 1642 года близь городка Grantham въ графствѣ Линкольнъ. Отецъ его владѣлецъ небольшого родоваго имѣнія Вульсторпъ (Woolsthorpe) умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ

Библиотека "Руниверс"

послѣ своей женитьбы, оставивъ жену, беременною будущимъ великимъ математикомъ. Рожденный, повидимому, прежде срока Ньютонъ появился на свѣтъ очень малымъ и слабымъ ребенкомъ. Средства матери были очень ограниченны, не многимъ превышая 50 фунтовъ въ годъ. Еще около 30 фунтовъ доставляла другая собственность матери вышедшей замужъ за пастора Смита, когда Ньютону было три года. Двѣнадцати лѣтъ Ньютонъ былъ отданъ въ публичную школу. Будущій великій ученый отличался молчаливымъ и уединеннымъ характеромъ, удалялся шумныхъ игръ и молодыхъ товарищей и, купивъ на сбереженныя деньги инструментовъ, въ свободное отъ уроковъ время работалъ модели разныхъ машинъ, какія ему случалось видѣть. Онъ сдѣлалъ вѣтряную мельницу по образцу видѣнной въ сосѣдствѣ; водяные часы; самокатъ, приводимый въ движеніе самимъ сидящимъ. Пятнадцати лѣтъ его взяли изъ школы съ цѣлью поручить ему управленіе хозяйственнымъ дѣломъ. Но скоро оказалась его неспособность къ занятіямъ этого рода. Тогда по совѣту дяди, замѣтившаго въ молодомъ Ньютонѣ рѣшительную склонность къ наукамъ, положили отправить его въ Кембриджъ, гдѣ удалось помѣстить его въ число неплатящихъ студентовъ — „Sizars“, какъ они именовались. Это былъ разрядъ студентовъ, пользовавшихся благотворительнымъ содержаніемъ. На нихъ возлагались нѣкоторыя служительскія работы. Еще въ нынѣшнемъ столѣтіи „Sizars“ въ Кембриджскомъ университетѣ, стоя, присутствовали за обѣдомъ такъ-называемыхъ *Fellows* (окончившіе курсъ студенты, оставленные при университетѣ въ качествѣ руководителей и преподавателей или просто какъ члены университетской корпораціи и получающіе, въ большей части случаевъ, содержаніе и стипендіи отъ университета) и достаточныхъ студентовъ, по временамъ прислуживали имъ и только по окончаніи ихъ обѣда садились за столъ.

Получивъ университетскія званія и степени (въ 1667 году онъ былъ сдѣланъ minor fellow, въ 1668—major fellow и получилъ степень magister artium), Ньютонъ въ 1669 году замѣстилъ на каѳедрѣ прикладной математики (Lucasian professorship) своего учителя Барроу

Библиотека "Руниверс"

(Barrow), посвятившаго себя теологіи, около этого времени сдѣланнаго капеланомъ короля Карла II, а съ 1675 года бывшаго канцлеромъ Кембриджскаго университета. Какъ профессоръ, Ньютонъ не отличался общедоступностію изложенія, и ему часто приходилось читать лекціи почти предъ пустыми стѣнами. Ньютонъ становился великимъ, когда углублялся въ себя и работалъ въ тишинѣ надъ разрѣшеніемъ тѣхъ великихъ вопросовъ, которые теперь, благодаря ему, составляютъ гордость ума человѣческаго. Ньютонъ самъ чувствовалъ свое призваніе, понималъ всю силу умственнаго механизма, сокрытаго въ его головѣ, и неохотно выходилъ изъ предѣловъ уединеннаго размышленія; избѣгалъ споровъ и всего болѣе дорожилъ внутреннимъ спокойствіемъ, необходимымъ для свободной работы мысли. Споры тяготили и раздражали его. Тѣмъ не менѣе ему пришлось выдерживать полемику по каждому изъ своихъ главныхъ открытій. Разложеніе бѣлаго луча на цвѣтные вызвало рядъ возраженій съ разныхъ сторонъ. Открытіе тяготѣнія возбудило пререканія съ Гукомъ. Впослѣдствіи Ньютонъ даже воздерживался высказывать свою полную мысль, чтобы не возбуждать споровъ, лишавшихъ его нравственнаго равновѣсія.

Еще въ студенческіе годы, когда Ньютону не было еще двадцати пяти лѣтъ, геній его обнаружился со всею силою. Въ 1665 и 1666 годахъ онъ въ области математики явился уже самостоятельнымъ продолжателемъ Валлиса и былъ уже въ обладаніи способа флюксій и бинома[1]); въ области механики природы имѣлъ уже геніальную

[1]) Когда въ 1668 году Меркаторъ издалъ свое сочиненіе „Logarithmotechnic“, въ которомъ далъ квадратуру гиперболы въ формѣ безконечнаго ряда, Барроу, учитель Ньютона, вспомнилъ, что видѣлъ подобную теорію, неограничивавшуюся притомъ только гиперболой, въ бумагахъ своего молодого ученика. По настоянію Барроу, трудъ Ньютона былъ сообщенъ въ 1669 году Коллинсу и лорду Броункеру. Рукопись носила заглавіе: „Метода нѣкогда мною найденная“ и проч. „Если это нѣкогда (autrefois), замѣчаетъ Фонтенель въ біографіи Ньютона (Oeuvr. de Fontenelle, VII, 265; изд. 1790) значитъ не болѣе какъ три года, то слѣдуетъ заключить, что двадцатичетырехлѣтній Ньютонъ обладалъ уже прекрасною теоріей рядовъ“.

Библиотека "Руниверс"

мысль о томъ, что дѣйствіе земной тяжести простирается до луны; въ области оптики разлагалъ уже бѣлый лучъ призмою.

Профессоръ Розенбергеръ въ недавно вышедшемъ почтенномъ трудѣ своемъ „Исаакъ Ньютонъ и его физическіе принципы“ („Isaak Newton und seine physikalischen Principien“, Leipzig, 1895) называетъ миѳическою эту первую эпоху научныхъ изслѣдованій и открытій Ньютона и разсказы біографовъ считаетъ легендарными. „По всей вѣроятности, замѣчаетъ онъ (119 стр.), до 1669 года Ньютонъ о разсѣяніи свѣта не имѣлъ никакого прочнаго представленія, если только имѣлъ какое либо... Подобнымъ образомъ настойчивая сознательная работа надъ рѣшеніемъ задачи о тяготѣніи началась во всякомъ случаѣ лишь послѣ перерыва оптическихъ работъ, а точное уразумѣніе понятій о всеобщемъ тяготѣніи достигнуто было не ранѣе 1680 года“.

Но не забудемъ, что объ эпохѣ занятій 1665 и 1666 годовъ есть свидѣтельства самого Ньютона, приводимыя и почтеннымъ историкомъ. Въ своемъ первомъ мемуарѣ о свѣторазсѣяніи „Новая теорія свѣта и цвѣтовъ“ („New theory about light und colours“) въ Philos. Transactions въ началѣ 1672 года, Ньютонъ, разсказывая ходъ своихъ изслѣдованій, въ самомъ началѣ упоминаетъ, что „въ 1666 году, когда занимался шлифовкою стеколъ иной формы кромѣ сферической, пріобрѣлъ трехгранную призму, чтобы изслѣдовать знаменитыя явленія цвѣтовъ“, и затѣмъ описываетъ свои наблюденія спектра. Трудно, конечно, рѣшить далеко ли шли его первоначальныя заключенія, но очевидно, что великое значеніе призмы, какъ снаряда для изученія явленія цвѣтовъ, было оцѣнено имъ, и имъ первымъ, съ самаго начала.

О первыхъ попыткахъ своихъ по вопросу о тяготѣніи Ньютонъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ Галлею отъ 20-го іюня и 14-го іюля 1686 года. Въ послѣднемъ упоминаетъ, что еще въ 1665 или 1666 годахъ, основываясь на законахъ Кеплера, онъ сдѣлалъ заключеніе объ уменьшеніи притяженія обратно пропорціонально квадрату разстоянія. А въ первомъ говоритъ о вычисленіи, сдѣланномъ болѣе чѣмъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, оставшемся въ бумагахъ и помощію

Библиотека "Руниверс"

котораго онъ доказывалъ законъ квадрата разстоянія и дѣлалъ сравненіе земной тяжести съ центробѣжнымъ стремленіемъ луны, оказавшееся не довольно точнымъ.

Мы не должны забывать что въ эпоху размышленій Ньютона двѣ идеи были весьма уже распространенными. Одна, что въ каждомъ небесномъ тѣлѣ части этого тѣла стремятся быть въ соединеніи, имѣютъ, какъ говорили, влеченіе къ центру. Мы видѣли разборъ этой идеи у Галилея. Другая—что между небесными тѣлами существуютъ взаимодѣйствія. Мы встрѣчались съ этой идеею у Гильберта. Далѣе, законъ квадрата разстояній какъ предположеніе представлялся и другимъ умамъ, кромѣ Ньютона.

Идея, оригинально принадлежащая Ньютону, была идея о томъ, что тяжесть земная простирается до луны и есть причина удерживающая луну на ея орбитѣ. Относительно зарожденія этой идеи и первыхъ попытокъ къ ея оправданію нѣтъ основанія, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, не довѣрять біографамъ Ньютона. По ихъ показаніямъ идея зародилась въ 1666 году, когда во время моровой язвы въ Лондонѣ, распространившейся и до Кембриджа, Ньютонъ уѣхалъ на нѣкоторое время на родину въ Woolsthorpe и тамъ предавался размышленіямъ. Сохранился разсказъ, быть можетъ легендарный, о томъ, что на размышленія о тяжести навело Ньютона упавшее съ дерева яблоко. Ни Пембертонъ (Pemberton, авторъ „A view of sir Isaak Newton's philosophy") хорошо знавшій Ньютона въ послѣдніе годы его жизни, ни Уистонъ, преемникъ Ньютона по каѳедрѣ,—объ яблокѣ не упоминаютъ. Но Вольтеру разсказывала объ этомъ случаѣ племянница Ньютона Катерина Бартонъ (Mrs. Conduit въ замужествѣ). Въ саду дома Ньютона, по словамъ Біо, долгое время показывали самое дерево, съ котораго свалилось яблоко [1]).

[1]) Объ анекдотѣ съ яблокомъ Байронъ въ „Донъ Жуанѣ" написалъ строфу, такъ переведенную покойнымъ И. Н. Павловымъ для одной изъ моихъ публичныхъ лекцій въ 1868 году:

Случилось яблоку, упавши, перервать
Глубокія Ньютона размышленья,

Библиотека "Руниверс"

Пембертонъ, имѣвшій всю возможность отъ самого Ньютона знать исторію его открытія, передаетъ слѣдующее о первыхъ размышленіяхъ создателя ученія о тяготѣніи [1]):

„Однажды, въ 1666 году, когда по случаю опустошеній причинявшихся моровою язвою въ Кембриджѣ, Ньютонъ удалился въ деревню, онъ впалъ въ глубокое размышленіе о силѣ тяжести. Онъ замѣтилъ, что уже вслѣдствіе того, что сила эта не уменьшается замѣтно на самыхъ значительныхъ разстояніяхъ отъ земли, какихъ можемъ достигнуть, напримѣръ, на самыхъ высокихъ горахъ, естественно думать, что она простирается и много далѣе. Почему, сказалъ онъ самому себѣ, не простираться бы ей и до луны? А если такъ, то возможно, что этою именно силою эта планета удерживается на своей орбитѣ. Однако, хотя тяжесть замѣтно не ослабляется на тѣхъ малыхъ разстояніяхъ, на какія мы можемъ удалиться отъ центра земли, но очень возможно, что на разстояніи луны эта сила значительно ослабѣваетъ. Чтобы опредѣлить степень этого ослабленія, онъ принялъ во вниманіе, что если луна удерживается на орбитѣ своею тяжестію, то эта же самая сила (cette même force, этого же рода сила), по всей видимости должна быть причиною періодическихъ обращеній планетъ вокругъ солнца. Принявъ во вниманіе связь временъ обращенія для каждой планеты съ ихъ разстояніями отъ солнца, онъ нашелъ, что если онѣ удерживаются на орбитахъ силою, подобною тяжести, то сила эта должна уменьшаться пропорціонально квадрату разстоянія. Онъ вывелъ это слѣдствіе въ предположеніи, что планеты описываютъ круги строго концентрическіе относительно солнца, чего впро-

---

И говорятъ, (не стану отвѣчать
За мудрецовъ догадки и ученья)
Нашелъ онъ въ этомъ способъ доказать
Весьма наглядно силу тяготѣнья.
Съ паденьемъ стало быть и яблокомъ лишь онъ
Былъ въ силахъ справиться съ Адамовыхъ временъ.

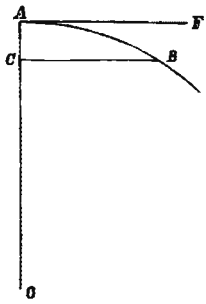
[1]) Сочиненіе Пембертона я имѣлъ въ французскомъ переводѣ: Eléments de la philosophie Newtonienne. Amsterd. et Leipzig 1755. Préface de l'auteur, VII.

Библиотека "Руниверс"

чемъ нѣтъ для большей части этихъ тѣлъ. Но допустивъ, что сила тяжести, простираясь до луны, уменьшается въ сказанномъ отношеніи, онъ вычислилъ, достаточна ли сила эта для того, чтобы удержать луну на ея орбитѣ. Сдѣлавъ вычисленіе безъ книгъ, онъ взялъ въ основаніе число, принятое нашими географами и моряками (Norwood тогда не измѣрилъ еще земли), и предположилъ, что градусъ широты на поверхности земли содержитъ въ себѣ 60 англійскихъ миль. Но такъ какъ это предположеніе не вѣрно, ибо каждый градусъ содержитъ $69^1/_2$ миль, то вычисленіе Ньютона не отвѣтило его надеждамъ. Онъ заключилъ, что есть еще нѣкоторая причина, вліяющая вмѣстѣ съ тяжестію на движеніе луны. Это обстоятельство побудило его отложить на время размышленіе объ этой матеріи".

Брюстеръ въ „Жизни Ньютона", не приводя хода вычисленія, говоритъ, что оно дало для пространства, проходимаго въ секунду падающимъ тѣломъ къ земной поверхности, $13^1/_2$ футовъ, тогда какъ опытомъ опредѣленное число равняется $15^1/_2$ футомъ.

Чтобы возстановить ходъ первыхъ вычисленій Ньютона, не представляется достаточно данныхъ. Но съ значительною вѣроятностію можно полагать, что первоначальныя вычисленія основывались на законахъ, найденныхъ Галилеемъ касательно движенія падающихъ и брошенныхъ тѣлъ. Галилей доказалъ (см. выше стр. 97), что брошенное горизонтально по AF тѣло достигаетъ, падая криволинейно, точки B въ то самое время, въ какое прямымъ паденіемъ, безъ начальной скорости, достигло бы точки C, опредѣляемой линіей BC параллельной AF. Въ случаѣ луны, которую можно разсматривать какъ тѣло,

имѣющее,—подобно брошенному,—нѣкоторую начальную скорость по направленію касательной AF, описываемая кривая есть кругъ, центръ котораго въ центрѣ земли. Зная длину хорды AB, которую, при малости времени, можно считать совпадающею съ кривой AB, можно опре-

Библиотека "Руниверс"

дѣлить AC по геометрической теоремѣ о хордѣ какъ средней пропорціональной между всѣмъ діаметромъ и прилежащимъ отрѣзкомъ. Имѣемъ $AB^2 = 2R \cdot AC$, гдѣ R радіусъ лунной орбиты, равный шестидесяти земнымъ радіусамъ. Относя опредѣленія къ одной минутѣ, найдемъ $AB = \frac{2\pi R}{T}$, гдѣ T время обращенія луны вокругъ земли, выраженное въ минутахъ. Зная AB, опредѣлимъ AC, то-есть пространство, какое тяжелое тѣло, находящееся на разстояніи луны, прошло бы въ минуту, прямо падая на землю. Пусть $AC = h$.

Но если тяжелое тѣло, находясь на разстояніи луны, проходитъ, приближаясь къ землѣ, въ минуту пространство h, то при земной поверхности оно должно проходить въ такое же время пространство значительно бо́льшее, такъ какъ тяжесть на разстояніи луны дѣйствуетъ значительно слабѣе чѣмъ при поверхности земли. Во сколько разъ слабѣе? Если принять, что ослабленіе происходитъ пропорціонально квадрату разстоянія [1]), то слѣдуетъ принять, что сила тяжести при земной поверхности въ 60^2 болѣе чѣмъ на разстояніи луны. А такъ какъ при ускорительномъ движеніи пространство проходимое въ минуту въ 60^2 разъ болѣе проходимаго въ секунду, то слѣдуетъ заключить, что пространство, какое падающее тѣло проходитъ на разстояніи луны въ *минуту*, на земной поверхности было бы пройдено въ *секунду*. Слѣдовательно опредѣленная выше величина h должна выражать пространство, проходимое падающимъ тѣломъ на земной поверхности въ одну секунду. А потому и должна равняться $15^1/_2$ футамъ. Вычисленіе, сдѣланное на основаніи невѣрной величины земнаго радіуса, дало, какъ выше сказано, $13^1/_2$ футовъ.

Чрезъ семнадцать лѣтъ, въ 1682 году, Ньютонъ въ Лондонѣ на

---

[1]) Заключеніе объ уменьшеніи притяженія въ зависимости отъ квадрата разстоянія могло быть сдѣлано на основаніи подобнаго же соображенія. Примѣняя чертежъ къ случаю планеты, обращающейся около солнца по кругу, находимъ $AC = \frac{AB^2}{2R} = \frac{2\pi^2 R}{T^2}$, гдѣ R разстояніе планеты отъ солнца, T время обращенія. Для другой планеты $A'C' = \frac{2\pi^2 R_1}{T_1^2}$. А такъ какъ по третьему Кеплерову закону $\frac{T^2}{T_1^2} = \frac{R^3}{R_1^3}$, то получимъ, что $AC : A'C' = R_1^3 : R^3$.

Библиотека "Руниверс"

засѣданіи Королевскаго Общества услыхалъ о новомъ измѣреніи градуса меридіана, сдѣланномъ во Франціи Пикаромъ и возобновилъ вычисленіе 1665 года съ новыми данными. Когда вычисленіе приходило къ концу и становилось яснымъ, что результатъ удовлетворитъ ожиданія, Ньютонъ не могъ окончить вычисленія и передалъ его присутствовавшему другу. Такъ сообщаетъ, говоритъ Біо, Робизонъ (Robison) въ своихъ „Elements of Natural Philosophy".

Отложивъ временно вопросъ о тяготѣніи, Ньютонъ въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ предался съ особеннымъ рвеніемъ оптическимъ вопросамъ. Главнымъ образомъ чрезъ оптическія изслѣдованія открылся ему доступъ въ Королевское Общество. Въ концѣ 1671 года Ньютонъ препроводилъ въ Общество имъ самимъ изготовленный отражательный телескопъ, который былъ изслѣдованъ сэръ Робертомъ Морей, Вреномъ, Гукомъ и признанъ важнымъ изобрѣтеніемъ. Въ январѣ 1672 года инструментъ былъ представленъ королю. Описаніе инструмента, по совѣту членовъ Общества, Ньютонъ послалъ Гюйгенсу въ Парижъ. Инструментъ былъ описанъ въ „Journal des Savants". Онъ и нынѣ хранится въ библіотекѣ Общества съ надписью „Invented by sir Isaac Newton und made with his own hands. 1671". Какъ Ньютонъ объяснялъ въ письмѣ Ольденбургу, секретарю Общества, въ маѣ 1672 года, мысль о катоптрическомъ телескопѣ родилась у него при чтеніи „Optica promota" Грегори[1]), въ которой авторъ предлагаетъ устройство теле-

[1]) Джемсъ Грегори (James Gregory), извѣстный математикъ и астрономъ, родился въ Шотландіи, въ Абердинѣ, въ 1638 году; умеръ въ Эдинбургѣ въ 1675 году, не имѣя еще тридцати семи лѣтъ отъ роду. За нѣсколько дней до смерти онъ ослѣпъ внезапно при наблюденіи спутниковъ Юпитера. Сочиненіе его „Optica promota, seu abdita radiorum reflexorum et refractorum mysteria geometrice enucleata" вышло въ Лондонѣ въ 1663 году. Послѣ 1665 года онъ ѣздилъ въ Италію, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Падуа. Здѣсь написалъ сочиненіе о квадратурѣ круга и гиперболѣ, вызвавшее полемику съ Гюйгенсомъ. Въ 1668 году вернулся въ Англію, былъ членомъ Королевскаго Общества, а позже профессоромъ математики въ Эдинбургѣ. Племянникъ его Давидъ Грегори былъ также извѣстный математикъ профессоръ въ Эдинбургѣ и затѣмъ въ Оксфордѣ, авторъ, между про-

Библиотека "Руниверс"

скопа, основанное на отраженіи. Ньютонъ, неудовлетворенный предложеннымъ устройствомъ, усовершенствовалъ идею и сдѣлалъ собственноручно небольшой телескопъ, оказавшійся способнымъ замѣнить зрительную трубу въ шесть футовъ длиною. Второй изготовленный инструментъ былъ тотъ, который Ньютонъ послалъ въ Королевское Общество. Инструменты, сдѣланные руками Ньютона, были первыми катоптрическими телескопами, практически осуществленными. Грегори въ 1664 году занимался въ Лондонѣ изготовленіемъ телескопа по своей идеѣ, но снарядъ не удался, такъ какъ мастера не могли отшлифовать вогнутаго зеркала, предположеннаго значительныхъ размѣровъ. Практическое устройство телескопа по системѣ Грегори осуществилъ въ 1674 году Гукъ, но инструментъ не былъ удаченъ.

1687 годъ былъ ознаменованъ научнымъ событіемъ великой важности. Благодаря настояніямъ Галлея и участію Королевскаго Общества Ньютонъ издалъ свое великое произведеніе „Philosophiae naturalis principia mathematica“. Ученый авторитетъ Ньютона утвердился на безспорной высотѣ, но житейское и матеріальное положеніе его оставалось весьма скромнымъ.

Впрочемъ въ 1688 году Кембриджскій университетъ послалъ его своимъ представителемъ въ парламентъ. Ньютонъ вообще всячески удалялся отъ политическихъ и общественныхъ волненій. Одно событіе вызвало его, однако, на поприще политической борьбы. По исповѣданію и по религіознымъ убѣжденіямъ своимъ онъ былъ врагомъ католицизма. Король Іаковъ II, покровительствовавшій напротивъ того католикамъ, требовалъ, чтобъ Кембриджскій университетъ далъ ученую степень одному бенедиктинскому монаху, не подвергая его принятой присягѣ и установленнымъ формамъ. Университетъ почтительно поставилъ на видъ свои установленія; но король настаивалъ на своемъ требованіи. Ньютонъ былъ въ числѣ наиболѣе ревностныхъ охранителей университетскихъ правъ. Вице-канцлеръ (John Pechell) Кембриджскаго университета и нѣсколько профессоровъ, — въ ихъ числѣ

чимъ, сочиненія: „Catoptricae et dioptricae sphericae elementa“. Родился въ 1661, умеръ 1710 году.

Библиотека "Руниверс"

Ньютонъ, — высланныхъ университетомъ въ качествѣ его представителей, вызваны были на судъ высшей коммиссіи, недавно учрежденной королемъ. Коммиссія рѣшила удалить вице-канцлера отъ должности; профессорамъ было сдѣлано внушеніе.

Это происшествіе и высокая ученая слава Ньютона были причиною его избранія (1688 г.) въ члены парламента, въ качествѣ представителя Кембриджскаго университета. Но Ньютонъ былъ весьма и весьма молчаливымъ членомъ парламента. „Онъ говорилъ, — сообщаетъ по словамъ одного біографа, Араго, — только однажды и то, чтобы велѣть служителю закрыть окно, отъ котораго могъ простудиться ораторъ, произносившій въ то время рѣчь". Вообще Ньютонъ не былъ способенъ говорить предъ публикою. Это происходило отчасти отъ какой-то внутренней робости, порожденной привычкою къ уединенному размышленію объ отвлеченныхъ истинахъ науки, удалявшихъ Ньютона далеко отъ всего окружающаго.

Къ девяностымъ годамъ относится событіе не вполнѣ разъясненное—временное душевное разстройство Ньютона. Нѣкоторые біографы приводятъ его въ связь съ потерею бумагъ, сгорѣвшихъ, когда отправившись въ церковь, Ньютонъ позабылъ на своемъ столѣ зажженую свѣчу, а любимая собачка его уронила ее на бумаги. Есть также указаніе, что Ньютонъ продолжительное время страдалъ безсонницею. Такъ или иначе, фактъ душевнаго разстройства подтверждается многими свидѣтельствами. Въ дневникѣ знаменитаго голландскаго ученаго Гюйгенса, современника Ньютона, сохранилась слѣдующая замѣтка: „24-го мая 1694 года увѣдомилъ меня шотландскій ученый Коллинсъ, что восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ знаменитый геометръ Ньютонъ, вслѣдствіе излишне-усиленнаго прилежанія къ занятіямъ или можетъ быть вслѣдствіе безмѣрнаго горя о потерѣ во время пожара его химической лабораторіи и нѣкоторыхъ бумагъ, подвергся разстройству ума. Когда онъ пришелъ къ архіепископу кантерберійскому, то сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, которыя обнаружили помѣшательство его разсудка. Но благодаря стараніямъ врачей, которые не позволили ему нѣкоторое время выходить изъ дому и употребляли

Библиотека "Руниверс"

всевозможныя пособія, его здоровье почти возстановилось, и онъ начинаетъ понимать *Principia*". Въ этомъ извѣщеніи, какъ обнаружилось по изслѣдованіямъ Брюстера, много невѣрнаго: и самая степень разстройства ума, и продолжительность болѣзни, и связь между потерею бумагъ и болѣзненнымъ состояніемъ. Но письма самого Ньютона, относящіяся къ 1692 и 1693 гг., ясно доказываютъ, что около этого времени онъ впалъ въ ненормальное душевное состояніе, которое повлекло за собою разстройство всего его организма. Въ письмѣ къ секретарю адмиралтейства (въ сентябрѣ 1693) Ньютонъ самъ говорилъ: „Я очень тревожусь разстройствомъ, въ которомъ нахожусь, и вотъ уже двѣнадцать мѣсяцевъ какъ я потерялъ сонъ и аппетитъ и не чувствую прежней твердости разсудка (consistency of mind)". Другія письма, относящіяся къ этой же эпохѣ, отличаются нѣкоторою несвязностью изложенія, и Ньютонъ самъ иногда жалуется, что совершенно не помнитъ того, что писалъ прежде.

19-го марта 1696 года Ньютонъ получилъ отъ своего молодаго почитателя и друга Чарльза Монтегъ (Charles Montague), впослѣдствіе лорда Галифакса, члена, а съ 1695 года президента Королевскаго Общества, канцлера финансовой коллегіи съ 1694 года, письмо, въ которомъ знатный другъ предлагалъ Ньютону мѣсто (одного изъ Warden of the Royal Mint) при королевскомъ монетномъ дворѣ. „Я радъ, писалъ онъ, что могу, наконецъ, дать вамъ хорошее доказательство моей дружбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того уваженія, какое король питаетъ къ вашимъ заслугамъ... Должность очень вамъ подходящая. Она приноситъ отъ пяти до шести сотъ фунтовъ въ годъ и потребуетъ отъ васъ столько времени, сколько можете сами удѣлить... Навѣстите меня, какъ пріѣдете въ городъ"... Ньютонъ принялъ мѣсто, а чрезъ три года въ 1699 году былъ поставленъ во главѣ монетнаго двора, какъ „Master of the Mint", съ содержаніемъ 1.500 фунтовъ. Это мѣсто поставило Ньютона въ ряды государственныхъ сановниковъ и упрочило его матеріальное положеніе.

Когда Ньютонъ еще не получалъ мѣста при монетномъ дворѣ, онъ довольствовался скромнымъ жалованьемъ профессора. Въ то время,

Библиотека "Руниверс"

какъ его слава, говоритъ Брюстеръ, гремѣла по Европѣ, когда сами англичане смотрѣли на него, какъ на гордость своей земли, Ньютонъ пользовался относительно скуднымъ содержаніемъ и не имѣлъ другихъ источниковъ, кромѣ профессорскаго жалованья и ничтожнаго дохода съ отцовскаго имѣнія.

Въ 1703 году Королевское Общество избрало Ньютона своимъ президентомъ, и въ этомъ званіи онъ остался до конца своей жизни, въ мартѣ 1727 года.

VII. *Идеи Ньютона о всеобщемъ тяготѣніи.* Два года должно отмѣтить, какъ особо знаменательные, въ послѣднюю эпоху дѣятельности великаго ученаго: 1704, когда вышла „Оптика" Ньютона, и 1713, когда появилось второе изданіе его „Principia". О научномъ содержаніи великихъ твореній, столько внесшихъ въ капиталъ человѣческаго знанія, будемъ говорить во второмъ отдѣлѣ. Здѣсь ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей втораго изданія „Principia" сравнительно съ первымъ, имѣющихъ отношеніе къ общему воззрѣнію Ньютона на явленіе всеобщаго тяготѣнія. Заботы по второму изданію Principia были переданы Ньютономъ молодому талантливому Котсу, рано похищенному смертію. „Если бы не умеръ Котсъ, говорилъ о немъ Ньютонъ, мы бы еще что нибудь узнали" [1]).

Великое твореніе Ньютона состоитъ изъ трехъ книгъ. Первыя двѣ посвящены математическимъ началамъ ученія о движеніи и излагаютъ предметъ по способу и съ достовѣрностію геометріи. Ихъ хотѣлъ первоначально издать Ньютонъ подъ заглавіемъ „De motu corporum"; Галлей настоялъ на изданіи полнаго сочиненія. Третья книга „De mundi systemate" заключаетъ въ себѣ изложеніе системы планетнаго міра на основаніи закона тяготѣнія. Математическія начала получаютъ примѣненіе къ объясненію наблюдаемыхъ движеній свѣтилъ.

Въ первомъ изданіи [2]) „Principia", 1687 года, третья книга на-

[1]) Котсъ (Roger Cotes), сынъ пастора въ Кембриджѣ, былъ профессоромъ физики и астрономіи въ Кембриджскомъ университетѣ съ 1706 года; скончался въ 1716 году тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду (родился въ 1682).

[2]) Экземпляръ этого нынѣ рѣдкаго изданія имѣется въ Императорской Публ. Библіотекѣ.

Библиотека "Руниверс"

чиналась девятью гипотезами (Hypotheses). Первая гласитъ: Causas rerum naturalium non plures admitti debere quam quae et vera sint et phaenomenis explicandis sufficiunt. Natura enim simplex est et rerum causis superfluis non luxuriat. (Причинъ вещей не должно допускать лишнихъ противъ тѣхъ, которыя и вѣрны и достаточны для объясненія явленій. Природа проста и не роскошествуетъ лишними причинами). Вторая гипотеза: Ideoque effectuum naturalium ejusdem generis eaedem sunt causae. Uti respirationis in homine et in bestia; descensus lapidis in Europa et in America; lucis in igne culinari et in sole; reflexiones lucis in terra et planetis. (Явленія одного рода должны имѣть и одинаковыя причины. Такъ дыханіе у человѣка и у звѣря, паденіе камня въ Европѣ и въ Америкѣ; свѣтъ отъ очага и отъ солнца, отраженіе лучей на землѣ и на планетахъ).

Замѣчательна третья гипотеза, находящаяся въ связи съ химическими занятіями и теоріями Ньютона. Corpus omne in alterius cujusque generis corpus transformari posse et, qualitatum gradus omnes intermedios successive induere. (Каждое тѣло можетъ преобразоваться въ тѣло другаго какого либо рода, проходя чрезъ всѣ промежуточныя ступени качествъ). Эта алхимическая идея первоначальной однородности матеріи была по совѣту Котса исключена при второмъ изданіи Principia.

Четвертая гипотеза: Centrum systematis mundi quiescere. Hoc ab omnibus concessum est, dum aliqui terram, alii solem in centro quiescere contendant. (Центръ системъ міра находится въ покоѣ. Это всѣми признается, но по однимъ въ центрѣ покоится земля, по другимъ напротивъ солнце). Остальныя пять гипотезъ выражаютъ законы Кеплера въ приложеніи къ движенію планетъ и спутниковъ.

Во второмъ изданіи начало третьей книги обработано иначе. Гипотезы исключены и замѣнены четырьмя правилами философствованія: regulae philosophandi.

Замѣна произошла подъ вліяніемъ Котса, настоявшаго на томъ, чтобы идея всеобщности тяготѣнія и принадлежности его всѣмъ тѣламъ, какъ общаго ихъ свойства, рѣзче была проведена въ сочиненіи.

Библиотека "Руниверс"

Котсъ отъ своего имени предпослалъ второму изданію длинное предисловіе, которое посвятилъ укрѣпленію этой идеи. Занимающихся физикою Котсъ дѣлитъ на три класса. Одни, приписывающіе отдѣльнымъ родамъ вещей специфическія скрытыя качества, остаются при наименованіи вещей, а не при самыхъ вещахъ. Другіе выкинули весь этотъ безполезный наборъ словъ и были привѣтствованы. Принимая однородность матеріи, наблюдаемое разнообразіе тѣлъ стали объяснять изъ простыхъ, легко понимаемыхъ отношеній ихъ составныхъ частей. Но позволили себѣ самыя произвольныя допущенія касательно фигуры, величины, положенія движенія этихъ частей. Придумали нѣкоторыя скрытыя жидкости наполняющіи норы тѣлъ и приписали имъ разныя движенія. Возникли мечтанія, составлены басни, хотя и строго удовлетворяющія механическимъ законамъ, изящныя, прекрасныя, но все таки басни (намекъ на Декарта и Картезіанцевъ). Третьи, наконецъ, обратились къ экспериментальной философіи и выводятъ силы и законы помощію анализа изъ изучаемыхъ явленій и полагаютъ ихъ въ основаніи для синтетическаго объясненія остальныхъ явленій. Этого пути держался знаменитый составитель настоящаго сочиненія, достигнувшій объясненія системы міра на основаніи закона тяготѣнія.

Котсъ обозрѣваетъ далѣе явленія тяготѣнія; во-первыхъ, между землею и тѣлами на ней находящимися: тяготѣніе цѣлаго слагается изъ притягательныхъ дѣйствій частей и пропорціонально количеству матеріи. Во-вторыхъ, въ небесныхъ пространствахъ. Тѣло по инерціи сохраняетъ прямолинейное равномѣрное движеніе. Если движеніе криволинейно, то это значитъ, что есть уклоняющая сила. Въ случаѣ планетъ и ихъ спутниковъ она центростремительна и дѣйствуетъ по закону квадрата растояній. Въ случаѣ луны центростремительная сила есть земная тяжесть. Въ случаѣ спутниковъ Юпитера,— ихъ тяготѣніе къ этому тѣлу. Въ случаѣ планетъ—ихъ тяготѣніе къ солнцу. Къ солнцу тяготѣютъ кометы, когда изъ пространства приходятъ въ солнечную систему. Всѣ притяженія эти взаимны и пропорціональны количеству матеріи.

Библиотека "Руниверс"

Правильность такихъ заключеній основывается на общемъ законѣ принимаемомъ всѣми учеными: одинакія дѣйствія происходятъ отъ одинакихъ причинъ. Если тяжесть причиняетъ паденіе камня въ Европѣ, то она же производитъ его паденіе въ Америкѣ. Если въ Европѣ притягательная сила камня и земли слагается изъ отдѣльныхъ притяженій ихъ частей, то тоже происходитъ и въ Америкѣ. На этомъ правилѣ зиждется вся физика.

Такъ какъ всѣ тѣла на землѣ и въ небѣ, надъ которыми можно сдѣлать опыты и набаюденія обнаруживаютъ тяготѣніе, то значитъ тяготѣніе принадлежность всѣхъ тѣлъ. Какъ нельзя мыслить тѣло, которое не имѣло бы протяженія, непроницаемости, подвижности, такъ нельзя представить себѣ тѣла не имѣющаго тяжести. Говорятъ, звѣзды—не извѣстно тяжелы ли. Но столь же не извѣстно имѣютъ ли онѣ протяженность, непроницаемость, подвижность. Или тяжесть принадлежитъ къ первоначальнымъ свойствамъ, или столь же мало принадлежатъ къ нимъ протяженіе, подвижность, непроницаемость. Это возобновленіе скрытыхъ качествъ, слышу отъ нѣкоторыхъ. Но тяжесть не скрытое качество, ибо наблюденіе показываетъ, что она фактически существуетъ.

Есть которые, продолжаетъ Котсъ, говорятъ, что тяготѣніе сверхъестественно и именуютъ его постояннымъ чудомъ (sunt qui gravitatem praeter naturam dicunt et miraculum perpetuum vocant). А потому оно должно де быть устранено изъ разсмотрѣнія, такъ какъ въ физикѣ нѣтъ мѣста сверхъестественнымъ причинамъ (praeternaturales causae locum non habent). Опровергать такое очевидно неосновательное возраженіе, ниспровергающее всю философію природы (philosophiam universam), едва ли стоитъ труда. Или они отрицаютъ, что тяготѣніе вложено (indita) во всѣ тѣла, или хотятъ выраженіемъ: сверхъ природы, praeter naturam, сказать, что тяготѣніе не имѣетъ происхожденія отъ другихъ тѣлесныхъ проявленій и чрезъ то отъ механическихъ причинъ (quod ex aliis corporum affectionibus atque idem ex causis mechanicis originem non habeat). Есть безъ сомнѣнія первоначальныя тѣлесныя проявленія—primariae corporum affectiones, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыя, какъ первоначальныя, отъ другихъ не зависятъ. Не должны ли и они всѣ быть отброшены, какъ внѣ природы стоящія. Пусть сообразятъ, какая же составится будущая философія?

Въ разсмотрѣніи причинъ мы восходимъ обыкновенно отъ сложныхъ къ простѣйшимъ. Когда же дошли до простѣйшей причины, далѣе поступать нельзя. Для простѣйшей причины не можетъ быть механическаго объясненія (causa igitur simplicissimae nulla dari potest mechanica explicatio). Если бы было такое объясненіе, причина не была бы простѣйшею. Назовемъ ли потому простѣйшія причины потаенными и велимъ ихъ исключить? Придется исключить и непосредственно отъ нихъ зависящія и тѣ которыя отъ этихъ въ очередь зависятъ, такъ что философія опустѣла бы о опорожнилася отъ всѣхъ причинъ (usque dum a causis omnibus vacua fuerit et probe purgata philosophia) [1]).

---

[1]) По поводу послѣдняго замѣчанія Котса, мною въ статьѣ о паденіи тѣлъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* (въ октябрѣ 1893 года) высказаны были слѣдующія соображенія. Понятіе причина, въ приложеніи къ объясненію явленій природы, имѣетъ весьма широкій смыслъ. Можно различать два рода причинъ: ближайшія и отдаленныя. Подъ первыми разумѣю тѣ причины, которыя мы отыскиваемъ, размышляя съ открытыми окнами чувствъ. Онѣ находятся въ области чувственнаго наблюденія. Наблюдаемъ мы тѣла, то-есть матеріальныя куски, ихъ взаимныя приближенія, удаленія. Когда куски малы, они ускользаютъ отъ непосредственнаго наблюденія. Но еслибы чувства наши были изощреннѣе, мы увидѣли бы ихъ въ крайнихъ степеняхъ ихъ дробности. Наблюденіе въ мірѣ тѣлъ знакомитъ насъ съ простѣйшими случаями ихъ взаимодѣйствія. Взаимодѣйствія эти называемъ механическими и изучаемъ ихъ помощію опыта, выводя нѣкоторыя постоянныя правила или законы. Научное воображеніе позволяетъ перенести понятія и выводы, доставленные міромъ тѣлъ, въ невидимый міръ малыхъ частицъ и подвергать его обсужденію того же порядка, какъ если бы это былъ міръ наблюдаемыхъ тѣлъ. Размышленіе и въ этомъ случаѣ можетъ быть признано размышленіемъ съ открытыми окнамъ чувствъ, если приводитъ къ выводамъ способнымъ подлежать повѣркѣ помощію опыта и дѣйствительно помощію его провѣряемымъ.

Размышленіе съ закрытыми окнами чувствъ, устраняющее провѣрку опы-

Библиотека "Руниверс"

Законы природы результатъ божественной воли и божественнаго провидѣнія, а не необходимости или судьбы. Познавать же ихъ должны мы изъ наблюденія и опыта.

„Превосходное сочиненіе Ньютона, говоритъ въ заключеніе Котсъ, вѣрный оплотъ противъ безбожія. Это чувствовалъ и показалъ Бентлей,

---

томъ имѣетъ дѣло съ пріобрѣтенными понятіями въ томъ видѣ, какъ они уже пріобрѣтены. То обстоятельство, что одни понятія обозначаютъ вещи, подлежащія или способныя подлежать чувственному наблюденію, другія обозначаютъ вещи неподлежащія и неспособныя подлежать чувственному наблюденію — тутъ утрачиваетъ свое значеніе. Для такого размышленія всякое понятіе есть вещь, на равномъ правѣ подлежащая сознанію. Бытіе ея обусловливается не тѣмъ, что ее можно взять руками, осязать, такъ сказать, чувствами, а тѣмъ, что она для сознанія является какъ нѣкоторое отдѣльное цѣлое (можетъ быть названа словомъ, означена символомъ). Отношенія между вещами такъ понимаемыми не могутъ уже быть механическими (механическія отношенія принадлежность нѣкоторой части вещей и то лишь между собою). Не могутъ быть механическими и объясненія того, что вслѣдствіе этихъ отношеній происходитъ. Объясненіе дѣлается помощію причинъ, названныхъ нами отдаленными. Объясненіе помощію отдаленныхъ причинъ не слѣдитъ за явленіемъ такъ, какъ оно происходитъ, а указываетъ, что иначе оно происходить не можетъ. Такъ должно быть; явленіе осуществляется какъ необходимость. Какимъ механизмомъ предписаніе исполнено—это оставляется безъ разсмотрѣнія. Указывается необходимое требованіе, цѣль, достаточное основаніе, для того, чтобы явленіе было такъ. Человѣкъ склоненъ поспѣшно переходить къ отдаленнымъ причинамъ. Первые вопросы любознательности по отношенію къ явленіямъ природы суть обыкновенные вопросы объ отдаленныхъ причинахъ. Зачѣмъ то или другое возпріяло бытіе? Указаніемъ логическаго raison d'être вещи часто и удовлетворяется любознательность. Изученіе механизма явленій требуетъ великаго труда и подвигается медленно.

Наконецъ, путь механическаго объясненія дѣйствительно имѣетъ предѣлъ, какъ то и указываетъ Котсъ. Какъ бы тщательно ни были изучены законы механики частицъ, какъ бы ни были они оправданы послѣдствіями, подлежащими опытной повѣркѣ, какую бы ни пріобрѣли громадную вѣроятность, но и тогда, силою науки, мы только явились бы существомъ, которое какъ бы видитъ и ощущаетъ этотъ частичный міръ такъ какъ мы видимъ и ощущаемъ міръ тѣлъ. Но развѣ для существа этого не возникли бы, по отношенію къ частицамъ и ихъ отношеніямъ, новые вопросы? Чувственное познаніе имѣетъ необходимый

Библиотека "Руниверс"

украшеніе нашего вѣка, нашего Общества, достойный наставникъ въ нашей коллегіи. Изданіе это имѣетъ появиться подъ его руководительствомъ и на его счетъ (suis sumptibus.) Мнѣ передалъ онъ не неблагодарную задачу по мѣрѣ силъ заботиться объ улучшеніи".

Таково, въ значительномъ сокращеніи, предисловіе Котса. Оно составлено безъ прямаго участія Ньютона. Въ изданіи „Commercium Epistolarum" есть указаніе, свидѣтельствующее, что предисловіе Котса не было до напечатанія подъ глазами Ньютона. „Quae novae Principiorum editio praemissa sunt Newtonus non vidit antequam liber in lucem prodiit".

Во всякомъ случаѣ измѣненія сдѣланныя Ньютономъ въ началѣ третьей книги находятся въ гармоніи съ предисловіемъ Котса. Мѣсто „hypotheses" перваго изданія заняли четыре правила философствованія—regulae philosophandi.

Первыя два правила гласятъ то же, что двѣ первыя гипотезы изданія 1687 года. „Причинъ вещей, — читаемъ въ первомъ правилѣ, не должно допускать лишнихъ противъ тѣхъ, которыя и вѣрны, и достаточны для объясненія явленій. Утверждаютъ философы: природа не дѣйствуетъ понапрасну и не дѣлаетъ понапрасну помощію многаго то, что̀ можетъ сдѣлать помощію немногаго. (Dicunt utique philosophi: natura nihil agit frustra et frustra fit per plura quod fieri potest per

---

предѣлъ, какъ бы далеко ни воображали мы расширенною область такого знанія. На предѣлѣ этомъ прекращается область механическихъ причинъ и объясненій. Мыслить о бытіи за этимъ предѣломъ мы можемъ, но знать нѣтъ; онъ уже за предѣлами знанія. Задача знанія удалять этотъ предѣлъ далѣе и далѣе.

Ученіе о притяженіи, какъ прирожденномъ свойствѣ матеріи, сдѣлалось господствующимъ въ прошломъ вѣкѣ. Босковичъ (Boscovich, 1711—1787) въ 1758 г. выдалъ: „Philosophiae naturalis theoria redacta ad unicam legem virium in natura existentem". „Матерія,—говоритъ онъ, — состоитъ изъ отдѣльныхъ точекъ, недѣлимыхъ, непротяженныхъ, разстоящихъ одна отъ другой. Точки эти имѣютъ каждая силу инерціи и кромѣ того силу взаимодѣйствія, зависящую отъ разстоянія и притомъ такъ, что, когда дано разстояніе, чрезъ это даются и величина и направленіе самой силы".

Библиотека "Руниверс"

paucioга). Природа проста и не роскошествуетъ лишними причинами" [1]).

Второе правило есть повтореніе второй гипотезы объ одинаковости причинъ одинаковыхъ явленій.

Новость составляетъ третье правило, на которомъ Ньютонъ останавливается съ нѣкоторою подробностію. Оно имѣетъ исключительное приложеніе къ вопросу, разобранному Котсомъ въ предисловіи, о томъ,

---

[1]) Замѣчательно, что ту же мысль о простотѣ средствъ природы развиваетъ основатель современнаго ученія о свѣтѣ, Френель, въ своемъ знаменитомъ *Мемуарѣ о дифракціи*, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта простота средствъ не значитъ простота нашихъ вычисленій. Одною изъ главныхъ причинъ, почему Ньютонъ склонялся къ такъ-называемой теоріи истеченія, разсматривающей свѣтъ, какъ совокупность мельчайшихъ частицъ или искръ, разбрасываемыхъ свѣтящимися тѣлами, было то обстоятельство, что она казалась ведущею къ болѣе очевиднымъ слѣдствіямъ чѣмъ система волненія, ибо механическій анализъ гораздо легче прилагается въ ней чѣмъ въ теоріи волненія. „Но, замѣчаетъ Френель, при выборѣ теоріи должно брать въ расчетъ лишь простоту гипотезы: простота вычисленій не можетъ имѣть никакого значенія на вѣсахъ вѣроятности. Природа не останавливается предъ трудностями анализа; она избѣгаетъ только сложныхъ средствъ.. *Сдѣлать многое помощію немногаго*, вотъ въ чемъ, повидимому, ея цѣль. Успѣхи физическихъ наукъ постоянно приносятъ новыя доказательства въ подтвержденіе этого начала". „Истинная теорія, прибавляетъ Френель, должна вести къ открытію числовыхъ отношеній, связывающихъ между собою факты, наиболѣе отдаленные одинъ отъ другого; тогда какъ ложная, хотя и можетъ въ строгости представить явленія, для которыхъ она придумана, подобно тому, какъ эмпирическая формула представляетъ данныя какого-нибудь измѣренія въ предѣлахъ для какихъ она вычислена, однако не въ состояніи открыть тайныя связи, соединяющія явленія одного класса съ явленіями другого... Польза теоріи не ограничивается тѣмъ, что она облегчаетъ изученіе фактовъ, соединяя ихъ въ болѣе или менѣе многочисленныя группы по наиболѣе выдающимся соотношеніямъ. Хорошая теорія должна имѣть другую, не менѣе важную цѣль: она должна способствовать движенію науки впередъ, вести къ открытію фактовъ и соотношеній между классами явленій наиболѣе различныхъ и, повидимому, наиболѣе независимыхъ одни отъ другихъ. Но ясно, что выходя отъ вымышленной гипотезы о причинѣ свѣта, мы не такъ скоро достигнемъ цѣли, какъ если бы мы были въ секретѣ природы".

Библиотека "Руниверс"

въ какомъ смыслѣ тяготѣніе можетъ быть почитаемо общимъ свойствомъ тѣлъ. „Качества тѣлъ, которыя не могутъ быть ни увеличены, ни отняты и которыя принадлежатъ всѣмъ тѣламъ, доступнымъ опыту, могутъ быть почитаемы за общія свойства тѣлъ“. (Qualitates corporum quae intendi et remitti nequeunt, quaeque corporibus omnibus competunt in quibus experimenta instituere licet, pro qualitatibus corporum universorum habendae sunt). Правило это Ньютонъ поясняетъ слѣдующимъ образомъ“. „Свойства тѣла, говоритъ онъ, познаются только помощію опыта и мы должны признавать общими тѣ изъ нихъ, кои находятся въ постоянномъ согласіи съ опытами (cum experimentis generaliter quadrant) и не могутъ быть ни увеличены, ни отняты. Надлежитъ, очевидно, не составлять сновъ, противныхъ теченію опытовъ, и не удаляться отъ аналогіи природы, ибо природа обычно проста и согласна съ собою (certe contra experimentorum tenore somnia confindendi non sunt, nec a naturae analogia recedendum est, cum ea simplex esse soleat et sibi semper consona). Протяженность тѣлъ узнается только чувствами и не во всѣхъ ощущается (sentitur). Но такъ какъ она встрѣчается во всѣхъ подлежащихъ наблюденію тѣлахъ, то и приписывается всѣмъ. Что многія тѣла тверды (dura), о томъ узнаемъ также чрезъ опытъ. Твердость цѣлаго происходитъ отъ твердости частей. Отсюда справедливо заключаемъ, что не только подлежащія наблюденію части тѣлъ, но и не имѣющія раздѣленія ихъ частицы (particulae indivisae) тверды. Что всѣ тѣла непроницаемы, выводимъ тоже не изъ разума, но изъ опытовъ. Все, что имѣемъ подъ руками, оказывается непроницаемымъ. Заключаемъ, что непроницаемость есть свойство всѣхъ тѣлъ. Что всѣ тѣла подвижны и сохраняютъ покой или движеніе вслѣдствіе нѣкоторой силы, которую именуемъ силою инерціи (viribus quibusdam quae vires inertiae vocamus), мы выводимъ изъ свойствъ видимыхъ тѣлъ (ex corporum visorum proprietatibus colligimus). Но протяженность, твердость, непроницаемость, подвижность и сила инерціи цѣлаго зависятъ отъ таковыхъ же свойствъ частей. Заключаемъ, что и малѣйшія частицы тѣлъ также протяженны, тверды, непроницаемы, подвижны и одарены силою инер-

Библиотека "Руниверс"

ціи. Въ этомъ основаніе всей философіи (fundamentum philosophiae totius). Далѣе, мы узнаемъ изъ явленій, что раздѣльныя, взаимно прикасающіяся части тѣлъ могутъ быть умственно разлагаемы на части еще меньшія. Но могутъ ли эти отдѣльныя, не представляющія каждая (физической) раздѣльности, части быть разлагаемы силами природы, неизвѣстно. Если бы хотя однимъ опытомъ доказано было, что какая нибудь этого рода часть, при разломѣ твердаго и крѣпкаго тѣла, потерпѣла раздѣленіе—мы заключили бы, въ силу настоящаго правила, что, не только могутъ быть отдѣляемы одна отъ другой раздѣльныя части тѣла, но что и части, раздѣльности не представляющія, дѣлимы до безконечности [1]).

„Наконецъ, если всѣ находящіяся въ окруженіи (in circuitu) земли тѣла тяготѣютъ къ ней пропорціонально количеству матеріи въ каждомъ; если луна тяготѣетъ къ землѣ пропорціонально своей массѣ и наоборотъ наше море тяготѣетъ къ лунѣ; если далѣе чрезъ астрономическія наблюденія опытно дознано, что всѣ планеты тяготѣютъ къ солнцу и между собою, а также кометы къ солнцу, то согласно настоящему правилу мы должны утверждать, что всѣ тѣла взаимно тяготѣютъ одно къ другому. И доказательства относительно тяжести сильнѣе, чѣмъ относительно непроницаемости, для которой въ небесныхъ тѣлахъ мы не имѣемъ опытовъ и наблюденій“.

Замѣчательно, что въ третьемъ изданіи Principia, сдѣланномъ въ 1726 году подъ наблюденіемъ Пембертона, Ньютонъ счелъ нужнымъ ослабить приведенное поясненіе третьяго правила, прибавивъ къ нему фразу: „Однако же никакъ не утверждаю, что тяжесть присуща тѣ-

---

[1]) „Porro corporum partes divisas et sibi mutuo contiguas ab invicem separari posse ex phaenomenis novimus et partes indivisas in partes minores ratione distingui posse ex mathematica certum est. Utrum vero partes illae distinctae et nondum divisae per vires Naturae dividi et ab invicem saperari possint incertum est. At si vel unico consteret experimento quod particula aliqua indivisa, frangendo corpus durum et solidum divisionem pateretur: concluderemus vi hujus regulae, quod non solum partes divisae separabiles essent, sed etiam quod indivisae in infinitum dividi possent“.

Библиотека "Руниверс"

лямъ. Подъ силою прирожденною тѣлу разумѣю только силу инерціи. Она неизмѣнна, тогда какъ тяготѣніе уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ земли". „Attamen gravitatem corporibus essentialem esse minime affirmo. Per vim insitam intelligo solam vim inertiae. Haec immutabilis est. Gravitas recedendo a terra diminuitur". Кромѣ того Ньютонъ присоединилъ четвертое правило: „Въ экспериментальной философіи положенія, выведенныя путемъ индукціи изъ явленій, должны быть, несмотря на противополагаемыя гипотезы, почитаемы за вполнѣ вѣрныя, или чрезвычайно близкія къ таковымъ, пока новыя явленія или еще болѣе подтвердятъ ихъ, или покажутъ, что они подлежатъ исключеніямъ. Такъ должно быть, дабы доказательства, добытыя путемъ индукціи, не отвергались на основаніи гипотезъ". Это правило въ наше время можетъ показаться излишнимъ и даже страннымъ, но оно имѣетъ историческій интересъ. Припомнимъ, что время Ньютона было по преимуществу временемъ физическихъ гипотезъ. За объясненіемъ явленій обращались уже не къ древнимъ писателямъ, а къ разнымъ гипотетическимъ представленіямъ о внутреннемъ строеніи тѣлъ, о потокахъ тонкаго вещества, выходящихъ изъ тѣлъ, кружащихся вокругъ ихъ, движущихся въ ихъ порахъ и производящихъ наблюдаемыя явленія. Громадный толчокъ въ этомъ направленіи наука получила отъ Декарта.

Явилась масса физическихъ гипотезъ, наводнившая науку. О точной повѣркѣ ихъ мало заботились, да она обыкновенно не была и возможна. Между тѣмъ схоластическая страсть къ спорамъ еще не исчезла, и всякій новый фактъ, всякое заключеніе, выведенное изъ опытовъ, тотчасъ объяснялось и обсуждалось въ ученыхъ кругахъ на основаніи принятыхъ гипотезъ, и если отвергалось, что бывало нерѣдко, то не на основаніи новыхъ фактовъ, а на основаніи тѣхъ же гипотезъ. Ньютону пришлось не мало выдержать споровъ такого рода, отнявшихъ у него не мало времени и спокойствія. По поводу подобныхъ споровъ писалъ онъ въ 1689 году къ секретарю Лондонскаго Королевскаго Общества: „всѣми силами стараюсь избѣгать, чтобы не завлечься въ эти безполезные, лишенные значенія споры". По поводу подобныхъ-то споровъ

Библиотека "Руниверс"

ввелъ онъ въ свое главное сочиненіе и упомянутое четвертое правило. Во избѣжаніе столкновеній на зыбкой почвѣ гипотезъ, онъ даже рѣдко излагалъ въ подробности свои предположенія о причинахъ изучаемыхъ явленій и старался ограничиваться передачей несомнѣнныхъ фактовъ и заключеній. „До сихъ поръ, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ (въ которомъ съ нѣкоторою подробностью развиваетъ свою гипотезу о свѣтѣ), я бралъ за правило не излагать гипотезы о свѣтѣ и цвѣтахъ, боясь затянуться въ безплодные споры; но надѣюсь, что, заявивъ о принятой мною рѣшимости не отвѣчать ни на что, имѣющее видъ полемики, развѣ какъ при случаѣ и досугѣ, я обезопашу себя отъ нападеній этого рода".—„Я не придумываю гипотезъ" (hypotheses non fingo), было одно изъ любимыхъ выраженій Ньютона, вѣрнаго девизу Королевскаго Общества: „Nullius in verba". „Лучшая и вѣрнѣйшая метода изученія природы, пишетъ Ньютонъ въ своемъ отвѣтѣ Пардису (Phil. Trans., 1672 г.), по поводу опытовъ съ призмой,—состоитъ, полагаю, въ томъ, чтобы прежде всего тщательно изслѣдовать свойства вещей, узнавая эти свойства помощію опытовъ, а потомъ весьма осторожно переходить къ гипотезамъ для ихъ объясненія, ибо гипотезы пригодны только для объясненія свойствъ вещей, но не ими должны указываться эти свойства, развѣ только въ смыслѣ побужденія къ опытамъ. Ибо еслибы гипотетическую возможность стали признавать за истину и дѣйствительность, то я не нахожу, какая достовѣрность могла бы быть достигнута въ наукѣ".

Появленіе, подъ вліяніемъ Котса, третьяго правила во второмъ изданіи Principia и ослабеніе его заключеній въ третьемъ — суть свидѣтельства, что мысль самого Ньютона колебалась въ изысканіи причинъ великаго явленія. Въ 1675 году, когда ему было 33 года, Ньютонъ представилъ Королевскому Обществу мемуаръ, въ которомъ развилъ предположеніе объ эоирѣ, какъ механической причинѣ явленій тяжести. Мемуаръ былъ озаглавленъ: „Гипотеза къ объясненію свойствъ свѣта". Гипотеза состояла въ допущеніи эоира какъ всеобщей среды. Среда эта несравненно рѣже, но и несравненно болѣе упруга, чѣмъ воздухъ. Вслѣдствіе громадной упругости и, слѣдова-

Библиотека "Руниверс"

тельно, стремленія распространиться во всѣ стороны, эѳиръ оказываетъ давленіе и на себя и на частицы тѣлъ и стремится гнать ихъ изъ мѣстъ большаго сгущенія въ мѣста менѣе плотныя, обнаруживая силу, именуемую нами тяжестію (D. Brewster, *The Life of Sir Isaak Newton*, 1831, стр. 305). Чрезъ три года, въ 1678 году, въ письмѣ къ Бойлю, Ньютонъ съ новыми подробностями обращался къ той же идеѣ.

Въ 1686 году Ньютонъ вновь входитъ въ гипотетическія соображенія въ письмѣ къ Галлею, желавшему имѣть разъясненіе его мыслей о причинахъ тяжести: „Я высказалъ,—говоритъ Ньютонъ,—гипотезу, которую склоненъ разсматривать какъ вѣроятнѣйшую, если вообще отъ меня необходимо требуется получить таковую. Потому смотрѣть на нее должно лишь какъ на предположеніе, къ которому я вовсе не имѣю особаго довѣрія. Подобныя вещи имѣютъ для меня столь мало притягательной силы, что я никакъ не исписалъ бы столько бумаги, еслибы не побудило меня къ тому ваше требованіе".

Въ 1693 году, чрезъ шесть лѣтъ послѣ изданія „Principia", Ньютонъ написалъ три любопытныхъ письма къ молодому проповѣднику Бентлею. Знаменитый Робертъ Бойль завѣщалъ фондъ съ условіемъ, чтобы ежегодно въ одной изъ церквей Лондона произносилось восемь проповѣдей, которыя имѣли бы предметомъ истины христіанства, обличеніе атеизма и доказательства бытія Божія, заимствованныя изъ разсмотрѣнія явленій природы. При этомъ проповѣдникъ долженъ былъ бесѣдовать объ истинахъ, одинаково признаваемыхъ всѣми христіанами, не касаясь мыслей, раздѣляющихъ между собою различныя вѣроисповѣданія. Однимъ изъ такихъ проповѣдниковъ былъ Бентлей, который, желая говорить о величіи Божіи въ твореніи, обратился за указаніями къ автору „Началъ естественной философіи". Отвѣтныя письма Ньютона напечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій, сдѣланномъ Горслеемъ (Horsley) въ 1783 году[1]). „Вы иногда говорите, пишетъ

[1]) Въ Bibliothèque Britannique 1797 г, (Sciences et arts, IV) помѣщенъ французскій переводъ этихъ любопытныхъ писемъ.

Библиотека "Руниверс"

Ньютонъ во второмъ письмѣ, о тяготѣніи, какъ существенно принадлежащемъ и прирожденнымъ матеріи. Я не претендую знать причину тяготѣнія. Это вещь подлежащая еще разсмотрѣнію".

Въ третьемъ письмѣ встрѣчается мѣсто, обращающее на себя особое вниманіе.

„Нельзя представить себѣ, какимъ образомъ неодушевленное грубое вещество могло бы—безъ посредства чего либо посторонняго, которое нематеріально — дѣйствовать на другое вещество иначе, какъ при взаимномъ прикосновеніи. А такъ должно бы быть, еслибы тяготѣніе было, въ смыслѣ Эпикура, присуще матеріи. Вотъ почему я желалъ бы, чтобы вы не приписывали мнѣ ученія о тяжести, прирожденной матеріи. Допустить, что тяготѣніе врожденно матеріи, присуще ей, такъ что одно тѣло должно дѣйствовать на разстояніи чрезъ vacuum (пустоту) на другое безъ посредства чего либо посторонняго, помощію котораго дѣйствіе и сила отъ одного тѣла проводится къ другому, есть для меня такая нелѣпость, что полагаю, въ нее не впадетъ ни одинъ человѣкъ, способный къ мышленію о философскихъ вещахъ. Тяготѣніе должно причиняться нѣкоторымъ дѣятелемъ, дѣйствующимъ согласно опредѣленнымъ законамъ. Какой этотъ дѣятель—матеріальный или нематеріальный—я предоставилъ размышленію моихъ читателей".

Приведенное мѣсто породило недоразумѣнія, особенно выраженіе: „безъ посредства чего-либо посторонняго, которое нематеріально", „without the mediation of something else which is not material" [1]).

[1]) Приведемъ подлинныя слова Ньютона: „It is inconceivable that inanimate brute matter should, without the mediation of something else which is not material, operate upon and affect other matter without mutual contact: as it must do if gravitation in the sense of Epicurus be essential and inherent in it". Во французскомъ переводѣ „Bibl. Britan." мѣсто это передано такъ: „Il est convenable (опечатка, вмѣсто inconcevable) que la matière brute et inanimée puisse opérer sur l'autre matière sans un contact mutuel ou sans l'intermède de quelque agent immatériel. Il faudra pourtant que cela fut ainsi en supposant avec Epicure que la gravitation est essentielle et inhérente à la matière". Цельнеромъ въ нѣмец-

Библиотека "Руниверс"

Фарадей, причисляя Ньютона къ ученымъ, не допускающимъ непосредственнаго дѣйствія тѣлъ одного на другое на разстояніи, приводя слова Ньютона, выпустилъ выраженіе „wich is not material", какъ непонятное. И недавно Стокесъ (Stokes) въ рѣчи о свѣтоносномъ эоирѣ (произнесенной 29-го іюня 1893 года на годичномъ собраніи въ „Victoria Institut") называетъ выраженіе это страннымъ („In a letter to Bentley Newton expresses himself in very *strong language* to this effect": *Nature*. № 1239, 27 july 1893). Слѣдуя Фарадею, Максвеллъ и Томсонъ не придаютъ большаго значенія указанію Ньютона на возможность *нематеріальнаго* посредства между матеріальными точками, и наиболѣе согласнымъ съ механическою философіею Ньютона находятъ то воззрѣніе, согласно которому тяготѣніе и вообще притягательныя и отталкивательныя дѣйствія частицъ суть физическія явленія, имѣющія свои механическія причины, пока неизвѣстныя, о которыхъ нынѣ можно составлять лишь предположенія. Въ виду приведеннаго и другихъ мѣстъ—нельзя однако отрицать, что Ньютонъ непосредственное дѣйствіе и участіе духовнаго начала въ матеріальныхъ явленіяхъ считалъ допустимымъ. И не только допустимымъ, но и необходимымъ, ибо Ньютонъ держался мысли, что вслѣдствіе взаимодѣйствія небесныхъ тѣлъ, по закону тяготѣнія, система міра носитъ въ себѣ зародышъ будущаго разрушенія. Съ теченіемъ времени пути небесныхъ тѣлъ такъ измѣнятся, что послѣдуетъ общее разстройство вселенной, которое потребуетъ новаго непосредственнаго дѣйствія высшей силы для возобновленія порядка въ мірозданіи.

По отношенію къ тяготѣнію для Ньютона вопросъ былъ не въ томъ, возможно-ли среди матеріальныхъ частицъ присутствіе и дѣйствіе нематеріальнаго агента, способнаго быть причиною движенія: относительно такой возможности у него сомнѣнія не было; а въ томъ—

комъ переводѣ передано: „Es ist unbegreiflich wie unbeseelter roher Stoff, ohne die Vermittelung von einem sonstigen Etwas, welches nicht materiel ist, auf anderen Körper ohne gegenseitige Berührung wirken soll, wie es der Fall sein müsste wenn die Gravitation in Sinne Epicur's der Materie wesentlich und inhärent wäre".

Библиотека "Руниверс"

требуется-ли прибѣгать къ такому дѣйствію въ случаѣ именно явленій тяготѣнія, и не могутъ-ли явленія эти быть объяснены причинами механическаго характера. Обращаясь къ Бентлею, Ньютонъ указывалъ на тотъ — одинъ изъ возможныхъ — способовъ объясненія, который наиболѣе подходилъ къ кругу мыслей проповѣдника. Но онъ считалъ столько же возможнымъ объясненіе тяготѣнія помощью механическихъ причинъ, самъ искалъ такого объясненія въ давленіи тонкаго и весьма упругаго вещества, разлитаго въ пространствѣ. Во всякомъ случаѣ необходимость агента внѣшняго, посторонняго притягивающимся частицамъ, была для Ньютона непремѣннымъ требованіемъ отъ всякаго объясненія явленій тяготѣнія.

Въ концѣ третьей книги „Principia“, Ньютонъ въ Sholium generale говоритъ: „Доселѣ я объяснялъ явленія, представляемыя небесными тѣлами, и движенія моря силою тяготѣнія, но нигдѣ не указывалъ причины тяготѣнія. Тяготѣніе происходитъ отъ какой-нибудь причины, проникающей до центра солнца и планетъ, не утрачивая своего дѣйствія. Дѣйствуетъ оно не въ отношеніи поверхностей частей взаимодѣйствующихъ (какъ бываетъ при механическихъ причинахъ), но въ отношеніи количества твердой матеріи; и дѣйствіе его распростирается во всѣ стороны на неизмѣримыя разстоянія, уменьшаясь пропорціонально квадрату разстоянія... Тяготѣніе къ солнцу слагается изъ тяготѣнія къ каждой изъ его частей, и уменьшается съ удаленіемъ въ квадратномъ отношеніи разстояній. Я еще не дошелъ до того, чтобы изъ явленій вывести объясненіе этихъ свойствъ тяготѣнія, а гипотезъ я не придумываю“. Сочиненіе свое Ньютонъ оканчиваетъ словами: „Здѣсь было бы мѣсто прибавить что либо о тонкомъ началѣ (spiritus)[1]), проникающемъ всѣ твердыя тѣла и въ нихъ содержащемся. Силою и дѣйствіемъ этого начала частицы взаимно притягиваются на малѣйшихъ разстояніяхъ и прилипаютъ одна къ другой, когда касаются; чрезъ его посредство наэлектризованныя тѣла дѣйствуютъ вдаль, а

[1]) Переводчикъ „Principia“ на нѣмецкій языкъ Вольферсъ (Wolfers) и за нимъ Цельнеръ переводятъ „das geistige Wesen“.

Библиотека "Руниверс"

ближайшія легкія тѣла притягиваются и отталкиваются. Чрезъ его посредство истекаетъ свѣтъ, отражается, уклоняется, преломляется; а тѣла нагрѣваются. Всѣ чувствованія возбуждаются и члены животнаго по произволу движутся, и именно чрезъ колебанія, распространяющіяся отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ помощію твердыхъ нитей нервовъ до мозга и потóмъ отъ мозга къ мускуламъ. Вещи эти нельзя объяснить въ немногихъ словахъ и недостаточно еще опытовъ для того, чтобы можно было опредѣлить и оправдать законы, по которымъ это начало дѣйствуетъ".

На упрекъ, будто бы ученіе о тяготѣніи возобновляетъ скрытыя качества (qualitates occultae) послѣдователей Аристотеля, Ньютонъ въ послѣднемъ вопросѣ „Оптики" говоритъ такъ: „Послѣдователи Аристотеля даютъ названіе скрытыхъ качествъ не качествамъ явнымъ, а качествамъ, которыя они предполагаютъ сокрытыми въ тѣлахъ и которыя суть неизвѣстныя причины явныхъ дѣйствій: таковы были бы, напримѣръ, причины тяжести, магнитныхъ и электрическихъ притяженій, броженія, еслибы мы допустили, что эти силы или дѣйствія происходятъ отъ качествъ, намъ неизвѣстныхъ и которыя мы никогда и открыть не можемъ. Этого рода скрытыя качества останавливаютъ развитіе естествовѣдѣнія и потому оставлены въ послѣднее время. Сказать, что каждый родъ предметовъ одаренъ спеціальнымъ скрытымъ качествомъ, помощію котораго они производятъ замѣтныя дѣйствія, значитъ ничего не сказать. Но вывести изъ явленій природы два или три общія начала движенія и объяснить потомъ, какимъ образомъ свойства и дѣйствія тѣлъ вытекаютъ изъ этихъ явныхъ началъ, значитъ сдѣлать важный шагъ въ дѣлѣ изученія природы, хотя бы причины этихъ началъ и не были открыты".

Замѣчательно, что тогда какъ Декартъ, Лейбницъ и другіе учили о сохраненіи запаса движенія въ природѣ (нынѣшнее общепринятое ученіе о сохраненіи энергіи), Ньютонъ, напротивъ того, утверждалъ, что запасъ этотъ постепенно уменьшается. Въ послѣднемъ вопросѣ „Оптики" онъ указываетъ, что по причинѣ вязкости жидкостей, мягкости и упругости твердыхъ тѣлъ въ происходящихъ движеніяхъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

утраты, чѣмъ пріобрѣтенія, такъ что общій запасъ постоянно уменьшается. Подтвержденіе онъ видѣлъ въ явленіяхъ удара тѣлъ. Два абсолютно твердыхъ тѣла, или столь мягкія, что не имѣютъ упругости, встрѣчаясь противоположнымъ движеніемъ, въ пустотѣ, не отскакиваютъ одно отъ другого, но при полномъ равенствѣ, утрачиваютъ все движеніе и приходятъ въ покой. Если же тѣла эти упруги, то они отскакиваютъ одно отъ другаго не съ полною первоначальною скоростію, но всегда теряютъ нѣкоторую часть движенія, которую можно опредѣлить опытами съ ударяющимися маятниками. Преобразованіе движенія въ иную форму не представлялось уму Ньютона.

Изученіе слѣдствій, вытекающихъ изъ закона всеобщаго тяготѣнія, въ свою очередь, какъ выше сказано, привело Ньютона къ мысли, что, вслѣдствіе взаимнаго дѣйствія тѣлъ небесныхъ, система міра носитъ въ себѣ зародышъ будущаго разрушенія [1]). Въ связи съ мыслію о непрочности нашей системы находится понятіе Ньютона о кометахъ. Ньютонъ указалъ мѣсто, какое эти тѣла занимаютъ въ нашей системѣ, окончательно утвердилъ мысль, что кометы суть не случайные метеоры, а небесныя тѣла, и опредѣлилъ ихъ путь; но относительно той роли, какую они играютъ въ общей экономіи природы, имѣлъ особое, весьма оригинальное мнѣніе. Кометы, по мнѣнію Ньютона, служатъ пищею солнца. Упадая на центральное тѣло нашей системы, онѣ поддерживаютъ его яркій свѣтъ и теплоту. Нью-

[1]) Въ послѣдствіи Эйлеръ также находилъ, что взаимное притяженіе различныхъ тѣлъ солнечной системы дѣлаетъ непрочнымъ ихъ движеніе по опредѣленнымъ путямъ и нѣкогда поведетъ за собою разстройство солнечнаго міра, которое губительно отзовется и на нашей планетѣ. Многіе ученые и писатели XVIII вѣка видѣли въ измѣненіяхъ, какія по ихъ мнѣнію произошли въ движеніи земли, въ расположеніи ея оси и вообще въ солнечной системѣ, объясненіе древнихъ переворотовъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ остатки, погребенные въ слояхъ ея коры, и, какъ Бюффонъ, краснорѣчиво описывали печальную будущность небольшого камня, на которомъ мы несемся въ пространствѣ. Лапласу удалось разсѣять эти фантастическія предположенія и показать прочность устроенія солнечной системы.

Библиотека "Руниверс"

тонъ думалъ, что Галлеева комета, явившаяся въ его время, свершитъ еще нѣсколько оборотовъ, потомъ упадетъ на солнце и, сгорая, въ такой степени усилитъ его теплоту, что отъ палящихъ лучей его вѣроятно погибнетъ все живое на нашей планетѣ. Этумысль Ньютона, впрочемъ не высказалъ печатно. Когда одинъ изъ его близкихъ спросилъ, почему не включилъ онъ этого замѣчанія въ свое знаменитое сочиненіе, то Ньютонъ отвѣчалъ: „потому, что это слишкомъ близко насъ касается; впрочемъ я высказался достаточно, такъ что можно понять мою мысль". Подобнымъ образомъ объяснялъ Ньютонъ нѣкоторыя любопытныя явленія, замѣчаемыя въ неподвижныхъ звѣздахъ, которыя представляютъ собою тѣла, подобныя нашему солнцу и, вѣроятно, суть центры системъ съ своими планетами и кометами: измѣненія въ ихъ блескѣ, замѣченное нѣсколько разъ появленіе новыхъ звѣздъ, ярко сверкавшихъ въ теченіе нѣкотораго времени, чтобъ потомъ навсегда исчезнуть отъ нашихъ глазъ. Ньютонъ думалъ, что эти явленія можно объяснить паденіемъ кометъ на звѣзды.

Въ „Началахъ" Ньютонъ высказываетъ о кометахъ такую любопытную гипотезу (Principia, 2 ed., 473). Хвосты кометъ, изъ жидкаго газообразнаго матеріала, съ удаленіемъ отъ солнца расширяются и разрѣжаются и могутъ быть притягиваемы планетами, вблизи которыхъ проходятъ, могутъ смѣшиваться съ ихъ атмосферою и содѣйствовать круговороту органической жизни какъ на планетахъ, такъ особенно на землѣ, доставляя тонкое вещество, составляющее лучшую часть воздуха. „Porro suspicior spiritum illum qui aeris nostri pars minima est sed subtilissima et optima et ad rerum omnium vitam requiritur ex cometis praecipue venire". Далѣе, изъ атмосферной влаги значительная часть привлекается растеніями, превращается въ твердую субстанцію, а при гніеніи потомъ переходитъ въ землю, осѣдая въ гніющихъ водахъ въ видѣ ила на дно. Эта убыль влаги быть можетъ возстановляется кометными хвостами.

Въ общемъ,—указываетъ Ньютонъ въ томъ же послѣднемъ вопросѣ „Оптики",—устроеніе вселенной доказываетъ присутствіе разумной и свободной воли, противуположной слѣпому случаю. „Весьма не философски,

Библиотека "Руниверс"

— 350 —</slслово>

говоритъ онъ, поступаютъ тѣ, которые считаютъ міръ безначальнымъ или воображаютъ, что простыхъ законовъ природы достаточно, дабы вызвать міръ изъ хаоса, хотя, вызванный однажды, онъ можетъ много вѣковъ продолжаться при помощи этихъ законовъ; ибо въ то время, какъ кометы движутся во всѣхъ направленіяхъ по орбитамъ чрезвычайно эксцентрическимъ, слѣпой случай никакъ не могъ бы заставить всѣ планеты двигаться въ одномъ направленіи и по орбитамъ концентрическимъ, явленіе, претерпѣвающее только незначительныя неправильности, которыя могутъ происходить отъ взаимнаго дѣйствія кометъ на планеты и планетъ между собою, и которыя, увеличиваясь, сдѣлаютъ необходимымъ преобразованіе солнечной системы. Въ этомъ удивительномъ однообразіи нельзя не видѣть дѣйствія предызбранія. То же самое надобно сказать о правильности устроенія тѣла животныхъ... Присовокупивъ сюда разсмотрѣніе инстинкта звѣрей и насѣкомыхъ, вы сознаетесь, что все это художественное строеніе есть не иное что, какъ дѣйствіе премудрости и разума всемогущаго, вѣчноживаго Дѣятеля, всюду присутствующаго и болѣе способнаго двигать тѣла въ пространствѣ однообразномъ и безконечномъ и чрезъ то образовать части вселенной, чѣмъ мы съ помощію воли двигать части нашего тѣла. Но мы не должны смотрѣть на міръ, какъ на тѣло Божества, или на части вселенной какъ на его части. Богъ есть существо всецѣльное, всѣ части вселенной суть Его созданія, Ему подчиненныя и зависящія существенно отъ Его воли. Онъ настолько же душа міра, насколько душа человѣка есть душа тѣхъ образовъ, которые при помощи органовъ чувствъ приносятся во вмѣстилище ея чувствованій, гдѣ она наблюдаетъ ихъ своимъ непосредственнымъ присутствіемъ безъ участія какой-либо третьей вещи. Органы чувствъ образованы не для того, чтобъ душа могла наблюдать образы и виды вещей во вмѣстилищѣ своихъ чувствованій, но только, чтобъ привести ихъ сюда, а Божество не имѣетъ надобности въ подобныхъ органахъ, присутствуя всюду у самыхъ вещей. Такъ какъ пространство дѣлимо до безконечности, и нѣтъ необходимости, чтобъ вещество было во всѣхъ его частяхъ, то должно заключить, что Божество

Библиотека "Руниверс"

могло создать частицы матеріи различной величины и формы, въ различномъ числѣ и въ различномъ количествѣ по отношенію къ пространству, какое онѣ занимаютъ, можетъ быть также различной плотности, снабженныхъ различными силами, чрезъ то разнообразить законы природы, и произвести міры различнаго рода въ разныхъ частяхъ вселенной".

Какъ философа, Ньютона можно считать послѣдователемъ эмпирическаго міровоззрѣнія, указаннаго Бекономъ. И для Ньютона философъ не есть строитель системъ, а изслѣдователь, ищущій положительнаго знанія путемъ опыта, руководимаго размышленіемъ. Въ отличіе отъ Бекона размышленіе это представлялось Ньютону главнымъ образомъ, какъ математическое. Общій пріемъ изслѣдованія Бекономъ былъ характеризованъ такъ: отъ опытовъ переходить къ общимъ заключеніямъ (axiomata) и изъ этихъ общихъ заключеній выводить слѣдствія и новые опыты. Ньютонъ ту же мысль выразилъ точнѣе, указывая математическій путь и говоря: „вся трудность изслѣдованія природы сводится къ тому, чтобы изъ явленій движенія вывести силы природы и потомъ помощію этихъ силъ объяснить остальныя явленія".

Указанная нами выше основная черта эмпирическаго міровоззрѣнія — раздѣленіе двухъ областей: области точныхъ знаній и области знаній вѣроятныхъ, гадательныхъ, иллюзорныхъ—съ рѣзкостію выразилась у Ньютона. Свою Оптику (1704) Ньютонъ даже раздѣлилъ на два отдѣла. Въ одномъ излагаетъ опыты и непосредственно на нихъ построенныя заключенія; въ другой, наименованной „вопросы", даетъ свободу гипотетическимъ построеніямъ и теоріямъ, ждущимъ оправданія или отверженія.

По отношенію къ положительному содержанію вѣрованій, къ исповѣданію, котораго онъ держался, къ религіознымъ распрямъ своего времени, Ньютонъ стоялъ на уровнѣ другихъ своихъ современниковъ. Онъ былъ твердымъ послѣдователемъ англиканской церкви, врагомъ папы и папизма, много лѣтъ занимался толкованіемъ Библіи, объяснялъ древнюю хронологію, составлялъ изъясненіе пророчествъ и

Библиотека "Руниверс"

утверждалъ, что одиннадцатый рогъ въ пророчествѣ Даніила несомнѣнно знаменуетъ папу. Удивленные рѣзкою разницею, какая оказывается между великими трудами Ньютона по части естествовѣдѣнія и его бездоказательными теологическими толкованіями, французскіе біографы (Лапласъ) видѣли въ этихъ произведеніяхъ упадокъ умственныхъ силъ великаго математика и объясняли ихъ происхожденіе мистицизмомъ, въ какой, по ихъ мнѣнію, впалъ Ньютонъ при концѣ своей жизни. Но Брюстеръ показалъ, что многія изъ сочиненій этого рода принадлежатъ эпохѣ, когда умственныя способности Ньютона дѣйствовали во всей силѣ, и что теологическія занятія интересовали его во все время жизни. Въ ту эпоху религіозныхъ споровъ всѣ ученые занимались болѣе или менѣе теологическими толкованіями, а многіе, какъ, напримѣръ, знаменитый также математикъ Неперъ, изобрѣтатель логариѳмовъ, писали объясненія на Библію и Апокалипсисъ. Ньютонъ и самъ, впрочемъ, именовалъ иногда свои истолкованія пророчествъ мистическими фантазіями. I should be glad to have your judgement upon some of my mystical fancies, писалъ онъ Локку въ февралѣ 1691 года, спрашивая его мнѣнія о тождествѣ сына человѣческаго у Даніила (VII) съ словомъ Божіимъ на бѣломъ конѣ въ Апокалипсисѣ (XIX, 12). Къ чести Ньютона должно замѣтить, что, несмотря на исключительность своихъ религіозныхъ убѣжденій, онъ во многихъ случаяхъ обнаруживалъ истинную терпимость, и когда приходилось ему бесѣдовать съ Галлеемъ, отличавшимся скептическимъ образомъ мыслей, онъ говорилъ только: „Оставимъ разговоръ: вы не изучали этихъ предметовъ, а я изучалъ ихъ внимательно“.

VIII. *Кончина Ньютона. Изданія его сочиненій.* Уваженіе современниковъ выказалось при смерти Ньютона (1727 г.). Его тѣло было привезено въ Лондонъ и съ пышною похоронною церемоніей погребено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Пять вельможъ держали гробовой покровъ. Рочестерскій епископъ говорилъ надгробное слово. На могилѣ поставленъ памятникъ съ надписью, въ которой исчисляются заслуги великаго ученаго, и онъ называется humani generis decus (украшеніе рода человѣческаго). Но не забудемъ, что

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1896 г.

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ ШКОЛА"

Содержаніе апрѣльской книжки слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей до школьнаго возраста. (Окончаніе). **П. Ѳ. Каптерева**; 3) Педагогическая подготовка учителей за-границей и у насъ. (Окончаніе). **Д. Д. Семенова**; 4) К. Д. Ушинскій, какъ редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. **Я. Г. Гуревича**; 5) Вѣна, Цюрихъ, Женева. (Педагогическія замѣтки и впечатлѣнія). **Е. Чебышевой-Дмитріевой**; 6) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго. **А. А. Краева**; 7) Отрадное проявленіе новаго взгляда на экзамены. **Я. Г.**; 8) Достигаютъ-ли своей цѣли городскія училища по положенію 31-го мая 1872 года? **А. Раменскаго**; 9) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. **Я. Ѳ. Абрамова**; 10) Народныя чтенія. **В. П. Вахтерова**; 11) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. (Окончаніе). **И. П. Бѣлокопытова**; 12) По поводу нѣкоторыхъ циркулярныхъ распоряженій С.-Петербургскаго учебнаго округа относительно народныхъ училищъ. **Н. З.**; 13) О гимназическомъ преподаваніи логики **Л. Рутковскаго**; 14) О задачахъ на составленіе уравненій. **Р. Конакошина**; 15) **Критика и библіографія** (около 10 рецензій); 16) **Педагогическая хроника** (около 20 статей и замѣтокъ); 17) **Разныя извѣстія и сообщенія**; 18) **Объявленія.**

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна въ Петербургѣ—съ доставкою—**ШЕСТЬ** р. 50 коп. въ годъ, для иногородныхъ съ доставкою—**СЕМЬ** рублей; за границу—**ДЕВЯТЬ** рублей. Сельскіе учителя выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль; и правомъ разсрочки подписной платы. Земства, выписывающія не менѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени".

За 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

Библиотека "Руниверс"

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Я. Г. ГУРЕВИЧА:

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И РИМА.

(Курсъ систематическій),

составленный примѣнительно къ примѣрной программѣ для VIII класса гимназій

Я. Г. ГУРЕВИЧЕМЪ.

Изданіе шестое, С.-Пб. 1895 г. Цѣна одинъ рубль.

Удостоена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія преміи имени Петра В. и одобрена какъ руководство для учениковъ VIII класса.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Часть 3-я. Эпоха Петра Великаго.

Составлена Я. Г Гуревичемъ.

Цѣна 2 руб. 25 коп.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста

Библиотека "Руниверс"

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА".

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе пятнадцатое. 1896 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ".

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ—въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ".

Второй годъ обученія. Изданіе **шестое**, безъ перемѣнъ. 1896 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЫШКО".

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое, дополненное, 1895 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCV.

1896.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.
1896.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія 55

Д. Н. Анучинъ. Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи . . 223

Д. Ѳ. Кобеко. Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патріарховъ 270

В. Ѳ. Миллеръ. Отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ . 280

Е. Ф. Шмурло. Замѣтка по вопросу о началѣ русскаго флота при Петрѣ Великомъ. . . 327

Э. Л. Радловъ. Нѣсколько замѣчаній о философіи Н. Н. Страхова. 339

Критика и библіографія.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина *И. Барсукова*. Книга X. С.-Пб. 1896 362

В. В. Бартольдъ. *Léon Cahun*. Introduction à l'histoire de l'Asie. Paris. 1896 . 366

А. И. Соболевскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вѣковъ. Составилъ *Д. А. Ровинскій*. Посмертное изданіе. С.-Пб. 1895 . 384

М. В. Довнаръ-Запольскій. Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ первый. Вильна. 1895 387

— Книжныя новости. 389

— Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Василія Истрина за вторую половину 1894 года (*продолженіе*) . 53

— Наша учебная литература (разборъ 5 книгъ) 85

Современная лѣтопись.

— Пятидесятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго общества 1

— Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1893 году. . 33

Д. Н. Анучинъ. А. П. Богдановъ (*некрологъ*) 58

Отдѣлъ классической филологіи.

Р. Х. Леперъ. Тридцать тирановъ 97

А. О. Поспѣлъ. О снотемѣ формъ латинскаго глагола 102

М. Н. Крашенинниковъ. Varia (*продолженіе*) . 127

В. В. Майковъ. Олимпійскій VII. Эпиникій Пиндара въ честь Діагора Родосскаго, побѣдителя въ кулачной борьбѣ . 135

М. Н. Ростовцевъ. Приложенія: I. Латинская надпись изъ Филиппополя. II. Греческая надпись изъ Филиппополя.

Въ приложеніи.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики 353

Объявленія.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCV

1896.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1896.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

Министру Народнаго Просвѣщенія, члену Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарю, дѣйствительному тайному совѣтнику, графу Ивану Давыдовичу Делянову.

Графъ Иванъ Давыдовичъ. Пятидесятилѣтнее достохвальное служеніе ваше на разнообразныхъ государственныхъ поприщахъ запечатлѣно безграничною преданностью вашею Престолу и Отечеству и снискало вамъ Монаршее благорасположеніе Моихъ Незабвенныхъ: Прадѣда, Дѣда и Родителя. Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ вы, стоя во главѣ обширнаго вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и неоднократно управляя учрежденіями Императрицы Маріи,—неустанно прилагали отличающее васъ пламенное усердіе къ выполненію важныхъ обязанностей по сердечно близкому Мнѣ дѣлу воспитанія и образованія русскаго народа, въ коемъ Я полагаю главнѣйшій залогъ его преуспѣянія.

Нынѣ въ торжественный для Меня день Священнаго Коронованія, вспоминая о столь продолжительныхъ отмѣнно-ревностныхъ трудахъ вашихъ, считаю долгомъ выразить вамъ за оные Мою особую признательность.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ Собственною Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«искренно уважающій васъ и благодарный
НИКОЛАЙ».

Въ Москвѣ,
мая 14-го дня 1896 года.

Библиотека "Руниверс"

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (29-го Декабря 1895 года). *О включеніи должности лектора русскаго языка при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ въ списокъ должностямъ, освобождающимъ отъ призыва въ войска.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 29-й день декабря 1895 г., Высочайше соизволилъ на включеніе должности лектора русскаго языка при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ въ списокъ должностямъ, освобождающимъ отъ призыва въ войска.

11. (8-го апрѣля 1896 года). *Объ утвержденіи рисунка и описанія форменной тужурки для студентовъ Императорскихъ университетовъ и лицеевъ Цесаревича Николая и Демидовскаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 8-й день апрѣля 1896 г., Высочайше соизволилъ на утвержденіе прилагаемыхъ при семъ рисунка и описанія форменной „тужурки“ для студентовъ Императорскихъ университетовъ Имперіи, Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая и Демидовскаго юридическаго лицея, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было предоставить министру народнаго просвѣщенія право выработать точныя правила ношенія означенной тужурки.

Описаніе тужурки студентовъ Императорскихъ университетовъ и лицеевъ Цесаревича Николая и Демидовскаго.

Тужурка имѣетъ видъ двубортнаго полупальто гладкаго сѣраго сукна, застегивающагося на шесть желтыхъ металлическихъ, съ изображеніемъ государственнаго герба, пуговицъ съ отложнымъ сѣраго цвѣта воротникомъ, на-глухо застегивающимся на крючекъ. На воротникѣ двѣ темносинія суконныя петлицы съ желтою металлическою съ изображеніемъ государственнаго герба пуговицею на каждой. На обшлагахъ выпушка изъ темносиняго сукна.

Библиотека "Руниверс"

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(25-го апрѣля 1896 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Платоновъ*—съ 10-го іюня 1895 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: учителя гимназій: Вологодской мужской, *Скрипицынъ* и 10-й С.-Петербургской, *Нейманъ*, оба—съ 18-го ноября 1895 г.; преподаватель частной женской гимназіи Таганцевой въ С.-Петербургѣ *Гревсъ*—съ 1-го октября 1892 г.; наставникъ Череповской учительской семинаріи *Ларіоновъ*—со 2-го іюля 1895 г.; по Одесскому учебному округу: преподаватель Измаильской мужской шестиклассной прогимназіи *Гоптаревскій*—съ 5-го сентября 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Благовѣщенской гимназіи *Войницкій*—съ 25-го сентября 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Приморской области, преподаватели Владивостокской мужской гимназіи: *Кедроливанскій*—съ 3-го октября 1895 г. и *Зарницкій*—съ 5-го мая 1895 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: экзекуторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Александровичъ*—съ 14-го ноября 1895 г.; завѣдывающій и преподаватель мореходныхъ классовъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба Викторъ *Ивановъ*—съ 1-го января 1896 г.; учитель Боровичскаго городскаго училища *Александровъ*—съ 1-го сентября 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по С.-Петербургскому учебному округу: исправляющій должность прозектора Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Туръ*—съ 1-го ноября 1895 г.; лаборантъ того же университета *Смирновъ*—съ 24-го ноября 1895 г.; преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназіи *Оксеновъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; учители городскихъ училищъ: Выборгскаго въ С.-Петербургѣ, *Потаповъ*—съ 1-го іюля 1894 г., Островскаго: *Боченковъ*—съ 15-го февраля 1893 г. и *Душечкинъ*—съ 1-го іюля 1895 г., Новоржевскаго, *Аконченковъ*—съ 1-го ноября 1894 г., Петергофскаго, *Карасевъ*—съ 1-го августа 1895 г., Великолуцкаго, *Серѣевъ*—съ 1-го октября 1895 г.; учитель-инспекторъ Новоржевскаго городскаго училища *Комлевъ*—съ 1-го августа

Библиотека "Руниверс"

1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: хранитель геологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *фонъ-Петцъ*—съ 23-го октября 1895 г.; преподаватель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Пановъ*—съ 12-го ноября 1892 г.; учители городскихъ училищъ: Торопецкаго *Дмитріевъ*—съ 1-го октября 1895 г. и Новоржевскаго *Шастовскій*—съ 1-го іюля 1895 г.; по Одесскому учебному округу, оставленный за штатомъ, исправляющій должность помощника классныхъ наставниковъ Херсонской прогимназіи *Гамалѣевъ*—съ 1-го ноября 1891 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, по Кавказскому учебному округу, письмоводитель Эриванской гимназіи *Гильманъ*—съ 19-го января 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по С.-Петербургскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Охтенскаго, *Василевскій*—съ 1-го сентября 1893 г., Холмскаго, Николаевскаго, Псковской губерніи, *Захаровъ* и Хомскаго Воскресенскаго, *Сукневъ*, оба—съ 28-го апрѣля 1894 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Благовѣщенскаго народнаго училища *Корелкинъ*—съ 23-го ноября 1895 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели гимназій: С.-Петербургской Мая: *Липовскій*—съ 1-го сентября 1891 г. и *Койкъ*—съ 20-го августа 1891 г., Ларинской С.-Петербургской, коллежскій секретарь *Пьянковъ*—съ 1-го сентября 1891 г., женской гимназіи Стеблинъ-Каменской, *Штауде*—съ 19-го ноября 1891 г.; учителя Череповскаго реальнаго училища: *Мюллеръ*—съ 24-го августа 1891 г. и *Гурьяновъ*—съ 1-го августа 1891 г.; лекторъ арабскаго языка Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій регистраторъ *Сарруфъ*—съ 1-го января 1887 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Благовѣщенской гимназіи *Даниловъ*—съ 6-го іюля 1891 г.; *титулярнаго совѣтника*, младшій помощникъ библіотекаря Императорской публичной библіотеки *Чечулинъ*—съ 1-го января 1896 г.; *коллежскаго секретаря*: секретарь Императорской публичной библіотеки *Башкировъ*—съ 11-го декабря 1893 г., по диплому 1-й степени Императорскаго Московскаго университета; по С.-Петербургскому учебному округу: учителя городскихъ трехклассныхъ училищъ: Каргопольскаго, *Баданинъ*—съ 1-го іюля 1891 г. и Архангельскаго, *Мезеневъ*—съ 1-го сентября 1891 г.; *губернскаго секретаря*, по С.-Петербургскому учебному

Библиотека "Руниверс"

округу, почетный смотритель С.-Петербургскаго Воздвиженскаго городскаго училища *Романовъ*—съ 7-го августа 1893 г, по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго С.-Петербургскаго университета; *коллежскаго регистратора*, по С.-Петербургскому учебному округу, домашній учитель *Фрейвальдъ*—съ 12-го января 1896 г.

(1-го мая 1896 г.). *Назначаются*: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ географіи, статскій совѣтникъ *Анучинъ*—ординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ. по зоологіи, съ 10 го февраля, съ оставленіемъ профессоромъ Московскаго университета, по 1-е августа 1897 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ сельскохозяйственныхъ наукъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, надворный совѣтникъ *Миклашевскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора политической экономіи Демидовскаго юридическаго лицея; исполняющій обязанности инспектора Варшавской 3-й мужской гимназіи, заслуженный преподаватель той же гимназіи, статскій совѣтникъ *Брашловскій*—правителемъ канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шубинъ*, отставной гвардіи штабсъ-капитанъ *Пущинъ* и коллежскій совѣтникъ *Полянскій*—почетными попечителями: Шубинъ—вновь Вятскаго реальнаго училища, Пущинъ—Тульской гимназіи, а Полянскій—Курской учительской семинаріи, всѣ трое—согласно избранію, изъ нихъ Пущинъ—до 21-го апрѣля 1898 г., а остальные двое—на три года.

(14-го мая 1896 года). *Назначается*, директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Аничковъ*—товарищемъ министра.

Объявляется Высочайшее благоволеніе, за отлично-усердную и ревностную службу, дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскому совѣтнику Эдуарду *Ленцу*.

Производятся: за отличіе: изъ тайныхъ въ *дѣйствительные тайные совѣтники*, членъ совѣта министра, предсѣдатель ученаго комитета министерства Александръ *Георгіевскій*; попечитель Варшавскаго учебнаго округа Александръ *Апухтинъ*, и ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Михаилъ *Сухомлиновъ*; изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ *тайные совѣтники:* членъ совѣта министра Александръ *Разцвѣтовъ*, ординарные академики Императорской академіи наукъ: Александръ *Веселовскій* и Василій *Васильевскій*; ректоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — ординарный

Библиотека "Руниверс"

профессоръ Петръ *Никитинъ* и Новороссійскаго, заслуженный ординарный профессоръ Ѳедоръ *Шведовъ;* заслуженные ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—деканъ юридическаго факультета Василій *Сергѣевичъ*, Московскаго — деканъ юридическаго факультета Викторъ *Леонтовичъ* и деканъ медицинскаго факультета Иванъ *Клейнъ* и Варшавскаго — Александръ *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ* и Эрнестъ-Дагобертъ *фонъ-Траутфеттеръ*, и директоръ Казанской второй гимназіи Осипъ *Имшенникъ-Кондратовичъ*; изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники:* ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета Александръ *Судаковъ*; экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ Ѳедоръ *Плеске;* чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества Всеволодъ *Соловьевъ*; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Николай *Дебольскій*; окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Московскаго—Сергѣй *Зегеръ*; Виленскаго—Никаноръ *Одинцовъ* и Оренбургскаго—Павелъ *Адріановъ*; окружный инспекторъ училищъ Приамурскаго края Василій *Маргаритовъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго: заслуженный—Алексѣй *Лебедевъ*, Александръ *Алексѣевъ*, Александръ *Сабанѣевъ*, Ѳедоръ *Синицынъ* и Владиміръ *Снегиревъ*, Казанскаго — Ѳедоръ *Курлановъ* и Николай *Засѣцкій*, Харьковскаго: Леонтій *Загурскій*, Маринъ *Дриновъ* и Германъ *Лангермаркъ*, св. Владиміра: Иванъ *Сикорскій*, Василій *Ермаковъ*, Василій *Чирковъ* и Фердинандъ *Лешъ*, Юрьевскаго — Эдуардъ *Рельманъ* и Владиміръ *Чижъ* и Варшавскаго — Николай *Ястребовъ*; директоръ и ординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института Казиміръ *Раупахъ;* ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея Николай *Суворовъ*; профессоры институтовъ: Императорскаго клиническаго Великой Княгини Елены Павловны — Михаилъ *Аванасьевъ* и С.-Петербургскаго практическаго технологическаго Николай *Щукинъ* и Михаилъ *Демьяновъ;* исправляющій должности помощника ректора и ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета Николай *Звѣревъ;* инспекторы студентовъ Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Николай *Алякритскій* и Томскаго — Александръ *Пятницкій*; почетные попечители гимназій: С.-Петербургской второй—Александръ *Пель* и Одесской второй — Матвѣй *Маврокордато*; директоры гимназій: Олонецкой—Сергѣй *Окуньковъ*, Одесской третьей—Петръ *Феерчакъ*, Маріупольской—Григорій *Тимошевскій*, Ломжинской — Эрастъ *Турау*, Ви-

Библиотека "Руниверс"

тебской—Иванъ *Введенскій* и Пермской—Яковъ *Алфіоновъ;* директоръ Бѣльской прогимназіи Порфирій *Гвоздевъ*; директоры реальныхъ училищъ: Вятскаго Александровскаго — Василій *Никологорскій*, Полтавскаго—Иванъ *Дзюблевскій-Дзюбенко*, Елисаветградскаго—Иванъ *Бучинскій*, Севастопольскаго—Константинъ *Милашевичъ*, Варшавскаго—Владиміръ *Кривакинъ*, Виленскаго—Василій *Фохтъ* и Шушинскаго—Константинъ *Якубовичъ*; директоры учительскихъ семинарій: Карачевской — Иванъ *Тожаревскій*, Киржачской — Александръ *Тяжеловъ*, Казанской—Николай *Бобровниковъ*, Валкской — Борисъ *Сциборскій* и Полоцкой—Евграфъ *Смирновъ*; начальники учебныхъ дирекцій: Сѣдлецкой—Владиміръ *Карповъ* и Калишской — Иванъ *Пясецкій*; директоры народныхъ училищъ губерній: Олонецкой—Дмитрій *Мартыновъ*, Нижегородской—Дмитрій *Глазовъ*, Тверской — Николай *Червлянскій*, Симбирской—Иванъ *Ишерскій*, Бессарабской—Александръ *Крыловъ* и Пермской—Алексѣй *Раменскій*, и почетный попечитель Костромскихъ промышленныхъ училищъ „Чижова“ Алексѣй *Полѣновъ;* изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, князь Сергѣй *Волконскій*, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи, и почетный членъ попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ Александръ *Матвѣевъ*; за выслугу лѣтъ и отличіе по службѣ: въ *статскіе совѣтники:* почетный попечитель Тифлисской первой мужской гимназіи, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, коллежскій ассессоръ князь Николай *Арутинскій-Долгоруковъ*, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи; въ *надворные совѣтники*, почетный попечитель Екатеринодарской мужской гимназіи, коллежскій секретарь Василій *Климовъ*; за отличіе: изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Свѣтловъ*, со старшинствомъ съ 5-го сентября 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* исполняющій, по вольному найму, обязанности смотрителя факультетскихъ клиникъ Императорскаго Харьковскаго университета, фельдшеръ Пименъ *Бужинскій*; канцелярскіе служители департамента народнаго просвѣщенія Ювеналій *Глазовъ* и Михаилъ *Азимовъ* и занимающійся письмоводствомъ, по вольному найму, въ семъ департаментѣ Александръ *Раздобурдинъ*.

Награждаются орденами: *св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго, съ бриллiантовыми украшеніями*, членъ совѣта ми-

Библиотека "Руниверс"

нистра, директоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, тайный совѣтникъ Константинъ *Кедровъ*.

Св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Василій *Васильевъ*.

Бѣлаго Орла, членъ совѣта министра, членъ ученаго комитета министерства и постоянный членъ училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, магистръ богословія, тайный совѣтникъ Павелъ *Аннинъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени: тайные совѣтники: вице-президентъ и ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Леонидъ *Майковъ* и членъ совѣта министра—Иванъ *Аноповъ*; директоръ Тифлисской первой мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левъ *Марковъ*.

Св. Анны 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: членъ совѣта министра и директоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института Василій *фонъ-Анрепъ*; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Фридрихъ *Шмидтъ;* дѣлопроизводители V класса департамента народнаго просвѣщенія: Петръ *Новицкій* и Леопольдъ *Скоробогатый* и библіотекарь Императорской публичной библіотеки Карлъ *Феттерлейнъ*.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ректоры и ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—Константинъ *Ворошиловъ* и св. Владиміра—Ѳедоръ *Фортинскій;* заслуженные ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Леонардъ *Гиршманъ* и Александръ *Бріо* и св. Владиміра — Митрофанъ *Хандриковъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Петръ *Мрочекъ-Дроздовскій* и графъ Леонидъ *Комаровскій* и Казанскаго — Дмитрій *Бѣляевъ*; инспекторъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Давидъ *Альбрехтъ*; почетный попечитель Нарвской гимназіи Адольфъ *Ганзъ*; директоры гимназій; С.-Петербургской пятой—Михаилъ *Янко*, Московскихъ: первой — Іосифъ *Гобза*; пятой — Александръ *Шварцъ*, шестой — Василій *Рязанцевъ* и седьмой—Константинъ *Войнаховскій*, Рижской Александровской — Егоръ *Бѣлявскій*, Радомской—Владиміръ *Смородиновъ* и Плоцкой—Игнатій *Федынскій*; директоръ Волчанской учительской семинаріи Владиміръ *Хорошевскій* и директоры народныхъ училищъ губерній: Харьковской—Николай *Жаворонковъ*, Тамбовской—Дмитрій *Ильченко* и Екатеринославской—Анемподистъ *Малевинскій*.

Библиотека "Руниверс"

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ Василій *Латышевъ*; помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа Владиміръ *Исаенковъ*; окружной инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа Михаилъ *Завадскій*; заслуженные ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—Феликсъ *Навроцкій*, Харьковскаго—*Ковальскій* и св. Владиміра—Эмилій *Гейбель*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Всеволодъ *Миллеръ* и Иванъ *Цвѣтаевъ*, Казанскаго—Александръ *Штукенбергъ*, Харьковскаго—Николай *Толочиновъ*, св. Владиміра—Николай *Бобрецкій* и Варшавскаго—Дмитрій *Азаревичъ*; профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Николай *Тавилдаровъ*; старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Максимъ *Нюренъ*, почетные попечители гимназій: С.-Петербургской Ларинской—Петръ *Топоровъ* и Смоленскаго земства, Императора Александра III, въ гор. Вязьмѣ—Михаилъ *Маховъ*; директоръ Кронштадтской гимназіи Николай *Козско*; директоры реальныхъ училищъ: Могилевскаго Александровскаго—Константинъ *Карпинскій* и при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ: св. Анны въ С.-Петербургѣ—Іосифъ *Кениг* и св. Михаила въ Москвѣ—Георгій *Ковальцигъ*; директоры учительскихъ семинарій: Порѣцкой—Александръ *Гурладій* и Молодечненской—Николай *Модестовъ*; начальникъ Холмской учебной дирекціи Владиміръ *Истоминъ*, и Рижскій директоръ народныхъ училищъ Михаилъ *Сомчевскій*; статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Романъ *Брандъ* и Иванъ *Горожанкинъ* и Харьковскаго—Константинъ *Андреевъ*; директоры гимназій: Саратовской—Василій *Боголюбовъ*, Воронежской—Михаилъ *Григоровскій*, Пензенской первой—Александръ *Соловьевъ*, Новочеркасской—Григорій *Холодный*, Ростовской-на-Дону—Владиміръ *Филипповъ*, Прилукской—Михаилъ *Фирсовъ*, Полтавской—Иванъ *Марковъ*, Прагской—Василій *Водолагинъ* и Троицкой—Иванъ *Тихомировъ*; директоры реальныхъ училищъ: Тверскаго—Николай *Смирновъ* и Митавскаго—Фридрихъ *Кульбергъ*; директоръ Омской учительской семинаріи Митрофанъ *Водянниковъ*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Викторъ *Эриксонъ*; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Василій *Максимовъ*; инспекторъ Курской гимназіи Алексѣй *Гусаковскій*; исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской шестой гимназіи Александръ *Якубовъ*.

Библиотека "Руниверс"

инспекторы прогимназій: Московской—Викторъ *Михайловскій* и Алатырской—Леопольдъ *Бергъ*; учители гимназій: Московскихъ: первой—Казиміръ *Павликовскій* и второй—Павелъ *Фальевъ*, Рижскихъ: Императора Николая I—Григорій *Пасситъ* и Александровской—Людовикъ *Кортези* и Константинъ *Кутеповъ*; заслуженный преподаватель С.-Петербургской второй прогимназіи Петръ *Смирновскій*; учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго—Петръ *Колумбусъ* и Московскаго—Илья *Владимірскій*; учитель Московскаго учительскаго института Нилъ *Коносовъ*, и почетный попечитель Новгородской гимназіи, отставной полковникъ кавалергардскаго Ея Величества полка Владиміръ *Вонлярлярскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Александръ *Потылицынъ*; окружной инспекторъ Одесскаго учебнаго округа Иванъ *Соловьевъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Дмитрій *Бобылевъ* и Константинъ *Поссе*, Московскаго—Филиппъ *Фортунатовъ*, Казанскаго—Дмитрій *Дубяго* и Николай *Сорокинъ*, Новороссійскаго—Иванъ *Синцовъ* и Варшавскаго—Александръ *Тауберъ*, Михаилъ *Шалфеевъ* и исправляющій должность ординарнаго профессора того же университета—Александръ *Смирновъ*; профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Павелъ *Котурницкій*; директоры гимназій: Новгородской—Антонъ *Колоколовъ*, Владимірской—Дмитрій *Соколовъ*, Рыбинской—Павелъ *Стебловъ*, Кіевской первой—Иванъ *Посадскій-Духовскій*, Лубенской—Александръ *Крутковъ*, Екатеринославской—Александръ *Андреевскій*, Варшавской третьей—Аркадій *Соколовъ* и Благовѣщенской—Флорентій *Васильевъ*, и директоръ Гатчинской учительской семинаріи Василій *Воскресенскій*; статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскаго университета св. Владиміра: Сергѣй *Чирьевъ* и Алексѣй *Коротневъ*; инспекторъ студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища Николай *Циркуновъ*; директоры гимназій: Нарвской—Иванъ *Евѣновъ*, Вологодской—Михаилъ *Алюхинъ*, Архангельской—Иванъ *Громовъ*, Тверской—Геннадій *Невзоровъ*, Шуйской—Адріанъ *Ситарскій*, Бѣлгородской—Владиміръ *Тихоновичъ*, Кіево-Печерской—Вячеславъ *Петръ*, Каменецъ-Подольской Ѳедоръ *Васильевъ*, Ревельской Императора Николая I—Григорій *Янчевецкій* и Холмской—Никаноръ *Бѣлявскій*; директоръ Серпуховской прогимназіи Владиміръ *Буслаевъ*; директоры реальныхъ учи-

Библиотека "Руниверс"

лищъ: Орловскаго Александровскаго—Алексѣй *Бердниковъ* и Изюмскаго—Антонъ *Кузьмицкій*; директоръ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Эрнестъ *Фризендорфъ*; директоръ Ѳеодосійскаго учительскаго института Власій *Малиновскій*; директоры учительскихъ семинарій: Преславльской—Александръ *Уаровъ* и Прибалтійской—Ѳедоръ *Страховичъ*; директоры народныхъ училищъ губерній: Курской—Николай *Дарскій* и Оренбургской—Александръ *Семигановскій*; старшій письмоводитель канцеляріи конференціи Императорской академіи наукъ Владиміръ *Штейнъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Ставръ *Саковъ*; адъюнктъ-профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Василій *Зальсскій*; инспекторы гимназій: С.-Петербургской Ларинской — Константинъ *Блумбергъ* и Владикавказской Ольгинской женской—Александръ *Кудрявцевъ*; исполняющіе обязанности инспекторовъ гимназій: Одесской второй—Карлъ *Зембергъ* и Варшавской пятой—Ѳедоръ *Моисеевъ*; инспекторъ Варшавской второй прогимназіи Евгеній *Холодовскій*; исполняющіе обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго—Валеріанъ *Соколовъ*, Костромскаго—Александръ *Живиловъ* и Ловичскаго—Василій *Микшинъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Тульской—Андрей *Зеленецкій*, Пензенской—Николай *Ивановъ*, Тамбовской—Мелетій *Бойковъ* и Ѳедоръ *Талашко* и Полтавской—Петръ *Александровичъ*; старшій учитель Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ Александръ *Гиляровъ*; членъ Виленской коммисіи по изданію древнихъ актовъ и учитель Виленскаго городскаго учительскаго института Флавіанъ *Добрянскій*; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища Николай *Шапошниковъ*; заслуженные преподаватели С.-Петербургскихъ гимназій: второй—Іосифъ *Козичъ* и Введенской—Иванъ *Кипріановичъ*; учители гимназій: С.-Петербургскихъ: второй—Константинъ *Де-ла-Дроатьеръ*, третьей—Александръ *Кеммерлингъ* и Адріанъ *Фальконье* и шестой—Иванъ *Поддубный* и Іосифъ *Кабеле*, Олонецкой—Павелъ *Виноградовъ*, Московской третьей—Владиміръ *Шенрокъ*, Орловской—Николай *Вербицкій-Антіоховъ*, Шуйской—Владиміръ *Юшковъ*, Кіевской четвертой—Орестъ *Левицкій*, Кишиневскихъ: первой—Войтѣхъ *Марекъ* и второй—Готфридъ *Фотъ*, Кѣлецкой—Станиславъ *Шперль* и женскихъ: Екатеринбургской—Александръ *Гербко* и Ставропольскихъ—Николай *Динникъ*; заслуженный преподаватель Калужскаго реаль-

Библиотека "Руниверс"

наго училища Александръ *Арефьевъ;* учители реальныхъ училищъ: Одесскаго св. Павла—Александръ *Швайкевичъ*, Севастопольскаго—Яковъ *Бѣлоусовъ*, Новгородскаго—Николай *Тильтинъ*, Кіевскаго—Владиміръ *Игнатовичъ-Завилейскій* и Бѣлостокскаго—Карлъ *Вельсъ;* учители училищъ: при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ св. Петра (главнаго нѣмецкаго)—Владиміръ *Бекманъ* и св. Анны—Эдуардъ *Томбергъ*, при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ—Ричардъ *Гаге* и Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго—Дмитрій *Соловьевъ;* наставникъ Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ Петръ *Валединскій*, и врачъ Островскаго городскаго училища Карлъ *Трояновскій;* коллежскіе совѣтники: директоръ Благовѣщенской учительской семинаріи Александръ *Тарнавскій;* дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Павелъ *Потѣхинъ;* инспекторъ народныхъ училищъ, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа, инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской—Михаилъ *Борышкевичъ;* библіотекари: Императорской публичной библіотеки—Владиміръ *Ламбинъ* и 2-го отдѣленія библіотеки Императорской академіи наукъ—Павелъ *Фусъ;* учители женскихъ гимназій: Кронштадтской Александровской — Семенъ *Николаевъ* и Одесской Маріинской—Августъ *Шапеллонъ* и учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Александръ *Ефимовъ;* почетный попечитель Комиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ, надворный совѣтникъ Сергѣй *Губонинъ*.

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Александръ *Цагарелли;* исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета Григорій *Левицкій;* директоры гимназій: С.-Петербургской Ларинской—Иванъ *Смирновъ* и Костромской—Сергѣй *Лебедевъ*, и экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Николай *Толмачевъ;* статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Василій *Латкинъ*, Василій *Ефимовъ* и Дмитрій *Коноваловъ*, Московскаго—Алексѣй *Павловъ*, Казанскаго—Василій *Сорокинъ*, Дмитрій *Львовъ*, Николай *Мысловскій* и Григорій *Дормидонтовъ*, Харьковскаго—Дмитрій *Овсянико-Куликовскій*, Владиміръ *Рейнгардъ*, Александръ *Ляпуновъ* и Ѳедоръ *Опенховскій*, св. Владиміра—Тимофей *Флоринскій*, Новороссійскаго—Владиміръ *Преображенскій* и Эрнестъ *фонъ-Штернъ*, Юрьевскаго—Петръ *Пусторослевъ*, Варшав-

Библиотека "Руниверс"

скаго—Егоръ *Вагнеръ* и Павелъ *Сомовъ* и Томскаго—Ѳеофанъ *Ерофѣевъ*; ординарные профессоры институтовъ: историко-филологическаго князя Безбородко въ Нѣжинѣ—Михаилъ *Бережковъ* и ветеринарныхъ: Казанскаго—Григорій *Кирилловъ* и Юрьевскаго—Вольдемаръ *Гутманъ*; профессоры Харьковскаго практическаго технологическаго института—Василій *Альбицкій* и Алексѣй *Гречаниновъ*; вице-директоръ и старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Алексѣй *Соколовъ* и астрофизикъ той же обсерваторіи Аристархъ *Бѣлопольскій*; инспекторы: Императорскаго Варшавскаго университета—Леонидъ *Шестаковъ* и студентовъ практическаго технологическаго института—Василій *Немолодшиевъ*; директоры гимназій: Калужской—Конрадъ *Греве*, Тульской—Петръ *Никольскій*, Кіевской третьей—Алексѣй *Истоминъ*, Ѳеодосійской—Василій *Гролихъ*, Павлоградской—Иванъ *Сытъ*, Юрьевской—Нилъ *Тихомировъ*, Сувалкской—Михаилъ *Корнѣевъ* и Могилевской—Александръ *Пигулевскій*; директоры прогимназій: Ржевской—Николай *Панкратовъ* и Гомельской—Иванъ *Свирѣлинъ*; директоры Рижскихъ реальныхъ училищъ: Императора Петра I—Ѳедоръ *Покатиловъ* и городскаго—Генрихъ *Гельманъ*; директоръ Виленскаго городскаго учительскаго института Всеволодъ *Богоявленскій*; директоры учительскихъ семинарій: Юрьевской—Михаилъ *Сѣрковъ* и Несвижской—Павелъ *Меліоранскій*; директоры народныхъ училищъ: Ковенской губерніи—Александръ *Лебединцевъ* и области Войска Донскаго—Алексѣй *Остроумовъ*; инспекторъ Усачевско-Чернявскаго женскаго училища въ Москвѣ Викторъ *Соколовъ*; директоръ Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища Павелъ *Корсунскій*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Людвигъ *Бахъ*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Николай *Любавинъ* и Левъ *Мороховецъ*, Харьковскаго—Андрей *Чириковъ* и св. Владиміра—Петръ *Армашевскій*; экстраординарный профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Алексѣй *Веселовскій*; адъюнктъ-профессоры практическихъ технологическихъ институтовъ—С.-Петербургскаго, Леонидъ *Богаевскій* и Харьковскаго—Александръ *Погорѣлко*; исправляющій должность старшаго ассистента Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны—Генрихъ *Шапиро*; наставники-руководители гимназіи историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ—Иванъ *Михайловскій* и Иванъ *Сребницкій*; инспекторы гимназій: Московской четвертой—Евгеній *Сыроечковскій*, Тульской—Иванъ *Млинаричъ*, Орловской—Иванъ *Гавелька*,

Библиотека "Руниверс"

Симбирской—Иванъ *Двигяниновъ*, Черниговской—Владиміръ *Круковскій*, Троицкой—Семенъ *Соболевъ* и Пермской—Сергѣй *Дроздовъ*; исполняющіе обязанности инспекторовъ гимназій: Таганрогской—Семенъ *Кравченко*, Тамбовской—Василій *Соловскій*, Старобѣльской Александровской—Михаилъ *Капустянскій*, Прилукской—Михаилъ *Ружицкій*, Варшавской первой—Сергѣй *Михалевичъ*, Петроковской—Матвѣй *Леонтьевъ* и Холмской—Владиміръ *Костылевъ*; инспекторы прогимназій: Суражской—Николай *Шоластеръ*, Евпаторійской—Митрофанъ *Казминскій* и Варшавской первой—Иларіонъ *Коровицкій*; исполняющій обязанность инспектора реальныхъ училищъ: Нижегородскаго Владимірскаго—Михаилъ *Корякинъ*, Зарайскаго—Владиміръ *Шольцъ*, Тульскаго—Александръ *Соколовъ*, Самарскаго—Михаилъ *Хижняковъ*, Вятскаго Александровскаго—Александръ *Пантелѣевскій*, Вольскаго—Александръ *Кулашинъ*, екатеринославскаго—Александръ *Собещанскій*, Рижскихъ—Императора Петра I, Всеволодъ *Шафрановъ* и городскаго Константинъ *Меттигъ*, Варшавскаго—Сергѣй *Лебедевъ*, Калишскаго—Николай *Стерлиговъ* и Томскаго Алексѣевскаго—Петръ *Бережковъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Псковской—Алексѣй *Павловъ*, Вологодской—Василій *Кичинъ*, Московской—Николай *Добровольскій*, Владимірской—Николай *Казанскій*, Нижегородской—Александръ *Кролюницкій*, Рязанской—Егоръ *Кочкинъ* и Аркадій *Соколовъ*, Казанской—Аркадій *Картовъ*, Курской—Николай *Четвертушкинъ*, Екатеринославской—Григорій *Нечипоренко* и Оренбургской—Иванъ *Будринъ*, состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской—Николай *Чернушевичъ* и Рижскаго учебнаго округа—Адольфъ *Лушъ*; помощникъ главнаго врача Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ Карлъ *Клейнъ*; преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института и гимназіи при немъ—Николай *Томасовъ*; воспитатели и преподаватели коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ: Осипъ *Гордіевичъ* и Ѳедоръ *Ярешъ*; заслуженные преподаватели гимназій: Калужской—Иванъ *Четыркинъ*, Харьковской третьей—Антонъ *Шейхль*, Тамбовской—Эрнестъ *Полоній* и Новгородсѣверской—Владиміръ *Радомскій*; учители гимназій: С.-Петербургскихъ: восьмой—Александръ *Регъ* и Введенской—Арношъ *Влашимскій*, Новгородской—Іосифъ *Яновскій*, Вологодской—Августъ *Вудовенцъ* и Михаилъ *Третьяковъ*, Московскихъ: первой—Василій *Розановъ*, третьей—Вячеславъ *Смирновъ* и седьмой—Григорій *Херсонскій*, Калужской—Мартинъ *Боле* и Михаилъ *Бѣловъ*, Нижегородской—Иванъ

Библиотека "Руниверс"

Шенрокъ, Орловской—Николай *Горшечниковъ*, Самарской—Кронидъ *Шемановскій*, Харьковскихъ: первой—Алексѣй *Грузинцевъ* и второй—Николай *Рудневъ* и Владиміръ *Дербушевъ*, Сумской Александровской—Михаилъ *Архангельскій*, Воронежской—Иванъ *Керсекъ*. Ростовской-на-Дону—Карлъ *Остеръ*, Тамбовской—Иванъ *Александровъ*, Кіевской третьей—Иванъ *Знаменскій*, Прилукской—Василій *Жуковскій*, Полтавской—Никифоръ *Артемьевъ*, Каменецъ-Подольской—Иванъ *Михалевичъ*, Одесской третьей—Михаилъ *Панченко* и Всеволодъ *Соколовъ*, Ананьевской—Павелъ *Моисѣевъ*, Екатеринославской—Николай *Катаевъ*, Херсонской—Леонъ *Шодо*, Рижской городской—Георгій *Земель* Бѣльской—Никаноръ *Полянскій*, Сѣдлецкой—Александръ *Редька*, Люблинской—Александръ *Васильевъ*, Томской—Николай *Бриллiантовъ*, Минской—Александръ *Смородскій*, Оренбургской—Василій *Полузаковъ*, Екатеринин бургской—Яковъ *Владиміровъ* и Иванъ *Поповъ* и Тифлисской второй—Василій *Бабанскій* и Вячеславъ *Ракушанъ*; учители женскихъ гимназій: Вологодской Маріинской—Владиміръ *Тузовъ*, Полтавской Маріинской—Иванъ *Цыссъ*, Люблинской, завѣдывающій оною—Михаилъ *Малицкій*, Владикавказской Ольгинской—Витольдъ *Станкевичъ* и Тифлисской первой, Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны—Иванъ *Пасютевичъ*; врачъ Новгородской Николаевской женской гимназіи Николай *Грѣшищевъ*; учители прогимназій: Алатырской—Николай *Пушковъ*, Ахтырской—Никаноръ *Клевцовъ* и Одесской—Никифоръ *Засадкевичъ* и Дмитрій *Манцовъ*; учители реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго—Иванъ *Петровъ*, Псковскаго Сергіевскаго—Владиславъ *Недзвецкій*, Петръ *Гутманъ* и Николай *Пиватто*, Зарайскаго—Василій *Проселковъ*, Тульскаго—Матвѣй *Барановъ*, Казанскаго—Робертъ *Эрасмусъ*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго—Яковъ *Меклеръ*, Сумскаго—Владиславъ *Рѣшетиловичъ*, Курскаго—Александръ *Дамберъ*, Урюпинскаго—Георгій *Леонтовичъ*, Ровенскаго—Геннадій *Макаровъ*, Одесскаго—Сергѣй *Синицынъ*, Виленскаго—Александръ *Вруцевичъ*, Пермскаго—Константинъ *Самаринъ* Уральскаго—Александръ *Звягинъ*, Кубанскаго Александровскаго—Александръ *Курочкинъ* и Тифлисскаго—Александръ *Захаровъ*; учители: С.-Петербургскихъ училищъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, Ѳедоръ *Клау* и при реформатскихъ церквахъ: Эдуардъ *Нерлингъ*; учитель Комисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ Василій *Пѣгушевъ*; учители женскихъ училищъ: Усачевско-Чернявскаго въ Москвѣ—Сергѣй *Тихомировъ*, Острожскаго, „графа Д. Н. Блудова“—Ѳедоръ *Кутневичъ* и Виленскаго высшаго Маріинскаго—Викторъ *Ре-*

Библиотека "Руниверс"

замовъ; учители учительскихъ институтовъ: Московскаго—Петръ *Ивановъ* и Бѣлгородскаго—Борисъ *Цацкинъ*; учитель Александровскаго учительскаго института въ Тифлисѣ Николай *Дискаровъ*; наставники учительскихъ семинарій: Рязанской Александровской—Сергѣй *Воскресенскій*, Курской—Евграфъ *Ходуновъ*, Воронежской—Михаилъ *Обыденный* и Новочеркасской—Николай *Вахнинъ*, и врачъ Каргопольскаго городскаго училища Эдуардъ *Ланцкій*; коллежскіе совѣтники: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Петръ *Будринъ*; директоръ Житомірской гимназіи Петръ *Сидоровъ*; правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Василій *Рохмановъ*; консультантъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Владиміръ *Штанге*; инспекторъ Бобровской прогимназіи Иванъ *Цвѣтковъ*; инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской Антонъ *Швачка*; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Николай *Моревъ*; бухгалтеръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Семенъ *Титовъ*; прозекторъ Императорскаго Варшавскаго университета Петръ *Троицкій*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Владиміръ *Лермантовъ* и Харьковскаго—Василій *Ярошевскій*; учитель гимназіи „Гуревича“ въ С.-Петербургѣ Николай *Вульфъ*; врачи: С.-Петербургской третьей гимназіи—Николай *Сухорскій*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища—Эммануилъ *Бонвечъ* и Молодечненской учительской семинаріи—Владиміръ *Бокъ*, и учитель Волчанской учительской семинаріи Илья *Косогоровъ*; надворные совѣтники: почетный попечитель рязанской гимназіи Сергѣй *фонъ-Дервизъ*; старшій помощникъ библіотекаря 2-го отдѣленія библіотеки Императорской академіи наукъ Александръ *Энманъ*; столоначальники канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго—Иванъ *Орнатскій* и Казанскаго—Сергѣй *Исполатовскій*; учитель С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища Михаилъ *Добросисцевъ*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскихъ: Владимірскаго—Михаилъ *Уверскій* и Воздвиженскаго—Павелъ *Поповъ*, Костромскаго—Сергѣй *Кустовъ* и Могилевскаго—Василій *Кудрявцевъ*, и учитель С.-Петербургской женской гимназіи Стеблинъ-Каменской Михаилъ *Мозинъ*; коллежскіе ассессоры: сотрудникъ археографической коммиссіи министерства Павелъ *Ежовъ* и учитель приготовительнаго класса гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-

Библиотека "Руниверс"

филологическомъ институтѣ Сергѣй *Коробковъ;* профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, губернскій секретарь Петръ *Худяковъ*; неимѣющіе чина: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Константинъ *Гротъ* и учитель Варшавской четвертой гимназіи Карлъ *Дуйсбургъ.*

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: сверхштатный экстраординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института Георгій *Косяковъ*; директоръ Набилковскаго училища въ Москвѣ Павелъ *Аврониъ*; учитель Нижегородскаго дворянскаго института императора Александра II Иванъ *Просвирнинъ*; учители гимназій; С.-Петербургской десятой—Николай *Марковинъ* и Евгеній *Ляпинъ*, Псковской—Александръ *Собакинъ-Фаддѣевъ*, Владимірской—Тимоѳей *Устенко*, Коломенской—Петръ *Свѣчниковъ*, Нижегородской—Ѳедоръ *Ржига*, Ярославской—Порфирій *Мизиновъ*, Астраханской—Эмилій *Лане*, Самарской—Николай *Челноковъ*, Харьковской первой—Митрофанъ *Аксеновъ*, Таганрогской—Иванъ *Урбанъ*, Кіевской четвертой—Иванъ *Чехлатовъ*, Императора Александра III въ Болградѣ—Александръ *Скробинскій*, и Іустинъ *Грищинскій*, Кишиневской первой—Даніанъ *Генціа*, Маріупольской—Николай *Завьяловъ*, Ченстоховской—Брониславъ *Грабовскій*, Сувалкской—Владиміръ *Коцъ*, Тобольской—Константинъ *Васильевъ*, Гродненской—Иванъ *Ивановъ*, Могилевской—Семенъ *Чуевъ*, Кутаисской—Виталій *Юркевскій* и женскихъ: Ярославской Маріинской—Болеславъ *Зеленскій*, Ростовской-на-Дону Екатерининской—Иванъ *Рощаховскій*, Севастопольской—Георгій *Вишневецкій* и Екатеринодарской—Поликарпъ *Крыжановскій*; учители прогимназій: Борисоглѣбской Александровской—Василій *Долинскій*, Азовской—Николай *Гречко*, Пинчовской—Николай *Торскій* и Гомельской—Ѳедоръ *Ляшукъ*; учители реальныхъ училищъ: Астраханскаго—Павелъ *Гро* и Николай *Борбовъ*, Ростовскаго на-Дону Петровскаго—Николай *Батицкій*, Николаевскаго—Сергѣй *Аѳанасьевъ*, Херсонскаго—Яковъ *Якобсонъ*, Варшавскаго—Николай *Лавровъ*, Бакинскаго—Іосифъ *Гржималовскій* и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго—Николай *Соловьевъ*; учители Комисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ: Иванъ *Ранжевъ* и Карлъ *Дихеусъ*, и наставники учительскихъ семинарій: Череповской—Николай *Подвысоцкій*, Порѣцкой—Дмитрій *Поповъ*, Вольской—Александръ *Стефановичъ*, Херсонской—Константинъ *Лисовскій* и Василій *Гавриланъ* и Прибалтійской—Василій *Новиковъ*; коллежскіе совѣтники: старшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Валентинъ *Біанки*; библіотекарь Императорской публич-

Библиотека "Руниверс"

ной библіотеки Иннокентій *Болдаковъ*; сверхштатные экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Владиміръ *Ротъ*, Сергѣй *Соболевскій* и Николай *Митропольскій* и Харьковскаго—Павелъ *Барабашевъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета Александръ *Невзоровъ*; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Георгій *Форстенъ*; сверхштатный экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Леонидъ *Третьяковъ*; адъюнктъ-профессоры практическихъ технологическихъ институтовъ: С.-Петербургскаго — Михаилъ *Львовъ* и Харьковскаго—Владиміръ *Кнаббе*; инспекторъ Херсонской гимназіи Николай *Вавиловъ*; исполняющіе обязанность инспектора реальныхъ училищъ: Сумскаго—Михаилъ *Коноровъ* и Шушинскаго—Алексѣй *Чепиго*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Рязанской—Владиміръ *Стратилатовъ*, Таврической—Евгеній *Рекало* Гродненской—Петръ *Маржовъ* и Пермской—Николай *Синицынъ*; преподаватели С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института: Павелъ *Селезневъ* и Александръ *Соколовъ*; доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета Леонгардъ *Мазингъ*; лекторъ Императорскаго Казанскаго университета Густавъ *Бергъ*; учительскихъ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Петръ *Эссеринг-Карклинъ*; учители гимназій: С.-Петербургской второй—Алексѣй *Кедровъ*, Кронштадтской—Александръ *Окшевскій*, Московскихъ: шестой—Петръ *Касицынъ* и седьмой—Евгеній *Якушкинъ*, Костромской Александръ *Покровскій*, Смоленской—Богданъ *Гернъ* и Константинъ *Немыцкій*, Тульской—Никаноръ *Бѣлорусовъ*, Ярославской—Алексѣй *Романовскій*, Казанскихъ: Императорской первой—Павелъ *Черняевъ* и Николай *Горталовъ* и третьей—Владиміръ *Сухановъ*, Вятской—Григорій *Сергіевъ*, Курской—Михаилъ *Архангельскій*, Елатомской—Борисъ *Гвоздиковъ*, Пензенскихъ: первой—Порфирій *Горницкій* и второй—Владиміръ *Подольскій*, Кіевской третьей—Григорій *Ляхницкій*, Полтавской—Августъ *Рыбаръ*, Житомирской—Александръ *Стефановъ*, Прилукской—Юліанъ *Тюрріанъ*, Каменецъ-Подольской—Антонъ *Писаревскій*, Златопольской—Иванъ *Андріевскій*, Екатеринославской—Александръ *Соловьевъ*, Ревельской Императора Николая I—Павелъ *Карабановъ*, Лодзинской—Антонъ *Шумейко*; Сѣдлецкой—Константинъ *Манулевичъ-Мейдано-Улу*, Виленскихъ: первой—Сергѣй *Пряниковъ* и Францъ *Вельманъ* и второй Алексѣй *Гатьбовъ*, Ковенской—Петръ *Лисенко*, Пермской—

Библиотека "Руниверс"

Константинъ *Борняковъ*, Екатеринодарской—Михалъ *Штепенко*, Ставропольской—Николай *Кузнецовъ*, Тифлисскихъ: второй—Василій *Чаленковъ* и третьей—Петръ *Кумской* и Николай *Сидоровъ* и Ташкентской—Николай *Коренъковъ*; учители женскихъ гимназій: Кронштадтской Александровской — Александръ *Ивановъ*, Рыбинской Маріинской—Константинъ *Дмаевъ*, Вятской Маріинской—Петръ *Никоновъ*, Одесской Маріинской—Петръ *Бракенгеймеръ*, Бердянской—Алексѣй *Тищенко*, Ѳеодосійской—Александръ *фонъ-Фигаровскій* и Уфимской—Анатолій *Поповъ*; воспитатель при пансіонѣ Кронштадтской гимназіи Василій *Сафроновъ*; учители прогимназій: С.-Петербургской второй—Тимоѳей *Котырло*, Петергофской императора Александра II—Павелъ *Варыпаевъ*, Карачевской—Алексѣй *Овсянниковъ*, Алатырской—Михаилъ *Ураевскій*, Острогожской—Алексѣй *Боборыкинъ*, Борисоглѣбской Александровской—Николай *Евсѣевъ*, Уманской—Иванъ *Розумъ*, Стародубской—Іуліанъ *Гутковскій*, Бахмутской—Арсеній *Колтыпинъ*, Евпаторійской—Иванъ *Сапицкій* и Зарайской женской—Иванъ *Павловъ*; учители реальныхъ училищъ: Выборгскаго—Василій *Грацинскій*, Иваново-Вознесенскаго—Дмитрій *Ефремовъ*, Лиепайскаго — Морицъ *Липпе*, Елабужскаго—Константинъ *Соколовъ*, Новочеркасскаго—Оръ *Дубяго*, Воронежскаго—Владиміръ *Смирновъ* и Иванъ *Козаковъ*, Кіевскаго Ѳедоръ *Козловскій*, Полтавскаго—Георгій *Зенкевичъ*, Кишинёвскаго—Морицъ *Якоби*, Мелитопольскаго—Николай *Янышевъ*, Николаевскаго—Алексѣй *Мѣшковъ*, Севастопольскаго — Францъ *Шаффъ*, рижскихъ: Императора Петра I—Іосифъ *Бастенъ*, и городскаго—Ѳедоръ *Андерсъ* и Константинъ *Нилендеръ*, Поневѣжскаго—Ѳедоръ *Липсбергъ*, Могилевскаго Александровскаго — Николай *Кудрицкій*, Пермскаго—Константинъ *Торопов*ъ, Троицко-Савскаго Алексѣевскаго — Вильгельмъ *Шенкъ*; учитель Казанскаго учительскаго института Алексѣй *Жеребцовъ*; наставники учительскихъ семинарій: Алферовской—Михаилъ *Новлянскій*, Казанской—Михаилъ *Алексѣевъ*, Омской—Николай *Усольцевъ*, Поневѣжской—Емельянъ *Войничъ* и Кубанской—Иванъ *Жемчужинъ*; учитель Бѣльской учительской семинаріи Николай *Протопоповъ*; врачъ С.-Петербургскаго учительскаго института Павелъ *Ивановъ*, и учитель Керченскаго мореходнаго класса II разряда Венедиктъ *Войковъ*; надворные совѣтники: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Леонидъ *Орловъ*; консультантъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Александръ *Лимбергъ*; помощникъ директора Рижской городской гимназіи Гугонъ *Данненбергъ*, адъюнктъ

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Андрей *Русановъ*; исполняющій обязанности инспектора Юрьевскаго реальнаго училища Михаилъ *Томиловъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи Владиміръ *Тулиновъ*; младшій ассистентъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Карлъ *Іогансенъ*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Николай *Алтуховъ*; доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института Михаилъ *Мальцевъ*; помощникъ директора Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи Раймундъ *Розенталь*; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія Евграфъ *Сутковскій* и бухгалтеръ сего департамента Михаилъ *Пяткинъ*; бухгалтеръ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа Ѳеоктистъ *Васильковскій*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Александръ *Рѣшицкій*; инспекторъ Казанскаго ветеринарнаго института Владиміръ *Ивановъ*; учители гимназій: С.-Петербургскихъ: Ларинской—Иванъ *Суровцовъ* и Императорскаго человѣколюбиваго общества—Алексѣй *Якимахъ*, Псковской—Вильфридъ *Луйгъ*, Новгородской—Василій *Максимовъ*, Олонецкой—Ѳедоръ *Чудиновъ*, Московской пятой—Владиміръ *Аппельротъ*, Императора Александра III, смоленскаго земства, гор. Вязьмѣ—Степанъ *Бѣллевичъ*, Императорской Казанской первой—Константинъ *Воронцовъ*, Астраханской—Сергѣй *Лобовиковъ* и Василій *Кууль*, Елатомской—Александръ *Гантнеръ*, Кіевскихъ: первой—Владиміръ *Куницкій* и Павелъ *Бодянскій*, второй—Филиппъ *Миловидовъ* и четвертой—Владиміръ *Александровичъ*, Маріупольской—Митрофанъ *Кустовскій*, Рижской Императора Николая I—Иванъ *Михалевичъ* и Іосафъ *Павловъ*, Ревельской, Императора Николая I—Михаилъ *Соколовскій* и Петръ *Тюленевъ*, Юрьевской—Георгій *Смирновъ*, Антонъ *Корнелюкъ* и Викторъ *Срѣтенскій*, Митавской—Иванъ *Шванбергъ*, Варшавскихъ: первой—Василій *Силинъ* и Семенъ *Говорко*, второй—Александръ *Соколовъ* и третьей—Викторъ *Ходыревъ*, Лодзинской—Михаилъ *Тарасовъ*, Бѣльской—Петръ *Соловьевъ*, Плоцкой—Сергѣй *Эльмановичъ*, Омской—Иванъ *Шамаевъ*, Виленской первой—Андрей *Виноградовъ*, Ковенской—Митрофанъ *Соколовъ*, Шавельской—Иванъ *Орловскій*, Ставропольской—Ѳедоръ *Котылевскій* и Владивостокской—Александръ *Кедроливанскій*; учители женскихъ гимназій: С.-Петербургскихъ: „княгини Оболенской“,— Александръ *Щукаревъ* и Покровской—Александръ *Ешевскій*, Черниговской—Николай *Поздняковъ*, Сумской—Яковъ *Назаревскій*, Одесской Маріинской—Павелъ *Ивановъ*, Керченской—Михаилъ *Сте-*

Библиотека "Руниверс"

пановъ, Варшавской второй—Константинъ *Соловьевъ*, Лодзинской — Яковъ *Гунтъ*, Кѣлецкой—Михаилъ *Царевскій* и завѣдывающій сею гимназіею Сергѣй *Георгіевскій*; воспитатель пансіона Рязанской гимназіи Петръ *Любимовъ*; учители прогимназій: Московской—Алексѣй *Владимірскій*, Ахтырской — Константинъ *Сѣдлецкій*, Суражской—Иванъ *Комиссаржевскій*, Острожской—Федотъ *Ивановъ*, Уманской—Митрофанъ *Тарановичъ* и Новороссійской—Степанъ *Мельниковъ-Разведенковъ*; учители реальныхъ училищъ: „Гуревича" въ С.-Петербургѣ—Дмитрій *Цинзерлингъ*, Московскаго — Владиміръ *Богдановъ*, Усть-Медвѣдицкаго — Сергѣй *Афанасьевъ*, Кишиневскаго — Іосифъ *Степанковскій*, Комратскаго—Андрей *Хмѣлевскій*, Митавскаго—Владиміръ *Соколовъ* и Тюменскаго Александровскаго—Яковъ *Миллеръ*; учители училищъ при церквахъ:—евангелическо-лютеранской св. Анны въ С.-Петербургѣ—Василій *Барминскій* и Рейнгольдъ *Танцшеръ* и реформатской въ Москвѣ—Владиміръ *Соколовъ*; учители Красноуфимскаго промышленнаго училища: Владиміръ *Варлинъ* и Валерій *Аѣровъ*; учитель Виленскаго городскаго учительскаго института Владиміръ *Лидерсъ*; наставники учительскихъ семинарій: Череповской—Николай *Ларіоновъ* и Новинской—Адріанъ *Масловъ*; учитель Холмской учительской семинаріи Иванъ *Морозовъ*; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи Василій *Еленевскій*; учитель Закавказской учительской семинаріи Абдуллъ-Кадиръ-Эфенди *Махмудъ-Эфенди-Заде*; учитель Комисаровскаго техническаго училища Михаилъ *Чижевскій*; штатные смотрители городскихъ училищъ: Новоушицкаго—Лаврентій *Семеновичъ* и Таращанскаго—Александръ *Слищенко*; врачъ Каменецкаго городскаго училища Іосифъ *Манасевичъ*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Островскаго—Гавріилъ *Русецкій*, Гжатскаго—Владиміръ *Рабцевичъ*, Мамадышскаго—Иванъ *Троицкій*, Славянскаго — Андрей *Божко*, Волковскаго—Яковъ *Сукачевъ*, Ростовскаго-на-Дону—Корнилій *Черминъ*, Одесскаго караимскаго—Александръ *Крыжановскій*, Севастопольскаго—Александръ *Нижевахоевъ*, Рижскаго Петропавловскаго—Петръ *Дадзитъ*, Усть-Каменогорскаго—Павелъ *Куликовъ*, Телавскаго—Семенъ *Мажниковъ* и Дербентскаго—Іосифъ *Мегвинетъ-Хуцесовъ*; инспекторъ метеорологическихъ станцій Владиміръ *Дубинскій*; помощникъ воспитателя Бакинскаго реальнаго училища Абдулъ-Али-бекъ *Джабибековъ*; учители приготовительныхъ классовъ гимназій: Рижской Александровской—Онисимъ *Болотовъ*, Елисаветпольской—Мнацаканъ *Вартанесовъ* и Ставропольской—Ефимъ *Артюшенко*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: С.-Петербург-

Библиотека "Руниверс"

ской пятой—Павелъ *Перевлецкій*, Московской пятой—Николай *Соколовъ*, Ярославской—Александръ *Покровскій*, Харьковскихъ: второй—Петръ—*Бѣлорскій* и третьей—Прокофій *Гончаровъ*, Житомірской—Викторъ *Щуревичъ* и Каменецъ-Подольской—Михаилъ *Ващенко*, прогимназій: С.-Петербургской второй—Алексѣй *Яковлевъ*, Рязанской—Порфирій *Правдолюбовъ*, Уманской—Іоанникій *Макаренко* и Острожской—Василій *Афончиковъ*, и реальныхъ училищъ: Тверскаго—Петръ *Коняевъ*, Изюмскаго—Владиміръ *Кончевскій* и Мелитопольскаго—Иванъ *Солодовниковъ*; надзиратель Екатерининскаго учительскаго института въ гор. Тамбовѣ—Николай *Молчановъ*; учители-завѣдывающіе городскими училищами: Тверскимъ—Арсеній *Павловъ*, Курмышскимъ—Ѳедоръ *Виноградовъ*, Мглинскимъ—Николай *Захаржевскій*, Клинцовскимъ—Александръ *Коваленко*, Бійскимъ—Петръ *Якобъ*, Пржевальскимъ—Михаилъ *Киселевъ*, Барнаульскимъ—Владиміръ *Обабковъ* и Чимкентскимъ—Иванъ *Ковригинъ*; учители городскихъ училищъ: Гатчинскаго—Николай *Высоцкій*, Одесскаго—Константинъ *Иващенко* и Славянскаго—Василій *Павловъ*; учители училищъ: Владикавказскаго „графа Лорисъ-Меликова", ремесленнаго—Георгій *Сидоровъ* и Набилковскаго въ Москвѣ—Иванъ *Трофимовъ*, и учитель приготовительнаго класса Варшавскаго реальнаго училища Александръ *Шамаховъ*; коллежскіе ассессоры: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ Евграфъ *Ковалевскій*; правитель канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа Владиміръ *Молчановъ*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра — Сергѣй *Навашинъ*, Варшавскаго: Василій *Александренко* и Александръ *Щербакъ* и Московскаго (сверхштатный)—Петръ *Поповъ*; главный инженеръ-механикъ Императорскаго Московскаго техническаго училища Александръ *Пермяковъ*; инспекторъ Сандомирской прогимназіи Николай *Тожаревъ*; завѣдывающій Константиновскою магнитно-метереологическою обсерваторіею въ гор. Павловскѣ Стефанъ *Гласекъ*; сверхштатные ассистенты Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны: Николай *Штиллицъ* и Генрихъ *Ауэ*; столоначальники канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Одесскаго—Капитонъ *Добрицкій* и Рижскаго—Викторъ *Горскій*; ученый хранитель ботаническаго музея Императорской академіи наукъ Ѳедоръ *Мейнсаузенъ*; библіотекарь Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ—Николай *Муравьевъ*; помощникъ библіотекаря Императорскаго Казанскаго университета Василій *Смоленскій*; учители гимназій: С.-Петербургской

Библиотека "Руниверс"

третьей—Конрадъ *Ганъ*, Митавской—Владиміръ *Лунинъ*,р Вашавскихъ: третьей—Петръ *Венедиктовъ*, четвертой—Василій *Шимановскій*, шестой—Константинъ *Тимашевъ* и Петроковской—Василій *Зайцевъ*; учитель-завѣдывающій Сувалкскою женскою гимназіею Николай *Кизеветтеръ*; воспитатель С.-Петербургской третьей гимназіи Василій *Фроловъ*; учитель Бобровской прогимназіи Романъ *Вольфъ*; учители Харьковскаго реальнаго училища—Михаилъ *Ульрихъ* и Сергѣй *Запорожцевъ*; наставники учительскихъ семинарій: Карачевской—Иванъ *Назарьевскій* и Прибалтійской—Евстафій *Лійцитъ*; почетный смотритель Корсунскаго уѣзднаго училища Сергѣй *Герасимовъ*; штатные смотрители городскихъ училищъ—Уманскаго—Иванъ *Янкевичъ* и Житомірскаго—Іуліанъ *Шуликовъ*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Ревельскаго—Николай *Орловъ*, Якобштадтскаго—Константинъ *Талантовъ*. Вейсенштейнскаго—Петръ *Шумаковъ*, Варшавскаго—Николай *Демченко* и Плоцкаго—Василій *Снѣжко*; учитель Казанской татарской учительской школы Михаилъ *Пинегинъ*; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Александръ *Приклонскій*; бухгалтеръ Императорскаго Казанскаго университета Александръ *Романовъ*; физикъ главной физической обсерваторіи Антонъ *Каминскій*; секретарь по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Юрьевскаго университета Александръ *Боковневъ*; штатный смотритель Березовскаго уѣзднаго училища Владиміръ *Ухаловъ*; помощники классныхъ наставниковъ: Пензенской второй гимназіи—Степанъ *Безверховъ* и Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I—Михаилъ *Игнатовичъ*; учители городскихъ училищъ: при Виленскомъ городскомъ учительскомъ институтѣ—Антонъ *Богдановичъ* и Асхабадскаго—Евсевій *Бабилуа*; учители приготовительныхъ классовъ: гимназій: Тульской—Левъ *Блаженковъ* и Воронежской—Михаилъ *Львовъ* и прогимназій: Борисоглѣбской Александровской—Семенъ *Келинъ*, Суражской—Архипъ *Балакліецъ* и Житомірской—Николай *Лозинскій*; учитель Аккерманской женской гимназіи Левъ *Сливинскій*, и учитель Владимірволынскаго городскаго училища Василій *Быльдинъ*; титулярные совѣтники: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Робертъ *Випперъ*; завѣдывающій хозяйственною частію Императорской публичной библіотеки Иванъ *Трескинъ*; профессоръ Рижскаго политехническаго училища Павелъ *Вальденъ*; дѣлопроизводители: VIII класса департамента народнаго просвѣщенія—Иванъ *Смирновъ* и канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа—Серафимъ *Старосивильскій*; учители-

Библиотека "Руниверс"

завѣдывающіе женскими гимназіями: Петроковскою—Иванъ *Рождественскій*, Калишскою—Михаилъ *Литвиновскій* и Радомскою—Тимоѳей *Цисарь*; лаборанты Императорской академіи наукъ—Дмитрій *Ивановскій* и Алексѣй *Кулябко*; бухгалтеръ Кіевской первой гимназіи Василій *Прилуцкій*; письмоводитель Тульской гимназіи Иванъ *Остроумовъ*; смотритель-учитель Таманскаго начальнаго училища Василій *Кононенко*, и учитель приготовительнаго класса Измаильской прогимназіи Павелъ *Беюлъ*; коллежскіе секретари: письмоводитель при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ Павелъ *Симони*; исправляющій должность дѣлопроизводителя VII класса канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Эрастъ *Стасъ*; письмоводитель и бухгалтеръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Владиславъ *Кононовичъ*; учителя гимназій: Холмской—Леонидъ *Дружининъ* и Варшавской четвертой женской—Александръ *Альбовъ*; архиваріусъ и журналистъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Дмитрій *Мацкевичъ*; письмоводитель Шушинскаго реальнаго училища Хачатуръ *Карабековъ*, и помощники классныхъ наставниковъ гимназій: С.-Петербургской первой—Дмитрій *Четыркинъ* и Олонецкой—Николай *Лядинскій*; губернскіе секретари: учитель Петроковской гимназіи Матвѣй *Жемайтисъ*; лаборантъ Императорской академіи наукъ Александръ *Щербачевъ*, и учитель Нарвскаго городскаго училища Мартинъ *Ломанъ*; учитель Сосновицкаго частнаго реальнаго училища, коллежскій регистраторъ Александръ *Молоденковъ*; нижніе чины: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Алексѣй *Ивановскій*, Казанскаго—Дмитрій *Зейлигеръ* и Томскаго—Иванъ *Судакевичъ*; профессоры Рижскаго политехническаго училища: Александръ *Бекъ*, Генрихъ *Мальхеръ*, Карлъ *Ловисъ* и Карлъ *Моль*; учитель Варшавской второй гимназіи Карлъ *Марковскій*, и учители: главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ—Адольфъ *Натингъ*, Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища—Лука *Фуксъ* и Бѣльской учительской семинаріи—Александръ *Вершинскій*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: адъюнкты Императорской академіи наукъ: въ знаніи камергера Двора Его Императорскаго Величества князь Борисъ *Голицынъ* и Алексѣй *Шахматовъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Николай *Введенскій*, Казанскаго—Алексѣй *Фортунатовъ* и Александръ *Александровъ*, Харьковскаго—Андрей *Красновъ*,

Библиотека "Руниверс"

Яковъ *Анфимовъ* и (сверхштатный) Ѳеодосій *Патенко*, св. Владиміра—Павелъ *Венюковъ*, Сергѣй *Реформатскій* и Сергѣй *Богдановъ*, Новороссійскаго—Василій *Репяховъ*, Юрьевскаго—Густавъ *Таммань*, Варшавскаго—Владиміръ *Никольскій* и Томскаго—Михаилъ *Поповъ*; ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Владиміръ *Качановскій*; профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института Александръ *Лидовъ*; почетный попечитель Житомірской гимназіи Александръ *Старосвѣтскій*; директоръ Читинской гимназіи Николай *Ганзенъ*; директоры учительскихъ семинарій: Псковской—Александръ *Константиновскій* и Поневѣжской—Иванъ *Бѣляевъ*; директоръ народныхъ училищъ Забайкальской области Алексѣй *Еленевъ*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Матвѣй *Соколовъ*, Харьковскаго—Людвигъ *Струве*, Новороссійскаго—Иванъ *Слешинскій* и Игнатій *Ивановскій*, Юрьевскаго—Яковъ *Озе* и Томскаго—Алексѣй *Зайцевъ* и Михаилъ *Курловъ*; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Александръ *Лаппо-Данилевскій*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Иванъ *Турцевичъ*; экстраординарный профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института Людвигъ *Кундзинъ*; адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Алексѣй *Гатцукъ*; директоръ Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища Николай *Пановъ*; наставникъ-руководитель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Степанъ *Гинтовтъ*; инспекторы гимназій: Саратовской — Дмитрій *Никифоровъ*, Екатеринославской—Николай *Щербинскій*, Омской—Иванъ *Снегиревъ* и Ставропольской—Ѳедоръ *Передирей*; исполняющіе обязанность инспектора гимназій: Нижегородской — Николай *Холодковскій*, Бѣлгородской — Александръ *Никольскій*, Харьковской третьей—Леонидъ *Успенскій*, Одесской четвертой — Кириллъ *Драгошъ*, Ревельской Александровской—Михаилъ *Крыгинъ* и Радомской—Яковъ *Бобрукъ*; инспекторы прогимназій: Бобруйской—Ѳедоръ *Вознесенскій* и Стародубской—Григорій *Мезерницкій*; исполняющіе обязанность инспектора реальныхъ училищъ: Великолуцкаго — Александръ *Козловскій*, Елабужскаго—Николай *Розовъ*, Урюпинскаго—Петръ *Рудневъ*, Херсонскаго—Николай *Зеленскій* и Екатеринбургскаго—Александръ *Степановъ*; инспекторъ мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св.

Библиотека "Руниверс"

Петра и Павла въ Москвѣ Германъ *Пакъ*; инспекторъ техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища Яковъ *Владимірцевъ*; инспекторы народныхъ училищъ: Рижскаго учебнаго округа—Ермолай *Гравитъ*, губерній: Новгородской—Петръ *Дворянскій*, Московской—Сергѣй *Аницыферовъ*, Орловской—Порфирій *Мочульскій*, Пензенской—Николай *Добротинъ*, Херсонской—Ѳедоръ *Шеневскій*, Ковенской—Николай *Маловъ*, Виленской—Исидоръ *Шулицкій*, Пермской — Александръ *Дмитріевъ*, Закаспійской области — Александръ *Лядуанскій*, Бакинской губерніи и Дагестанской области—Александръ *Тхоржевскій*; астрономъ-наблюдатель Императорскаго С.-Петербургскаго университета Николай *Точаловъ*; инспекторъ-руководитель Андреевской учительской семинаріи Евлампій *Щуровскій*; исправляющій должность экзекутора Императорскаго Московскаго университета Степанъ *Яковлевъ*; инспекторъ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института Тимофей *Никитскій*; учитель и воспитатель пансіона Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Илья *Барановъ*; заслуженный учитель Пензенской первой гимназіи Николай *Фризе*; учители гимназій: С.-Петербургскихъ: второй—Эмиль *Шеве*, третьей—Александръ *Образцовъ*, Ларинской—Оскаръ *Залеманъ*, пятой—Николай *Дюковъ*, шестой—Михаилъ *Кеммерлингъ*, восьмой—Даніилъ *Ильцевичъ*, Введенской—Николай *Аратовскій*, Императорскаго человѣколюбиваго общества—Петръ *Вейдлингъ* и „Гуревича"—Станиславъ *Пташицкій*, Псковской—Александръ *Турбинъ*, Гельсингфорской Александровской—Павелъ *Леонтьевъ*, Нарвской—Эрнестъ *Мейеръ*, Московской четвертой — Николай *Вальцовъ* и Алексѣй *Стрѣльцовъ*, Владимірской—Григорій *Миловидовъ* и Николай *Чамовъ*, Коломенской—Иванъ *Дзъконскій*, Костромской—Петръ *Кузнецовъ*, Саратовской—Александръ *Александровъ* и Петръ *Некрасовъ*, Симбирской—Петръ *Полетика* и Александръ *Поповъ*, Царицынской Александровской—Владиміръ *Гендрихъ*, Григорій *Потаповъ* и Николай *Соловьевъ*, Харьковской третьей — Алексѣй *Дмитріевъ*, Сумской Александровской — Николай *Лащенковъ*, Новочеркасской — Александръ *Сукачевъ*, Таганрогской—Иванъ *Барзаковскій*, Ростовской-на-Дону—Андрей *Чиненовъ*, Корочанской Александровской — Іосифъ *Паллонъ*; кіевскихъ: первой—Иванъ *Чирьевъ*, третьей — Игнатій *Ильинскій* и Кіево-печерской — Антонъ *Камаритъ* и Яковъ *Юденичъ*, Полтавской—Петръ *Чернушевичъ*, Лубенской—Дмитрій *Кошлаковъ* и Георгій *Скробанскій*, Житомирской—Иванъ *Пратскій*, Прилукской—Василій *Гриневичъ*, Каменецъ-Подольской—Іеронимъ *Калиновскій*, Глуховской—Иванъ *Высоц-*

Библиотека "Руниверс"

кій, Черниговской—Василій *Гуманъ*, Немировской—Фридрихъ *Жонтъ*, Кириллъ *Бачинскій* и Лука *Воеводскій*; Одесскихъ: Ришильевской—Александръ *Брандтъ* и Алексѣй *Самко*, второй—Василій *Добротворскій* и четвертой—Александръ *Вырланъ*, Ананьевской—Иванъ *Вѣревскій*, Бердянской—Карлъ *Гильдебрандъ* и Николай *Буковскій*, Керченской—Владиславъ *Шкорпилъ* и Владиміръ *Штепенко*, Маріупольской—Оттонъ *Вержбицкій*, Николаевской—Порфирій *Кириловъ* и Петръ *Григоровичъ*, Симферопольской—Константинъ *Маляръ*, Ѳеодосійской—Георгій *Папудопло* и Людвигъ *Колли*, Перновской—Александръ *Лютеръ*, Митавской—Яковъ *Блюмбергъ*, Ченстоховской—Яковъ *Добровольскій*, Холмской—Вячеславъ *Ипатовъ*, Сѣдлецкой—Александръ *Завитневичъ*, Сувалкской—Сергѣй *Альфонскій*, Омской—Іосифъ *Быстржицкій*, Вѣрненской—Михаилъ *Плотниковъ*; Виленскихъ: первой—Георгій *Оношко* и второй—Андрей *Родинъ*, Минской—Иванъ *Архангельскій* и Александръ *Еллинскій*, Могилевской—Алексѣй *Бунаковъ*, Уфимской—Александръ *Лисовскій* и Николай *Бравинъ*, Оренбургской—Альфредъ *Яненцъ*, Екатеринбургской—Петръ *Лѣшинкъ*, Кутаисской—Николай *Згурскій*, Елисаветпольской—Александръ *Дементьевъ*, Тифлисской первой—Михаилъ *Черниковъ*, Благовѣщенской—Алексѣй *Кубинцевъ* и Владивостокской—Николай *Васильевъ*; учители женскихъ гимназій: Выборгской—Константинъ *Чернышевъ*, Казанской Маріинской—Генрихъ *Чиперъ*, Черниговской—Августъ *Ясинскій* и Севастопольской—Герасимъ *Елисафовъ*; учители, завѣдующіе женскими гимназіями: Плоцкою—Василій *Прозоровскій* и Сѣдлецкою—Иванъ *Михальскій*; учитель Кутаисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины Константинъ *Гоюберидзе*; учители прогимназій: С.-Петербургской первой—Александръ *Орнатскій*, Бѣльской—Дмитрій *Эльмановичъ*, Егорьевской—Иванъ *Зубовскій*, Рославльской—Василій *Ласкинъ*, Сергіевской въ Сергіевскомъ посадѣ—Павелъ *Успенскій*, Серпуховской Александровской—Иванъ *Яньшинъ*, Алатырской—Сергѣй *Красовскій*, Житомирской—Андрей *Поставскій*, Острожской—Александръ *Нежулій-Бѣлоусовъ* и Афанасій *Вороной* и Грубешовской—Петръ *Кончукъ*; заслуженные преподаватели реальныхъ училищъ: Новочеркасскаго—Николай *Дикаревъ* и Тамбовскаго—Иванъ *Фрейманъ*; учители реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: перваго—Андрей *Преображенскій* и втораго—Огюстъ *Гумбертъ*, Кронштадтскаго—Николай *Баженовъ* и Василій *Голынскій*, Великолуцкаго—Дмитрій *Степановскій*, Вологодскаго Александровскаго—Евгеній *Вознесенскій*, Нижегородскаго Владимірскаго—Михаилъ *Петровъ*, Ко-

Библиотека "Руниверс"

стромскаго—Павелъ *Мышковскій*, Зарайскаго—Александръ *Прасоловъ*, Вольскаго—Іосифъ *Адамекъ*, Елабужскаго—Петръ *Михайловъ*, Самарскаго—Іосифъ *Щепанскій*, Сарапульскаго Алексѣевскаго—Леопольдъ *Нитъ*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго — Василій *Дроздовъ*, Сызранскаго — Владиміръ *Анисимовъ* и Юлій *Вихманъ*, Сумскаго—Николай *Лебединскій*, Ростовскаго-на-Дону Петровскаго — Иванъ *Шкитко*, Пензенскаго — Михаилъ *Офицеровъ*, Кіевскаго — Ричардъ *Кейхель*, Роменскаго — Андрей *Кальбусъ* и Матвѣй *Бабакинъ*, Одесскаго—Геннадій *Ладыженскій* и Евгеній *Князевъ*, Кишиневскаго—Александръ *Костинскій*, Пинскаго—Иванъ *Конрадъ*, Поневѣжскаго—Александръ *Грущинскій*, Екатеринбургскаго—Александръ *Орловъ* и Тифлисскаго—Генрихъ *Кифферъ*; учители училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ: св. Петра (главнаго нѣмецкаго), Викторъ *Богдановъ* и св. Анны — Бруно *Кольбе*; заслуженный преподаватель Красноуфимскаго промышленнаго училища Адамъ *Кунцевичъ*; сверхштатный учитель С.-Петербургскаго учительскаго института Аполлонъ *Мялицынъ*; наставники учительскихъ семинарій: Гатчинской — Антонъ *Макаревичъ*, Карачевской — Василій *Вознесенскій*, Киржачской — Иванъ *Богоявленскій* и Василій *Долговъ*, Казанской—Николай *Максимовъ*, Вольской—Дмитрій *Меньшиковъ*, Порѣцкой — Константинъ *Нечаевъ*, Новобугской — Николай *Брижицкій*, Валкской — Петръ *Самбикинъ*; учитель Ленчицкой учительской семинаріи Гавріилъ *Хрѣщикъ*; врачъ городскаго училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, Михаилъ *Сниткинъ*; учитель Симферопольской татарской учительской школы Анатолій *Черногубовъ*, и помощникъ классныхъ наставниковъ Московской шестой гимназіи Владиміръ *Пожарскій*; коллежскіе совѣтники: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Петръ *Бржезинскій*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра—Алексѣй *Гулявъ* и Варшавскаго—Владиміръ *Бѣляевъ* и Николай *Насоновъ*; директоръ Кіевской гимназіи Николай *Стороженко*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго — Болеславъ *Млодзѣевскій* и Адріанъ *Крюковъ*, Харьковскаго — Михаилъ *Халанскій*, Юрьевскаго — Александръ *Садовскій*; исправляющіе должность экстраординарнаго профессора Императорскихъ университетовъ: Юрьевскаго—Адамъ *Зачинскій* и Томскаго—Ѳедоръ *Капустинъ*; директоръ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Афанасій *Благовѣщенскій*; исправляющій должность адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ

Библиотека "Руниверс"

Новой Александріи Дмитрій *Павловъ;* инспекторы: Томской гимназіи—Иванъ *Курочкинъ*, Полангенской прогимназіи—Петръ *Пользинскій* и Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища — Викторъ *Яцюкъ*; исполняющіе обязанности инспектора: Одесской третьей гимназіи — Александръ *Копотиловъ* и Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища—Алексѣй *Силецкій*; инспекторы народныхъ училищъ: Калужской губерніи — Николай *Ѳедоровъ* и состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской — Петръ *Войцеховскій;* дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Левъ *Ершовъ;* доцентъ Варшавскаго ветеринарнаго института Игнатій *Гаевскій;* завѣдывающій отдѣленіемъ по изданію при главной физической обсерваторіи бюллетеней о состояніи погоды Александръ *Шенрокъ*; вычислитель Николаевской главной астрономической обсерваторіи Яковъ *Зейботъ*; ученый хранитель азіатскаго музея Императорской академіи наукъ Эдуардъ *Леммъ*; ассистентъ Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ Иванъ *Мотовиловъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Яковъ *Карпѣевъ*; лекторы Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — Алексѣй *Михайловскій* и Новороссійскаго—Викторъ *Хонякевичъ*, лаборанты Императорскаго Московскаго университета: штатный — Алексѣй *Богословскій* и сверхштатный — Евграфъ *Брюсовъ*; наставникъ студентовъ и преподаватель историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Михаилъ *Лилеевъ*; учители гимназій: С.-Петербургскихъ: первой—Владиміръ *Вознесенскій* и Императорскаго человѣколюбиваго общества—Сергѣй *Кирсановъ*, Императора Александра III, Смоленскаго земства, въ гор. Вязьмѣ — Семенъ *Анисимовъ*, Рыбинской—Адамъ *Сѣмашко*, Саратовской—Ѳедоръ *Пактовскій*. Таганрогской—Евгеній *Ланткевичъ*, Кіевской второй—Петръ *Деревянкинъ*, Маріупольской—Василій *Ѳедоровъ*, Кишиневской второй — Николай *Кохъ*, Петръ *Александровскій* и Рафаилъ *Пловецкій*, Рижской Александровской — Андрей *Ашаринъ*, Варшавской второй — Ѳедоръ *Владиміровъ*, Прагской—Петръ *Баранъ*, Маріампольской—Иванъ *Бѣляевъ*, Оренбургской — Николай *Бутовскій* и Эриванской — Григорій *Боголюбскій* и Казиміръ *Шпигановичъ*; учители женскихъ гимназій: Новгородской Николаевской—Александръ *Вознесенскій*, Выборгской—Иванъ *Симоновъ*, Одесскихъ: „С. И. Видинской“—Ѳома *Малятицкій* и „А. И. Бракенгеймеръ“—Сергѣй *Бракенгеймеръ*, Елисаветградской—Яковъ *Польскій*; Варшавскихъ: первой — Александръ *Бржезинскій* и

Библиотека "Руниверс"

четвертой—завѣдывающій оною—Иванъ *Недешевъ* и Ставропольской Василій *Истамановъ*; воспитатели пансіоновъ гимназій: Херсонской—Михаилъ *Лавровъ* и Владикавказской—Константинъ *Михаловскій*; врачъ Нарвской женской гимназіи Александръ *Андерсонъ*; учитель Харьковской прогимназіи Петръ *Гинкинъ*; учители реальныхъ училищъ: Вологодскаго Александровскаго — Василій *Боюсловскій*; Орловскаго Александровскаго — Вильгельмъ *Ферховъ* и Рижскаго, Императора Петра I—Александръ *Мусиновичъ*; учители училищъ: при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ — Викторъ *Рустъ* и главнаго нѣмецкаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ — Альфредъ *Анспахъ* и Антонъ *Бѣликовъ*; врачъ Выборгскаго реальнаго училища Антонъ *Гейзелеръ*; учители учительскихъ институтовъ: Виленскаго городскаго — Василій *Гиляровскій* и Оренбургскаго—Николай *Введенскій*; наставники учительскихъ семинарій: Псковской — Александръ *Семеновъ*, Пензенской — Иванъ *Никольскій*, Свислочской—Степанъ *Волосковичъ* и Иванъ *Синяковъ*, Закавказской—Павелъ *Вересовъ* и Туркестанской — Николай *Воскресенскій*; учитель Комисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ Сергѣй *Исаенковъ* и старшій наблюдатель главной физической обсерваторіи Рейнгольдъ *Берманъ*; завѣдывающій Керченскими мореходными классами II разряда отставной подполковникъ корпуса флотскихъ штурмановъ Орестъ *Крестьяновъ*; надворные совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Владиміръ *Амалицкій*; директоръ Новинской учительской семинаріи Глѣбъ *Станкевичъ*; инспекторъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Николай *Органовъ*; правитель канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Александръ *Покрываловъ*; хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Семенъ *Долговъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Алексѣй *Бѣлоусовъ*; прозекторъ Императорскаго Варшавскаго университета Семенъ *Ящинскій*; преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища Николай *Рожжинъ*; дѣлопроизводитель канцеляріи Сѣдлецкой учебной дирекціи Дмитрій *Захаріевскій*; смотритель зданій Харьковскаго практическаго технологическаго института Антонъ *Краковецкій*; учители гимназій: С.-Петербургскихъ — третьей, Александръ *Трушлевичъ* и Ларинской — Николай *Щетининъ*, Харьковской третьей — Стефанъ *Феневъ*, Рижской Александровской — Артуръ *Клеверъ* и Варшавской первой — Констан-

Библиотека "Руниверс"

тинъ *Заустинскій*; учитель Виленскаго реальнаго училища Николай *Пономаревъ*; наставникъ Поливановской учительской семинаріи Владиміръ *Сумскій*; учитель Сѣнницкой учительской семинаріи Николай *Бѣляевъ*; почетный смотритель Харьковскаго уѣзднаго училища Ѳедоръ *Лезель*; штатный смотритель и учитель Луцкаго городскаго училища Александръ *Безверхій*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Сергіевскаго—Владиміръ *Моревъ*, Устюженскаго—Василій *Климанскій*, Кирилловскаго — Петръ *Шухаревъ*, Грязовецкаго—Дмитрій *Прозоръ*, Клинскаго—Дмитрій *Медвѣдевъ*, Нижегородскаго св. князя Владиміра — Алексѣй *Соколовъ*, Порѣчскаго — Иванъ *Молчановъ*, Одесскаго „Ефрусси"—Семенъ *Клеменскій*, Херсонскаго—Георгій *Клещинскій*, Аккерманскаго—Дмитрій *Сухоруковъ*, Рижскаго Императрицы Екатерины II — Алексѣй *Дунаевъ*, Юрьевскаго — Мартынъ *Ганзеръ*, Газенпотскаго—Эдуардъ *Лаповицъ*, Баускаго—Семенъ *Страздъ*, Рогачевскаго — Григорій *Амельченко* и Оренбургскаго перваго—Иванъ *Хохловъ*; врачъ Виленскаго перваго еврейскаго начальнаго училища Лейзеръ *Стембо*; ученый секретарь главной физической обсерваторіи Іосифъ *Керсновскій*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: С.-Петербургскихъ: шестой—Константинъ *Шестаковъ* и восьмой—Владиміръ *Миллеръ*, Вологодской—Левъ *Чевскій*, Московскихъ: первой — Николай *Соколовъ* и шестой — Дмитрій *Воздвиженскій*, Кіево-Печерской—Александръ *Рогале-Левитскій* и Урюпинскаго реальнаго училища — Василій *Моргуновъ*; учитель приготовительнаго класса Тифлисской первой гимназіи Василій *Чиловъ*; учители городскихъ училищъ: Нарвскаго — Иванъ *Лазаревичъ-Шепелевичъ* и при Московскомъ учительскомъ институтѣ—Константинъ *Богородицкій* и Матвей *Ожемовъ* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія Александръ *Степановъ*; коллежскіе ассессоры: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Михаилъ *Авиловъ*; директоръ Кунгурскаго техническаго „Губкина" училища Алексѣй *Хвастуновъ*; экзекуторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳедоръ *Александровичъ*; учитель Вологодской Маріинской женской гимназіи Константинъ *Ельцовъ*; наставникъ Закавказской учительской семинаріи Игнатій *Судаковъ*; штатный смотритель и учитель Курганскаго уѣзднаго училища Михаилъ *Ѳоминъ*; сотрудникъ археографической коммисіи министерства народнаго просвѣщенія Владиміръ *Майковъ*; учители приготовительныхъ классовъ С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій: первой—Семенъ *Ивановъ* и десятой—Алексѣй *Григорьевъ*; учитель С.-Петербургской женской гимназіи

Библиотека "Руниверс"

„Шаффе", Владиміръ *Ганъ*; учители приготовительныхъ классовъ Вологодской гимназіи—Ѳедоръ *Кичинъ*. Харьковской прогимназіи—Иванъ *Чириковъ* и реальнаго училища „Воскресенскаго" въ Москвѣ—Николай *Мочарскій* и причисленный къ министерству Илья *Цвѣтковъ*; титулярные совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра—Павелъ *Соколовскій* и помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета—Рафаилъ *Барановскій*; неимѣющіе чина: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—Григорій *Зенгеръ*, Борисъ *Станкевичъ*, Григорій *Ульяновъ* и Василій *Анисимовъ*, Томскаго—Николай *Роговичъ* и Новороссійскаго—Николай *Ланге*; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Семенъ *Федоровъ* и сверхштатный учитель Сосновицкаго частнаго реальнаго училища Генрихъ *Дитель*.

Св. Станислава 3-й степени: статскіе совѣтники, учители гимназій: Рыбинской—Василій *Старооскольскій*, Кіевской второй—Юлій *Буассело* и Таганрогской Маріинской женской—Викторъ *Подчаевскій* и учители: Черкасской прогимназіи—Антонъ *Кадьенардъ* и реальныхъ училищъ: Харьковскаго—Францъ *Озле* и Томскаго Алексѣевскаго—Владиміръ *Фадѣевъ*; коллежскіе совѣтники: сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Валеріанъ *Шефферъ*; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Ковалевскій*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Георгій *Дурдуфи*; помощникъ библіотекаря Императорскаго Московскаго университета Николай *Кропачевъ*; прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета Михаилъ *Кандарацкій*; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Московскаго университета Алексѣй *Ланговой*; учители гимназій: С.-Петербургской Ларинской—Фаустинъ *Добошинскій*, Императора Александра III, Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ,—Зинонъ *Мильковичъ*, Немировской—Ѳедоръ *Клипуновскій*, Златопольской—Петръ *Цыганковъ-Куриленковъ*, Бѣлоцерковской—Аѳанасій *Юровъ*, Гродненской—Гавріилъ *Харламповичъ* и Тифлисскихъ: первой—Георгій *Дорофеевъ* и второй—Петръ *Вире*; учители женскихъ гимназій: Покровской въ С.-Петербургѣ.—Евгеній *Роговскій* и Саратовской—Александръ *Соловьевъ*; врачи женскихъ гимназій: Вольской Маріинской—Александръ *Воронцовъ* и Череповской Маріинской—Самуилъ *Айзенштатъ*; учители реальныхъ училищъ: Московскаго—Петръ *Зайцевъ*, Сызранскаго—Василій *Іоновъ*, Урюпинскаго—Петръ *Виноградовъ*, Пип-

Библиотека "Руниверс"

скаго—Сергѣй *Зубакинъ* и Минскаго—Павелъ *Зайцъ;* надзиратель Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища Алексѣй *Петровъ;* врачъ и преподаватель мореходныхъ классовъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба Василій *Мацкевичъ;* учитель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища Борисъ *Громачевскій;* учитель Вымыслинской учительской семинаріи Николай *Полотебновъ;* исправляющій должность наставника Преславльской учительской семинаріи Константинъ *Пятницкій* и врачъ С.-Петербургскаго Андреевскаго городскаго училища Николай *Лобойковъ;* надворные совѣтники: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Маннъ;* прозекторы Императорскаго Казанскаго университета: Александръ *Подбѣльскій,* Василій *Неболюбовъ* и исправляющій должность прозектора того же университета Николай *Ѳедоровъ;* помощникъ библіотекаря Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Николай *Янчукъ;* помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Александръ *Модестовъ;* лаборанты Императорскихъ университетовъ: Московскаго, штатный—Василій *Львовъ* и сверхштатные: старшій—Варнава *Игнатьевъ* и Казанскаго—Алексѣй *Альбицкій;* лаборантъ Костромскаго низшаго химико-техническаго училища „Чижова"—Максимъ *Шешуковъ;* врачъ Императорскаго Московскаго университета Алексѣй *Прозоровъ;* учители гимназій: С.-Петербургскихъ: пятой—Василій *Кирьяновъ,* десятой—Эдуардъ *Форшъ,* при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ—Александръ *Бастенъ* и „Доктора Видемана"—Платонъ *Линкевичъ* и Николай *Шубинъ,* Олонецкой—Владиміръ *Большеглазинскій,* Рязанской—Артуръ *Грунау,* Шуйской—Семенъ *Любимовъ,* Вятской—Иванъ *Козьминъ* и Павелъ *Бересневъ,* Старобѣльской Александровской—Асинкритъ *Федоровъ,* Бѣлоцерковской—Александръ *Владиміровъ,* Глуховской—Константинъ *Тюльпановъ* и Егоръ *Григоровичъ,* при институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ,—Вальтеръ *Фохтъ,* Златопольской—Варсонофій *Ивановъ,* Полтавской—Викторъ *Метее,* Екатеринославской—Ѳедоръ *Локоть,* Елисаветградской—Иванъ *Красавченко,* Рижской, Александровской—Алексѣй *Шустовъ,* Витебской—Владиміръ *Соколовъ,* Могилевской—Игнатій *Араловъ,* Екатеринбургской—Петръ *Елсаковъ,* Екатеринодарской—Семенъ *Борчевскій,* Кутаисской—Михаилъ *Глушаковъ,* Тифлисской первой—Александръ *Сапаровъ* и Владикавказской—Иванъ *Леонтьевъ;* учители женскихъ гимназій: Самарской—Николай *Кольцовъ,* Харьковской Маріинской—Вячеславъ *Александровъ,* Воронежской Маріинской—Сергѣй *Прядкинъ,* Кіевской—Але-

Библиотека "Руниверс"

ксандръ *Истоминъ*, Екатеринославской городской—Аѳанасій *Бубльевъ* и Севастопольской—Иванъ *Мироновъ;* учители Аккерманской прогимназіи—Владиміръ *Тузенко* и Александръ *Зазубовичъ;* учители реальныхъ училищъ: при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, въ Москвѣ—Александръ *Алферовъ*, Калужскаго—Прокопій *Отроковъ*, Смоленскаго Александровскаго—Густавъ *Кнесъ*, Астраханскаго—Павелъ *Левитскій*, Казанскаго—Василій *Ажаевъ*, Воронежскаго—Митрофанъ *Поповъ*, Ровенскаго—Юрій *Жалковскій*, Мелитопольскаго—Иванъ *Сухиновъ*, Бѣлостокскаго—Сергѣй *Южаninъ*, Могилевскаго Александровскаго—Левъ *Вельсъ* и Уральскаго—Николай *Буйницкій;* сверхштатный учитель Комисаровскаго техническаго училища, въ Москвѣ, Михаилъ *Келлатъ*; учитель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища Владиміръ *Блюменталь*; наставники учительскихъ семинарій: Казанской—Александръ *Рождествинъ*. Дедеркальской—Владиміръ *Коцюбинскій*, Коростышевской—Георгій *Кочеровъ*, Байрамчской—Яковъ *Лисовскій* и Александръ *Токаревъ* и Благовѣщенской—Василій *Ложкинъ;* штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Россіенскаго—Иванъ *Якубчикъ* и Игуменскаго—Александръ *Луковниковъ*; штатные смотрители и учители городскихъ училищъ: Могилевскаго—Константинъ *Гордзіевскій* и Брацлавскаго—Николай *Григоровичъ;* учители-инспекторы городскихъ училищъ: Дмитровскаго—Константинъ *Ивановъ*, Звенигородскаго—Сергѣй *Занковъ;* Рыльскаго—Василій *Ефремовъ* и Ольвіопольскаго—Анастасій *Микке;* врачъ Рѣжицкаго городскаго училища Николай *Елизаровъ*; штатный смотритель Усманскаго уѣзднаго училища Иванъ *Дмитревскій;* помощникъ воспитателя Бакинскаго реальнаго училища Ефимъ *Ефимьевъ;* помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Московскихъ: второй—Сергѣй *Воскресенскій*; и третьей—Николай *Кудрявцевъ*, Вѣрненской—Егоръ *Ѳедоровъ* и реальныхъ училищъ: Скопинскаго—Николай *Свѣтловъ* и Харьковскаго—Ѳедоръ *Фаберъ;* учители-завѣдывающіе городскими училищами: Кромскимъ—Николай *Богдановъ*, Краснохолмскимъ—Павелъ *Саврасовъ*, Енотаевскимъ—Семенъ *Ивановскій*, Зміевскимъ—Константинъ *Вагановъ*, Лохвицкимъ—Леонидъ *Медвѣдковъ* и Тюкалинскимъ—Иванъ *Самойловъ*, и учители городскихъ училищъ: Валдайскаго—Иванъ *Брызгаловъ*, Нерехтскаго—Алексѣй *Полозовъ*, Рыбинскаго—Иванъ *Смирновъ*, Чугуевскаго—Василій *Сикорскій*, Кокчетавскаго—Николай *Хохолковъ*, Ирбитскаго—Ѳедоръ *Ѳедоровъ*, Закатальскаго—Тарасій *Рухиладзе*, Сигнахскаго—Александръ *Коньковъ*, Маргеланскаго—Германъ *Ячникъ* и Селенгинскаго—Але-

Библиотека "Руниверс"

ксандръ *Ченцовъ*; коллежскіе ассессоры: чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ Ѳедоръ *фонъ-Бодуненъ*; библіотекарь Императорскаго университета св. Владиміра Веніаминъ *Кордтъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи Петръ *Младовъ*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Алексѣй *Волковъ* и Московскаго, сверхштатный—Николай *Касаткинъ*; архиваріусъ и библіотекарь главной физической обсерваторіи Евгеній *Гейнцъ*; помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета Дмитрій *Тимофеевъ*; учители гимназій: С.-Петербургскихъ: пятой—Владиміръ *Лебединскій*, седьмой—Михаилъ *Скудновъ*, Введенской—Иванъ *Яковлевъ* и „Доктора Видемана"—Александръ *Циммерманъ*, Нарвской—Петръ *Акимовъ*, Смоленской—Владиміръ *Немыцкій*, Тверской—Василій *Флеровъ*, Самарской—Константинъ *Рыловъ*, Сумской Александровской—Петръ *Иванченко* и Германъ *Гроссетъ*, Бѣлгородской—Николай *Алферовъ*, Корочанской Александровской—Николай *Гуринъ*, Кіевской третьей—Алексѣй *Абри*, Рижской, Императора Николая I,—Арведъ *Петри*, Ченстоховской—Владиміръ *Влодарскій*, Сувалкской—Владиміръ *Шепелевъ*, Виленской второй—Максиміліанъ *Коссаковскій*, Ковенской—Петръ *Карташевъ*, Шавельской—Михаилъ *Козловскій*, Слуцкой—Фридрихъ *Шмидбергъ*, Пермской—Николай *Рожковъ*, Ставропольской—Владиміръ *Бѣлевичъ* и Читинской—Николай *Сарычевъ*; учители женскихъ гимназій: Тверской Маріинской—Александръ *Владиславлевъ*, Кіевской „Ващенко-Захарченко"—Константинъ *Щербина*, Рижской Ломоносовской—Владиміръ *Телухинъ*, Сувалкской—Всеволодъ *Власовъ* и Ташкентской—Ѳедоръ *Егоровъ*; учители прогимназій: Сергіевской, въ Сергіевскомъ посадѣ—Тимоѳей *Кудрявцевъ*. Воронежской—Иванъ *Сребрянскій*, Острогожской—Дмитрій *Коняевъ*, Полангенской—Иванъ *Химуля* и Мозырской—Михаилъ *Сазоновъ*; учители реальныхъ училищъ: Ливенскаго—Владиміръ *Жудро*, Муромскаго—Владиміръ *Тэнферъ*, Казанскаго—Владиміръ *Веретенниковъ*, Камышинскаго—Сергѣй *Морозовъ*, Курскаго—Николай *Алферовъ*, Воронежскаго—Карлъ *Поль*, Елисаветградскаго—Николай *Акимовичъ* и Екатеринбургскаго—Конрадъ *Оттъ*; врачи учительскихъ семинарій: Новочеркасской—Николай *Норкинъ* и Юрьевской—Владиміръ *Кизерицкій*; надзиратель Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища Императора Петра I. Сергѣй *Шамаховъ*; штатный смотритель и учитель Липовецкаго городскаго училища Іосифъ *Петровскій*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Верейскаго—Алексѣй *Мещериновъ*, Астраханскаго—Сергѣй *Жуковъ*, Богодуховскаго—

Библиотека "Руниверс"

Яковъ *Мирошниченко* и Волчанскаго—Іоиль *Савицкій;* врачи городскихъ училищъ: Шлиссельбургскаго—Василій *Молчановъ* и Оренбургскаго—Николай *Снегиревъ;* письмоводитель Юрьевскаго ветеринарнаго института Александръ *Урбановичъ;* учитель женской гимназіи „Арсеньевой" въ Москвѣ Александръ *Соловьевъ;* штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Солигаличскаго—Василій *Кларжъ* и ардатовскаго—Иванъ *Стекловъ;* помощникъ воспитателя пансіона гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Николай *Аменицкій;* помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: С.-Петербургской седьмой—Яковъ *Хлапонинъ,* Московской первой—Сергѣй *Германъ,* Новочеркасской—Михаилъ *Мельниковъ* и Кіевской второй—Александръ *Новицкій,* прогимназій: Стародубской—Иванъ *Бѣльскій* и Суражской—Станиславъ *Пикъ,* реальныхъ училищъ: Тверскаго—Николай *Крестешниковъ* и Роменскаго—Тимоѳей *Италинскій;* учители-завѣдывающіе городскими училищами: Гороховецкимъ—Николай *Ивановъ-Самойловъ,* Мышкинскимъ—Николай *Корзининъ,* Царевскимъ—Андрей *Корневъ,* Никопольскимъ—Гавріилъ *Шепелевъ* и Вилкомирскимъ—Викторъ *Панютичъ;* завѣдывающій Сацхенисскимъ начальнымъ училищемъ Даніилъ *Черкасовъ;* исправляющій должность учителя-завѣдывающаго Кагульскимъ городскимъ училищемъ Гавріилъ *Демура;* учители городскихъ училищъ: Гатчинскаго—Владиміръ *Ефимовъ,* Романово-Борисоглѣбскаго—Александръ *Кузнецовъ,* Костромскаго—Александръ *Угличаниновъ,* Казанскаго—Иванъ *Таратыновъ,* Изюмскаго—Козьма *Пантелѣевъ,* Нѣжинскаго—Иванъ *Воробьевъ,* Стерлитамакскаго—Николай *Воскресенскій,* Орскаго—Иванъ *Квасовъ,* Батумскаго—Ѳеофанъ *Джакели,* Петро-Александровскаго—Станиславъ *Боковскій* и Хабаровскаго—Василій *Морошкинъ;* учитель Ставропольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища Никифоръ *Ларіоновъ;* учитель начальнаго училища при Елисаветпольскомъ Михайловскомъ ремесленномъ училищѣ Евфимій *Гориаслидзе;* учители приготовительныхъ классовъ гимназій: Царицынской Александровской—Петръ *Виноградовъ,* Новгородсѣверской—Григорій *Максименко* и Шавельской—Василій *Архангельскій;* учитель Владимірской женской гимназіи Николай *Хайловъ;* учитель приготовительнаго класса Аккерманской прогимназіи Василій *Клименко;* учитель Кобелякской женской прогимназіи Георгій *Хитровскій;* учители уѣздныхъ училищъ: Усманскаго—Иванъ *Ахтырскій,* Уфимскаго—Павелъ *Мироновъ* и Кузнецкаго—Иванъ *Шунковъ;* учители городскихъ училищъ: Радомысльскаго—Василій *Левит-*

Библиотека "Руниверс"

скій, Кременецкаго—Аполлонъ *Гриневичъ* и Ковельскаго—Алексѣй *Лесевицкій*, и учитель Гурьевскаго мореходнаго класса Александръ *Протопоповъ*; *титулярные совѣтники*: сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Сергѣй *Крахтъ*; архитекторъ Оренбургскаго учебнаго округа Аркадій *Савиничъ*, исправляющій должность столоначальника канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Валеріанъ *Забузскій*; сверхштатный помощникъ библіотекаря Императорскаго университета св. Владиміра Михаилъ *Ващенко-Захарченко*; помощникъ прозектора Императорскаго казанскаго университета Дмитрій *Полумордвиновъ*; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Московскаго университета Александръ *Сперанскій*; учители: училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ—Германъ *Генкель*, Лодзинской гимназіи—Михаилъ *Краузе* и реальнаго училища „Мая“ въ С.-Петербургѣ—Николай *Лоренцъ*; почетный смотритель Валковскаго городскаго училища Василій *Гуровъ*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Никольскаго—Алексѣй *Калобановъ*, Усть-Сысольскаго—Александръ *Малышевъ* и Ахалкалакскаго—Сафроній *Тарасовъ*; врачъ Астраханскаго городскаго училища Александръ *Балыклейскій*; архиваріусъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Андрей *Вороновъ*; хранитель ботаническаго музея Императорскаго Казанскаго университета Андрей *Гордягинъ*; лаборантъ физическаго кабинета Императорской академіи наукъ Иванъ *Гольдбергъ*; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета Владиміръ *Щировскій*; дежурный при читальномъ залѣ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Антонъ *Калишевскій*; письмоводители: гимназій: Московской первой—Николай *Сахаровъ*, Пензенской первой, бухгалтеръ оной—Григорій *Лебе́девъ* и Ташкентской женской—Владиміръ *Морковинъ*, дирекціи народныхъ училищъ Тифлисской губерніи—Иванъ *Шпачинскій* и Омскаго, Императора Александра III, низшаго механико-техническаго училища—Алексѣй *Шестаковъ*; учители: Аренсбургской гимназіи—Андрей *Лазуринъ*, Гельсингфорской Маріинской женской гимназіи—Викторъ *Соколовичъ* и приготовительнаго класса Шушинскаго реальнаго училища—Владиміръ *Барсегяницъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Тверской—Алексѣй *Назаровъ* и Владикавказской—Александръ *Юркевичъ* и Тифлисскаго реальнаго училища—Ѳедоръ *Слюсаревъ*; учители-завѣдывающіе городскими училищами: Славяносербскимъ—Михаилъ *Остерманъ*, Зеньковскимъ—Константинъ *Зеровъ* и Золотоношскимъ—Василій *Личагъ*; учители го-

Библиотека "Руниверс"

родскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Андреевскаго—Дмитрій *Ѳоминъ*, Островскаго—Степанъ *Боченковъ* и Алексѣй *Душечкинъ*, Новоржевскаго—Алексѣй *Аконченковъ* и Ржевскаго—Михаилъ *Курбатовъ*; надзиратель Симферопольской татарской учительской школы Рафаилъ *Хасабовъ*; смотритель-учитель Петровскаго начальнаго училища Георгій *Бальчевскій*; учители: Елисаветградской женской гимназіи, Леонтій *Коссовскій* и приготовительнаго класса Изюмскаго реальнаго училища—Лука *Макухинъ*; учители уѣздныхъ училищъ: Верхнеудинскаго, Никита *Коноваловъ* и Нерчинскаго—Иванъ *Осиповъ*; учитель-завѣдывающій пришибскимъ центральнымъ училищемъ Яковъ *Зложинскій*; учитель Заславльскаго городскаго училища Владиміръ *Гандеръ*, и приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Иванъ *Львовъ*; *коллежскіе секретари*; инспекторъ Демидовскаго юридическаго лицея Левъ *Половцевъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи Андрей *Георгіевскій*; исправляющій должность прозектора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳедоръ *Туръ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа Алексѣй *Подгорбунскій*; секретарь правленія Императорскаго университета св. Владиміра Зиновій *Моралевичъ*; лаборантъ Императорскаго Московскаго техническаго училища Сергѣй *Ланговой*; учители: гимназій: „Мая“ въ С.-Петербургѣ—Венедиктъ *Куриловъ*, Императорской Николаевской царскосельской—Владиміръ *Пановъ* и Тифлисской третьей женской—Николай *Щербининъ*, Рыльской прогимназіи—Иванъ *Панчишка* и Варшавскаго реальнаго училища—Василій *Голоскевичъ*; штатный смотритель Ямпольскаго городскаго училища Никита *Финицкій*; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Александръ *Романовъ*; письмоводитель и экономъ Императорской Николаевской царскосельской гимназіи Леонидъ *Коэминъ*; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго университета св. Владиміра Василій *Тарасенко*; помощникъ классныхъ наставниковъ Ростовскаго-на-Дону Петровскаго реальнаго училища Александръ *Исаевъ*; учитель завѣдывающій Троицкимъ училищемъ—Александръ *Сосninъ*; учители городскихъ училищъ: Брянскаго—Іосифъ *Логиновъ*, Трубчевскаго—Александръ *Ельмановъ*, Веневскаго — Сергѣй *Морозовъ*, Юрьевскаго—Григорій *Юревичъ* и Ахалцыхскаго—Николай *Погорѣловъ*, и учители: Набилковскаго, въ Москвѣ, училища—Викторъ *Фидрусь*, приготовительнаго класса Рославльской прогимназіи—Дмитрій *Зуевъ*. Новоторжской жен-

Библиотека "Руниверс"

ской прогимназіи—Измаилъ *Кудрятниковъ*, приготовительныхъ классовъ реальныхъ училищъ: Тамбовскаго—Александръ *Касименковъ* и Ловичскаго—Филиппъ *Кричко* и Бѣлгородскаго уѣзднаго училища—Стефанъ *Антилоговъ*; губернскіе секретари: дѣлопроизводители канцелярій: Варшавскаго учебнаго округа—Петръ *Азбіевичъ* и Холмской учебной дирекціи—Михаилъ *Махновичъ*; учители: гимназій: Житомірской—Сергѣй *Заверткинъ*, Варшавской второй—Никодимъ *Свѣрчковской*, Ломжинской—Дмитрій *Виноградовъ* и Слуцкой—Владиміръ *Съдовъ*, С.-Петербургской первой прогимназіи—Лаврентій *Броссе* и реальныхъ училищъ: Владикавказскаго—Василій *Полюховъ* и Нижне-Тагильскаго—Глѣбъ *Турынинъ*, и экономъ и экзекуторъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго института Владиміръ *Кладо*; коллежскіе регистраторы: помощникъ библіотекаря Императорскаго университета св. Владиміра Григорій *Дверницкій*, и учители: гимназій: Елисаветпольской—Алексѣй *Валлинъ* и Кіевскихъ: четвертой—Евгеній *Кивлицкій* и женской „А. А. Бейтель"—Лука *Жукъ* и Варшавскаго городскаго начальнаго училища—Константинъ *Михалевичъ*; неимѣющіе чина: почетный попечитель Симферопольской гимназіи Василій *Протопоповъ*; сверхштатный экстраординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института Сергѣй *Ивановъ*; преподаватель Императорскаго Казанскаго университета Николай *Катановъ*; инспекторы народныхъ училищъ: Симбирской губерніи—Николай *Самосатскій* и Терской области—Алексѣй *Чичинадзе*; сверхштатные ассистенты: Императорскаго Московскаго университета Александръ *Ансеровъ*, Николай *Кишкинъ* и Императорской Екатерининской больницы Евгеній *Меньшовъ*; исправляющій должность доцента Императорскаго Юрьевскаго университета Владиміръ *Грабарь*; сверхштатные помощники библіотекаря Императорскаго университета св. Владиміра, Василій *Курдюмовъ* и прозектора Императорской Екатерининской больницы—Николай *Борестневъ*; лаборанты Императорскаго Московскаго университета: Владиміръ *Гулевичъ* и сверхштатные: Петръ *Минаковъ*, Александръ *Россолимо* и Дмитрій *Щербачевъ*; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Томскаго университета Павелъ *Бутынинъ*; учители гимназій: С.-Петербургскихъ: первой—Харлампій *Тодоровъ*, третьей—Георгій *Гинкенъ*, при Императорскомъ Историко-Филологическомъ институтѣ—Александръ *Ловягинъ* и частной „Мая" Михаилъ *Койкъ* и Александръ *Липовскій*, Императорской Николаевской царскосельской—Аркадій *Мухинъ* и Иванъ *Лаппо*, Гельсинг-

Библиотека "Руниверс"

форской Александровской—Сергѣй *Антаевъ* и Михаилъ *Макарьевскій*; Архангельской—Николай *Кизель*, Новгородской—Николай *Лашковъ*, Московской пятой—Николай *Тарасовъ*, Казанской второй—Августъ *Сиверсъ* и Леонидъ *Стратонитскій*, Харьковской второй—Василій *Лезинъ*, Курской—Михаилъ *Залѣсскій*, Кіево-Печерской—Альбертъ *Русси*, Бѣлоцерковской—Тимоѳей *Семеновъ*, Одесской второй—Іосифъ *Турцевичъ*, Кишиневской первой—Василій *Булатовъ*, Юрьевской—Павелъ *Невзоровъ*, Прагской—Николай *Дурденевскій*, Ченстоховской—Михаилъ *Богдановъ*, Люблинской—Алексѣй *Ровняковъ*, Плоцкой—Николай *Кичеевъ*, Оренбургской—Иванъ *Кузменко-Кузмицкій*, Кутаисской—Порфирій *Поляковъ*, Владикавказской—Сергѣй *Давидовъ*, Екатеринодарской—Сергѣй *Ларіоновъ*, Тифлисскихъ: первой—Ѳедоръ *Авиловъ* и третьей—Семенъ *Оцхелов* и Артемій *Шамшиновъ* и Ташкентской—Павелъ *Дьячковъ* и Александръ *Яхонтовъ*; учители женскихъ гимназій: Нарвской—Василій *Крохинъ*, Череповской Маріинской—Августъ *Мюллеръ* и Александръ *Филимоновъ*, Муромской—Борисъ *Леденисовъ*, Смоленской Маріинской—Дмитрій *Заксъ*, Казанской Маріинской—Владиміръ *Некрасовъ*, Вольской Маріинской—Николай *Снѣговой*, Харьковской второй—Григорій *Кузнецовъ*, Екатеринославской—Анатолій *Муратовъ*, Маріупольской—Александръ *Пастернаковъ*, Елисаветградской—Николай *Грушецкій*, Рижской Ломоносовской—Максимъ *Шервинскій*, Радомской—Николай *Сивицкій*, Плоцкой—Дмитрій *Аннинъ*, Пермской—Веніаминъ *Богоявленскій* и Василій *Максимовъ*, Уфимской—Люціанъ *Курашкевичъ*, Ейской—Михаилъ *Харламовъ*, Бакинской Маріинской Иларіонъ *Лорткипанидзе* и Ташкентской—Александръ *Летцъ*; воспитатель пансіона Императорской Николаевской царскосельской гимназіи Викторъ *Рейнштейнъ*; учители прогимназій: приготовительнаго класса, Петергофской Императора Александра II—Николай *Ядрышевъ*, Ржевской—Никаноръ *Ивановъ*, Харьковской—Павелъ *Крюковъ*, Лебедянской—Павелъ *Богословскій*, Полангенской—Ѳедоръ *Мироновъ*, Пятигорской—Сергѣй *Краснуха* и Замостской женской—Иванъ *Лебедевъ*; учители реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ—втораго, Михаилъ *Быстровъ* и при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра—Иванъ *Піотровскій*, Кронштадтскаго—Алексѣй *Красногородцевъ*, Елисаветградскаго—Николай *Никольскій*, Рижскаго городскаго—Порфирій *Суслинъ*, Митавскаго—Ѳедоръ *Матвѣевъ* и Евгеній *Бастенъ*, Екатеринбургскаго—Викторъ *Гавриловъ*, Тифлисскаго—Сергѣй *Козюлькинъ*, Ейскаго—Александръ

Библиотека "Руниверс"

Болотовъ, Троицкосавскаго — Эдуардъ *Лесталь*, „Богинскаго“ въ С.-Петербургѣ—Митрофанъ *Адамовъ*, „Мазинга“ въ Москвѣ—Николай *Романовъ* и Сосновицкаго, частнаго—Василій *Троицкій* и Павелъ *Рейхвальдъ*; бывшій учитель Вятскаго Александровскаго реальнаго училища Петръ *Сорокинъ*; воспитатель пансіона С.-Петербургскаго реальнаго училища „Гуревича“ Леонидъ *Севрукъ*; учители С.-Петербургскаго учительскаго института Иванъ *Чистовичъ* и Павелъ *Погорѣловъ*; наставники учительскихъ семинарій: Карачевской—Тихонъ *Виноградовъ*, Новинской—Павелъ *Лампсаковъ*, Закавказской—Викторъ *Полевскій*, Эриванской—Василій *Дѣвицкій*, Кубанской—Ѳедоръ *Алапьевъ* и Кутаисской—Георгій *Сторожевъ*; учитель Поливановской учительской семинаріи Николай *Каржавинъ*; врачъ Новинской учительской семинаріи Иванъ *Дешевой*; учители училищъ: Красноуфимскаго, промышленнаго—Владиміръ *Пантелѣевъ*, Кунгурскаго, техническаго „Губкина“—Ѳедоръ *Скурскій* и Усачевско-Чернявскаго, женскаго, въ Москвѣ—Василій *Хитровъ*; учитель Оренбургской киргизской учительской школы Николай *Андрусевичъ*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Вятскаго—Иванъ *Деренковъ* и Перновскаго—Ѳедоръ *Циклинскій*; помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Михаилъ *Жмакинъ*; хранитель зоологическаго музея Императорскаго университета св. Владиміра Юліанъ *Семенковичъ*; учитель Троицкосавской женской гимназіи Казиміръ *Лесановскій*; помощники классныхъ наставниковъ: Калишской гимназіи Михаилъ *Алексѣевъ*, Пятигорской прогимназіи—Семенъ *Васильченко* и реальныхъ училищъ: Рижскаго, Императора Петра I—Леонидъ *Остроуховъ* и Калишскаго—Клементій *Семеновъ*; учитель-завѣдывающій Колыванскимъ городскимъ училищемъ Иванъ *Никитинъ*; учители городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго, Воздвиженскаго—Василій *Васильевъ*, Царскосельскаго—Александръ *Равинскій*, при Ѳеодосійскомъ учительскомъ институтѣ—Иванъ *Путилинъ*, Екатеринославскаго — Василій *Романовскій*, Юрьевскаго — Михаилъ *Столяровъ*, Аренсбургскаго—Кириллъ *Казикъ*, Иллукстскаго—Оттонъ *Канавинъ* и Свенцянскаго—Ѳедоръ *Охрицъ* и Ѳедоръ *Новицкій*; смотрители-учители начальныхъ училищъ: Уманскаго—Иванъ *Кочеровъ*, Мервскаго—Иванъ *Буслаевъ* и Александровскаго сельскаго нормальнаго—Василій *Адамія*, и учители ремесленныхъ училищъ: Владикавказскаго „Графа Лорисъ-Меликова“—Павелъ *Сорокинъ* и Елисаветпольскаго, Михайловскаго—Петръ *Дыховъ*.

Библиотека "Руниверс"

Удостоиваются награжденія: *подарками съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени Его Императорскаго Величества*: статскіе совѣтники: учители реальныхъ училищъ: Московскаго—заслуженный, Семенъ *Измайловъ* и Виленскаго—Иванъ *Трутневъ*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу время вольнонаемныхъ занятій: коллежскимъ регистраторамъ: канцелярскимъ чиновникамъ департамента народнаго просвѣщенія—Ѳомѣ *Буковскому* и Леониду *Грекову*—въ томъ же департаментѣ: первому съ 1-го мая 1892 г. по 18-е января 1895 г., а второму—съ 1-го сентября 1891 г. по 31-е августа 1893 г.; неимѣющимъ чина: помощнику воспитателя Смоленскаго дворянскаго пансіона Михаилу *Орлову*—въ той же должности съ 24-го ноября 1891 г. по 5-е апрѣля 1894 г.; письмоводителямъ: Виленскаго учительскаго института—Іосифу *Путырскому* и Бобруйской прогимназіи—Кондратію *Ильину*, письмоводителю и бухгалтеру Виленской дирекціи народныхъ училищъ Василію *Григоровичу*, старшимъ учителямъ приходскихъ училищъ: Виленскаго, Новгородскаго 2-хъ-класснаго—Якову *Личко*, Виленскаго, Снипишскаго—Климентію *Боярчуку* и Дисненскаго, 2-хъ-класснаго—Василію *Ляховскому*—по должности учителей начальныхъ народныхъ училищъ: первому—съ 15-го сентября 1888 г. по 15-е сентября 1891 г., второму—съ 1-го января 1885 г. по 1-е января 1888 г., третьему—съ 1-го ноября 1885 г. по 1-е ноября 1888 г., четвертому—съ 15-го мая 1888 г. по 15-е мая 1891 г., пятому—съ 1-го сентября 1882 г. по 1-е сентября 1885 г. и послѣднему—съ 5-го сентября 1887 г. по 5-е сентября 1890 г.; учителямъ приходскихъ училищъ: Климовичскаго—Михаилу *Азарову*, по должности учителя Савскаго, Горецкаго уѣзда, народнаго училища—съ 1-го августа 1882 г. по 24-е августа 1884 г. и Бѣлицкаго—Василію *Котову*—по должности учителя начальныхъ народныхъ училищъ—съ 1-го сентября 1882 г. по 1-е сентября 1885 года.

Предоставляются права дѣйствительной государственной службы, съ причисленіемъ къ 3-му разряду канцелярскихъ служителей: исполняющему обязанности столоначальника канцеляріи совѣта Императорскаго Казанскаго университета Николаю *Борисову*, и занимающимся письмоводствомъ по вольному найму въ департаментѣ народнаго просвѣщенія—Михаилу *Мичурину* и Михаилу *Софронову*.

Библиотека "Руниверс"

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

10. (11-го февраля 1896 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени камергера двора Ею Императорскаго Величества Владиміра Карловича Шлиппе при Екатеринославскомъ 3-хъ классномъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на проценты съ капитала въ 1.600 руб., собраннаго по подпискѣ, учреждаются при Екатеринославскомъ 3-хъ классномъ городскомъ училищѣ шесть стипендій имени камергера двора Его Императорскаго Величества Владиміра Карловича Шлиппе.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неприкосновенную собственность Екатеринославскаго 3-хъ класснаго городскаго училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ спеціальныхъ средствахъ этого училища.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право ученія шести стипендіатовъ.

§ 4. Могущій почему либо образоваться остатокъ присоединяется къ стипендіальному капиталу для увеличенія его и обращается, по накопленіи, въ процентныя бумаги, доходъ съ которыхъ употребляется на учрежденіе новыхъ стипендій того же имени.

§ 5. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ Екатеринославскаго 3-хъ класснаго городскаго училища изъ бѣднѣйшихъ учениковъ этого училища, отличнаго поведенія и оказывающихъ удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, безъ различія національности, вѣроисповѣданія и сословія.

§ 6. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неуспѣшности въ ученіи, если это послѣднее обусловливается недостаткомъ прилежанія, стипендіаты лишаются стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

Библиотека "Руниверс"

11. (2-го марта 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Осиповича Лутковскаго при Бѣльскомъ городскомъ по положенію 1872 года училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Бѣльскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Осиповича Лутковскаго, бывшаго бѣльскаго предводителя дворянства, на счетъ процентовъ съ капитала въ *триста двадцать пять* руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью гражданами города Бѣлаго и служащими разныхъ вѣдомствъ Бѣльскаго уѣзда.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% свидѣтельствахъ государственной ренты за №3582 въ 200 руб. и за № 7808 въ 100 руб. и въ наличныхъ деньгахъ 25 руб., составляя неприкосновенную собственность училища, хранится въ числѣ его спеціальныхъ средствъ въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года поступленію въ казну, назначаются на взносъ платы за ученіе одного ученика Бѣльскаго городскаго училища, безъ различія сословій, и на пріобрѣтеніе для него учебныхъ руководствъ и пособій.

§ 4. Могущіе по какимъ-либо причинамъ образоваться остатки отъ процентовъ причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется дѣйствительному статскому совѣтнику В. О. Лутковскому, а послѣ его смерти педагогическому совѣту городскаго училища.

§ 6. Если бы стипендіатъ, при безукоризненномъ поведеніи, по слабости здоровья или способностей не былъ въ состояніи переходить ежегодно въ слѣдующій классъ, то отъ усмотрѣнія училищнаго начальства зависитъ сохранить за нимъ стипендію.

§ 7. Распорядитель стипендіи объ избранномъ имъ кандидатѣ увѣдомляетъ училищное начальство.

§ 8. Когда же стипендія сдѣлается свободною, училищное начальство извѣщаетъ объ этомъ распорядителя для избранія кандидата на упомянутую стипендію.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 10. Въ случаѣ закрытія Бѣльскаго городскаго училища, стипендіальный капиталъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ передается тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ городѣ Бѣломъ, взамѣнъ существующаго городскаго училища.

12. (20-го марта 1896 года). *Правила для спеціальныхъ испытаній на званія учителя и учительницы начальныхъ училищъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Спеціальныя испытанія на званія учителя и учительницы начальныхъ училищъ производятся: а) въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе попечитель учебнаго округа, въ особомъ испытательномъ комитетѣ, состоящемъ, по назначенію попечителя, подъ предсѣдательствомъ окружнаго инспектора или профессора университета, изъ учителей гимназіи; б) въ остальныхъ городахъ, имѣющихъ гимназіи или прогимназіи, реальныя училища и правительственныя учительскія семинаріи, въ педагогическихъ совѣтахъ этихъ заведеній, в) въ уѣздныхъ городахъ, не имѣющихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій,— въ уѣздныхъ и городскихъ (кромѣ одноклассныхъ) по положенію 1872 г. училищахъ (ст. 4 Высочайше утвержденнаго, 22-го апрѣля 1868 г., мнѣнія государственнаго совѣта и Высочайше утвержденное, 11-го декабря 1895 г., мнѣніе государственнаго совѣта).

§ 2. Къ спеціальнымъ испытаніямъ на означенное выше званіе допускаются: мужчины не моложе 17-ти, а женщины не моложе 16-ти лѣтъ.

§ 3. Спеціальныя испытанія бываютъ полныя и сокращенныя. (Ст. 2 Высочайше утвержденнаго, 22-го апрѣля 1868 г., мнѣнія государственнаго совѣта).

§ 4. Лица, желающія подвергнуться спеціальному испытанію на вышеозначенное званіе, подаютъ прошенія на простой бумагѣ: а) въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе попечитель учебнаго округа, на имя попечителя; б) въ прочихъ городахъ на имя ближайшаго начальника каждаго изъ поименованныхъ въ ст. 1-й учебныхъ заведеній по принадлежности. (Ст. 4 Высочайше утвержденнаго, 22-го апрѣля 1868 г., мнѣнія государственнаго совѣта и Высочайше утвержденное, 11-го декабря 1895 г., мнѣніе государственнаго совѣта).

§ 5. Къ прошеніямъ прилагаются свидѣтельства: а) о рожденіи и крещеніи, б) о званіи и в) объ одобрительномъ поведеніи; сверхъ

Библиотека "Руниверс"

того лица податныхъ состояній прилагаютъ увольнительныя отъ обществъ свидѣтельства, а лица, обучавшіяся въ казенныхъ или общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, аттестаты или свидѣтельства о прохожденіи курса въ оныхъ.

§ 6. Спеціальныя испытанія производятся въ теченіе учебнаго времени, съ 1-го сентября по 1-ое мая, и основаніемъ для производства испытаній служатъ программы, предварительно составленныя на основаніи утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія 20-го марта 1896 г. программъ экзаменаторами, по принадлежности предметовъ испытанія, и разбитыя на извѣстное число вопросовъ.

§ 7. Спеціальное испытаніе каждаго допущеннаго къ оному лица должно быть совершенно окончено не долѣе, какъ въ шестинедѣльный срокъ со дня объявленія просителю о допущеніи его къ испытанію.

§ 8. О каждомъ производствѣ испытанія какъ испытательный комитетъ, такъ и педагогическіе совѣты поименованныхъ выше училищъ составляютъ особый краткій протоколъ.

Примѣчаніе 1-ое. Свидѣтельства на званія учителя и учительницы начальныхъ училищъ выдаются: а) попечителемъ учебнаго округа,—если испытаніе было произведено въ испытательномъ комитетѣ, б) начальникомъ учебнаго заведенія, если испытаніе производилось въ педагогическомъ совѣтѣ средняго учебнаго заведенія или въ учительской семинаріи, в) директоромъ или инспекторомъ народныхъ училищъ (въ губерніяхъ Царства Польскаго—начальникомъ учебной дирекціи) если испытаніе происходило въ одномъ изъ поименованныхъ въ ст. 1 низшихъ училищъ. На семъ основаніи протоколы испытаній представляются въ подлинникѣ: испытательными комитетами—на утвержденіе попечителя учебнаго округа, а педагогическими совѣтами уѣздныхъ и городскихъ училищъ (ст. 1-я)—на утвержденіе директора или инспектора народныхъ училищъ или начальника учебной дирекціи (въ Царствѣ Польскомъ).

Примѣчаніе 2-ое. Въ протоколѣ должны быть прописаны какъ темы письменныхъ и устныхъ вопросовъ, предложенныхъ подвергавшемуся испытанію, такъ и части предметовъ, изложенныя имъ на пробныхъ урокахъ, съ присоединеніемъ оцѣнки степени удовлетворительности отвѣта и пробнаго урока и общаго заключенія о достоинствѣ кандидата. Письменные отвѣты и работы прилагаются къ протоколу.

Библиотека "Руниверс"

§ 9. Званіе учителя или учительницы начальныхъ училищъ пріобрѣтается: а) успѣшнымъ окончаніемъ курса въ такомъ учебномъ заведеніи, коему, по закону, предоставлено право выдавать окончившимъ въ немъ курсъ лицамъ свидѣтельство на таковое званіе, и б) испытаніемъ на сіе званіе на основаніи настоящихъ правилъ (ст. 4, 5 и 6 Высочайше утвержденнаго, 13-го декабря 1894 г., мнѣнія государственнаго совѣта).

Примѣчаніе 1-е. Лица, окончившія курсъ ученія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также четырехъ младшихъ классовъ духовныхъ семинарій, имѣютъ право получить званіе учителя начальнаго училища безъ особыхъ для сего испытаній, на основаніи однихъ аттестатовъ объ окончаніи ими курса; при чемъ, для удостовѣренія въ педагогическихъ способностяхъ такихъ лицъ, отъ нихъ требуется лишь одинъ пробный урокъ.

Примѣчаніе 2-е. Лица женскаго пола, имѣющія свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи курса въ женскихъ прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а также въ прогимназіяхъ или четырехъ низшихъ классахъ семиклассныхъ институтовъ (кромѣ Николаевскихъ сиротскихъ) и гимназій, равно какъ въ низшихъ трехъ классахъ институтовъ вѣдомства Императрицы Маріи, и желающія заниматься начальнымъ обученіемъ, получаютъ, по прослуженіи не менѣе полугода въ должности помощницы учительницы начальнаго училища или церковно-приходской школы и по достиженіи 16-ти лѣтняго возраста, свидѣтельства на званіе учительницы начальнаго училища безъ всякаго испытанія.

§ 10. Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя или учительницы начальныхъ училищъ по испытанію и не имѣющія свидѣтельствъ: мужчины—объ окончаніи курса въ уѣздномъ или равномъ ему по курсу училищѣ, а женщины — въ женскихъ прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, или равномъ съ ними по курсу учебномъ заведеніи другаго вѣдомства, подвергаются полному спеціальному испытанію.

§ 11. Полное испытаніе для полученія означеннаго званія раздѣляется на письменное и устное и заключается въ слѣдующемъ:

а) прежде всего производится устное испытаніе изъ Закона Божія въ объемѣ утвержденномъ министромъ народнаго просвѣщенія программы.

б) Удовлетворительно выдержавшій испытаніе въ Законѣ Божіемъ

Библиотека "Руниверс"

допускается къ письменному испытанію. Каждый испытуемый долженъ написать отвѣты въ объемѣ той же программы на предложенные ему вопросы, по одному изъ слѣдующихъ предметовъ: русскаго языка, ариѳметики, географіи и исторіи Россіи.

в) Если письменные отвѣты будутъ признаны удовлетворительными, то испытуемый допускается къ устному испытанію, которое заключается въ разрѣшеніи двухъ вопросовъ по каждому изъ показанныхъ въ означенной программѣ предметовъ.

г) По признаніи удовлетворительнымъ устнаго испытанія, испытуемый обязанъ дать по одному пробному уроку изъ русскаго языка и ариѳметики на темы, предварительно за день ему предложенныя и притомъ соотвѣтствующія по объему и содержанію проходимому курсу, а также примѣненныя къ возрасту и понятіямъ учащихся, причемъ: аа) испытаніе по церковному пѣнію необязательно, но лицо, выдержавшее экзаменъ по этому учебному предмету, получаетъ свидѣтельство, въ которомъ обозначается, что оно можетъ обучать церковному пѣнію, и бб) испытаніе по геометріи обязательно для желающихъ преподавать въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Лицу, въ свидѣтельствѣ коего обозначено, что оно можетъ обучать церковному пѣнію, дается при прочихъ равныхъ условіяхъ, преимущество предъ другими при опредѣленіи на мѣста въ училища.

§ 12. Лица, имѣющія свидѣтельства, означенныя въ ст. 10 и желающія пріобрѣсти упомянутое въ той же статьѣ званіе, подвергаются сокращенному испытанію (ст. 6 Высочайше утвержденнаго 13-го декабря 1894 г., мнѣнія государственнаго совѣта).

§ 13. Это сокращенное испытаніе состоитъ въ слѣдующемъ:

а) Испытуемый долженъ написать отвѣты на предложенные ему вопросы по одному изъ каждаго обязательнаго учебнаго предмета программы, за исключеніемъ Закона Божія, въ объемѣ программы.

б) Если отвѣты будутъ признаны удовлетворительными, то испытуемому назначается устная бесѣда (colloquium) для дополнительныхъ разъясненій.

в) Если устная бесѣда будетъ признана удовлетворительною, то испытуемый допускается къ пробнымъ урокамъ, которыхъ онъ долженъ дать два, одинъ по русскому языку и одинъ по ариѳметикѣ, на основаніяхъ, указанныхъ въ п. г. ст. 11-й сихъ правилъ.

§ 14. Степень познаній подвергающихся какъ полному, такъ и

Библиотека "Руниверс"

сокращенному испытаніямъ, опредѣляется установленными баллами или цифрами, при чемъ 5 означаетъ познанія отличныя, 4—хорошія, 3—удовлетворительныя, 2—посредственныя и 1—плохія.

§ 15. Лицамъ, оказавшимъ отличныя, хорошія или удовлетворительныя познанія, выдается свидѣтельство по прилагаемой формѣ.

§ 16. Лица, невыдержавшія испытанія на званіе учителя или учительницы начальныхъ училищъ, допускаются ко вторичному испытанію не прежде, какъ черезъ полгода.

Программа испытанія на званіе учителя и учительницы начальныхъ училищъ.

Законъ Божій.

1. Знаніе молитвъ, помѣщенныхъ въ концѣ учебнаго часослова, изданнаго по благословенію Святѣйшаго Синода.

2. Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, по одному изъ учебниковъ, одобренныхъ для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

3. Краткій катехизисъ, по книгѣ „Начатки христіанскаго ученія".

4. Ученіе о Богослуженіи, по одному изъ учебниковъ, одобренныхъ для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

5. Церковная исторія, по книгѣ „Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ П. Смирнова" или другому учебнику, одобренному для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

Церковно-славянскій языкъ.

Умѣніе читать внятно, правильно и раздѣльно, съ точнымъ произношеніемъ церковно-славянскихъ буквъ и съ соблюденіемъ ударенія и знаковъ препинанія. Знакомство съ славянскими числами. При чтеніи по церковно-славянски требуется: 1) по возможности точный переводъ на русскій языкъ текста Св. Евангелія и 2) знакомство съ наиболѣе употребительными этимологическими и синтаксическими формами церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскими (напримѣръ, по „Книгѣ для чтенія" Ильминскаго).

Русскій языкъ.

1. Правильное и свободное чтеніе и умѣніе толково и правильнымъ языкомъ пересказать прочитанное.

Библиотека "Руниверс"

2. Умѣніе изложить письменно содержаніе извѣстной экзаменующемуся статьи, съ соблюденіемъ правилъ правописанія, при чемъ эта письменная работа должна быть написана чисто и четко.

3. Подробное знакомство съ содержаніемъ одной изъ книгъ для чтенія, одобренныхъ для начальныхъ училищъ. Нѣкоторыя стихотворенія и басни этой книги должны быть заучены экзаменующимся наизусть.

4. Знакомство съ элементарнымъ курсомъ русской грамматики (этимологіи и синтаксиса) въ объемѣ одного изъ учебниковъ, одобренныхъ для старшихъ классовъ городскихъ училищъ или трехъ низшихъ классовъ гимназій (напримѣръ, Поливанова, Пуцыковича).

5. Знакомство съ первоначальными пріемами обученія грамотѣ и съ одной изъ наиболѣе употребительныхъ и одобренныхъ азбукъ.

Чистописаніе.

Знакомство съ пріемами обученія письму, по одному изъ руководствъ, одобренныхъ для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ (напримѣръ, по Гербачу). Экзаменующійся долженъ умѣть четко и правильно писать крупнымъ шрифтомъ на бумагѣ и на классной доскѣ.

Ариѳметика и Геометрія.

1. Знакомство съ полнымъ курсомъ ариѳметики, по одному изъ учебниковъ, одобренныхъ для городскихъ училищъ, при чемъ требуется умѣніе правильно и толково рѣшать задачи, какъ письменно, такъ и устно.

2. Знакомство съ элементарнымъ курсомъ геометріи, въ объемѣ курса городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

3. Знакомство съ пріемами обученія ариѳметикѣ въ начальныхъ училищахъ, по одному изъ существующихъ методическихъ руководствъ.

Исторія.

Краткая исторія Россіи (напримѣръ, по учебнику Пуцыковича, Горбова или по книгѣ Чтенія по Русской Исторіи).

Библиотека "Руниверс"

Географія.

1. Общее знакомство съ географіей всѣхъ частей свѣта, по книгѣ Пуцыковича: „Географія для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ“, или по другому одобренному учебнику подобнаго объема.

2. Географія Россіи, въ объемѣ учебника А. Баранова „Географія Россійской Имперіи, курсъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ“, или Михайлова.

Церковное пѣніе.

Отъ экзаменующагося по церковному пѣнію требуется:

1. Знакомство съ сущностью нотной системы и съ обиходомъ церковнаго пѣнія.

2. Практическое знакомство съ обычными пѣснопѣніями православнаго богослуженія, между прочимъ, съ пѣніемъ на гласы и пѣснопѣніями страстной и свѣтлой седмицы.

3. Умѣніе пользоваться камертономъ и партитурою при разучиваніи піесъ.

4. Умѣніе образовать дѣтскій хоръ и руководить имъ.

Форма свидѣтельства на званіе учителя или учительницы начальныхъ училищъ.

Предъявитель (или предъявительница) сего такой-то (или такая-то) (званіе, имя, отчество и фамилія), на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 22-го апрѣля 1868 г., 13-го декабря 1894 г. и 11-го декабря 1895 г., мнѣній государственнаго совѣта о спеціальныхъ испытаніяхъ по министерству народнаго просвѣщенія, подвергшись полному (или сокращенному) испытанію въ испытательномъ комитетѣ (такого-то) учебнаго округа (или въ педагогическомъ совѣтѣ такого-то учебнаго заведенія) и выдержавъ оное хорошо (или удовлетворительно), удостоенъ (или удостоена) званія учителя (или учительницы) начальныхъ училищъ[1]). Въ удостовѣреніе чего дано ему (или ей) это

[1]) Если данное лицо выдержало испытаніе по геометріи, то прибавляется: „съ правомъ преподавать въ 2-хъ классныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія“, а при выдержаніи экзамена по церковному пѣнію: „Можетъ обучать церковному пѣнію“.

Библиотека "Руниверс"

свидѣтельство за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати канцеляріи попечителя такого-то учебнаго округа (или такого-то учебнаго заведенія). Годъ, мѣсяцъ и число.

Подпись попечителя учебнаго округа (или лица, начальствующаго учебнымъ заведеніемъ и членовъ педагогическаго совѣта, производившихъ испытаніе, по принадлежности).

Скрѣпа: Правителя канцеляріи попечителя учебнаго округа (или письмоводителя учебнаго заведенія, если таковая должность положена по штату послѣдняго).

13. (31-го марта 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени, потомственнаго почетнаго гражданина Василія Семеновича Зипалова при Пятигорскомъ 3-хъ классномъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ *одну тысячу* руб., завѣщаннаго умершимъ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Василіемъ Семеновичемъ Зипаловымъ, учреждается при Пятигорскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ стипендія его имени.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится во Владикавказскомъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность Пятигорскаго городскаго училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ суммы, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 года, обращенію въ доходъ казны, употребляются педагогическимъ совѣтомъ училища на взносъ платы за право ученія, покупку книгъ и учебныхъ пособій и на снабженіе платьемъ и обувью стипендіата, смотря по тому, въ чемъ будетъ надобность.

§ 4. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ училища изъ бѣднѣйшихъ учениковъ означеннаго училища и утверждаются, согласно волѣ завѣщателя, Пятигорскою городскою думою.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія Пятигорскаго городскаго училища въ другое учебное заведеніе, стипендія имени Зипалова передается во вновь преобразованное училище.

§ 6. Могущіе образоваться сбереженія отъ стипендіи по случаю временнаго незамѣщенія ея, или по какимъ либо другимъ причинамъ,

Библиотека "Руниверс"

прибавляются къ основному капиталу, или выдаются въ пособіе стипендіату, или же другимъ бѣднѣйшимъ ученикамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

§ 7. Пользованіи стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (4-го апрѣля 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени жены коллежскаго совѣтника Элеоноры-Луизы Кепиновой при 2-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳедоровны женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала на *одну тысячу сто* руб., пожертвованнаго коллежскимъ совѣтникомъ Василіемъ Степановичемъ Кепиновымъ, учреждается при Тифлисской 2-й женской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны гимназіи одна стипендія имени супруги жертвователя Элеоноры-Луизы Карловны Кепиновой.

§ 2. Означенный капиталъ, по образованіи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ % бумаги, хранится въ Тифлисскомъ отдѣленіи государственнаго банка въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, полностію обращаются на взносъ платы за право ученія одной изъ ученицъ гимназіи, а въ случаѣ излишка—на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа ученицъ Тифлисской 2-й женской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны гимназіи, безъ различія возраста, происхожденія, вѣроисповѣданія и національности учащихся.

§ 5. Стипендіей можетъ пользоваться одна изъ наиболѣе бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающаяся хорошимъ поведеніемъ.

§ 6. Право замѣщенія стипендіи предоставляется при жизни жертвователю, послѣ же смерти его ближайшимъ родственникамъ, совмѣстно съ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, а буде такихъ родственниковъ не окажется, исключительно педагогическому совѣту гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 8. Могущіе образоваться, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ, остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ сему послѣднему, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Тифлисской 2-й женской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны гимназіи въ учебное заведеніе какого либо другаго типа, стипендія переходитъ, на вышеизложенныхъ же основаніяхъ, въ это учебное заведеніе; въ случаѣ же окончательнаго упраздненія гимназіи въ соотвѣтствующее ей женское учебное заведеніе, по усмотрѣнію подлежащаго учебнаго вѣдомства.

15. (12-го апрѣля 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича Лутовинова при Новгородской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Новгородской Николаевской женской гимназіи учреждается стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича Лутовинова на счетъ % съ капитала въ одну тысячу руб., ассигнованнаго съ этою цѣлію Новгородскимъ уѣзднымъ земствомъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты за № 1352, составляетъ неотъемлемую собственность названной гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ ея средствъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за обученіе одной бѣднѣйшей ученицы гимназіи, оказавшейся въ продолженіи по крайней мѣрѣ одного года способною къ наукамъ и отличною по поведенію. Остающіеся неизрасходованными проценты выдаются стипендіаткѣ для пріобрѣтенія учебныхъ пособій.

§ 4. Выборъ стипендіатки предоставляется дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Григорьевичу Лутовинову, а послѣ его смерти попечительному совѣту гимназіи, съ правомъ лишенія избранной ученицы стипендіи въ случаѣ ея неодобрительнаго поведенія или слабыхъ успѣховъ въ наукахъ.

§ 5. Если впослѣдствіи, по причинѣ увеличенія платы въ гимназіи или по какимъ либо инымъ причинамъ, процентовъ съ капитала

Библиотека "Руниверс"

будетъ недостаточно для оплаты стипендіи, то недостающая часть можетъ быть вносима родителями или воспитателями стипендіатки; въ противномъ случаѣ стипендія остается временно незамѣщенною, а получаемые съ капитала проценты присоединяются къ послѣднему, пока годовой доходъ съ онаго не будетъ достаточенъ для оплаты стипендіи.

§ 6. Въ случаѣ закрытія гимназіи, капиталъ передается въ то учебное заведеніе, какое будетъ открыто взамѣнъ гимназіи, съ исполненіемъ вышеизложенныхъ въ семъ положеніи условій.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

16. (14-го апрѣля 1896 года). *Положеніе о стипендіяхъ Имени Ея Императорскаю Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Слободской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го апрѣля 1896 г., въ ознаменованіе восшествія на престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича и бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, учреждаются при Слободской женской прогимназіи пять стипендій Августѣйшаго Имени Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны на счетъ % съ пожертвованнаго на сей предметъ Слободскою думою капитала въ *семьсотъ девяносто* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ % бумагахъ и наличныхъ деньгахъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. поступленію въ казну, поступаютъ на уплату за обученіе пяти бѣднѣйшихъ ученицъ прогимназіи, заслуживающихъ того по отличному поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 4. Право выбора стипендіатокъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій предоставляется попечительному совѣту прогимназіи.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ

Библиотека "Руниверс"

процентовъ употребляются на пріобрѣтеніе необходимыхъ учебныхъ пособій для стипендіатокъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Слободской прогимназіи въ какое-либо учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

17. (14-го апрѣля 1896 года). *Положеніе о стипендіяхъ Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича при Слободскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 г. училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 8-го апрѣля 1896 г., въ ознаменованіе восшествія на престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича и бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, учреждаются при Слободскомъ городскомъ училищѣ пять стипендій Августѣйшаго Имени Государя Императора Николая Александровича на счетъ $^0/_0$ съ пожертвованнаго на сей предметъ Слободскою думою капитала въ *семьсотъ девяносто* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ $^0/_0$ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. поступленію въ казну, поступаютъ на уплату за обученіе пяти бѣднѣйшихъ учениковъ училища, заслуживающихъ того по отличному поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ употребляются на пріобрѣтеніе необходимыхъ учебныхъ пособій для стипендіатовъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Слободскаго городскаго училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

18. (20-го апрѣля 1896 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени „лѣкаря Соколова въ честь 8-ми извѣстныхъ западно-европейскихъ философовъ", при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Императорскому С.-Петербургскому университету по духовному завѣщанію лѣкаря Петра Андреевича Соколова, учреждаются при семъ университетѣ четыре стипендіи имени „лѣкаря Соколова въ честь 8-ми извѣстныхъ западно-европейскихъ философовъ".

§ 2. Стипендіальный капиталъ долженъ храниться въ с.-петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіи, по 300 р. каждая, должны быть назначаемы студентамъ физико-математическаго факультета университета правленіемъ университета, по общимъ правиламъ назначенія стипендій и пособій студентамъ университета.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала должны быть обращаемы, по усмотрѣнію правленія университета, или на увеличеніе стипендіальнаго капитала или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 5. Пользованіе стопендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

19. (20-го апрѣля 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени пяти братьевъ Грюнинговъ при училищѣ, состоящемъ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго церкви Св. Петра потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Бернгардомъ Грюнингомъ, учреждается при училищѣ, состоящемъ при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра, въ С.-Петербургѣ, одна стипендія для платы за обученіе одного бѣднаго ученика гимназическаго отдѣленія, а также на пріобрѣтеніе учебниковъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность церкви св. Петра, находится въ завѣдываніи церковнаго совѣта и хранится въ государственномъ банкѣ или въ его отдѣленіяхъ и конторахъ.

§ 3. Стипендія назначается, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища св. Петра, одному бѣдному ученику гимназическаго отдѣленія безъ различія исповѣданій и національности, который окажется достойнымъ стипендіи по прилежанію и хорошему поведенію и не пользуется другимъ пособіемъ отъ какого либо учрежденія или лица.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія обученія въ училищѣ св. Петра, если по прилежанію и поведенію будетъ того достойнымъ.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ упраздненія училища св. Петра, стипендія, по опредѣленію церковнаго совѣта, назначается на воспитаніе бѣднаго мальчика въ одномъ изъ благотворительныхъ учрежденій церкви св. Петра.

20. (30-го апрѣля 1896 года). *Положеніе о стипендіи при Елецкой женской гимназіи имени домашней учительницы Александры Петровны Нечаевой.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. учреждается при Елецкой женской гимназіи одна стипендія имени домашней учительницы Александры Петровны Нечаевой, на счетъ $^0/_0$ съ завѣщаннаго ею на сей предметъ капитала въ *двѣ тысячи шестьсотъ* рублей.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ одномъ билетѣ государственной коммисіи погашенія долговъ на $4^0/_0$ нѣчный вкладъ, хранится въ Елецкомъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго $5^0/_0$ сбора по закону 2-го мая 1885 г., назначаются на взносъ платы за право ученія обязатель-

Библиотека "Руниверс"

нымъ и необязательнымъ предметамъ, а оставшаяся затѣмъ, за вычетомъ 8 руб. ежегодно, сумма расходуется на учебныя пособія и содержаніе (одежду и обувь) стипендіатки. Сумма же, составившаяся изъ ежегодно удерживаемыхъ 8 руб., выдается стипендіаткѣ по окончаніи курса.

§ 4. Право избранія стипендіатки, а также лишеніе ея стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности и дурнаго поведенія предоставляется педагогическому совѣту Елецкой женской гимназіи.

§ 5. Въ стипендіатки выбираются бѣднѣйшія ученицы, пробывшія не менѣе года въ гимназіи, православнаго вѣроисповѣданія всѣхъ сословій, преимущественно же дочери чиновниковъ. Стипендіатка должна отличаться при отличномъ поведеніи, хорошими способностями. Если же окажется нѣсколько кандидатокъ, удовлетворяющихъ вышеуказаннымъ требованіямъ, то назначеніе стипендіатки рѣшается жребіемъ.

§ 6. Стипендіатка, за неодобрительное поведеніе или за неуспѣшность (зависящую отъ лѣности), можетъ быть лишена стипендіи и на ея мѣсто избирается другая.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія гимназіи стипендія на изложенныхъ условіяхъ переходитъ, по назначенію г. попечителя округа, въ одну изъ Орловскихъ женскихъ гимназій.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Брошюру: „Священное коронованіе русскихъ государей (1114—1883). Составилъ *М. Г. Дѣдовъ*. Новгородъ. 1896. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Маленькій лордъ Фонтлероя. *Франциски Бёрнетъ*. Пер. съ англійскаго *С. Долгова*. Съ рисунками *Реджинальда Бёрча*. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. М. 1893. Стр. IV+288.

Библиотека "Руниверс"

Цѣна 1 р. 50 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Принцъ и нищій. Съ англійскаго по *Марку Твену*. Передѣлала *С. Буре*. Съ 30 рисунками. М. 1895. Стр. 176. Цѣна 75 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Востокъ. Страны креста и полумѣсяца и ихъ обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе Левантскаго міра. Составилъ *Стенингъ*. Съ болѣе 200 политипажей въ текстѣ и 64 отдѣльными гравюрами. С.-Пб. Стр. VI+498. Цѣна 5 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: *Н. Коровaевъ*. „Кто былъ авторомъ романа „Сатириконъ"—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ. Составилъ *Н. Я. Никифоровскій*. Витебскъ. 1895. Стр. VIII+552+CXLIX. Цѣна 3 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Ségur. La bataille de la Moscova. Бородинское сраженіе. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и планомъ Бородинскаго сраженія. Объяснилъ въ сотрудничествѣ съ *Н. Л. Леонтьевой*, *Камиллъ Бенуа*. Изданіе *С. А. Манштейна*. С.-Пб. 1896. Стр. 74+30. Цѣна со словаремъ 40 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ редакціей *Л. Георгіевскаго* и *С. Манштейна*. 1. *Платонъ*. Діалогъ Критонъ съ введеніемъ, примѣчаніями и 3 рисунками. Объяснилъ *А. О. Поспишилъ*, преподаватель Кіевской 1-й гимназіи. Изданіе 2-е. Часть I: текстъ, стр. 19. Часть II: комментарій, стр. 46. С.-Пб. 1896. Цѣна за обѣ части 40 коп. 2. *Ксенофонтъ*. Воспоминанія о Сократѣ въ избранныхъ отрывкахъ съ введеніемъ, примѣчаніями и 8р исунками. Объяснилъ *И. Ѳ. Анненскій*, директоръ С.-Петербург-

Библиотека "Руниверс"

ской 8-й гимназіи. Часть I: текстъ, стр. 60. Часть II: комментарій, стр. 110. С.-Пб. 1896. Цѣна за обѣ части 80 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебныхъ пособій для гимназій.

— Книгу: „Пособіе для историческаго изученія главнѣйшихъ произведеній древне-русской словесности, устной и письменной. (Для средне-учебныхъ заведеній). Составилъ *Вл. Штепенко*. 2-е изданіе, перепечатанное безъ перемѣны съ перваго, одобреннаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Керчь. 1896. Стр. 180+5. Цѣна 1 руб."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Божій міръ въ бесѣдахъ и картинахъ.—Человѣкъ. Животныя. Растенія. Минералы. Обыкновенныя явленія. Начальные уроки міровѣдѣнія, составленные *Полемъ Бэромъ*. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *Е. Чижова*. Со множествомъ рисунковъ. М. 1896. Стр. 123+IV"—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей. Д-ра мед. *Р. А. Каца*. С.-Пб. 1895. Стр. II+34. Цѣна 30 коп."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Теоретическая грамматика французскаго языка. Составилъ *А. Корде*, преподаватель 1-й Московской гимназіи и Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая. Часть I. Этимологія. М. 1896. Стр. 76. Цѣна 35 коп."—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства по французской грамматикѣ во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: *А. Киселевъ*. „Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большаго количества упражненій и статьи: главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. 4-е, исправленное изданіе. Изданіе книжнаго магазина *В. В. Думнова*. М. 1896. Стр. VIII+299+IV. Цѣна 1 р. 25 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: „Практическіе курсы русскаго правописанія. Концентрическій сборникъ образцовъ для систематическаго диктанта, состоящій изъ 3 частей. Часть II-я. Курсъ основной (3-й и 4-й годы обученія). Составилъ (по руководству „Русское Правописаніе" Я. К. Грота) *И. М. Сиротъ*. Одесса. 1895. Стр. VIII+164. Цѣна 75 к."—допустить въ низшія учебныя заведенія для класснаго употребленія.

— Книгу: *Н. Павловъ*. „Опытъ систематическаго сборника и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Часть I: цѣлыя числа первой сотни. 3-е исправленное изданіе. Казань. 1896. Стр. 64 Цѣна 15 коп. Часть II: числа любой величины. Изданіе 3-е исправленное и дополненное. Казань. 1895. Стр. 94. Цѣна 25 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книжку: *Н. Павловъ*. „Методическія замѣтки о рѣшеніи сложныхъ задачъ начальной ариѳметики. Учебное пособіе при прохожденіи ариѳметики въ начальныхъ школахъ. Казань. 1896. Стр. IV+61. Цѣна 30 коп."—допустить въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Русскій букварь и церковно-славянская азбука для народныхъ училищъ. Составилъ *В. Исленьевъ*. 2-е изданіе, безъ перемѣнъ. Казань. 1893. Стр. 60. Цѣна 15 коп."—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета, сдѣланныя относительно 1-го ея изданія.

— Брошюру: *Г. Т. Румянцевъ*. „Повторительный курсъ ариѳметики (собраніе правилъ, примѣровъ и типичныхъ задачъ съ рѣшеніями) и т. д. 2-е дополненное и исправленное изданіе. Смоленскъ. 1896. Стр. 49. Цѣна 10 коп."—допустить къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской граматики. Этимологія въ образцахъ. Составилъ *Конст. Ѳедор. Петровъ*. 5-е исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1896.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 118. Цѣна 50 коп."—одобрить для низшихъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: *Ав. Ѳ. Соколовъ.* „Азбука русская и церковно-славянская. Съ самостоятельными упражненіями для учениковъ при изученіи каждой буквы. Изданіе 2-е, совершенно вновь переработанное. М. 1893. Стр. 66+2. Цѣна 20 коп."—допустить въ низшія учебныя заведенія въ качествѣ учебнаго руководства.

— Книжку: *Ав. Ѳ. Соколовъ.* „Методическое руководство къ азбукѣ русской и церковно-славянской въ подробныхъ и примѣрныхъ урокахъ. Изданіе 2-е, совершенно вновь переработанное. М. 1893. Стр. 32. Цѣна 25 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Русское слово. Книга для обученія дѣтей русскому чтенію и письму въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ. Текстъ съ картинками, удареніями и другими приспособленіями, нужными для обученія дѣтей-инородцевъ. Издана по распоряженію попечителя Варшавскаго учебнаго округа. 1-й выпускъ. Варшава. 1895. Стр. II+131. Цѣна 15 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа.

— Книжку: *С. И. Шохоръ-Троцкій.* „Методическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I: для приготовительныхъ классовъ и для первоначальнаго домашняго обученія. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное С.-Пб. 1896. Стр. VI+75. Цѣна 20 коп."—одобрить для употребленія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книжку: *С. И. Шохоръ-Троцкій.* „Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариѳметики въ школѣ и дома? Для учителей приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, для родителей и воспитателей. С.-Пб. 1896. Стр. VIII+72. Цѣна 20 к."—одобрить для учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій.

— Книжку: *С. И. Шохоръ-Троцкій.* „Учебникъ методики ариѳметики для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается этотъ предметъ. С.-Пб. 1896. Стр. VIII+86. Цѣна 50 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: *С. И. Шохоръ-Троцкій.* „Методика ариѳметики для учителей народныхъ школъ, съ приложеніемъ: а) Сборника упражненій по ариѳметикѣ для учащихся, б) списка отвѣтовъ на задачи „Сборника учащихся" и в) таблицы для классныхъ упражненій въ

Библиотека "Руниверс"

изустныхъ вычисленіяхъ. Изданіе 4-е, вновь переработанное и примѣненное къ требованіямъ практики. С.-Пб. 1896. Стр. VIII+182. Цѣна 80 коп."—одобрить какъ учебное руководство для учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Месибботъ гаппоалъ" Справочная книга спряженія всѣхъ глаголовъ еврейскаго языка, встрѣчающихся въ книгахъ св. писанія, съ приложеніемъ правилъ, относящихся къ этому предмету. Составилъ *В. Л. Кагань*. Вильна. 1896. Стр. 430"—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ еврейскихъ училищахъ.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

I.

Для соисканія премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, на 1896 годъ назначены были: а) по разряду гимназій—группа „языки французскій и нѣмецкій", съ предпочтительнымъ правомъ на премію за составленіе краткой систематической грамматики французскаго языка, и б) по разряду реальныхъ училищъ—„курсъ естественной исторіи въ полномъ ея объемѣ примѣнительно къ потребностямъ реальныхъ училищъ, или же по одному изъ ея отдѣловъ—по зоологіи, по ботаникѣ или по минералогіи", съ предпочтительнымъ правомъ на премію полнаго курса естественной исторіи или же учебника по зоологіи.

Для разсмотрѣнія поступившихъ въ Ученый Комитетъ, къ опредѣленнымъ срокамъ, десяти сочиненій по французскому языку и четырехъ сочиненій по естественной исторіи, при Основномъ Отдѣлѣ Ученаго Комитета были образованы двѣ особыя коммиссіи: по французскому языку—подъ предсѣдательствомъ члена Ученаго Комитета В. С. Игнатовича, и по естественной исторіи — подъ предсѣдательствомъ директора С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища Н. И. Раевскаго, при чемъ въ составъ первой коммиссіи вошли: членъ Ученаго Комитета А. А. Слѣпцовъ, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ѳ. Дм. Батюшковъ, учитель французскаго языка въ С.-Петербургской 6-й гимназіи И. О. Бастенъ и учитель того же предмета въ С.-Петербургской 7-й гимназіи М. М. Мозеръ, а въ составъ второй коммиссіи — членъ Ученаго Комитета Н. И. Бакстъ и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета С. Ѳ. Глинка.

На основаніи представленныхъ коммиссіями подробныхъ рецензій о вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ. съ общими о нихъ заключеніями, Ученый Комитетъ опредѣлилъ: 1) признать, что ни одно изъ означенныхъ сочиненій не можетъ быть удостоено преміи Императора

Библиотека "Руниверс"

Петра Великаго, и 2) въ вознагражденіе трудовъ вышепоименованныхъ предсѣдателей и членовъ особыхъ коммиссій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать симъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ зототыя медали. Опредѣленіе Ученаго Комитета утверждено его сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

II.

Для сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, съ разрѣшенія его сіятельства г. Министра, назначенъ слѣдующій порядокъ:

I. *По разряду гимназій.* На премію 1897 г. — группа „русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностію и логика; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою примѣнительно къ гимназіямъ", съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по логикѣ, также книги для чтенія для приготовительнаго и низшихъ трехъ классовъ.

На премію 1898 года — группа „языки латинскій и греческій", съ преимущественнымъ правомъ на премію русско-греческаго словаря.

II. *По разряду реальныхъ училищъ.* На премію 1896 года „курсъ естественной исторіи въ полномъ ея объемѣ, примѣнительно къ потребностямъ реальныхъ училищъ, или же по одному изъ ея отдѣловъ—по зоологіи, по ботаникѣ или по минералогіи", съ предпочтительнымъ правомъ на премію полнаго курса естественной исторіи, или же учебника по зоологіи.

На премію 1898 года — „математическая географія, проекціонное черченіе и геометрическое черченіе".

На премію 1900 года—„коммерческая географія" и „сравнительная географія для VI класса реальныхъ училищъ", съ предпочтительнымъ правомъ на премію сравнительной географіи.

III. *По разряду книгъ для народнаго чтенія.* На премію 1897 г.— Исторія Россіи для народа, согласно съ требованіями и примѣрною программою, которыя будутъ обнародованы въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ іюльской книжкѣ за текущій годъ. На премію 1899 г.—книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія учащихся въ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ согласно съ требованіями Ученаго Комитета, обна-

Библиотека "Руниверс"

родованными въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за сентябрь мѣсяцъ 1886 года.

Сочиненія для соисканія премій должны быть предоставлены въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября. Учебныя руководства и пособія, равно какъ и книги для народнаго чтенія, принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и рукописныя, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво.

Сочиненія могутъ быть представляемы и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

КЪ ВОПРОСУ О ДИКИХЪ ЛОШАДЯХЪ И ОБЪ ИХЪ ПРИРУЧЕНІИ ВЪ РОССІИ.

(По поводу статьи Ѳ. П. Кеппена: „Къ исторіи тарпана въ Россіи„).

I.

Въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 г., была помѣщена статья Ѳ. П. Кеппена, заключающая въ себѣ сводъ данныхъ о водившемся ранѣе въ южно-русскихъ степяхъ тарпанѣ и представляющая вообще попытку выяснить типъ дикой европейской лошади и вопросъ объ ея приручении. Собственно говоря, фактически новаго въ этой статьѣ ничего нѣтъ; авторъ пользовался только литературными источниками (и немногими устными показаніями), но онъ сопоставилъ ихъ въ значительномъ числѣ и пришелъ къ извѣстнымъ опредѣленнымъ выводамъ, изложеннымъ имъ въ видѣ тезисовъ, долженствующихъ порѣшить съ вопросомъ о тарпанѣ и установить рядъ данныхъ относительно приручения лошади, особенно въ предѣлахъ Россіи. По отношенію собственно къ тарпану авторъ, кромѣ болѣе извѣстныхъ данныхъ, опубликованныхъ Гмелинымъ, Палласомъ, Эверсманомъ, Шатиловымъ и Черскимъ, воспользовался еще нѣкоторыми (впрочемъ второстепенными), разсѣянными въ разныхъ сельско-хозяйственныхъ, провинціальныхъ и другихъ изданіяхъ, и могъ прослѣдить нѣсколько подробнѣе исторію исчезновенія въ южной Россіи „дикихъ“ лошадей. Въ своемъ стремленіи къ полнотѣ, авторъ не оставилъ безъ вниманія и второстепенные источники, неспособные дать никакихъ новыхъ указаній, и останавливается на нихъ иногда только для того, чтобы выставить ихъ

Библиотека "Руниверс"

яко-бы несостоятельность. Такъ, напримѣръ, онъ посвятилъ цѣлую страницу одному частному письму, посланному мною берлинскому профессору Нерингу, въ отвѣтъ на его запросъ относительно тарпана, и опубликованному имъ потомъ въ его статьѣ объ ископаемыхъ лошадяхъ, и сдѣлалъ это только для того, чтобы опровергнуть всѣ показанія этого письма собранными имъ, г. Кеппеномъ, „подробными" и „точными" данными. Такъ какъ подобное „опроверженіе" можетъ произвести на читателя такое впечатлѣніе, что я, намѣренно или по явному незнакомству съ фактами, вводилъ своимъ письмомъ берлинскаго профессора въ заблужденіе по интересовавшему его научному вопросу, то я считаю своимъ долгомъ оправдаться въ этомъ отношеніи и, въ свою очередь, подвергнуть разбору представленное г. Кеппеномъ опроверженіе моихъ показаній.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, когда и по какому поводу было написано мною возбудившее такое вниманіе г. Кеппена письмо. Въ 1883 году, профессоръ Берлинской Сельско-хозяйственной Академіи (Hochschule), А. Нерингъ, обратился ко мнѣ съ просьбою—доставить ему скелетъ тарпана или, по крайней мѣрѣ, его размѣры. Въ отвѣтъ на это желаніе, я написалъ г. Нерингу письмо, въ которомъ сообщилъ о невозможности исполнить его просьбу, такъ какъ, на сколько мнѣ было извѣстно, скелета тарпана не имѣлось ни въ Московскомъ, ни въ какомъ-либо другомъ русскомъ музеѣ. Указавъ затѣмъ вкратцѣ тѣ свѣдѣнія, которыя оставили о признакахъ тарпана писатели второй половины XVIII вѣка—Гмелинъ, Рычковъ, Палласъ, я замѣтилъ, что въ показаніяхъ ихъ есть нѣкоторыя противорѣчія; во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ путешественниковъ прошлаго вѣка не доставилъ ни шкуры, ни черепа этого животнаго. Далѣе я указалъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ, какъ мнѣ приходилось слышать, одинъ живой экземпляръ тарпана былъ доставленъ въ Москву, въ даръ возникшему незадолго до того Обществу Акклиматизаціи, а отсюда его „остатки" (какъ выразился я) были отосланы въ Академію Наукъ, гдѣ академики фонъ-Бэръ и Брандтъ признали въ немъ обыкновенную степную лошадь. Съ этого времени,—продолжалъ я,—свѣдѣнія о тарпанѣ прекращаются и, можно сказать, что въ настоящее время (то-есть въ 80-хъ годахъ) никакихъ дикихъ лошадей въ южной Россіи и въ Арало-Каспійскихъ степяхъ не существуетъ. Что въ южной Россіи жили ранѣе дикія лошади, въ пользу этого имѣются нѣкоторыя историческія свидѣтельства, напримѣръ, отъ XII вѣка и позже; но уже въ XVIII вѣкѣ тарпаны, если они и существовали еще,

Библиотека "Руниверс"

были уже значительно помѣшаны съ одичалыми домашними лошадьми, и, какъ особый видъ или порода, близки къ вымиранію. Французскіе и нѣмецкіе зоологи все еще говорятъ о тарпанѣ, какъ о существующей дикой расѣ, но это—весьма сомнительно. Повидимому, теперь (то-есть въ 80-хъ годахъ) существуетъ только одна порода дѣйствительно дикой лошади, именно та, которую встрѣтилъ Пржевальскій въ Центральной Азіи, около Лобъ-Нора, или точнѣе, о которой онъ слышалъ отъ туземцевъ. По ихъ показаніямъ, всѣ эти лошади гнѣдыя и имѣютъ черную гриву и длинный черный хвостъ. Въ Зайсанскомъ посту Пржевальскій пріобрѣлъ шкуру и черепъ одного жеребенка этой породы, которые и были переданы имъ впослѣдствіи Музею Академіи Наукъ. Чтобы дать проф. Нерингу понятіе объ этой лошади, я послалъ ему оттискъ статьи объ ней И. С. Полякова, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Географическаго Общества", за 1881 г. (съ рисункомъ), указавъ при этомъ, что, судя по черепу, описанный экземпляръ еще очень молодой, не способный дать полнаго понятія о типѣ взрослаго животнаго. Вотъ и все содержаніе моего письма, которое проф. Нерингъ призналъ на столько любопытнымъ, что привелъ его цѣликомъ въ своей статьѣ: „Fossile Pferde aus deutschen Diluvial-Ablagerungen und ihre Beziehungen zu den lebenden Pferden", помѣщенной въ „Landwirthschaftlichen Jahrbüchern", за 1884 годъ, и которое вызвало, 12 лѣтъ спустя, такое старательное опроверженіе, по пунктамъ, со стороны г. Кеппена.

Г. Кеппенъ приводитъ вкратцѣ содержаніе моего письма и попутно опровергаетъ всѣ его показанія. „Профессоръ Анучинъ — замѣчаетъ онъ — начинаетъ съ того, что нѣтъ ни одного скелета тарпана. (Какъ мы видѣли, *впослѣдствіи* описаны И. Д. Черскимъ два такихъ скелета)". Совершенно вѣрно, что *впослѣдствіи* (именно въ 1891 году), были описаны Черскимъ—не два впрочемъ—а одинъ скелетъ, да еще одинъ черепъ, но вѣдь въ 1883 году я не могъ предугадать, что послѣдуетъ такое описаніе, и что окажутся такіе остатки тарпана. „Затѣмъ,—продолжаетъ г. Кеппенъ,—сообщаются (Анучинымъ) нѣкоторыя, хотя очень неполныя, литературныя указанія, ограничивающіяся главнымъ образомъ Гмелинымъ, Палласомъ и Рычковымъ, причемъ заявляется о нѣкоторомъ несогласіи въ опредѣленіи масти шерсти. (Мы видѣли, „что, напротивъ того, огромное большинство многочисленныхъ показаній согласно въ томъ, что настоящіе тарпаны имѣли мышастую шерсть)". Для моей цѣли, въ частномъ письмѣ было достаточно сослаться на показанія такихъ натурали-

Библиотека "Руниверс"

стовъ, какъ Гмелинъ и Палласъ, и такого знатока Оренбургскаго края, какъ Рычковъ; ничего существенно новаго не прибавили и послѣдующія описанія (до 1884 года). Что же касается вопроса о „мышастой шерсти“ и о „настоящихъ“ тарпанахъ, то объ этомъ я поговорю подробнѣе ниже. „Далѣе сообщены (въ письмѣ Анучина) не совсѣмъ точныя показанія о тарпанѣ, который былъ уступленъ Московскимъ зоологическимъ садомъ Императорской Академіи Наукъ“. Неточность моя состояла въ томъ, что я выразился „остатки тарпана“, тогда какъ въ дѣйствительности былъ уступленъ живой тарпанъ, „который жилъ *тамъ* еще нѣсколько лѣтъ“. Въ этой неточности я винюсь; произошла она оттого, что точныхъ свѣдѣній объ этомъ экземплярѣ тарпана мнѣ разыскать тогда не удалось, а по разсказамъ — одни говорили, что онъ былъ отосланъ живымъ, а другіе,— что уже трупомъ. Послѣднее мнѣ показалось вѣроятнѣе, потому что,—думалъ я,—гдѣ же Академія могла содержать эту лошадку. Въ дѣйствительности, однако, какъ оказалось потомъ, она была отдана одному изъ академиковъ, который и держалъ ее у себя на дачѣ [1]). Но, во всякомъ случаѣ, экземпляръ этотъ не обратилъ на себя особаго вниманія. Академикъ Брандтъ, въ письмѣ къ одному изъ тогдашнихъ членовъ Общества Акклиматизаціи, выразилъ свое разочарованіе тѣмъ, что назвалъ присланнаго тарпана „скверной крестьянской лошаденкой“. Печатно имъ было засвидѣтельствовано, что лошадка эта „не обнаруживала ни цвѣта, ни другихъ признаковъ дикихъ породъ лошадей“. Академикъ Бэръ тоже заявилъ (въ засѣданіи 14-го ноября 1869 г. Дерптскаго Общества естествоиспытателей), что „лошадка эта имѣла слѣды бывшихъ подковъ и потому могла считаться недавно вырвавшеюся на свободу“ [2]). Въ виду такихъ отзывовъ позволительно было усомниться въ томъ, чтобы послѣ смерти этого экземпляра, остатки его, въ видѣ чучелы или скелета, были сохранены, тѣмъ болѣе, что о нихъ не упоминаетъ (въ 1881 г.) и Поляковъ въ своей статьѣ о лошади Пржевальскаго (Equus Przevalskii), не смотря на то, что для сравненія съ описаннымъ имъ экземпляромъ онъ воспользовался всѣми матерьялами (по дикимъ осламъ и лошадямъ), имѣвшимися въ его время въ Зоологическомъ Музеѣ

[1]) По словамъ Радде (*Brehm*, Thierleben, 2-te Ausgabe, Bd. III, 1880), лошадь эта была признана одичавшею и подарена одному любителю (?).

[2]) Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft zu Dorpat. III Band. Dorpat 1874, S. 34.

Библиотека "Руниверс"

Академіи Наукъ. Только изъ монографіи Черскаго, 1891 года [1]) стало извѣстнымъ, что хранящійся въ академическомъ музеѣ скелетъ крымской лошади есть именно скелетъ тарпана, отъ того экземпляра, который былъ переданъ въ 60-хъ годахъ Академіи Московскимъ зоологическимъ садомъ.—„Затѣмъ—продолжаетъ свои опроверженія г. Кеппенъ,—г. Анучинъ утверждаетъ, что о тарпанахъ, послѣ этого, не было болѣе рѣчи. (Между тѣмъ, въ томъ же самомъ 1884 году, когда было напечатано письмо проф. Анучина, появилось замѣчательное „Сообщеніе о тарпанахъ“ І. Н. Шатилова, которое, по выраженію Черскаго, поставило „пошатнувшійся было вопросъ о тарпанахъ на болѣе реальную почву“. Не могу не обратить вниманія на то обстоятельство, что проф. Анучинъ, повидимому, ничего не зналъ о содержавшемся въ Московскомъ зоологическомъ саду тарпанѣ (Херсонскомъ),—не смотря на то, что онъ самъ, въ то-же самое время, жилъ въ Москвѣ“). Опять долженъ повторить, что письмо мое было написано въ 1883 году и было напечатано Нерингомъ въ его статьѣ, въ 1884 году. Въ то время я никакъ не могъ предугадать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г. Шатиловъ доставитъ въ зоологическій садъ новаго тарпана—мерина, прожившаго въ Ново-Воронцовской экономіи, въ неволѣ, 18 лѣтъ, что этотъ экземпляръ будетъ подробно описанъ, а нѣсколько лѣтъ спустя и его черепъ—г. Черскимъ. Опровергать мои показанія послѣдующими фактами довольно странно; слѣдовало бы скорѣе обратить вниманіе на то, что столь обстоятельный натуралистъ, какъ Черскій, тоже признавалъ, что до появленія въ 1884 году „Сообщенія“ г. Шатилова, вопросъ о тарпанѣ былъ „пошатнувшимся“, какимъ считалъ его и я, въ 1883 г. [2]). Непонятно также, на какомъ основаніи г. Кеппенъ высказываетъ предположеніе, будто я ничего не зналъ о присланномъ въ 1884 году г. Шатиловымъ тарпанѣ, не смотря на то, что я жилъ тогда самъ въ Москвѣ. Ниже я постараюсь доказать г. Кеппену противное, но все это не имѣетъ отношенія къ моему письму, написанному мѣся-

---

[1]) *Черскій*. Описаніе коллекціи послѣтретичныхъ млекопитающихъ животныхъ, собранныхъ Ново-Сибирскою экспедиціею 1885—86 гг. С.-Пб., 1891.

[2]) Кромѣ того, эта „реальная почва“, по Черскому, состоитъ лишь въ томъ, что „Сообщеніе“ г. Шатилова, *„далеко не предрѣшая проблему ихъ* (тарпановъ) *происхожденія*“, убѣждаетъ насъ только въ томъ, „что и въ наше время (1866 г.) въ степныхъ мѣстахъ южной Россіи, попадались странствующіе косяки лошадей (отъ 7 до 9 штукъ), не имѣющихъ хозяевъ, при чемъ по цвѣту шерсти лошади эти близки къ тарпанамъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ описывалъ Гмелинъ“.

Библиотека "Руниверс"

цевъ за 8—9 до появленія въ Москвѣ Шатиловскаго тарпана. „Проф. Анучинъ указываетъ далѣе на то, что пространство южной Россіи на столько заселено, что гдѣ-нибудь уцѣлѣвшіе тарпаны не могли бы остаться незамѣченными. (На самомъ дѣлѣ, какъ выше изложено, показанія о существованіи тарпана на Херсонскихъ и Таврическихъ степяхъ повторялись до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія)". Какія же показанія о тарпанѣ извѣстны намъ за время съ 1862 года (когда былъ доставленъ въ Московскій зоологическій садъ живой экземпляръ, уступленный въ 1863 году Академіи Наукъ) по 1883 годъ (время написанія моего письма проф. Нерингу), то-есть за періодъ въ 21 годъ? Изъ подробнаго свода извѣстій, приведенныхъ самимъ же г. Кеппеномъ, видно, что за все это время о тарпанахъ появилось только одно показаніе, самого же Кеппена, въ его „Замѣткахъ при поѣздкѣ по Таврической губерніи", помѣщенныхъ въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* за 1865 годъ, да и оно заключалось только въ томъ, что „въ августѣ 1864 года, въ бытность его (г. Кеппена) въ г. Алешкахъ, г. Зеленкевичъ сообщилъ ему, что въ 1861 году онъ видѣлъ еще жеребенка чистой дикой породы въ Князь-Григорьевкѣ, у управляющаго имѣніемъ г. Рахманова". Вотъ и всѣ, яко-бы „повторявшіяся" показанія!—„Впрочемъ, проф. Анучинъ соглашается съ тѣмъ, что въ прежнія времена (напримѣръ, въ XII-мъ столѣтіи) тарпаны существовали въ южной Россіи, но оспариваетъ продленіе этого существованія до новѣйшаго времени; по его мнѣнію, если тарпаны еще существовали въ XVIII столѣтіи, то они, въ это время, были уже сильно смѣшаны съ одичалыми лошадьми и, во всякомъ случаѣ, были близки къ вымиранію, въ видѣ особой породы. (Съ этимъ замѣчаніемъ можно согласиться, съ тѣмъ однако же ограниченіемъ, что тарпаны, какъ особая порода, просуществовали еще *слишкомъ* цѣлое столѣтіе)". То-есть какъ-же это „слишкомъ цѣлое столѣтіе"? Послѣ XVIII вѣка прошло покуда 95 лѣтъ, а послѣдній описанный экземпляръ тарпана былъ пойманъ въ 1866 году?!

Свой разборъ моего письма г. Кеппенъ заканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: „Изъ прибавленныхъ мною, въ скобкахъ, примѣчаній къ отдѣльнымъ пунктамъ, заключающимся въ письмѣ Д. Г. (?) Анучина, явствуетъ, что почти всѣ его показанія опровергаются выше сообщенными подробными и, по возможности, точными данными объ очень недавнемъ еще существованіи въ южной Россіи тарпановъ, какъ самобытной и самостоятельной породы". Мы видѣли уже въ чемъ заключаются эти опроверженія. Непонятно, какую цѣль имѣлъ г. Кеп-

Библиотека "Руниверс"

пенъ, подвергая столь придирчивому разбору частное мое письмо, напечатанное безъ моего вѣдома, 12 лѣтъ тому назадъ, проф. Нерингомъ. Впрочемъ, г. Кеппенъ оправдываетъ свою придирчивость ссылкою яко-бы, на мой „авторитетъ“. „Въ виду авторитета этого ученаго, я считаю долгомъ остановиться на показаніяхъ и соображеніяхъ его, высказанныхъ въ письмѣ профессору А. Нерингу“. Остановиться затѣмъ, чтобы опровергнуть, чтобы уничтожить, очевидно мнимый „авторитетъ“? Чтожъ, и это имѣло бы нѣкоторое основаніе, если бы дѣло шло о какомъ нибудь дѣйствительномъ авторитетѣ и если бы для этого было избрано другое средство, чѣмъ опроверженіе фактами, получившими извѣстность лишь впослѣдствіи...

Странно однако, что ссылаясь на мой „авторитетъ“ и подвергая такому придирчивому разбору написанное мною, 12 лѣтъ тому назадъ, частное письмо, г. Кеппенъ, совершенно умолчалъ о моей спеціальной работѣ: „Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи“,—работѣ, напечатанной въ 1886 году, то-есть, два года спустя послѣ опубликованія моего письма, и въ которой я, на девяти страницахъ in 4°, говорю и о древнѣйшей исторіи лошади въ Европѣ и Россіи [1]). Повидимому, статья эта осталась совершенно неизвѣстною г. Кеппену, что довольно странно, судя по тому, какъ онъ старался о подборѣ всѣхъ относящихся къ интересующему его вопросу источниковъ. Въ виду очевиднаго не знакомства г. Кеппена съ спеціальною литературой по древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ указанномъ трудѣ.

Вопросомъ о происхожденіи домашнихъ животныхъ я началъ интересоваться еще въ 70-хъ годахъ, ознакомившись съ изслѣдованіями Рютимейера, Натузіуса, Іеттелейса, Сансона и другихъ по этому предмету, но у меня не было собственнаго матеріала, изъ Россіи, для того, чтобы заняться этимъ вопросомъ самостоятельно. Въ 1879 году, во время бывшей тогда въ Москвѣ Антропологической выставки, проф. А. А. Иностранцевъ предложилъ мнѣ принять на себя описаніе остатковъ рода Canis, найденныхъ въ торфяномъ слоѣ при прорытіи новаго Сясьскаго канала. Здѣсь, при земляныхъ работахъ было добыто значительное количество животныхъ и человѣческихъ костей, а также различныя издѣлія изъ камня, кости и рога, относящіяся, очевидно,

---

[1]) *Д. Н. Анучинъ.* Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи, 34 стр. in 4°, съ таблицей (фототипіей), въ „Трудахъ VI Археологическаго Съѣзда, въ Одессѣ“, гл. I. 1886.

Библиотека "Руниверс"

къ эпохѣ каменнаго вѣка. Благодаря настояніямъ проф. Иностранцева, всѣ эти остатки собирались производителями работъ и были потомъ переданы ему для Геологическаго музея С.-Петербургскаго университета. Получивъ возможность издать описаніе всѣхъ этихъ остатковъ, проф. Иностранцевъ принялъ на себя собственно геологическую часть и изученіе человѣческихъ издѣлій, а описаніе костей было предоставлено имъ другимъ лицамъ. На мою долю достались, какъ сказано, остатки рода Canis, то-есть, кости собаки, волка и лисицы. Особенное вниманіе обратилъ я на первыя, въ числѣ коихъ имѣлось три болѣе или менѣе полныхъ собачьихъ черепа. Я сравнилъ эти остатки (при помощи измѣреній) съ добытыми изъ свайныхъ построекъ и другихъ отложеній каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Западной Европѣ и описанными Рютимейеромъ, Іеттелейсомъ, Вольджрихомъ, Штудеромъ и другими, а также—съ черепами различныхъ породъ собакъ и волка, имѣвшимися въ Московскомъ музеѣ. Въ результатѣ этой работы явилась довольно большая статья (26 стр. in 4°) [1]), въ которой мною были установлены для каменнаго вѣка Приладожья двѣ породы домашней собаки, одна болѣе мелкая, соотвѣтствующая „торфяной собакѣ“ (Torfhund, Canis palustris) швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка, и другая болѣе крупная, подходящая по размѣрамъ отчасти къ описанной Іеттелейсомъ Canis matris optimae, отчасти къ изученной Вольджрихомъ Canis intermedius [2]). Первую породу я назвалъ Canis palustris ladogensis, вторую—Canis fam. Inostranzewi. Остатковъ другихъ домашнихъ животныхъ въ коллекціи костей, собранныхъ проф. Иностранцевымъ, не оказалось, такъ что собака была, очевидно, единственнымъ домашнимъ животнымъ на сѣверѣ Россіи въ указанную отдаленную эпоху каменнаго вѣка. Въ то же время описанные черепа являлись и древнѣйшими извѣстными остатками вообще домашнихъ животныхъ въ предѣлахъ Россіи и представляли поэтому существенный интересъ для первобытной исторіи прирученныхъ породъ въ Восточной Европѣ, откуда ранѣе моей статьи не было извѣстно ничего по данному вопросу. Этимъ

---

[1]) *Анучинъ*. „Собака, волкъ и лисица“, глава въ книгѣ проф. Иностранцева „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера“. С.-Пб. 1882, in 4°, стр. 55—81, съ 2 таблицами (фототипіями).

[2]) Означенныя формы были установлены въ трудахъ: *Rütimeyer*'a, Fauna der Pfahlbauten, *Jetteleis*, въ „Mittheilungen der anthr. Ges. in Wien“, 1872, *Woldřich*, Ueber einen Haushund des Bronzezeit etc. въ „Mitth. d. anthr. Ges. in Wien“, Bd. VII, 1877.

Библиотека "Руниверс"

объясняется, почему моя статья обратила на себя нѣкоторое вниманіе на западѣ, и данными ея воспользовались потомъ Штудеръ, Вольджрихъ, Вилькенсъ и другіе, при своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ той же области [1]).

Интересуясь вопросомъ о расахъ древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ въ Россіи, я искалъ остатковъ ихъ и среди костей изъ другихъ отложеній каменнаго и металлическаго вѣковъ, напримѣръ, изъ извѣстной стоянки у села Волосова близь Мурома, также изъ пермскихъ „костищъ", нѣкоторыхъ кургановъ и т. д., но долго находилъ лишь весьма скудный матеріалъ. Только въ 1884 году мнѣ удалось получить почти полный скелетъ собаки, найденный извѣстнымъ изслѣдователемъ Волосовской стоянки, П. П. Кудрявцевымъ, въ самомъ низу культурнаго слоя, на глубинѣ около $1^1/_2$ аршина, въ нерушенной еще толщѣ и почти непосредственно надъ слоемъ бѣлаго песка, однимъ словомъ, при условіяхъ, не позволяющихъ сомнѣваться въ его принадлежности каменному вѣку. По своимъ размѣрамъ собака эта оказалась сходною съ „торфяною" и особенно съ мелкою породой Приладожья, представляя лишь нѣкоторыя уклоненія въ подробностяхъ. Объ этой находкѣ я сдѣлалъ сообщеніе на VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ (въ 1884 году). которое и было развито затѣмъ мною въ статьѣ, помѣщенной въ I томѣ „Трудовъ" этого съѣзда (вышедшемъ въ 1886 году). Кромѣ вопроса о древнѣйшихъ породахъ собаки въ Россіи, я коснулся въ этой работѣ и первобытныхъ породъ другихъ домашнихъ животныхъ, въ томъ числѣ и лошади. По отношенію къ послѣдней, я указалъ на многія находки лошадиныхъ костей (дикой лошади) въ постпліоценовыхъ отложеніяхъ Западной Европы и Россіи и привелъ рядъ свидѣтельствъ о существованіи дикихъ лошадей и въ историческую эпоху, съ VIII по XVI вѣкъ, а въ Россіи и въ теченіе всего XVIII вѣка и даже позже. Затѣмъ, сообщивъ о двухъ живыхъ экземплярахъ тарпана, доставленныхъ въ Москву, въ 1862 и въ 1884 годахъ, я поставилъ вопросъ—былъ ли

---

[1]) *Studer.* Die Thierwelt in den Pfahlbauten des Bielersee's, въ „Mitth. d. Bern. Naturforsch. Ges." 1883; его же „Zwei grosse Hunderassen aus der Steinzeit" etc., тамъ же, 1893; *Woldřich*, Zur Frage über die Abstammung der europ. Hunderassen, Anzeiger d. K. K. Akad. d. Wiss. 1886; *Wilckens*, Die vorgeschichtlichen und Pfahlbau-Hunde. Biologiches Centralblatt, Bd. VI, 1886—87. Штудеръ говоритъ, напримѣръ, во второй своей статьѣ (стр. 87): „Das im Osten, am Ladogasee in jener Zeit (Steinzeit) eine kleine Palustris Form und eine grosse Form, Canis f. Inostranzewi Anutsch. existirte, wissen wir aus den Arbeiten von Anutschin".

Библиотека "Руниверс"

тарпанъ дикой или одичавшей лошадью. „Спрашивается — представляетъ ли этотъ тарпанъ прямаго потомка той дикой лошади, которая водилась въ Европѣ въ доисторическую и раннюю историческую эпоху, или же его слѣдуетъ считать потомкомъ одичалыхъ домашнихъ лошадей въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчались, напримѣръ, въ историческую эпоху въ Америкѣ. Гмелинъ считалъ тарпановъ, очевидно, дикимъ видомъ; напротивъ того, Палласъ склонялся къ мнѣнію, что это потомки одичавшихъ лошадей, принадлежавшихъ калмыкамъ, киргизамъ и другимъ кочевникамъ. Изъ новѣйшихъ натуралистовъ, А. Вагнеръ, Фитцингеръ, М. Н. Богдановъ и И. С. Поляковъ раздѣляютъ мнѣніе Палласа, тогда какъ Эккеръ видитъ въ тарпанѣ типичнаго представителя дикихъ лошадей, какія водились въ Западной Европѣ въ доисторическую эпоху. Рѣшить окончательно этотъ вопросъ довольно трудно, такъ какъ нѣкоторыя данныя, напримѣръ мышастый цвѣтъ съ чернымъ ремнемъ на спинѣ и отсутствіе каштанчиковъ или мозолей на заднихъ ногахъ (у экземпляра Московскаго зоологическаго сада),—говорятъ болѣе въ пользу типичности тарпана, какъ особой дикой расы,—тогда какъ другія, напримѣръ, нѣкоторыя указанія Рычкова и Палласа, факты дѣйствительнаго одичанія лошадей въ степяхъ Америки и т. д. наводятъ скорѣе на мысль, что мы имѣемъ въ тарпанахъ потомковъ одичавшихъ домашнихъ лошадей. Генъ склоняется къ мнѣнію, что и всѣ другія дикія лошади, о которыхъ упоминается въ историческихъ свидѣтельствахъ, были собственно не дикія, а одичавшія, и подкрѣпляетъ свое мнѣнія соображеніями, которымъ нельзя отказать въ извѣстной вѣроятности. Настоящая дикая лошадь, повидимому, водится еще только въ Средней Азіи, около озера Лобъ-Нора, гдѣ о ней слышалъ Пржевальскій" и т. д. Изъ этой выдержки видно, что въ противность предположенію г. Кеппена,—я своевременно ознакомился съ экземпляромъ тарпана, доставленнымъ въ 1884 году, въ Московскій зоологическій садъ, І. Н. Шатиловымъ, и принялъ во вниманіе результаты его осмотра и описанія.

Затѣмъ, въ указанной моей статьѣ, я перехожу къ обзору древнѣйшихъ слѣдовъ домашней лошади въ Европѣ. Слѣды эти „становятся вполнѣ явственными только въ отложеніяхъ бронзоваго періода, когда лошадь одновременно служила и для питанія, и для работы. Такъ можно заключить по даннымъ, представляемымъ свайными постройками, въ которыхъ кости лошади бо́льшей частью также раскололы, какъ и кости другихъ дикихъ животныхъ, но въ которыхъ

Библиотека "Руниверс"

встрѣчаются и многочисленныя удила изъ бронзы, а также и другія части конской сбруи и наряда. Эта лошадь свайныхъ построекъ отличалась небольшимъ ростомъ, широкою и короткою головой и стройными конечностями, чѣмъ подходила къ восточному типу лошадей, представителями коего могутъ служить арабская лошадь и другія азіатскія породы. Какъ показалъ Франкъ, всѣ европейскія породы лошадей могутъ быть распредѣлены по двумъ группамъ, изъ коихъ одна—болѣе крупнаго и тяжелаго склада, съ длинною головой—туземнаго, то-есть европейскаго происхожденія, тогда какъ другая, заключающая въ себѣ болѣе легкія и мелкія породы, съ широкою головой и стройными конечностями, ведетъ свое происхожденіе изъ Азіи.

Къ подобному же заключенію пришелъ извѣстный зоотехникъ Сансонъ, принимающій восемь расъ лошадей, изъ коихъ шесть—съ длиннымъ типомъ головы (долихокефальнымъ)—европейскія, а двѣ—съ короткою головой (брахикефальныя)—родомъ изъ Азіи и Сѣверной Африки. Пьетреманъ, написавшій большое сочиненіе по исторіи лошади (*Piétrement*. Les chevaux dans les temps préhistoriques et historiques. P. 1883), принимаетъ, въ общемъ, то же дѣленіе, но опредѣляетъ иначе двѣ брахикефальныя восточныя расы, называя одну изъ нихъ („азіатскую“ Сансона) „арійскою“, а другую („африканскую“ Сансона)—„монгольскою“. Онъ предполагаетъ, что дикая лошадь была представлена нѣсколькими расами, распространенными въ Европѣ и въ Азіи, и что приручепіе ея послѣдовало въ различныхъ странахъ и независимо у различныхъ народовъ. Такъ монголы приручили одну породу, арійцы—другую, первобытныя племена западной Европы—еще нѣсколько. Съ распространеніемъ монголовъ и арійцевъ на западъ, стали распространяться и прирученныя ими породы лошадей, которыя въ Европѣ отчасти вытѣснили туземныя, отчасти смѣшались съ ними и образовали производныя породы. Всѣ эти выводы представляются довольно остроумными и вѣроятными, но во всякомъ случаѣ это не болѣе какъ гипотезы, которыя могутъ быть провѣрены только результатами сравнительнаго изученія современныхъ и ископаемыхъ породъ Азіи и Европы. Покуда въ этомъ отношеніи матеріаловъ собрано еще весьма мало, и мы принуждены довольствоваться отрывочными и то лишь въ послѣднее время установленными фактами. Одинъ изъ этихъ фактовъ—тотъ, что прирученная лошадь свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка относится къ другой породѣ, чѣмъ та дикая лошадь, остатки которой мы встрѣчаемъ въ дилювіальныхъ отложеніяхъ Европы, въ пещерахъ и открытыхъ стоянкахъ

Библиотека "Руниверс"

эпохи мамонта и сѣвернаго оленя. Науманъ первый показалъ, что лошадь свайныхъ построекъ выказываетъ иной типъ, чѣмъ большинство современныхъ европейскихъ породъ, и что она представляетъ сходство съ арабскою расой, а также съ нѣкоторыми первобытными мелкими породами, сохранившимися въ болѣе глухихъ уголкахъ Европы, какъ напримѣръ съ такъ-называемой Feldmochinger Pferd въ верховьяхъ Дуная. Затѣмъ Стробель и Пигорини могли констатировать, что лошадь италіанскихъ терramаръ относится къ той же породѣ, какъ и лошадь свайныхъ построекъ бронзоваго вѣка Швейцаріи и южной Германіи, тогда какъ Оуэнъ, Сансонъ, Туссенъ и Штудеръ—показали, что дикая лошадь палеолитическаго періода,—изъ отложеній Гренелли, изъ Солютрэ, изъ Брюникельской, Тайнингенской и другихъ пещеръ, даже изъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка,—представляла тяжелый и коренастый типъ и была очевидно сродни современнымъ породамъ першероновъ, арденскихъ и германскихъ лошадей. Основываясь на этихъ данныхъ, Штудеръ высказалъ мнѣніе, что домашняя лошадь свайныхъ построекъ не состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ дикою дилювіальною лошадью,—мнѣніе, которое скоро было подтверждено точными и обстоятельными изслѣдованіями Нерінга. Послѣдній, имѣвъ возможность сравнить многіе десятки лошадиныхъ скелетовъ и болѣе 200 лошадиныхъ череповъ (въ музеѣ Берлинской Сельско-хозяйственной академіи), могъ придти въ этомъ отношеніи къ наиболѣе убѣдительнымъ выводамъ, которые заслуживаютъ поэтому особеннаго вниманія. Нерингъ убѣдился, что дилювіальная дикая лошадь средней Европы представляла типъ тяжелой европейской лошади, и что отъ нея, несомнѣнно, ведутъ свое начало современныя тяжелыя домашнія породы Европы, но что домашняя лошадь свайныхъ построекъ (бронзоваго вѣка) происходитъ не отъ нея, а отъ какой-то другой дикой расы, родственной современнымъ азіатскимъ породамъ (арабской, туркестанскимъ и др.). Впрочемъ, говоритъ онъ, изъ этого еще нельзя утверждать положительно, чтобы всѣ легкія, мелкія, короткоголовыя породы европейскихъ лошадей происходили изъ Азіи; возможно, что лошади такого типа встрѣчались и въ Европѣ въ дилювіальную эпоху, рядомъ съ дикими лошадьми болѣе крупнаго и тяжелаго склада. Въ пользу такой возможности говоритъ находка Фраасомъ остатковъ мелкой породы дикой лошади, въ родѣ пони, въ отложеніяхъ ледниковаго періода близъ Шуссенрида, въ Вюртембергѣ. Къ сожалѣнію, остатки эти описаны довольно кратко, и точныхъ размѣровъ костей у Фрааса не приведено". Эта выдержка

Библиотека "Руниверс"

изъ статьи, напечатанной десять лѣтъ тому назадъ, доказываетъ, что всѣ главнѣйшіе выводы и предположенія западно-европейскихъ ученыхъ относительно различія древнѣйшихъ породъ домашнихъ лошадей были изложены тогда мною съ большею точностью и полнотою, чѣмъ это сдѣлано въ нынѣшнемъ году г. Кеппеномъ, (на основаніи данныхъ изъ вторыхъ рукъ) на стр. 156, 162 и др. его статьи.

Въ заключеніе, въ упомянутой моей работѣ, я привожу,—главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, собранныхъ Геномъ и Пьетреманомъ,—свѣдѣнія о домашнихъ лошадяхъ въ историческую эпоху, у египтянъ, семитовъ, въ Медіи и т. д., говорю о гипотезѣ распространенія домашней лошади на западъ изъ степей Средней Азіи, вмѣстѣ съ туранскими засельниками Халдеи, о знакомствѣ, въ глубокой древности, съ лошадью—арійцевъ, о маломъ ростѣ и невзрачномъ видѣ коней сигинновъ, древнихъ германцевъ, каледонцевъ, о распространеніи лошадей у скиѳовъ и древнихъ славянъ, о частыхъ находкахъ ихъ остатковъ въ древнихъ курганахъ и городищахъ, и дѣлаю первую попытку сравнительнаго изученія лошадиныхъ череповъ изъ различныхъ мѣстностей Россіи и различныхъ эпохъ.

Такъ, мною были просмотрѣны многіе лошадиные зубы и кости изъ „Чортова городища“ подъ Москвой и изъ пермскихъ „костищъ“ (жертвенныхъ мѣстъ). „Что касается остатковъ изъ пермскихъ костищъ, то уже Рютимейеръ замѣтилъ, что констатированная тамъ порода лошадей была мелкая и выказывала нѣкоторыя особенности въ размѣрахъ. Видѣнные мною остатки, въ общемъ, также это подтверждаютъ, хотя попадаются и остатки болѣе крупныхъ особей, о типѣ которыхъ впрочемъ я не могъ составить заключенія, по фрагментарности остатковъ и малому количеству ихъ. Къ мелкой же породѣ относятся и видѣнныя мною кости изъ Чортова городища, по сравненію ихъ, напримѣръ, съ костями лошади изъ Солютрэ (полученными мною отъ г. Шантра изъ Ліона) или изъ пещеры Bize, во Франціи (добытыми лично мною при раскопкахъ въ 1879 году). Два видѣнныхъ мною курганныхъ лошадиныхъ черепа происходятъ: одинъ—изъ кургана близъ д. Рѣчки, Московской губерніи, другой—изъ кургана Тарскаго округа Тобольской губерніи. Обѣ эти группы кургановъ существенно разнятся между собою по находимымъ въ нихъ предметамъ и были ссыпаны, очевидно, различными народностями. Это доказываютъ уже найденные въ тѣхъ и другихъ—человѣческіе черепа, которые въ московскихъ курганахъ (X—XI вѣковъ) выказываютъ типъ бѣлой расы, и бо́льшей частью, долихокефалическую

Библиотека "Руниверс"

форму, а въ тобольскихъ (болѣе позднихъ)—характеристичный типъ монгольской расы и брахикефалическую форму. Къ сожалѣнію, лошадиный черепъ изъ кургана Тарскаго округа принадлежитъ не вполнѣ взрослой особи, у которой послѣдніе коренные и клыки только что прорѣзаются, а два переднихъ ложно-коренныхъ только что начинаютъ стираться. Я могъ еще сравнить одинъ фрагментъ черепа ископаемой лошади, найденный въ средней Россіи (но гдѣ именно—неизвѣстно) и скелетъ туркестанской лошади (изъ Самарканда), доставленный въ Московскій зоологическій музей покойнымъ А. П. Федченко. Взявъ необходимыя измѣренія и принявъ во вниманіе признаки, установленные Нерингомъ, я могъ убѣдиться, что черепъ изъ кургана Московской губерніи принадлежитъ тяжелой, долихокефалической, европейской расѣ, тогда какъ черепъ самаркандской лошади выказываетъ болѣе легкій, короткоголовый, восточный типъ. (Принадлежность этого скелета восточной породѣ, родственной арабской, явствуетъ и изъ особенности позвоночнаго столба, поясничная часть котораго имѣетъ только пять позвонковъ, какъ у многихъ типичныхъ арабскихъ лошадей). У курганной московской лошади лобъ и морда уже, разстояніе отъ затылочнаго отверстія до сошника значительно длиннѣе разстоянія отъ сошника до задняго края небнаго шва, и всѣ три отношенія (длинъ черепа къ ширинѣ и передняго отдѣла глазной линіи къ заднему)—замѣтно больше. Повидимому, къ короткоголовой же породѣ принадлежала и ископаемая лошадь, судя по значительной ширинѣ ея лба, но при отсутствіи передней части черепа нельзя судить объ его относительной ширинѣ. Что касается до черепа изъ кургана Тарскаго округа, то опредѣленіе его породы, въ виду молодости экземпляра, также представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Повидимому, онъ относится къ длинноголовому типу, какъ то явствуетъ изъ отношенія длины черепа къ его ширинѣ. Если же это такъ, то отсюда можно заключить, что эта порода лошадей находилась въ бо́льшемъ сродствѣ съ древнею московскою, чѣмъ съ современною средне-азіатскою породою. Желательно было бы сравнить нѣсколько череповъ, какъ изъ кургановъ Европейской Россіи, такъ и сибирскихъ и сопоставить ихъ съ черепами современныхъ азіатскихъ породъ—у монгольскихъ и тюркскихъ народностей".

Изъ этого извлеченія видно, что, помимо изученія литературы предмета, мною была сдѣлана (10 лѣтъ тому назадъ) и первая попытка разобраться самостоятельно въ имѣющемся—правда, весьма скудномъ—матеріалѣ по древнимъ породамъ лошадей въ Россіи, въ

Библиотека "Руниверс"

цѣляхъ установленія ихъ типовъ и сличенія ихъ съ признаками ископаемой лошади съ одной стороны и современной восточной азіатской породы — съ другой, то-есть, положено начало тому изученію череповъ, на желательности и необходимости котораго настаивали Экеръ и Черскій.

II.

Не довольствуясь сводкой свѣдѣній о тарпанахъ въ Россіи и приведеніемъ мнѣній различныхъ ученыхъ о прирученіи лошади и ея древнѣйшихъ породахъ, г. Кеппенъ выступаетъ съ рядомъ тезисовъ, долженствующихъ установить типъ тарпана, его древность, его связь съ европейскими типами дикихъ лошадей, его прирученіе въ Скиѳіи и т. д., однимъ словомъ набрасываетъ исторію лошади въ Европѣ, начиная съ древнѣйшаго образованія ея типа (или типовъ) и кончая вымираніемъ послѣдняго представителя дикихъ лошадей въ этой части свѣта — тарпана. Подобная работа, однако, чтобы быть достаточно авторитетной, должна была бы опираться на нѣчто бо́льшее, чѣмъ на нѣсколько литературныхъ источниковъ; во всякомъ случаѣ, она подразумѣваетъ, что авторъ воспользовался всею новѣйшею литературой предмета и постарался составить себѣ ясное представленіе о современномъ положеніи вопроса во всемъ его объемѣ. Къ сожалѣнію, статья г. Кеппена не только не основана на какихъ нибудь самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ, но и не можетъ быть признана достаточно полною литературною компиляціей по затронутымъ въ ней важнымъ вопросамъ. Не смотря на рѣшительный и авторитетный тонъ, въ ней замѣтно поверхностное знакомство съ предметомъ и игнорированіе многихъ важныхъ, относящихся къ даннымъ вопросамъ фактовъ. Постараемся представить тому доказательства.

Г. Кеппенъ такъ излагаетъ современное положеніе вопроса объ образованіи рода Equus: „Конеобразныя животныя — предки нашей лошади, а именно Anchitherium и въ послѣдствіи Hipparion, обитали въ Европѣ начиная съ міоценоваго періода. Что касается этого послѣдняго рода, то ископаемые остатки его и въ Россіи найдены въ различныхъ мѣстностяхъ, между прочимъ въ Крыму. Профессоръ Нерингъ, упоминая о присутствіи въ Европѣ означенныхъ дальнихъ предковъ лошади (или вообще рода Equus), старается вывести изъ этого заключеніе, что лошадь могла дифференцироваться (изъ рода Hipparion) точно также въ Европѣ, какъ и въ Азіи. Опровергнуть

Библиотека "Руниверс"

такое заключеніе не такъ легко, такъ какъ дѣйствительно образованіе рода Equus могло произойти и въ той, и въ другой части свѣта, такъ какъ Hipparion (ближайшій предокъ его) существовалъ въ Европѣ и въ Азіи. Если же вѣрно показаніе Уалласа, что родъ Equus появился въ Европѣ лишь въ пліоценовый періодъ, между тѣмъ какъ остатки его найдены въ Индіи уже въ міоценовыхъ отложеніяхъ, то становится болѣе вѣроятнымъ, что родъ Equus образовался не въ Европѣ, а въ Азіи, и что онъ лишь впослѣдствіи, то-есть въ началѣ пліоценоваго періода, перекочевалъ въ Европу. [Изъ Африки, гдѣ родъ Equus имѣетъ нѣсколько представителей, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ свѣдѣній о третичныхъ остаткахъ его и его предковъ]. Не рѣшаясь высказаться положительно въ томъ или другомъ смыслѣ, я однако же не могу не придать особеннаго значенія тому факту, что дикія лошади, начиная съ пліоценоваго времени, составляли постоянныхъ обитателей Европы, черезъ весь дилювіальный періодъ и до поздняго историческаго времени, — между тѣмъ какъ въ Америкѣ онѣ не пережили дилювіальнаго періода". Въ другомъ мѣстѣ, въ числѣ своихъ тезисовъ, г. Кеппенъ ставитъ на первомъ мѣстѣ такой: „Дикая лошадь водилась въ Европѣ, точно также какъ въ Азіи, по крайней мѣрѣ, начиная съ дилювіальнаго періода и непрерывно до поздняго историческаго времени".

По отношенію къ послѣднему тезису можно замѣтить, что онъ принялъ бы болѣе подходящую форму, если бы изъ него были выкинуты лишнія слова: „точно также какъ", „по крайней мѣрѣ", „начиная съ", „непрерывно", то-есть, если бы было сказано: „Дикая лошадь водилась въ Европѣ и въ Азіи, какъ въ дилювіальный періодъ, такъ мѣстами и позже до историческаго времени". Слова „точно также", „по крайней мѣрѣ", „непрерывно" въ данномъ случаѣ излишни; притомъ „непрерывность" для многихъ странъ Европы, по отношенію къ дикой лошади, нельзя и доказать. Повидимому г. Кеппенъ хотѣлъ этимъ выразить, что такъ какъ имѣются многія извѣстія о существованіи въ разныхъ странахъ Европы дикихъ лошадей въ продолженіи исторической эпохи, то значитъ—эти лошади были прямыми потомками дикихъ лошадей дилювіальнаго періода. Однако, это еще не есть убѣдительное доказательство. Такъ, напримѣръ, имѣется одно свидѣтельство (кажется—XIV вѣка), что дикія лошади водились и въ Бельгіи; между тѣмъ, извѣстный бельгійскій палеонтологъ Дюпонъ, основываясь на многочисленныхъ палеонтологическихъ и археологическихъ раскопкахъ, удостовѣряетъ, что ло-

Библиотека "Руниверс"

шадь въ дикомъ состояніи водилась въ Бельгіи только въ продолженіи дилювіальнаго и палеолитическаго періода, тогда какъ въ неолитическій она совершенно исчезла и появилась снова лишь въ металлическій періодъ, но уже въ прирученномъ состояніи [1]). Если же это такъ, то дикая лошадь XIV вѣка была, вѣроятно, скорѣе одичавшею, чѣмъ дикою, и не представляла собою непосредственнаго потомка бельгійской дилювіальной лошади.

Г. Кеппенъ склоняется, повидимому, къ мысли, что родъ Equus образовался въ Европѣ, а не въ Азіи; при этомъ онъ „придаетъ особенное значеніе тому факту, что дикія лошади, начиная (опять начиная?) съ пліоценоваго времени составляли постоянныхъ обитателей Европы;... между тѣмъ какъ въ Америкѣ онѣ не пережили дилювіальнаго періода". Но—при чемъ же тутъ Америка, и почему г. Кеппенъ „придаетъ особенное значеніе" тому факту, что лошадь вымерла въ Америкѣ раньше, чѣмъ въ Европѣ, для подтвержденія того, что родъ Equus образовался скорѣе въ Европѣ, чѣмъ въ Азіи? Вотъ, если бы было извѣстно, что лошадь вымерла ранѣе (геологически) въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ, тогда этому факту можно бы было придавать значеніе, но Америка, въ данномъ случаѣ, для подтвержденія догадки г. Кеппена такого „особаго значенія" имѣть не можетъ. Замѣтимъ кстати, что въ одномъ мѣстѣ г. Кеппенъ говоритъ, что дикая лошадь существовала въ Европѣ — „начиная съ дилювіальнаго періода", а въ другомъ „начиная съ пліоценоваго времени"; что-же по его мнѣнію, болѣе вѣроятно? Едва ли можетъ имѣть значеніе и ссылка въ данномъ случаѣ на Уалласа, который по этому вопросу, конечно, не авторитетъ. Для выясненія геологической древности лошади въ Европѣ, надо обратиться къ изслѣдованіямъ палеонтологовъ, и притомъ новѣйшаго времени, когда стали обращать большее вниманіе на точное опредѣленіе отложеній различныхъ геологическихъ эпохъ. Впрочемъ, уже довольно давно извѣстно (вошло даже въ учебники), что родъ Equus появился въ Европѣ въ пліоценовый періодъ и именно во второй его половинѣ, къ концу его. Въ долинѣ р. Арно, напримѣръ, (въ Италіи) можно было констатировать двѣ пліоценовыхъ фауны, одну—древнѣйшую съ остатками мастодонтовъ и тапировъ, и другую, болѣе позднюю, въ составъ которой входили: громадный слонъ (Elephas meridionalis), гиппопотамъ (Hip. major), носорогъ (Rhinoceros leptorhinus), этрусскій быкъ (Bos etruscus) и —

[1]) *Dupont.* Bull. de la Soc. Belge de Géologie. VI, 1892.

Библиотека "Руниверс"

лошадь. Послѣдняя представлена здѣсь формой *Equus Stenonis* Cochi, которая замѣтно отличается по зубамъ отъ современной лошади, выказывая нѣкоторыя черты сходства съ Hipparion. Впрочемъ, уже въ концѣ пліоцена, а тѣмъ болѣе въ началѣ дилювіальной эпохи, или точнѣе—въ плейстоценѣ — появляются (въ Европѣ) и другія формы рода Equus, отчасти сходныя съ ослами или съ африканскою кваггой, отчасти — настоящія лошади (Eq. quaggoides, Eq. cab. fossilis, Eq. minor и др.), которыя притомъ получаютъ широкое распространеніе, переживаютъ отчасти весь ледниковый періодъ, а нѣкоторыя и весь до-историческій, и даютъ, вѣроятно, начало нѣсколькимъ домашнимъ породамъ, а, можетъ быть, и дикимъ—исторической эпохи.

Подобнымъ образомъ, и въ Азіи родъ Equus появился не ранѣе пліоцена, и показаніе Уалласа, что остатки этого рода найдены въ Индіи въ болѣе древнихъ, міоценовыхъ отложеніяхъ, основано на невѣрномъ прежнемъ опредѣленіи древности Сиваликскихъ холмовъ, третичная фауна коихъ, какъ теперь признано почти всѣми палеонтологами, относится къ пліоцену (а отчасти даже къ плейстоцену). Кромѣ Индіи остатки ископаемыхъ лошадей, въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, были найдены также въ пліоценовыхъ и плейстоценовыхъ отложеніяхъ китайскаго Юннана, Монголіи, сѣверной Персіи (Maragha), что̀ указываетъ на обширное распространеніе этихъ формъ. Но еще большее разнообразіе лошадиныхъ типовъ заключаютъ въ себѣ пліоценовыя и постпліоценовыя отложенія Америки, какъ сѣверной, такъ и южной. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Экуадорѣ, въ Аргентинскихъ пампахъ были найдены многочисленные ихъ остатки, давшіе поводъ палеонтологамъ (Cope, Branco, Burmeister и др.) установить цѣлые десятки ископаемыхъ видовъ (Eq. Andium, curvidens, excelsus, Hippidium и др.)[1]). Африка въ этомъ отношеніи еще мало изслѣдована, тѣмъ не менѣе извѣстно (только не г-ну Кеппену), что остатки ископаемыхъ лошадей были найдены и здѣсь, какъ въ дилювіальныхъ отложеніяхъ Египта, Замбези и т. д., такъ и въ пліоценовыхъ отложеніяхъ Алжира (вмѣстѣ съ Hipparion). Многія изъ этихъ древнихъ формъ выказываетъ однако большее сходство съ типами азіатскихъ ословъ и африканскихъ зебръ, чѣмъ настоящихъ

[1]) Американскіе палеонтологи различаютъ даже „лошадиные пласты“ (Equus Beds) характерные по множеству находимыхъ въ нихъ костей и зубовъ лошадей. Пласты эти, распространенные въ Орегонѣ, Техасѣ и т. д., относятся къ верхнему пліоцену и плейстоцену.

Библиотека "Руниверс"

лошадей. Даже большая часть американскихъ формъ, по замѣчанію Бранко, стоятъ ближе къ ослу и квагтѣ, чѣмъ къ лошади, или представляетъ нѣчто среднее между ними (тоже принимаетъ Копъ для Equus excelsus); тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ азіатскимъ формамъ. Такъ пліоценовый Equus sivalensis, по Лидеккеру, занимаетъ промежуточное положеніе между ископаемымъ Eq. Stenonis и современнымъ E. hemionus (дикимъ осломъ, джигетаемъ); плейстоценовый Eq. namadicus Индіи и нѣкоторые остатки лошадей изъ Юннана, сѣверной Персіи, Монголіи—тоже стоятъ, повидимому, ближе къ осламъ, чѣмъ къ лошадямъ. Впрочемъ, рядомъ съ такими формами, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, существовали и другія, выказывавшія уже въ дилювіальный періодъ всѣ признаки настоящей Eq. Caballus.

И тѣмъ не менѣе, не въ обиду будь сказано г. Кеппену (слѣдующему въ данномъ случаѣ за Нерингомъ), первое появленіе рода Equus, дифференцированіе этого типа, произошло, какъ надо думать, не въ Азіи и не въ Европѣ. Г. Кеппенъ считаетъ непосредственнымъ предкомъ лошади (называя его то „дальнимъ“, то „ближайшимъ“?) гиппаріона (Hipparion), но это весьма сомнительно. Дѣйствительно, ранѣе, когда не были извѣстны другія ископаемыя формы того же ряда, Hipparion признавался предкомъ Equus, но теперь такой взглядъ уже отвергается многими палеонтологами, и на довольно вѣскихъ основаніяхъ. Во первыхъ, гиппаріонъ и въ Индіи, и въ Персіи, и въ сѣверной Африкѣ, и въ Европѣ существовалъ одновременно съ Equus—въ пліоценѣ, и хотя первое появленіе его относится къ эпохѣ болѣе древней, къ міоцену, однако долгое сосуществованіе его съ лошадью заставляетъ видѣть въ немъ скорѣе форму параллельную, чѣмъ прародительскую. Съ другой стороны, и все строеніе Hipparion'a, его carpus и tarsus, его трехпалость (хотя и съ некасающимися земли, зачаточными боковыми пальцами), его коренные зубы спеціальнаго устройства, (верхніе—съ обособленной средней колонкой, съ толстой складчатой эмалью, нижніе—съ отличающимся изгибомъ складокъ), нѣкоторыя особенности его черепа и т. д. все это довольно рѣзко обособляетъ его отъ Equus. Притомъ между обоими типами не было подмѣчено переходныхъ формъ, и хотя видъ Hipparion crassum, изъ пліоцена Руссильона во Франціи, съ болѣе толстымъ среднимъ пальцемъ, и былъ выставленъ Деперэ (Depéret), какъ болѣе близкій къ Equus, однако въ другихъ своихъ признакахъ онъ удерживаетъ существенныя особенности своего типа.

Библиотека "Руниверс"

Подобнымъ же образомъ оставляется теперь и представленіе объ Анхитеріи (Anchitherium), какъ прародичѣ (въ прямой линіи) гиппаріона и лошади, несмотря на прекрасную работу для доказательства такого хода развитія, опубликованную болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, В. О. Ковалевскимъ [1]). Основываясь на тщательномъ изученіи костей конечностей и зубовъ, Ковалевскій старался доказать, что Anchitherium (изъ верхняго эоцена и нижняго міоцена) былъ промежуточнымъ звеномъ между эоценовымъ Palaeotherium medium—ноги котораго были трехпалыя и упирались на всѣ три пальца, и—міоцено-пліоценовымъ Hipparion, у котораго боковые пальцы были зачаточны и не касались земли. Этотъ тщательный анализъ, поведшій къ установленію генезиса типа лошади отъ эоценовыхъ палеотеріевъ, чрезъ формы анхитерія и гиппаріона, обратилъ на себя вниманіе, какъ первый удачный примѣръ фактическаго подтвержденія теоріи эволюціи въ области палеонтологіи. Но съ тѣхъ поръ наука сдѣлала значительные шаги впередъ въ этой области, и въ западныхъ территоріяхъ Соединенныхъ Штатовъ были найдены остатки третичныхъ формъ, разъясняющихъ полнѣе и нагляднѣе генезисъ типа лошади. Профессору Маршу удалось установить по этимъ остаткамъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ, отъ нижне-эоценоваго Eohippus — чрезъ Meso-,Mio-,Proto-Pliohippus—до современнаго Equus. Генеалогія эта была усвоена и европейскими учеными, изъ коихъ Гексли, напримѣръ, изложилъ ее въ одной изъ своихъ популярныхъ статей. Нѣкоторые ученые, правда, (напримѣръ Фохтъ, отчасти также и Копъ) выражали мнѣніе, что типъ лошади могъ дифференцироваться двумя путями, въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, чрезъ смѣну аналогичныхъ, но не тождественныхъ формъ. Однако, такая гипотеза слишкомъ мало вѣроятна, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, европейскій Hipparion настолько отличается отъ Equus, что долженъ быть разсматриваемъ, какъ особая, спеціализированная, параллельная форма. Съ другой стороны, и между Anchitherium и Hipparion существуетъ цѣлая пропасть въ типѣ организаціи, не пополненная еще промежуточными, переходными формами. Все это повело къ тому, что цѣлый рядъ новѣйшихъ изслѣдователей—М. Шлоссеръ, Лидеккеръ, Вилькенсъ, Павлова, Вейтгоферъ, Рогеръ—признаетъ невѣроятнымъ генезисъ типа лошади изъ европейскихъ анхитеріевъ

---

[1]) *V. Kovalevski*, Sur l'Anchitherium aurelianense et sur l'histoire paléontologique des chevaux, въ „Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg". 1873; также—„Остеологія Анхитерія". К. 1873.

Библиотека "Руниверс"

и гиппаріоновъ [1]). Сомнительнымъ признается также и связь прародичей лошади съ палеотеріями, которые составляли, по всей вѣроятности, особую, боковую, вымершую вѣтвь. Древнѣйшимъ прародичемъ лошади былъ, повидимому, эоценовый Hyracotherium, имѣвшій четырехпалыя переднія и трехпалыя заднія конечности, но черепъ котораго уже нѣсколько напоминалъ лошадиный [2]). Дальнѣйшими стадіями (въ Сѣверной Америкѣ) были эоценовые Eohippus, Orohippus и міоценовые Mesohippus и Miohippus. Mesohippus былъ сходенъ съ европейскимъ Anchitherium, также трехпалый, на коренные зубы его и черепъ болѣе подходили къ лошадинымъ; ростомъ извѣстный видъ былъ съ большую собаку (водолаза), имѣлъ болѣе короткую, чѣмъ у лошади, морду, съ большими, выдвинутыми напередъ глазницами, пястье и плюсно у него были короче, и на заднихъ ногахъ онъ былъ выше, чѣмъ на переднихъ. Наслѣдниками его были пліоценовые Proto- и Pliohippus, аналогичные гиппаріонамъ, но болѣе близкіе по своей организаціи къ Equus, какъ о томъ можно судить по зубамъ и по редукціи костей конечностей (ulna и fibula). (У Pliohippus, впрочемъ, хотя на боковыхъ пальцахъ уже нѣтъ фалангъ, коренные зубы представляютъ большее упрощеніе, чѣмъ у лошади, такъ что это, повидимому, была спеціализированная форма и не прародичъ Equus). Въ верхнемъ пліоценѣ и плейстоценѣ формы эти смѣняются уже видами Equus и Hippidium; послѣдній сохранилъ еще одинъ боковой (2-ой) палецъ, но вообще эта была форма, повидимому, параллельная Equus [3]). И такъ, генезисъ типа лошади надо искать въ Сѣверной Америкѣ, а не въ Азіи или Европѣ, что, очевидно, осталось совершенно неизвѣстнымъ г. Кеппену. Отсюда, изъ Америки, формы эти перешли въ Старый Свѣтъ, появившись почти одновременно, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи (вѣроятно, также и въ Африкѣ).

Вторымъ тезисомъ въ своемъ „Заключеніи“ г. Кеппенъ, слѣдуя Нерингу, ставитъ слѣдующій: „Начиная съ дилювіальнаго времени

[1]) *M. Schlosser*, Beiträge zur Stammesgeschichte der Hufthiere, въ „Morphol. Jahrbuch“, Bd. XII, 1886.; *Weithofer*, Beiträge zur Kenntniss der Fauna von Pikermi bei Athen. 1888; *Roger*, Ueber die Umbildung des Säugethiergebisses und die Entwickelungsgeschichte der Pferde. 1889. М. Шлоссеръ полагаетъ, что вообще всѣ непарнопалыя — носороги, лошади и др. развились въ Америкѣ, а парнопалыя—аноплотеріи, цэнотеріи и т д. въ Европѣ.

[2]) Прародичемъ Hyracotherium былъ, вѣроятно, пятипалый Phaenacodus.

[3]) Mesohippus и Protohippus связываются между собою рядомъ переходныхъ формъ—Meryhippus, Hypohippus, Parahippus—къ сожалѣнію, еще недостаточно извѣстныхъ.

Библиотека "Руниверс"

дикая лошадь существовала въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, въ двухъ разновидностяхъ или породахъ, а именно: 1) Тяжелая рослая лошадь западнаго или длинноголоваго типа, и 2) болѣе легкая, малорослая лошадь восточнаго или короткоголоваго типа". По отношенію къ этому тезису можно сказать, что, насколько извѣстно, крайнія степени въ развитіи роста, сложенія, формѣ черепа и т. д. образовались уже благодаря культурѣ, вслѣдствіе искусственнаго подбора; въ диллювіальный же и доисторическій періодъ дикая лошадь едва ли представляла столь рѣзкія различія въ своемъ типѣ. Но несомнѣнно, что уже и тогда, въ различныхъ мѣстностяхъ она представляла варіаціи, какъ то доказываютъ изслѣдованія Наумана, Нерінга и другихъ. Кромѣ того, въ теченіе нѣкоторыхъ эпохъ и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, встрѣчались еще, повидимому, въ Европѣ дикіе ослы (тождественные или сходные съ азіатскими куланами) и даже зебро — или квагтообразныя формы [1]). Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ формъ покуда еще недостаточно изучены, и мы не можемъ составить себѣ вполнѣ яснаго представленія объ ихъ типѣ. Это справедливо въ особенности по отношенію къ формамъ древнѣйшаго періода, палеолитическаго и плейстоценоваго, тогда какъ, напримѣръ, домашняя порода свайныхъ построекъ, представленная многими (найденными до сихъ поръ) цѣльными черепами, изучена болѣе обстоятельно. Вообще, можно сказать, что дикая лошадь палеолитическаго періода не отличалась замѣтно отъ многихъ, болѣе первобытныхъ современныхъ европейскихъ породъ домашней лошади. Такъ, напримѣръ, по изслѣдованіямъ Туссена, лошадь Солютрэ была очень близка по своему типу къ современной породѣ Брессы (Bresse) и Бургундіи, только немного помельче; остатки лошади, найденные въ Тайнингенской пещерѣ, указываютъ на породу, сходную по величинѣ съ современною—среднихъ размѣровъ, только съ нѣсколько болѣе тонкими ногами; черепъ, найденный въ лёссѣ Ремагена (на Рейнѣ), выказываетъ сходство съ черепомъ болѣе рослой, сѣверогерманской породы [2]). Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія

[1]) Дикій оселъ, куланъ, встрѣчался, повидимому, нерѣдко въ Европѣ (вмѣстѣ съ сайгою и другими степными формами) въ эпоху, слѣдовавшую за ледниковой, когда здѣсь еще не получилъ того развитія лѣсъ, какъ къ началу исторической эпохи, Ср. *Weithofer*, Ueber d. Vorkommen von Eselresten etc. Annalen d. K. K. naturh. Museums. 1887. III.

[2]) Описаніе Toussaint' см. *Mortillet*, Le Préhistorique. P. 1883, p. 382; о лошади изъ Тайнингенской пещеры см. *Merk*, Der Höhlenfund im Kesslerloch bei Thayngen. Zür. 1875 S. 9.; *Rütimeyer*, Die Knochenhöhle von Thayingen, въ „Archiv für Anthropologie". VIII, 1875; *Nehring*, Fossile Pferde l. c.

Библиотека "Руниверс"

о типѣ древнѣйшей лошади (именно палеолитическаго періода) даютъ, правда, изображенія ея, сдѣланныя рельефно или нарѣзами, на кости, оленьемъ рогѣ, пластинкахъ бураго угля и т. д., первобытными охотниками-художниками, но изображенія эти, найденныя въ нѣсколькихъ французскихъ и швейцарскихъ пещерахъ, настолько разнообразны по характеру и исполненію, что трудно сказать, насколько тѣ или иныя изъ нихъ соотвѣтствуютъ больше дѣйствительности. Такъ, изображенія на оленьемъ рогѣ изъ гротта Madelaine (изслѣдованномъ Лартэ и Христи) представляютъ характерныхъ горбоносыхъ лошадокъ съ стоячей гривой и довольно густымъ хвостомъ: такой же хвостъ выказываютъ лошади, изображенныя на костяныхъ пластинкахъ, найденныхъ въ Брюникельской пещерѣ и въ Langerie-Basse. Напротивъ того, рѣзныя (скульптурныя) изображенія лошадиныхъ головъ на оленьемъ рогѣ изъ гротта Mas d'Azil, вовсе не выказываютъ горбоносости, и линія ихъ профиля представляетъ характерный выгибъ на границѣ лобной и носовой частей. Иной опять типъ представляютъ изображенія лошадей, найденныя въ Тайингенской пещерѣ; это была, повидимому, порода густоволосая съ стоячей гривой, съ длинными волосами на нижней челюсти, но съ тонкимъ маловолосистымъ хвостомъ, удлиненной мордой, выпуклымъ лбомъ и тонкими конечностями. Видѣть въ этой послѣдней породѣ сходство съ тарпаномъ, какъ это полагаетъ возможнымъ г. Кеппенъ, едва ли есть достаточныя основанія, тѣмъ болѣе, что самыя кости лошадей изъ Тайингенской пещеры, судя по ихъ описанію Меркомъ и Рютимейеромъ, выказываютъ обыкновенные средніе размѣры, притомъ еще съ довольно значительными колебаніями [1]).

Въ третьемъ своемъ тезисѣ г. Кеппенъ утверждаетъ, что „въ южной и югозападной (европейской) Россіи водился дико тарпанъ—начиная съ

[1]) Изображенія лошадей палеолитическихъ художниковъ можно видѣть въ изданіяхъ: *Lartet* et *Christy*, Reliquiae Aquitanicae, *Mortillet*, Album préhistorique, *Cartailhac*, La France préhistorique, *Merk*, *Rütimeyer*, Höhle von Thayingen. Года три тому назадъ д-ръ Нюэшъ опубликовалъ изображенія лошадей на пластинкахъ изъ известняка, найденныхъ имъ въ Швейцерсбильдѣ около Шафгаузена, но они мало характерны. См. Verh. d. Berl. Ges. für. Anthropologie 1892. S. 533 Taf. X. Недавно мнѣ привелось видѣть фотографіи съ этихъ изображеній; на нихъ можно разобрать, что на одной пластинкѣ изображены, повидимому, ослы, а на другой пара лошадей съ стоячими гривами и прямымъ профилемъ, не горбоносыя. Статуэтка лошади, найденная въ одной пещерѣ близъ Лурда и описанная Пьеттомъ, признается нѣкоторыми поддѣльною; см. *Piette*, L'équidé tacheté de Lourdes, въ „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris", 1892. p. 436. pl. I.

Библиотека "Руниверс"

дилювіальнаго періода вплоть до самаго недавняго времени". Любопытно, что въ началѣ своей статьи, г. Кеппенъ опредѣляетъ географическое распространеніе тарпана иначе, именно онъ говоритъ: „подъ тарпаномъ въ южной и *юго-восточной* Россіи, а также въ Киргизской степи, до самаго недавняго времени, понимали особую породу дикой лошади". Повидимому, однако, составляя свою статью, авторъ пришелъ въ сомнѣніе, жили ли настоящіе тарпаны въ Киргизской степи и на юго-востокѣ Европейской Россіи, а потому, заканчивая ее, рѣшилъ ограничить мѣсто обитанія тарпановъ только южною и юго-западною Россіей. Что здѣсь существовали тарпаны, это не подлежитъ сомнѣнію, но съ какого времени, данныхъ для рѣшенія этого вопроса у насъ не имѣется. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, чтобы тарпанъ жилъ здѣсь „начиная съ дилювіальнаго періода". Ископаемые остатки лошадей, правда, были находимы неоднократно въ южной Россіи: Нордманъ и Эйхвальдъ, на основаніи костей, найденныхъ около Одессы, въ Подоліи и Бессарабіи, установили даже нѣсколько видовъ ихъ, (въ томъ числѣ два—ословъ); много ископаемыхъ лошадиныхъ зубовъ и костей было собрано также профессоромъ Роговичемъ и другими. Но, во первыхъ, всѣ эти остатки слишкомъ фрагментарны, а, во вторыхъ, никто еще не сравнивалъ ихъ со скелетомъ тарпана, а потому и нѣтъ научныхъ основаній для утвержденія, что тарпанъ водился въ южной Россіи „начиная съ дилювіальнаго періода". Мы не имѣемъ даже свидѣтельства о существованіи здѣсь дикихъ лошадей въ историческую эпоху, ранѣе XII вѣка. Г. Кеппенъ, правда, ссылается на Геродота, упоминающаго о какихъ то ἵπποι ἄγριοι λευκοί и полагаетъ, что λευκός можно толковать и какъ вообще свѣтлый, въ томъ числѣ и „мышастый" цвѣтъ. Но это представляется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что два самыхъ извѣстныхъ экземпляра тарпана, остатки коихъ сохраняются въ Петербургскомъ и Московскомъ музеяхъ, были одинъ—гнѣдого, другой—темномышастаго цвѣта, съ чернобурой гривой и хвостомъ, а эти цвѣта едва ли подходятъ подъ понятіе λευκός. Скорѣе этотъ эпитетъ примѣнимъ къ свѣтложелтоватымъ и красноватымъ мастямъ, къ буланой, саврасой, рыжей впрожелть, игреней, каурой съ подпалинами и т. п., то-есть, къ мастямъ, типичнымъ для дикихъословъ, кулановъ и джигетаевъ, и для дикой джунгарской лошади (Equus Przewalskii). Монгольское названіе *хуланъ*, *куланъ* обусловлено, очевидно, мастью; *хула* по монгольски значитъ „саврасый", по другому толкованію—„чалый", что соотвѣтствуетъ (по словарямъ) персидско-тюркскому

Библиотека "Руниверс"

гігрѣн, откуда, вѣроятно, наше „игреный, игреневый“. Возможно, что въ эпоху Геродота (V вѣкъ до Р. Х.) въ Скиѳіи еще водились дикіе ослы, подобно тому, какъ еще гораздо позже здѣсь водилось другое типичное степное животное, сайга, нынѣ встрѣчающееся только за Волгой, въ Калмыцкой степи и далѣе къ востоку. Въ доисторическую же эпоху, въ палеолитическій періодъ, сайга встрѣчалась даже во Франціи, въ Германіи же и Австріи въ то время жили многія степныя формы: сайги, куланы, суслики, тушканчики и т. д., какъ это особенно доказано изслѣдованіями Нерінга.

Наиболѣе важный тезисъ г. Кеппена, которому онъ самъ придаетъ наибольшее значеніе, есть 6-й: „Тарпанъ составлялъ особую породу дикой лошади, принадлежавшую къ типу восточному или короткоголовому“. Г. Кеппенъ старается доказать, что этотъ южнорусскій тарпанъ былъ прямымъ потомкомъ малорослой, широколобой, дикой европейской лошади диллювіальнаго періода, или точнѣе, представлялъ собою ту же самую породу, сохранившуюся непрерывно до поздняго историческаго времени. Какъ далеко распространялась эта дикая порода на востокъ, остается неяснымъ, но г. Кеппенъ склоненъ искать тарпановъ даже въ Центральной Азіи. Онъ сопоставляетъ названіе дикой лошади *тарпанъ* съ названіемъ мѣстности, *Турфанъ*, и полагаетъ, „что означенная мѣстность получила свое названіе по тарпану, какъ наиболѣе характеристичному животному, въ ней обитающему“, въ родѣ того, какъ по Шотту названіе горъ *Тарбагатай* можетъ быть произведено отъ монгольскаго слова *тарбаганъ*, обозначающаго весьма распространеннаго тамъ байбака (Arctomys). Но, если объясненіе Шотта, въ приложеніи къ Тарбагатаю, вѣроятно, то догадка г. Кеппена едва ли можетъ быть признана удачною. Во-первыхъ, въ Турфанской котловинѣ никакихъ дикихъ лошадей теперь нѣтъ (Equus Przewalskii встрѣчается только градуса на два сѣвернѣе, за горами Богдо-ола, къ с. отъ Гучена, въ пескахъ Центральной Джунгаріи), да, вѣроятно, не было и прежде, въ историческую эпоху, а эпоха эта начинается для Турфана очень рано. въ первые вѣка нашей эры, а въ IX вѣкѣ онъ входилъ уже въ составъ могущественнаго Уйгурскаго царства. И теперь еще здѣшніе центры—Турфанъ, Лукчунъ, Пичанъ, Токсунъ—играютъ роль довольно значительныхъ торговыхъ и административныхъ пунктовъ, но въ настоящее время это страна разоренная. обѣднѣвшая, носящая на себѣ только тѣнь своего прежняго величія, слѣды котораго указываютъ многія развалины укрѣпленій, буддійскихъ храмовъ, ирriга-

Библиотека "Руниверс"

ціонныхъ сооруженій и т. д. Съ другой стороны, и по отношенію къ тюркской фонетикѣ, переходъ *тарпан* въ *турфан* едва ли возможенъ; скорѣе (хотя также мало) вѣроятна связь съ *тархан* (*трхан*)—примѣнявшимся у тюрковъ къ обозначенію особаго, привеллигированнаго класса людей и бывшаго также собственнымъ именемъ одного изъ джагайтскихъ племенъ[1]). Замѣтимъ кстати, что названіе лошади—*тарпанъ*—не построено по типу другихъ тюркскихъ названій для дикихъ лошадей и ословъ, въ родѣ *куланъ* (саврасый), *кёртагъ* (каурый), *суртагъ* (мышасто-пѣгій). Всѣ такія названія основаны, какъ видно, на масти, характеристичной для той или иной породы, но названіе „тарпанъ“ въ связи съ названіемъ какого-либо цвѣта не стоитъ. Спеціалисты, къ которымъ я обращался, сопоставляли его съ киргизскимъ *тарпымак* — „лягаться“ или тюрк. *тор* — „молодой, невыѣзжейный“ (ср. *торлак* — „неопытный, неукрощенный“), — названіе, которое можетъ быть придано всякой неукрощенной лошади, какъ дикой, такъ и одичалой, и даже домашней, какой бы она ни была масти[2]).

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ г. Кеппенъ придаетъ однако названіе „тарпанъ“—дикой лошади Южной Россіи, водившейся на пространствѣ отъ Воронежскихъ (Гмелинъ) до Херсонскихъ и Таврическихъ степей (Шатиловъ и др.). Онъ полагаетъ, что это была исконная дикая порода съ постоянными типичными и характерными признаками, выражавшимися въ масти, формѣ головы, ростѣ и т. д. Посмотримъ, насколько имѣющіяся описанія тарпановъ сходны между собою въ опредѣленіи этихъ признаковъ. По словамъ большинства наблюдателей, тарпаны были небольшаго роста (бар. Будбергъ — упоминаетъ о „среднемъ“), но такой ростъ имѣютъ и многія первобытныя породы домашнихъ лошадей, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, степныхъ. Относительно сложенія Фалькъ называетъ ихъ „тощими“ (mager), бар. Будбергъ „очень тучными“; многіе утверждаютъ, что видъ тарпановъ былъ „неуклюжій“, но экземпляръ, бывшій въ 80-хъ годахъ въ Моск. Зоолог. саду, никакою неуклюжестью не выдѣлялся. Нордманъ, описывая одну, яко-бы дикую лошадь, говоритъ, что она отличалась

---

[1]) А, можетъ быть, *фанъ* здѣсь китайскаго происхожденія, ср. напримѣръ, *фан-дза* домъ, селеніе и пр.

[2]) Монгольское названіе дикаго осла—*джигетай, джигетей*—означаетъ, по Балліону, „ушастый“, отъ *джиге*—„ухо“ (*Балліонъ*, Опытъ изслѣдованія о русскихъ названіяхъ млекопитающихъ животныхъ. Каз. 1858, стр. 26); „тей“, несомнѣнно, характеризуетъ собою прилагательное.

Библиотека "Руниверс"

„тонкими“ ногами, наоборотъ, Шлаттеръ—называетъ ноги тарпановъ „толстыми“; экземпляръ Московскаго зоологическаго сада имѣлъ ноги „сухія и постановку ногъ правильную, какъ у хорошей арабской лошади“, съ бабками и копытами среднихъ размѣровъ; по многимъ показаніямъ — копыта были стройныя, высокія, („стаканчикомъ“). Бопланъ же (въ XVII вѣкѣ) упоминаетъ о толстыхъ, разрастающихся копытахъ. Большинство показаній отмѣчаетъ большую, толстую (даже „уродливую“) голову тарпановъ, но экземпляръ зоологическаго сада имѣлъ голову „сухую, не слишкомъ тяжелую“ [1]). По многимъ свидѣтельствамъ, лобъ у тарпана былъ выпуклый (Палласъ, Эверсманъ, Шатиловскій экземпляръ), Корнисъ—называлъ его „широкимъ“, Рычковъ — тоже, но „съ западинами“, Черскій описываетъ черепъ тарпана, какъ „среднелобый, съ плоскимъ лбомъ, наклоненнымъ къ корню носа и вдавленнымъ между глазницами“. Еще большее разнорѣчіе можетъ быть констатировано относительно ушей: Іеншъ называетъ ихъ „пропорціональными“, Корнисъ—„малыми“, Фалькъ—„большими, подвижными“, Шлаттеръ — „длинными и загнутыми взадъ“, Эверсманъ—„длинными и острыми, длиннѣе, чѣмъ у домашней лошади и на концахъ перегнутыми назадъ“, Палласъ — „немного длиннѣе лошадиныхъ и на концахъ серпообразно загнутыми“; экземпляръ зоологическаго сада имѣлъ уши „весьма подвижныя, остроконечныя, съ

---

[1]) Г. Левченко („Исчезнувшія и исчезающія Южной Россіи животныя“, въ *Кіевской Старинѣ*, 1882 г., III (августъ), стр. 374) сообщаетъ, что разказы очевидцевъ о тарпанахъ „нѣсколько расходятся: одни говорили, что эти лошади, не смотря на свою быстроту, были некрасивы, большеголовыя и съ грубыми копытами; по разказамъ же другихъ, дикія лошади представляли собою въ миніатюрѣ идеалъ этого благороднаго животнаго: онѣ были очень стройны, имѣли маленькія сухія головки съ большими выразительными глазами, тонкія шеи и копыта крѣпкія—„стаканчикомъ“. Такіе, болѣе красивые экземпляры (съ утонченною шеей, сухою головой и т. д.) нѣкоторыми (напр. Шатиловымъ) считались за ублюдковъ; напротивъ того, другіе въ нихъ то и видѣли настоящихъ тарпановъ. Такъ, по словамъ г. Левченко, „М. Е. Шварцъ, начальствовавшій долгое время цѣлымъ округомъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, и много разъ видѣвшій дикихъ лошадей, именно въ послѣднемъ видѣ описывалъ ихъ. Некрасивыя-же особи, по его мнѣнію, были ничѣмъ инымъ, какъ помѣсью съ простыми домашними лошадьми, потому что дикіе жеребцы по временамъ подкрадывались къ пасшимся домашнимъ лошадямъ и уводили съ собою кобылъ“. По словамъ Андреевскаго („Путевыя замѣтки при объѣздѣ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ“. Од. 1839, стр. 39), „одни изъ нихъ (тарпановъ) неуклюжаго вида, другіе имѣютъ сходство съ домашними кобылами, которыхъ нерѣдко отбиваютъ изъ табуновъ“.

Библиотека "Руниверс"

значительною выемкой на внутренномъ краѣ, но не длинныя"; по словамъ Гмелина—уши были или „острыя, величиной съ лошадиныя", или „длинныя, почти какъ у осла, повислыя"; Шатиловъ тоже замѣчаетъ, что одни экземпляры имѣли „острыя" уши, у другихъ же они „не могли быть названы острыми, хотя были и не вполнѣ висячія". Относительно хвоста тоже встрѣчаются разногласія: по Іеншу — онъ средней величины, Шатиловскій экземпляръ имѣлъ хвостъ волосистый, довольно густой; другіе наблюдатели говорятъ о „болѣе или менѣе волосистомъ, нокороче, чѣмъ у домашней лошади"; Фалькъ называетъ его „тонкимъ и короткимъ", Палласъ — „мало волосистымъ". Масть тарпана большинство называетъ „мышастою", съ чернымъ (темнымъ) ремнемъ вдоль спины, но экземпляръ Академіи Наукъ, по словамъ Брандта, былъ „гнѣдой", а экземпляръ Московскаго зоологическаго сада—„темно-мышастый, съ подпалинами, ноги въ нижнихъ частяхъ черныя, чолка, грива и хвостъ—чернобурые". Гмелинъ опредѣляетъ цвѣтъ видѣнныхъ имъ тарпановъ, какъ „буромышастый" (mausbraun), но замѣчаетъ, что „писатели говорятъ также о бѣлыхъ и пепелистыхъ"; Радде называетъ его то „бурымъ" (braun), то „мышастымъ"; Іессенъ—видѣлъ одного чало-желтаго (fahlgelb), другаго—сѣро-мышинаго цвѣта. По Фальку тарпаны были „буропѣгіе" или „красноваторыжіе" (fuchsfarben), Колчановъ говоритъ о „свѣтлопѣгихъ", замѣчая, что жеребята имѣютъ „рыжеватый" оттѣнокъ, Юнкеръ, что въ молодости тарпаны бываютъ „рыжеватые", позже становятся „мышастыми". Тимофеевъ — опредѣляетъ масть, какъ „пепельную", Эверсманъ—какъ „сѣрую" или „песочную", съ темнобурою полосой вдоль спины и хвостомъ, Палласъ—какъ „буро-сѣрую" или—„pallido" (саврасую?), но, по его словамъ, „бываютъ и другихъ мастей", Рычковъ—какъ „саврасую" и „голубую" („бываютъ и другихъ цвѣтовъ, но рѣдко"), Левшинъ—какъ „свѣтлую, голубоватую", Кондараки и Зеленкевичъ — какъ „сѣро-земляностую", Шлаттеръ—какъ соловую (isabell). Большинство отмѣчаетъ идущую вдоль спины полосу (или „черный ремень"), другіе наблюдали также и поперечную темную полосу, на загривкѣ (но у экземпляра Московскаго зоологическаго сада ея не было), иные, наконецъ, и темныя полосы на переднихъ ногахъ („едва замѣтныя" у Московскаго экземпляра). Качество шерсти тоже опредѣляется не всегда одинаково: экземпляръ зоологическаго сада имѣлъ обыкновенную, „довольно густую, не длинную" шерсть, другіе называютъ ее „очень длинною, грубою". Гме-

Библиотека "Руниверс"

линъ—сравнивалъ её съ мѣхомъ [1]). Къ этому можно прибавить, что одни считали тарпана слабѣе обыкновенной лошади, другіе (Юнкеръ) вдвое сильнѣе; одни—такъ быстрыми, что ихъ невозможно догнать, другіе (Бопланъ) не способными къ быстрому бѣгу; одни приводили примѣры приученія тарпановъ къ ѣздѣ въ упряжи и подъ верхъ, другіе утверждали, что тарпанъ не можетъ быть укрощенъ и скоро издыхаетъ въ неволѣ; одни доказывали коренное отличіе тарпановъ яко-бы неспособностью ихъ давать потомство отъ слученія съ домашними кобылами (Корелинъ), большинство же утверждаетъ, что тарпаны-жеребцы нерѣдко отбивали домашнихъ кобылъ, которыя и производили отъ нихъ ублюдковъ. Послѣднее не можетъ подлежать сомнѣнію и подтверждается рядомъ компетентныхъ свидѣтельствъ. Такъ, Гмелинъ, охотясь за тарпанами въ 1768 г. въ Воронежскихъ степяхъ, замѣтилъ, что въ числѣ убитыхъ были одинъ ублюдокъ и одна—очевидно домашняя—кобыла. Палласъ, въ своей характеристикѣ тарпановъ, указываетъ на то, что они нерѣдко отбиваютъ или увлекаютъ домашнихъ лошадей изъ табуновъ. Андреевскій, говоря въ 1835 г. о Херсонскихъ степяхъ, сообщаетъ то же самое, прибавляя, что одинъ извѣстный косякъ состоялъ почти весь изъ завербованныхъ кобылъ. Колчановъ указываетъ, что степныя лошади имѣютъ пристрастіе къ тарпанамъ, и нерѣдко жеребцы-тарпаны отбиваютъ домашнихъ кобылъ изъ табуновъ. Іеншъ сообщаетъ, что въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, существовали 4 косяка изъ 60 головъ, третья часть коихъ состояла изъ лошадей одичалыхъ. По словамъ Зеленковича, въ 1868 г., извѣстенъ былъ одинъ косякъ тарпановъ въ 9 штукъ, изъ коихъ только четыре имѣли первобытный видъ (масть), а остальныя были, очевидно, ублюдками отъ домашнихъ лошадей. Г. Левченко приводитъ свидѣтельство г. Шварца, что „случалось даже издали видѣть въ стадѣ дикихъ лошадей—домашнихъ лошадей съ остатками упряжи“; тоже разказываетъ Афанасьевъ-Чужбинскій, именно, что въ косякахъ дикихъ лошадей „видали иногда лошадей въ хомутахъ, ибо дикій жеребецъ отбивалъ

[1]) Какъ мнѣ любезно сообщаетъ В. Н. Ястребовъ, — священникъ Іоаннъ Романенко, видѣвшій дикаго коня въ 1845 г., въ конюшнѣ окружнаго командира военныхъ поселеній полк. Тунеберга въ г. Вознесенскѣ, описываетъ его какъ небольшого роста, мышастой масти, съ большою головой, безъ гривы, густо покрытымъ шерстью и съ бородою, съ огненными живыми глазами. О ремнѣ разказчикъ не упоминалъ.

Библиотека "Руниверс"

при случаѣ упряжныхъ кобылъ, которыя, бывъ отпущены какимъ-нибудь проѣзжимъ на пашу, удалялись отъ дороги" [1]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что уже съ половины XVIII вѣка косяки тарпановъ состояли на одну треть или болѣе изъ отбитыхъ домашнихъ кобылъ и ублюдковъ. Это обстоятельство, въ связи съ противорѣчивыми показаніями о признакахъ тарпановъ, и было причиною того, что многіе натуралисты приходили къ сомнѣнію относительно самостоятельности тарпановъ, какъ дикой породы. Къ числу такихъ сомнѣвающихся принадлежали: Палласъ, А. Вагнеръ, Брандтъ, Фит-

---

[1]) Приведенныя опредѣленія признаковъ тарпана разными наблюдателями заимствованы, большей частью, изъ показаній, собранныхъ у самого г. Кеппена. Впрочемъ, не смотря на старательный подборъ свѣдѣній, г. Кеппенъ все-таки кое что и пропустилъ, и даже такое, что могло бы пригодиться ему для вящаго доказательства существованія тарпановъ до послѣдняго времени. Укажу, напр., на *Кондараки*, „Въ память столѣтія Крыма". Естественный Отдѣлъ. М. 1883, стр. 388, гдѣ сказано, между прочимъ, что „въ Днѣпровскомъ уѣздѣ остается нынѣ (1883 г.), если вѣрить мѣстнымъ жителямъ, не болѣе 10-ти кобылицъ съ однимъ жеребцемъ". Г. *Левченко* слышалъ однако „отъ очевидцевъ", что „въ послѣдній разъ въ Херсонской губ. тарпановъ видѣли въ 1856 г., въ Херсонскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ г. Николаева, недалеко отъ бывшаго военнаго поселенія Новый Бугъ". По собраннымъ имъ же свѣдѣніямъ, „въ Херсонскомъ уѣздѣ дикія лошади долго еще держались въ другомъ углу, въ урочищѣ „Шестерня", близъ с. Ново-Воронцовки, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега Днѣпра и верстахъ въ 60 отъ Херсона". Дѣйствительно, объ этой мѣстности (около с. Заводовки кн. Кочубея, селенія Каиры, или Князь-Григорьевки, бывш. Рахмановой, затѣмъ кн. Оболенской и др.) упоминаютъ и Шаталовъ, и Андреевскій, и Зеленковичъ, и *Афанасьевъ-Чужбинскій*. По словамъ послѣдняго („Поѣздка въ Южную Россію. Ч. I. Очерки Днѣпра. С.-Пб. 1863, стр. 379), „не болѣе, какъ лѣтъ двадцать назадъ (то-есть, въ 40-хъ годахъ) у каирскихъ поселянъ бывали дикія лошади, разумѣется пойманныя жеребятами, но онѣ никогда не привыкали къ человѣку и не годились въ упряжь... Объ этихъ дикихъ лошадяхъ разсказываютъ, что и теперь еще въ глухихъ степяхъ, гдѣ рѣже населеніе — попадаются въ небольшомъ количествѣ... Обыкновенно цѣлымъ табуномъ кобылицъ завѣдывалъ жеребецъ, который, слѣдуя къ водопою и обратно, высматривалъ всегда на курганы и зорко осматривалъ мѣстность. При малѣйшей опасности онъ угонялъ табунъ въ степь съ неимовѣрною быстротою". Въ народныхъ преданіяхъ говорится даже, что дикіе жеребцы-тарпаны такъ часто отбивали домашнихъ кобылъ и такъ смѣло нападали на проѣзжающихъ, что по дорогамъ „багацько було валяется колисъ, обиддя, оглобель та дробинъ зъ возивъ; то все дики жеребци ломаютъ у произжаючихъ людей возы, якъ одбиваютъ кобылъ" (*Эварницкій*, „Число и порядокъ Запор. Сѣчей, съ топограф. очеркомъ Запорожья", Кіевъ 1884, стр. 82; разказъ, записанный въ дер. Богодарѣ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.).

Библиотека "Руниверс"

цинцеръ, Бремъ, М. Н. Богдановъ, И. С. Поляковъ. Особенно подозрительнымъ представлялось то обстоятельство, что по изслѣдованіямъ Сѣверцова, Радде и М. Н. Богданова (въ 50-хъ, 60-хъ, 70-хъ годахъ), дикія лошади не были найдены нигдѣ на юго-востокѣ Россіи, ни въ Калмыцкой, ни въ Оренбургской, ни въ Киргизскихъ степяхъ, ни въ Сибири, ни въ Закаспійскомъ краѣ, ни въ Туркестанѣ, не смотря на то, что присутствіе ихъ въ Оренбургскомъ краѣ утверждалось ранѣе Палласомъ и Эверсманомъ, въ Киргизскихъ степяхъ—Левшинымъ, въ Кубанской, Кумыкской, Калмыцкой, Барабинской степяхъ—Фалькомъ [1]).

Но г. Кеппенъ отважнѣе всѣхъ упомянутыхъ натуралистовъ. Онъ не только не сомнѣвается еще въ недавнемъ существованіи въ Южной Россіи „совершенно особой породы дикихъ лошадей", тарпановъ („отнюдь не смѣси, происшедшей отъ одичавшихъ домашнихъ лошадей"), но положительно утверждаетъ, что тарпанъ „составлялъ нѣчто среднее между Греевскими родами Equus и Asinus" (стр. 145) и „изъ всѣхъ дикихъ лошадей наиболѣе приближался къ ослу" (149). Приближеніе это г. Кеппенъ видитъ: 1) въ постоянномъ присутствіи

---

[1]) *Баллюзъ* („Опытъ и пр.", 1858, стр. 26) замѣчаетъ: „Составляютъ ли тарпаны или дикія лошади отдѣльную породу или онѣ въ самомъ дѣлѣ только одичалыя, положительно до сихъ поръ еще не рѣшено. Проф. Эверсманъ готовъ принять ихъ за отдѣльную породу, другіе же ученые, въ томъ числѣ и Палласъ, считаютъ ихъ только одичалыми лошадьми" Акад. *Брандтъ* писалъ въ 1871 г. (Bull. de l'Acad. des Sc. St.-Pét., XV, 1871, p. 184) „Не смотря на всѣ старанія, я не могъ получить изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ якобы водятся дикія лошади, ни шкуры ихъ, ни вполнѣ достовѣрнаго свѣдѣнія объ ихъ современномъ тамъ существованіи. Экземпляръ, происходящій, будто бы, отъ дикихъ, и присланный живымъ въ Зоологическій музей Академіи, подъ названіемъ тарпана, походилъ весьма на пони, былъ довольно ручной и не выказывалъ ни масти, ни другихъ признаковъ дикой лошади. Поэтому, съ своей стороны я предпочитаю считать открытымъ вопросъ — слѣдуетъ ли признавать описанныхъ Палласомъ и Эверсманомъ, такъ-называемыхъ equiferi, за настоящихъ дикихъ лошадей, или за происшедшихъ отъ убѣжавшихъ и одичавшихъ домашнихъ. Уже Окенъ (Naturgesch. Zool. Bd. IV. Abth. 2. S. 1258) говоритъ: „упоминаемыя Палласомъ, въ его путешествіи по Южной Россіи, дикія лошади были, повидимому, одичавшія или же дикіе ослы (hemioni)". — *М. Н. Богдановъ* („Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизылъ-Кумъ", Ташк. 1882, стр. 80) замѣчаетъ: „Мнѣнскаго тарпана, дикой лошади (Equus caballus equiferus Pall.), созданнаго воображеніемъ нѣмецкихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія, нѣтъ нигдѣ въ пустыняхъ по обѣ стороны Аму-Дарьи". *Назаровъ* говоритъ о тарпанахъ въ Оренбургскомъ краѣ, какъ о водившихся, по преданію, когда-то очень давно.

Библиотека "Руниверс"

спиннаго ремня (или темной полосы вдоль спины), 2) въ присутствіи только 5 поясничныхъ позвонковъ и 3) въ отсутствіи („вѣроятно — весьма частомъ“ (?)) каштанчиковъ (мозолей) на заднихъ ногахъ. Но, что касается до перваго признака, то, не говоря уже о томъ, что во многихъ показаніяхъ онъ не значится, онъ не составляетъ рѣдкости и у домашнихъ лошадей. Дарвинъ говоритъ: „Лошади всевозможныхъ мастей, разныхъ породъ и различныхъ странъ Свѣта часто имѣютъ темную полосу вдоль всей спины отъ гривы до хвоста; это вещь до того общеизвѣстная, что не стоитъ и распространяться о ней. Иногда появляются поперечныя полосы на ногахъ, преимущественно на задней сторонѣ ихъ; нѣсколько рѣже замѣчаются ясныя полосы на плечахъ, какъ уословъ... Особенно обыкновенны такія полосы у буланыхъ лошадей (всѣхъ оттѣнковъ), рѣже у гнѣдыхъ, сѣрыхъ и карихъ“ [1]). Частое присутствіе такихъ полосъ указываетъ, по мнѣнію Дарвина, на вѣроятность происхожденія всѣхъ современныхъ породъ лошадей отъ одной коренной породы буланаго (саврасаго?) цвѣта и болѣе или менѣе полосатой, къ которой по временамъ и возвращаются наши лошади, въ особенности же принадлежащія къ первобытнымъ домашнимъ породамъ, мало улучшеннымъ искусственнымъ подборомъ, или находящіяся въ полудикомъ состояніи. Такимъ образомъ, присутствіе ремня на спинѣ вовсе не составляетъ еще признака, приближающаго тарпана къ ослу. То же слѣдуетъ сказать и относительно числа поясничныхъ позвонковъ (5 вмѣсто 6), такъ какъ самъ же г. Кеппенъ приводитъ замѣчаніе Натузіуса, что число этихъ позвонковъ непостоянно и не можетъ служить отличіемъ между лошадью и осломъ (стр. 148, прим. 2). 5 позвонковъ встрѣчается и на скелетахъ туркестанскихъ, и даже арабскихъ лошадей; съ другой стороны, по отношенію къ тарпану число это было констатировано только на *одномъ* скелетѣ. Остается, слѣдовательно, только третій признакъ — отсутствіе каштанчиковъ на заднихъ ногахъ у тарпана, но оно было констатировано также только на одномъ экземплярѣ (Московскаго зоологическаго сада), который притомъ едва-ли не былъ ублюдкомъ, и непонятно, на какомъ основаніи г. Кеппенъ полагаетъ, что такая особенность встрѣчается у тарпановъ „вѣроятно, весьма часто“. Съ другой стороны, изъ данныхъ, собранныхъ Кулешовымъ, видно, что каштанчики не бываютъ на заднихъ ногахъ довольно часто (около 10%) и у киргизскихъ лошадей, а равно и у нѣкоторыхъ дру-

[1]) *Ч. Дарвинъ*. Приручennыя животныя, рус. пер. Т. I, 1868, стр. 58 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

гихъ породъ (напримѣръ, южной Франціи и Японіи), и наоборотъ, они оказались у экземпляра Equus Przewalskii, описаннаго Поляковымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что присутствіе или отсутствіе каштана на заднихъ ногахъ вовсе не составляетъ такого признака, который бы приближалъ тарпана къ осламъ или характеризовалъ бы дикихъ лошадей по преимуществу. Если прибавить къ этому, что Черскій, описавшій два черепа тарпановъ, не нашелъ у нихъ никакихъ особенностей, которыя бы приближали ихъ къ ослинымъ, то станетъ яснымъ, что утвержденіе г. Кеппена о большей близости тарпана къ ослу является совершенно голословнымъ и бездоказательнымъ.

Упомянувъ о двухъ черепахъ, описанныхъ Черскимъ, я долженъ прибавить, что выводы, которые получилъ изъ ихъ сравненія этотъ ученый, оказали, повидимому, не малое вліяніе на смѣлость г. Кеппена по отношенію къ тарпану. Черскій, сравнивъ оба черепа, нашелъ сходство между ними и, въ то же время, призналъ возможнымъ отдѣлить ихъ отъ другихъ видѣнныхъ имъ череповъ „въ роли представителей одной самостоятельной породы". Читая однако описаніе этихъ череповъ (представляющихъ къ тому же нѣкоторыя различія между собою въ подробностяхъ), трудно выяснить себѣ, чѣмъ особенно отличаются они отъ другихъ череповъ восточной широколобой породы. Самъ Черскій замѣчаетъ относительно тарпана: „не подлежитъ сомнѣнію, что онъ носитъ на себѣ *всѣ* признаки восточной группы лошадей". Но, если это такъ, то въ чемъ же заключаются признаки тарпана по черепу. Такими признаками Черскій выставляетъ „двѣ главныя черты", во-первыхъ, выдающіяся надбровныя дуги, признакъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, общій какъ для арабскаго, такъ и для шотландскаго типовъ (Eq. cab. asiaticus и—hibernicus Сансона), и, во-вторыхъ—„наклонъ лобной плоскости впередъ, а носовыхъ костей назадъ, къ лобоносовому шву, вслѣдствіе чего профиль черепа образуетъ около корня носа очень тупой, входящій уголъ (вдавленіе)", что, впрочемъ, свойственно, по Сансону, и шотландской породѣ, а я прибавлю—и черепамъ многихъ другихъ лошадиныхъ породъ. Вообще, повидимому, выражая такое мнѣніе, Черскій находился подъ вліяніемъ „Сообщенія о тарпанахъ" г. Шатилова и старался найти въ этихъ черепахъ нѣчто отличающее ихъ отъ череповъ домашнихъ лошадей. При этомъ онъ не принялъ во вниманіе и того, что черепъ Шатиловскаго тарпана принадлежалъ старой особи съ почти стертыми зубами, притомъ еще мерину, и къ тому же по своимъ наружнымъ признакамъ не вполнѣ подходящему къ прежнимъ описаніямъ тарпана, а черепъ музея Ака-

Библиотека "Руниверс"

деміи Наукъ тоже происходитъ отъ экземпляра, судя по отзывамъ Брандта и Бэра, довольно сомнительнаго. Впрочемъ, и самъ Черскій замѣчаетъ, что „вопросъ объ отношеніи *этихъ* тарпановъ къ водившимся въ свое время, въ Россіи, дикимъ лошадямъ", можетъ подвинуться впередъ только при условіи изученія, съ одной стороны, „череповъ южно-россійскихъ породъ лошадей, въ которыхъ, какъ слѣдуетъ полагать, типъ описанныхъ двухъ индивидуумовъ долженъ проявляться *во всѣхъ своихъ подробностяхъ*", а во-вторыхъ—череповъ ископаемыхъ, именно изъ южной, средней и западной Россіи. Изъ этого замѣчанія можно заключить, что самъ Черскій предполагалъ сходство „во всѣхъ подробностяхъ" череповъ тарпана съ черепами южно-русскихъ породъ домашнихъ лошадей, и если считалъ возможнымъ выдѣлить ихъ въ особую категорію, то лишь за неимѣніемъ, для сравненія, такихъ череповъ изъ области бывшаго обитанія здѣсь тарпановъ.

Г. Кеппенъ, слѣдуя Шатилову и другимъ, придаетъ большое значеніе масти тарпана, которая, по его мнѣнію, была всегда одинаковая, мышастая, съ чернымъ ремнемъ на спинѣ. Уклоненія отъ этого цвѣта онъ склоненъ объяснять отчасти возрастомъ (жеребята—желтѣе), отчасти скрещиваніемъ съ домашними лошадьми (присутствіемъ ублюдковъ), отчасти, наконецъ, тѣмъ, что съ тарпанами, особенно въ восточной Россіи, смѣшивали кулановъ или даже Equus Przewalskii, которая, по предположенію Полякова, могла въ прежнее время распространяться далѣе на западъ, чѣмъ впослѣдствіи. Такое объясненіе до извѣстной степени допустимо; присутствіе въ косякахъ тарпановъ ублюдковъ подтверждается большинствомъ показаній; весьма вѣроятно также и смѣшеніе тарпановъ съ куланами (но не съ Equus Przewalskii, распространеніе котораго, въ XVIII вѣкѣ и позже, до Оренбургскаго края, ничѣмъ не доказывается и весьма сомнительно [1]). Но если даже и допустить, что тар-

[1]) Смѣшеніе тарпановъ съ куланами можно констатировать у Рычкова, по словамъ котораго, тарпаны „шерстью саврасые и голубые", а у кулановъ „шерсть густая и немалая, схожа съ мышьей"; по Левшину, „шерсть дикихъ лошадей почти всегда свѣтлаго цвѣта и большей частью голубоватая; онѣ бываютъ двухъ родовъ, изъ коихъ одинъ крупнѣе, другой мельче; первый называется въ казачьихъ (т. е. киргизскихъ) ордахъ Куланъ, второй Тарпанъ". Г. Карелинъ („Путешествія по Каспійскому морю", Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По общей географіи. Т. X. 1883 г., стр. 118) перечисляя животныхъ,

Библиотека "Руниверс"

паны выказывали, по преимуществу, мышастую масть, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они были настоящими дикими лошадьми. Достовѣрно извѣстно, что еще въ недавнее время во многихъ странахъ встрѣчались одичавшія домашнія лошади. Пржевальскій („Третье путешествіе", стр. 443) упоминаетъ о таковыхъ въ пескахъ Тынгари, гдѣ онѣ умножились особенно послѣ возстанія дунганъ въ 1869 г. Извѣстны также многіе случаи одичанія лошадей въ степяхъ и саваннахъ Америки, особенно въ пампахъ Аргентины, о происхожденіи „дикихъ лошадей" въ которыхъ сохранилось слѣдующее преданіе, записанное Азарой. „Основанный въ 1535 г. городъ Буэносъ-Айресъ былъ позже покинутъ, и выселившіеся его жители не дали себѣ труда собрать всѣхъ своихъ лошадей, часть которыхъ, штукъ 5—7, были оставлены въ полѣ. Когда позже, въ 1580 г. городъ снова былъ занятъ, то въ окрестностяхъ его оказалась масса одичавшихъ лошадей, потомковъ ранѣе покинутыхъ. Уже въ 1596 году было дозволено каждому ловить этихъ лошадей и пользоваться ими. Таково происхожденіе безчисленныхъ табуновъ лошадей, бродящихъ нынѣ по степямъ къ югу отъ Ріо де ла Платы". Въ послѣднее время было заявлено нѣкоторыми сомнѣніе, чтобы всѣ эти „дикія" лошади—въ пампахъ Аргентины и Парагвая, льяносахъ Венецуэлы, прэріяхъ Техаса и т. д., были только потомками домашнихъ лошадей, вывезенныхъ въ Америку испанцами. Несомнѣнно, что лошади не были из-

---

водящихся по сѣверо-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, упоминаетъ между прочимъ объ Equus caballus ferus, дикая лошадь, по киргизски куланъ, и Eq. asinus ferus, дикій оселъ, онагръ. М. Н. Богдановъ замѣчаетъ по этому поводу (тамъ же, стр. 119), что „настоящей дикой лошади тамъ нѣтъ; оба показанія Карелина относятся къ одному и тому же виду—кулану. Equus onager Pall". Грумъ-Гржимайло (см. его „Путешествіе въ Западный Китай". Т. I. 1896 г., стр. 188 слѣд.) замѣчаетъ, что Equus Przewalskii всей фигурой своей, мастью и ростомъ такъ напоминаетъ кулана, что даже на близкомъ разстояніи ее легко принять за послѣдняго; китайцы, даже киргизы, вообще весь пришлый въ Джунгарію элементъ ея населенія, и въ дѣйствительности не различаютъ ихъ между собой... Изъ всѣхъ народовъ Средней Азіи едва-ли не у однихъ только монголовъ (торгоутовъ) и нѣкоторыхъ алтайскихъ племенъ существуютъ различныя наименованія для этихъ животныхъ. Не доказываетъ ли это, что дикая лошадь уже въ историческій періодъ не заходила за предѣлы современнаго своего распространенія... и что всѣ сказанія о существованіи дикихъ лошадей въ Да-цзи и остальной Гоби относятся не къ нимъ, а къ дикимъ осламъ, населяющимъ и нынѣ всѣ эти мѣстности".

Библиотека "Руниверс"

вѣстны индѣйцамъ Вестъ-Индіи, Мексики, Перу, и что испанскіе завоеватели наводили ужасъ на туземцевъ своей кавалеріей, но нѣкоторые полагаютъ, что лошадь, бывшая нѣкогда столь распространенною въ Америкѣ въ теченіи диливіальнаго періода, могла сохраниться кое-гдѣ и позже въ обширныхъ степяхъ этого континента въ дикомъ состояніи. Въ пользу этого говоритъ, какъ будто, то обстоятельство, что по словамъ Копа (Cope) въ верхнемъ пліоценѣ (или плейстоценѣ?) Орегона и Невады найдены были остатки Equus occidentalis и—excelsus рядомъ съ оббитыми (человѣкомъ?) осколками обсидіана; съ другой стороны, какъ замѣтилъ Berthoud, дикія лошади показаны уже на картѣ Южной Америки Кабо (Cabot), XVI-го вѣка, составленной всего чрезъ какіе нибудь 20 лѣтъ послѣ завоеванія Перу, когда потомки лошадей, завезенныхъ испанцами, не могли еще размножиться до такой степени въ одичаломъ состояніи. Какъ бы то ни было, есть цѣлый рядъ свидѣтельствъ, что одичаніе лошадей происходило въ различныхъ частяхъ Америки въ большихъ размѣрахъ, въ теченіи трехъ вѣковъ. Еще лѣтъ 50 тому назадъ, въ пампахъ Ла-Платы, какъ это засвидѣтельствовано Дарвиномъ, поселенцамъ стоило большаго труда удерживать своихъ лошадей отъ разбѣганія, и онѣ дичали десятками и сотнями [1]). И тѣмъ не менѣе, вся масса этихъ одичалыхъ лошадей выказывала, по преимуществу, одну и туже масть. По словамъ Азары (и Дарвина), 90% всѣхъ лошадей были каштаново-гнѣдыя (bai-châtains), а остальныя 10%—масти, подходящей къ буланой (не къ саврасой ли?) [2]); вороныхъ встрѣчалось не болѣе одной на 2000. Подобное же преобладаніе одной масти было констатировано и на одичалыхъ лошадяхъ другихъ мѣст-

---

[1]) *Дарвинъ* (Дневникъ путешествія на кораблѣ „Бигль", нов. пер., въ „Сочиненіяхъ Ч. Дарвина". Т. I, гл. 1. Спб. 1896 г., стр. 68) разсказываетъ, что въ его время (1832 г.), въ пампахъ около Буэносъ-Айреса, стада рогатаго скота и лошадей охранялись вооруженными людьми, и все-таки многія животныя терялись. „Чрезвычайно трудно пасти стада въ равнинѣ: стоитъ ночью приблизиться пумѣ или даже лисицѣ, и лошади непремѣнно разбѣгутся во всѣ стороны. Также разбѣгаются онѣ и во время грозы. Нѣсколько времени тому назадъ одинъ офицеръ велъ изъ Буэносъ-Айреса 500 лошадей, а къ войску привелъ меньше 20".

[2]) Азара называетъ „zain"; Дарвинъ замѣчаетъ, что „zain обыкновенно переводится какъ темный безъ всякой бѣлизны, но такъ какъ Азара говоритъ о мулахъ, какъ „zain-clair", то я полагаю, что цвѣтъ этотъ должно признать за буланый". Ганъ переводитъ „zain" какъ „schwarz-braun".

Библиотека "Руниверс"

ностей; такъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Мексики и на Фалкландскихъ островахъ преобладала „сѣро-буро-гнѣдая“ масть. Явленіе это было было констатировано не у однихъ лошадей, но также и у одичалыхъ породъ рогатаго скота. Скотъ англійскихъ парковъ выказывалъ, по преимуществу, бѣлый цвѣтъ съ черными или рыжими ушами; скотъ, одичавшій въ Пампахъ и Техасѣ, сталъ почти одинаковаго, „темно-буро-краснаго цвѣта, на различныхъ Фалкландскихъ островахъ онъ представлялъ или бѣлый цвѣтъ, съ черными ушами, головой и ногами, или бурый, или мышастый. Это преобладаніе извѣстной масти можетъ быть объясняемо, отчасти, неодинаковою способностью различныхъ мастей передаваться по наслѣдству (что было доказано для лошади точными наблюденіями на конскихъ заводахъ), отчасти наклонностью животныхъ при одичаніи возвращаться къ масти болѣе первобытной, преобладающей породы [1]).

По всей вѣроятности, и преобладаніе мышастой масти у тарпановъ объясняется подобною же причиной, именно возвращеніемъ къ типу первобытной породы, преобладавшей въ крови домашнихъ лошадей соотвѣтственныхъ мѣстностей. Масть эта встрѣчается нерѣдко у ло-

---

[1]) О неодинаковой способности различныхъ мастей передаваться по наслѣдству см. *Goehlert*, Ueber die Vererbung der Haarfarben bei den Pferden, въ „Zeitschrift für Ethnologie“. XIV, 1882. Свѣтлыя масти передаются вообще чаще, чѣмъ темныя, гнѣдая и бурая (braun) унаслѣдуется вѣрнѣе, чѣмъ рыжая, а въ особенности, чѣмъ вороная.—О наклонности животныхъ при одичаніи возвращаться къ масти первобытной породы многія данныя собраны у *Дарвина*, „Прирученныя животныя“. Это явленіе атавизма проявляется не только въ масти, но иногда и въ другихъ, болѣе глубокихъ особенностяхъ строенія. Такъ, напр., иногда у лошадей появляются боковые зачаточные пальцы, на переднихъ и заднихъ ногахъ, въ родѣ какъ у Proto- или Miohippus. Любопытно, что такія уродливости встрѣчаются, повидимому, чаще у домашнихъ лошадей, происходящихъ отъ одичавшихъ. Такъ, проф. Маршъ, описавшій нѣсколько такихъ случаевъ (*Marsh*, Recent polydactyle Horses, въ „American Journal of Science“. 3 ser. Vol. XLIII, 1892, p. 345), замѣчаетъ, что „большинство многопалыхъ лошадей, сдѣлавшихся извѣстными въ Соединенныхъ Штатахъ, происходило съ юго-запада, или вело свое происхожденіе отъ тамошнихъ породъ, такъ что представляется болѣе, чѣмъ вѣроятною, ихъ связь съ полудикими мустангами. Извѣстно, что наклонность къ реверзіи (атавизму) проявляется сильнѣе у животныхъ, живущихъ на свободѣ, и этотъ фактъ долженъ быть принятъ во вниманіе при обсужденіи настоящаго вопроса, ибо предки мустанговъ находились несомнѣнно въ дикомъ состояніи, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (со времени заселенія страны испанцами)“.

Библиотека "Руниверс"

шадей многихъ первобытныхъ породъ, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и Западной Европы, и весьма возможно, что она преобладала и у тѣхъ, которыя дали первое начало тарпанамъ. Въ пользу такого объясненія можно представить, въ данномъ случаѣ, слѣдующія соображенія. Мелкая порода мышастой и подходящихъ къ ней мастей имѣла (и имѣетъ еще), повидимому, значительное распространеніе въ юго-западной и западной Россіи, въ прилегающихъ частяхъ Пруссіи, по Балтійскому побережью, въ Норвегіи. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, по наблюденіямъ г. Зерцалова (на 4136 лошадяхъ), лошади бурыхъ и сѣрыхъ мастей съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ темнымъ ремнемъ составляютъ 31% всѣхъ лошадей [1]). Любопытно, что черепъ „Литовской" породы, судя по описанію и измѣреніямъ Нерінга, выказываетъ, по словамъ Черскаго, значительное сходство съ черепомъ тарпановъ. О черепахъ южно-русскихъ, особенно прежнихъ, старинныхъ домашнихъ породъ (какъ уже замѣчено выше) ничего неизвѣстно; мнѣ удалось получить нѣкоторое понятіе только о двухъ лошадиныхъ скелетахъ, найденныхъ въ курганахъ. Одинъ изъ нихъ былъ найденъ проф. Н. И. Веселовскимъ, въ 1895 году, въ курганѣ между Анапой и станицей Раевской, Кубанской области, повидимому, тюркскомъ и относящемся къ эпохѣ. приблизительно, X вѣка. Судя по фотографіи костяка, снятой при раскопкѣ и любезно доставленной мнѣ г. Веселовскимъ, костякъ этотъ имѣлъ 5 поясничныхъ позвонковъ, тонкія кости конечностей и явственно горбоносый профиль черепа, что соотвѣтствуетъ не столько описаннымъ (г. Черскимъ) черепамъ тарпановъ, сколько вообще черепамъ восточнаго, степнаго типа. Другой костякъ былъ открытъ Н. Е. Бранденбургомъ, въ курганѣ Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, близъ деревни Гадомки [2]). Судя по фотографіи (я имѣлъ, впрочемъ, возможность провѣрить и въ натурѣ, въ бытность недавно въ Петербургѣ) костякъ этотъ имѣлъ шесть позвонковъ, болѣе массивныя конечности, прямой или слегка волнистый профиль лба и носа и болѣе

[1]) Этимъ свѣдѣніямъ я обязанъ В. Н. Ястребову. По наблюденіямъ г. Зерцалова, лошади такой масти обыкновенно небольшаго роста; 58% ихъ ниже 1½ арш., голова у нихъ довольно большая, но вообще онѣ сложены хорошо.

[2]) См. Замѣтку Н. Е. Бранденбурга въ Протоколахъ Московскаго Археологическаго Общества, „Древности", т. XV, вып. 2, стр. 125, и таблица IX. Г. Бранденбургъ сообщилъ мнѣ, что онъ считаетъ этотъ курганъ — печенѣжскимъ.

Библиотека "Руниверс"

выдающуюся макушку, подходя, какъ будто, этими послѣдними признаками нѣсколько болѣе къ типу тарпановъ.—„Литовская“ порода Нернинга, вѣроятно, соотвѣтствуетъ „жмудской“ нашихъ гиппологовъ, которая находится, повидимому, въ родствѣ съ остзейскими клепперами, шведками, вятками и другими мелкими сѣверными породами. Всѣ эти породы представляютъ, по мнѣнію однихъ, разновидности тяжелой, средне-европейской или такъ назыв. норійской породы, по мнѣнію же другихъ (повидимому, болѣе вѣрному), особые мѣстные типы, отчасти усвоившіе себѣ признаки восточной, азіатской породы [1]). Какъ бы то ни было, но преобладающими мастями этихъ лошадей считаютъ *саврасую*, рыжую и *соловую съ ремнемъ на спинѣ* [2]), точно также, какъ по словамъ проф. Кулешова, преобладающими мастями клеппероръ (породы, впрочемъ, уже значительно облагороженной), „нужно признать рыжую, *игреневую*, караковую, *саврасую* и *буланую*“, причемъ лошади свѣтлыхъ мастей „имѣютъ иногда вдоль спины черный ремень; голова и шея клеппера коротки и толсты, носъ нѣсколько горбатый“. Въ Норвегіи масть туземныхъ лошадей или пони, по Дарвину, *буланая* и переходитъ всѣ оттѣнки отъ *бланжеваго* до *темнаго*, *мышасто-буланаго*; при этомъ однимъ изъ признаковъ чистоты породы считаются полосы на спинѣ и ногахъ. То же подтвердилъ впослѣдствіи другой наблюдатель, Гартвигъ, по словамъ котораго среди норвежскихъ лошадей нерѣдки съ темными поперечными полосами на ногахъ, а еще чаще встрѣчаются—буланыя (или саврасыя) съ темнымъ ремнемъ на спинѣ [3]) Подобныя же норвежскимъ пони представляютъ исландская и—повидимому—шотландская породы; г. Кеппенъ сближаетъ съ ними и полудикую породу Камарги, но такое сближеніе представляется уже сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что по словамъ Реклю, тамошнія лошади выка-

---

[1]) Къ норійской породѣ причисляетъ ихъ проф. Кулешовъ. Мердеръ считалъ вопросъ о происхожденіи клеппероръ темнымъ, но полагалъ, что туземная кровь въ образованіи клеппера играла наибольшую роль. Унтербергеръ выразилъ мнѣніе, что эстонскіе клеппера и эзельскія лошади происходятъ отъ азіатскихъ породъ, заведенныхъ сюда во время переселенія народовъ.

[2]) *Кулешовъ*, Коневодство. 2-е изданіе. М. 1892 г., стр. 94—97. Замѣтимъ, что буланая, саврасая и мышастая масть (съ темнымъ ремнемъ) весьма обыкновенна у киргизскихъ и монгольскихъ лошадей (по Грумъ-Гржимайло).

[3]) *Дарвинъ*, Прирученныя животныя, стр. 61; *Hartwig*, въ „Zoolog. Garten“, 1888, S. 189.

Библиотека "Руниверс"

зываютъ преобладаніе бѣлой масти [1]). Возможно, что въ нынѣшней западной Россіи и въ прилегающихъ частяхъ Германіи, на пространствѣ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, гдѣ нѣкогда жили бокъ-о-бокъ готы, литовцы, славяне и финны, выработалась особая малорослая порода лошадей съ преобладающей саврасой, соловой, мышастой и подходящими къ нимъ мастями (съ нерѣдкимъ темнымъ ремнемъ на спинѣ), которая распространилась затѣмъ и въ сѣверной Россіи и въ Скандинавіи. Можетъ быть, эту же породу представляли и лошади древнихъ германцевъ, о которыхъ Ю. Цезарь говоритъ, какъ объ „jumenta parva atque deformia". Какъ одна изъ первобытныхъ породъ, пользовавшаяся плохимъ уходомъ, она могла давать, по временамъ, и одичалыхъ особей, чему способствовала малая заселенность страны, обиліе лѣсовъ, набѣги враждебныхъ племенъ и т. д. Такія одичалыя или „дикія" лошади въ Польшѣ и Литвѣ упоминаются уже М. Мѣховскимъ въ XVI вѣкѣ; Ржончинскій (Rzączyński), издавшій въ началѣ XVIII вѣка „Естественную исторію Польши", назвалъ эту „дикую" лошадь—Equus sylvestris, такъ какъ мѣсто-пребываніе ея было въ лѣсахъ. Объ ней упоминаютъ и нѣкоторые писатели XVII и XVIII столѣтій; она встрѣчалась до начала XIX вѣка. Стелла, писавшій въ началѣ XVII в. о древностяхъ Пруссіи, описываетъ этихъ лошадей, какъ очень красивыхъ и быстрыхъ, но другіе, какъ Руджьери, Липоманъ—сообщаютъ, что онѣ были мелкія, слабосильныя, не пригодныя ни для кавалеріи, ни для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Въ XVIII и началѣ XIX вѣкѣ онѣ содержались болѣе въ паркахъ вельможъ, дольше всего въ паркѣ графа Замойскаго близъ Замосцья, покуда наконецъ не были розданы крестьянамъ. По словамъ барона Бринкена, потомство этихъ лошадей можно было узнавать еще долго по сѣромышастой масти съ чернымъ ремнемъ на спинѣ [2]).

Г. Кеппенъ, приведя извѣстія объ этой польско-литовской „лѣсной" лошади (Equus sylvestris), заимствованныя имъ у графа Чапскаго, видитъ въ нихъ, съ одной стороны, доказательство „нахожденія южно-русскаго тарпана въ Литвѣ и Польшѣ", съ другой —

---

[1]) *E. Reclus*, Géographie universelle, vol. II, France.

[2]) *Gr. Czapski*, Ueber das Wilde Pferd und sein Verschwinden aus Europa, въ „Verhandlungen der Dorpater Naturforschergesellschaft" 1869. (Sitzungsberichte, Bd. III, 1874) S. 27—34.

Библиотека "Руниверс"

фактъ, „представляющій еще необыкновенный біологическій интересъ", именно тотъ, „что дикія лошади, — по всему строю своему предназначенныя къ обитанію *на степи*,—въ означенныхъ областяхъ освоились съ кажущимся противнымъ ихъ природѣ жительствомъ *въ лѣсахъ*...". Дѣйствительно, этотъ фактъ былъ бы очень интереснымъ въ біологическомъ отношеніи, если бы можно было считать доказаннымъ, что „лѣсная" лошадь составляла прямого потомка дилювіальной лошади, приспособившагося къ жизни въ лѣсахъ. Однако, подобное приспособленіе представляется сомнительнымъ по слѣдующей причинѣ. Извѣстно, что всѣ виды дикихъ лошадей, ословъ, зеброъ, квагга—животныя степныя и въ лѣсахъ не водятся. Equus Przewalskii—джунгарская дикая лошадь—живетъ въ песчаной пустынѣ со скудною растительностью; джигетаи, куланы и ихъ родичи также имѣютъ мѣстопребываніе въ арало-каспійскихъ, монгольскихъ и тибетскихъ степяхъ и пустыняхъ [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что и дилювіальная лошадь водилась въ степныхъ мѣстностяхъ, подобно жившимъ тогда въ Западной Европѣ дикимъ осламъ, сайгѣ, байбаку и т. д. Нигдѣ мы не видимъ, чтобы эти степныя животныя приспособились къ жизни въ лѣсахъ; напротивъ того, съ распространеніемъ лѣсовъ въ Западной Европѣ, въ послѣдующій доисторическій періодъ, эти степныя формы стали тамъ исчезать и удаляться на востокъ. По всей вѣроятности, должна была отступить и дикая лошадь, если она еще существовала, и послѣдовать за своими сожителями, куланами, сайгой и другими, въ степи нынѣшней южной Россіи и далѣе — въ предѣлы Арало-Каспійской области. Если же мы встрѣчаемся съ фактомъ отсутствія дикихъ лошадей на юго-востокѣ Россіи и въ арало-каспійскихъ степяхъ, и, наоборотъ, существованія ихъ, еще недавно, въ лѣсахъ западной Россіи, то представляется болѣе вѣроятнымъ, что эти лошади были одичавшія, на что указываетъ и измельченіе породы, ея слабосильность, весьма естественная съ оскудѣніемъ корма и большой трудностью существованія, особенно въ теченіи зимней половины года. Въ пользу того, что лошади эти были не „дикія", а одичалыя, высказывался и графъ Чапскій. „Эта

[1]) Въ своей характеристикѣ тарпановъ (equiferi) Палласъ выставляетъ особенно ихъ степной образъ жизни и избѣганіе ими лѣсовъ и горъ: „In deserto ad aquas subsalsas accedunt, easque in potum adhibent. Apricis et campestribus clivosis gaudent, sylvas et asperiora montium fugiunt".

Библиотека "Руниверс"

разновидность („лѣсная“ лошадь), говоритъ онъ, могла произойдти отъ одичавшей домашней лошади кочевниковъ; вырвавшись на свободу, она усвоила себѣ рѣдкое у лошадей свойство, именно стала обитательница лѣсовъ“. Такой взглядъ нельзя не признать правдоподобнымъ, съ тою лишь поправкой, что нѣтъ основаній допускать возможность одичанія лошадей только у кочевниковъ; испанцы въ Америкѣ жили осѣдло, и тѣмъ не менѣе теряли массы лошадей, вслѣдствіе разбѣганія ихъ по примыкавшимъ къ поселеніямъ степямъ. То-же могло быть и въ области Польши и Литвы, гдѣ за отсутствіемъ степей мѣстами убѣжища могли служить лѣса съ разбросанными среди нихъ полянами [1]). По этому поводу нельзя не припомнить многіе случаи положительно доказаннаго одичанія домашнихъ лошадей. Мы уже упоминали о массовомъ одичаніи лошадей въ Америкѣ,—въ пампахъ Ла-Платы, въ преріяхъ Техаса, въ льяносахъ Венецуэлы; слѣдуетъ указать еще на „дикихъ“ лошадей Галапагосскихъ острововъ, на одномъ изъ прибрежныхъ острововъ Мэрилэнда (Chincoteague Island) и притомъ въ недавнее время, въ 70-хъ годахъ, наконецъ, на Антилльскихъ островахъ, Кубѣ, Ямайкѣ, гдѣ онѣ сильно размножились въ XVIII вѣкѣ, хотя острова эти покрыты, какъ извѣстно, тропическою древесною растительностью [2]). Мы упоминали также—со словъ Пржевальскаго—объ одичалыхъ лошадяхъ въ Монголіи (Алашанѣ, Гань-су); Ганъ указываетъ на подобныя же извѣстія о „дикихъ“ лошадяхъ на Целебесѣ, Филиппинскихъ островахъ, наконецъ, въ такъ называемыхъ Альпахъ Австраліи, гдѣ уже о настоящихъ дикихъ лошадяхъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ Австраліи,

---

[1]) Нерингъ тоже принимаетъ, что по мѣрѣ того, какъ днлювіальныя степи Средней Европы смѣнялись лѣсомъ, характерная фауна ихъ вытѣснялась на востокъ, и „дикія лошади стали отступать въ восточныя степи. Только кое-гдѣ, на полянахъ и луговинахъ, въ слабо-лѣсистыхъ мѣстностяхъ могли еще удержаться онѣ въ доисторическій лѣсной періодъ, но уже въ гораздо меньшемъ числѣ“; см. *Nehring*, въ „Sitzungsberichte der Ges. Naturfors. Freunde zu Berlin“, 1883, 57—59. Маленькія дикія лошадки (Equuli agrestes) существовали впрочемъ въ Померанін еще въ XII вѣкѣ.

[2]) *E. Hahn*. Die Hausthiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. L. 1896, S. 192 ff. Ослы тоже наклонны къ одичанію; „дикіе“ ослы упоминаются въ XVI вѣкѣ на островѣ Черито и на Фуертевентурѣ, одномъ изъ Канарскихъ. Недавно они встрѣчались еще на островѣ Сокоторѣ. Въ Америкѣ они одичали на Антилльскихъ островахъ, Галапагосскихъ и въ Уругваѣ; см. *Hahn*., l. c. S. 170.

Библиотека "Руниверс"

до прибытія европейцевъ, не существовало вообще ни одного плацентарнаго млекопитающаго, за исключеніемъ прирученнаго динго (собаки австралійскихъ дикарей). При этомъ любопытно, что, по словамъ Ленденфельда, эти „дикія" австралійскія лошади также отличаются всѣ малымъ ростомъ и однообразною темно-гнѣдою мастью; онѣ составляютъ предметъ охоты, хотя и мало цѣнятся. „Дикія" лошади упоминаются также древними писателями въ Испаніи и Альпахъ; въ XVI вѣкѣ и позже—въ Эльзасѣ, въ Англіи (New-Forest), на островѣ Корсикѣ, Сардиніи (еще въ 60-хъ годахъ), на островѣ Критѣ, наконецъ, въ Африкѣ, именно въ Капской колоніи (Кольбе, писавшій въ началѣ XVIII вѣка, отличаетъ ихъ отъ зебръ), въ области Нигера (упоминаются путешественникомъ Мунго Паркомъ, и притомъ какъ всѣ одной масти), въ низовьяхъ Конго (Proyart, писавшій въ концѣ XVIII вѣка, говоритъ, что онѣ произошли отъ нѣсколькихъ лошадей, присланныхъ въ даръ англійскимъ королемъ) и т. д. Всѣ эти многочисленные случаи завѣдомаго одичанія лошадей, какъ въ степныхъ, такъ и въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, заставляютъ относиться съ сомнѣніемъ и къ другимъ извѣстіямъ о „дикихъ" лошадяхъ, которымъ однако-же г. Кеппенъ придаетъ всегда полную вѣру. Что касается Россіи, то заслуживаетъ вниманія еще то обстоятельство, что и народное преданіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняетъ появленіе „дикихъ" лошадей одичаніемъ. Такъ, Юнкеръ, писавшій въ первой половинѣ XVIII вѣка о странѣ между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, упоминая о дикихъ лошадяхъ въ приазовскихъ степяхъ, замѣчаетъ, что „какъ сказываютъ" — онѣ произошли отъ конницы, участвовавшей въ 1697 г. при осадѣ Азова; вслѣдствіе недостатка въ кормѣ и другихъ причинъ, множество лошадей тогда разбрелось по степи и образовало одичавшее потомство. Графъ Чапскій, повидимому, путешествовавшій по Азіи [1]), замѣчаетъ, что, „по мнѣнію азіатскихъ народовъ, настоящіе тарпаны крайне рѣдки и, если и встрѣчаются еще, то лишь на небольшихъ участкахъ по Каракуму, по р. Томи и въ пустыняхъ Монголіи, большинство же дикихъ лошадей не чистые тарпаны, а помѣсь съ домашними". Ржончинскій (1736), говоря о дикихъ лошадяхъ въ степяхъ Украины, указываетъ, что онѣ водились въ большомъ числѣ въ эпоху турецкихъ и татарскихъ войнъ (когда въ степяхъ почти не было осѣдлаго

[1]) Gr. *Czapski*, l. c. S. 30.

Библиотека "Руниверс"

населенія и случаи одичанія лошадей могли быть чаще), но что затѣмъ, съ большимъ заселеніемъ страны, число дикихъ лошадей значительно уменьшилось.

Въ историческую эпоху „дикіе“ кони упоминаются въ Черниговской губерніи, въ Полтавской, въ Харьковской [1]), но по отношенію къ ихъ дѣйствительной „дикости“ тоже можно питать сомнѣніе. Владиміръ Мономахъ, въ своемъ „Поученьи“ упоминаетъ, правда, что онъ „в Черниговѣ... конь дикихъ своима рукама связалъ есть въ *пушахъ* 10 и 20 живыхъ конь, и кромѣ того по Роси ѣздя ималъ есть своима рукама тѣ же кони дикіѣ“, но самый тотъ фактъ, что онъ „ималъ живыхъ конь“ въ пушахъ (то-есть лѣсахъ), заставляетъ предполагать скорѣе, что это были одичалые кони, а не настоящіе дикіе. Послѣднихъ (какъ и кулановъ) поймать и связать живыми почти невозможно, развѣ только маленькихъ жеребятъ; это утверждаютъ многіе компетентные авторитеты—Палласъ, Эверсманъ, Юнкеръ и др. [2]). Наоборотъ, ловля арканами (лассо) весьма употребительна въ примѣненіи къ одичавшимъ лошадямъ; такъ практиковалось, и практикуется еще и теперь, въ пампахъ Ла-Платы, при чемъ такое укрощеніе требуетъ все-таки большаго искусства и ловкости, какими и отличаются тамошніе гаучо, и чѣмъ могъ, по справедливости, гордиться и Владиміръ Мономахъ, въ XII вѣкѣ.

Возможно, впрочемъ, что дикая лошадь палеолитическаго періода, начавшая исчезать съ распространеніемъ лѣса насчетъ прежней степи и съ умноженіемъ населенія, продолжала еще жить нѣкоторое время въ болѣе глухихъ мѣстахъ, отчасти даже приспособившись, можетъ быть, къ существованію въ лѣсахъ. Въ пользу возможности такого приспособленія говоритъ, напримѣръ, фактъ обитанія въ лѣсахъ зубра (въ Бѣловѣжской пущѣ и въ горахъ Кубанской области), тогда какъ ближайшій родичъ его, американскій бизонъ, живетъ (или скорѣе жилъ, такъ какъ теперь онъ уже почти совершенно истребленъ)—въ степяхъ, преріяхъ Сѣверной Америки. Но, во всякомъ случаѣ, область

[1]) О существованіи прежде „дикихъ“ коней въ Полтавской губ. упоминаетъ Рубанъ въ своей „Исторіи Малой Россіи“; о томъ же въ Харьковской — проф. Багалѣй, но, какъ надо полагать, больше по догадкѣ, такъ какъ въ приведенныхъ имъ извѣстіяхъ о старинныхъ ловахъ дикіе кони нигдѣ не упоминаются.

[2]) По Паллasу: „Neonati cicurantur facillime, adulti nunquam. Fugiunt mira celeritate etc.“; по Эверсману: „старые тарпаны скачутъ такъ быстро, что всегда спасаются, и никогда не удается догнать ихъ“.

Библиотека "Руниверс"

обитанія дикихъ лошадей, охватывавшая въ палеолитическій періодъ обширное пространство всей средней, южной и восточной Европы, уже въ неолитическій должна была разбиться на нѣсколько обособленныхъ и, сравнительно, незначительныхъ участковъ, гдѣ, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе преслѣдованія человѣкомъ, измѣнившихся условій существованія, размноженія въ болѣе тѣсной средѣ (Inzucht) дикія лошади обречены были на послѣдовательное вымираніе. Дѣйствительно, археологическія раскопки показываютъ, что лошадь, игравшая важную роль въ качествѣ охотничьяго животнаго въ палеолитическій періодъ, утрачиваетъ это значеніе въ неолитическую эпоху, и главными объектами охоты являются съ этого времени благородный олень (Cervus elaphus), лось, кабанъ, медвѣдь, дикій быкъ, но не лошадь. Еще большему вымиранію и истребленію должна была подвергнуться лошадь въ послѣдующіе періоды доисторической эпохи, начиная съ бронзоваго, когда ознакомленіе съ прирученіемъ лошади должно было дать новый поводъ къ преслѣдованію дикихъ коней и ловлѣ ихъ жеребятъ (для прирученія). Правда, упоминанія о „дикихъ лошадяхъ" встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ, а также XV и XVI столѣтій, но вообще довольно рѣдко. Въ древнихъ германскихъ сказаніяхъ упоминается, напримѣръ, морской исполинъ Изе, который охотится на берегу на сѣрыхъ въ яблокахъ коней и ловитъ ихъ, но эта „сѣрая въ яблокахъ" масть не свойственна дикимъ и даже первобытнымъ породамъ домашнихъ лошадей, и встрѣчается только у арабскихъ, рысистыхъ и другихъ культурныхъ породъ, возникшихъ въ результатѣ искусственнаго подбора. Въ пѣснѣ о Нибелунгахъ — Зигфридъ охотится за кабаномъ, оленемъ, медвѣдемъ, лосемъ, зубромъ, туромъ, даже львомъ, но при этомъ не упоминается о дикомъ конѣ. Ганъ полагалъ, правда, возможнымъ отождествить съ послѣднимъ загадочнаго „grimme Schelch", но это весьма сомнительно, и вѣроятнѣе, что подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть дикаго быка или какого-нибудь оленя [1]). Дикія ло-

[1]) E. *Hahn*, Schelch des Nibelungenliedes, въ „Verh. d. Berl. Ges. für Anthropologie" etc., 1892, S. 121 ff.—Schelch'a отождествляли ранѣе съ Megaceros hibernicus, но этотъ олень съ громадными рогами вымеръ въ Европѣ еще въ диллювіальный періодъ; позже—съ зубромъ или самцомъ лосемъ; съ послѣднимъ склоненъ отождествлять его и Нерингъ. Ганъ основывается на одной средневѣковой глоссѣ къ псалмамъ, гдѣ Scelaho, Scelo = Schelch толкуется, какъ Onager, то-есть дикій

Библиотека "Руниверс"

шади держались всего дольше въ княжескихъ заповѣдныхъ лѣсахъ и пустошахъ, напримѣръ, въ „Новомъ лѣсѣ“ (New Forest), устроенномъ Вильгельмомъ-Завоевателемъ, и во владѣніяхъ герцоговъ Липпскихъ (Lippe). Но и здѣсь эти лошади, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ, были уже помѣшаны съ домашними; Гану удалось разыскать одну запись Липпской экономіи 1537 г., изъ которой видно, что для обновленія крови къ дикимъ лошадямъ пускали домашнихъ жеребцовъ (убивая болѣе старыхъ дикихъ) [1]). Въ другихъ случаяхъ, дикіе жеребцы отбивали сами пасущихся вблизи ихъ мѣста жительства домашнихъ кобылъ для увеличенія своего гарема. Сохранилось извѣстіе, что въ Австріи (Венгріи) такихъ лошадей иногда ловили и укрощали; въ XVII вѣкѣ онѣ были извѣстны подъ именемъ „Wildfang“; ихъ считали невзрачными, но цѣнили за выносливость.

Вообще, по отношенію къ „дикимъ“ лошадямъ исторической эпохи въ Европѣ можно въ значительной мѣрѣ примѣнить слѣдующее замѣчаніе проф. Гана: „Дикія лошади, упоминаемыя съ древнихъ временъ, какъ водившіяся въ Эльзасѣ, Англіи, Швеціи и т. д., могутъ признаваться дикими только въ извѣстномъ смыслѣ, такъ какъ въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о лошадяхъ, хотя и дикихъ, но составлявшихъ признанную собственность извѣстныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того, слѣдуетъ принять еще во вниманіе то обстоятельство, что косяки лошадей состоятъ всегда изъ полигамическихъ семей, при чемъ жеребецъ всегда склоненъ увеличивать свой гаремъ и отбивать, если гдѣ окажется къ тому возможность, домашнихъ кобылъ. Поэтому въ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются въ близкомъ сосѣдствѣ дикія и домашнія лошади, мы всегда можемъ предполагать, что и такъ называемыя дикія имѣютъ въ себѣ часть крови домашнихъ. Дикихъ лошадей въ первобытномъ видѣ мы собственно не знаемъ, такъ какъ нѣтъ мѣстности,

---

оселъ, а также на другомъ памятникѣ, гдѣ scelo является какъ синонимъ производителя—жеребца. Венанцій Фортунатъ, воспѣвая охоты германскихъ князей въ Вогезахъ, упоминаетъ—рядомъ съ оленями, дикими козами, турами, зубрами, медвѣдями, кабанами—также *онагровъ*. Относительно „Schelch“ можно замѣтить, что его сопоставляютъ съ венденимъ (лужицкимъ) to schélé, ten schelz — теленокъ; эпитетъ „grimme“, во всякомъ случаѣ, подходитъ болѣе къ дикому быку, чѣмъ къ лошади.

[1]) Запись эта такова: „Vor einen hinxt LXVI gld. de quam up de sende vor einen scelen ton wilden perden“.—Ганъ полагаетъ, что за этими „дикими“ конями охотились только въ особо важныхъ случаяхъ знатныя лица (?).

Библиотека "Руниверс"

гдѣ бы водились только онѣ, и не встрѣчались бы также и домашнія. Вслѣдствіе этого, и такъ называемыя дикія лошади восточныхъ степей признавались всегда лучшими наблюдателями, въ извѣстной степени, за одичалыхъ" [1]).

Анучинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) *Hahn*, l. c. S. 191. Ср. V. *Hehn*, Kulturpflanzen und Hausthiere. 6-te Auflage, 1894, S. 25: „Если Вогезскія лошади, хотя и съ трудомъ, но могли быть съ успѣхомъ укрощаемы; если dux Sobezlaus (въ XII вѣкѣ), возвращаясь изъ похода въ Силезію, привелъ съ собою (вмѣстѣ съ безчисленными стадами рогатаго скота) indomitarum equarum greges, или, если въ одномъ вестфальскомъ актѣ XIV в. дается какому-то лицу право на рыбную ловлю, охоту и на vagi equi въ извѣстной территоріи; точно также, если мы читаемъ, что по законамъ саксовъ „дикія", не содержимыя подъ кровомъ (nicht unhut) лошади не принадлежатъ къ имуществу (движимому) жены, то позволительно предположеніе, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ собственно о лошадяхъ убѣжавшихъ и одичалыхъ. Подобнымъ же образомъ, и лошади, встрѣченныя св. Оттономъ въ Помераніи (въ XII в.), или за которыми охотились нѣмецкіе рыцари въ Пруссіи, могли быть, хотя и родившимися въ лѣсахъ, но происходившими отъ убѣжавшихъ кобылъ, и это тѣмъ болѣе, что указанныя глухія мѣстности были ареной военныхъ походовъ и разбоевъ. Еще естественнѣе это могло быть въ Черниговскомъ княжествѣ, гдѣ великій князь собственноручно укротилъ до 20 дикихъ коней,—въ той области, которая граничила съ кочевьями конныхъ народовъ, и лѣса которой могли служить подходящимъ убѣжищемъ для вырвавшихся на свободу лошадей. Притомъ великій князь не говоритъ, что онъ охотился за конями и убивалъ ихъ, какъ другихъ охотничьихъ животныхъ, но что онъ ихъ ловилъ, то-есть бралъ на арканъ, какъ это употребительно относительно полуприрученныхъ табуновъ".

Библиотека "Руниверс"

РАЗРѢШИТЕЛЬНЫЯ ГРАМОТЫ ІЕРУСАЛИМСКИХЪ ПАТРІАРХОВЪ.

Въ статьѣ „О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ“ (М. 1893 г.) [1]) Н. П. Лихачевъ собралъ нѣсколько указаній на распространенность въ Россіи прижизненныхъ отпускныхъ отъ грѣховъ грамотъ, выдававшихся, за плату, разнымъ лицамъ представителями восточныхъ церквей. Къ статьѣ этой приложенъ снимокъ съ разрѣшительной грамоты, данной іерусалимскимъ патріархомъ Парѳеніемъ въ 1748 Логину Ивановичу Лихачеву.

Эти разрѣшительныя грамоты не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, такъ иногда называемыми, грамотами, которыя, по обычаю русской церкви, влагаются въ руки каждому умершему, при его погребеніи. Послѣднія грамоты, читаемыя іереемъ въ храмѣ, предъ преданіемъ тѣла землѣ, правильнѣе называются разрѣшительными молитвами. Такого рода молитва сложена была русскимъ митрополитомъ Кипріаномъ († 1406 г.) [2]). Напротивъ того, разрѣшительныя грамоты восточныхъ патріарховъ близко соотвѣтствуютъ индульгенціямъ. Въ брошюрѣ г. Лихачева и въ рецензіи на нее, явившейся въ Кіевской Старинѣ [3]), приведены свѣдѣнія о значительномъ распространеніи ихъ въ XVII столѣтіи, но попытки водворить ихъ на Русь дѣлаемы были и ранѣе.

Въ Актахъ Историческихъ (т. I, № 72 и прим. 46 и 49 въ концѣ

---

[1]) Помѣщена первоначально въ Древностяхъ Моск. Ар. Общ., т. XV, вып. II, стр. 77—88.

[2]) *Макарій*, Ист. Рус. Цер. т. IV, кн. 1, стр. 274 и 370.

[3]) *Кіевская Старина* 1894 г. № 10, стр. 162—163.

Библиотека "Руниверс"

тома) помѣщена прощеная грамота іерусалимскаго патріарха Іоакима великому князю Василію Васильевичу. Грамота эта, безъ даты, должна быть дана ранѣе 1462 года, такъ какъ великій князь Василій Темный умеръ 17-го марта того года [1]).

Можно предположить, что эта прощеная грамота доставлена была въ Москву братомъ (а по другому указанію,—братаничемъ, племянникомъ) патріарха Іоакима, великимъ протосингеломъ Іосифомъ, нареченнымъ Іоакимомъ на митрополію Кесаріи Филипповы и поставленнымъ на эту митрополію въ Москвѣ, въ 1464 году, митрополитомъ Ѳеодосіемъ,—знаменательный фактъ поставленія русскимъ (теперь автокефальнымъ) митрополитомъ равностепеннаго іерарха для восточной церкви. Въ печати извѣстны настольная грамота митрополита Ѳеодосія Іосифу отъ 4-го апрѣля 1464 г. [2]) и посланіе Ѳеодосія новгородцамъ и псковичамъ о дачѣ Іосифу милостыни [3]). Въ этомъ посланіи говорится, что бывшимъ въ Іерусалимѣ землетрясеніемъ попорчена была церковь Воскресенія Христова и куполъ оной (церковный лобъ) обрушился. Патріархъ Іоакимъ рѣшился обратиться въ Москву, за денежною помощью для расплаты съ египетскимъ султаномъ, требовавшимъ пять съ половиною тысячъ венеціанскихъ золотыхъ за уступку христіанамъ этого храма, который султанъ желалъ обратить въ мечеть. Съ цѣлію сбора денегъ, патріархъ отправился въ Россію, но на пути заболѣлъ и скончался въ Кафѣ. Въ Москву пріѣхалъ, какъ уже сказано, одинъ Іосифъ.

Наконецъ, сохранилось и посланіе патріарха Іоакима, привезенное въ Москву Іосифомъ. Въ посланіи этомъ патріархъ, между прочимъ, писалъ что „Іосифъ, нареченный на митрополію Кесаріи Филипповы, *да дастъ прощеніе грѣхомъ* требующимъ отъ него и *грамоту отпустную* еже о грѣсѣхъ человѣкомъ".

Посланіе это извѣстно было до сихъ поръ только по небольшому извлеченію [4]); мы печатаемъ его вполнѣ, по рукописи первой половины XVI вѣка библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи (№ 1454, л. 445 об.—449).

---

[1]) Списокъ этой грамоты есть и въ Румянцевскомъ Музеумѣ. *Востоковъ*, Описаніе, 1842 г. стр. 38.

[2]) Сообщена проф. *Павловымъ* въ Рус. Ист. Биб., VI, 925—930.

[3]) Акты Истор. т. I, № 78.

[4]) Приведено г. *Смирновымъ* въ Описаніи сборниковъ Софійской Библіотеки. С.-Пб. 1865, стр. 40—41 (изъ Лѣт. Зан. Арх. Ком. вып. IV).

Библиотека "Руниверс"

Посланіе отъ патріарха іерусалимскаго.

Мл҃тію бж҃іею, Іоакимъ, патріархъ іерусалимскій, бл҃городной всеи земли руской, хр҃тіяньскаго закона бл҃гочтивымъ и хр҃толюбивымъ великимъ княземъ, и бла҃городнымъ великимъ княгинямъ и всѣмъ бл҃говѣрнымъ княземъ и княгинямъ великаго ихъ княжства и дръжавы, и прщ҃нымъ архіепіскопомъ, и епіскопомъ и архимандритомъ и игуменомъ и презвитеромъ иже о сп҃ѣмъ дс҃ѣ братиий нш҃ей инокомъ и служебникомъ цр҃ковнымъ, и чт҃нымъ паномъ, и боляромъ и чт҃нымъ ихъ женамъ, и всѣмъ православнымъ хр҃тіяномъ богатымъ и убогимъ. Дѣти моя и чада моя любовная (на полѣ: любимая) бл҃годать вамъ, и мр҃ъ, и мл҃ть, отъ бц҃а оц҃а вседержытѣля и г҃а нш҃его і҃с х҃а, и радость, и мр҃ъ и любовь нш҃его смиренія и бл҃гословеніе съ всѣми вами. Вѣдаете, любимаа моя братія и чада, г҃ь нш҃ъ іс҃ хс҃ колико убо лю (л. 446) бовь оказа намъ; нашего ради сп҃сенія сниде съ нб҃си на землю, и за ради сг҃го града Іерл҃има въплотися въ прч҃тую дв҃у мр҃ію отъ дх҃а сг҃го и родися и бы҃ чл҃вкъ, и распяся на кр҃тѣ и см҃рть пріятъ, и прободеся и въскр҃сѣ хр҃тіяньскаго ради сп҃снія и възнесеся на нб҃са, и остави насъ на мѣстѣ идеже походиста нози честіи, и жывотворящій гробъ его, идеже лежало тѣло ѥ҃ сг҃тое на голговѣ и ина многаа сг҃таа мѣста тамо суть, иже и отъ вашихъ странъ мнозіи пріходяху на поклоненіе знаютъ и вѣдаютъ, ихже подобаетъ видети съ страхомъ и трепетомъ бж҃ія и сг҃таа мѣста, ихъ же остави намъ г҃ь нш҃ь іс҃ хс҃. За тая вся (обор.) сг҃таа родителі нш҃и, оставиша вся, яже имѣли суть въ мр҃ѣ семъ: цр҃кві сг҃тыя поставиша по тѣмъ сг҃тымъ мѣстомъ, и манастыреве устроиша и много сг҃тыхъ оц҃ь тамо наполнися. И вси сг҃тіи оттуду сг҃тыню получиша добрѣ гу҃ бг҃у послужывша. И всю вселенную хр҃тіяньствомъ и вѣрою просвѣтиша и тамо великый и сг҃тый храмъ цр҃кви бж҃ія именуема сг҃тое въскр҃іе велико съдѣлася сг҃тымъ пр҃мъ Коньстяньтиномъ и мт҃рью ѥ҃ сг҃тою Еленою. И събраша вся стая и въ ней положиша на славу бж҃ію, и хр҃тіяномъ всѣмъ на поклоненіе. И отъ тоя сг҃тыя цр҃кви просвѣтися свѣтъ дх҃овный по всей вселѣнѣй, иже ѥ҃ мт҃ви цр҃квамъ Сіонъ. и отъ нея изыде радость и бг҃вѣніе въ вся цр҃кви хв҃ы по всѣму мр҃у. Ино҃ дѣти сг҃го дх҃а и нашему ср҃цю (л. 447) любимии, нн҃ѣ учинилася тщета велика грѣхъ ради нш҃ихъ въ Іерл҃мѣ. Мц҃я ноеврія въ 12 дн҃ь, въ дн҃ь нд҃льный, събравшимся съ мною всѣмъ хр҃тіаномъ въ сг҃тую цр҃квь х҃а бг҃а нш҃его въскр҃нія къ сг҃тѣй литургіи, и бы҃ у

Библиотека "Руниверс"

на трусъ на земли, яко николиже таковъ не бывалъ, и мнози мезкити безбожныя срацинъ падше разсыпаша; а стая великая црькви ха бга нашего въскрние разсѣдеся отъ верха и додолу, и тако разсѣдеся, яко видѣти слнце и звѣзды сквозѣ ея; но великою и неизреченною мтію бжиею и ё стымъ промысломъ, ту предстоящимъ мужемъ и женамъ не учинилася ни едина пакость (на полѣ: „ни единоа па“,—обрѣзъ съ краю и новая строка: „ти“), но вси невредими быша. И потомъ заутра въ понѣлникъ днемъ падеся вель тоя стыя црькви. Тогда, видевше то срацини, рекоша: учинимъ ту свои (обор.) мезкитъ. И мы плакахомся гу бгу отъ всего срца своё да избавитъ насъ отъ печали тоя, и отъ поганыя съвѣта. И послахомъ до егупетъскаа салтана моляще ёда не сътворитъ мескити на томъ стомъ мѣстѣ при нашемъ жывотѣ. И онъ рѣлъ: даите ми десять тысящь венедицкыхъ золотыхъ, а ре та: много вашего хтиянства; ё вамъ гдѣ взяти. И просихомъ его много и едва стало (на полѣ: „на“) полшесть тысящь венедицкыхъ золотыхъ. И нн опять мтію бжиею (на полѣ: „по первому“) држимъ храмъ той бжий на поклонение хртияномъ. И нн мно надобѣ чимъ откупити, и чимъ направити тая стая црквь. И дали есмо въ закладъ, вся стая црквьныя съсуды, и осмьнадесять добрыхъ (на полѣ: „людей“) хртиянъ въ поруцѣ. Ино дѣти мои милии дховныи, коли были еще останци хртияньства въ Цриградѣ, и богарьская и серьбьская земля (л. 448) и трапезоньская, и инии земли, вси тыи гробу хву помагали а мы отъ црькви бжии не отходили, хво стадо пасуще. А нн тая вся оскудѣли суть отъ поганыхъ, а язъ бо есмь старъ и немощенъ, тридесять и седмь лѣтъ отнелижъ црькви бжии служа. Слыша васъ бголюбивыхъ поидохъ до вашего православия, и разболѣхся на пути въ Каеѣ, и познахъ свою болезнь, что уже шествия своё пути не могу до васъ донти. И послахъ до васъ Іосиоа, нареченнаго на митрополию Кесария Ѳиліпповы, и гдѣ коли допріидетъ (на полѣ: „дондетъ“), имѣите ё ваша мть какъ самого мене; азъ бо подадохъ ему вла имети, юже самъ имѣ отъ дха ста решати и вязати, по заповѣди га ба и спса ншего іс ха, и его же онъ разрѣшитъ, будетъ разрѣшенъ отъ ба, а егоже свяжетъ, будетъ связанъ и предъ бгомъ. И повелѣхъ ему служити стую лтургию (обор.) всяку. Ино знаете ё ваша мть, что дати салтану егупетцкому, и чимъ нарядити, что ся разсыпало надобе много. И мы млимъ васъ, га ради помозите на тую стую црквь, чимъ васъ бгъ научитъ по вѣре вашей противу силы; а да кто мтію на ту стую црквь, пріимутъ здѣ мть отъ бга, и въ ономъ вѣцѣ будущихъ блгъ насле-

Библиотека "Руниверс"

дятъ, по реченному: блаженни мі̑твии, яко ти помиловани будутъ. Пісали быхомъ и пространиѣе сего до васъ; ино вѣдаемъ, что у васъ добре знаютъ о тои сто̑и мі̑тни. Ино молимъ вашу любовь, да не презрите своея мьады предъ бго̑мъ за нѣкую малую вещь, и не устрамляйся никтожъ, яко мало нечто подати бгу̑ предъ чл̑вкы, но подаите дръзновенно и безъ сумнения, да пріимете у ба̑ славная и великая, ихъ же око не виде ни ухо слыша. О молю васъ, любимици, нн̑ѣ вамъ время е̑ отворити двери цр̑ьствия нбн̑аго, и съ Іосиѳомъ аріімафеемъ мзду и чт̑ь въспріяти; якожъ Іосифъ плащанницею покры тѣло гн̑е, тако и вы покрыите гробъ гн̑ь. вѣрна вѣра равну и мзду въспріимете. Сего ради потрудихомся къ вашей любви доити и видѣти ваше лице, яко да помилуете нашу худость га̑ ради; не на събрание бо именни собе потрудіхомся, но на съграждение тоя сто̑ыя цр̑кви, да блг̑вние пріимете съ сто̑мъ цр̑мъ Коньстянтиномъ, і Еленою съ строителема цр̑кви сея. И повелѣниемъ нашимъ, Іосиѳъ, нареченный на мт̑рополію Кесария Фт̑липповы, да дасть прощение грѣхомъ требующимъ отъ не̑, и грамоту отпу̑тную еже о грѣсехъ чл̑вкомъ; мы же, братие любимаа, аще и тѣломъ далече есмо васъ, но дх̑омъ заедіно. Мт̑ръ вамъ и нашего смиренія блг̑вние и цѣлование, братіе. Аминь.

Это посланіе прежде всего любопытно какъ старѣйшее изъ дошедшихъ до насъ писемъ іерусалимскихъ патріарховъ въ Москву. Имъ, на сколько извѣстно, начались непосредственныя сношенія іерусалимскаго патріархата съ Москвою, которыя до того времени едва ли и возможны были, такъ какъ русская церковь считалась митрополіею патріархата константинопольскаго и слѣдовательно сношенія съ нею властей церковныхъ должны были производиться чрезъ патріарха цареградскаго. Флорентійская унія и паденіе Царьграда,— вотъ тѣ событія, которыя сами собою привели русскую церковь къ независимости отъ константинопольскаго патріарха.

Приведенное посланіе Іоакима не датировано, но писано оно, вѣроятно, въ самомъ началѣ 1464 или въ концѣ 1463 года, такъ какъ упоминаемый въ немъ Іосифъ, привезшій въ Москву извѣстіе о смерти Іоакима въ Кафѣ, поставленъ былъ на митрополію Кесаріи Филипповы въ Москвѣ, 4-го апрѣля 1464 года.

Въ посланіи Іоакимъ свидѣтельствуетъ, что онъ старъ, 37 лѣтъ церкви Божіи служа. Если подъ этими словами разумѣть, что онъ 37 лѣтъ занималъ патріаршій престолъ, а такое толкованіе этихъ словъ кажется возможнымъ, ибо патріархъ въ то же время ссылается

Библиотека "Руниверс"

на свою старость и немощь, то поставленіе его въ патріархи должно относиться къ 1426 или къ 1427 году. Далѣе патріархъ удостовѣряетъ, что въ то время многіе русскіе приходили на поклоненіе іерусалимскимъ святынямъ. Удостовѣреніе это доказываетъ, что паденіе Константинополя не остановило паломническаго движенія русскихъ людей. Дѣйствительно, въ 1465—1466 гг. посѣтилъ Святую Землю гость Василій; въ 1456 и затѣмъ въ 1462 гг. ходилъ туда инокъ Варсонофій; въ 1475 году былъ тамъ Иванъ Владиміровичъ Хозюкъ (изъ рода Головиныхъ), убитый на возвратномъ пути изъ Іерусалима[1]); въ 1480 году—какъ указано будетъ ниже—посѣтилъ Египетъ купецъ „русинъ" Григорій; наконецъ изъ посольскихъ сношеній Москвы съ крымскою ордою за время съ 1474 по 1505 годъ[2]) видно, что въ это время многіе русскіе торговцы странствовали въ Царьградъ и города Малой Азіи Алеппо, Бруссу, Токатъ и, подобно гостю Василію, могли доходить и до Палестины.

Для оцѣнки достовѣрности этого посланія Іоакима надлежитъ принять во вниманіе слѣдующее:

1) По словамъ Іоакима, землетрясеніе произошло въ Іерусалимѣ 12-го ноября, въ воскресенье. Годъ этого событія не означенъ, но надо полагать, что произошло оно въ 1458 году, такъ какъ ближайшій изъ предшествовавшихъ 1464 году лѣтъ, въ которомъ 12-е ноября приходилось въ воскресенье, былъ именно 1458 годъ. О такомъ землетрясеніи, причинившимъ весьма значительныя поврежденія храму Воскресенія Христова намъ не удалось однако найдти свѣдѣній ни въ сказаніяхъ паломниковъ, ни въ другихъ источникахъ[3]).

2) Въ посланіи митрополита Ѳеодосія къ новгородцамъ и псковичамъ, Іосифъ названъ братаничемъ Іоакима, а въ лѣтописяхъ[4]) — братомъ его. Отмѣчая это разнорѣчіе, скажемъ однако, что оно не существенно и можетъ быть отнесено къ ошибкѣ переписчика.

---

[1]) *Казанскій.* Село Новоспасское и родословіе Головиныхъ. М. 1847, стр. 114.

[2]) Изданы *Карповымъ* въ Сбор. И. Р. И. Общества, С.-Пб., 1884, т. 41. Ср. замѣчанія *В. Г. Васильевскаго* о сурожскихъ купцахъ въ его Русско-Византійскихъ изслѣдованіяхъ. С.-Пб. 1893, II, 199 и слѣд.

[3]) На рисункѣ входа въ храмъ Воскресенія, снятомъ въ 1483 г. паломникомъ Эргардомъ Ревихомъ и воспроизведенномъ въ 24-мъ вып. Прав. Пал. Сборника, куполы какъ на храмѣ, такъ и на колокольнѣ при немъ, не носятъ слѣдовъ разрушенія.

[4]) П. С. Р. Л., VIII, 151; Никон., VI, 2.

Библиотека "Руниверс"

3) Трудно объяснить, почему Іосифъ не былъ поставленъ на митрополію самимъ патріархомъ Іоакимомъ въ Іерусалимѣ, а съ просьбою о его поставленіи патріархъ обратился къ митрополиту русскому въ Москву. Высказать какое-либо объ этомъ предположеніе, за недостаточностью свѣдѣній о жизни и дѣятельности обоихъ этихъ лицъ, мы не рѣшаемся.

4) Въ шестидесятыхъ годахъ XV столѣтія русскіе паломники и торговцы проникали, какъ сказано, въ Палестину и сношенія между египетскими (мисюрскими) султанами, владѣвшими въ то время Іерусалимомъ, и ханами крымскими были довольно дѣятельны [1]). Возможно допустить, что и патріархъ іерусалимскій рѣшился пойдти въ Москву, хотя послѣ взятія турками, въ 1453 году, Константинополя и окончательнаго занятія ими, въ 1461 году, Трапезунда, путь чрезъ Черное море сдѣлался для христіанъ, а въ особенности для лицъ духовныхъ, затруднительнымъ. Лѣтописецъ, подъ 1461 годомъ, именно замѣтилъ, что русскій митрополитъ Іона, предшественникъ Ѳеодосія, потому поставленъ былъ въ Москвѣ, а не въ Константинополѣ, что „обладалъ бо бяше Царемградомъ турскій царь и царя (то-есть, императора) уби и пути не дастъ“ [2]).

5) Затѣмъ самое извѣстіе о смерти патріарха Іоакима въ Кафѣ, въ концѣ 1463 или въ началѣ 1464 года, не представляется невѣроятнымъ. По свидѣтельству Максима Симейскаго [3]) Іоакимъ, котораго онъ называетъ преемникомъ Аѳанасія, занималъ іерусалимскій престолъ 40 лѣтъ, что близко соотвѣтствуетъ приведеннымъ выше словамъ самого Іоакима, что онъ служилъ церкви Божіей 37 лѣтъ.

Объ Іоакимѣ упоминается подъ 1437 годомъ въ актахъ Флорентійскаго собора [4]) а затѣмъ онъ принималъ участіе въ бывшемъ въ Іерусалимѣ, въ апрѣлѣ 1443 года, соборѣ, на которомъ отвергнуты были постановленія собора Флорентійскаго [5]).

---

[1]) См. указанный Сборникъ *Хартова*, стр. 107, 111 — 112, 194, 220, 420, и 433.

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 149.

[3]) Свѣдѣніе это сообщено намъ г. *Попадопуло Керамевсомъ*. Явится оно въ издаваемыхъ имъ Analecta, т. III, стр. 34—35.

[4]) Содержащееся въ русскихъ сказаніяхъ извѣстіе, что мѣстоблюстителемъ его на соборѣ былъ извѣстный Виссаріонъ, оказывается неточнымъ. *Садовъ*. Виссаріонъ Никейскій, С.-Пб. 1883, стр. 22, прим. 2.

[5]) *Allatius*, De perpetua consensione. Amst., 1648, p. 989—941.

Хотя указаніе на время смерти Іоакима не можетъ быть подкрѣплено какими либо другими источниками, а равно неясно, кто и когда сдѣлался его преемникомъ, но обстоятельство это, само по себѣ, еще не служитъ опроверженіемъ означеннаго указанія, а можетъ лишь дать поводъ къ дальнѣйшимъ разысканіямъ въ исторіи іерусалимской патріархіи XV вѣка, до нынѣ еще мало разработанной. Это тѣмъ болѣе необходимо, что существуетъ грамота іерусалимскаго патріарха, также Іоакима, къ русскому митрополиту Геронтію (1473—1489), помѣченная іюнемъ 1480 года, въ которой сообщается, что патріархъ былъ въ Египтѣ для свиданія съ султаномъ и встрѣтилъ тамъ русскаго купца, именемъ Григорія [1]).

Іосифъ, послѣ поставленія его, въ Москвѣ, 4-го апрѣля 1464 г., митрополитомъ, посѣтилъ Новгородъ, а затѣмъ, на возвратномъ пути на родину, былъ въ Константинополѣ, откуда писалъ великому князю Ивану Васильевичу и митрополиту Филиппу о намѣреніи митрополита (уніата) Григорія, ученика Исидора, отправиться въ Москву [2]). Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; въ лѣтописи отмѣчено только, что изъ Россіи Іосифъ пойде назадъ, много собравъ милостыни, и не дойде своея земли.

Такимъ образомъ, іерусалимскіе патріархи начали посылать свои разрѣшительныя грамоты въ Россію еще въ половинѣ XIV вѣка, то-есть, въ то время, когда іерусалимскій престолъ занимали патріархи не изъ грековъ, а изъ арабовъ, но едва ли грамоты эти могли имѣть здѣсь успѣхъ. Русская церковь не признавала подобнаго рода прижизненныхъ отпускныхъ отъ грѣховъ грамотъ, и обвиненіе латинянъ въ прощеніи грѣховъ за плату давно уже существовало въ Россіи, явившись съ первыхъ временъ просвѣщенія ея вѣрою христіанскою. Встрѣчается оно въ посланіи преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго († 1074 г.) къ великому князю Изяславу (—а прегрѣшенія не отъ Бога просятъ прощеніа, но прощаютъ ихъ попове по дару ихъ—) и внесено въ лѣтопись подъ 988 годомъ, въ извѣстномъ сказаніи о Петрѣ Гугнивомъ, въ которомъ упоминается, что „латинскіе попове

---

[1]) Ак. Ист., т. I, № 89. Грамота эта находится также въ Макарьевскихъ Четьи-Минеяхъ. Ар. Іосифъ. Подробное оглавленіе Великихъ Четій-Миней. М. 1892, стр. 488 (подъ 31-е августа).

[2]) Рус. Ист. Биб., VI, 710. Ср. *Макарій*, Ист. Рус. Церкви, IX, 38.

Библиотека "Руниверс"

„прощаютъ же грѣхи на дару, еже есть алѣе всего“ [1]). Прощеныя грамоты патріарха Іоакима и митрополита Іосифа явились на Русь именно въ то время, когда дѣятельность на Флорентійскомъ соборѣ русскаго митрополита Исидора, увлекавшагося, подобно Виссаріону Никейскому и Георгію Плиѳону, просвѣтительными идеями гуманистовъ эпохи возрожденія [2]), вновь усилила старинную непріязнь православныхъ русскихъ къ католицизму, и уже поэтому, какъ новшество, едва ли могли получить распространеніе.

Точно также и въ XVI столѣтіи мы знаемъ единичный лишь случай присылки въ Москву въ 1586 году разрѣшительной грамоты изъ Іерусалима патріархомъ Софроніемъ. Патріархъ писалъ царицѣ Иринѣ, супругѣ царя Ѳеодора Ивановича, препосылая ей благословеніе свыше, по власти, данной отъ Господа ученикамъ своимъ, вязать и рѣшить, прощалъ и разрѣшалъ ее, если что согрѣшила предъ Богомъ: „однимъ словомъ, говоритъ А. Н. Муравьевъ [3]), это полная разрѣшительная грамота, какая обыкновенно дается и понынѣ приходящимъ на поклоненіе въ Іерусалимъ“.

Извѣстный нашъ странствователь по святымъ мѣстамъ Барскій получилъ въ 1725 году прощеную грамоту отъ іерусалимскаго патріарха Хрисанѳа, писанную по славянски и близкую по редакціи нынѣ выдаваемымъ въ Іерусалимѣ грамотамъ [4]).

Наибольшее распространеніе разрѣшительныя грамоты восточныхъ патріарховъ получили въ Россіи и притомъ преимущественно въ южной ея части въ XVII столѣтіи [5]) и продолжаютъ выдаваться въ Іе-

---

[1]) *Поповъ.* Обзоръ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ. М. 1875, стр. 5, 17 и 74; *Павловъ.* Опыты по исторіи полемики противъ Латинянъ. С.-Пб. 1878, стр. 5, 6, 17 и 47, прим. 2.

[2]) Ср. замѣчанія *Регеля* въ его Analecta Byzantino-russica. Petropoli. 1891, proemium, p. XLI—L и Pierling, La Russie et le Saint Siège. Paris, 1896, I, pp. 94—97.

[3]) Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. С.-Пб. 1858, стр. 161.

[4]) Напечатана Рубаномъ въ его изданіи путешествія Барскаго, С.-Пб., 1785, пред. стр. XI. Въ новомъ изданіи странствованій Барскаго (Прав. Пал. Общ.) эта грамота опущена. Ср. статью *Х. М. Лопарева* о патріархѣ Хрисанѳѣ въ Трудахъ VIII арх. съѣзда. М. 1895, стр. 26.

[5]) О разрѣшительныхъ грамотахъ патр. Аѳанасія есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ книжкѣ: Житіе святителя Аѳанасія, патріарха Цареградскаго, Лубенскаго Чудотворца. С.-Пб. 1863, стр. 33—34. Книжка эта составлена, кажется, *Л. Н. Муравьевымъ*. См. также Очеркъ Лубенскаго Мгарскаго Преображенскаго монастыря. Одесса. 1894, стр. 29.

Библиотека "Руниверс"

русалимѣ и въ настоящее время. Въ нашихъ рукахъ находится грамота патріарха Никодима, напечатанная по славянски въ типографіи патріархіи въ 1887 году, съ пробѣломъ для вписанія имени лица, ее получившаго. Текстъ этой грамоты мало разнится отъ текста грамоты патріарха Парѳенія 1748 года, приведенной г. Лихачевымъ въ вышеуказанной его брошюрѣ.

Д. Кобеко.

Библиотека "Руниверс"

ОТГОЛОСКИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКИХЪ СКАЗАНІЙ ВЪ СОВРЕМЕННЫХЪ БЫЛИНАХЪ.

Несмотря на многочисленныя изслѣдованія, продолжающія до послѣдняго времени являться въ области изученія русскихъ былинъ, вопросъ о періодѣ ихъ сложенія не можетъ считаться вполнѣ уясненнымъ.

Въ противоположность изслѣдователямъ 60 и 70 годовъ, возводившимъ чуть ли не большинство былинъ къ домонгольскому періоду, современные изслѣдователи относятся съ крайней осторожностью къ чертамъ домонгольской старины, дѣйствительно сохранившимся въ былинахъ, особенно въ личныхъ и географическихъ именахъ, и не дѣлаютъ изъ послѣднихъ тѣхъ заключеній, которыя представлялись обязательными прежнимъ изслѣдователямъ. Эти имена могутъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что корни по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ былинъ тянутся въ домонгольскій періодъ; но эти корни давно засохли, и „не подлежитъ сомнѣнію, что былевой эпосъ въ теченіе своей долгой исторической жизни испыталъ глубокія коренныя измѣненія [1])“. Древнія личныя и географическія имена въ теченіе времени стали такой же принадлежностью эпическаго склада, какъ постоянные эпитеты, и расходовались поздними слагателями былинъ такъ же механически, какъ послѣдніе, не вызывая въ сѣверномъ великорусскомъ слагателѣ тѣхъ хронологическихъ и географическихъ представленій, которыя съ ними невольно связываемъ мы, знающіе исторію и географію. Для слагателя XVI вѣка ничего не стоило, напримѣръ, отождествить

[1]) *Жданов*ъ, Пѣсни о князѣ Романѣ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г., апрѣль, стр. 271.

Библиотека "Руниверс"

Волынецъ-Галичъ съ Корелой проклятой и Индіей богатой и выводитъ изъ этого эпически неопредѣленнаго края и боярина Дюка Степановича, и добраго молодца Михаила Казаринина, и сорокъ каликъ со каликою. Не трудно объяснить себѣ такой синкретизмъ: благодаря консервативности эпическихъ формулъ, географическія вошедшія въ нихъ имена должны были сохраниться; но все же время брало свое: къ стариннымъ именамъ изъ желанія осмысленія (и, такъ сказать, модернизаціи) присоединялись новыя, говорившія о другихъ болѣе позднихъ историческихъ или литературныхъ отношеніяхъ. Такъ при переработкѣ и, повидимому, весьма существенной, старинной былины о Дюкѣ Степановичѣ, происшедшей въ предѣлахъ сѣверной Россіи, старинный не извѣстный уже никому на Руси городъ Галичъ Волынскій былъ помѣщенъ въ Корелѣ поганой, съ которою въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ имѣли дѣло новгородцы. Гораздо труднѣе представляется изслѣдователю другой вопросъ: какъ объяснить, что Галичъ-Волынскій могъ сдѣлаться *эпическимъ* городомъ, какъ Кіевъ, Черниговъ и нѣкоторые другіе? Очевидно, чтобы стать эпическимъ, онъ долженъ былъ быть популяренъ и широко извѣстенъ въ болѣе раннемъ періодѣ эпическихъ сказаній. Но что мы знаемъ изъ этихъ сказаній въ современныхъ былинахъ? Почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ именъ. Спрашивается, нѣтъ ли возможности въ современныхъ, многократно передѣланныхъ, былинахъ открыть какіе нибудь слѣды того періода, когда Галицко-Волынская Русь была областью, еще хорошо извѣстною въ другихъ частяхъ Руси, жила съ ними общей жизнью? Такую попытку отыскать древнюю историческую канву въ нашихъ былинахъ о князѣ Романѣ сдѣлалъ И. Н. Ждановъ въ своей статьѣ „Пѣсни о князѣ Романѣ“ [1]). Не вполнѣ соглашаясь въ частностяхъ съ этимъ изслѣдованіемъ, я не могу не признать, что указанный авторомъ ходъ литературной исторіи былинъ объ этомъ князѣ соотвѣтствуетъ въ общихъ чертахъ и характеру историческихъ преданій о немъ, и составу сохранившихся о немъ пѣсенъ. Съ своей стороны, ведя далѣе работу, начатую И. Н. Ждановымъ, я желалъ бы поставить свою задачу нѣсколько шире, а именно собрать въ современныхъ былинахъ все, что могло бы указывать на существованіе въ домонгольскомъ періодѣ галицкихъ историко-эпическихъ сказаній.

Если бы намъ удалось пріурочить нѣкоторыя имена и былинные мотивы къ этимъ сказаніямъ, то хронологическими предѣлами га-

[1]) Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. I—V. Стр. 425—523.

Библиотека "Руниверс"

лицко-волынскихъ отголосковъ долженъ быть сравнительно непродолжительный періодъ въ исторіи Галицкаго княжества, когда оно играло видную роль среди другихъ областей Руси. Извѣстно, что значительнаго блеска достигла Галицкая земля въ XII вѣкѣ при Ярославѣ Осмомыслѣ. Вспомнимъ дифирамбъ, пропѣтый этому князю авторомъ слова о полку Игоревѣ: Высоко сидитъ Осмомыслъ Ярославъ на своемъ златокованномъ столѣ, подпираетъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступаетъ путь (венгерскому) королю, затворяетъ ворота Дунаю и отворяетъ ворота Кіеву и прочее. Дѣйствительно, нижнедунайскія владѣнія Галича связывали его съ Болгаріей и Византійской имперіей, съ которою велись и торговыя, и дипломатическія сношенія. Княжескій родъ Галича находится въ дружбѣ и родствѣ съ членами династіи Комненовъ, вступаетъ съ ними въ личное общеніе и оказываетъ имъ услуги, Овладѣвъ галицкимъ столомъ, неутомимый, энергичный и предпріимчивый Романъ Мстиславовичъ своими войнами съ ятвягами и поляками придалъ ему еще болѣе блеска и значенія, которые еще умѣлъ поддержать его сынъ, „король“ Даніилъ, несмотря на нашествіе монголовъ. Только уже при сынѣ Даниловомъ Львѣ (умершемъ въ 1301 г.) Галичъ быстро теряетъ свое прежнее значеніе и скоро становится страной „незнаемой“ для прочихъ областей Руси, войдя въ составъ польскаго государства. Такимъ образомъ блестящимъ періодомъ его исторіи могутъ считаться XII и XIII вѣка, и если вообще историческая жизнь этой области отразилась въ народныхъ сказаніяхъ, то мы должны искать въ послѣднихъ отголоски именно этого періода.

Къ тому же приблизительно періоду относится процвѣтаніе Волынской земли, какъ независимаго княжества, тѣсно связаннаго своими судьбами съ Галицкой землей. Доставшись въ 1-ой четверти XII вѣка въ удѣлъ Мономаховичамъ, она при Романѣ (1172—1205) соединяется съ Галичемъ въ одной княжеской семьѣ, и это соединеніе не прекращалось и послѣ смерти Романовичей. Обѣ земли связывали общіе интересы и общіи враги—Литва, Польша, татары.

Благодаря природнымъ богатствамъ и населенности, Волынь не сокрушилъ окончательно и татарскій погромъ 1240 года, ни дальнѣйшія тяжелыя десятилѣтія ига. И только объединеніе литовскихъ народцевъ въ сильное государство, татарскіе набѣги и борьба богатаго боярства съ княжеской властью—все это вмѣстѣ послѣ смерти князя Юрія Андреевича (около 1336 г.) повело къ паденію независимости Волыни и ея поглощенію Литвой.

Библиотека "Руниверс"

Всего чаще въ нашихъ былинахъ Галичъ-Волынскій называется родиной Дюка Степановича, и потому можетъ быть поставленъ вопросъ: какое значеніе имѣетъ указаніе этого города въ литературной исторіи былины о пріѣздѣ Дюка въ Кіевъ?... Первый изслѣдователь, освѣтившій во многомъ былины о Дюкѣ со стороны ихъ содержанія, академикъ А. Н. Веселовскій слѣдующимъ образомъ истолковываетъ географическія даты былины. „Въ Кіевъ пѣсня о поѣздкѣ Дюка могла быть занесена изъ Галича, торговаго центра въ XII вѣкѣ, ведшаго, между прочимъ, обширную торговлю и съ греческими колоніями Черноморія. Дюкъ, стало быть, оттуда и пріѣзжалъ—объяснили себѣ пѣвцы, и этотъ географическій фактъ внесенъ былъ въ былину, *когда она переселилась въ Кіевъ* и пристала къ князю Владиміру... Древняя, до-кіевская пѣсня во всякомъ случаѣ не знала Владиміра, вмѣсто котораго стоялъ какой нибудь другой царь, и ея молодецъ-Дюкъ пріѣзжалъ издалека: изъ Индіи. Съ переходомъ былины изъ Галича въ Кіевъ присталъ къ Индіи Волынецъ, въ дальнѣйшемъ перенесеніи на сѣверъ, къ тому и другому—еще и Корела. Спутанность географическихъ обозначеній, замѣчательная своею выдержанностью, указываетъ, можетъ быть, на пути, по которымъ чуждая пѣснь двигалась съ юга въ Кіевъ и далѣе—на сѣверныя окраины“ [1]).

Итакъ уважаемый изслѣдователь предполагаетъ, что основная пѣсня была сложена нѣкогда въ Галичѣ и затѣмъ перейдя, въ Кіевъ, внесла въ себя эпическаго князя Владиміра. Намъ кажется, что послѣднее, то-есть, внесеніе князя Владиміра, нисколько не предполагаетъ обязательно перехода пѣсни изъ Галича въ Кіевъ. Кіевское пріуроченіе, какъ во многихъ другихъ былинахъ, могло произойдти и не въ Кіевской области, а въ какихъ нибудь другихъ частяхъ Руси. За весьма позднее внесеніе князя Владиміра говоритъ та жалкая роль, которую заставляетъ былина играть не только кіевскаго князя, но и его богатырей, да и весь городъ. Вообще доказать какими нибудь фактами, что по пути своего распространенія изъ предполагаемой родины Галича-Волынскаго пѣсня о Дюкѣ побывала въ Кіевѣ, прежде чѣмъ перейдти на сѣверъ, гдѣ къ Галичу пристала Корела, мы не имѣемъ возможности. Достаточно, если мы можемъ сдѣлать вѣроятнымъ по крайней мѣрѣ галицкое происхожденіе основной пѣсни, потому что и относительно этого предположенія можетъ быть высказано сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если Галичъ-Волынецъ или Волынецъ-

[1]) Южно-русскія былины, III—XI, стр. 172.

Библиотека "Руниверс"

Галичій въ современныхъ былинахъ есть уже только эпическій городъ, то его упоминаніе въ былинѣ о Дюкѣ такъ же мало доказываетъ галицкое ея происхожденіе, какъ наличность того же города въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ и о Сорока Каликахъ. Спрашивается поэтому: есть ли въ содержаніи былины о Дюкѣ что нибудь подтверждающее ея галицко-волынское происхожденіе?

Обстоятельное изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго, какъ извѣстно, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что за пѣснями о Дюкѣ, такъ же, какъ за западными сказаніями о хожденіи Карла въ Іерусалимъ, стоитъ какая-то древняя пѣсня или повѣсть о хожденіи пословъ богатырей въ Индѣйское царство (ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884 г., февраль, 387), сложившаяся подъ воздѣйствіемъ Эпистоліи пресвитера Іоанна, извѣстной у насъ подъ названіемъ сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ.

Авторъ дѣлаетъ остроумную реставрацію византійской пѣсни-разказа, держась плана Дюковой былины, но пересказывая ее при помощи матеріаловъ Эпистоліи и памятниковъ отъ нея пошедшихъ. Въ основномъ разказѣ, по предположенію А. Н. Веселовскаго, византійскій посолъ ходилъ въ Индію богатую и лицезрѣлъ ея чудеса; впослѣдствіи вмѣсто него ходилъ туда же посолъ Владимира; мотивомъ хожденія явилось не приглашеніе Эпистоліи, а появленіе при дворѣ заѣзжаго молодца и побѣдоносная его похвальба [1]). Спросимъ себя: что же собственно освѣщаютъ въ нашей былинѣ матеріалы Эпистоліи? Только 2-ю ея половину, въ которой послы Владимира созерцаютъ богатства Дюкова житья-бытья. Здѣсь мы дѣйствительно находимъ подробности, сильно напоминающія Эпистолію и памятники, пошедшіе отъ нея. На дворѣ у Дюка течетъ струйка золотая: это — Тигръ, несущій въ себѣ золото [2]); на теремахъ Дюковыхъ крыши серебряныя, шеломы, потоки золоченые, шарики, самоцвѣтные камушки; дворецъ пресвитера еще превосходитъ Дюковъ великолѣпіемъ, на драгоцѣнныхъ колоннахъ горятъ карбункулы-самосвѣты. Въ одномъ изъ описаній дворецъ пресвитера (у Iohannes Witte de Hese, 1389 г.) и колонны еще хитрѣе устроены: на каждой, поочередно, изображеніе царя и царицы, у нихъ въ рукахъ музыкальные инструменты и кубки: они точно подносятъ другъ другу вино. Эти фигуры нашлись на пуговкахъ и и въ петелькахъ Дюкова кафтана; торжественное шествіе Пресвитера

[1]) Назв. сочиненіе, стр. 196.
[2]) Наз. сочиненіе, стр. 190.

Библиотека "Руниверс"

съ драгоцѣнными крестами и блестящей свитой отразилось на пышномъ шествіи изъ церкви Дюковой матушки [1]) и т. п. Соотношеніе между былиной и Сказаніемъ объ Индіи богатой чувствовалось и старинными книжниками: такъ въ одномъ русскомъ пересказѣ *Сказанія* (по списку Ундольскаго (№ 632) XVII? вѣка) Пресвитеръ чрезъ пословъ совѣтуетъ Мануилу греческому продать землю греческую, купить бумаги и чернилъ, чтобъ описать всѣ чудеса Индѣйской земли, но прибавляетъ, что книжники и скорописцы до исхода души не опишутъ его земли. Въ былинѣ о Дюкѣ находимъ подобную же мысль.

„Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ:
На эти на бумаги на гербовыя,
Да на чернила, перья продай еще Черниговъ градъ,
Тогда можешь Дюково имѣнье описывать [2]).

Въ другомъ спискѣ Сказанія (Волоколамскомъ = Московской духовной академіи 2-й половины XV вѣка) читаемъ такую подробность о дворѣ пресвитера: есть же среди нашего двора, стоитъ сорокъ столиовъ сребряныхъ позлощеныя, и въ кажномъ столпѣ вковано по сороку колецъ а у кажного кольца по сороку коней [3]). Такіе же столбы серебряные съ позолоченными кольцами и съ еще большимъ количествомъ коней находятся во дворѣ Дюковыхъ палатъ [4]). Въ виду того, что ни въ латинской эпистоліи, ни въ западныхъ пошедшихъ отъ нея произведеніяхъ, ни въ другихъ русскихъ спискахъ сказанія мы не встрѣчаемъ этихъ двухъ параллелей, акад. Веселовскій предполагаетъ въ данномъ случаѣ вліяніе былины на нѣкоторые пересказы сказанія.

Раздѣляя въ общемъ результаты, достигнутые акад. Веселовскимъ чрезъ детальное сопоставленіе былины о Дюкѣ съ эпистоліей пресвитера Іоанна, М. Г. Халанскій указываетъ, однако, на возможность другаго объясненія нѣкоторыхъ бытовыхъ подробностей былины. Въ поискахъ за источниками чудесъ Дюковой Индіи оставлена безъ вниманія возможность отраженія въ былинѣ чертъ быта и обстановки жизни русскаго общества. Между тѣмъ, по убѣжденію Халанскаго,

---

[1]) Назв. соч., стр. 192.

[2]) Назв. соч., стр. 189.

[3]) См. текстъ, изданный въ Приложеніи къ изслѣдованію *В. Истрина*: Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ, М., 1893, стр. 73.

[4]) *Веселовскій*, назв. соч., 190.

Библиотека "Руниверс"

безпристрастное сравненіе частностей былины съ извѣстными фактами бытовой обстановки московскаго боярства XVI и XVII вѣковъ обнаруживаетъ поразительное обиліе въ ней чисто русскихъ, туземныхъ, московскихъ бытовыхъ чертъ [1]). Дѣйствительно, культурно-историческій комментарій г. Халанскаго въ достаточномъ количествѣ указываетъ въ былинѣ бытовыя черты XVI и XVII вѣка. Такъ былинное изображеніе Индіи богатой живо напоминаетъ картину древне-русскаго богатаго города съ золочеными маковками церквей, съ золотоверхими теремами, съ разными украшеніями на зданіяхъ, башенками, флюгерами и проч.

Внутренняя обстановка Дюковыхъ палатъ соотвѣтствуетъ таковой же въ царскихъ и боярскихъ хоромахъ, гдѣ, какъ у Дюка, потолки украшались изображеніемъ солнца, мѣсяца и звѣздъ, стѣны обивались сукномъ, полы постилались суконами. Шествіе Дюковой матушки изъ церкви съ толпой прислужницъ и подъ зонтикомъ или балдахиномъ—также черта бытовая московская XVI—XVII вѣка. Въ подобной обстановкѣ происходили праздничные выходы въ церковь царицъ и, вѣроятно, знатныхъ московскихъ боярынь [2]). Уменьшивъ своимъ бытовымъ комментаріемъ число былинныхъ подробностей, которыя можно считать заимствованными, г. Халанскій свой анализъ кончаетъ слѣдующимъ выводомъ: „Несмотря на обиліе туземныхъ русскихъ чертъ, въ общемъ, однако, мы находимъ невозможнымъ признать былину о Дюкѣ Степановичѣ произведеніемъ самостоятельнымъ русскимъ... Самая основная мысль былины—представить богача въ идеальной обстановкѣ посредствомъ осмотра богатства его нарочито для этого отправленными послами—необычна, какъ въ русскомъ эпосѣ, такъ и въ эпосѣ другихъ славянскихъ народовъ. Мнѣніе А. Н. Веселовскаго, что за хожденіемъ Карла въ Іерусалимъ и Константинополь и пѣснями о Дюкѣ стоитъ какая-то древняя пѣсня или повѣсть о хожденіи пословъ, богатырей въ Индѣйское царство остается въ силѣ. Привитіе странствующей повѣсти объ Индѣйскомъ царствѣ тѣмъ легче могло состояться, что восточно-азіатская обстановка жизни московскаго боярства XVI и XVII вѣковъ своими аксессуарами напоминала нѣкоторыя чудеса сказаній объ Индіи“ [3]). Относительно анализа М. Г. Халанскаго могутъ быть сдѣланы слѣдующія замѣчанія.

---

[1]) Велико-русскія былины кіевскаго цикла, гл. XVII, стр. 187—207.

[2]) Назв. соч., стр. 203.

[3]) Назв. соч., стр. 207.

Библиотека "Руниверс"

Указывая на русскія бытовыя черты сравнительно поздняго времени, отложившіяся въ дошедшихъ до насъ современныхъ пересказахъ былины, онъ совершенно обходитъ вопросъ о времени и мѣстѣ происхожденія первоначальнаго эпическаго разказа, который въ теченіе времени подвергся этой передѣлкѣ въ русскомъ бытовомъ стилѣ. Классифицируя богатырей по историческимъ эпохамъ, онъ относитъ Дюка, вмѣстѣ съ Микулой Селяниновичемъ, Соловьемъ Будимировичемъ, Чурилой Пленковичемъ къ героямъ былинъ московскаго періода, къ идеальнымъ образамъ, чистымъ созданіямъ народной фантазіи [1]). Но мы все же не можемъ изъ его словъ вывести, считаетъ ли онъ образъ Дюка и былину о немъ московскимъ созданіемъ XVI вѣка, или только передѣлкой чего-то болѣе древняго, унаслѣдованнаго эпосомъ XVI вѣка отъ болѣе ранняго періода.

Итакъ анализы былины о Дюкѣ современныхъ изслѣдователей старались уяснить, съ одной стороны, отношеніе ея къ книжнымъ источникамъ (Эпистоліи пресвитера Іоанна, Сказаніе объ Индіи богатой), съ другой—бытовыя реальныя черты, наслоившіяся на описаніе Дюковыхъ богатствъ. Вопросъ же о времени и мѣстѣ сложенія *первоначальной* былины остается доселѣ недостаточно уясненнымъ.

Мнѣ кажется, что былина о Дюкѣ Степановичѣ, раздѣляя судьбу другихъ былинъ, подвергалась неоднократно измѣненіямъ и переработкамъ, но сохранила устойчиво то, что сохраняетъ вообще въ нашемъ народномъ эпосѣ и придаетъ ему архаическій характеръ—*нѣкоторыя* имена. Къ этимъ именамъ нельзя отнести ни Владимира, ни Кіевъ съ Черниговымъ, ни Добрыню или Илью Муромца, служащихъ по нѣкоторымъ пересказамъ послами князя Владимира. Но гораздо бо́льшее значеніе для вопроса о первичной основѣ имѣютъ имена главнаго героя Дюка Степановича, его постояннаго соперника въ щегольствѣ Чурилы Пленковича, и географическое имя Волынца Галичья или Галича Волынца. Еслибъ намъ удалось сдѣлать вѣроятнымъ, что эти имена связаны съ извѣстнымъ мѣстомъ и историческимъ періодомъ, то вопросъ о мѣстѣ и времени сложенія первоначальнаго эпическаго разказа могъ бы быть рѣшенъ.

Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что источникъ первоначальнаго русскаго разказа иноземнаго происхожденія. Разказъ о богатомъ бояринѣ Дюкѣ, удивляющемъ князя своею роскошью и невиданною

[1]) Назв. соч., стр. 208.

Библиотека "Руниверс"

культурностью,—русская передѣлка какого-то иноземнаго разказа, напоминающаго, какъ доказано акад. Веселовскимъ, въ планѣ западно-европейскіе пересказы хожденія Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь, которые въ свою очередь также основаны во многомъ на матеріалѣ эпистолій пресвитера Іоанна. Этотъ источникъ, отразившійся во второй части былины, въ описаніи богатствъ Дюковыхъ, имѣетъ свою еще не вполнѣ разъясненную исторію и въ Западной Европѣ и у насъ. Припомнимъ то немногое, что относительно этого памятника разъяснено послѣдними изслѣдованіями [1]). Появленіе латинской эпистолы пресвитера Іоанна, адресованной либо къ императору Фридриху либо къ Эммануилу Комнену, повидимому, современно этимъ монархамъ, то-есть, относится ко 2-й половинѣ XII вѣка. Къ тому же вѣку восходятъ сохранившіяся до насъ древнѣйшія рукописи латинскаго текста. Вопросъ о редакціяхъ латинскаго посланія, тщательно разработанный Царнке на основаніи сличенія 97 рукописей, рѣшается этимъ ученымъ положительно: въ латинской версіи посланіе пресвитера выдержало шесть редакцій, при чемъ главное отличіе каждой послѣдующей отъ предыдущей состояло въ дополненіяхъ и, лишь въ очень немногихъ случаяхъ, въ измѣненіи текста. Съ каждою передѣлкой наростало особенно число чудесъ въ царствѣ пресвитера, при чемъ въ этомъ наростаніи чудесъ сказывается вліяніе другихъ книжныхъ источниковъ, главнымъ образомъ, сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Гораздо сложнѣе вопросъ о происхожденіи посланія и о языкѣ, на которомъ оно было первоначально составлено: явилось ли оно на греческомъ языкѣ или самостоятельно возникло на латинской почвѣ? Царнке считаетъ переводъ съ греческаго возможнымъ и указываетъ на нѣкоторые грецизмы въ латинскомъ текстѣ [2]); но приводитъ и нѣкоторыя вѣскія соображенія объ оригинальности латинскаго текста, такъ что въ концѣ концовъ оставляетъ вопросъ объ оригиналѣ посланія открытымъ. Къ этому вопросу возвратился недавно В. Истринъ въ своемъ изслѣдованіи о русскомъ Сказаніи объ Индійскомъ царствѣ и рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ, различая въ Посланіи двѣ части. „Посланіе,—говоритъ онъ,—отличается двойственнымъ характеромъ—*религіознымъ* и *сказочнымъ*:

---

[1]) *Zarnke*, Der Priester Iohannes—1 и 2 Abhandl. 1876—1879. *В. Истринъ*, Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ, М., 1893. Литературу о посланіи пресв. Іоанна, см. у *Веселовскаго*, Южно-русскія былины, VI, стр. 173.

[2]) *Истринъ*, стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

пресвитеръ Іоаннъ есть христіанскій царь, смиренный служитель Христа, атрибуты его власти—церковнаго характера, онъ защитникъ гроба Господня и т. д. Съ другой стороны его царство—царство чудесъ: въ его царствѣ живутъ различные звѣри, текутъ особыя рѣки, живутъ рахманы, амазонки, десять племенъ іудейскихъ и т. п... Исторія романа объ Александрѣ и Посланія пресвитера на западѣ и у насъ свидѣтельствуетъ о взаимномъ ихъ отношеніи. Лишь только столкнулись романъ объ Александрѣ и Посланіе пресвитера между собой, такъ сейчасъ же началось взаимное ихъ воздѣйствіе другъ на друга: Александру стали приписывать то, что находилось въ царствѣ пресвитера. пресвитеру—то, что видѣлъ Александръ". Однако въ первой, неинтерполированной редакціи Посланія, въ сказочной сторонѣ, то-есть, въ описаніи чудесъ Индіи незамѣтно еще никакого соприкосновенія съ псевдокаллисѳеномъ. „Еслибы поэтому посланіе явилось первоначально на греческой почвѣ, гдѣ романъ Псевдокаллисѳена былъ хорошо извѣстенъ то, полагаетъ г. Истринъ, прежде всего ожидалось бы вліяніе со стороны послѣдняго. Если же мы этого не видимъ, то возможнымъ является предположеніе, что сказочная сторона Посланія составлена независимо отъ Псевдокаллисѳена, въ то время и въ томъ мѣстѣ, въ которомъ псевдокаллисѳенъ не былъ извѣстенъ", то-есть, на латинской почвѣ. „Если же обратимся къ другой сторонѣ Посланія—несказочной, то тутъ соприкосновеніе съ Псевдокаллисѳеномъ будетъ наблюдаться", особенно во вступленіи и заключеніи. Императоръ Мануилъ соотвѣтствуетъ гордому царю Дарію; Александръ и пресвитеръ одинаково упрекаютъ того и другого въ желаніи сравняться съ богомъ. Идея противоположности между гордостью и высокомѣріемъ Дарія съ одной стороны и смиреніемъ вмѣстѣ съ могуществомъ Александра съ другой—отразилось на сопоставленіи Іоанна пресвитера и императора Мануила. Эта часть посланія безъ сказочной стороны, по взгляду Истрина, и могла образоваться на Византійской почвѣ, при чемъ образы были даны уже готовыми образцами. Г. Истринъ отмѣчаетъ при этомъ, что грецизмы встрѣчаются въ латинскомъ текстѣ, именно въ описаніи *христіанской* обстановки пресвитера, а начало—Presbyter Iohannes... Emanueli Romeon gubernatori gaudere—напоминаетъ начало каждаго письма Дарія и Александра: Βασιλεὺς Ἀλέξανδρος. Βασιλεῖ Βασιλέων... Χαιρεῖν. Поэтому г. Истринъ склоняется къ предположенію, что „Посланіе пресвитера Іоанна, явившись на византійской почвѣ съ чистохристіанскимъ характеромъ, было переведено на латинскій языкъ, гдѣ потеряло свою первоначальную

Библиотека "Руниверс"

идею и получило чисто описательный характеръ: въ него вставлены были различныя чудеса, которыя были извѣстны изъ различныхъ источниковъ" [1]). Если Посланіе не дошло до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, это значитъ, по мнѣнію г. Истрина, что само по себѣ безъ сказочной стороны оно не имѣло на западѣ никакого значенія. Конечно, въ томъ видѣ, въ которомъ оно дошло до насъ въ рукописяхъ XII вѣка, Посланіе не можетъ уже считаться переводомъ, но представляется переработкой; но нѣкоторая его часть (которая по Истрину обнимаетъ параграфы 14—46 по изданію Царнке содержитъ описаніе дворца пресвитера) была переведена съ греческаго. Любопытно, что при сопоставленіи содержанія 2-й части былины о Дюкѣ (описаніе богатствъ Дюка) съ Посланіемъ оказывается, что сходство между ними находится только въ той части Посланія, которая, по мнѣнію Истрина, представляется переведенной съ греческаго и содержитъ описаніе дворца и обстановки пресвитера. На этомъ основаніи г. Истринъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Былина о Дюкѣ явилась въ Византіи; содержаніе ея было тождественно въ подробностяхъ съ религіозно-христіанской частью эпистолы пресвитера. Источникъ ихъ былъ одинъ и тотъ же; многое было подсказано дѣйствительностью. Ни въ той, ни въ другой не было того сказочнаго элемента, которымъ отличается Посланіе. Затѣмъ былина перешла на Русь, потерпѣла соотвѣтствующія видоизмѣненія, но въ подробностяхъ, въ описаніи царства Индійскаго, осталась въ существенныхъ чертахъ безъ измѣненія. Посланіе же, не получивъ благопріятной почвы, исчезло изъ Византіи, но, перейдя на западъ, получило сильное распространеніе, благодаря крестовымъ походамъ, сообщившимъ ему характеръ, „жгучаго памфлета". На латинской почвѣ Посланіе получило распространеніе: были вставлены въ него чудеса Индійской земли" [2]).

Если таково отношеніе былины къ Посланію пресвитера Іоанна, то до нѣкоторой степени оно можетъ служить хронологической датой для ея сложенія. Матеріалъ, отчасти послужившій для былины, былъ взятъ не на русской почвѣ изъ славянскаго Сказанія объ Индіи богатой, а полученъ уже въ обработанной формѣ изъ иноземнаго прототипа, византійскаго сказанія, сложеннаго въ XII вѣкѣ подъ вліяніемъ Посланія. Провѣрить это предположеніе можно сличеніемъ

[1]) Назв. соч., стр. 9.
[2]) Назв. соч., стр. 11 и 12.

Библиотека "Руниверс"

былины съ русскимъ Сказаніемъ въ его различныхъ пересказахъ. Г. Истринъ, изслѣдуя детально составъ этихъ пересказовъ, приходитъ къ заключенію, что, во-первыхъ, наше Сказаніе указываетъ на латинскій оригиналъ [1]), во-вторыхъ, оно соотвѣтствуетъ 3-й редакціи (по Царнке интерполяція B) латинской эпистоліи [2]). Что же касается времени появленія Сказанія, то оно опредѣляется временемъ появленія 2-й редакціи Александріи, которая существовала уже въ началѣ XV вѣка; слѣдовательно первая редакція Сказанія должна была уже существовать въ концѣ XIV вѣка. А такъ какъ эта, такъ называемая, первая редакція Сказанія предполагаетъ еще болѣе древнюю, которая можетъ быть названа чистымъ переводомъ, то время перевода Сказанія должно отнести къ XIII и XIV вѣкамъ. „Нужно было извѣстное время, говоритъ г. Истринъ, чтобы Сказаніе, появившись въ предѣлахъ Далматинскаго побережья, пришло къ намъ и успѣло подвергнуться переработкѣ. Акад. А. Н. Веселовскій относитъ время перевода сербской Александріи къ XIV—XV вѣкамъ; и сербская Александрія, и Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ явились, слѣдовательно, въ одномъ мѣстѣ и приблизительно въ одно время. Очевидно, въ XIII—XIV вѣкѣ на Далматинскомъ побережьѣ было особенное литературное движеніе, во время котораго совершались переводы съ греческаго и латинскаго языковъ. Въ Сербіи это было царствованіе Нѣманей, а извѣстно, что они стремились создать независимое государство не только въ политическомъ, но и въ умственномъ отношеніяхъ. Нѣтъ особенныхъ указаній на то, что переводъ Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ сдѣланъ былъ на сербскій языкъ: памятникъ слишкомъ малъ, да къ тому же первая редакція его въ отдѣльномъ спискѣ не сохранилась. Но въ виду всего сказаннаго, въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго [3]).

Итакъ, основываясь на выводахъ г. Истрина, мы должны предполагать, что непосредственной связи между русскими редакціями Сказанія и былиной о Дюкѣ не было, кромѣ развѣ тѣхъ вышеуказанныхъ случаевъ вліянія былины на нѣкоторые пересказы Сказанія. Основная былина, подвергнувшаяся затѣмъ дальнѣйшимъ переработкамъ, должна была сложиться въ такое время и въ такихъ мѣстахъ Россіи, въ которыхъ возможно предположить занесеніе византійскаго

[1]) Назв. соч., стр. 60.
[2]) Ibid., стр. 60.
[3]) Ibid., стр. 62.

Библиотека "Руниверс"

произведенія, послужившаго ей матеріаломъ. Это относитъ насъ къ южной Руси и къ домонгольскому періоду. Но нельзя ли еще ближе опредѣлить время и мѣсто? Сложеніе пѣсни, если она не историческая, не воспроизводящая недавно случившееся громкое событіе, а основана на литературномъ источникѣ, предполагаетъ, какъ важное условіе, то, чтобы сюжетъ отличался интересомъ новизны. Трудно представить себѣ, чтобы пѣсня, разказывающая о необыкновенныхъ богатствахъ героя и черпающая матеріалъ для изображенія этихъ диковинъ изъ иноземнаго книжнаго (или устнаго?) произведенія, могла быть по времени сложенія слишкомъ удалена отъ времени новизны и популярности этого произведенія. Намъ извѣстно, что, благодаря культурно-историческимъ условіямъ, эпистола пресвитера Іоанна появилась и надѣлала много шума въ періодъ крестовыхъ походовъ, когда на престолѣ Византіи сидѣлъ Манулъ, а на императорскомъ престолѣ Германіи Фридрихъ Барбаросса. Западные лѣтописцы даже точно опредѣляютъ годъ (1165), когда пресвитеръ Іоаннъ отправилъ будто бы свое посланіе въ Европу. Вѣдь о далекомъ христіанскомъ царствѣ, полномъ богатствъ и диковинъ, которымъ правитъ могущественнѣйшій властитель—пресвитеръ и царь,—готовый придти поклониться Гробу Господню, который уже съ трудомъ отстаивали крестоносцы въ это время отъ нападенія азіатскихъ султановъ, — должна была быстро разнестись по всему западу и византійскимъ владѣніямъ, и грёзы объ этой утопіи надолго овладѣть умами. „Путешественники искали пресвитера въ глубинѣ Азіи и нерѣдко находили его—путемъ безсознательнаго или сознательнаго отождествленія; фантастическіе разказы Елисея (XII вѣкъ), Мандевиля (1356), Іоанна Witte de Hese (1389) — всецѣло коренятся въ представленіяхъ эпистоліи“ [1]). Въ виду необыкновеннаго спроса на этотъ сенсаціонный сюжетъ слѣдуетъ думать, что онъ могъ уже очень рано стать извѣстнымъ въ южной Руси, которая въ XII вѣкѣ еще жила въ тѣсномъ общеніи и съ Византіей, и не чуждалась Западной Европы. Уже эти общія соображенія говорятъ въ пользу того, что основная былина — прототипъ нынѣшней былины о Дюкѣ—могла сложиться еще въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка, въ періодъ новизны и популярности своего литературнаго источника. Что же касается области ея сложенія, то всего больше правъ на это имѣетъ Галицко-Волынская Русь, какъ мы постараемся сдѣлать вѣроятнымъ, припомнивъ нѣко-

[1]) *Веселовскій*, Южно-русскія былины, VI, стр. 174.

Библиотека "Руниверс"

торыя историческія данныя о галицко-византійскихъ отношеніяхъ XII вѣка.

Къ сожалѣнію, свидѣтельства нашей лѣтописи о галицко-волынскихъ событіяхъ XII и особенно XIII вѣка крайне скудны. Извѣстно, напримѣръ, что лѣтописный разказъ о всемъ княженіи въ Галичѣ князя Романа не дошелъ до насъ, такъ что для *галицкаго* періода правленія этого князя мы должны черпать матеріалъ въ польскихъ лѣтописяхъ. Крайне скудны извѣстія лѣтописи и о галицко-византійскихъ отношеніяхъ, о которыхъ гораздо больше знаютъ византійскіе историки. Въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1165 годомъ находимъ краткую замѣтку о томъ, что въ Галичѣ у Ярослава Осмомысла нѣкоторое время гостилъ византійскій царевичъ Андроникъ. Никакихъ подробностей, ни объ личности царевича, ни объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ его пребываніе въ Галичѣ, лѣтописецъ не обронилъ. А между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, и личность Андроника и его отношенія къ императору и Ярославу представляютъ значительный интересъ, характеризуя дипломатическія отношенія галицкихъ князей къ имперіи. Однородный фактъ, кажется, произошелъ позднѣе, въ княженіе Романа. Польскіе лѣтописцы, а за ними и Густынская лѣтопись, разказываютъ, что по взятіи Константинополя крестоносцами Алексѣй Ангелъ бѣжалъ въ Галичъ къ Роману: „они же (войска римскія и нѣмецкія) пріидоша къ Цариграду моремъ и обрѣтоша Алексѣя Ангела царя Греческаго не готова, ихъ же Алексѣй убояся, к сему же яко не имѣя во Грецѣхъ никого же себѣ пріязнаго, сего ради оставивъ царство Исаакію, ослѣпленному брату своему, а самъ со своими бояры и со множествомъ богатства и сокровищъ побѣже въ Русскую землю къ Роману Мстиславичу въ Галичъ“ [1]). Если дѣйствительно Алексѣй бѣжалъ въ Галичъ, ища тамъ убѣжища и помощи, то онъ слѣдовалъ, вѣроятно, предшествующимъ примѣрамъ, шелъ въ данномъ случаѣ по проторенному пути.

Въ византійскихъ же лѣтописцахъ можно почерпнуть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ отношеніи галицкихъ и другихъ южнорусскихъ князей къ имперіи. Особенно настойчиво ихъ вовлекаетъ въ свои завоевательныя предпріятія, въ началѣ 60-хъ годовъ XII столѣтія, энергичный, неутомимый Мануилъ Комненъ, современникъ Ярослава Осмомысла. Припомнимъ отношенія Мануила къ (сосѣдямъ Га-

[1]) Собран. лѣт., II, 327. См. также: *А. М. Андріяшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, стр. 152.

Библиотека "Руниверс"

лицкой земли) венграмъ. Вмѣшавшись во внутреннія дѣла Венгріи, Мануилъ разсчитывалъ распространить въ этомъ государствѣ вліяніе Византіи и оказалъ королю Стефану помощь противъ его соперниковъ на престолѣ. Выведенные изъ терпѣнія этимъ ставленникомъ Мануила, венгры возмутились противъ него, принудили къ бѣгству и возвели на престолъ его племянника, также Стефана. Мануилъ счелъ нужнымъ поддержать войсками Стефана-дядю, водворилъ его снова на престолѣ, но онъ не могъ удержаться и бѣжалъ ко двору императора. Убѣдившись послѣ нѣкоторыхъ попытокъ, что Стефанъ-племянникъ, поддерживаемый сильнѣйшей партіей и пользующійся народной симпатіей, не уступитъ престолъ своему, нелюбимому народомъ, дядѣ, Мануилъ, вообще въ высшей степени изобрѣтательный политикъ, придумалъ другой планъ, который долженъ былъ подчинить Венгрію если не ему, то его преемнику. У короля Стефана былъ младшій братъ Бела, который по обычаямъ страны долженъ былъ по смерти Стефана взойдти на венгерскій престолъ. У императора Мануила прямого наслѣдника мужскаго пола не было. И вотъ онъ рѣшилъ выдать единственную дочь свою Марію за Белу и признать мужа своей дочери своимъ наслѣдникомъ на престолѣ имперіи. Такимъ образомъ впослѣдствіи Бела долженъ бы былъ соединять Венгрію съ Византіей. Венгерское правительство, чтобы положить конецъ угрожающимъ Венгрія походамъ Мануила, согласилось на эту комбинацію, и Бела, обвѣнчанный съ Маріей въ Константинополѣ, перемѣнилъ свое имя на имя Алексѣя. Съ этихъ поръ его наслѣдственная область въ Венгріи должна была стать подъ покровительство императора, но это обстоятельство и послужило къ дальнѣйшимъ вмѣшательствамъ послѣдняго во внутреннія смуты, не прекращавшіяся въ Венгріи, вслѣдствіе борьбы между обоими Стефанами, дядей и племянникомъ. Стефанъ-племянникъ въ войнѣ съ дядей нашелъ поддержку въ Германіи и Богеміи, собралъ значительное войско и воспользовался имъ, чтобъ овладѣть удѣломъ брата Белы. На помощь своему зятю Мануилъ отправилъ многочисленную армію въ Венгрію подъ начальствомъ Андроника Контостефана. Устрашенные движеніемъ византійскихъ войскъ города Венгріи сдавались безъ боя, и король Стефанъ, не отваживаясь на битву, бѣжалъ внутрь страны. Достигнувъ города Petricum (нын. Петеръ-Варадина), императоръ самъ предложилъ Стефану мирныя условія: онъ отказывался отъ своихъ завоеваній, съ тѣмъ, чтобы Стефанъ покончилъ свои счеты съ дядей и возвратилъ удѣлъ своему брату. Условія были приняты, и Ма-

Библиотека "Руниверс"

нулъ перешелъ обратно на правую сторону Дуная. Борьба между дядей и племянникомъ кончилась только тогда, когда послѣднему удалось, вторгнувшись въ принадлежавшій имперіи Сирміумъ (Сремъ), гдѣ проживалъ дядя, овладѣть соперникомъ и устранить его отравою. Такъ какъ Стефанъ этими дѣйствіями нарушилъ договоръ съ имперіей, Мануилъ рѣшилъ употребить всѣ средства для его наказанія и вмѣстѣ для завоеванія его страны. Въ этомъ фазисѣ византійско-венгерскихъ дѣлъ замѣшаны и нѣкоторые русскіе князья, которыхъ союзъ былъ крайне важенъ и Мануилу, и Стефану.

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить то значеніе, которое для византійскаго императора имѣлъ союзъ съ Ярославомъ Осмомысломъ, намъ нужно остановиться нѣсколько подробнѣе на роли, которую въ разсматриваемыхъ обстоятельствахъ игралъ двоюродный братъ Мануила Андроникъ, упоминаемый только краткою замѣткою нашей лѣтописи. Андроникъ, сынъ Исака, родного дяди Мануила, былъ во многихъ отношеніяхъ личностью замѣчательной и типичной для своего времени: обладая блестящими умственными способностями, физической красотой, ловкостью и силой, онъ былъ глубоко-испорченной въ нравственномъ отношеніи натурой; вся его жизнь—цѣпь интригъ, коварства, жестокости и неограниченнаго разврата. Какъ извѣстно, пережившъ Мануила и звѣрски убивъ его преемника Алексѣя II, Андроникъ впослѣдствіи достигъ престола; но, продержавшись на немъ не болѣе двухъ лѣтъ (1183—1185), былъ свергнутъ и казненъ мучительною смертью. Въ юности Мануилъ и Андроникъ были близкими пріятелями, и императоръ, не менѣе развратный, чѣмъ его двоюродный братъ, любилъ его веселое общество, удаль и необыкновенную изобрѣтательность. Однако скандальное поведеніе Андроника и наконецъ открытая измѣна привели къ тому, что Мануилъ, овладѣвъ имъ, заключилъ его въ тюрьму. Узникъ, благодаря своей ловкости, нашелъ возможность бѣжать, но по всей имперіи шла за нимъ такая травля, что онъ былъ снова пойманъ и подвергнутъ еще болѣе суровому заключенію. Однако, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, Андроникъ, при помощи своей семьи и преданныхъ ему лицъ, снова вырвался изъ темницы и послѣ цѣлаго ряда приключеній нашелъ убѣжище въ отдаленномъ Галичѣ, у князя Ярослава. Расположенный къ Андронику больше, чѣмъ къ Мануилу, историкъ Никита Хоніатъ, подробно разказавъ удивительныя похожденія его, утверждаетъ, что Андроникъ „принятъ былъ правителемъ Галицы съ распростертыми объятіями, пробылъ у него довольно долго и до того привязалъ его къ себѣ,

Библиотека "Руниверс"

что вмѣстѣ съ нимъ и охотился и засѣдалъ въ совѣтѣ и жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ и вмѣстѣ обѣдалъ" [1]).

Пребываніе Андроника у Ярослава, конечно, было не только непріятно, но и опасно для Мануила. Предпріимчивый Андроникъ могъ, расположивъ къ себѣ русскихъ князей, набрать себѣ войска и присоединиться къ другимъ многочисленнымъ врагамъ императора. Но и, помимо этого, Ярославъ былъ опасенъ Мануилу, въ силу своего союза съ венгерскимъ королемъ. Дѣйствительно послѣдній, чувствуя себя слабымъ въ борьбѣ съ могущественнымъ императоромъ, искалъ всюду союзниковъ и велъ сношенія съ Ярославомъ, прося у него руки его дочери и военной помощи. Переговоры велись успѣшно, и Мануилъ долженъ былъ принять всѣ мѣры, чтобы разстроить этотъ опасный союзъ. Онъ отправилъ къ русскимъ князьямъ ловкаго посла, сомеинника своего Мануила, который долженъ былъ привлечь ихъ на сторону императора. Историкъ Киннамъ, авторъ краткаго обозрѣнія царствованія Іоанна и Мануила Комненовъ, упоминаетъ по этому поводу князя Ростислава, „который управлялъ тогда Тавроскиѳіей" [2]), и Ярослава, котораго царь вооружилъ противъ Стефана слѣдующимъ письмомъ: „Мы не будемъ подражать тебѣ въ недоброжелательствѣ, которое ты безъ всякой нужды обнаружилъ въ отношеніи къ намъ, вмѣнивъ ни во что условія и договоры, недавно подтвержденные твоею клятвою [3]). Тебѣ угрожаетъ крайняя обида, и я представляю ее предъ твои глаза. Знай, что, выдавая свою дочь замужъ за короля пэонянъ (то-есть, венгровъ), ты соединяешь ее съ человѣкомъ злонравнымъ и въ своихъ мысляхъ весьма не твердымъ, который никогда не уважалъ правды или истины,—съ человѣкомъ, отказавшимся отъ природы и законовъ и, кажется, совершенно расположеннымъ все сдѣлать легкомысленно. Итакъ Стефанъ пусть не соединяется съ твоею дочерью и не вступаетъ ни въ какія другія законныя связи съ нею, потому что, и законно соединившись, онъ поставитъ себя въ отношеніе къ ней, какъ къ распутной женщинѣ. Вѣдь если онъ такъ оскорбляетъ наше величество и не стыдится обращать въ шутку недавно данныя намъ клятвы, то подумай, какого безчеловѣчія

---

[1]) *Никита Хоніатъ*, Исторія, т. I, С.-Пб., 1860, стр. 167.

[2]) По мнѣнію *Карамзина* (т. 2, гл. 13), Ростиславъ могъ быть княземъ смоленскимъ, пока онъ владѣлъ еще великокняжескимъ престоломъ.

[3]) Любопытное свидѣтельство о предшествующихъ дипломатическихъ сношеніяхъ Ярослава съ Мануиломъ.

Библиотека "Руниверс"

не сдѣлаетъ съ тобою“ [1]). Киннамъ увѣряетъ, что это письмо подѣйствовало, и Ярославъ согласился всячески помогать ромеямъ. Къ союзу съ Мануиломъ былъ привлеченъ и князь Кіева (Кіама), не называемый Киннамомъ по имени. Еще раньше, вѣроятно, Мануилъ постарался уладить свои отношенія съ Андроникомъ. По словамъ Никиты Хоніата [2]), царю казалось „подозрительнымъ долговременное его отсутствіе, такъ какъ ходили уже слухи, что онъ собираетъ многочисленную скиѳскую (то-есть, русскую) конницу съ намѣреніемъ вторгнуться въ римскіе предѣлы. Поэтому онъ призналъ дѣломъ, какъ говорятъ, первой важности — возвратить Андроника. Съ этой цѣлью онъ приглашаетъ его оттуда и послѣ дружескихъ увѣреній съ той и другой стороны, дѣйствительно принимаетъ странника въ свои объятія“.

Мы оставляемъ въ сторонѣ дальнѣйшую судьбу Андроника и византійско-венгерской войны, такъ какъ о русскихъ князьяхъ и ихъ отношеніяхъ къ Византіи не находимъ больше упоминаній у историковъ царствованія Мануила — Никиты Хоніата и Киннама. Перенесемся теперь мысленно къ двору галицкаго князя Ярослава и представимъ себѣ ту историческую эпоху, которую онъ переживалъ. Даже на основаніи скудныхъ, случайныхъ указаній византійскихъ историковъ можно судить о живомъ общеніи этой части Руси съ Византіей и Венгріей. Событія блестящаго царствованія императора Мануила, его постоянныя войны въ Малой Азіи, Италіи, Сербіи, Венгріи должны были постоянно доходить и до Руси. Его имя должно было быть популярно. Его двоюродный братъ гоститъ въ Галичѣ, выказываетъ свою удаль въ княжескихъ охотахъ, свои общественные таланты за княжескимъ столомъ. Это личность, интересующая своими похожденіями, не только грековъ, но и Западную Европу. Онъ умѣетъ находить себѣ горячихъ сторонниковъ, овладѣваетъ и вниманіемъ русскихъ князей, получаетъ отъ Ярослава нѣсколько городовъ на кормленіе, составляетъ комплоты противъ брата и, конечно, знакомитъ своихъ хозяевъ со всѣми новостями политической и общественной жизни Византіи. Въ то же почти время прибывшій изъ Константинополя ловкій посолъ-дипломатъ (Мануилъ) ведетъ переговоры съ русскими князьями. Немудрено, что имя императора Мануила съ этихъ поръ

[1]) Византійскіе историки, перевед. съ греч. при С.-Петербургской Духовной Академіи. С.-Пб. 1859 (*Киннамъ*), стр. 261.

[2]) Назв. соч., стр. 167 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

хорошо запомнилось на Руси, и что все, связанное съ этимъ именемъ, должно было обращать на себя особенное вниманіе. На это имѣемъ даже прямыя указанія. Въ XIII вѣкѣ книжныя сказанія уже дѣлали Мануила современникомъ Владимира Мономаха, и авторъ „Слова о погибели Русской земли", прославляя могущество этого князя, обронилъ для насъ слѣдующее драгоцѣнное для исторіи нашего эпоса указаніе: „И жюръ (то-есть, куръ) Маноулъ ц̑регородскый опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы подъ нимъ великый кн̑зь Володимеръ п̑ря города не взялъ" [1]). Можно думать, что имя Мануила особенно было популярно въ Галицкихъ народныхъ разказахъ: едва ли простую случайность можно видѣть въ томъ, что именно въ пѣсняхъ о Романѣ (въ которомъ мы вмѣстѣ съ проф. Ждановымъ видимъ Романа Галицкаго) похититель жены Романовой носитъ имя Мануила Ягайловича [2]). Можетъ быть, то же имя находимъ въ былинномъ грозномъ царѣ Этмануйлѣ Этмануйловичѣ, за дочь котораго сватается Владиміръ стольно-кіевскій [3]). Припомнимъ далѣе вмѣшательство Мануила въ русскія церковныя дѣла, когда онъ письмомъ убѣждалъ князя Ростислава назначить митрополитомъ грека. Припомнимъ занесенное въ Новгородскую лѣтопись (3-ю) сказаніе, также зашедшее къ намъ изъ Византіи, о наказанной гордости этого же царя и о томъ, какъ онъ написалъ образъ Спасителя, извѣстный подъ именемъ золотой ризы [4]). Припомнимъ далѣе извѣстіе изъ житія преподобной Евфросиніи Полоцкой объ *ефесской* иконѣ Богородицы Одигитріѣ, присланной императоромъ Мануиломъ Евфросиніи по ея просьбѣ [5]). И вотъ почти къ тому же времени, даже къ тому же году, когда двоюродный братъ знаменитаго императора гостилъ въ

---

[1]) Слово о погибели Русской земли, *Х. Лопарева*, 1892, стр. 24. Объясненіе этой хронологической ошибки см. у *И. Н. Ждамова*—Русскій былевой эпосъ, стр. 97 и слѣд.

[2]) Проф. *Ждановъ* (Русскій былевой эпосъ, стр. 502) говоритъ, что это имя несомнѣнно связано съ воспоминаніями изъ польско-литовской исторіи. Думаемъ, что послѣднія отразились только на отчествѣ (Ягайловичъ), но что имя Мануила (имѣвшее, быть можетъ, раньше другое отчество) восходитъ къ имени византійскаго императора.

[3]) Кирша Даниловъ, 1818 г., стр. 86, 88, 89, и соображенія Лопарева, назв. соч., стр. 14, прим.

[4]) П. С. Русс. Лѣт., III, 211.

[5]) См. Житіе ея подъ 23-мъ мая у Димитрія Ростовскаго. Припомнимъ, наконецъ, что Мануилъ пріютилъ у себя изгнанныхъ братьевъ кн. Андрея Боголюбскаго.

Библиотека "Руниверс"

Галичѣ (1165), относится сенсаціонное извѣстіе о томъ, какъ гордыня Мануила была унижена письмомъ къ нему пресвитера Іоанна (изъ Индіи богатой), который при необычайномъ своемъ могуществѣ и пышности противопоставляетъ свое христіанское смиреніе горделивости императора. Если мы теперь примемъ въ соображеніе, что посланіе пресвитера и вѣсти о посольствѣ Мануила къ нему дали матеріалъ для какого-то эпическаго сказанія, и что слѣды этого (вѣроятно, византійскаго) сказанія оказываются въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, въ которой упорно поминается и Индія богатая и Галичъ-Волынскій, то мысль о галицкомъ происхожденіи напрашивается сама собою, точно также, какъ является весьма естественнымъ предположеніе, что *основная* былина, по времени своего сложенія едва ли слишкомъ отдалена отъ выше описанныхъ галицко-византійскихъ отношеній, то-есть, могла быть сложена еще въ концѣ XII или въ началѣ слѣдующаго столѣтія [1]). Исходя изъ этого предположенія, поищемъ ему другихъ подтвержденій.

Всмотримся въ планъ былины и въ личность ея героя. Былина состоитъ изъ двухъ частей. Въ первомъ разказывается, какъ къ князю пріѣзжаетъ иноземный гость, не князь, не царевичъ, а частное лицо, боярин, хвастаетъ при дворѣ князя своимъ богатствомъ и роскошью и возбуждаетъ подозрѣніе во лживости. Во второй части князь снаряжаетъ спеціальное посольство для повѣрки хвастовства пріѣзжаго гостя, и посольство подтверждаетъ истину его словъ: частное лицо оказывается несравненно богаче князя, его городъ роскошнѣе княжеской столицы, его придворный штатъ неизмѣримо пышнѣе княжескаго. Во второй половинѣ разказа, какъ мы видѣли, сохранились отголоски сказанія о дворѣ пресвитера Іоанна. Первая часть представляетъ нѣчто относительно самостоятельное, говоримъ, относительно, потому что не знаемъ предполагаемаго византійскаго источника. Предположимъ, что въ этомъ византійскомъ прототипѣ были соотвѣтствія обѣимъ половинамъ нашей былины, и спросимъ себя, какъ могъ сложиться такой планъ разказа подъ воздѣйствіемъ посланія пресвитера Іоанна къ царю Мануилу. Посланіе, какъ извѣстно, кончается приглашеніемъ Мануилу снарядить посольство въ Индію, чтобы убѣдиться въ правдивости письма пресвитера. И вотъ естественно, посольство въ Индію съ описаніемъ тамошняго богатства и велико-

[1]) Вопросъ: не былъ ли памфлетъ противъ императора Мануила привезенъ въ Галичъ врагомъ императора Андроникомъ?

Библиотека "Руниверс"

лѣпія должно войдти въ эпическое произведеніе. Но чѣмъ мотивировать такое посольство? Письмомъ? Но это не во вкусѣ народнаго эпоса, который любитъ разказъ о живомъ лицѣ, о его дѣйствіяхъ. Естественной мотивировкою поэтому представляется пріѣздъ ко двору властителя какого нибудь лица изъ Индіи, съ хвастливымъ разказомъ о тамошнемъ богатствѣ. Что же это за лицо? Не потревожится пріѣздомъ, конечно, такая важная особа, какъ самъ пресвитеръ. Такого невѣроятнаго пріѣзда его не могла бы создать самая пылкая фантазія, если руководилась содержаніемъ его письма. И вотъ фантазія слагателя новаго разказа создаетъ весьма удачно другое лицо, идея для котораго дана въ самомъ посланіи. Въ такомъ царствѣ, каково царство пресвитера, даже частныя лица, его подданные, должны превосходить богатствомъ и роскошью вѣнценосцевъ: вѣдь служатъ же у пресвитера даже цари въ придворныхъ должностяхъ. Такимъ образомъ должна была явиться идея о пріѣздѣ изъ Индіи частнаго лица, и противопоставленіе его богатства со средствами (византійскаго) властителя должно было всему разказу придать еще болѣе соли и пикантности. Но въ разказѣ необходимо, чтобы этотъ пріѣзжій богачъ носилъ опредѣленное имя. Въ выборѣ этого имени и видно, что мы имѣемъ дѣло съ пріемами народной эпики. Извѣстно, что она въ этомъ отношеніи отличается наивностью и нисколько не затрудняется лицамъ иноземнымъ давать свои національныя имена и изображать эти лица въ національномъ вкусѣ. Географія и этнографія для нея не имѣютъ значенія. Этимъ, повидимому, можно себѣ объяснить, что пріѣзжій изъ Индіи гость получилъ популярное греческое имя Дука (Δούκας). Дуки представляли аристократическій родъ, близкій къ династіи Комниновъ и состоявшій съ ними въ родственныхъ отношеніяхъ; нѣкоторые Комнины носятъ и фамилію Дуковъ: напр., Константинъ Дукасъ (1059—1067), Михаилъ Дукасъ (1071—1078). Имя Дуковъ безпрестанно мелькаетъ въ византійскихъ лѣтописяхъ; многіе изъ носящихъ это фамильное имя занимаютъ высшія придворныя и военныя должности. Особенно прославился въ царствованіе Мануила Іоаннъ Дука своими блестящими побѣдами въ Италіи, Далмаціи и Венгріи и подвигами личной храбрости [1]). Изъ другихъ Дуковъ упоминается въ то же царствованіе Константинъ Дука, женатый на племянницѣ царя [2]), и Андроникъ Дука, отличившійся при

[1]) См. *Кинnамъ*, стр. 150, 157, 165, 271, 289.

[2]) *Кинnамъ*, стр. 297.

Библиотека "Руниверс"

вторичномъ взятіи Ромеями города Зевгмина тѣмъ, что первый взбѣжалъ на стѣну крѣпости [1]). Извѣстностью и славой имени Дуковъ объясняется и то, что эта фамилія встрѣчается и въ героическихъ сказаніяхъ Византіи. Въ поэмѣ о Дигенисѣ говорится объ Андроникѣ Дукѣ, на дочери котораго былъ женатъ отецъ Дигениса, такъ что со стороны матери популярнѣйшій герой византійскаго эпоса принадлежалъ знаменитому роду Дуковъ. Но съ тою же фамиліей онъ былъ связанъ и свойствомъ, такъ какъ самъ женился на дочери Дука [2]). Вѣроятно, славное византійское имя попало и въ южнославянскія пѣсни [3]). Конечно, имя Дуки было въ томъ византійскомъ эпическомъ произведеніи, которое послужило основой русской былинѣ, ибо трудно предположить, что послѣдняя сама изобрѣла имя Дюка. Но откуда могло получиться отчество—Степановичъ, такъ прочно всегда сопровождающее имя Дюка, что ни одна былина не представляетъ другихъ варіантовъ? Думаемъ, что и здѣсь мы имѣемъ литературную традицію. Едва ли пріѣзжій изъ Индіи богачъ при фамиліи Дуки не имѣлъ личнаго имени, какъ другіе Дуки, упоминаемые византійскими источниками. Не носилъ ли онъ популярнаго въ Византіи, а чрезъ нее у южныхъ славянъ и венгровъ имени Стефана? Въ исторіи политическихъ событій, происходившихъ въ Византійскихъ владѣніяхъ, на Балканскомъ полуостровѣ и Венгріи въ XII вѣкѣ, безпрестанно мелькаетъ это имя: вспомнимъ венгерскихъ королей Стефановъ, сербскихъ князей съ этимъ именемъ и многочисленныхъ Стефановъ и Контостефановъ царедворцевъ, военачальниковъ, *дуксовъ* и *великихъ дуксовъ*, упоминаемыхъ историками царствованія Мануила Киннамомъ и Никитой Хоніатомъ [4]). Впрочемъ едва ли есть надежда найдти положительный отвѣтъ на вопросъ объ отчествѣ Дюка, узнать, откуда оно пошло, и ограничилась ли изобрѣтательность перваго слагателя былины въ этомъ случаѣ только тѣмъ, что онъ, согласно русскому обычаю, сдѣлалъ иноземное личное имя отчествомъ. Характеристичнѣе для предполагаемаго Галицкаго автора былины то, что онъ придалъ

---

[1]) *Кинамъ*, стр. 273.

[2]) Ю. Русск. был., VI, 171.

[3]) *Dozon*, Poésies serbes, 196. *Халанскій*—Марко Кралевичъ, II, 286, 445.

[4]) У *Кинама* упоминаются 5 Контостефановъ: Контостефанъ Андроникъ извѣстный полководецъ (34, 64 — 67, 108, 220, 299, 301, 309); Контостефанъ Алексѣй протостраторъ (142, 185—188, 235); Контостефанъ Іоаннъ придворный сановникъ и дипломатъ (219, 230); Контостефанъ Стефанъ, 105; Контостефанъ Ѳеодоръ военачальникъ (41, 135).

Библиотека "Руниверс"

герою *боярское* званіе. Извѣстно, какимъ значеніемъ, самостоятельностью и богатствомъ отличалось галицкое боярство, вѣчно строившее козни противъ княжеской власти. Въ отношеніяхъ *боярина* Дюка къ князю въ его тонѣ, повадкѣ, въ соперничествѣ съ нимъ, повидимому, проглядываютъ историческія черты эпохи сложенія былины, то-есть, XII или XIII вѣка. Къ сожалѣнію, идти дальше въ уясненіи процесса сложенія основной былины мы не въ состояніи, и она должна остаться для насъ въ туманныхъ очертаніяхъ. Трудность ступать въ этомъ направленіи хоть сколько нибудь прочно заключается въ томъ, что мы не видимъ положительныхъ данныхъ для рѣшенія основнаго вопроса: современно ли прикрѣпленіе мѣсто-дѣйствія былины къ Кіеву и князю Владиміру ея сложенію, или такое прикрѣпленіе произошло лишь *позднѣе* и предполагаетъ уже вторую редакцію. (Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнѣе). Изъ предыдущихъ соображеній видно, что оба имени—Индія и Галичъ, были уже въ основной былинѣ и, конечно, не могли отождествляться, какъ въ современной. Первый слагатель, жившій въ Галицкой области, не могъ отождествить свой областной городъ съ Индіей богатой. Слѣдовательно, Дюкъ пріѣзжалъ изъ Индіи въ Галичъ, такъ какъ другаго отношенія между обоими именами мы не можемъ себѣ представить. Если Дюкъ пріѣзжалъ въ Галичъ, то, конечно, къ галицкому князю, и ни Кіевъ, ни кн. Владиміръ не были нужны, — ergo кіевское прикрѣпленіе былины произошло также впослѣдствіи. Путаницу, которая вслѣдствіе этого произошла между Галичемъ и Индіей богатой, объяснить себѣ возможно такимъ соображеніемъ. Имя Дюка богатаго, хвастовавшаго своими богатствами въ Галичѣ, было такъ тѣсно въ народномъ преданіи связано съ этимъ городомъ, что второй редакторъ былины, жившій уже въ тѣхъ мѣстахъ Руси, гдѣ Галичъ былъ неизвѣстенъ, и въ такое время, когда „матерь городовъ русскихъ“ блистала больше въ эпическомъ и церковномъ преданіи, чѣмъ въ государственной русской жизни, перенеся Дюка въ эпическій центръ ко двору кн. Владиміра, просто по наивности отождествилъ оба неизвѣстныя ему мѣста — Галичъ Волынецъ и Индію богатую.

Продолжая ступать по той же зыбкой почвѣ догадокъ, спросимъ себя, не рушится ли все это построеніе отъ присутствія другаго имени въ былинѣ, соперника Дюка по щегольству, котораго пріѣзжій богатырь застаетъ въ Кіевѣ, какъ тамошняго извѣстнаго *щапа*, любимца кіевскихъ женщинъ. Мы говоримъ о Чурилѣ Пленковичѣ. Едва ли, Чурило Пленковичъ, какъ видно изъ другихъ былинъ, самъ

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ заѣзжій въ Кіевѣ, хотя и обжившійся въ немъ. Онъ самъ, повидимому, потомъ вовлеченъ въ кіевскій эпическій циклъ, какъ и Дюкъ Степановичъ. Но откуда онъ родомъ, въ какомъ краѣ Руси сталъ первоначально извѣстенъ въ пѣсняхъ этотъ типъ, и откуда пошло его имя? Если въ первоначальной Галицкой былинѣ о Дюкѣ этотъ пріѣзжій изъ Индіи засталъ Чурилу въ Галичѣ, какъ мѣстнаго щапа, то естественно предположить галицко-волынское происхожденіе Чурилы. Это было бы только болѣе опредѣленное пріуроченіе этого эпическаго имени, потому что въ южно-русскомъ его происхожденіи не сомнѣвается никто изъ современныхъ изслѣдователей. „Распространенность именъ Чурило, Журило, Цюрило въ юго-западной Руси въ пѣсняхъ и мѣстныхъ названіяхъ,—говоритъ проф. Халанскій [1]),—даетъ большую вѣроятность мнѣнію о южно-русскомъ происхожденіи сказаній объ этомъ богатырѣ". Дѣйствительно, имя Чурилы (Журилы, Цюридлы) принадлежитъ къ тѣмъ очень немногимъ эпическимъ именамъ, которыя помнятъ народныя пѣсни Холмской, Подлясской и Галицкой Руси. Въ одной, именно *галицкой*, пѣснѣ про раскосую дѣвушку поется:

Казала е ми тоту брати,
Ту, шо скуловока:
Одно око до Чурила,
Друге до Потока [2]).

Въ старинной малорусской свадебной пѣснѣ (изъ Жолковскаго округа Галиціи) изображается свита дѣвицъ, идущая за Журилой (въ варіантѣ Липинскаго—Чурилой):

Ішов Журило з міста,
За ним дівочок триста [3]).

То же дѣвичье войско Чурилы является въ плясовой пѣснѣ, сопровождающей обрядъ, въ Покутьи.

Гой ты Джурыло, гой ты!
Куда ж до тебе зайти?
Ледом дівчата, ледом,
В мене горівка з медомъ.
Гой ты, Джурыло, пане!

---

[1]) Великорусскія былины кіевскаго цикла, 209.

[2]) *Kolberg*, Pokucie, II, 101.

[3]) Жеготи Паули, ч. II, стр. 149—150; перепечатано у *Антоновича и Драгоманова*, Историч. пѣсни малорусс. народа, I, 54—56.

Библиотека "Руниверс"

Де твое войско стане?
Йа у місті при долині,
При червоні калыні [1]).

Пѣсня о Чурилѣ поется въ Грубешевскомъ и Холмскомъ уѣздахъ Люблинской губерніи. Приводя эту пѣсню (варіантъ пѣсни, изданной у Антоновича и Драгоманова), автора статьи „Очерки быта крестьянъ Холмской и Подлясской Руси по народнымъ пѣснямъ“ гг. Н. Страшкевичъ и К. Заусцинскій замѣчаютъ: „увлекающаяся Джурилой дѣвушка Ксеня, забывшая у него черевички и безъ нихъ явившаяся къ матери, напоминаетъ Катерину Микуличну, жену стараго Бермяты, которая тоже прибѣгаетъ къ мужу отъ Чурилы (точнѣе выбѣгаетъ къ мужу изъ своей спальни, гдѣ сидитъ Чурило) въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чеботовъ“ [2]).

По словамъ издателей „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, въ древней Руси издавна былъ боярскій родъ Чуриловъ или Джуриловъ, члены котораго упоминаются съ конца XIV по начало XVII столѣтія, въ качествѣ сановниковъ земель: перемышльской, галицкой и подольской; въ послѣдней изъ нихъ Чурилами основанъ былъ городъ Чуриловъ (нынѣ Джуринъ Подольской губерніи Ямпольскаго уѣзда), въ которомъ въ началѣ текущаго столѣтія польскій этнографъ Липинскій слышалъ варіантъ пѣсни о Чурилѣ и его войскѣ. Какъ собственное имя, Чурило встрѣчается, напримѣръ, въ галицкомъ документѣ 1410 года Akta grodzkie i ziemskie: Nobilis Andreas dictus Czurilo. Извѣстенъ и фольваркъ Чурилы въ Сѣдлецкой губерніи [3]).

Что касается происхожденія имени, то оно представляется до сихъ поръ не вполнѣ уясненнымъ. Обыкновенно полагаютъ, что Чурило произошло изъ древне-русскаго Кюрилъ, варіанта имени Кириллъ, опираясь на то, что при имени Кипріанъ существуетъ имя Чупріанъ, откуда великорусское мѣстное названіе Чупріановка. Проф. Соболевскій, однако, отвергаетъ это объясненіе отсутствіемъ достовѣрныхъ примѣровъ измѣненія на русской почвѣ к въ ч, и считаетъ имя Чурило уменьшительнымъ отъ *Чуруслав*ъ, какъ Твердило отъ *Твер-*

[1]) *Kolberg*, II, 155.

[2]) См. Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, *П. Батюшкова*. Вып. 7-й, Холмская Русь, стр. 347 и слѣд. О южно-русскомъ происхожденіи имени Чурилы см. еще замѣтки *В. Каллаша* въ *Этнографическомъ Обозрѣніи*, 1889, III, 207—210; 1890, II, 252.

[3]) *Живая Старина*, 1890 г., вып. II, стр. 95.

Библиотека "Руниверс"

*дислав*ъ [1]). Противъ такого объясненія мы ничего бы не имѣли, еслибы, во-первыхъ, было доказано, что Твердило есть уменьшительное отъ Твердислава и во-вторыхъ, что дѣйствительно существовало древнерусское имя *Чуруслав*ъ, до сихъ поръ не найденное ни въ какихъ памятникахъ.

Не произошелъ ли переходъ *к* въ *ч* подъ вліяніемъ латинской формы Cyrillus у русскихъ, сталкивавшихся съ западомъ и получившихъ это имя въ латинской оболочкѣ? (Ср. чешск. Cyrill). Имя отца Чурилы, выведенное изъ его отчества, звучало Пленко и своимъ суффиксомъ подходитъ къ старинным южно-русскимъ и нынѣшнимъ малорусскимъ именамъ: сравните галицкія имена Владимирко, Василько, польскія Мешко, Лешко, малорусскія Левко, Харько и друг. Предполагая въ Чурилѣ такое же происхожденіе, какъ въ Дюкѣ, спѣшу однакожъ оговориться, что древность его имени нисколько не ручается за древность тѣхъ сюжетовъ, которые связаны съ нимъ въ современныхъ былинахъ. Имена въ нашемъ эпосѣ вообще древнѣе сюжетовъ, такъ какъ послѣдніе подвергались въ исторіи эпоса иногда радикальнымъ переработкамъ и воспринимали черты позднѣйшихъ эпохъ. Намъ кажется, что наидревнѣйшимъ сюжетомъ, связаннымъ съ именемъ Чурилы, было его соперничество съ Дюкомъ. На другихъ сюжетахъ, какъ я старался уяснить въ спеціальной статьѣ, отслонились яркія черты позднѣйшей сѣверно-русской, точнѣе новгородской, переработки.

Поищемъ другихъ галицко-волынскихъ отголосковъ въ нашихъ былинахъ. Въ стихахъ вышеприведенной галицкой пѣсни вслѣдъ за Чурилой названо имя другаго богатыря Потока. Въ этомъ нельзя не видѣть прямого указанія на извѣстность этого былиннаго имени у галичанъ. Спрашивается, зашло ли это имя сюда изъ великорусскихъ былинъ или представляетъ наслѣдіе старины. Первое представляется мнѣ совершенно невѣроятнымъ: этотъ богатырь извѣстенъ исключительно современному олонецкому былинному репертуару: ни въ одной другой губерніи европейской Россіи былинъ о немъ не было записано. Въ прошломъ столѣтіи одна былина о немъ попала въ Сибири въ сборникъ, приписываемый Киршѣ Данилову, наконецъ есть еще три прозаическихъ записи былины въ рукописяхъ XVIII и XVII вѣка [2]), восходящія къ одной редакціи XVII вѣка. Имя Потока неизвѣстно ни въ какихъ мѣстахъ, гдѣ соприкасается *великорусская*

[1]) Названныя сочиненія, стр. 95.

[2]) См. Русскія былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 25—46.

Библиотека "Руниверс"

народность съ *малорусской*, гдѣ возможно было бы предположить воздѣйствіе великорусской эпики на малорусское пѣснотворчество. Итакъ можно думать, что имя Потока въ галицкой пѣснѣ такое же наслѣдіе родной старины и преданія, какъ имя Чурилы. Подтверждается ли это, однако, содержаніемъ великорусскихъ былинъ объ этомъ богатырѣ?

Я не стану подробно разбирать былины о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ [1]), такъ какъ для моей цѣли такой разборъ и не нуженъ. Укажу только на результаты, добытые анализомъ другихъ изслѣдователей, и отмѣчу въ былинѣ нѣкоторыя интересныя для насъ имена.

Былина о Потокѣ производитъ съ перваго взгляда впечатлѣніе сложной сказки на широко распространенную тему о невѣрныхъ женахъ, прикрѣпившейся къ какому-то старинному имени. Наидревнѣйшей частью сказки представляется женитьба героя, уговоръ съ женою о томъ, что переживший изъ обоихъ супруговъ долженъ сопровождать другаго въ могилу, смерть жены, пребываніе мужа съ тѣломъ ея въ склепѣ и столкновеніе его со змѣемъ, послужившее къ воскресенію жены. Эта первая сказка составляетъ, напримѣръ, все содержаніе былины и записи Кирши Данилова и имѣетъ множество параллелей и въ русской, и въ иностранной сказочной литературѣ. Отмѣтимъ особенно бѣлорусскую сказку [2]), [великорусская не встрѣтилась], польскую [3]), нѣмецкую [4]). Указаны были далѣе параллели въ сказкахъ французскихъ (лотарингская, бретонская), каталанскихъ, итальянскихъ (изъ Абруццъ), сицилійскихъ и восточныхъ (кавказскихъ, индійскихъ, аннамскихъ, монгольскихъ и др.) [5]). Раздѣляя исторію сказокъ вообще, основная сказка осложнилась другими на тему о невѣрныхъ женахъ. Волшебница, жена героя, увозится въ его отсутствіе другимъ, измѣняетъ мужу и старается его погубить, когда онъ является за нею. Попытки погубить мужа излагаются въ двухъ эпи-

---

[1]) Кирша Даниловъ, № 22; *Рыбниковъ*, I, №№ 35—38; II, №№ 15—17; IV, № 12; *Гильфердингъ*, №№ 6, 39, 40, 52, 82, 150, 158; Русскія былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 25—46.

[2]) *Романовъ*, III, № 88, стр. 353—359.

[3]) *Kolberg*—Lud. Jego Zwyczajie, spósob Życia и пр., № 11, стр. 229—230.

[4]) *Grimm*, стр. 82—92.

[5]) Наиболѣе полный перечень параллелей содержанію былины о Потокѣ см. въ книгѣ Máchal'a — O bohatýrském epose slovanském. C. I. Praga, 1894 г., стр. 167—172. См. еще: *Rambaud*, La Russie épique p. 174; *Radloff*, III, 372; *Потебня*, Объясненіе малороссійскихъ пѣсенъ и т. д., II, 287.

Библиотека "Руниверс"

зодахъ: въ первый разъ, опоивъ мужа, она превращаетъ его въ камень, какъ Марина Добрыню въ тура; мужа воскрешаетъ чудесный старецъ (Михаилъ Архангелъ, Никола Можайскій); во второй разъ жена, снова опоивъ мужа виномъ, пригвоздила его въ погребѣ къ стѣнѣ; героя спасаетъ сестра похитителя (Настасья), онъ убиваетъ невѣрную жену, ея любовника и женится на своей освободительницѣ. Вопросъ о восточномъ или западномъ происхожденіи сюжета, прикрѣпившагося къ имени Потока, не можетъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ: въ сложную сказку, прошедшую, вѣроятно, чрезъ нѣсколько редакцій, могли войдти въ теченіе времени мотивы съ разныхъ сторонъ. Но въ общемъ мы раздѣляемъ взглядъ, высказанный г. Махаломъ, который пришелъ къ убѣжденію, что былина, какъ цѣлое, стоитъ гораздо ближе къ западно-европейскимъ сказкамъ, чѣмъ къ восточнымъ, но въ тѣхъ чертахъ, которыми отличается отъ западно-европейскихъ, сходится съ азіатскими [1]). Этотъ выводъ, вытекающій изъ просмотра всѣхъ доселѣ извѣстныхъ параллелей, соотвѣтствуетъ вообще срединному положенію русскихъ сказокъ между Азіей и Европой. Не останавливаясь далѣе на этомъ вопросѣ, замѣтимъ только для дальнѣйшаго, что, во-первыхъ, основной сказкой, прикрѣпленной къ имени Потока, было спасеніе имъ жены отъ змѣя, во-вторыхъ, что для этой части былины наибольшее число параллелей оказывается на западѣ, а не на востокѣ, такъ что, если европейское происхожденіе основной сказки и не можетъ быть доказано положительно, то по крайней мѣрѣ оно наиболѣе вѣроятно. Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ географическимъ именамъ былины.

Откуда привезъ себѣ жену Михаилъ Потокъ, какое имя было въ древнѣйшей доступной намъ редакціи былины? Марья-королевична, лебедь-бѣлая, въ значительномъ большинствѣ пересказовъ называется *Подоленка* [2]), то-есть, изъ Подоліи. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ прямо говорится въ началѣ, что Потокъ Михаилъ Ивановичъ былъ отправленъ въ землю Подольскую [3]), и что его жена была дочь короля подольскаго. Если въ нѣкоторыхъ пересказахъ мы находимъ другія географическія имена страны, изъ которой Потокъ вывезъ Марью, напримѣръ, темна орда [4]), заморское царство [5]), Вахрамѣево

[1]) Назв. соч., стр. 172.

[2]) *Гильфердингъ*, №№ 40, 150, 158; *Рыбниковъ*, I, 37, 38; II, 16, 17; IV, 12.

[3]) См. *Гильфердингъ*, № 6=*Рыбниковъ*, IV, 12; *Гильфердингъ*, № 40.

[4]) *Рыбниковъ*, I, 36.

[5]) *Рыбниковъ*, II, 15.

Библиотека "Руниверс"

царство [1]), то въ этомъ нужно видѣть позднѣйшее искаженіе, такъ какъ названіе „Подоленка“ является обычнымъ эпитетомъ Марьи—даже въ тѣхъ пересказахъ, которые не знаютъ объ ея привозѣ, смерти и воскрешеніи, а разказываютъ только объ ея увозѣ въ отсутствіе мужа [2]). Итакъ Потокъ добылъ себѣ жену въ Подоліи, и нѣтъ основанія предполагать, чтобъ это географическое имя вошло въ былину сравнительно поздно, въ сѣверно-русскій періодъ нашего эпоса, когда о давно отторгнутой отъ Россіи Подоліи едва ли помнили что-нибудь сказители. Похититель Марьи назывался уже въ древнѣйшей редакціи политовскимъ королемъ: такъ онъ называется въ большинствѣ пересказовъ [3]). Имя ему дано взятое изъ позднихъ сказокъ: Вахрамей [4]) (изъ сказки о Еруслапѣ Лазаревичѣ), Кощей. Оба имени извѣстны изъ сходныхъ по сюжету былинъ объ Иванѣ Годиновичѣ. Въ варіантѣ: Рыбниковъ, I, № 37, этотъ Вахрамей увозитъ Марью въ землю Волынскую, быть можетъ, реминисценція изъ какого нибудь древняго пересказа. Въ рукописной редакціи XVII вѣка страна, въ которую увезли Авдотью Лиховидовну, перенесена съ запада на востокъ: ее увезли въ Золотую Орду. Несомнѣнно, однако, что въ основной редакціи дѣло шло о Литвѣ, а не о татарскомъ царствѣ [5]), такъ какъ похититель обычно называется *королемъ*, а не царемъ. Итакъ географическія даты былины о Потокѣ ведутъ насъ въ юго-западную Русь — въ Подолію, Волынь, Литву, и въ виду извѣстности имени Потока въ галицкой Руси нѣтъ основанія думать, чтобы эта сцена изложенныхъ въ былинѣ событій была внесена лишь впослѣдствіи въ какой нибудь изъ ея позднихъ переработокъ.

Имя самаго героя уже было предметомъ изслѣдованія акад. Веселовскаго, и намъ остается только, напомнивъ добытые имъ результаты, сдѣлать изъ нихъ нѣкоторыя дальнѣйшія заключенія.

Акад. Веселовскій, приведя въ своемъ изслѣдованіи [6]) текстъ житія праведнаго Михаила воина изъ рукописи, принадлежавшей проф.

---

[1]) *Гильфердингъ*. 52.

[2]) Напримѣръ, *Гильфердингъ*, 158, 150=*Рыбниковъ*, II, 16; *Рыбниковъ*, I, 38; II, 17.

[3]) *Рыбниковъ*, II, 17, 16; IV, 12; I, 38, 36. *Гильфердингъ*, №№ 158, 130, 6, 40.

[4]) *Рыбниковъ*, I, 38; II, 17.

[5]) Въ былинѣ Рябинина у *Рыбникова*, I, 35 = *Гильфердингъ*, № 82. Потомъ даже встрѣчаетъ Марью—лебедь-бѣлую въ Литвѣ, а не въ Подоліи.

[6]) „Праведный Михаилъ изъ Потуки“ въ Разысканіяхъ въ области духовнаго стиха, IX.

Библиотека "Руниверс"

Григоровичу и поступившей въ Румянцовскій музей, останавливается за тѣмъ на нѣкоторыхъ эпическихъ мотивахъ житія—именно змѣеборствѣ приписываемомъ праведному Михаилу изъ Потуки — и приходитъ къ предположенію, что чудо Михаила изъ Потуки или Потоки со змѣемъ отложилось общими чертами, *или только именемъ дѣйствующаго лица* въ русской былинѣ о Михайлѣ Потокѣ [1]). Въ заключеніе авторъ говоритъ: „я обращаю пока вниманіе на совпаденіе именъ и общихъ очертаній, предоставляя себѣ вернуться, при другомъ случаѣ и подробнѣе, къ вопросу объ источникахъ былинъ о Потокѣ“ [2]). На сколько знаемъ, авторъ не возвращался затѣмъ къ этой темѣ. Попытаемся тѣснѣе связать Михаила изъ Потуки съ нашимъ былиннымъ Михаиломъ Потокомъ.

Припомнимъ въ общихъ чертахъ содержаніе житія. Михаилъ родомъ болгаринъ, служилъ воеводой въ римскомъ (византійскомъ) войскѣ. Когда римляне были тѣснимы агарянами и уже обратились въ бѣгство, Михаилъ со своею дружиной выручилъ римлянъ, бросился отважно на непріятеля, убилъ множество агарянъ и эеіоплянъ, а прочихъ обратилъ въ бѣгство. Возвращаясь домой въ городъ Потуку, онъ остановился отдохнуть близъ одного озера. Въ озерѣ жилъ змѣй, выходившій пожирать дѣтей, которыхъ по обычаю доставлялъ ему сосѣдній городъ. На этотъ разъ около озера ждала своей участи дѣвица. Михаилъ одинъ, безъ испугавшейся змѣя дружины, отважился биться съ чудовищемъ и, бросившись на него, снесъ ему мечемъ всѣ три головы. Однако змѣй успѣлъ ударить Михаила опашью въ правую щеку и лѣвую руку, отъ чего юноша пролежалъ нѣкоторое время безъ чувствъ. Затѣмъ извѣщенные о событіи на озерѣ граждане вышли съ торжествомъ на встрѣчу побѣдителю змѣя. Прійдя домой, Михаилъ скоро умеръ, и тѣло его въ Потукѣ стало творить чудеса. Впослѣдствіи, когда болгарскій царь Калоіоаннъ овладѣлъ Потукой, онъ велѣлъ перенести мощи угодника въ городъ Тырновъ. Перенесеніе совершилось съ большой торжественностью, на встрѣчу мощамъ вышелъ патріархъ Василій съ духовенствомъ и боярами. Это событіе произошло въ 1206 году, а жилъ Михаилъ изъ Потуки въ 2-ой половинѣ IX вѣка, принадлежа къ первымъ болгарскимъ христіанамъ.

Предполагать, что болгарская легенда о Михаилѣ изъ Потуки

---

[1]) Назв. соч., стр. 365.

[2]) Тамъ же, стр. 366.

Библиотека "Руниверс"

дала самый сюжетъ русской былинѣ о Михаилѣ Потокѣ нѣтъ основанія, а все же между легендой и былиной чувствуется какая-то связь. Во-первыхъ, въ именахъ. Нашъ богатырь носитъ какое-то странное необычное въ эпосѣ имя: Михаилъ-Потокъ по отчеству Ивановичъ. Имя Потокъ, въ дальнѣйшемъ искаженіи Потыхъ, какъ личное, неизвѣстно на Руси. Оно очевидно заимствовано и перешло одновременно съ именемъ Михаила, къ которому было прикрѣплено.

Повидимому, слагатели былинъ ограничились тѣмъ, что къ имени Потокъ прицѣпили популярнѣйшее отчество *Ивановичъ*, какъ бы считая оба имени Михаилъ-Потокъ за одно, слитное. Такая постановка отчества доказываетъ, что имя Потокъ было всегда связано съ именемъ Михаила, какъ бы его постоянный эпитетъ, въ родѣ: Соловей-разбойникъ Ахматовичъ. Поэтому связь именъ Михаила Потока съ именемъ Михаила изъ Потуки (или Потоки) представляется весьма правдоподобною.

Нѣкоторое сходство между легендой о Михаилѣ изъ Потуки и отдѣльными чертами былины о Михаилѣ Потокѣ также можетъ быть намѣчено. Оба представляются храбрыми воителями: Михаилъ изъ Потуки разбиваетъ агарянъ и эѳіоплянъ: Михаилъ Потокъ успѣшно выправляетъ дань въ землѣ Подольской, прогоняетъ изъ Кіева безчисленную рать Кощея Золотой Орды и проч.; оба около воды находятъ дѣвицу; оба такъ или иначе спасаютъ женщину отъ змѣя. Этимъ однакожъ и ограничивается все сходство: фабулы легенды и основной части былины (то-есть, воскрешенія мертвой жены, которую посѣтилъ змѣй) различны. Единственная представляющаяся намъ возможность уяснять себѣ отношенія болгарскаго Михаила изъ Потуки къ русскому Михаилу Потоку состоитъ въ слѣдующей гипотезѣ. Мы видѣли, что былина о Потокѣ созданіе весьма сложное: это синкретическая сказка на тему о невѣрной женѣ, нароставшая послѣдовательно на имя, связанное съ какимъ-то древнимъ сказаніемъ. Основнымъ мотивомъ въ былинѣ является отношеніе Потока къ дѣвицѣ и змѣю. Спрашивается, почему именно къ Потоку прикрѣпился этотъ странствующій сказочный сюжетъ. Вѣроятно, именно потому, что нѣчто подобное, то-есть, какое-то преданіе о дѣвицѣ и змѣѣ было еще раньше связано съ именемъ Михаила изъ Потуки и перешло вмѣстѣ съ нимъ на Русь. Шаблонная формула Георгія змѣеборца, выражающаяся въ болгарской легендѣ, была замѣнена другимъ аналогичнымъ мотивомъ, въ которомъ оказались, какъ въ прежней формулѣ, и змѣй, и женщина, но въ другой, болѣе интересной ком-

Библиотека "Руниверс"

бинаціи. На одно имя, безъ какого нибудь связаннаго съ нимъ преданія, не могла бы отслоиться сказка, а такое преданіе представляетъ намъ болгарская легенда о Михаилѣ изъ Потуки.

Итакъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что наше былинное имя Михаилъ-Потокъ болгарскаго происхожденія. Является вопросъ, къ какому русскому населенію и въ какое время могло оно перейдти изъ Болгаріи. Единственное указаніе житія, которымъ можно воспользоваться, это—свидѣтельство о перенесеніи мощей праведнаго Михаила изъ Потуки въ главный городъ Болгаріи Трновъ въ 1206 году. Изъ житія извѣстно, что мощи Михаила творили чудеса въ Потукѣ [1]), и, конечно, по причинѣ этихъ чудесъ и народнаго культа, болгарскій царь Калоіоаннъ повелѣлъ перенести мощи въ болѣе важный городъ, при чемъ перенесеніе было обставлено всею пышностью церковной и гражданской. Это событіе должно было еще болѣе подновить память о Михаилѣ изъ Потуки, еще шире распространить его извѣстность. Можно думать, что въ это-то время, то-есть, въ первой четверти XIII вѣка, имя Михаила изъ Потуки вышло за предѣлы его родной страны, перешло къ ближайшимъ русскимъ православнымъ сосѣдямъ и получило у нихъ извѣстность. Ближайшіе русскіе сосѣди болгаръ были въ это время подданные Галицкаго княжества, которое его нижнедунайскія владѣнія связывали съ Болгаріей. Немудрено поэтому, что именемъ Михаила изъ Потуки овладѣла народная эпика галицкаго населенія, и что послѣдній слѣдъ популярности этого имени въ Галиціи донесла до насъ вышеприведенная галицкая пѣсня. Если эти предположенія правдоподобны, то и нѣкоторыя старинныя географическія названія, сохранившіяся въ сѣверной былинѣ, какъ кусочки, захваченные изъ прежней разбитой мозаики, найдутъ себѣ объясненіе: королевство Политовское или *земляная* Литва поганая была ближайшимъ врагомъ, съ которымъ постоянно воевала галицко-волынская Русь до своего поглощенія этимъ сосѣдомъ; Подолія, изъ которой родомъ Марья Лебедь-бѣлая, была прихвачена сѣверной былиной такъ же безсознательно, какъ Галичъ-Волынскій въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ. Своимъ отношеніемъ къ политовскому королю Михаилъ Потокъ до нѣкоторой степени напоминаетъ другаго русскаго богатыря Дуная, предпринимающаго поѣздку къ ляховинскому королю. Считаю нужнымъ остановиться нѣсколько на имени и похожденіяхъ этого

[1]) Московскія былины, нынѣшній Батакъ см. у *Веселовскаго*, назв. соч., стр. 364.

Библиотека "Руниверс"

богатыря въ виду представляющейся мнѣ возможности найдти въ былинѣ о немъ нѣкоторыя черты, повидимому, относящіяся къ юго-западнымъ историческимъ отношеніямъ.

Едва ли въ настоящее время нужно останавливаться на разборѣ взглядовъ на Дуная тѣхъ сторонниковъ стародавности эпическихъ сюжетовъ, которые видѣли въ этомъ богатырѣ олицетвореніе славянской рѣки Дуная или перешедшій въ былину праславянскій миѳъ. Это толкованіе, не находя никакой опоры ни въ личности богатыря, ни въ его эпическихъ похожденіяхъ, приводило въ свою пользу случайное совпаденіе именъ героя и рѣки и окончаніе былины—происхожденіе рѣки отъ крови заколовшагося Дуная. Но для обоихъ фактовъ возможно иное болѣе простое и правдоподобное объясненіе. Имя Дунай, какъ личное, принадлежитъ къ довольно распространеннымъ старинным русскимъ именамъ [1]). Но можно даже съ нѣкоторой вѣроятностью намѣтить историческое лицо, носившее это имя и давшее нѣкоторыя черты для эпическаго образа Дуная. Припомнимъ сначала эпическія похожденія послѣдняго.

Содержаніе единственной былины, прикрѣпленной къ имени Дуная,—добываніе невѣсты для князя Владимира. Былина открывается обычнымъ пиромъ, на которомъ князь жалуется, что онъ не женатъ, между тѣмъ какъ всѣ князи-бояре и могучіе богатыри переженены, и спрашиваетъ, не знаетъ ли кто подходящей ему невѣсты. Дунай Ивановичъ указываетъ князю достойную его невѣсту Опраксу королевичну, дочь короля хороброй Литвы, затѣмъ, выбравъ товарищемъ Добрыню, ѣдетъ за Опраксой. Богатыри пріѣзжаютъ къ литовскому королю. Дунай, служившій прежде у короля, входитъ въ палаты, а Добрыня остается при коняхъ на случай опасности. На сватовство Дуная король разгнѣвался и велитъ посадить свата въ погребъ. Дунай напугалъ королевскихъ слугъ, замахнувшись рукою. Но въ это время прибѣгаютъ со двора другіе слуги, которые разказываютъ, что Добрыня перебилъ дубиною всю королевскую силу. Король смиряется и отпускаетъ Опраксу съ Дунаемъ и Добрынею. На пути богатырей застигла ночь, и они „раздернули“ палатку полотняную. По утру Дунай замѣтилъ богатырскій слѣдъ и, оставивъ Опраксу на попеченіе Добрыни, поѣхалъ догонять неизвѣстнаго богатыря. Далѣе описывается боевая встрѣча Дуная съ сестрой Опраксы паленицей На-

[1]) См. статью проф. *А. И. Соболевскаго* въ *Живой Старинѣ* 1890 г., вып. II, стр. 100.

Библиотека "Руниверс"

стасьей королевичной, кончающаяся тѣмъ, что онъ, побѣдивъ паленицу, рѣшаетъ на ней жениться и ѣдетъ съ нею въ Кіевъ, куда уже раньше пріѣхалъ Добрыня съ невѣстой для Владимира. Одновременно празднуются двѣ свадьбы. На пиру Дунай споритъ съ женой объ искусствѣ своемъ въ стрѣльбѣ; устраивается состязаніе и, пристыженный женою, онъ убиваетъ ее выстрѣломъ, послѣ чего и самъ закалывается на ея трупѣ.

Различные пересказы этой былины [1]) представляютъ лишь незначительные варіанты: такъ лицо, указывающее на пиру Владимира на Дуная, какъ богатыря, способнаго исполнить порученіе князя, называется Перемиломъ, княземъ Карамышевскимъ, Ильей Муромцемъ. Иногда Дунай беретъ въ спутники Василія Кизимировича, Алешу, Екима Ивановича, иногда двухъ спутниковъ—Добрыню и Алешу [2]), Ваську Буслаева и Панюшку Поворецкаго [3]); но изъ *большинства* пересказовъ можно вывести, что въ древнѣйшей доступной намъ редакціи непремѣннымъ спутникомъ Дуная былъ Добрыня. Такое сведеніе богатырей въ общемъ похожденіи имѣетъ свое основаніе. Въ моей статьѣ „Добрыня-сватъ“ [4]) я обратилъ уже вниманіе на то, что слагатели былинъ подмѣчали сами аналогію между обоими богатырями, проявляющуюся въ ихъ служебныхъ отношеніяхъ къ Владимиру и характерѣ ихъ подвиговъ. Аналогія заключается въ слѣдующемъ: а) Добрыня, по порученію Владимира, освобождаетъ и привозитъ въ Кіевъ близкую къ князю женщину (Запаву Путятичну); Дунай долженъ, по порученію князя, привезти ему невѣсту отъ враждебнаго короля; б) во многихъ былинахъ о Добрынѣ-змѣеборцѣ, Добрыня, передавъ освобожденную имъ Запаву Алешѣ для доставленія ея въ Кіевъ, самъ бьется съ паленицей и затѣмъ женится на ней; въ былинѣ о Дунаѣ, послѣдній, поручивъ Опраксу Добрынѣ, самъ встрѣчается съ воинственной ея сестрой Настасьей (то же имя носитъ и жена Добрыни), бьется съ нею и привозитъ ее въ Кіевъ, какъ свою невѣсту. Отсюда становится понятно одиночное смѣшеніе Дуная съ Добрыней въ былинѣ (Гильфердингъ № 191), гдѣ Дунаю приписано змѣеборство и избавленіе княжей племянницы.

---

[1]) *Гильфердингъ*, №№ 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 191, 214, 272. *Рыбниковъ*, I, 20, 31, 32, II, 12, III, 21. *Кирѣевскій*, III, стр. 52—69. *Тихонравовъ и Миллеръ*, отд. II, №№ 32, 33, 34, 35 и 36.

[2]) *Гильфердингъ*, № 34; *Кирѣевскій*, III, 58.

[3]) *Гильфердингъ*, № 191

[4]) *Этнографическое Обозрѣніе*, кн. XVII, стр. 65.

Библиотека "Руниверс"

Въ названной статейкѣ я намѣтилъ уже, что былина о Дунаѣ съ двумя дѣйствующими богатырями сложена чисто механически изъ двухъ былинъ, и старался уяснить процессъ ея сложенія. Въ 1-мъ сюжетѣ, составляющемъ первую половину, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Добрыня, который, избивъ силу короля, заставляетъ его выдать Опраксу и привозитъ ее ко Владимиру; во 2-мъ сюжетѣ, прикрѣпленномъ къ первому, дѣйствуетъ Дунай, который добываетъ себѣ съ бою невѣсту (Настасью), привозитъ въ Кіевъ и затѣмъ губитъ и ее, и себя своей похвальбой. Роль Добрыни, какъ свата, я старался привести въ связь съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Добрынѣ, добывшемъ насиліемъ для Владимира жену Рогнѣду. Думаю, что и спутникъ его носитъ имя, принадлежавшее также историческому лицу, состоявшему также на службѣ у князя Владимира, но не „стараго“ Владимира, а князя волынскаго XIII-го вѣка. Изъ скудныхъ свидѣтельствъ нашей лѣтописи (см. Ипат. лѣт. подъ годами 1281, 1282, 1287) можно вывести, что Дунай былъ лицомъ очень близкимъ къ владимиро-волынскому князю Владимиру Васильковичу, однимъ изъ его старшихъ воеводъ. Имя Дуная встрѣчается нѣсколько разъ въ связи съ отношеніями волынскаго князя къ полякамъ и литовцамъ. Такъ подъ 1281 годомъ Дунай ведетъ дружину своего князя противъ ляховъ; въ слѣдующемъ году онъ упоминается, какъ воевода, посланный Владимиромъ собирать союзниковъ—литовцевъ. Но особенно видно значеніе его, какъ лица, приближеннаго къ князю, въ событіяхъ 1287 года. Князь Владимиръ Васильковичъ, въ то время уже больной, не могъ принимать личнаго участія въ походахъ, а между тѣмъ значеніе его было таково, что совершавшіяся вокругъ него событія требовали его вмѣшательства. „Вообще въ эту эпоху,—говоритъ Д. И. Иловайскій,—польскіе, особенно мазовецкіе, князья находились въ такихъ тѣсныхъ и родственныхъ съ волынско-галицкими, что спорили объ удѣлахъ, заключали взаимные оборонительные и наступательные союзы, мирились и ссорились, какъ будто это все былъ одинъ книжій родъ“ [1]). Такъ Владимиру приходилось дѣйствовать въ интересахъ мазовецкаго князя Конрада Семовитовича, которому онъ былъ въ „отца мѣсто“ и который отъ него держалъ города. Когда, не надѣясь на излѣченіе своей болѣзни, Владимиръ по завѣщанію передалъ свой столъ своему брату Мстиславу, Конрадъ прислалъ къ больному князю посла съ просьбой, чтобъ онъ ходатайствовалъ о немъ передъ своимъ

[1]) Исторія Россіи, ч. II, стр. 496.

Библиотека "Руниверс"

братомъ Мстиславомъ. Владимиръ исполнилъ желаніе Конрада, и сближеніе Мстислава съ послѣднимъ состоялось. Въ это время скончался краковскій князь Лешко Казимировичъ (Черный), и жители Люблина пригласили Конрада на Краковско-Судомірское княженіе. Понятно, какъ важно было для слабаго Конрада воспользоваться въ этомъ случаѣ авторитетомъ могущественнаго и вліятельнаго владимиро-волынскаго князя. Конрадъ прискакалъ немедленно въ городъ Любомль, гдѣ въ это время жилъ Владиміръ, и просилъ съ нимъ личнаго свиданія. Но больной князь не могъ его принять и поручилъ переговорить съ нимъ княгинѣ. Конрадъ просилъ послать съ нимъ въ Люблинъ воеводу Дуная, „конечно,—говоритъ Д. И. Иловайскій,—съ цѣлью показать полякамъ свою дружбу и союзъ съ сильнымъ волынскимъ княземъ". Просьба Конрада была исполнена. Отсюда мы видимъ, что воевода Дунай, являясь представителемъ своего больного князя, долженъ былъ быть хорошо извѣстенъ, какъ лицо, пользовавшееся его полнымъ довѣріемъ. Конрадъ мазовецкій прямо указываетъ на него, какъ желательнаго для себя представителя волынскаго князя. Вотъ то немногое, что намъ извѣстно о воеводѣ Дунаѣ. Конечно, нѣтъ никакого основанія искать связи между лѣтописною дѣятельностью Дуная и самымъ содержаніемъ былины о богатырѣ Дунаѣ. Дунай богатырь является въ нашемъ эпосѣ исключительно въ роли свата. Но выше связь между обоими Дунаями представляется мнѣ весьма вѣроятной. Въ пользу ея, кромѣ совпаденія въ имени, говоритъ то, что оба служатъ князю Владиміру, и оба находятся въ ближайшихъ отношеніяхъ къ польскому властителю (князю, королю). Имя воеводы Дуная могло сохраняться въ мѣстныхъ преданіяхъ и дружинныхъ пѣсняхъ въ связи съ именемъ князя, которому онъ служилъ. А этотъ князь въ отзывахъ лѣтописца является идеаломъ князя какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ качествамъ. Вспомнимъ, что выборъ преемника для Волынскаго княженія и кончина Владимира Васильковича послужили предметомъ цѣлаго лѣтописнаго сказанія. Сказаніе современника, что встрѣчается крайне рѣдко въ лѣтописи, запомнило и наружность князя: онъ былъ высокъ ростомъ, плечистъ, красивъ лицомъ, имѣлъ свѣтлорусые кудреватые волосы и стригъ бороду. Сказаніе отмѣчаетъ его воздержную жизнь, силу и ловкость на охотѣ, благочестіе, заботу о церквахъ и монастыряхъ, любовь къ женѣ и воспитанницѣ, описываетъ построеніе имъ крѣпости Каменца и многихъ храмовъ и особенно долго и съ любовью останавливается на послѣднихъ дняхъ его жизни, кончинѣ и похоронахъ. Лѣтописецъ

Библиотека "Руниверс"

передаетъ при этомъ и самыя причитанія надъ тѣломъ покойнаго супруги его Ольги Романовны, которая особенно поминала его незлобіе и терпѣніе. Кромѣ нея, плакала надъ нимъ и сестра покойнаго Ольга Васильевна... „Лѣпшіе мужи“ владимирскіе плакали надъ нимъ, поминая, что онъ никому не давалъ ихъ въ обиду, подобно дѣду своему Роману, и что теперь зашло ихъ солнце, и конецъ ихъ безобидному житію. По слову лѣтописца плакали о немъ не одни русскіе жители Владимира, богатые и нищіе, міряне и черноризцы, но также нѣмцы, сурожскіе и новгородскіе торговые люди, и самые жиды, какъ будто послѣ взятія Іерусалима, когда ихъ вели въ плѣнъ Вавилонскій [1]). Вполнѣ согласна съ лѣтописными извѣстіями слѣдующая характеристика этого князя, наиболѣе замѣчательнаго изъ потомковъ славнаго Романа Волынскаго.

При своемъ благодушномъ, правдивомъ характерѣ онъ пользовался привязанностью подданныхъ и уваженіемъ сосѣдей. Онъ особенно выдавался изъ среды современниковъ своихъ любовью къ образованію, прилежнымъ чтеніемъ книгъ и охотой къ душеспасительнымъ бесѣдамъ съ епископомъ, игумнами и вообще людьми свѣдущими. Волынскій лѣтописецъ называетъ его „великимъ книжникомъ и философомъ“. Любовь къ книгамъ, однако, не мѣшала ему быть храбрымъ вождемъ на ратномъ полѣ и страстнымъ охотникомъ. На ловахъ, по словамъ лѣтописца, князь, если встрѣчалъ вепря или медвѣдя, то не дожидался своихъ слугъ, а самъ бросался на звѣря и убивалъ его. Онъ былъ также умнымъ, дѣятельнымъ правителемъ своей земли, и усерднымъ строителемъ укрѣпленныхъ городовъ для ея защиты [2]). Если мы присоединимъ къ этому, что мучительная болѣзнь (гніеніе челюсти), въ которой лежалъ популярный князь нѣсколько лѣтъ, привлекали къ страдальцу всеобщее сочувствіе, то должны думать, что воспоминаніе о волынскомъ Владимирѣ, напоминавшемъ Владимира Мономаха, долго жило въ мѣстныхъ преданіяхъ и, быть можетъ, пѣсняхъ. Въ позднѣйшій періодъ нашей эпической поэзіи имя Владимира Васильковича должно было поглотиться именемъ безсмертнаго эпическаго князя Владимира, и такимъ образомъ связанный съ нимъ воевода Дунай долженъ былъ стать богатыремъ Владимирова цикла и исполнять порученія Владимира Краснаго Солнышка. Аналогіей этому процессу можетъ служить былинный Ставръ. Историческій

[1]) *Иловайскій*, назв. соч., стр. 509.
[2]) *Иловайскій*, стр. 499.

Библиотека "Руниверс"

новгородскій сотскій Ставръ былъ посаженъ въ тюрьму Владимиромъ Мономахомъ; въ былинахъ Ставра сажаетъ въ погребъ эпическій Владиміръ Сеславьевичъ. Такое же смѣшеніе *Карловъ* замѣчается въ поэмахъ франц. трувероvъ. Въ XIII вѣкѣ они приписываютъ Карлу В. (Charlemagne) такія дѣянія, которыя принадлежали Карлу Лысому и даже Карлу Простому (Charles le Simple); см. *Gautier*—Les épopées françaises, I, p. 103. Въ личности эпическаго Guillaume d'Orange слилось нѣсколько историческихъ Вильгельмовъ, см. *Tobler-Heler*, das volksthümliche Epos der Franzosen—*Zeitschr. f. Völk. und Sprachwiss.*, IV, p. 146 и слѣд.

Нельзя далѣе не отмѣтить того, что лѣтописному Дунаю, какъ воеводѣ волынскаго князя, приходилось всего чаще имѣть дѣло съ поляками, то воюя съ ними, то вступая въ дипломатическія сношенія. Единственная же извѣстная былина изображаетъ Дуная именно въ сношеніяхъ съ ляховинскимъ королемъ: онъ ѣдетъ къ нему потому, что прежде служилъ у него нѣсколько лѣтъ. Хотя названіе *король* и поздняго времени (въ одной былинѣ [1]) онъ называется даже Жиманъ, то-есть, Сигизмундъ), но все же можно въ былинѣ предположить болѣе древнія русско-польскія отношенія XIII-го вѣка, лишь подновленныя чертами и именами позднѣйшихъ отношеній Московскаго государства къ полякамъ (напр., XVI-го вѣка).

Самый сюжетъ, прикрѣпленный къ имени Дуная, то-есть, добываніе невѣсты, не отличается оригинальностью: онъ представляется какъ бы варіантомъ женитьбы Добрыни. Оба богатыря одинаково, поѣхавъ за женщиной по порученію Владимира (Запава, Опракса), встрѣчаютъ амазонку, бьются съ ней и берутъ ее въ жены. Оригинальнымъ для женитьбы Дуная является лишь то, что былина, вслѣдъ за нею, разсказываетъ о его смерти и убіеніи имъ жены, при чемъ изъ крови Дуная потекла Дунай-рѣка, а изъ крови его жены (несуществующая) Настасья-рѣка. Очевидно здѣсь мы имѣемъ одно изъ сказаній о происхожденіи рѣкъ (légende d'origine), прикрѣпившееся къ личному имени въ силу того, что послѣднее совпадало съ именемъ рѣки. То же сказаніе, какъ извѣстно, ходитъ съ другими рѣчными именами—Дона Ивановича и Нѣпры (Днѣпры) королевичны. Эта любопытная былина, записанная отъ хорошаго сказителя Никифора Прохорова Рыбниковымъ (I, 32), а затѣмъ Гильфердингомъ (№ 50), начинается описаніемъ пира у Владимира. Нѣпра королевична хвалитъ свою

[1]) *Гильфердингъ*, № 272.

Библиотека "Руниверс"

стрѣльбу и превосходство въ томъ или другомъ разныхъ богатырей (Ильи Муромца, Михаила Потыка, Дюка Степановича, Добрыни Никитича, даже Чурилы Пленковича), но забываетъ своего тутъ же присутствующаго мужа, *Тихаго* Дона Ивановича. Донъ Ивановичъ вызываетъ жену на состязанье въ стрѣльбѣ, стрѣляетъ хуже нея и въ досадѣ убиваетъ ее; затѣмъ, убѣдившись, что она была тяжела чудеснымъ ребенкомъ, закалывается. Отъ крови несчастныхъ супруговъ пошли извѣстныя рѣки. Если мы отмѣтимъ, что Донъ носитъ въ нашей поэзіи отчество Ивановича, то же, которое придано богатырю, что Донъ постоянно называется *тихимъ*, и что тотъ же эпитетъ придавъ въ нѣкоторыхъ былинахъ богатырю Дунаю [1]), хотя совершенно не соотвѣтствуетъ его вспыльчивому характеру, то найдемъ вѣроятнымъ предположеніе, что сказаніе о происхожденіи рѣки перешло къ Дунаю и Настасьѣ либо отъ Дона и Нѣпры, либо прикрѣпилось къ имени богатыря вслѣдствіе совпаденія его съ названіемъ рѣки [2]). Вѣроятно, былина о Дунаѣ кончалась раньше его женитьбой на добытой имъ дѣвицѣ, одновременно съ женитьбой князя на Опраксѣ. Но при наклонности къ соединенію отдѣльныхъ сюжетовъ въ сводныя былины какому нибудь слагателю пришло на умъ продолжить разказъ о Дунаѣ и его женѣ. И вотъ, такъ какъ имя Дуная, созвучное съ рѣкой, напомнило ему фабулу о Донѣ и его женѣ Нѣпрѣ, сказитель счелъ умѣстнымъ прикрѣпить къ былинѣ новый сюжетъ. Эта литературная работа была тѣмъ болѣе удобоисполнима, что былина кончалась (свадебнымъ) пированіемъ у Владимира, а другая краткая былина—о Донѣ и Нѣпрѣ—открывалась пиромъ у того же лица и въ томъ же мѣстѣ.

Итакъ, на нашъ взглядъ, юго-западные, точнѣе волынскіе отголоски въ разсмотрѣнной былинѣ ограничиваются лишь нѣсколькими именами (Дуная, князя Владимира, Ляховинскаго короля), попавшими въ эпическій потокъ изъ заглохнувшихъ дружинныхъ сказаній или пѣсенъ XIII-го вѣка. Опредѣлить, въ какое время пристала къ историческому имени самая фабула, извѣстная въ былинѣ, мы едва ли будемъ въ состояніи.

---

[1]) Напр., *Кирѣевскій*,—III, стр. 52 слѣд.; *Гильфердингъ*, № 81.—*Рыбниковъ*, I, 31; № 102.—*Рыбниковъ*, II, 12; № 108.—*Рыбниковъ*, III, 21; № 272.

[2]) Малорусскія преданія о рѣкахъ, происшедшихъ отъ крови людей, см. у *Петрова*—Слѣды сѣвернаго русскаго былеваго эпоса въ южно-русск. народа и литер. въ *Трудахъ* Кіевской Духовной Академіи, 1878, май г., стр. 379—381.

Библиотека "Руниверс"

Въ недавнее время попытка къ указанію источника сюжета былины о Дунаѣ была сдѣлана проф. Халанскимъ. Я не сталъ бы останавливаться на разборѣ его толкованія былины, такъ какъ не вижу какой нибудь тѣсной связи между именемъ Дуная и фабулой, прикрѣпившейся къ нему, то-есть, сватовствомъ и трагической смертью супруговъ. Но проф. Халанскій даетъ объясненіе самому имени Дунай и ищетъ его не въ русской лѣтописи, а въ германскихъ средневѣковыхъ сказаніяхъ, такъ что, если его предположеніе вѣроятно, всѣ наши соображенія объ историчности имени богатыря Дуная теряютъ основаніе.

Авторъ находитъ „поразительное обиліе совпаденій между нѣмецкимъ сказаніемъ конца XIII-го вѣка о женитьбѣ Атиллы на Эркѣ и русской былиной о женитьбѣ Владимира въ общемъ мотивѣ, расположеніи частей (планѣ), въ самыхъ частностяхъ и *характерѣ* (курсивъ подлинника) главныхъ дѣйствующихъ лицъ (Рюдигера-Родингейра и Дуная), и это приводитъ его къ несомнѣнному выводу, что обѣ группы сказаній представляютъ варіанты одного и того же сюжета о сватовствѣ и женитьбѣ, входившаго въ пѣсенный обиходъ древненѣмецкихъ и древнерусскихъ эпическихъ поэтовъ-пѣвцовъ. Варіація одного и того же основного сюжета у нѣмецкихъ и русскихъ пѣвцовъ состояла лишь въ измѣненіи сцены дѣйствія (отчасти), нѣкоторыхъ частностей и переименованіи дѣйствующихъ лицъ, соотвѣтственно національнымъ и историческимъ симпатіямъ ихъ самихъ, а равно ихъ слушателей. Нѣкоторыя соображенія позволяютъ, въ данномъ случаѣ, предположить большую степень оригинальности за нѣмецкими рыцарскими пѣвцами и признать великорусскую былину про Дуная передѣлкой соотвѣтствующаго древне-нѣмецкаго сказанія о Рюдигерѣ-Родингейрѣ—Родольфѣ, а равно и самый образъ Тихаго Дуная, сына Ивановича, подражаніемъ типу des Milden Рюдигера, Родингейра при-дунайскаго (von Bechelaren, von Bacalar)“ [1]).

Это довольно рѣшительное заявленіе германскаго происхожденія и типа Дуная и эпическаго сюжета, прикрѣпленнаго къ нему, основывается на подробномъ сличеніи русской былины съ нѣмецкими сказаніями Нибелунговъ и Тидрекъ-саги о женитьбѣ Атиллы на Эркѣ, при чемъ нельзя не замѣтить, что авторъ отступаетъ отъ научныхъ пріемовъ сравненія. Такъ, для доказательства сходства въ планѣ и подробностяхъ двухъ литературныхъ народныхъ произведе-

[1]) Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ, II, стр. 397 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

ній слѣдовало бы, кажется, установить планъ былины, на основаніи сличенія всѣхъ пересказовъ и затѣмъ уже оперировать съ этимъ приготовленнымъ для сравненія матеріаломъ. Но такой работы для былинъ о женитьбѣ Владимира не сдѣлалъ проф. Халанскій; онъ черпаетъ изъ разныхъ (иногда совсѣмъ плохихъ) пересказовъ то, что наиболѣе подходитъ къ предполагаемому германскому оригиналу, и такимъ образомъ получаетъ „поразительное обиліе совпаденій". Чтобы провѣрить послѣднія, изложимъ вкратцѣ содержаніе германскаго сказанія о женитьбѣ Этцеля на Кримхильдѣ и Тидрекъ-саги о женитьбѣ Аттилы на Эркѣ. Послѣ смерти жены Гельхи, разказывается въ Нибелунгахъ, въ авентюрахъ XX—XXII, Этцель сталъ искать себѣ другую супругу. Друзья указываютъ ему на Кримхильду. Маркграфъ Рюдигеръ Бехеларнскій склоняетъ Этцеля посвататься за нее, говоря, что зналъ ее еще дѣвочкой. Съ 500 гуннскихъ храбрецовъ Рюдигеръ ѣдетъ въ Вормсъ на Рейнъ исполнять порученіе Этцеля. Братья Кримхильды радушно принимаютъ посла. Гагенъ не совѣтуетъ выдавать Кримхильду за Этцеля, опасаясь мести послѣдняго за ея прежняго супруга Зигфрида. Но Гунтеръ и братья не слушаютъ Гагена и склоняютъ Кримхильду принять предложеніе Этцеля. Съ большой свитой Кримхильда ѣдетъ къ гуннамъ. На встрѣчу ей выѣзжаетъ самъ Этцель съ многочисленнымъ войскомъ и блестящей свитой. Затѣмъ справляется свадьба.

Въ этомъ разказѣ Нибелунговъ проф. Халанскій указываетъ только двѣ-три черты, аналогичныя нѣкоторымъ деталямъ пѣсенъ о женитьбѣ князя Владимира и ведетъ читателя къ тому пересказу сюжета о женитьбѣ Аттилы, который находится въ Тидрекъ-Сагѣ, прибавляя, что „въ русскомъ эпосѣ существуютъ былины о женитьбѣ Владимира, сближающіяся во многихъ частностяхъ съ этимъ именно, позднѣйшимъ въ исторіи развитія основного сюжета изводомъ нѣмецкихъ сказаній о женитьбѣ Этцеля" [1]).

Содержаніе этого эпизода Тидрекъ-саги вкратцѣ слѣдующее.

Аттила, раньше воевавшій съ Озантриксомъ, королемъ страны Вильцинской (Vilcinenland), хочетъ жениться на дочери Озантрикса Эркѣ. Сватами онъ посылаетъ съ блестящей свитой своего родственника Озида и герцога Родольфа. Однако сватовство было неудачно: Озантриксъ отказываетъ Аттилѣ въ рукѣ своей дочери, помня все зло, которое онъ причинилъ его странѣ. Получивъ отказъ, Аттила

[1]) Тамъ же, стр. 389.

Библиотека "Руниверс"

поручаетъ вторичное сватовство маркграфу Родингейру, владѣвшему Бакаларомъ (=Rüedeger von Bechelaren въ Нибелунгахъ), отличавшемуся и храбростью, и мягкостью, за что онъ пользовался всеобщей любовью. Родингейръ пріѣзжаетъ къ Озантриксу, но послѣдній снова отказываетъ, ставя въ попрекъ Аттилѣ не особенную знатность его происхожденія. Родингейръ грозитъ войною, но Озантрикса это не пугаетъ, и посолъ Аттилы возвращается ни съ чѣмъ. Начинается война, въ которой успѣхъ постоянно сопровождаетъ войска Аттилы. Особенно отличился герцогъ Родольфъ. По прекращеніи войны, когда Аттила былъ въ своемъ городѣ Сузѣ, однажды явился къ нему Родольфъ и просилъ отпустить съ нимъ триста рыцарей для одного предпріятія, которое онъ желаетъ до времени сохранить въ тайнѣ. Аттила даетъ ему рыцарей. Съ ними Родольфъ отправляется въ страну Вильциновъ, оставляетъ ихъ въ лѣсу ждать въ теченіе трехъ лѣтъ его возвращенія, а самъ, переодѣвшись, ѣдетъ къ королю Озантриксу, называетъ себя Сигурдомъ, бѣглецомъ изъ гуннской страны, оскорбленнымъ Аттилой, и проситъ короля принять его къ себѣ на службу. Озантриксъ, повѣривъ его разказу, исполнилъ его просьбу. Двѣ зимы прослужилъ Родольфъ у Озантрикса, пріобрѣтя полное его довѣріе, но ни разу не видѣлъ за все это время Эркы, которая жила вмѣстѣ съ сестрою и подругами въ одномъ недоступномъ замкѣ. Но счастливый случай наконецъ представился. За Эрку пріѣзжаетъ свататься Нордунгъ, король Свавовъ, и Озантриксъ расположенъ принять его предложеніе, но хочетъ узнать согласіе дочери. Переговорить съ нею онъ поручаетъ Родольфу. Пользуясь этимъ случаемъ, Родольфъ видится съ Эркой и ея сестрой Бертой, разказываетъ о могуществѣ Аттилы, передаетъ Эркѣ его предложеніе, а самъ дѣлаетъ предложеніе ея сестрѣ. Эрка, убѣжденная Бертой, даетъ свое согласіе. Родольфъ обманываетъ Озантрикса, передавъ ему будто бы отъ имени Эркы, что она желаетъ еще остаться въ дѣвицахъ одинъ годъ. Нордунгъ уѣзжаетъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Родольфъ говоритъ Озантриксу, что желалъ бы съѣздить въ гуннскую землю за своимъ братомъ Алибрандомъ. Довѣряющій ему во всемъ Озантриксъ даетъ свое согласіе. Тогда Родольфъ ѣдетъ въ лѣсъ, гдѣ оставилъ своихъ рыцарей, беретъ изъ нихъ Озида, племянника Аттилы, и возвращается съ нимъ къ Озантриксу, которому представляетъ Озида, какъ своего брата. Озантриксъ повѣрилъ и этому обману. Наконецъ, обдумавъ побѣгъ, Родольфъ вмѣстѣ съ Озидомъ ночью подъѣхалъ къ замку, гдѣ жили Эрка и Берта, взялъ сестеръ и уска-

Библиотека "Руниверс"

калъ изъ страны Озантрикса, захвативъ по дорогѣ дожидавшихся его рыцарей. Узнавъ о побѣгѣ дочери, Озантриксъ преслѣдуетъ бѣглецовъ съ большимъ войскомъ. Когда онъ уже догонялъ ихъ, они успѣли запереться въ одномъ крѣпкомъ замкѣ въ лѣсу Фальстрвальдѣ и послать гонцевъ Аттилѣ съ извѣстіемъ о своемъ положеніи. Пока Аттила явился имъ на выручку съ огромнымъ войскомъ, они стойко выдерживали осаду Озантрикса. Затѣмъ, узнавъ о приближеніи Аттилы, послѣдній ушелъ въ свой городъ, а Аттила съ Родольфомъ и прочими вернулся въ Сузу, гдѣ пышно справилъ обѣ свадьбы [1]).

Сходство въ основномъ сюжетѣ и, пожалуй, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ между этимъ разказомъ Тидрекъ—саги и былиной о Дунаѣ нельзя отрицать. И здѣсь и тамъ два лица (Родольфъ и Озидъ-Дунай и Добрыня) добываютъ невѣсту для своего властителя (Аттилы, Владимира) во враждебной странѣ; и здѣсь и тамъ у враждебнаго властителя двѣ дочери (Эрка и Берта, Опракса и Настасья), изъ которыхъ одна становится женою пославшаго къ невѣстѣ властителя (Аттилы, Владимира), другая женою одного изъ посланныхъ имъ богатырей (Берта и Родольфъ, Настасья и Дунай). Но этими общими чертами и ограничивается сходство, такъ какъ въ другихъ подробностяхъ германскій и русскій разказъ расходятся въ многихъ отношеніяхъ, не смотря на старанія профессора Халанскаге уяснить черты ихъ сходства.

а) „Владиміръ, — говоритъ проф. Халанскій, — сватался за дочь короля политовскаго или ляховинскаго. Аттила ищетъ руки дочери Озантрикса, короля Vilcinenland, то-есть, земли лютичей, или вильковъ. Сходство въ опредѣленіи состоянія и мѣста жительства отца невѣсты въ германскомъ и русскомъ сказаніяхъ—несомнѣнное". Точнѣе говоря, сходство только въ томъ, что и здѣсь и тамъ сватаютъ не простые смертные, а властители.

б) „У Озантрикса—двѣ дочери: у короля ляховинскаго тоже двѣ". Это—такъ, но ни Эрка непохожа ничѣмъ на Апраксу, ни Берта на паленицу Настасью, добываемую Дунаемъ послѣ боя съ нею. При томъ двѣ дѣвицы оказались въ русской былинѣ только потому, что она сложена изъ двухъ былинъ (см. мою статью „Добрыня сватъ" въ *Этнографическомъ Обозрѣніи*, кн. XVII, стр. 66).

в) „Эрка живетъ въ замкѣ, недоступномъ ни для одного мужчины, и при ней тридцать благородныхъ дѣвицъ. Опраксія Микулична (въ

[1]) Raszmann Deutsche Helden-Sage II, стр. 191—212.

Библиотека "Руниверс"

вар. Гильфердинга, № 139) находится за 3 × 9 замочками; въ вар. Рыбникова, I, № 31, прекрасная Опракса:

Сидитъ она въ теремѣ, въ златомъ верху,
За нѣсколькими замками, за нѣсколькими дверями.
(ст. 172—3).
На ню красное солнышко не оппекетъ,
Буйные вѣтрушки не оввѣютъ,
Многіе люди не обгалятся (ст. 43—46).

Сходство есть, но совершенно случайное. Это сидѣнье дѣвицы изъ высокаго или богатаго рода въ затворничествѣ въ терему—locus communis въ нашихъ былинахъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ часовая вдова (въ былинѣ о Хотинѣ Блудовичѣ) про свою дочь:

Моя ли чайная часовична
Сидитъ-то во теремѣ вся въ камнѣ,
Во славноемъ-то теремѣ, златомъ верху:
Ю буйные вѣтры не ѳввѣютъ,
Красное солнышко не ѳппекатъ,
Частые дождички не ѳбмочатъ,
Добрые люди не ѳббаятъ и проч. [1]).

д) „Аттила посылаетъ вторымъ посломъ къ Озантриксу Родингейра Бакаларскаго: Владимиръ—Дунай“ (прибавимъ *не вторымъ*, такъ какъ въ русской былинѣ одна, а не двѣ попытки сватовства, какъ въ германскомъ сказаніи). Родингейръ, по мнѣнію проф. Халанскаго, не только по эпической роли, но и по характеру, одинаковъ съ Дунаемъ: Родингейръ отличался мягкостью и храбростью и былъ широко извѣстенъ въ разныхъ странахъ. Тѣ же достоинства Дуная заставляютъ Владимира поручить ему сватовство: онъ въ послахъ бывалъ, много земель знавалъ, говорить гораздъ. „*Тихій*“,—продолжаетъ авторъ,—постоянной эпитетъ Дуная въ русскомъ эпосѣ—буквально соотвѣтствуетъ эпитету Рюдигера „Der Milde“ и означаетъ вовсе не „память объ отношеніи Дуная-богатыря къ Дунай-рѣкѣ, которая у славянъ постоянно носитъ названіе Тихаго и Бѣлаго“ (Кирѣевъ, IV, стр. 13, примѣч.), а тѣ черты характера Rüedeger von Bechelaren, которыя дѣлаютъ этого героя однимъ изъ симпатичнѣйшихъ типовъ, созданныхъ средневѣковымъ германскимъ эпосомъ.... Если собственное имя *Дунай* понять, какъ *герой съ Дуная*, то и здѣсь получается совпаденіе съ Рюдигеромъ, котораго резиденція находи-

[1]) *Рыбниковъ*, IV. № 7, стр. 37.

Библиотека "Руниверс"

лась въ Bechelaren-Pöchlarn на Дунаѣ". Разсмотримъ пристальнѣе это сопоставленіе. Родингейръ совпадаетъ съ Дунаемъ по эпической роли: оба ѣдутъ сватами. Это такъ, но авторъ позабылъ прибавить, что герцогъ Родингейръ, получивъ отказъ, вернулся, ничего не сдѣлавъ, а Дунай добылъ невѣсту для князя Владимира. Такимъ образомъ, если предположить, что *характеръ* Родингейра отразился на русскомъ Дунаѣ. то русскіе взяли у него только черты характера, а роль свата прихватили отъ другого нѣмца, герцога Родольфа, который добылъ Аттилѣ Эрку, между тѣмъ какъ Родингейръ въ это время спокойно сидѣлъ дома. Не странно ли это? Но и сходство характера Родингейра и Дуная основано не недоразумѣніи. Богатырь Дунай. какъ извѣстно, никакой тихостью не отличался: напротивъ былъ крайне вспыльчивъ и буенъ. Поэтому эпитетъ *тихій* къ нему совершенно не идетъ, и единственнымъ объясненіемъ этого эпическаго недоразумѣнія можетъ служить предположеніе, что эпитетъ принадлежитъ богатырю Дунаю только потому, что его имя совпадаетъ съ именемъ рѣки Дуная. Наконецъ сопоставленіе Рюдигера съ нашимъ Дунаемъ, богатыремъ по происхожденію съ Дуная, представляетъ такія затрудненія, которыя не въ силахъ превозмочь самая пылкая фантазія. Вѣдь оказывается, что русскіе слагатели былинъ, желая перенести къ себѣ нѣмецкаго героя, не сумѣли дать ему какого либо имени, а навели географическую справку о томъ, гдѣ лежитъ его область Bechelaren, узнали, что это (по предположенію von Muth'a [1]) средневѣковая Praeclara *на рѣкѣ Дунаѣ*, и рѣшили окрестить его просто Дунаемъ. Мы могли бы, пожалуй, еще допустить такое переименованіе иностраннаго богатыря, еслибъ имя его сопровождалось какимъ нибудь постояннымъ эпитетомъ, связаннымъ съ названіемъ рѣки Дуная, но ничего подобнаго нѣтъ въ Тидрекъ-сагѣ. Такъ же невозможно видѣть отраженія эпитета Рюдигера *der milde* въ эпитетѣ Дуная *тихій*: Рюдигеръ носитъ этотъ эпитетъ не въ Тидрекъ-сагѣ, разказъ которой о женитьбѣ Аттилы проф. Халанскій сближаетъ съ нашей былиной о Дунаѣ, а въ Нибелунгахъ (ст. 1312, 1629, 1630). Но. какъ мы выше видѣли, въ этой поэмѣ Рюдигеръ, какъ сватъ Этцеля, не встрѣчаетъ никакихъ препятствій и привозитъ своему королю Кримгильду съ полнаго согласія ея родственниковъ и ея самой.

Мы не станемъ останавливаться на дальнѣйшихъ аналогіяхъ между разказомъ Тидрекъ-саги и былиной, приводимыхъ проф. Халанскимъ.

---

[1]) *R. v. Muth.*, Einleitung in das Nibelungen Lied, стр. 77.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ онѣ, на нашъ взглядъ, слишкомъ недостаточны, чтобы можно было, вмѣстѣ съ авторомъ, признать Дуная подражаніемъ типу Рюдигера-Родингейра. Уже одно слѣдующее обстоятельство представляется крайне страннымъ и необъяснимымъ. Почему въ типѣ Дуная отразился Рюдигеръ, а не Родольфъ, который, въ Тидрекъ-сагѣ, является настоящимъ добывателемъ невѣсты для своего короля, между тѣмъ какъ Родингейръ, получивъ отказъ въ ея рукѣ, возвращается, ничего не сдѣлавъ, къ королю и успокоивается на этомъ? Какъ могло случиться, что русскій слагатель былины о Дунаѣ, взявъ чужую канву, слилъ два дѣйствующія въ разное время лица (Родингейра и Родольфа) въ одно, заимствуя отъ перваго эпитетъ (тихій), отъ другаго *нѣкоторыя* черты его подвиговъ? Впрочемъ, спѣшу оговориться, что я нисколько не отрицаю сходства въ содержаніи разказа Тидрекъ-саги и нашей былины и непрочь допустить между ними даже нѣкоторую связь. Но предполагаемое г. Халанскимъ взаимное ихъ отношеніе—какъ передѣлки къ оригиналу—не представляется мнѣ доказаннымъ, и во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія искать въ Тидрекъ-сагѣ или Нибелунгахъ объясненія самаго имени Дуная, которое носитъ въ былинахъ сватъ Владимира. Это имя, какъ мы старались показать выше, находитъ себѣ объясненіе въ лѣтописныхъ показаніяхъ о Дунаѣ историческомъ лицѣ, воеводѣ волынскаго князя Владимира Васильковича, жившаго и дѣйствовавшаго въ XIII вѣкѣ. Къ этому имени, когда историческія черты уже значительно стерлись въ народномъ преданіи, когда современный ему волынскій Владиміръ слился съ эпическимъ княземъ Владиміромъ, могъ прикрѣпиться популярный сюжетъ о добываніи жены для князя. Допускаемъ даже, что на обработку этого сюжета могли повліять какія нибудь западныя (германскія) аналогичныя сказанія, допускаемъ съ тѣмъ большей готовностью, что галицко-волынскія земли наиболѣе подвергались именно западнымъ вліяніямъ и наконецъ совершенно политически отторгнулись отъ сѣверо-восточной Руси. Но думаемъ, что если дѣйствительно какое нибудь германское сказаніе отложилось на русскую былину, это отложеніе имѣло уже подъ собою старинный субстратъ — мѣстное волынское сказаніе, можетъ быть, дружинную пѣсню, въ которой уже были даже имена Дуная, князя Владимира и поминалась польско-литовская земля, какъ страна, въ которой дѣйствовалъ Дунай по порученію своего князя.

Вотъ пока всѣ отголоски галицко-волынскихъ историческихъ именъ и сказаній, которые намъ удалось отмѣтить въ былинахъ. Напомнимъ,

Библиотека "Руниверс"

что проф. И. Н. Ждановъ съ большой вѣроятностью указываетъ слѣды галицкихъ сказаній о князѣ Романѣ въ былинахъ о Романѣ Дмитріевичѣ и королевичахъ изъ Кракова. Такимъ образомъ указанные отголоски обнимаютъ самый цвѣтущій періодъ галицко-волынской земли XII и XIII вѣка. Если сложеніе первоначальной былины о Дюкѣ и Чурилѣ близко по времени къ появленію Посланія пресвитера Іоанна изъ Индіи къ императору Мануилу (1165 г.), то оно относится къ княженію Ярослава Осмомысла († въ 1187 г.). Былинные отголоски сказаній о Романѣ Галицкомъ должны восходить къ началу XIII вѣка (Романъ † въ 1205 г.). Прототипъ предполагаемаго галицкаго сказанія о Михаилѣ Потокѣ долженъ относиться приблизительно ко времени правленія сыновей князя Романа. Наконецъ основныя сказанія о Дунаѣ и Владимирѣ могутъ восходить къ концу XIII вѣка (Владимиръ Васильковичъ умеръ въ 1289 году). Естественно, что этотъ періодъ галицко-волынской исторіи, богатый замѣчательными личностями и военными событіями, долженъ былъ отразиться въ сказаніяхъ и пѣсняхъ дружинной и боярской среды, и лучшимъ доказательствомъ этого дружиннаго пѣсеннаго преданія, помимо указанныхъ нами отголосковъ въ современныхъ великорусскихъ былинахъ, служатъ всѣмъ извѣстныя мѣста въ галицко-волынской лѣтописи и въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Всев. Миллеръ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКА ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ РУССКАГО ФЛОТА ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Едва ли не у каждаго образованнаго человѣка съ именемъ Воронежа, въ жизни Петра Великаго, соединяется представленіе о томъ, что въ этомъ именно мѣстѣ молодой государь положилъ основаніе русскому военному флоту, послѣ того какъ первый Азовскій походъ 1695 г. убѣдилъ его въ невозможности достигнуть намѣченной цѣли съ помощью однихъ только сухопутныхъ войскъ, безъ полной блокады турецкой крѣпости не только съ суши, но и съ моря. Такое представленіе о Воронежѣ тѣмъ естественнѣе, что всѣ наши авторитетные историки и изслѣдователи именно въ этомъ смыслѣ говорятъ о событіяхъ знаменитой зимы 1695 — 1696 г., когда, истинно, „по манію царя“ въ короткій промежутокъ немногихъ мѣсяцевъ явилась на свѣтъ флотилія болѣе чѣмъ изъ 20 военныхъ кораблей. Такъ смотрятъ на дѣло Устряловъ [1]), Соловьевъ [2]), Костомаровъ [3]), Д. И.

---

[1]) „На луговой сторонѣ Воронежа, по чертежамъ и размѣрамъ самого царя, заложено было до 30 военныхъ судовъ, подъ названіемъ галеасовъ, галеръ, каторгъ и брандеровъ“. Исторія царствованія Петра Великаго, II, 265, ср. 260—261.

[2]) „Въ одну зиму, по распоряженіямъ Петра, построено было 30 военныхъ судовъ въ Воронежѣ“. Учебная книга русской исторіи, изд. 8-е, стр. 249.

[3]) „Петръ выбралъ городъ Воронежъ для устройства верфи, отправился туда самъ *зимою* и въ теченіе *нѣсколькихъ* мѣсяцевъ занимался постройкою судовъ. Въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ въ то же время шла также постройка судовъ... *Такимъ образомъ* было построено 23 *галеры*, 2 корабля, 4 *брандера* и 1300 судовъ *старой конструкціи*“. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. VI (С.-Пб., 1876), стр. 549.

Библиотека "Руниверс"

Иловайскій [1]), проф. А. Брикнеръ [2]), не говоря уже объ остальныхъ. Есть цѣлая книга, посвященная участію Воронежа въ созданіи флота, прямо озаглавленная: „*Колыбель* русскаго флота“ [3]).

Все это справедливо, но..... съ нѣкоторою оговоркой. Дѣло въ томъ, что село Преображенское, подъ Москвою, въ ту пору обычное мѣсто пребыванія царя, съ одинаковымъ правомъ можетъ дѣлить съ Воронежемъ названіе этой *колыбели*, мѣста этого великаго зачинанія. Данныя, свидѣтельствующія въ пользу этого права, легко найдти у Елагина, въ его „Исторіи русскаго флота. Періодъ Азовскій“; они извѣстны были и Соловьеву [4]), и Веселаго [5]); но страннымъ образомъ никто изъ трехъ не обратилъ на нихъ должнаго вниманія. Конечно, на Воронежѣ дѣятельность Петра была сосредоточена въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ; особенно въ широкихъ размѣрахъ закипѣла здѣсь работа послѣ паденія Азова, но если роль Воронежа, какъ корабельной верфи, не ограничилась, подобно Преображенскому, нѣсколькими мѣсяцами, зато въ *первый моментъ* зарожденія русскаго флота значеніе царской резиденціи было гораздо важнѣе, чѣмъ южнаго украиннаго города. *Центръ тяжести всей постройки флота зимою 1695—1696 г. лежитъ не въ Воронежѣ, а въ Преображенскомъ.* Надѣемся, это будетъ ясно изъ нижеслѣдующихъ строкъ, которыя, къ слову сказать, не претендуютъ на сообщеніе чего либо новаго и опираются всецѣло на факты, давно уже ставшіе достояніемъ науки: мы только дѣлаемъ попытку эти извѣстные факты изложить лишь съ большимъ соблюденіемъ исторической перспективы.

Первый походъ подъ Азовъ былъ предпринятъ, какъ извѣстно, во главѣ одной сухопутной арміи. Прибѣгать къ содѣйствію рѣчной или морской флотиліи пока еще не думали. Единственно, что было

---

[1]) Царь..... въ ту же зиму построилъ до 30 военныхъ судовъ на рѣкѣ Воронежѣ“. Краткіе очерки русской исторіи, изд. 21-е, стр. 242.

[2]) „Петръ призвалъ изъ Архангельска голландскихъ и англійскихъ плотниковъ съ чужеземныхъ судовъ. Всѣ они были, волею и неволею, отправлены *въ Воронежъ*..... (Тамъ) были устроены верфи.... Образцомъ для строившихся судовъ служила галера, заранѣе заказанная въ Голландіи и привезенная въ Москву, а *затѣмъ* въ Воронежъ. Работали не только въ Воронежѣ, но и въ Козловѣ, въ Добромъ, въ Сокольскѣ; *кромѣ военныхъ судовъ*, нужно было изготовить до 1000 транспортныхъ судовъ“. Исторія Петра Великаго, стр. 141.

[3]) Колыбель русскаго флота. Историческій очеркъ. *В. Г. Веселовскаго.* Воронежъ. 1888.

[4]) Исторія Россіи, XIV, изд. 3-е, стр. 205—206.

[5]) Очеркъ русской морской исторіи, ч. I, стр. 85.

Библиотека "Руниверс"

сдѣлано, это—постройка въ Воронежѣ 1259 струговъ [1]), плоскодонныхъ судовъ въ родѣ барокъ, отличавшихся отъ нихъ только болѣе острыми оконечностями [2]). Перевозка войска, провіанта, орудій, снарядовъ, аммуниціи, лошадей, доставка почты—вотъ чѣмъ исчерпывалось ихъ назначеніе. Нѣкоторые изъ струговъ, предназначенные для пассажировъ, особенно для лицъ чиновныхъ, устроивались очень комфортабельно, съ жилыми рубками, даже печами на случай холодной погоды, банями („мыльнями") и т. п. [3]). Такимъ образомъ струги были тѣмъ, что въ наше время назвали бы *транспортныя* суда... Таковую роль они и выполняли успѣшно во время похода 1695 г. Но когда выяснилось, что Азова не взять, не обложивъ его также и съ моря, то нечего было доказывать, что для этого надобны были совсѣмъ особыя средства. Струги, пригодные для транспортировки кладей, конечно, для блокады не годились. Для этого нужны были *корабли*. Ихъ и рѣшили строить, и строить не въ Воронежѣ, а въ селѣ Преображенскомъ.

На первый взглядъ такое рѣшеніе кажется до-нельзя страннымъ, даже абсурднымъ: готовить флотъ за сотни верстъ отъ того пункта, гдѣ его придется спускать на воду! Но выборъ подмосковнаго села станетъ понятенъ, если вспомнить, какое трудное, новое и по своимъ послѣдствіямъ важное дѣло предпринималось царемъ. При тогдашнихъ условіяхъ нельзя было вести его иначе, какъ только при себѣ, на своихъ глазахъ и подъ своимъ руководствомъ. Грозный повелитель милліоновъ подданныхъ, неограниченный самодержецъ необъятной территоріи, русскій государь конца XVII вѣка зачастую оказывался совершенно безсильнымъ въ практическомъ осуществленіи своихъ предначертаній. Неудовлетворительная организація государственной машины, несогласіе административныхъ органовъ, невѣжество, бѣдность, отсутствіе сознанія въ обществѣ гражданскаго долга, пассивное противодѣйствіе—все это была та неблагодарная почва, на которой въ данномъ случаѣ приходилось дѣйствовать Петру. Разныя заминки еще кое-какъ сходили, пока дѣло касалось простой „потѣхи"; но лишь только задумалъ молодой царь серьезное дѣло, какъ эти неблагопріятныя условія сейчасъ же дали себя почувствовать. „Вѣтры насъ крѣпко держали въ Дѣдиновѣ, два дни, да въ

[1]) *Елагинъ*, Исторія русскаго флота. Періодъ Азовскій, стр. 23.
[2]) *Веселаго*, Очеркъ русской морской исторіи, ч. I, стр. 86.
[3]) *Елагинъ*, Исторія русскаго флота. Приложенія, I, 27—28 и др.

Библиотека "Руниверс"

Муромѣ три дни", пишетъ Петръ съ дороги, отправившись въ первый Азовскій походъ,—„а больше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ словутъ мастеры, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба" [1]). „Мѣшкали для того",—сообщаетъ онъ другому корреспонденту, — „что иные суды въ три дни на силу пришли, и изъ тѣхъ многіе небреженіемъ глупыхъ кормщиковъ. которыхъ была бо́льшая половина въ караванѣ; также и суды, которые дѣлали гости, гораздо худы, иные насилу и пришли" [2]).

Вотъ почему, какъ, можетъ быть, ни заманчивъ былъ самъ по себѣ Воронежъ, какъ ни естественна была мысль устроить верфь на судоходной рѣкѣ, но еще важнѣе было обезпечить правильную организацію предпріятія и успѣшное его осуществленіе. Вѣдь въ данную минуту на лицо, можно сказать, былъ только грубый матеріалъ для созданія флота: густые строевые лѣса—и ничего больше. Ни техниковъ, ни опытныхъ плотниковъ, ни солиднаго знанія, ни—что въ сущности, пожалуй, было еще важнѣе — ни готовности поднять на свои плечи непривычную работу, раздѣлить съ царемъ тяжелый трудъ и отвѣтственность. Мастеровъ приходится чуть не силою тащить изъ Архангельска, техниковъ создавать вновь. Заглазная постройка флота, при тогдашней волокитѣ, затянулась бы до безконечности, а между тѣмъ черезъ 4—5 мѣсяцевъ надо спустить на воду цѣлый флотъ. Вѣдь если холмогорскій воевода Ѳ. М. Апраксинъ изъ Архангельска запрашиваетъ царя, какими товарами нагрузить корабль, снаряжаемый за границу для торговли, въ то время какъ Петру изъ Москвы „въ такомъ будучи разстояніи",—какъ онъ это и самъ заявилъ,—того „дѣлать не возможно" [3]); если въ Москвѣ, во время отсутствія государя, чуть было не отпустили обратно въ Голландію мастера, привезшаго разобранную галеру, прежде чѣмъ онъ ее собралъ, „а мастеръ тотъ для того и посланъ, чтобъ ее собрать" [4]),—то сколько такихъ неожиданныхъ вопросовъ могъ ожидать Петръ изъ Воронежа, сколько нежелательныхъ постановленій не успѣлъ бы онъ вовремя предупредить!

Да и кому, наконецъ, пришлось бы поручить эту заглазную ра-

---

[1]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, I, 30.

[2]) Ibidem.

[3]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, I, 27. Письмо Апраксину въ концѣ 1694 г.

[4]) Ibidem, I, 44. Письмо Виніусу 30-го іюля 1695 г.

Библиотека "Руниверс"

боту? Главнымъ сотрудникомъ Петра при постройкѣ судовъ въ зиму 1695 — 1696 г. сталъ Францъ Тиммерманъ, завѣдывавшій хозяйственной и технической частью, разсчитывавшій плотниковъ, заготовлявшій пеньку, желѣзо, смолу, снасти и „кисеи на парусы“ [1]: но этотъ мастеръ на всѣ руки, этотъ энциклопедистъ XVII вѣка, профессоръ ариѳметики, геометріи, геодезіи и фортификаціи въ школьной комнатѣ юноши-царя [2]), токарь, пиротехникъ и устроитель „потѣшныхъ огней“ на Преснѣ [3]), инженеръ подъ Азовомъ [4]), пригоденъ былъ для постройки кораблей развѣ тѣмъ, что за три года передъ этимъ выхлопоталъ себѣ исключительное право на выдѣлку парусныхъ полотенъ и двадцатилѣтнюю привиллегію строить торговыя суда въ Архангельскѣ и на Мезени [5]). Помощникомъ Тиммермана былъ Андрей Креветъ [6]), купецъ и переводчикъ при Посольскомъ приказѣ, поставщикъ заграничныхъ товаровъ для царскаго обихода, введшій моду на англійскія матросскія шапочки и кортики съ портупеями [7]), тоже едва ли много смекавшій въ кораблестроеніи. Т. Н. Стрѣшневъ, въ званіи начальника Разряднаго приказа, былъ въ силахъ лишь добросовѣстно озаботиться своевременной заготовкою строительныхъ матеріаловъ да правильнымъ нарядомъ людей [8]). Не на Лефорта же, диллетанта и ни на что серьезное не способнаго, могъ положиться царь? Нѣтъ, онъ самъ, царь Петръ, долженъ былъ быть и дѣйствительно сталъ настоящимъ организаторомъ и создателемъ новаго флота.

Конечно, государь легко могъ бы провести зиму въ Воронежѣ и тамъ распоряжаться постройкою галеръ; но въ такомъ случаѣ ему пришлось бы бороться съ неменьшими затрудненіями: административные органы въ Москвѣ дѣйствовали бы медленно, ожидали бы понуканій, и время пропало бы въ разныхъ запросахъ, справкахъ, отвѣтахъ, вызывающихъ необходимость новыхъ разъясненій и т. п. Царь рѣшилъ поэтому строить суда на сухопутьи, и послѣдствія доказали, что онъ поступилъ хорошо.

---

[1]) *Елагинъ*, Исторія русскаго флота, 24.
[2]) *Устрялова*, II, 399.
[3]) Архивъ Куракина, I, 70. Ср. *Gordon*, Tagebuch, II, 332.
[4]) *Устрялова*, II, 373.
[5]) Дополн. къ Акт. Истор., XII, 28—28.
[6]) *Елагинъ*, 24.
[7]) Архивъ Куракина, I, 69.
[8]) *Елагинъ*, 24.

Библиотека "Руниверс"

Еще въ 1694 г. заказана была въ Голландіи черезъ Витзена галера, назначавшаяся на Волгу и въ Каспійское море [1]). Въ ту пору въ головѣ у царя роились совсѣмъ иные планы [2]). Но за годъ много воды утекло. Въ навигацію 1695 г. галеру, въ сборномъ видѣ, доставили въ Архангельскъ, а потомъ, съ наступленіемъ морозовъ, привезли на саняхъ въ Москву [3]), и здѣсь на ея долю выпала почетная задача стать образцомъ цѣлой флотиліи судовъ. С. М. Соловьевъ, указывая на то, что неуспѣхъ подъ Азовомъ не только не обезкуражилъ Петра, но пробудилъ въ немъ новыя силы, справедливо замѣчаетъ, что „съ неудачи азовской начинается царствованіе *Петра Великаго*“ [4]). Дѣйствительно, молодой государь проявилъ замѣчательную энергію и находчивость въ осуществленіи задуманнаго имъ дѣла. Едва вернувшись [5]) изъ-подъ Азова, онъ пишетъ [6]) холмогорскому воеводѣ Ѳ. М. Апраксину: „По возвращеніи отъ невзятія Азова, съ консиліи господъ генераловъ, указано мнѣ къ будущей войнѣ дѣлать галеи, для чего удобно мнѣ быть шхипъ-тиерманомъ всѣмъ отъ васъ сюды, понеже они сіе зимнее время туне будутъ препровождать, а здѣсь могутъ тѣмъ временемъ великую пользу къ войнѣ учинить; а кормъ и за труды заплата будетъ довольная, и ко времени отшествія кораблей возвращены будутъ безъ задержанія; и тѣмъ ихъ обнадежь, и подводы дай и на дорогу кормъ“ [7]).

Царь такимъ образомъ не терялъ времени, и иноземные мастера [8]), безъ которыхъ нельзя было обойтись, должны были волей-неволей спѣшить въ столицу. Но этихъ рабочихъ рукъ мало, и къ дѣлу привлекаются преображенскіе солдаты [9]), нѣкогда еще на Переяславскомъ озерѣ строившіе совмѣстно съ царемъ потѣшные ко-

---

[1]) *Елагинъ*, 20.

[2]) *Posselt*, Der General u. Admiral Fr. Lefort, II, 313.

[3]) Вѣроятно, не раньше второй половины декабря, потому что еще 15-го ноября 1695 г. изъ Москвы шлется приказъ на Вологду приготовить 20 дровень и 100 подводъ подъ „водяныя заморскія суда“, ожидаемыя изъ Архангельска. (*Елагинъ*, Приложенія, I, 2). Галеру привезли на пильную мельницу, куда и ѣздилъ Гордонъ 3-го января 1696 г. смотрѣть ее (*Gordon*, III, 1).

[4]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XIV, 205.

[5]) 22-го ноября. Записки Желябужскаго, 27, по изданію Сахарова.

[6]) 30-го ноября.

[7]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, I, 53—54.

[8]) Янъ Питерсенъ съ товарищами. *Елагинъ*, Приложенія, I, 3.

[9]) *Елагинъ*, Приложенія, I, 5.

Библиотека "Руниверс"

рабли [1]); выписываются особые мастера изъ Голландіи [2]). Вернулись изъ-подъ Азова бывшіе тамъ во время осады вологодскіе плотники—ихъ также вызываютъ, въ числѣ 24 человѣкъ, въ Преображенское [3]). Тамъ же, видимъ, работаетъ партія нижегородскихъ плотниковъ [4]). Дѣло было не только спѣшное, но и неожиданное: ничего не было припасено, ничего не было подъ рукою: изъ того же Воронежа пришлось выписывать большія двоеручныя пилы, и не то что бы большую партію: даже и трехъ штукъ не было на лицо [5]). На устроенной лѣсопильной („пиловальной") мельницѣ въ Преображенскомъ готовили доски [6]), и при томъ изъ сыраго замерзшаго лѣса [7]). Зато въ результатѣ въ теченіе какихъ нибудь трехъ мѣсяцевъ: декабря, января и февраля, были готовы и только не собраны 21 [8]) галера и 4 брандера.

Галерою называлось двухмачтовое судно съ латинскими парусами, сидящее въ водѣ до 7 футовъ. Размѣры галеръ колебались отъ 125 до 160 футовъ длины, отъ 18 до 30 футовъ ширины. Конечно, отъ длины зависѣло и количество банокъ: наибольшее число ихъ доходило до 50 (по 25 на каждомъ борту), съ пятью-шестью гребцами на каждую. Артиллерія, помѣщавшаяся на носу, доходила до пяти орудій; четыре 8-ми-фунтовыхъ и одна—36-ти-фунтовая [9]). Галера, привезенная изъ Голландіи—ее обыкновенно зовутъ галерою Лефорта—принадлежала къ наименьшимъ по величинѣ образцамъ указаннаго типа. Она не превосходила длиною 125 футовъ, шириною около 30; была двухмачтовая, 28-весельная, съ тремя мѣдными 2—5 фунтовыми орудіями и экипажемъ въ 133 человѣка [10]). О размѣрахъ галеръ, построенныхъ въ Преображенскомъ, къ сожалѣнію, не сохранилось ни-

---

[1]) *Устряловъ*, II, 360—361.

[2]) *Елагинъ*, Приложенія, I, 3—4.

[3]) Ibidem, 4—5.

[4]) Ibidem, I, 5.

[5]) Ibidem, I, 4.

[6]) Ibidem, I, 43.

[7]) *Елагинъ*, Исторія русскаго флота, 21.

[8]) *Елагинъ* (стр. 21, ср. 31), а за нимъ и *Соловьевъ* (XIV, 206) говорятъ о 22 галерахъ, но это ошибка. Списокъ судовъ, построенныхъ въ Преображенскомъ, перечисляетъ лишь 21 галеру (Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 годъ, стр. 602—604. *Елагинъ*, Приложенія, I, 2 — 4, вторая пагинація). 22-ою была галера, привезенная изъ Голландіи.

[9]) *Елагинъ*, Исторія Азовскаго флота, 255—257.

[10]) Ibidem, 31.

Библиотека "Руниверс"

какихъ свѣдѣній; извѣстно лишь, что шесть изъ нихъ были 28-весельныя, пять—въ 36 веселъ, четыре—въ 34, двѣ—въ 32, двѣ—въ 30, одна — въ 38 веселъ, что большинство имѣло по 3 орудія, у остальныхъ по 4; по 5 же и по 6 орудій имѣлось всего лишь у двухъ галеръ. Углубленіе преображенскихъ судовъ было не менѣе 7 футовъ [1]).

Что же дѣлалось въ это время на Воронежѣ? Судостроеніе тамъ вообще существовало еще задолго до Петра, практикуясь и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и при Алексѣѣ Михайловичѣ, иногда даже въ довольно широкихъ размѣрахъ. Этого требовали нерѣдкія посылки на Донъ къ казакамъ провіанта или царскихъ посланцевъ съ подарками, отправка пословъ къ турецкому султану [2]) и т. п. Такъ, напримѣръ, въ 1640 г. вологодскіе мастера строили тамъ суда для отправки хлѣба въ Азовъ, занятый тогда донскими казаками [3]), а въ 1642 г., въ благодарность за исполненіе даннаго указа: оставить Азовъ, правительство отправило казакамъ въ подарокъ 200 поставовъ сукна, 2.500 четвертей хлѣба и 200 ведеръ вина [4]); въ 1673 г. для перевозки ратныхъ людей и хлѣба построили 578 струговъ нарядомъ въ 20.388 человѣкъ, работавшихъ въ четыре смѣны [5]); въ слѣдующемъ году съ тою же цѣлью построили 465 струговъ [6]); еще годъ спустя, изъ Москвы пришелъ указъ заготовить, въ добавленіе къ прежнимъ, новыхъ 250, такъ какъ въ виду предстояла перевозка приблизительно 11.000 четвертей муки, крупъ и толокна [7]); въ 1689 г. на Воронежѣ и въ окрестныхъ городахъ сработано было для Донскаго отпуска 86 струговъ [8]).

Такимъ образомъ Воронежъ издавна былъ мѣстомъ постройки струговъ, дощанниковъ, большихъ и малыхъ лодокъ, но этимъ и ограничивалось значеніе его, какъ „корабельной верфи“. Сейчасъ мы ви-

---

[1]) Списокъ русскихъ военныхъ судовъ, 602—604. *Елагинъ*, 31—32 и 2—4 (второй пагинаціи).

[2]) *Елагинъ*, Приложенія, I, 27.

[3]) *Елагинъ*, 23.,

[4]) Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ, III, № 115, стр. 403—404.

[5]) Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты, томъ I, стр. 98. *Устряловъ*, II, 376.

[6]) *Устряловъ*, II, 375—376.

[7]) Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе акты, I, 97—98.

[8]) Ibidem, 142.

Библиотека "Руниверс"

дѣли, что струги, и ничто иное [1]), готовились и къ первому Азовскому походу. Главнымъ образомъ *тѣ же струги* строили тамъ и зимою 1695—1696 г. Декабрскимъ походомъ повелѣно было въ Воронежѣ, Козловѣ, Добромъ и Сокольскѣ, къ вскрытію рѣкъ, приготовить въ плавной донской походъ 1.300 струговъ, отъ 12 до 17 саженъ въ длину и въ $2^1/_2$ — $3^1/_2$ саж. ширины, около 40 ушколовъ, 30[2]) морскихъ лодокъ и 100 плотовъ. Правда, на долю Воронежа выпала на этотъ разъ и другая честь: построить два галеаса; но мы сейчасъ увидимъ, насколько по силамъ оказалась она для него.

Къ концу февраля 1696 г. задача Преображенской верфи была окончена. Оставалось приготовленныя части галеръ перевезти въ Воронежъ, собрать тамъ и спустить на воду. 23 февраля [3]) государь выѣхалъ изъ Москвы и 29-го февраля [4]) прибылъ въ Воронежъ. Впередъ его поѣхалъ „преображенскаго полку шхипъ-тимерманъ Лукьянъ Верещагинъ“ приготовить царю помѣщеніе [5]). Верещагинъ былъ очень близкій человѣкъ къ государю, изъ его компаніи, позже ѣздилъ съ нимъ за границу, вмѣстѣ работалъ на Остъ-индской верфи въ Амстердамѣ, потомъ примѣнялъ свои свѣдѣнія на Воронежѣ [6]) и, конечно, не даромъ оставался онъ до сихъ поръ въ Преображенскомъ: онъ тамъ былъ необходимъ.

Вслѣдъ за государемъ началась отправка изъ Преображенскаго судовъ въ Воронежъ. Каждую галеру сопровождалъ назначенный на нее командиръ съ командою. „Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о подробностяхъ этого сухопутнаго шествія 26 [7]) судовъ съ значительнымъ количествомъ строительныхъ матеріаловъ, до-

---

[1]) При стругахъ, на каждый по одной, конечно, готовились и маленькія лодки, „для переѣзду“, игравшія роль катера при большихъ кораблях.

[2]) Число 30 показано въ документахъ (*Елагинъ*, Приложенія, I, 19; *Устряловъ*, II, 378). Въ книгѣ Елагина (Исторія русскаго флота, стр. 22), вѣроятно, опечатка: 300 вм. 30. Эта ошибка занесена и въ „Исторію Россіи“, Соловьева, XIV, 206.

[3]) *Gordon*, III, 9—10.

[4]) *Елагинъ*, Приложенія, I, 57.

[5]) Ibidem, 32.

[6]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, I, 187, 270, 752—753, 847, 880; II, 39, 705. *Елагинъ*, Исторія русскаго флота, 117—118 и въ снимкахъ автографовъ; Приложенія, II, 215. *Устряловъ*, IV, ч. 2, стр. 494—495.

[7]) Елагинъ пишетъ: 27, имѣя въ виду 4 брандера, 1 галеру голландскую и 22 преображенскихъ; но мы выше видѣли, что подъ Москвою выстроена была всего 21 галера.

Библиотека "Руниверс"

сокъ, бревенъ и т. п., потребовавшихъ необыкновенныхъ средствъ перевозки, при наступившей ранней веснѣ. Не знаемъ, саннымъ ли путемъ, утопая ли въ грязи, или знакомясь съ стихіею, на службу которой предназначались, достигли суда до Воронежа“ [1]). Къ 10-му марта отправка уже закончилась [2]); но и послѣ этого дѣятельность въ Преображенскомъ не замолкла: на лѣсопильной мельницѣ работали днемъ и ночью, готовя и отправляя въ Воронежъ доски [3]); тамъ же приготовляли смоляные канаты, и въ теченіе апрѣля и мая ихъ было отправлено болѣе полусотни „спусковъ“ на 92 подводахъ [4]).

Въ Воронежѣ весь мартъ прошелъ въ сборкѣ галеръ [5]). Не смотря на сильные дожди и смѣнившіе ихъ морозы, работа, хотя на время и пріостановившаяся, подвигалась впередъ, по признанію самого государя, „безъ мѣшкоты“ и „съ поспѣшеніемъ“ [6]). Со 2-го апрѣля начали одна за другою спускать на воду галеры [7]), что̀ заняло времени почти весь этотъ мѣсяцъ [8]).

Одновременно со сборкой галеръ шла работа и надъ вышепомянутыми галеасами. Этимъ именемъ обозначались военныя суда гораздо большихъ, сравнительно съ галерами, размѣровъ: около 170 фут. длины, въ три мачты и цѣлой батареей пушекъ, которыхъ иногда бывало до 70 орудій [9]). Воронежскіе галеасы носили названіе „Апостолъ Петръ“ и „Апостолъ Павелъ“. Впрочемъ спеціалисты утверждаютъ, что между ними, по крайней мѣрѣ „Апостоломъ Петромъ“, и дѣйствительными галеасами „не было ничего общаго“ [10]). „Оба эти судна близко подходили къ современному имъ IV рангу кораблей въ другихъ флотахъ“ [11]). Потому-то, вѣроятно, названіе га-

[1]) *Елагинъ*, 27.

[2]) Письмо Лефорта государю 10-го марта 1696 г. у *Елагина*, Приложенія, I, 37, *Устрялова*, т. IV, ч. 1, стр. 561 (ошибочная дата: 1-го марта) и въ Письмахъ и бумагахъ императора Петра Великаго, I, 550.

[3]) Ibidem.

[4]) *Елагинъ*, Приложенія, I, 40. Ср. письмо Лефорта государю, отъ 21-го марта, послѣднія строки (*Елагинъ*, I, 40, *Устрялова*, IV, ч. 1, стр. 567, и Письма и бумаги, I, 553).

[5]) Письмо государя отъ 23-го марта. Письма и бумаги императора Петра Великаго, I, 55.

[6]) Письма государя 23-го и 29-го марта. Ibidem, I, 56, 57.

[7]) *Gordon*, III, 20. *Елагинъ*, 35.

[8]) *Елагинъ*, 36.

[9]) *Елагинъ*, 254.

[10]) Ibidem, 255.

[11]) Ibidem, 31.

Библиотека "Руниверс"

леасовъ, неправильно приданное, существовало у воронежскихъ судовъ недолго. Съ 1699 года они называются уже кораблями [1]).

Надо полагать, размѣры и громоздкость этихъ судовъ [2]) не позволили, даже и по частямъ, готовить ихъ въ Преображенскѣ. Царь рѣшилъ строить ихъ при себѣ, уже весною, а пока далъ наказъ стольнику Григорію Титову, вѣдавшему заготовкой матеріаловъ въ Воронежѣ, распилить къ первымъ числамъ февраля слишкомъ 7.000 деревьевъ на брусья, бруски, пластины и доски, по даннымъ размѣрамъ и чертежамъ [3]); хотя сравнительно позднее распоряженіе это (1-го января), въ ту пору, когда работа въ Преображенскомъ несомнѣнно кипѣла, даетъ право думать, что о галеасахъ вспомнили не сразу, а все вниманіе сосредоточено было на галерахъ. О ходѣ постройки двухъ кораблей не сохранилось никакихъ извѣстій. Мы знаемъ только, что „Апостолъ Петръ", заложенный въ началѣ марта, былъ спущенъ на воду 26-го апрѣля [4]). Въ настоящее время, замѣчаетъ Елагинъ, трудно вѣрится въ возможность такой быстроты, хотя бы члены корабля и были приготовлены заранѣе. Впрочемъ, прибавляетъ онъ тутъ же, „Апостолъ Петръ" „былъ далеко не готовъ при спускѣ, даже, можетъ быть, здѣсь соблюдено было единственное условіе—лишь бы держался на водѣ до окончательной постройки—потому что вмѣстѣ съ нимъ отправлено было въ низъ къ Азову пять струговъ съ лѣсными припасами „на отдѣлку галеасовъ", да одинъ стругъ съ дубовыми досками „на галеасы жъ" [5]).

Что же касается до втораго корабля, „Апостола Павла", то онъ совсѣмъ не былъ готовъ и въ походѣ участія никакого не принималъ [6]). Да изъ документовъ совсѣмъ не видно, что дѣлалъ подъ Азовомъ и первый галеасъ. Хотя на рисункѣ Шхонбека [7]) „Апостолъ Петръ" и изображенъ въ дѣйствіи на ряду съ галерами; но всюду, гдѣ флотъ принималъ участіе въ осадѣ, упоминаются лишь однѣ эти. Впрочемъ, еслибы мы даже и допустили участіе „Апо-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Хотя по сравненію съ Лефортовой галерой они были даже короче ея: „Петръ" 113, „Павелъ" 98 футовъ длины, но оба въ 36 пушекъ (*Елагинъ*, 31) и, судя по гравюрѣ Шхонбека (см. тамъ же, на отдѣльномъ листѣ), двухдечныя.

[3]) *Устряловъ*, II, 260; *Елагинъ*, Приложенія, I, 24, 25, 33.

[4]) *Елагинъ*, 37.

[5]) *Елагинъ*, 37—38.

[6]) *Елагинъ*, 37.

[7]) Ibidem, въ концѣ книгѣ, на отдѣльномъ листѣ № 6.

Библиотека "Руниверс"

стола Петра", то его единичныя усилія все равно не могли бы имѣть большой цѣны. Вообще военныя суда воронежской постройки во время похода 1696 г. не играли и не могли играть значительной роли, вопервыхъ, потому что они не были къ этому подготовлены, вовторыхъ, потому что ихъ и не думали подготовлять къ этой роли, всю тяжесть задачи возложивъ главнымъ образомъ на суда преображенскія. Поэтому необходимо признать, что *въ первый моментъ* зарожденія русскаго флота [1]) при Петрѣ Великомъ пальма первенства принадлежитъ селу Преображенскому, а не городу Воронежу. Воронежъ былъ мѣстомъ постройки лишь *транспортныхъ* судовъ; собственно же *военный* флотъ создался въ Преображенскомъ и благодаря Преображенскому.

Е. Шмурло.

---

[1]) Настоящаго, серьезнаго, дѣловаго, а не „потѣшнаго", который существовалъ и раньше.

Библиотека "Руниверс"

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ФИЛОСОФІИ Н. Н. СТРАХОВА.

I.

Въ замѣткѣ о Н. Н. Страховѣ, принадлежащей перу академика К. Н. Бестужева-Рюмина, высказывается вѣрная мысль, что „историкъ литературы, описывая нашу эпоху, отведетъ Н. Н. Страхову самое почетное мѣсто, рядомъ съ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Данилевскимъ". Теперь, конечно, еще нельзя дать полной и безпристрастной оцѣнки дѣятельности покойнаго писателя, но одно уже теперь вполнѣ ясно: благодаря обширному и всестороннему образованію, а также выдающемуся критическому таланту, Н. Н. Страховъ занималъ въ нашей литературѣ совершенно своеобразное положеніе и въ дѣлѣ, напримѣръ, литературной критики не имѣетъ преемника. Необходимо природное дарованіе, воспитанное въ строгой аналитической школѣ, чтобы вышелъ критикъ, равный по силѣ Н. Н. Страхову.

На нижеслѣдующихъ страницахъ мы вовсе не стремимся дать полную оцѣнку Н. Н. Страхова, какъ писателя, а хотимъ лишь отмѣтить нѣкоторыя главныя черты и особенности его мышленія. Полную оцѣнку можетъ дать лишь тотъ, кто совершенно безпристрастно отнесется ко всѣмъ общественнымъ и литературнымъ движеніямъ послѣднихъ сорока лѣтъ — задача невыполнимая для лица, которое хотя отчасти переживало ихъ или участвовало въ нихъ.

Писательская дѣятельность Н. Н. Страхова продолжалась непрерывно съ 1857 года по 1896 г.; 38 лѣтъ, проведенныхъ въ умственномъ трудѣ, сопряженномъ съ большими нравственными потрясеніями, представляютъ сами по себѣ, независимо отъ оцѣнки, предметъ, достойный уваженія. Но къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ теченіи всей своей дѣятельности Страховъ оставался вѣренъ тому направ

Библиотека "Руниверс"

ленію, которое онъ считалъ правильнымъ, которое было сродно его сердцу и навлекло на него много насмѣшекъ, сначала цѣлую травлю, потомъ презрительное замалчиваніе. Все это должно вызвать и въ противникахъ покойнаго признаніе его заслугъ и уваженіе къ его личности, мягкой и симпатичной въ общеніи, лишенной эгоистическихъ чертъ.

Внѣшняя судьба Н. Н. Страхова, то-есть, его отношеніе къ общественнымъ и литературнымъ движеніямъ и отношеніе литераторовъ къ нему, можно объяснить, какъ кажется, слѣдующими обстоятельствами: большія природныя дарованія его успѣли вполнѣ развиться прежде чѣмъ онъ вступилъ на литературное поприще. Н. Н. Страхову, когда онъ выступилъ съ первой своей статьей въ „Свѣточѣ“ 1860 г., „Значеніе Гегелевской философіи въ настоящее время“ было 32 года, слѣдовательно главныя черты его міросозерцанія успѣли уже сложиться. До этого времени Н. Н. Страховъ положилъ основаніе тому солидному научному образованію, которое онъ въ теченіе всей своей жизни пополнялъ, слѣдя за развитіемъ наукъ. Костромская семинарія и главный педагогическій институтъ дали своему питомцу хорошее научное образованіе. Съ 1851 г. по 1857 г. Н. Н. Страховъ продолжалъ заниматься естественными науками и философіей, доказательствомъ чего служитъ его магистерская диссертація, защищенная имъ въ 1857 г. („О костяхъ запястья млекопитающихся“) и рядъ статей по методологіи естествознанія, вошедшихъ въ составъ книги, вышедшей лишь въ 1865 г. („О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи“. С.-Пб. 1865). Итакъ, Н. Н. Страховъ выступилъ на литературномъ поприщѣ съ отличною подготовкою (научною и философскою) и вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ; отъ природы онъ былъ одаренъ задатками, опредѣлившими мѣсто, которое онъ впослѣдствіи занялъ въ русской журналистикѣ. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что былъ воспитанъ въ патріотическомъ духѣ, что отъ рожденія былъ патріотомъ и имѣлъ „органическое отвращеніе къ нигилизму“, получившему въ шестидесятыхъ годахъ большую силу. Н. Н. Страховъ обладалъ не только большими аналитическими способностями, но сверхъ того и истиннымъ тонко развитымъ художественнымъ вкусомъ, проявившемся въ его мѣткихъ сужденіяхъ о поэзіи и музыкѣ. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной чертѣ: именно объ отношеніи его къ религіознымъ вопросамъ; хотя Н. Н. Страховъ и интересовался религіозными вопросами въ высокой степени и быть

Библиотека "Руниверс"

можетъ и правъ его цѣнитель и поклонникъ, который говоритъ, что религіозная идея была центральной въ мышленіи Н. Н. Страхова [1]), однако самъ Н. Н. Страховъ никогда прямо не высказывался о религіи и лишь косвеннымъ путемъ можно дѣлать заключенія о его отношеніи къ религіи. Н. Н. Страховъ былъ человѣкомъ крайне осторожнымъ, по возможности избѣгавшимъ всякихъ осложненій и недоразумѣній и посему, вѣроятно, и не высказывался о предметахъ религіи.

Припомнимъ теперь то время, когда Н. Н. Страховъ выступилъ въ литературѣ. Главныя идеи того времени, правда въ нѣсколько одностороннемъ освѣщеніи, легко подмѣтить изъ книгъ самого Н. Н. Страхова. Н. Н. Страховъ, въ которомъ анализъ значительно преобладалъ надъ творчествомъ, но который преклонялся передъ творчествомъ, гдѣ бы онъ его ни находилъ, конечно, могъ лишь съ негодованіемъ и презрѣніемъ смотрѣть на критику и литературу шестидесятыхъ годовъ. Хорошіе же порывы того времени, стремленіе къ идеалу, не могли быть оцѣнены Н. Н. Страховымъ, потому что онъ ясно понималъ, что кромѣ порывовъ ничего въ этой литературѣ нѣтъ и изъ нея ничего положительнаго выйдти не можетъ. Н. Н. Страховъ явился „единственнымъ трезвымъ среди пьяныхъ", и весьма понятно, что его слова увѣщанія должны были показаться смѣшными и даже глупыми (какъ прямо называлъ ихъ, напримѣръ, Щедринъ) лицамъ, которыя были увѣрены, что имъ предстоитъ сломить все старое (въ идеальной, конечно, формѣ) и построить все на новыхъ основаніяхъ. Они не замѣчали, что ихъ критика должна была казаться дѣтскою всякому, кто не вѣрилъ въ ихъ миссію. и когда Н. Н. Страховъ очень ловко приводилъ ихъ слова къ основнымъ понятіямъ и результатамъ и показывалъ нелѣпость ихъ, то, конечно, долженъ былъ казаться человѣкомъ отсталымъ, вѣрующимъ, въ то, во что никто болѣе не вѣрилъ, и не вѣрующимъ въ прогрессъ.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить бо́льшій контрастъ въ умственномъ складѣ, чѣмъ тотъ, напримѣръ, который представляли собой Н. Н. Страховъ и Писаревъ. Идеалы, вкусы etc.—все у нихъ совершенно различно; Н. Н. Страховъ со своимъ поклоненіемъ Пушкину, Аксакову, съ любовью отдѣлывающій свои ясные, отчетливые періоды, долженъ былъ казаться смѣшнымъ критикамъ „Современника". Преклоненіе Н. Н. Страхова передъ Гегелемъ и вообще передъ нѣмецкимъ идеализмомъ — казалось отсталостью, „переживаніемъ" въ

[1]) *Вопросы философіи*, I, 4.

Библиотека "Руниверс"

прогрессирующей литературѣ. И ко всему еще симпатіи къ славянофильству!

Этимъ различіемъ между стремленіемъ литературы въ 60-хъ годахъ и требованіями, которыя къ ней предъявлялъ Н. Н. Страховъ, объясняется его судьба, то-есть, долгій періодъ (первые двадцать лѣтъ литературной дѣятельности) насмѣшекъ и замалчиванія и наконецъ, постепенное пріобрѣтеніе, въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ, вліянія, которымъ Н. Н. Страховъ по праву долженъ былъ бы давно уже пользоваться. Поворотъ въ общественномъ мнѣніи по отношенію къ Н. Н. Страхову совпадаетъ съ усиленіемъ консервативныхъ теченій со времени вступленія на престолъ императора Александра III; роковое событіе 1-го марта измѣнило теченіе русской общественной и политической жизни. Писатели, близкіе къ славянофиламъ, какъ, напримѣръ, Катковъ, или сочувствовавшіе славянофиламъ, какъ, напримѣръ, Страховъ, получили совершенно иное значеніе въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Направленіе внѣшней и внутренней политики совпало въ главнѣйшихъ чертахъ съ тѣми идеалами, которыми жилъ Н. Н. Страховъ, такъ что онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, оказался теоретическимъ выразителемъ тѣхъ философскихъ принциповъ, которые легли въ основу русской политической жизни. Но и въ этомъ отношеніи о Н. Н. Страховѣ слѣдуетъ сказать, что онъ старался не проявлять творчества (его творчествомъ была критика): онъ просто примкнулъ къ извѣстному направленію, которое пропагандировалъ, выяснялъ, защищалъ по мѣрѣ силъ. Въ политическомъ отношеніи выразителемъ идеаловъ Н. Н. Страхова явился Данилевскій, книгу котораго „Россія и Европа“ Н. Н. Страховъ, можно сказать безъ преувеличенія, заставилъ русское общество читать, указавъ на выдающіяся стороны этого труда. Послѣднее время Н. Н. Страховъ не могъ, конечно, жаловаться—и если онъ это дѣлалъ, то лишь по старой привычкѣ — на замалчиваніе, на отсутствіе читателей и т. д. Его книги стали расходиться, онъ пріобрѣлъ вліяніе въ кругу читающей молодежи и около него стали группироваться лица, считающія себя его учениками. Стали появляться статьи о Н. Н. Страховѣ совершенно уже иного характера, чѣмъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ; появились прямо-таки апологіи, изъ которыхъ нѣкоторыя навѣрное не порадовали виновника ихъ. Думаю, что Н. Н. Страхову иныя похвалы были менѣе по сердцу, чѣмъ тѣ насмѣшки, которыя сыпались на него въ первую половину его литературной карьеры и къ которымъ онъ могъ относиться съ истинно философскимъ спокойствіемъ.

Библиотека "Руниверс"

II.

Дѣятельность Н. Н. Страхова, богатая и многосторонняя, можетъ быть разсматриваема съ различныхъ сторонъ, а именно, его можно оцѣнивать и какъ ученаго и какъ литературнаго критика, какъ философа, какъ политическаго писателя, наконецъ какъ полемиста. Ранѣе всего мы остановимся на Н. Н. Страховѣ, какъ на философѣ.

Всѣхъ философовъ можно подраздѣлить на двѣ большія группы, имѣя въ виду не содержаніе ихъ философіи, а отношеніе ихъ къ этому содержанію, а именно: на философовъ-критиковъ, аналитиковъ и на философовъ строителей или синтетиковъ. Примѣромъ для первой группы въ чистомъ ея видѣ могутъ служить скептики, примѣромъ для второй группы—мистики; первые исходятъ изъ правильной мысли, что построеніе можетъ быть твердымъ только въ томъ случаѣ, ежели матеріалъ крѣпокъ и соблюдены всѣ законы строительнаго искусства. Но невозможность найдти подходящій матеріалъ и возвести изъ него стройное зданіе заставляетъ скептиковъ вовсе отказаться отъ построенія. Критика, часто, заканчивается или голымъ отрицаніемъ или же безъисходнымъ субъективизмомъ. Но и въ основѣ убѣжденій строителей мистиковъ находится здравая мысль. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что міръ есть система. Опытъ многихъ вѣковъ, безчисленнаго множества людей подтверждаетъ истинность нѣкоторыхъ научныхъ, частныхъ положеній; если и не всегда удается оправдать эти положенія въ самой глубинѣ ихъ принциповъ, все же научная истинность ихъ отъ этого не страдаетъ и нѣтъ повидимому основанія сомнѣваться въ томъ, что возможно построить воззрѣніе, объединяющее всѣ частныя положенія.

И вотъ начинается постройка системы, причемъ основаніе ея недостаточно обосновано передъ свѣтомъ разума, покоится на вѣрѣ. Философы всѣхъ школъ и направленій примыкаютъ и заключаютъ въ себѣ въ большей или меньшей степени элементы этихъ двухъ указанныхъ направленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ несомнѣнное значеніе.

Въ Н. Н. Страховѣ были оба элемента, но въ различной степени, и проявились они съ различною степенью ясности. Онъ не былъ философомъ-строителемъ. Онъ не заботился о томъ, чтобы построить полную и стройную систему; но, конечно, его нельзя причислить и къ скептикамъ, онъ болѣе всего заботился о выясненіи основныхъ понятій, о постановкѣ вопросовъ, о критическомъ анализѣ категорій. Онъ началъ съ естествознанія и отъ него перешелъ къ философіи, при чемъ

Библиотека "Руниверс"

идеаломъ знанія для него все-таки оставалось естествознаніе. Онъ дорожилъ болѣе всего всестороннимъ оправданіемъ нѣкоторыхъ простѣйшихъ законовъ физики, въ истинности которыхъ онъ несомнѣвался, понимая ихъ чисто раціоналистически. Философія ему служила скорѣе методологическимъ пріемомъ, какъ орудіе оправданія естественнонаучныхъ истинъ. Въ этомъ смыслѣ Н. Н. Страхова слѣдуетъ причислить къ философамъ аналитикамъ. Въ идеѣ ему представлялось возможнымъ построеніе системы съ оттѣнкомъ идеалистическаго пантеизма, но въ сочиненіяхъ его нѣтъ достаточнаго количества данныхъ, чтобы воспроизвести его міровоззрѣніе. Вполнѣ отчетливо выдѣляются его критическіе пріемы, анализъ понятій, выясненіе нѣкоторыхъ положеній, но изъ этого нельзя создать цѣльнаго міросозерцанія. Значеніе Н. Н. Страхова, какъ философа, заключается въ его критикѣ, въ томъ, что онъ отвергалъ, а не въ томъ, что онъ строилъ. Построеніе системы должно было казаться ему дѣломъ второстепенной важности, ибо онъ вѣрилъ, что истина найдена, что въ общихъ чертахъ ее можно найдти, напримѣръ, у Платона etc. etc.

Въ дальнѣйшемъ мы, руководствуясь его сочиненіями, постараемся изложить защищаемые Н. Н. Страховымъ принципы и выяснить пріемы его критики [1]).

Не всегда легко установить основныя понятія въ міросозерцаніи Н. Н. Страхова и это потому, что о религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ, занимающихъ весьма видное мѣсто въ его мышленіи, онъ не говорилъ или говорилъ лишь попутно, ad hoc.

Но нѣкоторыя черты тѣмъ не менѣе легко подмѣтить. Самъ онъ говоритъ о своемъ патріотизмѣ [2]), о своемъ органическомъ отвращеніи къ нигилизму [3]), о близости къ славянофильству [4]) и о своемъ по-

[1]) Изъ сочиненій Н. Н. Страхова мы, главнымъ образомъ, будемъ имѣть въ виду: „Міръ какъ цѣлое", 2-е изд., С.-Пб. 1892, 8°; „Основныя понятія физіологіи и психологіи", С.-Пб. 1894, 8°; „О вѣчныхъ истинахъ", С.-Пб. 1887, 8°, „Философскіе очерки", С.-Пб. 1895, 8°.

[2]) Достоевскій, I изд. 1883 г., I т., стр. 298. Съ дѣтства я былъ воспитанъ въ чувствѣ безграничнаго патріотизма.

[3]) Ibid., стр. 235. „Могу сказать, что во мнѣ было постоянно какое-то органическое нерасположеніе къ нигилизму и что съ 1855 года, когда онъ сталъ замѣтно высказываться, я смотрѣлъ съ большимъ негодованіемъ на его проявленія въ литературѣ".

[4]) Ibid., 205. Въ журналистику я вступилъ, сколько помню, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже лѣнью, и потому не принималъ большаго участія въ вопросѣ о направленіи. Мысль о новомъ направленіи, однако же, скоро занимала меня, особенно вслѣдствіе вліянія Ап. Григорьева; но очень скоро, можетъ быть,

Библиотека "Руниверс"

клоненіи передъ корифеями нѣмецкаго идеализма: Гёте и Гегелемъ [1]). Указанныя отношенія нѣсколько уже опредѣляютъ положеніе Н. Н. Страхова. Прибавимъ этому его поклоненіе художественному творчеству Л. Н. Толстого, которое можетъ быть отчасти повліяло и на отношеніе къ религіозно-нравственнымъ сочиненіямъ Л. Н. Толстого. Славянофильство Н. Н. Страхова и его любовь къ естественнымъ наукамъ опредѣлили отношеніе его къ Н. Я. Данилевскому. Наконецъ, прибавимъ къ этому, что Н. Н. Страховъ считалъ себя, какъ критика, особенно близкимъ къ Аполону Григорьеву, первый томъ сочиненій котораго онъ издалъ. Изъ сказаннаго мы видимъ, какія различныя и трудно, повидимому, примиримыя симпатіи и начала жили въ умѣ и сердцѣ Н. Н. Страхова. Но Н. Н. Страховъ старался объединить различное, и это ему удавалось. Три главныя противорѣчія обращаютъ на себя наше вниманіе: славянофильство Н. Н. Страхова и поклоненіе его передъ наукой, философіей, вообще просвѣщеніемъ Запада; его религіозность, повидимому, вполнѣ догматичная, православная [2]), и поклоненіе передъ дѣятельностью Л. Толстого; наконецъ, мистическое настроеніе Н. Н. Страхова, влекшее за собою любовь къ пантеистической и идеалистической нѣмецкой философіи, и симпатія къ естествознанію.

III.

Изъ этихъ трехъ коренныхъ противуположностей въ натурѣ и мышленіи Н. Н. Страхова насъ должно занять главнымъ образомъ послѣдняя, и мы постараемся показать, что противорѣчіе тутъ только кажущееся, которое легко можетъ быть объяснено.

по своему нерасположенію къ неопредѣленности, я порѣшилъ, что нужно прямо признавать себя славянофиломъ, когда признаешь существенныя начала этого ученія". По отношенію къ власти Страховъ держался того же направленія, которое приписываетъ Достоевскому: стр. 228: „Въ отношеніи къ власти онъ всегда твердо стоялъ на той точкѣ, которая такъ ясна и тверда у всѣхъ истинно русскихъ людей. Онъ давалъ полную строгость своему сужденію, но откладывалъ всякую мысль о непокорности".

[1]) Достоевскій, I, стр. 273 „Что касается до меня, то я въ литературномъ отношеніи тоже принадлежалъ къ одному изъ направленій сороковыхъ годовъ, но еще болѣе старомъ, чѣмъ литературный кружокъ, о которомъ идетъ рѣчь, къ тому направленію, для котораго верхомъ образованія было понимать Гегеля и знать Гете наизустъ".

[2]) Такъ какъ Страховъ принимаетъ программу славянофиловъ цѣликомъ, то, вполнѣ естественно, говорить о его догматичной религіозности.

Библиотека "Руниверс"

Самъ Н. Н. Страховъ указываетъ на двоякій источникъ своихъ воззрѣній: первый—математическія и естественныя науки, второй—Гегелевская философія и именно ея метода, которая и есть ничто иное, какъ полное выраженіе научнаго духа [1]). Итакъ діалектическая метода кажется Страхову выраженіемъ научнаго духа, тогда какъ именно въ ней обыкновенно видятъ выраженіе духа антинаучнаго, а въ эмпирическомъ методѣ, напротивъ, видятъ научный путь. Въ извѣстномъ смыслѣ Страховъ признаетъ значеніе эмпирическаго метода „Великая привлекательность эмпиризма состоитъ въ томъ, что каждый эмпирическій результатъ есть настоящее познаніе, такъ какъ предполагается, что онъ не заключаетъ въ себѣ ничего субъективнаго". Вотъ что далѣе говоритъ Н. Н. Страховъ объ эмпирическомъ методѣ: „Желая быть вполнѣ эмпирикомъ, я долженъ сказать себѣ: я не знаю, какіе есть вообще возможные способы познанія, какіе изъ нихъ выше, какіе ниже, но есть способъ познанія, который я хорошо знаю и котораго я намѣренъ держаться, именно опытъ. Я не намѣренъ ничего отрицать, ничему противорѣчить, не хочу ни въ какой области рѣшать, что возможно и что невозможно; я хочу только добыть всѣ тѣ результаты, которые можетъ дать мнѣ мое орудіе—опытъ". (Предисловіе къ переводу Тэна „Объ умѣ и познаніи)". „Чисто эмпирическіе результаты не противорѣчатъ и не могутъ противорѣчить никакому умозрительному изслѣдованію, если оно ведется съ совершенною строгостью. Но они безпощадно разбиваютъ всякое построеніе, какъ скоро оно основано на произволѣ и фантазіи" (ibid.) Страховъ увлекался естествознаніемъ, но въ немъ его привлекало не знаніе отдѣльныхъ фактовъ, а познаніе ихъ необходимой связи съ остальными; цѣль естествознанія представлялась ему какъ нѣкоторое возведеніе вещественнаго міра въ умственный. Такимъ образомъ Страховъ не видѣлъ различія между наукой и философіей, между научнымъ и философскимъ методомъ [2]). Эмпирическій методъ имѣетъ свое

[1]) Предисловіе въ „Міру какъ цѣлое" ст. V. „Источникомъ своихъ взглядовъ я считалъ, во-первыхъ, математическія и естественныя науки, которыми тогда занимался и истинный духъ которыхъ усвоилъ себѣ чтеніемъ, размышленіемъ и нѣкоторыми работами... Вторымъ источникомъ своихъ взглядовъ я считалъ Гегеленскую философію,—но не ея ученіе въ какомъ-либо опредѣленномъ видѣ, а только ея методу, которую признавалъ, какъ и теперь признаю, полнымъ выраженіемъ научнаго духа".

[2]) Въ отвѣтѣ на рецензію *Гражданина* 1873 г. № 26 ст. 740—744 Страховъ упрекаетъ своего рецензента въ томъ, что онъ не постарался доказать, а просто принимаетъ какъ вещь, само собою разумѣющуюся, что метода натуралистовъ и философская метода Гегеля несовмѣстимы.

Библиотека "Руниверс"

значеніе, какъ нѣкоторая ступень, какъ подготовка къ философіи. Эмпиризмъ же какъ возведеніе эмпирическаго метода въ абсолютное направленіе—вотъ источникъ всего зла.

„Эмпиризмъ, отрицаніе умозрѣнія—вотъ разгадка всякихъ остановокъ и ненормальныхъ развитій. Нашъ вѣкъ хочетъ познавать, но упорно отказывается мыслить, какъ будто бы боясь, что мышленіе разрушитъ начала, на которыхъ онъ строитъ свою жизнь и возложитъ на него слишкомъ трудныя задачи и обязанности. Все значеніе моей книги состоитъ въ томъ, что она идетъ противъ эмпиризма, пытается вносить мышленіе въ пріемы изученія природы". (Міръ какъ цѣлое. Предисловіе ко второму изданію, стр. XIX). Этимъ и объясняется гегелизмъ Н. Н. Страхова—идеей раціональнаго естествознанія. Ежели вникнуть въ отношеніе Н. Н. Страхова къ Гегелю, то легко замѣтить, что не одинъ діалектическій методъ привлекалъ Страхова. Говоря о Гегелѣ, какъ о высшемъ выраженіи научнаго духа, Страховъ лишь отчасти имѣетъ въ виду діалектическій методъ, и въ гораздо бо́льшей степени самый духъ и сущность Гегелевской философіи, „Всеобщность есть необходимое условіе философіи. Кто не чувствуетъ недовѣрія къ философу, который понимаетъ только себя, только свои собственныя мысли и передъ которымъ все остальное мракъ и неразумѣе. Полная система должна заключать въ себѣ смыслъ всѣхъ существовавшихъ системъ, должна быть ихъ довершеніемъ, ихъ развитіемъ, а не отрицаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ нужно питать какое-то презрѣніе къ человѣческому уму для того, чтобы представить, что онъ заблуждался до нынѣшняго дня—и только сегодня увидѣлъ истину, что философы, великіе представители ума, выдумали свою систему такъ, ни съ того ни съ сего и могли говорить вздоръ отъ первой страницы до послѣдней".—(Философскіе очерки стр. 12). „Гегель возвелъ философію на степень науки... и если его система должна бороться съ различными мнѣніями, то именно потому, что всѣ эти мнѣнія односторонни, исключительны, что они враждуютъ противъ Гегеля, а не Гегель противъ нихъ. (Ibid. стр. 13). Гегелевская система высшая, потому что она объединяетъ всѣ и каждой указываетъ мѣсто и роль въ нахожденіи истины. Объединенія Гегель достигъ „волшебнымъ словомъ"—развитіе, имъ впервые произнесеннымъ съ полнымъ пониманіемъ.—И такъ, вотъ въ какомъ смыслѣ возможно понимать гегелизмъ Н. Н. Страхова и его увлеченіе методой Гегеля. Если считать Н. Н. Страхова за представителя діалектическаго метода Гегеля, то пришлось бы спросить, въ чемъ же отразилась эта метода на образѣ

Библиотека "Руниверс"

мышленія Страхова въ его сочиненіяхъ? Онъ самъ отвѣтилъ бы на вопросъ такъ: въ умѣніи ставить и развивать понятія. Онъ гегеліанецъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ его точки зрѣнія современное гегеліанство очевидно должно смотрѣть на гегеліанство сороковыхъ годовъ, какъ на überwundener Standpunkt, ибо новое должно искать сообразно съ вновь открытыми частными истинами и новаго объединенія; только самое требованіе объединенія новаго свѣтомъ всего предшествовавшаго развитія знанія и составляетъ самую сущность гегеліанства, которое такимъ образомъ есть ничто иное, какъ исторія развитія человѣческаго разума. Это Н. Н. Страховъ и высказалъ весьма ясно въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей. „Ищущій высшей и послѣдней философіи долженъ изучать фихте-гегелевскій идеализмъ и затѣмъ найдти отношеніе этого идеализма къ послѣдовавшей критикѣ и трудамъ послѣдовавшихъ мыслителей, расширять, измѣнять и отрицать, если нужно, его положенія, словомъ развивать его, если окажется у него на то силы. Но основы его сохранить придется, потому что если онъ и не есть сама философія, то во всякомъ случаѣ одно изъ дѣйствительныхъ воплощеній философіи. А по закону развитія въ каждомъ новомъ фазисѣ основы только раскрываются, уясняются, но не измѣняются“ [1]).

Но еще и въ иномъ болѣе тѣсномъ значеніи слова Н. Н. Страховъ признавалъ себя гегеліанцемъ и приверженцемъ діалектическаго метода. Разъясняя сущность опытнаго метода, Н. Н. Страховъ показываетъ, что апріорныхъ элементовъ въ такъ-называемыхъ опытныхъ выводахъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. „Опытъ ничего абсолютнаго доказать не можетъ: абсолютная истина принадлежитъ только апріорическому, только тому, что̀ можетъ быть доказано безъ опыта. Но опытные изслѣдователи часто думаютъ, что опытъ есть единственный источникъ истины, а потому есть источникъ всякой истины. Поэтому, они иногда приходятъ къ смѣшной попыткѣ случаѣ, когда берутся подтвердить на опытѣ то, чего никакой опытъ доказывать опытомъ обсобютность какого-нибудь вывода. Въ этомъ дать не можетъ, очевидно забываются границы опыта, и ему приписывается значеніе, котораго онъ не имѣетъ“ [2]). Н. Н. Страховъ постоянно указываетъ на тѣ апріорные элементы, тѣ категоріи, которые принадлежатъ нашему мышленію и примѣненіе которыхъ къ даннымъ

[1]) О задачахъ исторіи философіи. Фил. очерки стр. 480.

[2]) Міръ какъ цѣлое. 2 изд. Стр. 485—486.

Библиотека "Руниверс"

воспріятія создаетъ опытъ. Эти категоріи очевидно не случайны, и связаны между собой строеніемъ нашего мышленія, которое въ наукѣ проявляется очень ясно. „Каждая наука имѣетъ свою метафизику, то-есть она вноситъ въ свои изслѣдованія нѣкоторый апріорическій взглядъ на предметъ, которымъ она занимается,—она заранѣе опредѣляетъ сущность своего предмета и старается подтвердить это опредѣленіе, распространить его все дальше и дальше. Только такимъ или подобнымъ образомъ наука и можетъ двигаться впередъ, ибо движеніе безъ цѣли для ума невозможно.

Такимъ образомъ происходитъ, что такъ называемыя опытныя и наблюдательныя науки никогда не имѣютъ чисто опытнаго и наблюдательнаго вида, а всегда болѣе или менѣе облекаютъ свои результаты въ предвзятую форму... Но въ каждой наукѣ рано или поздно наступаетъ или должно наступить время, когда ея метафизика станетъ для нея недостаточною или стѣснительною. Именно,—современемъ окажется, что *сущность* вещей лежитъ гораздо *глубже*, чѣмъ какъ полагала а priori какая-нибудь наука. Въ такомъ случаѣ приходится бросить ея старую метафизику и внести въ нея новую, которая бы не стѣсняла ея движеній и открывала ей новые пути и задачи. Такъ это и дѣлается, при чемъ обыкновенно старая метафизика бываетъ упорно защищаема привыкшими къ ней учеными, а новая долгое время принимается за смѣлую гипотезу. Въ такихъ случаяхъ, для разрѣшенія споровъ и недоразумѣній, весьма полезно было бы изложить факты и выводы науки въ совершенно чистой опытной формѣ, такъ чтобы была устранена всякая метафизическая примѣсь, чтобы свидѣтельство опыта не заключало въ себѣ ничего апріорическаго... со времени Канта сущность метафизики обнаружилась, кажется, передъ нами до конца; мы можемъ узнать ее, какія бы видоизмѣненія она ни принимала, какъ бы она ни утончалась и ни пряталась. Поэтому можно ожидать, что настанетъ время, когда метафизика будетъ вовсе изгнана изъ наукъ, то-есть изъ нихъ будутъ изгнаны всякія попытки воплощать сущность вещей въ тѣ или другія частныя формы. Тогда апріорическій элементъ, эта душа каждой науки, будетъ имѣть видъ не метафизики, а *діалектики*“ [1]).

Мы выписали эти замѣчательныя мысли для того, чтобы показать, что Н. Н. Страховъ противуполагаетъ въ извѣстномъ смыслѣ мета-

[1]) Міръ какъ цѣлое. 2 над. стр. 518—520.

Библиотека "Руниверс"

физику діалектикѣ. и что подъ діалектикой онъ понимаетъ не совсѣмъ то, что разумѣлъ подъ этимъ названіемъ творецъ ея, Гегель. Метафизикой Н. Н. Страховъ называетъ предварительное опредѣленіе сущности предмета, которое должно уступить мѣсто иному опредѣленію, болѣе глубокому и правильному, а самый путь перехода отъ одного метафизическаго воззрѣнія къ другому, путь необходимый, обусловленный природою нашего мышленія. Н. Н. Страховъ называетъ діалектикой. „Діалектикой я называю", говоритъ онъ, „субъективную логику, то-есть науку въ которой мысль опирается только на самую себя, въ которой она излагаетъ всѣ свои законы и движенія и даетъ абсолютный методъ своего дѣйствія, заключающій въ себѣ всѣ другіе методы, какъ частные случаи" [1]).

Разъясняя природу діалектики, Н. Н. Страховъ настаиваетъ на слѣдующихъ положеніяхъ: „Мысль иначе относится къ себѣ самой, чѣмъ къ другимъ предметамъ, такъ какъ мысль сама себя мыслитъ.

Мысль сама собой управляетъ, то-есть свободно подчиняется своимъ внутреннимъ законамъ.

Невозможно разсматривать мысль на ряду съ объективными предметами.

Невозможно разсматривать міръ такъ, чтобы въ это воззрѣніе не входилъ такой (то-есть субъективный) взглядъ на мысль.

Но изъ этого взгляда слѣдуетъ, что возможна логика какъ наука чистой мысли" [2]).

Въ этомъ разъясненіи нѣтъ ни одной мысли, которая спеціально могла бы быть приписана Гегелю и не раздѣлялась бы равномѣрно всѣми представителями нѣмецкаго идеализма и даже, болѣе, идеализма вообще. Этого опредѣленія діалектики, даннаго въ 1866 г., Н. Н. Страховъ держался и въ концѣ своей жизни. Въ 1893 г. онъ пишетъ: „Что такое логика Гегеля? Это такая же таблица категорій, какъ у Канта, но расширенная и доведенная до полноты. Кантъ взялъ свои категоріи изъ формальной логики, какъ нѣчто данное, Гегель же уже считалъ для себя яснымъ самый принципъ образованія категорій, ихъ отношеній и распаденій, и потому составилъ полную и стройную ихъ систему. Задача Канта была рѣшена въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ онъ ее поставилъ". И далѣе: „Для опытнаго глаза по нѣсколькимъ страницамъ видно, умѣетъ-ли авторъ ста-

[1]) Главная черта мышленія. Философ. очерки стр. 114.

[2]) Тамъ-же, стр. 122.

Библиотека "Руниверс"

вить и развивать понятія, идетъ-ли его мысль діалектически или же не имѣетъ опредѣленнаго пути“ [1]).

Изъ приведенныхъ выписокъ ясно, что Н. Н. Страховъ, который чрезвычайно высоко цѣнилъ правильное, методичное мышленіе, видѣлъ въ априористическомъ элементѣ „душу каждой науки“, что эмпирическому методу онъ постоянно напоминалъ о необходимомъ присутствіи въ немъ априорныхъ элементовъ, что подъ діалектикой, въ которой онъ видѣлъ правильный путь развитія человѣческаго ума (иногда просто „опредѣленный путь“), онъ не разумѣлъ въ спеціальности гегелевской діалектики, а методологическое направленіе, свойственное всему нѣмецкому идеализму вообще; и наконецъ, если онъ и упоминалъ о гегелевской діалектикѣ—никогда впрочемъ, не вдаваясь въ болѣе детальное ея разсмотрѣніе—то только потому, что въ ней видѣлъ весьма удачный примѣръ осуществленія „субъективной логики“.

Итакъ и въ этомъ второмъ отношеніи Н. Н. Страховъ былъ гегеліанцемъ не въ смыслѣ ученика, принимающаго всѣ положенія учителя, готоваго jurare in verba magistri, но въ смыслѣ послѣдователя, совершенно свободно относящагося къ своему единомышленнику.

Но въ Страховскомъ міросозерцаніи была еще одна черта, которая его сближала съ Гегелемъ и ставила къ нему въ болѣе близкую связь, чѣмъ методологическія соображенія, и то обстоятельство, что гегелизмъ объединялъ собой все предшествовавшее развитіе философіи,—черта, которую Н. Н. Страховъ не подчеркивалъ, но которая играла существенную роль.

Одинъ изъ критиковъ [2]), близко стоявшій къ Н. Н. Страхову, указалъ, какъ намъ кажется совершенно правильно, на то, что религіозные интересы составляютъ центральную точку въ міросозерцаніи Н. Н. Страхова. Онъ ихъ не выставлялъ на показъ и говорилъ о религіи только гдѣ это было неизбѣжно. Въ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ на Аѳонъ читатель только по тону совершенно объективнаго описанія догадывается о настроеніи автора. Въ статьяхъ, написанныхъ въ защиту Л. Н. Толстого, въ поясненіи его религіозныхъ сочиненій, яснѣе всего обнаруживается интересъ Н. Н. Страхова къ церковной и религіозной жизни. Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ „Фран-

[1]) Философ. очерки, стр. 471—472.

[2]) *Розановъ*, „Вопросы философіи“. Книжка 4, второй отдѣлъ, стр. 13.

Библиотека "Руниверс"

цузской статьи (г. Вогюэ) о Л. Н. Толстомъ". „Почему же этотъ процессъ, приведшій великаго художника къ Богу, почему онъ не встрѣчаетъ полнаго сочувствія со стороны французскаго критика. Это сомнѣніе, это исканіе—что можетъ быть естественнѣе? Не тѣмъ ли и поражаетъ насъ Толстой, что величайшая пытливость и серьезность чувствуется во всемъ, что онъ ни изображаетъ. Эти рыданія алчущаго сердца, которыя подслушалъ критикъ въ картинахъ, написанныхъ съ такой несравненной яркостью и пылкостью, ужели это не законное явленіе человѣческой души, не лучшій ея откликъ на все, что она испытываетъ въ жизни? И наконецъ, порывъ къ Богу есть, безъ сомнѣнія, единый правильный исходъ изъ всей борьбы (стр. 461)... Вмѣсто того, чтобы въ новомъ появленіи (то-есть. въ религіозномъ творчествѣ Толстого) увидѣть жизненность и силу этого элемента души, вмѣсто того, чтобы съ жадностью слѣдить за новымъ раскрытіемъ этого элемента, мы напередъ рѣшаемся ничего не видѣть, кромѣ того, что давно уже знаемъ. Еще хуже: мы не знаемъ и не хотимъ хорошенько знать этого стараго, но напередъ вѣримъ, что оно навсегда пережито человѣчествомъ, навсегда уже мертво, а потому и самое живое совершенное явленіе признаемъ по аналогіи мертворожденнымъ". „Наши понятія о христіанствѣ такъ съузились, что мы не опознаемъ его, когда оно является намъ не вполнѣ въ привычныхъ формахъ, что мы не умѣемъ представить себѣ, какъ оно можетъ превышать всякій буддійскій и обще-арійскій духъ, не потому, что отрицаетъ ихъ безусловно, а потому, что объемлетъ ихъ собою и доводитъ до настоящей полноты и опредѣленности... Мы ищемъ религіи, Европа ее ищетъ; мы чувствуемъ эту глубочайшую потребность и ждемъ, что откуда-то придетъ восполненіе этого мучащаго насъ недостатка, что оно должно когда-нибудь придти. что такъ жить, какъ мы теперь живемъ. нельзя. Говоря образно, но совершенно опредѣленно, это можно выразить такъ: мы ищемъ Бога и не находимъ Его; Богъ отъ насъ скрылся, и мы въ тоскѣ ждемъ, когда Онъ вновь намъ откроется... Не Богъ скрылся отъ насъ, а мы упорно отворачиваемся отъ Бога. Еслибы не это упорство. то мы легко нашли бы Его, потому что Онъ вездѣ и всегда. И если бы мы сколько-нибудь знали путь къ Богу, то для насъ открылась бы великая поучительность во всѣхъ религіозныхъ формахъ, въ которыя человѣчество облекало и облекаетъ свое вѣковѣчное стремленіе. Тогда и мистицизмъ, лучшій цвѣтъ этого стремленія, не пугалъ бы насъ, и можетъ быть мы согласились бы съ давнишнимъ положеніемъ, что

Библиотека "Руниверс"

всякій истинный христіанинъ есть мистикъ (иногда безсознательный), хотя бы при этомъ отвергали обратное положеніе, по которому и всякій мистикъ (сознательный) есть истинный христіанъ (477—481). Въ этихъ мысляхъ, высказанныхъ по поводу Л. Н. Толстого, Страховъ, конечно, главнымъ образомъ желаетъ изобразить смутное настроеніе современнаго образованнаго общества, но въ нихъ ясно видно и настроеніе самого автора. Онъ сочувствуетъ стремленію Л. Н. Толстого, онъ убѣжденъ, что стремленіе къ божеству и лучшій цвѣтъ его, мистицизмъ, составляютъ самый важный элементъ человѣческой души, а самое важное дѣло для человѣка и мыслителя состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за новымъ раскрытіемъ этого элемента, за новымъ появленіемъ порыва къ божеству. Всѣ религіозныя формы, въ которыя человѣчество облекло свое вѣковѣчное стремленіе, имѣютъ великую поучительность, ибо представляютъ собою путь, которымъ человѣчество приближалось въ своемъ познаніи къ Богу. Это та же самая мысль по отношенію къ религіознымъ формамъ, на которую мы уже указали нѣсколько ранѣе въ примѣненіи къ философскимъ ученіямъ. И здѣсь, очевидно, Н. Н. Страховъ представляетъ себѣ возможность нѣкотораго объединенія религіознаго сознанія при посредствѣ идеи развитія, какъ и въ сферѣ философіи. Жизнь религіи, сущность которой заключается въ мистикѣ, и состоитъ въ этомъ развитіи, а самое страшное для религіи это равнодушіе, индифферентизмъ, поэтому Н. Н. Страховъ говоритъ о Толстомъ: „Еслибы онъ даже впалъ въ ересь, то это было бы въ тысячу разъ лучше, чѣмъ то мертвенное равнодушіе и отчужденіе, съ которымъ мы относимся къ религіи". „Православной богословской науки вообще еще не начиналось", говоритъ Н. Н. Страховъ словами Гилярова-Платонова, но въ то же самое время онъ увѣренъ, что „религія есть дѣйствительная душа нашего народа и святой человѣкъ—его высшій идеалъ". Но кому не напрашивается сравненіе этихъ мыслей съ нѣмецкимъ идеализмомъ и въ особенности съ Гегелевской философіей [1]).

Всѣ представители нѣмецкой философіи: Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель получили богословское воспитаніе и отъ богословія перешли къ философіи, теологическій элементъ въ ихъ мышленіи

[1]) О вѣчныхъ истинахъ, стр. 256. „Есть старинное ученіе, что та же дверь, которая ведетъ въ глубину нашего сердца, ведетъ и въ область божественныхъ силъ".

Библиотека "Руниверс"

игралъ весьма важную роль, сущность религіи они точно также видѣли въ мистицизмѣ; главное стремленіе ихъ состояло въ томъ, чтобы сочетать раціоналистическое познаніе съ мистической интуиціей. Гегелевская система представляетъ наиболѣе смѣлое и совершенное сочетаніе раціонализма и мистицизма и въ этомъ отношеніи служила Н. Н. Страхову какъ бы примѣромъ удачнаго рѣшенія той задачи, которая и ему представлялась наиболѣе важной и существенной въ жизни.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что связь между мышленіемъ Н. Н. Страхова и гегелевской философіей многообразная, но не слишкомъ тѣсная. Н. Н. Страховъ видѣлъ въ Гегелѣ завершеніе, объединеніе всего философскаго движенія, въ діалектическомъ методѣ онъ видѣлъ попытку систематизаціи апріорныхъ элементовъ мышленія, наконецъ, по основному настроенію, по стремленію сочетать религіозный мистическій элементъ со строгой теоріей, съ разумомъ, у Н. Н. Страхова было много общаго съ Гегелемъ, вотъ почему онъ могъ себя называть гегеліанцемъ, намъ же слѣдуетъ считать его приверженцемъ нѣмецкой идеалистической философіи вообще, а не гегеліанцемъ въ спеціальности. „Нѣмецкій идеализмъ", говоритъ Н. Н. Страховъ „порожденъ не только англійскимъ мистицизмомъ, но и реформаціей, не только догматизмомъ Декарта, Спинозы и Лейбница, но и великой революціей, онъ есть полнѣйшее проявленіе новой исторіи, новаго европейскаго духа" [1]). Этими словами Н. Н. Страховъ указалъ и на объединяющую роль нѣмецкой философіи, и на соединеніе въ ней религіознаго элемента съ раціоналистическимъ.

IV.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть раціонализмъ и мистицизмъ Н. Н. Страхова. Первые элементы, то-есть, раціоналистическіе, указать гораздо легче, чѣмъ вторые, о которыхъ онъ говоритъ лишь попутно, въ то время какъ первые онъ подробно разбираетъ. О вторыхъ элементахъ рѣчь идетъ тамъ, гдѣ Н. Н. Страховъ упоминаетъ о границахъ раціонализма. Страхову пришлось вести три крупныхъ полемики: со спиритами, съ дарвинистами, и съ противниками славянофильства; у него повидимому были всѣ данныя для того, чтобы вести правильную полемику, онъ интересовался только предметомъ спора,

[1]) О методѣ естественныхъ наукъ, стр. 75.

Библиотека "Руниверс"

старался понять своего противника, не приписывать противнику мнѣній, ему не принадлежащихъ, старался схватить существенное въ возраженіяхъ, опуская мелочи, личное; онъ считалъ полемику дѣломъ полезнымъ и важнымъ—„полемика есть прежде всего діалектика“, и все-жъ къ концу своей жизни онъ вѣроятно разочаровался въ полемикѣ и убѣдился, что она рѣдко ведетъ къ выясненію истины. Полемика Н. Н. Страхова съ Бутлеровымъ и проф. Вагнеромъ изъ-за спиритизма для насъ особенно интересна, ибо раціонализмъ Н. Н. Страхова въ ней обнаруживается съ полной ясностью. На спиритизмъ Страховъ смотритъ чрезвычайно серьезно. „Это полный и величайшій переворотъ въ человѣческихъ познаніяхъ, во всемъ развитіи человѣчества, переворотъ, обѣщающій устранить, наконецъ, тотъ разладъ въ понятіяхъ и стремленіяхъ, отъ котораго мы такъ мучительно страдаемъ“ *). Но, конечно, спиритизму не удастся устранить этого разлада, ибо „невозможно принять новыхъ познаній, не отрицая старыхъ“; „оказалось, что наши науки тверже и совершеннѣе, чѣмъ думаютъ спириты, и если въ насъ не угаснетъ жажда иныхъ понятій, то намъ, очевидно, нужно искать другаго источника для ея утоленія“... „Насъ неудовлетворяетъ подведеніе явленій подъ раціональныя формы, и мы враждуемъ противъ мысли о полной раціональности мысли. Но гдѣ искать выхода? Никакого выхода изъ раціонализма не можетъ существовать внутри самого раціонализма... На пути знанія поворотъ невозможенъ.. нужно отказаться отъ своихъ желаній или отказаться отъ самой науки... Все дѣло въ томъ, чтобы найдти нѣкоторую другую пищу для ума. не нужно отказываться отъ науки или пытаться ее разрушить и передѣлать, а слѣдуетъ научиться отъ одной умственной дѣятельности переходить къ нѣкоторой другой, очевидно, высшей. Если мы найдемъ пріемы этой новой дѣятельности, опредѣлимъ ея связь и всѣ отношенія къ научнымъ формамъ мысли, то эти формы не только не будутъ намъ мѣшать, но будутъ даже способствовать удовлетворенію глубочайшихъ запросовъ нашей души“... „Одно познаніе по существу дѣла не должно мѣшать другому; закрывая по временамъ глаза, мы не только не имѣемъ нужды отказываться навсегда отъ зрѣнія, а напротивъ, только въ живомъ воспріятіи свѣта можемъ найдти полное удовлетвореніе своей жажды созерцанія“... „Горе намъ, если мы вообразимъ, что раціонализмъ есть единственное истинное познаніе, и что мы будемъ

*) О вѣчныхъ истинахъ, стр. XXVIII.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ мудрѣе, чѣмъ крѣпче станемъ закрывать глаза". Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что Н. Н. Страховъ признаетъ два рода познанія: раціональное, и второй родъ, который мы можемъ назвать интуитивнымъ; раціональное познаніе относится къ внѣшнему объективному міру, въ которомъ оно отыскиваетъ связь и форму явленій; установка этой связи зависитъ отъ апріорныхъ понятій, отъ категорій, свойственныхъ нашему разуму. Интуитивное познаніе покажетъ намъ душу явленій, ихъ глубокую жизнь и силу. Недостаточность раціональнаго познанія и граница его показаны очень ясно, менѣе опредѣленно описаны свойства интуитивнаго познанія. Въ спорѣ со спиритами Н. Н. Страховъ защищаетъ весьма ясную и отчетливую точку зрѣнія раціонализма. Онъ хочетъ только „дать почувствовать, что есть и могутъ быть физическія истины несомнѣнныя, какъ аксіомы математическія, и что слѣдовательно, говоря о вещественныхъ явленіяхъ, мы въ извѣстныхъ случаяхъ можемъ совершенно точно различить возможное отъ невозможнаго" Это защита раціонализма противъ научнаго нигилизма, съ которой мы встрѣчались уже раньше. „Еслибы всѣ наши истины были только обобщенными фактами, только эмпирическими истинами, тогда дѣйствительно все было бы возможно? Наука имѣетъ непреложныя истины, но наука не объемлетъ того, что для насъ всего важнѣе, всего существеннѣе, не объемлетъ жизни. Внѣ науки находится главная сторона нашего бытія, то, что составляетъ нашу судьбу, то, что мы называемъ Богомъ, совѣстью, нашимъ счастьемъ и достоинствомъ. Все это не гдѣ-нибудь далеко отъ насъ, не за предѣлами звѣздъ, а все это вокругъ насъ прямо передъ нами, во всемъ этомъ мы движемся и существуетъ какъ въ прямой стихіи нашей жизни. Потому не только созерцаніе этихъ предметовъ въ дѣйствительности, не только высокія отраженія ихъ у великихъ мыслителей и художниковъ, а даже иной плохой романъ, иная грубо придуманная сказка могутъ заключать въ себѣ болѣе общедоступный и сильный интересъ, чѣмъ превосходнѣйшій курсъ физики или химіи". „Положенія науки вполнѣ или отчасти формальныя, которыя потому и справедливы всегда и безусловно, что не захватываютъ собой сущности вещей" (стр. 57). Сущность вещей—духовное начало, оно не есть физическая сила, духъ и физическая сила суть понятія несоизмѣримыя, не имѣющія ничего общаго. „Съ успѣхами естественныхъ наукъ мы все больше и больше узнаемъ, что такое духъ не есть" (стр. 127).

Итакъ, въ сочиненіи „О вѣчныхъ истинахъ" Страховъ поста-

Библиотека "Руниверс"

рался выяснить природу раціонализма въ духѣ гегелевской философіи, показать, что постепенное открытіе такихъ вѣчныхъ истинъ есть непремѣнный элементъ каждой науки. Онъ указалъ также и на границу раціонализма, но втораго пути, ведущаго къ постиженію духовнаго начала онъ не разъяснилъ, это составляетъ задачу другаго его труда: „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи".

Для выясненія природы духа и познанія его Страховъ беретъ знаменитое Декартовское положеніе cogito ergo sum и толкуетъ его. Въ разсужденіяхъ Декарта, истинность которыхъ нашъ авторъ признаетъ, онъ видитъ однако „не какой либо окончательный выводъ или же готовое ученіе, а только чрезвычайно ясную и отчетливую ступень, черезъ которую долженъ пройдти каждый, кто разсуждаетъ о душѣ (стр. XIII). Вещество есть чистый объектъ, то-есть, нѣчто вполнѣ познаваемое, но ни мало не познающее, духъ напротивъ есть чистый субъектъ, то-есть, нѣчто познающее, но недоступное объективному познанію, духъ не имѣетъ въ себѣ ничего внѣшняго, въ немъ все внутреннее, субъективный и объективный міры строго разграничены, но второй служитъ для выраженія перваго (стр. 29). Только чисто объективный міръ есть настоящее поприще человѣческаго познанія (стр. 34); но и психическія явленія могутъ быть объектированы, слѣдовательно они могутъ составить предметъ нѣкоторой науки, то-есть, эмпирической психологіи. Самая существенная черта психическихъ явленій состоитъ въ раздвоеніи каждаго изъ нихъ на субъектъ и объектъ. Это раздвоеніе мы называемъ сознаніемъ" (стр. 57). Наше я—субъектъ, который никакъ и никогда не можетъ стать объектомъ; эмпирическая психологія ошибается, подводя наше я подъ то понятіе, подъ которымъ разсматриваетъ всѣ другія изслѣдуемыя ею явленія, то-есть, подъ понятіе идеи, представленія. Благодаря этому невозможна теорія познанія: „Всѣ такъ называемыя теоріи познанія въ концѣ концовъ приходятъ къ отрицанію того понятія, которое они хотятъ построить и объяснить. Именно всѣ онѣ стремятся объективировать процессъ познанія, объективировать его совершенно такъ, какъ само познаніе объективируетъ другіе процессы и явленія. Но объективировать объективацію невозможно по самой сущности дѣла, точно такъ какъ глазъ не можетъ видѣть самого себя, какъ нельзя видѣть свѣта, если свѣтъ есть именно то единственное средство, помощью котораго мы видимъ. Многія попытки создать теорію познанія можно вполнѣ уподобить тому, какъ если бы живописецъ задумалъ написать картину, которая сама бы себя видѣла" (стр. 74 —

Библиотека "Руниверс"

75). „Какъ тѣ, которые пытаются построить познаніе изъ объективированныхъ душевныхъ явленій, напримѣръ, изъ ощущеній... ни къ чему не придутъ кромѣ субъективизма, который въ сущности есть отрицаніе познанія(?). Какія бы явленія внутренняго міра мы ни взяли, и какъ бы мы ихъ ни комбинировали, мы все-таки останемся во внутреннемъ мірѣ, который, какъ мы знаемъ, есть нѣчто пустое и ложное по отношенію къ дѣйствительности“ (стр. 76). Реальность чувствъ состоитъ въ томъ, что они пріятны и непріятны, и это свойство не можетъ быть объективировано. Воля тоже объективирована быть не можетъ „изъ всѣхъ чертъ душевной жизни воля наименѣе доступна объективаціи“ [1]) (стр. 82). „Итакъ истина, благо и свободная дѣятельность суть понятія, стоящія выше объективныхъ формъ познанія, требующія какъ бы особаго рода мышленія и въ тоже время непрестанно намъ присущія, составляющія главное содержаніе нашей духовной жизни“. Этихъ понятій ни откуда нельзя вывести. „Жизнь души есть для насъ непосредственнѣйшая дѣйствительность. Самое важное въ психологіи это различіе между субъектомъ и объектомъ и далѣе различіе между субъективнымъ и реальнымъ значеніемъ явленій, и кто не понялъ этого различія какъ слѣдуетъ, тотъ, сколько бы ни разсуждалъ, будетъ мыслить и говорить лишь о вещахъ касающихся души, но не о самой душѣ“.

Мы достаточно подробно, при томъ словами самого Страхова, изложили его основныя понятія психологіи. Теперь мы можемъ сдѣлать нѣкоторые выводы, долженствующіе характеризовать философію Н. Н. Страхова. Припомнимъ,что Страховъ различаетъ двоякое познаніе: раціональное и то, которое мы назвали интуитивнымъ; первое устанавливаетъ формы и связь явленій. оно апріорно и совершенно формально, въ немъ не отражается сущности бытія, но въ тоже время оно и есть настоящее познаніе; объектъ его — внѣшній міръ. Очевидно, однако, что оно призрачно; Страховъ усердно указывалъ на границу раціонализма, на неудовлетворительность его, и слѣдовательно мы вправѣ ожидать, что интуитивное познаніе намъ дастъ, наконецъ, не явленіе, а дѣйствительное, настоящее бытіе. Хотя между раціональнымъ познаніемъ и интуиціей и существуетъ разница и даже въ извѣстномъ смыслѣ противуположность (феноменальнаго и ноуменальнаго), но Страховъ

[1]) Непонятно, какъ это почтенный философъ въ небытіи нашелъ еще степени сравненія. Вѣдь всѣ явленія сознанія неспособны, по его мнѣнію, къ объективаціи—тутъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи о большемъ и меньшемъ.

Библиотека "Руниверс"

оговаривается, настаивая на томъ, что это только двѣ ступени одного и того же познанія, которое, слѣдовательно, можетъ быть объединено; послѣ всего этого мы вправѣ ожидать разъясненій относительно того, какъ понимаетъ Страховъ интуицію. И что же мы узнаемъ? Мы узнаемъ, что психическія явленія въ извѣстномъ смыслѣ могутъ быть объектированы и слѣдовательно могутъ быть познаны, но что субъектъ, наше я, наше сознаніе, есть то, что никакъ и никогда не можетъ быть объектомъ, и слѣдовательно не можетъ быть и познано; что къ нему непримѣнимы никакія категоріи внѣшняго міра. „Жизнь души есть непосредственнѣйшая дѣйствительность". Этимъ и исчерпывается все наше познаніе о дѣйствительности, о реальномъ бытіи. Это положеніе невольно вызываетъ критику. Неужели же всѣ попытки построенія теоріи познанія ни къ чему не приведутъ? — Вѣдь это осужденіе всей новѣйшей философіи и главнымъ образомъ того направленія, приверженцемъ котораго считаетъ себя самъ Страховъ. И это потому, что субъектъ никогда не можетъ быть объектомъ? Да зачѣмъ же субъекту становиться объектомъ, это конечно не мыслимо и не нужно. Но не можетъ ли субъектъ стать *объектомъ познанія*? Не впадаетъ ли нашъ авторъ самъ въ объективацію, когда выставляетъ свое отрицательное положеніе, противуполагая субъектъ объекту, какъ два равноправныхъ начала; естественно представлять себѣ объектъ, какъ познаваемый міръ, а субъектъ, какъ міръ непознаваемый, то-есть, противуполагать два равноправныхъ, хотя и различныхъ міра; между тѣмъ нѣмецкая идеалистическая школа не напрасно утверждала, что субъектъ есть дѣятельность, а объектъ ея результатъ; здѣсь нѣтъ равноправности и противуположности; нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, чтобы субъектъ, какъ дѣятельность, сталъ бы предметомъ нашего познанія; хотя само собою разумѣется, что субъектъ не можетъ быть познанъ какъ предметъ, какъ результатъ дѣятельности, ибо онъ вовсе не есть предметъ, а — дѣятельность. Не впалъ ли Страховъ въ ту ошибку, относительно которой онъ самъ такъ часто предостерегалъ читателей, то-есть, не подвелъ ли онъ субъектъ подъ категорію, подъ которую его подвести нельзя. Субъектъ есть дѣятельность (само собою разумѣется не физическая сила или физическая дѣятельность) и дѣятельность субъекта можетъ быть всецѣло познана.

По представленію Страхова въ результатѣ познанія должна оставаться непознаваемая сущность можетъ быть тожественная съ непознаваемымъ субъектомъ, а можетъ быть и отличная отъ него — объ

Библиотека "Руниверс"

этомъ авторъ ничего не говоритъ. Внѣшній міръ познается нами только формально, слѣдовательно самая сущность его остается непознанной, субъектъ же, въ которомъ заключается дѣйствительность, не можетъ быть познанъ, а лишь пережитъ, непосредственно созерцаемъ. Въ этомъ противуположеніи субъекта объекту, феноменальнаго міра—реальному кроется зародышъ дуализма, который Страховъ могъ бы устранить, сославшись на тожество непознаваемаго въ объективномъ мірѣ и не могущаго стать объектомъ, но непосредственно созерцаемаго въ субъектѣ; въ такомъ случаѣ Страховъ долженъ былъ бы устранить дуализмъ и въ своей теоріи познанія. Нельзя было ссылаться на то, что всякая теорія познанія представляетъ собой безнадежное предпріятіе, когда различаешь двоякаго рода познаніе, то-есть, когда самъ даешь основы теоріи познанія. А въ какомъ же отношеніи стоитъ интуиція къ раціональному познанію? Гдѣ границы того и другаго? Страховъ говоритъ только, что это ступени одного познанія; но вѣдь въ болѣе подробномъ (хотя все жъ далеко не достаточно подробномъ) описаніи этихъ родовъ познанія выходитъ, что они противуположны на столько же, на сколько противуположны внѣшній и внутренній міръ, и какъ ихъ соединить въ одно цѣлое—этого невидно. Вѣдь очевидно, что и въ разумномъ познаніи интуиція играетъ роль, а въ интуиціи можетъ быть есть элементы мыслительной дѣятельности. Гельмгольцъ, напримѣръ, котораго Страховъ такъ высоко цѣнитъ, показалъ, что воспріятія нельзя понять, не допустивъ въ немъ элементовъ сужденія. Все это остается у Страхова невыясненнымъ; можетъ быть онъ считалъ излишнимъ выясненіе подробностей, придавая значеніе лишь общей постановкѣ вопроса и самымъ общимъ положеніямъ, но это слѣдуетъ признать недостаткомъ въ томъ случаѣ, ежели между общими принципами неустановлено согласія или не указанъ по крайней мѣрѣ путь, какимъ образомъ такое согласіе можетъ быть установлено.

Изъ двухъ элементовъ, указанныхъ и разсмотрѣнныхъ нами, раціонализма и мистицизма, первый разработанъ полнѣе, чѣмъ второй. Страховъ съ любовью останавливается на ходѣ развитія наукъ, на методахъ, на анализѣ понятій и лишь очень поверхностно описываетъ характеръ созерцательнаго познанія. Очевидно, что здѣсь тѣснѣйшая связь между этимъ пробѣломъ въ теоріи познанія и отношеніемъ Страхова къ религіознымъ вопросамъ, о которомъ мы упомянули. Религія чрезвычайно его интересовала, но о религіозныхъ вопросахъ онъ не писалъ, не потому ли, что въ дѣйствительности раціонализмъ

Библиотека "Руниверс"

въ Страховѣ господствовалъ надъ мистицизмомъ, что мистицизмъ былъ для него областью, которую онъ хорошо понималъ и цѣнилъ, но въ которой онъ чувствовалъ свое безсиліе. Эта область, столь тѣсно связанная со всякимъ истиннымъ творчествомъ, была предметомъ постояннаго вниманія и тщательнаго изслѣдованія Страхова, поэтому то онъ такъ чутко слѣдилъ за всякими новыми движеніями въ жизни образованныхъ людей востока и запада—но зналъ, что здѣсь пріемы аналитическаго мышленія не примѣнимы, что готовый результатъ можно, конечно, разлагать на части, устанавливать связь ихъ съ другими элементами; но что самое *возникновеніе*, само творчество ускользаетъ отъ анализа. Пріемовъ, съ которыми въ этомъ случаѣ нужно приступать къ дѣлу, онъ не описалъ.

Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть въ виду тѣ сочиненія Страхова, въ которыхъ проявляется сильная сторона его философіи, въ которыхъ и заключается истинное его значеніе.

Э. Радловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь и труды. М. П. Погодина. *Н. Барсукова.* Книга X. Спб. 1896.

Почтенный трудъ Н. П. Барсукова продолжаетъ выходить съ обычной аккуратностью; было сомнѣніе, что не достанетъ на его продолженіе денежныхъ средствъ, но нашелся патріотъ—московскій коммерсантъ А. Н. Мамонтовъ, который обезпечилъ изданіе ближайшихъ томовъ, что очень хорошо, ибо у насъ многотомныя сочиненія покупаются весьма туго, не такъ какъ въ Англіи, гдѣ то и дѣло появляются записки, корреспонденціи, біографіи разныхъ замѣчательныхъ людей. Печатаются онѣ и у насъ, преимущественно въ журналахъ, и читаются съ удовольствіемъ, если въ нихъ встрѣчаются веселенькіе анекдоты.

Вышедшій томъ Записокъ Погодина излагаетъ тяжелое и мрачное время для русской литературы и науки—конецъ 1848 и 1849 годъ. Надъ русской литературой тяготѣлъ Бутурлинскій комитетъ; русской наукѣ грозилъ разгромъ университета. Поѣздка Уварова въ Москву имѣла цѣлью оправдать университетъ передъ государемъ; вслѣдствіе этого графъ Уваровъ затѣялъ особое испытаніе для студентовъ, подобное которому онъ дѣлалъ еще въ тридцатыхъ годахъ: онъ предложилъ профессорамъ избрать предметы для лекцій, произнесеніе которыхъ поручить желающимъ студентамъ. Желающихъ было такъ много, что далеко не всѣ дождались своей очереди. Уваровъ остался очень доволенъ и лекціями, и духомъ, и направленіемъ студентовъ. Но государь уже былъ предубѣжденъ; подобныя упражненія по его мнѣнію, полезны только для тѣхъ, которые собираются служить по ученой или учебной части, для прочихъ же оно вредно, „ибо все-

Библиотека "Руниверс"

ляетъ въ нихъ привычку и желаніе блистать краснорѣчіемъ". Любопытно, что и въ самомъ докладѣ Уварова проглядываютъ нѣкоторыя изъ тѣхъ началъ, которыя потомъ положены въ основу преобразованія университета: неуклонный надзоръ деканові за лекціями, сокращеніе учебныхъ программъ. Когда Погодинъ помѣстилъ въ Москвитянинѣ статью, „Почетный гость на лекціи университета", гдѣ между прочимъ говорится: „становится необходимымъ стать за нихъ—за университеты", статья эта обратила на себя вниманіе Бутурлинскаго комитета и послѣдовало заключеніе: никогда и ничего не писать за и противъ университета. Еще болѣе волненія произвела статья, напечатанная въ Современникѣ „Назначеніе русскихъ университетовъ и участіе ихъ въ общественномъ образованіи", статья, написанная если не самимъ Уваровымъ, то подъ его ближайшимъ руководствомъ. Въ Бутурлинскомъ комитетѣ усмотрѣли, что статья эта благонамѣренная; если бы она была представлена въ видѣ скромной записки правительству, то ничего бы и не произвела; но печатать ее въ журналѣ было нельзя, ибо частному человѣку не позволяется разсуждать о мѣрахъ и видахъ правительства. Государь приказалъ спросить, кто пропустилъ статью. Уваровъ, какъ главный начальникъ цензуры, принялъ все дѣло на себя и въ запискѣ, поданной государю, защищая благонамѣренность статьи, указывалъ на невыгодность существованія двухъ цензурныхъ учрежденій, изъ которыхъ одно надзираетъ за другимъ. Тѣмъ не менѣе статья была осуждена, и Уваровъ вскорѣ вышелъ въ оставку, хотя съ весьма благосклоннымъ рескриптомъ. Министромъ назначенъ былъ князь Ширинскій Шахматовъ, а московскимъ попечителемъ военный генералъ В. И. Назимовъ, въ сущности добрый и хорошій человѣкъ, но съ просвѣщеніемъ ничего общаго не имѣвшій. Кто помнитъ вёсну 1849 года, тотъ помнитъ ужасъ, объявшій и профессоровъ и студентовъ при новыхъ начавшихся порядкахъ: вмѣсто выборнаго ректора предполагался назначенный (хотя на первое время утверждены были прежде выбранные, кромѣ московскаго ректора Д. М. Перевощикова), число студентовъ, кромѣ медиковъ, ограничено до трехсотъ, такъ что пріемъ былъ весьма незначителенъ, какъ бы для того, чтобы первые курсы не были пусты. Впрочемъ скоро нашелся удобный выходъ: начали принимать значительное число вольныхъ слушателей. Каѳедра философіи была закрыта, а преподаваніе передано профессору богословія. Конечно, и профессора богословія бываютъ не чужды философіи; такъ въ Казани архимандритъ Гавріилъ, тогда уже сошедшій со сцены, соединялъ эти обѣ каѳедры;

Библиотека "Руниверс"

позднѣе въ Петербургѣ знаменитый профессоръ Ѳ. Ѳ. Сидонскій съ честью занималъ обѣ каѳедры; но тогдашній московскій профессоръ богословія, смѣнившій собою М. Н. Каткова, не шелъ далѣе семинарскихъ учебничковъ логики и психологіи. И въ другихъ наукахъ послѣдовали измѣненія программъ: запрещено было преподаваніе государственнаго права иностранныхъ державъ; запрещены были всякія разсужденія о юридическихъ наукахъ и политической экономіи. Погодина поразили всѣ эти извѣстія: подъ 28 мая 1849 года онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Извѣстіе Шевырева, что число студентовъ ограничивается тремя стами вездѣ, прошибло меня до слезъ. Что они дѣлаютъ“?

Одинъ только И. И. Давыдовъ не унывалъ: „Достигъ ли до васъ, пишетъ онъ Погодину, слухъ объ уменьшеніи числа студентовъ университетскихъ? И подѣломъ, потому что начали набирать всякую всячину“. И это пишетъ человѣкъ, который, по всей вѣроятности, былъ секретаремъ Уварова при составленіи статьи Современника объ университетахъ, подвергшейся обвиненію. Тогда Давыдовъ былъ директоромъ главнаго педагогическаго института, гдѣ дѣятельность его слишкомъ хорошо извѣстна.

Во время пребыванія графа Уварова въ Москвѣ началась несчастная исторія съ записками Флетчера и московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, напечатавшимъ эти записки въ книжкѣ Чтеній. Уваровъ потребовалъ исключенія ихъ изъ книжки, что и было сдѣлано. Но въ докладѣ это сочиненіе XVI вѣка было представлено чрезвычайно опаснымъ для современности. Въ то подозрительное время достаточно было одного подобнаго намека. Предсѣдатель Общества, графъ Строгановъ, вышелъ въ отставку, секретарь Бодянскій потерялъ свою профессуру въ Москвѣ и долженъ былъ ѣхать въ Казань, а на его мѣсто въ Москву былъ вызванъ Григоровичъ. Можно себѣ представить, какъ студенты приняли Григоровича, а Бодянскій, говорятъ, его и совсѣмъ не принялъ. Григоровичъ былъ человѣкъ очень ученый, большой чудакъ и совершенно внѣ міра сего, и конечно, пріѣхавши въ Москву, не смѣлъ ослушаться начальства. Помня тогдашніе разсказы о Григоровичѣ его слушателей, разсказы о томъ, какъ начиная говорить объ одномъ, онъ сводилъ на другое, — я не скоро понялъ, почему Гильфердингъ считалъ именно Григоровича, а не Бодянскаго своимъ учителемъ. Теперь, когда эти разсказы отошли въ далекое прошлое, и можно было понять ихъ значительную преувеличенность, когда я познакомился съ дѣятельностью Григоровича,

Библиотека "Руниверс"

я понялъ, что Гильфердингъ былъ правъ. Тогдашнее увлеченіе Бодянскимъ объясняется тѣмъ, что это былъ протестъ противъ поступка съ нимъ, ибо ни прежде этого событія, ни послѣ, когда Бодянскій снова вернулся на каѳедру, подобнаго отношенія не было. Вернулся онъ, впрочемъ, черезъ полгода, упорно не желая ѣхать въ Казань, и добился своего. Общественное мнѣніе той эпохи обвиняло въ дѣлѣ Бодянскаго Погодина в Шевырева, но теперь оказывается, что ни тотъ, ни другой къ этой исторіи не причастны. Правда, что Погодинъ вообще не любилъ Бодянскаго ни прежде, ни послѣ. Въ данномъ случаѣ Погодинъ жалѣлъ Бодянскаго. Впрочемъ, и съ преемникомъ Бодянскаго, И. Д. Бѣляевымъ, Погодинъ не всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Тяжелое это время отозвалось весьма тяжело на многомъ; между прочимъ Ю. Ѳ. Самаринъ, служившій тогда въ Ригѣ, и боровшійся изо всѣхъ силъ съ нѣмцами, долженъ былъ оставить свой постъ и написалъ знаменитыя „Рижскія письма“ [1]), которыя вызвали противъ него негодованіе Суворова, тогдашняго генералъ-губернатора и арестъ Самарина въ крѣпости. Но государь вызвалъ его къ себѣ, обошелся съ нимъ милостиво, и сказалъ ему: „ты пускалъ въ народъ опасную идею, толкуя, что Русскіе Цари, со временъ Петра Великаго, дѣйствовали только подъ внушеніемъ и подъ вліяніемъ нѣмцевъ. Если эта мысль пойдетъ въ народъ, она произведетъ ужасныя бѣдствія“. За арестомъ Самарина послѣдовалъ арестъ И. С. Акакова, заподозрѣннаго по случаю писемъ его къ отцу. Оправдательная записка Аксакова, нынѣ напечатанная въ его перепискѣ, была внимательно прочитана государемъ, сопровождалась его замѣчаніями и послужила поводомъ къ освобожденію Аксакова. Вообще на славянофиловъ смотрѣли очень подозрительно въ это время. Имъ запрещали носить бороду, которая путалась съ республиканскою бородой французской, запрещали русскій костюмъ, и Закревскій даже удивлялся, почему между петрашевцами нѣтъ славянофиловъ. Онъ объяснялъ это ихъ необыкновенной хитростью.

Много еще интереснаго есть въ новомъ томѣ книги Н. П. Барсукова: и объ освященіи новаго дворца, и о московскихъ маскарадахъ, и о поѣздкахъ Погодина, и объ его работахъ. Говорить объ этомъ, впрочемъ, было бы очень долго и мы ограничимся указаніемъ

---

[1]) Еще раньше написалъ онъ къ Погодину письмо для распространенія въ Москвѣ, гдѣ представилъ рѣзкую, но блестящую характеристику дѣятельности Суворова. Письмо это издано въ занимающемъ насъ трудѣ.

Библиотека "Руниверс"

на докторскій диспутъ Грановскаго. Погодинъ на диспутѣ не былъ и ограничился довольно неблагосклонною статьей въ Москвитянинѣ; гдѣ говорилъ, что въ Бланшаровомъ Плутархѣ для юношества больше сказано о Сугеріи чѣмъ въ диссертаціи Грановскаго. Иначе отнесся къ этой диссертаціи С. М. Соловьевъ. Помню, что возражая Грановскому, онъ сказалъ: французскія коммуны, засушенныя въ гербаріяхъ нѣмецкихъ ученыхъ, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли у васъ, какъ у Августина Тьерри. Впечатлѣніе диспута было сильное: Грановскому возражали его ученики, люди выросшіе подъ его вліяніемъ. Если теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти, такъ сильно обаяніе его имени, что же было тогда, когда онъ живой стоялъ передъ нами. Съ диспутомъ Грановскаго соединяется хотя мелкій, но знаменательный эпизодъ: кто то принесъ и кинулъ три хлопушки; объ этомъ было донесено въ Петербургъ. Послѣдовало распоряженіе: безъ билетовъ на диспуты не пускать.

Съ сожалѣніемъ разстаемся мы съ богатымъ содержаніемъ книги Н. П. Барсукова, въ надеждѣ, что читатели и сами найдутъ много другаго интереснаго, заключающагося въ этомъ трудѣ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des Origines à 1405. Paris 1896.

> Nous en sommes bien loin de pouvoir écrire l'histoire de l'orient musulman.
> *Houtsma*, Receuil de textes rélatifs à l'histoire des Seldjoucides, t. I, p. VI.

Со времени давно устарѣвшаго труда Дегиня не было попытки дать полный обзоръ исторіи тюркскихъ и монгольскихъ народовъ; книга г-на Каёна имѣетъ цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ. Въ рецензіяхъ на этотъ трудъ, появившихся во французскихъ журналахъ, между прочимъ указывалось на то, что авторъ въ теченіи пяти лѣтъ читалъ курсъ исторіи Средней Азіи въ Сорбоннѣ и такимъ образомъ былъ вполнѣ подготовленъ къ своей работѣ. О курсѣ г-на Каёна говорилось и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [1]), въ статьѣ С. Ѳ. Ольденбурга, изъ которой видно, что въ 1893—94

[1]) Часть CCXCIII (1894 г. № 6), отд. 2, стр. 265.

Библиотека "Руниверс"

учебномъ году г-нъ Каёнъ читалъ своимъ слушателямъ курсъ исторіи и географіи Средней Азіи, начиная съ XIII вѣка по Р. Хр.; вѣроятно въ другіе года его курсъ касался также болѣе раннихъ періодовъ. Авторъ не говоритъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится его книга къ лекціямъ, читаннымъ имъ въ Сорбоннѣ [1]); но во всякомъ случаѣ мы по ней можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ курсѣ, имѣющемъ для насъ большой интересъ: сколько намъ извѣстно, г-нъ Каёнъ—единственный изъ западно-европейскихъ профессоровъ, признавшій возможнымъ читать общій курсъ исторіи Средней Азіи. Къ вопросу о значеніи книги г-на Каёна въ этомъ отношеніи мы позволимъ себѣ вернуться въ концѣ нашей рецензіи.

Уже первыя страницы книги заставляютъ насъ признать въ авторѣ выдающіяся достоинства лектора и преподавателя. Съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ онъ соединяетъ умѣніе схватывать характерныя черты и посредствомъ нѣсколькихъ фактовъ дать характеристику цѣлаго народа или эпохи. Передъ нами рисуется живая и увлекательная картина исторіи среднеазіатскихъ кочевниковъ; остается вопросъ, насколько эта картина вѣрна дѣйствительности, другими словами, насколько авторъ изслѣдовалъ письменные источники и вообще произвелъ всю ту черную работу, относительно которой онъ не могъ опираться на труды предшественниковъ и безъ которой самыя блестящія обобщенія остаются только остроумными догадками.

Судя по заглавію, книга г-на Каёна представляетъ только начало другого сочиненія, задуманнаго еще гораздо шире; но о планѣ этого сочиненія авторъ въ предисловіи ничего не говоритъ, и остается невыясненнымъ вопросъ, какимъ образомъ обзоръ исторіи тюрковъ и монголовъ, посредниковъ между китайской и мусульманской культурой [2]), можетъ служить введеніемъ въ исторію Азіи.

Въ предисловіи г-нъ Каёнъ въ краткихъ словахъ высказываетъ свой взглядъ на историческую роль тюрковъ и монголовъ и на тѣ причины, по которымъ эти даровитые народы, при своей превосходной военной организаціи, при довольно стройной системѣ управленія и при полномъ уваженіи къ знанію, не создали ничего въ

[1]) По распредѣленію матеріала, характеру изложенія и т. п. книга вполнѣ соотвѣтствуетъ общераспространенному представленію о печатномъ университетскомъ курсѣ.

[2]) Такъ опредѣляетъ ихъ историческую роль самъ г-нъ Каёнъ.

Библиотека "Руниверс"

области культуры. „Все, что можно сдѣлать саблей, тюрки и монголы сдѣлали"; но пожать плоды своихъ побѣдъ имъ не удалось. При столкновеніи съ культурными народами кочевники уже не были дикарями и, даже при продолжительномъ вліяніи осѣдлой культуры, могли сохранить свою національность; но въ то же время они еще слишкомъ были варварами для того, чтобы самимъ оказать вліяніе на покоренныхъ и ассимилировать ихъ себѣ. Сложная умственная работа, необходимая для переработки въ національномъ духѣ и для дальнѣйшаго развитія культурныхъ идей, была не по силамъ кочевникамъ, воспитаннымъ въ духѣ строгой военной дисциплины и привыкшимъ только дѣйствовать, не разсуждая. Цивилизація дѣйствовала разлагающе на природныя достоинства кочевниковъ и въ то же время не дала имъ ничего взамѣнъ утраченнаго; вмѣсто болѣе высокихъ сторонъ умственной культуры они восприняли только разслабляющій мистицизмъ, буддійскій и мусульманскій. Вмѣстѣ съ воинственнымъ духомъ тюрки утратили также національное самосознаніе въ болѣе высокомъ смыслѣ, которое замѣнилось самымъ узкимъ и фанатичнымъ національнымъ. Упадокъ степныхъ доблестей ярче всего выражается въ контрастѣ между всемірной имперіей Чингизъ-хана и жалкими, проникнутыми духомъ деспотизма и религіозной нетерпимости ханствами бухарскимъ, хивинскимъ и коканскимъ.

Соотвѣтственно этому взгляду на ходъ исторической жизни среднеазіатскихъ народовъ г-нъ Каёнъ раздѣляетъ свой трудъ на пять книгъ: 1) съ древнѣйшихъ временъ до возникновенія ислама; 2) отъ начала арабскаго завоеванія до Чингизъ-хана; 3) Чингизъ-ханъ и его первые преемники; 4) эпоха монгольскаго владычества; 5) Тимуръ и торжество ислама. Собственно-исторической части книги предпосланъ географическій обзоръ Средней Азіи, главнымъ образомъ на основаніи разказовъ новѣйшихъ путешественниковъ.

Уже въ этомъ географическомъ очеркѣ, какъ во всей книгѣ г-на Каёна, насъ непріятно поражаетъ пристрастіе автора къ этимологическимъ объясненіямъ личныхъ, географическихъ и этнографическихъ названій. Болѣе чѣмъ сомнительныя догадки (большею частью принадлежащія Вамбери) вездѣ приводятся въ качествѣ несомнѣнной истины; столь же категорическимъ тономъ высказываются еще болѣе сомнительныя толкованія самого г-на Каёна. Ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ, наиболѣе яркихъ примѣровъ. Слова *Кыпчакъ* и *Коби*, по мнѣнію г-на Каёна (стр. 15), происходятъ отъ общаго тюрко-монгольскаго корня, означающаго „пустоту, пространство"; на основаніи

Библиотека "Руниверс"

этого авторъ дальше (стр. 41—42) утверждаетъ, что слово „Кыпчакъ" первоначально было названіемъ страны и только впослѣдствіи получило этнографическое значеніе. Упоминаемый въ орхонскихъ надписяхъ загадочный народъ Паръ-Пуримъ (или Апаръ-Апуримъ) г-нъ Каёнъ (стр. 105) отожествляетъ съ хорасанцами, такъ какъ въ армянскихъ источникахъ страна, гдѣ былъ основанъ городъ Нишабуръ, носитъ названіе *Апаръ*. На основаніи этимологическихъ догадокъ Чингизъ-ханъ оказывается родственникомъ Сельджукидовъ (стр. 204). Иногда этимологическія толкованія обличаютъ недостаточность лингвистическихъ познаній автора. О словѣ *Алпъ* говорится (стр. 159): „*Алпъ*, *Улугъ* на древне-тюркскомъ нарѣчіи, впослѣдствіи *Улугъ*, *Олугъ*, означаетъ „великій"; вслѣдствіе этого имя султана Алпъ-Арслана переводится „Grand Lion" (стр. 178). Также неудачны объясненія другихъ сельджукскихъ именъ (на стр. 171 и дальше имена *Тогрулъ* и *Чакыръ*, на самомъ дѣлѣ бывшія названіями птицъ, переводятся: „le Pourfendeur" и „l'Étincelle, ou l'Éclair". Извѣстный титулъ Тимура и Тимуридовъ—*гурганъ* (зять) у г. Каёна (стр. 444) обращается въ названіе рода „Keuréképe". этому слову приписывается значеніе „le Bel", и оно сближается съ названіемъ племени Куриканъ, упомянутаго въ орхонскихъ надписяхъ.

Мы вынуждены отмѣтить еще другой пріемъ, къ которому почти столь же часто прибѣгаетъ г. Каёнъ и который на читателя, нѣсколько знакомаго съ источниками по исторіи Средней Азіи, производитъ еще менѣе пріятное впечатлѣніе. Авторъ далеко не всегда отдѣляетъ то, что было на самомъ дѣлѣ, отъ того, что по его разсчету должно было быть; нѣсколько разъ приводятся фактическія извѣстія (безъ всякихъ оговорокъ), которыхъ мы тщетно стали бы искать въ какихъ бы то ни было источникахъ. Такъ мы узнаемъ отъ г. Каёна, что среди народа *наймановъ* были послѣдователи трехъ вѣръ — христіанства, буддизма и „манихейской формы старой національной религіи" (?) и что борьба между найманами и кераитами иногда принимала религіозный характеръ (стр. 227); что Кучлукъ [1]) былъ гонителемъ не только мусульманъ, но и христіанъ, и, приказавъ распять муфтія „передъ кашгарской мечетью" [2]), въ то же время

[1]) Найманскій предводитель, завладѣвшій Туркестаномъ незадолго до монгольскаго нашествія.

[2]) На самомъ дѣлѣ имамъ Ала-Эддинъ былъ казненъ въ Хотанѣ и приговоренъ къ воротамъ своей медресе.

Библиотека "Руниверс"

велѣлъ повѣсить христіанскаго епископа передъ соборомъ (стр. 250); что при приближеніи монголовъ населеніе возстало противъ Кучлука во имя Христа, Мухаммеда, Мани и Будды (стр. 268); что отрядъ Джебэ-нойона [1]) пришелъ изъ Кашгаріи въ Фергану, разбилъ около Оша и Маргелана нѣкоторые отряды враговъ, пытавшихся преградить ему путь, и двинулся дальше по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи (стр. 281). Читатели неспеціалисты едва ли повѣрятъ, что всѣми этими свѣдѣніями мы обязаны только фантазіи г. Каёна.

Едва ли г. Каёнъ прибѣгъ къ такимъ пріемамъ, еслибы располагалъ достаточнымъ фактическимъ матеріаломъ. По мнѣнію французскихъ рецензентовъ г. Каёнъ *непосредственно* пользовался китайскими, арабскими, персидскими и тюркскими источниками. При чтеніи книги мы, однако, убѣждаемся, что авторъ писалъ исключительно на основаніи печатныхъ источниковъ и что даже выборъ послѣднихъ опредѣлялся только случайностью. Мы не замѣтили въ книгѣ г. Каёна никакихъ признаковъ сколько-нибудь научной критики источниковъ, вообще никакихъ слѣдовъ той кропотливой, часто мелочной работы, безъ которой, къ сожалѣнію, невозможно выясненіе истины. Чаще всего г. Каёнъ ссылается на составленную въ XVII вѣкѣ компиляцію Абулгази; зависимость Абулгази отъ Рашид-Эддина ему повидимому извѣстна, такъ какъ по его замѣчанію (стр. 41) легенды, изложенныя у Абуглази, „были собраны и получили окончательную форму въ первой половинѣ XIII вѣка“ [2]). Несмотря на это, г. Каёнъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 94—95) утверждаетъ, что у тюрковъ еще въ XVII вѣкѣ сохранялись преданія объ отношеніяхъ ихъ предковъ къ китайцамъ, и въ доказательство приводитъ разказъ Абулгази о народѣ онгутовъ, буквально заимствованный у Рашид-Эд-дина [3]). Арабская географическая литература, доступная, благодаря прекраснымъ изданіямъ де-Гуе, каждому оріенталисту, осталась совершенно неизвѣстной г. Каёну. Говоря о *эфталитахъ* или абделахъ византійскихъ писателей, г. Каёнъ повторяетъ давно опровергнутое мнѣніе Дегиня, по которому это слово есть искаженіе персидскаго *абъ-телитъ*, то-есть, „рѣчные телиты“, и сближаетъ этотъ народъ съ тюркскимъ племенемъ Тэлесъ (стр. 101), теорія, которая опровергается употребляемой арабскими и персидскими писателями формой *хай-*

[1]) Полководецъ Чингизъ-хана.

[2]) На самомъ дѣлѣ Рашид-Эддинъ писалъ въ первые годы XIV вѣка.

[3]) Рашид-Эд-динъ въ переводѣ проф. Березина. Введеніе, стр. 114—115.

Библиотека "Руниверс"

талъ [1]) (множ. число *хаятеле*). Говоря о походѣ Саманида Исмаила противъ тюрковъ и о взятіи имъ города Тараза, г. Каёнъ (стр. 158) не понимаетъ этого названія и предлагаетъ читать Tavaz, сближая это слово съ тюркскимъ названіемъ китайцевъ (*Табгачъ*); между тѣмъ у арабскихъ географовъ постоянно упоминается городъ Таразъ (Таласъ), около нынѣшняго Ауліе-ата.

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что г. Каёнъ прибѣгаетъ къ догадкамъ гораздо чаще, чѣмъ это было бы необходимо при болѣе основательномъ изученіи источниковъ. Догадки иногда очень удачны и лишній разъ свидѣтельствуютъ въ пользу блестящаго историческаго таланта автора. Такъ, по мнѣнію г. Каёна (стр. 242), Темучинъ навѣрное не подвергъ своего соперника Джамуху той жестокой казни, о которой говорятъ мусульманскіе источники, но по монгольскому обычаю далъ ему умереть „безъ пролитія крови"; и дѣйствительно, мы находимъ такое извѣстіе въ монгольскомъ сказаніи XIII вѣка [2]), о которомъ г. Каёнъ зналъ только по немногочисленнымъ цитатамъ, приведеннымъ въ сочиненіяхъ доктора Бретшнейдера. Но даже при такомъ талантѣ невозможно дать *правдивую* картину исторической жизни нѣсколькихъ народовъ на основаніи однихъ догадокъ. Мы остановимся только на тѣхъ промахахъ г. Каёна, которые имѣли существенное вліяніе на его представленіе о ходѣ этой исторической жизни, оставляя безъ вниманія мелкія хронологическія и другія неточности.

Критическаго изслѣдованія легендъ о происхожденіи тюркскихъ племенъ мы у г. Каёна не находимъ. Авторъ ограничивается тѣмъ, что выписываетъ изъ Абулгази имена миѳическихъ предковъ тюрковъ и сближаетъ ихъ съ названіями историческихъ народовъ; насколько эти сближенія произвольны, можно видѣть изъ того, что имя *Минкъ* сближается съ названіемъ монгольскаго племени *Мангутъ* (стр. 83), появляющагося въ исторіи только въ XII вѣкѣ. Въ качествѣ древнѣйшихъ тюркскихъ народовъ Абулгази называетъ кыпчаковъ, уйгуровъ, кангловъ, калачей и карлуковъ (у Рашид-Эддина приводится еще народъ агачери, который у Абулгази не упоминается и на который нашъ авторъ поэтому тоже не обращаетъ вниманія). Изъ

[1]) Г. Каёнъ узналъ объ этой формѣ, повидимому, уже послѣ напечатанія книги, такъ какъ приводитъ ее только въ указателѣ; тѣмъ не менѣе онъ и здѣсь не отказывается отъ своего мнѣнія.

[2]) Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, т. IV, стр. 113—114.

Библиотека "Руниверс"

этихъ пяти народовъ въ орхонскихъ надписяхъ VIII вѣка, по замѣчанію самого г. Каёна (стр. 41), названы только карлуки и уйгуры; за то, какъ въ этихъ надписяхъ, такъ и у мусульманскихъ писателей IX и X вѣковъ, мы находимъ цѣлый рядъ другихъ этнографическихъ названій, такъ что нѣтъ никакого основанія полагать, что названные у Абулгази народы дѣйствительно были древнѣе всѣхъ прочихъ. Между тѣмъ г. Каёнъ (стр. 112—113), говоря о дѣленіи тюркской имперіи на „четыре гегемоніи" (по византійскимъ источникамъ), прибавляетъ: „Здѣсь мы находимъ дѣленіе на кипчаковъ (сѣверо-западъ), кангловъ, калачей и карлуковъ (центръ и востокъ); уйгуры Шестиградія (то-есть, *Алтышехра*, Кашгаріи) и Пятиградія (*Бишбалыкъ*, то-есть, Урумчи и Турфанъ) не идутъ въ счетъ, такъ какъ они непосредственно подчинены одному изъ китайскихъ государствъ". Относительно уйгуровъ г. Каёнъ (стр. 40) раздѣляетъ мнѣніе Вамбери, по которому слово *уйгуръ* употреблялось для обозначенія „образованнаго, культурнаго человѣка"; такое названіе, по предположенію г. Каёна (стр. 45) получили тюрки, поселившіеся въ бассейнѣ Тарима и тамъ принявшіе осѣдлый образъ жизни. Между тѣмъ, какъ извѣстно, уйгуры жили не только въ восточномъ Туркестанѣ и уже въ VIII вѣкѣ стояли во главѣ обширнаго *кочеваго* государства, центромъ котораго была мѣстность по Орхону.

Разказъ г. Каёна о внутреннемъ устройствѣ кочевыхъ государствъ тоже нельзя признать вполнѣ точнымъ. Объ отношеніи тюркскаго кагана къ народу авторъ могъ составить себѣ довольно ясное представленіе на основаніи орхонскихъ надписей; оттого черты, которыми предводитель кочеваго народа отличался отъ обыкновенныхъ азіатскихъ деспотовъ, отмѣчены вѣрно; сравненіе проведено съ большимъ талантомъ: „Въ противоположность остальнымъ народамъ, у тюрковъ царь кормитъ свой народъ, одѣваетъ его, даетъ ему содержаніе (стр. 79)... Не только для того, чтобы кормить и одѣвать своихъ неимущихъ подданныхъ, тюркскій ханъ ночью не спитъ, днемъ не отдыхаетъ; ради величія имени тюрковъ, ради національной славы онъ трудится и сражается ночью и днемъ. Египетскіе фараоны, персидскіе или ассирійскіе цари избивали массы народа для прославленія своего собственнаго имени или для возвеличенія своихъ боговъ; тюркскій каганъ думаетъ только о славѣ своего народа" (стр. 78).

Столь же удачно опредѣленіе г. Каёна, по которому тюркскіе народы скорѣе могутъ быть названы военными отрядами: „ихъ великія націи принимаютъ имя своего начальника" (стр. 79). Несмотря на

Библиотека "Руниверс"

это, г. Каёнъ приписываетъ тюркамъ пристрастіе къ китайскому бюрократическому устройству: „Въ этомъ военномъ обществѣ есть іерархія, но нѣтъ кастовой аристократіи; вельможи (то-есть беки) скорѣе могутъ быть названы высшими чиновниками, чѣмъ аристократами. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тюрки подвергались иному вліянію, чѣмъ китайскому, они сохранили чисто-китайское уваженіе къ мандаринству. Нѣкоторые народы стремились къ аристократическому, другіе—къ демократическому идеалу; идеаломъ тюрковъ было правленіе бюрократическое“ (стр. 82). Сколько намъ извѣстно, военное устройство всегда благопріятствуетъ развитію и сохраненію аристократическихъ привиллегій. Въ орхонскихъ надписяхъ беки, въ качествѣ высшаго сословія, очень опредѣленно противополагаются „черному народу“, причемъ верховная власть не всегда становится на сторону первыхъ; подробно описывается, какъ тюркскіе беки примирились съ китайскимъ владычествомъ, приняли китайскіе титулы и китайскій образъ жизни; но „черный народъ“ не могъ забыть своей прежней имперіи; своихъ прежнихъ кагановъ и поднялъ возстаніе во имя тюркской національности [1]). Киргизское представленіе о „черной“ и „бѣлой“ кости еще яснѣе показываетъ, съ какой рѣзкостью идея наслѣдственной аристократіи иногда выражалась у тюрковъ. Съ другой стороны мы не замѣчаемъ никакихъ слѣдовъ „мандаринства“. Терминъ *буюрукъ* В. В. Радловъ переводитъ посредствомъ слова „Beamte“, которое г. Каёнъ (стр. 80) прямо замѣняетъ словомъ „мандарины“. Между тѣмъ въ надписяхъ отъ буюруковъ, какъ и отъ кагановъ, требуется не только мудрость, но и храбрость, изъ чего можно заключить, что эти „повелители“ (буквальное значеніе слова *буюрукъ*) то же принадлежали къ числу военныхъ начальниковъ; вѣроятно, слово буюрукъ — собирательное названіе для *шадовъ* и другихъ подчиненныхъ кагану начальниковъ отдѣльныхъ родовъ. Повидимому у древнихъ тюрковъ, какъ у западныхъ монголовъ въ эпоху Чингизъ-хана [2]) была только одна „культурная должность“ (если можно такъ выразиться)—должность хранителя печати (*тамгачи*), которому придается исключительно эпитетъ „*билгэ*“ (мудрый) [3]). Вопреки мнѣнію г. Каёна, мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы

[1]) *Radloff*, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, p. 440. *Thomsen*, Inscriptions de l'Orkhon, pp. 99—100.

[2]) Ср. *D'Ohsson*, Histoire des Mongols, I, 88.

[3]) *Radloff*, Die alttürkischen Inschriften, 446. *Thomsen*, Inscriptions, 114.

Библиотека "Руниверс"

тюрки ввели бюрократическое управленіе тамъ, гдѣ его раньше не было; не только въ Китаѣ, но и въ мусульманской Средней Азіи тюрки нашли бюрократическое устройство уже готовымъ.

Вообще недостаточное изученіе исторіи арабскаго халифата и образовавшихся послѣ его распаденія персидскихъ государствъ не позволило г. Каёну дать правильной оцѣнки роли тюрковъ въ мусульманскомъ мірѣ. Авторъ не признаетъ въ арійскомъ населеніи Персіи и Средней Азіи никакихъ военныхъ доблестей; даже своими успѣхами при Абу-Муслимѣ персы были обязаны исключительно „тюркскому мечу“ (стр. 147). Серьезное сопротивленіе арабы встрѣтили только со стороны тюрковъ; арійцы охотно подчинились арабамъ, и только распространеніе ислама среди нихъ представляло нѣкоторыя трудности, такъ что арабы должны были рѣшиться на „неслыханную“ уступку—допустить богослуженіе на персидскомъ языкѣ (стр. 125). На самомъ дѣлѣ уступки, сдѣланныя арабами согдійцамъ, были гораздо значительнѣе; по договору 741 г. согдійцамъ, раньше принявшимъ мусульманство, вопреки основнымъ постановленіямъ ислама, было разрѣшено вернуться къ своей прежней религіи. Послѣ долгихъ колебаній халифъ утвердилъ этотъ договоръ; его убѣдили, что только посредствомъ такихъ невѣроятныхъ уступокъ можно примирить съ арабскимъ господствомъ воинственное населеніе [1]).

Какъ извѣстно, первыя тюркскія династіи въ Средней Азіи образовались благодаря возвышенію начальниковъ султанской гвардіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ тюрковъ. Г. Каёнъ, повидимому, полагаетъ, что всѣ эти тюрки были добровольными наемниками и искателями приключеній (стр. 143); о существованіи торговли невольниками и о пріобрѣтеніи „гулямовъ“ путемъ покупки нѣтъ ни слова. На самомъ дѣлѣ даже основатель славной династіи газневидовъ, въ которомъ г. Каёнъ видитъ только предводителя наемниковъ (стр. 159, 161), нѣкогда былъ привезенъ торговцемъ рабами и жаловался на свою несчастную судьбу, что никто его не покупаетъ [2]).

Въ противоположность этимъ бывшимъ рабамъ предводителями первыхъ самостоятельныхъ тюркскихъ народовъ, завладѣвшихъ мусульманскими землями, были Сельджукиды и Караханиды. Какъ извѣстно, тѣ и другіе приняли исламъ еще до своего вступленія на мусульманскую почву. Г. Каёнъ утверждаетъ, что Сельджукъ полу-

[1]) Tabari, Annales II, 1717—1718.

[2]) The Tarikh-i-Baihaki ed Morley, Calcutta 1862, p. 237.

Библиотека "Руниверс"

чилъ отъ Саманида Мунтасира въ удѣлъ городъ Джендъ (въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи) и уже тамъ принялъ исламъ (стр. 171); между тѣмъ Джендъ не принадлежалъ Саманидамъ даже въ эпоху ихъ наибольшаго могущества, а Мунтасиръ, которому только на самое короткое время удавалось захватить въ свои руки тотъ или другой городъ, не могъ раздавать никакихъ земель. Караханидъ Илекъ, завоеватель Мавераннагра, у г. Каёна названъ язычникомъ (стр. 174), хотя до насъ дошли монеты съ его мусульманскими именами.

Г. Каёнъ справедливо полагаетъ, что во владѣніяхъ Караханидовъ тюркскія и китайскія идеи сохраняли бо́льшую силу, чѣмъ въ государствѣ Сельджукидовъ, всецѣло подчинившихся вліянію ислама и персидской культуры. Устройство сельджукскаго государства описывается по „Книгѣ объ управленіи“ (*Сіясетъ-намэ*) знаменитаго везиря Низам-ал-мулька, которой противополагается тюркское сочиненіе *Кудатку-биликъ*, составленное въ Семирѣчьѣ. Внимательное чтеніе „Сіясетъ-намэ“ показало бы г. Каёну, что взгляды главы персидской бюрократіи далеко не всегда тожественны съ взглядами его государя, особенно въ послѣднихъ главахъ, которыя должны были быть переданы властителю только послѣ смерти автора. Если везирь настаиваетъ на томъ, что женщинамъ не слѣдуетъ позволять вмѣшиваться въ государственныя дѣла, то это, вопреки мнѣнію г. Каёна (стр. 182), отнюдь не является признакомъ упадка положенія тюркской женщины; очевидно, везирь не привелъ бы въ доказательство своей мысли „свидѣтельство Камбиза, Дарія, Александра, Бузурджмихра (министра при Хозроѣ Ануширванѣ), пророка и святыхъ, талмуда и раввиновъ“, если бы въ дѣйствительной жизни не было фактовъ противоположнаго свойства, что̀ вполнѣ подтверждается исторіей Сельджукидовъ. Содержаніе „Кудатку-биликъ“ излагается по переводу Вамбери, который уже самъ по себѣ очень сомнителенъ. Кромѣ того, вопросъ о томъ, насколько на „Кудатку-биликѣ“ отразилось вліяніе персидскихъ идей и персидской литературы, еще остается открытымъ, и уже теперь есть большія основанія полагать, что это вліяніе окажется несравненно значительнѣе, чѣмъ полагали Вамбери и другіе. Г. Каёнъ видитъ чисто-китайское воззрѣніе даже въ сопоставленіи „людей меча“ и „людей пера“ (стр. 186), столь часто встрѣчающемся въ мусульманской литературѣ.

При дальнѣйшемъ изложеніи исторіи тюрковъ г. Каёнъ прямо смѣшиваетъ сельджукидовъ съ Караханидами, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста его книги (стр. 192): „Могила Меликшаха еще те-

Библиотека "Руниверс"

перь пользуется уваженіемъ въ Бухарѣ. Послѣ его смерти (1087 г.) ему наслѣдовалъ Арсланъ-ханъ самаркандскій, послѣ смерти Арслана-хана—его сынъ Санджаръ". Послѣдній изъ караханидовъ, Османъ, царствовавшій въ такое время, когда имя Чингизъ-хана едва ли было извѣстно кому-нибудь въ Мавераннагрѣ, названъ „креатурой Чингизъ-хана и однимъ изъ предводителей тюркско-національной партіи" (312—313).

Всѣ легенды о предкахъ Чингизъ-хана и о дѣтствѣ будущаго завоевателя принимаются г. Каёномъ на вѣру. По свидѣтельству историка Джувейни, приведенному уже д'Оссономъ, монголы до Чингизъ-хана не имѣли письменности, и самъ Чингизъ-ханъ только впослѣдствіи заимствовалъ алфавитъ у уйгуровъ и велѣлъ обучать ему знатныхъ юношей. У г. Каёна (стр. 234) Чингизъ-ханъ уже во время борьбы съ кераитами не только переписывается со своими врагами, но даже издаетъ, подъ видомъ писемъ, манифесты, предназначенные для всего народа. Разумѣется, такое освѣщеніе событій даетъ читателю совершенно невѣрное представленіе объ условіяхъ быта въ Монголіи въ эпоху Чингизъ-хана.

Авторъ справедливо отвергаетъ старое представленіе о монгольскихъ завоеваніяхъ, какъ о „нашествіи безчисленныхъ дикихъ полчищъ" или „безсознательномъ движеніи огромныхъ волнъ народовъ" (стр. 279). Мы находимъ въ его книгѣ довольно вѣрную картину геніальныхъ стратегическихъ плановъ Чингизъ-хана и его сподвижниковъ. Съ другой стороны дѣла управленія при Чингизъ-ханѣ еще не были приведены въ такой порядокъ, какъ полагаетъ г. Каёнъ; какъ извѣстно, почта была введена у монголовъ только при сынѣ Чингизъ-хана, Угэдэѣ; г. Каёнъ категорически утверждаетъ, что во время похода Чингизъ-хана на западъ часть его канцеляріи находилась съ нимъ въ Трансоксіанѣ, часть—въ Пекинѣ; однимъ изъ „куръеровъ", поддерживавшихъ сообщеніе между обѣими канцеляріями, названъ китаецъ Чанъ-Чунь (стр. 314)—мирный отшельникъ, совершившій путешествіе изъ Китая на западъ по особому приглашенію Чингизъ-хана.

Борьба національностей и религій въ монгольской имперіи, объединившей самые различные культурные народы, несомнѣнно представляетъ большой интересъ; но для правильнаго пониманія этой борьбы было необходимо изучить не только исторію того времени, но и ходъ культурной жизни каждаго народа въ до-монгольскій періодъ.

Свѣдѣнія г. Каёна и въ этомъ случаѣ отрывочны и случайны. Въ

Библиотека "Руниверс"

эпоху монгольскаго нашествія въ Кульджинскомъ краѣ исламъ уже былъ господствующей религіей, къ которой принадлежали мѣстные владѣтели [1]); г. Каёнъ считаетъ Алмалыкъ чисто-христіанскимъ городомъ, называетъ хана Озара „княземъ алмалыкскихъ христіанъ“ (стр. 265) и считаетъ его „добрымъ тюркомъ и добрымъ христіаниномъ“ (стр. 253). Мусульманскимъ министрамъ Чингизъ-хана и его преемниковъ приписывается фанатичный тюркскій и монгольскій патріотизмъ (стр. 272); на самомъ дѣлѣ эти богатые купцы, захватившіе въ свои руки выгодную торговлю съ кочевниками, снабжавшіе монголовъ деньгами по высокимъ процентамъ и вообще бывшіе главными представителями капитала, руководились только финансовыми разсчетами. Благодаря своему богатству, они могли дороже другихъ платить за откупъ податей; естественно, что финансовое управленіе вездѣ мало-по-малу перешло въ ихъ руки. Г. Каёнъ полагаетъ, что такіе люди, какъ *Ялвачъ* и другіе, не могли быть безъ дальнихъ словъ переведены куда-нибудь въ Китай или въ Россію, что они были необходимы на своей родинѣ (стр. 411); на самомъ дѣлѣ именно Ялвачъ долженъ былъ покинуть свою родину изъ-за столкновенія съ Джагатаемъ и получилъ мѣсто въ Китаѣ [2]).

Какъ извѣстно, институтъ епископовъ совершенно чуждъ исламу, и власть главныхъ муфтіевъ, казіевъ и т. п. опредѣляется политическими границами отдѣльныхъ государствъ. Главѣ бухарскаго духовенства (*садру*) нѣкоторое время принадлежала и свѣтская власть въ его родномъ городѣ; но нѣтъ никакихъ основаній полагать, что его авторитетъ признавался и въ другихъ мѣстностяхъ. Г. Каёнъ изъ того, что во время пребыванія въ Бухарѣ путешественника Ибнъ-Батуты садръ возвращался изъ Герата, дѣлаетъ выводъ, что „епархія“ бухарскаго садра простиралась до этого города (стр. 416). Въ связи съ такимъ представленіемъ г. Каёнъ приписываетъ тюркскимъ мусульманамъ мечту о „тюркскомъ правовѣрномъ папѣ, который бы жилъ въ Мавераннагрѣ“ (стр. 326).

Значеніе курултая, то-есть монгольскаго народнаго собранія, сильно преувеличено г-мъ Каёномъ. Съѣздъ монгольскихъ царевичей и вель-

---

[1]) Труды Пек. миссіи IV, 304.

[2]) О роли Махмудъ-Ялвача въ Китаѣ говорятъ какъ мусульманскіе историки (Джувейни, Вассафъ и Рашидъ-Эддинъ), такъ и монгольское сказаніе XIII вѣка (Труды Пек. миссіи IV, 149). О столкновеніи Ялвача съ Джагатаемъ говоритъ Рашидъ-Эддинъ, въ главѣ о „наибахъ“ (министрахъ) Джагатая.

Библиотека "Руниверс"

можъ, подобно первоначальному германскому рейхстагу, болѣе походилъ на парадъ, въ которомъ во всемъ блескѣ проявлялось могущество властителя, чѣмъ на представительное собраніе, созывавшееся для рѣшенія государственныхъ вопросовъ или избранія новаго государя. Правильные выборы съ собираніемъ голосовъ и т. п., совершенно неизвѣстны кочевникамъ [1]); провозглашеніе хана на курултаѣ было одной формальностью. Самый фактъ пріѣзда того или другаго царевича на курултай былъ равносиленъ признанію правъ соотвѣтствующаго кандидата на престолъ; лица, не желавшія признать новаго хана, не являлись на курултай. Такимъ образомъ на курултаѣ происходилъ не актъ избранія, а только актъ провозглашенія хана, торжественной присяги и торжественнаго восшествія его на престолъ; все это сохранилось до конца монгольскаго владычества и, вопреки мнѣнію г. Каёна (стр. 396)—въ отдѣльныхъ случаяхъ борьбы за престолонаслѣдіе отнюдь нельзя видѣть борьбу „за избирательную систему и древне-монгольское право". Такія же собранія существовали въ джагатайскомъ государствѣ; по словамъ Ибнъ-Батуты, монгольскіе и тюркскіе князья ежегодно собирались на „той" (пиръ), гдѣ производился судъ надъ преступленіями знатныхъ эмировъ, иногда и самого хана; послѣдняго, если признавали его виновнымъ, торжественно смѣщали съ престола. Разумѣется, обрядъ смѣщенія хана могъ происходить только тогда, когда власть фактически уже находилась въ рукахъ другаго лица, такъ что и здѣсь все сводилось къ простой обрядности. Г. Каёнъ (стр. 420) серьезно называетъ „*той*" „ежегодно созывавшимся парламентомъ".

Уничтоженіе старыхъ вольностей и окончательное утвержденіе мусульманскаго деспотизма г. Каёнъ приписываетъ Тимуру. Характеристику знаменитаго завоевателя нельзя признать удачной. Съ одной стороны намъ говорятъ, что Тимуръ въ своихъ дѣйствіяхъ руководился только холоднымъ разчетомъ и что ему были совершенно чужды „эпическіе замыслы" Темучина (стр. 452); съ другой стороны мы узнаемъ, что не только самъ Тимуръ (стр. 447), но и его сподвижники (стр. 456) находились подъ вліяніемъ прочитанныхъ ими рыцарскихъ романовъ. По мнѣнію г. Каёна (стр. 463), представленіе о жестокостяхъ Тимура возникло только благодаря преувеличеніямъ его враговъ—османовъ, персовъ, кипчаковъ и арабовъ; между тѣмъ до-

[1]) См. также *W. Radloff*, Das Kudatku Bilik, Theil I, Text in Transscription, p. LIII. Радловъ. Къ вопросу объ уйгурахъ. С.-Пб. 1893, стр. 69.

Библиотека "Руниверс"

статочное число примѣровъ крайней жестокости мы находимъ въ офиціальной исторіи Тимура, написанной по приказанію его преемника Шереф-Эддиномъ Іезди. Г. Каёнъ, повидимому, совершенно не пользовался этимъ сочиненіемъ и всѣ свои свѣдѣнія заимствовалъ изъ такъ называемой автобіографіи Тимура, не считая нужнымъ опровергнуть вѣскіе доводы противъ ея подлинности, высказанные д-ромъ Rieu.

Несомнѣнно, что Тимуръ вездѣ оказывалъ особенное вниманіе мусульманскому духовенству и этимъ привлекалъ его на свою сторону; но и эта сторона дѣятельности Тимура значительно преувеличена нашимъ авторомъ. Изъ словъ его (стр. 473) можно бы заключить, что только при Тимурѣ имамы и сеиды были признаны первенствующимъ сословіемъ; между тѣмъ въ приказахъ Газанъ-хана, царствовавшаго на 100 лѣтъ раньше Тимура, сеиды названы даже впереди членовъ ханскаго рода [1]). Столь же несправедливо было бы полагать, что только при Тимурѣ „гражданское судопроизводство вполнѣ слилось съ духовнымъ“ (стр. 475). Извѣстное прозваніе Тимура „Сахибъ-Кыранъ“, то-есть обладатель счастливой звѣзды“, г. Каёнъ читаетъ „Сахибъ-Коранъ“ и переводитъ: „Possesseur de Sainte-Écriture“ (стр. 470)!

Переустройство государства на религіозныхъ началахъ, по мнѣнію г. Каёна, было связано съ нарушеніемъ тюркскихъ привиллегій. Тимуръ, по словамъ нашего автора, въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ осторожно и, чтобы не оскорбить слишкомъ усердныхъ приверженцевъ ханскаго рода, устроилъ обрядъ своего торжественнаго восшествія на престолъ внѣ предѣловъ джагатайскаго государства, въ Балхѣ (стр. 469); на самомъ дѣлѣ Балхъ уже давно принадлежалъ джагатайскимъ ханамъ. Никакими фактами не подтверждаются слова г. Каёна, что при Тимурѣ тюркское дворянство, лишенное земельной собственности, вернулось къ кочевой жизни (стр. 476).

Въ военныхъ предпріятіяхъ Тимура г. Каёнъ видитъ только рядъ отдѣльныхъ войнъ, болѣе или менѣе случайныхъ, безъ всякихъ обширныхъ завоевательныхъ плановъ (стр. 464—465); даже походъ противъ Китая былъ предпринятъ не для завоеванія этой страны, а только для защиты Туркестана отъ китайскаго нашествія (стр. 500). На какихъ основаніяхъ Тимуръ могъ предполагать подобный замыселъ со стороны богдыхана, объ этомъ не говорится.

На нашъ взглядъ идея всемірнаго владычества при Тимурѣ еще не была оставлена; только при сынѣ Тимура, Шахрохѣ, заботы о мир-

[1]) D'Ohsson, IV. 422.

Библиотека "Руниверс"

номъ развитіи страны, о процвѣтаніи науки и литературы окончательно получили преобладаніе, и грандіозные завоевательные планы больше не возобновляются. Говоря о сношеніяхъ Шахроха съ китайскимъ императоромъ (стр. 500), г. Каёнъ оставляетъ безъ вниманія характерный фактъ, что бохдыханъ въ своихъ письмахъ обращается къ Шахроху, какъ къ своему вассалу, и Шахрохъ, владѣвшій почти такою же обширной имперіей, какъ его отецъ, не оскорблялся такимъ тономъ и отвѣчалъ богдыхану самыми почтительными письмами и посольствами.

При Тимурѣ и Тимуридахъ внѣшняя культура Трансоксіаны достигла высшей степени развитія; вездѣ возстановлялись прежніе оросительные каналы и города, строились новые, возводились великолѣпныя зданія. принимались мѣры къ развитію промышленности. Въ послѣднемъ г. Каёнъ видитъ желаніе подорвать „промышленную гегемонію“ Китая (стр. 506); между тѣмъ описаніе Мавераннагра, которое мы находимъ у арабскихъ географовъ X вѣка, показываетъ. что уже тогда производство различныхъ тканей, бумаги и т. п. достигло широкой степени развитія и о „гегемоніи“ Китая въ этомъ отношеніи уже тогда не могло быть рѣчи.

Въ литературѣ временъ Тимуридовъ г-нъ Каёнъ видитъ признаки широкаго развитія тюркскаго національнаго чувства. По его словамъ, „люди трансоксанскаго возрожденія“ писали на джагатайскомъ языкѣ, а не на персидскомъ, какъ прежде; отдѣльные тюркскіе писатели были и раньше, но „языкомъ двора и языкомъ ученыхъ“ былъ персидскій языкъ, какъ видно изъ написанныхъ по повелѣнію монгольскихъ хановъ историческихъ сочиненій Джувейни, Рамид-Эддина, Вассафа и др. (стр. 507—508). Между тѣмъ по повелѣнію Тимура и Тимуридовъ также по-персидски были написаны историческія сочиненія Шами, Шереф-Эддина Іезди, Хафизи-Абру, Абдуррезака Самарканда, и вообще персидскій языкъ до новѣйшихъ временъ остался языкомъ среднеазіатской исторической литературы.

Не смотря на это, тюркская литература временъ Тимуридовъ представляетъ много характернаго и даже заслуживала бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія, чѣмъ то, которое мы находимъ въ книгѣ г-на Каёна. Связь со степными преданіями была порвана принятіемъ ислама, и Бабуръ въ своихъ „Запискахъ“ очень опредѣленно вооружается противъ слѣпаго повиновенія завѣту предковъ; но столь же невозможно было слѣпое подражаніе мусульманскимъ образцамъ; слишкомъ еще было живо тюркское національное чувство. Не увлекаясь рито-

Библиотека "Руниверс"

рическими красотами персидскаго слога, тюркскіе писатели вполнѣ сознательно [1]) стремились къ простотѣ и ясности выраженій; въ лицѣ Бабура мы видимъ писателя, которому основательное мусульманское образованіе не мѣшало сохранить въ своихъ произведеніяхъ простоту и безъискусственность тюркской разговорной рѣчи. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, что тюрки не были неспособны къ самостоятельной переработкѣ культурныхъ идей, и что объясненія культурной отсталости Средней Азіи слѣдуетъ искать въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, на которыя указывалъ еще Риттеръ: прочное развитіе цивилизаціи невозможно въ странѣ, которая въ теченіи всей своей исторической жизни не переставала быть полемъ битвы самыхъ различныхъ народовъ. Г-нъ Каёнъ не говоритъ ни слова о завоеваніи культурныхъ государствъ Тимуридовъ полудикими узбеками; изъ его словъ можно заключить, что упадокъ трансоксанской культуры былъ вызванъ только пресыщеніемъ: „Въ XVI столѣтіи жертва была совершена; тюркъ всецѣло отказался отъ духовной власти въ пользу *пира* [1]), отъ свѣтской—въ пользу султана. Независимые и непокорные люди удалились вмѣстѣ съ Бабуромъ искать счастія въ Индію... Въ XV вѣкѣ церковь еще не выступала прямо противъ искусствъ и веселой жизни; она позволяла тюркамъ строить, рисовать и напиваться до тѣхъ поръ, пока они не убѣдились въ суетности всего этого“ (стр. 503—504). Какъ извѣстно, удаленіе Бабура въ Индію было вызвано именно успѣхами узбековъ и вовсе не имѣло характера протеста противъ религіознаго и политическаго деспотизма.

Мы привели только очень незначительную часть фактическихъ невѣрностей, допущенныхъ г-номъ Каёномъ; можетъ быть намъ не вездѣ удалось выбрать наиболѣе крупныя изъ нихъ; но уже изъ сказаннаго, какъ мы надѣемся, ясно, что блестящая въ чисто-литературномъ отношеніи книга г-на Каёна отнюдь не пополняетъ пробѣла въ *научной* литературѣ. Мы не считаемъ трудъ г-на Каёна совершенно безполезнымъ; въ его книгѣ иногда высказываются широкія и плодотворныя идеи, которыми навѣрное воспользуются будущіе историки; отъ вниманія ученыхъ изслѣдователей часто ускользаютъ такія явленія, истинное значеніе которыхъ можетъ выяснить только

---

[1]) Ср. слова Бабура, приведенныя въ Memoirs of Baber. transl. by Erskine. London 1826, p. 392.

[1]) Пирами, какъ извѣстно, называются главы мусульманскихъ духовныхъ орденовъ.

Библиотека "Руниверс"

художникъ. Но съ точки зрѣнія той цѣли, которую поставилъ себѣ г-нъ Каёнъ, мы можемъ только пожалѣть о томъ, что онъ употребилъ свое блестящее дарованіе на дѣло, заранѣе обреченное на неудачу.

Въ качествѣ эпиграфа къ своей рецензіи мы привели мнѣніе извѣстнаго голландскаго оріенталиста о невозможности дать въ настоящее время полный обзоръ исторіи мусульманскаго міра. „Исторія ислама“ покойнаго А. Мюллера нисколько не опровергаетъ этого взгляда. А. Мюллеръ, какъ видно уже изъ его предисловія, не задался цѣлью дать всестороннюю оцѣнку культурной жизни мусульманскаго міра; онъ хотѣлъ только составить руководство, которое должно было „представить читателю вѣрную картину достигнутыхъ до сихъ поръ наукой результатовъ“ [1]). Относительно исторіи Средней Азіи даже эта скромная задача оказалась неосуществимой; добросовѣстный авторъ не скрылъ отъ насъ и этого обстоятельства и при изложеніи исторіи монгольскаго нашествія оговорился, что не беретъ на себя полной отвѣтственности за эту часть своей книги [2]). Даже для составленія подробной справочной книги по исторіи Средней Азіи было бы необходимо обратиться къ рукописнымъ источникамъ; г. Каёнъ имѣлъ въ виду несравненно болѣе широкую задачу, но матеріалъ для ея осуществленія въ настоящее время не могли бы доставить ему даже самые добросовѣстные труженики.

Книга г. Каёна, какъ мы сказали выше, имѣетъ для насъ еще другое значеніе; она является результатомъ его университетскихъ чтеній, представляющихъ собой единственную извѣстную намъ попытку общаго курса исторіи Средней Азіи. Поэтому нашимъ приговоромъ объ этой книгѣ опредѣляется также наше отношеніе къ идеѣ такого курса. Мы вполнѣ признаемъ, что современный университетскій преподаватель исторіи не можетъ ограничиваться перечнемъ внѣшнихъ фактовъ, что для него главное значеніе имѣетъ ходъ исторической эволюціи и вообще тѣ обобщенія, къ которымъ приводитъ насъ рядъ фактическихъ данныхъ. Мы утверждаемъ только, что для такихъ обобщеній по исторіи Средней Азіи еще не настало время. Преподаватель всеобщей или русской исторіи имѣетъ возможность указывать своимъ слушателямъ руководства и пособія, гдѣ они могутъ найти необходимыя фактическія данныя, повтореніе которыхъ не входитъ въ программу лекцій; для исторіи Средней Азіи подобныхъ руководствъ до

---

[1]) Зап. Вос. Отд. Арх. Общ., VII, 332 (статья барона *В. Р. Розена*).

[2]) *Müller*, Der Islam im Morgen-und Abendland, II, 211.

Библиотека "Руниверс"

сихъ поръ нѣтъ, и слушатели знакомятся съ внѣшними фактами только изъ лекцій преподавателя. Поэтому изданіе подобной справочной книги (не претендующей, подобно книгѣ г. Каёна, на широкія обобщенія) несомнѣнно было бы очень полезно для дѣла университетскаго преподаванія исторіи востока.

Мы не будемъ касаться принципіальнаго спора между приверженцами лекціонной системы и приверженцами системы „семинарій" (то-есть, практическихъ упражненій) въ университетскомъ преподаваніи. Первые, навѣрное, согласятся съ тѣмъ, что для общихъ обзоровъ необходимы детальныя изслѣдованія; между тѣмъ мы не знаемъ *ни одной* монографіи, въ которой была бы удовлетворительно (съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ требованій) разработана какая-нибудь эпоха исторіи мусульманской Средней Азіи.

Такимъ образомъ вопросъ о преимуществахъ той или другой системы *въ данномъ случаѣ* разрѣшается самъ собой.

Строго-научнаго изслѣдованія прошлаго среднеазіатскихъ народовъ ученый міръ вправѣ ожидать преимущественно отъ представителей науки въ Россіи, для которой выясненіе хода исторіи Средней Азіи имѣетъ не только чисто-теоретическое значеніе. Значительная часть тѣхъ странъ, гдѣ проходила историческая жизнь этихъ народовъ, находится теперь въ русскихъ предѣлахъ; другія страны изслѣдованы въ географическомъ отношеніи русскими путешественниками; въ Петербургѣ сосредоточены богатѣйшія собранія рукописныхъ источниковъ для исторіи Средней Азіи. Интересъ къ изученію прошлаго нашихъ окраинъ замѣчается и теперь, особенно со стороны той части русской интеллигенціи, которая непосредственно призвана тамъ дѣйствовать; но для успѣшности работъ людей, живущихъ вдали отъ научныхъ центровъ, необходимы такія условія, которыхъ до сихъ поръ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ, недавно высказанный на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* [1]) проф. Н. И. Веселовскимъ по поводу одной книги, напечатанной въ Ташкентѣ: „Есть знаніе мѣстныхъ языковъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, есть трудолюбіе, есть нравственная и матеріальная поддержка высшей администраціи края, но недостаетъ школы, которая дала бы направленіе ученымъ работамъ, которая научила бы, какъ надо работать, показала бы, надъ чѣмъ стоитъ трудиться, надъ чѣмъ трудиться не стоитъ". Пишущій эти строки

[1]) 1896 г., январь; отд. II, стр. 226—227.

Библиотека "Руниверс"

на основаніи своего личнаго опыта можетъ засвидѣтельствовать, что подобный взглядъ вполнѣ раздѣляется лучшими изъ мѣстныхъ дѣятелей; но къ сожалѣнію, образованіе подобной школы на окраинѣ, гдѣ люди могутъ посвящать наукѣ только часы досуга, совершенно невозможно. Наиболѣе дѣйствительными мѣрами къ удовлетворенію этой потребности были бы, по нашему убѣжденію, изданіе справочной книги по исторіи Средней Азіи для студентовъ и мѣстныхъ дѣятелей (съ потребными библіографическими указаніями) и нѣкоторыя измѣненія въ постановкѣ преподаванія исторіи востока съ усиленіемъ преподавательскаго персонала, при чемъ прежде всего было бы необходимо введеніе практическихъ занятій въ томъ видѣ, въ какомъ эти занятія уже примѣняются преподавателями русской и всеобщей исторіи. Образованіе подобной „школы" въ Петербургѣ несомнѣнно оказало бы вліяніе на ходъ работъ мѣстныхъ дѣятелей, хотя бы благодаря тѣмъ воспитанникамъ факультета восточныхъ языковъ, которые будутъ приведены судьбой въ Туркестанскій край. Въ случаѣ успѣха дѣла добросовѣстные изслѣдователи, прошедшіе эту школу, несомнѣнно произведутъ тѣ детальныя изслѣдованія, безъ которыхъ невозможны болѣе широкія обобщенія, и если тогда къ составленію общаго обзора исторіи Средней Азіи приступитъ человѣкъ съ такимъ талантомъ, какъ г. Каѣнъ, его трудъ навѣрное будетъ имѣть иной результатъ.

В. Бартольдъ.

Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вѣковъ. Составилъ *Д. А. Ровинскій*. Посмертное изданіе. Со многими цинкографіями въ текстѣ. Спб. 1895 годъ.

Прекрасный трудъ покойнаго Д. А. Ровинскаго по исторіи русской гравюры вторично изданъ Академіею Наукъ съ исправленіями, значительными дополненіями и нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ. Въ немъ наша литература имѣетъ произведеніе, которому мало равныхъ въ большихъ европейскихъ литературахъ и которому нѣтъ равнаго ни въ одной изъ литературъ славянскихъ [1]). Но не смотря на

[1]) Въ польской литературѣ имѣется двѣ книги, однородныхъ съ „Словаремъ" *Ровинскаго*: 1) *Kołaczkowski*, Słownik rytowników polskich, tudzież obcych w Polsce zamieszkałych od najdawniejszych czasów, Lwów, 1874, и 2) *Rastawiecki*, Słownik rytowników polskich, tudzież obcych w Polsce osiadłych, lub czasowo w

Библиотека "Руниверс"

безспорно высокія достоинства „Словаря", мы считаемъ нелишними нѣсколько мелкихъ замѣчаній.

Прежде всего о полнотѣ „Словаря". Покойный авторъ тщательно пересмотрѣлъ книги и листы *церковно-славянской* печати XVI—XVIII вѣковъ и извлекъ изъ нихъ матеріалъ, но по причинамъ, отъ него не зависѣвшимъ, не имѣлъ возможности съ такою же тщательностью воспользоваться довольно многочисленными книгами и листами южнорусскаго происхожденія, съ текстами, вполнѣ или отчасти, *польскимъ и латинскимъ*.

Такъ, подъ *Галяховскій* (не Галаховскій, какъ пишетъ Ровинскій) въ „Словарѣ" указаны четыре гравюры. Но этому граверу принадлежатъ еще слѣдующія три: 1) Іоасафъ царевичъ, съ латинскимъ посвященіемъ Іоасафу Кроковскому; 2) Варлаамъ пустынникъ, съ латинскимъ посвященіемъ Варлааму Ясинскому; обѣ гравюры одной и той же величины (малой), съ именемъ гравера: „Daniel Galachowski auditor philo"; 3) Іоаннъ Богословъ, въ малый листъ, съ восьмистишіемъ и, кромѣ имени гравера, съ датою славянскими цифрами: „1707 року".

Подъ *Левицкій* въ „Словарѣ" значится 22 №№. Но есть еще три гравюры этого мастера: 1) Распятіе, съ подписью-двустишіемъ, на на одной сторонѣ славянскою („Не моя вина къ сему кресту мя прибила, Вашъ грѣхъ, а моя любовъ сіе учинила"), на другой польскою (переводъ), и съ датою: 1757 годъ; 2) Богородица, съ подписью: „Ne vocetis me Noem, sed vocate me Mara", и 3) Христосъ, съ подписью: „Exivit Pilatus foras et dixit eis: Ecce homo", всѣ три малой величины и съ именемъ гравера: „Іерей Григорій Левѣцкій".

Подъ *Щирскій* въ „Словарѣ" стоитъ пять №№. Этому граверу принадлежатъ еще двѣ: 1) Заглавной листъ панегирика: „Bogaty wirydarz herbownemi wielmożnych Ich Msciow panow Zacharzewskich zasadzony rożami, Jego Carskiego najjasniejszego majestatu stolnikowi a pułkownikowi Charkowskiemu Jego Msci panu Theodorowi Zacharzewskiemu w panegyrycznym prezencie oddany", съ именемъ мастера: „Innocentius Szczyrski", и 2) Богородица, съ посвященіемъ Тризнамъ.

niej pracujących, Poznań, 1886; но они обѣ плохи. Упоминаемъ о нихъ лишь потому, что у насъ они совершенно неизвѣстны (второй повидимому не зналъ даже Ровинскій), а между тѣмъ не лишены для насъ нѣкотораго значенія въ виду самыхъ тѣсныхъ связей между искусствомъ польскимъ и искусствомъ юго-западнорусскимъ XVI и XVII вѣковъ.

Библиотека "Руниверс"

Сверхъ того, по всей вѣроятности, Щирскому принадлежитъ небольшой листъ съ текстомъ: „Prognostyk szczęśliwy tryumfalne nad nieprzyjacielem zwycięstwo z herbowych znakow wielmoznego... Daniela Apostola... Rossiey ominujący“ (далѣе восемь четверостишій и подпись ихъ автора: Filip Orlik Jakimowicz pisarz katedralny“...) [1]).

Затѣмъ встрѣчаются въ „Словарѣ“ мелкія неточности. Граверъ Goczemski (стр. 168) названъ Гошемскимъ. Монаху Иліи считается принадлежащею въ Требникѣ Петра Могилы 1646 года лишь одна гравюра, тогда какъ ему принадлежатъ всѣ гравюры этой книги (одна, съ именемъ Иліи, воспроизведена нами въ „Сборникѣ снимковъ съ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій“, изданномъ, *Голике*, С.-Пб. 1895, вып. II, № XX). Тайнописное *Аринъ* (=аминь) принимается за имя рѣзчика (стр. 50)...

Относительно многаго въ историческомъ введеніи можно бы поспорить съ авторомъ. Въ настоящее время едва ли не слишкомъ смѣло приписывать краковскія церковно-славянскія книги XV вѣка Галлеру (стр. 7) и говорить о печатаніи московскаго Апостола 1564 года „подъ смотрѣніемъ копенгагенскаго уроженца Ганса“ (стр. 23). Также едва ли удобно, безъ всякихъ оговорокъ, заявлять, что у насъ „отдѣльные гравированные листки появляются... во второй четверти XVII столѣтія“ (стр. 14—15). Публичная библіотека владѣетъ двумя узкими полосами бумаги съ напечатаннымъ на нихъ текстомъ „Хронологіи“ Рымши (Острогъ, 1581 года), точнѣе—особаго рода крохотнаго календарика, которыя очевиднѣйшимъ образомъ вырѣзаны изъ листовъ съ гравированными изображеніями мѣсяцевъ или святыхъ (снимокъ съ обѣихъ полосъ въ вышеупомянутомъ „Сборникѣ снимковъ“, изданномъ *Голике*, вып. I, №№ XXI, XXII). Вопросъ объ клише для печатанія заставокъ и большихъ буквъ въ рукописяхъ не такъ простъ, чтобы можно было говорить о немъ столь коротко и рѣшительно, какъ говоритъ Ровинскій (стр. 3). Мы знаемъ начальные листы съ заставками и орнаментаціею, оттиснутыми при помощи особенныхъ клише, не употреблявшихся при печатаніи книгъ,—лишь въ рукописяхъ XVII вѣка; рукопись XVI вѣка, съ оттиснутыми заставками, большими буквами и цвѣтками, единственная въ своемъ родѣ, при-

[1]) Всѣ названныя гравюры находятся въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. Собраніе гравюръ этой библіотеки, сдѣланное, кажется, Свидзинскимъ и находящееся теперь въ невообразимомъ безпорядкѣ, богато цѣннымъ матеріаломъ.

Библиотека "Руниверс"

надлежала повидимому или московской типографіи (въ библіотекѣ которой она сохранилась) или одному изъ ея работниковъ, и ея заставки и проч. оттиснуты тѣми самыми клише, которыми пользовались въ старшей московской типографіи (до Ивана Ѳедорова) для печатныхъ книгъ. [1]).

А. Соболевскій.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ первый. Вильна. 1895. XVII + 34 + 144 in-4°.

Виленская Публичная Библіотека обладаетъ не только богатымъ собраніемъ старопечатныхъ книгъ, польскихъ и русскихъ, но также и рукописными матеріалами. Среди послѣднихъ церковно-славянскія и русскія рукописи не разъ уже служили предметомъ ученыхъ изслѣдованій; описаніе ихъ издано гг. Добрянскимъ и Гильтебрандтомъ. Но до сихъ поръ остается почти неизвѣстнымъ наукѣ не менѣе богатый отдѣлъ рукописей на польскомъ и латинскомъ языкахъ, имѣющій очень важное значеніе для внутренней исторіи края.

Мы не знаемъ, какъ велико все собраніе рукописей на иностранныхъ языкахъ, хранящихся въ Виленской Публичной Библіотекѣ, но уже въ первомъ выпускѣ „Описанія“ зарегистровано 1387 книгъ. „Описаніе“ распадается на двѣ части: на собственное описаніе книгъ (стр. 1—34) и на выдержки изъ важнѣйшихъ, по мнѣнію составителей, документовъ (Приложеніе, стр. 1—145). Описанныя рукописи составляютъ разнаго рода документы изъ бывшаго Виленскаго капитульнаго архива. Это—книги визитъ, инвентари капитульныхъ имѣній, книги, содержащія копіи древнихъ документовъ, принадлежавшихъ капитулѣ. Въ „Описаніе“ вошли документы, касающіеся костеловъ и нѣкоторыхъ римско-католическихъ учрежденій города Вильны, визиты костеловъ Виленской епархіи, инвентари имѣній, принадлежавшихъ Виленской римско-католической семинаріи, инвентари имѣній Виленской римско-католической епископіи, Виленской капитулы, костеловъ Вилькомірскаго и Унитскаго повѣтовъ, визиты костеловъ Дорогичинскаго благочинія за 1839 годъ, рапорты о нѣкоторыхъ францисканскихъ монастыряхъ Виленской епископіи, инвентарей костеловъ побойскаго деканата за 1726 г. и нѣкоторые другіе. Документы

[1]) Эта рукопись была неизвѣстна Румянцеву (указаніе послѣдняго на рукописи Синодальной Библіотеки, стр. 161—162, лишено всякаго основанія).

Библиотека "Руниверс"

обнимаютъ время съ конца XIV столѣтія по сороковые годы нынѣшняго столѣтія. Впрочемъ, отдаленныхъ древнѣйшихъ грамотъ въ капитулѣ не сохранилось: Вильна много разъ, особенно въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка выгорала, наконецъ самъ капитульный архивъ во второй половинѣ XVII, вѣка скитался по разнымъ городамъ края, былъ въ Варшавѣ, въ Австріи. Судьбы архива разсказаны въ одномъ изъ протоколовъ ревизіи, помѣщенномъ въ „Приложеніи“ (стр. 15). Поэтому большая часть рукописей капитулы относится къ позднѣйшему времени.

Изъ копій древнѣйшихъ документовъ обращаетъ на себя вниманіе книга подъ № 48 (р. 6), въ которой содержатся копіи грамотъ съ 1396 г. Къ сожалѣнію, авторы „Описанія“ ограничились только приведеніемъ заглавія этой важной книги. Многіе инвентари и визиты костеловъ заключаютъ въ себѣ указанія на время ихъ основанія и древнѣйшія фундушевыя записи. Что касается самого „Описанія“ книгъ, то нельзя не посѣтовать на его краткость: въ большинствѣ случаевъ приводится одно лишь заглавіе книги или рукописи; при очень немногихъ указано, о какихъ костелахъ или имѣніяхъ говорится въ визитахъ или инвентаряхъ (если книга заключаетъ описаніе не одного, а многихъ костеловъ или имѣній). Составители не считали также нужнымъ указывать число листовъ книги или номеровъ отдѣльныхъ документовъ, ничего не говорятъ о ея сохранности и пр. Иногда приводится перечень описываемыхъ въ книгѣ костеловъ, но безъ указаній листа или номера, подъ какимъ каждое отдѣльное описаніе находится въ книгѣ (напримѣръ, стр. 32, 33, 34 и мн. др.).

Всѣ эти указанія вполнѣ необходимы въ археографическомъ описаніи архивнаго матеріала, потому что облегчаютъ пользованіе имъ. Остается только пожелать, чтобы Виленская археографическая коммиссія, представителями которой ведется „Описаніе“, въ слѣдующихъ выпускахъ исправила эти недостатки,

Обратимся къ „Приложеніямъ“. Сюда вошли отрывки изъ визиты виленскихъ костеловъ за 1828 годъ (стр. 1—8), описаніе домовъ, принадлежавшихъ Виленской капитулѣ въ гор. Вильнѣ за тотъ же годъ (стр. 9—14), визиты архива Виленской капитулы того же года (стр. 15—33), визита епархіальнаго архива 1828 г. (стр. 34—51) и наконецъ извлеченіе изъ протоколовъ Виленской капитулы за время отъ 1501—по 1783 г. (стр. 52—145). Большой интересъ представляютъ описанія архивовъ. Визитаторы архива Виленской капитулы, въ предисловіи къ описанію архива, указываютъ на тотъ глубокій

Библиотека "Руниверс"

интересъ, который преставляютъ документы капитулы. Капитула, во главѣ съ своими епископами, много сдѣлала для распространенія христіанства въ Литвѣ, не разъ помогала народу въ годину народныхъ бѣдствій, заводила школы, изъ среды ея вышло много полезныхъ дѣятелей и пр. (р. 16). Зарегистрованные въ обоихъ визитахъ древнѣйшіе документы отмѣчены на столько подробно, что могутъ служить историческимъ источникомъ, такъ какъ значительная часть ихъ не издана, а, можетъ быть, и совсѣмъ исчезла. Извлеченія изъ протоколовъ капитулы, не смотря на ихъ краткость, позволяютъ заглянуть во внутреннюю жизнь капитулы. Здѣсь помѣщены записи о фундушахъ, которые были даны капитулѣ, о тяжбахъ капитулы съ разными лицами, выборы епископовъ, отчеты о доходахъ, разные споры и сомнѣнія, возникавшія среди членовъ капитулы, и рѣшенія ея по этимъ вопросамъ; въ протоколы занесены откровенныя свѣдѣнія о неудовлетворительномъ состояніи капитульной семинаріи (стр. 122), слѣдствіе надъ ксендзомъ, обвиняющимся во многихъ убійствахъ (стр. 122), о дракѣ епископа съ ксендзомъ на пирушкѣ (стр. 124) и ксендзахъ, посвящающихъ себя наукѣ за границей (стр. 134) и пр.

Вообще выписки изъ протоколовъ Виленской капитулы представляютъ большой интересъ, и нельзя не пожалѣть, что подлинные протоколы до сихъ поръ неизвѣстны наукѣ, если они сохранились гдѣ нибудь.

М. Довнаръ-Запольскій.

Книжныя новости.

Исторія этики въ новой философіи. *Фридриха Іодля*, профессора философіи въ Парижскомъ университетѣ. Томъ первый. До конца восемнадцатаго вѣка (Съ двумя вводными главами о греко-римской и христіанской этикѣ). Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *Владиміра Соловьева*. Изданіе *К. Т. Солдатенкова*. Москва. 1896. XVI + 284 + 70 стр. Цѣна 2 р.—Если не считать неоконченныхъ сочиненій г. Смирнова („Исторія англійской этики". Т. I, англійскіе моралисты XVII вѣка. Казань. 1880 г.) и г. Ланге („Исторія нравственныхъ идей въ XIX вѣка. Т. I. С.-Пб. 1880 г.), то настоящая книга проф. Іодля должна быть названа первою исторіей нравственныхъ ученій, появляющеюся на русскомъ языкѣ. По замѣчанію редактора перевода, достоинствомъ сочиненія Іодля слѣдуетъ признать объективность изложенія и широту проводимыхъ взглядовъ. „Авторъ,—говоритъ г. Соловьевъ,—не высказываетъ никакой предвзятой и исключительной точки зрѣнія, но это отсут-

Библиотека "Руниверс"

ствіе односторонности не превращаетъ его исторію въ простую передачу чужихъ мыслей: напротивъ, онъ такъ глубоко входитъ въ самую сущность нравственной задачи и связанныхъ съ нею принципіальныхъ вопросовъ, что это позволяетъ ему давать наиболѣе вѣрное и интересное освѣщеніе различнымъ этическимъ взглядамъ и ученіямъ, послѣдовательно возникавшимъ по мѣрѣ духовнаго развитія человѣчества". Какъ соединяется у проф. Іодля „*объективность* изложенія" съ „наиболѣе вѣрнымъ и интереснымъ *освѣщеніемъ*" и насколько дѣйствительно *вѣрною* является его оцѣнка этическихъ ученій,— все это удобнѣе будетъ разсмотрѣть по выходѣ въ свѣтъ, въ русскомъ переводѣ, втораго тома настоящей книги. Переводъ не всегда удаченъ, доказательствомъ этого могутъ служить слѣдующія мѣста: „На мѣсто односторонняго интеллектуализма Сократа, который *не былъ преодолѣнъ* и у Платона, Аристотель поставилъ болѣе естественное воззрѣніе и *возстановилъ въ его правѣ* едва замѣченный тѣми важный факторъ нравственной жизни, именно волю" (13); „можно, пожалуй, сказать, что человѣкъ созданъ въ такомъ состояніи, чтобы *нуждаться въ обобществленіи*" (85); „эти свойства могутъ вести свое *происхожденіе только отъ чего-нибудь* такого, что стоитъ надъ природой, *то-есть, въ божественномъ духѣ*" (99); „два противоположныхъ положенія *самымъ рѣзкимъ образомъ стоятъ другъ противъ друга*" (112); „кто можетъ *уйдти отъ того наблюденія*, какъ безпомощно предоставленное самому себѣ чувство" (174); „Вольтеръ и Гельвецій стали *исполнителями умственнаго завѣщанія*, оставленнаго человѣчеству Бэйлемъ" (222); „такъ-называемыя добродѣтели *никогда непрочны*" (232); а Лейбницъ „*глубоко сидитъ* въ теологическихъ предразсудкахъ" (275).

Философскія теченія русской поэзіи. Избранныя стихотворенія и критическія статьи *С. А. Андреевскаго*, *Д. С. Мережковскаго*, *Б. В. Никольскаго*, *П. П. Перцова* и *Вл. С. Соловьева*. Составилъ *П. Перцовъ*. С.-Пб. 1896. 394 стр. Цѣна 2 р.—Въ этомъ сборникѣ предлагается характеристика двѣнадцати русскихъ поэтовъ: Пушкина, Баратынскаго, Кольцова, Лермонтова, Огарева, Тютчева, гр. А. Толстаго, Фета, Полонскаго, Майкова, Апухтина и гр. Голенищева-Кутузова. Статьи о Пушкинѣ, Кольцовѣ и Майковѣ принадлежатъ г. Мережковскому, о Лермонтовѣ и Баратынскомъ—г. Андреевскому, о Тютчевѣ—г. Соловьеву, о Фетѣ—г. Никольскому, а всѣ остальныя—г. Перцову. Составители очерковъ задавались цѣлью „разъяснить и опредѣлить философскія теченія нашей поэзіи", выяснивъ міросозерцаніе избранныхъ ими поэтовъ. Конечно, неравенство силъ участвующихъ въ сборникѣ писателей дало и неровные результаты: въ то время какъ, напримѣръ, г. Соловьевъ даетъ истинно-философскій анализъ поэзіи Тютчева, г. Перцовъ нерѣдко ограничивается, въ своихъ характеристикахъ, довольно общими и неточными фразами; опредѣляя же „философское теченіе" въ произведеніяхъ Полонскаго, онъ прямо замѣчаетъ, что въ нихъ нѣтъ „никакого рѣшенія міровыхъ загадокъ" и что изъ всѣхъ размышленій поэта „не складывается никакого опредѣленнаго міросозерцанія" (стр. 289). Впрочемъ, какъ первая попытка наметить исторію чисто-философскихъ воззрѣній, отразившихся въ нашей поэзіи, настоящій сборникъ заслуживаетъ извѣстнаго вниманія и можетъ послужить удобнымъ поводомъ для общихъ разсужденій о томъ, въ какомъ

Библиотека "Руниверс"

смыслѣ нерѣдко понимаются у насъ слова „философія“ и „философскій“ и какъ вообще слѣдовало бы ихъ понимать, задаваясь цѣлью указывать философскіе элементы въ поэтическихъ сочиненіяхъ.

Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. *Г. Челпанова*, приватъ-доцента при университетѣ Св. Владиміра. Часть I. Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи. Кіевъ. 1896. 385 + XV стр.—Вопросъ о природѣ пространства занимаетъ видное положеніе въ современной психологіи и теоріи познанія, причемъ постоянная связь между теоріями происхожденія представленія пространства и апріорности пространства произвела то, что стали смѣшивать понятіе апріорности въ смыслѣ теоріи познанія съ апріорностью въ смыслѣ психологіи. Это смѣшеніе особенно ясно выступаетъ въ сочиненіяхъ Гельмгольца и другихъ физіологовъ, сближающихъ понятіе апріорности у Канта съ нативизмомъ современной психо-физіологіи. Въ нашей русской философской литературѣ смѣшеніе чисто-психологическихъ теорій пространства съ гносеологическими—тоже не рѣдкость, хотя незаконность этого уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ была отмѣчена проф. А. И. Введенскимъ („Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи“, С.-Пб. 1888, стр. 38) и В. П. Преображевскимъ („Очеркъ теоріи знанія у Шопенгауэра“, 1888). Продолжающіеся споры о природѣ пространства показываютъ, что вообще этотъ вопросъ не совсѣмъ выясненъ. Поэтому г. Челпановъ и рѣшился заново пересмотрѣть главнѣйшіе взгляды на природу пространства и при этомъ вообще указать на отношеніе между теоріей познанія и психологіей. Все изслѣдованіе г. Челпанова расчитано на двѣ части, изъ которыхъ первая посвящена анализу психологическихъ фактовъ и рѣшенію *психологическаго* вопроса о составѣ и возникновеніи представленія пространства, а вторая должна перейдти къ *теоретико-познавательному* вопросу объ апріорности въ связи съ врожденностью пространства. Первая, только что вышедшая, часть распадается на два отдѣла: первый посвященъ обзору теорій пространственнаго качества, а второй—процессу воспріятія пространства. Разсмотрѣвъ классификаціи теорій пространства, предложенныя Гельмгольцемъ, Вундтомъ, Ибергорстомъ, Штумфомъ, Гэмильтономъ и др., и отмѣтивъ ихъ неудобство, г. Челпановъ предлагаетъ свою собственную классификацію, основанную не на принципѣ врожденности (какъ въ общепризнанной классификаціи Вундта и Гельмгольца), а на признакѣ производности. А именно, онъ раздѣляетъ всѣ теоріи пространства на *непроизводныя* (то-есть, нативистическія) и *производныя* (то-есть, генетическія или эмпиристическія), при чемъ въ первымъ относитъ ученіе о пространствѣ Гэмильтона, Геринга, Штумфа и Джэмса, а ко вторымъ—теорію сліянія Гербарта, теорію ассоціаціи Бэна, Милля и Спенсера, теорію локальныхъ знаковъ Лотце и Липпса, теорію синтеза Вундта и *апріористическую теорію Канта*. Причисленіе Канта къ представителямъ теоріи производности пространства г. Челпановъ мотивируетъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, Кантъ „не могъ бы признать непосредственность воспріятія пространственнаго качества, какъ это дѣлаютъ нативисты“ (стр. 9). Въ поясненіе этого, г. Челпановъ указываетъ на отдѣлимость, по ученію Канта, протяженности отъ цвѣта, чего ни въ какомъ случаѣ не могутъ признать нативисты, не-

Библиотека "Руниверс"

рѣдко (какъ, напримѣръ, Штумфъ) прямо оспаривающіе Канта (стр. 94—98). Впрочемъ, надо замѣтить, что подробное разсмотрѣніе априористической теоріи, какъ имѣющей главнымъ образомъ гносеологическое, а не психологическое значеніе, г. Челпановъ откладываетъ до второй части своего труда. Анализъ различныхъ теорій пространства приводитъ автора къ убѣжденію, что всѣ гипотезы, которая служили для доказательства производности пространства, не удовлетворительны: ни ассоціація, ни синтезъ, ни какіе-либо другіе процессы, къ которымъ обыкновенно апеллируется, не въ состояніи доказать того, что представленіе пространства складывается изъ элементовъ, не имѣющихъ въ своемъ содержаніи протяженности (стр. 375). „Если бы,— говоритъ г. Челпановъ,— протяженность могла быть создана изъ того, что не обладаетъ протяженностью, то мы могли бы, по крайней мѣрѣ, мыслить возможность раздѣльнаго воспріятія элементовъ, входящихъ въ составъ представленія пространства. Но мы видѣли, что представить протяженность отдѣльно отъ цвѣта и другихъ содержаній оказывается абсолютно невозможнымъ; также оказалось невозможнымъ доказать *психологически* возможность отдѣлимости цвѣта отъ протяженности, а это значитъ, другими словами, что *цвѣтъ и протяженность по природѣ своей неразрывно другъ съ другомъ связаны*; а это, другими словами, означаетъ, что пространство непроизводно" (стр. 375). Вотъ къ чему, въ общихъ чертахъ, сводится положительная аргументація автора. Что же касается его возраженій представителямъ различныхъ „теорій производности пространства", то они, вкратцѣ, слѣдующія: 1) Гербартіанская теорія слѣпія исходитъ изъ метафизическихъ основаній и, для возникновенія представленія пространства, непремѣнно требуетъ *движенія*, хотя фактически пространство можетъ быть воспринимаемо помимо всякаго движенія (стр. 23 и слѣд.). 2) Англійская ассоціаціонная психологія, признавая самымъ существеннымъ средствомъ воспріятія протяженности мускульное чувство (явленіе послѣдовательное), склонна принимать и самое пространство только какъ быструю послѣдовательность, при чемъ, по ея ученію, послѣдовательный рядъ осязательныхъ и зрительныхъ ощущеній, при повтореніи ихъ, обращеніемъ назадъ превращается въ существующій. Но совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ обращеніе порядка изъ послѣдовательности можетъ создать существованіе (стр. 24—53). 3) Теорія синтеза (представителемъ которой является Вундтъ), помимо того, что не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ самонаблюденіи, противорѣчитъ еще и тому соображенію, что психическій синтезъ долженъ былъ бы *превращать* данныя ощущенія въ нѣчто новое, уже не содержащее указанныхъ элементовъ, а это представляется г. Челпанову совсѣмъ невѣроятнымъ (стр. 377). Но, отрицая производность пространства, необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что же оно такое и въ какомъ отношеніи находится оно къ ощущенію? На этотъ вопросъ г. Челпановъ отвѣчаетъ такъ: „Пространство—такой же *моментъ* ощущенія, какъ и интенсивность. Ощущеніе представляется однимъ содержаніемъ, въ которомъ, путемъ отвлеченія, можно открыть три стороны. Ощущеніе представляетъ изъ себя первоначально одно индифференцированное состояніе, которое впослѣдствіи благодаря спеціальному направленію вниманія, дифференцируется въ различныхъ направленіяхъ (качество, интенсивность, протяженность). Интенсивность и протяженность составляютъ *количественную* сторону

Библиотека "Руниверс"

ощущенія и находятся другъ съ другомъ въ одномъ и томъ же отношеніи къ качеству: онѣ одинаково неразрывно связаны съ качествомъ и безъ него немыслимы" (стр. 379). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, г. Челпановъ примыкаетъ къ теоріи нативизма, хотя его воззрѣнія и не вполнѣ совпадаютъ со взглядами главнѣйшаго представителя этой теоріи, Штумфа: признавая непроизводность пространства, г. Челпановъ, однако, полагаетъ, что теорія локальныхъ знаковъ не только можетъ быть примирена съ нею, но даже играетъ очень важную роль въ объясненіи развитія пространственныхъ представленій.

Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи. Профессора кіевской духовной академіи *П. Линицкаго*. Харьковъ. 1895, 40 стр.—Авторъ опредѣляетъ философію какъ науку о необходимо мыслимомъ, или какъ систему съ логическою необходимостью мыслимыхъ понятій. Слѣдующее затѣмъ изложеніе главныхъ началъ логики, гносеологіи и онтологіи отличается крайнею сжатостью и носитъ по преимуществу, догматическій характеръ. Сравнительно много мѣста удѣляется только полемикѣ съ Кантомъ, при чемъ авторъ, между прочимъ, отвергаетъ взглядъ Канта на категоріи, какъ синтетическія формы разсудка, потому что онѣ не превратимы одна въ другую и не выводимы одна изъ другой, а потому, дескать, и служатъ не къ соединенію, а къ различенію и разграниченію (стр. 10). Какъ и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, проф. Линицкій является представителемъ строгаго теизма.

О познаніи. Профессора Кіевской духовной академіи *П. Линицкаго*. Харьковъ. 1895. 74 стр.—Это сочиненіе раздѣляется на четыре части, посвященныя вопросамъ: о познавательныхъ способностяхъ, о различныхъ направленіяхъ въ гносеологіи, объ априорныхъ началахъ познанія и о началахъ познанія аналитическихъ и синтетическихъ. Главное вниманіе автора обращается на выясненіе самой постановки указанныхъ вопросовъ, равно какъ и исторіи ихъ. Въ общемъ, эту книжку (печатавшуюся ранѣе въ журналѣ „Вѣра и Разумъ"), во многихъ пунктахъ, можно разсматривать какъ дополненіе и поясненіе прежняго труда проф. Линицкаго подъ заглавіемъ: „Пособіе къ изученію вопросовъ философіи" (Элементы философскаго міросозерцанія), Харьковъ, 1892 г.

Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, поступили слѣдующія книги:

— Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.—Изданіе подъ редакціей *К. Я. Грота*, ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Томъ второй.—С.-Пб. 1896.

— *Дьяконовъ, М.*—Бобыли въ XVI и XVII вѣкахъ.—С.-Пб. 1896.

— *Аппельротъ, Вл.*—Древне-греческая религіозная скульптура. (Оттискъ изъ № 4 „Богословскаго Вѣстника" за 1896). Сергіевъ Посадъ. 1896.

— *Гельмгольцъ, Г.*—О взаимодѣйствіи силъ природы. Переводъ съ нѣмецкаго *Я. Самойлова*. (Международная библіотека. Изданіе *І. Юровскаго*, № 40). С.-Пб. 1896.

Библиотека "Руниверс"

— Астраханскій Сборникъ, издаваемый Петровскимъ общество изслѣдователей Астраханскаго края. Выпускъ I.—Съ десятью рисунками, исполненными на средства дѣйствительнаго члена Петровскаго общества Н. И. Артемьева.—Астрахань. 1896.

— Общественныя дѣтскія игры и ихъ воспитательное значеніе (статьи д—ровъ *А. Э. Лазорева* и *И. В. Чешихина* и завѣдующаго кіевскими городскими общественными играми, учителя городскаго училища *Л. В. Гудовича*). Кіевъ. 1896.—Цѣна 25 коп.—Деньги вырученныя отъ продажи этого изданія, пойдутъ на улучшеніе устройства дѣтскихъ игръ въ Кіевѣ.

— *Барщевскій, Вас.* Добрый Сынъ. Эпизодъ изъ жизни Императора Алелександра I, 7-е изд. Кіевъ. 1894. 8°, цѣна 20 коп.

— Сборникъ для полезнаго чтенія. Выпускъ I. Составленъ авторомъ разказа „Добрый Сынъ" изд. 3-е. Кіевъ. 1894. 8°. Цѣна 20 к.

— Изъ актовъ тверскаго отроча монастыря (7059—7146 гг.). Сообщилъ *С. Шумановъ*. Москва. 1896. 8°.

— *Рейнке.* Приходъ и расходъ въ природѣ. Международная библіотека. С.-Пб. Цѣна 15 к. 8°.

— *Ибсенъ.* Собраніе сочиненій, томъ второй С.-Пб. 1896. 8°.

— Публичное собраніе Императорской Академіи Наукъ въ память ея почетнаго члена Дмитрія Александровича Ровинскаго 10-го декабря 1895. С.-Пб.

— *Кольбе, Б. Ю.* Введеніе въ ученіе овъ электричествѣ. II. Динамическое электричество съ 75 рис. С.-Пб. Цѣна 1 р. 40.

— *Алексѣевъ. А. С.* проф. Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. Москва. 1896.

— Cecaumeni strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus ediderunt. *W. Wasiliewsky* et *W. Jernstedt*. Petropoli. 1896.

— Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1896 годъ, книга 2-я, томъ 177-й. I. Матеріалы историческіе. 1- Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря (7051—7146 гг.). Сообщилъ *С. А. Шумаковъ*. 1—18. 2. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ въ XVII вѣкѣ. Сообщилъ *А. А. Титовъ*. 1—45. II. Матеріалы историко-литературные. 1. Письма Павла Іосифа Шафарика. 1—232. III. Матеріалы иностранные. 1. Кажашъ и Тектандеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію (1602—1603 гг.). Переводъ съ нѣмецкаго *А. И. Станкевича*. 1—54. IV. Изслѣдованія. 1. Сильвестръ Медвѣдевъ. Изслѣдованіе *Александра Прозоровскаго*. (Главы 1—3). 1—148. V. Смѣсь. 1. 1506 февраля 11-го. Грамота великаго князя Василія Ивановича Владимирскому Рождественскому монастырю. 1—2.—2. Одна изъ неизданныхъ надписей Троицкой Сергіевой Лавры (Михаила митрополита Сербскаго XVII вѣка) (со со снимкомъ). I. А. 2—5.—3. О блаженномъ Іоаннѣ Большомъ Колпакѣ. 6.—4. Цѣна людей въ

Библиотека "Руниверс"

Россіи сто лѣтъ назадъ. 7—11.—5. 1525 г. іюня 1-го. Грамота митрополита Даніила Всесвятскому игумену Даніилу. 11—12. — 6. 1548 — 1554 гг. Жалованная грамота Спасскому Ярославскому монастырю. 12—16.—7. Купчая 7091 года. 16—19.—8. 1769 г. мая 26-го. Письмо къ князю А. М. Голицыну. съ изъявленіемъ неудовольствія императрицы Екатерины II за бездѣйствіе. 19—22.—9. Собственноручная записка Екатерины II къ гр. Н. Панину о „нетонущемъ морскомъ суднѣ". 22—23.—10 Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. 23—36·

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОТЧЕТЪ КОМАНДИРОВАННАГО ЗА ГРАНИЦУ ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВАСИЛІЯ ИСТРИНА ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1894 ГОДА [1]).

IX. Небогата библіотека русскаго Аѳонскаго Андреевскаго скита, да и многое изъ того, что тамъ находится, совершенно испортилъ покойный архимандритъ Іосифъ, вымазавъ прокипяченнымъ масломъ рукописи и книги, — благо масла было вдоволь: нѣкоторыя рукописи совершенно пропали, особенно бумажныя. Профессоръ Н. Ѳ. Красносельцевъ привелъ въ порядокъ греческій отдѣлъ, выставилъ номера, надписавъ содержаніе и вѣкъ рукописи. Въ сборникѣ № 73, XV вѣка, листы 11 — 15 вписанъ апокрифъ о Соломонѣ. Писецъ былъ очень неграмотенъ и, повидимому, плохо разбиралъ оригиналъ, съ котораго списывалъ, и потому въ неразобранныхъ мѣстахъ оставлялъ пустыя мѣста. Апокрифъ заглавляется: „Ἡ διήγησις [въ рукописи непонятное γη] Σολομῶνος τοῦ υἱοῦ Δαβίδ, ὡς ἐβασίλευσεν ἐν Ἱερουσαλὴμ καὶ ἐκράτησε καὶ ὑπέταξεν καὶ πάντα τὰ ἔργα τοῦ θεοῦ τὰ ὑπερβάλλοντα πεποίηκεν, καὶ τίνες ἐξουσίαι αὐτοῦ κατὰ τῶν ἀνθρώπων, καὶ παρὰ ποίων ἀγγέλων—οὗτοι οἱ δαίμονες — κατεργάζεται. Εὐλογητὸς ἡ κύριε ὁ [δώσας?] τῷ Σολωμῶνι τοιαύτην ἐξουσίαν. σοὶ δόξα καὶ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας ἀμήν. Начинается апокрифъ такимъ образомъ: Καὶ ἰδοῦ οἰκοδομουμένου τοῦ ναοῦ πόλεως Ἱερουσαλὴμ καὶ ἐργαζομένων τῶν τεχνιτῶν ἐν αὐτῷ, ἤρχετο Ὀρνίας τὸ δαιμονικὸν κατὰ ἡλίου δυσμὰς καὶ ἐλάμβανε τὸ ἥμισυ τοῦ μισθοῦ τοῦ πρωτομαϊστόρου, παιδαρίου ὄντος, καὶ τὰ ἥμισυ σιτία καὶ τὸν ἀντίχειρα τῆς δεξιᾶς αὐτοῦ χειρὸς ἐθήλαζεν εἰς ἑκάσ-

[1]) *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

Библиотека "Руниверс"

της ἡμέρας. καὶ ἐλεπτήνετο τὸ παιδί.. Слѣдуетъ пропускъ; въ оригиналѣ разказывалось, какъ отрокъ-мастеръ пришелъ жаловаться Соломону. Далѣе продолжается: отрокъ, придя къ Соломону, сталъ ему жаловаться, что съ наступленіемъ вечера прилетаетъ злой демонъ, отнимаетъ у него половину жалованья и пищи и сосетъ большой палецъ правой руки. И тоскуетъ его душа отъ этого и слабѣетъ его тѣло. Выслушавъ это, Соломонъ пошелъ во храмъ и молился, чтобы Богъ предалъ злого демона въ его руки. И Господь послалъ ему перстень съ печатью изъ драгоцѣннаго камня чрезъ архангела Михаила, который велѣлъ ему носить этотъ перстень, подтвердивъ, что ему будутъ теперь повиноваться всѣ демоны мужского и женскаго пола. Обрадованный Соломонъ возблагодарилъ Бога и на другой день, призвавъ отрока, отдалъ ему перстень и сказалъ: „возьми перстень и, когда придетъ демонъ, положи ему на грудь и скажи— „именемъ Бога зоветъ тебя Соломонъ". Отрокъ взялъ перстень и ушелъ. И вотъ въ свое время пришелъ демонъ, какъ огонь пылающій. Идетъ пропускъ: отрокъ, повидимому, сдѣлалъ, какъ сказалъ Соломонъ, и демонъ сталъ умолять отпустить его; далѣе продолжается: „я дамъ тебѣ все золото земли", говоритъ демонъ: „только отпусти меня". Однако отрокъ повелъ его къ Соломону и, приведя, оставилъ его въ дверяхъ. Демонъ стоялъ, плача и умоляя громкимъ голосомъ. Отрокъ же передалъ Соломону, какъ было дѣло. Соломонъ всталъ съ своего трона. Опять пропускъ, въ которомъ приводилось начало разговора Соломона съ демономъ, продолжающагося такъ: Демонъ говоритъ ему между прочимъ, что онъ можетъ принимать на себя три вида: когда на человѣка находитъ вожделѣніе, демонъ принимаетъ видъ красивой женщины и угнетаетъ его во снѣ; снова дѣлается онъ крылатымъ; является какъ левъ и ему повинуются всѣ демоны; потомокъ онъ одного архангела. Соломонъ послалъ его обтесывать камни для храма. Демонъ просилъ его освободить отъ работы, обѣщая возвѣстить ему πάντα τὰ δαιμόνια. Соломонъ сталъ просить архангела Уріила придти къ нему на помощь. Архангелъ Уріилъ приказалъ демону колоть камни. Соломонъ спрашиваетъ его, какъ демоны могутъ знать будущее, и демонъ говоритъ: „мы, демоны, ходимъ по звѣздамъ небеснымъ и слышимъ опредѣленія, идущія отъ Бога къ ангеламъ о душахъ человѣческихъ; затѣмъ сходимъ въ разныхъ видахъ на землю и, если кто-нибудь умираетъ, мы, демоны, принимаемъ имя умершаго и являемся людямъ". Тогда Соломонъ спросилъ его, какъ они, будучи демонами, могутъ восходить на небеса и находиться среди

Библиотека "Руниверс"

звѣздъ и святыхъ ангеловъ, и демонъ отвѣчалъ; „что дѣлается на небѣ, тому есть и на землѣ соотвѣтствующіе образы; и у насъ демоны раздѣляются на начала, власти, господства и т. п.; мы летаемъ по воздуху и слышимъ голоса небожителей и когда, потерявъ подпору, падаемъ съ неба, какъ листья съ деревьевъ, люди, видя насъ, думаютъ, что это падаютъ звѣзды; мы падаемъ въ видѣ молніи и разрушаемъ города и сожигаемъ поля". Соломонъ приказалъ запереть демона на пять дней. На пятый день пришелъ къ Соломону одинъ старецъ и на вопросъ, почему онъ такой печальный, отвѣчалъ, что уже два дня какъ умеръ его сынъ. Послѣдняя подробность стоитъ въ связи съ ранѣе сдѣланнымъ приказаніемъ Соломона этому старцу привести къ нему сына черезъ три дня. Услыхавъ отъ старца и узнавъ, что правда то, что сказалъ демонъ Ὀρνίας, Соломонъ прославилъ Бога. Ранѣе демонъ предсказалъ Соломону смерть сына этого старца, но въ текстѣ это пропущено. Далѣе идетъ краткое описаніе храма и добавляется, что миръ былъ во всей землѣ царства Соломона. Въ это время прислалъ Соломону аравійскій царь Ἀβάρχης письмо, въ которомъ, восхваливъ мудрость его, извѣстную всему міру, писалъ: ἐν τῇ χώρᾳ τῆς Ἀραβίας ἔρχεταί τις αὔρα ἀνέμου ἕως ὡρῶν γ̄ καὶ ἡ πνοὴ αὐτοῦ δεινὴ καὶ χαλεπὴ καὶ ἀποκτείνει ἀνθρώπους καὶ κτήνη. Далѣе царь жаловался, что они ничего не могутъ подѣлать съ этимъ губительнымъ духомъ и просилъ помощи у Соломона, обѣщая себя, всю землю свою и весь народъ отдать ему въ рабство до самой смерти. Соломонъ доложилъ объ этомъ письмѣ своему народу и велѣлъ черезъ семь дней напомнить о немъ. Храмъ же продолжалъ строиться. Былъ одинъ огромный камень, который должно было помѣстить во главѣ τῆς γονίας, и всѣ мастера и демоны сошлись поднять его. и не могли. Черезъ семь дней Соломонъ вспомнилъ о письмѣ Адаркиса и, призвавъ отрока, велѣлъ осѣдлать верблюда, взять съ собой мѣхъ и идти въ Аравію и при помощи перстня съ печатью привести того ужаснаго духа, о которомъ писалъ аравійскій царь, причемъ приказалъ не прельщаться на золото и серебро, которое будетъ ему указывать тотъ духъ. Отрокъ все такъ и сдѣлалъ, отправился въ Аравію, καὶ ὄρθρου δὲ γενομένου ἀναστὰς ὁ οἰκέτης ἔστη κατενώπιον τοῦ πνεύματος τῆς πνοῆς καὶ ἔθηκεν τὸν ἀσκὸν ἐπὶ τὸ ἔδαφος καὶ τὸ δακτυλίδιον ἐπὶ τὸ στόμα τοῦ ἀσκοῦ καὶ ἐπνευτώθη ὁ ἀσκός. ὁ δὲ παῖς συντόμως ἔδησε τὸ στόμα τοῦ ἀσκοῦ ἐπὶ τὸ ὀνόματι κυρίου Σαβαώθ. Затѣмъ отрокъ привелъ его къ Соломону и положилъ мѣхъ съ духомъ среди храма. Когда на другой день Соломонъ, скорбя все о невозможности под-

Библиотека "Руниверс"

нять камень, пришелъ въ храмъ, то мѣхъ, какъ одушевленный, всталъ, пошелъ къ нему навстрѣчу и поклонился ему. Соломонъ удивился, что связанный въ мѣхѣ духъ можетъ ходить. Онъ приказалъ ему встать и спросилъ, кто онъ; духъ отвѣчалъ, что онъ демонъ называемый Ефиппасъ (Ἐφίππας). На вопросъ Соломона, что онъ можетъ сдѣлать, демонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ разрушить царскіе дворцы, вырвать съ корнемъ деревья. Соломонъ спросилъ его, можетъ ли онъ положить камень на уголъ и демонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ взять его, бросить въ Черное море, по которому ходитъ другой демонъ, и снова положить въ Іерусалимѣ, гдѣ желательно. Тогда Соломонъ приказалъ ему положить камень на вершину входа въ храмъ, ὁ δὲ ἀσκὸς ἐγένετο ὡσεὶ ἐκφυσηθεὶς καὶ διέζωσεν ἑαυτὸν καὶ ἐπῆρε τὸν λίθον ἐπάνω τοῦ ἀσκοῦ καὶ ἀνῆλθεν ὁ ἀσκὸς τὰς σκάλας βαστάζων τὸν λίθον καὶ ἔθηκεν αὐτὸν εἰς τὴν ἄκραν τῆς εἰσόδου τοῦ ναοῦ. Слѣдуетъ пропускъ, такъ какъ продолжается, что Ефиппасъ, уйдя, привелъ другаго демона изъ Аравіи. Они неслись такъ сильно, что можно было опасаться, что они разрушатъ всѣ жилища. Соломонъ приказалъ остановиться, стать передъ нимъ и спросилъ другаго демона изъ Чернаго моря, кто онъ. Демонъ отвѣчалъ, что онъ называется Ἀβεζεβιθοῦ, что онъ есть тотъ самый, который ожесточалъ сердце Фараона, когда пришелъ къ нему Моисей, и тотъ самый, котораго призывали Ἰαννῆς καὶ Ἰαμβρῆς, состязавшіеся съ Моисеемъ въ чудесахъ. На вопросъ Соломона, какъ онъ попалъ въ Черное море, демонъ отвѣчалъ, что онъ возбудилъ Фараона и слугъ его преслѣдовать израильтянъ, что онъ находился во время преслѣдованія вмѣстѣ съ Фараономъ и, когда вода покрыла все войско египетское, онъ остался подъ волнами до того времени, когда пришелъ Ефиппасъ и взялъ его оттуда и привелъ сюда. Тогда по требованію Соломона демоны дали клятву: ζῇ κύριος ὁ θεὸς, ὃς παρέδωκεν ἡμᾶς ὑποχειρίους σου. οὐ μὴ ἀποθώμεθα τὸ στύλον τοῦτον ἐπὶ γῆς ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος. εἰς δ' ἂν ἡμέραν πεσεῖ ὁ λίθος οὗτος, τότε ἔσται ἡ συντελεία τοῦ αἰῶνος. Этимъ кончается дѣло Соломона съ демонами. Затѣмъ говорится, что Соломонъ построилъ храмъ и въ царствѣ его былъ міръ и тишина. Но затѣмъ онъ набралъ себѣ женъ безъ числа и пожелалъ взять себѣ въ жены одну дѣвицу изъ евусеевъ. Но священники сказали ему: „если ты любишь дѣвицу, то приди поклонись богамъ нашимъ Рафану и Молоху и тогда возьми ее“. Соломонъ отказался было сначала это сдѣлать, „но уязвленный стрѣлой любви къ дѣвицѣ“, согласился. Лишь только онъ это сдѣлалъ, какъ тотчасъ

Библиотека "Руниверс"

отступилъ отъ него святой духъ и вся слава и мудрость, и онъ сдѣлался слабымъ и принужденъ былъ построить храмъ языческимъ богамъ. И отступила отъ него слава Бога.—Въ подробномъ видѣ данный апокрифъ напечатанъ между сочиненіями Пселла въ Патрологіи Миня, ser. gr. 122. Отрывокъ изъ него находится въ cod. Parisiensis du supplem. gr. № 500 л. 78—82 и въ библіотекѣ аѳонскаго монастыря Діонисіата, № 132, л. 367 — 374. Въ послѣднемъ спискѣ апокрифъ начинается разказомъ о грѣхопаденіи Давида и о рожденіи Соломона и затѣмъ переходитъ къ разказу о построеніи храма. Разказъ краткій и заключаетъ кое что такого, чего нѣтъ въ спискахъ Андреевскомъ и Парижскомъ, но что есть у Пселла. Очевидно, была полная редакція апокрифа и нѣсколько краткихъ.

Я выше упомянулъ, что многія рукописи испорчены отъ излишней заботливости объ ихъ сохраненіи. Упомяну здѣсь кстати о подобномъ же случаѣ. Важнѣйшій памятникъ, собственноручный типикъ св. Саввы, хранящійся въ церкви, выстроенной на мѣстѣ келіи Саввы (типикарница, въ Карѣе) написанъ на пергаменномъ столбцѣ, который отъ времени, разумѣется, мѣстами попортился. Какой-то калугеръ-рачитель, уже теперь умершій, вздумалъ исправить неровности, и смочилъ водою обратную сторону свитка. Въ результатѣ получилось то, что пергаменъ еще болѣе съежился, чернила расплылись, а самыя буквы уменьшились, такъ что теперь читать его довольно затруднительно. Къ счастію, онъ сдѣлалъ эту пробу только на $^1/_3$ свитка. Испугавшись, что свитокъ пропадаетъ, онъ, чтобы удержать отъ дальнѣйшаго съеживанія, налѣпилъ на его другой пергаменъ, вырвавъ, вѣроятно, послѣдній изъ какой-нибудь рукописи.

X. Несмотря на особенную любовь нашихъ предковъ къ твореніямъ Іоанна Златоуста, у насъ не пользовались извѣстностью его „Бесѣды на книгу бытія“. Въ собраніяхъ рукописей совсѣмъ не встрѣчаются эти бесѣды. Въ началѣ XVII вѣка „Бесѣды“ были присланы съ Аѳона, какъ значится въ спискѣ Синодальной Библіотеки № 61. Переводъ сдѣланъ въ первой половинѣ XV вѣка (Опис. рук. Син. Библ., II—1, стр. 50). Въ Хиландарскомъ монастырѣ находятся два списка „Бесѣдъ“ подъ именемъ Шестодневника Златоуста, №№ 414 и 337, оба текста XVII вѣка. Въ концѣ списка № 414 запись: „Сіа̀ кнѝга шестодне̑вни̑ Златоу́стꙋ̑ писасе бл҃гочт҃но̑ѭ ѝ хр҃столю́бивомꙋ́ гн҃ꙋ́ Гръ́гꙋрꙋ́ сн҃ꙋ́ бл҃гочт҃но́гѡ ѝ хр҃столю́бивааго гн҃а деспота Гю́ргꙋа въ похвалꙋ́ бж҃ію цр҃кваꙋ ѝ въ по̀лзꙋ́ на́шиѭ дш҃ѧ. писа Стѣпа̀ ддіакь. ѝз однога ѝзвода писа̀ а ѝз дрꙋ́гога послѣдовахь“.

Библиотека "Руниверс"

Послѣдняя замѣтка относится къ дополненіямъ на поляхъ, какъ напримѣръ, противъ текста (въ началѣ 2-й бесѣды),— „не свободнымь нь и рабомь не мужемь нь и женамь и что гл҃ю начелствоующимь и простымь“—противъ этого на поляхъ добавлено (съ замѣткой послѣ слова „женахь“) — „не богатїн҃ но́ и нищій, не є҆лінскꙋ ꙗзика наказанный нб҃ и варварꙑ҃“. Переводъ въ этихъ двухъ спискахъ тотъ самый, что и въ Синодальномъ, что можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія:

Хиланд. № 414 (не нумерованъ):

Въ начѣ(л)ѡ съ҃зданіа. в началѣ сътвори бг҃ нб҃о и землю. Мнѡгыѥ дн҃ь и҆сплънѧюсе сладосты зре ваша въжелѣннаа лица. не бо тако ѡ҆ци любочедніи рад҃ютсе и веселетсе дѣтемь ихь ѡ҃ въсоудоу ѡкр҃ть ѡбходещіимь и ради и҆ного бл҃гоукрашеніа и дроугаго ꙋпокоеніа многоую сладость подающіимь, ꙗкоже а҆зь нн҃ѣ рад҃ююсе и веселюсе зре ваше дх҃овное събраніе. съ толикимь бл҃гоꙋкрашеніемь з҃е пришьшіимь и ю҆ношьскоую любовь и҆моущіихь о҆ оуслышаніи бж҃твьный҃ словесь.

Синод. Библ., л. 7-й:

Въ начѣ́ло създа́ніа. вь началѣ сътвори бг҃ нб҃о и҆ землю. Мнѡ́гыѥ дн҃ь и҆спльнѧюсе сладо́сти, зрѣ ваша вьжделѣ́ннаа ли́ца. не бѡ́ тако ѡ҃ци любочѣ́дніи рад҃ютсе и҆ веселетсе, дѣтемь и҆хь ѡ҃въсоудꙋ ѡкрьсть о҆бхо́дещіимь. и҆ ради иного бл҃гоокраше́ніа и҆ дроу́гаго оу҆покое́ніа, мно́гꙋю сладость подаю́щимь. ꙗкоже а҆зь нн҃ѣ рад҃ююсе и҆ веселюсе зрѣ ва́ше дх҃о́вное събра́ніе сь толи́кымь бл҃гоокраше́ніемь здѣ́ пришьшихь и҆ ю҆ношьскꙋ́ лю́бовь и҆моущꙋ́ о҆ оу҆слышаніи бж҃твны҃ словѣ́сь.

Въ Зографскомъ монастырѣ рукопись № 71, въ листъ, XV вѣка, содержитъ первыхъ 16 бесѣдъ Златоуста на книгу Бытія другаго перевода, нежели какой даютъ намъ списки Синодальный и Хиландарскій, сербско-болгарской редакціи. Для примѣра я приведу начало той же второй бесѣды, листъ 6: Вь начало твари. изконн сътвори бг҃ нб҃о и зема. Бесѣда в҃. Многож днѣ҃ изпльнѣаса сладостиа зра ваша лица. ибо не тако ѡ҃ци любопо҃бнии рад҃ютса и веселатса дѣтеи свои҃ вьсеж обходащи҃ и и҆нѣмь бл҃гоокрашениемь и҆ инѣмь оугожденіемь многж сладость подаважть, ꙗкоже азь нинѣ рад҃ю(са) и веселаса зра ваш дх҃вныи сьи сьборь сь толицѣмь бл҃гоокрашениемь здѣ пришедшіи҃ юностнаж любовь имащж ѡ҃ слышаніи҃ бе҃ствьныхь словесь. и пльтскыа пищж прѣзрѣвшихь и кь дх҃овнꙋ ѡбѣдꙋ граджщж и ради того дѣлесе гн҃ѣго словесе показꙋ҃ще... Изъ другихъ мѣстъ еще яснѣе выступаютъ особенности

Библиотека "Руниверс"

особаго перевода. То мѣсто, которое въ Хиландарскомъ спискѣ имѣетъ на поляхъ добавленіе (см. выше), въ Зографскомъ читается такъ: „не началнымь тькмо нѫ и грѫбыимь, ие свободныимь нѫ и рабомь, не мѫжемь нѫ и женамь не богатыимь нѫ и нищымь, не еже милостивно азычнѣ наказаныимь нѫ и ташко глнымь, и что гл҃а кназа и грѫбла“... Отсюда видно, что тотъ другой изводъ, изъ котораго писецъ Хиландарскаго списка „послѣдова“, не соотвѣтствовалъ Зографскому переводу, а былъ того же перевода, что и дополняемый списокъ. Въ хронографѣ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Шестодневѣ я встрѣтилъ заимствованія изъ означенныхъ бесѣдъ Іоанна Златоуста: Шестодневъ Архивскаго хронографа составленъ изъ соединенія выдержекъ изъ Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго и изъ отрывковъ изъ Шестоднева Златоуста, причемъ редакторъ хронографа бралъ все уже изъ готоваго перевода. Такъ какъ оригиналъ Архивскаго хронографа восходитъ къ половинѣ XIII вѣка (см. мое изслѣдованіе объ Александріи), то, слѣдовательно, въ XIII вѣкѣ существовалъ у насъ переводъ бесѣдъ Златоуста на книгу Бытія, хотя нельзя съ положительностью сказать,—въ полномъ-ли видѣ или только шестодневъ. Къ сожалѣнію, я не имѣю сейчасъ подъ руками выдержекъ изъ Архивскаго хронографа, и потому не имѣю возможности сказать что-либо объ отношеніи его текста къ тексту Зографскому. Очень можетъ быть, что въ Архивскомъ хронографѣ сохранились отрывки того же самаго перевода, что и въ Зографскомъ спискѣ. Языкъ же Зографскаго списка представляетъ не мало свидѣтельствъ за старое время перевода.

XI. Заговоривъ выше о Соломонѣ и заканчивая рѣчь о Зографской библіотекѣ, приведу еще одинъ отрывокъ изъ рукописи Зографскаго монастыря, № 130, XVII вѣка, представляющей библейскую исторію съ сокращеніями и съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ источниковъ, между прочимъ, изъ Іосифа Флавія. Отрывокъ этотъ о Соломонѣ слѣдующій, листъ 64: „Написа же и силоу и ползу бы-лїи всѣ, начнъ ѿ кѣра написовати да҃ до ѹссѡпа и҃ вь стѣнѣ. сказа же писанїе҃ и о ҁествѣ животны҃ четврѣнѡгы҃ же и парещй и ѡ рыбѣ҃ ѩзобрѣте. и҃ написа и прѣмѹдри. изобрѣте же и҃ словеса нѣкаа, и҃ нарицаѭтсе ҁмподи и ѿгонѣ҃ бѣсы, ѡставй клѣтвы, и҃ гл҃юсе запрѣщенїа и прогонѧютсе сими бѣсове. видѣв же сіа҃ Іѡсй исповѣда на҃ гл҃к: „ѿ рода моҁ нѣкто ҃Елеазаръ имѣҁ пръстень и по҃ каменѣ҃, и҃ бѣ вь пръстени, бѣ҃ кѡреніе ѿ былїи, иже повѣдалъ бѣ Соломѹ҃. и бѣснѹѥмѹ҃ поставлмхѹ҃ пръстенъ съ҃ въ нѡзри и҃ ѩбіе исхожаше из

Библиотека "Руниверс"

нкго бѣ. вѣше бо и и запрѣщеніа, гл҃ глаше на҃ бѣснующійсе и ктомꙋ не възвращашѣ бѣ. Ἐλεάζαρ же, хоте ꙗвити ѷстинꙋ, наліа чашꙋ воды прѣ прѣ и приведоше бѣснꙋѣма и ѷзгна бѣса и гл҃а бѣсъ ѷзыдѣшꙋ: „пролѣи чашꙋ сію“. и проліа водꙋ бѣ. и никтоже видѣ. кто проліа водꙋ, всѣ҃ зрещи҃“.

XII. Въ нашей литературѣ извѣстна была повѣсть Архиппа пустынножителя подъ заглавіемъ „Повѣсть ѿкровенія препо҃бнаго ѿц҃а нашѣ҃ Архиппа поустынножителя и поломоняря всесвятаго и чт҃наго храма архангг҃ла Михаила иже в҃ Хонѣхъ“.—Начало.—„Нячяло исцѣленіа даровъ данный҃ намь Бг҃омъ бл҃годатью и дръзновеніѣ҃ Михаила архистратига“, см. Описаніе рукописей Соловецкой Библіотеки, I. 672, № 369. Въ Ватопедскомъ монастырѣ въ двухъ сборникахъ, №№ 36 и 37, находится греческій текстъ этой повѣсти съ нѣсколько уклоняющимся заглавіемъ — Διήγησις καὶ ἀποκάλυψις τοῦ ἀρχαγγέλου Μιχαὴλ καὶ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀρχίππου. Отличіе въ заглавіи можно вмѣнить и греческому оригиналу. Начало повѣсти совпадаетъ съ славянскимъ текстомъ, но насколько она вообще соотвѣтствуетъ послѣднему, судить не могу, за неимѣніемъ подъ рукою славянскаго текста повѣсти. Приведу ея начало по списку № 37, XV вѣка, листъ 9... Ἡ ἀρχὴ τῶν θαυμάτων καὶ δωρεῶν καὶ χαρισμάτων τῶν δοθέντων ἡμῖν ὑπὸ τοῦ θεοῦ διὰ τῆς χάριτος καὶ παῤῥησίας τοῦ ἀρχιστρατήγου Μιχαὴλ. ἐξ ἀρχῆς ἐκηρύχθη ὑπὸ τῶν ἁγίων ἀποστόλων Φιλίππου καὶ Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου. (Ἰωάννης) ἀπὸ Ἐφέσου ἀνῆλθεν εἰς ἱερὰν πόλιν πρὸς τὸν ἅγιον Φίλιππον. ἦν γὰρ καὶ αὐτὸς πολεμῶν μετὰ τῆς ἐχίδνης. καὶ ἀσπασάμενοι ἀλλήλους, λέγει αὐτῷ ὁ ἅγιος Φίλιππος· τί ποιήσωμεν, ἄδελφε Ἰωάννης, ὅτι οὖ(ν) δυναμένην ἀκάθαρτον καὶ μικρὰν ἔχιδναν ἐκριζῶσαι ἐκ τῆς πόλεως ταύτης. ἦν γὰρ αὐτὴ ἡ μιαρὰ καὶ ὀλεθρία ἔχιδνα, ἀπὸ πάντων τῶν ἑρπετῶν ἀκαθάρτων πρώτη. ἦν καὶ περιεχζωσμένος ἡ ὡσφὴ αὐτῆς ὄφιν κατὰ παντὸς τοῦ σώματος καὶ δράκων κύκλου τοῦ τραχήλου αὐτῆς. καὶ ἦν ἐπισταμένη ἐπάνω δύο δρακόντων καὶ κύκλῳ αὐτῆς πᾶν ἑρπετὸν ἀκάθαρτον. καὶ ἁπλῶς ἦν ὡς βασίλισσα ἐστολισμένη. καὶ οἱ Ἕλληνες εἶχον αὐτὴν ὡς θεὰν μεγάλην. καὶ πάντες προσεκύνουν αὐτὴν καὶ ἔθυον. καὶ πολλάκις καθεζομένου τοῦ ἁγίου Φιλίππου καὶ διδάσκοντος, ἐπέτρεπαν τὰ ἕρπετα ἐπάνω τοῦ ἁγίου Φιλίππου ἐπιδραμεῖν τοῦ ἀποκτεῖναι αὐτὸν καὶ ἔλεγον πρὸς αὐτόν· ἔξελθε Φίλιππε ἐκ τῆς πόλεως ταύτης, πρὶν σε κακῶς ἀπολέσωμεν. καὶ ἦν ὁ ἅγιος Φίλιππος κηρύσσων τὸν λόγον τῆς ἀληθείας. καὶ ποιήσαντες προσευχὴν οἱ ἀπόστολοι ἀπεδίωξαν καὶ ταύτην ἀπὸ τῆς ἱερᾶς πόλεως..; ср. *Bonnet*, Narratio de miraculo a Michaele archangelo Chonis patrato adjecto Symeonis Metaphrastae de eadem re libello. Paris. 1890.

Библиотека "Руниверс"

Въ томъ же сборникѣ № 36 находится—л. 1—8 Ἀνάφορα Πιλάτου, 21—28 Евангеліе Ѳомы и 45—55 Плачъ Іереміи; послѣдній апокрифъ даетъ тотъ же текстъ, что и въ сборникѣ Васильева. Евангеліе Ѳомы не кончено, оканчивается оно 16-й главой по изданію Тишендорфа. На греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, существуютъ двѣ редакціи, на славянскомъ тоже: извѣстно два напечатанныхъ сербскихъ списка—въ Опис. рук. Хлудова 320—821 и въ Starinach VIII; изъ русскихъ списковъ извѣстенъ списокъ Румянцевскаго Музея. Ватопедскій списокъ даетъ первую редакцію, отличаясь иногда отъ нея въ незначительныхъ выраженіяхъ и приближаясь ко второй. Приведу начало:

Ἱστορικη καὶ μερικὴ ϑαυμάτων διήγησις Θωμᾶ Ἰσραηλιτοῦ καὶ φιλοσόφου εἰς τὰ παιδικὰ καὶ μεγαλεῖα αὐτοῦ κυρίου ἡμῶν Χριστοῦ. Заглавіе отличается нѣсколько отъ всѣхъ списковъ, указанныхъ Тишендорфомъ: — I. Ἀναγκαῖον διηγήσω ἐγὼ Θωμᾶ Ἰσραηλίτης πᾶσι τοῖς ἐξ ἐθνῶν ἀδελφοῖς γνωρίσαι [ϑέλω] καὶ παιδικὰ καὶ μεγαλεῖα ὅσα ἐποίησεν ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, γεννηϑεὶς ἐν τῇ χώρᾳ ἡμῶν Βηθλεὲμ ἐκ χώρας Ναζαρέτ. II. ὧν ἡ ἀρχή ἐστιν, τὸ δὲ παδίον Ἰησοῦς πεντaέτης γενόμενος βροχῆς γενομένης ἔπαιζεν ἐπὶ διάβασιν ῥύακος καὶ τὰ καταρέοντα ὕδατα παρασυνήγαγεν εἰς λάκκους καὶ ἐποίει αὐτὰ εὐθέως καϑαρὰ καὶ ἀναιρετὰ λόγῳ μόνῳ. Первая глава ближе къ Парижскому и Вѣнскому спискамъ, чѣмъ къ Дрезденскому и Боннскому. Ни въ одномъ не упоминается страна Назаретская, но во второй редакціи есть Назаретъ, но нѣтъ Виѳлеема. Необходимо для точнаго опредѣленія славянскихъ редакцій дополнить новыми списками изданіе Тишендорфа, такъ какъ слав. тексты даютъ два перевода, оригиналы которыхъ не совпадаютъ ни съ однимъ изъ изданныхъ греческихъ, напр. *Хлудова*: Азь Ѳома Іс҃льтѣнинь избраннѣ вьзвѣстихъ вамь всѣмь вь градѣ Іер҃лимѣ еже твораше г҃ь нашь і҃с хс҃ знамениа и чюдеса рожьшсе въ градѣ жидовцѣмь Виѳлеѡмѣ въ градѣ *Назарьте* бѣше же в҃чьстви томь шточе пр҃іимь лѣтомь и дьжевомь бывшимь играше шточе і҃с вь мимотекоущихь рѣчицахь дьжевний и потекоше води моутны и собираше і҃с вь веркови и твораше ихь чисти словомь тькмо а не дѣломь". Изданный въ Starinach текстъ въ данномъ случаѣ ближе нѣсколько къ греческому, но напр. имѣетъ дополненіе—шть дѣвы Маріѥ,—хотя начинается—възвѣстихъ вьсѣмь оть ꙗзыкь братиѥ видѣти дѣтьство=греческ. оригиналу.

XIII. Въ Ватопедѣ находится нѣсколько списковъ Пчелы. Обширныя указанія на греческіе списки Пчелы сдѣланы Михайловымъ въ

Библиотека "Руниверс"

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1893, январь. Въ Ватопедѣ я встрѣтилъ двѣ рукописи Пчелы, обѣ XII—XIII вѣка, №№ 35 и 36. Въ спискѣ № 35 Пчела занимаетъ листы 1—138 и раздѣляется на 101 главу. Для примѣра приведу начало одной главы. Περὶ τῶν ἀποδεχομένων τὰ ἀγαθά. „Παροιμία". Τοὺς σοφοὺς καὶ συνετοὺς φαύλους καλοῦσιν. ἄνδρες αἱμάτων μέτοχοι μισήσουσιν ὅσιον, ὃς δίκαιον κρίνει τὸν ἄδικον, ἄδικον δὲ τὸν δίκαιον. ἀκάθαρτος καὶ βδελυκτὸς παρὰ κυρίῳ ὁ εἰπὼν τὸν 'ασεβῆ δίκαιός ἐστιν. ἐπικαταρατὸς λαοῖς ἔσται καὶ μισητὸς εἰς ἔθνη.

Οἱ εὐφραινόμενοι ἐπὶ κακοῖς καὶ χαίροντες ἐπὶ διαστροφῇ κακῇ, ὧν αἱ τρίβοι σκολιαὶ καὶ καμπύλαι οἱ τροχίαι αὐτῶν τοῦ μακράν σε ποιῆσαι ἀπὸ ὁδοῦ εὐθείας καὶ ἀλλότριον τῆς δικαίας γνώμης.

Περὶ Ἡσαίου. Οὐαὶ οἱ λέγοντες τὸ πονηρὸν καλὸν καὶ τὸ καλὸν πονηρόν, οἱ τεθέντες τὸ πικρὸν γλυκὺ καὶ τὸ γλυκὺ πικρόν, ἀναμέσον ἁγίου καὶ βεβήλου διέστελλον καὶ ἀναμέσον ἀκαθάρτου καὶ καθαροῦ οὐ διέστελλον.

Послѣдняя глава озаглавливается: περὶ ὑπερηφανῶν καὶ ἀλαζόνων.

Примѣръ Пчелы № 36. Περὶ δικαιοσύνης.

τοῦ εὐαγγελίου. Μακάριοι οἱ πεινῶντες καὶ διψῶντες τὴν δικαιοσύνην, ὅτι αὐτοὶ χορτασθήσονται.

τοῦ ἀποστόλου. Οὐκ οἴδατε ὅτι ᾧ παριστάνετε ἑαυτῶν δούλων εἰς ὑπακοὴν δοῦλοι ἐστὲ ᾧ ὑπακούετε. ἢ ἤτοι ἁμαρτίας εἰς θάνατον ἢ ὑπακοῆς εἰς δικαιοσύνην.

Σολομῶνος. Ὁ ὁρύσσων βόθρον τῷ πλησίῳ ἐμπεσεῖται εἰς αὐτόν. ὁ δὲ κυλίων λίθον ἐφ' ἑαυτὸν κυλίει. ζύγια δίκαια καὶ μέτρα δίκαια καὶ χοῦς δίκαιος ἔσται ὑμῖν κρεῖσσον μετὰ δικαιοσύνης ἢ πολλὰ γεννήματα μετὰ ἀδικίας.

XIV. Рукописный отдѣлъ Софійской библіотеки, въ Болгаріи, будучи значителенъ по числу рукописей, незначителенъ въ области литературы и исторіи. Всѣхъ рукописей значилось 209, а въ день отъѣзда моего изъ Софіи была пріобрѣтена еще коллекція рукописей, числомъ 15—20, отъ одного румынскаго монаха, но всѣ онѣ—старыя и новыя—исключительно богослужебнаго характера и притомъ поздняго времени. Среди нихъ я замѣтилъ между прочимъ Сказаніе о Соломонѣ и Кипрскомъ царѣ, (№ 80), то сказаніе, которое читается въ сборникѣ Бѣлградской Народной Биб., № 104 (см. ниже). Въ рукописи № 68, конца XVI вѣка, читается „Сло́во прѣмоудраго Акура како оучаше сна своего сестричища Анадана". Начало его: „Синагрипь цр҃ь великы въ та҃ врѣмена азь Акуріе книжникь бѣ҃. и ре҃нно ми бы҃ ѿ ба҃ чеда не имати, имѣніа же имѣ́ паче вьсѣ҃ чл҃кь и поѯ҃ женѹ҃ и сотвори҃ь дш҃ и жи҃ о҃ лѣ҃ и не бы҃ ми чеда и созида҃

Библиотека "Руниверс"

храмъ бжіи и огнь вьзыма и кадѣ съ блгооуханіемь и рѣ: „гі бе мои, аще пріидеть прѣставленіє мнѣ и не боудеть ми наслѣдника и рекоу людіе: „Акурь праведни можь и бу съ праздою сложаше, прѣстависе и не обрѣтесе можскыи поль, єже да постоить на гробѣ его, и дѣичьскыи поль, да оплачеть єго". и рекоше ми людіе: „мліисе бу", и рѣ тако: „гі бе мои, даи ми моужьскы поль или женскыи, да егда прѣставлюсе, да бы всипаль прьсть на очію моєю", и гъ послоуша млѣніе мое и гла ми пріиде гіе: „ѡ Акуріе, въса ти прошеніе сътвороу, а еже ѡ чѣ твоемь, не проси оу мене, оу тебѣ е сестрічищь Анадань и того возми въ место сна"...—Русская сказка объ Акирѣ представляетъ двѣ редакціи—въ одной рѣчь идетъ отъ имени Акира; таковъ старѣйшій списокъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, XV вѣка, новгородскаго происхожденія; таковъ же былъ въ погибшемъ сборникѣ Мусина-Пушкина. Въ другой редакціи разказъ идетъ въ повѣствовательной формѣ: по двумъ спискамъ такой редакціи сказка напечатана въ Памятникахъ старин. русск. литер. вып. II. Софійскій списокъ представляетъ намъ первую, древнѣйшую редакцію, и при плохомъ состояніи списка Общ. Ист. и Древн., очень важенъ. Сказка объ Акирѣ Премудромъ еще ждетъ своего изслѣдователя.

Въ сборникѣ № 45, 17—18 вѣка, лист. 9, Повѣсть объ Іереміи= Тихонрав. Памятн. I. 273—284. „Хощу сказати, како плака пророкъ Иеремия запустеніе града Иерусалима и како спа Авемелехъ. Иеремія (въ рук. Иерусалими) пророкъ бе же ѡ село Анаѳотъ и много прорече ради Иерусалима и Вавилона и ради воплощенія христова"... Повѣсть не кончена.

Въ сборникѣ № 152, 16 вѣка, лист. 164 читается „Мжченіе и страніе иже въ стыхъ ѡца нашего сщенномчника Упатіа"=Памятн. Отреч. лит. II. Начало: „Въ врѣмена ѡна прѣтвоужщоу Ѳелкіона въ Візантіи, съдръжаше іоудеиская и идолослоуженіе по всѣкыхъ градѣхъ и странахъ. бѣше же въ градѣ глемѣмъ Гангрѣ благочестивъ мжъ и православенъ, ємоуже има Ипатіє, бѣше же архіепкоупъ тогожде града, имѣж съ собоѭ сщенникы седмъдесатъ и патъ. бѣше же тъ по вса дни поучаа въса люди и гла. братіе моа и чяда, мола ва и наказоуж, цркважъ бѣсовскымъ и жртвамъ не покланѣитеса"... Списокъ болгарской рецензіи.

Кстати упомяну и о Филиппополѣ. Такъ какъ Филиппопольская библіотека уже совсѣмъ новая, то, конечно, и требовать ничего отъ нея нельзя. Въ ней также есть нѣсколько рукописей, но всѣ онѣ

Библиотека "Руниверс"

позднія и богослужебнаго характера. Въ одной рукоп. № 41 я замѣтилъ извѣстное преніе Ервана съ христіаниномъ. Всѣ богослужебныя книги въ Софійской и Филиппопольской библіотекахъ сербской рецензіи.

XV. Въ Бѣлградской Народной Библ. среди другихъ находится одинъ большой сборникъ XV вѣка, № 104. Онъ состоитъ изъ многихъ бумажныхъ тетрадокъ, изъ которыхъ каждая вшита въ пергаменную обложку, такъ что во всемъ сборникѣ періодически попадаются по два пергаменныхъ листка. Сборникъ содержитъ нѣкоторое количество апокрифовъ, между прочимъ и объ Авраамѣ. Такихъ апокрифовъ три: 1) Слово праведнаго Авраама ѡ вьсеи житии ѥго, 2) Сл҃о како с҃тыи троица пр҃иде въ домь Аураа҃мъ и 3) се ѥ҃ за Исака. Первый апокрифъ состоитъ изъ двухъ частей и въ той и другой части сходится съ изданнымъ г. Начовымъ въ Болгарскомъ Сборникѣ Мин. Нар. Пр., VIII—X по такъ называемой Тиквешской рукописи. Но при сходствѣ въ общемъ содержаніи, онъ настолько отличается отъ послѣдняго по нѣкоторымъ частностямъ, иногда и существеннымъ, что едва ли возможно ставить ихъ въ непосредственную связь, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не найдутся средніе списки между ними, которые дадутъ возможность установить генеалогію. На общее происхожденіе могло бы указывать совпаденіе въ словѣ—Б. „съ рофею“, Т. „со ро҃рфе҃ѡ҃=μετὰ ῥομφαίας, или напр. одно испорченное мѣсто въ Тикв. рук. но сохранившееся въ Бѣл.—VII: „не тако с҃ѣоу мои въ нещо в... ѥ҃си. аврамь не҃чта ѥза ѡбрѣла ѥ(ю) ѥ҃“ въ Бѣлг. — „нѣкоѥ ѥза пришла ѥ҃ с҃ѣоу моѥмоу, или въ нѣща вьпаль ѥ҃.“ Все остальное указываетъ только на общіе греческіе оригиналы, которые и должны между собою сопоставляться. Кругъ сказаній объ Авраамѣ очень обширенъ и еще недостаточно изслѣдованъ. Главная причина тому отсутствіе пока на лицо греческихъ оригиналовъ славянскихъ сказаній. Такъ неизвѣстенъ еще оригиналъ „Откровенія Авраама“, неизвѣстенъ оригиналъ и разсматриваемаго сказанія. Что оригиналы обоихъ разматриваемыхъ сказаній находились въ связи между собой, то-есть, вышли изъ одного источника, указываютъ напр. слѣдующіе два примѣра:

I. *Бѣлградскій спис.* ѝ паки вьзьмь Аураамь богы и вьзложи на ж҃рѣбе ѡсльѥ и понесь въ градь продати ихь. и вьниде вь каль

Тиквешскій спис. ѠЩь... даде ѥмоу ѡ҃сле ѝ вьзет бг҃ови да продават ѝ по хори и градѣ. видѣ Аврака҃ль вели҃. ѝ вьгна ѡ҃сле и рѣ҃:

Библиотека "Руниверс"

велеи и рѣ: „аще ви бози ѥсте, сьблюдѣте ѡсле, да не оуглебить каль". и вьлѣзе ѡсле и оуглебе въ калѣ. Аураамь рѣ: „вы аще добри бови бысте были, да и себѣ бысте сьхранили. воистиноу выѥ ѥсте злы бози и зло хощете имѣти". и разби ихь и вьзвратисе ко ѡцоу своѥмоу и рѣ: „воистиноу си бози зли соуть и выѥ злы ѥсте вѣроующе въ нихь". Аураамь шьдь на страну...

„аще истини ѥсте бговѣ сьхраните ѡсла ѿ кала и сами себе сьблюдите". тогда ѡсле вьгльде вь каль. ѡнь вьзеть бговѣ. и побит их. и вьзвратисе ко ѡцоу своѥмоу и рче: „ѿче, воистиноу рѣхь тебѣ зли бговѣ си соут. и азь имь зло воздах". тогда ѿтць ѥго врьже нѡ вьнь ѩко да заколѣть ѥго. вьставь и пойе вь землю...

Въ другихъ сказаніяхъ этой подробности нѣтъ, но она находится въ связи съ подобной же въ „Откровеніи Авраама": въ послѣднемъ Авраамъ также отправляется на ослахъ продавать боговъ, но ослы испугались встрѣчныхъ купцовъ, бросились бѣжать и разбили боговъ. Большинство особенностей славянскихъ текстовъ должно быть вмѣнено греческому оригиналу, но за неимѣніемъ его не всегда можно говорить утвердительно, напримѣръ, объ угрозѣ отца Авраама заколоть его. Таковъ же и слѣдующій примѣръ:

П. *Бѣлградскій сп.* и видѣвь Авраамь шрла сѣдеща велика зѣло, чрьна и страшна, покывающа главою своѥю на Авраама. Аураамь мимо шьдь и оубоѩвсе, не рѣ ничесоже. рѣ ѥмоу архагль гны все и наоучи, како ѥ все гны бѣтьвныѥ и повѣда ѥмоу: „шрьль бѣше врагь, хотѣше тебе вьзвратити".

Тиквешскій сп. видеше велика шрла ѩко и гора стоѥщи чрьнѣ страшна зѣло. на Аврама прозевашесе и главою нѣ помаваше. Авраамь крыше се за дроуга своѥго. ѥгда мимо йоше и рѣше дроугь къ дроугоу за шрла ѥже видѣста. архагль рѣ: „Авраме, азь ѥсмь архагль Оурiль. посланъ ѥсмь ѿ бѣ ѥгоже ти нарче, да проведшу тебѣ ѿ дѩвола того грьдаго, ѥже сотвориль ѥ себѣ шрломь.

Вторая половина апокрифа поредаетъ извѣстное изъ Исторической Палеи пребываніе Авраама у царя Хеттейскаго. Оканчивается апокрифъ: „повелѣ црь дати ѥмоу имѣнiя многа и скоты и злато и сребро и сотвори Авраама гѣа домоу своемоу и оучителя себѣ", въ Тиквешской короче—„и прѣда ѥмѹ весь домь свой и бй гнь домоу

Библиотека "Руниверс"

цр҃евоу". Въ Бѣлградскомъ спискѣ нѣтъ подробностей о женитьбѣ Авраама на Саррѣ, какія встрѣчаются въ Тиквешской рукописи, а говорится только: „тоу прѣбысть Аврамь лѣ̀ е҃ї и тоу приде ѡц҃ь ѥго къ Авраамоу и Лоть сн҃ь бра҃а ѥго. и тоу поѥть женоу себѣ Сарроу и тоу оумрѣть ѡц҃ь ѥго".

Нѣсколько ближе къ Тиквешской рукописи (Начовъ, 33) другой апокрифъ (л. 58—60) о святой Троицѣ. Но Бѣлградскій текстъ подробнѣе Тиквешскаго, причемъ можно замѣтить, что послѣдній въ данномъ случаѣ представляетъ сокращеніе перваго. Бѣлградскій апокрифъ восходитъ къ греческому оригиналу, который давалъ параллельный текстъ къ тому же сказанію въ Исторической Палеѣ. На тождество текста Бѣлградской и Тиквешской рукописей указываютъ слѣдующіе примѣры.

1. *Бѣлгр.* Ангелы говорятъ Лоту — „вьзыди на гороу Игорь" и Лотъ „вьзыде на гороу Игорь"; *Тикв.* — „и҃ди въ гороу еже наричетсе Игорь. То и другое указываетъ на невѣрный переводъ греческаго оригинала — πορεύου εἰς τὸ ὄρος λεγόμενον Σιγώρ: гора названа „Игорь = [Σ]ιγώρ. Такой же случай далѣе — Авраамъ говоритъ Лоту: *Бѣлгр.* „иди въ Ило рѣкоу", „въ Ило рѣцѣ ѥ҃ горкая сьмрть", „иде Лоть въ Ило рѣкоу" и *Тикв.*—„оуказа ѥмоу ѿгнь въ рѣцѣ рекомѣ Ило". Это равняется греческому—πορεύθητι εἰς τὸν Νεῖλον ποταμόν: вмѣсто двухъ ν одно. Эту особенность, вѣроятно надо отнести на счетъ греческой палеографіи: грекъ уже читалъ и писалъ ἰγώρ, εἶλον.

2. Сарра, омывая ноги гостямъ, говоритъ:

Бѣлгр. ѡ дивное чюдо, ѿ̀ юности моѥ всѣмь мимоходещимь ногы ѡмывахь, не видѣхь нигде сиову плыть, ꙗко бездоушна ѥ и бесплътна. азь осезаю их҃ь а ѡны изъ р҃оу̯̃ моѥю исходеть".

Тикв. ѡ вѣліѥ чюдо, всем мимоходещи ѡмивах ноги. сы́ѥ чоу̯̃ не видѣхь. аз их ѿ̀сезахь ѿ̀ни изъ роукоу моѥю҆ изьбѣгахѫ̀". Но Бѣлградскій списокъ гораздо подробнѣе Тиквешскаго. Такъ въ послѣднемъ нѣтъ тайныхъ думъ Авраама, когда тотъ налагалъ наказаніе Лоту: 1) Авраамь рѣ̃ въ ср҃ци своѥмь: „вь Ило рѣцѣ ѥ҃ горкая сьмрть и соуть люты звѣриѥ и хотеть ѥго изѣсти или хощеть лютою сьмрьтию оумрѣти", 2) „ꙗко и главиѥ не имають прищетиꙗ, тако и Лоть не имать прощенига". Первому есть соотвѣтствіе въ Исторической Палеѣ: τοῦτο γὰρ ἔκρινεν Ἀβραὰμ ὅτι ὑπὸ θηρίου ἀναλωθῇ ἢ ἀπὸ τῆς δίψης [ἐκλείψει] πικρῷ θανάτῳ [καὶ οὕτως ῥυσθείη ἀπὸ τῆς ἁμαρτίας αὐτῆς, Васильева Anecd. 218. Кромѣ того, есть подробности,

Библиотека "Руниверс"

которыя, отсутствуя въ Тиквешскомъ спискѣ, не имѣютъ соотвѣтствія и въ греческой Исторической Палеѣ, напримѣръ: „и видѣ дрѣво при земли разно и расло и какъ съставльшесе съдмицею въ врьхь раздѣлѥно и различно листиѥмь ѡбразомь пеи̑кось, кедрось и кипарись. и видѣвь Аураамь и почюдисе и прослави бг̑а и приде въ домь свои, ѡбрѣте родившоусе Исакоу и рѣ Авраамь: „слава тебѣ вл̑ко, ꙗко (да)и̑ ми ѥси свѣть видѣти ѿ оутробы моѥ и далъ ми ѥси разоумѣти, ꙗко всякь грѣшникь кающисе ѡбрѣтаѥть бл̑ть“ Въ Тиквешской въ нѣсколькихъ словахъ: „тогда Исакь родисе. и тогда Аврамь прослави бг̑а ѿ̑ двѣ радости и рече. слава тебѣ творче вьсьленеи, два дара добра дарова̑ ѥси мнѣ дньсь“. Въ Исторической Палеѣ другія подробности. Далѣе въ Бѣлградскомъ спискѣ говорится, что Авраамъ принесъ Исаака къ Мелхиседеку и просилъ благословить его: „Мелхиседекь бл̑ви Авраама и сътвори ѥго патриарха, Авраамь бл̑ви Мелхиседека и сътвори ѥго ѥрея“.

Историческая Палея въ своемъ греческомъ оригиналѣ принадлежитъ, несомнѣнно. одному лицу. Основа ея—библейская съ примѣсью апокрифовъ. Но пока еще не опредѣлены источники апокрифовъ и способъ составленія всей Палеи. Однимъ изъ источниковъ сказанія Палеи объ Авраамѣ и былъ текстъ, подобный разбираемому. Нельзя говорить, что именно этотъ самый. ибо есть крупныя отличія. При недостаткѣ пока текстовъ нельзя сказать что либо опредѣленное объ отклоненіяхъ одного текста отъ другаго. Какъ относился редакторъ Исторической Палеи къ своимъ апокрифическимъ источникамъ—выписывалъ буквально или передавалъ въ изложеніи, съ выпусками? Библейскій текстъ онъ сокращалъ, но апокрифы онъ. можетъ быть, передавалъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ имѣлъ ихъ подъ рукою. Аналогичный примѣръ представляетъ наша Толковая Палея: библейскій текстъ передается обыкновенно въ сокращеніи, а апокрифы. насколько можемъ судить о нѣкоторыхъ, выписывались буквально. Если бы такъ поступалъ редакторъ Исторической Палеи, то нужно бы думать о существованіи особой редакціи разбираемаго апокрифа. которой воспользовался редакторъ Исторической Палеи и которая вмѣстѣ съ оригиналомъ разсматриваемаго славянскаго текста восходила бы къ одному прототипу. Тѣ греческіе тексты Исторической Палеи, которые дошли до насъ, не вездѣ совпадаютъ съ славянскимъ переводомъ. такъ, напримѣръ, въ греческомъ нѣтъ удивленія Сарры при обмываніи ногъ гостямъ, а между тѣмъ въ оригиналѣ, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ, оно было, такъ какъ 1) оно читается

Библиотека "Руниверс"

въ славянскомъ текстѣ—„велие чюдо! всѣмъ мимоходящимъ омываю нозѣ и се вижу нозѣ, како бездушни суть, азъ ихъ осязаю, и они ѿ руки моей избѣгаютъ“ — *Порфир.* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣт. соб. по рукописямъ Сол. Б., 226, и 2) въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ читается, какъ видѣли, въ Бѣлградскомъ и Тиквешскомъ спискахъ, и слѣдовательно были въ томъ греческомъ спискѣ, которымъ пользовался редакторъ Исторической Палеи. Уже послѣдній вставилъ въ готовый разсказъ такія ссылки, какъ—καὶ μὴ ἀπιστήσῃς μαρτυρεῖ μοι τῷ λόγῳ ὁ γράφων ἐν ὕμνοις λέγων οὕτως μὴ γίνου στήλη ἁλός, или—καὶ τοῦτο αἰνιττόμενος ὁ κύρος Θεόδωρος ὁ Στουδίτης λέγει. ὑδροποτῶν οὐδεὶς ἀφρονέσατο... Подобныя ссылки находятся и въ извлеченіяхъ изъ библейскаго текста.

Въ Тиквешской рукописи, соотвѣтственно Исторической Палеѣ, слѣдуетъ эпизодъ съ Измаиломъ; въ Бѣлградскомъ нѣтъ, а слѣдуетъ принесеніе Исаака въ жертву и женитьба его на Ревеккѣ, тоже соотвѣтственно Тиквешской рукописи и Исторической Палеѣ. На общность текста Тиквешскаго и Бѣлградскаго указываетъ, напримѣръ, Бѣлгр. „садокь нарѣсе лобода“ и Тикв. „садокь лобода есть“. Но много отличій: въ Бѣлградской Авраамъ приходитъ на мѣсто „рекомо Камигранинъ“; Исаакъ говоритъ ему: „ѿче свежи роущѣ и нозѣ мои, да не колѣбещисе оукрасноу тебе и грѣхь примоу ѡ томь, понеже всикы заклань колѣблетьсе не видещи“. Въ Тиквешской короче: „ѡ҃че ѡ҃че свежи ръцѣ и̑ нозѣ мои да не заклань оупрасно҃ же и̑ хощ҃ грѣхь имети“; въ Исторической Палеѣ разказъ библейскій.

Въ Тиквешской рукописи слѣдуетъ разказъ о смерти Авраама, представляющій сокращеніе извѣстнаго апокрифа „διαθήκη Ἀβραάμ“; въ Бѣлградской нѣтъ. Надо думать, что въ греческой письменности существовала цѣлая особая полубиблейская—полуапокрифическая исторія Авраама, въ составъ которой входили между прочимъ элементы, вошедшіе: 1) въ Откровеніе Авраама, 2) въ Историческую Палею и 3) въ Завѣтъ Авраама. Въ славянской письменности, такимъ образомъ, представителями такой цѣльной исторіи служатъ съ одной стороны Тиквешскій текстъ, повидимому въ сильномъ сокращеніи частностей но съ удержаніемъ всѣхъ главнѣйшихъ эпизодовъ ея, и съ другой—Бѣлградскій, представляющій ее въ болѣе первоначальномъ видѣ, но съ выпускомъ нѣкоторыхъ эпизодовъ. Остается только найдти греческій оригиналъ.

XVI. Въ томъ же сборникѣ № 104 л. 60—62 находится другой

Библиотека "Руниверс"

апокрифъ—„Слово ѡ Дв҃дѣ пр҃рцѣ како зачетсе и како вьцарисе и житиѥ ѥго“. Подъ житіемъ разумѣется написаніе Давидомъ псалтиря. Подобный же апокрифъ изданъ Начовымъ изъ той же Тиквешской рукописи. Помимо общаго содержанія, на одинъ источникъ могутъ указывать собственныя имена—„Ꙁ҃мѹ҃хли“ въ Тиквешской и „Мѹ҃хли“ въ Бѣлградской, „Вашрь“ въ Тиквешской и „Вишрь“ въ Бѣлградской. Текстъ Тиквешской рукописи полнѣе: въ Бѣлградской нѣтъ эпизода съ Вирсавіей. Онъ представляетъ особый переводъ греческаго оригинала, параллельнаго оригиналу Бѣлградскаго. Остались въ Тиквешскомъ текстѣ еще нѣкоторые грецизмы, какъ напримѣръ „дасть ѥмѹ҃ сфрагѣдѹ҃“ = τὴν σφραγῖδα, „аггль со рофею“ = μετὰ τῆς ῥομφαίας. Послѣднее слово, два раза употребленное, заставляетъ думать, что переводчикъ былъ одинъ и тотъ же, что и предшествующаго апокрифа объ Авраамѣ—и тамъ такой же грецизмъ. Что касается въ Тиквешской рукописи слова „како исписа Дв҃дь псалтирь“, то нужно думать, что оно входило въ составъ большаго апокрифа о Давидѣ, а не явилось въ сборникѣ отдѣльно, такъ какъ и Бѣлградскій текстъ даетъ тотъ же эпизодъ, тѣсно связанный съ цѣлымъ апокрифомъ. Тиквешскій текстъ о написаніи псалтири начинается: „ꙗко кленісе Дв҃дь гв҃и. ѡбѣщасе бѹ҃ ꙗковлю҃. да ѥгда вьп҃рисе Дв҃дь возоска да ѡбр҃ѣщеть мѣсто бв҃и“. Изъ предшествующаго не видно, когда Давидъ далъ обѣщаніе, но въ Бѣлградскомъ читаемъ: „тоу пр҃вы҃ г҃ мѣ҃ и тоу ѡбѣщасе, г҃в҃и и р҃ѣ҃ „аше вьнидоу вь домь мои или возлезоу на ѡдрь постелѣ моѥѥ, а обрѣщоу мѣсто г҃в҃и“. Греческіе оригиналы различались между собой тѣмъ, что одинъ удерживалъ обѣщаніе, другой — исполненіе: въ прототипѣ было то и другое. Порфирьевымъ (Ап. ск. о вет. л. по рук. Сол. д. 242) напечатано изъ сборника Соловецкой Библіотеки № 934 слово о написаніи псалтири, совпадающее съ Тиквешскимъ текстомъ: оба текста даютъ одинъ и тотъ же переводъ, но въ Соловецкой рукописи текстъ нѣсколько подробнѣе. Если въ Тиквешской рукописи слово является какъ часть апокрифа, то отсюда выводъ тотъ, что и въ Соловецкой рукописи сохранилась только одна часть цѣлаго и что въ русской письменности былъ извѣстенъ весь апокрифъ, дававшій тотъ же текстъ, что и въ Тиквешской рукописи. Такъ какъ Тиквешскій текстъ очень мало отличается отъ Соловецкаго, то надо думать, что и въ остальномъ Тиквешскій текстъ не вносилъ много перемѣнъ въ свой болѣе древній оригиналъ, и потому уклоненія его отъ Бѣлградскаго надо относить къ греческому оригиналу. Послѣдніе же различались между собой.

Библиотека "Руниверс"

Наибольшее отличіе Бѣлградской рук. отъ Тиквешской находимъ въ исторіи воцаренія Давида. Въ Тиквешской рукописи такъ разказывается: Давидъ былъ представленъ Саулу и своей игрой прогонялъ нечистаго духа. Голіадъ, сынъ Саула, возмутился противъ отца своего, собралъ войско и подступилъ къ Іерусалиму, намѣреваясь отнять у Саула царство. Саулъ сказалъ Давиду: „Почему не горюетъ твое сердце? Ради тебя возсталъ противъ меня сынъ мой". Тогда Давидъ взялъ оружіе, выступилъ противъ Голіада и убилъ его. Саулъ позавидовалъ Давиду и рѣшилъ погубить его при помощи халдѣйскаго вельможи Востралы, но жена Давида разказала о намѣреніи Саула, и Давидъ бѣжалъ. Саулъ съ войскомъ отправился его преслѣдовать. Въ одномъ мѣстѣ Давидъ по повелѣнію ангела выступилъ противъ Саула и убилъ его камнемъ изъ пращи въ глазъ. Послѣдняя особенность есть отзвукъ наименованія Саула въ Исторической Палеѣ μονόφθαλμος.—Въ Бѣлградскомъ текстѣ сочетаніе иное, при чемъ замѣчается путаница между Сауломъ и Голіадомъ: 1) Голіадъ иноплеменный царь, 2) Давидъ играетъ Голіаду. 3) *Саулъ* преслѣдуетъ его. 4) Давидъ убиваетъ Голіада. Я приведу это мѣсто: „бѣше бо цр҃ь ино др..., име є҆моу Голиадь, и ѡбладаше всею землею, силнь и крѣпокь зѣло. и вьселисе вьнь доухь нечисть и велико пакостѣше є҆моу вь оутробѣ, не даваше є҆моу спати ни ино покоя не имѣаше. врачие вси не имѣахоу что сьтворити є҆моу. повѣда є҆динь рабь Голиадоу и рѣ҃": „г҃и. є҆ вь домоу Иесеѡвоу чл҃ка имѣющи много игры прѣдивны, юже ниг҃е не видѣшесе". Голиадь посла привести Двда. є҆г҃а оуслыша Голиадь игры и свири Дв҃дны, тогда избѣже доухь нечисти из Голиада и видѣ цр҃ь, ꙗко Дв҃да ради болесть є҆го ѿолисе. є҆г҃а бо Дв҃дь оударашe вь свирие, тог҃а дх҃ь нечисть избѣгаше из Голиада. цр҃ь же собравь презвиты и кнезе и повѣда имь рѣчи, и вьзеть Дв҃да зета и бы҃ Дв҃дь моужь дьщери є҆го и ицѣлѣ Саоуль. Дв҃дь бѣше имѣ҆ кротость и смѣрень и милостивь и бы҃ вьзлюблѥнь всѣмь кнезем и всемь воемь Саоуловѣмь. и видѣ Саоуль и вьзревновавь и вьзыска оубити Саоуль Дв҃да. и повѣда є҆моу дьщи Саоулова и ѿбѣгь Дв҃дь вь врьтьпь. та бо пещера наричашесе М҃ухли. и не вѣдеше є҆го никто. тоу ,прѣбы҃ г҃ мц҃ь и тоу ѡбѣщасе г҃ви и рѣ҃: „аще вьнидоу вь домь мои или вьзлезоу на ѡдрь постеле моеѥ, да ѡбрѣщоу мѣсто г҃ви". Саоул же велико искаше є҆го, да оубиѥть. и ꙗвисе а҃ль г҃нь кь Дв҃двы г҃ѥ: „изыди изь врьтпа и стани на мѣстѣ рекомѣмь Трьхость [Тикв.—соухи] и поими вь роуцѣ своеѥи ѡроужиѥ, є҆же є҆си оучиниль вь юности своеи". изыш҃ Дв҃дь и ста на мѣстѣ, идеже рѣ҃ є҆моу г҃ь, не вѣдѣше никоѥ ѡроужиѥ

Библиотека "Руниверс"

приѥти тькмо працоу роучноу. и вьзѣ̀ ками и ста на мѣ̀твѣ. и оуслыша Голіадь ѡ Дв̀ѣдѣ и воз̀виже все воѥ своѥ и приде на него, свѣрепоующе ѩко и львь. Дв̀ѣд же вьзрѣвь на н̀ебо и поустить ками и оугоди Голиада оу ѡко. и тоу бы̀ страхь великь вь нихь и вси ѿбѣгоше. и приде Дв̀ѣь и извлѣче мьчь Голиадоу и оусѣкноу главоу ѥго. и вси воиѥ и кнезы поѥмше Дв̀а и поставихоу ѥго на прѣстолѣ Саоуловѣ и сотворихоу ѥго г̀на домоу Саоуловоу".—Оригиналъ Бѣлградскаго списка потерпѣлъ, быть можетъ, рядъ видоизмѣненій, прежде чѣмъ онъ получилъ настоящій видъ. Юноша, которому Иезавель. жена Іессея, поручаетъ смотрѣть за мужемъ своимъ, въ Бѣлградской называется „Мерахь", въ Тиквешской—нѣтъ имени. „Мерахь" есть, очевидно, μεράχιον, принятое за собственное имя, въ Тиквешскомъ же переведенное. Непонятно обращеніе Давида къ жабѣ въ Тиквешскомъ.—„ѡ̀ которы̀ соуѥть дияволе", въ Соловецкомъ „упражняю тя, дьяволе", въ Бѣлградской „ѡтиди, дьяволе ѿ мене": не есть ли это переводъ греческаго ὦ ἀκάθαρτε σὺ (εἰς) διάβολε?

XVII. Въ томъ же Бѣлградскомъ сборникѣ № 104, л. 62—64 помѣщенъ апокрифъ о Соломонѣ и о Кипрскомъ царѣ. Тотъ же апокрифъ встрѣчается въ Софійской (Болгарія) библіотекѣ № 80. Содержаніе его соотвѣтствуетъ напечатанной въ Памятникахъ старой русской литературы, III, 66—70 исторіи Соломона съ Поромъ, только гораздо короче. Изданный Пыпинымъ апокрифъ носитъ слѣды русской переработки; Бѣлградскій же даетъ его въ болѣе первоначальномъ видѣ, хотя связь между тѣмъ и другимъ нельзя установить иначе, какъ чрезъ посредство греческаго оригинала. Бѣлградскій списокъ имѣетъ пропуски, а начало испорчено. Однажды Давидъ сказалъ Соломону: „ѡ сыиу Соломоне, почто не поимеши себѣ женоу"? Соломонъ отвѣчалъ, что онъ возьметъ только красивѣйшую во всемъ свѣтѣ, на что Давидъ замѣтилъ: „красна жена ѥ̀ вражиѥ игралище и вражеи прѣстоль". Но Соломонъ все таки досталъ себѣ жену. Царь Кипрскій, услыхавъ, что у Соломона самая красивая жена, пожелалъ отнять ее. Одинъ „исполинъ" вызвался привести ее къ царю, взялъ серебро, золото, камни и мантію и отправился въ царство Соломона. Жена Соломона призвала его къ себѣ и пожелала уйдти къ Кипрскому царю, но не знала, какъ это сдѣлать. Исполинъ велѣлъ ей украсть церковные ключи и дать ему, что она и сдѣлала. „Тогда исполинь дасть ѥи забитно билоѥ и ѡбоумрѣть тоу. сьбрашесе пр̀иѥ и кнезы и дивишесе, како пр̀ца сьмрть прииѥть. Соломонь рече: „не бо́ѣтьвна ѥ̀ сьмрь(ть) ѥи, еда како ль(ка)вьство творить, ѩкоже

Библиотека "Руниверс"

рⷣ прⷭ́же ѡц҃ь мои Дв̑дь". повелѣ ражⷭ́щи желѣзо и прожⷭ́гохоу ки длани. ѡна же бѣше ꙗко и мр̑тва. Соломонь плачющисѧ рⷣ: „вьложите к вь гробьнице и ѡставите ⷤи роукоу вьнеоудоу, да ⷤг҃а вьхожⷭ́ю вь цр̑квь, да зроу ⷤю, понеже люблѧхь ю". и тако сътворише. исполинь въ нощи пришⷣ, ѿврьзе цр̑кви и поⷤмь цр̑цоу и положи ю вь корабь и приведе кь цр̑ю Купрьскомоу". Соломонъ, узнавъ, что его жена у Кипрскаго царя, отправился за ней. Новыхъ подробностей въ разказѣ нѣтъ. Дѣло кончается тѣмъ, что Соломонъ освобождается своими воинами отъ смерти и убиваетъ Кипрскаго царя, царицу же „свеза Фариѧмь за ѡпаши, Соломонь прⷣѣть цр̑тво ⷤго". Сказанія о Соломонѣ до сихъ поръ попадались въ русскихъ спискахъ; Бѣлградскій же и Филиппопольскій списки даютъ намъ это сказаніе и въ сербской рецензіи.

XVIII. Изъ прочихъ статей, помѣщенныхъ въ № 104, укажу на слѣдующія:

a) 32—38 Первоевангеліе Іакова.

b) 49 об.—52 Григорія Богословца отъ Іоанна вопросъ о крестѣ чⷮнѣмь и за два разбойника: „Адамь бѣше видомь прⷮ двьрьми раискими. ⷤгда же ⷤмоу приближисе сьмрть"... То же читается и въ отрывкахъ № 259 три листика XV вѣка. Въ послѣднихъ начало таково: ...ѡц҃а своего 'Адама и показа емꙋ ѡ др̑вѣ ⷤже и́зидѣ изъ раꙗ, ѝ възеть Сиѳь и сътвори ѡгнь вь рѣце рѣкоме Ниль ѿ дрѣва того"... Затѣмъ идетъ разказъ „ѡ̀ дрѣве вь то́мь распѣшⷭ́ невѣрни разбо(ииикь). Егда бѣше во врѣме потопа, тоⷣа изнⷣ вода потопна дрѣво животвореще и ста при рещѣ Мерстеи. и тоⷣа Мѡ̑ѵси извⷣ сⷭ̑и ісⷧ̑евы ѝ потопи Фараона, и не бы̑ что пѣти... идетъ извѣстный разказъ объ этомъ деревѣ: Моисей посадилъ его при рѣкѣ. Соломонъ хотѣлъ было употребить его при постройкѣ храма, но при наводненіи Іордана дерево было унесено въ глубину. Но у одного человѣка, по имени Елисея, сѣкира упала въ воду и воткнулась въ дерево. Онъ повѣдалъ объ этомъ Соломону, и тотъ перенесъ дерево въ Іерусалимъ: „на томь дрѣве распѣше невѣрнаго разбойника ѡшⷫ́ю гⷣа нашⷭ́ іⷭ хⷭ". Слѣдуетъ разказъ о древѣ праведнаго разбойника и затѣмъ „сло́ Григорꙗ Бг҃ословa вопрⷭ̑ Іѡ̑а: Григорїе рⷣ: како дрѣво въ раи разⷣѣлисе"—небольшой отрывокъ того апокрифа, который въ болѣе полномъ видѣ читается у Порфирьева—Ап. ск. о вет. соб. по рук. Сол. библ. 96—97. Оканчиваются отрывки словомъ о двухъ разбойникахъ.

c) 52 л. „Слово за два разбоинника, како зачехоусе и распехоусе

Библиотека "Руниверс"

на прчтѣмь дрѣвѣ крстнѣмь wбѣ странь господа нашего іс хс: єгда бысть рожство господа нашего іс ха, єгда изб Иродь младенце искоущи га, тога поєть Иωсифь...

d) 52 об.—57. Слово ѿ Палєє ѡ Адамѣ и ѡ Еузѣ ѿ зачела и и до совршенїа: „Адамь бѣше вь раи прѣже сьгрѣшенїа и вса имѣаше вь хотѣнїє своє и вса вь хотѣнїє єго ходѣхоу звѣрїє и скоти и все птице пернатиє. и вса же повелѣнїємь єговѣмь гонехоусе и ходѣхоу и лѣтахоу... Тотъ же текстъ, что и у Тихонравова, Памятн. Отреч. Литер. I, 6—15.

d) 64—68 об. Завѣтъ и смерть Авраама.

e) 136—140. Апокрифическій апокалипсисъ Іоанна.

f) 174—180. Хожденіе трехъ иноковъ къ Макарію. Относительно этого апокрифа извѣстно, что одинаковая почти легенда существовала о двухъ Макаріяхъ—римскомъ и египетскомъ. Извѣстная въ славянскомъ переводѣ и изданная Тихонравовымъ извѣстна какъ легенда о Макаріи Римскомъ. О легендѣ о Макаріи Египетскомъ говоритъ А. Н. Веселовскій въ изслѣдованіи о сербской Александріи, стр. 314, при чемъ замѣчаетъ, что „едва ли можно усомниться, что легенды о Макаріи Римскомъ и Макаріи Египетскомъ представляютъ лишь двойственное пріуроченіе одного и того же содержанія". Въ Бѣлградск. Народн. библ. рукоп. № 32, XVI вѣка, въ статьѣ „ѡ земномь оустроеніи" есть отрывокъ „ѡ ѻкеансцѣи рѣцѣ", л. 239 об.—240, въ которомъ упоминается Макарій Египетскій. Отрывокъ этотъ слѣдующій: „ѡкрт всєє землє к рѣка гїкма ѡкеанъ. та рѣка има источникь кь вьсточнѣи странѣ и ѿпо источника разѣлмаєтсе и идѣ кь южнои странѣ. пол же кь сѣвѣрнѣи странѣ. ѡкроужаєть єдинь єдиноу страноу земи, дроугыи же дроугоую. таже ѡкроужившє вьсоу землю, паки сьєдпнєваютсе на запа. има же вьсоу землю насрѣ кю и прѣзнєго, сирѣ ѡбоньполь кг. дроугаа земла нѣ, нь абіє ѿ сѣвѣра вьнѣ єго страшныи соу ѡбращеніа земли кь долнѣи странѣ долоу нисходе и тамо гїютсе долнѣє страны земли, еже источникь. тѣжѣ рѣкы вра раиская. и тамо шь Макаріє ѕупскыи и не могы вѣще ходити. пишесе ѡ нємь, ако к поприщь бы вьнѣ раи вь дѣхь ѡнѣ, понє извьнѣоудоу ѡкеанскааго источника єсми, акоже писанно ѡ нємь. и насади бг раи на вьстоцѣ. побаєт же вѣти и сє, ако ѡкеаннаа рѣка множаєт мѣсто дрьжи нежели вьсе землє". Здѣсь на Макарія Египетскаго перенесена легенда о Макаріи Римскомъ, благодаря смѣшенію именъ и сходной обстановки того и другаго. Разумѣется, смѣшеніе произошло еще на греческой почвѣ.

Библиотека "Руниверс"

g) 205—253. Житіе Василія Новаго (съ мытарствами). То же въ рукописи Бѣлградск. Учен. Др. № 26.

h) 267 об.—269 об. Мученіе апостола Филиппа.

i) 269 об.—274 об. „Мца Ноємвріа вь $\overline{\text{кѳ}}$ днь мнмє стго апла Матѳеа євангелиста". Въ Солов. библ. есть три списка этого мученія (№№ 622, 623, 643), начинающіеся всѣ одинаковымъ образомъ: „Бывши оутрени, изыде Матѳи съ епскомъ Платономъ из церквѣ и виде ѕако провязбе палица доубь". Бѣлградскій списокъ отличается тѣмъ, что передъ этимъ предлагаетъ большое сказаніе, начинающееся такъ: „И ѕако бываєма чюдеса стымь апломь Матѳеємь и прославившесе по всеи земли чловкомадьць и вь велицѣ измирьнии и вь всеи полатѣ. и ѕако прва жена Зифата и ѕако снь єго Вельфиндрь и жена єго Невра прѣже ни єдинѣмь бѣсомь ѡчищени бывши и спобившесе хвоу знамению. и бѣхоу неразлоучающисе ѿ Матѳеа". Тишендорфъ издалъ греческій текстъ, отличающійся отъ славянскаго, по Вѣнской рукописи, не принявъ во вниманіе рукопись Парижскую. Въ Бѣлградскомъ спискѣ нѣкоторыя мѣста не поддаются прочтенію.

j) 274 об.—276. Успеніе евангелиста Луки.

k) 7 об. „Епистолиа Павла апла ѡ млєни". Начало: Снове члѣчтіи, блгвите беспрѣстаниа ба на все часы и дни ѣпци. и єще заходещоу слнцоу, вьси агли можсти и женсти вьвыдоуть къ боу и поклонетсе... Нѣкоторыя страницы совершенно не разобраны.

XIX. Изъ прочихъ рукописей Бѣлградск. Народн. библ. укажу на слѣдующія:

a) № 145. Толковая Псалтирь Афанасія Александрійскаго XV—XVI вѣка съ изображеніями. Передъ толкованіемъ два предисловія, написанныя одной рукой, отличной отъ послѣдующей, но изображенія одного характера. Второе предисловіе—Василія Великаго, а первое слѣдующее: „Начьнѣшоу Двдоу црьствовати по Саоулѣ, прѣє цртво Двь по Саѵлѣ и придоше вельмо и поклонишемоусе. и избра ѿ всѣ племенѣ ісвъ по о моу, а ѿ племенѣ левїтскаа д, иже начинахоу пѣны. бѣхѵ же сіи "Асафь, ємань, єеа і Идітоу. и кьждо ихь имѣаше сь собою по ои мужа, иже имь ѿпѣваахѵ. се же бы ѻбразь съмотреніа бывшааго прѣже. єгда бо съдѣловаахо стлпь ѿ єдиного гласнь ѿ ов моужь—ѿ Сима вк и ѿ Хама лв и ѿ Афета ке, иже дрьзновеніа ради правимь гнѣвомь не на єдиноєзычіе дошѣше, дхомь гоними разлоучише. сы искьпьнѣніе ѵставити хоте бжтвныи Дь комождо начелнико пѣны ов моужа прицае, ѕако въ послѣнма лѣта въсакь єзыкь славити хоще ба єдиногласно. сіи же д начельници пѣснемь

Библиотека "Руниверс"

прѣ сщеніемь бжіемь стоѣще поахѵ гоу. єдинь оубо ѿ нихъ въ кѵмналь біаше, а дроугыи въ ѱалтиріѡ, а дрѵгыи въ гоуслы, а инь въ прѣгѵднипоу, а дроугии въ рожанѣ трóубѣ. всѣх же посрѣдѣ стоаше Двдь старѣи сыи дрьже ѱалтірь. бѣше ѱалтирь ѿргань нѣкакѣ лѣплѥи гоусліи, и кѫдо ихъ стыимь дхомь подвизаемь поаше гви, да єгда възыграшесе стыимь дхомь на єдиномь ѿ ней, ѥко реченно на Асафе, дроузьи стоахоу мльченце. въ слѣ же поющаго ѿпѣвахѣ бви глюще аллилѵіа, єже сказаетсе похвалимь истиннааго ба. єга же пакы на другаго наидеше стыи дхъ, прочіи прѣдьстоахоу, дха бо сѣще истпьнѥніи и врѣмени мирноу покарахосе.

b) № 25, въ 4° XVI—XVII вѣка. Въ ней содержится:

л. 1. Житіе Николая Чудотворца.

50. Служба святыхъ страстей.

83. Ефрема наказаніе еже како пѣбаѣ на единѣ мѣстѣ жити до кончины своей.

85. Како не подобает сміатисе и глумитисе.

92. Поученіе къ юнымъ о послушаніи.

98 об. Наказаніе о терпѣніи.

101. Наказаніе, еже не прѣходити ѿ мѣста на мѣсто и єже прѣходити.

107. Ефрема о покаяніи.

135 об. О высокомудріи и зависти и о прехожденіи отъ мѣста на мѣсто.

142. Ефрема о судѣ, любви и покаяніи.

165. Того же о терпѣніи, второмъ пришествіи и о пользѣ безмолвія.

181. Ефрема о спасеніи и покаяніи.

b) № 26, въ листъ, XVI вѣка.

л. 1—106. Житіе Іоанна Чудотворца. Начало: „И вьсѣ оубѡ иже по бзѣ пожившій житіє бгочьстивымь пользно не оуказь тькмо и ѡбразь, нь и оувѣщаніе бываєт вь добродѣтель. рьвеніа бо нѣкоторое жело влагаеть блга и раздизаеть бгочьстивоую дшоу кь подражанію“.

106—256. Житіе Саввы, написанное Доментіаномъ.

c) № 28 въ листъ, сборникъ поученій на великій постъ, Пасху и слѣдующія недѣли до Пятидесятницы включительно.

d) № 29. Описаніе рукописи сдѣлано Новаковичемъ въ Starinach IX; также см. Гласникъ Срб. Учен. Др. XIII. Въ сборникѣ находится между прочимъ л. 2 об.—9 об. „Изложеніе вькратцѣ ѡ право-

Библиотека "Руниверс"

вѣрнѣи вѣрѣ Іоанна фїлософа кь нѣкоѥмоу просившоу о нѥго". Начало: „Понѥже ми просиль ѥси слово добро сьбранно и извѣстно ѡ бгочьстивѣи нашеи вѣрѣ, ꙗко да боудеши вѣды ѥлика ѡ исповѣдани"... За исповѣданіемъ слѣдуетъ сказаніе о семи вселенскихъ соборахъ: „сьборь а прьвыи обо при Кѡстантинѣ велицѣ вь двадесетоѥ лѣто цртва ѥго, ѥго сьставише тые бжтвнїи ѡци въ градѣ Никеи на 'Аріа безꙋмнѣ похоулившаго сна бжіа".

То же читается въ спискѣ Бѣлгр. Народн. библ. № 31, л. 510—12, мелкій полуустав XVI вѣка—постническія слова. Въ Синод. библ. настоящее изложеніе находится въ спискахъ № 268 л. 132 и № 323 л. 74, при чемъ въ послѣднемъ „къ концу приложено проклятіе на разныхъ еретиковъ, по чину совершаемому въ недѣлю православія, но съ дополненіями, между которыми находится и проклятіе на незнаменующихся двумя перстами". Описаніе рукоп. Синод. библ. II—3 стр. 646. Въ Бѣлградскомъ спискѣ этого проклятія нѣтъ, и изложеніе, очевидно, сходится съ Синод. № 268, въ которомъ также къ концу присоединено изложеніе о семи вселенскихъ соборахъ; ibid, стр. 300

с) № 30, въ листъ, XV вѣка, не нумерованъ. Въ немъ заключается:

1) Лѣствица Іоанна Синайскаго съ предисловіемъ.

2) вопросы и отвѣты, 45 листовъ. Среди другихъ находится вопросо-отвѣтное обличеніе жидовина: „Вьпрс. хрїаномь всѣмь ха ісповѣдающемь, прющемѥсе жидомь не оу нѥго пришьша, нь глющемь имь, како пріити ѥмоу ѥ, какоу ѥ хощемь прѣпрети, ꙗко пришьль ѥ хь и бь ѥ и ꙗко истинь ѥ, а не льстьць, ꙗкоже тіи мнеть. ѡвѣть. Ꙗкоже оубо бь и чь хь ѥ, то прци свѣтельствоують. Двдь оубо гла: „бь гь и ꙗвисе намь" и пакы: „прѣклонь нбса и сниде". и пакы: „сѣдеи на хероувимѣхь". Апологія состоитъ въ выпискѣ изъ священныхъ книгъ пророчествъ о Христѣ и иныхъ изрѣченій; встрѣчаются указанія на исторію, какъ на взятіе Іерусалима. Оканчивается обличеніе пророчествомъ Іереміи: „ꙗко въ Рамѣ гла слышань бы плачь и вьпль и рыданиѥ велико... то оучестиѥ спсению ѥ". Для разработки нашей Толковой Палеи необходимо имѣть въ виду подобныя обличенія. Хотя Толковая Палея славянскаго, собственно русскаго, происхожденія, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что редакторъ ея имѣлъ подъ рукой готовые образцы обличеній—греческіе и славянскіе, изъ которыхъ онъ, вѣроятно, не мало черпалъ.

3) Сказаніе объ образѣ, иже дасть ангелъ святому Пахомію.

4) Отъ слова Иларіона объ отверженіи міра.

Библиотека "Руниверс"

5) Макарія египетскаго объ Адамѣ устроеніе.

6) Вопросы отъ разныхъ лицъ къ Анастасію и отвѣты.

Въ концѣ рукописи приписка тою же рукою: „Сіѧ книга исписасе рѡ́кою многогрѣшнаго Аѳа́сіа і҆ерома́на, да ю има Дорееи ѡ҆ ѡбщини с нимь ако и́ се прѣ́же прѣ́стави да ѡстави дроугомоу.

ƒ) Сборникъ № 60, въ 4°, XVI– XVII вѣка. Въ немъ содержится:

2. (1-го листа нѣтъ) объясненіе 10 заповѣдей.

12. Жизнь и чудеса Св. Николая.

37 об. Чудеса св. Георгія (послѣ смерти).

47 об. Чудо св. Димитрія надъ епископомъ.

52. Чюдеса Арханг. Михаила.

61. Слова Андрея Юродиваго объ умершей дѣвицѣ и др.

74. Отъ житія Варлаама и Іоасафа.

79. Слово не упиватися виномъ.

81. Слова: 1) о поручающихъ жену свою богородицѣ, 2) о давшемъ одежду нищему, 3) о ядущихъ хлѣбъ на трапезу, 4) св. Григорія о гнѣвѣ, 5) не обидѣти вдовицу или сироту и др.

103. Отрывки изъ Пчелы.

Сборникъ обыкновенной сербской редакціи. На листахъ 87—90 находится „Сло́во како недостоить и҆зи́ти ѿ црк҃ве прѣ́же ѿпѹ҆́ᵗ“. Разказъ извѣстный: одна госпожа оклеветала слугу передъ мужемъ и послѣдній послалъ его къ судьѣ съ письмомъ, въ которомъ поручалъ отсѣчь подателю голову. Слуга по дорогѣ зашелъ въ церковь. Чрезъ нѣсколько времени господинъ послалъ другаго слугу за головой перваго, но и этотъ зашелъ въ церковь. Первый слуга, не желая до окончанія службы уходить изъ церкви, упросилъ втораго отнести данное ему письмо къ судьѣ. Тотъ сдѣлалъ это и потерялъ голову. Въ срединѣ разказа небольшая вставка написана болгарскимъ языкомъ съ нѣкоторыми непонятными словами. Послѣ — „Сіа рѣ́чи гла́гола блоу҆дна́а же́на мѹ҆жѹ҆ своемѹ҆. ѻ҆нже лоукави е҆и́ сло́веса слиша́вь и҆ вѣро́уваѵь, ꙗ҆кѡ҃ и҆но́гда краснаго ’Іѡсі҆фа“ продолжается такъ: „и҆ ѻ҆сѣ́ди права́го цѣ҆тьда́го загоубыть то́ва ѻ҆нѕи рокь не знаа́ше а҃ ми сѝ слоугѹ́ва та́мо ѻ҆нѕи господарь неговь ѿиде, да съзговори съ́сь целатинатокь, да го затрiе та́мѹ ре́че кого́то пра́ша съсь месаль немѹ, ѿсѣчи главѣть и т. д. оканчивается такая вставка: „ко́га принесе тѣ҃ а҆ тле́са зачюи́ха кого́то поустихме да загине, а то́и доде. а҆ кого́то пѹ҆стихьше, да доне́се гла́ва҃ чи тои погина“, далѣе опять старый языкъ: „и҆ вьпроси же е҆го, како бы҃. ѻ҆н же повѣдаше имь рече.... и т. д.

Библиотека "Руниверс"

g) Сборникъ поученій № 72. Начало не сохранилось. 1—112 л. объясненіе воскресныхъ евангелій, слов. 14—32. Приведу примѣръ изъ поученія въ недѣлю 15, евангеліе отъ Матвея, слово 15: „Иже сѣла чл҃чьскаа хранѧщеи дѣлатели ѥлици вь ни҃ и҃моуть цвѣтіа красны и бл҃гооухаины и҃ по врѣменехь сьбираютъ своимь в҃камь и҃ли гостемь любовны҃, любовно приносеще. ѡни же радостно пріемлюще, бл҃годареніе, дателѧмь вьздаютъ. ничтоже мно ѿцвѣтеть пріѧмлюще, тькмо же вьмалѣ видѣніа наслаж҃ающесе и҃ ѡбоиѧніе ѿ сихь бл҃гооухающе. мы҃ дх҃овны҃ дѣтели оучими иже кр҃ьно цвьтоуще ст҃го і҃с҃оуіа ѡграды пріѣшеи съхранѧти дльжни соущѣ... Еу҃. Въ врѣме ѡ҃но р҃ѣ юноша нѣкы, пр҃иде къ х҃ѵ и҃ рече емѵ҃: „оучителю бл҃гыи, что҃ бл҃го сьтворѵ҃, да и҃мамь живо҃ вѣчны҃“. ѡн же рече ѥмѵ҃: „что҃ ме гл҃ѥши бл҃га. никто же бл҃гь, тькмо ѥдинь б҃ъ“. Тѣ҃. Юноша сѫ҃ не ꙗко и҃скѵ҃шае пр҃иде кь і҃соу, ниже расматрающе҃ вьпрашаше разоумѣти, нѫ҃ мнеще, ꙗко дрѵ҃гые нѣкые заповѣди па҃ законны҃, иже и҃сходатаити ємѵ҃ могоуть живота вѣчнаго. х҃с҃ же рече ѥмѵ҃: „что҃ ме гл҃ѥши бл҃гаа. никто же бл҃гь, тькмо ѥдинь б҃ъ“. аще оубо рече, ꙗко ѥдиного ѿ оучи҃тель нарицаеши ме бл҃га. злѣ гл҃ѥши. никто же ѿ чл҃ькь поистинѣ бл҃гь. коупно же ꙗко ѵ҃добь чл҃ѣци прѣлагаютсе ѿ добра на злое. коупно же и҃ прѣмѣняеми чл҃ци кь б҃жтвнѣи бл҃ти лоукавьствіе, паче и҃ злоба мнити бы҃ и т. д. На листахъ 113—262 находится другой рядъ поученій на воскресныя евангелія, начиная съ недѣли мытаря и фарисея, кончая недѣлей Пятидесятницы; на листахъ 263—354—различныя поученія.

XX. Въ сборникѣ Бѣлградскаго ученаго Друштва № 24 въ 8°, XVI—XVII въ л. 91—112 читается апокрифическій Исходъ Моисеевъ, извѣстный доселѣ въ русскихъ спискахъ. Начало его: „О житіи пр҃рка Мѡѵсеа и ѡ Фараѡнѣ цр҃и. Фараѡ҃ же ви҃дѣ сѧ҃нь сицевь. сѣща҃ себе на пр҃столѣ цр҃твіа своѥ҃. и вьзвигь о҃чи свои, ви҃дѣ старца стоѥща противо҃ ѥмѵ҃ и вь р҃ѵцѣ ѥ҃ скѧ҃вигы. и въкла҃дѣ въ ѥдинѵ҃ кал҃вигѵ҃ вьсѣ старце ѥгѵ҃птѣ҃кыѥ и вѣможе и пото҃ вьло҃жи въ дроу҃гѵ҃ю скалвигѵ҃ агньць всь... Текстъ тотъ же, что и изданный Тихонравовымъ Памятн. Отр. л. I, 223—253, съ нѣкоторыми перестановками въ концѣ. Сказаніе о смерти Моисея сокращено сравнительно съ Тихонравовскимъ, а именно: „да коне҃ць же лѣта то҃го въ мц҃ь ѳ҃ и҃ въ дн҃ь ѕ҃ къ мц҃оу, то҃ ѥ҃ марьѳь оумреть Мѡѵ҃си раб҃ь бж҃іи“; ср. Тихонр. I, 253.

Въ томъ же сборникѣ: a) 1—90 Историческая Палея. b) 115—122 Шестодневъ Севериона Гевальскаго въ сильномъ сокращеніи. c) 131—246 Лѣтовникъ сокращенный Георгія мниха.

Библиотека "Руниверс"

Въ сборникѣ Бѣлградскаго ученаго Друштва № 25 въ 8°, XVII в. л. 122—123 читается: „Повѣсть о цр҃ѣ Гд҃ѣнію како ѡ҃сѣди бл҃женнаѧ Гроздіа и прѣда ѥго иа м҃ніе". Начало: „Цртвоє бешѣ велѝки Гд҃ѣніє ѝпатствѡ҃ща и҃мѣ҃ше ѡ҃бльк҃ѵ кѵ҃тарь жльти прѣ҃стоѧ са лѝмѵ҃віѣ. и велѝки протокарі҃ѡ҃ кр҃ѣткое и҃ прі҃ндѣ радостно бл҃ннїи Гроздіе, крїче и вапіе вѣпіѥ҃ крѣпко: „оувы҃ мнѣ, ѵ҃вы, поѵ҃ліи ме велѝкы Гд҃ѣніе, ꙗко брать каисіа мнѝ ѵ҃бити ме и мачѣ҃ глáвѵ҃ мою хощеть ѿ҃сецн". Оканчивается нравоученіемъ: „ѡ҃, ѡ҃, ѡ҃. зрѝ любимиче. беган сего винопитіа. винѡ҃ прѣмѵ҃дріи Соломо҃ женѣ пвоплѣменице покорисе и поклонисе идоломъ и оставы гра҃. винѡ҃ крѣпкы Самѵ҃ѡ҃ свою пр҃мѵ҃дрѡ҃ и крѣпость погѵ҃би и прѣдадесе иноплѣменникѡ҃ и дш҃ѵ҃ свою въ погибели прѣдадѣ". Такое, напримѣръ, слово, какъ „протокарiѡн" = πρωτοκάρειον указывало бы на переводъ съ греческаго.

Въ томъ же сборникѣ помѣщено, между прочимъ:

1—10. Начало притчи Соломоновы сн҃а Дв҃дова: познати прѣмѵ҃дрѡ҃ти и наказаніе ѹразѵ҃мѣти словеса разѵ҃мѣніа; выдержки изъ главъ 1—31.

10—31. Рѣчи избранніи дрѣвнiй мѵ҃жіи философь: „врѣме же и родъ въсакоп вещи по҃сльчнои, врѣме же родитисе...

42—109 Стефанитъ и Ихнилатъ. „Црь Индиски въпроси некоего философа гл҃є: хощѵ҃ да ми притчею покажеши, како льстивь мѵ҃ и лѵ҃кавъ... Отрывокъ изъ этой же повѣсти читается въ спискѣ Бѣлградской Народной Библіотеки № 312 (начало, четыре листика).

132—138 Избраніе ѿ различны҃ї книгъ сѵ҃то Іѡа҃ Зла҃устаго. То же самое читается въ сборникѣ Вѣнской Придворной библіотеки № 117, XV в. л. 651—600. Приведу нѣсколько изрѣченій по Вѣнскому списку.

1. Прѣ҃жде въсѣ боисе бг҃а и҃ пр҃но помина҃й ѥго҃ въсегда҃.

2. Люби҃ г҃а бг҃а своѥго ѿ҃ всее дш҃е своеѥ и ѿ҃ всеѣ мы҃сли своеѣ и бли҃жнѧго своѥго а҃ко са҃мь себе.

3. Въсѧко ѥже не хѡ҃щеши да боѵ҃дѣ҃ ти и ты сѣ҃ и҃номоу да не сътвориши.

4. Бл҃вѧи кльноу҃щеѥ҃ тебѣ, мл҃исе за ѡ҃скръбля҃ющі҃й те.

5. Люби҃ врагы҃ свое. каа҃ намь бл҃ть ѣ҃ а҃ще любимъ любещі҃й на҃.

Всѣхъ изрѣченій 87; послѣднее: „каѧ здѣ҃ пи҃щи по҃лза ѥ҃сть дн҃ь и҃ заоу҃тра нѣсть. дн҃ь цвѣ҃ свѣтль и оу҃трѣ҃ пра҃ погыбаемь". Среди дѣйствительныхъ твореній Іоанна Златоуста подобное не попадается.

Въ сборникѣ Бѣлгр. Учен. Др. № 26, XVII в. между другими статьями читается:

Библиотека "Руниверс"

107—125. Сіа словеса въкрѫцѣ избранна ѿ книгы Кѡстантина Фїлософа Костѣнчьскаго бывша оучителя срьбьскаго вь дни бл҃гочтиваго Стефана деспота гна Срьблкмъ; „кто хощеть писати, съмотри здѣ словеса и рѣчи и бѣлеги и оѕіе и варіе, апострофы и срокы...

131—173. Съвѣщаніа кратка великаго оучителя Самоѹила Іоудеянина родѡ, но ѿ іоудейства къ вѣрѣ хр҃тіанствѣ обращшагоса.

173—219. Начинаѣ книѫка оучинена магистрѡ Николаю Делира чина мѣшй ѳеѡлогіи прослѣдователя, въ ней сѫ прѣкраснѣиши стазаніа іюдѣское бѣвѣріе въ православнѣ вѣрѣ похѹлающе: „первое взыскуетса, аще ѿ писаній пріаты ѿ Іюдѣ можѣ крѣпцѣ оутвердити сп҃са нашего бывше ба и чл҃ка... Въ концѣ приписка: „Повелѣніемь архіепископа Генадіа преложиль сіѣ на ржскыи ѕыкь Мита тлъмачлѣта ѕ҃ѯѳ-го Николы Делира на богоѿметныхъ Іоудеѡвъ.

XXI. Сборникъ попа Драголя, владѣтеля котораго, профессора П. Сречковича, акад. Ягичъ называетъ „beatus possidens“, достаточно извѣстенъ, чтобы о немъ не распространяться. Слѣдовало бы издать изъ него то, что осталось неизданнымъ. Въ немъ мы имѣемъ старѣйшій текстъ „Чьтеніѥ сѵ҃го Вароха. кга послань бы к нѥмоу анг҃лъ Паноуиль оу сѵ҃тоу гороу Сионю на рѣцѣ кга плакасе ѡ плѣнени ѥроусл҃мьсцѣмь“ 177—189. Можно указать на чудо Георгія съ змѣемъ „Чьтниѥ сѵ҃го Георгиа“, 189—194. Разсмотрѣть этотъ апокрифъ по возможно большему количеству греческихъ и славянскихъ текстовъ важно по отношенію къ нашей Толковой Палеѣ. Въ послѣдней этотъ апокрифъ вставленъ эпизодически (Колом. П. л. 177—180) въ разказъ объ Іевфаѣ и его дочери. Редакторъ начинаетъ такъ: „но се оубо предълагаю вы подобыство бывшеѥ великымъ мч҃комь стр҃пцемь Геѡ́ргиѥмь“ и затѣмъ даетъ сначала большое предисловіе, въ которомъ кратко передаются всѣ козни дьявола отъ паденія человѣка до окончательнаго утвержденія вѣры христіанской. Самый апокрифъ начинается собственно такъ: „Бы градъ великъ зѣло въ странѣ Палестиньскѣ нарицаѥмни Нападаваи“. Редакторъ, очевидно, вставилъ его въ разказъ объ Іевфаѣ, и, надо сказать, не совсѣмъ удачно. Но онъ повидимому хотѣлъ дальше говорить и о мученіи Георгія, потому что сказаніе о немъ оканчивается „мч҃ниѥ же самаго Георгиа того чюдьно и преславно. колико много пострада за вѣру хр҃тьіаньску. ѿ безаконьнаго цр҃а Дадьіака. но пошедъ ѿ семь пакы оукажемъ тп҃“; но вспомнивъ, что это выходитъ уже изъ его цѣли, редакторъ прерываетъ—„но мы оубо на предълежащеѥ найдѣмъ“ и продолжаетъ прерванную

Библиотека "Руниверс"

рѣчь объ Іевфаѣ. Палейный апокрифъ переведенъ съ греческаго. Доказательствомъ этого служитъ слѣдующее мѣсто: Георгій говоритъ дѣвицѣ: „не боися ймамъ бо помогающа ми і҃съ х҃а, иже древле огради оу҃ста львомъ. и Даніила же ѿ нихъ без вреда схрани. тои мнѣ дн҃ь силу вдасть на гордаго сего лукаваго змиа҃. но ако же и Даніилъ тогда сущаго оумори, вьвергни гомолъ во оуста его, тако и азъ сего имамъ оукротити силою вл҃дкы моег҃о“ л. 179. Выраженіе „Даніилъ тогда сущаго оумори“ непонятно, но оно есть, очевидно, невѣрный переводъ Δανιὴλ τὸν λέοντα ἀπέκτεινε (?), гдѣ вмѣсто τὸν λέοντα было прочитано или по ошибкѣ стояло въ спискѣ δὲ ὄντα = „сущаго“. Теперь спрашивается только, перевелъ ли самъ редакторъ Палеи апокрифъ, или нашелъ готовымъ. Въ массѣ случаевъ мы видимъ, что онъ пользовался уже готовыми источниками: вѣроятно, и здѣсь также было дѣло. Если бы удалось найдти данный текстъ въ отдѣльномъ существованіи, то видно было бы, внесъ ли редакторъ Палеи въ него измѣненія или нѣтъ. Извѣстные пока тексты не даютъ параллелей. Оригиналъ текста попа Драголя читается въ рукописи Парижской Національной библ. du fonds grecs № 770, XIV вѣка, л. 72—75. Текстъ сборника попа Драголя при сходствѣ въ общемъ содержаніи съ Палейнымъ въ концѣ сильно отъ него различается. Въ Палеѣ говорится, что Георгій, видя вѣру спасенныхъ имъ гражданъ отъ змѣя, повѣсилъ имъ въ знаменіе свой щитъ надъ трапезою; щитъ этотъ виситъ и доселѣ въ воздухѣ и многія чудеса совершаются передъ нимъ. Въ сборникѣ же попа Драголя конецъ иной: „и тог҃а васіискы градь сь҃а цр҃квь вь име сг҃го Геѡргиа҃. и к҃га сь҃заше цр҃квь, оуи҃де сг҃ы оу цр҃кьвь и пом҃лисе. изіде источникь изь цр҃кве свѣщеньныѥ воды, и до дн҃ьшнаго дн҃е ѥсть на ѡсвѣщеніе вѣроующимь оу х҃а. многа же знаменіа и чюдеса створи г҃ь на мѣстѣ томь за м҃лтвоу сг҃го Геѡргиа҃“, л. 193-й. На греч. (cod. Paris. 770, л. 74): τότε ὁ βασιλεὺς μετὰ παντὸς τοῦ λαοῦ τῆς πόλεως ἐξήγειραν σκῆπτον ναὸν εἰς ὄνομα τοῦ ἁγίου Γεωργίου. καὶ ἐν τῷ οἰκοδομηθῆναι τὸν ναὸν ἐλθὼν ὁ ἅγιος Γεώργιος ἐσφράγισεν εἰς ἕνα τόπον τοῦ βήματος τῆς ἐκκλησίας καὶ ἐξῆλθεν πηγὴ ἁγιάσματος καὶ ἔστιν εἰς ἴασιν τοῖς πιστεύουσιν εἰς τὸν κύριον ἡμῶν ἰησοῦν χριστόν. πολλά τε θαύματα ἐποίησεν ὁ ἅγιος Γεώργιος διὰ τῆς δωθείσης αὐτοῦ χάριτος παρὰ θεῷ. Такъ же читается съ небольшимъ уклоненіемъ въ спискѣ Венеціанской библ. св. Марка. App. class. VIII, cod. 42, л. 185, XIII вѣка. Это указываетъ уже на двѣ различныя греческія редакціи. Но различіе идетъ далѣе. Въ сборникѣ, очевидно, пропускъ, потому что вслѣдъ за приведеннымъ на листѣ

Библиотека "Руниверс"

194 идетъ продолженіе разговора Георгія съ дьяволомъ: „Гєѡргиѥ, ꙗко ильть земльна попираѥть ме чл҃вкь под҃ мозѣ. азъ, „Гєѡргиѥ, потаити хотѣхь твою бл҃гость. и мышлꙗхь, да ми се бя поклониль срѣть ме, ꙗко и многы ѿ бг҃а разлоучихь и ѿ славы бж҃ии. азь самого г҃а оу поустыни искоусихь и ты же поиѣ поусти. юже вса ти исповѣдахь прьваго ми величиа“ Георгій помолился Господу, чтобы онъ связалъ дьявола: „бѣше же на мѣстѣ томь камень велеи зѣло. и знаменавь кго сты Гєѡргиѥ г҃а. по имени г҃а іс х҃а да ѿврьзетьсе камень сы. и да оувръжетьсе оунь пронорливы демонь. и да се тахо моучи до сконьчаиия вѣка. и оу тои ча҃ пожреть и земля оу без҃ноу“. Не эти ли или подобныя подробности имѣлъ въ виду редакторъ Толковой Палеи, когда въ предисловіи распространялся о козняхъ дьявола? Несомнѣнно, существовало нѣсколько переводовъ сказанія о чудѣ Георгія съ змѣемъ, при чемъ одна и та же греческая редакція переводилась нѣсколько разъ. Въ упомянутомъ выше сборникѣ Бѣлград. Нар. Библ. № 104, л. 288-й сохранился отрывокъ этого сказанія, который даетъ другой переводъ того же оригинала, съ котораго сдѣланъ переводъ сборника Драголя, при чемъ сохранился отрывокъ и о дьяволѣ, чего нѣтъ въ Толковой Палеѣ. Что оригиналъ того и другого текста былъ одинъ и тотъ же, видно изъ слѣдующаго сравненія:

Бѣлгр. Нар. Библ. № 104.

Бѣше же градь зовомь ѥласи. и вь градѣ томь бѣше (цр҃ь) именемь Селеи. и тои бѣ неи҃тивь зѣло и не вѣроваше х҃ѹ. бѣше же неи҃тивь и безаконьнь зѣло. идожьрьць. и за дѣла неприязнина ѿдасть ѥмоу бѣ. и близь гра҃ того бѣше ѥзеро имеѥ води много. и бѣше ꙗко и море. и змѣи живеше вь ѥзерѣ томь. и излазе и по все дни изѣдаше чл҃вкы. и многоу цр҃ь тъ҃ собираше воѥ своѥ да погоубить ѥго и не може... зѣло. и собрасе вѣ҃ градь и вьзоупише цр҃ю томоу...

Сборн. п. Драголя.

Бы҃ градь именемь Ласиа. и цр҃твова вь немь цр҃ь именемь Соломонь. и ть бѣ безоумьнь идоложьрьць нечьстивь неми҃тивь. приѥть ѿ того вь него же вѣрова. и по лѣтом҃ ѥго дасть ѥмоу бѣ. бѣ же близь гра҃ того ѥзеро велико. и родисе оу ѥзерѣ том҃ пронорьливы змеи. и все дни исхожа҃хоу на срѣтениѥ ѥмоу. многащі цр҃ь собираше воѥ излѣсти на брань зм҃иѥви. и оузмоутившисе водѣ не можахоу срѣсти ѥго исходещю пронорьливомоу змию. и сьбрасе вьсь градь и вьзоупише кь цр҃оу...

Библиотека "Руниверс"

Ср. тотъ же Парижскій текстъ л. 72: ἐγένετο δὲ κατὰ τοὺς καιροὺς ἐκείνους πόλις καλουμένη Δασία καὶ ἦν ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ βασιλεὺς ὀνόματι Εὐσέβιος. καὶ αὐτὸς πονηρὸς καὶ εἰδολολάτρις καὶ παράνομος μὴ ἐλεῶν μηδὲ οἰκτείρων τοὺς εἰς Χριστὸν πιστεύοντας. κατὰ δὲ τὰ ἔργα αὐτῶν τὰ πονηρὰ ἀπέδωκεν αὐτοῖς κύριος ὁ θεός. ἐγγὺς γὰρ τῆς πόλεως ἐκείνης ἔστιν λίμνη ἔχουσα ὕδωρ πολὺ ὥσπερ θάλασσα. καὶ ἐν τῇ λίμνῃ ἐκείνῃ ἐγεννήθη δράκων πονηρὸς καὶ κατέσθιεν τὸν λαὸν τῆς πόλεως ἐκείνης. ἄλλο δὲ ὕδωρ οὐκ ἦν. καὶ πολλάκις ὁ βασιλεὺς συνήγαγεν τὰ στρατεύματα αὐτοῦ εἰς τὸ ἀποκτεῖναι τὸν δράκοντα καὶ οὐκ ἠδυνήθησαν, ἀλλὰ μᾶλλον ὁ δράκων κατέσθιεν αὐτούς. συνήχθη δὲ πᾶσα ἡ πόλις καὶ ἐβόησαν πρὸς τὸν βασιλέα λέγοντες....

Стоитъ сравнить съ этимъ текстъ Толковой Палеи, чтобы видѣть различныя греческія редакціи; „Бы̑ градъ великъ зѣло въ странѣ Палестиньскѣ наричаємѣи Нападаваи. близъ же града того о̑зеро бѣ превелико в немь же живаше змиі превелі̑ и̑ многу пакость твораше чл̑кмъ страны тоѩ. другыѩ бо свистаніємь оу̑мораше. бѣаше плачь и̑ скорбь велика въ градѣ томь. цр̑ь же града того созвавъ народы гл̑а..

XXII. Г. Начовъ изъ упомянутой выше Тиквешской рукописи издалъ „Слово прѣкраснаго Иѡсифа“. Это—апокрифъ съ нѣкоторыми особенностями, неизвѣстными изъ другихъ текстовъ. Таковъ напримѣръ сонъ слугъ фараоновыхъ, посаженныхъ въ темницу: одинъ видѣлъ, что онъ носилъ пеструю одежду, а другой—бѣлую; такова подробность, что Іосифъ велѣлъ выручать Веніамина самому Іакову, и когда Іаковъ съ сыновьями подходилъ къ Египту, то выслалъ къ нему Веніамина возвѣстить всю истину; таковъ конецъ апокрифа о возмущеніи Веніамяна и о судѣ надъ нимъ царя Манассіи. Нѣкоторыя мѣста въ рукописи остались неразобранными. Этотъ апокрифъ въ болѣе полномъ и лучшемъ видѣ находится въ спискѣ Пражскаго Національнаго Музея, № 19, л. 170-й—179. Онъ начинается такъ же, какъ и въ Тиквешской рукописи: „И̑ ѩкѡвъ бѣ вь зѣлі̑ халдейѣцеи і имѣе в̑ сновь свои̑. стар̑иши вьсѣ бѣ Іюда и юнеи̑шіи̑ бѣ всѣ Іѡсифъ и̑ Веніамінъ“. Несохранившіяся части Тиквешскаго списка передаются въ немъ вполнѣ. Я выпишу эти мѣста.

1. Тикв. стр. 28: „и̑ бы̑ ѵ Хар̑ѩ и̑ лѣ̑ и̑ вид̑ѣ его̀ жена Хар̑ѿва кѵ̑ра и̑ зело красна ї и̑спльнйсе неизр̑ѣ̑ннаго ст̑ѣ̑ лъкавіе мі̑слі̑ помишлаше въ сѣ̑, како его̀ пр̑лѣ̑тить. и̑ начеть лице своѥ̀ красіть и̑ ризїи̑ своѥ̀ стр̑катьі̑, ѣ̑ а̑ би̑ како Іѡ̑сі̑фь др̑зьнуль кь ней, и̑ ѿтаи̑ гл̑ае ка немѵ̑: „бѵ̑и сь мною̀“. сьі̑ же целомѵ̑др̑ьныі̑ не вьс̑хоте, нь

Библиотека "Руниверс"

гл҃аше кь ней: „се же не сьтворѹ неверь гд҃оподи҃нѹ моемѹ, понеже ѡнь мене кѹпиль є҃сь“.

2. Тикв. стр. 29: „братиꙗ же, є҃гда пр҃аше Іѡси҃фа, ѡкр҃вавиꙋше ризѹ его и҆ послаше ю҆ ѡц҃ѹ своемѹ Іа҃кову, сице гл҃ѹщи: „некоѣ зверь бѣ҃ изель Іѡсифа. и҆ мі҃и стр҃вь є҃го ѡбр҃ѣтохѣ и҆ познасьмо ри҃зѹ є҃го, гд҃а҃ то҆ є҃сь ри҃за брата нашего Іѡсифа҃“.

3. Конецъ апокрифа: „поменисе Венеамі҃не и҆ вьзвратисѐ. ѡнь же не хотѣꙗше, нь скр҃жеташе зѹбы҃ на вьсѐ такожѣ распадесе поср҃ѣде и҆. и҆ сн҃ови є҃го ѿ него заль ѡбы҃чай прим҃иꙋше и҆ семе и҆ зло твораше вьсе, донь҃ѣже Моисѣ погѹби и҆ Амалі҃ка мѹчителя на горѣ пр҃отрьтиѣ рѹкь свои҃ крьт҃аѡбразно. бѹ҃ нашеѹ сла҃ вь векы. амінь.

Кромѣ того Пражскій списокъ полнѣе Тиквешскаго, хотя дополненія и незначительны; напримѣръ, Пражскій имѣетъ лишнее сравнительно съ Тиквешскимъ слѣдующій разговоръ Іосифа съ женою Харія: „на пѡтави҃ль ме є҃сь гѡ҃подина дому҃ своемѹ“. пакы҃ жена кь Іѡсифѹ гл҃аше: „дрьзни ка҃не, да наслаѣ҃ѹсе твоеи҃ красоти. а҃зь же мѹжа моего ѹ҃бію и҆ тѣ҃ гѡ҃подина дому҃ моемѹ сьтворь“. и҆ мно҃ его нѡ҃ивь. съи҆ же целомѹ҃дрьны҃ не восхоте“.

Относительно происхожденія апокрифа г. Начовъ предположилъ нѣчто общее съ извѣстнымъ словомъ Ефрема Сирина объ Іосифѣ, но за неимѣніемъ самаго слова не могъ сказать ничего утвердительнаго (стр. 115—116). Дѣйствительно, соприкосновенія съ словомъ Ефрема Сирина, давшаго между прочимъ содержаніе сказанію объ Іосифѣ въ Толковой Палеѣ, есть. Они слѣдующія;

1. У Ефрема Сирина говорится, что братья Іосифа сначала сильно били, а онъ умолялъ ихъ отпустить его къ отцу; такъ и въ данномъ апокрифѣ братья стали бить Іосифа, а онъ умолялъ ихъ отпустить его и не уподобляться Каину братоубійцу.

2. Ефремъ Сиринъ приводитъ большой плачъ Іосифа надъ гробомъ матери своей, Рахили: плачетъ Іосифъ и въ апокрифѣ, хотя плачъ этотъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ. Въ апокрифѣ братья, продавая Іосифа, дали совѣтъ купцамъ не говорить съ нимъ, ибо онъ „магі҃ники҃ є҃сь и҆ хощеть вѣ҃ ѡ҃магі҃ти“, что послѣдніе ему и сказали, когда увидали плачущимъ надъ гробомъ Рахили. У Ефрема Сирина нѣтъ совѣта, но купцы все же говорятъ ему: „г҃акоже рекоше намь ѡни пастыріе—ѡбѣжати хо҃щеть ѿ вѣ҃, намъ оу҃пи҃вшемь; сп. Бѣлгр. Нар. Библ., № 36, л. 9.

3. Сходно съ словомъ Ефрема Сирина разказывается о попыткѣ жены Харія соблазнить Іосифа.

Но при указанныхъ точкахъ соприкосновенія, содержаніе апокрифа

Библиотека "Руниверс"

настолько удаляется отъ слова Ефрема Сирина, что рѣшительно не позволяетъ приводить ихъ въ какую-либо связь между собой. Я указалъ выше нѣкоторыя особенности, которыя встрѣчаются только въ данномъ апокрифѣ; къ нимъ можно присоединить еще одну характерную особенность: Іаковъ не высказываетъ подозрѣнія въ убійствѣ Іосифа, но только проситъ указать гробъ его, чтобы умереть на его гробѣ. Но ангелъ объявилъ ему, что онъ умретъ на рукахъ Іосифа, чему Іаковъ не повѣрилъ, но сказалъ: „аще би Іосифъ живъ бѣ, гѣ ѹтаилабше єгова красота и гѣ би се єгове речи ѹтаиле". На различное происхожденіе указываетъ имя вельможи „Харѳи" вмѣсто обыкновеннаго „Пентефрій". Апокрифъ представляетъ переводъ съ греческаго: магистаники = μαγιστανικός. Переводъ былъ сдѣланъ повидимому, на болгарскій языкъ, такъ какъ не смотря на сербскую редакцію обоихъ списковъ, проглядываютъ болгаризмы, какъ напримѣръ „рѹхо", бескоупа". Всего вѣрнѣе, что и въ греческомъ оригиналѣ не было соприкосновенія со словомъ Ефрема Сирина, а послѣдній съ своей стороны воспользовался для своего слова нѣкоторыми изъ элементовъ, вошедшихъ въ данный апокрифъ.

Духовный стихъ о прекрасномъ Іосифѣ въ рукописи Григоровича, въ Новороссійскомъ университетѣ № 20 (46), л. 11—13 (Мочульскій—описаніе рукописей Григоровича, 31), на который также только сдѣлалъ указаніе г. Начовъ, наоборотъ составленъ по слову Ефрема Сирина. Также два плача—передъ рвомъ и во рву. Я приведу этотъ стихъ, любезно пересланный мнѣ проф. Н. Ѳ. Красносельцевымъ:

Стѝй ѡ прекрасномъ Іосифѣ.

„Бѣ̀жень еси Ѷакове, имѣль еси двайадесѧ̀ сна̀,
„и меньшаго любиль еси прекраснаго Іосифа.
„Іосифъ же в домѹ̀ сѣдя ѡчю̀ старость утѣшаше.
„старѣишая его братия в долине овьцы пасяше.
„Ѷаковѣ̀ же Іосифа посла братию посетити.
„увидѣвше его братия приближающагося к нимь
„начаша нань помышляти, како его в ровь воврещи бы.
„похватиша ѵако волцы. нежалосно ризу совлекоша.
„Ѷосифъ же целова ѥ̀, носяще мирь ѡт ѡца̀.
„бра̀я же его лукавнѣ зѹ̀бы на него скрежетахѹ̀,
„хотяхѹ̀ жива пожрети прекраснаго Іосифа.
„Іосиѳь же видя себя ѿ̈ братиї порѹ̀гана
„нача молитися братиї со слезами гла̀ше:
„ѡ братия любимая, что на мя рѹ̀це простроша.

„молюся всѣмь вамь, братіе, примите рыданіе мое,
„пⷭстите мене ѿ себе, да поидⷭ ко Иꙗковⷭ.
„да возвѣщⷭ емⷭ ѿ ва, ꙗко вси здрави есте здѣ.
„Похватиша его братія и в ровь глⷭбокⷭ ввергоша.
„Иосифь же в ровѣ сѣдя слезы с рыданьми испⷭщаше и плачася глаголаше:
„раⷣлⷭчихся ото ѡц҃а моего, ѿче, ѿче Иꙗкове
„услыши гла плача моего и болѣзнь сердцⷭ моемⷭ.
„се нинѣ азь в ровь вверженъ желаю старость твою зрѣти.
„се нынѣ чаеши мене к тебѣ скоро возвратитися.
„се нынѣ азь в ровъ сѣдя горше мертвеца погребенъ есмь.
„возплачися Иꙗкове ѡ разлученіи моемь ѿ тебе.
„кто бы ми да голⷭбицⷭ вѣщающⷭ бесѣдами ко ѿц҃ⷭ моемⷭ,
„да прилѣтѣвшⷭ вовѣсти старости твоеи слезы моеи.
„уже бо не зриши мене утѣшающⷭ старость твою.
„ни гла моего слышиши гл҃ющаго тобою, ѡче мои.
„Бра҃я же его лⷭкавнѣ совѣть себѣ сотвориша.
„како бы ѿц҃ⷭ сказати ѡ пре(кра)сно҃ Іосифѣ.
„козла въ стадѣ заризаша и ризⷭ его ѡкровавища,
„понесоша ю ко ѿц҃у Иꙗковⷭ гл҃юще емⷭ:
„ѡче, ѡче Иꙗкове, сиꙗ брата нашего прекрасна҃го Иосифа.
„обрѣтохомь ю на поле лежащⷭ окровавленⷭ.
„Иꙗков же взя҃ ризⷭ его слезами ризⷭ ѡбмывая, гл҃я:
„гдѣ ты, чадо, убиень бысть, да ше҃ бы азь искался над твоею красотою.
„кому повѣмь печаль свою, кого призовⷭ к рыданію моемⷭ.
„увы мнѣ, увы мнѣ, сыне прекрасныи мои Иѡсифе.
„утроба моя мятется тебе ради сн҃а моего.
„аще, чадо, убиень бысть, не би твоя риза ѡсталѡ҃.
„аще, чадо, звѣрь тя изѣль, знати бы на ризѣ хватаніе,
„торгание лютаго звѣря зубнаго.
„Болшая же его братія продаша кⷭпцѣ҃ во Египеть прекрасна҃го Иосифа,
„и бысть пр҃емь во Египте и богоудно скончася.

У Ефрема Сирина Іаковъ также плачетъ надъ ризой: „оувы мнѣ, оувы мнѣ, оутроба ми се рѣже... на ризѣ твоеи нѣ҃ трьзаніа нокьти ни хапаніа зоубь҃“, Бѣл. Н. Б., № 36, л. 11.

И. Истринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Иррацiональныя числа и длина окружности. Для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ и поступающихъ въ высшія учебныя заведенія. *И. М. Травчетовъ*, преподаватель математики въ 5-й С.-Петербургской гимназіи. С.-Пб. 1895. Стр. IV + 38. Цѣна не обозначена.

Г. Травчетовъ, видимо, хотѣлъ своею брошюрою рѣшить весьма трудную задачу: элементарно, удобопонятно и вмѣстѣ съ тѣмъ строго изложить теорію иррацiональныхъ чиселъ, разсматриваемыхъ, какъ предѣлы рядовъ раціональныхъ чиселъ. Удачное выполненіе подобной задачи представляло бы трудъ, по истинѣ заслуживающій благодарности, ибо оно внесло бы ясныя представленія въ умы учащихся и позволило бы привести въ строгую систему то обиліе математическихъ фактовъ, которое пріобрѣтено учащимися. Къ сожалѣнію г. Травчетовъ выполнилъ свой трудъ неудачно. Это и постараемся доказать, разсмотрѣвъ только крупные промахи.

Стр. 28. Авторъ даетъ такое опредѣленіе: *перемѣннымъ числомъ называется число, которое можетъ имѣть разныя значенія.*

Какъ авторъ думаетъ о числахъ: $\sqrt{4}$, $arc\ Sin\ \frac{1}{2}$ и т. п. Перемѣнныя они или постоянныя?

Стр. 28. Авторъ говоритъ: *конечнымъ перемѣннымъ числомъ называется перемѣнное число, имѣющее предѣломъ конечное число.*

Какъ авторъ думаетъ о перемѣнномъ числѣ, принимающемъ значенія:

$$Sin\ 1,\ Sin\ 2,\ Sin\ 3,$$

и не стремящемся ни къ какому предѣлу?

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

Конечное это число или безконечное?

Стр. 34. Авторъ даетъ такое опредѣленіе: *боковая поверхность цилиндра есть предѣлъ боковыхъ поверхностей правильныхъ призмъ, описанныхъ въ цилиндръ и описанныхъ около него.*

Замѣтимъ автору, что это опредѣленіе неполное, ибо въ немъ не указанъ законъ измѣненій боковой поверхности правильной призмы.

Стр. 35. Авторъ принимаетъ, какъ опредѣленіе, что *объемъ цилиндра есть предѣлъ объемовъ правильныхъ призмъ, вписанныхъ въ цилиндръ и описанныхъ около него.*

Ужели авторъ думаетъ, что это есть опредѣленіе, а не теорема?

Стр. 20. Авторъ дѣлаетъ такое опредѣленіе: *ирраціональное число есть предѣлъ соизмѣримыхъ чиселъ неограниченнаго ряда.*

Изъ этого опредѣленія вытекаетъ, напримѣръ, что число $\frac{1}{3}$, представляющее предѣлъ ряда раціональныхъ чиселъ:

$$\frac{3}{10},\ \frac{33}{100},\ \frac{333}{1000},$$

есть ирраціональное число.

Стр. 20. Авторъ говоритъ: „если при извлеченіи корня взять всѣ числа ряда по недостатку, то получимъ возрастающій рядъ чиселъ, и т. д.“.

Замѣтимъ автору, что эта фраза, взятая сама по себѣ, не особенно понятна и не справедлива, ибо, напримѣръ, рядъ

$$\frac{2}{2},\ \frac{4}{3},\ \frac{5}{4},$$

представляющій рядъ корней изъ 2, съ недостаткомъ, съ точностями до $\frac{1}{2}\ \frac{1}{3},\ \frac{1}{4},$ не есть рядъ возрастающій.

Стр. 7. Авторъ даетъ такое опредѣленіе: *предѣломъ чиселъ неограниченнаго ряда:* $a_1, a_2, \ldots, a_n, \ldots$ *называется опредѣленное число* L, *разности между которымъ и всѣми достаточно удаленными числами отъ начала ряда менѣе произвольно малаго числа.*

Позволимъ спросить автора, считаетъ ли онъ число ($-20.000.000$) малымъ числомъ? По нашему мнѣнію оно очень мало; оно менѣе, напримѣръ, $\frac{1}{20000000}$.

Обратимъ вниманіе автора на то, что многія изъ его доказательствъ не выдерживаютъ критики (*стр. 7, 9*). Нельзя въ самомъ дѣлѣ, разсуждать такимъ образомъ:

Библиотека "Руниверс"

въ правой части равенства:

$$a_{n+p} - a_n = (L - a_n) - (L - a_{n+p})$$

каждое изъ чиселъ $(L - a_n)$ и $(L - a_{n+p})$ произвольно мало, слѣдовательно и вся правая часть равенства должна быть менѣе произвольно малаго числа, а слѣдовательно и лѣвая часть равенства $(a_{n+p} - a_n)$ менѣе произвольно малаго числа.

Мы могли бы указать еще на многіе промахи, но и приведенныхъ выше достаточно, чтобы заключить, что авторъ выполнилъ свой трудъ неудачно.

М. Ф. Андрэ. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. Переводъ съ четвертаго французскаго изданія *Н. Н. Мамонтова*. Москва. 1895. Стр. 107. Цѣна 35 к.

Разсматриваемая книжка заключаетъ въ себѣ 332 задачи, подробно рѣшенныя и, слѣдовательно, ничего не оставляющія для самостоятельнаго рѣшенія. Съ этой стороны книжка не представляетъ изъ себя цѣлесообразнаго сборника задачъ. Самыя задачи, по своему характеру и содержанію, не отличаются отъ задачъ, помѣщенныхъ въ существующихъ сборникахъ задачъ по тригонометріи.

Независимо отъ сего книжка заключаетъ въ себѣ такія ошибки, которыя не терпимы не только въ учебникѣ, но даже въ тетрадкѣ посредственнаго ученика.

И въ самомъ дѣлѣ, допустимы ли, напримѣръ, (стр. 23) такія равенства:

$$\begin{aligned} &log\ Cos\ 127°17'20'' = \bar{0},\ 2176463,\\ &log\ tg\ \ 128°17'30'' = \bar{1},\ 8973611,\\ &log\ Cotg\ 130°0'20'' = \bar{0},\ 0761010 \end{aligned}$$

и доказательства ихъ въ родѣ слѣдующаго:

$$\begin{aligned} log\ Cos\ 127°17'20'' &= -log\ Cos\ (180° - 127°17'20'') =\\ &= -log\ Cos\ 52°42'40'';\end{aligned}$$

или, напримѣръ, такія равенства:

$$Cosa = -0,\ 7 = -\frac{7}{10}\ \text{радіуса},$$

$$Cotga = -\frac{7}{9}\ \text{радіуса},$$

$$Sina = -0,\ 8 = -\frac{8}{10}\ \text{радіуса}.$$

Библиотека "Руниверс"

Возьмемъ нѣсколько образчиковъ языка.

На стр. 3 читаемъ: подобные же вопросы могутъ быть заданы и на другія тригонометрическія линіи.

На стр. 4 находимъ: изъ $Seca = \frac{19}{10}$ выводятъ $Cosa = \frac{10}{19}$.

На стр. 5 читаемъ: „каковы между собою дуги $\frac{90^0 + a}{2}$ и $\frac{90^0 - a}{2}$"; или: „впрочемъ синусъ дополнительныхъ дугъ одинаковъ".

На этой же страницѣ встрѣчаемъ: „синусъ дуги составляетъ половину хорды двойной дуги".

Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе; съ прибавленіемъ задачъ, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Воиновъ*, преподаватель Харьковской первой гимназіи. Москва. 1895. Цѣна 65 коп. Стр. 112.

Содержащіяся въ названномъ сборникѣ задачи недостаточно разнообразны и, по большей части, крайне элементарны; но главный недостатокъ сборника не въ этомъ избыткѣ элементарности и однообразія задачъ, а въ обиліи погрѣшностей въ рѣшеніяхъ и въ самыхъ заданіяхъ. Погрѣшности эти столь рѣзко бросаются въ глаза, что для обнаруженія ихъ нѣтъ даже надобности прибѣгать къ повѣркѣ задачъ, а достаточно бѣглаго обзора. Напримѣръ:

Въ отдѣлѣ 1-мъ: Задача 4-я имѣетъ четыре рѣшенія, а въ сборникѣ только одно. Задача 5-я рѣшена невѣрно: искомое разстояніе должно быть въ 3 раза болѣе указаннаго авторомъ. Задача 6-я имѣетъ по два рѣшенія для каждаго изъ четырехъ искомыхъ разстояній, а въ сборникѣ указано только по одному и только для трехъ; и т. д.

Въ отдѣлѣ 2-мъ: На задачу 6-ю („Вписанный уголъ содержитъ 48°50′. Какъ велика дуга, заключенная между его сторонами и описанная изъ его вершины") данъ невѣрный отвѣтъ (24°25′).—Задача 12-я („Опредѣлить величину вписаннаго угла ABC, зная, что дуга $ABC = \alpha = 230^0 20' 30''$, а дуга $CAB = \beta = 200^0 20' 2''{}^{4}$) содержитъ излишнее данное (дугу β) и, притомъ, данъ невѣрный отвѣтъ ($35^0 20' 16''$, вмѣсто $115^0 10' 15''$). Задача 30-я рѣшена невѣрно, ибо AD не можетъ быть перпендикулярна къ BC.

Въ отдѣлѣ 3-мъ: Невѣрно рѣшена задача 85-я; притомъ, изъ заданія неизвѣстно какую высоту h подразумѣваетъ авторъ,—ту-ли, которая соотвѣтствуетъ данному a или же соотвѣтствующую иско-

Библиотека "Руниверс"

мому основанію (но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ искомое основаніе не можетъ быть равно указанному въ сборникѣ). — Задача 136-я не только рѣшена невѣрно, но и не имѣетъ смысла, ибо ни въ какомъ кругѣ хорда не можетъ пересѣкать діаметръ такъ, чтобы отрѣзки ея находились въ отношеніи 9 28, а отрѣзки діаметра — въ отношеніи 4 : 7.

Въ отдѣлѣ 4-мъ невѣрно рѣшена задача 17-я (радіусъ искомаго круга долженъ быть почти въ 60 разъ менѣе указаннаго авторомъ).

И такъ далѣе.

Было бы излишне продолжать перечисленіе погрѣшностей.

Е. Рихтеръ. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1895. Стр. XI+343+II. Цѣна 1 руб. 40 коп.

„Въ нашей учебной литературѣ", какъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, „имѣются нѣсколько несравненно болѣе полныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасныхъ руководствъ по геометріи". Появленіе же новаго учебника вызвано желаніемъ автора *„облегчить обучающемуся усвоеніе обязательнаго курса геометріи"*.

Разсмотримъ, какими средствами авторъ хочетъ достигнуть этого облегченія.

I. *Въ распредѣленіи матеріала* очень мало отступленій отъ установившагося порядка: только статьи о перпендикулярѣ и наклонныхъ и о параллельныхъ линіяхъ помѣщены передъ статьею о треугольникахъ, да статья о правильныхъ многоугольникахъ раздѣлена на три части и изложена въ трехъ отдѣлахъ (стр. 122—127, 150—151, 172—179).

Уклоненія эти и не новы (кромѣ послѣдняго), и едва ли облегчаютъ учащихся. Лично мы не видимъ никакихъ основаній изслѣдовать зависимость между гипотенузой и катетомъ (статья о перпендикулярѣ и наклонныхъ) ранѣе понятія о треугольникѣ вообще; еще менѣе причинъ основывать безспорныя свойства треугольниковъ на аксіомѣ о параллельныхъ линіяхъ, очевидность которой возбуждала и возбуждаетъ сомнѣнія. А что теорія параллельныхъ линій труднѣе, чѣмъ статья о треугольникахъ, съ этимъ согласится всякій преподаватель.

II. *Опредѣленія*, со стороны ихъ точности и ясности, значительно уступаютъ извѣстнымъ уже въ литературѣ предмета опредѣленіямъ. Приводимъ нѣсколько образцовъ, соблюдая орѳографію подлинника.

„*Прямая линія* отличается отъ всякой другой линіи тѣмъ, что

Библиотека "Руниверс"

она *постоянно сохраняетъ одно и тоже направленіе, какъ бы ни была продолжена*" (стр. 2). Понятія: „направленіе" и „продолжить линію" едва ли проще понятія „прямая линія".

„*Ломанная линія представляетъ совокупность нѣсколькихъ конечныхъ прямыхъ, непрерывно идущихъ одна за другою* (стр. 9). Подъ такое опредѣленіе подходитъ и прямая линія.

„*Круговою линіею или окружность(ю) круга называется сомкнутая плоская кривая, которая на всемъ своемъ протяженіи одинаково отстоитъ отъ одной точки лежащей въ части плоскости, ограниченной этою линіею*" (стр. 74).

„*Кругъ есть часть плоскости вполнѣ ограниченная ею окружностію, или круговою линіею.* Эта послѣдняя можетъ быть разсмотрѣна какъ геометрическое мѣсто точекъ равно отстоящихъ отъ данной точки (центра) и притомъ на опредѣленномъ разстояніи отъ нея (равнымъ радіусу окружности)" (стр. 87).

Второе опредѣленіе, хотя и поправляетъ ошибку перваго, но едва ли можетъ быть признано образцовымъ.

„Пирамида бываетъ *наклонная* или *прямая*, а эта послѣдняя *правильная*, если многоугольникъ основанія правильный" (стр. 268). Такіе неизвѣстные до сихъ поръ термины, какъ „наклонная и прямая пирамиды", конечно, нуждались бы въ нѣкоторомъ поясненіи.

Додекаедръ есть „тѣло, около вершины котораго лежатъ три правильныхъ и равныхъ пятиугольника" (стр. 273).

„*Круглыми тѣлами называются геометрическія тѣла, ограниченныя кривыми поверхностями*" (стр. 297).

Можно обратить еще вниманіе на опредѣленія *элементарной геометріи* (стр. 2), *угла* (стр. 11), *геометрическаго мѣста* (стр. 28), равенства дугъ (стр. 89), равенства несоизмѣримыхъ отношеній (стр. 105), *предѣла* (стр. 180), подобія треугольниковъ (стр. 141) и т. д.

III. Тѣми же недостатками, то-есть, отсутствіемъ точности и ясности, страдаетъ въ большинствѣ случаевъ и *редакція теоремъ*.

„*Параллельныя вездѣ на равномъ разстояніи*" (стр. 34, строка 11—10 снизу).

„*Равные отрѣзки прямыхъ, заключенные между равными отрѣзками другихъ прямыхъ, будутъ также параллельны*" (стр. 64). Отсюда мы въ правѣ заключить, что діагонали прямоугольника параллельны.

„*Если соотвѣтственные концы равныхъ и параллельныхъ прямыхъ соединимъ съ другими прямыми, то эти послѣднія будутъ также параллельны и равны*" (стр. 64—65). Предлогъ „съ", конечно, лиш-

Библиотека "Руниверс"

ній, но все таки, на основаніи такой редакціи, мы должны считать діагонали параллелограмма параллельными.

„*Въ прямоугольникѣ... діагонали взаимно дѣлятся на 4 равныя части*“ (стр. 65).

„*Если въ прямой теоремѣ, или цѣломъ рядѣ такихъ теоремъ разсмотрѣны всевозможные случаи, которые представляются при сравненіи нѣкоторыхъ величинъ, то можно утверждать заранѣе, что вѣрна и обратная теорема, въ которой сравниваются величины, отъ которыхъ зависили величины, сравниваемыя въ прямой теоремѣ*“ (стр. 65).

Это совершенно непонятное предложеніе есть передача своими словами слѣдующаго мѣста изъ геометріи Руше и Комберусса:

Lorsque, dans une proposition ou dans une série de propositions, on a fait toutes les hypothèses admissibles, et que ces hypothèses ont conduit à des conclusions respectives essentiellement distinctes, les réciproques des propositions établies sont toutes vraies (*Traité de G. 4-me éd. p. 24*).

Итакъ: „*уголъ треугольника: прямой, острый или тупой, смотря потому будетъ-ли квадратъ стороны ему противолежащей: равенъ, или менѣе, или болѣе суммы квадратовъ другихъ двухъ сторонъ этого треугольника*“ (стр. 155). Гдѣ сказуемое?

Въ нѣкоторыхъ теоремахъ пропущены существенныя условія:

„*Если треугольникъ вращается около прямой, лежащей внѣ треугольника, но проходящей чрезъ его вершину, то получается тѣло, которое есть разность двухъ двойныхъ конусовъ*“ (стр. 302). Пропущено, что 1) ось вращенія находится *въ плоскости треугольника:* иначе основаніе треугольника опишетъ однополый гиперболоидъ вращенія; 2) основаніе треугольника *не параллельно оси.* Авторъ, кажется, совсѣмъ упустилъ изъ виду, что ось вращенія можетъ быть параллельной основанію, такъ какъ и далѣе, въ § 112 (стр. 321—323), этотъ случай не разбирается.

„*Прямые конусы равны и подобны, если они суть тѣла вращенія равныхъ и подобныхъ прямоугольныхъ треугольниковъ*“ (стр. 303).

Пропущено: „*около сходственныхъ сторонъ*“. Само-собою разумѣется, что союзы „и“ надо-бы для большей ясности замѣнить союзами „или“.

IV. Отчетливости выводовъ, при *доказательствѣ теоремъ*, не мало вредитъ отсутствіе ссылокъ на предыдущія теоремы, аксіомы или опредѣленія. Авторъ считаетъ такія ссылки „нецѣлесообразными“ по двумъ причинамъ: 1) „этими указаніями обыкновенно не пользуются“

Библиотека "Руниверс"

и 2) „такой пріемъ не достаточно возбуждаетъ самодѣятельность учащагося". (Предисловіе V).

Между тѣмъ такія ссылки избавили-бы автора отъ труда доказывать по два раза одно и то же: свойства равнобедреннаго треугольника (р. 67 и 60), равенство касательныхъ, проведенныхъ изъ одной точки (р. 95 и 122), отношеніе сторонъ правильныхъ одноименныхъ многоугольниковъ (р. 150 и 173), выраженіе для высоты равносторонняго треугольника (р. 156 и 173) и т. п.

Автору не пришлось бы основываться на послѣдующихъ теоремахъ: § 44,2 (р. 97) основанъ на теоремѣ, доказанной на стр. 119; разсужденія о проекціи прямой (р. 242) предполагаютъ извѣстнымъ, что два перпендикуляра къ одной плоскости параллельны (р. 245—246), и свойства прямой, параллельной плоскости (р. 247); о линейномъ углѣ прямаго двуграннаго угла (р. 253) можно говорить только послѣ теоремы § 84, в (р. 254).

Наконецъ, на страницѣ 276 (стр. 15), авторъ основывается на пропущенномъ почему-то свойствѣ трапеціи. (Теорема, обратная доказанной на стр. 67—68).

Впрочемъ, можетъ быть, авторъ дѣлаетъ здѣсь ту-же логическую ошибку, которая повторяется у него на стр. 94 („*и притомъ только одну*", 6 стр. снизу), 99 (сл. 1-е и 2-е), 100 (сл. 1-е), 120 (стр. 3 и 4), 121 (стр. 1 и 2), 239 („*только одну плоскость*", стр. 15), 250 („*но только одну*", стр. 6), а именно: *авторъ не различаетъ прямой теоремы отъ обратной.*

Это вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ наглядное доказательство того, какъ опасно предоставлять учащимся самимъ подыскивать теоремы, на которыхъ основанъ данный выводъ.

Доказательство нѣкоторыхъ теоремъ безъ всякой нужды очень растянуто. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна *лемма* (р. 36—37), которою, къ слову сказать, авторъ совсѣмъ не пользуется. Полное доказательство ея по образцу, приведенному авторомъ, должно заключать 132 случая. То-же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно двухъ теоремъ § 22, доказательство которыхъ занимаетъ 5 страницъ (39—43).

На ряду съ этимъ основная теорема въ теоріи параллельныхъ линій (р. 37—38), можно сказать, совсѣмъ не доказана.

Своеобразно понимая роль учебника, авторъ оставляетъ нѣкоторыя теоремы совсѣмъ безъ доказательства, въ надеждѣ, что учащіеся сами могутъ *правильно* доказать ихъ. Таковы теоремы:

Библиотека "Руниверс"

„*Два треугольника равны, если двѣ стороны одного порознь равны двумъ сторонамъ другаго, и равны углы противолежащіе большимъ изъ равныхъ сторонъ*“ (p. 55).

„*Если въ четыреугольникѣ сумма противоположныхъ угловъ=2d, то около него можно описать окружность*“ (p. 121).

„*Два треугольника подобны, если стороны одного порознь параллельны или перпендикулярны сторонамъ другаго*“ (p. 143 – 144).

„*Два подобныхъ многоугольника можно разложить на одинакое число подобныхъ и одинакимъ образомъ расположенныхъ треугольниковъ*“ (p. 149).

Теорема объ углѣ наклонной съ ея проекціей на плоскость (p. 242).

Предъявляя такія большія требованія къ учащимся, авторъ самъ иногда отступаетъ предъ доказательствомъ такихъ теоремъ, которыя нисколько не труднѣе вышеприведенныхъ. Такъ онъ не доказываетъ теоремы: „Если въ четыреугольникѣ суммы противолежащихъ сторонъ равны, то въ этотъ четыреугольникъ можно вписать кругъ“. „Доказательство нѣсколько сложное“ (p. 122). Авторъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду доказательство у Давидова; доказательство-же „способомъ отъ противнаго“ совсѣмъ не сложно.

На страницахъ 311, 316, 320, 326, отъ равенства вида $x = ky$, гдѣ k величина постоянная, а x и y—перемѣнныя, имѣющія предѣлы, нужно перейдти къ равенству: $lim\ x = k\ lim\ y$. Авторъ, дѣлая такой переходъ, считаетъ всякій разъ своимъ долгомъ оговориться въ такомъ родѣ: „Не слѣдуетъ упустить изъ виду, что приведенное здѣсь доказательство выраженія поверхности шара далеко не точное. Болѣе точное доказательство основывается на теоремахъ, выражающихъ свойства перемѣнныхъ величинъ и ихъ предѣловъ, намъ неизвѣстныхъ“ (p. 316). Между тѣмъ написавши данное равенство въ такомъ видѣ: $\frac{x}{y} = k$, авторъ могъ-бы сослаться на теорему § 64,2 (p. 182), по которой тогда $\frac{lim\ x}{lim\ y} = k$, то-есть, $lim\ x = k.\ lim\ y$.

V. *Изложеніе*, какъ это уже видно изъ вышеприведенныхъ выдержекъ, свидѣтельствуетъ о недостаточномъ знакомствѣ автора съ русскимъ языкомъ вообще, а въ частности съ математическою терминологіею. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать предисловіе и нѣсколько первыхъ страницъ учебника. Приведемъ поэтому только одинъ—два образчика.

Библиотека "Руниверс"

Одно изъ любимыхъ выраженій автора: „не можетъ имѣть мѣсто“ (p. 26, 28, 38.....). Оно у него принимаетъ даже такую форму: „Обратныя теоремы тоже имѣютъ мѣста“ (p. 243).

„*Если въ четыреугольникѣ одна пара противолежащихъ сторонъ параллельна и равна, то и другая пара такихъ сторонъ параллельна и равна*“ (p. 64).

Въ слѣдующихъ двухъ выдержкахъ трудно понять, что именно хотѣлъ сказать авторъ.

„Если равныя отношенія найдены въ точности между величинами соизмѣримыми, то равенство ихъ безусловное. Но если такія отношенія приближенныя между величинами несоизмѣримыми, то равенство ихъ можетъ быть только условное“ (p. 105).

„§ 97. Естественно начать измѣреніе многогранниковъ съ прямоугольнаго параллелепипеда, такъ какъ въ трехъ его ребрахъ, выходящихъ изъ общей вершины, выражаются 3 его измѣренія, и это самое должно способствовать къ нахожденію того, въ какомъ отношеніи находится такой параллелепипедъ къ единицѣ объемовъ“ (p. 277).

Намъ не приходилось еще встрѣчать въ математической литературѣ такихъ выраженій, какъ:

„Сократить на общіе члены въ обѣихъ частяхъ неравенства“ (p. 10).

„Сократить равенство“ (p. 19), вмѣсто „сдѣлать приведеніе“.

„Возставить перпендикуляръ въ точку“ (18,239...).

„Провести касательную въ какую-либо точку окружности“ (94 и далѣе).

„Провести плоскость чрезъ призму“ (265), „чрезъ пирамиду“ (268).

„Діагональныя плоскости въ трехгранной призмѣ“ (289).

„*Площадь боковой поверхности*“ (274 и далѣе).

„Окружности *пересѣкаются изъвнѣ и изъвнутри*“ (p. 98).

„Число двухъ измѣреній“ (p. 193). Прямая поверхность (2).

„Биссектрисса стороны треугольника“ (p. 159). вмѣсто перпендикуляра изъ середины стороны.

„Положеніе“, въ смыслѣ опредѣленія (pp. 105, 185, 310, 316) и въ смыслѣ геометрической аксіомы (pp. 3, 82).

„Построеніе“, кромѣ обычнаго смысла, еще въ смыслѣ фигуры (p. 2) и теоремы (pp. 208, 96).

VI. *Книга издана крайне небрежно*: кромѣ „замѣченныхъ опечатокъ и ошибокъ въ текстѣ“, перечисленіе которыхъ занимаетъ около

Библиотека "Руниверс"

2-хъ страницъ, осталось столько же, если не болѣе, неоговоренныхъ. Несчитая пропуска или невѣрнаго употребленія знаковъ препинанія, неправильнаго написанія нѣкоторыхъ словъ (ломанная, биссектрисса), мы замѣтили въ разныхъ мѣстахъ книги до полусотни опечатокъ, изъ которыхъ иныя принадлежатъ къ довольно важнымъ. Такъ, на стр. 322 (12 строка), вмѣсто „боковой поверхности конуса", напечатано: „площади сферическаго пояса"; на стр. 293 (15 строка снизу), въ курсивѣ, вмѣсто „на треть высоты", сказано: „на высоту"; на стр. 274 (4 строка снизу), вмѣсто „периметра прямого сѣченія", сказано просто „прямого сѣченія"; На стр. 160 (18 строка), вмѣсто „потому", сказано—„притомъ": мы считаемъ это за опечатку, ибо авторъ долженъ знать, что $EF=0$ есть *достаточное* условіе для того, чтобы четыреугольникъ былъ параллелограммомъ. На стр. 187 (4 строка), вмѣсто:

$$n=\frac{l}{2\pi R}\cdot 360,\quad \text{напечатано: } n^0=\frac{l}{2\pi R}\cdot 360^0.$$

Есть также неоговоренныя ошибки въ чертежахъ №№ 217 (р. 245), 233 (р. 256), 266в (р. 285), 178 (р. 175—буквою q обозначенъ не тотъ уголъ).

Въ чертежахъ №№ 136, 169, 171 и 172 ошибки въ размѣрахъ и направленіи линій прямо бросаются въ глаза.

VII. Остается еще отмѣтить нѣсколько ошибочныхъ мнѣній и утвержденій, каковымъ не мѣсто въ учебникѣ.

1) „Если одна изъ взаимно-перпендикулярныхъ прямыхъ имѣетъ положеніе горизонтальное, то другая имѣетъ направленіе вертикальное" (р. 16). Ошибку эту легко поправить: стоитъ только перемѣстить слова „горизонтальное" и „вертикальное".

2) Дважды, на стр. 186 и 231, повторяется, что $\frac{355}{113}$ выражаетъ π съ точностью до $\frac{1}{100000}$, тогда какъ точность этого числа=0,000001.

3) Въ *примѣчаніи* на стр. 212 авторъ весьма просто доказываетъ невозможность квадратуры круга, основываясь на томъ заблужденіи, что площадь квадрата k^2 есть всегда „число соизмѣримое".

4) На стр. 106 (5 строка снизу), авторъ полагаетъ, что если число 2,52 фута выражаетъ длину A съ точностью до 0,01 фута, то это же самое число, будучи только написано въ другой формѣ (2 ф. 6 дм. 2,4 л.) дастъ длину A уже съ точностью до 0,1 линіи, то-есть, отъ переписыванія числа точность его увеличивается въ 12 разъ.

Библиотека "Руниверс"

5) „*Чрезъ каждую точку пространства, данную внѣ прямой, можно построить плоскость, параллельную этой прямой, но только одну.* Способъ построенія этой плоскости не требуетъ разъясненія“ (p. 247).

Эта ложная теорема служитъ прекрасною иллюстраціею нелогичности подобныхъ-же умозаключеній (pp. 23, 81, 94, 239, 240 и 250): отъ *достаточности* извѣстнаго построенія дѣлается заключеніе къ его *необходимости*.

6) Авторъ смѣшиваетъ цилиндрическую и коническую поверхность вообще съ таковыми же поверхностями вращенія.

„Представимъ себѣ, что прямая, неопредѣленной длины, обращается около другой прямой, остающейся неподвижною, какъ около оси. Притомъ она какъ бы скользитъ по нѣкоторой кривой, оставаясь постоянно... параллельною самой себѣ“ (p. 298).

„Вообразимъ себѣ также, что прямая AB, неопредѣленной длины, оставаясь неподвижною въ точкѣ A, обращается около другой неподвижной прямой AO, и притомъ какъ бы скользитъ по нѣкоторой кривой“ (p. 300).

А что авторъ дѣйствительно употребляетъ глаголъ „обращать“ въ смыслѣ „вращать“, видно, напримѣръ, изъ выраженій:

„Оберпемъ... около этой оси до тѣхъ поръ, пока...“ (p. 22—23).

„Сторона AC обращается около вершины A“ (p. 12).

Нѣмецкая Грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Ѳ. Липсбергъ*, преподаватель Поневѣжскаго реальнаго училища. Поневѣжъ, 1895 Стр. 124. Цѣна 70 коп.

Грамматика г-на Липсберга состоитъ изъ трехъ частей: первая часть—этимологія (Etymologie - Wortlehre), вторая часть—Синтаксисъ (Syntax-Satzlehre) и третья часть, занимающая всего только 9 страницъ, Орѳографія (Rectschreibung oder Orthographie).

Нельзя отрицать, что нѣкоторые отдѣлы этой грамматики, какъ, напр., въ этимологіи—ученье о глаголѣ, въ синтаксисѣ—статья объ употребленіи временъ (Anwendung der Zeiten) обработаны довольно хорошо и изложены просто и ясно. При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что названные отдѣлы, не заключая въ себѣ ничего лишняго, предлагаютъ только главнѣйшія и самыя существенныя правила, которыя, дѣйствительно, необходимо знать ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній, изучающихъ нѣмецкій языкъ. Но тѣмъ не менѣе разбираемая книжка въ общемъ производитъ крайне неблагопріятное

Библиотека "Руниверс"

впечатлѣніе. Является она работою недостаточно обдуманной, спѣшной и вообще въ разныхъ отношеніяхъ не удовлетворяющей тѣмъ требованіямъ, которыя необходимо предъявлять всѣмъ книгамъ, назначеннымъ служить руководствами для учениковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ теченіе 6-ти, 7-ми лѣтъ.

Прежде всего замѣтимъ, что въ книгѣ, не говоря уже о введеніи, нѣтъ ни предисловія, ни оглавленія, что, во всякомъ случаѣ, не облегчитъ ученикамъ пользованія ею.

Далѣе, нѣкоторыя статьи, какъ, напримѣръ, объ именахъ прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименіяхъ, составляющія, безъ сомнѣнія, весьма существенныя части грамматики, слишкомъ скудны; другія статьи, напримѣръ, въ синтаксисѣ, все ученье объ управленіи падежами,—то безъ предлоговъ, то съ предлогами, а въ третьей части грамматики, въ отдѣлѣ заключающемъ въ себѣ ученье объ орѳографіи, перечень на цѣлыхъ страницахъ всѣхъ тѣхъ словъ нѣмецкаго языка, а также и разныхъ другихъ языковъ, которыя пишутся черезъ th, h и безъ h, представляютъ совершенно лишній матеріалъ, которымъ ученики, такъ какъ онъ дается безъ всякаго порядка, никакимъ образомъ пользоваться не могутъ, даже для справокъ. Въ этомъ отношеніи каждый алфавитный словарь имъ принесетъ больше пользы. Мы предполагаемъ, конечно, что г. Липсбергъ не имѣлъ въ виду требовать отъ нашихъ учениковъ, чтобы они всѣ приведенныя въ указанныхъ статьяхъ слова заучивали наизусть.

Въ этой послѣдней части нѣмецкой грамматики г. Липсберга вообще замѣчается что-то странное, трудно объяснимое: рѣчь идетъ о нѣмецкой орѳографіи, т. е. о томъ, какъ правильно пишутся слова этого языка; между тѣмъ въ этой же статьѣ мы неоднократно находимъ указанія на произношеніе, а не на орѳографію словъ; такъ, напримѣръ, мы читаемъ на стр. 119 (§ 113): Буква v произносится въ нѣмецкихъ словахъ какъ f и т. д.; тамъ же въ концѣ страницы: Въ иностранныхъ словахъ буква v произносится, какъ w и т. д На стр. 120 мы находимъ: X произносится какъ KS и т. д. (§ 115).

Кромѣ указанныхъ выше недостатковъ, въ разбираемой книгѣ встрѣчается еще весьма большое число самыхъ разнородныхъ погрѣшностей какъ противъ логики вообще, такъ и противъ ясности и точности изложенія предлагаемыхъ правилъ, въ особенности же противъ русскаго языка, вслѣдствіе чего нерѣдко текстъ учебника становится совершенно непонятнымъ.—Приводимъ примѣры: на 1-ой же страницѣ, подъ заглавіемъ: Aussprache der deutschen Buchstaben—мы

Библиотека "Руниверс"

находимъ Бэ, бэ, Дэ, дэ, эфъ и т. д. Вѣдь это названіе приведенныхъ буквъ, а не произношеніе (Aussprache) ихъ. Тамъ же указано, что нѣмецкое C передъ i, e и ae произносится какъ русское ц; это вѣрно, но пропущено oe, передъ которымъ бываетъ то же самое. На стр. 27 утверждается, что нѣмецкое ü произносится какъ русское уэ или ю; это невѣрно. На стр. 5—значеніе члена объяснено совершенно неправильно; стр. 6: все что сказано на верху подъ заглавіемъ „Plural“ непонятно вслѣдствіе крайне плохой редакціи правила, которое гласитъ такъ: не склоняется, а поэтому, если членъ неопредѣленный въ единственномъ числѣ, то во множественномъ числѣ безъ члена.

Все сказанное на той же стр. въ § 5 вообще лишнее или же, по крайней мѣрѣ, дается преждевременно. Редакція правила, даннаго въ § 7, слишкомъ темная, притомъ заключаетъ въ себѣ повтореніе того, что дано въ предыдущемъ §-ѣ. Что значитъ или куда относится стоящее въ томъ же §-ѣ латинское слово masculini, — неизвѣстно. Нужно замѣтить, что авторъ разсматриваемой грамматики вообще очень любитъ латинскія слова и пользуется ими и тамъ, гдѣ они вовсе не умѣстны, такъ въ особенности союзомъ et; напримѣръ, на стр. 19: viel et weit, стр. 10: des Comparativi et Superlativi и такъ во многихъ другихъ мѣстахъ. На стр. 7 говорится о смягченіи гласныхъ во множественномъ числѣ существительныхъ и между примѣрами мы нашли: der Bösewicht и der Geist. Правило на стр. 7 (§ 8)—изложено очень неясно; тамъ же невѣрно переведены слѣдующія слова: das Gemüth черезъ расположеніе духа, das Gespenst черезъ домовой, das Band—черезъ шайка; тамъ же сказано, что отъ das Brod можно сказать die Brode и также die Bröde, и отъ слова das Floss приведено множественное число— die Flosse, что невѣрно. На стр. 12 мы читаемъ, въ примѣрахъ: 9) das Statut статуя. На стр. 13 внизу сказано: (§ 15) Собственныя имена существительныя (Eigennamen) не измѣняются, если имъ предшествуетъ членъ, но безъ члена они принимаютъ въ Nominativ Singularis „s“ и т. д.; это совершенно не понятно. На стр. 15 мы читаемъ о какихъ то существительныхъ мужскаго и женскаго *пола*. Въ § 19 на стр. 16 сказано: Имя прилагательное какъ сказуемое, ставится въ нѣмецкомъ языкѣ всегда въ концѣ предложенія—это невѣрно: не *всегда*, какъ напримѣръ, Wenn die Kinder fleissig sind и т. д. Странное заключеніе мы нашли въ томъ же §-ѣ, гдѣ авторъ разсуждаетъ такъ: „Имя прилагательное, какъ опредѣленіе, ставится всегда

Библиотека "Руниверс"

передъ именемъ существительнымъ и согласуется съ нимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ" и потомъ продолжаетъ: „вслѣдствіе чего происходятъ три склоненія, именно: a) сильное, b) слабое и c) смѣшанное.— Непонятно сказанное въ § 28 (стр. 21): Личныя мѣстоименія употребляются въ связи съ притяжательными мѣстоименіями. На той же стр. употребляется терминъ: Anstandsform вмѣсто Höflichkeitsform. Примѣромъ плохаго языка можетъ служить слѣдующее опредѣленіе на стр. 25: Возвратное мѣстоименіе есть себя, себѣ, собою—sich. Сказанное на стр. 27 въ § 42: Въ лѣточисленіи годы означаются всегда количественными (въ русскомъ языкѣ порядковыми), въ данной редакціи, что касается русскаго языка, невѣрно.

Правило, данное на стр. 29 (§ 48): предлоги (an, auf, in и прочіе) управляютъ дательнымъ падежомъ, когда глаголъ означаетъ *спокойствіе*—невѣрно, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра: Er schaukelt sich *im* Schaukelstuhle. На стр. 31 сказано: предлоги längs, zufolge, trotz употребляются также *въ* дательномъ падежѣ. Далѣе читаемъ на стр. 61: 1) нераздѣляемыя частицы суть слѣдующіе: be, ge... wider, напримѣръ... widersprechen, а потомъ сказано: Удареніе въ нихъ (спрашивается въ чемъ?) всегда на второмъ слогѣ, слѣдовательно: widérsprechen; стр. 75: Такъ какъ придаточныя предложенія замѣняютъ *второстепенные* члены простаго предложенія, а именно: *подлежащее*, и т. д. Стр. 101: „Perfectum... употребляется... 3) для передачи слышаннаго, но не видѣннаго прошедшаго *времени*".

Такія и подобныя погрѣшности встрѣчаются въ разбираемой грамматикѣ г. Липсберга весьма часто, почти на каждой страницѣ, чѣмъ, конечно, польза ея, при употребленіи въ школѣ, дѣлается крайне сомнительной. Внутреннему достоинству книги соотвѣтствуетъ и внѣшняя ея сторона: бумага плохая, печать прескверная, и опечатокъ, сверхъ уже указанныхъ въ особомъ спискѣ, помѣщенномъ на послѣдней страницѣ книги, весьма много, какъ напримѣръ, на стр. 1: Aussprache, 9 — Axte, 31 — Kelte, 33 — Опряженіе и т. д. и т. д.

О главнѣйшихъ физическихъ свойствахъ воздуха. Общедоступная лекція *О. Я. Пергамента*. Изданіе Одесской Городской Аудиторіи для народныхъ чтеній. Одесса. 1895. Стр. 16. Цѣна 6 коп.

Въ лекціи г. Пергамента говорится о вѣсѣ и давленіи воздуха и о распространеніи въ немъ звука. Научныхъ ошибокъ въ этой ма-

Библиотека "Руниверс"

ленькой рѣчи весьма много. На стр. 5 дано невѣрное объясненіе непрозрачности толстыхъ слоевъ воздуха, расположенныхъ вблизи земли. На стр. 9 авторъ утверждаетъ, что давленіе воздуха становится замѣтнымъ только для тѣхъ предметовъ, въ которыхъ въ данную минуту воздуха нѣтъ; тамъ же читаемъ, что въ комнатѣ воздухъ давитъ столько же на потолокъ, сколько и на полъ. На стр. 12 сказано, что наши ткани къ давленію „привыкли", на стр. 13 авторъ утверждаетъ, что передъ грозой воздухъ давитъ съ меньшей силой, а на стр. 15 даже, что колебанія пламени, вызванныя звукомъ, можно наблюдать, если отчетливо и раздѣльно произносить слова передъ пламенемъ обыкновенной свѣчи.

Рѣчь редактирована весьма плохо. На стр. 4 говорится о задачахъ, совершающихся по точнымъ и неизмѣннымъ законамъ.

Стр. 6: „Мы можемъ слышать воздухъ".

Стр. 15: „звукъ вызываетъ колебанія воздуха" и т. д.

Чертежи на отдѣльномъ листѣ исполнены очень плохо.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Ко дню своего полувѣковаго юбилея Императорское Русское Географическое Общество выпустило въ свѣтъ обширный трехтомный трудъ: „Исторію полувѣковой дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1845—1895". Эта исторія составлена вице-предсѣдателемъ Общества П. П. Семеновымъ при содѣйствіи дѣйствительнаго члена А. А. Достоевскаго. Границы своего труда авторъ опредѣляетъ весьма широко: „При томъ условіи, что Русское Географическое Общество никогда не представляло замкнутой корпораціи, а широко открывало доступъ въ свою среду свободнымъ дѣятелямъ, желающимъ принести свою лепту на пользу русскаго землевѣдѣнія,—отдѣлить занятія лицъ, работавшихъ въ сферѣ дѣятельности Общества, отъ предпріятій и работъ самаго Общества представлялось совершенно невозможнымъ. Такимъ образомъ пришлось включить въ исторію Русскаго Географическаго Общества все то, что было сдѣлано для землевѣдѣнія Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ лицами, вошедшими въ кругъ дѣятельности Общества, независимо отъ того, дѣйствовали ли они по приглашенію Общества, или по собственному почину, или по иниціативѣ другихъ русскихъ ученыхъ учрежденій. Если только Общество принимало участіе въ этой дѣятельности своею помощью или покровительствомъ, или если изслѣдователи сообщали Обществу результаты своихъ изслѣдованій, дѣлая ихъ такимъ образомъ достояніемъ географической науки черезъ

Библиотека "Руниверс"

посредство Географическаго Общества или его мѣстныхъ отдѣловъ, то труды этихъ лицъ не отдѣлялись отъ дѣятельности Общества".

Такъ какъ съ 1845 года безъ прямаго или косвеннаго участія Географическаго Общества не обходилось почти ни одно крупное предпріятіе въ сферѣ изученія Россіи и сопредѣльныхъ странъ, то трудъ П. П. Семенова представляетъ полную исторію землевѣдѣнія въ Россіи за послѣдніе полвѣка. Если же принять во вниманіе, какъ широко понимало всегда Общество терминъ „землевѣдѣніе", то станетъ ясно, что юбилейное изданіе Общества должно стать незамѣнимой настольной книгой для всѣхъ занимающихся географіей, этнографіей и статистикой Россіи. Изъ этого-то труда мы почерпнули, главнымъ образомъ, сообщаемыя ниже свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

I.

Учрежденіе Географическаго Общества не было случайнымъ явленіемъ. Наоборотъ, оно было результатомъ назрѣвшей и ясно сознанной необходимости. А. Н. Пыпинъ указываетъ на два главные мотива, вызвавшіе къ жизни это учрежденіе: „во-первыхъ, усиливалось сознаніе необходимости болѣе внимательнаго и цѣльнаго изслѣдованія русской народной жизни; во-вторыхъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ широкихъ предпріятій для изученія Азіи, явилась также мысль о необходимости сосредоточить географическія изысканія, которыя до сихъ поръ велись разъединенно, не имѣли себѣ одного общаго спеціальнаго органа и которыя могли быть еще болѣе успѣшны при содѣйствіи кружка научно заинтересованныхъ лицъ" [1]). Отдѣленія этнографіи и статистики должны были удовлетворить первой цѣли, а отдѣленія географіи физической и математической—второй.

Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще теченія, стремившіяся направить русскую жизнь по руслу народности, не достигали такой силы и опредѣленности, какъ въ царствованіе Николая I. Народность была объявлена краеугольнымъ камнемъ русской политики внутренней и внѣшней. Къ народности стремились въ своихъ произведеніяхъ лучшіе представители русской художественной литературы. За народность восхвалялъ Пушкина талантливый Надеждинъ, и то же направленіе въ лицѣ Гоголя съ восторгомъ привѣтствовалъ ученикъ и продолжа-

[1]) *А. Н. Пыпинъ*, Исторія русской этнографіи, т. IV, стр. 291.

Библиотека "Руниверс"

тель Надеждина, Бѣлинскій. Но на первыхъ же шагахъ среди сторонниковъ народности обнаружился разладъ: далеко не всѣ понимали ее одинаково, и правительственное толкованіе принциповъ народной жизни оказалось діаметрально противоположнымъ тому толкованію, которое утверждалось въ публицистической критикѣ. Вслѣдъ затѣмъ и среди публицистовъ возникли несогласія,—весьма скоро рѣзко обособились партіи славянофильская и западническая, изъ которыхъ каждая понимала народность по своему. Всѣ эти разнорѣчія несомнѣнно указывали на одинъ фактъ: толкуя про народность, люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не знали, или слишкомъ мало знали народную жизнь, не имѣли въ рукахъ достаточнаго количества фактовъ, которые позволили бы имъ незыблемо и прочно установить истинныя начала русской жизни. Восполнить этотъ пробѣлъ можно было только однимъ путемъ,—строго научнымъ изученіемъ народной жизни въ ея современномъ состояніи и въ памятникахъ прошлаго. Сознаніе этой двойственной задачи зрѣетъ сначала въ умахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя посвящаютъ себя спасенію памятниковъ древней письменности и собиранію живыхъ остатковъ старины, хранящихся въ народныхъ сказаніяхъ и обычаяхъ. Имена Румянцева, Сахарова, Снегирева, Даля и др. напоминаютъ, какъ много сдѣлано было въ этомъ направленіи по частной иниціативѣ, которая тѣмъ не менѣе безсильна была справиться съ этою громадною задачей, и только учрежденіе ученыхъ корпорацій дало возможность подвигаться впередъ и развиваться изученію народной жизни. Собираніе и изданіе древнихъ памятниковъ письменности было поставлено на твердую почву только учрежденіемъ Археографической экспедиціи, преобразованной затѣмъ въ постоянную коммисію, а этнографическая дисциплина никогда не стала бы прочно на ноги безъ Географическаго Общества.

Съ другой стороны, географическое изученіе Россіи достигло въ царствованіе императора Николая I также весьма значительнаго развитія. Правда, уже въ XVIII вѣкѣ цѣлый рядъ талантливыхъ путешественниковъ собралъ въ Азіатской Россіи богатую географическую и естественно-историческую жатву. Затѣмъ въ XIX вѣкѣ эти изслѣдованія продолжались съ неослабною энергіей. Труды Крузенштерна, Врангеля, Бэра, Литке, Рикорда, Чихачева, Миддендорфа и др. значительно пополнили намъ запасъ свѣдѣній о Сибири. Однако все еще громадныя пространства за Ураломъ оставались необслѣдованными, обнаруживалась необходимость цѣлаго ряда работъ по изученію Евро-

Библиотека "Руниверс"

пейской Россіи, наконецъ, разширеніе русскихъ владѣній въ Средней Азіи открывало новое поле для предпріимчивости ученыхъ путешественниковъ. Задачи географическаго изученія Россіи разростались до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что настоятельно требовалось спеціальное учрежденіе, которое бы взяло въ свое вѣдѣніе эту отрасль знанія и развивало ее систематически.

Въ исторіи перваго двадцатипятилѣтія Географическаго Общества находимъ свѣдѣнія о томъ, что мысль объ основаніи этого учрежденія находится въ прямой связи съ путешествіемъ академика Миддендорфа въ Таймырскую землю и Приамурскій край. На обѣдѣ, устроенномъ друзьями и почитателями путешественника по поводу его возвращенія, произошелъ первый обмѣнъ мыслей объ учрежденіи Общества. Но П. П. Семеновъ сообщаетъ факты, указывающіе, что подобная мысль возникла еще раньше, именно въ 1844 году, то-есть, какъ разъ послѣ достиженія семнадцатилѣтняго возраста будущимъ предсѣдателемъ Общества, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Еще съ ранняго дѣтства онъ былъ возведенъ въ званіе генералъ-адмирала, и воспитаніе его было поручено одному изъ славнѣйшихъ моряковъ того времени, вице-адмиралу, генералъ-адъютанту Ѳ. П. Литке. Благодаря вліянію Литке, а также преподавателя географіи и статистики, К. И. Арсеньева, у юнаго и талантливаго великаго князя рано развился вкусъ къ географическимъ изслѣдованіямъ, и у воспитателей его явилась мысль основать подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича Географическое Общество. Эта мысль нашла себѣ живое сочувствіе въ четырехъ кружкахъ, близко принимавшихъ къ сердцу интересы русской науки.

Одинъ изъ этихъ кружковъ составляли русскіе моряки, которые своими плаваніями и открытіями въ дальнихъ и въ то время мало доступныхъ моряхъ покрыли себя громкою славою еще въ началѣ XIX вѣка. Изъ этой блестящей плеяды къ 1844 году оставались въ живыхъ Ѳ. П. Литке, И. Ѳ. Крузенштернъ, баронъ Ф. П. Врангель и П. И. Рикордъ. Всѣ они вошли въ составъ учредителей Общества. Другой кружокъ былъ академическій. Онъ состоялъ изъ корифеевъ физико-математическаго отдѣленія Академіи Наукъ: знаменитаго естествоиспытателя К. М. Бэра, замѣчательнаго астронома В. Я. Струве и лучшаго въ то время геолога въ Россіи Г. П. Гельмерсена, а также почтеннаго и трудолюбиваго статистика П. И. Кеппена. Члены обоихъ этихъ кружковъ носили не русскія фамиліи и почти всѣ были не русскаго происхожденія, но безусловно любили свое новое отечество

Библиотека "Руниверс"

и честно и энергично работали на пользу его. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ, особенно академики, не чужды были нѣкотораго партикуляризма, и это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, сыграло свою роль въ исторіи Общества.

Третьимъ кружкомъ, оказавшимъ впослѣдствіи неоцѣненныя услуги развитію географическихъ наукъ въ Россіи вообще и въ частности въ кругу дѣятельности возникавшаго Общества, былъ кружокъ офицеровъ главнаго штаба, изъ котораго вошли въ составъ учредителей Общества старѣйшіе представители.—Ѳ. Ѳ. Бергъ, М. П. Вронченко и М. Н. Муравьевъ. Первый пріобрѣлъ себѣ извѣстность своими изслѣдованіями въ Арало-Каспійской низменности, и впослѣдствіи былъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ, графомъ и фельдмаршаломъ; второй, братъ министра финансовъ, былъ превосходнымъ геодезистомъ и совершалъ плодотворныя путешествія по Малой Азіи; третій сталъ впослѣдствіи вице-предсѣдателемъ Общества, а затѣмъ занималъ посты министра государственныхъ имуществъ и виленскаго генералъ-губернатора и получилъ графскій титулъ. Наконецъ, къ четвертому кружку надо отнести русскихъ ученыхъ, литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, по большей части не имѣвшихъ по своей спеціальности прямаго отношенія къ географической наукѣ, но тѣмъ не менѣе соединявшихъ серьезную научную подготовку съ несомнѣнною талантливостью и съ истинною любовью къ родинѣ. Это были достойные представители тѣхъ свободныхъ силъ русскаго общества, которыя своимъ содѣйствіемъ должны были принести обширную пользу географическимъ наукамъ при предстоявшемъ всестороннемъ изученіи Россіи. Впрочемъ въ рядахъ ихъ были и спеціалисты, какъ извѣстный К. И. Арсеньевъ и В. И Даль, который своимъ личнымъ вліяніемъ привлекъ въ число членовъ учредителей Общества и Оренбургскаго генералъ-губернатора В. А. Перовскаго (впослѣдствіи графа). Кромѣ нихъ вошли въ составъ членовъ учредителей: извѣстный своимъ превосходнымъ описаніемъ киргизскихъ ордъ и степей А. И. Левшинъ, директоръ департамента сельскаго хозяйства; затѣмъ, пріобрѣвшій себѣ, несмотря на молодые годы, почетную извѣстность путешественника и талантливаго наблюдателя, Пл. А. Чихачевъ, и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ литераторовъ того времени, князь В. Ѳ. Одоевскій. Около этого, исключительно русскаго кружка группировались и болѣе молодые дѣятели, не вошедшіе въ составъ членовъ учредителей, но съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія Общества игравшіе видную роль въ его дѣятельности. Мы не будемъ приводить

Библиотека "Руниверс"

длинный списокъ ихъ, скажемъ только, что въ немъ находятся имена лучшихъ представителей тогдашней университетской науки (Надеждинъ, Неволинъ, Срезневскій, Кавелинъ, Перевощиковъ и др.), а также имена, связанныя неразрывными узами съ великими реформами императора Александра II (А. В. Головинъ, братья Милютины, Валуевъ, Рейтернъ, Самаринъ, Колошинъ и др.). Словомъ юное Общество сразу съумѣло привлечь въ свою среду почти все, что было тогда талантливаго и энергичнаго среди русской интеллигенціи.

Толки и совѣщанія объ учрежденіи Общества въ 1844 году происходили, главнымъ образомъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ великаго князя Константина Николаевича, и при томъ нерѣдко въ его присутствіи. Затѣмъ, когда образовался прочный кружокъ изъ 17 членовъ-учредителей, то собираться стали у В. И. Даля. Этотъ кружокъ выработалъ для будущаго Общества временный уставъ, который съ небольшими измѣненіями представлялъ точный сколокъ съ устава Лондонскаго географическаго общества. 6-го августа 1845 года временный уставъ былъ утвержденъ государемъ, и тогда же воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ званія предсѣдателя Общества. Новое учрежденіе должно было состоять въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и получало ежегодно десять тысячъ рублей серебромъ изъ государственнаго казначейства.

19-го сентября 1845 года въ квартирѣ В. И. Даля состоялось первое офиціальное собраніе членовъ-учредителей, которые избрали помощникомъ предсѣдателя Ѳ. П. Литке, 51 лицо дѣйствительными членами, а министра внутреннихъ дѣлъ, Л. А. Перовскаго—почетнымъ. Дальнѣйшая организація Общества произошла на второмъ засѣданіи, 7-го октября, когда выбранъ былъ совѣтъ изъ 8 членовъ (Арсеньевъ, Бергъ, Вронченко, Гельмерсенъ, Даль, Левшинъ, Ленцъ и М. Н. Муравьевъ), и сформировалось четыре отдѣленія, управленіе коими было поручено: отдѣленіемъ общей географіи — барону Врангелю, географіи Россіи—Струве, этнографіи—Бэру, статистики—Кеппену. Вскорѣ затѣмъ Литке долженъ былъ надолго покинуть Петербургъ, и въ Обществѣ его временно (въ теченіе года) замѣнилъ непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, П. Н. Фусъ. Секретаремъ Общества былъ избранъ симпатичный и талантливый А. В. Головинъ, впослѣдствіи, съ честью управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, но, къ сожалѣнію, недолго: разногласіе его съ М. Н. Катковымъ по

Библиотека "Руниверс"

поводу классической системы заставило его отказаться отъ министерскаго портфеля.

Работы Общества сразу пошли съ большимъ оживленіемъ, и вскорѣ обнаружилась необходимость учредить рядомъ съ управляющими отдѣленіями еще должность помощниковъ имъ. Понятно, что всѣ усилія молодыхъ и еще не особенно многочисленныхъ дѣятелей географической науки, поступившихъ въ члены Общества, направились на изученіе Россіи. Въ виду этого дѣятельность отдѣленія общей географіи свелась почти къ нулю, и, наоборотъ, сильно осложнилась работа въ отдѣленіи географіи Россіи, такъ что 3-го февраля 1847 года это отдѣленіе распалось на два самостоятельныхъ комитета,—математической и физической географіи. Въ первомъ остался управляющимъ В. Я. Струве, а въ управляющіе комитетомъ географіи физической избранъ былъ Г. П. Гельмерсенъ. Черезъ полгода баронъ Врангель, въ виду полнаго упадка отдѣленія общей географіи, сложилъ съ себя званіе управляющаго имъ, а на мѣсто его совѣтъ избралъ Гельмерсена, прося послѣдняго сохранить за собою и званіе управляющаго комитетомъ географіи физической. Само собою разумѣется, что Гельмерсенъ собиралъ членовъ отдѣленія и комитета въ одно общее засѣданіе, и такимъ образомъ отдѣленіе общей географіи слилось съ комитетомъ и превратилось de facto въ отдѣленіе географіи физической, а остальная половина отдѣленія географіи Россіи, подъ предсѣдательствомъ В. Я. Струве, образовала отдѣленіе географіи математической, и этотъ самъ собой свершившійся фактъ былъ впослѣдствіи узаконенъ окончательнымъ уставомъ Общества.

Заботы о составленіи этого устава начались уже съ конца 1847 года, и совѣтъ постановилъ образовать для этой цѣли особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ Литке, изъ 4 членовъ совѣта и 4 членовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ. Совѣтъ назначилъ въ коммиссію Берга, Гельмерсена, Мусина-Пушкина и Фуса, а общее собраніе избрало барона Мейендорфа, Д. А. и Н. А. Милютиныхъ и В. С. Порошина (профессора С.-Петербургскаго университета). Къ началу весны 1848 г. коммиссія внесла свои предположенія въ совѣтъ, который при участіи тѣхъ же четырехъ лицъ, избранныхъ общимъ собраніемъ, приступилъ къ обсужденію устава. Какъ въ спеціальной коммиссіи, такъ и въ совѣтѣ новый уставъ вызвалъ рѣзкое раздѣленіе на двѣ партіи: во главѣ одной стоялъ Литке, во главѣ другой—братья Милютины, при чемъ особенно энергично отстаивалъ свои мнѣнія младшій Милютинъ, Николай Алексѣевичъ, которому въ то время

Библиотека "Руниверс"

было всего двадцать девять лѣтъ. Зная убѣжденія этого государственнаго дѣятеля, легко угадать, въ чемъ скрывался корень всѣхъ споровъ. Будучи горячимъ сторонникомъ демократіи въ самомъ благородномъ значеніи этого слова, Н. А. Милютинъ, вырабатывая новый уставъ для Географическаго Общества, впервые получалъ возможность приложить свои теоретическія воззрѣнія къ практическому дѣлу, хотя бы въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Литке настаивалъ на необходимости единства въ дѣйствіяхъ Общества, и потому хотѣлъ главную власть и вліяніе на всѣ дѣла сосредоточить въ совѣтѣ, какъ центральномъ органѣ всего Общества. Братья Милютины, наоборотъ, были врагами централизаціи, горячо отстаивали полную автономію отдѣленій и главную власть хотѣли сосредоточить въ рукахъ общаго собранія, предоставляя совѣту только чисто исполнительную власть. Споры шли ожесточенные, и дѣло кончилось тѣмъ, что братья Милютины, вмѣстѣ съ Порошинымъ не согласились съ проектомъ, окончательно составленнымъ въ совѣтѣ, остались при особомъ мнѣніи и даже отказались отъ участія въ послѣднихъ весенннихъ засѣданіяхъ совѣта. Тогда совѣтъ обратился ко всѣмъ членамъ Общества съ просьбою высказать свое мнѣніе относительно выработаннаго имъ устава. На призывъ откликнулось 79 членовъ, при чемъ обнаружилось, что Милютины располагаютъ обширными симпатіями. Въ октябрѣ 1848 года началось новое разсмотрѣніе устава при дѣятельномъ участіи Милютиныхъ и Порошина, снова приглашенныхъ въ совѣтъ. Побѣда почти по всѣмъ спорнымъ пунктамъ осталась теперь за Милютиными.

Вотъ наиболѣе важные пункты, на которыхъ имъ удалось настоять. По временному уставу во главѣ отдѣленій стояли управляющіе оными, назначаемые совѣтомъ; теперь ихъ замѣнили предсѣдательствующіе съ ихъ помощниками, избираемые самими отдѣленіями изъ среды своихъ членовъ. Такимъ образомъ признана была полная автономія отдѣленій. Затѣмъ Милютины требовали, чтобы члены совѣта избирались общимъ собраніемъ изъ кандидатовъ, указываемыхъ по одному каждымъ отдѣленіемъ, а Литке,—изъ кандидатовъ предлагаемыхъ совѣтомъ. Вопросъ былъ улаженъ компромисомъ, въ сущности, реализировавшимъ требованіе Милютиныхъ: совѣтъ предлагаетъ кандидатовъ, но общее собраніе можетъ избрать и другихъ лицъ. По вопросу объ избраніи предсѣдателя общества, его помощника и секретаря оказалось непримиримое противорѣчіе между Литке и Милютиными. Послѣдніе настаивали, чтобы эти должностные лица

Библиотека "Руниверс"

избирались общимъ собраніемъ свободно, какъ и остальные члены совѣта, а Литке требовалъ, чтобы кандидатовъ на посты предсѣдателя и его помощника предлагалъ совѣтъ, а секретарь назначался предсѣдателемъ съ согласія совѣта. Побѣда осталась за Милютиными, но Литке протестовалъ противъ такого рѣшенія въ особомъ мнѣніи. Далѣе Милютинымъ удалось настоять на томъ, чтобы при разсмотрѣніи годовой смѣты въ совѣтѣ присутствовало 7 депутатовъ избранныхъ общимъ собраніемъ. И по этому пункту Литке остался при особомъ мнѣніи.

Однако Милютинымъ все-таки не удалось провести свои проекты въ полномъ ихъ объемѣ. Великій князь Константинъ Николаевичъ, которому былъ представленъ выработанный совѣтомъ уставъ, примкнулъ къ особымъ мнѣніямъ Литке по вопросамъ объ избраніи предсѣдателя и его помощника, о назначеніи секретаря и о составленіи смѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь, препровождая уставъ на Высочайшее утвержденіе ходатайствовалъ о присвоеніи Обществу наименованія Императорскаго. Въ такомъ видѣ уставъ былъ утвержденъ государемъ 28-го февраля 1849 года и съ тѣхъ поръ уже не подвергался никакимъ дальнѣйшимъ законодательнымъ измѣненіямъ.

Какъ мы видѣли, юное Общество организовалось не безъ затрудненій и не безъ борьбы, но работы по первоначальной организаціи далеко не поглотили всѣхъ силъ Общества, и оно въ этотъ же первый періодъ своего существованія заявило о себѣ нѣсколькими серьезными предпріятіями, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣла Уральская экспедиція. Мысль о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія Сѣвернаго Урала возникла въ средѣ Общества еще съ самаго его основанія, то-есть, съ 1845 года и обусловливалась крайнею неполнотой тогдашнихъ свѣдѣній о направленіи и характерѣ Уральскаго хребта на крайнемъ сѣверѣ. Но вполнѣ организована была экспедиція лишь въ началѣ 1847 года. Во главѣ ея былъ поставленъ профессоръ геологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Э. К. Гофманъ, а въ помощь ему были прикомандированы горный инженеръ Суражевскій, астрономъ Кональкій, натуралистъ Брандтъ и два топографа. Экспедиціи удалось всесторонне обслѣдовать почти весь хребетъ на протяженіи отъ параллели Чердыни до Ледовитаго океана. Оказалось, что хребетъ Пай-Хой, о которомъ до сихъ поръ имѣлись только смутныя извѣстія, отнюдь нельзя считать продолженіемъ Урала: Уралъ заканчивается нѣсколько сѣвернѣе 68° Константиновымъ Камнемъ, а верстахъ въ 40 къ юго-западу отъ истоковъ Кары возвышается хре-

Библиотека "Руниверс"

бетъ Поэмбой, который тянется параллельно Уралу и заканчивается горою, отъ которой прямо на западъ простирается рядъ кремнистыхъ горъ и скалъ, переходящихъ на островъ Вейгачь. Это и есть Пай-Хой; онъ состоитъ изъ небольшихъ каменистыхъ горъ, отлого подымающихся изъ Тундры, а Уралъ представляетъ рядъ обнаженныхъ и относительно высокихъ скалъ. Такимъ образомъ, и по внѣшнему виду и по направленію Пай-Хой совершенно отличается отъ Урала.

Сѣверно-Уральская экспедиція настолько поглотила силы и средства нашего общества, что въ первое пятилѣтіе его дѣятельности снаряжать экспедицію въ другія дальнія страны не было возможности. Тѣмъ не менѣе въ эти годы былъ намѣченъ цѣлый рядъ крупныхъ научныхъ предпріятій, которыя отчасти были осуществлены позже. Особенное вниманіе было обращено на улучшеніе картографіи Европейской Россіи. В. Я. Струве въ докладѣ обществу 12-го декабря 1845 года указывалъ на то, что едва четвертая часть поверхности Европейской Россіи покрыта сѣтью тріангуляцій, произведенныхъ преимущественно въ западныхъ губерніяхъ главнымъ штабомъ, да еще существуютъ прибрежныя съемки гидрографическаго департамента; на всей же остальной территоріи опредѣлено, да и то не совсѣмъ точно, едва-ли 200 точекъ. Если въ настоящее время большая часть Европейской Россіи покрылась сплошною сѣтью треугольниковъ, то нѣтъ сомнѣнія, что весьма сильный толчокъ этимъ колоссальнымъ работамъ данъ былъ именно упомянутымъ докладомъ В. Я. Струве. Одно изъ самыхъ видныхъ предпріятій общества въ картографическомъ направленіи возникло по иниціативѣ тогдашняго управляющаго межевымъ корпусомъ М. Н. Муравьева. Онъ предложилъ Обществу принять на себя ученое наблюденіе за исправленіемъ или, лучше сказать, за составленіемъ межевыхъ атласовъ, предпринятымъ межевымъ вѣдомствомъ. Предложеніе это было, конечно, принято съ полною готовностью, и немедленно же начались работы по картографіи Владимірской, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Воронежской и Тверской губерній. Работами руководили дѣйствительные члены общества Вронченко, Драшусовъ и Мендъ. Чтобы покончить рѣчь о дѣятельности комитетовъ математической и физической географіи за первый періодъ существованія Общества, мы упомянемъ еще о замѣчательной попыткѣ профессора Порошина, который задумалъ капитальное обслѣдованіе Россіи въ метеорологическомъ отношеніи. Для такой цѣли, по мнѣнію Порошина, кромѣ непосредственныхъ метеорологическихъ наблюденій, могли служить свѣдѣнія о степени распро-

Библиотека "Руниверс"

страненія на сѣверѣ разныхъ хлѣбныхъ растеній, о различіи времени посѣва и жатвы въ разныхъ мѣстахъ, о времени вскрытія и замерзанія рѣкъ, о періодическихъ явленіяхъ въ жизни животныхъ и т. п. Для полученія этихъ свѣдѣній было разослано по всей имперіи 10.000 экземпляровъ книжекъ съ вопросами. Отвѣты пришли только отъ 400 лицъ, но въ общемъ Порошинъ остался доволенъ полученнымъ результатомъ и изъявилъ готовность составить на основаніи полученныхъ данныхъ особую статью. Для дальнѣйшаго развитія дѣла онъ предложилъ продолжить разсылку вопросныхъ книжекъ, и совѣтъ на это согласился.

Дѣятельность отдѣленій этнографіи и статистики была не менѣе плодотворна. Во главѣ перваго отдѣленія стоялъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ натуралистовъ, К. М. Бэръ, смотрѣвшій на этнографію по преимуществу съ точки зрѣнія антропологической, при чемъ онъ обращалъ особое вниманіе на зависимость этнографическаго характера изслѣдуемыхъ народностей отъ природныхъ условій страны, въ которой онѣ обитаютъ. Однимъ изъ первыхъ шаговъ отдѣленія была экспедиція знаменитаго Шегрена для собранія подробныхъ свѣдѣній о двухъ исчезающихъ народностяхъ, Ливахъ и Кревингахъ (лѣто 1846 г.). Но вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1847 г., совѣтъ отклонилъ ходатайство о снаряженіи новой небольшой экспедиціи для изслѣдованія финскихъ племенъ Петербургской губерніи, отчасти по недостатку средствъ, отчасти потому что и въ самомъ отдѣленіи приливъ новыхъ русскихъ дѣятелей измѣнилъ въ значительной степени его направленіе. Русскіе члены интересовались изученіемъ русскаго народнаго быта гораздо больше, чѣмъ антропологическою географіей и инородцами. Такой взглядъ, обусловленный все болѣе и болѣе развивавшимся интересомъ къ принципу народности, нашелъ себѣ авторитетныхъ и даровитыхъ поборниковъ въ лицѣ Даля, Надеждина, Срезневскаго, Савельева, Григорьева и др. Тогда Бэръ, чувствуя, что не въ силахъ руководить отдѣленіемъ на новомъ пути, въ концѣ 1848 года сложилъ съ себя званіе управляющаго, а его мѣсто занялъ Н. И. Надеждинъ.

Къ сожалѣнію у насъ до сихъ поръ нѣтъ полной біографіи этого разносторонняго и въ высшей степени талантливаго дѣятеля на поприщѣ русскаго просвѣщенія. Свѣдѣнія, которыя мы находимъ о немъ у Чернышевскаго, Пыпина и т. п., нѣсколько односторонни, а полнаго собранія его сочиненій не существуетъ. Разбросанныя по изданіямъ, изъ коихъ большинство стало библіографическою рѣдкостью, ра-

Библиотека "Руниверс"

боты Надеждина разыскиваются съ большимъ трудомъ, и потому нелегко составить полное и точное представленіе объ его плодотворной дѣятельности. Во всякомъ случаѣ ясно, что Надеждинъ въ теченіе всей своей жизни соединялъ горячую, искреннюю любовь ко всему русскому съ неменѣе искреннимъ уваженіемъ къ западной наукѣ и, усердно призывая своихъ соотечественниковъ учиться у Запада, въ то же время громилъ пустую подражательность и настаивалъ на томъ, что русскій долженъ всегда оставаться русскимъ, не отрываться отъ родной почвы, не отвергать своей народности. Рознь между интеллигенціей и народомъ Надеждинъ признавалъ и одинъ изъ первыхъ призывалъ образованные классы заняться изученіемъ народной жизни, вдуматься въ нее и, по возможности, проникнуться ея принципами. Понятно, какой характеръ должна была принять дѣятельность отдѣленія этнографіи, разъ во главѣ его сталъ такой человѣкъ. Еще 29-го ноября 1846 года Надеждинъ въ засѣданіи общаго собранія превосходною рѣчью выяснилъ свои взгляды на изученіе русской народности. Согласно съ этими взглядами, отдѣленіе этнографіи постановило собирать свѣдѣнія о *простомъ русскомъ человѣкѣ*, о народномъ бытѣ кореннаго русскаго населенія во всѣхъ его оттѣнкахъ. Имѣя въ виду, что тѣ свойства, тѣ отличительныя черты, которыя составляютъ родовую принадлежность русскаго человѣка, сохранились въ наибольшей чистотѣ въ простомъ народѣ, отдѣленіе разослало подробную программу, показывающую, съ какихъ сторонъ можно изучать народъ съ пользою для этнографіи. Оно приглашало людей любознательныхъ обратить вниманіе: 1) на наружность жителей данной мѣстности; 2) на языкъ во всемъ разнообразіи мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ; 3) на домашній бытъ, въ которомъ всего вѣрнѣе сохраняется древнее наслѣдіе первобытныхъ нравовъ и обычаевъ народа; 4) на тѣ остатки быта общественнаго, гдѣ сила времени и другихъ вліяній не затерла слѣдовъ первоначальнаго устройства народной жизни изъ самой себя; 5) на умственныя и нравственныя отличія, на сколько видно въ нихъ природное направленіе и развитіе народнаго духа, а не внѣшнія заимствованія; 6) на народныя преданія и памятники, эту живую, безпристрастную исторію, въ которой народъ высказываетъ себя, какъ онъ есть, безъ всякаго притворства и самообольщенія. Съ особымъ сочувствіемъ откликнулось на эти программы православное духовенство. Объ окончательныхъ результатахъ попытки Надеждина скажемъ ниже, потому что они выяснились уже въ слѣдующій періодъ дѣятельности общества.

Библиотека "Руниверс"

Если этнографія была въ Россіи дѣломъ новымъ, то не менѣе дѣвственную почву пришлось взрывать отдѣленію статистики, такъ какъ статистика у насъ въ сороковыхъ годахъ была еще въ совершенно младенческомъ состояніи. Административныя учрежденія собирали цифры для своихъ надобностей совершенно неудовлетворительными способами, и разработка этихъ данныхъ производилась самымъ примитивнымъ образомъ. Частныя же изслѣдованія въ сферѣ явленій общественной жизни возбуждали сильное подозрѣніе въ органахъ администраціи, которые нерѣдко „смѣшивали соціологію съ соціализмомъ и демографію съ демократіей". Всѣ попытки Общества привести административную статистику въ согласіе съ научными требованіями долго терпѣли фіаско, и только по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ членамъ Общества удавалось добиться удовлетворительныхъ результатовъ. Такъ, Кеппенъ собралъ свѣдѣнія о разселеніи инородцевъ въ Европейской Россіи и составилъ прекрасную этнографическую карту, которую представилъ совѣту въ декабрѣ 1851 года. Общество ассигновало на изданіе ея 1.500 р. Затѣмъ въ трудахъ отдѣленія статистики приняла участіе цѣлая плеяда русскихъ людей, живо интересовавшихся статистикой, какъ примѣненіемъ точнаго цифроваго метода къ изслѣдованію экономическихъ и соціологическихъ явленій русской жизни. Самыми выдающимися изъ этихъ дѣятелей были: А. П. Заблоцкій-Десятовскій и К. С. Веселовскій, работавшіе надъ хозяйственнымъ атласомъ Европейской Россіи, Д. П. Журавскій, доказавшій несостоятельность тогдашней официальной статистики и усердно работавшій надъ статистикой Юго-западнаго края, Д. А. Милютинъ, впослѣдствіи, можно сказать, создавшій русскую военную статистику, Н. А. Милютинъ, живо заботившійся объ упорядоченіи статистическаго дѣла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а нѣсколько позже Е. И. Ламанскій, занявшійся статистикою кредитныхъ учрежденій и исторіею денежнаго обращенія въ Россіи. Кеппенъ недолго оставался во главѣ отдѣленія статистики: въ апрѣлѣ 1847 года онъ, въ виду разнообразныхъ соображеній, отказался отъ поста управляющаго отдѣленіемъ, и его мѣсто занялъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій, который въ помощники себѣ выбралъ К. С. Веселовскаго. При такомъ обновленномъ управленіи дѣятельность отдѣленія еще болѣе оживилась.

Съ самаго начала дѣятельности Общества рѣшено было, въ качествѣ постояннаго органа его, издавать „Записки Географическаго Общества". Въ теченіе разсмотрѣннаго періода выпущено было че-

Библиотека "Руниверс"

тыре книжки этого органа. Кромѣ того, въ 1848 году по мысли Надеждина, совѣтъ постановилъ издавать, подъ именемъ „Географическихъ Извѣстій", срочный листокъ или бюллетень для своевременнаго сообщенія извѣстій о трудахъ Общества и разныхъ географическихъ новостей. Кромѣ того, въ томъ же 1848 году напечатана была „Карманная книжка для любителей землевѣдѣнія", которая разошлась очень быстро, такъ что въ 1849 году выпущено было второе изданіе. Наконецъ, въ первый же періодъ жизни Общества положено было основаніе библіотекѣ и этнографическому музею при немъ.

II.

Ко второму періоду дѣятельности Географическаго Общества П. П. Семеновъ относитъ время вице-предсѣдательства М. Н. Муравьева (съ 1850 года до января 1857 года).

Изъ фактовъ, изложенныхъ въ предыдущей главѣ ясно, какое настроеніе все болѣе и болѣе брало перевѣсъ въ юномъ Обществѣ. Настроеніе это находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ стремленіями того поколѣнія русскаго общества, которое впослѣдствіи получило прозваніе „людей сороковыхъ годовъ"; оно стремилось возстановить связь высшихъ слоевъ русскаго народа съ низшими и въ царствованіе Александра II дало изъ своей среды самыхъ видныхъ дѣятелей реформы. Особенно ясно это настроеніе отразилось въ приведенной выше программѣ отдѣленія этнографіи. Вполнѣ понятно, что русскіе дѣятели Общества въ своихъ народническихъ стремленіяхъ мало находили сочувствія со стороны академическихъ корифеевъ науки, старѣйшихъ членовъ-учредителей Общества. Этимъ несоотвѣтствіемъ въ настроеніи объясняется нѣкоторое раздѣленіе, происшедшее въ юной ученой корпораціи. Такъ какъ русская партія оказалась многочисленнѣе и сильнѣе „нѣмецкой", то вскорѣ на ея сторонѣ оказался чувствительный перевѣсъ, результатомъ котораго было постепенное замѣщеніе административныхъ должностей въ Обществѣ русскими дѣятелями. Тѣмъ же настроеніемъ объяснялась и возростающая оппозиція противъ достойнаго вице-предсѣдателя Общества, Литке, особенно обострившаяся при пересмотрѣ временнаго устава. Въ результатѣ, на годовомъ собраніи 16 февраля 1850 года, когда происходили новые выборы администраціи уже по постоянному уставу, вице-президентомъ былъ выбранъ кандидатъ оппозиціи, М. Н. Муравьевъ, а товарищемъ его К. И. Арсеньевъ. Предсѣдателями отдѣленій были

Библиотека "Руниверс"

избраны: В. Я. Струве, А. Д. Озерскій, Н. И. Надеждинъ и А. П. Заблоцкій-Десятовскій, а членами совѣта: Бергъ, Княжевичъ, Левшинъ, баронъ Мейндорфъ, Д. Милютинъ, Норовъ, Тучковъ, Шульгинъ. Секретаремъ Общества остался А. К. Гирсъ. Такимъ образомъ, въ спискѣ 16 членовъ совѣта къ 1850 году оказалось только четыре нерусскихъ фамилій. Побѣда молодой русской партіи была полная. Новый вице-предсѣдатель принялся за свое дѣло со свойственными ему умомъ и энергіей. Должно отдать М. Н. Муравьеву справедливость въ томъ, что, занимая постъ вице-предсѣдателя, онъ не щадилъ ни своихъ, ни чужихъ силъ на служеніе интересамъ Общества и, по мѣрѣ возможности, старался привлечь къ нему новыхъ и полезныхъ дѣятелей. Нельзя сказать однакоже, чтобы въ личныхъ отношеніяхъ М. Н. Муравьевъ сошелся съ лицами наиболѣе способствовавшими его избранію, да и вообще съ главными дѣятелями Общества: большинство ихъ сдѣлалось впослѣдствіи его недоброжелателями. Тѣмъ не менѣе въ 1854 году онъ былъ снова избранъ на второе четырехлѣтіе. Изъ предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ— В. Я. Струве (отдѣленіе математической географіи) былъ смѣненъ въ 1856 году контръ-адмираломъ С. И. Зеленымъ, а А. Д. Озерскаго (отдѣленіе физической географіи) временно (1852—1856) замѣнялъ А. И. Зеленый. Въ 1856 году смерть пресѣкла плодотворную дѣятельность Надеждина и на его мѣсто былъ избранъ И. И. Срезневскій.

Періодъ вице-предсѣдательства М. Н. Муравьева ознаменовался открытіемъ двухъ мѣстныхъ отдѣловъ Общества на отдаленныхъ нашихъ окраинахъ,—Кавказскаго и Сибирскаго. Мысль объ учрежденіи подобныхъ отдѣловъ возникла еще въ первый періодъ и принадлежала А. В. Головину. Въ 1849 году она была сообщена кавказскому намѣстнику князу М. С. Воронцову, который проявилъ полную готовность содѣйствовать учрежденію Кавказскаго отдѣла. 27-го іюля 1850 года проектъ отдѣла, выработанный Надеждинымъ и Головинымъ былъ Высочайше утвержденъ, а 10-го марта 1851 года послѣдовало открытіе его въ Тифлисѣ. Съ самаго начала своего существованія отдѣлъ проявилъ замѣчательную дѣятельность. Онъ занялся прежде всего исправленіемъ 10-ти-верстной карты Закавказскаго края, а затѣмъ отыскиваніемъ, разсмотрѣніемъ, обработкою и обнародованіемъ уже имѣющихся свѣдѣній, хранящихся въ архивахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Вскорѣ члены отдѣла принялись и за самостоятельныя географическія и этнографическія работы. Инціатива учрежденія Сибирскаго отдѣла принадлежала вице-предсѣда-

Библиотека "Руниверс"

телю Общества. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ отнесся къ проекту весьма сочувственно, и 17-го ноября 1851 года состоялось открытіе отдѣла въ Иркутскѣ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ предпріятій отдѣла была организація экспедиціи на рѣку Вилюй (1853 г.) съ участіемъ въ ней натуралиста Р. К. Маака и офицера-топографа Зандгагена. Кромѣ того отдѣлъ оказывалъ дѣятельную и незамѣнимую помощь Обществу, когда послѣднее снаряжало свои большія экспедиціи для изученія Сибири.

Не долго остался въ новое царствованія М. Н. Муравьевъ въ должности вице-предсѣдателя Общества: получивъ постъ министра государственныхъ имуществъ, онъ въ январѣ 1857 г. сложилъ съ себя званіе вице-предсѣдателя, и на его мѣсто былъ снова избранъ Ѳ. П. Литке, съ радостью возвратившійся въ среду любимаго имъ Общества.

Послѣ успѣшнаго окончанія Уральской экспедиціи, давшей богатѣйшіе научные результаты, Общество предположило снарядить экспедицію для всесторонняго изученія значительной части Восточной Сибири. По предварительному плану главнымъ предметомъ изслѣдованія должна была быть Камчатка съ сопредѣльными странами, на сѣверъ до рѣки Анадыря, на сѣверо-западъ до Гижигинской губы; на югъ изслѣдованіе должно было захватить Курильскіе острова, а на востокъ Алеутскіе и даже американское побережье до Ситхи. Экспедиція должна была продолжаться 6 лѣтъ,—съ 1851 по 1857 года. Но вскорѣ обнаружилось, что въ такихъ размѣрахъ экспедиція осуществлена быть не можетъ, и въ 1853 г. совѣтъ постановилъ сосредоточить работы на пространствѣ, лежащемъ между Иркутскомъ, Леною и Витимомъ, частью Яблоноваго хребта и южною пограничною линіей страны, обнимающей западную часть Забайкальской области и восточную Иркутской губерніи. Сверхъ того предполагалось, въ случаѣ возможности распространить изысканіе на Даурію и на Амурскій край, который въ то время постепенно присоединялся къ Россіи Н. Н. Муравьевымъ. Экспедиція должна была состоять изъ двухъ отдѣловъ,—математическаго и физическаго. Лишь къ 1855 году сформировался математическій отдѣлъ подъ начальствомъ астронома Л. Э. Шварца, котораго сопровождали три офицера межеваго корпуса, натуралистъ Г. И. Радде и художникъ-пейзажистъ Мейеръ. Экспедиція попала въ Иркутскъ въ то время, когда Н. Н. Муравьевъ готовилъ второй сплавъ по Амуру, и не замедлила воспользоваться удобнымъ случаемъ ознакомиться съ бассейномъ этой

Библиотека "Руниверс"

рѣки. Сибирскій отдѣлъ снарядилъ на Амуръ ученую партію подъ начальствомъ Маака (только что вернувшагося изъ Вилюйской экспедиціи), а къ нему присоединились двое изъ спутниковъ Шварца. Благодаря этому естественно-историческое изслѣдованіе вновь пріобрѣтеннаго Амурскаго края было совершено съ полнымъ успѣхомъ. Самъ же начальникъ Сибирской экспедиціи Шварцъ и другіе ея члены обратили все свое вниманіе на Околобайкалье, но, такъ какъ успѣхи Шварца относятся уже къ слѣдующему періоду, то мы вернемся къ этой экспедиціи ниже.

На изученіе внутренней Азіи Общество обращало вниманіе и въ первый періодъ, но лишь теперь сдѣлано было нѣсколько серьезныхъ шаговъ въ этомъ направленіи. Прежде всего Общество попыталось издать генеральную карту Азіи и по этому вопросу вошло въ сношенія съ директоромъ Веймарскаго географическаго института Фроринымъ. Однако, эта попытка разработывать русскую картографію черезъ посредство иностранныхъ картографовъ окончилась полною неудачей. Гораздо плодотворнѣе были работы Я. В. Ханыкова и А. П. Болотова, которые приняли на себя въ 1850 году составленіе карты сѣверно-западной части Средней Азіи по новѣйшимъ свѣдѣніямъ въ масштабѣ 50 верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Желая быстрѣе подвинуть впередъ свой обширный трудъ, Ханыковъ раздѣлилъ его на четыре отдѣльныя карты: 1) Аральскаго моря и Хивинскаго ханства, 2) озера Исыкъ-куль съ окрестностями, 3) Сѣверной Персіи, 4) Каспійскаго моря. Первая карта была издана въ 1850 г. и обратила на составителя вниманіе всего европейскаго ученаго міра. Въ 1851 г. Ханыковъ окончилъ составленіе второй карты и принялся уже за карту Сѣверной Персіи, но назначенный на постъ уфимскаго губернатора, долженъ былъ отказаться отъ продолженія ея. Вскорѣ затѣмъ его постигла неизлечимая душевная болѣзнь, а Болотовъ скончался въ 1855 г., и, такимъ образомъ, солидное предпріятіе этихъ двухъ ученыхъ осталось незаконченнымъ.

Между тѣмъ назрѣла мысль о необходимости перевести на русскій языкъ Риттерову „Азію“, нашлись и средства на это изданіе. Общество рѣшило переводить это изданіе не цѣликомъ, а взять изъ него только тѣ части, которыя относятся къ Россіи и сопредѣльнымъ съ нею странамъ. Но такъ какъ капитальный трудъ Риттера, вышедшій четверть вѣка тому назадъ, значительно отсталъ отъ современнаго состоянія географической науки, то рѣшено было дополнить его новѣйшими свѣдѣніями. Редакція перевода и дополненій сосре-

Библиотека "Руниверс"

доточилась почти исключительно въ рукахъ П. П. Семенова, теперешняго вице-президента Общества. Въ началѣ 1856 г. Семеновъ выпустилъ въ свѣтъ первый томъ вмѣстѣ со всѣми дополненіями къ нему, а затѣмъ отправился въ экспедицію для собранія свѣдѣній о тѣхъ странахъ, къ которымъ относятся два слѣдующія тома Риттеровой Азіи,—объ Алтаѣ и Тянь-Шанѣ. Главной цѣлью этой экспедиціи было проникнуть въ Тянь-Шань, о которомъ до того времени европейскіе ученые имѣли весьма смутныя свѣдѣнія. Въ августѣ 1856 г. Семеновъ, дѣйствительно, вышелъ черезъ горные проходы Заилійскаго Алатау на восточную оконечность Иссыкъ-Куля и отсюда первый изъ ученыхъ европейцевъ увидѣлъ величественный Тянь-Шаньскій хребетъ. Впрочемъ въ самые ледники и снѣга Тянь-Шаня Семенову удалось проникнуть только въ 1857 году, а на этотъ разъ онъ долженъ былъ довольствоваться посѣщеніемъ обѣихъ оконечностей Иссыкъ-Куля.

Въ территоріи Европейской Россіи Общество продолжало исправленіе меженыхъ атласовъ, начатое въ первый періодъ. Мендъ успѣшно закончилъ свои работы въ Рязанской, Тамбовской и Владимірской губерніяхъ, и къ началу 1857 г. было закончено изданіе атласа Тверской губерніи. Затѣмъ продолжались начатыя также еще раньше геологическія изслѣдованія девонской полосы центральной Россіи. Для этой цѣли Гельмерсенъ въ 1850 г. началъ свои изслѣдованія съ южной части Лифляндской губерніи, гдѣ отъ главнаго въ Россіи пояса девонской формаціи отдѣляется южная полоса ея по направленію на юго-востокъ, къ Воронежу. Изысканія Гельмерсена дали столь богатые результаты, что рѣшено было продолжать ихъ, и общество поручило эту работу одному изъ молодыхъ геологовъ, магистру дерптскаго университета Раймунду Пахту. Поучительна и грустна исторія этого труженика, и мы не можемъ не отвести ей нѣсколько строкъ, не смотря на всю краткость нашего обзора. Пахтъ съ радостью принялъ предложеніе совѣта и въ маѣ 1853 г. отправился въ экспедицію. Возвратился онъ въ октябрѣ, выполнивъ съ успѣхомъ свою задачу. Съ большою добросовѣстностью разработалъ Пахтъ и весь отчетъ по своимъ изслѣдованіямъ, что заняло у него не менѣе года усиленнаго труда. Между тѣмъ, вслѣдствіе отсутствія средствъ къ существованію, онъ находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Общество, по скудости своихъ суммъ, ничѣмъ не могло помочь ему. И вотъ, Пахтъ, по окончаніи своей работы, въ 1854 г. сдалъ свой отчетъ секретарю общества, и на другой день молодаго ученаго,

Библиотека "Руниверс"

подававшаго столь прекрасныя надежды, уже не стало. Онъ покончилъ свои разсчеты съ жизнью, не будучи въ состояніи дальше бороться съ нищетою.

Весьма важные и разносторонніе результаты дала также экспедиція подъ начальствомъ И. Б. Ауербаха, снаряженная въ 1854 г. для геогностическаго изслѣдованія мѣстности, занимаемой горами Большою и Малою Богдо въ Астраханской губерніи. Экспедиція дала прекрасную геогностическую карту изученной мѣстности, собрала множество окаменѣлостей, дѣлала наблюденія надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки, надъ барометромъ, термометромъ и психрометромъ, обращала вниманіе на флору и фауну, произвела цѣлый рядъ геодезическихъ работъ, собрала богатыя этнографическія свѣдѣнія и статистическія данныя о судоходствѣ въ нижнихъ частяхъ Волги, о сельскомъ хозяйствѣ, о сухопутной перевозкѣ товаровъ къ Дону и проч.

Изслѣдованія о климатѣ Россіи продолжались. Программы Порошина возбудили особую отзывчивость у сельскаго духовенства и среди помѣщиковъ. Вскорѣ матеріаловъ накопились весьма значительное количество, и К. С. Веселовскій сдѣлалъ представленіе о томъ, что слѣдуетъ ввести ихъ въ общій научный оборотъ. Для этого необходимо было печатать подлинные дневники наблюденій въ полномъ видѣ, и потому отдѣленіе рѣшило издавать особый „Метеорологическій сборникъ“. Совѣтъ отнесся къ такому предложенію съ полнымъ сочувствіемъ, но, по недостатку средствъ, былъ вынужденъ повременить изданіемъ Сборника.

Программы, разосланныя отдѣленіемъ этнографіи по прежнему привлекали богатый матеріалъ, обиліе и занимательность котораго побудили совѣтъ приступить къ изданію ихъ въ свѣтъ въ видѣ особаго „Этнографическаго сборника“. Первый выпускъ этого изданія вышелъ подъ редакціей самого Надеждина въ началѣ 1853 г. Около того же времени А. Г. Яновскій привелъ всѣ этнографическіе матеріалы въ систематическій порядокъ, при чемъ обнаружилось, что наибольшее количество свѣдѣній имѣется о Нижегородской губерніи (44 статьи), затѣмъ о губерніяхъ: Тульской, Вятской, Тверской, Тамбовской, Воронежской, Московской и Пермской (по 36—15 статей). Наибольшее количество свѣдѣній доставлено было священниками (144), затѣмъ—отъ педагоговъ (38), чиновниковъ (20) и помѣщиковъ (15); изъ врачей откликнулся только 1, изъ крестьянъ—7, изъ горожанъ—8. Занимаясь по преимуществу русской народностью, отдѣленіе не

Библиотека "Руниверс"

забывало и вопросовъ, относящихся до инородческихъ племенъ. Такъ, былъ изслѣдованъ и рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о родствѣ кавказскаго племени Удь или Уть съ Вотяками. Затѣмъ Кавелинъ, Надеждинъ и Коркуновъ подобрали матеріалы для монографіи о Мордвѣ, а П. И. Мельниковъ составилъ подробную карту поселеній мордвы въ Нижегородской губерніи. Наконецъ, въ 1856 г. совѣтъ оказалъ ученое и денежное содѣйствіе Европеусу, который предпринялъ путешествіе на Терскій берегъ для изученія сѣверныхъ финскихъ племенъ.

Отдѣленіе этнографіи въ разсматриваемый періодъ обратило вниманіе и на историческую географію Россіи, благодаря вліянію Надеждина и его друга К. А. Неволина. Послѣдній занялся обработкой писцовыхъ книгъ и далъ превосходное изслѣдованіе по исторической географіи: „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ". Трудъ Неволина заинтересовалъ многихъ членовъ Общества и заставилъ ихъ заняться разработкой другихъ писцовыхъ книгъ. Въ тоже время поднялся и вопросъ объ изданіи всѣхъ дошедшихъ до нашего времени писцовыхъ книгъ, но громадныя затраты, связанныя съ этимъ предпріятіемъ, не дали возможности немедленно приняться за него, хотя въ принципѣ никто не отвергалъ его полезности и даже необходимости. Затѣмъ, Надеждинъ, поддержанный Неволинымъ, подалъ мысль о необходимости подвергнуть основательному и детальному изученію „Книгу Большаго Чертежа", и отдѣленіе этнографіи пришло къ заключенію, что такое изученіе можно избрать задачею на конкурсъ. Тема была формулирована такимъ образомъ: „Возстановить по такъ называемой „Книгѣ Большаго Чертежа" древнюю географическую карту Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ, для которыхъ книга эта въ свое время служила текстомъ". Лишь въ августѣ 1856 г. была представлена на соисканіе преміи рукопись, которая, однако, оказалась невполнѣ удовлетворительной и неоконченной, такъ что совѣтъ рѣшилъ продолжить конкурсъ еще на два года. Такимъ образомъ, стремленіе Общества возстановить Большой Чертежъ и издать писцовыя книги остались въ разсматриваемый періодъ неисполненными.

Въ январѣ 1855 г. отдѣленіе этнографіи, какъ сказано было выше, понесло незамѣнимую потерю: Н. И. Надеждинъ скончался. Его замѣнилъ И. И. Срезневскій. Но работы и предпріятія новаго предсѣдательствующаго имѣли уже нѣсколько иной оттѣнокъ: онъ интересовался болѣе лингвистическою и историческою сторонами народной жизни, чѣмъ бытовою. Онъ даже задумалъ спеціальное, по

Библиотека "Руниверс"

преимуществу лингвистическое изданіе: „Памятники народнаго русскаго языка и словесности". Но трудъ этотъ оконченъ и изданъ не былъ.

Отдѣленіе статистики по прежнему съ одной стороны старалось согласовать административную статистику съ требованіями науки, а съ другой—занималось самостоятельными трудами. Въ теченіе разсматриваемаго періода произведено было двѣ послѣднія ревизіи (девятая 1850 г. и десятая 1858 г.). Оба раза совѣтъ Общества тщетно дѣлалъ свои представленія министерству финансовъ,—министерство наотрѣзъ отказывалось измѣнить свою систему народныхъ переписей. Особенно оживленно обсуждался этотъ вопросъ въ Обществѣ передъ десятой ревизіей. Несмотря на отказъ министра финансовъ Брока, совѣтъ нашелъ необходимымъ высказать слѣдующія соображенія по поводу организаціи народныхъ переписей. „Совѣтъ, сохраняя полное убѣжденіе въ необходимости знанія числа и состава населенія въ той подробности, какъ указываютъ на то современныя потребности и науки и администраціи, пришелъ къ мысли, что изслѣдованія о населеніи необходимо совершенно отдѣлить отъ всѣхъ частныхъ мѣръ, которыми нынѣ приводятся въ извѣстность тѣ или другія его части, какъ напримѣръ, отъ ревизій податныхъ сословій, и, обсудивъ вопросъ о познаніи населенія въ обширномъ его значеніи, какъ отдѣльную задачу, подлежащую разрѣшенію на общую пользу,—возложить самое производство переписей и разработку ихъ результатовъ на спеціальныя учрежденія административной статистики. При такихъ только условіяхъ изслѣдованія о населеніи представятъ и болѣе возможности къ введенію ихъ въ практическую жизнь. Наукѣ остается лишь, въ этомъ случаѣ, изложить важность значенія точныхъ данныхъ о населеніи, и эта важность, еще болѣе цѣнная въ отношеніи къ практическимъ мѣрамъ по государственному управленію, послужитъ, при просвѣщенномъ содѣйствіи высшей администраціи, поводомъ къ обсужденію этого вопроса во всей его обширности порядкомъ, наиболѣе обѣщающимъ успѣхъ въ его разрѣшеніи. Одно Географическое Общество или даже всѣ ученыя учрежденія, занимающіяся статистикой, не могутъ достичь своей цѣли въ этомъ отношеніи до тѣхъ поръ, *пока само правительство не приметъ законодательныхъ мѣръ къ производству общаго и подробнаго народосчисленія во всей Имперіи*". Такимъ отчетливымъ и яснымъ разумѣніемъ дѣла о народныхъ переписяхъ, не утратившимъ своего значенія и нынѣ, завершило Общество въ разсматриваемомъ періодѣ свое вмѣшательство въ важнѣйшую изъ правительственныхъ статистическихъ операцій. На десятую

Библиотека "Руниверс"

ревизію мнѣніе совѣта Общества, разумѣется, не имѣло никакого вліянія. Она была приведена въ исполненіе въ 1858 году обычнымъ порядкомъ и кромѣ общей цифры населенія и частной цифры крѣпостныхъ не дала никакихъ результатовъ ни для науки, ни для администраціи. Но эта перепись была и послѣднею. Дискредитованная по отношенію къ статистической наукѣ, не могущая дать отвѣтовъ на самые необходимые запросы администраціи, съ отмѣною подушной подати она утратила и свое фискальное значеніе, и вопросъ о производствѣ всеобщей народной переписи, на основаніи тѣхъ соображеній, которыя высказаны были Обществомъ еще въ 1856 г., созрѣлъ только къ пятидесятилѣтнему юбилею Общества настолько, что ждетъ своего осуществленія ранѣе конца истекающаго столѣтія.

Изъ самостоятельныхъ предпріятій отдѣленія статистики укажемъ на изслѣдованіе внутренней торговли Россіи, вопросъ о которомъ возникъ благодаря пожертвованію, сдѣланному на этотъ предметъ петербургскимъ купечествомъ. Но для полнаго изслѣдованія встрѣтились неодолимыя препятствія, заключающіяся главнымъ образомъ въ полномъ отсутствіи сколько нибудь удовлетворительной торговой регистраціи. Вслѣдствіе того Общество рѣшило ограничиться частными изслѣдованіями о торговлѣ нѣкоторыми наиболѣе важными предметами,—хлѣбомъ, льномъ, пенькою, желѣзомъ и мягкою рухлядью, а сверхъ того произвести мѣстныя изслѣдованія о торговлѣ на ярмаркахъ и въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ. Но и тутъ отсутствіе регистраціи послужило препоной, и Общество должно было отказаться отъ какого бы то ни было общаго для всей имперіи изслѣдованія по торговлѣ сельскими произведеніями. Только о торговлѣ желѣзомъ имѣлись сколько нибудь удовлетворительныя правительственныя записи, и на основаніи ихъ сдѣлано было нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій: Вороновскаго — о торговлѣ желѣзомъ въ Одессѣ, П. А. Валуева—о торговлѣ желѣзомъ въ Ригѣ, и особенно прекрасное изслѣдованіе Н. Х. Бунге—о торговлѣ желѣзомъ въ Кіевѣ. Изъ ярмарокъ прежде всего рѣшено было обратить вниманіе на Украинскія, такъ какъ о главнѣйшихъ великорусскихъ—Нижегородской, Ирбитской и Ростовской имѣлись уже довольно подробныя свѣдѣнія. За изслѣдованіе украинскихъ ярмарокъ взялся И. С. Аксаковъ, извѣстный какъ талантливый наблюдатель. Совѣтъ поручилъ ему отправиться въ Малороссійскія губерніи съ тѣмъ, чтобы лично посѣтить главнѣйшія оптовыя ярмарки въ теченіе года, наблюдать за движеніемъ на нихъ торговли и собирать на самомъ мѣстѣ свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ

Библиотека "Руниверс"

источниковъ. Въ концѣ 1854 году изслѣдователь окончилъ возложенное на него порученіе и приступилъ къ обработкѣ многочисленныхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ. Превосходный трудъ Аксакова былъ представленъ Обществу въ 1857 году. Этимъ собственно и закончилась дѣятельность Общества по изслѣдованію внутренней торговли Россіи, такъ какъ сумма, пожертвованная петербургскимъ купечествомъ была вся израсходована.

Одновременно съ командировкой И. С. Аксакова, Общество снарядило, сообща съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, одну изъ наиболѣе удавшихся въ этомъ періодѣ экспедицій, а именно экспедицію для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства. Начальство надъ ней поручено было маститому Бэру, а статистикомъ экспедиціи избрали Н. Я. Данилевскаго. Результатомъ работъ Бэра, Данилевскаго и ихъ спутниковъ было превосходное изученіе Каспійскаго рыболовства въ техническомъ, статистическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ. Самъ Бэръ въ связи съ рыболовствомъ занялся другими весьма важными вопросами, имѣющими общій ученый интересъ и особенное значеніе для географіи всего сѣверо-восточнаго побережья Каспійскаго моря. Цѣлый рядъ статей его по этимъ вопросамъ составилъ одну общую серію, подъ заглавіемъ „Ученыя замѣтки о Каспійскомъ морѣ и его окрестностяхъ“; вскорѣ авторъ выпустилъ ихъ и на нѣмецкомъ языкѣ: это были знаменитыя „Kaspische Studien“, давшія Бэру всемірную извѣстность.

Издательская дѣятельность Общества въ разсматриваемый періодъ получила обширное развитіе. Изъ неперіодическихъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ въ теченіе этого періода, первое мѣсто принадлежитъ „Описанію Сѣвернаго Урала и береговаго хребта Пай-Хой“, которое заключаетъ всѣ научные результаты Уральской экспедиціи. Вторымъ, по своему научному значенію, былъ первый томъ Риттеровой Азіи съ обширными дополненіями П. П. Семенова. Далѣе идетъ 1-й выпускъ текста къ атласу Тверской губерніи („Статистическое описаніе города Калязина и пр.“). Наконецъ, дѣйствительный членъ Свенске издалъ отдѣльною книжкой рядъ статей, появлявшихся въ „Вѣстникѣ“ Общества, подъ заглавіемъ: „Обзоръ путешествій и географическихъ открытій въ 5-лѣтіе съ 1848 по 1853 годъ“ (2 тома). Изъ картографическихъ изданій наиболѣе важными были карта Сѣвернаго Урала и межевой атласъ Тверской губерніи. Въ этотъ же періодъ вышла въ свѣтъ этнографическая карта Россіи Кеппена и карты Аральскаго моря и Хивинскаго ханства, составленныя Ханыковымъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ періодическихъ изданій прежде всего слѣдуетъ упомянуть 7 книжекъ „Записокъ“ Общества (отъ V до XI), затѣмъ двѣ книжки „Этнографическаго Сборника“ и двѣ книжки „Статистическаго Сборника“. Кавказскій отдѣлъ выпустилъ въ теченіе разсматриваемаго періода три книжки своихъ „Записокъ“, а Сибирскій отдѣлъ—двѣ. „Географическія Извѣстія“ въ 1850 году издавались подъ редакціей В. В Григорьева, но къ началу 1851 года онъ отказался отъ редакціи, и Муравьевъ обратился къ А. А. Краевскому съ просьбой вести „Извѣстія“, разсчитывая, что такой опытный журналистъ съумѣетъ придать органу Общества общеинтересный характеръ. Краевскій реформировалъ „Извѣстія“. измѣнилъ ихъ программу и подъ названіемъ „Вѣстника Императорскаго Географическаго Общества“, дѣйствительно далъ органъ, интересный не для однихъ спеціалистовъ. Подписка сразу поднялась, и почти все изданіе разошлось безъ остатка. Но редактору было поставлено на видъ, что съ научной точки зрѣнія въ „Вѣстникѣ“ появились нѣкоторые недостатки; тогда Краевскій отказался отъ редакціи, а его мѣсто занялъ секретарь Общества В. А. Милютинъ, который нѣсколько измѣнилъ программу изданія. „Вѣстникъ“ 1852 года, напечатанный въ 800 экземплярахъ разошелся весь безъ остатка, но усиленная подписка на него вызвана была именно „Вѣстникомъ“ 1851 года. Значительное уменьшеніе подписки на 1853 годъ показало, что публика, сочувственно относившаяся къ начинаніямъ Краевскаго, осталась недовольна реформою В. А. Милютина.

Въ общемъ за періодъ 1850—1857 годовъ Общество издало сорокъ книжекъ разныхъ названій, содержащихъ до 1.260 печатныхъ листовъ, то-есть, по 180 листовъ ежегодно, среднимъ числомъ. Въ предыдущемъ же періодѣ на годъ приходилось не болѣе 42 листовъ.

III.

Ѳ. П. Литке занималъ должность вице-предсѣдателя Общества съ 1857 по 1871 г. Избраніе его на этотъ постъ показывало, что борьба партій, сильная въ первые два періода, къ концу пятидесятыхъ годовъ утихла, и въ средѣ Общества воцарилось доброе согласіе: всякое раздѣленіе по общественнымъ убѣжденіямъ или національностямъ прекратилось. Во главѣ отдѣленій постоянно чередуются русскія фамиліи съ иностранными. Такъ отдѣленіемъ географіи математической управлялъ послѣ С. И. Зеленаго—О. В. Струве, а за-

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ И. А. Ивашинцевъ. Предсѣдательствующаго въ отдѣленіи географіи физической А. Д. Озерскаго смѣнилъ Гельмерсенъ, а потомъ П. П. Семеновъ. Въ отдѣленіи этнографіи, послѣ отказа Срезневскаго отъ предсѣдательства, чередовались Бэръ, Калачовъ, В. И. Ламанскій, В. В. Григорьевъ и А. Ѳ. Гильфердингъ. Въ отдѣленіи статистики К. С. Веселовскаго смѣнилъ Е. И. Ламанскій. Членами совѣта были: Бэръ, Веселовскій, Гагемейстеръ, Гельмерсенъ, Гирсъ, Григорьевъ, Заблоцкій—Десятовскій, С. И. Зеленый, Е. И. Ламанскій, Левшинъ, Савельевъ и Савичъ.

За указанный періодъ времени въ организаціи Общества произошли слѣдующія измѣненія. Въ мартѣ 1859 г. въ отдѣленіе статистики была внесена записка, подписанная 19-ю членами и предлагавшая учредить особый политико-экономическій комитетъ. Записка была одобрена, и въ 1860 году дѣятельность комитета получила полное развитіе. Въ многочисленныхъ его собраніяхъ обсуждались разные вопросы по хозяйственной статистикѣ и по политической экономіи. Но уже въ 1862 г. правительствомъ сдѣланы были нѣкоторыя особыя распоряженія относительно учрежденія въ ученыхъ обществахъ постоянныхъ комитетовъ. Такъ какъ новыя рамки сильно стѣсняли дѣятельность комитетовъ, то политико-экономическій комитетъ призналъ дальнѣйшее продолженіе своихъ занятій безполезнымъ, и члены его по большинству 12 голосовъ противъ 3 рѣшили: политико-экономическій комитетъ, учредившійся по добровольному соглашенію его членовъ, закрыть.

Въ этомъ же періодѣ открылось два новыхъ мѣстныхъ отдѣла Общества: Сѣверо-Западный и Оренбургскій. Первый возникъ по иниціативѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова, и былъ открытъ въ маѣ 1867 года. Въ началѣ отдѣлъ принялся за свое дѣло горячо. Къ сожалѣнію, въ 1868 г. уѣхалъ изъ Вильны основатель и предсѣдатель отдѣла, Корниловъ, и болѣе чѣмъ на годъ всякая дѣятельность его прекратилась. Въ 1869 г. отдѣлъ опять нѣсколько оживился, но въ 1870 г. снова ничѣмъ не заявилъ о своемъ существованіи. Въ томъ же 1867 г. возникъ, по иниціативѣ генералъ-губернатора Н. А. Крыжановскаго, Оренбургскій отдѣлъ. Высочайшее соизволеніе на учрежденіе его воспослѣдовало въ маѣ, а въ январѣ 1868 г. состоялось и самое открытіе. Оренбургскій отдѣлъ оказался гораздо устойчивѣе Сѣверо-Западнаго, и уже съ 1870 года началъ издавать свой особый органъ.

Заграничныя сношенія Общества значительно развились и уси-

Библиотека "Руниверс"

лились въ разсматриваемомъ періодѣ. Представители Общества появляются на всѣхъ международныхъ статистическихъ конгрессахъ (въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Флоренціи); посланъ былъ делегатъ и на открытіе Суэцкаго канала въ 1869 г. За то внутреннія сношенія, въ началѣ періода весьма обширныя и поддерживаемыя разсылкою программъ и запросовъ Общества, съ 1859 г. несомнѣнно уменьшились. Объясняется это тѣмъ, что крестьянская и земская реформы дали провинціальной интеллигенціи новое и притомъ практическое поле дѣятельности и тѣмъ самымъ отвлекли ее отъ географическихъ и этнографическихъ занятій. 7-го января 1871 г. Общество праздновало свой 25-ти лѣтній юбилей и было осчастливлено всемилостивѣйшимъ рескриптомъ, въ которомъ Александръ II изъявлялъ Обществу свою признательность, принималъ званіе его покровителя и давалъ ему, въ дополненіе къ получаемой уже субсидіи отъ казны, еще пять тысячъ рублей ежегодно.

Въ 1857 году математическій отдѣлъ Сибирской экспедиціи подъ начальствомъ Шварца продолжалъ свои работы. Лѣтомъ этого года всѣ его усилія были направлены на астрономическія наблюденія и начертанія маршрутовъ на пространствѣ между Леною и Яблоннымъ хребтомъ до параллели Витимской слободы. Лѣтомъ 1858 года экспедиція раздѣлилась на двѣ части: первая занималась изслѣдованіемъ южной части Восточной Сибири къ западу отъ Иркутска, а вторая изучала малый Хинганскій хребетъ съ окрестностью и пространство между Хинганомъ и Селимджой. Главный же астрономъ Шварцъ путешествовалъ по Минусинскому округу. На зиму 1857—1858 г. натуралистъ экспедиціи, Радде, остался въ Маломъ Хинганскомъ хребтѣ для изученія его въ ботаническомъ и зоологическомъ отношеніи, а въ 1859 г. обратилъ вниманіе на Саянскую горную систему и изслѣдовалъ Тункинскіе Альпы, Хамаръ-Дабанъ и Мунко-Сардыкъ. Шварцъ вернулся въ Петербургъ въ концѣ 1858 г., а Радде лишь въ январѣ 1860 г., привезя съ собой богатѣйшія зоологическія коллекціи, которыя поступили въ собственность Академіи Наукъ. По возвращеніи Шварца, Общество снарядило физическій отдѣлъ экспедиціи подъ начальствомъ геолога Шмидта, которому поручено было изслѣдовать юго-восточную часть Забайкальской области, всю Приамурскую и, наконецъ, по возможности, островъ Сахалинъ. Лѣтомъ 1859 г. Шмидтъ былъ уже въ Иркутскѣ, изслѣдовавъ по дорогѣ геологическій составъ береговъ Иртыша и Енисея. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ окрестности Нерчинскаго завода, берега Онона, Адунъ-Чалон-

Библиотека "Руниверс"

скія горы и замѣчательные пласты на рѣкѣ Тургѣ. Остатокъ лѣта онъ посвятилъ геогностическимъ изслѣдованіямъ прибрежья Амура отъ Усть-Стрѣлки до Благовѣщенска. Послѣдующіе три года 1859—1862 Шмидтъ со своими помощниками, Гленомъ и Брылкинымъ, употребилъ, главнымъ образомъ, на изученіе Приморской области и русской части Сахалина. Изслѣдовать южную часть этого острова ему не удалось вслѣдствіе недоброжелательства японскихъ властей.

Въ тѣсной связи съ Сибирскою экспедиціею Географическаго Общества находились и предпріятія Сибирскаго отдѣла по изслѣдованію Амурскаго бассейна. Такъ, въ 1859 г. Маакъ вмѣстѣ съ Брылкинымъ изслѣдовалъ рѣку Уссури, и одновременно съ ними, по порученію Н. Н. Муравьева, полковникъ Будогосскій произвелъ по этой рѣкѣ прекрасныя топографическія работы. Затѣмъ въ 1867 и 1868 гг. горный инженеръ Лопатинъ произвелъ геологическія изслѣдованія Сахалина и Приморской области, при чемъ ему удалось изучить и южную часть острова. Главнымъ результатомъ его экспедиціи было обслѣдованіе всѣхъ извѣстныхъ въ то время залежей каменнаго угля на Сахалинѣ. Но самымъ интереснымъ изслѣдователемъ Приморско-Уссурійскаго края въ концѣ разсматриваемаго періода явился новый дѣятель географическаго общества, стяжавшій себѣ въ послѣдующемъ періодѣ громкую славу, Н. М. Пржевальскій, впервые выдвинувшійся превосходною экспедиціей на верховья Уссури и озеро Ханку 1867—1868 гг.

По окончаніи дѣйствій математическаго отдѣла Сибирской экспедиціи Сибирскій отдѣлъ задумалъ немедленно приступить къ пополненію оставленныхъ ею пробѣловъ, но только въ 1865 г. состоялась подъ начальствомъ Лопатина экспедиція на рѣку Витимъ.

Кромѣ геологическихъ изслѣдованій Лопатинъ собралъ краткія этнографическія замѣтки и измѣрилъ высоты вершинъ Витимской сплошной возвышенности. Въ слѣдующемъ году тому же Лопатину поручена была экспедиція въ Туруханскій край, въ которой приняли участіе извѣстный историкъ Щаповъ и командированный Академіей Наукъ Шмидтъ. Геологическіе и естественно-историческіе результаты, добытые Шмидтомъ, были весьма обильны и впослѣдствіи прекрасно обработаны.

Разработкѣ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ Щаповымъ, помѣшала смерть талантливаго ученаго, а геологическія изслѣдованія Лопатина лишь теперь печатаются въ „Запискахъ“ Общества. Въ 1866 году Сибирскій отдѣлъ снарядилъ Олекминскую

Библиотека "Руниверс"

экспедицію, которая задалась практическою цѣлью,—отыскать скотопрогонный путь изъ быстро развивающихся олекминскихъ золотыхъ пріисковъ въ Нерчинскій край. Начальникъ экспедиціи, князь П. А. Кропоткинъ, успѣшно разрѣшилъ эту задачу и кромѣ того произвелъ обстоятельныя геологическія разысканія и собралъ богатые матеріалы для петрографической карты Витимской страны; сотрудникъ же Кропоткина, И. С. Поляковъ произвелъ прекрасныя зоологическія и ботаническія изслѣдованія. Четвертымъ крупнымъ предпріятіемъ Сибирскаго отдѣла была Чукотская экспедиція подъ начальствомъ барона Майделя, всесторонне обслѣдовавшая сѣверо-восточный уголъ Сибири, то-есть, Колымскій и Чукотско-Анадырскій край и Медвѣжьи острова. Кромѣ того члены отдѣла предпринимали частныя экспедиціи, направленныя, главнымъ образомъ, на мало извѣстныя горныя части Иркутской губерніи. Въ предѣлахъ же Западной Сибири въ разсматриваемый періодъ не предпринималось никакихъ экспедицій.

Во время вице-предсѣдательства Литке сдѣланы были первыя попытки изученія Манчжуріи и Монголіи. По Манчжуріи путешествовали Хилковскій, князь Кропоткинъ и Малевичъ, но наиболѣе плодотворною была экспедиція 1870 г., во главѣ которой стоялъ начальникъ Пекинской духовной миссіи, архимандритъ Палладій. Вообще, русская миссія въ Пекинѣ принесла въ то время громадную пользу географической наукѣ, сообщая массу свѣдѣній о Китаѣ. Изъ экспедицій по Монголіи упомянемъ поѣздки Гельмерсена, Шишмарева и особенно братьевъ Бутиныхъ, которые прошли всю Монголію отъ русской границы до города Долонъ-Нора (1.000 верстъ) и далѣе до Пекина.

Затѣмъ нельзя обойдти молчаніемъ работъ топографа Матусовскаго, который произвелъ маршрутную съемку отъ китайскаго пикета Суокъ на границѣ Томской губерніи до Хобдо (248 верстъ), отъ Хобдо до Улясутая (420 верстъ) и отъ Улясутая до границы Минусинскаго округа (595 верстъ).

Продолжались въ разсматриваемомъ періодѣ и изслѣдованія въ Центральной Азіи. Такъ, закончилъ свою экспедицію П. П. Семеновъ, два раза совершивъ восхожденіе на Тянь-Шань, и для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ въ изслѣдованомъ имъ краѣ въ 1859 г. былъ отправленъ капитанъ Голубевъ. Предположенная же П. П. Семеновымъ новая экспедиція для возможно полнаго изслѣдованія Тянь-Шаня не состоялась, вслѣдствіе чего онъ изъявилъ свое согласіе быть завѣдующимъ дѣлами и членомъ редакціонной комиссіи

Библиотека "Руниверс"

по освобожденію крестьянъ, и на нѣкоторое время отвлекся отъ дѣятельности въ обществѣ. Зато наши свѣдѣнія о Центральной Азіи въ значительной степени расширились, когда начались работы разграничительныхъ комиссій на русско-китайской границѣ между Алтаемъ и Тянь—Шанемъ. Къ этимъ экспедиціямъ были пріурочены путешествія А. В. Струве и Г. Н. Потанина. Затѣмъ въ связи съ знаменитымъ походомъ Черняева находилась плодотворная экспедиція Н. А. Сѣверцова. Въ 1865 г. въ Туркестанскій край снаряжена была большая экспедиція, математическій отдѣлъ которой порученъ былъ К. В. Струве, а физическій—Сѣверцову. Послѣдній успѣлъ изслѣдовать горную систему Каратау и часть Тянь-Шаня, а Струве занялся астрономическими и топографическими работами въ Туркестанскомъ краѣ. Дальнѣйшее изслѣдованіе Тянь-Шаня было произведено Полторацкимъ и А. В. Каульбарсомъ. Солидное начало этнографическому изученію Туркестанскаго края положено было В. В. Радловымъ, нынѣ академикомъ, а тогда скромнымъ учителемъ Барнаульской школы.

Самымъ крупнымъ въ разсматриваемомъ періодѣ предпріятіемъ Общества по изслѣдованію сопредѣльныхъ съ Россіей странъ была Хорасанская экспедиція 1858—1859 гг. подъ начальствомъ Н. В. Ханыкова и при участіи профессоровъ: Бунге, Гебеля и Ленца. Изслѣдованія этихъ ученыхъ пріобрѣли для географіи вѣрное очертаніе болѣе чѣмъ 350.000 кв. верстъ, астрономически опредѣлили до 100 пунктовъ, покрыли тріангуляціей пространство отъ Астрабата до русско-персидской границы на Араксѣ, дали цѣнныя магнитныя и метеорологическія наблюденія, богатѣйшія ботаническія и зоологическія коллекціи, пролили новый свѣтъ на археологію, исторію и этнографію данной мѣстности. Не менѣе замѣчательна Каспійская экспедиція Ивашинцова, длившаяся 10 лѣтъ (1858—1867 гг.); результатами ея было опредѣленіе астрономическихъ пунктовъ вокругъ всего Каспійскаго бассейна, береговая съемка почти всѣхъ прибрежій, самые подробные промѣры мелководныхъ пространствъ, изслѣдованіе всего рельефа и физическихъ свойствъ дна моря, коллекція образцовъ морскихъ осадковъ и морскихъ животныхъ, полный атласъ различныхъ частей Каспійскаго моря и цѣлый рядъ превосходныхъ магнитныхъ наблюденій. Наконецъ, назовемъ начавшуюся осенью 1870 г. экспедицію І. И. Стебницкаго въ Арало-Каспійскую впадину. Эта экспедиція внесла въ науку много новаго касательно одной изъ интереснѣйшихъ по своимъ физико-географическимъ условіямъ и наименѣе извѣстныхъ мѣстностей Средней Азіи.

Библиотека "Руниверс"

Однимъ изъ виднѣйшихъ предпріятій Общества въ картографическомъ отношеніи были работы по составленію и изданію карты Европейской Россіи и Кавказа, но по неудовлетворительному состоянію нашей картографіи въ то время эта задача надолго еще осталась невыполненной.

Изъ экспедицій Общества въ предѣлахъ Европейской Россіи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить Азовскую, которая основною задачей имѣла выясненіе причинъ, вызывающихъ все возрастающее обмеленіе Азовскаго моря. Предварительныя поѣздки Бэра и Гельмерсена, а затѣмъ капитальныя работы Н. Я. Данилевскаго въ 1864—1865 гг. опредѣлили главныя черты геологической исторіи Азовскаго бассейна и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшили главную задачу, доказавъ, что засореніе моря находится въ прямой зависимости отъ рѣчныхъ отложеній. Затѣмъ упомянемъ рядъ поѣздокъ Гельмерсена съ цѣлью геологическихъ изслѣдованій,—по Олонецкой губерніи, по Финляндіи, по губерніямъ Тульской и Калужской, въ бассейнѣ Чудского озера,—и наконецъ, работу того-же Гельмерсена, достойно увѣнчавшую многолѣтнюю и неутомимую дѣятельность этого ученаго,—изданную имъ въ 1865 г. геологическую карту Россіи.

Для продолженія и расширенія изслѣдованій о климатѣ Россіи въ разсматриваемомъ періодѣ возникъ при отдѣленіи физической географіи особый метеорологическій комитетъ, а съ 1860 г. сталъ выходить въ свѣтъ „Метеорологическій Сборникъ", который издавался въ Дерптѣ на нѣмецкомъ языкѣ подъ редакціей профессора Дерптскаго университета, Кемца. Это обстоятельство возбудило нареканія въ средѣ Общества, а когда въ 1864 г. обнаружился еще и сильный недостатокъ средствъ, то изданіе „Метеорологическаго сборника" прекратилось. Въ заключеніе очерка дѣятельности отдѣленій географіи физической и математической упомянемъ объ интересѣ къ полярнымъ экспедиціямъ, возникшемъ въ 1865 г. и поддержанномъ работами барона Н. Г. Шиллинга. Впрочемъ, во время вице-предсѣдательства Литке, снаряженія большой экспедиціи въ Ледовитый океанъ не воспослѣдовало.

Въ дѣятельности отдѣленія этнографіи замѣчались различныя теченія, зависѣвшія въ значительной степени отъ научныхъ интересовъ тѣхъ лицъ, которыя поперемѣнно становились во главѣ его. Такъ В. И. Ламанскій старался ввести въ кругъ занятій отдѣленія славянскую этнографію, Калачовъ обращалъ преимущественное вниманіе на юридическій бытъ и историческіе памятники и т. д. Самымъ капитальнымъ предпріятіемъ разсматриваемаго періода была экспедиція

Библиотека "Руниверс"

для изслѣдованія этнографическаго состава населенія въ Западномъ краѣ. Главными дѣятелями на этомъ поприщѣ явились: С. В. Максимовъ, основательно изучившій бѣлорусское племя, П. П. Чубинскій, занявшійся юго-западнымъ краемъ, Ю. П. Кузнецовъ, изслѣдовавшій остатки литовскихъ племенъ. Затѣмъ отдѣленіе не покидало мысли, зародившейся еще при Муравьевѣ, касательно переизданія и разработки писцовыхъ книгъ и книги Большаго Чертежа. Въ 1868 году отдѣленію представлена была часть обширнаго критико-историческаго изслѣдованія о Большомъ Чертежѣ, предпринятаго Е. К. Огородниковымъ. Что же касается до писцовыхъ книгъ, то вопросъ объ ихъ изданіи принялъ успѣшный оборотъ, благодаря неутомимой энергіи и настойчивости Н. В. Калачова, который предложилъ напечатать писцовыя книги въ извлеченіи. Совѣтъ согласился съ почтеннымъ ученымъ и поручилъ ему заняться этимъ капитальнымъ трудомъ. Но главныя работы по изданію писцовыхъ книгъ относятся уже къ слѣдующему періоду.

Дѣятельность Географическаго Общества по отдѣленію статистики въ разсматриваемомъ періодѣ была самою оживленною. Этому много способствовало то, что именно въ этомъ періодѣ Россія прошла черезъ рядъ реформъ. При томъ дѣятельномъ участіи, которое самые видные члены Общества принимали въ этихъ реформахъ, весьма естественно, что сужденія о всемъ совершавшемся въ Россіи, должны были переходить и въ отзывчивое ко всѣмъ экономическимъ вопросамъ Общество. Этимъ объясняется цѣлый рядъ происходившихъ въ засѣданіяхъ отдѣленія статистики преній о желаемомъ направленіи желѣзнодорожныхъ путей; пренія эти, разъясняя довольно разносторонне спорные вопросы, имѣли хотя бы только косвенное вліяніе на ихъ практическое разрѣшеніе. Особенно важнымъ предпріятіемъ въ періодъ вице-предсѣдательства Литке была громадная, захватывавшая всю имперію экспедиція для изученія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи. Для этой цѣли вся Европейская Россія была раздѣлена на восемь районовъ, и для каждаго района былъ назначенъ особый изслѣдователь. Бѣломорскій бассейнъ былъ порученъ П. П. Чубинскому, весь Уралъ и бассейнъ Камы—В. П. Безобразову, Верхневолжскій бассейнъ — И. Ѳ. Барковскому, Нижневолжскій—Липранди, Центральный районъ—Н. А. Трескину, Азовскій бассейнъ—Г. Г. Перетцу, Юго-западный районъ—Ю. Э. Янсону, и Сѣверо-западный—М. Н. Раевскому. Всѣ эти лица съ честью оправдали возлагаемыя на нихъ надежды.

Библиотека "Руниверс"

Что касается до издательской дѣятельности Общества въ періодъ вице-предсѣдательства Литке, то она разрослась до такой степени, что перечислять всѣ изданія Общества не представляется возможнымъ въ нашемъ краткомъ обзорѣ. Ограничимся только общими цифрами. Всего было напечано за 1857—1870 года 82 тома, заключающіе въ себѣ до 2.600 печатныхъ листовъ, т. е. среднимъ числомъ ежегодно издавалось до 190 листовъ. Какъ музей, такъ и библіотека Общества возрастали весьма быстро.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1893 ГОДУ.

Изъ напечатанныхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости за минувшіе годы извѣстно, что въ 1889 году были удостоены аттестатовъ и свѣдѣтельствъ зрѣлости 87,9% общаго числа лицъ, подвергавшихся испытаніямъ, въ 1890 г.—90,7%, въ 1891 г.—90,2% и въ 1892 г.—почти 93%. Въ отчетномъ 1893 г. число выдержавшихъ испытанія зрѣлости, какъ видно изъ приложенной къ настоящему отчету вѣдомости № 1, составляетъ уже 93,2% общаго числа подвергавшихся этимъ испытаніямъ; слѣдовательно, отчетный годъ по относительному числу лицъ, окончившихъ полный гимназическій курсъ, оказывается въ минувшее пятилѣтіе самымъ благопріятнымъ. Если же мы оставимъ въ сторонѣ посторонних лицъ, научная подготовка которыхъ, большею частью весьма слабая, нисколько не зависитъ отъ успѣшности или неуспѣшности гимназическаго преподаванія, и примемъ въ расчетъ только учениковъ гимназій (какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, а равно и гимназій при церквахъ иностранныхъ исповѣданій), то процентное отношеніе числа успѣшно окончившихъ полный гимназическій курсъ къ числу подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости выразится за истекшія пять лѣтъ еще болѣе отрадными цифрами. А именно, изъ подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости гимназистовъ:

въ 1889 г.	выдержали эти испытанія	92,5%
„ 1890 г.		94,5%
„ 1891 г.		93,3%
„ 1892 г.		94,8%
„ 1893 г.	„	95,1%

Библиотека "Руниверс"

Такіе несомнѣнные, хотя пока еще и не очень быстрые, успѣхи въ дѣятельности нашихъ гимназій, на сколько о ней можно судить по результатамъ испытаній зрѣлости, должны быть объяснены отчасти благотворнымъ вліяніемъ новыхъ учебныхъ плановъ и программъ (1890 года) и правилъ объ испытаніяхъ (1891 года), изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія съ цѣлью улучшенія и облегченія гимназическаго преподаванія, отчасти же и тѣмъ обстоятельствомъ, что директора и преподаватели нашихъ гимназій, привыкая мало-по-малу руководствоваться не столько буквою, сколько духомъ закона, начинаютъ относиться къ ввѣреннымъ ихъ попеченію дѣтямъ и юношамъ съ каждымъ годомъ все съ большею и большею любовью и сердечнымъ участіемъ, хотя и не безъ надлежащей строгости и разумной требовательности. Наконецъ, возрастающая успѣшность окончательныхъ испытаній въ гимназіяхъ не мало зависитъ и отъ обнаруживающагося въ послѣднее время болѣе серьезнаго и внимательнаго отношенія самихъ учащихся и ихъ родителей къ разумнымъ и справедливымъ требованіямъ школы.

Удовлетворительность результатовъ, достигнутыхъ въ отчетномъ 1893 году нашими гимназіями на испытаніяхъ зрѣлости, становится еще очевиднѣе при сравненіи этихъ результатовъ съ результатами, полученными въ томъ же году на окончательныхъ испытаніяхъ въ гимназіяхъ Пруссіи, этой классической страны педагогики. Сопоставляя статистическія данныя, заключающіяся въ приложенной къ настоящему отчету вѣдомости № 1, съ данными объ испытаніяхъ зрѣлости въ прусскихъ гимназіяхъ за 1892—1893 учебный годъ, помѣщенными въ выходящемъ въ Берлинѣ оффиціальномъ изданіи „Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen“ (10. Heft, 1893), мы получаемъ слѣдующую таблицу:

	Въ Россіи:	Въ Пруссіи:
Число учениковъ выпуснаго класса, изъявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости	3819	4287
Изъ нихъ: подвергались испытаніямъ	3667	3972
„ „ выдержали испытанія.	3488	3828
Процентное отношеніе числа подвергавшихся испытаніямъ къ числу изъявившихъ желаніе подвергнуться имъ	96%	92,6%
Процентное отношеніе числа выдер-		

Библиотека "Руниверс"

жавшихъ испытанія къ числу подвергавшихся имъ.	95,1%	96,4%
Процентное отношеніе числа выдержавшихъ испытанія къ числу изъявившихъ желаніе подвергнуться имъ	91,3%	89,3%

Вышеприведенныя числовыя данныя позволяютъ заключить, что дѣятельность нашихъ гимназій (на сколько успѣшность ея можетъ быть выражена процентнымъ отношеніемъ числа гимназистовъ, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, къ числу учениковъ выпускнаго класса, изъявившихъ желаніе подвергнуться этимъ испытаніямъ) успѣшнѣе, чѣмъ дѣятельность прусскихъ гимназій, хотя, съ другой стороны, сопоставленіе процентнаго отношенія числа выдержавшихъ испытанія къ числу подвергавшихся имъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ Пруссіи молодые люди приступаютъ къ окончательнымъ испытаніямъ съ лучшею подготовкою, чѣмъ у насъ.

Обращаясь къ болѣе подробному разсмотрѣнію результатовъ испытаній зрѣлости въ 1893 году, мы усматриваемъ изъ вѣдомости № 1, что испытанія эти производились въ 177 учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ: въ 167 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 5 училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и въ 5 частныхъ гимназіяхъ въ тѣхъ же городахъ. Изъявили желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году 3668 учениковъ правительственныхъ гимназій (на 17 человѣкъ менѣе, чѣмъ въ 1892 году), 67 учениковъ церковныхъ училищъ (въ 1892 году ихъ было 60, то-есть на 7 учениковъ менѣе), 84 воспитанника частныхъ гимназій (на 2 воспитанника менѣе, чѣмъ въ 1892 году) и 175 постороннихъ лицъ (которыхъ въ предшествовавшемъ году было на 12 человѣкъ болѣе), а всего 3994 лица, то-есть, на 24 лица менѣе, чѣмъ въ 1892 году.

Изъ числа 3668 учениковъ правительственныхъ гимназій, изъявившихъ желаніе приступить къ испытаніямъ зрѣлости, не были допущены къ нимъ 115 (то-есть 3,2%) по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время ихъ пребыванія въ гимназіи, одинъ (въ Рижскомъ округѣ)—на основаніи п. *в*, § 51-го правилъ объ испытаніяхъ, какъ далеко не достигшій 17-ти-лѣтняго возраста, и трое (2—въ Харьковскомъ учебномъ округѣ и 1—въ Кіевскомъ)—по нравственной незрѣлости, выразившейся въ болѣе или менѣе важныхъ проступкахъ; 24 отказались отъ продолженія испытаній по болѣзни и 5 (3—въ Кіев-

Библиотека "Руниверс"

скомъ округѣ и 2—въ Рижскомъ) были устранены отъ нихъ на основаніи п. *к*, § 63-го правилъ объ испытаніяхъ (за упорное несоблюденіе законныхъ требованій наблюдателей или за попытки къ обману).

Въ церковныхъ училищахъ не были допущены къ испытаніямъ въ отчетномъ году по безуспѣшности двое (3%), а въ частныхъ гимназіяхъ по той же причинѣ—трое (3,6%).

Изъ числа 175 постороннихъ лицъ, подавшихъ прошенія о допущеніи ихъ въ 1893 году къ испытаніямъ зрѣлости, не были допущены къ этимъ испытаніямъ: трое (2—въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ и 1—въ Харьковскомъ) на основаніи п. *б*, § 51-го правилъ объ испытаніяхъ, то-есть какъ бывшіе ученики гимназій, которые, выбывъ въ томъ же учебномъ году безъ уважительныхъ причинъ изъ VIII класса гимназіи, получили за время обученія въ немъ отмѣтки, не соотвѣтствующія правиламъ о допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости, и трое (по 1 въ Одесскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ округахъ)—какъ обнаружившіе въ представленныхъ ими прошеніяхъ или собственныхъ жизнеописаніяхъ несомнѣнные признаки незрѣлости (п. *з*, § 51-го упомянутыхъ правилъ); кромѣ того, 5 изъ постороннихъ (по 2—въ Московскомъ и Рижскомъ округахъ и 1—въ Варшавскомъ округѣ) не явились на испытанія по неизвѣстнымъ причинамъ, и одному изъ постороннихъ (въ Кавказскомъ округѣ) испытаніе было отсрочено на годъ вслѣдствіе смерти его отца.

Всего добровольно отказались отъ испытанія зрѣлости или были устранены отъ нихъ:

изъ 3668 учениковъ	правит. гимназій	148	(4%)
67	церковн. училищъ.	2	(3%)
84 „	частныхъ гимназій	3	(3,6%)
175 постороннихъ лицъ		12	(6,8%)
Всего изъ 3994 лицъ		165	(4,1%)

За исключеніемъ вышеозначенныхъ лицъ, изъ числа лицъ, изъявившихъ желаніе подвергнуться въ отчетномъ году испытаніямъ зрѣлости, въ дѣйствительности подвергались этимъ испытаніямъ:

учениковъ правительственныхъ гимназій.	3.520
церковныхъ училищъ	65
„ частныхъ гимназій	81
постороннихъ лицъ.	163
Итого	3.829

Библиотека "Руниверс"

Изъ нихъ успѣшно выдержали испытанія и удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости:

учениковъ правительственныхъ гимназій.	3.352	(95,2%)
церковныхъ училищъ	61	(93,8%)
„ частныхъ гимназій	75	(92,6%)
постороннихъ лицъ.	80	(49,1%)
Всего	3.568	(93,2%)

Не выдержали испытаній, какъ показано въ вѣдомости № 2-й:

учениковъ правительственныхъ гимназій	168	(4,8%)
„ церковныхъ училищъ.	4	(6,2%)
„ частныхъ гимназій.	6	(7,4%)
постороннихъ лицъ	83	(50,9%)
Всего.	261	(6,9%).

На каждое изъ 177 учебныхъ заведеній, въ которыхъ происходили въ отчетномъ году испытанія зрѣлости, приходилось въ этомъ году среднимъ числомъ 20 съ небольшимъ лицъ (точнѣе 20,2), при чемъ наибольшее число аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости было выдано гимназіями Кіевскаго учебнаго округа, а именно каждою гимназіею среднимъ числомъ около 31 (собственно $30^{7}/_{9}$) диплома; наименьшее число дипломовъ приходится на гимназіи Восточной Сибири $10^{2}/_{3}$ диплома на каждую гимназію), затѣмъ—на гимназіи Оренбургскаго округа (по $13^{2}/_{3}$ диплома) и на гимназіи Варшавскаго округа (по $14^{13}/_{21}$ диплома).

Съ отличіемъ окончили полный гимназическій курсъ въ 1893 году 355 учениковъ, то-есть, 10,2% общаго числа учениковъ, выдержавшихъ въ этомъ году испытанія зрѣлости; изъ нихъ 179 учениковъ были удостоены золотыхъ, а 176—серебряныхъ. Относительно-наибольшее число медалей было роздано въ отчетномъ году въ Восточной Сибири, относительно-наименьшее число—въ Рижскомъ округѣ. Остальные округа, по процентному отношенію числа награжденныхъ медалями къ числу получившихъ аттестатъ зрѣлости, располагаются между двумя названными округами въ слѣдующемъ порядкѣ: Оренбургскій, Казанскій, С.-Петербургскій, Одесскій, Кавказскій, Западная Сибирь, Московскій, Кіевскій, Виленскій, Харьковскій, Варшавскій и Туркестанскій край.

Библиотека "Руниверс"

Переходя къ обозрѣнію вѣдомости № 2, мы видимъ, что большинство молодыхъ людей, не удостоенныхъ въ 1893 году аттестата или свидѣтельства зрѣлости, оказали слабые успѣхи въ языкахъ латинскомъ, русскомъ и греческомъ и въ математикѣ.

Въ общей сложности отказались отъ испытаній зрѣлости въ 1893 году или не были допущены къ нимъ, или же не выдержали ихъ, какъ видно изъ сопоставленія данныхъ вѣдомости № 1 съ данными вѣдомости № 2, 316 учениковъ правительственныхъ гимназій, 6 учениковъ церковныхъ училищъ и 9 учениковъ частныхъ гимназій, а всего 331. Изъ нихъ 236 лицъ, по донесеніямъ начальствъ учебныхъ округовъ, выбыли изъ заведенія со свидѣтельствами, выданными имъ на основаніи § 80-го правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 года, а 55 учениковъ пожелали остаться на второй годъ въ VIII классѣ. Свѣдѣнія объ остальныхъ 40 ученикахъ, не получившихъ аттестата зрѣлости, начальствами учебныхъ округовъ, къ сожалѣнію, не были доставлены.

По возрастамъ молодые люди, удостоенные въ 1893 году аттестата или свидѣтельства зрѣлости, распредѣляются, какъ показываетъ вѣдомость № 3, слѣдующимъ образомъ:

ВОЗРАСТЪ.	Правительственныя гимназіи.		Церковныя училища.		Частныя гимназіи.		Посторонніе лица.		Всего.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
17 лѣтъ	183	5,4	4	6,5	8	10,7	2	2,5	197	5.5
18 „	636	19	14	23	13	17,3	2	2,5	665	18,6
19 „	1019	30,4	23	37,7	26	34,7	5	6,2	1073	30,7
20 „	811	24,2	14	23	12	16	14	17,5	851	23,8
21 года и болѣе.	703	21	6	9,8	16	21,3	57	71,2	782	21,9
Всего.	3352	—	61	—	75	—	80	—	3568	—

Изъ этой таблицы видно, что какъ въ общемъ итогѣ всѣхъ лицъ, получившихъ въ отчетномъ году аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, такъ и въ частности между учениками правительственныхъ гимназій и церковныхъ училищъ, а равно и частныхъ гимназій, окончившими гимназическій курсъ, значительно преобладали молодые люди 19-лѣтняго возраста (они составляютъ 30,7% общаго числа лицъ признанныхъ зрѣлыми); въ числѣ же постороннихъ лицъ выдер-

Библиотека "Руниверс"

жавшихъ испытанія зрѣлости, преобладающее большинство, а именно 57 человѣкъ изъ 80, или 71,2%, имѣли не менѣе 21 года.

Распредѣленіе молодыхъ людей, выдержавшихъ испытанія зрѣлости въ 1893 году, по избраннымъ ими спеціальностямъ, показано въ вѣдомости № 4.

Изъ общаго числа лицъ, признанными зрѣлыми, 3.093 (86,7%) изъявили желаніе поступить въ университеты или соотвѣтствующія имъ по курсу высшія учебныя заведенія; въ томъ числѣ 1.141 (32%)—на медицинскій факультетъ или въ военно-медицинскую академію; 931 (26,1%)—на юридическій факультетъ; 740 (20,7%)—на физико-математическій факультетъ; 195 (5,5%)—на историко-филологическій факультетъ и въ историко-филологическіе институты; 53 (1,5%)—на факультетъ восточныхъ языковъ и 33 (0,9%)—на богословскій факультетъ Юрьевскаго университета.

Въ высшія спеціальныя учебныя заведенія направились 378 лицъ, или 10.6% общаго числа признанныхъ зрѣлыми. Изъ нихъ 124 (3,5%) намѣревались поступить въ технологическіе институты или другія высшія техническія учебныя заведенія, 101 (2,8%)—въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, 52 (1,5%)—въ сельско-хозяйственную академію, лѣсной институтъ или въ институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и 44 (1,2%)—въ горный институтъ; 26 (0,7%) выразили желаніе поступить въ военныя училища, 10 (0,3%)—въ институтъ гражданскихъ инженеровъ, 9 (0,3%)—въ академію художествъ или консерваторію, 7 (0,2%)—въ духовную академію и 4 (0,1%)—въ высшія юридическія училища (въ томъ числѣ 1—въ Императорскій лицей въ цамять Цесаревича Николая).

На поприще практической дѣятельности предполагали поступить 97 (2,7%), въ томъ числѣ 50 (1,4%)—въ военную службу и 23 (0,6%)—въ гражданскую службу; 24 избрали частную дѣятельность, а именно 12 (0,3%)—сельско-хозяйственную, 10 (0,3%)—коммерческую и по 1 (0,03%)—учебную и мануфактурную.

Въ отчетномъ году на испытаніяхъ зрѣлости присутствовали въ нѣкоторыхъ с.-петербургскихъ гимназіяхъ и училищахъ чины управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа и были приглашены для присутствованія на этихъ испытаніяхъ профессора и приватъ-доценты С.-Петербургскаго университета; кромѣ того, росписанія экзаменовъ по Закону Божію православнаго исповѣданія были сообщены главному наблюдателю за преподаваніемъ этого предмета въ свѣт-

Библиотека "Руниверс"

скихъ учебныхъ заведеніяхъ, преосвященному Никанору, епископу нарвскому, и помощнику его по наблюденію за преподаваніемъ названнаго предмета, протоіерею о. Леониду Петрову, которые и посѣтили нѣкоторыя изъ гимназій во время производства въ нихъ окончательныхъ испытаній по Закону Божію.

Въ частной гимназіи Поливанова въ Москвѣ письменныя испытанія происходили въ присутствіи преподавателя Московской 2-й прогимназіи Сперанскаго, въ качествѣ депутата отъ окружнаго управленія, а устныя—въ присутствіи окружнаго инспектора (нынѣ—помощника попечителя) Московскаго учебнаго округа Исаенкова.

Въ частной гимназіи Креймана въ Москвѣ на письменныхъ испытаніяхъ присутствовалъ преподаватель Московской 2-й прогимназіи Владимірскій, на устныхъ—окружной инспекторъ Исаенковъ.

Письменныя и устныя испытанія въ московскихъ правительственныхъ гимназіяхъ и въ женской гимназіи г-жи Фишеръ посѣщались попечителемъ округа, его помощникомъ и окружнымъ инспекторомъ Исаенковымъ.

Въ Пермской и Екатеринбургской гимназіяхъ присутствовалъ на испытаніяхъ зрѣлости попечитель Оренбургскаго учебнаго округа; въ Оренбургской гимназіи испытанія эти производились подъ наблюденіемъ окружнаго инспектора Чеховича, а въ VIII гимназическомъ классѣ Уральскаго реальнаго училища—подъ наблюденіемъ окружнаго инспектора Адріанова.

Нѣкоторыя испытанія въ Харьковскихъ гимназіяхъ происходили въ присутствіи окружнаго инспектора Лукьянова. Въ Тамбовскую гимназію былъ командированъ для присутствованія на окончательныхъ испытаніяхъ окружной инспекторъ Архангельскій, а въ Сумскую гимназію—окружной инспекторъ Раевскій.

Въ Одесской Ришельевской гимназіи на испытаніяхъ присутствовали профессора Новороссійскаго университета фонъ-Штернъ (по латинскому языку) и Воеводскій (по греческому языку); въ Одесской 2-й гимназіи—Преображенскій (по математикѣ) и Надлеръ (по исторіи); въ Одесской 3-й гимназіи—лекторы того же университета Шапеллонъ (по французскому языку) и Хонякевичъ (по нѣмецкому языку).

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ устныя испытанія зрѣлости по греческому языку въ гимназіяхъ Виленской 1-й, Виленской 2-й, Шавельской, Гродненской и Минской происходили въ присутствіи

Библиотека "Руниверс"

окружнаго инспектора Яхонтова. На испытаніяхъ по Закону Божію православнаго исповѣданія присутствовали: въ Ковенской гимназіи—высокопреосвященный Донатъ, архіепископъ Литовскій и Виленскій, преосвященный Христофоръ, епископъ Ковенскій, и Ковенскій губернаторъ, д. с. с. Клингенбергъ; въ Гродненской гимназіи—преосвященный Іосифъ, епископъ Брестскій; въ Минской гимназіи—преосвященный Симеонъ, епископъ Минскій и Туровскій, и Минскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ князь Трубецкой; въ Витебской гимназіи — преосвященный Антонинъ, епископъ Полоцкій и Витебскій; въ Могилевской гимназіи—преосвященный Ириней, епископъ Могилевскій и Мстиславскій. На испытаніяхъ зрѣлости по Закону Божію учениковъ римско-католическаго исповѣданія въ виленскихъ гимназіяхъ присутствовалъ депутатъ отъ Виленскаго римско-католическаго капитула, прелатъ Гриневецкій. Кромѣ того, на испытаніяхъ по Закону Божію и исторіи въ Виленской 1-й гимназіи присутствовалъ попечитель Виленскаго учебнаго округа т. с. Сергіевскій, а испытанія по латинскому языку въ виленскихъ гимназіяхъ происходили въ присутствіи помощника попечителя д. с. с. Бѣлецкаго.

Въ Томской гимназіи на устныхъ испытаніяхъ зрѣлости присутствовали попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа т. с. Флоринскій и окружной инспекторъ Гаазе.

Въ Ташкентской гимназіи на испытанія по Закону Божію депутатомъ отъ епархіальнаго начальства былъ назначенъ протоіерей В. Покровскій, а по математикѣ отъ управленія учебными заведеніями—инспекторъ народныхъ училищъ Граменицкій. Кромѣ того, испытанія посѣтили: по Закону Божію—епископъ Туркестанскій Григорій и по исторіи—главный начальникъ края баронъ Вревскій. Главный инспекторъ училищъ д. с. с. Керенскій присутствовалъ на испытаніяхъ по всѣмъ предметамъ,

Библиотека "Руниверс"

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Изъявили желаніе подвергнуться испытанію.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
				Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 51, пунктовъ					
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	По малоуспѣшности.	По нравственной неблагонад.	а.	б.	г.	Итого (и процентное отношеніе къ изъявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. К. § 63 правилъ.
С.-Петербургскій:											
21 правительств. гимназія.	464	17	481	4	—	—		—	6 (1,2%)		—
4 церковныя училища.	—	—	54	—	—	—	—	—	—	—	—
3 частныя гимназіи.	—	—	42	2		—	—	—			—
Во всѣхъ 28 учебн. завед.	—	—	577	4		—		—	6 (1%)		—
Московскій:											
23 правительств. гимназіи.		14	592	23	—	—	—	—	23 (3,9%)	4	—
1 церковное училище.	—	—	13	2	—	—	—	—	2 (15,4%)	—	—
2 частныя гимназ	—	—	42	3	—	—	—	—	3 (7,1%)	—	—
Во всѣхъ 26 учебн. завед.	—	—	647	28	—	—	—	—	28 (4.3%)	4	—
Казанскій:											
9 правительств. гимназій.	181	17	198	1	—	—	—	—	1 (0,5%)	1	—
Оренбургскі											
6 правительств. гимназій.	86	3	89	3	—	—	—	—	3 (3,4%)	1	—
Харьковскій:											
17 правительств. гимназій.	375	10	385	12	2	—	1	—	15 (3.9%)	6	—
Одесскій:											
16 правительств. гимназій.	335	20		3	—	—	—	1	4 (1,1%)		—
Кіевскій:											
18 правительств. гимназій.		31	606	17	1	—	—	—	18 (3%)	—	3

[1]) Изъ 14 постороннихъ лицъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, двое не явились на нихъ.

Библиотека "Руниверс"

и удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1893 году.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
458	15	473	450 (98,3%)	11 (73,3%)	461 (97,5%)	21⁷⁰/₂₁	29	34	63 (14%)
—	—	54	—	—	51 (94,4%)	12³/₄	—	1	2 (3,9%)
—	—	42	—	—	39 (92,9%)	13	4	1	5 (12,8%)
—	—	569	—	—	551 (96,8%)	19¹⁹/₂₈	33	37	70 (13%)
551	12 [1])	563	511 (92,7%)	7 (58,3%)	518 (92%)	22¹²/₂₃	28	25	53 (10,4%)
—	—	11	—	—	10 (90,9%)	10	1	1	2 (10%)
—	—	39	—	—	36 (92,3%)	18	—	—	—
—	—	613	—	—	564 (92%)	21⁹ ¹³	29	25	55 (9,9%)
179	17	196	176 (98,3%)	12 (70,6%)	188 (95,9%)	20⁸⁷	11	14	25 (14,2%)
82	3		81 (98,8%)	1 (33,3%)	82 (96,5%)	15²/₅	9	5	14 (17,3%)
355	9	364	332 (93,5%)	4 (44,4%)	336 (92,3%)	19¹⁴/	13	15	28 (8,4%)
330	19	349	325 (98,5%)	11 (57,9%)	336 (96,3%)	21	20	19	39 (12%)
554	31	585	539 (97,3%)	15 (48,4%)	554 (94,7%)	30⁷	27	25	52 (9,6%)

Библиотека "Руниверс"

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Изъявили желаніе подвергнуться испытанію.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего	Гимназисты. По малолѣтству.	Гимназисты. По нравственной неблагонадежности.	Посторонніе на основаніи § 51, пунктовъ а.	б.	г.	Итого (и процентное отношеніе къ изъявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. К. § 63 правилъ.
Виленскій:											
9 правительств. гимназій.	161		169	4	—	—	—	1	5 (2,9%)	2	—
Варшавскій:											
21 правительств. гимназія.	325	18	343	13	—	—	—	1	14 (4%)	1	—
Рижскій:											
11 правительств. гимназій.	289	23	312	25 [2]	—	—	—	—	25 (8%)	1	
Кавказскій:											
8 правительств. гимназій.	191	11	202	8	—	—	—	—	8 (4%)	4 [3]	—
Западная Сибирь:											
4 правительств. гимназіи.	52	1	53	—	—	—	—	—	—	1	—
Восточная Сибирь:											
3 правительств. гимназіи.	36	1	37	3	—	—	—	—	3 (8,1%)	—	—
Туркестанскій край:											
1 правительств. гимназія.	20	1	21	—	—	—	—	—		—	—
Итого:											
Въ 167 прав. гимназіяхъ .	3668	175	3843	116	3	—	3	3	125 (3,2%)	25 [3]	
5 церковн. училищахъ.	—	—	67	2	—	—	—	—	2 (3%)	—	—
5 части. гимназіяхъ .	—	—	84	3	—	—	—	—	3 (3,6%)	—	—
А всего:											
въ 177 учебн. заведеніяхъ.	—	—	3994	121	3	—	3	3	130 (3,2%)	25 [3]	5

[1]) Изъ 17 посторонних лицъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, одинъ не явился на нихъ лицъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, двое не явились на нихъ. — [3]) Въ томъ числѣ

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
155	7	162	145 (93,5%)	4 (57,1%)	149 (92%)	16⁴/₉	7	6	13 (9%)
311	16[1]	327	299 (96,1%)	8 (50%)	307 (93,9%)	14¹²/₂₁	9	9	18 (6%)
261	21[2]	282	218 (83,5%)	3 (14,3%)	221 (78,4%)	20¹⁰/₁₁	5	3	8 (3,7%)
180	10	190	175 (97,2%)	3 (30%)	178 (93,7%)	22¹/₄	8	12	20 (11,4%)
51	1	52	49 (96,1%)	1 (100%)	50 (96,1%)	12¹/₂	4	1	5 (10,2%)
33	1	34	32 (97%)	—	32 (94,1%)	10²/₃	3	4	7 (21,9%)
20	1	21	20 (100%)	—	20 (95,2%)	20	1	—	1 (5%)
3520	163	3683	3352 (95,2%)	80 (49,1%)	3432 (93,2%)	20,5	174	172	346 (10,3%)
—	—	65	—	—	61 (93,8%)	12,2	1	3	4 (6,5%)
—	—	81	—	—	75 (92,6%)	15	4	1	5 (6,7%)
—	—	3829	—	—	3568 (93,2%)	20,2	179	176	355 (10,2%)

ихъ.—[1]) Изъ нихъ одинъ по пункту *в* § 51-го Прав. объ испыт.—[2]) Изъ 23 посторонному постороннему, вслѣдствіе смерти его отца.

Библиотека "Руниверс"

№ 2. Вѣдомость о невыдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ: Закону Божію.	Русск. яз. и словесн. Письменнаго.	Русск. яз. и словесн. Устнаго.	Латинск. языку. Письменнаго.	Латинск. языку. Устнаго.	Греческ. языку. Письменнаго.	Греческ. языку. Устнаго.
С.-Петербургскій.										
Ученики правительств. гимназій	458	8	1,7	—	3	—	5	5	1	3
„ церковныхъ училищъ	54	3	5,6	—	3	1	1	—	—	—
„ частныхъ гимназій	42	3	7,1	—	—	—	—	—	—	—
Посторонніе лица	15	4	26,7	—	1	2	3	—	2	—
Всего	569	18	3,2	—	7	3	9	5	3	3
Москов.										
Ученики правительств. гимназій	551	40	7,3	—	22	—	34	1	31	1
„ церковнаго училища	11	1	9,1	—	1	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій	39	3	7,7	—	3	—	3	—	1	—
Посторонніе лица	12	5	41.7	2	1	—	2	1	2	1
Всего	613	49	8	2	27	—	39	2	34	2
Казанскій.										
Ученики правительств. гимназій	179	3	1,7	—	—	—	3	1	1	—
Посторонніе лица	17	5	29,4	—	—	—	1	2	—	—
Всего	196	8	4,1	—	—	—	4	3	1	—
Оренбургскій.										
Ученики правительств. гимназій	82	1	1,2	—	2	—	7	1	1	—
Посторонніе лица	3	2	66,7	—	2	—	3	—	—	—
Всего	85	3	3,5	—	4	—	10	1	1	—
Харьковскій.										
Ученики правительств. гимназій	355	23	6,5	—	14	—	19	2	10	1
Посторонніе лица	9	5	55,5	—	4	—	3	—	2	—
Всего	364	28	7,7	—	18	—	22	2	12	1
Одесскій.										
Ученики правительств. гимназій	330		1,5	—	2	—	4	2	2	—
Посторонніе лица	19	8	42,1	1	2	—	2	—	3	—
Всего	349	13	3,7	1	4	—	6	2	5	—
Кіевскій.										
Ученики правительств. гимназій	554	15	2,7	—	10	—	6	4	7	1
Посторонніе лица	3	16	51,6	—	5	1	4	1	9	1
Всего	585	31	5,3	—	15	1	10	5	16	2

[1]) Свѣдѣнія объ остальныхъ гимназистахъ, не удостоенныхъ атестата зрѣлости, ок-

Библиотека "Руниверс"

испытанія зрѣлости въ 1893 году.

испытанія по слѣдующимъ предметамъ:									
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свидѣтельствами на основанія § 80 правилъ.
Письменнаго.	Устнаго.								
2	5	—	3	—	—	—	27	13	1
—	—	—	—	—		—	5	1	2
—	3	—	—	—	—	—	3	3	—
1	1	—	—	—	1	—	11	—	—
3	9	—	3	—	1	—	46	17	3
15	1	—	—	—	—	—	105	54	13
—	—	—	—	—	—	—	1	2	1
—	—	—	—	—	—	—	7	3	3
1	1	1	—	—	—	—	12	—	—
16	2	1	—	—	—	—	125	59	17
1	—	—	—	—	—	—	5	4	1
1	1	—	1	—	—	—	7	—	—
2	1	—	1	—	—	—	12	4	1
10	1	—	—	—	—	—	21	3 [1])	—
2	—	—	—	—	—	—	8	—	—
12	1	—	—	—	—	—	29	3 [1])	—
10	1	—	—	—	—	—	57	39	4
3	1	1	—	—	—	—	14	—	—
13	2	1	—	—	—	—	71	39	4
6		—	—	—	—	2	23	10	—
3	—	—	3	—	—	—	16	—	—
9	7	—	3	—	—	2	39	10	—
2	2	—	1	—	—	—	33	27 [1])	7 [1])
9	4	2	2	1	—	—	39	—	—
11	6	2	3	1	—	—	72	27 [1])	7 [1])

рушнымъ начальствомъ не доставлены.

Библиотека "Руниверс"

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ: Закону Божію.	Русск. яз. и словесн. Письменнаго.	Русск. яз. и словесн. Устнаго.	Латинск. языку. Письменнаго.	Латинск. языку. Устнаго.	Греческ. языку. Письменнаго.	Греческ. языку. Устнаго.
Виленскій.										
Ученики правительств. гимназій	155	10	6,4	—	2	1	3	1	6	1
Посторонніе лица	7	3	42,8	—	—	—	—	—	—	—
Всего	166	13	8	—	2	1	3	1	6	1
Варшавскій.										
Ученики правительств. гимназій	311	12	3,8	—	9	—	5	—	4	—
Посторонніе лица	16	8	58	—	6	1	3	—	3	—
Всего	327	20	6,1	—	15	—	8	—	7	—
Рижскій.										
Ученики правительств. гимназій	261	43	16,5	—	24	3	12	10	17	8
Посторонніе лица	21	18	85,7	—	6	6	6	3	5	—
Всего	282	61	21,6		30	9	18	13	22	8
Кавказскій.										
Ученики правительств. гимназій	180	5	2,8	—	3	—	1	2	1	—
Посторонніе лица	10	7	70	—	5	2	4	1	2	—
Всего	190	12	6,3	—	8	2	5	3	3	—
Западная Сибирь.										
Ученики правительств. гимназ	51		3,9	—		—	1	—	—	—
Посторонніе лица	1	—	—	—	—	—	—	—		—
Всего	52	2	3,8	—	2	—	1	—	—	—
Восточная Сибирь.										
Ученики правительств. гимназій	33	1	3	—	—	—	1	1	—	—
Посторонніе лица	1	1	100	—	1	—	—	1	—	—
Всего	34	1	5,9	—	1	—	1	2	—	—
Туркестанскій край.										
Ученики правительств. гимназій	20	—		—	—		—	—	—	—
Посторонніе лица	1	1	100		—	—	1	1	—	—
Всего	21	1	4,8		—	—	1	1	—	—
ИТОГО										
Ученики правительств. гимназій	3520	16	4,8		93	4	99	30	80	15
церковныхъ училищъ	65	4	6,2	—	4	1	1	—	—	—
частныхъ гимназій	81	6	7,4	—	5	—	3	—	1	—
Посторонніе лица	163	83	50,9	3	33	12	34	10	29	2
ВСЕГО	3829	261	6,8	3	133	17	137	40	110	17

[1]) Свѣдѣнія объ остальныхъ гимназистахъ, неудостоенныхъ атестата зрѣлости, окудостоенныхъ атестата зрѣлости, окружными начальствами не доставлены.

Библиотека "Руниверс"

испытанія по слѣдующимъ предметамъ:									
Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностраннымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ.	Остались на другой годъ въ классѣ.	Выбыли со свидѣтельствами на основаніи § 80 правилъ.
Письменнаго.	Устнаго.								
4	1	—	2	—	—	—	21	8 [1])	1 [1])
1	—	—	1	—	—	—	3	—	—
6	1	—	3	—	—	—	24	8 [1])	1 [1])
3	—	—	2	—	—	—	23	21	5
3	—	—	1	—	1	—	18	—	—
6	—	—	3	—	1	—	41	21	5
21	17	—	4	—	—	—	116	21	14 [1])
6	—	—	—	—	—	—	32	29 [1])	—
27	17	—	4	—	—	—	148	29 [1])	14 [1])
1	1	—	1	—	—	—	10	15	1
—	—	—	—	—	—	—	14	—	—
1	1	—	1	—	—	—	24	15	1
2	—	—	—	—	—	—	5	2	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—	—	5	2	1
—	—	—	—	—	—	—	2	2	2
—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
—	—	—	—	—	—	—	4	2	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
77	37	—	13	—	—	2	450	227 [2])	50 [2])
—	—	—	—	—	—	—	6	3	2
—	2	—	—	—	—	—	10	6	3
31	7	4	8	1	2	—	17	—	—
108	47	4	21	1	2	2	632	326 [2])	55 [2])

ружимъ начальствомъ не доставлены—[2]) Свѣдѣнія объ оставшихъ гимназистахъ, не

Библиотека "Руниверс"

№ 3. Распредѣленіе признанныхъ въ 1893 году зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
С.-Петербургскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	450	21	4,7	76	16,9	135	30	122	27,1	96	21,3
церковн. училищъ.	51	4	7,8	14	27,5	17	33,3	10	19,6	6	11.8
частныхъ гимназій.	39	7	17,9	8	20,5	12	30,8	7	17,9	5	12,8
Постороннія лица .	11	—	—	—	—	—	—	1	9,1	10	90,9
Всего . .	551	32	5,8	98	17,8	164	29,8	140	25,4	117	21,2
Московскій.											
Ученики правит. гимназій.	511	18	3,5	112	21,9	164	32,1	122	23,9	95	18,6
церковн. училища.	10	—	—	—	—	6	60	4	40	—	—
частныхъ гимназій.	36	1	2,8	5	13,9	14	38,9	5	13,9	11	30,5
Постороннія лица. .	7	—	—	—	—	—	—	1	14,3	6	85,7
Всего .	564	19	3,4	117	20,7	184	32,6	132	23,4	112	19,8
Казанскій.											
Ученики правит. гимназій.	176	11	6,2	45	25,6	61	34,6	37	21	22	12,5
Постороннія лица .	12	—	—	—	—	2	16,7	4	33,3	6	50
Всего .	188	11	5,8	45	23,9	63	33,5	41	21,8	28	14.9

Библиотека "Руниверс"

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Оренбургскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	81	1	1,2	15	18,5	25	30,8	28	34,6	12	14,8
Посторонніе лица.	1	—	—	—	—	—	—	1	100	—	—
Всего.	82	2	1,2	15	18,3	25	30,5	29	35,4	12	14,6
Харьковскій.											
Ученики правит. гимназій.	332	13	3,9	51	15,4	116	34,9	90	27,1	62	18,7
Посторонніе лица.	4	—	—	—	—	—	—	1	25	3	75
Всего.	336	13	3,9	51	15,2	116	34,5	92	27,1	65	19,3
Одесскій.											
Ученики правит. гимназій.	325	26	8	57	17,5	99	30,5	71	21,8	72	22,2
Посторонніе лица.	11	—	—	1	9,1	—	—	—	—	10	90,9
Всего.	336	26	7,7	58	17,3	99	29,5	71	21,1	82	24,4
Кіевскій.											
Ученики правит. гимназій.	539	36	6,7	125	23,7	153	28,4	112	20,8	113	21
Посторонніе лица.	15	1	6,7	1	6,7	—	—	3	20	10	66,7
Всего.	554	37	6,7	126	22,7	153	27,6	115	20,7	123	22,2

Библиотека "Руниверс"

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ указаніемъ процентнаго отношенія общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Виленскій.			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	145	6	4,1	27	18,6	46	31,7	37	25,5	29	20
Посторо	1	—	—	—	—	1		1			50
Всего.	149	6	4	27	18,1	47	31,5	38	25,5	31	20,8
Варшавскій.											
Ученики правит. гимназій.	299	16	5,3	52	17,4	79	26,4	77	25,7	75	25,1
Постороннія лица.	8	—	—	—	—	1	12,5	1	12,5	6	75
Всего.	307	16	5,2	52	16,9	80	26	78	25,4	81	26,4
Рижскій.											
Ученики правит. гимназій.	218	22	10,1	34	15,6	58	26,6	48	22	56	25,7
Постороннія лица.	3	1	3,3	—	—	1	3,3	—	—	1	3,3
Всего	221	23	10,4	34	15,4	59	26,7	48	21,7	57	25,8
Кавказскій.											
Ученики правит. гимназій.	175	6	3,4	23	13,1	59	33,7	41	23,4	46	26,3
Постороннія лица.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3	100
Всего.	178	6	3,4	23	12,9	59	33,1	41	23	49	27,5

Библиотека "Руниверс"

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
Западная Сибирь.			%		%		%		%		
Ученики правит. гимназій.	49	4	8,2	10	20.4	9	18.4	12	24.5	14	28,6
Посторонніе лица .	1	—	—	—	—	—	—	1	100	—	—
Всего .	50	4	8	10	20	9	18	13	26	14	28
Восточная Сибирь.											
Ученики правит. гимназій.	32	2	6,2	4	12.5	10	31,2	10	31,2	6	18,8
Туркестанск. край.											
Ученики правит. гимназій.	20	1	5	5			25	4	20	5	
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназій.	3352	183	5,4	636	19	1019	30,4	811	24,2	703	21
церковн. училищъ.	61	4	6,5	14	23	23	37,7	14	23	6	9,8
частныхъ гимназій.	75		10.7	13	17,3	26	34.7	12	16	16	21,3
Посторонніе лица .	80	2		2	2.5	5	6.3	14	17,5	57	71,2
Всего .	3568	197	7,5	665	18.6	1073	30,1	851	23,8	782	21,9

Библиотека "Руниверс"

№ 4. Распредѣленіе признанныхъ въ 1893 г. зрѣлыми

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе		
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	Военныя училища.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.
С.-Петербургскій.										
21 правительств. гимназія	1	40	80	109	114	12	356	11	33	13
4 церковныя училища	8	3	13	9	9	2	44	—	2	1
3 частныя гимназіи	—	3	7	10	6	4	30	—	5	—
Изъ всѣхъ 28 учеби. заведеній.	9	46	100	128	129	18	430	11	40	14
Московскій.										
23 правительств. гимназіи	—	33	112	150	189	3	487	—	11	5
1 церковное училище.	1	—	1	4	4	—	10	—	—	—
2 частныя гимназіи	—		11	12	6	—	34	—	—	—
Изъ всѣхъ 26 учеби. заведеній.	1	38	124	166	199	3	531	—	11	5
Казанскій.										
9 правительств. гимназій	—	7	43	53	68	2	173	1	1	—
Оренбургскій.										
6 правительств. гимназій	—		18	13		—	66	—	3	
Харьковскій.										
17 правительств. гимназій		8	80	104	113		315	--	4	
Одесскій.										
16 правительств. гимназіи	1	16	82	76	118	11	304	4	9	1
Кіевскій.										
18 правительств. гимназій	—	34	118	176	174	4	506	—	8	

[1]) Училище правовѣдѣнія и Александровскій лицей.—[2]) Въ томъ числѣ 4 въ Электро-
[4]) Въ томъ числѣ одинъ въ высшій классъ гимназія въ Германіи.

Библиотека "Руниверс"

по занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали.

въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						
							Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				
Технологическія.	Сельско-хоз. ак., Лѣсной инст., Институт. Сельскаго хозяйства и лѣсоводства.	Институт. гражданск. инженер.	Юридическія [1]).	Академію художествъ и консерваторію.	Духовную академію.	Всего.	Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельскохозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзнодорожн.	Всего.
[2])													
16	4	10	2	1	4	94	2	7	—	—	2	—	11
1	—	—	—	—	—	5 [3])	1	—	—	—	1	—	2
—	1	—	1 [3])	1	1	9	—	—	—	—	—	—	—
17	5	10	3			108 [4])	3	7	—	—	3	—	13
7	1	—	—	—	—	24	—	5	—	1	—	—	6
1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1
9	1	—	—	—	—	26	—	5	—	1	1	—	7
4	3	—	—	—	1	10		3	—	—	—	—	5
—	3	—	—	—	1	12	—	4	—	—	—	—	4
10	4	—	1	—	—	21	—	—	—	—	—	—	—
7		—	—		—	26	1		—	—	—	—	6
13	10	—	—	3	—	36	3	8	—	1	—	—	12

технический институтъ. — [3]) Въ Императорскій лицей въ память Цесаревича Николая.—

Библиотека "Руниверс"

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе		
	Богослов-скій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего	Военныя училища.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.
Виленскій.										
9 правительств. гимназій	—			30	66		132	1	5	—
Варшавскій.										
21 правительств. гимназія	4	6	47	74	100		134	—	8	9
Рижскій.										
11 правительств. гимназій	16	18 [1])	33	36	61	1	165 [1])	2	6	2
Кавказскій.										
8 правительств. гимназій	—	12	40	47	46	1	146			1
Западная Сибирь.										
4 правительств. гимназіи	—	—	10	17	19	—	46	—	1	—
Восточная Сибирь.										
3 правительств. гимназіи	—	—	14	6	9	—	29	—	—	3
Туркестанскій край.										
1 правительств. гимназія	—	—	4		7	—	16	—	—	—
Всего въ 177 учебн. заведеніяхъ.	33	195	740	931	1141	53	3093	26	101	44
Процентное отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ	0,9	5.5	20,7	26,1	32	1,5	86,7	0.7	2,8	1.2

[1]) Въ томъ числѣ одинъ поступилъ въ Гейдельбергскій университетъ.

Библиотека "Руниверс"

въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:						
							Въ гос. службу.	Частной дѣятельности.					
Технологическій.	Сельско-хоз. ак., Дѣпой инст. Инстит. Сельскаго хозяйства и лѣсоводства.	Институт. гражданск. инженер.	Юридическія [1].	Академію художествъ и консерваторію.	Духовную академію.	Всего.	Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельскохозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзн. дороги.	Всего.
		—	—	—	—	16	1	—	—	—	—	—	1
35	4	—	—	1	—		—	10	—		—	1	16
18		—	—	1	—	36	4	4	1		6	—	20
6		—	—	—	—	26	6	—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	—	1	—	3	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	4
124	52	10	4	9	7	378 [1]	23	50	1	12	10	1	97
3,5	1.5	0.3	0.1	0.3	0.2	10,6	0.6	1,4	0,03	0,3	0.3	0.03	2.7

[1]) Въ томъ числѣ одинъ въ высшій классъ гимназіи въ Германіи.

Библиотека "Руниверс"

А. П. БОГДАНОВЪ.

(некрологъ).

10-го марта 1896 г., въ 10 час. веч., скончался въ Москвѣ, на 62-мъ году жизни, заслуженный профессоръ Московскаго университета Анатолій Петровичъ Богдановъ. Выдающаяся научно-общественная дѣятельность покойнаго пользовалась значительною извѣстностью, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Она выразилась въ продолжительномъ (37-ми-лѣтнемъ) профессорскомъ служеніи на каѳедрѣ зоологіи,—въ подготовкѣ многихъ спеціалистовъ, занимающихъ теперь, въ свою очередь, каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—во многихъ печатныхъ трудахъ, въ особенности же—въ рядѣ научно-образовательныхъ предпріятій и учрежденій, осуществленныхъ имъ или получившихъ новое развитіе, благодаря его иниціативѣ и энергіи.

А. П. Богдановъ родился 1-го октября 1834 г. въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ Воронежской губерніи. Приписанный къ сословію государственныхъ крестьянъ, онъ былъ воспитанъ Е. Ѳ. Татариновой, а по смерти ея, въ 1839 г., ея матерью (своею бабушкой), княгинею Г. Н. Кейкуатовой, которая вообще любила его и заботилась объ его образованіи, но иногда, въ минуты гнѣва, и напоминала объ его „незаконномъ“ происхожденіи, что, конечно, не могло не оказать извѣстнаго вліянія на впечатлительнаго мальчика и, по всей вѣроятности, отразилось на послѣдующемъ развитіи нѣкоторыхъ чертъ его характера. Въ 1846 г. А. П. Богдановъ поступилъ въ 3-й классъ Воронежской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1851 г. съ серебряною медалью. Дальнѣйшее свое образованіе онъ продолжалъ на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, на которомъ и окончилъ курсъ по естественному отдѣленію, въ 1855 г.,

Библиотека "Руниверс"

первымъ кандидатомъ, получивъ серебряную медаль за сочиненіе по геологіи: „Способы опредѣленія времени образованія осадочныхъ пластовъ". Въ слѣдующемъ, 1856 г., А. П. Богдановъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра зоологіи и поступилъ преподавателемъ естественной исторіи въ земледѣльческую школу Московскаго общества сельскаго хозяйства, но уже въ 1857 г. отправился за границу (на свои средства) для подготовленія къ профессорскому званію. Программу для своихъ заграничныхъ занятій А. П. Богдановъ получилъ отъ профессора К. Ф. Рулье, который имѣлъ вообще весьма благотворное на него вліяніе и память котораго впослѣдствіи почтилъ А. П. Богдановъ обширной біографіей („К. Ф. Рулье и его предшественники въ Московскомъ университетѣ").

За границей А. П. Богдановъ занимался въ Парижѣ, слушалъ лекціи у Исидора Сентъ-Илера, Дюмериля, Бланшара, Серра, Грасіоле, Робена и работалъ надъ подготовкою своей диссертаціи „Цвѣтность пера птицъ", которая и была защищена имъ, по возвращеніи въ Москву, въ мартѣ 1858 г. Въ сентябрѣ того же года А. П. Богдановъ былъ утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ зоологіи и началъ чтеніе лекцій по этому предмету [1]). Въ

---

[1]) Вступительная лекція была прочитана А. П. Богдановымъ 4-го октября 1858 г. Она была напечатана въ № 122 „Московскихъ Вѣдомостяхъ" за тотъ же годъ. Въ ней А. П. Богдановъ высказалъ свои тогдашніе взгляды на задачи и содержаніе зоологіи и почтилъ память незадолго до того умершаго К. Ф. Рулье. Содержаніе зоологіи опредѣлено было имъ такой формѣ: „Изученіе жизни животнаго во всемъ видимомъ ея разнообразіи, изученіе сродства частныхъ формъ животнаго царства и соотношенія ихъ строенія съ образомъ жизни, изслѣдованіе историческаго развитія животной жизни на землѣ, первыхъ членовъ того ряда, послѣднее звено котораго выражается въ современномъ намъ географическомъ размѣщеніи животныхъ, и наконецъ дознаніе общихъ законовъ, управляющихъ зоологическимъ міромъ—вотъ то разнообразіе точекъ зрѣнія, которое составляетъ содержаніе нашей науки". Что касается метода, то А. П. Богдановъ, замѣтивъ, что „цѣль университетскаго преподаванія есть развитіе самостоятельной дѣятельности мысли", доказываетъ, что какъ методъ чистаго наблюденія (Кювье), такъ и методъ чистаго мышленія (Окена и вообще натуръ-философовъ) недостаточны, и что единственно пригоднымъ является „методъ мышленія, основаннаго на строгомъ всестороннемъ изученіи фактовъ",—методъ, предложенный Сентъ-Илеромъ и стремящійся „посредствомъ совокупности отдѣльныхъ наблюденій дойти до общаго закона, управляющаго ими". „Заслуга внесенія этого метода въ русское преподаваніе, разработка этого направленія—принадлежитъ Рулье", девизомъ котораго былъ „смыслъ въ наукѣ, ея строй и гармонія", и—замѣчаетъ А. П. Богдановъ—„на его ученикахъ и преимущественно на мнѣ, его

Библиотека "Руниверс"

томъ же году онъ занялъ должность помощника непремѣннаго секретаря Императорскаго Общества сельскаго хозяйства, которую исправлялъ до 1860 года. Раньше, съ 1856 по 1858 г., онъ работалъ въ томъ же Обществѣ, въ званіи ученаго секретаря—учрежденнаго по иниціативѣ его и С. А. Маслова—комитета акклиматизаціи животныхъ и растеній. Комитетъ этотъ, преобразованный впослѣдствіи въ самостоятельное Общество, задался мыслью основать въ Москвѣ зоологическій садъ, и эта задача была, повидимому, поводомъ ко второй поѣздкѣ А. П. Богданова за границу, въ 1859 г., имѣвшей цѣлью, главнымъ образомъ, осмотръ зоологическихъ садовъ и музеевъ Берлина, Лейдена, Брюсселя, Лондона и Парижа. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ дѣятельность А. П. Богданова сосредоточивается исключительно на ближайшемъ предметѣ его занятій, зоологіи. Онъ помѣщаетъ нѣсколько замѣтокъ въ *Бюллетенъ* Московскаго общества испытателей природы, статью „Очеркъ исторіи зоологическихъ садовъ“ въ „*Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ*“ 1863 г., переводитъ „Руководство къ зоологіи“ Бронна (Protozoa и Coelenterata, 1860—1861 гг.), „Общую біологію“ Сентъ-Илера (3 т., 1861 г.), „Сравнительно-Анатомическія таблицы“ Каруса (1861 г.), „Таблицы для опредѣленія бабочекъ“ — Гейнеманна, „Сѣтчатокрылыхъ“—Брауера и Лева, „Жуковъ“—Редтенбахера (1861—1862 гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая необходимость учрежденія въ Москвѣ Общества для собиранія и разработки матеріаловъ по естествовѣдѣнію и пользуясь послѣдовавшимъ тогда разрѣшеніемъ на основаніе такихъ Обществъ при университетахъ, А. П. Богдановъ начинаетъ хлопотать объ учрежденіи подобнаго Общества при Московскомъ университетѣ и, при содѣйствіи профессоровъ Г. Е. Щуровскаго, А. Ю. Давидова и другихъ, достигаетъ осуществленія своей мысли, 15-го октября 1863 г. Въ противоположность основанному еще въ началѣ XIX-го столѣтія Обществу Испытателей Природы, составлявшему изъ себя тѣсный кружокъ спеціалистовъ и издававшему свои труды исключительно на иностранныхъ языкахъ, новое общество, назвавъ себя „Обществомъ Любителей Естествознанія“, широко раскрыло

преемникѣ, лежитъ священный долгъ беречь въ его направленіи то дорогое достояніе, которое составляетъ нашу гордость“. Многія мысли, высказанныя въ этой лекціи А. П. Богдановымъ, представляютъ значительное сходство съ высказанными Рулье въ разныхъ его статьяхъ, между прочимъ, въ статьѣ „Сомнѣнія въ зоологіи, какъ наукѣ“, въ „*Отечественныхъ Запискахъ*“ начала 50-хъ годовъ.

Библиотека "Руниверс"

свои двери для всѣхъ, интересующихся знаніемъ, и постановило издавать свои „Труды“ исключительно на русскомъ языкѣ. Въ первое время Общество имѣло въ виду сосредоточить свою дѣятельность исключительно на естественныхъ наукахъ: зоологіи, ботаникѣ, геологіи, и при томъ въ примѣненіи, преимущественно, къ мѣстному московскому району, но скоро обстоятельства вызвали значительное расширеніе его дѣятельности. Къ началу шестидесятыхъ годовъ относится основаніе Парижскаго Антропологическаго Общества и многія открытія и труды, давшіе новый импульсъ развитію науки о человѣкѣ. А. П. Богдановъ живо заинтересовался этимъ новымъ движеніемъ, и по его иниціативѣ основанное имъ Общество было преобразовано въ „Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“, при чемъ двѣ послѣднія отрасли знаній были выдѣлены въ особые Отдѣлы и, кромѣ того, Общество исходатайствовало себѣ право основывать, по мѣрѣ надобности, въ своей средѣ, еще отдѣленія. Что въ этомъ была дѣйствительная потребность, явствуетъ изъ того, что вскорѣ же основалось при обществѣ отдѣленіе физическихъ наукъ, а впослѣдствіи возникли послѣдовательно отдѣленія: зоологическое, ботаническое, химическое и географическое.

Повидимому, подъ вліяніемъ результатовъ, къ которымъ пришелъ извѣстный дѣятель Парижскаго Антропологическаго Общества, профессоръ Брока, сравнивая черепа парижанъ древней и современной эпохи, А. П. Богдановъ началъ въ 1865 г. раскопки кургановъ въ Московской губерніи, обращая особенное стараніе на собираніе и изученіе костяковъ и череповъ, ранѣе почти не обращавшихъ на себя вниманія археологовъ. Въ два года (1865 и 1866) была собрана путемъ раскопокъ значительная краніологическая коллекція, принесенная потомъ въ даръ Московскому университету и описанная въ сочиненіи „Матеріалы для антропологіи курганнаго племени Московской губерніи“, 1867 г. Представленное въ качествѣ докторской диссертаціи, это сочиненіе послужило поводомъ къ поднесенію А. П. Богданову званія доктора зоологіи honoris causa. Главные результаты этого труда вошли также въ статью „Курганное племя Московской губерніи“ („Извѣстія Московскаго университета“, 1866 г.). Признаніе почетнымъ докторомъ было вызвано, кромѣ ученыхъ трудовъ, къ числу коихъ слѣдуетъ прибавить изданную въ 1865—1867 гг. „Зоологію и Зоологическую хрестоматію“, еще осуществленіемъ лѣтомъ 1867 г., по иниціативѣ А. П. Богданова, этнографической выставки, которая, благодаря матеріальному содѣйствію В. А. Дашкова и трудамъ проф.

Библиотека "Руниверс"

Н. А. Попова, выразилась въ богатомъ собраніи матеріаловъ, иллюстрирующихъ бытовую обстановку народностей Россіи и славянскихъ странъ, и, послуживъ поводомъ къ съѣзду въ Москвѣ славянскихъ дѣятелей, обратила общее вниманіе на молодое Общество. Выставкѣ предшествовалъ рядъ публичныхъ чтеній, въ которыхъ принималъ участіе и А. П. Богдановъ, и которыя были изданы затѣмъ въ видѣ особаго сборника. Обширныя же собранныя на выставкѣ коллекціи положили потомъ основаніе этнографическому (Дашковскому) музею, являющемуся и до настоящаго времени единственнымъ рускимъ (и славянскимъ) этнографическимъ музеемъ въ Россіи. За выдающееся участіе въ этой выставкѣ Общество Любителей Естествознанія присудило А. П. Богданову (первому) свою высшую награду большую золотую медаль.

Время съ осени 1867 по осень 1868 г. А. П. Богдановъ провелъ за границей, при чемъ работалъ въ лабораторіи проф. Лейкарта въ Гиссенѣ и изучалъ морскихъ животныхъ въ Неаполѣ. Нѣкоторое время затѣмъ онъ сосредоточился снова на своихъ профессорскихъ занятіяхъ, заботясь въ то же время о развитіи дѣятельности юнаго Общества Любителей Естествознанія. Особенное значеніе для Общества имѣла осуществленная тогда, при содѣйствіи туркестанскаго генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана, экспедиція А. П. Богданова и О. А. Федченко въ Среднюю Азію, собравшая богатые матеріалы, обработанные впослѣдствіи многими спеціалистами. А. П. Богдановъ стремился, однако, къ болѣе широкой общественной дѣятельности и въ началѣ 70-хъ годовъ задумалъ грандіозное предпріятіе, именно устройство въ Москвѣ, по случаю предстоявшаго, въ маѣ 1872 г., двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго, политехнической выставки, съ цѣлью, съ одной стороны, напомнить обществу о великомъ преобразователѣ, съ другой—наглядно представить успѣхи, достигнутые черезъ двѣсти лѣтъ въ различныхъ областяхъ естествознанія и техники. Предпріятіе это представлялось настолько труднымъ для частныхъ усилій, требовало такихъ громадныхъ затратъ, что сначала встрѣчено было почти всѣми съ сомнѣніемъ, но А. П. Богдановъ, избранный предсѣдателемъ распорядительнаго Комитета выставки, съумѣлъ привлечь къ дѣлу и необходимыхъ помощниковъ, и готовыхъ содѣйствовать капиталистовъ, успѣлъ внушить надлежащее довѣріе и обществу, и правительственнымъ органамъ, и въ концѣ концовъ достигъ того, что выставка не только осуществилась, но и оказалась, во многихъ отдѣлахъ, весьма обширною и поучитель-

Библиотека "Руниверс"

ною. Собранныя ею коллекціи значительно обогатили университетскіе музеи, а также положили основаніе новому музею Прикладныхъ Знаній (или Политехническому), для котораго впослѣдствіи на мѣстѣ, уступленномъ городомъ, и на средства, предоставленныя правительствомъ, было построено особое зданіе, получившее потомъ возможность, по контракту съ одной торговой компаніей, дальнѣйшаго расширенія своихъ помѣщеній, и въ которомъ нашло себѣ пріютъ какъ Общество Любителей Естествознанія, такъ и многія другія ученыя Общества Москвы. Въ этомъ же зданіи, также по иниціативѣ А. П. Богданова, возникли первыя чтенія и объясненія научныхъ коллекцій для народа, продолжающіеся и до настоящаго времени. Кромѣ того, политехническая выставка сборомъ за входъ доставила лишнія средства Обществу для изданія многихъ научныхъ трудовъ и организаціи нѣсколькихъ поѣздокъ съ ученою цѣлью, а сумма, полученная отъ г. фонъ-Мака и переданная Обществомъ Московскому университету, дала возможность начать дѣло объ основаніи при университетѣ каѳедры антропологіи. Успѣхъ Политехнической выставки обратилъ, конечно, еще большее вниманіе на энергичнаго ея иниціатора. Кромѣ награжденія второю большою золотою медалью и избранія въ почетные члены Обществомъ Любителей Естествознанія, А. П. Богдановъ (несмотря на то, что состоялъ тогда всего 14 лѣтъ профессоромъ) „за особенные труды и добросовѣстную дѣятельность по устройству политехнической выставки“ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени, удостоился также награжденія нѣсколькими иностранными орденами и получилъ возможность совершить при весьма благопріятныхъ условіяхъ поѣздку за границу въ 1873—1874 гг. Въ теченіе этой поѣздки онъ могъ осмотрѣть многія научныя учрежденія въ Лондонѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ и т. д. и заняться обстоятельнымъ изученіемъ морской фауны въ Виллафранкѣ и Неаполѣ при спеціальномъ содѣйствіи приглашеннаго имъ проф. Лейкарта, а равно вывезти въ Россію значительное число спиртовыхъ препаратовъ для состоявшаго въ его завѣдываніи зоологическаго музея.

Вернувшись въ Москву, А. П. Богдановъ сосредоточилъ свое вниманіе, съ одной стороны, на зоологическомъ музеѣ и состоящей при немъ лабораторіи, вводя новые методы изслѣдованія и организуя на новыхъ началахъ практическое преподаваніе, съ другой — на заботахъ о томъ, чтобы подвинуть впередъ дѣло антропологіи въ Москвѣ. Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія, почти не заявлявшій до того о себѣ оригинальными трудами,

Библиотека "Руниверс"

замѣтно оживился и ознаменовалъ свою дѣятельность нѣсколькими печатными работами, обратившими на себя вниманіе не только русскихъ, но и иностранныхъ ученыхъ. Явилась возможность найдти лицо и для подготовки къ занятію каѳедры антропологіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникла потребность и въ снабженіи этой каѳедры необходимыми пособіями. Въ январѣ 1876 г. А. П. Богдановъ читаетъ на университетскомъ актѣ рѣчь: „Антропологія и университетъ", въ цѣляхъ, очевидно, подготовки своихъ коллегъ и вообще общества къ введенію въ преподаваніе новой науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ задумываетъ и новое грандіозное предпріятіе—антропологическую выставку, въ цѣляхъ собранія пособій и коллекцій по этой отрасли знаній. Основывается комитетъ выставки, въ которомъ А. П. Богдановъ принимаетъ снова званіе предсѣдателя распорядительнаго комитета, привлекаются люди науки и капиталисты, организуются поѣздки съ ученою цѣлью—для изученія инородцевъ, раскопокъ кургановъ и пещеръ и т. д., приглашаются къ содѣйствію различныя учрежденія и частныя лица, и въ концѣ концовъ, лѣтомъ 1879 г., выставка осуществляется. Для вящшаго эффекта и привлеченія публики устраиваются различныя декораціи, гротты, доольмены; реставрируются гигантскія формы вымершихъ животныхъ; изготовляются манекены дикихъ племенъ; выписываются живые представители инородцевъ и—въ результатѣ получается нѣчто довольно внушительное, въ которомъ рядомъ съ антропологіей находятъ себѣ мѣсто и палеонтологія, и этнографія, и патологія, и различныя проявленія народнаго творчества и искусства. По поводу выставки устраиваются съѣзды русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, пріѣзжаютъ изъ-за границы Катрфажъ, Брока, Г. де-Мортиллье, Ами, Ванкель и другіе, которыхъ встрѣчаетъ широкое русское гостепріимство; издаются, наконецъ, четыре большихъ тома „Протоколовъ" комитета выставки, въ которыхъ, рядомъ съ неимѣющими научнаго значенія административными и другими текущими сообщеніями, помѣщаются также и многія обстоятельныя статьи объ инородцахъ, археологическихъ раскопкахъ, краніологическія изслѣдованія и т. д. Въ матеріальномъ отношеніи выставка эта оказалась не совсѣмъ удачною и вовлекла комитетъ ея во многіе долги, покрыть которые стоило потомъ не мало усилій для А. П. Богданова, но въ научномъ отношеніи результаты ея были значительны. Она имѣла слѣдствіемъ образованіе цѣлаго Антропологическаго музея, который нѣсколько лѣтъ не могъ, правда, устроиться, за отсутствіемъ въ зданіяхъ университета достаточнаго помѣщенія,

Библиотека "Руниверс"

но который затѣмъ, по соглашенію университета съ графомъ А. С. Уваровымъ, стоявшимъ тогда во главѣ управленія Императорскаго Историческаго музея, получилъ для себя мѣсто въ особомъ помѣщеніи этого музея, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою принадлежность университету.

Въ концѣ 70-хъ годовъ А. П. Богдановъ принялъ дѣятельное участіе и въ Обществѣ Акклиматизаціи, главнымъ образомъ въ развитіи дѣятельности Московскаго зоологическаго сада. Еще въ 50-хъ годахъ А. П. Богдановъ былъ въ числѣ лицъ, задумавшихъ основаніе такого учрежденія, но осуществленіе этой мысли принадлежало не ему. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Обществѣ Акклиматизиціи выступили другіе дѣятели, и А. П. Богдановъ счелъ себя вынужденнымъ отказаться отъ всякаго участія въ этомъ Обществѣ. Но въ 70-хъ годахъ зоологическій садъ, послѣ непродолжительнаго блестящаго существованія, сталъ клониться къ упадку, и наконецъ Общество вынуждено было сдать его въ аренду частному лицу, которое тоже оказалось несостоятельнымъ. Тогда Общество снова обратилось къ А. П. Богданову, который принялъ живое участіе въ дѣлѣ зоологическаго сада, добылъ необходимыя средства для поѣздокъ за границу нѣсколькихъ лицъ въ цѣляхъ ближайшаго изученія практики зоологическихъ садовъ, также пріобрѣтенія новыхъ экземпляровъ животныхъ и для возведенія новыхъ построекъ. Снова стали появляться изданія Общества Акклиматизаціи, зоологическій садъ былъ поставленъ въ тѣсную связь съ зоологическимъ музеемъ, въ саду стали устраиваться акваріумы, терраріумы, выставки, внесена была научная дѣятельность въ состоявшую при Обществѣ образцовую Измайловскую пасѣку и т. д. Прикладная зоологія вообще обратила на себя въ 80-хъ годахъ особое вниманіе А. П. Богданова. По его иниціативѣ были устроены двѣ передвижныя (на баркахъ, по Москвѣ-рѣкѣ) выставки пчеловодства, расширена была дѣятельность комитета шелководства (въ которомъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ), основано отдѣленіе ихтіологіи при Обществѣ Акклиматизаціи и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, А. П. Богдановъ задумалъ обширное руководство по медицинской зоологіи, 1-й томъ котораго вышелъ въ 1883 г., но которое остановилось на ученіи о клѣткѣ и эмбріональномъ развитіи. Значительное вниманіе было обращено также А. П. Богдановымъ на собираніе коллекцій по морскимъ животнымъ, особенно водящимся въ омывающихъ Россію моряхъ. Онъ много хлопоталъ о поддержкѣ зоологической станціи въ Севастополѣ и, благодаря въ

Библиотека "Руниверс"

особенности содѣйствію медицинскаго инспектора флота г. Кудрина, могъ достигнуть того, что трудами нѣсколькихъ русскихъ морскихъ врачей были собраны цѣнныя коллекціи глубинныхъ морскихъ животныхъ, значительно обогатившія зоологическій музей Московскаго университета.

Въ теченіе своихъ заграничныхъ поѣздокъ А. П. Богдановъ завязалъ сношенія со многими зоологами и антропологами Западной Европы и принялъ участіе въ нѣсколькихъ международныхъ конгрессахъ, въ качествѣ ихъ вице-президента и почетнаго президента. Нѣсколько разъ иностранные ученые обращались къ нему съ предложеніемъ взять на себя созывъ антропологическаго и зоологическаго конгрессовъ въ Россіи, но онъ долго, по разнымъ причинамъ, отклонялъ это предложеніе, наконецъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, онъ рѣшился принять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ и организовалъ комитетъ по устройству въ августѣ 1892 г., въ Москвѣ, двухъ международныхъ конгрессовъ: по доисторической археологіи и антропологіи и—по зоологіи. Предпріятіе это представлялось очень труднымъ, какъ вообще по трѣбовавшимся для того средствамъ и научнымъ силамъ, такъ и въ частности по времени, слѣдовавшему за голодомъ въ Россіи и совпавшему съ появленіемъ въ Москвѣ холеры. Многіе иностранцы отказались вслѣдствіе этого отъ поѣздки, и Москву посѣтили лишь, сравнительно, немногіе ученые (въ числѣ коихъ были, однако, Вирховъ, Кольльманъ, Мильнъ-Эдварсъ и др.), встрѣтившіе себѣ попрежнему самое широкое гостепріимство. Большее число ученыхъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, доставили письменныя сообщенія, которыя и были изданы (на французскомъ языкѣ) въ двухъ томахъ по каждому конгрессу. Кромѣ того, конгрессы сопровождались нѣсколькими выставками, обогатившими потомъ университетскіе музеи, изданіемъ описаній различныхъ научныхъ учрежденій и музеевъ и основаніемъ трехъ премій—по зоологіи, антропологіи и этнографіи при соотвѣтственныхъ международныхъ конгрессахъ и отдѣлахъ Общества.

Въ послѣдніе годы своей жизни А. П. Богдановъ интересовался болѣе прикладною зоологіей, обративъ особое вниманіе на развитіе соотвѣтственнаго отдѣла въ Политехническомъ музеѣ, котораго (то-есть, отдѣла) онъ былъ директоромъ. Что касается до Общества любителей естествознанія, въ которомъ онъ занималъ послѣдовательно должности: члена совѣта, предсѣдателя антропологическаго и зоологическаго отдѣловъ и, наконецъ, президента Общества (съ 1886 по

Библиотека "Руниверс"

1888 г.), и которому онъ оказалъ существенное содѣйствіе какъ направленіемъ всей дѣятельности, такъ и доставленіемъ необходимыхъ для нея средствъ, въ томъ числѣ и для образованія при Обществѣ двухъ премій — по физикѣ и химіи и по антропологіи,—то, отказавшись въ 1888 г. отъ званія президента, А. П. Богдановъ сложилъ съ себя затѣмъ и званіе предсѣдателя отдѣловъ и продолжалъ принимать участіе лишь въ трудахъ зоологическаго отдѣленія. Отъ ближайшаго участія въ Обществѣ акклиматизаціи онъ также отказался, передавъ завѣдываніе зоологическимъ садомъ особой комиссіи. По слухамъ, послѣднее время онъ былъ занятъ, между прочимъ, переработкой для новаго изданія своей „Зоологіи и зоологической хрестоматіи".

Заслуги А. П. Богданова, какъ профессора Московскаго университета, основателя и дѣятеля Общества любителей естествознанія и иниціатора многихъ научныхъ предпріятій, нашли себѣ достойную оцѣнку какъ въ Россіи, такъ и за границей. Ординарный профессоръ съ 1867 года, А. П. Богдановъ былъ утвержденъ заслуженнымъ профессоромъ въ 1883 г. и оставался до самой кончины преподавателемъ и директоромъ зоологическаго музея, въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣя ордена до Владиміра 2-ой степени включительно и пользуясь съ 1893-го года, кромѣ пенсіи и добавочнаго вознагражденія, еще арендой въ 2.000 руб. Съ конца 1890-го года онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, съ 1873-го года почетнымъ членомъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, съ 1884-го года почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго университета, съ 1888-го года—почетнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кромѣ того, онъ имѣлъ званіе почетнаго доктора медицины Кенигсбергскаго университета и почетнаго члена Общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ, Кіевскаго и Казанскаго обществъ естествоиспытателей, Императорскаго вольнаго экономическаго общества, Русскаго энтомологическаго общества, Императорскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній, Императорскаго Московскаго археологическаго общества, Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства, антропологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, Уральскаго общества любителей естествознанія, Московскихъ обществъ—садоводства, птицеводства, архитектурнаго, русскихъ врачей; комитета шелководства; Кавказскихъ обществъ — медицинскаго, сельскаго хозяйства и бальнеологическаго; Тамбовскаго общества русскихъ вра-

Библиотека "Руниверс"

чей, общества для изслѣдованія Ярославской губерніи, Нижегородскаго и Казанскаго статистическихъ комитетовъ; Французскаго зоологическаго общества въ Парижѣ, Французскаго общества птицеводства тамъ же, Техническаго общества въ Стокгольмѣ, Вѣнскаго антропологическаго общества, Итальянскаго антропологическаго общества во Флоренціи, Британскаго антропологическаго института, Шведскаго общества географіи и антропологіи въ Стокгольмѣ, антропологическихъ обществъ въ Брюсселѣ, Мюнхенѣ, Лионѣ, Грацѣ. Онъ имѣлъ также дипломы: Membre associé étranger de la Société d'Anthropologie de Paris, члена-основателя Московскаго психологическаго общества, дѣйствительнаго члена Московскаго общества испытателей природы и Общества любителей россійской словесности, иностраннаго члена Общества наукъ въ Прагѣ, члена-корреспондента Берлинскаго общества антропологіи, первобытной исторіи и этнографіи, Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ, Научнаго общества въ Санъ-Яго (Чили), Королевскаго ученаго общества въ Готебургѣ (Швеція), Антропологическаго общества острова Кубы, Общества наукъ и искусствъ въ Реймсѣ, Общества научныхъ бесѣдъ въ Гамбургѣ. Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ большихъ золотыхъ медалей отъ Общества любителей естествознанія, А. П. Богдановъ былъ удостоенъ еще золотыми медалями отъ Общества акклиматизаціи и Общества садоводства и серебряною медалью (въ 1858 г.) отъ Общества сельскаго хозяйства. Обществомъ любителей естествознанія были учреждены двѣ стипендіи имени Богданова: одна при Московскомъ университетѣ и другая—при Воронежской гимназіи. А. П. Богдановъ имѣлъ офицерскій знакъ французскаго ордена Почетнаго Легіона и многіе другіе иностранные ордена (прусскій, вюртембергскій, шведскій, черногорскій, пальмы французскаго министерства народнаго просвѣщенія и др.).

Переходя къ оцѣнкѣ научной дѣятельности А. П. Богданова, какъ зоолога, слѣдуетъ признать, что дѣятельность эта выразилась болѣе въ преподаваніи и въ организаціонныхъ трудахъ, чѣмъ въ спеціальныхъ оригинальныхъ изслѣдованіяхъ. Послѣднихъ у А. П. Богданова (за исключеніемъ развѣ магистерской диссертаціи), можно сказать, не было ни по сравнительной анатоміи и исторіи развитія, ни по систематикѣ. Любопытно, что еще во вступительной его лекціи (1858 г.) мы встрѣчаемъ такое мѣсто: „Не задолго до своей смерти Рулье выражалъ мнѣ желаніе, скажу болѣе, просьбу, которая понятна въ человѣкѣ, столько преданномъ своему предмету, какъ

Библиотека "Руниверс"

покойный Карлъ Францовичъ, словами: „Сохраните мое направленіе, а то, пожалуй, отъ моей дѣятельности не останется ничего; вы знаете, что *не въ частныхъ изслѣдованіяхъ ставлю я посильное исполненіе своего долга*". И священны должны быть для насъ эти слова, это послѣднее завѣщаніе". Не могу судить, было ли общее направленіе дѣятельности А. П. Богданова согласнымъ со взглядами и стремленіями Рулье; фактически оно выразилось иными задачами и результатами. Въ одномъ только оно представило сходство, это именно въ отсутствіи частныхъ, спеціальныхъ изслѣдованій. Не могъ однако, А. П. Богдановъ не сознавать, что безъ частныхъ изслѣдованій не мыслимо движеніе впередъ науки, которая можетъ строить свои выводы и теоріи только на обстоятельномъ изученіи отдѣльныхъ формъ и явленій. Скорѣе надо думать, что подобныя спеціальныя и по необходомости кропотливыя изслѣдованія не возбуждали въ немъ интереса, или, что онъ не обладалъ необходимой для нихъ практической подготовкою, или, наконецъ, онъ не имѣлъ достаточнаго для того времени, уходившаго на заботы о лекціяхъ, музеѣ, обществахъ, зоологическомъ садѣ, выставкахъ, на занятія антропологическими вопросами и на поддержаніе необходимыхъ сношеній съ разными лицами. Изданные имъ болѣе обширные труды по зоологіи имѣли компилятивный характеръ; таковы напримѣръ, его руководства, составленная имъ „Лѣтопись зоологическихъ трудовъ Общества любителей естествознанія" (1888) и собранные имъ (весьма полезные для справокъ) „Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи" (біографіи и портреты зоологовъ), 4 выпуска, 1888—1892 г.

Большимъ количествомъ спеціальныхъ работъ ознаменовалась дѣятельность А. П. Богданова по антропологіи. Будущій историкъ этой науки долженъ будетъ признать, что съ именемъ А. П. Богданова связано, по преимуществу, первое развитіе ея въ Россіи. Правда,— какъ это признавалъ и самъ А. П. Богдановъ,—первыми трудами въ этой области были краніологическія изслѣдованія К. В. Бэра, но работы знаменитаго академика были изданы на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и получили извѣстность болѣе за границей, чѣмъ въ Россіи. А. П. Богдановъ первый не только содѣйствовалъ популяризаціи антропологіи въ русскомъ обществѣ, но и первый сталъ систематически собирать необходимые матеріалы для познанія типа современныхъ и прежнихъ обитателей Россіи, первый озаботился изданіемъ инструкцій для антропологическихъ наблюденій, первый сталъ

Библиотека "Руниверс"

заниматься спеціальными изслѣдованіями по расовой краніологіи, издавая ихъ на русскомъ языкѣ, наконецъ положилъ первыя прочныя основанія для содѣйствія развитію антропологіи въ Россіи—путемъ основанія Антропологическаго Общества (Антропологическаго отдѣла общества любителей естествознанія), учрежденія при немъ премій, организаціи поѣздокъ съ антропологическими цѣлями, устройства этнографической и антропологической выставокъ, учрежденія антропологическаго музея и введенія антропологіи въ университетское преподаваніе. Заслуги А. П. Богданова въ этомъ отношеніи заслуживаютъ тѣмъ большей признательности, что онѣ были не легки, и что для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей ему приходилось бороться и съ общимъ равнодушіемъ, и съ недовѣріемъ, и даже съ болѣе серьезными препятствіями, пріискивать и дѣятелей, и необходимыя матеріальныя средства, заботиться о распространеніи интереса къ новой наукѣ, и о спеціальной обработкѣ собираемыхъ матеріаловъ. Московскій антропологическій музей является въ настоящее время первымъ въ Россіи по обширности своихъ краніологическихъ коллекцій и однимъ изъ самыхъ значительныхъ во всемъ свѣтѣ, въ особенности по отношенію къ расамъ Восточной Европы, Кавказа, Сѣверной и Средней Азіи.

Первымъ крупнымъ трудомъ А. П. Богданова въ области антропологіи были „Матеріалы для антропологіи курганнаго племени Московской губерніи". Эта работа, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ череповъ изъ старыхъ московскихъ кладбищъ, положила первое основаніе для сужденія о типѣ древнихъ насельниковъ Московской области сравнительно съ типомъ современнаго ея населенія. Послѣдующая работа „о черепахъ Каменнаго вѣка съ береговъ Ладожскаго озера" (въ изданіи проф. Иностранцева: „Доисторическій человѣкъ" и пр.) расширила наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи до древнѣйшаго доисторическаго періода. Коллекціи, собранныя на Антропологической выставкѣ 1879 г., дали возможность А. П. Богданову сдѣлать первыя заключенія о краніологическихъ типахъ населенія эпохи кургановъ въ областяхъ древней Мери, Новгорода, Кіева, Твери, Смоленска, Чернигова, Болгаръ и т. д.,—эпохи древнихъ могилъ Крыма и Херсонеса, и о современныхъ типахъ различныхъ инородцевъ — восточной Россіи, Сибири, Кавказа, Средней Азіи, Китая и т. д., а также придти и къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ о смѣнѣ краніологическихъ типовъ, въ теченіе вѣковъ, на пространствѣ средней Россіи (въ статьѣ, помѣщенной въ I-мъ томѣ Трудовъ Московскаго между-

Библиотека "Руниверс"

народнаго антропологическаго конгресса 1892 г.). Всѣ эти работы состояли, правда, почти исключительно въ измѣреніи череповъ по данной (французской) схемѣ, сопоставленіи полученныхъ чиселъ и непосредственныхъ выводахъ изъ нихъ, но А. П. Богдановъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи тѣмъ образцамъ, которые представляла и иностранная (преимущественно французская) краніологическая литература. Другихъ антропологическихъ вопросовъ (помимо краніометріи) А. П. Богдановъ не касался, равно какъ и вопросовъ археологіи и этнологіи, которымъ онъ даже не придавалъ, повидимому, и значенія; онъ былъ представителемъ того направленія, которое видѣло главную цѣль и содержаніе антропологіи въ краніометріи и питало надежду, путемъ измѣреній по извѣстной схемѣ, достигнуть какъ точнаго опредѣленія антропологическихъ типовъ, такъ и установленія отношеній между ними и вообще разрѣшенія многихъ коренныхъ вопросовъ, касающихся человѣческихъ расъ.

Въ концѣ концовъ, главная заслуга А. П. Богданова заключалась въ его дѣятельности, какъ организатора. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ совершенно особнякомъ въ ряду русскихъ научныхъ дѣятелей, безъ предшественниковъ и — покуда — безъ послѣдователей. Будучи скромнымъ профессоромъ спеціальной отрасли естествознанія, зоологіи, онъ выступаетъ въ роли виднаго общественнаго дѣятеля, создаетъ ученое Общество, пріобрѣтающее себѣ широкую извѣстность, задумываетъ и осуществляетъ грандіозныя предпріятія, увлекаетъ своими цѣлями массы лицъ, отыскиваетъ и ревностныхъ сотрудниковъ, и необходимыя, нерѣдко весьма значительныя матеріальныя средства, устраиваетъ обширныя выставки, организуетъ экспедиціи и раскопки, основываетъ музеи, преміи, изданія, каѳедры, достигаетъ того, что дѣятельность его становится извѣстною по всей Россіи и за границею, пріобрѣтаетъ одно время даже легендарный характеръ, внушаетъ увѣренность, что если Богдановъ за что взялся, то онъ достигнетъ своего, и сдѣлаетъ то, что для всякаго другаго было бы немыслимымъ. Такіе результаты достигались, конечно, не безъ труда; они требовали, по необходимости, многихъ хлопотъ и усилій, подразумѣвали широкія сношенія, терпѣніе и настойчивость, а главное — искусство находить нужныхъ лицъ, способность вліять силою убѣжденія, умѣнье затрогивать податливыя стороны различныхъ дѣятелей и соединять ихъ личные интересы съ успѣхомъ предпринимаемаго дѣла. Нужно было умѣть заинтересовать разныхъ лицъ, каждаго своимъ, и взять отъ каждаго то, чѣмъ онъ могъ быть по-

Библиотека "Руниверс"

лезенъ въ данномъ дѣлѣ или предпріятіи — трудомъ ли, знаніями, матеріальными средствами, вліяніемъ, посредничествомъ или авторитетомъ, дѣйствуя на каждаго понятными и убѣдительными для него доводами. Нужно было умѣть пользоваться обстоятельствами и людьми, прибѣгать къ разнымъ способамъ дѣйствія, питать увѣренность, что когда дѣло двинется, оно найдетъ себѣ поддержку, не останавливаться на полдорогѣ, не робѣть передъ трудностями, не унывать передъ неудачей, твердо вѣрить въ конечный успѣхъ и поддерживать престижъ всѣми средствами, способными убѣждать въ необходимости извѣстнаго предпріятія, въ возможности его осуществленія, въ обладаніи достаточными для того силами. Выставки и съѣзды сопровождались обыкновенно парадными обѣдами, увеселительными экскурсіями, разнообразными торжествами, щедрымъ гостепріимствомъ вообще; все это требовало значительныхъ расходовъ, но все это считалось существенно необходимымъ и, можетъ быть, дѣйствительно, было такимъ въ глазахъ многихъ... При этомъ, когда оказывалась надобность, А. П. Богдановъ способенъ былъ работать до крайняго напряженія силъ, разсылая по нѣскольку десятковъ писемъ въ день, составляя собственноручно записки, доклады, инструкціи, протоколы, отчеты, просматривая корректуры изданій, посвящая по нѣскольку часовъ бесѣдамъ съ разными лицами и т. д., а равно требовалъ подобной же энергичной работы и отъ своихъ ближайшихъ помощниковъ.

Широкая научно-общественная дѣятельность А. П. Богданова пріобрѣла ему многихъ почитателей въ различныхъ общественныхъ сферахъ, но она встрѣчала и скептическое отношеніе, какъ среди его коллегъ по университету и Обществу, такъ и за предѣлами этихъ учрежденій. Указывалось иными на то, что въ этой дѣятельности было болѣе показнаго, чѣмъ существеннаго, болѣе шума и блеска, чѣмъ истинной науки, что двигателемъ ея было скорѣе тщеславіе, чѣмъ горячее стремленіе къ знанію; отзывались несочувственно о способѣ осуществленія различныхъ научныхъ предпріятій, при ближайшемъ участіи лицъ, часто ничего общаго съ наукой не имѣющихъ; недовольны были отношеніемъ его къ принципу общественности, при соблюденіи иногда только формы коллегіальности и при веденіи, въ сущности, почти всего единолично и т. п. Въ отношеніи къ такимъ и подобнымъ имъ отзывамъ слѣдуетъ, прежде всего, имѣть въ виду, что почти каждый выдающійся общественный дѣятель, по необходимости, подвергается критикѣ и нападкамъ. Самъ А. П. Богдановъ

Библиотека "Руниверс"

вполнѣ это понималъ и относился къ этому хладнокровно и своеобразно; когда такіе отзывы появлялись въ печати, онъ говорилъ даже, что это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ еслибы его замалчивали. Съ другой стороны, ведя сколько нибудь обширныя общественныя дѣла и принимая на себя извѣстную отвѣтственность за ихъ судьбу, трудно было обойтись безъ того, чтобы не затронуть частныхъ самолюбій,—трудно было обойтись и безъ увлеченій и даже промаховъ, ибо давно сказано, что не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Цѣли, которыя ставилъ себѣ А. П. Богдановъ, требовали по необходимости совмѣстнаго участія людей науки и практики, ученыхъ и капиталистовъ, правительственныхъ органовъ и частныхъ, столичныхъ и провинціальныхъ дѣятелей; приходилось осуществлять поэтому поставленныя задачи, удовлетворяя интересамъ разныхъ лицъ и не чуждаясь извѣстнаго внѣшняго эффекта, который могъ бы быть понятенъ для многихъ, а не для однихъ только спеціалистовъ. Этимъ объясняется, въ значительной степени, показная сторона дѣла, которая не мѣшала, впрочемъ, научной, ибо получавшіяся средства доставляли, вмѣстѣ съ тѣмъ возможность организовать поѣздки и изслѣдованія съ учеными цѣлями, пріобрѣтать коллекціи, осуществлять изданія и т. д. Какъ общественный дѣятель, стремившійся къ широкимъ дѣламъ и вполнѣ имъ отдававшійся, А. П. Богдановъ, дѣйствительно, не всегда разбиралъ средства, не останавливался предъ затрудненіями и не щадилъ самолюбій отдѣльныхъ лицъ, когда они, по его мнѣнію, не гармонировали съ начатымъ имъ дѣломъ или принятымъ направленіемъ. Все это понятно, если стать на извѣстную точку зрѣнія, какъ понятно и то, что подобный дѣятель не могъ быть чуждымъ извѣстнаго властолюбія, съ которымъ нужно было считаться. Дѣятелей такого рода слѣдуетъ, однако, судить, главнымъ образомъ, по достигнутымъ имъ результатамъ, а эти результаты у всѣхъ на лицо и говорятъ сами за себя. Общество любителей естествознанія съ его отдѣлами и отдѣленіями, работающими совмѣстно и въ то же время самостоятельно, съ ихъ преміями и изданіями; обогащенный и преобразованный зоологическій музей, ставшій школой для цѣлаго ряда спеціалистовъ, впослѣдствіи профессоровъ; вновь основанные этнографическій, антропологическій и политехническій музеи, съ дѣятельностью послѣдняго (равно какъ и зоологическаго сада) для популяризаціи науки и ея приложеній; успѣхи, достигнутые въ Москвѣ по пчеловодству, шелководству и другимъ отраслямъ прикладной зоологіи; рядъ осуществленныхъ выставокъ, ученыхъ экспе-

Библиотека "Руниверс"

диціи, раскопокъ, изданій, съѣздовъ, наконецъ, поднятый вопросъ объ устройствѣ ассоціаціи русскихъ естествоиспытателей, для которой были собраны и первыя средства, — вотъ въ краткихъ чертахъ главнѣйшіе результаты дѣятельности А. П. Богданова на пользу науки и ея приложеній.

Среда ученыхъ заключаетъ въ себѣ разные типы. Одни — передовые дѣятели, выдающіеся мыслители — пролагаютъ знанію новые пути; другіе слѣдуютъ по указаннымъ путямъ, содѣйствуя ихъ проторенію и распространенію достигнутыхъ наукой результатовъ; третьи отдаются спеціальнымъ изслѣдованіямъ, въ лабораторіяхъ, музеяхъ, кабинетахъ, содѣйствуя накопленію новыхъ фактовъ или новому освѣщенію имѣющихся данныхъ; иные, наконецъ, являются попреимуществу организаторами и вмѣстѣ съ тѣмъ общественными дѣятелями, обладающими искусствомъ организовать общественныя силы для научныхъ и образовательныхъ цѣлей — путемъ устройства обществъ, выставокъ, музеевъ, осуществленія экспедицій, съѣздовъ, изданій и т. д. Къ этому типу дѣятелей принадлежалъ въ особенности А. П. Богдановъ. Нельзя не признать, что подобная организаторская дѣятельность способна оставить не менѣе прочную по себѣ память, чѣмъ дѣятельность многихъ кабинетныхъ ученыхъ. Изслѣдованія послѣднихъ скоро устарѣютъ и забудутся, тогда какъ учрежденія, оставленныя первыми, способны жить и развиваться, сохраняя долго память объ ихъ основателѣ и руководителѣ. Безпристрастный будущій историкъ науки воздастъ каждому должное, но онъ, во всякомъ случаѣ, не умолчитъ о тѣхъ, которые, возбуждая общественную дѣятельность, направляли ее къ созданію новыхъ органовъ и учрежденій для собиранія, развитія и распространенія знаній. Съ другой стороны, память объ А. П. Богдановѣ, бывшемъ въ сношеніяхъ съ массою лицъ, оказывавшемъ многимъ поддержку, содѣйствіе, привѣтъ, почетъ, вниманіе, умѣвшемъ привлекать, соединять и заинтересовывать разнородныхъ общественныхъ дѣятелей, уже успѣла получить распространеніе за предѣлами тѣснаго кружка ближайшихъ его коллегъ и слиться съ представленіемъ объ энергичномъ иниціаторѣ, умѣломъ руководителѣ, привѣтливомъ ученомъ общественномъ дѣятелѣ, обладавшемъ искусствомъ будить общественную самодѣятельность и направлять ее по новымъ путямъ, въ цѣляхъ содѣйствія наукѣ и распространенія свѣдѣній въ массахъ.

Д. Анучинъ.

Библиотека "Руниверс"

тоже родственникъ нашего, называется въ спискѣ вѣроятно убитыхъ изъ Эгеиды C. I. A. I 456—V вѣка. Тождественъ ли нашъ Евклидъ со стратегомъ 410 г. C. I. A. I, 188, для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ данныхъ.

Μνησίλοχος—безъ сомнѣнія тожественъ съ архонтомъ первыхъ двухъ мѣсяцевъ $41^1/_0$ г. при правленіи 400-тъ, котораго Ἀθην. πολ. 33 называетъ Μνασίλοχος. По нашему предположенію онъ долженъ быть изъ городской триттіи Пандіониды, состоявшей по всей вѣроятности изъ одного дима Κυδαθήναιον. Встрѣчается Μνησίλοχος Μνησιμάχου Κονθυλῆθεν, ταμίας τ. θεοῦ—351 г., который могъ бы быть внукомъ нашего, если бы оказалось неправильнымъ наше предположеніе, что димъ Κονθύλη долженъ быть отнесенъ къ срединной триттіи Пандіониды.

Διοχλῆς—имя очень распространенное. Для нашихъ цѣлей, если исключить изъ разсмотрѣнія ефивовъ II вѣка, подходили бы -ίδης Διοχλέους Σουνιεύς C. I. A. II, 784 B, 2-й пол. IV вѣка и ...όφαντος Διοχλέους C. I. A. II, 1040 (IV вѣка) и, можетъ быть, Διοχλ- въ спискѣ убитыхъ (?) C. I. A. I, 447, c. III.

Σοφοκλῆς — можетъ быть тождественъ съ Σοφοκλῆς Σωστρατίδου, стратегомъ $42^6/_5$ и $42^5/_4$ годовъ—Θυκιδ. III, 115; IV, 46, 1 и Diod. Sic. XII, 54. Дима его опредѣлить нѣтъ возможности.

Χαρικλῆς—по всей вѣроятности тожественъ со стратегомъ $41^4/_3$ г. Χαρικλῆς Ἀπολλοδώρου—Thuc. VII, 20. По мѣсту въ спискѣ 30-ти онъ долженъ принадлежать береговой триттіи Ойнеиды, состоявшей изъ димовъ Θρῖα и можетъ быть Ἱπποταμάδαι, Κοθωκίδαι. Его сына и внука надгробную надпись имѣемъ въ C. I. A. II, 2103 (изъ Пирея), Νικόμαχος Εὐαλκίδου Θριάσιος. [Ε]ὐαλκίδης Χαρικλείους [Θ]ριάσιος. Тотъ же вѣроятно Никомахъ, внукъ Харикла, названъ въ числѣ притановъ изъ дима Θρῖα 360-го года въ надписи C. I. A. II, 868.

Ὀνομακλῆς также вѣроятно бывшій стратегъ 412 года.—Thuc. VIII, 25. Для предположеній о димѣ нѣтъ данныхъ.

Αἰσχίνης—имя довольно распространенное въ Аттикѣ; изъ димовъ береговой триттіи Кекропиды мы можемъ выбирать между двумя сосѣдними Αἰξωνή и Ἀλαί. Къ первому принадлежитъ можетъ быть сынъ члена правленія 30-ти Εὔ]ιππος [1]) Αἰσχίνου—одинъ изъ 28 лицъ дима Ἀλαὶ [2]), выбранныхъ димотами для посвященія статуи Афродитѣ. Над-

[1]) Koehler. ...ιππος, но другое возстановленіе едва ли можно придумать; Εὔιππος въ C. I. A. II, 4170.

[2]) О томъ, что здѣсь мы имѣемъ димъ VII ф., то-есть Ἀλαὶ Αἰξωνίδες, а не Ἀραφηνίδες см. примѣч. Koehler'a.

Библиотека "Руниверс"

пись C. I. A. II, 1208 можетъ быть отнесена приблизительно къ 70-мъ годамъ IV^{a} вѣка. Сынъ другого Эсхина изъ дима Эксоны, который тоже можетъ быть отождествленъ съ нашимъ называется въ надгробной надписи изъ Пирея: Αἰσχύτης Αἰσχίνο(υ) Αἰξωνεύς; надпись тоже первой половины IV вѣка (О вм. ΟΥ).

Θεογένης—имя очень распространенное. Изъ лицъ принадлежащихъ къ одному изъ димовъ городской триттіи Иппоѳонтиды можетъ быть привлеченъ къ сопоставленію только Θεογένης Λανίκου ἐξ Οἴου надгробной надписи C. I. A. II, 2390, при чемъ однако еще неизвѣстно, дѣйствительно ли это Οἴον VIII-й филы.

Κλεομήδης—относимый нами къ срединной триттіи Иппоѳонтиды, не можетъ быть отождествленъ со стратигомъ 417 г. сыномъ Ликомида изъ дима Фліи C. I. A. I, 181; Thuc. V, 84. За то его брата или вообще родственника мы, можетъ быть, имѣемъ въ казначеѣ 400 г. Ἀριστομήδης Δ-- C. I. A. II, 664: А или Δ есть начальная буква названія дима; а такъ какъ Аристомедъ занимаетъ въ ряду своихъ коллегъ 9-е мѣсто, то и нужно дополнять имя одного изъ димовъ VIII-й филы, то-есть или Ἀ[ζηνιεύς], или Ἀ[μαξαντεύς], или Ἀ[ναϰαιεύς], или Α[ὐρίδης], или Δ[ϰελεεύς]; послѣдній изъ этихъ димовъ несомнѣнно принадлежитъ срединной триттіи, триттія остальныхъ не можетъ быть опредѣлена съ увѣренностью.

Относительно Драконтида изъ Афидны и Аристотеля вѣроятно изъ Алопеки сказано выше.

Μνησιθείδης—долженъ быть изъ береговой триттіи Антіохиды. Одно изъ двухъ лицъ, носящихъ это имя, встрѣчающихся въ C. I. A. I и II принадлежитъ можетъ быть дему Θοραί или Βῆσα (оба береговой триттіи Антіохиды). Это слѣдующая надробная надпись C. I. A. II, 2692 (можетъ быть IV вѣка):

Κ Λ Η Σ
ΤΡΑΤΟΥ
Α Ι Ε Υ Σ
ΙΘΕΙΔΗΣ
ΚΔΕΟΥΣ
Α Ι Ε Υ Σ

Въ 4-й строкѣ Köhler правильно возстановляетъ [Μνησ]ιθείδης: другое возстановленіе едва ли можно придумать; но его возстановленіе и другихъ именъ какъ сложныхъ съ Μνησι—совершенно произвольно. Изъ разстояній между буквами въ отдѣльныхъ строкахъ ясно

Библиотека "Руниверс"

видно, что рѣзчикъ старался, чтобы всѣ строки совпадали началомъ и концомъ, для чего болѣе длинныя слова писалъ болѣе сжато, въ короткихъ больше разставлялъ буквы; отсюда вполнѣ очевидно, что въ 1-й, 2-й и 4-й строкахъ недостаетъ не по 5, а по 4 буквы, въ 3-й и 6-й (въ имени дима) по 3, а не по 4; слѣдовательно: ....κλῆς ....στράτου [Βησ]αιεύς или [Θορ]αιεύς [1]) и [Μνησ]ιθείδης ....κλέους [Βησ]αιεύς или [Θορ]αιεύς.

Если мы остановимся на возстановленіи Βησαιεύς, то можетъ быть родственникомъ Мнесиенда будетъ Μνησίμαχος Ἀθηνίωνος Βησαιεύς, дѣятетъ въ надписи C. I. A. II, 944 (приблизительно 30-хъ, 20-хъ годовъ IV вѣка).

Изъ этого ряда сдѣланныхъ нами сопоставленій одинаковыхъ именъ лицъ подходящихъ димовъ съ именами 30-ти нѣкоторыя, можетъ быть даже большинство, вполнѣ случайны. Но во всякомъ случаѣ, если бы даже мы искали димы 30-ти въ болѣе широкихъ предѣлахъ, не ограничивая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ области нашихъ разысканій опредѣленной группой димовъ, соотвѣтствующихъ той или другой триттіи, и тогда намъ едва ли удалось бы опредѣлить большее число димовъ. Такой результатъ мы должны считать благопріятнымъ. Какъ бы то ни было, при довольно значительномъ числѣ сдѣланныхъ комбинацій есть большая доля вѣроятности, что то или другое сопоставленіе совпадаетъ съ дѣйствительными близко родственными отношеніями между указанными личностями, и что димъ одного есть вмѣстѣ съ тѣмъ и искомый нами димъ другого. А каждое такое болѣе или менѣе вѣроятное совпаденіе дима даннаго лица изъ числа 30-ти съ триттіей, опредѣляемой положеніемъ его въ спискѣ 30-ти, увеличиваетъ вѣроятность нашего предположенія относительно состава коллегіи 30-ти. Возрастаніе эпиграфическаго матеріала, надѣюсь, дастъ возможность еще увеличить число подобныхъ комбинацій или правдоподобность сдѣланныхъ, хотя нужно сознаться, что появленіе II-й части IV-го тома Сборника аттическихъ надписей, заключающей дополненіе ко II-му тому не прибавило ничего къ сдѣланнымъ уже раньше его появленія выводамъ.

Если вѣроятность нашего предположенія относительно состава коллегіи 30-ти доказана, остается еще указать на смыслъ такого состава ея и привести въ согласіе съ имѣющимися свѣдѣніями о ней у писателей.

---

[1]) Или еще развѣ [Φηγ]αιεύς (Φηγαία димъ Эгеиды или Пандіониды).

Библиотека "Руниверс"

Коллегія 30-ти была учреждена не посредствомъ открытаго насилія надъ народомъ, а формально правильнымъ законодательнымъ порядкомъ черезъ народное собраніе, хотя и подъ давленіемъ лакедемонянъ. Очевидно олигархи, пока не получили власти въ свои руки, старались дѣйствовать осторожно и сохранять видъ законности. Только почувствовавъ себя господами города, они, какъ говоритъ Аристотель, ('Αθ. π. c. 35) τὰ μὲν ἄλλα τὰ δόξαντα περὶ τῆς πολιτείας παρεώρων, πενταχοσίους δὲ βουλευτὰς καὶ τὰς ἄλλας ἀρχὰς καταστήσαντες.... κατεῖχον τὴν πόλιν δι' αὐτῶν. На самомъ дѣлѣ имъ очевидно было предоставлено только порученіе устроить государственное правленіе на слѣдующій годъ и затѣмъ озаботиться изданіемъ законовъ, которые бы на будущее время составляли основу политическаго устройства [1]). Съ этимъ стремленіемъ олигарховъ при измѣненіи правленія соблюсти кажущуюся законность вполнѣ согласуется предполагаемый нами составъ коллегіи. Мнѣ кажется, зачинщики переворота намѣренно выбрали для предложенной ими коллегіи готовую и вполнѣ демократическую форму, имѣвшую характеръ представительства всего населенія Аттики въ его естественныхъ и кореннныхъ подраздѣленіяхъ. Такіе прямые представители триттій привлекались и при демократическомъ устройствѣ къ такимъ государственнымъ дѣламъ, какъ собиранію дани съ союзниковъ (οἱ τριάκοντα), къ требованію отчетности (λογισταὶ и εὔθυνοι съ паредрами); и, наконецъ, въ дѣлѣ составленія новыхъ законовъ коллегія изъ 30-ти лицъ выступала въ 404 г. не въ первый разъ, но имѣла, какъ мы теперь знаемъ это изъ Аристотеля ('Αθ. πολ. c. 29), свой прецедентъ въ комиссіи 411/0 г., когда къ бывшимъ уже раньше 10 πρόβουλοι были избраны (полагаю изъ триттій, не представленныхъ въ бывшей коммиссіи 10-ти) новыхъ 20. Измѣненъ былъ согласно съ олигархическими стремленіями только способъ избранія [2]); о немъ намъ говоритъ Лисій (c. Eratosth. § 76): 30 членовъ коммиссіи должны были быть назначены въ томъ же народномъ собраніи, въ которомъ принято было измѣненіе конституціи, и притомъ 10 по назначенію Ѳерамена, 10 по указанію олигархическихъ ефоровъ, 10 по выбору на-

[1]) Эта послѣдняя задача только и отмѣчена у Хепорѣ. Hell. II, 3, 1, тогда какъ Лисій (противъ Еритосѳ. §§ 72 сл.) и Аристотель l. c. говорятъ и о перемѣнѣ правленія по предложенію Драконтида.

[2]) Точно также, какъ по формѣ остался и при правленіи 30-ти совѣтъ 500 ἐ ἄλλαι ἀρχαί—'Αθ. π. c. 35, но избраніе ихъ было подчинено олигархамъ.

Библиотека "Руниверс"

рода, но непремѣнно изъ присутствующихъ. Кажется, наше предположеніе о составѣ коллегіи 30-ти можетъ быть приведено въ полное соглашеніе съ сообщеніемъ Лисія. Давая своему новому учрежденію характеръ демократическій и стараясь представить народу дѣло такъ, будто бы въ немъ будутъ принимать участіе представители всего народа и притомъ треть ихъ по выбору народному, олигархи, вводя коллегію изъ представителей 30-ти триттій, рисковали даже менѣе, чѣмъ если бы выборы производились безъ отношенія къ подраздѣленіямъ народа. Имѣя передъ народомъ то преимущество, что они могли напередъ (вѣроятно по взаимному соглашенію между партіей Ѳерамена и ефорами) составить списокъ своихъ кандидатовъ, они, конечно, оставили для народа только тѣ триттіи, въ которыхъ не было для нихъ опасныхъ личностей, или же эти личности въ данное время отсутствовали изъ Аѳинъ. Народъ, который долженъ былъ такимъ образомъ выбирать вдругъ безъ предварительнаго соглашенія изъ среды лицъ, между которыми какъ разъ, можетъ быть, ни одно не привлекало общаго вниманія, понятно и при выборѣ этой трети коллегіи 30-ти легче подчинялся указаніямъ олигарховъ.

Такимъ образомъ избраніе 30-ти по триттіямъ съ одной стороны должно было казаться мѣрою не столь революціонной, по формѣ своей законною, съ другой давало олигархамъ больше гарантіи, что въ число 30-ти не попадутъ опасные для нихъ элементы.

Р. Леперъ.

Библиотека "Руниверс"

О СИСТЕМѢ ФОРМЪ ЛАТИНСКАГО ГЛАГОЛА.

(Къ вопросу о единствѣ грамматики русскаго и древнихъ языковъ).

1. Залоги и виды.

При ближайшемъ разсмотрѣніи системы формъ латинскаго глагола въ томъ видѣ, какъ она представляется въ нашихъ латинскихъ грамматикахъ, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ логическихъ несообразностей. Эти несообразности касаются классификаціи глагольныхъ формъ, то-есть, дѣленія ихъ на высшія и низшія категоріи, называемыя залогами, видами, наклоненіями и временами. Какъ основаніе, такъ и члены дѣленія (fundamentum и membra divisionis) въ данномъ случаѣ оказываются въ разныхъ грамматикахъ разными. Что же касается до категорій, называемыхъ залогами, видами, наклоненіями и временами, то наши грамматики или вовсе не даютъ о нихъ никакого понятія, или же даютъ понятіе смутное и во многихъ случаяхъ даже совсѣмъ неправильное. Поэтому не удивительно, что ученіе о глаголѣ является въ нашихъ грамматикахъ настоящимъ камнемъ преткновенія, и правильное употребленіе отдѣльныхъ формъ латинскаго глагола представляетъ для учениковъ непреодолимыя трудности до конца школьнаго курса.

Мы намѣрены въ настоящей статьѣ заняться морфологическимъ и семасіологическимъ анализомъ отдѣльныхъ формъ латинскаго глагола и построеніемъ ихъ системы, то-есть, классификаціей ихъ по категоріямъ залоговъ, видовъ, наклоненій и временъ. Но предварительно мы считаемъ нужнымъ и цѣлесообразнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно понятій залога, наклоненія, вида и времени.

Дѣло въ томъ, что въ пониманіи этихъ категорій латинскія грамматики значительно расходятся съ русскими грамматиками, вслѣдствіе

Библиотека "Руниверс"

чего изученіе латинскаго глагола на основаніи русскаго становится довольно труднымъ, а подчасъ и совершено невозможнымъ. Такъ напримѣръ, въ русской грамматикѣ различаютъ до 6-ти залоговъ (дѣйствительный, средній, страдательный, возвратный, взаимный, общій), въ латинской же грамматикѣ только 2 (дѣйствительный и страдательный). Одинъ и тотъ же глаголъ „сидѣть=sedēre“ считается въ латинской грамматикѣ глаголомъ дѣйствительнаго залога, а въ русской грамматикѣ глаголомъ средняго залога. Одинъ и тотъ-же глаголъ „одѣваться“ принимается въ русской грамматикѣ въ одномъ случаѣ за глаголъ возвратнаго залога, а въ другомъ — за глаголъ страдательнаго залога, между тѣмъ какъ соотвѣтствующій ему латинскій глаголъ vestīrī во всякомъ случаѣ есть форма страдательнаго залога. Глаголъ „биться“ по грамматикѣ Кирпичникова есть глаголъ *взаимнаго* залога, потому что оканчивается на *ся* и при немъ можетъ стоять дополненіе въ творительномъ по вопросамъ: *съ кѣмъ? съ чѣмъ?*; но глаголъ „биться“ можетъ принадлежать также къ *возвратному* залогу. если означаетъ „ударяться“, (напримѣръ, биться о землю, о полъ), или къ *страдательному* залогу, напримѣръ, посуда бьется; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ этотъ глаголъ получаетъ значеніе очень близкое къ *среднему* залогу, напримѣръ, во фразахъ „сердце бьется, жилы бьются“, или къ *дѣйствительному*, напримѣръ, въ предложеніи: „не подходи близко къ лошади, она бьется“ (гдѣ „бьется“ = бьетъ). Такимъ образомъ, оказывается, что одинъ и тотъ же глаголъ можетъ принадлежать къ 3, 4 и 5 различнымъ залогамъ, смотря по смыслу, какой онъ получаетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Причина столь различнаго и противорѣчиваго пониманія залоговъ въ обоихъ языкахъ та, что въ русскихъ грамматикахъ залоги разсматриваются преимущественно съ *логической* стороны, то-есть, со стороны синтактическаго значенія глаголовъ, и только отчасти также со стороны формы (глаголъ „*любить*“ есть глаголъ дѣйствительнаго залога, потому что—по словамъ грамматики Кирпичникова—при немъ „можетъ стоять винительный безъ предлога“; глаголъ „*сидѣть*“ есть глаголъ средняго залога, потому что при немъ нельзя поставить винительный безъ предлога [1]); глаголъ „биться“ есть гла-

[1]) Одинъ ученикъ, ut erat callidus, доказывалъ намъ, что объясненіе средняго залога въ грамматикѣ Кирпичникова не вѣрно, потому что онъ *сидѣлъ* цѣлый *часъ* (винительный безъ предлога!), училъ залоги и все-таки не выучилъ.

Библиотека "Руниверс"

голъ взаимнаго залога, потому что при немъ можетъ стоять дополненіе въ творительномъ по вопросамъ: *съ кѣмъ? съ чѣмъ?*—но, съ другой стороны: глаголы *любить* и *сидѣть* суть глаголы дѣйствительнаго и средняго залога только потому, что оканчиваются на *ть*, а глаголъ *стараться*—общаго залога только потому, что *ся* нельзя откинуть и т. д.). Въ латинскихъ грамматикахъ залоги различаются исключительно только по *формѣ* глагола (pugno есть форма дѣйствительнаго залога, pugnatur есть форма страдательнаго залога).

Въ основаніи дѣленія русскихъ залоговъ лежатъ два принципа (principia divisionis)—синтактическое значеніе глагола и форма глагола; при дѣленіи же латинскихъ залоговъ примѣненъ одинъ принципъ, то-есть, форма глагола. Дѣленіе русскихъ залоговъ логически не вѣрно, потому что истекаетъ изъ разныхъ основаній; а дѣленіе, истекающее изъ разныхъ основаній, есть divisio confusa.

Въ русскихъ грамматикахъ раздѣляются *глаголы* (по ихъ синтактическому значенію и по ихъ формѣ) на глаголы дѣйствительнаго, средняго и т. д. залоговъ; въ латинскихъ грамматикахъ *формы* одного и того же глагола раздѣляются на формы дѣйствительнаго залога и формы страдательнаго залога.

Намъ кажется, что и въ русской грамматикѣ можно бы ограничиться двумя залогами: дѣйствительнымъ и страдательнымъ, и разсматривать ихъ только съ формальной стороны, признавая однѣ формы того же глагола формами дѣйствительнаго залога, а другія формы страдательнаго залога (*понимаю, понимать, понимая* и т. д. будутъ формы дѣйствительнаго залога, *понимаемый, быть понимаему*—формы страдательнаго залога); а если уже дѣлить *глаголы* по залогамъ, то можно бы допустить еще другое, тоже *формальное* дѣленіе, а именно дѣлить глаголы на двѣ группы, на глаголы безъ мѣстоименной приставки *ся* и глаголы съ мѣстоименной приставкою *ся*, причемъ глаголы первой группы въ формальномъ отношеніи будутъ соотвѣтствовать латинскому дѣйствительному залогу, а глаголы второй группы латинскому страдательному залогу; что же касается глаголовъ такъ называемаго „общаго“ залога (надѣяться, стараться, при которыхъ нельзя откинуть приставку *ся*), то они найдутъ полное формальное соотвѣтствіе въ латинскихъ такъ называемыхъ отложительныхъ глаголахъ. Рядомъ съ дѣйствительнымъ и страдательнымъ залогами можно бы признать и *средній* залогъ, считая формы, напримѣръ, „несутся“, „бьется“ въ одномъ случаѣ формами страдательнаго залога (посуда бьется), въ другомъ случаѣ формами средняго залога (сердце бьется),

Библиотека "Руниверс"

подобно тому какъ въ греческомъ языкѣ φέρεται въ одномъ случаѣ принимается за форму страдательнаго залога, а въ другомъ—за форму средняго залога, и подобно тому какъ въ категоріи родовъ имени рядомъ съ мужскимъ и женскимъ родами признается и средній родъ (genus neutrum). А что дѣйствительно существуетъ аналогія между категоріями залоговъ глагола и родовъ имени, на это указываетъ уже самое латинское названіе genus: genus masculinum имени соотвѣтствуетъ genus activum глагола, genus femininum имени соотвѣтсвуетъ genus passivum глагола, такъ что по аналогіи genus neutrum имени будетъ соотвѣтстовать genus medium глагола.

Во всякомъ случаѣ нѣтъ рѣшительно никакой необходимости признавать въ русскомъ языкѣ больше залоговъ, чѣмъ въ латинскомъ или въ греческомъ. Русскій глаголъ бѣденъ формами и, если развилъ категорію *видовъ*, то въ отношеніи залоговъ онъ несомнѣнно уступаетъ древнимъ языкамъ. Если бы русскіе грамматики рѣшились принять тѣ же залоги, которые различаются въ грамматикахъ древнихъ языковъ, то они не только упростили бы ученіе о русскомъ глаголѣ, но и значительно облегчили бы также изученіе латинскаго и греческаго языковъ; ибо тогда устранилось бы одно изъ важныхъ препятствій, мѣшающихъ параллельному изученію русскаго и древнихъ языковъ.

Чтобы показать, въ какомъ хаотическомъ состояніи находится ученіе о залогахъ въ нашихъ русскихъ грамматикахъ, приводимъ слѣдующія данныя.

А. Востоковъ, въ русской грамматикѣ (Вильно, 1852 г.) говоритъ (§ 49): Глаголы бываютъ: 1) дѣйствительные, 2) страдательные, 3) возвратные, 4) общіе, 5) взаимные, 6) средніе. Сіи *шесть* отдѣленій называются залогами. Изъ нихъ главные суть два: дѣйствительный и средній. Прочіе происходятъ отъ дѣйствительнаго.

Академикъ Ив. Давыдовъ въ Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка, изданномъ Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ (1852 г.) раздѣляетъ глаголы прежде всего на двѣ группы: субъективные (verba intransitiva) и объективные (v. transitiva), и смотря по разнымъ отношеніямъ субъекта и объекта къ дѣйствію, выражаемому глаголомъ, различаетъ *четыре* залога: средній (свѣтить, течь, расти), дѣйствительный (брать, давать, читать), страдательный (книга читаема) и возвратный (одѣваться, мыться). Взаимный и общій залоги составляютъ, по мнѣнію Давыдова, особыя формы средняго залога. Относительно страдательнаго залога Давыдовъ замѣчаетъ, что это есть собственно возвратный или общій залогъ;

Библиотека "Руниверс"

такъ напримѣръ, глаголъ „показываться“ въ предложеніи: „ученый рѣдко показывается въ свѣтѣ“ есть глаголъ возвратный, а въ предложеніи: „подъ качелями показывается левъ“ глаголъ общій, вмѣсто страдательнаго.

Ѳ. Буслаевъ въ Исторической грамматикѣ русскаго языка (изд. 3. Москва, 1869) опредѣляетъ залогъ и раздѣляетъ глаголы слѣдующимъ образомъ (§ 175): „*Залогъ* (?) *означаетъ дѣятельность предмета* или *переходящую* на другой предметъ (читаю книгу, привыкаю къ труду), или *не переходящую* (стою). Глаголы перваго разряда именуются переходящими, послѣдняго не переходящими..... Какъ переходящіе, такъ и непереходящіе глаголы, *по залогамъ* (?) дѣлятся на дѣйствительные, страдательные, средніе и возвратные.... Къ возвратнымъ принадлежатъ взаимный (ссориться съ кѣмъ) и общій (бояться). Сравни вышеприведенное мѣсто изъ Давыдова.

Л. Поливановъ въ Учебникѣ русской грамматики (Москва, 1869) принимаетъ пять залоговъ (§ 43): дѣйствительный, страдательный, возвратный, взаимный и средній.

Антонъ Будиловичъ въ Начертаніи церковно-славянской грамматики (Варшава, 1883) говоритъ (§ 30. 38 сл.): Категорія залога основывается на обозначеніи въ глаголѣ не только самаго дѣйствія или явленія, но и различныхъ отношеній послѣднихъ то къ субъекту, то къ объекту выраженія. Если, напримѣръ, глаголъ выражаетъ дѣйствіе или явленіе, сосредоточенное въ производителѣ и не имѣющее внѣшняго объекта, то мы получаемъ залогъ средній; при существованіи же такого объекта—дѣйствительный. .....Къ частнымъ оттѣнкамъ дѣйствительнаго залога принадлежатъ залоги возвратный и взаимный [1]).

Относительно страдательнаго залога замѣчаетъ Будиловичъ, что онъ во всѣхъ языкахъ является коррелятивомъ дѣйствительнаго, а не средняго залога; въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что страдательный залогъ представляетъ противоположный логическій полюсъ въ отношеніи къ дѣйствительному, а отчасти и къ среднему съ ихъ разновидностями. Болѣе второстепенный залоговый оттѣнокъ представляетъ, по мнѣнію Будиловича, дѣленіе залоговъ по формамъ объекта на переходные (transitiva) и непереходные (intransitiva). Ср. вышеприведенное мнѣніе Буслаева.

---

[1]) Оказывается, что одинъ и тотъ-же *взаимный* залогъ а) по Давыдову есть особая форма *средняго* залога, б) по Буслаеву принадлежитъ въ *возвратному* залогу, в) по Будиловичу есть частный оттѣнокъ *дѣйствительнаго* залога.

Библиотека "Руниверс"

Интересны статьи о залогахъ въ элементарныхъ руководствахъ *Говорова* и *Кирпичникова*, по которымъ значительное большинство нашихъ дѣтей изучаютъ грамматику русскаго языка.

Разсужденіе Говорова о залогахъ въ высшей степени неудобопонятно и сбивчиво. Онъ толкуетъ происхожденіе залоговъ и ихъ виды такимъ образомъ: „Дѣйствія и состоянія предметовъ имѣютъ различное направленіе—и эта-то разность въ направленіи ихъ дѣйствій и состояній служитъ основаніемъ къ различію въ глаголахъ такъ называемыхъ залоговъ. Русскіе глаголы имѣютъ два залога для обозначенія собственно дѣйствія предмета: дѣйствительный и возвратный, — и два залога, по преимуществу, для выраженія состоянія предмета: средній и страдательный".

„Глаголы дѣйствительнаго залога выражаютъ дѣйствіе подлежащаго, по направленію переходящее на другой предметъ, второстепенный въ предложеніи". Слѣдуютъ примѣры, изъ которыхъ приводимъ одинъ: въ предложеніи „старуха пряла пряжу" глаголъ „пряла" есть глаголъ дѣйствительный; но въ другомъ предложеніи „Разъ царевна молодая, милыхъ братьевъ поджидая, пряла, сидя подъ окномъ" тотъ же глаголъ—прясть—сдѣлался (по словамъ Говорова) уже среднимъ, потому что онъ выражаетъ теперь уже не производительное дѣйствіе предмета, а просто только состояніе прядущаго человѣка. „И много (говоритъ Говоровъ) на практикѣ можетъ встрѣтиться намъ такихъ глаголовъ, которые употребляются то въ значеніи дѣйствительномъ, то въ значеніи среднемъ".

Отсюда слѣдуетъ, что глаголы „читать, писать, говорить и т. под." оказываются дѣйствительными или средними только случайно, смотря по обстоятельствамъ; рѣшительно назвать ихъ дѣйствительными возможно только тогда, когда ими выражается дѣйствіе „производительное" (?) И эти тонкіе вопросы должны рѣшать ученики 1-го и 2-го классовъ, для которыхъ составлено руководство Говорова!

„Возвратный глаголъ выражаетъ дѣйствіе предмета, которое обращается на дѣйствующій же предметъ и *производитъ въ немъ* какую нибудь *перемѣну*. Этотъ глаголъ образуется изъ того же дѣйствительнаго глагола черезъ присоединеніе къ нему частицы *ся*, которая есть церковно-славянское возвратное мѣстоименіе—*себя*, составляющее здѣсь прямое дополненіе".

„Къ возвратнымъ глаголамъ могутъ быть отнесены еще такъ называемые глаголы взаимные, которые тоже образуются изъ дѣйствительныхъ глаголовъ съ присоединеніемъ къ нимъ частицы *ся*, но

Библиотека "Руниверс"

имѣютъ ту особенность, что выражаютъ взаимное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ, взаимно другъ на друга дѣйствующихъ. Эти глаголы *всегда* требуютъ послѣ себя дополненія на вопросъ: *съ кѣмъ? или съ чѣмъ?*" (Въ грамматикѣ Кирпичникова сказано, что при взаимномъ залогѣ *можетъ* стоять дополненіе въ творительномъ, по вопросамъ *съ кѣмъ? съ чѣмъ?*).

Къ этому Говоровъ дѣлаетъ примѣчаніе: „нѣкоторые глаголы и съ окончаніемъ на *ть*, безъ *ся*, имѣютъ значеніе взаимныхъ, напримѣръ: спорить, воевать, играть, разговаривать, бесѣдовать, граничить и проч.". Но если Говоровъ принимаетъ глаголы *воевать*, *играть*, *бесѣдовать* и т. под. за глаголы взаимные, то имѣетъ ли онъ тогда право относить взаимные глаголы къ возвратнымъ, которые безъ мѣстоименія *ся* не мыслимы? А если глаголъ *играть* въ одномъ случаѣ есть глаголъ дѣйствительный (играть симфонію, играть комедію), въ другомъ средній (играть въ жмурки, въ мячъ), въ третьемъ взаимный (играть съ кѣмъ), то въ предложеніи „мы съ нимъ играемъ симфонію" онъ долженъ быть вмѣстѣ и дѣйствительный, и взаимный, а въ предложеніи „мы съ нимъ играемъ въ мячъ" онъ долженъ быть вмѣстѣ и средній и взаимный.

„Глаголы средняго залога — продолжаетъ Говоровъ — выражаютъ такое дѣйствіе или, большею частію, состояніе предмета, которое не имѣетъ никакого внѣшняго направленія, а совершается, происходитъ и остается въ самомъ дѣйствующемъ предметѣ: „Звѣзды *блещутъ*— туча *идетъ*—снѣга *забѣлѣлися*".... Окончательная частица *ся* („забѣлѣлися") въ нѣкоторыхъ среднихъ глаголахъ (замѣтимъ, что по Кирпичникову средній залогъ оканчивается на *ть*, *чь*, *ти*, и объ окончаніи *ся* ничего не говорится) употребляется здѣсь вовсе не въ смыслѣ прямаго дополненія, какъ въ возвратныхъ, а только какъ *общій признакъ (?) того, что дѣйствіе удерживается при дѣйствующемъ же предметѣ*, а не переходитъ на посторонній предметъ".

Возникаетъ вопросъ: какой залогъ принять въ предложеніи „вдали паруса забѣлѣли", гдѣ глаголъ „забѣлѣть" встрѣчается безъ приставки *ся*? По академическому словарю (изданіе 2-ое) глаголъ „забѣлѣть" есть глаголъ средній, а „забѣлѣться"—глаголъ общій [1]).

[1]) Въ третьемъ изданіи общій залогъ (смѣяться, надѣяться) присоединенъ къ залогу среднему. По этому поводу А. Будиловичъ замѣчаетъ, что „не слѣдовало бы смѣшивать глаголовъ на *ся* и безъ онаго, подобно какъ въ латинскомъ языкѣ не смѣшиваются формы на *o* и *or*, изъ коихъ въ послѣдней скрывается прежнее дополненіе, а потомъ флексія *ве*". Замѣтимъ, что послѣднее мнѣніе теперь отвергается наукою. (см. ниже).

Библиотека "Руниверс"

„Страдательные глаголы выражаютъ страдательное состояніе предмета, въ которомъ главный предметъ не дѣйствуетъ, а только принимаетъ на себя дѣйствіе другихъ предметовъ, второстепенныхъ въ предложеніи, которые въ этомъ случаѣ часто ставятся въ творительномъ падежѣ по вопросамъ—*кѣмъ? чѣмъ?*“.

Свое объясненіе залоговъ Говоровъ заключаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Изъ приведенныхъ примѣровъ на разные залоги, между прочимъ, видно, что *форму возвратнаго глагола* у насъ *могутъ имѣть глаголы всѣхъ* почти *залоговъ*. Отсюда слѣдуетъ, что залоги у насъ надобно узнавать не по окончаніямъ глаголовъ, а по ихъ значенію въ предложеніи, или по тому направленію дѣйствія, которое въ нихъ выражается“.

Совершенно иначе смотритъ на залоги Кирпичниковъ; у него залоги различаются прежде всего по окончаніямъ (дѣйствительный и средній оканчиваются на *тъ*, *чъ*, *ти*, прочіе—возвратный, взаимный, общій, а также отчасти страдательный—оканчиваются на *ся*), а затѣмъ по синтактическому употребленію (при дѣйствительномъ залогѣ можетъ стоять винительный безъ предлога, при среднемъ нельзя поставить винительнаго безъ предлога; при страдательномъ залогѣ можетъ стоять дополненіе въ творительномъ, по вопросамъ: *кѣмъ? чѣмъ?*, при взаимномъ—можетъ стоять дополненіе въ творительномъ по вопросамъ: *съ кѣмъ? съ чѣмъ?*; при возвратномъ *ся* можно, безъ измѣненія смысла, замѣнить мѣстоименіемъ *себя*, напримѣръ, одѣваться = одѣвать себя, при общемъ *ся* нельзя откинуть: надѣяться, стараться).

Нѣтъ сомнѣнія, что изложеніе статьи о залогахъ въ этимологіи русскаго языка, составленной А. Кирпичниковымъ и Ѳ. Гиляровымъ (21-е изд. 1886 г., 28-е изд. 1894 г.) отличается—въ противоположность грамматикѣ Говорова—надлежащей краткостью и ясностью. Но дѣленіе глаголовъ на залоги, какъ въ этой, такъ и въ другихъ грамматикахъ русскаго языка, по нашему мнѣнію, не научно, не логично и сверхъ того безполезно. Повторяемъ, что нѣтъ никакой нужды различать въ русской грамматикѣ залоги взаимный, общій и средній, понимая послѣдній въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ наши грамматики. Въ русской грамматикѣ можно ограничиться тѣми же залогами, какіе принято различать въ греческомъ и латинскомъ языкахъ; это будутъ залоги: дѣйствительный, страдательный и средній (понимая послѣдній въ смыслѣ возвратнаго). Такимъ образомъ: глаголъ *одѣвать* будетъ форма залога дѣйствительнаго, а глаголъ *одѣваться*

Библиотека "Руниверс"

будетъ форма залога страдательнаго (= vestiri) или средняго (= одѣвать себя). подобно греческому ἀμφιέννυσθαι. Если глаголъ sedēre въ латинскомъ языкѣ есть глаголъ дѣйствительнаго залога, то соотвѣтствующій ему русскій глаголъ *сидѣть* долженъ считаться тоже глаголомъ дѣйствительнаго залога. Если формы itur, pugnatum est и под. суть формы страдательнаго залога, то почему не считать такими же формами русскіе глаголы *сидится* (мнѣ не сидится), *хочется*, *живется* и под.?

Въ концѣ нашего разсужденія о залогахъ мы не можемъ не обратить вниманія на важное измѣненіе, сдѣланное въ послѣднихъ изданіяхъ. (напримѣръ, въ 28-омъ изд.) этимологіи Кирпичникова и Гилярова. Дѣло въ томъ, что въ прежнихъ изданіяхъ этой этимологіи различалось 6 залоговъ: дѣйствительный, средній, страдательный, возвратный, взаимный и общій; въ послѣднихъ же изданіяхъ, (напримѣръ. въ 28-омъ) *страдательный залогъ устраненъ*, и залоговъ оказывается только 5: дѣйствительный, средній, возвратный, взаимный и общій. За то о дѣйствительномъ залогѣ сказано слѣдующее.

„*Дѣйствительный залогъ имѣетъ двѣ формы: дѣйствительную и страдательную.*

Дѣйствительная форма оканчивается на *ть*, *чь*, *ти* и т. д.; напримѣръ, *любить* сестру, *нести* книгу.

Страдательная форма образуется чрезъ прибавленіе *къ дѣйствительной* или 1) вспомогательнаго глагола *быть*, напримѣръ, быть уважаему (быть уважаемымъ), или 2) мѣстоименія *ся* (= себя), напримѣръ. уважаться“.

Отсюда слѣдуетъ. что форма *уважаему* (*уважаемымъ*, слѣдовательно и *уважаемый*) есть *форма дѣйствительная* (?!), и если къ этой дѣйствительной формѣ прибавить глаголъ *быть*, то получится форма страдательная; глаголъ *уважать*, по данному опредѣленію, есть глаголъ дѣйствительнаго залога, имѣющій форму дѣйствительную, а глаголъ *быть уважаему* или *уважаться* есть глаголъ *дѣйствительнаго* залога, имѣющій форму страдательную (!!).

По поводу этой *новой* путаницы въ ученіи о залогахъ скажемъ только то: говорить, что дѣйствительный залогъ имѣетъ двѣ формы, дѣйствительную и страдательную, это все равно что сказать: бѣлый цвѣтъ имѣетъ два вида, бѣлый и черный; дѣйствительный залогъ, имѣющій форму дѣйствительную, это бѣлый цвѣтъ, имѣющій видъ

Библиотека "Руниверс"

бѣлый; дѣйствительный залогъ, имѣющій форму страдательную, это бѣлый цвѣтъ, имѣющій видъ черный [1]).

Этотъ промахъ, допущенный въ послѣднихъ изданіяхъ этимологіи Кирпичникова, тѣмъ важнѣе что по новой примѣрной программѣ уже отъ ученика приготовительнаго класса требуется умѣніе различать глаголы дѣйствительнаго и *страдательнаго залога*; что же касается до 1-го класса, то здѣсь по примѣрной программѣ русскаго языка требуется дѣленіе глагола по *залогамъ* дѣйствительному, *страдательному*, среднему и возвратному.

Этимъ требованіямъ примѣрной программы этимологіи Кирпичникова въ новыхъ изданіяхъ не удовлетворяетъ въ двухъ отношеніяхъ:

1) она устранила изъ числа залоговъ страдательный;

2) она продолжаетъ различать и такіе залоги, которые по примѣрной програмѣ русскаго языка *не требуются* (это залоги общій и взаимный).

По нашему убѣжденію, для учениковъ первыхъ трехъ классовъ достаточно умѣть различать только *два* залога: дѣйствительный и страдательный; съ третьимъ залогомъ они познакомятся и безъ учителя русскаго языка при изученіи спряженія греческаго глагола, гдѣ необходимо кромѣ дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ различать еще третій залогъ, называемый по-гречески μεσότης, по-латыни genus medium, и по-русски лучше всего *средній залогъ*, хотя называютъ его также *общимъ* залогомъ.

Во всякомъ случаѣ дѣленіе глаголовъ въ русской *элементарной* грамматикѣ на 5 и даже на 6 залоговъ совершенно безполезно. Отъ такого множества залоговъ русская грамматика должна освободиться такъ же, какъ освободилась отъ него и латинская грамматика, ко-

---

[1]) Кстати укажемъ на другой грубый промахъ, который мы нашли въ томъ же учебникѣ въ статьѣ о производствѣ дѣепричастій (§ 52): „Дѣепричастіе настоящаго времени всѣхъ залоговъ, на *я* и *а*, производится—по этимологіи Кирпичникова—отъ 1-го лица единственнаго числа настоящаго времени чрезъ перемѣну окончаній *у*, *ю*, на окончаніе *я*, напримѣръ: веду—ведя, понимаю—понимая; послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, гласная *у* перемѣняется на гласную *а*, напримѣръ: лежу—лежа, скачу—скача, дышу—дыша, пищу—пища". Такимъ образомъ, отъ глаголовъ *ходить*, *видѣть*, *платить* будетъ дѣепричастіе настоящаго времени *хожа*, *вижа*, *плача* (1-ое лицо единственнаго числа: хожу, вижу, плачу)! *Невозможно* по правилу этимологіи Кирпичникова *правильно* образовать дѣепричастіе настоящаго времени также отъ глаголовъ *давать*, *вскликать*, *оставаться* и т. п.

Библиотека "Руниверс"

торая—благодаря научной разработкѣ языка—остановилась наконецъ только на двухъ залогахъ: genus activum и genus passivum [1]).

Отъ категоріи глаголовъ переходимъ къ категоріи *видовъ*. Ученіе о видахъ въ грамматикахъ древнихъ языковъ—дѣло новое. Въ греческую школьную грамматику оно было введено Георгіемъ Курціусомъ, который подмѣтилъ видовыя свойства (Zeitarten) греческаго глагола благодаря своему знакомству съ славянскими языками, особенно съ чешскимъ, гдѣ система глагольныхъ видовъ еще болѣе развита, чѣмъ въ русскомъ языкѣ. Въ латинскую школьную грамматику ученіе о глагольныхъ видахъ ввели впервые у Чеховъ Иванъ Косина (Grammatika jazyka latinského pro gymnasia československá, Прага, 1867), а у нѣмцевъ, по примѣру Курціуса, чешскій ученый Alois Vaníček (Elementar-Grammatik der lateinischen Sprache, Leipzig, 1873) и еще раньше его G. W. Gossrau въ обширной Lateinische Sprachlehre (Quedlinburg, 2 изд. 1880, 1 изд. 1871). Съ тѣхъ поръ ученіе о глагольныхъ видахъ мало-по-малу утвердилось въ школьныхъ грамматикахъ латинскаго языка какъ нѣмецкихъ, такъ и нашихъ русскихъ.

Но замѣчательно, что весьма многія изъ этихъ грамматикъ говорятъ о глагольныхъ видахъ только въ синтаксисѣ, а не также въ морфологіи (или такъ называемой этимологіи). Мы усматриваемъ въ этомъ крупный недостатокъ этихъ грамматикъ. Глагольные виды какъ въ русскомъ, такъ и въ древнихъ языкахъ представляютъ собою явле-

[1]) О томъ, что наши предки и въ латинской грамматикѣ различали 5 залоговъ, свидѣтельствуетъ Grammatica latina, usibus juventutis rossicae summa cura facilique methodo adornata, nec non regularum ac exemplorum interpretatione rossica illustrata. Латинская грамматика въ пользу россійскаго юношества тщательно и ясно съ россійскимъ переводомъ расположенная и при третичномъ изданіи исправленная и умноженная *Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ*. (Въ Москвѣ, 1783 г.).—По этой грамматикѣ (§ 578) латинскій глаголъ имѣетъ слѣдующіе роды или залоги: дѣйствительный, страдательный, средній, отложительный и общій (genus verborum est activum, passivum, neutrum, deponens et commune). *„Дѣйствительный* или *преходящій* (activum seu transitivum) есть, который кончится на *o* и означаетъ дѣяніе (rogo я прошу, celebro я славлю). *Страдательный* есть, который кончится на *or* и означаетъ страданіе (rogor меня просятъ, celebror меня прославляютъ). *Средній* или *непреходящій* (neutrum seu intransitivum) есть, который имѣетъ окончаніе *o*, но ни дѣянія, ни страданія не означаетъ (quiesco покоюся, sedeo сижу). *Отложительный* есть, который какъ бы отложилъ страдательное знаменованіе, хотя и имѣетъ единое только окончаніе на *or* (imitor подражаю, labor падаю). *Общій* есть, который при одномъ окончаніи *or* дѣяніе и страданіе означаетъ (dignor удостаиваю, tueor смотрю, защищаю)".

Библиотека "Руниверс"

ніе вовсе не синтактическое. а *морфологическое*, выражающееся въ образованіи разныхъ глагольныхъ основъ. Какъ въ русскихъ глаголахъ *нести—носить*. *пустить—пускать*, *тронуть—трогать*, *пасть—падать*, *видѣть—видать—видывать* и т. под. разные видовые оттѣнки находятся въ зависимости отъ различной формаціи основы, такъ точно для образованія многочисленныхъ формъ латинскаго глагола служатъ основы, выражающія различные видовые оттѣнки дѣйствія (laudā-, laudāv-; ag-o—ēg-i). Кромѣ того, категорія видовъ тѣсно связана съ категоріей временъ, такъ что время безъ вида не мыслимо; и если формы раздѣляются по временамъ (настоящему, прошедшему и будущему), то онѣ должны раздѣляться также по видамъ. Всѣ грамматики русскаго языка трактуютъ вмѣстѣ о видахъ и временахъ въ этимологіи, и латинская грамматика должна въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру русской грамматики. Если въ отношеніи глагольныхъ залоговъ научная правда оказывается на сторонѣ латинской (и греческой) грамматики, то въ отношеніи глагольныхъ видовъ правда, безспорно, на сторонѣ русской грамматики. Разумѣется само собою, что взаимный ихъ компромиссъ принесъ бы громадную пользу дѣлу изученія и русскаго, и латинскаго языка, такъ какъ онъ значительно сблизилъ бы грамматическое ученіе объ этихъ языкахъ, разстояніе между которыми вовсе не такъ велико, какъ можетъ казаться, если судить объ этихъ языкахъ на основаніи существующихъ грамматикъ. И если ученіе о глагольныхъ видахъ вносятъ въ латинскую грамматику нѣмцы, для которыхъ пониманіе глагольныхъ видовъ представляетъ большія трудности, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сдѣлать намъ, славянамъ, въ языкахъ которыхъ категорія глагольныхъ видовъ развита въ такой степени, что составляетъ virtus и decus славянскихъ языковъ.

Итакъ разсмотримъ прежде всего, какъ излагается ученіе о глагольныхъ видахъ въ латинскихъ грамматикахъ, особенно въ ихъ первой части, такъ называемой этимологіи (Formenlehre или морфологіи).

Многія грамматики, въ особенности старшія, вовсе не упоминаютъ о видовыхъ свойствахъ латинскаго глагола и при толкованіи образованія глагольныхъ формъ принимаютъ 4 такъ называемыя Grundformen или Stammformen или даже Stammzeiten (tempora primitiva): первое лицо настоящаго времени дѣйствительнаго залога, первое лицо прошедшаго совершеннаго дѣйствительнаго залога, супинъ и неопредѣленное настоящаго времени (moneo, monui, monitum, monere), отъ которыхъ, по словамъ Кюнера, производятся всѣ прочія формы *незначитель-*

Библиотека "Руниверс"

нымъ измѣненіемъ окончаній. Такимъ образомъ, объясняютъ образованіе глагольныхъ формъ, между прочимъ. слѣдующія (находящіяся у насъ подъ руками) грамматики:

I. Ferd. Schultz, Lateinische Sprachlehre, Paderborn, 4 изд. 1857 г. (1 изд. 1848 г.. 2 изд. 1853 г 3 изд. 1854 г.);

II. M. Meiring, Lateinische Grammatik, Bonn, 3 изд. 1864 г. (1 изд. 1857 г., 2 изд. 1860 г.).

III. J. N. Madvig, Lateinische Sprachlehre für Schulen, 3 изд., Braunschweig. 1857;

IV. Friedrich Holzweisig, Lateinische Schulgrammatik, Hannover. 1885;

V. M. Wetzel, Lateinische Schulgrammatik, Paderborn. 1886;

и даже

VI. J. Lattmann (и H. D. Müller), Kurzgefasste Lateinische Grammatik, Göttingen, 5 изд. 1884 г.. извѣстный своимъ ученіемъ о selbständiger und bezogener Gebrauch der Tempora и различающій въ синтаксисѣ (Satzlehre) двоякій status actionis (Zeitstand der Handlung): actio continua seu iterata и actio perfecta.

Изъ французскихъ грамматикъ называемъ:

VII. Éléments de grammaire latine (d'aprés Lhomond) par Georges Édon, 13 изд. Paris. 1884 и

VIII. Cours complet de grammaire latine par E. Sommer. Paris. 1872.

Нѣкоторыя нѣмецкія грамматики упоминаютъ о видовыхъ свойствахъ латинскаго глагола уже въ этимологіи, различая vollendete и unvollendete Handlung, fortdauernder и abgeschlossener Vorgang, но при объясненіи образованія формъ остаются при прежнихъ четырехъ Stammformen. Такъ поступаютъ, между прочимъ:

IX. Maurus Schinnagl, Lateinische Grammatik, 3 изд. Wien. 1862. (1 изд. 1854 г., 2 изд. 1857 г.);

X. C. G. Zumpt, Lateinische Grammatik, 13 изд. Berlin. 1874;

XI. Waldemar Gillhausen, Praktische Schulgrammatik der lateinischen Sprache, Berlin. 1883;

XII. Paul Harre, Lat. Schulgrammatik, Berlin. 1885; и

XIII. Karl Heraeus, Lat. Schulgrammatik. Berlin. 1885.

Производство глагольныхъ формъ отъ четырехъ такъ называемыхъ основныхъ формъ (Grundformen или Stammformen) въ послѣднее время устраняется изъ латинской грамматики. и совершенно справедливо; ибо оно противно наукѣ. Наука не допускаетъ производить формы

Библиотека "Руниверс"

moneam, mone, monear, monebam, monebo, monens, monendus и т. п. отъ 1-го лица настоящаго времени дѣйствительнаго залога moneo, подобно тому какъ непозволительно производить формы hominis, homini, hominem и т. д. отъ именительнаго падежа единственнаго числа homo, или греческія формы φύλακος, φύλακι, φύλακα и пр. отъ именительнаго φύλαξ. Какъ въ послѣднемъ случаѣ формы φύλακος, φύλακι, φύλακα и пр., наравнѣ съ именительнымъ падежомъ φύλαξ, образовались отъ *одной общей* основы (φυλακ-) при помощи падежныхъ суффиксовъ, такъ точно отъ основы mone- происходятъ формы: moneam, monear, monebo, monebor, monens, monere и др. и въ томъ числѣ также 1-ое лицо настоящаго времени дѣйствительнаго залога, то-есть, форма moneo.

Если бы *всѣ* формы глагола moneo образовались отъ *одной* общей основы, то построеніе системы глагольныхъ формъ не представляло бы никакихъ особенныхъ затрудненій. Но рядомъ съ основой mone-, отъ которой образуется одна группа формъ, существуетъ еще другая основа monu-, отъ которой происходитъ вторая группа формъ (monui, monueram, monuisse и т. под.), и еще третья основа monit- (или monito-), отъ которыхъ образуется третья группа формъ (monitus, monitūrus, monitum).

Итакъ возникаетъ вопросъ: что представляютъ собою эти три основы: mone-, monu-, monit-? какое ихъ семасіологическое значеніе? что онѣ выражаютъ? и какъ ихъ называть?

Вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы трудно найти даже въ наилучшихъ грамматикахъ послѣдняго времени.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что указанныя *три основы* (вмѣсто прежнихъ четырехъ Grundformen) впервые призналъ

XIV. Alois Vaníček, Elementar Grammatik der lateinischen Sprache (Leipzig. 1873); онъ назвалъ эти основы (Tempusstämme): *Praesensstamm* (отсюда: praesens, imperfectum, futurum, infinitivus, participium, gerundium), *Perfektstamm* (отсюда: perfectum, plusquamperfectum, futurum exactum, infinitivus) и *Participialstamm* (отсюда всѣ описательныя формы, participium futuri activi и supinum), и на этихъ трехъ основахъ построилъ систему формъ латинскаго глагола.

Систему Ваничека принялъ безо всякихъ измѣненій

XV. Gustav Landgraf, Lateinische Schulgrammatik (2 изд. München-Leipzig. 1892), который, хотя и различаетъ въ глаголѣ dauernder (или unvollendeter) Vorgang и vollendeter (или abgeschlossener) Vorgang дѣйствія, однако не пріурочиваетъ этихъ видовыхъ различій къ опредѣленнымъ основамъ (Stammformen).

Библиотека "Руниверс"

Три Stammformen (praesens, perfectum, supinum) принимаютъ также

XVI. Heinrich Koziol, Lateinische Schulgrammatik (Prag. 1884).

XVII. Alois Goldbacher, Lateinische Grammatik für Schulen (Wien. 1886, 2 изд.) и наконецъ

XVIII. Raphael Kühner, Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache (Hannover. 1877), различающій Praesensstamm, Perfektstamm и Supinstamm; однако у всѣхъ этихъ трехъ грамматиковъ различіе трехъ основъ остается не только безо всякаго семасіологическаго объясненія, но и безо всякаго вліянія на представленную ими систему глагольныхъ формъ.

Только два изъ названныхъ нами (18-ти) грамматиковъ приписываютъ занимающимъ насъ основамъ видовое значеніе, и то лишь отчасти и какъ бы мимоходомъ, не нарушая строя общепринятой глагольной системы, это—Paul Harre и Karl Heraeus. Оба они согласно утверждаютъ: durch den *Praesensstamm* wird ein *fortdauernder* Vorgang, durch den *Perfektstamm* wird ein *abgeschlossener* Vorgang ausgedrückt (или bezeichnet); прочія же двѣ изъ принимаемыхъ ими четырехъ Stammformen (Infinitivstamm и Supinstamm) остаются безъ семасіологическаго объясненія; только P. Harre замѣчаетъ еще, что Supinstamm ist ein Nominalstamm.

Послѣ упомянутыхъ восемнадцати грамматиковъ мы должны назвать еще четырехъ такихъ, которые придаютъ важное значеніе различію видовъ въ латинскомъ глаголѣ и *вносятъ категорію видовъ въ систему глагольныхъ формъ*. Это

XIX. Jan Kosina, Grammatika jazyka latinského pro gymnasia československá (v Praze. 1867);

XX. G. W, Gossrau, Lateinische Sprachlehre (Quedlinburg, 2 изд. 1880 г.; 1 изд. 1871 г.);

XXI. Heinrich Perthes. Lateinishe Formenlehre zum wörtlichen Auswendiglernen (Berlin, 3 изд. 1882 г.; 1 изд. 1875 г.); и

XXII Carl. Stegmann, Lateinische Schulgrammatik (Leipzig. 1885).

Разсмотримъ ближе представленныя этими грамматиками новыя системы глагольныхъ формъ, а именно, прежде всего въ отношеніи глагольныхъ видовъ, о которыхъ теперь главнымъ образомъ и идетъ наша рѣчь.

J. Kosina различаетъ въ латинскомъ глаголѣ два вида (vid, jakost) дѣйствія: несовершенный (děj nedokonaný или trvací, actio imperfecta) и совершенный (děj dokonaný или dovršený, actio perfecta), и сооб-

Библиотека "Руниверс"

разно съ этимъ раздѣляетъ формы латинскаго глагола на двѣ группы: формы несовершеннаго вида (основа: laudā-) и формы совершеннаго вида (основа: laudāv-). Къ формамъ несовершеннаго вида принадлежатъ: а) формы дѣйствительнаго залога: *laudo, laudem, lauda, laudabam, laudarem, laudabo,* а также именныя формы: инфинитивъ *laudare,* gerundium *laudandi* и причастіе *laudans*; б) формы страдательнаго залога: *laudor, lauder,* повелительное *laudare, laudabar, laudarer, laudabor,* а также именныя формы: инфинитивъ *laudari* и gerundivum *laudandus*. Къ формамъ совершеннаго вида принадлежатъ а) формы дѣйствительнаго залога *laudavi, laudaverim, laudaveram, laudavissem, laudavero,* и именная форма *laudavisse;* в) формы страдательнаго залога: *laudatus sum, — sim, — eram, — essem, —ero,* и именная форма *laudatus esse.* Въ исключительномъ положеніи находятся у Косины *три* формы: причастія *laudatus,* participium futuri activi *laudaturus* и супинъ *laudatum.* Эти именныя формы, образуемыя отъ глагольной основы (ср. doctus, pulsus, acturus и под.), помѣщены Косиной какъ бы внѣ системы; при томъ форма *laudatus* называется у него причастіемъ страдательнымъ, вида совершеннаго (příčestí srpné déje dovršeného) остальныя же двѣ формы: такъ называемыя participium futuri activi (laudātūrus) и supinum (laudātum) по виду или качеству выражаемаго ими дѣйствія *не* опредѣляются.

G W. Gossrau различаетъ, подобно Косинѣ, два вида дѣйствія: actio *infecta* (unvollendete Handlung) и actio *perfecta* (vollendete Handlung) и раздѣляетъ всѣ глагольныя формы тоже на двѣ группы. Къ первой группѣ (actio infecta) онъ относитъ: indicativus съ временами praesens, imperfectum и futurum, conjunctivus I (conj. praesentis), subjunctivus I (conj. imperfecti), imperativus, infinitivus и participium (praesentis), gerundium, supinum и adjectivum verbale activi (laudaturus) и gerundivum (laudandus). Ко второй группѣ (actio perfecta) принадлежатъ у него: indicativus съ временами perfectum, plusquamperfectum и futurum exactum, conjunctivus II (conj. perfecti), subjunctivus II (conj. plusquamperfecti), infinitivus и participium perfecti.

Сравнивая систему Gossrau'a съ системой Косины, мы находимъ, что разница между ними состоитъ въ слѣдующемъ:

1) у Косины раздѣленіе формъ по видамъ является главнымъ, раздѣленіе же формъ по залогамъ является второстепеннымъ; другими словами: формы, раздѣленныя по видамъ на двѣ группы, *под*раздѣляются по залогамъ на формы дѣйствительнаго залога и формы стра-

Библиотека "Руниверс"

дательнаго залога; у Gossrau'a, наоборотъ, дѣленіе формъ по залогамъ является главнымъ, а дѣленіе по видамъ второстепеннымъ, или другими словами: activum и passivum *под*раздѣляются каждое на actio infecta и actio perfecta.

2) изъ трехъ именныхъ (laudātus, laudātum и laudatūrus), которыя у Косины не вошли въ систему видовыхъ формъ, первая—laudātus — причислена у Gossrau'a къ формамъ совершеннаго вида, а остальныя двѣ—laudātum и laudātūrus—къ формамъ несовершеннаго вида.

Hermann Perthes въ своей краткой Lateinische Formenlehre zum wörtlichen Auswendiglernen раздѣлилъ всѣ глагольныя формы на *три* группы:

Praesensstamm-Gruppe — durativum (основа amā-), въ которую входятъ: изъ индикатива praesens, imperfectum и futurum I, conjunctivus praesentis и imperfecti, imperativus и слѣдующія nominalia: infinitivus praesentis съ gerundium, participium praesentis и participium gerundivum (amandus).

Perfekstamm-Gruppe—perfectivum (основа amāv-), къ которой принадлежатъ: изъ индикатива perfectum, plusquamperfectum и futurum exactum, conjunctivus perfecti и plusquamperfecti, и одно nominale: infinitivus perfecti.

Supinstamm-Gruppe—stativum (основа amāt-), къ которой относятся nominalia: infinitivus futuri, supīnum, participium futuri и perfecti.

Въ одной изъ знаменитыхъ статей, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ Zur Reform des lateinischen Unterrichts (Berlin 1873—1876), H. Perthes убѣдительно доказываетъ необходимость различать уже при начальномъ обученіи видовыя свойства латинскаго глагола и опредѣляетъ видовое значеніе указанныхъ группъ такимъ образомъ (Dritter Artikel: Zur lateinischen Formenlehre, (стр. 21):

I. Das Durativum oder die Gruppe der vom Praesensstamm abgeleiteten Formen bezeichnet den Vorgang als einen dauernden.

II. Das Perfectivum oder die Gruppe der von Perfectstamm abgeleiteten Formen bezeichnet den Vorgang als einen vollendeten.

III. Das Stativum oder die Gruppe der vom Supinstamm abgeleiteten Formen bezeichnet den Vorgang als einen dem Wahrgenommenen Urheber derselben anhaftenden Zustand.

Систему Perthes'a принялъ, съ незначительными измѣненіями, Carl Stegmann въ своей Lateinische Schulgrammatik (Leipzig. 1885),

Библиотека "Руниверс"

обработанной впослѣдствіи В. Никифоровымъ для русскихъ гимназій (Москва. 1888, 1891, 1894, 1895).

Переходя къ нашимъ русскимъ грамматикамъ латинскаво языка, мы должны замѣтить, что въ нихъ вообще мало вниманія обращается на видовыя свойства латинскаго глагола. Тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ собою переводы или передѣлки нѣмецкихъ грамматикъ (а таковыхъ значительное большинство), указываютъ на видовыя свойства латинскаго глагола лишь настолько, насколько это сдѣлано въ нѣмецкихъ подлинникахъ. Таковы, напримѣръ:

1) Латинская грамматика д-ра Фердинанда Шульца, обработанная для русскихъ гимназій Юріемъ Ходобаемъ (курсъ старшаго возраста), Москва, 1873; 7 изд. 1887 г.

2) Руководство къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюнеру, С.-Петербургъ, 1889.

3) Латинская грамматика Эллендта-Зейфферта, переведенная съ приспособленіями къ преподаванію въ гимназіяхъ П. Пѣвницкимъ и В. Зубковымъ, Москва (5 изд. 1885 г., 7 изд. 1889 г.).

4) Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій по нѣмецкимъ источникамъ составилъ Э. Кесслеръ, С.-Петербургъ (2 изд. 1877 г.).

5) Краткая грамматика латинскаго языка. Составили П. Сидоровъ и Э. Кесслеръ. С.-Петербургъ (5 изд. 1891 г.).

Что касается до грамматикъ, составленныхъ самостоятельно и независимо отъ нѣмецкихъ образцовъ, то въ нихъ дѣло относительно глагольныхъ видовъ обстоитъ не лучше; онѣ трактуютъ о видахъ только въ синтаксисѣ, а въ морфологіи или вовсе не упоминаютъ о видахъ, или ограничиваются лишь краткими и случайными замѣчаніями. Таковы, напримѣръ:

6) Латинская грамматика Ав. Ананьева (Москва, 1865);

7) Краткое руководство къ изученію латинскаго языка. Составилъ Як. Смирновъ (изд. 12, Москва, 1881);

8) Латинская этимологія. Составилъ А. Новосильцевъ. (Москва, 1887);

9) Краткая грамматика латинскаго языка. Составилъ Н. Санчурскій (С.-Петербургъ, 1891);

10) Генетическое изложеніе фонетики и морфологіи латинскаго языка. Составилъ И. В. Нетушилъ (Харьковъ, 1878);

11) Опытъ научной латинской грамматики сравнительно съ греческою и славянскою А. А. Иванова (Кіевъ, 1878).

Лучше всего истолкованы видовыя свойства латинскаго глагола въ

Библиотека "Руниверс"

12) Латинскомъ синтаксисѣ И. В. Нетушила (Харьковъ, 1880). За то совершенно отрицательно относится къ видамъ латинскаго глагола

13) С. Опацкій, который въ своемъ Латинскомъ синтаксисѣ (Варшава, 1883) главу объ употребленіи временъ изъявительнаго наклоненія начинаетъ слѣдующимъ замысловатымъ замѣчаніемъ: „Латинскій языкъ имѣетъ, *какъ извѣстно* (?,) 7 временъ: praesens, perfectum praesens, futurum simplex, futurum exactum, perfectum historicum, imperfectum и plusquamperfectum. Между тѣмъ нашъ глаголъ располагаетъ всего только *двумя* временами, если не считать описательнаго будущаго (отъ *говорить—я говорю* и *я говорилъ:* отъ *сказать—я сказалъ* и *я скажу*). Но слишкомъ малое число временъ у насъ вознаграждается существованіемъ *видовъ*, которыхъ *нѣтъ* въ латинскомъ языкѣ. Оттого у насъ прошедшія и будущія времена являются въ нѣсколькихъ видахъ: я читалъ, я прочелъ, я читывалъ, я буду читать, я прочту и пр. Такимъ образомъ можно сказать, что ни латинскій языкъ не имѣетъ слишкомъ много временъ, ни нашъ слишкомъ мало".

Съ должнымъ вниманіемъ относится къ видовымъ свойствамъ латинскаго глагола

14) В. Никифоровъ въ Латинской грамматикѣ, составленной имъ по Stegmann'у (Москва, 2 изд. 1891 г. 4 изд. 1894 г.). Никифоровъ, подобно Штегманну, различаетъ (§ 65) три главныхъ основы:

a) основу praesentis—для обозначенія дѣйствія продолжающагося (actio infecta; Штегманнъ: der noch dauernden Handlung), отъ этой основы образуются:

praesens, imperfectum, futūrum I; imperativus;
infinitivus praesentis, participium praesentis,
gerundium, gerundivum.

(Штегманнъ: vom Praesensstamm werden Praesens, Imperfectum und Futurum I gebildet).

b) основу perfecti—для обозначенія дѣйствія оконченнаго (actio perfecta); отъ этой основы образуются:

perfectum, plusquamperfectum,
futurum II или exactum
infinitivus perfecti
} activi.

(Штегманнъ: vom Perfektstamm werden Perfectum, Plusquamperfectum und Futurum II gebildet).

Библиотека "Руниверс"

c) основу supini; отъ нея образуются: supinum, participium perfecti passivi и participium futuri activi.

Въ слѣдующихъ затѣмъ образцахъ спряженій (§§ 66, 68 сл.) глагольныя формы раздѣлены на *три* группы:

A. *Формы verbi finiti отъ основы praesentis*—у Штегманна Praesensstammgruppe (основа ornā-):

praesens (indicativus, conjunctivus)
imperfectum (indicativus, conjunctivus) } activi и passivi.
futurum I (indicativus)
imperativus.

B. *Формы verbi finiti отъ основы perfecti*—у Штегманна Perfektstammgruppe (основа ornāv-):

perfectum (indicativus, conjunctivus)
plusquamperfectum (indicat., conj.) } activi и passivi.
futurum II

C. *Verbum infinitum (nominalia)*—у Штегманна: Nominalformen:

infinitivus praesentis
infinitivus perfecti } activi и passivi;
infinitivus futuri
participium praesentis activi.
participium perfecti passivi.
participium futuri activi;
gerundium, supinum и gerundivum.

Противъ этой классификаціи основъ и формъ латинскаго глагола мы приводимъ слѣдующія возраженія (касающіяся въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ *видоваго* значенія занимающихъ насъ формъ):

1) Представленная группировка формъ и основъ изобилуетъ множествомъ иностранныхъ (латинскихъ) терминовъ, которые для русскаго мальчика мало или совсѣмъ непонятны и сами по себѣ сбивчивы. (напримѣръ, „основа praesentis—основа perfecti—формы verbi finiti отъ основы praesentis—формы verbi finiti отъ основы perfecti“; по-нѣмецки яснѣе и проще: Praesensstammgruppe, Perfektstammgruppe).

2) Раздѣленіе формъ глагола на *три* группы въ *логическомъ* отношеніи *неправильно*, потому что по требованіямъ логики при всякомъ дѣленіи должно примѣнять одно и тоже основаніе дѣленія. Согласно

Библиотека "Руниверс"

съ этимъ правиломъ возможно, при данной терминологіи, допустить только такое дѣленіе формъ:

А) формы verbi finiti,

Б) формы verbi infiniti.

Далѣе: если формы verbi finiti *под*раздѣляются на двѣ группы-Praesensstammgruppe, то-есть, формы отъ основы praesentis, и Perfektstammgruppe, то-есть, формы отъ основы perfecti, то слѣдовало примѣнить тоже самое основаніе дѣленія также къ формамъ verbi infiniti и подраздѣлить ихъ тоже на двѣ группы.

а) формы verbi infiniti отъ основы praesentis и

б) формы verbi infiniti отъ основы perfecti,

тѣмъ болѣе, что въ § 65 при дѣленіи основъ сказано, что отъ основы praesentis образуются также нѣкоторыя изъ формъ verbi infiniti (infinitivus praesentis, participium praesentis, gerundium и gerundivum). а отъ основы perfecti образуется infinitivus perfecti.

3) Наконецъ, мы находимъ неправильнымъ и самое дѣленіе основъ Г. Никифоровъ различаетъ (по примѣру Stegmann'a *три* главныхъ основы: основу praesentis, основу perfecti и основу supini; при томъ основамъ praesentis и perfecti онъ даетъ семасіологическое объясненіе („основа praesentis служитъ для обозначенія дѣйствія *продолжающагося*, снова perfecti—для обозначенія дѣйствія *оконченнаго*"), основу же supini оставляетъ безо всякаго объясненія. По тѣмъ объясненіямъ, которыя даютъ основамъ praesentis и perfecti г. Никифоровъ, Stegmann и нѣкоторые другіе нѣмецкіе грамматики (Heraeus, Harre, Gossrau, H. Perthes и др.) можно судить, что этимъ основамъ свойственно обозначать извѣстные видовые оттѣнки дѣйствія, понимаемые въ русскомъ языкѣ подъ названіями вида несовершеннаго и вида совершеннаго. Но если это такъ, то спрашивается, какіе видовые оттѣнки обозначаетъ основа supini? Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ одинъ только Hermann Perthes, который въ указанной нами выше статьѣ говоритъ: Das Stativum oder die Gruppe der vom Supinstamme abgeleiteten Formen bezeichnet den Vorgang als einen dem wahrgenommenen Urheber desselben anhaftenden Zustand.

4) Послѣднее наше возраженіе на принятую г. Никифоровымъ классификацію основъ и формъ латинскаго глагола касается самой терминологіи. Термины „основа praesentis" и „основа perfecti" представляются намъ крайне сбивчивыми. Въ самомъ дѣлѣ, если основа ognā- служитъ для обозначенія дѣйствія „продолжающагося", то почему называть ее основою praesentis, то-есть, основою *настоящаго*

Библиотека "Руниверс"

времени? Вѣдь, настоящаго времени она, взятая сама по себѣ, *не* обозначаетъ; она только служитъ исходною основою для образованія извѣстной группы формъ, изъ которыхъ лишь незначительная часть обозначаетъ настоящее время, тогда какъ другія формы, образованныя отъ этой же основы, обозначаютъ время прошедшее (ornabam) и будущее (ornabo), или же имѣютъ совершенно другое назначеніе (повелительное orna, инфинитивъ ornare, герундій ornandi, причастіе ornans).

Такимъ же сбивчивымъ и неумѣстнымъ намъ представляется также терминъ „основа perfecti", потому что мы привыкли понимать слово perfectum (подраз. tempus) въ смыслѣ прошедшаго времени, а между тѣмъ такого значенія основа ornāv- рѣшительно не имѣетъ.

Итакъ является необходимость дать основамъ ornā- и ornāv- соотвѣтствующія ихъ значенію названія. Въ составленной нами Латинской грамматикѣ (Кіевъ, 1888) и еще раньше въ Учебникѣ латинскаго языка (Кіевъ, 1885) мы рѣшились ввести эти новыя термины, назвавъ первую изъ упомянутыхъ основъ, ornā-, *основою несовершеннаго вида*, и вторую, ornāv-, *основою совершеннаго вида*. Остановились мы на этихъ терминахъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Эти термины русскіе и во всякомъ случаѣ болѣе понятные и правильные, чѣмъ полу-русскіе и полу-латинскіе термины „основа perfecti" и „основа praesentis".

2) Слова „совершенный" и „несовершенный" употребляются для обозначенія видовыхъ оттѣнковъ русскаго глагола.

3) Ими точно передаются по-русски употребительные латинскіе термины actiō perfecta, и actio imperfecta (или infecta).

4) Они вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ логическаго дѣленія.

Если нѣкоторыя русскія грамматики различаютъ виды несовершенный, совершенный и многократный, (напримѣръ, Кирпичниковъ), то это дѣленіе неправильное, логически невозможное. Разумѣется само собою, что термины „несовершенный" и „совершенный" не исключаютъ другаго дѣленія видовъ, (напримѣръ, однократный и многократный) и допускаютъ подраздѣленіе вида совершеннаго и вида несовершеннаго на подвиды, но они никоимъ образомъ не допускаютъ третьяго *параллельнаго* члена.

Отсюда ясно, почему нельзя допустить *рядомъ* съ основами несовершеннаго и совершеннаго видовъ никакой *третьей* основы, будетъ ли она называться—по Никифорову—„основа supini", (то-есть, Supinsamm Stegmann'a или Perthes'a), или „именная основа", принятая

Библиотека "Руниверс"

нами въ первомъ изданіи Учебника (1885 г.), но устраненная нами изъ ряда видовыхъ основъ уже во второмъ изданіи того же учебника (1887 г.), равно какъ и въ Латинской грамматикѣ (1888 г.).

Принявъ категорію видовъ въ основаніе дѣленія формъ латинскаго глагола, мы сдѣлали важное нововведеніе въ ученіи о латинскомъ глаголѣ; ибо не только вся система глагольныхъ формъ подверглась коренному преобразованію, но и многія синтактическія явленія представились въ совершенно другомъ свѣтѣ. Мы указываемъ здѣсь на это обстоятельство только потому, что ни въ одномъ изъ отзывовъ о нашей книгѣ, появившихся въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ, въ Гимназіи, а также въ Филологическомъ Обозрѣніи, не обращено должное вниманіе на это очень важное, впервые нами сдѣланное нововведеніе въ изложеніи системы формъ латинскаго глагола [1]).

При ученіи о видахъ латинскаго глагола не должно упускать изъ виду еще и слѣдующее обстоятельство. Дѣло въ томъ, что виды латинскаго глагола не вполнѣ соотвѣтсвуютъ такимъ же видамъ русскаго глагола, подобно тому какъ латинскіе залоги не вполнѣ соотвѣтствуютъ такимъ же залогамъ русскаго глагола, даже въ томъ случаѣ, если принять въ русскомъ языкѣ только два залога (о чемъ мы говорили выше). Какъ латинскій дѣйствительный залогъ не всегда соотвѣтствуетъ русскому дѣйствительному залогу (pugno—сражаюсь, cohortor—ободряю), такъ и форма несовершеннаго вида латинскаго глагола не всегда соотвѣтствуетъ несовершенному виду русскаго глагола; напримѣръ, faciam (видъ несовершенный)=я сдѣлаю (видъ совершенный), fac=сдѣлай, facere=дѣлать и сдѣлать; *rogavi* (видъ совершенный) te, ut hoc *faceres* (видъ несовершенный)=я *просилъ* (видъ несовершенный) тебя это *сдѣлать* (видъ совершенный) Но задача школьной грамматики и состоитъ главнымъ образомъ въ томъ,

---

[1]) Изъ двухъ сужденій, касающихся нашей статьи объ образованіи глагольныхъ формъ въ Учебникѣ (ч. II, § 8), одно принадлежитъ г. Петропавловскому (Филологическія Записки 1886, вып. II), а другое г. Первову (Филологическое Обозрѣніе, томъ V, кн. 1). Первый рецензентъ находитъ, что наша статья объ образованіи глагольныхъ формъ „изложена очень *просто* и научно“; но по словамъ втораго рецензента это же самое ученіе „является *запутаннымъ*“; при этомъ первый рецензентъ въ подтвержденіе своего похвальнаго отзыва приводитъ цѣликомъ весь § 8 (объ основахъ), второй же рецензентъ для того, чтобы доказать, что наше ученіе объ основахъ является запутаннымъ, *сочиняетъ* и приписываетъ намъ всякія нелѣпости.

Библиотека "Руниверс"

чтобы *опредѣлить и установить отношенія между залогами и видами латинскаго глагола съ одной стороны и залогами и видами русскаго глагола съ другой стороны.*

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ латинскомъ языкѣ видовыя различія составляютъ важный элементъ въ образованіи *формъ* каждаго отдѣльнаго глагола (amābam есть *форма* несовершеннаго вида, amavi—*форма* совершеннаго вида одного и того же глагола amare), тогда какъ въ русскомъ языкѣ виды играютъ важную роль въ образованіи *самихъ глаголовъ* (*понять* есть *глаголъ* совершеннаго, *понимать*—*глаголъ* несовершеннаго вида). Въ русскомъ языкѣ не можетъ быть рѣчи объ образованіи формъ совершеннаго вида отъ глагола *понимать*, какъ не можетъ быть рѣчи объ образованіи формъ несовершеннаго вида отъ глагола *понять*, между тѣмъ какъ отъ одного и того же латинскаго глагола intellegere можно образовать и формы несовершеннаго, и формы совершеннаго вида. Въ латинскомъ языкѣ *формы* одного и того же глагола раздѣляются на формы несовершеннаго вида и формы совершеннаго вида, въ русскомъ языкѣ раздѣляются *глаголы* по виду или качеству выражаемаго ими дѣйствія на глаголы несовершеннаго вида и глаголы совершеннаго вида, подобно тому какъ формы одного и того же латинскаго глагола раздѣляются по залогамъ на формы дѣйствительнаго и формы страдательнаго залога, а по-русски раздѣляются по залогамъ самые глаголы.

Другой вопросъ: сходится ли самое понятіе о несовершенномъ и совершенномъ видѣ латинскаго глагола съ такимъ же понятіемъ о несовершенномъ и совершенномъ видѣ русскаго глагола? На этотъ вопросъ нельзя будетъ дать удовлетворительный и окончательный отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ разработано и приведено въ стройную систему ученіе о видахъ русскаго глагола. На самомъ же дѣлѣ это ученіе о видахъ русскаго глагола находится до настоящаго времени въ самомъ печальномъ состояніи, можетъ быть еще въ болѣе печальномъ, нежели ученіе о залогахъ. Мы разсмотрѣли это ученіе въ 8 разныхъ грамматикахъ (Востокова, Давыдова, Буслаева, Поливанова, Бѣлявскаго, Будиловича, Говорова, Кирпичникова), но мы не нашли, чтобы хотя двѣ изъ этихъ грамматикъ излагали его согласно и безъ явныхъ противорѣчій. Для примѣра мы остановимся только на двухъ изъ нихъ, а именно тѣхъ, которыя, насколько намъ извѣстно, весьма распространены въ нашихъ среднихъ школахъ; это грамматики Кирпичникова и Говорова.

Въ этимологіи Кирпичникова и Гилярова говорится, что „видовъ 3:

Библиотека "Руниверс"

несовершенный, совершенный и многократный"—дѣленіе неправильное и, какъ мы выше доказали, логически невозможно.

К. Говоровъ въ Элементарной грамматикѣ русскаго языка (курсъ I и II класса) разсуждаетъ о видахъ глаголовъ слѣдующимъ образомъ: „*оконченность* и *неоконченность* дѣйствія, также *повторяемость* и *неповторяемость* его въ *иностранныхъ* языкахъ (напримѣръ, во французскомъ и нѣмецкомъ) выражается особыми измѣненіями въ окончаніяхъ глагола (прошедшимъ несовершеннымъ, прошедшемъ совершеннымъ и давнопрошедшимъ временемъ). Но въ нашемъ языкѣ, для выраженія всѣхъ этихъ *оттѣнковъ въ понятіи* о дѣйствіи предмета, *по отношенію къ совершаемости самого дѣйствія* существуютъ особые виды глагола. Видами называются особыя измѣненія въ глаголахъ, происходящихъ отъ одного и того же корня,—измѣненія, которыя совершаются въ нихъ съ тою именно цѣлью, чтобы глаголъ могъ выразить оконченное или неоконченное, повторяемое или неповторяемое дѣйствіе: свистáть, посвистать, свúстнуть, посвистывать"

Обращаемъ вниманіе на неудобопонятность изложенія Говорова. Затѣмъ: не странно ли, что Говоровъ, приступая къ изложенію ученія о видахъ русскаго глагола, исходитъ отъ иностранныхъ языковъ (французскаго и нѣмецкаго), какъ будто эти языки нашимъ ученикамъ 1-го и 2-го классовъ болѣе извѣстны, чѣмъ русскій языкъ? И можетъ ли вообще быть рѣчь о глагольныхъ видахъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ? Вѣдь извѣстно, съ какимъ трудомъ нѣмцы усваиваютъ видовыя различія русскаго глагола. И не смотря на все это, Говоровъ заставляетъ русскихъ дѣтей знакомиться съ видами русскаго глагола при посредствѣ нѣмецкаго и французскаго языка!

А. Поспѣшилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

VARIA [1]).

XVI [2]).

Plin. Nat. Hist. V, 116.

Epheso *Matium aliud* Colophoniorum et intus ipsa Colophon Haleso adfluente. inde Apollinis Clarii fanum, Lebedos. fuit et Notium oppidum, — такъ читается это мѣсто Плинія въ обоихъ новѣйшихъ и самыхъ лучшихъ критическихъ изданіяхъ — у Детлефсена [3]) и Л. фонъ-Яна [4]), причемъ какъ тотъ, такъ и другой издатель не видятъ ничего ненормальнаго въ словахъ *Matium aliud*, отмѣченныхъ у насъ курсивомъ. Иначе смотритъ на эти слова большинство прежнихъ издателей Плинія, равно какъ не мало и другихъ ученыхъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ только что приведеннымъ текстомъ. Обыкновенно предполагаютъ здѣсь рукописную порчу подлиннаго текста съ примѣсью или безъ примѣси интерполяціи, и предлагаютъ болѣе или менѣе остроумныя эмендаціи, къ разсмотрѣнію которыхъ мы обратимся ниже. Особое мнѣніе высказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бурешъ [5]): онъ оставляетъ *Matium aliud*, какъ ошибку самого Плинія. разсуждая слѣдующимъ образомъ: „Dass gerade dieser

---

[1]) *Продолженіе.* См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

[2]) Сообщено было авторомъ въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 18-го декабря 1895 года.

[3]) Berolini, 1866.

[4]) Editio altera denuo recognita, Lips. 1870.

[5]) K. Buresch, *Klaros. Untersuchungen zum Orakelwesen des späteren Altertums*, Leipzig, 1889.

Библиотека "Руниверс"

Abschnitt [то-есть. описаніе Іоніи—Plin. *N. H.* V, 112—120] infolge einer geradezu heillosen Verwendung von allerlei Quellen ganz verschiedener Zeiten etwas von einem irrleuchtenden Sumpfe an sich habe, will ich anderswo gründlicher nachweisen: hier nur, was uns hier besonders bekümmert. „Ab Epheso", sagt er a. O., „Matium aliud Colophoniorum et intus ipsa Colophon Haleso adfluente. inde Apollinis Clarii fanum, Lebedos. fuit et Notium oppidum".

Ich will nur gleich anmerken, dass er kurz vorher (115) schon ein Matium bei Ephesus verzeichnet und dass es so gut als unglaublich ist, auf dem kurzen Küstenstriche zwischen Ephesos und Kolophon haben zwei Matium gelegen. Nun, er hat sich von Mation aus zwei verschiedenen Gewährsmännern vorlesen lassen und hat kurzer Hand aus einem zwei gemacht; nur sein gutes Gedächtniss hat das aliud dictiert. O, er hats nicht anders getrieben" [1]).

Обѣщаніе Буреша „гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ основательнѣе доказать" правильность его презрительнаго отзыва о данномъ отдѣлѣ Naturalis Historiae, сколько намъ извѣстно. до сихъ поръ еще остается лишь обѣщаніемъ. Намъ думается, что упомянутый отзывъ его обусловливается просто излишне развязнымъ обхожденіемъ съ камнями преткновенія въ родѣ разбираемаго *Matium aliud*. Для всякаго непредубѣжденнаго читателя. конечно, будетъ мало одного αὐτὸς ἔφα Буреша („*O. er hats nicht anders getrieben*"), и, будь даже вполнѣ засвидѣтельствованъ — весьма проблематическій, какъ увидимъ ниже. — фактъ нахожденія именно чтенія *Matium* въ подлинномъ текстѣ Плинія, и тогда было бы крайне неблагоразумно примыкать къ вышеприведенному взгляду нѣмецкаго ученаго на *Matium aliud*. не дожидаясь давно обѣщанныхъ имъ болѣе солидныхъ аргументовъ.

Обращаясь къ конъектурамъ и объясненіямъ, предложеннымъ другими учеными, увидимъ, что наибольшею популярностью пользовалось чтеніе *manteium* (= μαντεῖον) *aliud*, принятое, напримѣръ, Вейзе, Пертцемъ, Литтре, Фонтріеромъ, Имминемъ и другими [2]). Несостоятельность этой эмендаціи однако достаточно доказана С. А. Селивановымъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ [3]), и потому останавливаться

---

[1]) Buresch, *l. c.* p. 33.

[2]) За цитатами отсылаемъ къ статьѣ С. А. Селиванова: „*О Колофонѣ, Нотіи, Кларѣ и о новыхъ надписяхъ колофонской области*" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1892, октябрь, отдѣлъ классической филологіи), стр. 9.

[3]) *L. c.* стр. 9 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

на ней мы не станемъ. Точно такъ же не заслуживаетъ вниманія и конъектура Зиллига — *Mantium*[1]).

Шухгардтъ въ виду того, что нѣсколько выше у Плинія упоминается городъ *Matium*[2]). аттестуетъ чтеніе *Matium aliud* въ разбираемомъ мѣстѣ, какъ „wohl die ansprechendste Conjektur“[3]), но тутъ же высказывается противъ возможности допустить существованіе мѣстечка Матія рядомъ съ развалинами Нотія, и полуостановливается на условномъ предположеніи, что Плиній какъ-нибудь смѣшалъ имена *Notium* и *Matium*[4]). Мы не будемъ останавливаться на критикѣ и этого объясненія хотя бы въ виду того, что самъ авторъ имѣетъ благоразуміе не настаивать на немъ.

С. А. Селивановъ, не отрицая возможности допустить и догадку Буреша, который, какъ мы уже говорили выше, энергичнѣе нежели Шухгардтъ сваливаетъ вину на Плинія, — съ своей стороны предлагаетъ слѣдующую поправку въ текстѣ: „*Matium*“, говоритъ онъ, „явилось въ рукописи изъ предыдущаго *in ora autem Matium* etc., гдѣ оно вполнѣ на мѣстѣ, явилось же оно вмѣсто *ora*, которое весьма было бы кстати въ разбираемомъ отрывкѣ. Эта ошибка должна была, конечно, повлечь за собой появленіе и *aliud*“[5]).

Мы охотно соглашаемся съ заключительнымъ замѣчаніемъ почтеннаго автора, что „чтеніе: *Ab Epheso ora Colophoniorum et intus ipsa*

---

[1]) Такъ читаетъ Зиллигъ въ своемъ изданіи не только въ разбираемомъ мѣстѣ (*N. H.* V, 116), но и выше (ib. V, 115).

[2]) *N. H.* V, 115: in ora autem Matium, Ephesus Amazonum opus, multis antea expetita nominibus, и проч.

[3]) C. Schuchhardt, *Kolophon, Notion und Klaros* (въ Mittheilungen des k. deutschen archäol. Instituts, Athen. Abtheilung, XI, 1886), p. 428.

[4]) L. c., p. 428 sq.: „Da *intus ipsa Colophon* als Gegensatz zu Matium gesagt ist, so muss letzteres an der Küste gelegen haben. Dort giebt es aber, wie schon oben besprochen wurde, keine andre Gelegenheit zur Anlage eines Hafens und einer Ansiedlung als bei Notion. Man könnte daher vermuthen, dass neben der verfallnen Burg von Notion in späterer Zeit ein kleiner Ort Matium bestanden habe. Aber die vielen römischen Bauten auf der Burg und die römischen Ausbesserungen der Mauer machen einen so frühen Untergang der Stadt, der plötzlich erfolgt sein müsste, wenig wahrscheinlich. Sollte vielleicht, wenn nicht durch eine glückliche Textesänderung Klarheit geschafft werden kann, — und dazu sehe ich bis jetzt kein Mittel — eine Verwechslung der Namen Notium und Matium anzunehmen sein, etwa derart, dass Plinius auf seiner Karte Matium statt Notium geschrieben fand und daher letzteres für untergegangen hielt? Es wäre allerdings hart, dem gelehrten Schriftsteller derartiges zuzutrauen“.

[5]) *L.* c. стр. 10.

Библиотека "Руниверс"

Colophon, даетъ вполнѣ удовлетворительный смыслъ“ [1]), но въ то же время позволяемъ себѣ усумниться въ палеографической или, если угодно, психологической удовлетворительности предлагаемой имъ эмендаціи, тѣмъ болѣе, что не находимъ достаточно выясненнымъ въ его изложеніи вопроса о процессѣ появленія *Matium* вмѣсто *ora*.

По поводу всѣхъ вышеприведенныхъ конъектуръ въ совокупности мы должны сказать, что ихъ почтенные авторы, разсуждая о данномъ мѣстѣ Плинія, страннымъ образомъ допускали одну и ту же важную методологическую ошибку, которая особенно непростительна для филологовъ: всѣ они начинали строить предположенія, не озаботясь предварительно удостовѣриться въ прочности общаго фундамента. Иными словами, всѣ они исходили изъ чтенія *Matium* въ данномъ мѣстѣ, не провѣривъ его критической благонадежности. Одинъ только С. А. Селивановъ бросилъ мимоходомъ взглядъ на варіанты рукописнаго преданія, но, къ сожалѣнію, онъ не пошелъ дальше бѣглой замѣтки, что „въ рукописяхъ, кромѣ чтенія matium, находимъ также слѣдующія: spatium, spatia, patium“ [2]).

Если же мы съ бо́льшимъ вниманіемъ отнесемся къ рукописному преданію и установимъ критическую цѣнность разныхъ варіантовъ, то увидимъ, что чтеніе *matium* совершенно не заслуживаетъ той авторитетности, которою оно пользуется въ глазахъ нашихъ предшественниковъ, и что для возстановленія подлиннаго текста Плинія въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ исходить изъ того чтенія, которому отведено — конечно случайно — самое послѣднее мѣсто въ вышеприведенной замѣткѣ С. А. Селиванова.

Въ самомъ дѣлѣ всѣ древнѣйшія и авторитетнѣйшія рукописи Плинія — а именно *DFRda* [3]) — согласно даютъ въ разбираемомъ мѣстѣ чтеніе *patium aliud*, но въ трехъ изъ нихъ это *patium* переправлено *вторыми*, позднѣйшими, руками на иныя чтенія: такъ въ *F* вторая рука даетъ *spatium*, въ *R* — *spatia* [4]) и въ *a*, наконецъ, — из-

[illegible]

[1]) *L. c.* стр. 10.

[2]) *L. c.* стр. 9.

[3]) Обозначаемъ рукописи, какъ фонъ Янъ: *D* = cod. Vaticanus 3861, XI или XII вѣка; *F* = cod. Leidensis Lipsii 7, XI вѣка; *R* = cod. Riccardianus, XI вѣка; *a* = cod. Parisinus 6795, IX вѣка по фонъ Яну, X или XI по Детлефсену; *d* = cod. Parisinus, 6797, XIII вѣка.

[4]) Этотъ варіантъ въ палеографическомъ отношеніи, очевидно, совпадаетъ съ предъидущимъ: spatiū — spatia.

Библиотека "Руниверс"

любленное нашими предшественниками *matium*, перешедшее и въ массу позднѣйшихъ рукописей [1]).

Ученые, болѣе или менѣе спеціально занимавшіеся вопросомъ о рукописномъ преданіи Плиніевской Naturalis Historia, — какъ, напримѣръ, Фельсъ, Урликсъ, фонъ Янъ, Майгофъ,—единогласно свидѣтельствуютъ на основаніи детальнаго изученія и оцѣнки соотвѣтствующихъ варіантовъ *неблагонадежность* поправокъ, сдѣланныхъ вторыми руками рукописей *a* и *R* [2]). Что же касается поправокъ, принадлежащихъ второй рукѣ рукописи *F*, то вотъ общая характеристика ихъ, сдѣланная Майгофомъ и подкрѣпляемая массой примѣровъ: qui codicem F correxit, eum non sine egregia assiduitate officio suo satisfecisse testantur 626 in quattuor libris correctiones, sed *more saeculi sui ab ea fide, quam nos requirimus, longe aberat, nam volebat sine dubio Plinium suum non modo emendatum quam maxime, sed etiam iectu incundiorem et polito dicendi genere commendabilem reddere.* — — — graviores quoque errores suo Marte corrigere non dubitavit et additamentis orationem explere. VII, 73 ex *in Creta* fecit *merita incrementa* — — — et similis licentiae alia exempla exstant multa: — — VII, 106 pro *unde* (Cannis) *fugisse virtutis summum opus fuit* maluit *indefessae*„ — — 166 pro *Pheraeus Iason* invenerat *phalereus iacum*, substituit mira doctrina *valerius eacus.* — — — sed non opus est pluribus exemplis. atque haec quidem, quae proposui, tam manifesta omnia sunt, *ut ipsa insulsitate mutationis correctorem pessimae levitatis convincant: aliis vero locis minus inepte inscienterque versatus est, ut detegere fraudem difficile sit et summopere cavendum, ne decipiamur* [3]).

Въ виду подобныхъ отзывовъ всякій, конечно, долженъ будетъ согласиться съ нами, что, пускаясь въ открытое море конъектуръ, методическій критикъ текста въ данномъ случаѣ долженъ исходить именно изъ чтенія *patium*, а не *matium* или *spatium* (*spatia*).

Прежде чѣмъ приступить къ исправленію даннаго мѣста не мѣ-

---

[1]) Между прочимъ, напримѣръ, въ сличенныя нами двѣ миланскія рукописи: *cod. Ambros. E. 24 inf.* (конца XIV вѣка; эта рукопись отличается художественно исполненными миніатюрами) и *cod. Ambros. D. 531 inf.* (первой половины XV вѣка), а также въ нѣкоторыя ватиканскія, тоже видѣнныя нами.

[2]) См. цитаты у фонъ Яна въ его изданіи, praef. p. IV adn. 1; къ нимъ добавимъ ссылку на *Novae lucubrationes Plinianae* Майгофа (Lips. 1874) p. 59 sqq., 75 sqq., 83 sqq. Ошибочна оцѣнка, данная этимъ поправкамъ *a* и *R* Детлефсеномъ.

[3]) Mayhoff, *Novae lucubr. Plin.* p. 78 sqq. (Въ началѣ и въ концѣ цитаты курсивъ нашъ).

Библиотека "Руниверс"

шаетъ хоть слегка затронуть вопросъ о томъ, какой политики слѣдуетъ намъ держаться по отношенію къ слову *aliud*: видѣть ли въ послѣднемъ результатъ порчи какого либо подлиннаго чтенія, какъ и въ *patium*, или же вышвырнуть изъ текста, какъ интерполяцію pur sang?

С. А. Селивановъ, какъ мы уже имѣли случай упомянуть объ этомъ выше, считаетъ *aliud* интерполяціей, вызванной чтеніемъ *matium*, но мы не можемъ согласиться съ этимъ предположеніемъ въ виду того, что въ архетипѣ читалось не *matium*, но *patium*, для котораго пояснительной прибавки *aliud*, очевидно, не требовалось. Строить новое предположеніе, что это архетипное *patium* является просто опиской вмѣсто *matium* и навязывать Плинію ошибку quand même,—предоставимъ Бурешамъ [1]).

Итакъ, останавливаясь на мысли, что въ *aliud* слѣдуетъ видѣть не посторонняго пришельца, но, такъ сказать, обезображеннаго, подобно *patium*, аборигена разбираемаго мѣста, мы полагаемъ, что загадочное

patium aliud

есть результатъ очень древней порчи подлиннаго чтенія

port' cum (*nav*)ali.

Иными словами, мы предлагаемъ читать у Плинія слѣдующимъ образомъ: ab Epheso *portus cum navali* Colophoniorum et intus ipsa Colophon. — О *гавани* на соотвѣтствующемъ пунктѣ морскаго побережья говоритъ уже Скилакъ Каріандскій: Κολοφῶν ἐν μεσογαίᾳ, Νότιον καὶ λιμήν [2]); о колофонской *верфи* находимъ замѣтку у Евстаѳія: ἡ δὲ Κλάρος λέγεται νεώριον εἶναι τῆς Κολοφῶνος [3]). — Ср. замѣтку Страбона объ Эфесѣ: ἔχει δ' ἡ πόλις καὶ νεώρια καὶ λιμένα (14, 1, 24).

Процессъ порчи мы представляемъ себѣ вотъ какъ: во время оно, когда еще не было на свѣтѣ архетипа теперешнихъ плиніевскихъ рукописей, въ одномъ изъ предковъ послѣдняго вмѣсто

PORT'CVM*NAV*ALICOLOPHONIORVM

[1]) Мимоходомъ замѣтимъ по поводу предложеннаго Бурешемъ исправленія разбираемаго мѣста: „Die ganze Stelle ... hätte redigiert werden müssen — etwa nach der Analogie des sogleich folgenden *inde Myndos et ubi fuit Palaemyndus*" (Klaros p. 33), что это „*sogleich folgend*" мѣсто, на самомъ дѣлѣ, *предшествуетъ* разбираемому и притомъ *на довольно значительномъ разстояніи* (*N. H.* V, 107).

[2]) Scyl. Caryand. 98 p. 71 Müll.

[3]) Eustath. ad Dionys. Perieg. 441.

Библиотека "Руниверс"

читалось либо

PORT'CVMALICOLOPHONIORVM

вслѣдствіе *гаплографической* ошибки писца, либо

PORT'CVM ALICOLOPHONIORVM

съ намѣренно оставленнымъ пробѣломъ, обусловленнымъ случайною неясностью или стертостью буквъ NAV. При послѣдующей перепискѣ этотъ пробѣлъ могъ легко исчезнуть [1]), такъ что въ концѣ концовъ могло получиться то же чтеніе

PORT'CVMALICOLOPHONIORVM.

Ко времени возникновенія вышеупомянутаго архетипа слова PORT'CVM могли превратиться въ PATIVM, а явно ошибочное ALI само, такъ сказать, напрашивалось на интерполяторскую передѣлку въ ALIVD [2]), и вотъ въ архетипѣ и появилось *patium aliud*.

Кромѣ только что предложеннаго исправленія этихъ словъ намъ приходитъ на умъ еще и другое, которое, быть можетъ, покажется кому нибудь болѣе вѣроятнымъ, нежели первое, — на томъ основаніи, что оно нѣсколько ближе подходитъ къ чертамъ рукописнаго преданія и обходится безъ предположенія какой-либо лакуны.

Не кроется ли въ этомъ

PATIVM ALIVD

фразы PAT̄XVM *P*LItVS,

то-есть, pat(*et*) XV m(*ilia*) *p*(assuum) l*i*tus [3])?

Для фразеологическаго обоснованія чтенія ab Epheso *patet XV milia passuum litus* Colophoniorum, получаемаго при этой эмендаціи, мы могли бы сослаться, напримѣръ, на *Nat. Hist.* III, 49 patet ora Liguriae inter amnes Varum et Macram CCXI m. passuum; *ib*, VI, 107 Carmaniae oram patere duodeciens L m. passuum Nearchus scripsit; *ib*. IV, 52. 54. 78 и т. д. А для фактической провѣрки можно указать замѣтку Страбона о разстояніи, отдѣлявшемъ Эфесъ отъ (при-

[1]) Кому приходилось имѣть дѣло съ рукописями, тотъ, конечно, знаетъ, какъ быстро исчезаютъ подобныя лакуны.

[2]) Не думаемъ, чтобы стоило утилизовать и послѣдній слогъ этого слова, читая напримѣръ, portus cum navali *ad* Colophoniorum ⟨*oram*⟩.

[3]) Мыслимо также чтеніе PAT̄ X̄V̄ M *p*ASSUŪ, то-есть, *patet XV m. passuum*, но оно не такъ удобно потому, что требуетъ еще вставки *ora* послѣ Colophoni*orum* (ср. однако приводимыя ниже въ текстѣ мѣста изъ Плинія).

Библиотека "Руниверс"

морскаго) Колофона: εὐθυπλοίᾳ μὲν οὖν ἑβδομήκοντα σταδίοι εἰσιν ἐξ Ἐφέσου, ἐγκολπίζοντι δὲ ἑκατὸν καὶ εἴκοσι [1]): эти 120 стадій береговой линіи какъ разъ и равны 15 тысячамъ шаговъ, фигурирующимъ у Плинія, если принять нашу вторую эмендацію.

Какъ ни подкупаетъ однако эта эмендація въ свою пользу своею близостью къ рукописному преданію, а равно и поразительнымъ совпаденіемъ только что указанныхъ цифръ, — мы не рѣшаемся настаивать на ней предпочтительно передъ первымъ исправленіемъ, такъ какъ земля колофонская могла начинаться и не непосредственно отъ Эфеса.

М. Крашенинниковъ.

---

[1]) Strab. 14, 1, 28.

Библиотека "Руниверс"

ОЛИМПІЙСКІЙ VII. ЭПИНИКІЙ ПИНДАРА, ВЪ ЧЕСТЬ ДІАГОРА РОДОССКАГО, ПОБѢДИТЕЛЯ ВЪ КУЛАЧНОЙ БОРЬБѢ [1]).

Какъ если кто, взявъ подаренный щедрою рукою кубокъ, кипящій внутри росою винограда, предложитъ, отпивъ изъ него, юному зятю изъ дома въ домъ свой золотой даръ, вѣнецъ богатства, воздавъ почетъ и прекрасному пиршеству, и своему родственному союзу, и въ сердцахъ пирующихъ друзей возбудитъ зависть къ (вновь) заключенному согласному супружескому союзу, — такъ и я лью нектаръ, даръ Музъ въ честь вѣнценосныхъ мужей, сладкій плодъ вдохновенія и увеселяю побѣдителей въ Олимпіи и Пиѳонѣ.

Блаженъ тотъ, о комъ гласитъ добрая слава; то на того, то на другаго бросаетъ свой взоръ краса жизни Харита при звукахъ сладкогласной лиры и въ многоголосномъ сочетаніи флейтъ.

Такъ и теперь, подъ звуки тѣхъ и другихъ, вслѣдъ за Діагоромъ, въ своихъ гимнахъ я стремлюсь на югъ, къ омываемой моремъ дочери Афродиты, къ супругѣ Геліоса, Родѣ, чтобы пѣснею воздать хвалу за побѣду въ кулачной борьбѣ сражающемуся въ открытомъ бою воину-великану, увѣнчавшемуся у Алфея, а также и въ Касталіи, чтобы воспѣть и отца его Дамагета, угоднаго Дикѣ, живущихъ на трехградномъ островѣ, близь берега широкоземельной Азіи, среди воинственнаго Аргивскаго народа.

Мнѣ хочется повѣдать имъ, начавъ съ Тлаполема, въ непрерывной рѣчи расказать о широкомощномъ родѣ Геракла. По отцу они славятся своимъ происхожденіемъ отъ Зевса; по матери они Аминториды и произошли отъ Астидамеи.—Вѣдь всегда у людей неисчислимыя сомнѣнія;

[1]) Таково заглавіе большинства рукописей; въ нѣкоторыхъ прибавка: „сына Дамагета“.

Библиотека "Руниверс"

но ужъ совсѣмъ невозможно рѣшить, что теперь и въ концѣ лучше всего человѣку.

Нѣкогда въ Тиринѳѣ родоначальникъ поселенцевъ этой земли въ гнѣвѣ ударомъ палицы изъ твердой маслины убилъ побочнаго брата Алкмены, Ликимнія, происшедшаго отъ брачнаго ложа Мидеи. Волненія чувствъ неразъ затмевали разсудокъ даже мудреца. Придя въ храмъ бога, онъ спросилъ совѣта. Златокудрый изъ своего наполненнаго благовоннымъ куреніемъ святилища приказалъ ему направить прямой путь отъ Лернейскаго берега къ омываемой моремъ странѣ, гдѣ нѣкогда великій царь боговъ оросилъ золотыми дождями городъ, когда искусствомъ Ифеста изъ подъ удара его мѣднокованнаго топора Аѳина, воспрянувъ изъ темени отца, огласила воздухъ долгимъ воинственнымъ крикомъ, отъ котораго задрожали и небо, и матерь земля.

Тогда дающее смертнымъ свѣтъ божество, сынъ Иперіона, поручило любезнымъ чадамъ своимъ соблюдать новый обрядъ, когда они первые положатъ основаніе блестящему алтарю Богини и, учредивъ священное жертвоприношеніе, будутъ радовать сердце отца и потрясающей копьемъ дочери. Предусмотрительное благоговѣніе всегда внушаетъ людямъ добродѣтель и [ведетъ ихъ къ] радости. Но вотъ, незамѣтно, ихъ настигаетъ какое-то облако забвенія и отклоняетъ истинный ходъ дѣлъ съ пути разсудка.

Такъ и Иперіониды взошли на алтарь [новой богини], не имѣя при себѣ сѣмени блестящаго огня, и учредили въ акрополѣ святилище для безогненныхъ священнодѣйствій. Зевсъ распростеръ надъ ихъ главами свѣтлое облако, излилъ дождемъ обильное золото. Она же — блестящая съ голубыми глазами богиня — даровала имъ [возможность] во всякомъ искусствѣ ловкими въ трудахъ руками превосходить другихъ жителей земли. Улицы ихъ были уставлены созданіями, подобными живымъ и движущимся существамъ. Велика была ихъ слава: тому, кто одаренъ мудростью [1]), мудрость сама служитъ опорой безъ ухищреній.

Древнія сказанія людей говорятъ намъ такъ: когда Зевсъ и безсмертные дѣлили между собою земную твердь, — тогда блестящій

[1]) ΔΑΩ—doceor, disco, cognosco. H. L. perito. 54, δαέντι δὲ καὶ σοφίᾳ μείζων ἄβολος τελέθει—кажется, вѣрно толкуетъ Бергкъ: in prudente homine etiam maior sapientia fraudis est exper. Намъ кажется, что смыслъ этого мѣста таковъ: для человѣка съ хорошими стремленіями ненужно прибѣгать къ особымъ обрядамъ, то-есть, чистосердечно принесенное жертвоприношеніе могло обойтись и безъ огня, который забыли взять съ собою приносившіе жертву. Поэтому предлагаемъ понимать такъ: δαέντι δὲ καὶ (σοφίᾳ) σοφίᾳ μείζων ἄβολος τελέθει.

Библиотека "Руниверс"

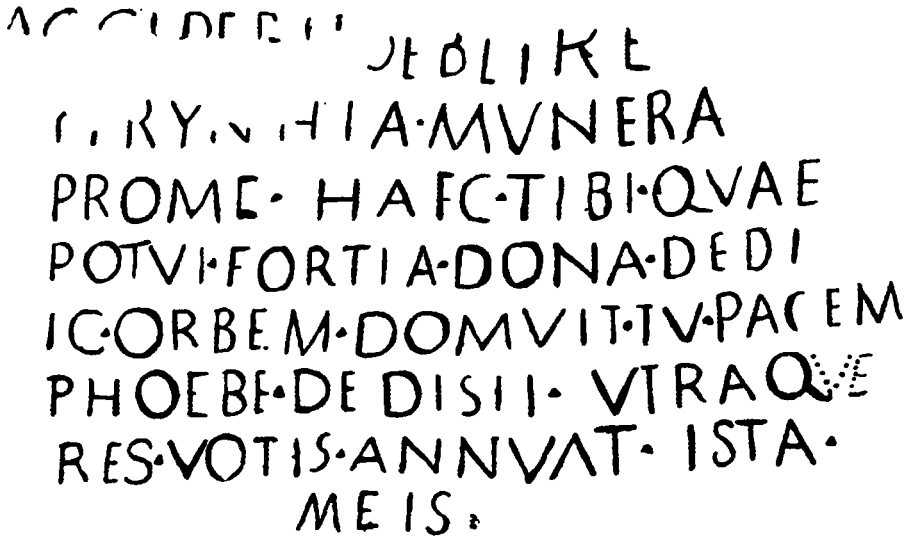
островъ Родъ былъ еще скрытъ въ безбрежномъ морѣ, въ его соленыхъ пучинахъ; [случайно] Геліоса не было тогда, и никто не напомнилъ о его части: такъ и оставили его безъ удѣла земли, его, чистаго бога. Но богъ пришелъ и напомнилъ о себѣ. Зевсъ былъ уже готовъ снова кинуть жребій, но Геліосъ остановилъ его: „Вижу, сказалъ онъ, изъ глубины сѣраго моря со дна поднимается земля со многими пастбищами, удобная для людей и для стадъ“ И въ тотъ-же мигъ онъ повелѣлъ златоубранной Лахезидѣ поднять руки, въ знакъ ненарушимой великой клятвы боговъ, чтобы вмѣстѣ съ сыномъ Крона рѣшить, что земля, поднявшаяся изъ моря къ свѣтлому небу впредь будетъ его удѣломъ. И суть рѣчей его сбылась, ставъ удѣломъ истины: изъ соленой влаги выросъ островъ, и имъ владѣетъ породитель острыхъ лучей, владѣющій дышащими огнемъ конями. Тамъ же, вступивъ въ бракъ съ Родой, онъ нѣкогда родилъ семь сыновей, получившихъ отъ него высшую среди тогдашнихъ людей мудрость; изъ нихъ одинъ родилъ Камира, старшаго, Іалиса и Линда. Раздѣливъ отцовскую землю на три части, они отдѣльно владѣли каждый своимъ удѣломъ городовъ, и мѣстопребыванія ихъ назвались ихъ именами. Тамъ воздвигается сладкое возмездіе горькой невзгоды для Тлаполема, главнаго вождя тиринѳійцевъ, чтимаго, какъ бога, тамъ совершаются празднества при дымѣ костровъ, на которыхъ приносится въ жертвы мелкій скотъ, тамъ же происходитъ присужденіе побѣдныхъ наградъ. Ихъ вѣнцами дважды увѣнчался Діагоръ; на славномъ Исѳмѣ онъ четыре раза былъ счастливъ, въ Немеѣ—два раза одинъ за другимъ, и еще въ скалистыхъ Аѳинахъ. Познала его и Аргосская мѣдь, и состязанія и въ Аркадіи, и въ Ѳивахъ; знаютъ его и строго слѣдующія уставу состязанія Беотійцевъ, — и Пеллана, и Эгина, гдѣ онъ шесть разъ одержалъ побѣду. Каменный столбъ въ Мегарахъ гласитъ о немъ тоже самое.

Но ты, о Зевсъ-отецъ, царящій надъ высотами Атабирія, съ почетомъ пріими строй гимна въ честь олимпійскаго побѣдителя, отличи мужа побѣдителя на кулачномъ бою, и дай ему почетную радость и у согражданъ, и у чужеземныхъ друзей: онъ идетъ прямою дорогой, враждебной насилію, ясно сознавая то, что ему внушили справедливыя мысли его предковъ. Не предавай забвенію, весь родъ происходящій отъ Каллiанакта. При благоволеніи Эратидовъ процвѣтаетъ и ихъ городъ: но бываетъ, что въ одно и то же время вѣютъ то тѣ, то другіе вѣтры.

Вал. Майковъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

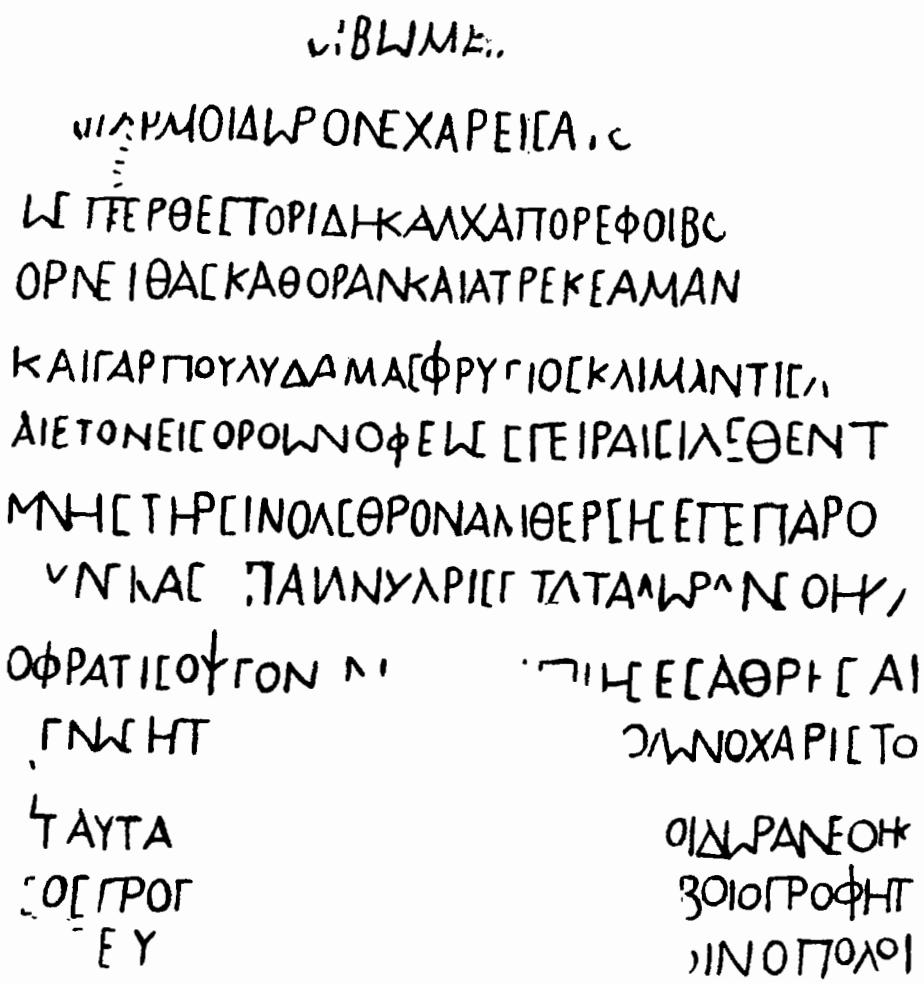

Латинская надпись изъ Филиппополя.

Приложеніе I, къ статьѣ М. Ростовцева въ майской книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1896 г., класс. отд. стр. 63 слл.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Греческая надпись изъ Филиппополя.

Приложеніе II, къ статьѣ М. Ростовцева въ майской книжкѣ Журнал Мин. Нар. Просв. за 1896 г., класс. отд. стр. 63 слл.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

вельможи, сопровождавшіе гробъ Ньютона, были членами Лондонскаго Общества и слѣдовательно въ этомъ качествѣ присутствовали при погребеніи своего знаменитаго товарища. Памятникъ воздвигнутъ наслѣдниками и родственниками Ньютона.

Укажемъ на изданія главнѣйшихъ изъ физико-математическихъ сочиненій Ньютона:

„Philosophiae naturalis principia mathematica". London, 1687. Второе изданіе, при участіи Roger Cotes съ предисловіемъ этого послѣдняго, 1713, Cambridge. Третье изданіе Pemberton'a. London, 1726. Въ 1739—1742 въ Женевѣ изданіе іезуитовъ Le Seur et Jacquier съ комментаріями. Французскій переводъ маркиза Du Châtelet, 1756. Нѣмецкій— профессора Вольферса (Wolfers), 1872.

„Optics or treatise of the reflections, refractions, inflections and colours of light". 1704. Были еще три изданія, 1714, 1721, 1730. Латинскій переводъ въ Лондонѣ 1719, 1721, 1728; въ Лозаннѣ 1740, въ Падуа 1773. Французскій переводъ въ Амстердамѣ 1720, въ Парижѣ 1726, 1787.

„Lectiones opticae annis 1669, 1670, 1671, in scholis publicis Cantabrigiensium ex cathedra Lucasiora habitae. Изданіе 1728 г., по смерти Ньютона.

Изъ сочиненій иной области, стоившихъ Ньютону не мало труда, упомянемъ:

„The Chronology of ancient kingdoms amended.

„Observations upon the prophecies of holy writ, particularly the prophecies of Daniel and the Apocalypse of St. John". Издано по смерти Ньютона, въ 1733 г.

Полное собраніе сочиненій Ньютона издано въ 1779—1785 гг., въ Лондонѣ, въ пяти томахъ in 4° Самуиломъ Горслей: „Isaaci Newtoni opera quae extant omnia. Commentariis illustrabat Samuel Horsley".

На памятникѣ Ньютона начертано:

Hic situs est
Isaacus Newton, Eques Auratus,

Библиотека "Руниверс"

Qui, animi vi prope divina,
Planetarum motus, figuras,
Cometarum semitas, Oceanique aestus,
Sua Mathesi facem praeferente,
Primus demonstravit:
Radiorum lucis dissimilitudines,
Colorumque inde nascentium proprietates,
Quos nemo antea vel suspicatus erat, pervestigavit,
Naturae, Antiquitatis, S. Scripturae,
Sedulus, sagex, fidus Interpres,
Dei Opt. Mat. Majestatem philosophia asseruit,
Evangelii simplicitatem moribus expressit.
Sibi gratulentur mortales, tale tantumque extitisse
Humani generis decus.

Natus XXV Decemb. MDCXLII. Obiit XX Mar. MDCCXXVII [1]).

X. *Корнелій Дреббель. Денисъ Папинъ. Маркизъ Ворчестеръ.* Между учеными иностраннаго происхожденія, но дѣятельность которыхъ въ значительной части принадлежитъ Лондону и Англіи, слѣдуетъ упомянуть о Корнеліи Дреббелѣ и Денисѣ Папинѣ.

Дреббель (Cornelius Drebbel) былъ родомъ изъ Голландіи; родился въ Алькмарѣ въ 1572 году, умеръ въ Лондонѣ въ 1634 г. Онъ былъ учителемъ дѣтей германскаго императора Фердинанда II. Въ 1620 году онъ былъ взятъ въ плѣнъ солдатами курфирста Фридриха V-го и лишился состоянія. По освобожденіи, отправился въ Англію ко двору Іакова I, который любилъ окружать себя учеными.

---

[1]) „Здѣсь положенъ Исаакъ Ньютонъ, кавалеръ, который почти божественною силою духа первый, при факелѣ математики, показалъ движенія и фигуры планетъ, пути кометъ, поднятія и опусканія океана. Прослѣдилъ,—чего никто и не подозрѣвалъ до него—несходства свѣтовыхъ лучей и свойства цвѣтовъ отъ того рождающихся. Неустанный, мудрый, вѣрный истолкователь природы, древности, Св. Писанія, философіею подтвердилъ величіе Божіе, простоту евангельскую выражая въ своихъ нравахъ. Радуйтесь смертные, что было на свѣтѣ такое украшеніе рода человѣческаго. Родился 25-го декабря 1642 г., скончался 20-го марта 1727 г.“.

Библиотека "Руниверс"

Дреббель принадлежалъ къ числу замѣчательно изобрѣтательныхъ умовъ. Въ духѣ своего времени онъ любилъ изобрѣтенія свои окружать таинственностью и секретомъ, преувеличивалъ ихъ значеніе, пристраивался около сильныхъ міра и при дворахъ, обѣщая болѣе, чѣмъ могъ дать. Но это не уполномочиваетъ еще назвать его шарлатаномъ, какъ сдѣлалъ Аделунгъ, авторъ книги Geschichte der menschlichen Narrheit (Leipzig, 1785, II, 125). Онъ всегда руководился научными идеями. свидѣтельствующими о его проницательности.

Дреббеля многіе называли первымъ изобрѣтателемъ термометра, но это не точно. Снарядъ Дреббеля, на сколько можно судить по сохранившимся описаніямъ, основывался на опытѣ, который дѣлалъ еще Галилей, но до котораго голландскій изобрѣтатель дошелъ самостоятельно. Галилей „бралъ стеклянный сосудъ величиною съ куриное яйцо, снабженный тонкою трубкой, локтя въ два длиною, нагрѣвалъ сосудъ рукою и опрокидывалъ въ подставленный стаканъ. Когда воздухъ охлаждался, вода подымалась въ трубкѣ больше чѣмъ на локоть выше уровня жидкости въ сосудѣ“ [1]). Галилей назначалъ снарядъ для показанія измѣненій въ температурѣ (и давленіи) окружающаго воздуха, и можетъ быть потому признанъ первымъ изобрѣтателемъ термометра. Въ глазахъ Дреббеля снарядъ его имѣлъ другое значеніе. Онъ былъ осуществленіемъ perpetuum mobile (вѣчное движеніе), такъ какъ колонна жидкости постоянно находилась въ движеніи, то понижаясь, то повышаясь. Дреббель понималъ невозможность рѣшить задачу о вѣчномъ движеніи помощью того или другаго механизма безъ силы или двигателя. Онъ искалъ двигателя въ какой-либо скрытой силѣ природы, неусматриваемой наблюдателемъ. Силу эту для своего снаряда онъ видѣлъ въ солнечной теплотѣ, отъ которой зависитъ нагрѣваніе и охлажденіе воздуха. Снарядъ Дреббеля точно не описанъ.

---

[1]) Nelli „Vita di Galileo“, I, c. 5. Burckhardt „Die Erfind. d. Thermometers“. 1867, стр. 13.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1663 году 2-го іюля Монкони,—какъ читаемъ въ его путешествіи,—вмѣстѣ съ Ольденбургомъ ѣздилъ за четыре мили отъ Лондона въ селеніе, гдѣ жилъ зять Дреббеля, тогда уже умершаго, охотно показывавшій различные инструменты, оставшіеся отъ тестя. Упомянутаго снаряда Монкони, впрочемъ, при своемъ посѣщеніи, не видалъ. Зять Дреббеля разсказывалъ, что жидкость въ снарядѣ находилась въ постоянномъ движеніи прилива и отлива, не совпадавшемъ впрочемъ съ приливомъ и отливомъ моря. Весьма любопытно свидѣтельство зятя Дреббеля, что тесть его зналъ секретъ сохранить воздухъ чистымъ и способнымъ для дыханія въ заключенномъ пространствѣ, какъ напримѣръ внутри водолазнаго колокола. По Дреббелю, „въ воздухѣ есть нѣкоторая квинтъ-эссенція, благодаря которой мы дышемъ, которая поддерживаетъ жизнь и безъ которой мы бы умерли". Эта идея, оправданная къ концу прошлаго вѣка открытіемъ кислорода (въ 1774 году Пристлеемъ), свидѣтельствуетъ о научной проницательности Дреббеля. Зять Дреббеля увѣрялъ, что тесть его приготовлялъ эту квинтъ-эссенцію и одна капля ея, „распространившись въ воздухѣ, очищала его, такъ что дышалось пріятно и свободно, какъ будто находишься на нѣкоторомъ возвышенномъ холмѣ".

Зять Дреббеля показывалъ инструментъ, который, будучи прикрѣпленъ къ концу палки, представлялъ собою мину, способную пробить и потопить корабль, безъ опасности для нападающаго, такъ какъ все дѣйствіе мины „направлялось впередъ, а не вверхъ или внизъ, или назадъ". Снарядъ хотѣлъ пріобрѣсти Кромвель, которому Дреббель показывалъ опытъ. Монкони видѣлъ также печь, устроенную Дреббелемъ для обращенія морской соленой воды, черезъ перегонку, въ прѣсную.

Съ Лондономъ и Королевскимъ Обществомъ связанъ другой ученый, французскаго происхожденія—Денисъ Папинъ. Папинъ (Denis Papin) родился въ Блуа въ 1647 году, умеръ въ Лондонѣ въ 1712 году. Учился въ Анжерѣ, гдѣ получилъ докторскую медицинскую степень. Въ Парижѣ сошелся съ Гюйгенсомъ и Лейбницемъ. Переѣхавъ въ Лондонъ, сдѣлался помощникомъ Бойля и сдѣлалъ усовер-

Библиотека "Руниверс"

шенствованія въ воздушномъ насосѣ. По предложенію Бойля выбранъ былъ въ члены Королевскаго Общества. Въ 1680 году представилъ Обществу свое изобрѣтеніе, за которымъ до нынѣ сохранилось названіе папинова котла. Описаніе подъ заглавіемъ: „A new Digestor“ etc. посвятилъ Обществу. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Венеціи, вернулся въ Лондонъ и занялъ въ Королевскомъ Обществѣ мѣсто temporary curator of experiments.

Отмѣна Нантскаго эдикта пресѣкла Папину возможность возвращенія въ отечество. Въ 1687 году, онъ, по приглашенію ландграфа Гессенскаго, принялъ мѣсто профессора математики въ Марбургѣ. Папинъ предшественникъ Уатта въ изобрѣтеніи паровой машины. Свою машину онъ описалъ въ „Acta eruditorum“ 1690 года въ мемуарѣ: „Nova methodus ad vires motrices validissimas levi pretio comparandas“. Дать практическое примѣненіе своимъ изобрѣтеніямъ Папину, къ сожалѣнію, не удавалось. Между 1703 и 1704 годомъ ему удалось, впрочемъ, построить судно усовершенствованной конструкціи, которое онъ хотѣлъ перевести въ Англію, куда его вновь приглашало Королевское Общество. Въ сентябрѣ 1707 года онъ отправился съ своимъ судномъ по Фульдѣ изъ Касселя въ Мюнденъ. Въ Мюнденѣ его судно заарестовали, такъ какъ плаваніе по рѣкѣ было привилегіей мѣстной судоходной гильдіи. Произошло столкновеніе, при которомъ его изобрѣтеніе было разрушено. Въ Англіи его ждали новыя неудачи. Тщетно добивался онъ найдти средства для осуществленія своихъ изобрѣтеній и въ 1712 году умеръ въ Лондонѣ въ полной бѣдности.

Маркизъ *Ворчестеръ* (Worcester) представитель древней весьма богатой фамиліи. Его отецъ и онъ, ревностные католики и роялисты, выставили на свой счетъ въ защиту Карла I цѣлый отрядъ изъ 1500 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ. Но дѣло короля было потеряно, парламентская армія восторжествовала. Ворчестерамъ пришлось спасаться во Франціи. Огромное имущество ихъ было конфисковано. Въ 1656 году маркизъ Ворчестеръ тайно вернулся по порученію роялистовъ въ Лондонъ, но былъ узнанъ и заключенъ въ Тоуэръ. Освободился уже по возвращеніи Карла II въ 1661 году. Но возвратить состоянія

Библиотека "Руниверс"

уже не удалось. Обремененный долгами, Ворчестеръ умеръ въ большой нуждѣ въ 1667 году.

Ворчестеръ авторъ сочиненія, получившаго по смерти его значительное распространеніе, имѣвшаго много изданій, въ новѣйшее время помѣщеннаго цѣликомъ—оно небольшое—въ біографіи Диркса: Henri Dircks, „The life, times, and scientific labours of the second marquis of Worcester". London, 1865. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ описаніе изобрѣтеній и проектовъ автора и называется „A century of the names and scantlings of such inventions, as at present I can call to mind to have tried and perfected" etc. Среди массы туманно изложенныхъ, неосуществимыхъ и странныхъ замысловъ и проектовъ выдѣляется изобрѣтеніе машины, подымающей воду и дѣйствующей силою пара. Есть свидѣтельство, что машина была исполнена и подымала воду на высоту 40 футовъ. Ворчестеръ въ прошеніи о привилегіи упоминаетъ, что предварительные опыты и исполненіе изобрѣтенія обошлись ему въ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. О научномъ принципѣ машины Ворчестера намъ еще придется говорить во второмъ отдѣлѣ этой части.

Библиотека "Руниверс"

Книга третья.

Эпоха опыта и механической философіи въ XVII вѣкѣ во Франціи.

Глава I. Жизнь и труды Декарта.

I. *Значеніе Декарта въ исторіи философіи природы.* Если Галилей есть создатель механики, какъ ученія о движеніи и равновѣсіи, если Беконъ есть основатель эмпирическаго міровоззрѣнія, зиждущагося на научномъ опытѣ — на размышленіи съ открытыми окнами чувствъ,—то Декартъ есть основатель механики природы въ смыслѣ системы матеріальнаго міра, выводимой изъ простыхъ механическихъ началъ. Декартъ, говорилъ я въ предисловіи къ моему сочиненію „Философія Декарта (1886 г.), положилъ основаніе великой задачѣ— всѣ явленія матеріальнаго міра привести къ простымъ механическимъ началамъ. Картезіанскимъ направленіемъ и противоположнымъ ему, и съ нимъ еще не примиреннымъ, ньютоніанскимъ, внесшимъ въ механику природы понятіе силы, исчерпываются и до нынѣ усилія наши проникнуть въ тайны строенія и свойствъ вещества. Современная физика ньютоніанская въ содержаніи своемъ, можетъ быть названа картезіанскою въ своихъ стремленіяхъ. Теоріи стремящіяся свести всѣ явленія исключительно къ явленію движенія; идеи о сохраненіи энергіи въ природѣ, о всенаполняющемъ эѳирѣ, атомныхъ вихряхъ, средѣ, порождающей притяженія и отталкиванія; кинетическая теорія газовъ,—все это ученія, возобновляющія задачи картезіанской физики.

Библиотека "Руниверс"

Въ кругѣ философскаго мышленія и идеализмъ, породившій претендовавшія на всеобъемлемость системы германскихъ философовъ нынѣшняго столѣтія, и эмпиризмъ англійскихъ психологовъ, вышедшій первоначально изъ борьбы съ идеями Декарта, и критика познанія, и столь распространенныя нынѣ матеріалистическія ученія, развивающія одну сторону Декартовой системы, имѣютъ корни свои въ филóсофіи Декарта.

Въ области біологическихъ знаній устраненіе идеи жизненной силы, носившей въ эпоху Декарта наименованіе души растительной и души животной; ученіе о рефлексахъ, возобновленное и играющее важную роль въ современной физіологіи; первое созданіе той научной области, которая въ новѣйшее время получила названіе психо-физіологіи,—все это идетъ отъ Декарта.

Отъ него же идутъ попытки научной космогоніи со смѣлыми гипотезами касательно глубокаго прошлаго и нашей планеты, и всей солнечной системы.

Многое, провозглашавшееся въ новѣйшее время, какъ нѣкоторыя новыя откровенія, есть простое возобновленіе идей Декарта, высказанныхъ притомъ съ философскою шириною воззрѣнія, такъ часто недостающею новѣйшимъ глашатаямъ этихъ откровеній.

II. *Жизнь Декарта до переселенія въ Голландію.* Декартъ родился 31-го марта 1596 года, среди старинной дворянской семьи въ маленькомъ городкѣ въ Бретани. Онъ былъ второй сынъ совѣтника мѣстнаго парламента, Іоакима Декарта. Мать умерла вскорѣ послѣ его рожденія. Ребенокъ родился слабымъ и былъ обязанъ сохраненіемъ жизни и укрѣпленія здоровья крѣпкой кормилицѣ Нормандкѣ. Декартъ во всю жизнь сохранилъ къ ней благодарность и платилъ ей пожизненный пенсіонъ. Умственное развитіе обнаруживалось съ ранняго возраста, и маленькаго Декарта звали въ семьѣ „философомъ“. На восьмомъ году отецъ помѣстилъ Декарта въ недавно тогда основанную іезуитскую коллегію въ Ла-Флешѣ, городкѣ въ Анжу, возникшую подъ покровительствомъ Генриха IV. Утвердивъ орденъ іезуитовъ во Франціи, король возымѣлъ мысль съ помощію ихъ устроить

Библиотека "Руниверс"

новое учебное заведеніе, въ которомъ французское дворянство могло бы воспитываться „въ хорошемъ ученіи и въ правилахъ истинной религіи". Король отдалъ новому учрежденію свой дворецъ въЛа-Флешѣ, выдалъ значительную сумму на первое устройство, обезпечилъ доходомъ въ одиннадцать тысячъ золотыхъ экю, а чтобы учащіеся не были вынуждены отправляться въ другое мѣсто для изученія наукъ, не преподаваемыхъ обыкновенно у іезуитовъ, опредѣлилъ при коллегіи еще четырехъ профессоровъ правъ, четырехъ медицины и двухъ анатоміи и хирургіи; учредилъ, наконецъ, двадцать четыре стипендіи для бѣдныхъ. Возникъ почти цѣлый университетъ, и заведеніе, открытое въ январѣ 1604 года, въ маѣ 1610, въ годъ смерти короля, насчитывало до тысячи двухъ сотъ учащихся. Учреждая коллегію, Генрихъ IV, завѣщалъ, чтобы по его смерти сердце его было перенесено въ Ла-Флешъ и хранилось въ церкви коллегіи. Балье въ своей обширной и обстоятельной біографіи [1]) Декарта описываетъ, какъ въ послѣдній день мая 1610 года, длинная процессія двинулась на встрѣчу драгоцѣнной ношѣ, сопровождаемой двадцатью іезуитами и многими придворными. Впереди шла городская стража, за нею тысяча двѣсти воспитанниковъ коллегіи, іезуиты въ облаченіи съ зажженными свѣчами въ рукахъ, губернаторъ провинціи въ сопровожденіи двадцати молодыхъ дворянъ, пенсіонеровъ коллегіи, въ томъ числѣ и Декарта. Ворота города, входъ церкви св. Ѳомы, гдѣ было поставлено тѣло прежде переиесенія въ церковь коллегіи, были покрыты трауромъ, какъ и зданіе коллегіи, при входѣ въ которое воздвигнута была траурная арка.

[1]) Сочиненіе Балье (Baillet), большой томъ in 4° въ двухъ частяхъ (первая въ 417, вторая въ 602 страницъ), съ портретомъ Декарта, издано въ 1691 году и озаглавлено: *La vie de monsieur Descartes*, à Paris cher Daniel Horthemels, rue Saint-Jacques au Mécénas, 1691, avec privilège du Roi. Имя автора выставлено начальными буквами подъ посвященіемъ канцлеру. Въ 1693 году было издано сокращеніе біографіи подъ заглавіемъ: *La vie de monsieur Descartes, contenant l'histoire de sa philosophie et de ses autres ouvrages et aussi ce qui lui est arrivé de plus remarquable pendant le cours de sa vie.* A Paris chez la veuve Mabre Cramoysi, 1693.

Библиотека "Руниверс"

Сердце было вложено въ особо устроенную арку въ церкви коллегіи.

Декартъ сохранилъ весьма благодарное воспоминаніе о годахъ своего ученія въ іезуитской коллегіи. Во вниманіе къ способностямъ Декарта и его некрѣпкому здоровью, опытные іезуиты-педагоги предоставляли ему значительную свободу занятій и позволяли долго оставаться въ постелѣ. Въ послѣдствіи и въ зрѣломъ возрастѣ Декартъ сохранилъ привычку утромъ со свѣжею головою предаваться научнымъ размышленіямъ въ постелѣ, приподнимаясь по временамъ, чтобы набросать кратко на бумагу являющіяся идеи.

Когда во время пребыванія Декарта въ Голландіи одинъ изъ друзей его хотѣлъ послать своего сына учиться въ Лейденъ, Декартъ отсовѣтовалъ ему это дѣлать и писалъ въ августѣ 1641 года (Oeuvr. VIII, 445; цитаты дѣлаемъ по изданію Кузена): „Желаніе имѣть возможность оказать вамъ въ лицѣ вашего сына какую либо услугу, возбранило бы мнѣ отсовѣтывать посылать его сюда, если бы я думалъ, что намѣренія ваши относительно его воспитанія могутъ найдти здѣсь свое осуществленіе. Философія преподается здѣсь очень дурно. Профессора преподаютъ по часу въ день въ теченіе полугода, не диктуя ничего письменнаго и не оканчивая курса въ опредѣленное какое либо время. Желающіе что-либо узнать должны брать частные уроки у учителей, какъ дѣлаютъ въ Франціи при изученіи права, имѣя въ виду поступленіе на судебныя должности. И хотя я вовсе не думаю, чтобы все преподаваемое въ философіи было вѣрно, какъ Евангеліе, полагаю однако — такъ какъ это ключъ другихъ наукъ, — что очень полезно пройдти цѣлый ея курсъ тѣми путями, какъ обучаютъ ей въ іезуитскихъ школахъ, прежде чѣмъ приступить къ поднятію своего ума выше педанства, дабы стать ученымъ хорошаго разбора (se faire savant de la bonne sorte). Я долженъ отдать честь моимъ учителямъ и сказать, что, по моему сужденію, нѣтъ на землѣ мѣста, гдѣ бы философія преподавалась лучше чѣмъ въ Ла-Флешѣ. Кромѣ того, мнѣ кажется слишкомъ велика перемѣна—прямо изъ родительскаго дома быть перенесеннымъ въ страну другаго языка, другихъ обычаевъ и религіи. Между тѣмъ Ла-Флешъ въ сосѣдствѣ вашемъ. Туда соби-

Библиотека "Руниверс"

рается множество юношей изъ всѣхъ частей Франціи, и они образуютъ такую смѣсь характеровъ, что чрезъ сношенія и разговоры между собою научаются почти столько же, сколько научились бы, еслибъ путешествовали. Наконецъ, то равенство, какое іезуиты полагаютъ между ними, совершенно одинаково обращаясь съ знатными и съ простыми, есть отличное изобрѣтеніе, чтобъ отнять изнѣженность и другіе недостатки, пріобрѣтаемые отъ привычки быть предметомъ ухаживанія въ родительскомъ домѣ".

Отношеніями своими къ іезуитамъ Декартъ дорожилъ всю жизнь и, зная солидарность всѣхъ членовъ ордена, былъ встревоженъ, когда іезуитъ, отецъ Бурденъ, выступилъ публично въ Парижѣ на диспутѣ противникомъ Размышленій Декарта. Въ письмѣ по этому поводу къ провинціалу іезуитовъ, отцу Дине, Декартъ говоритъ, что всегда „чтилъ іезуитовъ какъ своихъ учителей и единственныхъ руководителей своей молодости".

Іезуитскую коллегію въ Ла-Флешѣ Декартъ оставилъ въ 1612 году, послѣ почти девятилѣтняго въ ней пребыванія. Отецъ назначалъ его въ военную службу и отправилъ въ Парижъ ознакомиться съ общественною жизнію. Декартъ увлекся примѣромъ молодыхъ сверстниковъ и два года велъ разсѣянную жизнь молодыхъ дворянъ того времени. Но дружескія отношенія съ славившемся тогда математическими знаніями Мидоржемъ и съ отцомъ Мерсенномъ, воспитывавшемся въ той же коллегіи, какъ и Декартъ, и затѣмъ пошедшемъ въ монахи и скоро пріобрѣтшемъ большую извѣстность въ ученомъ мірѣ, поддерживали въ Декартѣ интересы науки и знанія. Когда отецъ Мерсеннъ получилъ назначеніе внѣ Парижа, Декартъ вдругъ разорвалъ всѣ связи съ товарищами своихъ развлеченій, поселился въ отдаленной улицѣ, предался научнымъ занятіямъ и такъ усердно скрывался въ теченіе двухъ лѣтъ, что всѣ думали, что онъ давно оставилъ Парижъ, когда наконецъ одинъ изъ его товарищей случайно встрѣтилъ его на улицѣ, узналъ и прослѣдилъ до квартиры. Декартъ вернулся въ прежній кругъ, но не на долго.

Въ 1617 году наступили для Декарта годы странствованія. „Я

Библиотека "Руниверс"

совсѣмъ оставилъ занятія по книгамъ,—пишетъ онъ объ этихъ годахъ въ концѣ первой части „Разсужденія о методѣ“, и рѣшился искать только той науки, которую могъ обрѣсти въ самомъ себѣ или же въ великой книгѣ міра, и употребилъ остатокъ моей юности на то, чтобы путешествовать, увидѣть дворы и арміи, войти въ сношеніе съ людьми разныхъ нравовъ и положеній, собрать разные опыты, испытать себя въ встрѣчахъ, какія представитъ судьба, и повсюду поразмыслить надъ встрѣчающимися предметами“. Онъ отправился прежде всего въ Голландію, гдѣ и остался два года, вступивъ волонтеромъ въ армію принца Морица Нассаускаго. Въ 1619 году перешелъ въ Германію, видѣлъ во Франкфуртѣ коронованіе Фердинанда II, давшее сигналъ къ Тридцатилѣтней войнѣ. Посѣтилъ Баварію, Австрію, Богемію, Венгрію, былъ на сѣверѣ Германіи и вернулся въ Голландію, гдѣ и провелъ въ Гагѣ конецъ 1621 и начало 1622 года. Въ февралѣ отправился на родину. Къ военной службѣ Декартъ не имѣлъ призванія. Въ началѣ лагерная и гарнизонная жизнь интересовала его новостью впечатлѣній, но потомъ онъ почувствовалъ къ военному ремеслу даже нѣкоторое отвращеніе. „Обычай, писалъ онъ въ одномъ письмѣ, и примѣръ заставляютъ почитать военное ремесло, какъ самое благородное. Но я смотрю на него какъ философъ, цѣню по настоящей цѣнѣ и даже затрудняюсь помѣстить его между почетными профессіями, видя какъ привлекаютъ къ нему людей два мотива: праздность и распутство“.

„Главнѣйшее сдѣланное мною пріобрѣтеніе было то („Разс.“ конецъ I части), что,—видя, какъ многое кажущееся намъ смѣшнымъ и страннымъ, оказывается общепринятымъ и одобряемымъ среди другихъ великихъ народовъ, — я научился не придавать твердой вѣры ничему вошедшему въ убѣжденіе мое только чрезъ примѣръ и обычай“.

Начало двадцатыхъ годовъ вѣка было важною эпохою въ умственной жизни Декарта. „Я жилъ тогда въ Германіи, говоритъ онъ въ началѣ второй части „Разсужденія о методѣ“, куда былъ приведенъ событіями войны, донынѣ еще тамъ не кончившейся. Когда я воз-

Библиотека "Руниверс"

вращался съ коронаціи императора въ армію [1]), начавшаяся зима остановила меня на квартирѣ, гдѣ я, не имѣя никакихъ развлекающихъ разговоровъ и къ тому же не тревожимый, по счастію, никакими заботами и страстями, оставался цѣлый день одинъ въ комнатѣ, имѣя полный досугъ предаваться размышленіямъ".

Декарту было тогда двадцать три года. Отъ этой эпохи сохранился любопытный документъ, розысканный графомъ Фуше де-Карейлемъ (Foucher de Careil) въ королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ, среди бумагъ Лейбница [2]). Документъ этотъ—„Мысли Декарта" (Cartesii cogitationes privatae, какъ озаглавилъ Лейбницъ), набросанныя по-латыни молодымъ Декартомъ въ 1619 и отчасти въ 1620 годахъ и представляющія собою замѣтки философскаго и математическаго содержанія, а также планы нѣкоторыхъ геометрическихъ и физическихъ инструментовъ.

Между набросанными мыслями въ рукописи встрѣчаются слова: „Anno 1620 intelligere coepi fundamentum inventi mirabilis" (въ 1620 году я началъ понимать основаніе чуднаго изобрѣтенія).

Есть полное основаніе полагать, что изобрѣтеніе это относится къ области математическихъ занятій Декарта. Въ эту эпоху умъ его былъ по преимуществу поглощенъ математическими изысканіями. Изобрѣтеніе, о которомъ идетъ рѣчь, есть, очевидно, расширеніе алгебры, попытка создать универсальную математику, о которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говоритъ Декартъ.

Декартъ распространилъ употребленіе алгебраическихъ обозначеній на пространственныя отношенія и создалъ аналитическую геометрію. Аналитическая механика, математическая физика ведутъ свое начало отъ великой идеи, озарившей голову двадцатитрехлѣтняго философа,—выражать алгебраическими уравненіями взаимную связь нѣ-

---

[1]) Коронація императора Фердинанда II происходила во Франкфуртѣ 30-го августа ст. ст. 1619 года.

[2]) Напечатана въ 1859 году въ книгѣ: „Oeuvres inédites de Descartes précédées d'une introduction sur la méthode" par M. le c-te Foucher de Careil.

Библиотека "Руниверс"

скольких перемѣнныхъ величинъ. Декартъ вполнѣ оцѣнилъ громадное значеніе этой идеи и въ Геометріи своей, говоря о выраженіи свойствъ кривыхъ линій помощію уравненій, замѣчаетъ: „Смѣю сказать, что задача эта не только полезнѣйшая и самая общая изъ всѣхъ, какія знаю въ геометріи, но такая, далѣе которой никогда даже желанія мои не простирались“ (le problème le plus utile et le plus général non seulement que je sache, mais même que j'ai jamais desiré de savoir en géométrie). „То, что даю во второй книгѣ относительно природы и свойствъ кривыхъ и способовъ ихъ изслѣдованія“, говоритъ Декартъ въ письмѣ къ отцу Мерсенну въ апрѣлѣ 1637 года,— „стоитъ на столько выше обыкновенной геометріи, какъ реторика Цицерона надъ дѣтскою азбукою“.

Къ эпохѣ молодости Декарта принадлежитъ сочиненіе „Правила о направленіи ума“ („Régles pour la direction de l'esprit“), увидѣвшее свѣтъ лишь чрезъ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Декарта въ 1701 году [1]) вмѣстѣ съ другими посмертными произведеніями. Что сочиненіе писано прежде „Разсужденія о методѣ“ и во всякомъ случаѣ до 1629 года, мною доказано въ „Философіи Декарта“ (стр. 62, 68—82). Догадка о раннемъ происхожденіи „Правилъ“ была уже высказана Куно Фишеромъ и развита въ „Zeitschrift für Philisophie“ (LIII, 1868, p. 189) въ формѣ, впрочемъ, лишь общихъ соображеній. Мною вопросъ, полагаю, поставленъ внѣ спора.

Лѣто 1620 года Декартъ провелъ въ Ульмѣ. Здѣсь онъ изумилъ своими познаніями ученаго Фаульхабера, никакъ не ожидавшаго встрѣтить замѣчательнаго математика въ молодомъ офицерѣ. Это былъ второй подобный случай съ Декартомъ. Въ 1617 году двадцатилѣтній Декартъ, проходя по улицамъ городка Бреды въ Голландіи, увидѣлъ толпу, читавшую прибитую къ стѣнѣ афишу, написанную по фламандски, и въ которой неизвѣстное лицо дало математическую за-

[1]) Оригиналъ „Правилъ“, писанный по-французски, не сохранился, а найденъ лишь латинскій переводъ, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный. Переводъ этотъ Кузеномъ вновь переведенъ по-французски.

Библиотека "Руниверс"

дачу для разрѣшенія. Таковъ былъ въ ту эпоху одинъ изъ способовъ научныхъ сношеній и публикацій. Декартъ попросилъ своего случайнаго сосѣда перевести ему афишку. Тотъ исполнилъ просьбу, съ улыбкою поглядывая на юнаго офицера. Это былъ голландскій ученый Бекманъ, къ удивленію своему на другой день получившій отъ Декарта полное разрѣшеніе задачи.

Изъ Ульма Декартъ отправился въ Австрію, желая видѣть императорскій дворъ; откуда—за арміей герцога Баварскаго въ Богемію, былъ при битвѣ подъ Прагою, не участвуя впрочемъ въ сраженіи. Былъ затѣмъ съ полкомъ графа Бюкуа (Bucquoy) въ Венгріи. Около этого времени рѣшился совсѣмъ покинуть военную службу и, не слѣдуя болѣе за арміями, какъ дѣлалъ до того времени, послѣ новаго путешествія по Германіи и Голландіи, прибылъ во Францію. Посѣтивъ родину и продавъ свое имѣніе, Декартъ отправляется чрезъ Швейцарію и Италію, посѣщаетъ Римъ въ праздникъ юбилея и лѣтомъ 1625 г. возвращается въ Парижъ, гдѣ и остается три года. Благодаря рвенію друзей, особенно отца Мерсенна и Мидоржа, Декартъ въ ученыхъ кружкахъ Парижа уже пользовался значительною репутаціей, особенно какъ математикъ.

Лѣтомъ 1628 года Декартъ въ качествѣ волонтера находился при осадѣ Ларошели и былъ свидѣтелемъ въѣзда короля въ истомленный голодомъ городъ.

Зимою 1628 года былъ случай, имѣвшій по свидѣтельству біографа Декарта Балье, вліяніе на рѣшеніе Декарта относительно своей дальнѣйшей судьбы. У папскаго нунція де-Банье было собраніе „ученыхъ и любознательныхъ людей“. На этомъ собраніи врачъ и авантюристъ Шанду, усердно занимавшійся химіей, сообщилъ свои новыя воззрѣнія по философіи. Онъ возставалъ противъ философіи, преподаваемой въ школахъ, и предлагалъ свою систему, какъ новую философію. Краснорѣчивое разсужденіе было встрѣчено рукоплесканіями. Одинъ Декартъ молчалъ, не выражая ни одобренія, ни порицанія. Присутствовавшій на собраніи кардиналъ Берюль (Berulle) замѣтилъ это и обратился къ Декарту, спрашивая его мнѣнія. Уклон-

Библиотека "Руниверс"

чивый отвѣтъ,—что нечего говорить послѣ одобренія столькихъ ученыхъ людей, не удовлетворилъ ни кардинала, ни присоединившихся къ нему нунція и другихъ присутствовавшихъ. Декартъ долженъ былъ высказаться яснѣе. Отдавъ честь краснорѣчію оратора, привѣтствуя его намѣреніе освободиться отъ господства схоластики, Декартъ замѣтилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что именно эта рѣчь свидѣтельствуетъ, какъ легко люди удовлетворяются правдоподобнымъ вмѣсто истиннаго, и что при такомъ условіи нѣтъ ничего легче, какъ выдать ложное за истинное и, наоборотъ, истину представить заблужденіемъ. Для доказательства онъ просилъ предложить ему какую-нибудь истину изъ числа самыхъ безспорныхъ, и когда это было исполнено, онъ помощью двѣнадцати аргументовъ, одинъ вѣроятнѣе другаго, доказалъ, что это положеніе ложно. Просилъ сказать, напротивъ, очевидную ложь и рядомъ аргументовъ, также весьма вѣроятныхъ, заставилъ признать ее за истину. Когда же его спросили, какое вѣрное средство распознать ложное отъ истиннаго и избѣгнуть софизмовъ, онъ упомянулъ о своей методѣ, извлеченной имъ изъ математическихъ наукъ. Разговоръ произвелъ особенное впечатлѣніе на кардинала, который пригласилъ Декарта къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Декартъ развилъ свои планы, указывая между прочимъ, какихъ плодовъ можно ожидать отъ приложенія правильной философской методы къ медицинѣ и механикѣ, изъ коихъ отъ первой можно ждать возстановленія и сохраненія здоровья, а отъ второй — облегченія людскихъ трудовъ. Кардиналъ благословилъ философа, высказалъ, что человѣкъ, получившій отъ Бога такую силу и проницательнось ума, долженъ будетъ дать Ему отчетъ въ употребленіи своего таланта, и выразилъ увѣренность, что, зная чистоту намѣреній, Богъ увѣнчаетъ предпринятый трудъ успѣхомъ.

Это привѣтствіе, по замѣчанію Балье, не осталось безъ вліянія на важное рѣшеніе, вскорѣ потомъ предпринятое Декартомъ,—оставить родину о переселиться въ Голландію. То, что говоритъ Декартъ въ концѣ третьей книги Discours de la Méthode, подтверждаетъ это замѣчаніе. Повторимъ слова Декарта. „Девять лѣтъ, (то-есть съ 1620

Библиотека "Руниверс"

по 1629 годъ) протекли, прежде чѣмъ я порѣшилъ чѣмъ либо касательно трудностей, служащихъ предметомъ диспутовъ между учеными, и началъ полагать основанія новой философіи, болѣе достовѣрной, чѣмъ общепринятая. Примѣръ многихъ превосходныхъ умовъ, принимавшихъ прежде такое намѣреніе и въ немъ, казалось мнѣ, не успѣвшихъ, заставлялъ меня представлять себѣ дѣло окруженнымъ такими трудностями, что я, можетъ быть, долго еще не рѣшился бы предпринять его, если бы не узналъ, что распущенъ нѣкоторыми слухъ, будто я его уже совершилъ. Не знаю, что̀ подало поводъ къ такому утвержденію. Если разговоры мои, то изъ нихъ могли вывести только, что я всегда свидѣтельствовалъ о моемъ незнаніи болѣе откровенно, чѣмъ какъ имѣютъ обыкновеніе люди чему-нибудь учившіеся, и указывалъ основанія, почему сомнѣвался во многихъ вещахъ, другими считавшихся достовѣрными. Никакимъ своимъ ученіемъ я не хвалился. Но имѣя довольно сердца чтобы не желать быть принятымъ за иного чѣмъ каковъ я на самомъ дѣлѣ, я думалъ, что долженъ употребить всѣ средства, дабы сдѣлаться достойнымъ сложившейся репутаціи. Ровно семь лѣтъ тому назадъ (въ мартѣ 1629 года) это желаніе побудило меня къ рѣшенію уйдти изъ мѣстъ, гдѣ могъ имѣть знакомства, и удалиться сюда (въ Голландію), въ страну, гдѣ продолжительность войны породила такіе порядки, что содержимыя здѣсь арміи кажутся назначенными только къ тому, чтобы съ большею безопасностію можно было наслаждаться плодами мира, и гдѣ въ толпѣ дѣятельнаго народа, болѣе заботящагося о своихъ дѣлахъ, чѣмъ любопытнаго къ чужимъ, я могу, не лишая себя всѣхъ удобствъ большаго города, жить въ такомъ же уединеніи, какъ въ самой дальней пустыни“

III. *Жизнь Декарта со времени переселенія въ Голландію.* Переселеніе въ Голландію было однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Декарта. Оно надолго опредѣлило его судьбу. Двадцать лѣтъ прожилъ онъ въ этой странѣ, переѣзжая изъ города въ городъ, открывая свое мѣстопребываніе только близкимъ и особенно отцу Марсенну, чрезъ котораго обыкновенно и сносился съ парижскими своими зна-

Библиотека "Руниверс"

комыми и друзьями. Отказавшись отъ всякой государственной и общественной дѣятельности, къ какой открывало ему доступъ его происхожденіе, онъ вполнѣ предался философскимъ размышленіямъ, математическимъ соображеніямъ и опытному изученію явленій природы, особенно въ области анатоміи, оптики и отчасти метеорологіи, и не принималъ лестныхъ предложеній вернуться въ отечество, куда лишь трижды пріѣзжалъ во все время своего пребыванія въ Голландіи.

Медикъ Сорбьеръ такъ описываетъ (Baillet, II, 168) жизнь Декарта въ мѣстечкѣ Эйндегестѣ, близъ Лейдена:

„Я поспѣшилъ въ Эйдегестъ (Endelgeest, Eyndegeest), лежащій въ пол-льё отъ Лейдена со стороны Вармонта (Warmont), тотчасъ какъ прибылъ въ Голландію, въ началѣ 1642 года. Я съ большимъ удовольствіемъ посѣтилъ г. Декарта въ его уединеніи и старался воспользоваться его бесѣдою для лучшаго пониманія его ученія. Много пріятнаго вынесъ я, ознакомившись съ любезностію этого дворянина, его убѣжищемъ и его образомъ жизни. Онъ помѣщался въ небольшомъ замкѣ, среди прекрасной мѣстности, въ трехъ льё отъ двора и въ какихъ-нибудь двухъ часахъ отъ моря. При немъ было достаточное число служителей, лицъ избранныхъ и представительной наружности, довольно хорошій садъ съ фруктовымъ отдѣленіемъ въ концѣ, а вокругъ луга, среди коихъ возвышались многія колокольни до самаго горизонта, гдѣ онѣ виднѣлись, какъ отдаленныя острія. Отсюда онъ отправлялся на день разстоянія по каналу въ Утрехтъ Дельфтъ, Роттердамъ, Дордрехтъ, Гарлемъ, а иногда въ Амстердамъ. Онъ могъ отправиться на полдня въ Гаагу и въ тотъ же день возвратиться назадъ, свершивъ эту прогулку по лучшей дорогѣ въ мірѣ, лугами, мимо загородныхъ домовъ, черезъ большой лѣсъ, прилегающій къ этому мѣстечку, равняющемуся съ красивѣйшими городами Европы“.

Спокойствіе, уединеніе, жизненныя удобства, какія доставляла Декарту Голландія, желаніе уйдти отъ многочисленныхъ знакомствъ, поглощавшихъ время, были, вмѣстѣ съ страстію къ переѣздамъ, главнымъ поводомъ удаленія Декарта въ Голландію, но были, быть мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ, не единственными мотивами его долговременнаго пребыванія въ этой странѣ, тогда не только богатой, но и свободной. Едва ли гдѣ-либо онъ могъ пользоваться такою независимостью въ своихъ научныхъ занятіяхъ, какъ здѣсь. Хотя Декартъ заботливо выдѣлялъ область вѣры изъ своихъ философскихъ изслѣдованій, всегда показывалъ себя и былъ преданнымъ сыномъ церкви, однако, оставаясь во Франціи, онъ едва ли избѣжалъ бы личныхъ столкновеній, которыя бы породили враговъ и преслѣдованія. И въ Голландіи, какъ только стало, подъ его личнымъ вліяніемъ, распространяться въ университетахъ его ученіе, не замедлили выступить сильные противники въ лицѣ протестантскихъ богослововъ, обвинявшихъ его въ атеизмѣ и матеріализмѣ. Усиленныя заботы Декарта о спокойствіи, о томъ, чтобы оградить, обезпечить, обезопасить для себя свободу изслѣдованія согласны и съ его характеромъ—осторожнымъ, опасливымъ, даже робкимъ—и съ условіями времени. Не забудемъ, что это была эпоха, когда духовный авторитетъ, вспомоществуемый своею превосходно организованною, безусловно преданною и необычайно искусною полиціей въ орденѣ іезуитовъ, считалъ пытливо ищущій истину разумъ вполнѣ подчиненною себѣ, служебною силой, долженствующею дѣйствовать по указываемому пути, требующею узды и заслуживающею наказанія при уклоненіяхъ. Еще не совсѣмъ погасли костры, на которыхъ погибли Ванини, Бруно и другіе смѣлые мыслители; мать Кеплера судилась какъ колдунья; Галилей потребованъ на судъ инквизиціи.

Осужденіе Галилея произвело сильное впечатлѣніе на Декарта, какъ можно судить изъ письма его къ отцу Мерсенну отъ 22-го іюля 1633 года. Декартъ только что собирался послать къ Мерсенну свой оконченный трудъ „Міръ“ (Le Monde), когда онъ узналъ о процессѣ Галилея. „Но скажу вамъ, пишетъ онъ, что, освѣдомившись на этихъ дняхъ въ Лейденѣ и Амстердамѣ, нѣтъ ли тамъ Системы міра Галилея,—такъ какъ слышалъ, что книга эта напечатана въ Италіи въ прошломъ году,—я получилъ въ отвѣтъ, что, правда, книга была напечатана, но всѣ ея экземпляры сожжены въ Римѣ, и Галилей присужденъ къ какому-то наказанію. Это меня такъ поразило, что я почти

Библиотека "Руниверс"

рѣшился сжечь всѣ мои бумаги или, по крайней мѣрѣ, не показывать ихъ никому; ибо я не въ состояніи былъ вообразить себѣ, чтобы онъ, италіанецъ, пользовавшійся даже расположеніемъ папы, могъ быть осужденъ за то, безъ сомнѣнія, что хотѣлъ доказать движеніе земли, что́, знаю, было осуждено нѣкоторыми кардиналами, но что́, я слышалъ, затѣмъ публично преподавалось даже въ Римѣ. Признаюсь, если движеніе земли есть ложь, то ложь и всѣ основанія моей философіи, обо они явно ведутъ къ тому заключенію. Ученіе о движеніи земли такъ связано со всѣми частями моего трактата, что я не могу его исключить, не сдѣлавъ все остальное негоднымъ. Но такъ какъ я ни за что въ мірѣ не пожелалъ бы, чтобы отъ меня вышло сочиненіе, гдѣ хотя бы слово было, неодобренное церковью, то лучше хочу уничтожить его, чѣмъ выдать обрѣзаннымъ".

Въ дѣлахъ житейскихъ Декартъ, поставилъ себѣ правиломъ „слѣдовать мнѣніямъ наиболѣе умѣреннымъ, удаленнымъ отъ всякихъ крайностей и общепринятымъ благоразумными людьми, гдѣ буду жить". Изъ показаній біографа, посвятившаго восьмую книгу жизнеописанія Декарта изображенію внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ своего героя и образа его поведенія видно, что приведенное правило было дѣйствительно руководящею нитью во всемъ, что касалось обыкновенныхъ житейскихъ отношеній. Приведемъ нѣсколько чертъ изъ подробнаго очерка Балье.

Декартъ былъ роста немного ниже средняго. Профессоръ Ленцъ (Cyriacus de Lentz или Lentulus), авторъ рѣзкаго памфлета изданнаго имъ противъ Декарта называлъ его homuncio. Корпусъ Декарта былъ весьма тонокъ и пропорціоналенъ во всѣхъ частяхъ. Только голова казалась нѣсколько велика сравнительно съ туловищемъ. Лобъ его былъ широкъ и нѣсколько выпуклъ. Цвѣтъ лица въ періодъ отъ рожденія до выхода изъ Ла-Флешской коллегіи блѣденъ, затѣмъ смѣшанъ съ румянцемъ, исчезнувшимъ около времени уединенія въ Голландіи, а съ тѣхъ поръ нѣсколько оливковый до смерти. На щекѣ у него была небольшая бородавка, сходившая и вновь нароставшая. Нижняя губа нѣсколько выдвинута впередъ, ротъ довольно широкъ,

Библиотека "Руниверс"

носъ ширины пропорціональной длинѣ, глаза темносѣрые, взглядъ пріятенъ, зрѣніе хорошо до конца дней. Лицо всегда ясно, выраженіе привѣтливо, тонъ голоса между высокимъ и низкимъ, но слишкомъ слабъ для длинной рѣчи, вслѣдствіе врожденной слабости легкихъ. Волосы на головѣ и бровяхъ довольно черны, на бородѣ нѣсколько свѣтлѣе. Началъ онъ сѣдѣть съ 41 года. Въ октябрѣ 1637 года онъ писалъ къ отцу знаменитаго Гюйгенса[1]): „Пробивающаяся сѣдина предупреждаетъ меня, что въ физикѣ мнѣ слѣдуетъ теперь сосредоточить вниманіе на изысканіи средствъ, какъ бы замедлить ее. Этимъ теперь и занимаюсь“. Вскорѣ затѣмъ онъ, въ видахъ здоровья, надѣлъ парикъ той же формы, какъ собственные волосы.

Декартъ слѣдовалъ за модами, но не давалъ имъ увлекать себя; ждалъ пока онѣ сдѣлаются общими, чтобъ избѣжать всякой исключительности. Никогда не одѣвался онъ небрежно въ костюмѣ и въ особенности избѣгалъ казаться философомъ. Когда удалился въ Голландію, оставилъ шпагу и замѣнилъ шелкъ сукномъ.

Образъ жизни его былъ очень однообразенъ, воздержанность врожденная. Онъ мало пилъ вина, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не пилъ вовсе; но такъ какъ былъ очень пріятенъ и веселъ за столомъ, то воздержность его не была въ тягость сотрапезникамъ. Не былъ ни особенно деликатенъ, ни капризенъ въ выборѣ пищи и пріучилъ свой вкусъ ко всему, что не вредно для здоровья. Діета его состояла не въ томъ, чтобы рѣдко ѣсть, а въ выборѣ пищи. Онъ полагалъ, что полезно давать желудку и кишкамъ, какъ жерновамъ, постоянную работу, на помощь предметовъ сравнительно мало питательныхъ, какъ коренья, плоды, которые онъ почиталъ болѣе способными продлить жизнь человѣка, чѣмъ мясо. Онъ замѣчалъ, что ѣстъ съ большею охотой и спитъ крѣпче, когда бываетъ въ горѣ или опасности, чѣмъ въ другое какое время. Онъ спалъ много, но пробужденіе его никогда не было принужденнымъ. Пробудясь, онъ предавался научнымъ размышленіямъ, оставаясь въ постели, и только по временамъ при-

[1]) *Oeuvr* VI, 331. Lettre à M. d. Zutlichen.

Библиотека "Руниверс"

поднимался, не вставая, чтобы записать свои мысли. Такимъ образомъ онъ часто оставался въ постели по десяти, иногда по двѣнадцати часовъ. Снисхожденіе къ потребностямъ тѣла никогда впрочемъ не доводило его до лѣности. Онъ работалъ много и долго. Любилъ тѣлесныя упражненія и предавался имъ охотно во время роздыха, но потомъ сидячая жизнь мало-по-малу отучила его отъ нихъ. Здоровье тѣла онъ разсматривалъ какъ главнѣйшее изъ благъ этой жизни, послѣ добродѣтели. Онъ родился не съ крѣпкимъ здоровьемъ. Въ дѣтскіе годы страдалъ сухимъ кашлемъ, наслѣдованнымъ отъ матери, и былъ слабъ до тринадцатилѣтняго возраста, когда въ первый разъ ему сдѣлано было кровопусканіе; во второй же оно было сдѣлано наканунѣ смерти. Онъ почиталъ кровопусканіе вреднымъ въ большинствѣ случаевъ. На девятнадцатомъ или двадцатомъ году онъ счелъ себя достаточно свѣдущимъ, чтобы самому заняться своимъ здоровьемъ и обходился безъ медика до послѣдней своей смертной болѣзни. Онъ имѣлъ отвращеніе не только отъ шарлатановъ, но и отъ аптекарскихъ снадобьевъ и эмпирическихъ средствъ; требовалъ большой осторожности и относительно средствъ, доставляемыхъ химіей. Освободившись отъ горячности печени, заставлявшей его любить военную службу въ молодости, онъ принялъ образъ жизни столь однообразный и правильный, что ни разу не былъ боленъ, кромѣ послѣдняго случая, происшедшаго отъ посторонней причины и сведшаго его въ могилу въ Швеціи.

Въ издержкахъ своихъ онъ былъ весьма аккуратенъ. Доходы его простирались отъ шести до семи тысячъ ливровъ (увеличились къ концу жизни). Мало принималъ гостей, еще менѣе ходилъ въ гости самъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ ни мизантропомъ, ни меланхоликомъ. Напротивъ того, въ характерѣ его было всегда много веселости. Но любовь къ уединенію и тихой жизни умственнаго труда преобладала надъ всѣмъ остальнымъ. Два любимѣйшіе девиза его были: одинъ взятый изъ Овидія:

Bene qui latuit, bene vixit;

Библиотека "Руниверс"

другой изъ Сенеки:

Illi mors gravis incubat
Qui notus nimis omnibus
Ignotus moritur sibi.

Декартъ, какъ и Бекон, былъ ревностный приверженецъ изслѣдованія природы путемъ опыта, хотя въ опытѣ усматривалъ не столько источникъ открытія, сколько способъ повѣрки выводовъ и средство для изученія частностей. Чтобъ установить начала и первыя причины явленій, онъ считалъ достаточнымъ обратиться къ простымъ и общеизвѣстнымъ явленіямъ, какія мы ежечасно наблюдаемъ вокругъ себя.

Опытныя изслѣдованія самого Декарта относятся преимущественно къ области оптики и анатоміи. Когда одинъ дворянинъ, посѣтившій его въ 1645 году, просилъ показать ему библіотеку философа, Декартъ указалъ ему на трупъ теленка, который сбирался анатомировать.

Въ Парижѣ ходили сплетни объ анатомическихъ занятіяхъ Декарта, и его обвиняли, какъ писалъ ему въ 1639 году отецъ Мерсеннъ, что онъ ходитъ по деревнямъ смотрѣть, какъ убиваютъ свиней. „Ихъ больше бьютъ въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, куда я никогда не ходилъ съ этою цѣлью“, писалъ въ отвѣтъ Декартъ.— „Но, какъ вы мнѣ пишете, не преступленіе быть любознательнымъ въ анатоміи. Зимою въ Амстердамѣ я почти каждый день ходилъ на бойню смотрѣть, какъ убиваютъ животныхъ, и приносилъ домой части, которыя желалъ ближе анатамировать. Я дѣлалъ это много разъ всюду гдѣ бывалъ и не думаю, чтобы какой-нибудь разумный человѣкъ похулилъ меня за это“.

Двадцать почти лѣтъ прожилъ Декартъ въ Голландіи. Онъ искалъ въ свободной странѣ покоя и уединенія для предпринятія великой работы исканія истины естественнымъ свѣтомъ разума. Спокойствіе однако было не разъ нарушаемо ожесточенными нападками, вызванными новымъ ученіемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ ученому міру послѣ выхода въ 1637 году сочиненія, — составившаго эпоху въ исторіи науки: „Разсужденіе о методѣ“ съ приложеніемъ трехъ трак-

Библиотека "Руниверс"

татовъ,—Діоптрики, Метеорологіи и Геометріи. Книга Галилея осуждена въ Римѣ по внушеніямъ іезуитовъ. Съ Римомъ и іезуитами Декартъ старался жить въ мирѣ. Нападенія пришли со стороны протестантскихъ богослововъ. Борьба возникла изъ того обстоятельства, что идеи Декарта стали распространяться въ мѣстныхъ университетахъ.

Первымъ ученикомъ Декарта былъ Ренери (Reneri), профессоръ въ Девентерѣ, призванный въ 1633 году въ Утрехтъ и сдѣлавшійся скоро вліятельнымъ членомъ тамошняго университета. Ренери, рано похищенный смертію—онъ умеръ въ 1639 году—былъ въ близкихъ личныхъ сношеніяхъ съ Декартомъ. Другой ревностный приверженецъ Декарта былъ молодой врачъ Регіусъ (Regius, Le Roi), первоначально ознакомившійся съ ученіемъ Декарта отчасти чрезъ бесѣды и уроки Ренери, отчасти изъ книги самого Декарта, произведшей на него самое сильное впечатлѣніе.

На Регіуса прежде всего направились удары знаменитаго утрехтскаго богослова Воеція, главнаго пастора въ Утрехтѣ, профессора, затѣмъ ректора утрехтскаго университета. Побѣдоносный въ диспутахъ, славившійся громомъ своихъ проповѣдей, глубоко убѣжденный въ своихъ мнѣніяхъ, онъ выступилъ рѣшительнымъ и страстнымъ противникомъ ученій Декарта—котораго лично, впрочемъ, не зналъ,—и его университетскихъ приверженцевъ. Онъ открылъ кампанію въ 1639 году тезисами объ атеизмѣ, въ которыхъ не называя Декарта разоблачалъ будто-бы скрытый въ его ученіи атеизмъ.

Декартъ въ письмѣ къ іезуиту отцу Дине (Dinet; *Oeuer* IX, 34) изображаетъ своего противника такими чертами: „Это человѣкъ который слыветъ въ свѣтѣ за богослова, проповѣдника и человѣка преній и диспута; онъ пріобрѣлъ великій кредитъ у толпы тѣмъ, что ораторствуя противъ римскаго исповѣданія и другихъ отличныхъ отъ его собственнаго, или громя сильныхъ вѣка, показываетъ горячее и неудержимое рвеніе къ своей религіи, вставляя при этомъ иной разъ въ свои рѣчи слова насмѣшки, нравящіяся толпѣ. Выдавая чуть не каждый день брошюрки не стоящія прочтенія, цитируя разныхъ авторовъ, чаще говорящихъ противъ него чѣмъ за него и ко-

Библиотека "Руниверс"

торыхъ онъ можетъ быть знаетъ только по оглавленіямъ, говоря наконецъ очень дерзко и безцеремонно о всѣхъ наукахъ, какъ будто знатокъ, онъ слыветъ между невѣждами за ученаго. Но мало-мальски разумные люди, знающіе, какъ онъ готовъ сцѣпиться со всякимъ, сколько разъ на диспутахъ прибѣгалъ онъ къ оскорбленіямъ вмѣсто доводовъ и со стыдомъ удалялся разбитый,—открыто надъ нимъ смѣются и презираютъ его, если не однихъ съ нимъ убѣжденій; если же однихъ, то хотя извиняютъ и терпятъ какъ могутъ, но внутренно никакъ не одобряютъ". Не смотря на этотъ нелестный портретъ, трудно не признать искренности увлеченій страстнаго въ полемикѣ богослова.

Не имѣя возможности настичь самого Декарта, Воецій направилъ свои удары на Регіуса, преподававшаго въ своихъ урокахъ мнѣнія Декарта касательно философіи, и которому такимъ образомъ грозила опасность, какъ замѣчаетъ Декартъ (Oeuvr. IX, 257) „сдѣлаться ихъ первымъ мученикомъ".

Воецій первоначально покровительствовалъ Регіусу и помогъ ему получить каѳедру на медицинскомъ факультетѣ. Но когда молодой профессоръ выступилъ проповѣдникомъ новыхъ идей и ученій и горячимъ приверженцемъ Декарта, неукротимый богословъ отступился онъ него. Факультетъ съ своей стороны былъ вооруженъ противъ Регіуса за то, что тотъ держался ученія объ обращеніи крови въ тѣлѣ.

Въ мартѣ 1641 года, Воецій сдѣлался ректоромъ Утрехтскаго университета. Регіусъ старался умиротворить могущественнаго защитника школьныхъ ученій, представляя ему заранѣе тезисы, служившіе предметомъ диспутовъ, на которыхъ Регіусъ предсѣдалъ; исполнялъ его совѣтъ ставить спорныя положенія условно, съ обозначеніемъ, что выставлены для упражненія въ диспутѣ (exercitii causa defendemus), какъ принято было дѣлать, когда въ тезизахъ ставилась парадоксальная мысль съ цѣлью обнаружить искусство въ спорѣ. Но и это не помогло. Въ горячности диспутовъ новыя идеи съ увлеченіемъ защищались ихъ приверженцами и выходили торжествующими. Это раз-

Библиотека "Руниверс"

дражало противниковъ новой философіи, съ Воеціемъ во главѣ. Устраивались шумныя демонстраціи съ криками, свистками и рукоплесканіями [1]).

На диспутѣ въ декабрѣ 1641 года разбирался между прочимъ тезисъ, котораго Регіусъ не представилъ предварительно на просмотръ ректора. Тезисъ гласилъ: ex mente et corpore non sit unum per se, sed per accidens, единеніе души и тѣла есть единеніе случайное, а не по существу. Тезисъ подалъ поводъ къ провозглашенію Регіуса еретикомъ. Воецій собралъ богословскій факультетъ. Было положено воспретить студентамъ-богословамъ слушать чтенія Регіуса. Воецій издалъ свои тезисы снабдивъ ихъ, отъ имени богословскаго факультета, слѣдующими тремя королларіями:

„Мнѣніе атеиста Таурелла и Давида Гарлея, учащихъ что человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, есть ens per accidentem, а не per se, ошибочно и нелѣпо.

„Движеніе земли, введенное Кеплеромъ и другими, прямо и очевидно противно авторитету Священнаго Писанія и никакъ не согласно съ доводами естественнаго свѣта разума, какіе философія преподавала до сихъ поръ.

„Философія, которая отвергаетъ субстанціальныя формы вещей съ ихъ собственными специфическими свойствами, ихъ дѣятельными качествами, отвергаетъ, слѣдовательно, отличную специфическую натуру вещей, — какъ философія, какую въ наши дни хотѣли ввести Таурелль (Taurellus), Гарлей (Garleus) и Бассонъ (Basson),—не можетъ быть согласована ни съ физикою Моисея, ни со всѣмъ, чему

---

[1]) Отмѣтимъ мимоходомъ, что рукоплесканія въ XVII вѣкѣ имѣли, повидимому, иное значеніе чѣмъ нынѣ. Въ письмѣ противъ Воеція (Oeuvr XI, 8) Декартъ упоминаетъ о подстроенныхъ на диспутѣ крикахъ противъ его ученія и о насмѣшливыхъ рукоплесканіяхъ, „applodissements derisoires, а въ письмѣ къ Регіусу (VIII, 587) по поводу того же случая говоритъ: „такъ и въ прежнее время совсѣмъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что выдѣлываетъ танцоръ на канатѣ, а актеровъ, представлявшихъ комедію Теренція выгоняли со сцены подобнымъ хлопаніемъ въ ладоши".

Библиотека "Руниверс"

учитъ Писаніе. Эта философія опасна, благопріятна скептизиму, способна разрушить наши вѣрованія касательно разумной души, происхожденія лицъ во Святой Троицѣ, воплощенія Іисуса Христа, первороднаго грѣха, чудесъ, пророчествъ, благодати нашего возрожденія, дѣйствительности вселенія бѣсовъ въ человѣка".

Поднялось было дѣло объ удаленіи Регіуса изъ университета. Къ счастію, молодой ученый нашелъ покровителя въ мѣстномъ консулѣ. Консулъ призывалъ Воеція и принудилъ его отказаться отъ намѣренія выдать три приведенныя положенія отъ имени факультета.

Не входимъ въ дальнѣйшія подробности столкновеній, изложенныя въ нашемъ сочиненіи о Декартѣ. Здѣсь скажемъ только, что послѣ появленія книги о картезіанской философіи, Декартъ выдалъ обширное письмо, на имя Воеція, которому приписалъ книгу, хотя имени Воеція на ней не было. Оно озаглавлено:

„Письмо Рене Декарта Гисберту Воецію о двухъ книгахъ недавно изданныхъ Воеціемъ въ Утрехтѣ, одна о Братствѣ Святой Маріи, другая о картезіанской философіи" („Epistola Ren. Descartes ad celeberrimum virum D. Gisbertum Voetium, in qua examinantur duo libri nuper pro Voetio Ultrajecti simul editi, unus de Confraternitate Mariana, alter de philosophia Cartesiana").

Раздраженный Воецій поспѣшилъ принести жалобу утрехтскимъ властямъ, обвиняя Декарта въ клеветѣ и диффамаціи, тѣмъ болѣе что книга о картезіанской философіи была выдана отъ имени профессора Шокія (Schoockius), объявившаго себя ея единственнымъ авторомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Воецій выставлялъ Декарта врагомъ господствующаго въ странѣ исповѣданія. Ему удалось выхлопотать призывъ Декарта къ суду. Призывъ былъ объявленъ съ необычною торжественностью, при звукахъ колокола, напечатанъ и вывѣшенъ на стѣнахъ. Когда извѣстіе о томъ дошло до Декарта, который не былъ тогда въ Утрехтѣ, онъ поспѣшилъ составить и напечатать свое объясненіе, которое и прислалъ своимъ неожиданнымъ судьямъ. Анонимныя письма извѣстили его, что требуютъ, чтобъ онъ явился лично какъ обвиняе-

Библиотека "Руниверс"

мый, и грозятъ силой привести къ суду. Онъ поспѣшилъ обратиться къ покровительству французскаго посла. Между тѣмъ Воецій торжествовалъ и былъ увѣренъ, что Декартъ будетъ заочно осужденъ на изгнаніе изъ провинціи и на значительную пеню, книги же его сожжены. „Меня увѣряютъ", пишетъ Декартъ (IX, 268),—„что Воецій даже вошелъ въ переговоры съ палачемъ, дабы тотъ развелъ костеръ какъ можно больше, чтобы пламя было видно издали". Но вмѣшательствомъ посла и принца Оранскаго дѣло было прекращено (1643 года).

Во время пребыванія въ Голландіи Декартъ трижды ѣздилъ во Францію.

Первое путешествіе, черезъ четырнадцать лѣтъ отсутствія, было предпринято въ 1644 году и продолжалось съ іюня до ноября. Чрезъ три года, въ 1647 году, Декартъ вновь отправился на родину, имѣя въ виду устройство своихъ частныхъ дѣлъ; видѣлся съ друзьями и нежданно узналъ о назначеніи ему, по представленію кардинала-министра, отъ короля пенсіи въ 3,000 ливровъ, во вниманіе „къ его великимъ заслугамъ и пользѣ, принесенной человѣчеству его философіей и его многолѣтними научными изслѣдованіями" и также съ цѣлію „оказать помощь для продолженія его прекрасныхъ опытовъ, требующихъ издержекъ". Пенсіонъ, впрочемъ, остался на бумагѣ. По возвращеніи въ Голландію, едва прошла зима, Декартъ получилъ приглашеніе, почти приказаніе, идущее, какъ бы отъ самого короля, съ самымъ лестнымъ предложеніемъ—вернуться во Францію. Декартъ повиновался приглашенію и въ маѣ 1648 года прибылъ въ Парижъ. Онъ нашелъ столицу объятою смутами и вполнѣ разочаровался въ своихъ надеждахъ.

Въ 1640 году Декартъ и его другъ Мидоржъ получили чрезъ посредство и ходатайство поклонника Декартовой философіи Кавендиша (Cavendish, братъ герцога Ньюкестльскаго) приглашеніе отъ имени короля Карла I переселиться въ Англію. Король, любитель опытовъ, обѣщалъ значительныя суммы въ распоряженіе французскихъ ученыхъ. Начавшіяся въ Англіи смуты разстроили предположенія. Опасаясь

Библиотека "Руниверс"

потерять дорогое спокойствіе, Декартъ остался въ Голландіи, а Мидоржъ—въ Парижѣ, сохраняя дружескія сношенія съ Кавендишемъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1649 года Декартъ предпринялъ дальнее путешествіе, изъ котораго ему не суждено уже было вернуться. Шведская корона была въ то время на головѣ молодой дѣвушки-философа, продолжавшей учиться и на тронѣ. Королева Христина—одна изъ рѣзко выдѣляющихся фигуръ своего времени [1]). Своеобразная во всемъ, она вела самую оригинальную жизнь. Спала, говоритъ біографъ,—не болѣе пяти часовъ въ ночь, одѣвалась въ четверть часа. Гребень и конецъ ленты составляли весь ея головной уборъ. Волосы въ свободномъ безпорядкѣ не дурно шли къ ея лицу, о которомъ она не прилагала, впрочемъ, никакой заботы. Ни при вѣтрѣ, ни при дождѣ, ни въ городѣ, ни въ деревнѣ не носила шляпки; только на лошади для защиты отъ непогоды надѣвала шляпу съ перьями. Въ такой шляпѣ, одѣтая въ венгерку, съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ, какъ у мужчинъ, она почти не сохраняла признаковъ своего пола.

Королева Христина, подобно другой ученой женщинѣ эпохи, принцессѣ Елизаветѣ Богемской (Elisabeth de Bohême, princesse palatine) была великою почитательницей Декарта и находилась съ нимъ въ перепискѣ. Приглашеніе ея было такъ убѣдительно и привѣтливо, что Декартъ рѣшился ему послѣдовать.

Декартъ прибылъ въ Швецію въ началѣ октября 1649 года и остановился въ домѣ Шаню (самъ Шаню находился во Франціи, собираясь воротиться къ своему посту въ званіи посланника; они условливались выѣхать вмѣстѣ, но Декартъ поспѣшилъ, опасаясь зимняго путешествія). Королева обласкала его, просила давать ей уроки философіи. Для философскихъ бесѣдъ она назначила часы, когда голова еще свѣжа и дѣловыя занятія не наступили, и Декартъ долженъ былъ раннимъ утромъ являться въ библіотеку королевы. Въ первое время, впрочемъ, при дворѣ было не до философскихъ занятій: происходилъ рядъ празднествъ по случаю Мюнстерскаго мира. Королева желала,

---

[1]) Есть интересная біографія королевы Христины, составленная Даламберомъ.

Библиотека "Руниверс"

чтобы Декартъ участвовалъ во всѣхъ празднествахъ. „Видя, что не можетъ уговорить его танцовать балетъ, убѣдила сочинить по крайней мѣрѣ французскіе стихи для бала“. Декартъ, кромѣ того, написалъ небольшую французскую комедію. Придворные, видѣвшіе въ призывѣ Декарта одну царскую затѣю, косо смотрѣли на прибывшаго философа, опасаясь его вмѣшательства въ дѣла. Декартъ старался держать себя сколь можно осторожнѣе, и даже когда королева предложила ему составить планъ ученой академіи, онъ, чтобы не раздражать мѣстныхъ самолюбій, въ числѣ первыхъ параграфовъ поставилъ, что иностранцы не могутъ быть ея дѣйствительными членами (тогда какъ королева именно его имѣла въ виду для званія президента).

Когда прибылъ Шаню, королева повела рѣчь о томъ, какъ бы навсегда удержать Декарта въ Швеціи, имѣла въ виду подарить ему значительное имѣніе въ южной части мѣстностей, пріобрѣтенныхъ по Мюнстерскому миру, и назначила содержаніе въ три тысячи экю. Но судьба рѣшила иначе. Прибывшій Шаню сильно захворалъ, Декартъ не отходилъ отъ его постели и въ тоже время рано утромъ долженъ былъ отправляться во дворецъ для бесѣдъ съ королевою. Время стояло особенно холодное, и непривычный еще къ сѣверному климату Декартъ скоро самъ слегъ въ постель. Обнаружилось воспаленіе легкихъ, и черезъ девять дней, 11-го февраля 1650 года, въ четыре часа утра Декарта не стало. Онъ скончался на пятьдесятъ четвертомъ году своей жизни. Королева хотѣла похоронить тѣло философа между королевскими могилами, но религіозныя соображенія тому воспрепятствовали. Декартъ былъ скромно похороненъ на католическомъ кладбищѣ. Надъ могилой былъ поставленъ памятникъ.

Считаемъ не лишнимъ привести сдѣланныя на немъ надписи, выражающія въ сжатой формѣ восторженную оцѣнку преданныхъ современниковъ.

На одной сторонѣ значилось (Baillet, II, 430).

Renatus Des-Cartes, Perronii Dominus etc.
Ex antiqua et nobili inter Armoricos et Pictones gente
In Gallia natus

Библиотека "Руниверс"

Accepta quantacumque in scholis tradebatur eruditione
Expectatione sua votisque minore,
Ad militiam per Germaniam et Pannoniam adolescens profectus
Et in otiis hibernis naturae mysteria componens cum legibus matheseos
Utriusque arcana eâdem clavi reserari posse
Ausus est sperare;
Et omissis fortuitorum studiis
In villula solitarius prope Egmondam in Hollandiâ
Assidua viginti circiter annorum meditatione auso potitus est.
Hinc orbi toto celeberrimus
A Rege suo conditionibus honorificis evocatus,
Redierat ad contemplationis delicias;
Unde avulsus admiratione Maximae Reginae
Quae quidquid ubique excelluit suum fecit
Gratissimus advenit; serio est auditus, et deflctus obiit [1]).

На другой сторонѣ стояло:

Noverint posteri
Qualis vixerit Renatus Des Cartes
Ut cujus doctrinam olim suspiciens mores imitentur.
Post instauratam a fundamentis philosophiam,
Apertam ad penetralia naturae mortalibus viam
Novam, certam, solidam,
Hoc unum reliquit incertum:

---

[1]) Ренатъ Декартъ, господинъ Перрона и проч., изъ древняго и знатнаго между Армориками и Пиктонами рода, въ Галліи рожденный, изучивъ все, что̀ преподавалось въ школахъ, но узнавъ менѣе, чѣмъ ожидалъ и надѣялся, юношей отправился, въ военномъ званіи, черезъ Германію и Паннонію; и во время зимнихъ стояновъ, сопоставляя таинства природы съ математическими законами, тѣмъ же ключомъ отпереть тайны той и другой области дерзнулъ надѣяться. Тогда, оставивъ заботы о житейскихъ удачахъ, въ уединеніи небольшой виллы близъ Эгмонда въ Голландіи въ продолженіе двадцати почти лѣтъ предавался размышленію. Отсюда сталъ славенъ во всемъ мірѣ. Королемъ своимъ вызванный на почетнѣйшихъ условіяхъ, снова возвратился къ любимымъ размышленіямъ. Затѣмъ оторванный отъ нихъ удивленіемъ великой королевы, которая дѣлала своимъ все что̀ гдѣ-либо славилось, съ благодарностью прибылъ, часто былъ выслушиваемъ и оплаканный скончался.

Библиотека "Руниверс"

Major in eo modestia esset an scientia.
Quae vera scivit, verecundo affirmavit,
Falsa non contentionibus, sed vero admoto refutavit.
Nullius antiquorum obtectator, nemini viventium gravis,
Invidorum criminationes pugnavit innocentiâ morum;
Injuriarum negligens, amicitiae tenax.
Quod summum tandem est:
Ita per creaturarum gradus ad Creatorem est conatus,
Ut opportunus Christo Gratiae Auctori in avitâ religione quiesceret.
I nunc, viator, et cogita
Quanta fuerit Christina et qualis aula,
Cui mores isti placuerunt [1]).

Въ Голландіи была выбита медаль въ честь покойнаго. Королева Христина чрезъ нѣсколько лѣтъ отказалась отъ трона и приняла католичество. Обращеніе приписывали бесѣдамъ съ Шаню и Декартомъ.

Чрезъ шестнадцать лѣтъ, въ 1666 году, тѣло Декарта усердіемъ его друзей было перевезено во Францію. До Копенгагена везли моремъ; матросы роптали, не накликало бы несчастія присутствіе на бортѣ мертваго тѣла. Въ Копенгагенѣ тѣло пробыло три мѣсяца; гробъ задѣлали въ ящикъ, которому придали видъ обыкновенной посылки, дабы предупредить новыя проявленія суевѣрій. Тѣло было отправлено сухимъ путемъ. „Моремъ“ замѣчаетъ біографъ,“—не отправили, боясь, чтобы тѣло не попало въ руки англичанъ, между ко-

[1]) Да знаютъ потомки, каковъ былъ Ренатъ Декартъ. Пусть и несогласный съ его ученіемъ подражаетъ его нравственности. Возстановивъ съ основанія философію, открывъ смертнымъ къ проникновенію природы путь новый, вѣрный, прочный, одно оставилъ неизвѣстнымъ: скромности въ немъ было болѣе, или знанія. Что зналъ истиннымъ, то скромно утверждалъ, ложное отрицалъ, не споря и правильно доказывая; не порицалъ никого изъ древнихъ; не былъ тяжелъ никому изъ живыхъ; завистниковъ обличалъ чистотою нравовъ, не обращалъ вниманія на несправедливости, свято хранилъ дружбу. И что главное: такъ по ступенямъ тварей стремился къ Творцу, что нашелъ покой въ религіи предковъ чрезъ Христа, источника благодати. Иди, путникъ, и обдумай, какова была Христина, и какова душа у той, которой понравился такой характеръ.

Библиотека "Руниверс"

торыми Декартъ уже имѣлъ безчисленное множество поклонниковъ: они не отдали бы его и воздвигли бы ему великолѣпный мавзолей въ ихъ странѣ подъ предлогомъ воздвиженія храма философіи". Тѣло прибыло во Францію въ январѣ 1667 года и поставлено въ церкви святаго Павла, откуда 24-го іюня, вечеромъ, пышнымъ поѣздомъ (между прочимъ, шло съ факелами значительное число нищихъ, одѣтыхъ заново въ память усопшаго), перенесено въ церковь св. Женевьевы, гдѣ на другой день, послѣ торжественнаго богослуженія, было предано погребенію. Отецъ Аллеманъ приготовилъ надгробное слово, но во время служенія пришелъ приказъ изъ дворца не произносить рѣчей. Картезіанская философія была въ періодѣ борьбы, и между ученымъ духовенствомъ была значительная партія, враждебно относившаяся къ успѣхамъ новаго ученія. Въ 1662 году, сочиненія Декарта были даже занесены въ Index запрещенныхъ книгъ римскою конгрегаціей для цензуры книгъ, хотя и со снисходительною отмѣткой donec corrigantur (впредь до исправленія).

IV. *Главныя сочиненія Декарта.* 1) *Discours de la méthode pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences.* Разсужденіе о методѣ написано Декартомъ по французски, издано въ первый разъ въ Лейденѣ въ 1637 году, въ одномъ томѣ съ Діоптрикою, Метеорами и Геометріею (la Dioptrique, les Météores et la Geométrie). Сочиненіе было выдано безъ имени автора.

Латинскій переводъ Разсужденія былъ сдѣланъ аббатомъ де-Курсель (abbé Étienne de Courselles) и изданъ въ 1644 году въ Амстердамѣ у Л. Эльзевира, съ именемъ автора. Книга озаглавлена: Specimina philosophae seu Dissertatio de methodo recte regendae rationis et veritatis in scientiis investigandae; *Dioptrica* et *Meteora*, ex gallico translata et ab auctore perlecta, variisque in locis emendata. 1644.

Въ Императорской публичной библіотекѣ есть какъ первое Лейденское изданіе *Разсужденія* съ приложеніями, такъ и латинское изданіе Эльзевира 1644 года. Оба изданія отпечатаны весьма тщательно, съ отчетливыми гравюрами и чертежами въ текстѣ. (Отне-

Библиотека "Руниверс"

сеніе изображеній на особые листы много портитъ внѣшнюю сторону изданія Кузена [1]).

Геометріи Декартъ придавалъ особое значеніе (см. выше стр. 366).

2) *Meditationes de prima philosophia ubi de Dei existentia et animae immortalitate.* „Размышленія“ эти изданы были въ Парижѣ въ 1641 году на латинскомъ языкѣ съ королевскою привилегіею и съ посвященіемъ богословамъ Сорбонны [2]). Въ 1647 году герцогъ де-Люинь (de Luynes) издалъ французскій переводъ сочиненія, просмотрѣнный и исправленный Декартомъ. „Размышленія“—главный метафизическій трудъ Декарта. Часть ихъ была набросана еще прежде изданія Разсужденія о методѣ. Декартъ рѣшился, вопреки заявленію своему, что не намѣренъ ничего издавать болѣе, напечатать въ 1641 году Размышленія, побуждаемый начавшимися уже нападками на его философію со стороны протестантскихъ богослововъ въ Голландіи. Декартъ хотѣлъ показать, что философія его не только не противорѣчитъ догматамъ церкви, но и указываетъ въ естественномъ свѣтѣ разума такіе доводы въ пользу основныхъ истинъ религіи — бытія Божія и безсмертія души, которые дѣлаютъ истины эти доступными не только вѣрѣ, но и разуму, и притомъ съ достовѣрностію, превышающею достовѣрность геометрическихъ доказательствъ. Сильный выводами, увѣренный, что разумъ, ведомый правильною методою, долженъ придти,—такъ какъ истина одна,—къ той же цѣли, что и вѣра, и есть орудіе вполнѣ

---

[1]) Изъ другихъ изданій *Разсужденія* съ приложеніями, сдѣланныхъ въ XVII вѣкѣ, въ Публичной Библіотекѣ находятся: латинское изданіе 1656 года, въ Амстердамѣ apud Johannem Janssonium; французское 1657 года; французское 1658 года; латинскія изданія: 1664 (въ Лондонѣ), 1692 (у Эльзевира), 1685 (въ Амстердамѣ, входящее какъ часть въ *Opera philosophica*), 1692 (въ Амстердамѣ, въ Typographia Blaviana, какъ часть *Opera phil.*), 1698 (въ Амстердамѣ, какъ часть *Opera phil.*).

[2]) „Въ печати, писалъ Декартъ отцу Мерсенну 8-го января 1641 года, слѣдуетъ, полагаю наименовать меня *Cartesius*, такъ какъ французское имя выходитъ слишкомъ грубо по латыни (à cause que le nom français est trop rude en latin“).

Библиотека "Руниверс"

доброкачественное, Декартъ говорилъ, обращаясь къ ученѣйшимъ богословамъ католической церкви, смѣлымъ философскимъ языкомъ и, оправдывая въ существѣ истины религіи, въ то же время совершалъ актъ вполнѣ свободнаго изслѣдованія, съ сознаніемъ правъ на таковое. Радуясь совпаденію заключеній, онъ видимо желалъ извлечь изъ него выгоду для свободы изслѣдованія вообще и въ особенности поставить свою философію подъ покровительство церкви. Смѣлые предшественники его на поприщѣ свободнаго изслѣдованія подверглись осужденію, преслѣдованію, сожженію. Декартъ надѣялся имѣть Римъ и Сорбонну за себя [1]) и дѣйствительно пріобрѣлъ для философіи своей не малое число приверженцевъ среди ученаго духовенства. Предупреждая возраженія объ опасностяхъ свободнаго изслѣдованія для умовъ слабыхъ и неподготовленныхъ, Декартъ, посвящая трудъ свой „деканамъ и докторамъ священнаго богословскаго факультета въ Парижѣ", издалъ его на латинскомъ языкѣ, чтобы сдѣлать доступнымъ лишь ученымъ и, прежде напечатанія, въ рукописи препроводилъ къ отцу Мерсенну, прося его передать наиболѣе компетентнымъ лицамъ и просить ихъ замѣчаній и возраженій. Эти замѣчанія Декартъ, со своими отвѣтами, напечаталъ, какъ приложеніе къ Размышленіямъ. Приложеніе объемомъ значительно превысило самое сочиненіе.

Метафизическія соображенія философа встрѣтили сильныя опроверженія, обнаруживавшія недостаточную ихъ доказательность. „Размышленія" почитаются многими главнѣйшимъ трудомъ Декарта. Но трудъ этотъ далеко нельзя признать наиболѣе совершеннымъ. Не въ метафизическихъ построеніяхъ истинная сила Декарта.

3) *Principia philosophiae*. „Начала философіи" изданы по латыни въ Амстердамѣ въ 1644 г. Сочиненіе раздѣлено на четыре части:

---

[1]) Въ письмѣ, писанномъ въ 1640 году къ неизвѣстному лицу, Декартъ выражается такъ: „Только бы я имѣлъ на своей сторонѣ Римъ и Сорбонну или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ ихъ противъ себя, я надѣюсь безъ труда одинъ справиться съ усиліями моихъ завистниковъ" (*Oeuvres*, VIII, 414).

Библиотека "Руниверс"

начала человѣческаго разумѣнія; начала матеріальныхъ вещей; о видимомъ мірѣ; о землѣ. Въ сочиненіи изложены знаменитыя физическія теоріи Декарта и его система вихрей. Изученіе „Началъ“ дало первый толчекъ генію Ньютона, по его собственному признанію.

4) Въ пятой части Разсужденія о методѣ Декартъ дѣлаетъ краткій очеркъ содержанія двухъ своихъ сочиненій, оставшихся не напечатанными при его жизни и выданныхъ Клерселье въ исправномъ французскомъ изданіи въ 1677 году. Сочиненія эти: Свѣтъ или о мірѣ (La Lumière ou du Monde) и Трактатъ о человѣкѣ (Traité de l'homme). Первое изъ нихъ было еще прежде выдано, въ 1662 году, въ Лейденѣ въ латинскомъ переводѣ Шюйля (Schuyl), а неисправное изданіе Трактата о человѣка было сдѣлано въ 1664 году.

„Міръ“ былъ написанъ и приготовленъ Декартомъ къ печати еще въ 1633 году, когда извѣстіе объ осужденіи Галилея побудило его отложить рукопись въ сторону и отказаться отъ изданія своего труда. Впослѣдствіи содержаніе сочиненія, въ переработанномъ и распространенномъ видѣ, вошло въ составъ Началъ философіи, выданныхъ въ іюлѣ 1644 года.

5) „Трактатъ„ о человѣкѣ, долженствовавшій служить продолженіемъ Міра (хотя въ изданіи 1677 года онъ предшествуетъ Міру и поставленъ какъ отдѣльное сочиненіе), начатъ былъ еще въ 1634 году. Чрезъ тринадцать лѣтъ, въ 1645 году, въ эпоху, когда Декартъ особенно усердно занимался анатоміей, онъ передѣлалъ первоначальный трактатъ и присоединилъ къ нему сочиненіе объ образованіи зародыша. Въ 1648 году занялся новою обработкою написаннаго, но издать при жизни не успѣлъ.

6) *Sur les passions de l'âme.* „О страдательныхъ состояніяхъ души“. Въ этомъ сочиненіи Декартъ, по собственному его выраженію, „желалъ изъяснять страсти души не какъ ораторъ или даже нравственный философъ, но какъ физикъ“. Предшественниковъ въ подобномъ трудѣ Декартъ не имѣлъ: „я вынужденъ“, говоритъ онъ въ первомъ параграфѣ,—„писать такъ, какъ еслибы никто до меня этого предмета не касался“. Послѣдователей онъ нашелъ лишь въ новѣйшее

Библиотека "Руниверс"

время, когда психо-физическія изслѣдованія обратили на себя вниманіе ученыхъ.

7) *Recherche de la verité par la lumière naturelle, qui à elle seule et sans le secours de la réligion ou de la philosophie détermine les opinions que doit avoir un honnête homme sur toutes les choses qui peuvent faire l'objet de ses pensées et pénetre dans les secrets des sciences les plus curieuses.*

„Исканіе истины естественнымъ свѣтомъ, который, изъ себя самого и безъ помощи религіи и философіи, опредѣляетъ мнѣнія, какія долженъ имѣть человѣкъ о всѣхъ вещахъ, могущихъ быть предметомъ его мыслей, и проникаетъ въ любопытнѣйшія тайны науки".

Сочиненіе было писано по французски, но оригиналъ утраченъ, и сохранился лишь не извѣстно кѣмъ сдѣланный латинскій переводъ; издано въ 1704 году, вмѣстѣ съ другими посмертными трудами. Отрывокъ имѣетъ форму разговора между тремя лицами: Eudoxe, Polландre и Epistémon.

8) *Régles pour la direction de l'esprit.* „Правила о направленіи ума". Изданы по латыни вмѣстѣ съ другими посмертными сочиненіями Декарта въ 1701 году. (См. выше стр. 366).

Глава II. Исходный пунктъ философіи Декарта: коренная разнородность матеріальнаго и психическаго.

I. *Актъ сомнѣнія, какъ начало размышленій Декарта.* Не много выраженій и афоризмовъ пользуются такою общею извѣстностію, какъ знаменитая формула Декарта: „cogito ergo sum". „Послѣ аксіомы перипатетиковъ: „nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu", я не знаю, говоритъ Кузенъ, философской сентенціи, которая произвела бы столько шуму въ ученомъ мірѣ, какъ знаменитое „cogito ergo sum" Декарта".

Но какъ ни важно значеніе этого положенія, было бы неточно видѣть въ немъ фундаментъ философіи Декарта. Главная цѣль Декарта не въ выводѣ достовѣрности личнаго существованія, не

Библиотека "Руниверс"

въ томъ, чтобы утвердить ego sum, а въ томъ чтобы утвердить ego sum cogitans, установить разнородность духа и матеріи и показать, что духовное бытіе, каковое и есть собственно *мое* бытіе, есть нѣчто отъ тѣлеснаго совершенно отличное. Декартъ и не выставляетъ своего афоризма, въ той формѣ, какъ онъ имъ выраженъ, краеугольнымъ камнемъ своей философіи. Въ „Размышленіяхъ" онъ даже не пользуется этою формулою, замѣняя ее болѣе простымъ выраженіемъ ego sum cogitans, je suis une chose qui pense.

Прослѣдимъ ходъ мысли Декарта, приведшій его къ заключенію о коренной разнородности матеріальнаго и психическаго, или, какъ онъ представлялъ себѣ, двухъ самостоятельныхъ субстанцій—матеріи и духа [1]).

---

[1]) Невлишне привести опредѣленіе понятія субстанція, сдѣланное Декартомъ въ отвѣтахъ на вторыя возраженія. По Декарту: „Omnis rescui inest immediate, ut in subjecto, sive per quam existit aliquid quod percipimus, hoc est aliqua proprietas, sive qualitas, sive attributum, cujus realis idea in nobis est, vocatur *substantia*". (Всякая вещь, въ коей непосредственно, какъ въ субъектѣ, пребываетъ или чрезъ которую существуетъ нѣчто, нами воспринимаемое, то-есть, нѣкоторое свойство, или качество, или аттрибутъ, реальная идея коихъ въ насъ находится, называется субстанціей). „Субстанція, говорилъ далѣе Декартъ,— въ которой непосредственно пребываетъ мысль, называется *духомъ*, *spiritus*." „Слово, прибавляетъ Декартъ, — двусмысленно, ибо его прилагаютъ иногда къ вѣтру и очень тонкимъ жидкостямъ; но не знаю болѣе подходящаго. Субстанція, которая есть непосредственный субъектъ мѣстнаго протяженія (l'extension locale) и акцидентовъ, этимъ протяженіемъ обусловливаемыхъ, каковы фигура, положеніе, движеніе и проч., называется *тѣломъ*, *corpus*... Двѣ субстанціи именуются дѣйствительно различными, если каждая можетъ существовать безъ другой". По Мальбраншу, все, что̀ можно представить себѣ отдѣльно, не мысля о другой вещи, есть субстанція („Tout ce qu'on peut concevoir seul et sans penser à autre chose, qu'on peut, dis-je, concevoir seul comme existant indépendamement de quelque autre chose ou sans que l'idée qu'on en a représente quelque autre chose, c'est assurement un être ou une substance. Et tout ce qu'on ne peut concevoir seul ou sans penser à quelque autre chose c'est une manière d'être ou une modification de substance"). „Такъ я могу", прибавляетъ Мальбраншъ,—„усматривать мою мысль, мое желаніе, мою радость, мое горе, не думая о протяженіи и даже предполагая, что протяженія совсѣмъ нѣтъ".

Библиотека "Руниверс"

Декартъ начинаетъ съ сомнѣнія. Этотъ актъ, играющій важную роль въ его философскомъ построеніи, изложенъ имъ многократно: и въ „Разсужденіи о методѣ“, и въ „Размышленіяхъ“, и въ „Началахъ философіи“, и въ „Исканіи истины“. Послѣдуемъ изложенію сдѣланному въ первомъ „Размышленіи“.

Первое размышленіе озаглавлено: „о вещахъ, въ коихъ можно сомнѣваться“. „Мы привыкли“, указываетъ Декартъ,—„довѣряться показаніямъ чувствъ, хотя и знаемъ, что чувства иногда насъ обманываютъ“. Можетъ-ли, кажется, быть что-нибудь несомнѣннѣе того, „что я здѣсь, сижу у огня, одѣтый въ халатъ, имѣя бумагу предъ собою. И неужели могу отрицать, что эти руки, это тѣло—мои? Я уподобился бы сумасшедшимъ, которыхъ мозгъ возмущенъ и помраченъ темными испареніями желчи, и которые увѣряютъ постоянно, что они короли, тогда какъ они бѣдняки; что одѣты въ золото и пурпуръ, тогда какъ они наги, или воображаютъ себя кувшинами, или что сдѣланы изъ стекла. Но вѣдь это сумасшедшіе. Не былъ-ли бы и я такимъ же безумцемъ, еслибы послѣдовалъ ихъ примѣру?

„Однако же не забуду, что я человѣкъ и, слѣдовательно, имѣю обыкновеніе спать и представлять себѣ во снѣ вещи, подобныя тѣмъ, какія сумасшедшіе представляютъ себѣ на яву, и даже иногда еще менѣе вѣроятныя. Сколько разъ случалось мнѣ грезить во снѣ, что я сижу здѣсь, одѣтый, у огня, тогда какъ я былъ, голый, въ своей постелѣ! Конечно, теперь кажется мнѣ, что не сонными глазами гляжу я на эту бумагу; что голова, которую двигаю, не отягчена сномъ; что протягиваю руку намѣренно и свободно. Такъ ясно и раздѣльно не представляется мнѣ происходящее во снѣ. Но вдумываясь, вспоминаю, что не разъ во снѣ былъ обманутъ подобными иллюзіями. Останавливаясь на этой мысли, прихожу къ твердому убѣжденію, что нѣтъ вѣрныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы точно отличать сонъ отъ бодрствованія, и такъ пораженъ такимъ заключеніемъ, что почти способенъ увѣрить себя, что сплю.

„Предположимъ же, что мы спимъ, что всѣ эти подробности, будто открываемъ глаза, двигаемъ головой, протягиваемъ руки и тому по-

Библиотека "Руниверс"

добное, суть только лживыя иллюзіи; будемъ думать, что, можетъ быть, руки наши и все тѣло совсѣмъ не таковы, какъ ихъ видимъ". Нельзя однако не признать, что вещи представляющіяся во снѣ суть какъ бы картины, образованныя по сходству съ нѣкоторыми дѣйствительными вещами. И если глаза, голова, руки суть вещи только воображаемыя, то должны быть и другія болѣе простыя и общія вещи, изъ смѣшенія которыхъ образованы эти воображаемыя. Таковы „тѣлесная природа вообще и ея протяженіе, фигура протяженныхъ вещей, ихъ количество или величина, число, мѣсто гдѣ находятся, время измѣряющее ихъ продолжительность, и т. п.... Вотъ почему мы сдѣлаемъ справедливое заключеніе, если скажемъ, что физика, астрономія, медицина и другія науки, зависящія отъ разсмотрѣнія сложныхъ вещей, сомнительны и невѣрны, тогда какъ ариѳметика, геометрія и другія науки того же рода, кои трактуютъ о вещахъ очень простыхъ и общихъ, мало заботясь, существуютъ-ли онѣ въ природѣ или нѣтъ, содержатъ въ себѣ нѣчто вѣрное и несомнѣнное. Сплю-ли я, бодрствуя-ли, два сложенные съ тремя даютъ всегда пять, и у квадрата никакъ не будетъ болѣе четырехъ сторонъ. Кажется невозможнымъ заподозрить, чтобъ истины, столь ясныя и наглядныя, заключали въ себѣ ложь или недостовѣрность".

Пріемъ, какимъ Декартъ и эти истины включаетъ въ разрядъ подлежащихъ сомнѣнію, трудно не признать весьма искусственнымъ.

„Однако", продолжаетъ онъ,—„издавна въ умѣ моемъ присутствуетъ мысль, что есть нѣкоторый Богъ, всемогущій, создавшій меня такимъ, каковъ я есмь. Почему знать, не сдѣлалъ-ли онъ такъ, что нѣтъ никакой земли, никакого неба, никакого протяженнаго тѣла, никакой фигуры, никакой величины, никакого мѣста, и что тѣмъ не менѣе я имѣю представленіе о всемъ этомъ, и все это кажется мнѣ существующимъ такъ, какъ вижу. А если сообразимъ, какъ нерѣдко многіе ошибаются въ томъ что почитаютъ наилучше себѣ извѣстнымъ, то почему я знаю, не сдѣлалъ-ли Богъ такъ, что я также ошибаюсь всякій разъ, когда складываю два съ тремя или перечисляю стороны

Библиотека "Руниверс"

квадрата, или сужу о чемъ-либо еще болѣе легкомъ, если можетъ быть что-нибудь болѣе легкое...

„Допущу же, что,—не скажу Богъ, ибо Богъ благъ и есть источникъ истины,—но нѣкоторый злой геній, столь же хитрый и лживый, сколько могущественный, употребилъ все искусство свое, чтобы меня обмануть. Пусть небо, воздухъ, земля, цвѣта, фигуры, звуки и всѣ иныя внѣшнія вещи суть только мечтанія и бредни, коими онъ пользуется, чтобы разставить сѣти моей довѣрчивости. Буду думать, что у меня нѣтъ ни рукъ, ни глазъ, ни тѣла, ни крови, никакого чувства, и что я ложно полагаю, что все это имѣю. Настойчиво стану держаться этой мысли. Если и не въ моей власти будетъ открыть истину, то по крайней мѣрѣ буду въ состояніи уберечься отъ заблужденія и подниму голову (obfirmata mente cavebo) противъ того лживаго духа, и онъ не обманетъ меня, какъ онъ ни могучъ и коваренъ. Но это тягостное и трудное дѣло. Нѣкоторая косность влечетъ меня нечувствительно къ привычкамъ жизни. Подобно тому, какъ невольникъ, наслаждавшійся во снѣ воображаемою свободой, когда начинаетъ догадываться, что свобода его есть только сонъ, боится проснуться и длитъ, по возможности, свое видѣніе, и я нечувствительно впадаю въ прежнія мои представленія и боюсь проснуться. Страшусь, что трудное бодрствованіе, которое послѣдовало бы за тишиною покоя, вмѣсто того, чтобы внести день и свѣтъ въ познаніе истины, окажется недостаточнымъ, чтобы освѣтить весь мракъ познанныхъ мною трудностей".

Этими строками Декартъ оканчиваетъ первое размышленіе и начинаетъ второе такъ:

„Размышленія, сдѣланныя вчера, наполнили умъ мой такими сомнѣніями, что отдѣлаться отъ нихъ не въ моей власти. И между тѣмъ не вижу, какъ могъ бы ихъ разрѣшить. Словно я упалъ въ глубокую воду и такъ пораженъ, что ни въ состояніи ни стать на дно, ни всплыть на поверхность. Попробую, однако, идти впередъ по пути, на какой вступилъ вчера. Отложу, какъ если бы было совершенно ложно, все, что допускаетъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе, и

Библиотека "Руниверс"

пойду впередъ, пока не найду чего-либо достовѣрнаго или по крайней мѣрѣ не приду къ достовѣрному убѣжденію, что ничего достовѣрнаго нѣтъ. Архимедъ, чтобы сдвинуть съ мѣста и перемѣстить на другое землю, требовалъ только крѣпкой и неподвижной точки опоры. Такъ и я буду имѣть право на великія надежды, если буду счастливъ найдти хотя одну вещь несомнѣнную и достовѣрную".

Въ чемъ истинный смыслъ и значеніе сомнѣнія Декарта?

Нельзя, прежде всего, не признать въ немъ акта философскаго свободомыслія, хотя самъ Декартъ, тщательно выдѣляя изъ области подлежащаго сомнѣнію истины откровенной религіи и правила нравственности, старался скорѣе умалить, чѣмъ выставить на показъ, эту сторону дѣла. Трудно не признать поставляемую имъ перегородку тонкою и искусственною, въ виду смѣлаго предпріятія искать истину помощію естественнаго свѣта. Какое, въ самомъ дѣлѣ, загражденіе можетъ быть поставлено испытующему разуму, когда онъ ставитъ, въ описываемомъ философомъ актѣ сомнѣнія, вопросомъ существованіе всего видимаго міра, не признаетъ безусловнаго значенія такихъ понятій, какъ пространство, величина, и чувствуетъ свою свободу предъ лицомъ высшей силы, еслибъ она со всѣмъ могуществомъ своимъ окружила его заблужденіями и обманомъ? Нечего удивляться, что протестанскіе богословы Голландіи, съ Воеціемъ во главѣ, враждебные философіи Декарта, выставляли и эту, по ихъ выраженію, „мнимую свободу философіи", и его желаніе искать истину естественнымъ свѣтомъ разума, какъ дерзость разума, ведущую къ невѣрію, и клеветали на философа, обвиняя его даже въ скрытомъ атеизмѣ.

Расположенные къ Декарту богословы католической церкви, напротивъ того, старались смягчить краски и истолковывали его сомнѣніе, не какъ серьезный актъ отрицанія, а какъ искусственный метафизическій пріемъ, и ставили только на видъ, что это выражено авторомъ не съ достаточною опредѣлительностію и можетъ породить недоразумѣнія. „Вы столько упражняли свой умъ на вещахъ, другимъ кажущихся темными,... что не безполезно обратить вниманіе ваше на тѣ мѣста, кои нуждаются въ болѣе полномъ изложеніи и доказатель-

Библиотека "Руниверс"

ствѣ", сказано въ возраженіяхъ (вторыя возраженія), собранныхъ отцомъ Мерсенномъ отъ разныхъ богослововъ и философовъ. Между такими мѣстами, прежде всего, упоминается о тѣхъ, кои касаются „сомнѣнія". „Припомните, что вы не серьезно же и не на самомъ дѣлѣ, а только помощію нѣкоторой фикціи ума, отбросили, на сколько могли, всѣ призраки тѣлъ (tous les fantômes des corps), чтобы придти къ заключенію, что существо ваше въ томъ, что вы мыслите". Декартъ не возражаетъ на такое опредѣленіе его сомнѣнія и только оправдываетъ, почему считалъ необходимымъ пройдти чрезъ такое состояніе сомнѣнія.

Блестящій богословъ Сорбонны Арно (Arnauld), благосклонный къ философскому ученію Декарта, обращаетъ вниманіе (четвертое возраженіе) на тѣ пункты, которые, по мнѣнію его, „могутъ остановить богослововъ". „Во-первыхъ, я опасаюсь", говоритъ Арно,—„не оскорбилъ бы нѣкоторыхъ этотъ свободный способъ философствованія, все подвергающій сомнѣнію. Даже самъ авторъ признается въ своей „Методѣ", что путь этотъ опасенъ для слабыхъ умовъ; а въ сокращеніи содержанія перваго размышленія умѣряетъ нѣсколько поводъ къ такому опасенію. Тѣмъ не менѣе, было бы, кажется мнѣ, кстати прибавить какое-либо предисловіе, гдѣ читатель былъ бы предувѣдомленъ, что всеобщее сомнѣніе не надлежитъ понимать въ серьезномъ смыслѣ, а лишь допускать съ тою цѣлью, чтобы, отложивъ на время все что̀ можетъ оставлять на себя хотя бы малѣйшее сомнѣніе или, какъ въ другомъ мѣстѣ выражается нашъ авторъ, что̀ можетъ подавать поводъ къ сомнѣнію самому гиперболическому, посмотрѣть, не найдемъ ли и послѣ этого какую-либо истину, столь прочную и вѣрную, что въ ней не въ состояніи будетъ усумниться самый упорный въ своихъ сомнѣніяхъ человѣкъ".

„Совершенно признаю", отвѣчаетъ Декартъ, — „что содержаніе перваго размышленія и даже послѣдующихъ не подходитъ ко всякаго рода умамъ и не соразмѣрно со способностями всякаго. Но не сегодняшній день я дѣлаю это заявленіе. Я дѣлалъ его и буду дѣлать при всякомъ представляющемся случаѣ. Въ этомъ и причина, почему

Библиотека "Руниверс"

не трактовалъ я этихъ предметовъ въ Разсужденіи о методѣ, написанномъ на общедоступномъ языкѣ, а сдѣлалъ это въ Размышленіяхъ, которыя, какъ я не разъ предувѣдомлялъ, должны быть читаемы только очень крѣпкими умами".

„И нельзя сказать, чтобъ я сдѣлалъ лучше, если бы воздержался писать о вещахъ, чтеніе коихъ не назначается для всѣхъ и не всякому полезно. Ибо вещи эти я считалъ столь необходимыми, что безъ нихъ, я убѣжденъ, нельзя ничего воздвигнуть прочнаго и достовѣрнаго въ философіи. Обращеніе съ огнемъ и желѣзомъ опасно для дѣтей и неосторожныхъ, но никто не думаетъ,—такъ какъ они полезны въ жизни,—чтобы слѣдовало отказаться отъ ихъ употребленія".

Философы—Гоббесъ, Гассенди—въ свою очередь возражали противъ „сомнѣнія" Декарта, стараясь ослабить его значеніе съ другой точки зрѣнія. Гоббесъ видѣлъ въ немъ старую и избитую вещь. „Уже Платонъ", замѣчаетъ Гоббесъ, „говорилъ объ этой недостовѣрности чувственныхъ вещей и многіе другіе древніе философы и до, и послѣ него; а что есть трудность различать сонъ отъ бдѣнія—это замѣтить весьма легко. Я бы желалъ, чтобы превосходный авторъ новыхъ размышленій воздержался печатать такую старину".

Декартъ отвѣчалъ, что претензій на новизну не имѣлъ, но что такое введеніе было необходимо, чтобы приготовить умы читателей къ разсмотрѣнію умственныхъ предметовъ и ихъ различенію отъ тѣлесныхъ.

Гассенди въ своемъ длинномъ, тщательно, изящно, мѣстами изысканно написанномъ возраженіи, находилъ, что мысль свою Декартъ могъ бы выразить проще, не прибѣгая къ такому искусственному пріему, какъ предположеніе обманывающаго Бога. „Что бы вы ни говорили, повѣритъ ли кто-нибудь, чтобы вы на самомъ дѣлѣ имѣли убѣжденіе, что нѣтъ ничего истиннаго во всемъ что вы когда-либо знали, и что чувства, или сонъ, или Богъ, или геній васъ непрерывно вводили въ заблужденіе. Не было ли бы достойнѣе искренности философа и рвенія къ истинѣ высказать вещь просто, чистосердечно, какъ она есть, чѣмъ прибѣгать,—какъ могутъ вамъ возра-

Библиотека "Руниверс"

зить,—къ какой-то махинаціи, сочиненію иллюзій и выдумкѣ обходовъ и новизнъ?" Декартъ съ своей стороны обвиняетъ Гассенди въ искусственности его возраженій, въ уклоненіи отъ того, чтобы понять дѣло, какъ оно есть, и въ желаніи „придать вещамъ цвѣта и румяна реторики".

Актъ сомнѣнія, описываемый Декартомъ, былъ для него не искусственнымъ оборотомъ, эффектнымъ пріемомъ изложенія, фигурою реторики, а нѣкоторымъ весьма серьезнымъ психологическимъ состояніемъ. О томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, сказанное имъ въ отвѣтъ на возраженія богослововъ, собранныя Мерсенномъ. Говоря о важности сомнѣнія, какъ перваго шага въ исканіи истины, о важности, побудившей его отдать этому предмету цѣлое размышленіе, „хотя есть не мало книгъ, написанныхъ спектиками и академиками объ этомъ предметѣ, и хотя приходилось съ неудовольствіемъ пережевывать старое мясо", Декартъ прибавляетъ: „Я желалъ бы, чтобы читатели занялись этимъ предметомъ не впродолженіи только того малаго времени, какое требуется для прочтенія моего размышленія, но отдали бы нѣсколько мѣсяцевъ или по крайней мѣрѣ нѣсколько недѣль разсмотрѣнію того, что въ этомъ размышленіи говорится, и только потомъ перешли бы далѣе". Декартъ, очевидно, самъ пережилъ подобный процессъ, который называетъ дѣломъ „тяжелымъ и труднымъ", какъ мы прочли уже въ строкахъ, коими заканчивается первое размышленіе. Отрицательный процессъ этотъ есть приготовительный актъ къ тому самоуглубленію, помощію котораго Декартъ нашелъ въ себѣ ощущеніе духовнаго бытія, почувствованное имъ какъ независимое отъ всего чувственнаго, отъ всего внѣ и кромѣ его *я* существующаго. Всеобщее сомнѣніе послужило подготовительнымъ актомъ къ самоопредѣленію и самосознанію: недѣли и мѣсяцы, упоминаемые Декартомъ, предполагаютъ, безъ сомнѣнія, не упражненіе въ отрицаніяхъ, а разборъ и критику чувственнаго познанія.

II. *Выходъ изъ акта сомнѣнія. Фактъ разнородности матеріальнаго и психическаго и Декартовы заключенія.* Наиболѣе популярное и ясное изложеніе своихъ первыхъ размышленій и заключеній Де-

Библиотека "Руниверс"

картъ сдѣлалъ въ своемъ „Исканіи истины“. Приведемъ въ сокращеніи мѣсто о сомнѣніи и переходѣ отъ сомнѣнія, какъ. опорнаго Архимедова пункта, къ идеѣ о самостоятельности духовнаго начала. Предметъ важенъ и самъ по себѣ и въ особенности для пониманія философіи Декарта.

Припомнимъ, что разговоръ въ „Исканіи истины“ ведется между тремя пріятелями: Евдоксомъ, Поліандромъ и Епистемономъ въ деревнѣ Евдокса. Евдоксъ изображаетъ самого Декарта; Епистемонъ представитель школьной учености вѣка, Поліандръ—человѣкъ жизни и практики, принадлежащій къ образованному кругу, но въ школѣ философіи не учившійся, за то обладающій значительнымъ запасомъ здраваго смысла.

На вопросъ Евдокса, какія изъ истинъ, доступныхъ познанію человѣка, самыя достовѣрныя и легко познаваемыя, Поліандръ даетъ такой отвѣтъ.

Поліандръ. Никто, полагаю, не сомнѣвается, что чувственныя вещи—подразумѣваю тѣ, что можно видѣть, осязать,—сравнительно со всѣми другими наиболѣе достовѣрны.... Я знаю, конечно, что чувства иногда насъ обманываютъ, когда они не въ добромъ порядкѣ: больному, напримѣръ, всякая пища кажется горькою; или когда имъ приходится дѣйствовать вдаль: звѣзды, напримѣръ, никакъ не кажутся намъ такой величины, какую дѣйствительно имѣютъ; или вообще когда они не дѣйствуютъ свободно, согласно со своимъ устройствомъ. Но всѣ ошибки чувствъ легко распознать, и онѣ не мѣшаютъ мнѣ быть твердо убѣжденнымъ, что я васъ вижу, что мы прогуливаемся въ саду, что солнце свѣтитъ—словомъ, что все, обыкновенно представляющееся моимъ чувствамъ, достовѣрно.

Евдоксъ... Не случалось ли вамъ, однако, видѣть меланхоликовъ, которые принимаютъ себя за сосуды, наполненные водою, или считаютъ какую-нибудь часть своего тѣла огромной величины. Они поклянутся, что видятъ это и осязаютъ именно такъ, какъ воображаютъ. Правда, тотъ обидѣлся бы, кому вы сказали бы, что доводы, на какихъ онъ основываетъ свое мнѣніе относительно чувственной достовѣрности, не многимъ основательнѣе тѣхъ, на какихъ эти сумасшедшіе основываютъ свои, ибо и тѣ, и другіе зиждутся на свидѣтельствѣ чувствъ и воображенія. Но позвольте спросить: не подвержены ли вы сну,

Библиотека "Руниверс"

какъ и всѣ люди, и не можете ли во снѣ думать, что видите меня, прогуливаетесь въ саду, что солнце свѣтитъ, словомъ, все о чемъ вы имѣете, кажется вамъ, вполнѣ ясное представленіе. Развѣ вамъ неизвѣстна такъ употребительная въ старыхъ комедіяхъ форма изумленія: не во снѣ ли я это вижу? Почему можете вы быть увѣрены, что жизнь ваша не есть непрерывный сонъ, и что все познаваемое чувствами не на столько же ложно, какъ видимое во снѣ, особенно, зная, что вы созданы высшимъ существомъ, которому одинаково легко было создать васъ такимъ, какъ я себя представляю, какъ и такимъ, какимъ вы себя почитаете.

Поліандръ. Вотъ, по истинѣ, доводы, способные опрокинуть всю науку Эпистемона, если онъ остановитъ на нихъ свое вниманіе. Что меня касается, я боялся бы сойдти съ ума, если бы сталъ размышлять выше уровня моего пониманія, такъ какъ я не изучалъ наукъ и не привыкъ отвлекать умъ отъ чувственныхъ вещей.

Епистемонъ. Я также думаю, что опасно идти далѣе по этому пути. Всеобщее сомнѣніе этого рода приведетъ насъ прямо къ невѣдѣнію Сократа, или къ нерѣшительности послѣдователей Пиррона. Это какъ пучина, гдѣ нельзя ощупать дна.

Евдоксъ. Я согласенъ, что не знающій брода не долженъ безъ проводника пускаться въ эту глубину, гдѣ многіе потонули. Но, слѣдуя за мною, не бойтесь подвигаться. Страхъ этого рода помѣшалъ многимъ ученымъ пріобрѣсти достаточно прочныя и достовѣрныя знанія, которыя заслуживали бы имя науки. Вообразивъ, что ни на что не могутъ опереться такъ крѣпко, какъ на чувственныя вещи, они строили на пескѣ, вмѣсто того, чтобы порывшись глубже, найдти почву болѣе твердую. Но не будемъ здѣсь останавливаться. Если и не желаете далѣе изслѣдовать доводы, высказанные мною, во всякомъ случаѣ они произведутъ свое дѣйствіе. Цѣль моя будетъ достигнута, если они достаточно поразятъ ваше воображеніе, чтобы поставить васъ на сторожѣ. Ясно, что знаніе ваше не въ такой мѣрѣ непогрѣшимо, чтобы не бояться за прочность его основанія. Доводы мои привели васъ къ общему сомнѣнію, и вы усомнились уже въ вашемъ знаніи. Значитъ, я достигъ цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы опрокинуть ваше знаніе, сдѣлавъ его сомнительнымъ. Но, опасаясь, чтобы вы не потеряли бодрости и не отказались слѣдовать за мною, заявляю, что сомнѣнія, поразившія васъ страхомъ, подобны видѣніямъ и образамъ, кажущимся ночью при слабомъ и невѣрномъ свѣтѣ. Страхъ будетъ сопутствовать вамъ, если вы отъ нихъ побѣжите, но если

Библиотека "Руниверс"

приблизитесь, чтобы ощупать, найдете воздухъ и тѣнь, и впредь умъ вашъ уже не будетъ смущаться въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Поліандръ. Я побѣжденъ вашими доводами и желаю представить себѣ эти трудности съ наибольшею силою. Допущу, что вся жизнь моя была состояніемъ безумства, что всѣ эти идеи, которыя казались мнѣ пришедшими чрезъ двери чувствъ, образовались внутри меня, какъ образуются подобныя во время сна, или когда я увѣренъ, что глаза мои закрыты, уши закрыты, словомъ, ни одно изъ чувствъ не воспринимаетъ впечатлѣній. Буду сомнѣваться не только въ томъ, что вы существуете на свѣтѣ, что есть земля, солнце, но и въ томъ, что имѣю глаза, уши, тѣло, что разговариваю съ вами и вы мнѣ отвѣчаете. Словомъ, буду сомнѣваться во всемъ.

Евдоксъ. Теперь вы прекрасно подготовлены. Я именно къ тому хотѣлъ васъ привести. Теперь обратите все ваше вниманіе на послѣдствія, какія буду выводить изъ сдѣланныхъ посылокъ. Вы видите, что можете основательно сомнѣваться во всемъ, познаніе чего пріобрѣтается чрезъ чувства. Но можете ли сомнѣваться въ вашемъ сомнѣніи и оставаться въ неизвѣстности, сомнѣваетесь ли вы, или нѣтъ?... Отрицать, что сомнѣваетесь, вы не можете. Напротивъ, вполнѣ достовѣрно, что вы сомнѣваетесь; столь достовѣрно, что въ этомъ сомнѣваться вы не можете. Вѣрно также, что вы сомнѣвающійся существуете, и вѣрно опять въ такой же степени, что сомнѣваться въ этомъ вы не можете.

Поліандръ. Согласенъ съ вами. Еслибъ я не существовалъ, то не могъ бы сомнѣваться.

Евдоксъ. И такъ, вы существуете, знаете, что существуете, и знаете это потому, что сомнѣваетесь.

Поліандръ. Совершенно справедливо.

Евдоксъ ...Но вы, сомнѣвающійся во всемъ и не могущій сомнѣваться въ самомъ себѣ, кто вы такой?

Поліандръ. Отвѣтъ не труденъ, и я понимаю, почему вы выбрали меня собесѣдникомъ предпочтительнѣе предъ Епистемономъ: вы не хотѣли предлагать вопросы, на которые не было бы легко отвѣчать. И такъ, скажу: я человѣкъ.

Евдоксъ. Вы не обратили вниманія на то, о чемъ я васъ спрашиваю, и отвѣтъ вашъ, какъ ни простъ онъ кажется, ввергнетъ васъ въ очень трудные и спутанные вопросы, если хотя сколько-нибудь буду васъ разспрашивать. Дѣйствительно, еслибъ я, напримѣръ, спросилъ хоть самого Епистемона что̀ такое человѣкъ, и онъ отвѣ-

Библиотека "Руниверс"

тилъ бы мнѣ, какъ въ школахъ, что человѣкъ есть разумное животное, и кромѣ того, чтобы объяснить эти два термина, не менѣе темные какъ и первые, повелъ бы насъ по всѣмъ такъ-называемымъ метафизическимъ ступенямъ, то мы попали бы въ лабиринтъ, изъ котораго никогда не могли бы и выйдти. Ибо изъ этого вопроса рождаются два другихъ: что такое животное? что такое разумный? Если бы для объясненія, что такое животное, онъ отвѣтилъ намъ, что животное есть существо живое и чувствующее, что живое существо есть одушевленное тѣло, тѣло есть тѣлесная субстанція, то вы тотчасъ видите, что вопросы идутъ, увеличиваясь и размножаясь, какъ генеалогическое дерево. Очевидно, всѣ эти прекрасные вопросы привели бы къ простому пустословію, ничего не освѣщающему и оставляющему насъ въ первоначальномъ невѣдѣніи:...

Поліандръ. Я думалъ удовлетворить васъ, сказавъ, что я человѣкъ. Признаю, что отвѣтъ мой не былъ хорошо расчитанъ, ибо онъ не удовлетворилъ васъ. Откровенно говоря, онъ теперь и меня не удовлетворяетъ, особенно, если подумать о тѣхъ затрудненіяхъ и неясностяхъ, къ какимъ онъ поведетъ насъ, если захотимъ его расчленить и понять. Дѣйствительно, что ни говорилъ бы Епистемонъ, я нахожу много темнаго въ этихъ метафизическихъ ступеняхъ. Если говорятъ, напримѣръ, что тѣло есть тѣлесная субстанція, не опредѣливъ въ то же время, что̀ такое тѣлесная субстанція, эти два слова не сдѣлаютъ насъ болѣе свѣдущими, чѣмъ одно слово тѣло. Впрочемъ, когда я на вопросъ вашъ отвѣтилъ, что я человѣкъ, я не думалъ о всѣхъ этихъ схоластическихъ существахъ и сущностяхъ (ces êtres scolastiques), мнѣ неизвѣстныхъ, о которыхъ и не слыхалъ никогда, и которыя, полагаю, существуютъ только въ воображеніи ихъ изобрѣтателей. Я хотѣлъ говорить о вещахъ, которыя мы видимъ, осязаемъ, чувствуемъ, испытываемъ въ самихъ себѣ, словомъ—о вещахъ, которыя самый простой человѣкъ знаетъ столько же, какъ величайшій философъ въ мірѣ. Наконецъ, я хотѣлъ сказать, что я есмь нѣкоторое цѣлое, составленное изъ двухъ рукъ, двухъ ногъ, головы и другихъ частей, образующихъ то, что называется тѣломъ человѣка, каковое цѣлое питается, ходитъ, чувствуетъ, думаетъ.

Евдоксъ. Уже изъ вашего отвѣта я заключилъ, что вы не хорошо поняли мой вопросъ и отвѣтили много больше, чѣмъ сколько я спрашивалъ. Но такъ какъ вы уже помѣстили въ разрядъ сомнительнаго руки, ноги, голову и всѣ другія части, образующія машину человѣческаго тѣла, то я не хочу и спрашивать васъ о всѣхъ тѣхъ вещахъ,

Библиотека "Руниверс"

существованіе коихъ вамъ не кажется достовѣрнымъ. Скажите же, что̀ такое собственно вы, на сколько вы сомнѣваетесь. Это единственный пунктъ, о которомъ я желалъ бы васъ спросить, ибо никакого другаго вы съ достовѣрностію знать не можете.

Поліандръ. Теперь, конечно, я вижу, что ошибся въ отвѣтѣ и пошелъ дальше, чѣмъ слѣдовало, такъ какъ не хорошо схватилъ вашу мысль. Это сдѣлаетъ меня осмотрительнѣе въ будущемъ, а въ то же время заставляетъ удивляться точности вашей методы, помощію которой вы ведете насъ шагъ за шагомъ, простыми и легкими путями, къ познанію вещей, какимъ хотите насъ научить. Однако, мы можемъ назвать ошибку мою нѣкоторымъ образомъ счастливою, ибо благодаря ей, я знаю теперь, что то, что̀ я есмь, какъ сомнѣвающійся, не есть то, что̀ я зову своимъ тѣломъ. Даже болѣе, я не знаю, есть ли у меня тѣло, такъ какъ вы показали, что могу въ этомъ сомнѣваться... Однако устраненіе всѣхъ этихъ предположеній не препятствуетъ тому, чтобъ я былъ увѣренъ въ моемъ существованіи. Напротивъ, они еще болѣе укрѣпляютъ меня въ увѣренности, что я существую, и что я не тѣло. Иначе, еслибъ я (будучи тѣломъ) сомнѣвался въ моемъ тѣлѣ, я сомнѣвался бы въ самомъ себѣ, а это для меня невозможно, ибо я вполнѣ убѣжденъ, что существую и убѣжденъ на столько, что сомнѣваться въ этомъ не могу.

Евдоксъ. Вы говорите чудесно и такъ хорошо разбираете занимающій васъ вопросъ, что и я лучше не могъ бы сдѣлать. Остается, выведя васъ на путь, предоставить васъ совершенно самому себѣ. Скажу болѣе: чтобъ открывать истины, даже самыя трудныя, достаточно, по моему мнѣнію того, что̀ принято звать здравымъ смысломъ, если только онъ хорошо направленъ. И такъ какъ въ этомъ отношеніи не могу желать отъ васъ ничего болѣе, то впредь буду довольствоваться указаніемъ вамъ пути, по которому вы должны идти. Продолжайте же сами выводить слѣдствія изъ перваго принципа.

Поліандръ. Принципъ этотъ кажется мнѣ столь плодовитымъ, и столько вещей представляются мнѣ одновременно, что, думаю, мнѣ не мало труда будетъ стоить привести ихъ въ порядокъ. Уже одно предостереженіе, которое вы мнѣ дали, изслѣдовать что такое я, который сомнѣваюсь, и не смѣшивать то, что я есмь на самомъ дѣлѣ, съ тѣмъ, чѣмъ прежде мнилъ себя быть, бросило столько свѣта въ мой умъ и такъ изгнало мракъ, что при сіяніи этомъ я усматриваю въ себѣ то, чего нельзя видѣть глазомъ. Никогда не былъ я такъ твердо увѣренъ въ томъ, что обладаю тѣломъ, какъ теперь увѣренъ

Библиотека "Руниверс"

въ томъ, что въ обладаніи моемъ находится нѣчто такое, чего нельзя ощупать осязаніемъ... То, что во мнѣ сомнѣвается, не есть то, что зовемъ моимъ тѣломъ Я, какъ сомнѣвающійся, не питаюсь, не хожу; и тотъ, и другой акты не могутъ свершаться безъ тѣла. Даже болѣе, я не могу утверждать, чтобъ я, сомнѣвающійся, какъ таковой, могъ чувствовать. Ибо какъ ноги необходимы для ходьбы, такъ глаза необходимы—чтобы видѣть, уши—чтобы слышать. Но какъ я не имѣю этихъ органовъ, не имѣя тѣла, то не могу сказать, чтобъ я чувствовалъ... Такимъ образомъ, изъ всѣхъ аттрибутовъ, какіе я себѣ далъ, остается разобрать одинъ—мысль. Только одна она такой природы, что не могу отдѣлить ее отъ себя. Ибо, если достовѣрно, что я сомнѣваюсь,—а въ этомъ я усомниться не могу,—то достовѣрно и то, что я мыслю. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ сомнѣваться, какъ не мыслить опредѣленнымъ образомъ. Еслибъ я не мыслилъ, то не могъ бы знать ни того, что сомнѣваюсь, ни того, что существую. Между тѣмъ я существую и знаю, что существую, и знаю это потому, что сомнѣваюсь, то-есть, потому, слѣдовательно, что думаю. Еслибъ я на моментъ пересталъ мыслить, то пересталъ бы существовать. Такимъ образомъ, единственная вещь, какую не могу отдѣлить отъ себя, о которой съ достовѣрностью знаю, что это я, которую могу утверждать, не боясь ошибки, есть: я существо мыслящее...

Епистемонъ. Остановимся, однако. Вы говорили, что существуете. что знаете, что существуете; знаете потому, что сомнѣваетесь и мыслите. Но что такое сомнѣваться, что такое мыслить, знаете ли вы это?

Евдоксъ. Я согласенъ съ вами, Епистемонъ, что надо знать, что такое сомнѣніе, мысль, существованіе, прежде чѣмъ вполнѣ убѣдиться въ истинѣ разсужденія: я сомнѣваюсь, слѣдовательно, существую, или что то же, я мыслю, слѣдовательно, существую. Но не воображайте, что для пріобрѣтенія этихъ предварительныхъ понятій требовалось бы насиловать и мучить умъ, чтобы найдти ближайшія и существенныя отличія и изъ нихъ составить правильное опредѣленіе. Оставимъ это тѣмъ, кои хотятъ быть профессорами и держать диспуты въ школахъ. Но кто хочетъ изслѣдовать вещи самъ и судить сообразно тому, какъ ихъ понимаетъ, не можетъ быть такъ ограниченъ умомъ и лишенъ свѣта, чтобы не представить себѣ съ ясностью, если обратитъ вниманіе, что̀ такое сомнѣніе, мысль и существованіе, и нуждаться въ предварительномъ разъясненіи ихъ отличій. Есть много вещей, которыя мы только затемняемъ, желая ихъ опредѣлить. Такъ какъ онѣ очень просты и ясны, то узнать и понять ихъ нельзя

Библиотека "Руниверс"

лучше, какъ чрезъ нихъ самихъ. Одна изъ главныхъ ошибокъ въ наукахъ есть заблужденіе тѣхъ, кои хотятъ опредѣлять то что познается чрезъ непосредственное воззрѣніе, и кои не различаютъ яснаго отъ темнаго и не раздѣляютъ того что заслуживаетъ опредѣленія, отъ того что познается непосредственнымъ воззрѣніемъ. А между вещами на столько ясными, что онѣ познаются чрезъ нихъ самихъ, надлежитъ помѣстить сомнѣніе, мысль и существованіе.

Не думаю, чтобы былъ такой тупой человѣкъ, который нуждался бы быть наученнымъ что̀ такое существованіе, прежде чѣмъ быть въ состояніи заключить и утверждать, что онъ существуетъ. Прибавлю, что такія вещи и познать нельзя иначе какъ самому, чрезъ собственный опытъ и чрезъ то внутреннее свидѣтельство, какое человѣкъ находитъ въ себѣ, когда преслѣдуетъ какое либо наблюденіе. Подобно тому, какъ было бы безполезно опредѣлять что такое бѣлый цвѣтъ, дабы дать уразумѣть это слѣпому, тогда какъ намъ достаточно открыть глаза и посмотрѣть на бѣлый цвѣтъ — достаточно сомнѣваться и мыслить, чтобы знать, что такое есть сомнѣніе и мысль...

Вчитываясь въ приведенный разговоръ, не трудно видѣть, что кульминаціонный пунктъ всего разсужденія находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ Поліандръ, изображающій собою умъ, отданный указаніямъ естественнаго свѣта, чувствуетъ себя озареннымъ представившеюся ему идеей и съ горячностію высказываетъ, какая перспектива новыхъ понятій и заключеній открылась его умственному взгляду, когда онъ уразумѣлъ самостоятельность своего духовнаго начала.

Но что̀ же именно привело въ энтузіазмъ Поліандра, въ чемъ почувствовалъ онъ внутреннее озареніе?

Для яснаго пониманія философіи Декарта должно ни на минуту не упускать изъ виду, что ходъ его разсужденій не есть діалектическій и диспутный, роющійся въ глубинахъ тонкихъ оттѣнковъ даннаго запаса понятій и разбирающійся въ ихъ сложныхъ сплетеніяхъ, но остающійся безъ поступленія впередъ. Путь Декарта есть путь естествоиспытателя. Тѣ истины,—на его по крайней мѣрѣ взглядъ,—какія удалось ему найдти чрезъ описанный имъ процессъ самоуглубленія, являлись ему въ той же силѣ и томъ же значеніи, какъ факты, открываемые наблюдателемъ природы. Это было для него нѣчто по-

Библиотека "Руниверс"

добное тому, какъ усмотрѣть новую здѣзду, открыть Америку. Философское изложеніе Декарта есть описаніе психологическихъ состояній, чрезъ которыя онъ проходилъ въ своемъ исканіи истины помощію весьма грандіознаго психологическаго опыта. Декартъ выставляетъ его какъ свой личный опытъ, но это былъ опытъ человѣческой мысли вообще, въ эпоху ея великаго пробужденія послѣ многовѣковой несамостоятельности.

Это былъ опытъ самоуглубленія, но самоуглубленіе Декарта не было только забвеніемъ чувственныхъ условій бытія, погруженіемъ въ безконечный покой Нирваны. Это было дѣятельное исканіе въ себѣ чего-либо независимаго отъ формы и условій тѣлеснаго существованія. Идея, озарившая умъ въ процессѣ такого исканія, была: то, что составляетъ мое духовное существо, мое *я*, toto genere отлично отъ моего тѣла и отъ всей внѣшней природы и выражается въ актѣ сознанія, цѣлою пропастію отдѣленнаго отъ явленій тѣлеснаго свойства. Между матеріей съ ея протяженіемъ, частицами, движеніемъ,—и сознаніемъ нѣтъ никакого перехода; сознаніе есть явленіе совершенно инаго порядка, въ существѣ разнородное съ матеріей.

Такова была идея, имѣющая и нынѣ огромное значеніе.

Эта идея коренной разнородности и несоизмѣримости явленій матеріальныхъ и явленій сознанія,—одна изъ основныхъ нынѣ философскихъ идей,—покойнымъ профессоромъ П. Д. Юркевичемъ въ сочиненіи „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“ (помѣщенномъ въ 1860 г. въ *Трудахъ Кіевской духовной академіи*) высказана въ слѣдующихъ выраженіяхъ, которыя доставляю себѣ удовольствіе привести здѣсь: „Кажется, ясно, что мысль не имѣетъ пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія; не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса; не имѣетъ ни тяжести, ни температуры. Физіологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи онъ узнаётъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти двѣ величины, то-есть, предметы внѣшняго и внутренняго опыта, суть, какъ говорятъ психологи, несоизмѣримыя. Физіологъ будетъ на-

Библиотека "Руниверс"

блюдать самыя сложныя движенія нервовъ, но все же эти движенія, какъ они существуютъ для внѣшняго опыта, то-есть, пока они суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущенія, представленія и мысли. Если говорятъ, что движеніе нерва *превращается* въ ощущеніе, то здѣсь всегда обходятъ того дѣятеля, который обладаетъ этою чудесною *превращающею* силой или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва, а само движеніе, какъ понятно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ-либо другимъ, кромѣ движенія". Эти слова могутъ служить хорошимъ комментаріемъ къ идеѣ коренной разнородности духовнаго и тѣлеснаго, провозглашенной впервые Декартомъ. Нынѣ идею эту встрѣчаемъ въ разсужденіяхъ ученыхъ, стоящихъ въ первыхъ рядахъ современныхъ естествоиспытателей. „Какая есть", спрашиваетъ Дю-Буа Реймонъ, — „мысленная связь между, съ одной стороны, опредѣленными движеніями опредѣленныхъ атомовъ въ моемъ мозгу и, съ другой,—фактомъ, первичнымъ для меня, не подлежащимъ дальнѣйшему опредѣленію и несомнѣннымъ: я чувствую боль, удовольствіе, ощущаю сладкій вкусъ, обоняю запахъ розы, слышу звукъ органа, вижу красный цвѣтъ, и непосредственно слѣдующею изъ него увѣренностью: и такъ, я существую. Вполнѣ и навсегда непостижимо, какимъ образомъ извѣстному числу атомовъ углерода, водорода, азота, кислорода и т. д. можетъ быть небезразлично то какъ они лежатъ и двигаются, будутъ лежать и двигаться. Никоимъ образомъ нельзя прозрѣть, какъ изъ ихъ взаимодѣйствія можетъ произойдти сознаніе" [1]).

Различеніе духовнаго и тѣлеснаго дѣлалось и до Декарта, но коренная ихъ разнородность не усматривалась съ ясностію. Они разсматривались въ ихъ неразрывномъ соединеніи, вообще по тому типу,

---

[1]) *Uber die Grenzen des Naturerkennens und die sieben Welträthsel*, zwei Vorträge von Emile du Bois Reymond. Leipzig, 1882, стр. 35. Первое чтеніе, произнесенное на съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей въ Лейпцигѣ въ 1872 году, оканчивается надѣлавшимъ шуму заключеніемъ: ignorabimus.

Библиотека "Руниверс"

какой наблюдаемъ въ себѣ. Въ каждой существующей вещи (ens),—будь то камень, солнце, цвѣтокъ, звѣрь, ангелъ, — усматривались въ смѣшеніи и свойства, принадлежащія духовной природѣ, и свойства, принадлежащія природѣ тѣлесной. Происходилъ переносъ понятій, согласно Декарту, главный источникъ ошибочныхъ сужденій. Тѣлесное представляли себѣ, какъ нѣчто грубо матеріальное, но способное, однако, имѣть стремленія, обнаруживать симпатіи, антипатіи, свидѣтельствующія о скрытомъ одушевленіи. Безтѣлесное представлялось, какъ нѣчто утонченно матеріальное, неосязаемое, но пространственное, способное являться въ измѣнчивой, но чувственно представляемой и воспринимаемой формѣ фантома, видѣнія, носящагося вѣянія, и такъ далѣе. Это отразилось въ двусмысленномъ значеніи словъ, выражающихъ одновременно и факты духовнаго бытія, и явленія вещественнаго утонченія. Примѣръ—слово esprit, spiritus и въ смыслѣ духа, и въ смыслѣ тонкой матеріи. Вмѣсто двухъ субстанцій, міръ населялся цѣлою градаціей веществъ, представлявшихся воображенію, какъ одушевленная матерія въ разныхъ формахъ ея утонченія.

Лейбницъ, вернувшійся къ идеѣ о всеобщемъ одушевленіи и принимавшій, что душа всегда имѣетъ то или другое тѣлесное облегченіе (Op. phil. ed. Erdman, въ 224, Nouv. Ess.), признавалъ, однако, вслѣдъ за Декартомъ коренную разнородность духовной и тѣлесной субстанціи. „Способность представленія (perception) и то, что отъ нея зависитъ, читаемъ въ „Монадологіи (Op., 706), необъяснимы изъ механическихъ началъ, то-есть, помощію фигуръ и движеній. Допустимъ, что есть машина такого устройства, что вслѣдствіе его она думаетъ, чувствуетъ, имѣетъ представленія, и вообразимъ ее увеличенною, съ сохраненіемъ всѣхъ размѣровъ, до такой величины, что можно въ нее войдти, какъ въ мельницу. Но, войдя внутрь, мы найдемъ тамъ множество частей, толкающихъ однѣ другія, но никогда не найдемъ чего-либо, что объяснило бы способность представленія. Потому искать этого объясненія надлежитъ въ нѣкоторой простой субстанціи, а не въ сложной или въ машинѣ“.

Въ отвѣтъ Гассенди, на возраженіе этого ученаго противъ вто-

Библиотека "Руниверс"

раго Размышленія, Декартъ поясняетъ свое понятіе о душѣ слѣдующимъ образомъ: „Имена вещамъ были даны обыкновенно людьми несвѣдущими и оттого не всегда точно соотвѣтствуютъ тому, что обозначаютъ. Но если они приняты, то мы не свободны уже мѣнять ихъ, а можемъ только исправлять ихъ значеніе, когда видимъ, что они дурно понимаются. Такъ, вслѣдствіе, быть можетъ, того, что первые авторы именъ не различали въ насъ начáло, чрезъ которое мы питаемся, растемъ и безъ мысли совершаемъ всѣ отправленія, общія намъ съ животными, отъ начала, чрезъ которое мы мыслимъ; они то и другое назвали общимъ именемъ души. Но, видя потомъ, что мысль отличается отъ питанія, назвали именемъ духа (esprit, spiritus) ту вещь, которая имѣетъ въ насъ способность мыслить, и думали, что это главная часть души. Однако я, обративъ вниманіе на то, что начало, чрезъ которое мы питаемся, совершенно отлично отъ того, чрезъ которое мы мыслимъ, сказалъ, что имя душа, принятое въ значеніи совокупности того и другаго, двусмысленно, и, чтобъ оно обозначало первый актъ или главную форму человѣка (cet acte premier ou cette forme principale de l'homme), надлежитъ подъ нимъ понимать только то начало, чрезъ которое мы мыслимъ. Потому я наичаще употребляю слово духъ (esprit), дабы избѣжать всякой двусмысленности. Ибо духъ я разсматриваю не какъ часть души, а какъ всю эту душу, которая мыслитъ". Достойно замѣчанія, что при разсмотрѣніи сравнительнаго значенія двухъ субстанцій, составляющихъ существо человѣка, вниманіе Декарта, да и многихъ философовъ послѣ него,—не было остановлено обстоятельствомъ, заслуживающимъ быть принятымъ въ соображеніе. Тѣлесная субстанція есть не только мое собственное тѣло, но и всѣ предметы это тѣло окружающіе, весь матеріальный міръ, предо мною растилающійся. Тѣло мое не можетъ существовать отдѣльно отъ окружающаго его міра. Тѣлесная субстанція такимъ образомъ одна въ мірѣ, весь этотъ міръ, вся безграничная вселенная, одна общая матерія. Отдѣльныя тѣла суть ея части. Духовныхъ же субстанцій или душъ, очевидно, столько сколько отдѣльныхъ людей. Отдѣльныя духовныя субстанціи не сливаются въ единый

Библиотека "Руниверс"

духъ, какъ части матеріи сливаются въ единое море матеріи. Представленія объ общемъ духовномъ началѣ у Декарта не встрѣчаемъ. Для него духовныя субстанціи многочисленны; къ нимъ принадлежатъ: души людей, души существъ, высшихъ человѣка, и наконецъ, единый Божественный Духъ. При этомъ существованіе Божественнаго Духа необходимо, какъ заключающееся въ самой идеѣ Божества. Существованіе другихъ духовныхъ субстанцій принадлежитъ къ области подлежащаго метафизическому сомнѣнію. „Что касается идей", говоритъ Декартъ въ третьемъ Размышленіи,—„представляющихъ мнѣ другихъ людей или животныхъ, или ангеловъ, то я легко понимаю, что идеи эти могли быть образованы чрезъ смѣшеніе идей, какія я имѣю о тѣлесныхъ вещахъ и о Богѣ, хотя бы внѣ меня въ мірѣ не было ни другихъ людей, ни животныхъ, ни ангеловъ".

III. *Построенная на фактѣ разнородности матеріальнаго и психическаго декартова система двухъ субстанцій.* Мы раздѣлили въ сужденіяхъ Декарта усмотрѣнный имъ фактъ разнородности матеріальнаго и психическаго отъ заключеній, имъ изъ этого факта выведенныхъ. У самого Декарта такого раздѣленія нѣтъ. Утвержденіе факта немедленно переходитъ въ построеніе теоріи. Явленіе сознанія, при усмотрѣнной существенной разнородности съ матеріей было для Декарта прямымъ, непосредственнымъ свидѣтельствомъ, что есть нѣкоторая независимая отъ матеріи самостоятельная субстанція для которой сознаніе или „мысль" [1]), по терминологіи Декарта, есть качество или

[1]) „Подъ словомъ мыслить", поясняетъ Декартъ въ Началахъ (L. I, § 9), „я разумѣю все, что происходитъ въ насъ такъ, что мы сознаемъ это непосредственно въ себѣ (omnia quae nobis consciis in nobis fiunt quatenus eorum in nobis conscientia est; tout ce que se fait en nous de telle sorte que nous l'apercevons immédiatement par nous-même). Потому не только понимать, хотѣть, воображать, значитъ мыслить, но и чувствовать значитъ тоже мыслить. Ибо если скажу: я вижу, я хожу, слѣдовательно, я есмь, и буду разумѣть зрѣніе или хожденіе, какъ акты эти свершаются тѣломъ, то заключеніе не будетъ абсолютно достовѣрно, ибо часто я могу думать, что вижу, хожу, тогда какъ не открывалъ глазъ и не двигался съ мѣста,—какъ это случается во снѣ и могло бы, можетъ

Библиотека "Руниверс"

аттрибутъ. Фактъ и заключеніе сливаются въ афоризмѣ cogito ergo sum. Эта поспѣшность заключенія вызвала многочисленныя возраженія уже у современниковъ Декарта, а впослѣдствіи Лихтенбергъ [1]) остроумно характеризовалъ его словами: „надо бы сказать: думается (es denkt), какъ говорятъ es blitzt. Сказать cogito уже слишкомъ, если перевести это cogito чрезъ *я* мыслю. Принимать *я*, постулировать *я* вызывается практическою потребностію (Das Ich anzunehmen, zu postuliren ist praktisches Bedürfniss)".

Въ возраженіяхъ, собранныхъ Мерсенномъ, отъ нѣкоторыхъ богослововъ и философовъ (вторыя возраженія) читаемъ:

„Вы знаете, что вы вещь, которая мыслитъ; но вы еще не знаете что́ такое есть вещь, которая мыслитъ. Почему знаете вы, не есть ли вещь эта тѣло, которое различными движеніями своими и столкновеніями производитъ то дѣйствіе, которое мы называемъ мыслію. Хотя вы и думаете, что отбросили все тѣлесное, вы могли, однако, ошибиться и не отбросили себя, будучи, можетъ быть, тѣломъ. Какъ доказываете вы, что тѣло не можетъ мыслить, и что тѣлесныя движенія не суть сама мысль? И почему система вашего тѣла, которую, кажется вамъ, вы отбросили, и часть ея, напримѣръ, мозгъ, не могутъ произвесть тотъ родъ движеній, который мы зовемъ мыслію? Я — говорите вы — вещь, которая мыслитъ; но почему знаете вы, не тѣлесное ли вы движеніе или движимое тѣло?"

Декартъ отвѣчаетъ, что во второмъ размышленіи, на которое направлено возраженіе, онъ и не рѣшалъ еще вопроса, можетъ ли тѣло мыслить, и не оно ли есть та субстанція, которая мыслитъ. О вопросѣ этомъ прибавляетъ Декартъ, говорится въ шестомъ размышленіи, гдѣ заключеніе это сдѣлано въ формѣ силлогизма, большая по-

---

быть, произойдти со мною, еслибъ я даже не имѣлъ никакого тѣла. Но если разумѣю подъ этимъ актъ ощущенія или сознаніе, что я вижу или что я хожу, на сколько актъ этотъ относится къ душѣ, которая одна чувствуетъ или думаетъ, что свершается видѣніе или хожденіе, то заключеніе вполнѣ вѣрно".

[1]) См. A. Lange, Gesch. d. Materialismus. I, 229.

Библиотека "Руниверс"

сылка котораго есть: „если я могу ясно и раздѣльно представить себѣ одну вещь безъ другой, то этого достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что эти двѣ вещи раздѣлены и различны между собою". „Хотя я имѣю", продолжаетъ Декартъ,—„тѣло, тѣснѣйше со мною соединенное, однако же такъ какъ, съ одной стороны, у меня есть ясная и раздѣльная идея о самомъ себѣ, какъ о вещи мыслящей, а не протяженной, а съ другой—ясная и раздѣльная идея о тѣлѣ, какъ о вещи исключительно протяженной и не мыслящей, то достовѣрно, что я, то-есть, мой духъ или душа, чрезъ которую я есмь то что есмь, вполнѣ и подлинно отличны отъ тѣла, и она можетъ существовать безъ него. Къ этому легко прибавить: то что мыслитъ есть духъ или именуется духомъ. Но такъ какъ тѣло и духъ реально различны между собою, и никакое тѣло не есть духъ, то никакое тѣло, слѣдовательно, не можетъ мыслить".

„Я есмь вещь, которая мыслитъ: это хорошо сказано,—замѣчаетъ Гоббесъ. Ибо изъ того, что я мыслю, изъ того, что имѣю идеи—бодрствую ли, нахожусь ли во снѣ—слѣдуетъ, что я есмь мыслящій; ибо эти двѣ вещи: я мыслю и я есмь мыслящій означаютъ одно и то же. Изъ того, что я есмь мыслящій, слѣдуетъ, что я есмь, ибо то, что мыслитъ, не есть ничто. Но когда нашъ авторъ прибавляетъ: „то есть духъ, душа, пониманіе, разумъ"—то возникаетъ сомнѣніе. Ибо, не представляется мнѣ правильнымъ такой выводъ: я есмь *мыслящій*, слѣдовательно я есмь *мысль*; или—я есмь *понимающій*, слѣдовательно я есмь *пониманіе*. Совершенно такимъ же образомъ могъ бы я сказать: я есмь *прогуливающійся*, слѣдовательно я есмь *прогулка*".

Гассенди говоритъ въ свою очередь:

„Вы замѣчаете, что вы мыслите. Конечно, отрицать этого нельзя. Но вамъ остается еще доказать, что способность мыслить на столько превышаетъ тѣлесную природу, что ни тонкая матерія, именуемая животнымъ духомъ (esprits animaux), и никакое тѣло, сколь бы тонко, разжижено, чисто и подвижно ни было, не можетъ быть такъ подготовлено и пріобрѣсти такое расположеніе, чтобы получить способность мыслить. Надлежитъ также доказать, что души животныхъ не тѣ-

Библиотека "Руниверс"

лесны, ибо животныя мыслятъ или, если хотите, имѣютъ, кромѣ отправленій внѣшнихъ чувствъ, нѣкоторыя внутреннія знанія, и не только бодрствуя, но и во снѣ. Наконецъ, надлежитъ доказать, что грубое и тяжелое тѣло ни въ чемъ не содѣйствуетъ вашей мысли, и что хотя вы никогда не были безъ него и не мыслили отъ него въ отдѣльности, можете все-таки мыслить независимо отъ него и не можете быть потому воспрепятствовани парами и темными и густыми дымами, кои иногда вносятъ такое смятеніе въ мозгъ".

Въ отвѣтахъ на эти замѣчанія Декартъ дѣлаетъ свои обычныя поясненія и прибавляетъ между прочимъ: „Я не разъ весьма ясно показывалъ, что духъ можетъ дѣйствовать независимо отъ мозга, ибо достовѣрно, что мозгъ не имѣетъ никакого участія, когда дѣло идетъ объ образованіи актовъ чистаго разумѣнія, но только когда дѣло идетъ о томъ, чтобы чувствовать или воображать какую-либо вещь. Когда чувство или воображеніе сильно смятены, какъ въ случаѣ разстройства мозга, умъ не можетъ съ легкостію прилежать къ усмотрѣнію другихъ вещей. И однако мы по опыту знаемъ, что въ томъ случаѣ, когда воображеніе дѣйствуетъ не съ такою силою, мы часто усматриваемъ вещи, совершенно отличныя отъ того, что ставитъ предъ нами воображеніе. Такъ во снѣ мы иногда сознаемъ, что находимся въ состояніи соннаго видѣнія. То что представляетъ намъ сонъ есть дѣйствіе воображенія, но сознаніе того что мы спимъ—есть дѣло чистаго разумѣнія".

Далѣе, заключеніе—на основаніи разнородности явленій матеріальныхъ и психическихъ—о существованіи двухъ субстанцій, для которыхъ явленія эти служатъ аттрибутами, субстанцій отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, изъ которыхъ каждая могла бы существовать, если бы другой и не было, и которыя въ человѣкѣ соединены лишь актомъ божественнаго соизволенія, вело къ двумъ послѣдствіямъ капитальнаго значенія, предъ которыми однако не остановился Декартъ.

Если психическія явленія составляютъ исключительный аттрибутъ духовной субстанціи, то въ матеріальномъ мірѣ, со включеніемъ тѣла человѣка, психическій элементъ долженъ цѣликомъ отсутствовать. Но

Библиотека "Руниверс"

какъ же объяснить явленія, какія наблюдаемъ въ жизни животныхъ, и которыя, повидимому, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о дѣятельности психическаго характера? Слѣдуетъ ли животнымъ приписать душу въ смыслѣ духовной субстанціи, какую представляетъ собою душа человѣка? Такое допущеніе повело бы ко множеству затрудненій и нарушило бы простоту и ясность системы двухъ субстанцій. Чтобы быть послѣдовательнымъ Декартъ, не остановился предъ признаніемъ животныхъ машинами, автоматами природы.

Господствовавшее въ его эпоху между учеными мнѣніе допускало, что въ животныхъ есть душа, но ее разсматривали, какъ душу растительную и чувствующую (âme végétative et âme sensitive), въ отличіе отъ души разумной, составляющей принадлежность человѣка, самостоятельной и безсмертной. Декартъ устранилъ такую градацію духовныхъ началъ. Для него, какъ сказано, все сущее принадлежитъ или къ области матеріи, протяженной, подчиненной исключительно механическимъ законамъ (изъ коихъ главный, что тѣло не можетъ двигаться иначе какъ вслѣдствіе толчка отъ тѣла, къ нему прилежащаго и двигающагося: corpus non moveri nisi impulso a corpore contiguo et moto), или къ области духа, выражающейся въ сознательномъ актѣ воли или представленія. Никакихъ переходныхъ ступеней тутъ нѣтъ. Допустить сознаніе въ животномъ, въ системѣ Декарта, при строгомъ ея проведеніи, было бы, по замѣчанію Лейбница, равносильно или допущенію въ животныхъ безсмертной души, или признанію, что духовное начало того же порядка, какъ душа человѣка (то-есть, природу котораго составляетъ сознаніе) можетъ подлежать уничтоженію. „По общему мнѣнію говоритъ Лейбницъ (въ Considérations sur les principes de vie. Opera, ed. Dutens, 1768, гл. II, стр. 42), — „души животныхъ погибаютъ; согласно же картезіанцамъ, только человѣкъ имѣетъ душу въ истинномъ смыслѣ, и даже только онъ имѣетъ представленіе и хотѣніе,—мнѣніе съ которымъ никогда не согласятся, но въ которое картезіанцамъ пришлось броситься, ибо видѣли, что имъ придется или дать животнымъ безсмертныя души, или признать, что душа человѣка можетъ быть смертна“.

Библиотека "Руниверс"

Признаніе животныхъ автоматами надѣлало въ свое время не мало шума; многіе стали въ немъ видѣть одинъ изъ краеугольныхъ камней картезіанской философіи. „Въ каждой философской сектѣ“ пишетъ одинъ изъ критиковъ Декарта [1]), — „и въ картезіанствѣ, какъ въ другихъ, есть всегда нѣкоторый капитальный пунктъ ученія, далеко ведущій и характеризующій истинныхъ послѣдователей: въ немъ ихъ отличіе отъ другихъ философовъ, и въ особенности отъ тѣхъ индифферентовъ, которые не хотятъ принадлежать ни къ какой партіи и отовсюду берутъ то, что имъ кажется хорошаго въ каждой сектѣ, чтобы образовать философію изъ такихъ выбранныхъ кусковъ. Въ ихъ философіи есть и изъ Декарта, и изъ Гассенди, и изъ Аристотеля, все это дурно сложенное и образующее скорѣе чудовище, чѣмъ правильное философское тѣло. Такой существенный пунктъ картезіанства, какъ бы пробный камень, помощью котораго главы партіи узнаютъ вѣрныхъ учениковъ своего великаго учителя, есть ученіе объ автоматахъ, согласно которому всѣ животныя суть чистыя машины безъ всякаго чувства и знанія. У кого довольно ума или довольно упрямства, чтобы не находить никакой трудности въ этомъ парадоксѣ и чтобы признавать за доказательства эти длинныя и красивыя диссертаціи, что̀ напечатаны объ этомъ предметѣ, тотъ тотчасъ получаетъ одобреніе и удостоивается чести всюду именоваться картезіанцемъ. Этотъ одинъ пунктъ включаетъ въ себѣ или предполагаетъ всѣ начала и основанія секты... Съ нимъ нельзя не быть картезіанцемъ, безъ него нельзя быть таковымъ. Это духъ, сокъ, если смѣю такъ выразиться, чистаго картезіанства“.

Мы будемъ еще имѣть случай говорить объ этой любопытной крайности системы Декарта.

Кромѣ автоматизма животныхъ Декартъ не остановился и предъ другимъ смѣлымъ послѣдствіемъ системы. Какъ протяженіе есть неотъемлемый аттрибутъ матеріи, такъ мысль—души. Мысль на столько

---

[1]) Авторъ *Продолженія путешествія въ міръ Декарта* (*Suite des Voyages dans le Monde de Descartes*. Амстердамъ. 1620, стр. 3).

Библиотека "Руниверс"

не отдѣлима отъ души, что прекратись мысль, душа перестала бы существовать.

„Мысль", говоритъ Декартъ во второмъ Размышленіи, — „есть аттрибутъ, мнѣ принадлежащій. Онъ одинъ не можетъ быть отдѣленъ отъ меня. Я есмь, я существую. Это достовѣрно. Но сколько времени? То время пока я мыслю. И если бы было возможно, чтобъ я вполнѣ пересталъ мыслить, то въ то же время я пересталъ бы существовать".

Въ виду такого утвержденія, Гассенди въ своемъ возраженіи указывалъ, что, по теоріи Декарта, процессъ сознанія не долженъ ни на мгновеніе прерываться, и спрашивалъ его, полагаетъ ли онъ, что душа мыслитъ всегда.

„Да почему же", отвѣчаетъ Декартъ,—„ей и не мыслить всегда. если она есть субстанція, которая мыслитъ. Что удивительнаго въ томъ, что мы не вспоминаемъ мыслей, какія имѣли въ утробѣ матери или находясь въ летаргіи, когда мы часто не можемъ вспомнить мысли, какія имѣли въ зрѣломъ возрастѣ, въ здоровомъ и бодрственномъ состояніи? Причина та, что, дабы вспомнить мысли. какія умъ разъ имѣлъ, будучи соединенъ съ тѣломъ, необходимо, чтобъ остались нѣкоторые слѣды, отпечатлѣнные въ мозгу, обращая къ которымъ свою мысль, умъ могъ бы получить воспоминаніе. А что же удивительнаго, если мозгъ ребенка или человѣка. находящагося въ летаргіи, не способенъ получать такія впечатлѣнія?"

Въ одномъ изъ писемъ (Oeuvr. VIII, 296; Untatio въ 1641 г.) Декартъ подробнѣе касается того же предмета. „Не безъ основанія утверждаю я", говоритъ онъ,—„что душа человѣка, гдѣ бы ни была. всегда мыслитъ, даже въ утробѣ матери. Ибо какого болѣе очевиднаго и достовѣрнаго довода можно желать, чѣмъ данный мною, такъ какъ я доказалъ, что натура или сущность души состоитъ въ томъ. что она есть вещь, которая мыслитъ, подобно тому, какъ натура тѣла—въ томъ, что оно есть вещь протяженная, а вещь никогда нельзя лишить того, что составляетъ ея сущность. И потому, кажется мнѣ,

Библиотека "Руниверс"

не болѣе надлежитъ давать цѣны показаніямъ того, кто отрицаетъ, что душа его мыслила въ то время, относительно котораго онъ не помнитъ, чтобы замѣтилъ, что она мыслила, какъ еслибъ онъ утверждалъ, что тѣло его перестало быть протяженнымъ въ то время, когда онъ не замѣчалъ, что оно протяженно. Это не значитъ, чтобъ я думалъ, что умъ ребенка въ утробѣ матери обсуждаетъ метафизическіе предметы. Напротивъ, если только позволительно дѣлать предложеніе о вещахъ, столь мало извѣстныхъ, изъ ежедневнаго опыта мы узнаемъ, что нашъ духъ такъ соединенъ съ тѣломъ, что почти всегда страдаетъ отъ него, и хотя духъ въ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ имѣетъ нѣкоторую свободу мыслить о другихъ вещахъ, кромѣ представляемыхъ ему чувствами, такой свободы не замѣчаемъ въ больныхъ, въ спящихъ, въ дѣтяхъ, и она обыкновенно вообще тѣмъ меньше, чѣмъ меньше возрастъ. Потому вполнѣ согласно съ разумомъ думать, что духъ, новосоединенный съ тѣломъ ребенка, въ началѣ чувствуетъ или смутно замѣчаетъ лишь идеи боли, щекотанія, тепла, холода и подобныя, рождающіяся отъ соединенія или, такъ-сказать, смѣшенія духа и тѣла. Но и въ этомъ состояніи умъ его имѣетъ въ себѣ идеи божества, самого себя и всѣхъ тѣхъ истинъ, кои извѣстны сами собою, и кои взрослые имѣютъ въ себѣ, когда и не думаютъ о нихъ, ибо онѣ не пріобрѣтаются съ возрастомъ. И я не сомнѣваюсь, что, еслибъ онъ освободился отъ узъ тѣла, онъ нашелъ бы эти идеи въ себѣ. Когда духъ, соединенный съ тѣломъ, мыслитъ о какой-либо тѣлесной вещи, извѣстныя частицы мозга приходятъ въ движеніе, что происходитъ иногда отъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на органы чувствъ, иногда отъ тонкой животной матеріи (esprits animaux), восходящей отъ сердца къ мозгу, а иногда и отъ самого духа, именно, когда онъ самъ отъ себя, по собственной свободѣ, обращается къ той или другой мысли. Отъ движенія этихъ частицъ происходитъ въ мозгу слѣдъ, отъ котораго и зависитъ воспоминаніе. Что же касается предметовъ чисто умственныхъ, то собственно говоря, о нихъ не бываетъ воспоминанія, и въ первый разъ, какъ представляются они уму, онъ мыслитъ ихъ точно также, какъ во

Библиотека "Руниверс"

второй, и только то обстоятельно, что они обыкновенно соединяются или связываются съ именами, — кои суть вещь тѣлесная, — дѣлаетъ то, что и о нихъ бываетъ воспоминаніе".

Каждый актъ сознанія сопровождается, по Декарту, актомъ самосознанія. „Такъ какъ душа", говоритъ Декартъ въ письмѣ къ отцу Мерсенну, въ іюлѣ 1641 года,—„есть, какъ я показалъ, вещь, которая мыслитъ, то невозможно, чтобы мы мыслили о какой-нибудь вещи и не имѣли въ то же время идеи о нашей душѣ, какъ о вещи, способной мыслить о всемъ что мыслимо".

Глава III. Общій характеръ философіи природы Декарта. Ученіе Декарта о матеріи и о движеніи.

I. *Механическій характеръ ученія о природѣ Декарта.* Смѣло замышленная Декартомъ система двухъ независимыхъ субстанцій—матеріи и духа, повела его къ созданію двухъ великихъ философскихъ романовъ, изъ которыхъ внимательно разработанный романъ о природѣ пріобрѣлъ громадное значеніе, приводя всѣ явленія природы къ одному началу—движенію.

Философія природы Декарта зиждется на механическихъ началахъ. Ея главная задача—объясненіе явленій матеріальнаго міра, выходя изъ того положенія, что матерія есть протяженная субстанція (какъ духъ—субстанція мыслящая), и пользуясь исключительно понятіями величины, фигуры и движенія. Масса понятій схоластической философіи—субстанціальныя формы, потаенныя качества, самости, сущности, аппетиты, гармоніи и т. д.—изгонялись изъ области природы, какъ безполезный хламъ. До Декарта ученіе о природѣ было наводнено понятіями, заимствованными изъ области духовной жизни человѣка. Внутреннія человѣческія качества: влеченіе, желаніе, симпатія и антипатія, ощущеніе пріятнаго и непріятнаго и тому подобныя, цѣликомъ переносились въ область природы. Говорилось о растительной душѣ, животной душѣ, о душѣ міра, о землѣ какъ организмѣ, рождающемъ внутри себѣ тѣла, о ея движеніи при помощи фибръ,

Библиотека "Руниверс"

дѣйствующихъ какъ мускулы. Всѣ движенія и перемѣны въ матеріальномъ мірѣ объяснялись свойствомъ, характеризующимъ духовное начало—имѣть волю и представленіе.

Для Декарта вся совокупность явленій матеріальнаго міра объясняется изъ двухъ началъ: матеріи (разсматриваемой какъ мозаика частей пространства разной дробности и формы) и движенія. Вся природа, со включеніемъ растеній, животныхъ, тѣла человѣка (въ явленіяхъ, не зависящихъ отъ сознанія), есть задача механики, при разсмотрѣніи которой не требуется ничего, кромѣ того, что нужно для объясненія столкновенія двухъ тѣлъ, сообщающихъ одно другому движеніе. Съ появленіемъ перваго сочиненія Декарта, его философію природы нѣкоторые обвиняли въ томъ, что она „слишкомъ груба, ибо разсматриваетъ фигуры, величины, положеніе и движеніе частей, какъ это дѣлается въ механикѣ". Такіе критики—замѣчаетъ Декартъ—осуждаютъ „то, что я почитаю особенно заслуживающимъ похвалы. Преимущество мое предъ другими, главное достоинство которымъ могу похвалиться, есть именно мой способъ философствованія: онъ не допускаетъ ни одного довода, который не былъ бы математическимъ и очевиднымъ, и всѣ заключенія его опираются на достовѣрные опыты... Механика доселѣ есть только малая часть истинной физики, удалившаяся, не найдя мѣста у послѣдователей общепринятой философіи, къ математикамъ. И если эта часть физики осталась наиболѣе истинною и наименѣе сравнительно съ другими попорченною, то это объясняется тѣмъ, что она имѣетъ дѣло съ практикой, и тутъ всякая ошибка обыкновенно наказывается потерей издержекъ. И если мой критикъ осуждаетъ мой философскій пріемъ за то, что онъ напоминаетъ механику, то это кажется мнѣ равнозначительнымъ, какъ еслибъ осуждали его за то, что онъ истинный (*Oeuvres* VI, 348. *Réponse à quelques objections de M. Fromondus.* 1637).

Фонтенель въ своихъ остроумныхъ „Разговорахъ о множествѣ міровъ" слѣдующимъ образомъ изображаетъ характеристическія черты Декартова ученія о природѣ: „Вся философія", говоритъ онъ,—„основывается на двухъ только вещахъ: на томъ, что мы имѣемъ любо-

Библиотека "Руниверс"

пытный умъ и дурные глаза. Еслибы наши глаза были лучше, чѣмъ есть, мы увидали бы, суть ли звѣзды солнца, освѣщающія свои міры, или нѣтъ; а еслибы, съ другой стороны, мы были менѣе любопытны, то и не поинтересовались бы этимъ — что привело бы къ тому же. Но мы хотимъ знать больше, чѣмъ сколько видимъ: вотъ въ чемъ трудность... Я представляю себѣ природу обширнымъ зрѣлищемъ въ родѣ оперы. Съ вашего мѣста въ оперѣ вы не видите театра, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; декораціи и машины расположены такъ, чтобы произвести издали пріятный эффектъ; колеса и противовѣсы, помощію которыхъ производятся всѣ движенія, скрыты отъ нашего взора. Да вы вовсе и не заботитесь угадать, какъ все это приводится въ дѣйствіе. И только, быть можетъ, какой-нибудь машинистъ, притаившійся въ партерѣ, обезпокоится полетомъ, который покажется ему необыкновеннымъ, и захочетъ непремѣнно угадать, какъ полетъ этотъ исполненъ. Вы видите, что машинистъ этотъ похожъ на философа. Но относительно философовъ трудность увеличивается тѣмъ, что въ машинахъ, какія природа представляетъ нашимъ глазамъ, веревки совершенно скрыты и скрыты такъ, что не скоро можно было догадаться что производитъ движенія во вселенной. Представьте себѣ въ оперѣ мудрецовъ: Пиѳагоровъ, Платоновъ, Аристотелей, имена которыхъ нынѣ такъ громко звучатъ въ нашихъ ушахъ; положимъ, что они видятъ полетъ Фаэтона, увлекаемаго вѣтрами, не могутъ открыть веревокъ и не знаютъ расположенія театра за кулисами. Одинъ говоритъ: „Фаэтонъ увлекается нѣкіимъ скрытымъ качествомъ“. Другой: „Фаэтонъ состоитъ изъ извѣстныхъ чиселъ, которыя заставляютъ его подниматься“. Третій: „Фаэтонъ имѣетъ извѣстное влеченіе къ верху театра; ему неловко, если онъ не тамъ“. Иной: „Фаэтонъ не устроенъ для летанія, но онъ скорѣе полетитъ, чѣмъ потерпитъ пустоту вверху театра“, и сотни другихъ фантазій... Наконецъ приходятъ Декартъ и нѣкоторые изъ новыхъ и говорятъ: „Фаэтонъ поднимается, потому что его тянутъ веревки, и есть грузъ болѣе чѣмъ онъ тяжелый, который въ то же время опускается“. Такимъ образомъ, теперь не вѣрятъ болѣе, чтобы тѣло двигалось, если его не

Библиотека "Руниверс"

тянетъ что-либо, или, точнѣе, если его не толкаетъ другое тѣло; не вѣрятъ, чтобъ оно поднималось или опускалось иначе, какъ вслѣдствіе дѣйствія противовѣса или пружины; и тотъ, кто увидѣлъ бы природу, какъ она есть, увидѣлъ бы закулисную сторону театра.

— „Философія, значитъ сдѣлалась совсѣмъ механическою, замѣтила маркиза, собесѣдница Фонтенеля.

— „До того механическою, что боюсь, не стали бы этого стыдиться. Хотятъ, чтобы вселенная была въ большихъ размѣрахъ то что часы въ малыхъ, и чтобы все въ ней происходило помощію размѣренныхъ движеній, зависящихъ отъ расположенія частей. Скажите правду: не случалось ли вамъ имѣть болѣе возвышенныя идеи о вселенной и не воздавали ли вы ей болѣе чести, чѣмъ она заслуживаетъ? Я видалъ людей, которые уважаютъ ее меньше съ тѣхъ поръ какъ узнали.

— „А я напротивъ уважаю ее болѣе съ тѣхъ поръ какъ знаю что она походитъ на часы. Развѣ не поразительно, что весь порядокъ природы, какъ онъ ни удивителенъ держится на вещахъ столь простыхъ?

— „Не знаю кто внушилъ вамъ идеи столь здравыя; но онѣ встрѣчаются не часто. У столькихъ людей въ головахъ фальшивое чудесное, окутанное мракомъ. Чудесное и темное у нихъ въ особомъ почетѣ. Дивятся природѣ только потому что видятъ въ ней родъ магіи, въ которой ничего понять нельзя. Въ ихъ глазахъ вещь утрачиваетъ почетъ какъ скоро можетъ быть понята“.

II. *Устраненіе тайныхъ силъ изъ ученія о природѣ и признаніе тщеты тайныхъ наукъ.* Согласно своимъ воззрѣніямъ, Декартъ исключаетъ изъ объясненія явленій природы (въ ихъ естественномъ ходѣ) допущеніе какихъ-либо тайныхъ силъ, къ чему такъ охотно прибѣгали въ его эпоху. Алхимія, астрологія, магія, въ разныхъ видахъ имѣвшія тогда такую силу надъ умами, встрѣчали въ Декартѣ рѣшительнаго противника. Химиковъ своей эпохи, для которыхъ преобразованіе металловъ одни въ другіе и въ золото было главною задачей, онъ сравниваетъ съ человѣкомъ, который, будучи одержимъ

Библиотека "Руниверс"

безумнымъ желаніемъ отыскать кладъ, бросается по всѣмъ дорогамъ, отыскивая, не оставленъ ли гдѣ таковый какимъ-нибудь путешественникомъ: среди блужданій иногда можетъ выпасть удачная находка. Въ Правилахъ для направленія ума Декартъ сравниваетъ астрологовъ съ „человѣкомъ, который хотѣлъ бы отъ основанія зданія однимъ прыжкомъ вскочить на его вершину, не пользуясь назначенною для восхожденія лѣстницей или не замѣчая ея... „Такъ", замѣчаетъ онъ,— „поступаютъ всѣ астрологи, которые, не зная природы звѣздъ, не наблюдая даже точно ихъ движеній, считаютъ себя въ состояніи указывать ихъ дѣйствія". Какъ думалъ Декартъ объ астрологическихъ предсказаніяхъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма къ отцу Мерсенну (Oeuvr. VIII, 199), писаннаго въ январѣ 1640 года: „Гортензій, бывъ въ Италіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вздумалъ составить свой гороскопъ и сказалъ двумъ здѣшнимъ молодымъ людямъ, бывшимъ съ нимъ, что умретъ въ 1639 году, и что они недолго его переживутъ. Онъ умеръ, какъ вамъ извѣстно, въ это лѣто. Молодые люди такъ тѣмъ устрашились, что одинъ изъ нихъ уже умеръ, а другой, сынъ Гейнзіуса, впалъ въ такую слабость и такъ сталъ печаленъ, что, кажется, дѣлаетъ все возможное, чтобъ астрологія не соврала. Вотъ прелестная наука, служащая къ тому, чтобы морить людей, которые безъ нея, можетъ быть, и больны бы не были!"

Основной характеръ истолкованія явленій помощью тайныхъ силъ есть объясненіе дѣйствія помощію причины, съ этимъ дѣйствіемъ совершенно разнородной, такъ что никакого перехода между ними не усматривается: измѣненіе въ A сопровождается измѣненіемъ въ B, тогда какъ эти A и B не имѣютъ никакой посредствующей связи между собою. Ему противоположно объясненіе, въ которомъ дѣйствіе есть преобразованіе причины (напримѣръ, объясненіе нагрѣванія отъ удара переходомъ механическаго дѣйствія одной формы въ механическое дѣйствіе другой формы), гдѣ causa aequat effectum (по выраженію доктора Майера, одного изъ основателей механической теоріи тепла), между причиной и дѣйствіемъ есть явная связь, и переходъ

Библиотека "Руниверс"

можно прослѣдить. Декартъ чувствовалъ особенное удовольствіе, когда ему удавалось указать простое естественное объясненіе какому-нибудь непонятному явленію и вообще обнаружить связующій переходъ отъ причины къ дѣйствію. Когда такого перехода не усматривается, Декартъ былъ склоненъ думать, что это происходитъ отъ незнанія, а не отъ того, чтобы такого перехода не было.

Любопытно мѣсто въ Началахъ философіи (часть IV. § 187), гдѣ Декартъ усматриваетъ возможность физическаго объясненія нѣкоторыхъ удивительныхъ явленій, которыя онъ считалъ достовѣрными. Говоря объ образованіи изъ малѣйшихъ частицъ перваго элемента матеріи (по его терминологіи), тончайшихъ полосокъ необычайной подвижности, вмѣщихся въ промежуткахъ болѣе грубыхъ частицъ, то кружащихся, то съ громадною быстротой проносящихся на дальнее разстояніе, не встрѣчая сопротивленія,—Декартъ высказываетъ мысль, что, „встрѣтивъ матеріалъ, способный воспринять ихъ дѣйствіе, (эти подвижныя группы частицъ) могутъ произвести явленія совершенно рѣдкія, удивительныя: отъ нихъ можетъ происходить, что раны убитаго раскрываются при приближеніи убійцы; онѣ могутъ возбуждать воображеніе спящихъ и даже бодрствующихъ, давая мысли, увѣдомляющія о вещахъ далеко происходящихъ, заставляя чувствовать большое огорченіе или большую радость касательно близкаго друга, угадывать дурныя намѣренія убійцы и другія подобныя вещи. Наконецъ, кто захочетъ принять во вниманіе, какъ удивительны свойства магнита и огня, столь непохожія на то, что наблюдаемъ въ другихъ тѣлахъ; какое громадное пламя можетъ быть вожжено въ короткое время одною искрой, когда она падаетъ на большое количество пороха, и какая обнаруживается при этомъ сила; на какое громадное разстояніе неподвижныя звѣзды распространяютъ мгновенно свой свѣтъ, и сколько есть другихъ дѣйствій, которымъ всѣмъ я далъ здѣсь, полагаю, ясное объясненіе, не прибѣгая ни къ какимъ инымъ началамъ, кромѣ общепринатыхъ и всѣмъ извѣстныхъ, какъ-то: величины, фигуры, положенія и движенія различныхъ частей матеріи,—тотъ, думаю, будетъ имѣть достаточно основаній убѣдиться, что нѣтъ въ при-

Библиотека "Руниверс"

родѣ никакихъ столь потаенныхъ качествъ, никакихъ дѣйствій симпатіи и антипатіи, сколь ни были бы дѣйствія эти удивительны и странны, и никакихъ другихъ рѣдкостныхъ вещей (только происходили бы онѣ отъ причинъ чисто матеріальныхъ, а не отъ мыслей и свободной воли), которымъ объясненіе не могло бы быть дано помощью тѣхъ же началъ. А это заставляетъ меня заключить, что всѣ другія начала, какія когда-либо были прибавляемы къ сказаннымъ, и для введенія коихъ не было другого основанія, кромѣ того, что безъ нихъ считали невозможнымъ объяснить нѣкоторыя естественныя явленія. — совершенно излишни".

Что Декартъ считалъ достовѣрнымъ раскрытіе ранъ при приближеніи убійцы и тому подобныя явленія, нисколько, конечно, не удивительно въ эпоху, когда ученѣйшіе люди считали достовѣрными явленія въ родѣ того, о которомъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ ученыхъ [1]) спрашивалъ Декарта, а именно какимъ образомъ домовые такъ умѣютъ располагать и соединять матерію, что дѣлаются видимыми и ощутимыми колдуньямъ.

На самыя суевѣрія, коимъ не былъ чуждъ и Декартъ, какъ не чужды имъ всѣ, онъ смотрѣлъ, какъ испытатель природы, наблюдающій явленія и вынужденный допустить тайную связь явленій, потому что не можемъ ее объяснить. Вотъ что пишетъ онъ въ 1646 году, принцессѣ Елисаветѣ [2]). „Подобно тому, какъ тѣлесное здоровье и присутствіе пріятныхъ предметовъ помогаютъ уму прогонять грустныя чувства, открывая доступъ радостнымъ, такъ, наоборотъ, когда умъ полонъ радости, это много содѣйствуетъ, чтобы тѣло было здорово, и окружающіе предметы казались пріятнѣе. Я даже позволяю себѣ думать, что внутренняя радость имѣетъ какую то тайную силу, дѣлающую судьбу болѣе благопріятною. Я не написалъ бы этого кому-нибудь съ слабымъ умомъ изъ опасенія породить какое либо суевѣріе, но относительно вашего высочества опасаюсь только, не стали бы

---

[1]) *Replique de Morus à M. Descartes: Oeuvres*, X, 230.

[2]) *Oeuvres*, IX, 349.

Библиотека "Руниверс"

вы смѣяться надъ мною. видя, что становлюсь слишкомъ легковѣрнымъ. Во всякомъ случаѣ, я имѣю множество опытовъ и также авторитетъ Сократа, чтобы подтвердить мое мнѣніе. Опыты состоятъ въ томъ, что я часто замѣчалъ, что вещи, которыя я дѣлалъ съ веселымъ сердцемъ и безо всякаго внутренняго отвращенія. обыкновенно мнѣ хорошо удавались; даже въ азартныхъ играхъ, гдѣ царствуетъ одинъ случай, я всегда былъ счастливѣе, когда имѣлъ причины радоваться, чѣмъ когда были поводы къ печали. То, что обыкновенно называютъ демономъ Сократа (le génie de Socrate), было, безъ сомнѣнія, не иное, какъ то, что онъ привыкъ слѣдовать своимъ внутреннимъ влеченіямъ и думалъ, что исходъ предпринимаемаго будетъ счастливъ, когда онъ имѣлъ нѣкоторое тайное чувство радости, и напротивъ, будетъ неудаченъ, когда на сердцѣ печаль. Правда, суевѣрно было этому вѣрить, какъ дѣлалъ онъ, ибо Платонъ разсказываетъ, что онъ оставался дома всякій разъ, какъ геній не давалъ ему совѣта выходить. Но относительно дѣйствій важныхъ въ жизни, если они представляются на столько сомнительными, что благоразуміе не можетъ указать, какъ надо поступить, мнѣ кажется, есть большое основаніе слѣдовать совѣту своего генія, и полезно имѣть сильное убѣжденіе, что дѣло, предпринимаемое безъ отвращенія и со свободой. сопровождающею обыкновенно чувство радости, непремѣнно хорошо удастся".

III. *Исключеніе разсмотрѣнія конечныхъ причинъ изъ философіи природы.* „Мы не будемъ", говоритъ Декартъ въ своихъ Началахъ (Pars I, § 28, озаглавленный: „не должно испытывать, на какой конецъ Богъ сдѣлалъ то или другое, но какимъ средствомъ, пожелалъ Онъ, чтобъ это было произведено"), — „останавливаться на изслѣдованіи цѣлей, какія положилъ себѣ Богъ, создавая міръ, и совершенно удаляемъ изъ нашей философіи изысканіе конечныхъ причинъ. Мы не должны брать на себя такъ много и думать, что Богъ хотѣлъ ввести насъ въ свои совѣты. Разсматривая Его, какъ Творца всѣхъ вещей, мы постараемся только изыскать, пользуясь способностью разсужденія, какую Онъ въ насъ вложилъ,—какъ произведено то, что

Библиотека "Руниверс"

мы усматриваемъ чрезъ посредство нашихъ чувствъ. И мы увѣрены, основываясь на аттрибутахъ Его, коихъ даровалъ Онъ намъ нѣкоторое познаніе, что то, что ясно и раздѣльно усматриваемъ мы принадлежащимъ къ природѣ сихъ вещей, имѣетъ совершенство быть истиннымъ".

Въ 1688 году Робертъ Бойль (Boyle) издалъ сочиненіе A disquisition about the Final Causes of Natural things, въ которомъ возражаетъ на Декартово устраненіе конечныхъ причинъ. Въ чудесахъ человѣческаго зрѣнія, инстинкта животныхъ и вообще въ строеніи органическаго міра Бойль усматривалъ свидѣтельство приспособленности къ явственно намѣченнымъ цѣлямъ.

IV. *Ученіе Декарта о матеріи. „Ни тяжесть, ни твердость, ни цвѣтъ и т. д. не составляютъ природы тѣла, а единственно протяженіе"*. „Природа матеріи, разсуждаетъ Декартъ (Princ. II, § 5),—или тѣла вообще не можетъ состоять въ томъ, что тѣло есть вещь твердая, тяжелая, имѣющая цвѣтъ или инымъ какимъ образомъ дѣйствующая на наши чувства, но въ томъ только, что это есть субстанція, протяженная въ длину, ширину и глубину. Что касается твердости, то помощію осязанія мы узнаемъ о ней лишь только то, что части твердаго тѣла сопротивляются движенію нашей руки, когда мы ихъ встрѣчаемъ. Но еслибы всякій разъ, какъ мы приближаемъ руку, встрѣчаемое тѣло удалялось съ тою самою скоростью, съ какою приближается рука, мы никогда не ощущали бы твердости [1]); однако,

[1]) Не лишено интереса сравнить это предположеніе Декарта съ пополняющимъ его предположеніемъ Цёльнера (*Wissensch. Abhandl.* I, 31; 1878): „Достаточно сильный магнитъ, дѣйствующій на одноименный полюсъ другого магнита, находящагося въ нашей рукѣ, оказываетъ отталкивательное дѣйствіе, которое, при достаточной силѣ, возбудило бы въ насъ представленіе объ упругомъ ощутимомъ тѣлѣ, если бы мы стали приближать магнитъ въ темной комнатѣ. Наоборотъ, если бы химіи удалось приготовить прозрачное стекло того же показателя преломленія, какъ атмосферный воздухъ при обыкновенномъ давленіи, мы имѣли бы тѣло, которое ощущали бы при прикосновеніи и локализовали бы, но которое не могли бы видѣть".

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ основанія думать, что удаляющіяся такимъ образомъ тѣла потеряли бы, вслѣдствіе того, то что̀ дѣлаетъ ихъ тѣлами. Отсюда слѣдуетъ, что природа тѣлъ не состоитъ въ твердости, ощущеніе которой мы иногда испытываемъ по ихъ поводу. Она не состоитъ также въ ихъ тяжести, теплотѣ и другихъ подобнаго рода качествахъ; ибо если мы разберемъ какое угодно тѣло, мы всегда можемъ представить себѣ, что оно не имѣетъ въ себѣ никакого изъ этихъ качествъ, и въ то же время ясно и раздѣльно сознаемъ, что въ немъ есть все что̀ дѣлаетъ его тѣломъ, если только оно имѣетъ длину, ширину и глубину. Отсюда слѣдуетъ, что для бытія своего оно не имѣетъ никакой въ нихъ нужды, и что природа его состоитъ въ томъ только, что это субстанція, имѣющая протяженіе".

„Пространство или мѣсто, занимаемое тѣломъ", говоритъ далѣе Декартъ (§ 10), — „и самое тѣло, это мѣсто занимающее, различествуютъ между собою лишь въ нашей мысли. То же протяженіе, которое составляетъ пространство, составляетъ и тѣло. Разница лишь въ томъ, что мы приписываемъ тѣлу нѣкоторое частное протяженіе, которое представляемъ себѣ перемѣняющимъ мѣсто всякій разъ, какъ переносится тѣло".

Такова идея Декарта. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ, о коихъ онъ самъ выразился, что при первомъ знакомствѣ онѣ озадачиваютъ своимъ рѣзкимъ отличіемъ отъ общепринятыхъ понятій. Нашъ умъ привыкъ различать пространство отъ того, чѣмъ это пространство наполнено, и безъ чего оно было бы пустымъ. Для Декарта нѣтъ пространства пустого, то-есть, не наполненнаго матеріей: все, имѣющее протяженіе, чрезъ то самое есть тѣло.

Иначе разсуждалъ Гассенди, являясь выразителемъ общепринятаго представленія о пространствѣ. „Необозримыя пространства", говоритъ онъ [1]), — „были прежде сотворенія міра и останутся тѣми же, когда Богъ разрушитъ міръ. Актомъ чистой воли Богъ выбралъ опредѣленную область для созданія міра, оставивъ остальное простран-

[1]) Французское изложеніе ученія Гассенди сдѣланное Бернье, II, 6.

Библиотека "Руниверс"

ство пустымъ... Если бы Богъ перенесъ міръ въ другое мѣсто, пространство не послѣдовало бы за міромъ... Пространственные размѣры (dimensions spaciales) не тѣлесны и безпрепятственно взаимно проникаются съ тѣлесными. Гдѣ ни было бы тѣло, оно занимаетъ равную себѣ часть пространства, и всюду, гдѣ можно отмѣтить тѣлесные размѣры, находятся безтѣлесные, имъ соотвѣтствующіе".

Какъ пришелъ Декартъ къ рѣшительному отрицанію въ тѣлесной субстанціи чего-либо, кромѣ протяженія, и къ отожествленію пространства и матеріи, различеніе которыхъ онъ разсматриваетъ лишь какъ пріемъ размышленія?

Въ Разсужденіи о методѣ Декартъ ограничивается намекомъ, что онъ въ книгѣ, содержаніе которой пересказываетъ, „описалъ вещество и старался изобразить его такъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего, по мнѣнію моему, болѣе яснаго и понятнаго, исключая того, что сказано было мною о Богѣ и о душѣ. Я даже нарочно предполагалъ, что вещество не имѣетъ никакихъ этихъ формъ и качествъ, о коихъ спорятъ въ школахъ, и вообще ничего такого, познаніе чего не было бы въ такой мѣрѣ естественно нашей душѣ, что даже нельзя притвориться не знающимъ его".

Но въ Мірѣ онъ съ нѣкоторою подробностію поясняетъ свои идеи (Oeuvr. IV, 248). Для большей свободы сужденія онъ приглашаетъ читателя забыть о мірѣ, который находится предъ глазами, и войти „въ другой, который, говоритъ Декартъ,— „я образую въ присутствіи его, въ воображемыхъ пространствахъ".

„Взявъ свободу строить матерію по нашей фантазіи, припишемъ ей, если угодно, такую природу, которую всякій могъ бы познать въ совершенствѣ, на сколько только возможно. Для этой цѣли предположимъ, что она не имѣетъ формы ни земли, ни огня, ни воздуха, и ни какой-либо иной, болѣе частной, какъ дерева или камня, или металла; не имѣетъ качества быть теплою или холодною, сухою или влажною, легкою или тяжелою; не имѣетъ вкуса, запаха, звука, цвѣта, свѣта или иного подобнаго качества, въ природѣ котораго было бы хотя что-нибудь не познаваемое съ очевидностью всѣми и каждымъ.

Библиотека "Руниверс"

„Но не будемъ также думать, что это есть та „первоначальная матерія“ (materia prima) философовъ, которую они такъ лишили всякихъ формъ и качествъ, что не осталось ничего подлежащаго ясному пониманію. Мы будемъ разсматривать матерію, какъ дѣйствительное тѣло, совершенно твердое, равномѣрно наполняющее всѣ длины, ширины и глубины великаго пространства, среди коего мы остановили нашу мысль, такъ что каждая изъ частей этого тѣла занимаетъ часть пространства, столь соразмѣрную своей величинѣ, что не могла бы ни наполнить большей части пространства, ни сжаться въ меньшую, и не можетъ потерпѣть, чтобы, пока въ ней остается, какая-нибудь другая часть матеріи могла тамъ же имѣть мѣсто.

„Прибавимъ, что матерія эта можетъ быть раздѣлена на всяческія части, разнообразныхъ фигуръ, какія только можемъ вообразить; что каждая такая часть можетъ получить всякія движенія, какія только можемъ тоже вообразить. Предположимъ далѣе, что Богъ дѣйствительно раздѣлилъ ее на многія такія части, однѣ большія, другія меньшія, одѣвъ одной фигуры, другія другой, какъ только можемъ себѣ представить; впрочемъ, свершилъ это не такъ, чтобы отдѣлять одну отъ другой, оставляя между ними пустоту. По моей мысли, все различіе, какое онъ положилъ между сими частями, состоитъ въ различіи приданныхъ имъ движеній. Богъ сдѣлалъ такъ, что съ первой минуты созданія однѣ начали двигаться въ одну, другія въ другую сторону; однѣ быстрѣе, другія тише, и даже, если угодно, вовсе не двигаться. Движеніе это онѣ продолжаютъ по обыкновеннымъ законамъ природы. Богъ такъ удивительно установилъ эти законы, что даже если предположить, что Онъ не создалъ ничего болѣе сказаннаго и въ созданномъ не установлялъ никакого порядка и соразмѣрности, но образовалъ самый спутанный хаосъ, какой только могутъ описать поэты, законовъ этихъ достаточно, чтобы части эти сами собою распредѣлились и расположились такъ, чтобы получили форму весьма совершеннаго міра, въ которомъ можно было бы видѣть не только свѣтъ, но и всѣ другія вещи, общія и частныя, какія являются въ дѣйствительномъ мірѣ.

Библиотека "Руниверс"

„Но прежде чѣмъ буду развивать это подробнѣе, прошу васъ остановиться еще нѣсколько на разсмотрѣніи этого хаоса и замѣтить, что въ немъ нѣтъ ничего, что не было бы вамъ вполнѣ извѣстно, такъ что вы даже не въ состояніи вообразить себя не знающимъ этого. Качества, какія я вложилъ въ этотъ хаосъ,—если вы обратили на это вниманіе,—таковы, что вы могли всѣ ихъ вообразить. Что касается матеріи, изъ которой я его составилъ, то нѣтъ ничего болѣе простого и легче познаваемаго въ области неодушевленныхъ созданій. Идея ея такъ включается во всемъ, что можемъ себѣ вообразить въ этой области, что нельзя, чтобы вы не представили себѣ ее ясно, если когда-нибудь представляли себѣ что-либо воображеніемъ.

„Зная однако, какъ тонки философы и какъ умѣютъ находить трудности въ вещахъ, кажущихся совершенно ясными другимъ людямъ, и опасаясь, чтобы воспоминаніе о ихъ первоначальной матеріи, которую—они это знаютъ—не легко себѣ представить, не отвлекло ихъ отъ познанія той матеріи, о которой я говорю, считаю нужнымъ сказать имъ здѣсь, что, по мнѣнію моему, вся трудность, какую испытываютъ они относительно ихъ матеріи, происходитъ отъ того, что они хотятъ различать ее отъ ея собственнаго количества и ея внѣшняго протяженія, то-есть, отъ ея способности занимать пространство. Пусть считаютъ они это основательнымъ: я не имѣю намѣренія имъ противорѣчить. Но пусть же не считаютъ страннымъ, если я предполагаю, что количество описываемой мною матеріи столь же не отдѣлимо отъ ея сущности, какъ число отъ исчисляемыхъ предметовъ, и что я разсматриваю протяженіе матеріи, то-есть, свойство ея занимать мѣсто, не какъ ея акциденть, но какъ ея истинную форму и сущность. Они не могутъ отрицать, чтобы нельзя было съ легкостію представлять матеріи такимъ образомъ. Да мое намѣреніе и не въ томъ, чтобъ изъяснять, подобно имъ, то что происходитъ въ дѣйствительномъ мірѣ, а въ томъ, чтобы создать воображеніемъ свой міръ, въ коемъ было бы только то, что самые грубые умы могутъ съ ясностію представить себѣ, и который однако же могъ бы быть созданъ такимъ, какъ я себѣ его вообразилъ.

Библиотека "Руниверс"

„Допусти я въ этомъ воображаемомъ мірѣ малѣйшую неясность, могло бы случиться, что въ этой неясности было скрыто не замѣченное мною затрудненіе къ осуществленію, и я, не сознавая, допустилъ бы вещь невозможную. Между тѣмъ при совершенно ясномъ представленіи того, что я въ этотъ міръ вложилъ, можно съ достовѣрностію сказать, что если и нѣтъ ничего подобнаго въ старомъ мірѣ, Богъ во всякомъ случаѣ могъ бы создать таковое въ новомъ, ибо Богъ можетъ создать все, что мы въ состояніи вообразить".

Такова теорія вещества Декарта. Она приводится къ представленію о нѣкоторой однородной субстанціи, не сжимаемой и не расширяемой, насквозь наполняющей пространство, для умственнаго познанія съ нимъ тожественной. Свойство протяженія — быть дѣлимымъ на части. Матеріальный міръ есть мозаика фигурокъ, движущихся такъ, что совокупность ихъ, безъ промежутковъ, наполняетъ пространство. Въ этомъ калейдоскопѣ фигуръ и движеній всѣ явленія природы. Количество вещества данной фигуры опредѣляется исключительно ея геометрическимъ объемомъ. Въ двухъ кубическихъ футахъ всегда одинаковое количество вещества, хотя бы одинъ былъ футъ воздуха, другой футъ свинца. Ихъ различіе не въ количествѣ вещества, а въ томъ, что мозаика одного иная, чѣмъ другого.

Теорія возникла изъ стремленія устранить изъ представленія о тѣлѣ или матеріальной субстанціи все, что пріобрѣтается путемъ чувственнаго познанія. Декартъ пришелъ къ заключенію, что умственное познаніе о веществѣ, то-есть, познаніе о веществѣ, какъ оно есть само по себѣ, независимо отъ дѣйствій его на наши чувства, исчерпывается представленіемъ о немъ, какъ о чемъ-то протяженномъ. Согласно Декарту (IX, 125), идея о протяженіи находится въ числѣ первоначальныхъ понятій, врожденныхъ душѣ и не зависящихъ отъ ея соединенія съ тѣломъ. Умственное познаніе тѣлъ есть примѣненіе къ нимъ этой идеи и связанныхъ съ нею понятій фигуры и движенія. Явленія, какъ они происходятъ въ тѣлахъ независимо отъ ихъ дѣйствія на наши чувства, объясняются этими понятіями, и Декартъ чувствовалъ большое удовлетвореніе, полагая, что объясненіе ими

Библиотека "Руниверс"

вполнѣ исчерпывается. Все познаніе матеріальнаго міра для него сводится къ разсмотрѣнію фигуръ и движеній. Если въ матеріальной субстанціи и есть что-либо, кромѣ фигуры и движенія, это что-либо не имѣетъ значенія для познанія.

Декартъ предоставляетъ это что-либо философамъ, но самъ исключаетъ его изъ всякаго разсмотрѣнія и матерію, какою наполняетъ свой міръ, признаетъ имѣющею одинъ аттрибутъ—протяженіе. Другими словами, Декартъ строитъ механическую теорію вещества исключительно на основаніи понятій фигуры и движенія.

Замѣтимъ, что умственное познаніе матеріи Декартомъ понимается двояко. Матерію, говоритъ онъ,—„то-есть, протяженіе, фигуры и движенія, мы можемъ познавать (также, какъ духъ) помощію чистаго разумѣнія, но много лучше помощію разумѣнія, вспомоществуемаго воображеніемъ“ (le corps, c'est-à dire l'extension, les figures et les mouvements se peuvent aussi connaître par l'entendement seul, mais beaucoup mieux par l'entendement aidé de l'imagination; IX, 130). Какъ понимать познаніе пространства, безъ участія воображенія, чистымъ разумѣніемъ, которому философъ могъ отдавать лишь немного часовъ въ годъ, какъ выражается онъ въ письмѣ къ принцессѣ Елизаветѣ? [1]) Не слѣдуетъ-ли понимать подъ этимъ чисто аналитическое изученіе пространственныхъ отношеній, какое въ новѣйшее время породило такъ-называемую геометрію четырехъ измѣреній? „Не только длина, ширина и глубина суть измѣренія (dimensions) тѣла“, говоритъ Декартъ въ Правилахъ о направленіи разума (правило XIV),—„но и тяжесть есть измѣреніе, какимъ предметы взвѣшиваются; скорость есть измѣреніе движенія и такъ далѣе“.

V. *Отношеніе ученія Декарта о матеріи къ понятію о непроницаемости.* „Присутствіе тѣла“—читаемъ мы въ Мірѣ Декарта (Oeuvr. IV, 235),—„не всегда знаменуется тѣмъ что мы чувствуемъ. Напро-

[1]) „Je n'ai jamais employé que fort peu d'heures par jour aux pensées qui occupent l'imagination et fort peu d'heures par an à celles qui occupent l'entendement seul“.

Библиотека "Руниверс"

тивъ, мы наименѣе ощущаемъ тѣла, которыя обыкновенно насъ окружаютъ и вовсе не чувствуемъ тѣхъ, которыя всегда около насъ. Теплота сердца очень велика (такъ думалъ Декартъ), но мы не чувствуемъ ея, тяжесть нашего тѣла не мала, но не безпокоитъ насъ; мы не ощущаемъ платья, ибо привыкли носить его". Декартъ могъ бы прибавить и, конечно, прибавилъ бы, какъ наилучшій примѣръ, что мы не ощущаемъ тяжести давящаго на насъ воздуха, но ученія о давленіи воздуха еще не было въ эпоху составленія Міра.

Не только осязаемость и тѣ качества, какими тѣло дѣйствуетъ на наши чувства, но и непроницаемость въ собственномъ смыслѣ, обнаруживающаяся при занятіи однимъ тѣломъ мѣста другого, не составляетъ для Декарта сущности матеріи. Непроницаемость для Декарта есть свойство самого пространства въ смыслѣ его неистребляемости.

Анализа понятія непроницаемость Декартъ касается въ отвѣтѣ на критическія замѣчанія англійскаго ученаго Моруса (Lettre à Morus, 1649 года; Oeuvr., X. 195).

„Не лучше-ли", говоритъ Декартъ,—„опредѣлить матерію тѣмъ, что это есть субстанція непроницаемая или осязаемая (tactile)?... Но это свойство тѣла быть осязаемымъ, эта непроницаемость есть—подобно, напримѣръ, способности смѣяться въ человѣкѣ,—то что въ правилахъ логики принято называть proprium quarto modo. Это не есть истинное, существенное свойство матеріи, каковое я полагаю въ протяженіи. И какъ человѣка не опредѣляютъ смѣющееся животное, а разумное, такъ и тѣло должно опредѣлять не его непроницаемостью, а его протяженностью, тѣмъ болѣе, что свойство осязаемости и непроницаемости имѣетъ отношеніе къ частямъ и предполагаетъ въ нашемъ умѣ идею тѣла, отдѣльнаго и ограниченнаго, а мы между тѣмъ очень хорошо можемъ представить себѣ непрерывное тѣло, неопредѣленной и неограниченной величины, въ которомъ усматривается только протяженіе...

„Въ пространствѣ, сколь бы пустымъ мы его ни воображали, мы легко представляемъ себѣ различныя части опредѣленной величины и фигуры и можемъ въ воображеніи переносить ихъ однѣ на мѣсто

Библиотека "Руниверс"

не отдѣлима отъ души, что прекратись мысль, душа перестала бы существовать.

„Мысль", говоритъ Декартъ во второмъ Размышленіи, — „есть аттрибутъ, мнѣ принадлежащій. Онъ одинъ не можетъ быть отдѣленъ отъ меня. Я есмь, я существую. Это достовѣрно. Но сколько времени? То время пока я мыслю. И если бы было возможно, чтобъ я вполнѣ пересталъ мыслить, то въ то же время я пересталъ бы существовать".

Въ виду такого утвержденія, Гассенди въ своемъ возраженіи указывалъ, что, по теоріи Декарта, процессъ сознанія не долженъ ни на мгновеніе прерываться, и спрашивалъ его, полагаетъ ли онъ, что душа мыслитъ всегда.

„Да почему же", отвѣчаетъ Декартъ,—„ей и не мыслить всегда. если она есть субстанція, которая мыслитъ. Что удивительнаго въ томъ, что мы не вспоминаемъ мыслей, какія имѣли въ утробѣ матери или находясь въ летаргіи, когда мы часто не можемъ вспомнить мысли, какія имѣли въ зрѣломъ возрастѣ, въ здоровомъ и бодрственномъ состояніи? Причина та, что, дабы вспомнить мысли. какія умъ разъ имѣлъ, будучи соединенъ съ тѣломъ, необходимо, чтобъ остались нѣкоторые слѣды, отпечатлѣнные въ мозгу, обращая къ которымъ свою мысль, умъ могъ бы получить воспоминаніе. А что же удивительнаго, если мозгъ ребенка или человѣка. находящагося въ летаргіи, не способенъ получать такія впечатлѣнія?"

Въ одномъ изъ писемъ (Oeuvr. VIII, 296; Untatio въ 1641 г.) Декартъ подробнѣе касается того же предмета. „Не безъ основанія утверждаю я", говоритъ онъ,—„что душа человѣка, гдѣ бы ни была. всегда мыслитъ, даже въ утробѣ матери. Ибо какого болѣе очевиднаго и достовѣрнаго довода можно желать, чѣмъ данный мною, такъ какъ *я* доказалъ, что натура или сущность души состоитъ въ томъ. что она есть вещь, которая мыслитъ, подобно тому, какъ натура тѣла—въ томъ, что оно есть вещь протяженная, а вещь никогда нельзя лишить того, что составляетъ ея сущность. И потому, кажется мнѣ,

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

7. (26-го февраля 1896 года). Объ измѣненіяхъ въ устройствѣ Владивостокской мужской прогимназіи . . 7

8. (26-го февраля 1896 года). О переводѣ въ г. Пермь горнозаводскаго отдѣленія Красноуфимскаго промышленнаго училища и объ изданіи штатовъ сего училища и горнозаводскаго отдѣленія при Пермскомъ реальномъ училищѣ. . 8

9. (17-го марта 1896 года). О присвоеніи Клиническому институту Великой Княгини Елены Павловны наименованія „Императорскаго" 12

10. (29-го декабря 1895 года). О включеніи должности лектора русскаго языка при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ въ списокъ должностямъ, освобождающимъ отъ призыва въ войска. 56

11. (8-го апрѣля 1896 года). Объ утвержденіи рисунка и описанія форменной тужурки для студентовъ Императорскихъ университетовъ и Лицеевъ Цесаревича Николая и Демидовскаго —

Высочайшія награды по министерству народнаго просвѣщенія. 12

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

19-го марта 1896 года. 20
22-го марта 1896 года 25
2-го апрѣля 1896 года —
9-го апрѣля 1896 года —
17-го апрѣля 1896 года. 35
25-го апрѣля 1896 года. 57
1-го мая 1896 года 59
14-го мая 1896 года. —

Министерскія распоряженія.

1. (27-го февраля 1896 года) Положеніе о стипендіи имени Владиміра Антоновича Бачинскаго при Кіевской 1-й гимназіи 36

2. (29-го февраля 1896 года). Положеніе о стипендіи имени Тимоѳея Петровича Куксы при Харьковскомъ технологическомъ институтѣ. —

3. (29-го февраля 1896 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго директора Высочайше утвержденнаго товарищества мануфактуръ А. Каретниковой съ сыномъ Степана Васильевича Каретникова 37

4. (15-го марта 1896 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго подольскаго губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Павловича Баумгартена при Каменецъ-Подольской гимназіи. 38

5. (20-го марта 1896 года). Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго Ѳ. П. Плевако, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 39

Библиотека "Руниверс"

стран.

6. (20-го марта 1896 года). Положеніе о стипендіи имени генералъ-лейтенанта Михаила Андреевича Саранчова при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра . 40

7. (21-го марта 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Ростовскаго-на-Дону 1-й гильдіи купца потомственнаго почетнаго гражданина Петра Романовича Максимова при Ростовскомъ-на-Дону Петровскомъ реальномъ училищѣ 41

8. (29-го марта 1896 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Немировской гимназіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. В. Кизимовскаго. . 42

9. (10-го апрѣля 1896 года). Правила о единовременныхъ пособіяхъ имени Ѳедора Тихоновича Смирнова при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра . . 43

10. (11-го февраля 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Камергера Двора Его Императорскаго Величества, Владиміра Карловича Шлиппе при Екатеринославскомъ 3-хъ-классномъ городскомъ училищѣ . . 97

11. (2-го марта 1896 года). Положеніе о стипендіи имени дѣствительнаго статскаго совѣтника Василія Осиповича Лутковскаго при Бѣльскомъ городскомъ по положенію 1872 года училищѣ 98

12. (20-го марта 1896 года). Правила для спеціальныхъ испытаній на званія учителя и учительницы начальныхъ училищъ 99

13. (31-го марта 1896 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Семеновича Зипалова при Пятигорскомъ 3-хъ-классномъ городскомъ училищѣ. 106

14. (4-го апрѣля 1896 года). Положеніе о стипендіи имени жены коллежскаго совѣтника Элесноры-Луизы Кепиновой при 2-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи . 107

15. (12-го апрѣля 1896 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Григорьевича Лутовинова при Новгородской Николаевской женской гимназіи . 108

16. (14-го апрѣля 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны при Слободской женской прогимназіи . . 109

17. (14-го апрѣля 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича при Слободскомъ городскомъ по положенію 41-го мая 1872 г. училищѣ . . . 110

18. (20-го апрѣля 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ имени „лѣкаря Соколова въ честь восьми извѣстныхъ западно-европейскихъ философовъ“ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 111

19. (20-го апрѣля 1896 года). Положеніе о стипендіи имени пяти братьевъ Грюнинговъ при училищѣ, состоящемъ при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра въ С.-Петербургѣ . —

20. (30-го апрѣля 1896 года). Положеніе о стипендіи при Елецкой женской гимназіи имени домашней учительницы Александры Петровны Нечаевой 112

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 44 и 113

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 46 и 116.

Открытіе училищъ 49

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

В. И. Модестовъ. Образованіе римской расы и условія римскаго величія 1

Д. Н. Кудрявскій. Пріемъ почетнаго гостя по древне-индійскимъ правиламъ домашняго ритуала 28

П. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (*продолженіе*) . 61

Д. Н. Анучинъ. Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ приученіи въ Россіи . 223

Д. Ѳ. Кобеко. Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патріарховъ 270

В. Ѳ. Миллеръ. Отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ 280

Е. Ф. Шмурло. Замѣтка по вопросу о началѣ русскаго флота при Петрѣ Великомъ 327

Э. Л. Радловъ. Нѣсколько замѣчаній о философіи Н. Н. Страхова . 339

Критика и библіографія.

В. Н. Ренненкампфъ. *Н. М. Коркуновъ.* Пропорціональные выборы. С.-Пб. 1895. . . . 98

Н. Д. Чечулинъ. *Simon Askenazy.* Die letzte polnische Königswahl. Inaugural-Dissertation. Göttingen. 1894. 111

Д. П. Никольскій. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. *Ф. Мартенсъ.* Томъ XI трактаты съ Англіею. 1811—1831. С.-Пб. 1895 . 117

Е. Ѳ. Карскій. Новые труды по бѣлорусской этнографіи (за 1895 г.) . . 153

Н. Я. Новое сочиненіе по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу. . . 163

Ѳ. Ѳ. Зигель. *W. R. Morfill.* The story of Poland. New York G. P. Putnam's sons. London. T. Fisher Unwinn. 1893. 195

Библиотека "Руниверс"

стран.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. *Н. Барсукова.* Книга X. С.-Пб. 1896. 362

В. В. Бартольдъ. *Léon Cahun.* Introduction à l'histoire de l'Asie. Paris. 1896. . . 366

А. И. Соболевскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI — XIX вѣковъ. Составилъ *Д. А. Ровинскій.* Посмертное изданіе. С.-Пб. 1895 384

М. В. Довнаръ-Запольскій. Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ первый. Вильна. 1895 . 387

Книжныя новости . 216 и 389

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздкѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (*продолженіе*) 1

— Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Василія Истрина, за вторую половину 1894 года (*продолженіе*). 53

Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ) 39 и 87.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Московскій Публичный и Румянцевскій музей въ 1892—1894 годахъ 1

Пятидѣсятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго общества 1

Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1893 году. 33

А. К. Бороздинъ. А. И. Незеленовъ (*некрологъ*) 6

С. Л. Пташицкій. С. А. Бершадскій (*некрологъ*) 9

В. Д. Смирновъ. И. Н. Березинъ (*некрологъ*) 29

Д. Н. Анучинъ. А. П. Богдановъ (*некрологъ*) 58

— А. Н. Труворовъ (*некрологъ*) 35

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій. О Софоклѣ-врачѣ . 49

М. Н. Ростовцевъ. Двѣ метрическія надписи изъ Филиппополя 63

Ѳ. Г. Мищенко. Этнографія Россіи у Геродота 69

Р. Х. Лепперъ. Тридцать тирановъ. 90 и 97

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

А. О. Поспишиль. О системѣ формъ латинскаго глагола 102
М. Н. Крашенинниковъ. Varia (*продолженіе*). 127
В. В. Майковъ. Олимпійскій VII. Эпиникій Пиндара въ честь Діагора Родосскаго, побѣдителя въ кулачной борьбѣ 135

Въ приложеніи.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики. 225 и 353

Объявленія.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1896 г.

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ ШКОЛА"

Содержаніе вышедшихъ за текущій годъ нумеровъ (1—4) слѣдующее: 1) Автобіографія Николая Ивановича **Пирогова**; 2) Историческій очеркъ учрежденій для дѣтей до школьнаго возраста. **П. Ѳ. Каптерева**; 3) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. **Л. К. Модзалевскаго**; 4) Педагогическая подготовка учителей за-границей и у насъ. **Д. Д. Семенова**; 5) Ушинскій, какъ редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. **Я. Г. Гуревича**; 6) Вѣна, Цюрихъ, Женева. (Педагогическія замѣтки и впечатлѣнія). **Е. Чебышевой-Дмитріевой**; 7) Педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ г. Чикаго. **А. А. Краева**; 8) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. **А. С. Вороніуса**; 9) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. **Л. Е. Оболенскаго**; 10) Мысли о воспитаніи. **А. С. Симоновича**; 11) Мысли женщины о постановкѣ средняго женскаго образованія. **Кл. Фармаковской**; 12) Достигаютъ-ли своей цѣли городскія училища по положенію 31-го мая 1872 года? **А. Раненскаго**; 13) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. **Я. В. Абрамова**; 14) Возможно ли и нужно ли у насъ обязательное обученіе? **В. П. Вахтерова**; 15) Народныя чтенія. **Его же**; 16) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. **А. Ѳ. Гартвига**; 17) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 года. **И. П. Бѣлокопскаго**; 18) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. **И. И. Мещерскаго**; 19) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства **С. П. Бобровскаго**; 20) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. **А. И. Анастасіева**; 21) Неожиданныя темы (ихъ педагогическое достоинство и вліяніе). **Ц. П. Балталона**; 22) О гимназическомъ преподаваніи логики **Л. Руговскаго** и мн. др.; 23) **Критика и библіографія** (болѣе 40 рецензій); 24) **Педагогическая хроника** (около 100 статей и замѣтокъ по текущимъ вопросамъ, преимущественно народнаго и профессіональнаго образованія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна въ Петербургѣ—съ доставкою—**ШЕСТЬ** р. **50** коп. въ годъ, для иногородныхъ съ доставкою—**СЕМЬ** рублей; за границу—**ДЕВЯТЬ** рублей. Учителя сельскихъ выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкою въ одинъ рубль; и кромѣ того, правомъ разсрочки подписной платы. Земства, выписывающія не менѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1. гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" и Карбасникова.

За 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Книжки „Русской Школы" за май и іюнь выйдутъ одновременно около 15-го іюня.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

Библиотека "Руниверс"

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Я. Г. ГУРЕВИЧА:

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И РИМА,

(Курсъ систематическій),

составленный примѣнительно къ примѣрной программѣ для VIII класса гимназій

Я. Г. ГУРЕВИЧЕМЪ.

Изданіе шестое, С.-Пб. 1895 г. Цѣна одинъ рубль.

Удостоена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія преміи имени Петра В. и одобрена какъ руководство для учениковъ VIII класса.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Часть 3-я. Эпоха Петра Великаго.

Составлена Я. Г. Гуревичемъ.

Цѣна 2 руб. 25 коп.

Рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста

Библиотека "Руниверс"

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА".

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе пятнадцатое. 1896 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ".

(Приложительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ—въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ".

Второй годъ обученія. Изданіе шестое, безъ перемѣнъ. 1896 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЫШКО".

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое, дополненное, 1896 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"